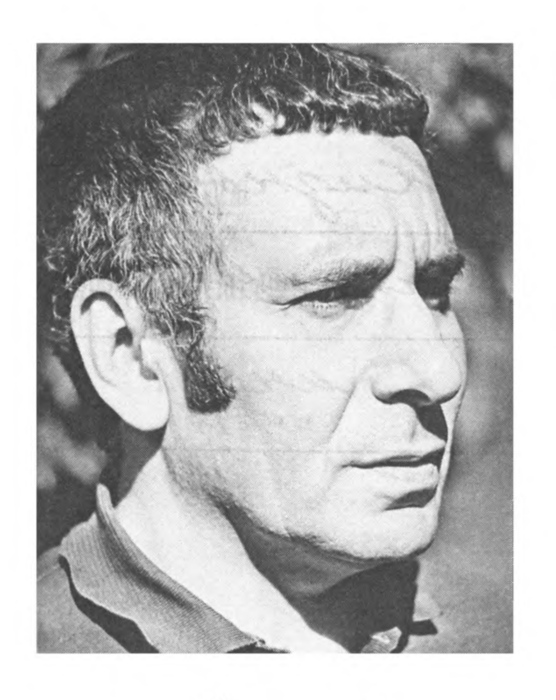
Владимир БОГОМОЛОВ

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

Владимир
БОГОМОЛОВ
«ЖИЗНЬ МОЯ,
ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ
МНЕ...»



Богомолов

Владимир БОГОМОЛОВ

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

МОСКВА/КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6/2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б70

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Дизайн Петра Бема
Подготовка архива автора к публикации – А. Чаквин

Богомолов, В.О.

Б70 «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». Роман/Владимир Осипович Богомолов; вступ. ст., составл. Р. А. Глушко. – М.: Книжный Клуб 36.6, 2012. – 880 с.

ISBN 978-5-98697-248-0

Первые черновые наброски романа «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» В.О. Богомолов сделал в начале 70-х годов, а завершить его планировал к середине 90-х. Работа над ним шла долго и трудно. Это объяснялось тем, что впервые в художественном произведении автор показывал непобедную сторону войны, которая многие десятилетия замалчивалась и была мало известна широкому кругу читателей. К сожалению, писатель-фронтовик не успел довести работу до конца.
Данное издание – полная редакция главного произведения В.О. Богомолова – подготовлено вдовой писателя Р.А. Глушко и впервые публикуется в полном виде.
Тема Великой Отечественной войны в литературе ещё долго будет востребована, потому что это было хоть и трагическое, но единственное время в истории России, когда весь народ, независимо от национальности и вероисповедания, был объединён защитой общего Отечества и своих малых родин, отстаиванием права на жизнь и свободу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98697-248-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Светлой памяти друга, учителя, мужа,
писателя Владимира Осиповича Богомолова

Роман В.О. Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», подготовленный составителем, впервые публикуется в наиболее полном виде.

Первые черновые наброски этого произведения автор сделал в начале 70-х годов, а завершить его планировал к середине 90-х.

Анонсируя предстоящее издание, В.О. Богомолов писал:

«Это будет большой роман, написанный в основном от первого лица. Несмотря на название, это отнюдь не мемуарное сочинение, не воспоминания, а, выражаясь словами В.Ходасевича, «автобиография вымышленного лица». Причём не совсем вымышленного: волею судеб я почти всегда оказывался не только в одних местах с главным героем, а и в тех же самых положениях: в шкуре большинства действующих в романе лиц я провёл целое десятилетие, а коренными прототипами основных персонажей были близко знакомые во время и после войны офицеры. В романе сохранены подлинные фамилии офицеров военного времени, с которыми я служил: П.И. Арнаутов, А.С. Бочков, И.Н. Карюхин, Венедикт Окаёмов.

Среди изображаемых профессионалов есть войсковые офицеры, есть и сотрудники контрразведки, однако основным содержанием романа является не действие этих служб, а общечеловеческие проблемы.

Это роман не только об истории человека одного с автором поколения и шестидесятилетней жизни России — это реквием по России, по её природе и нравственности, реквием по трудным деформированным судьбам нескольких поколений — десятков миллионов моих соотечественников».

Владимир Осипович полностью был сосредоточен на работе над этим многоплановым романом, считал, что он станет главным в его творчестве, но не спешил с завершением работы. Это было обусловлено тем, что впервые в художественном произведении В.О. Богомолов показывал ту, непобедную, сторону войны, которая по идеологическим соображениям многие десятилетия замалчивалась, и потому была мало известна широкому кругу читателей, и он понимал, что это вызовет у официоза абсолютное неприятие. Опыт проведения его романа «Момент истины» сквозь девятимесячную борьбу с цензурными запретами убеждал автора в предстоящем серьёзном противостоянии и необходимости заняться предварительной подготовкой информационно-справочных материалов для прохождения сквозь цензуру.

После произошедших в стране экономических и общественно-политических потрясений Владимир Осипович так объяснил задержку публикации уже анонсированной им книги:

«Долгое время я работаю над новым романом «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». Действие в нём должно было закончиться в 1989 году. Однако после августовских событий 1991 года роман невольно въехал в начало 90-х годов. Было бы непростительной ошибкой упустить учинённую и подкинутую жизнью драматургию, как распад Советского Союза, нарастающий развал России, катастрофическое разрушение экономики и обнищание десятков миллионов россиян, обесчеловечивание общества и успешно осуществляемая криминализация всей страны. Происходившие процессы требовали осмысления, а роман — большой доработки, он должен вылежаться до созревания, отчего я, не раскрывая содержания, решил пока опубликовать из него как самостоятельные произведения две повести — «Вечер в Левендорфе» и «В кригере».

За развалом СССР последовала переоценка человеческих и исторических ценностей, попрание основополагающих принципов, глумление над такими понятиями, как «патриот», «патриотизм», «Родина» и «служение Отечеству». В средства массовой информации под видом «новой истории России» потоком хлынули измышления по пересмотру истории, покатилась волна обеления предателей, государственных изменников, возводя их в ранг чуть ли не национальных героев России.

В последние годы жизни Владимир Осипович испытывал двойственное ощущение происходящего. Он говорил: «В последнее время я стал с особенной остротой чувствовать и понимать то, что чувствовал уже давно: до чего я — человек иного времени, до чего я чужд всем её «пупам» и всем тем временщикам, которые беспрерывно учат народ с их точки зрения «правильно жить», сами при этом хватают всё ртом и жопой, плотоядно раздирая Россию на куски. Эти люди, так называемой новой жизни, правы в одном — к прежнему, к прошлому возврата нет. «Новое» уже крепко и нахраписто они внедряют в будни. Несоответствие между общественным положением и его нравственными принципами — вернейший признак попрания истины, болезни общества, и я физически ощущаю и вижу, до чего прошлое время ужасающе живо для меня и как в настоящем рвётся хрупкая связь между людьми, властью и окружающим миром. Я всё больше и больше отрешаюсь от него и ухожу в тот, с которым был когда-то связан».

А затем последствия войны, полученные ранения и травмы (две тяжёлые контузии) проявили себя: последовали одна за другой две сложные операции...

Так, в результате субъективных и объективных обстоятельств, главное своё произведение Владимир Осипович оставил незавершённым.

Основные положения, краткая характеристика содержания и структура романа определены и изложены В.О. Богомоловым в рабочих планах 1973–1982 гг., дополнялись в 1985 и 1990 гг.

«Цель и задача произведения — задействовать в сознании читателей, что война величайшая трагедия в жизни страны и поколения, что в любой войне, даже такой, как справедливая Отечественная, впоследствии не ока-

жется абсолютных победителей и побеждённых: и те и другие ещё десятилетия будут подсчитывать уже не столько боевые потери и разрушения, сколько моральные и нравственные. Достоверно и убедительно показать трагизм служения Отечеству, отобразить основную черту красноармейцев и офицеров в достижении Победы — любовь к своему Отечеству.

Конструкция романа — предположительно 5–6 частей.

Легенда — действие в первых четырёх частях романа происходит в апреле–июле 1945 года на территории Германии в полосе бывшего 1-го Белорусского фронта и левого фланга 2-го Белорусского фронта и демаркационной разгранлинии с войсками западных союзников, после Победы — в небольшом немецком городке Грабов, северо-западнее Берлина.

Привязка — 71-я действующая армия, 425-я стрелковая дивизия, 138-й стрелковый полк.

Основные герои — трое молодых офицеров: 19-летний командир отдельной разведроты старший лейтенант Федотов и двое его друзей.

Фабула романа и характеристика героев: это молодые, успешные боевые офицеры, смелые и мужественные, награждённые орденами и медалями за боевые заслуги. Они «баловни судьбы», которым, несмотря на трёхлетнее пребывание на фронте, полученные ранения и контузии, посчастливилось окончить войну без увечий. Романтики в душе, они живут в ощущении радости предстоящей, но ещё не известной им мирной жизни. Многообещающие надежды и планы, первые проявления естественных желаний у чистых, девственных, ещё нецелованных мальчиков. Романтика первой любви и реальность жизни.

Интрига: вмешиваются непредвиденные обстоятельства, которые через цепь событий приводят к крушению надежд и ломке офицерских судеб.

Для перекрёстной типизации персонажей, для создания полной иллюзии достоверности и убедительности художественную сторону — прозаические тексты — совмещать, как литературный приём, с документами.

Построение и состав романа: художественных глав — примерно 60–70, т.е. 500–600 страниц прозаического текста, документальных — 12–15 глав, т.е. 150, в крайнем случае, 200 страниц».

Работа по подготовке романа к изданию была чрезвычайно скрупулёзной и определялась колоссальной степенью ответственности перед его автором и высочайшей требовательностью, которую он всегда предъявлял к себе.

Огромный архивный материал состоял из нескольких рукописных черновых вариантов текстов (часть из них, выверенная и зачёркнутая красным фломастером, была набело переписана от руки или отпечатана на машинке — они давали представление о том, какую высокую планку в работе назначил себе и преодолевал Владимир Осипович), незавершённых текстов или просто набросков, и несчётного числа записанных на клочках или аккуратных полосках бумаги отдельных фраз, слов, уточнений, врезок, предназначавшихся автором для усиления текста. Из всего многообразия

надо было определить окончательный вариант, очень бережно провести редакционную работу, основываясь на авторских рабочих монтажных листах, и внести в соответствующие места текстов все заготовленные автором дополнения.

Документальная сторона романа была наиболее тщательно разработана и подготовлена автором. В.О. Богомолов считал, что документы — самый сильный аргумент в достоверности изображаемого, они являются органической частью всего романа и служат средством усиления психологического напряжения перед стремительно надвигающимися конкретными событиями.

Владимир Осипович особенно подчёркивал, что «с Отечественной войной — величайшей трагедией в истории России — необходимо всегда быть на «Вы». Литература — это зеркало правды, назначение которой рассказать, как всё было на самом деле. Автора, пишущего о войне, она разденет до костей, обнажит и выжжет душу, но должна сохранить боль в сердце, а через неё — великое сострадание ко времени и судьбам. Человеческая натура оценивает события не по разуму, а по чувству, возникающему к носителю этого факта и события, в данном случае автору, поэтому степень изображения правды в художественном произведении — эталон честности и градус нравственности автора.

При изображении Отечественной войны и первых послевоенных месяцев в романе крайне важен «воздух», передача атмосферы времени, обстановки, деталей, на фоне которых развиваются конкретные события. Документы не только наиболее полно отразят картину того или иного события, но позволят читателю осознать и оценить его во всей масштабности — протяжённости, глубине и взаимосвязи.

В документальных главах задействовать:

— Наиболее характерное в мае–июле 1945 года для военнослужащих 1-го Белорусского фронта от красноармейца до командира дивизии включительно;

— наиболее характерное в предшествующие месяцы (январь–май 1945 г.);

— конкретика этого времени на территории Германии, исторические детали, в том числе и быта;

— обстановка в этом районе (май–июль 1945 г.), немецкое население, лица, угнанные в Германию и попавшие в плен к немцам, западные союзники, американцы в момент встречи с ними;

— Красная Армия на территории Германии: положительная сторона — организация местного самоуправления, восстановление объектов жизнеобеспечения, культуры, снабжение продуктами питания, негативная — мародёрство, внесудебные расправы над гражданским населением;

— конкретика репатриации: приёмка, питание, организация отправки на Родину;

— враждебные проявления этого периода: «Вервольф» («Оборотень»), бывшие фольксштурмовцы и убеждённые гитлеровцы;

– немецкие документы: исторические сноски о подготовке к войне с Россией, зверства немцев на оккупированных территориях, обращение с советскими военнопленными.

В главах с документами, начиная с января 1945 г. (а может, и раньше – отдельные упоминания 1943–1944 гг.), документы о предотвращении отравлений спиртоподобными жидкостями представить как отдельной главой, так и включением по 1–2 документа в каждую главу с прозаическим текстом: они сыграют роль для дальнейшей подготовки эффекта эпизода «Отравление в разведроте», построив на контрасте одновременность событий – веселье на дне рождения и сообщение из эвакогоспиталя.

Документы при всей своей первичности и информативности должны составлять не более 20%, в крайнем случае, 25% всего объёма романа».

Документы – в виде отдельных глав или включений в прозаические тексты, с их жёстким лаконизмом и строгой регламентированностью погружают читателя в исторически достоверное описаний событий и обстановки того времени – представляют собой:

– реальные исторические материалы, выдержки, цитаты из официальных немецких источников в главах «Как это начиналось», «Немецкий гуманизм», «Вермахт и советские военнопленные»;

– реконструированные автором и текстуально идентичные официальным советским документам 1941–1945 гг., такие как «политдонесения», «приказы и постановления Военного Совета 71-й армии», «донесения», «докладные записки», «письма», выступления военнослужащих на собраниях, политинформациях – это авторские тексты, стилизованные под документы, но с элементами конкретной привязки действующих героев романа. Они играют важнейшую роль в развитии сюжета и читаются с не меньшим интересом и напряжённостью, чем прозаические главы.

Владимир Осипович неуклонно следует принципу – «писать лишь о том, что знаешь досконально», он не стремился ни сгладить трагические моменты, ни выпятить их, не побоялся шокировать читателя «крепкими выражениями», о чём писал:

«Для изображения специфичности армейской среды, тональности коллизий и эмоциональности речевой окраски мне было не обойтись без использования богатой русской лексики: в тексте романа встречаются крепкие выражения. Надо учитывать то, что армия не консерватория и даже не пединститут, а боевое содружество здоровых, вполне совершеннолетних мужчин, которые в жизни (даже в современной армии) редко выражаются литературным языком».

Из-за отсутствия чёткого указания автора на последовательность расположения прозаических глав и документов внутри некоторых частей романа мне, как составителю, пришлось решать эти задачи. Возможно, некоторые из представленных материалов в документальных главах покажутся читателю излишне длинными и детализированными. Если бы Владимир Осипович сам окончательно завершил роман, возможно, он подверг бы тексты более тщательному отбору и сокращению, я же не решилась на подобные действия

и представила их в том виде, в каком они были в его рабочих монтажных листах – и это полностью на совести и компетенции составителя.

Роман в документах «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» одно из последних произведений о Великой Отечественной войне, которое создано непосредственным её участником. Свою боль сердца и чувство бесконечного долга перед всеми, кто погиб на войне, и перед теми, кто не вернулся с войны, В.О. Богомолов выразил словами героя романа: «Спустя тридцать и сорок пять лет, я не могу без щемящего волнения смотреть на молоденьких лейтенантов», ему види тся в них «Ванька-взводный времён войны... безответный бедолага – пыль войны и минных предполий».

Тема Великой Отечественной войны в литературе, наверно, ещё долго будет востребована потому, что это было, хоть и трагическое, но единственное время в истории России, когда весь народ, независимо от национальности и вероисповедания, был объединён защитой общего Отечества и своих малых родин, отстаиванием права на жизнь и свободу. И роман В.О. Богомолова, несмотря на запоздалую публикацию, мне кажется, будет актуален и сегодня.

Я возвращаю читателям, для кого и создавал своё произведение В.О. Богомолов, максимально, до мелочей и деталей, выверенный и соответствующий его планам и композициям роман «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»

Раиса Глушко *Москва, 2012*

Оседлаю коня, коня быстрого,
И помчусь, полечу, легче сокола...
Догоню, ворочу мою молодость!..
Но, увы, нет дорог к невозвратному!
Никогда не взойдет солнце с Запада!

А. Кольцов

Часть 1

ГЕРМАНИЯ – ЗАМРИ!

Взгляни на братьев,
Избивающих друг друга.
Я хочу говорить о печали...

Сутта Нипата

1. ФОРСИРОВАНИЕ ОДЕРА

С толком, но смело лезъ впередъ – скорее побьёшь врага, и скорее тебе легче станетъ.
А.Суворов

Всё дальше на Запад продвигается Красная Армия. За тридцать дней наступления и жестоких боёв в январе 1945 года войска освободили 400 городов, заняли свыше 2400 железнодорожных станций, неумолимо приближаясь к границам Германии. Части 52-й гвардейской стрелковой дивизии, перешагнув Вислу, вышли к германской границе и 1 февраля пересекли её в районе Цимпельбург и заняли оборону в Ной-Баттров – Шнейдемюле...

Немцы, кичившиеся тем, что более сотни лет ни один неприятельский солдат не вступал в пределы Германии, теперь на своей шкуре испытывают все бедствия войны. Из приграничных городов гитлеровцы начали срочно эвакуировать немецкое население. Целые семьи снимались с насиженных мест, бросая дома, имущество. На чёрной земле, смешанной со снегом, в канавах вдоль дорог следы их поспешного бегства: тысячи поломанных детских колясок, которые использовались в качестве транспортного средства...

Вдоль фронтовых дорог плакаты: «Боец! Ты в Германии, мсти гитлеровцам!», «Красноармеец! Бей, гони, не давай опомниться врагу!» и табличка с указателем на столбе: «До Москвы – 1635 километров. До Берлина – 165 километров».

В Восточной Пруссии, Силезии, Померании идут ожесточённые бои...

Германия – замри!

...3 февраля 1945 года шесть армий 1-го Белорусского фронта, преодолев за 20 дней до 500–600 километров, достигли реки Одер и заняли плацдарм на её правом берегу.

К 10 февраля Одер в среднем течении – за сотни километров от нашей зимней стоянки на Буге – уже начал очищаться от льда.

Весна нагрянула дружная, довольно обильные в тот год снега растаяли прямо на глазах. И с началом ледохода вода стала быстро прибывать...

...20 марта 1945 года: Одер широкий, мутный, быстрый – ещё не сошёл весенний паводок, выглядит сурово-тёмным от отражённых

в воде туч, местами пенящаяся вода несёт по вспухшей поверхности вырванные с корнями кусты, деревья... Из-за свинцовых туч прорывается солнце...

К вечеру 6 апреля бригада Лялько сосредоточилась вблизи Кюстрина, в пяти километрах от линии фронта. И сразу воздушная разведка обнаружила между Кюстрином и Штеттином какие-то суда.

Над нашим берегом несколько раз появлялись чужие самолёты – явно разведчики.

Вражеский воздушный разведчик, пролетевший над стоянкой бронекатеров – думалось, неплохо замаскированных, – передал открытым текстом: «Их зээ ди энте, хир зинд ди энте!» («Вижу уток, здесь утки!»). Это услышал следивший за неприятельскими переговорами в эфире армейский радист... Он догадался: утки – это корабли.

...7 апреля начальник штаба 1-го Белорусского фронта изложил основные положения директивы по форсированию Одера командующему Днепровской флотилией и командующим 5-й ударной, 8-й гвардейской и 33-й армиями. Для совместных действий каждой из них было выделено по бригаде кораблей.

Из трёх армий, с которыми нам предстояло взаимодействовать, две – 5-я ударная и 8-я гвардейская – входили в главную ударную группировку фронта, им предстояло наступать с кюстринского плацдарма, и, таким образом, к ним подключились две бригады днепровских кораблей.

...12 апреля 1945 года КП[1] Днепровской флотилии был перенесён на окраину прифронтового Кюстрина.

...13 апреля 1945 года. Приказано ночью скрытно от немцев переправить через Одер роту тяжёлых танков, которая днём 14 апреля примет участие в разведке боем.

...Одер чуть плещется. Темно: не видно вытянутой вперёд руки. Немцы щупают небо прожекторами. Из-за Одера виднеется пламя разрывов. Километрах в шести вниз по течению – наша переправа. Но по ней ничего не переправляют. Военная хитрость: ночью работают паромы с моторными катерами, а немцы этого не знают и бьют по мосту... С заглушенными моторами подходят два катера с большим паромом. К берегу подъезжают два танка...

...Моторы тихонько начинают стучать; нечто чёрное, неразличимое скользит по воде.

---

[1] КП – командный пункт. Далее по тексту расшифровка сокращений и аббревиатур в разделе «Сокращения». *(Прим. сост.)*

Внезапно немцы начинают стрелять по нашему берегу...

...14 апреля войска, развёрнутые на кюстринском плацдарме, начали разведку боем...

...16 апреля задача на переход формулировалась как прорыв: на многих участках Одер оставался линией фронта – левый берег ещё удерживался противником.

...Два мощных рукава – Ост- и Вест-Одер – шириной от 150 до 440 метров, а между ними трёхкилометровая пойма, вся переплетённая протоками, каналами и дамбами, среди которых возвышались похожие на казематы быки взорванных мостов. Подует с моря штормовой ветер – оба рукава соединяются, и создаётся впечатление, что река имеет четырёхкилометровую ширину. Вода прибывает на глазах, затоплены низины, луга и поля превратились в топкую грязь.

...16–18 апреля – высокий уровень воды.

Вдобавок переправы и подходы к ним подвергались постоянным налётам вражеской авиации, от которых надо было укрывать корабли.

...17 апреля 61-я армия перешла в наступление и её передовые отряды вели бои за Одером, где был захвачен небольшой плацдарм. Но на соседних участках закрепиться на левом берегу Одера пока не удавалось. Враг оказывал ожесточённое сопротивление, оборона одерского рубежа была усилена здесь полками немецкой морской пехоты.

Плацдарм обстреливают дальнобойные батареи. Огонь не прицельный, снаряды ложатся с большим разбросом.

...Бурным весенним паводком было снесено несколько десятков низководных мостов и переправочных средств, что поставило войска в затруднительное положение. Наступавшие сухопутные части отдалились от реки, локтевой контакт с ними нарушился.

18 апреля на КП 61-й армии у городка Редорф примчался на полуглиссере, на котором он провёл на реке почти всю ночь, командарм П.А. Белов.

На КП выяснилось: переправить требуется всю армию, насчитывавшую 66 тысяч человек, полторы тысячи орудий и миномётов, семь тысяч лошадей, сотни автомашин, тысячи повозок.

Армия Белова нуждалась в быстроходных маневренных средствах форсирования широкой тут реки.

...Тем временем «студебеккеры» увезли одиннадцать полуглиссеров – отряд лейтенанта Калинина – в район частей 9-го стрелкового корпуса.

...Переброска войск через Одер возлагалась на 2-ю бригаду кораблей.

...Для высадки войск выделялось 11 кораблей – бронекатера, тральщики, сторожевые катера и три полуглиссера для разведки и связи.

Белов приказал:

– Подавайте корабли как можно скорее.

Путь кораблей с войсками составлял около 10 километров. Водный рубеж довольно широкий, и пересекать его предстояло не напрямик. Корабли отваливали от правого берега один за другим, соблюдая дистанцию, было предусмотрено, что при благоприятных обстоятельствах, если враг их ещё не обнаружит, они пройдут часть маршрута с выключенными моторами, самосплавом.

...Груз значительно увеличил осадку кораблей.

Узкий лучик сигнального фонаря предупредил катера с десантом о том, что им надо задержаться под берегом, занятым нашими войсками.

Десантироваться через Одер предстояло частям 71-й армии и нашей 425-й стрелковой дивизии. Тут и были введены в действие катера-полуглиссеры, легчайшие корабли флотилии, по основному своему назначению – связные, посыльные, а по материалу, из которого были сделаны, – фанерные. Они должны были прикрывать корабли дымовой завесой.

Для форсирования и высадки войск был выбран самый тёмный час ночи, однако полной секретности переправы достичь не удалось.

Корабли были обнаружены через час после начала движения, немцы начали массированный обстрел, без потерь не обошлось. Два сторожевых катера и полуглиссер из-за полученных повреждений корпусов течением вынесло к прибрежной дамбе. Моряки держали оборону...

Через 2 часа 45 минут после того, как корабли отвалили от правого берега, первый эшелон 425-й стрелковой дивизии под командованием полковника Быченкова высадился на левом берегу в районе дамбы и захватил намеченный плацдарм, имея всё необходимое для дальнейшего наступления: орудия, миномёты, боеприпасы...

ДИРЕКТИВА ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

05.02.45 г.

Успешное продвижение частей действующей Красной Армии на территории Германии немецкое командование и германские разведывательные органы пытаются осложнить и приостановить, остав-

ляя значительное количество специальных групп и лиц с задачей совершения террористических актов против командиров и бойцов Красной Армии, проведения диверсионной работы в тылу с целью дезорганизации наших коммуникаций.

Принять решительные меры по пресечению попыток совершения терактов и диверсий со стороны немцев в соответствии с Постановлением ГКО от 03.02.45 г.:

1. Жестоко расправляться с враждебными элементами, как немцами, так и лицами других национальностей, уличёнными в совершении террористических и диверсионных актов против офицеров и бойцов Красной Армии, путём беспощадного уничтожения их на месте преступления.

2. Немцев, служивших в армии, частях «Фольксштурма»[1], захваченных нашими войсками или сдавшихся добровольно, считать военнопленными и направлять в лагеря НКВД для военнопленных.

3. Мобилизовать на территории фронта всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев в возрасте от 17 до 50 лет. Из мобилизованных сформировать рабочие батальоны по 750–1200 человек для использования их на работах в Советском Союзе, в первую очередь на территории Белоруссии и Украины. В развитии данного пункта Постановления будут даны дополнительные указания.

4. Усилить устную и печатную пропаганду по воспитанию военнослужащих в духе лютой ненависти к врагу. Систематически разъяснять личному составу коварные методы врага, пытающегося всякими способами ослабить наступательный дух Красной Армии, обратив особое внимание, особенно офицеров, на необходимость соблюдения постоянной бдительности.

5. Учитывая исключительную важность быстрого, организованного и решительного проведения мероприятий, настоящую директиву довести до командиров и их заместителей, начальников ОКР «Смерш» до полка и отдельной части включительно и объявить её под расписку всему офицерскому составу как боевых, так и тыловых частей фронта.

Член Военного Совета
генерал-лейтенант Телегин

---

[1] Фольксштурм – народное ополчение. Батальоны Ф. организованы в Германии осенью 1944 г. по тотальной мобилизации мужчин в возрасте 16–60 лет, а с февраля 1945 г. и женщин с 18 лет. Использовались для строительства укреплений, охраны военных заводов и крупных предприятий, в 1945 г. участвовали в боевых действиях на советско-германском фронте *(Здесь и далее прим. автора.)*.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

10.02.45 г.

Захват кюстринского плацдарма для развития будущей операции армии имеет большое значение.

Войска, занимая и расширяя плацдарм, должны напрячь все силы борьбы за каждый метр.

Оставление плацдарма, даже одного метра, вследствие недостаточной организованности, устойчивости, упорства в боевых действиях, хорошего управления и маневра резервами является преступлением перед Родиной.

Основным законом каждого солдата, офицера и генерала, ведущего бой на плацдарме, должен быть «НИ ШАГУ НАЗАД».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Оставление занятых рубежей на плацдарме может быть произведено только по письменному приказу Военного Совета армии.

2. За всякую малейшую уступку местности, даже метра на плацдарме, немедленно расследовать и виновных предавать суду.

3. Прекратить выдачу водки и всех, замеченных в употреблении спиртных напитков, строго наказывать.

Приказ объявить под расписку до командира роты (батареи) включительно.

Генерал-лейтенант Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Секретно

ШТ из ПУ 1 БФ *Подана 15.02.45 г.* *8 ч. 40 м.*

В период наступательных боевых действий и максимального напряжения сил для завершающего разгрома врага отмечены постыдные для советского воина факты трусости. С целью уклонения от исполнения воинского долга отдельные военнослужащие симулируют заболевание сифилисом путём применения марганца, который вызывает на половых органах искусственные язвы, похожие на сифилитические.

Обязать руководителей медицинских служб немедленно сообщать в органы Военной Прокуратуры о каждом ложном заболевании сифилисом.

Политработникам и Военным Прокурорам провести тщательное расследование.

Все случаи членовредительства передавать в Военный трибунал, меру наказания приравнивать к дезертирству с поля боя.

Начальник ПУ
генерал-лейтенант *Галаджев*

ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО 71 АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА СМИРНОВА А.И.

Командиру 126-й гвардейской Краснознамённой
ордена Суворова стрелковой дивизии
гвардии полковнику Силину

В феврале месяце в команде офицеров, окончивших Смоленское пехотное училище, к Вам должен прибыть мой сын, лейтенант Смирнов Владлен Александрович, 1925 года рождения.

Полагаю целесообразным и прошу Вас назначить моего сына командиром стрелкового взвода в один из полков дивизии под командованием опытных боевых офицеров, у которых он бы мог перенять их лучшие качества, что способствовало бы его становлению как офицера.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 14.03.45 г.* *17 ч. 30 м.*

Учитывая, что войсковые части и соединения, находящиеся на плацдарме за р. Одер, ведут непрерывные боевые операции и бессменно остаются в окопах в крайне неблагоприятных климатических условиях, Постановлением Военного Совета фронта для усиления питания личного состава частей и соединений, находящихся на плацдарме, разрешён отпуск дополнительно сверх норм продовольствия из расчёта на одного человека в сутки: мяса 50 грамм, картофеля 500 грамм и соли 10 грамм.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

12.04.45 г.

Для обеспечения успешного выполнения наступательных операций и дальнейшего продвижения войск к Берлину перед армией стоит задача форсирования реки Одер, захвата плацдарма и закрепления на левом берегу.

Успех этой важнейшей операции зависит от продуманной до мелочей подготовки к форсированию реки Одер.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Тщательно подобрать расчёты в лодках. Всё внимание уделить тренировке гребцов. В каждой лодке назначить старшего – хорошего пловца, желательно комсомольца или коммуниста.

2. В каждом полку отобрать по десять лодок-вожаков с экипажами, которые первыми без оглядки ринулись бы вперёд и увлекли за собой остальные лодки с экипажами.

3. Размещение людей на плавсредствах производить согласно ордеру[1]. Командиры частей и подразделений, их заместители по политчасти, командиры рот и взводов не должны плыть в одной лодке, а только рассредоточенно.

4. Установить условные знаки опознания своих частей и подразделений на левом, западном берегу Одера для последующих экипажей.

5. Для точного учёта и контроля потерь все лодки пронумеровать и по каждой оставить на берегу список плывущих.

6. Убитых из лодок не выбрасывать, иначе это будет морально отрицательно действовать на оставшихся. Трупы для захоронения доставлять на берег.

7. Чётко отработать организацию помощи тонущим, в том числе и медицинской на берегу, для чего иметь для пострадавших достаточный запас сухой тёплой одежды и спирта.

8. Накануне форсирования провести партийные собрания и политинформации, подготовить лозунги и листовки, воодушевляющие на успешное выполнение боевой задачи, и довести их до каждого красноармейца.

Генерал-лейтенант Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 17.04.45 г.* *10 ч. 20 м.*

Командирам корпусов 71 армии
Командующему артиллерией
Командирам 116 гв. сд, 425 сд

В целях создания паники в войсках противника и дезорганизации работы его тыла в дивизиях создать по одному отряду в 25 человек для заброса

[1] Ордер (здесь) – определённый порядок размещения людей на плавсредствах при переправе в боевых условиях.

их в тыл противника с задачей: занимать переправы, узлы дорог и расстреливать огнём проходящие войсковые и тыловые колонны противника.

В отряды назначать лучших бойцов и офицеров, вооружив их автоматами, и сапёров-подрывников, обеспечив взрывчаткой для подрывной работы.

В состав отряда включить разведчиков и для связи выделить рации.

Руководство и наблюдение за отрядами возложить на начальников разведки дивизий.

Начальник штаба
генерал-майор *Антошин*

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО 71 А *Подана 17.04.45 г.* *14 ч. 15 м.*

Командирам корпусов, дивизий

Захоронение военнослужащих, погибших на левом берегу реки Одер, Военным Советом фронта категорически запрещено.

Всех убитых на левом (западном) берегу реки Одер перевозить на правый (восточный), доставлять в МСБ для сдачи в дивизионную похоронную команду с последующим захоронением в гор. Цибенген.

Нач. политотдела
генерал-майор *Козлов*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Начальнику политотдела 136 ск

Во исполнение Директивы фронта и указаний командующего армией по форсированию р. Одер доношу:

Во всех частях и подразделениях дивизии проведена углублённая и тщательная работа по подготовке личного состава к форсированию р. Одер.

До каждого командира взвода доведены директивные указания фронта.

Командиры полков и батальонов лично подготовили командиров рот, их заместителей из числа героев форсирования Днепра, Вислы и Нарвы в передовые штурмовые отряды.

С красноармейцами проведены тактические занятия на макетах и учения по отработке навыков форсирования крупной водной пре-

грады, проиграны условия для эффективного захвата и удержания плацдарма на западном берегу р. Одер.

Выпущена листовка следующего содержания:

«Товарищ! Перед тобой Одер, последний водный рубеж к сердцу Германии. Наша задача – его перешагнуть, чтобы на западном берегу в решительных последних боях разгромить гитлеровскую Германию!»

Написаны и доведены до каждого красноармейца памятка: «Как форсировать водные преграды» и приложения: «Инструкция по изготовлению и использованию подручных средств во время переправы» и «Самопомощь и взаимопомощь на воде».

Все санинструкторы владеют правилами откачивания и оказания помощи утопающим.

На партийном собрании «Об авангардной роли коммуниста в период форсирования реки» подчёркивалась важность личного примера коммуниста в бою. Каждый коммунист получил конкретное поручение по обеспечению боевой задачи подразделения в ходе переправы и боя.

На партийных и комсомольских собраниях выступили бойцы:

Красноармеец Ковалёв: «Нам выпала трудная, но почётная задача – форсировать реку Одер. Это будет последний и решительный штурм врага. Мы верим в нашу победу! Мы даём клятву, что в боях за окончательный разгром врага умножим славу своего полка!»

Гвардии капитан Новиков В.: «Все реки проходимы. Для гвардии нет преград. Не посрамим своего Гвардейского Знамени!»

От командиров и бойцов поступило 23 заявления о приёме в партию.

Полковник Фролов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»
«Особо важная!»

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 20.04.45 г.* *10 ч. 05 м.*

Всем командирам соединений, частей, подразделений

Передаю ДИРЕКТИВУ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 11073 от 20.4.45 г.

«Ввиду возможной в ближайшее время встречи советских войск с Англоамериканскими войсками, по соглашению с Командованием союзных войск, установлены следующие знаки и сигналы для опознавания советских и англо-американских войск:

1. Советские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией красных ракет. Помимо ракет советские танки обозначаются одной белой полосой вокруг башни по её середине и белым крестом на крыше башни. Полоса и крест должны быть шириной 25 сантиметров. Эти опознавательные знаки устанавливать не на всех танках, а только на головных, которые, вероятнее всего, первыми встретятся с английскими или американскими войсками.

2. Англо-американские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией зелёных ракет. Помимо ракет, англо-американские танки и бронемашины обозначаются жёлтыми или вишнёво-красными флорисцирующими (ночью) щитами и белой пятью-конечной[1] звездой, окружённой белыми кругами на горизонтальной поверхности танков.

3. Советские и англо-американские самолёты, помимо установленных для них сигналов ракетами, обозначаются своим национальным опознавательным знаком.

И.СТАЛИН
АНТОНОВ»

1. Директиву Ставки Верховного Главного Командования № 11073 от 20.04.45 года изучить со всем офицерским составом соединений, частей, подразделений.

2. Сигналы и опознавательные знаки союзных войск довести до всего личного состава.

3. Подразделениям дивизий и полков спустить силуэты самолётов и танков союзных армий.

Нач. штаба
генерал-майор Антошин

ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

Товарищи красноармейцы, сержанты, старшины и офицеры! Мои боевые друзья!

[1] Во всех приказах, политдонесениях и шифротелеграммах здесь и далее сохранены стилистические, орфографические и другие особенности документов. Правильно: «англо-американскими», «флюоресцирующими», «пятиконечной».

Приказы Главковерха Маршала товарища Сталина и командующего фронтом Маршала Жукова обязывают нас нанести смертельный удар врагу и добить фашистского зверя в его собственной берлоге. Военный Совет фронта ждёт от нас доблести и славы на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин в приказах № 95 и № 227 ПРИКАЗАЛ: «НИ ШАГУ НАЗАД!» и «БИТЬ ПРОТИВНИКА ПОВСЮДУ, ГДЕ БЫ ОН НИ ПОЯВЛЯЛСЯ!»

Цитируя Вам слова Вождя и с гордостью руководствуясь ими, считаю долгом напомнить Вам, офицеры, сержанты и красноармейцы, что традиции русского народа и девизы его полководцев незабываемы: Александра Суворова — «Сам погибай, а товарища выручай, каждый воин должен понимать свой маневр», Михаила Драгомирова — «Приказание командира должно быть ясным и точным», Дмитрия Донского — «Лучше почётная смерть на поле брани, чем позорная жизнь раба».

Уверен, что офицеры, сержанты, красноармейцы с честью выполнят свой долг и не посрамят мундира воина Красной Армии и своей части.

Все наши победы — это, прежде всего, ваша кровь, ваш пот, это кровь и пот наших погибших товарищей, которых мы никогда не забудем.

Вперёд и смелей на штурм и разгром врага! Вам, полным решимости в любом смертельном бою отдать жизнь за Родину, я лично желаю каждому вернуться домой с победой.

Да сопутствует вам СОЛДАТСКАЯ СЛАВА! Низкий вам поклон шлёт Родина!

Настоящее обращение зачитать во всех ротах, батальонах, отдельных частях и спецподразделениях армии.

Генерал-полковник Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 23.04.45 г.* *12 ч. 15 м.*

Всем командирам соединений, частей, подразделений

Передаю Директиву начальника Генштаба Красной Армии № 11075 от 23.4.45 г.

«В связи с тем, что знаки и сигналы для опознания советских и англо-американских войск, установленные Директивой Ставки № 11073 от 20.4.45 г., скомпрометированы, установить с 23.4.45 г. следующие сигналы и знаки для опознания советских войск.

1. Советские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией белых ракет. Помимо ракет советские танки обозначаются белыми треугольниками, нанесёнными на правом и левом бортах башен и на крыше башни.

2. Англо-американские войска обозначают себя прежними сигналами.

АНТОНОВ»

Довести до всего личного состава изменения в знаках и сигналах для опознания «свой – чужой».

Генерал-майор Антошин

2. В ШТАБЕ ДИВИЗИИ

К десяти часам я вместе с радистом полка был вызван в штаб дивизии на инструктаж.

По измученному виду и красным воспалённым глазам было видно, что и начальнику штаба дивизии полковнику Кириллову, и начальнику оперативного отделения подполковнику Сергееву, как и всем в эти дни, приходилось туго. Кириллов собирал на столе какие-то листки, схемы...

– Товарищ полковник! Командир пятьдесят шестой отдельной разведроты сто тридцать восьмого стрелкового полка старший лейтенант Федотов и радист полка Якимшин прибыли по вашему приказанию!

– Федотов! Ты в лицо командующего знаешь?

– Никак нет. Не приходилось, – ещё не врубаюсь я.

– Ждём гостей. Сам командующий вместе с командиром корпуса прибудут в дивизию для личного ознакомления с новым рубежом, чтобы непосредственно оценить положение дел на плацдарме и получить свежие данные о системе обороны немцев. Генералов особенно беспокоят огневые точки, оборудованные в опорах разрушенного моста, откуда немцы из крупнокалиберных пулемётов обстреливают оба берега, ведут корректировку огня для артиллерии и авиации. Нашей артиллерии пока никак не удаётся их подавить.

Полковник Кириллов – спокойный, сосредоточенный, ладно сбитый блондин. Тонкий, интеллигентный, осторожный. Видна выправка. Кадровик! Он избегает что-либо решать самостоятельно. Даже в боевых условиях умудряется «с ходу» не подписывать ни одной бумаги. Каждую бумажку он рассматривает как коварнейшую мину с сюрпризом, словно если упустит там какую-нибудь запятую, то тем самым подпишет себе смертный приговор; самые ответственные проверяет два, а то и три раза. В то же время он талантливый штабной офицер. Начальник штаба божьей милостью! А всего по званию – полковник на четвёртом году войны.

Объяснял это обстоятельство сам Кириллов тем, что в своё время он попал под «колесо истории».

Дивизия внезапно с небольшими потерями взяла город и продвинулась на запад. Только что была получена одобрительная шифровка Верховного Главнокомандующего, отметившего наш успех, и мы знали, что завтра прозвучим в приказе командующего фронтом, и поэтому все были радостно возбуждены.

Немцы обстреливали, город горел, и даже в подвал, где размещался НП, проникал дым и доносился шум боя.

Полковники и начальник контрразведки дивизии подполковник Полозов распили пару бутылок водки и вина по случаю боевого успеха, и Кириллов неожиданно с лёгкой иронией, поглядывая при этом на Полозова, мол, вот контрразведка всё это знает и не даст мне соврать, а может, хотел уловить его внутреннюю реакцию, при мне рассказал Астапычу и Полозову, как из-за нелепого случая неудачно сложилась его судьба и военная карьера.

– В тридцать пятом году после окончания высших курсов комсостава Красной Армии я был направлен начальником штаба к командарму, – он назвал известную фамилию. – Я был молод, влюблён. Моя жена вскоре должна была рожать, поэтому осталась у родителей в Москве, пока я не получу жильё по месту службы. Занятый срочными важными делами, командарм поручил мне составление и посылку телеграммы своей супруге, что и было сделано. Одновременно я давал телеграмму и своей жене и, наверное, потому подписал ту, которая адресовалась жене командарма, своим именем. Заканчивалась телеграмма, как я помню, словами: «Целую и обнимаю с нежностью, но темпераментно. Серёжа». Но Серёжей звали не командарма, а меня, Кириллова. Не знаю, трудно сказать, что подумала жена командарма, но, будучи женщиной властной и, очевидно, недоброй, она выдала мужу по первое число.

Вообще-то составление, посылка и отправка личных телеграмм не входили в мои обязанности помощника командарма. Однако спустя месяц я командовал ротой в Забайкальском военном округе, хотя с прежней должности можно было рассчитывать и на полк.

А спустя два года, в тридцать седьмом, самого командарма посадили как «врага народа». Меня таскали более года, отстранили и от последней занимаемой должности, понизили в звании и чуть самого не изъяли. В июне сорок первого я был капитаном и командовал батальоном.

В то время как однокашники Кириллова, даже тот же пострадавший командарм, за годы войны стали в большинстве своём генерал-

лейтенантами и генерал-полковниками, командовали дивизиями, корпусами и армиями, а один даже получил четвёртую генеральскую звезду, Кириллов лишь полгода назад стал полковником и был назначен начальником штаба нашей дивизии.

– Ты помнишь директиву, определяющую порядок выезда высших командиров в войска передовой линии? – спрашивает Кириллов Сергеева.

– Какую директиву?

– Директиву Ставки конца ноября сорок третьего... Когда под Никополем генерал-лейтенант Хоменко со своим командующим артиллерией заехали по ошибке к немцам и были убиты. Там, в директиве, определялся порядок выезда и меры предосторожности. Помнишь?

– Так точно! Там приводился ещё случай с генералом Петровым на Калининском фронте. Помню. – Подняв голову, Сергеев смотрит перед собой и, будто читая по бумажке, докладывает: – При выезде командующих армиями и командиров корпусов в войска передовой линии в составе конвоя необходимо иметь опытного проводника из офицеров, личную радиостанцию и два-три танка или бронемашины...

В этом сила Сергеева: любую директиву, инструкцию, приказ он помнит и знает наизусть. Сорок третий год – когда это было! – сколько воды утекло, сколько времени прошло, а он отвечает так чётко, будто только сегодня всё это выучил.

– Ну, танки по воде не пустишь – не ходят, – замечает полковник Кириллов. – Катер нужен быстроходный и с минимальной осадкой, чтобы нигде не застрял.

– Товарищ полковник, – оживляется Сергеев, – а что, если нам переправить генералов на плацдарм на автомобилях-амфибиях?[1] Они менее заметны на воде, чем катера, и моторы у них потише.

Полковник несколько секунд молчит, словно обдумывая, затем неожиданно вспоминает:

– У Василия Афанасьевича Хоменко я был в тридцатой армии... в сорок первом, под Смоленском... В самые тяжёлые недели... Толковый был, волевой генерал...

---

[1] Амфибия – американский автомобиль типа «Willis» и «Duck», способный передвигаться по суше и воде, с водонепроницаемым кузовом, гребным винтом. Использовался для десантной переброски войск как первого, так и второго эшелонов, переправы различных грузов, боеприпасов. Грузоподъемность 250 и 2250 кг, вместимость 5 и 25 чел., скорость передвижения по воде 9–10 км/час, по суше – 104 и 80 км/час.

– Что же толкового? – удивляется Сергеев. – Там в директиве всё ведь подробно описывалось: сам сел за руль, командир корпуса его останавливал, а он ему: «Вы меня не учите, я в карте не хуже вас разбираюсь и ориентируюсь!» Вот и сориентировался, и разобрался! И второго генерала погубил.

– Волевого генерала, если он принял решение, остановить трудно, считай, невозможно, – спокойно объясняет Кириллов. – И убитого обсуждать нам, Сергеев, негоже. Тем более генерала. А насчёт амфибий надо подумать. Сколько нам потребуется машин и сколько в наличии?

– С подстраховкой – две, с двойной подстраховкой – три, а в наличии пять больших амфибий и две маленькие.

Кириллов снова молчит, раздумывая.

– Чтобы на свою ответственность, без приказов старших начальников... Нет, я на себя брать это не могу и не буду, пусть комдив решает! – помедля, говорит он. – Подготовь предложение от моего имени, и с первым плавсредством – на плацдарм... Чтобы в течение часа было решение. Письменное! Если комдив одобрит, подготовь три машины с лучшими, самыми опытными экипажами!.. Радиостанция у нас есть, и проводник опытный... Ты, Федотов, старшим плавсредства сколько раз переправлялся?

– Через Одер три раза. С группой захвата... командира дивизии высаживал и знамя с ассистентами переправлял... на утках.

– Как? На чём? Ты кому голову морочить собираешься?! – с яростью кричит подполковник Сергеев.

– Разрешите пояснить, товарищ подполковник. «ДАК» – американский автомобиль-амфибия. «ДАК» по-английски – утка. Эти машины называются «утками».

– А на других реках? – спрашивает Кириллов.

– Дважды через Вислу, один раз на Днепре и через Десну.

– Что ж, опыт форсирования достаточный, – замечает Кириллов.

– Товарищ полковник, лучше послать кого-нибудь из резерва. Там есть капитаны и майор-артиллерист, командир дивизиона, – замечает Сергеев.

– Надо было, конечно, майора, но он второй день в дивизии, а комдив посчитал, что нам нужен наш дивизионный ветеран. А Федотов не первый год замужем, – не соглашается Кириллов, – и вот – плавает, и на воде и под водой, – уточняет он. – Перед началом переправы проведите подробнейший инструктаж Федотова.

— Федотов! Как ты обозначишь себя при встрече или взаимодействии с другими соединениями в неблагоприятных погодных условиях, ночью или при встрече с союзниками?

— В случае невозможного визуального определения и для обозначения «Здесь наши войска» подаю сигнал серией, то есть две—три красные ракеты, которые выпускаются с интервалом не более трёх секунд под углом шестьдесят градусов к горизонту в сторону противника, или только одной ракетой — для обозначения «На этом рубеже (в этом пункте) наши войска» с интервалом в две—три минуты, а при появлении своей авиации — с интервалом в двадцать—тридцать секунд...

— Отставить! — приказывает Сергеев. — Знаки опознания, установленные Директивой Ставки № 11073, скомпрометированы и отменены, а таблица «Я свой самолёт» до разведроты не доводится, — объясняет Сергеев Кириллову.

– А если командир корпуса его спросит? Он должен знать. Он всё должен знать! — убеждённо говорит Кириллов. — Я сейчас поеду к танкистам, а ты с ним подзаймись. Пусть сейчас же выучит наизусть все знаки опознания и памятку по форсированию, все указания по встрече с союзниками, — перечисляет он, — и отношению к немцам. Пусть выучит так, чтобы от зубов отскакивало!

— До тебя отмену и новые знаки опознания доводили?

Никакой отмены до меня не доводили. Все шесть суток на плацдарме отличались ожесточённым сопротивлением немцев и непрерывными боями. Я спал урывками по два-три часа в сутки, Елагина и Арнаутова видел считанные минуты и, получив очередное приказание, бросался его выполнять. Частные боевые задачи мне ставили и командир дивизии, и полковник Кириллов, и командир полка майор Елагин, но об отмене знаков опознания никто и слова не сказал. Никаких новых директив или приказов вышестоящих штабов на плацдарме до меня не доводили, но если я признаюсь в этом, у них могут быть неприятности. И потому, внутренне похолодев, я отвечаю:

— Так точно... Доводили...

— Давай! — приказывает подполковник.

Теперь я должен говорить то, чего не знаю и не могу знать, от стыда я готов провалиться сквозь землю, но, тем не менее, бормочу:

— Последней директивой Ставки... войскам установлены новые опознавательные знаки... для встречи с союзниками... установлены новые знаки... опознания... директивой Ставки... войскам... поставлена задача...

– Говори по существу. Конкретно!

Я чувствую, что погибаю. Совершенно раздавленный своей ложью и позором неизбежного разоблачения после короткой паузы я на секунды умолкаю и тихо признаюсь:

– Виноват, товарищ подполковник, запамятовал!

Как учил меня мой друг шифровальщик дивизии старший лейтенант Николай Пушков, чтобы легче перенести ругань начальства, необходимо внутренне расслабиться, не возражать и изображать полное согласие.

– Запомни, Федотов! Новые знаки опознания выучить так, чтобы от зубов отскакивало!

– Слушаюсь! Понял!

– Понял, понял! Не тем концом понимаешь! Я тебе уже объяснял, что для советского офицера «виноват» – это не позиция! – строго замечает Сергеев. – Это ты женщинам можешь объяснять: виноват, не получилось. А перед начальниками не смей, для начальников «виноват» – это не оправдание, – и, обернувшись к радисту, рявкнул: – Как стоишь?! Стать смирно!

– Виноват!

– Отставить! Сопля! – вдруг возмущённо кричит подполковник, выбрасывая вперёд руку и указывая пальцем в лицо Якимшину. – Почему сопля?! Сопля под носом! Убрать!

Якимшин, побагровев, вытаскивает скомканную мокрую портянку, заменяющую ему платок, старательно сморкается в неё и снова засовывает в карман брюк.

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, – вступаюсь я. – Он простужен, разрешите ему выйти.

– Идите! – приказывает Сергеев и, как только Якимшин выходит, набрасывается на меня: – Вы что, в санчасть припёрлись? Зачем ты его взял? Командующий и командир корпуса только соплей ваших не видели! Вы что, всю дивизию опозорить хотите? Ты, Федотов, не осознал ответственность!

– Осознал, – заверяю я. – Честное офицерское, осознал.

Я тянусь перед ним так, что, кажется, не выдержит позвоночник.

– Надеюсь, в твоём взводе все умеют плавать?

...И тут я вспоминаю, как Прищепа, всегда спокойный, невозмутимый, обучал бойца из моего взвода держаться на воде перед переправой на Днепре.

– Плавать я тебя зараз навчу... Сигай в воду!

Секундная заминка – и робкий голос:

— Разрешите раздеться, товарищ сержант!

— Раздеться? Фрицев за Днепром без штанов догонять будешь? Некрасиво! А стрелять чем? Из личного нетабельного пулемёта? Пушка слабовата! Сигай в полном комплекте!..

Слышен громкий всплеск от неуклюжего падения тела.

— Держись за меня! — подбадривает Прищепа. — Выгребай!.. Вот так. Стиль баттерфляй... — по-русски — як топор. Цепляйся за лодку! Хорош! И хлебало прикрой! Уровень в Днепре не понизишь! Ще пару раз и чесанёшь через Днепр — на лодке не догонишь!..

— Так точно! Стилем баттерфляй, — улыбаюсь я.

— Ты что, Федотов, родимчик мне устроить хочешь? Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Это и видно! Ты щенок желторотый, сопляк и разгильдяй. Удивительно, как тебя на роту поставили. Ты втёрся в доверие к командарму... К командованию дивизии, — поправляется Сергеев. — А в действительности ты пустышка! Извилины мелковаты, рельеф не тот! И помяни моё слово: когда-нибудь ты сгоришь, как капля бензина! Ты давно командуешь ротой?

— С октября сорок четвертого, после успешной...

Не слушая меня, Сергеев подсчитывает:

— Восемь месяцев?

— Шесть, — сообщаю я.

— Вот и видно, что ты недоносок. Скороспелый, интеллигентный.

То, что он говорит, оскорбительно и, по моему убеждению, несправедливо, особенно неприятно, что он задевает Астапыча, острая обида пронзает меня, но в этот день я ни на минуту не забываю один из основных законов не только для армии, но и для всякой жизни: главное — не залупаться! — и потому тянусь перед ним.

За что он меня ненавидит? Не возражая в принципе против «молокососа» и «щенка», в душе я не мог согласиться с унижающим мою честь «разгильдяем» и, хуже того — «недоноском». Робкая попытка изменить его мнение обо мне была прервана, так и не начавшись...

А ведь в октябре обо мне и моём взводе писала армейская газета:

«НАШИ ГЕРОИ. О БОЕВОМ ПОДВИГЕ РАЗВЕДЧИКОВ

В ночь с 3 на 4 октября 1944 г. разведпартия взвода пешей разведки 138-го стрелкового полка 425-й стрелковой дивизии в составе шести человек под командой командира взвода лейтенанта Федотова Василия

Степановича скрытно проникла в расположение противника на глубину 1000 метров. Подкравшись вблизи дорожной развилки к огневой позиции двух противотанковых орудий, действуя дерзко и решительно, разведчики умело напали на немцев, пятерых убив, а трёх взяв в плен, и захватили орудия. Выведя одно орудие из строя, разведчики, преследуемые немцами, сохраняя выдержку и спокойствие и метко отстреливаясь, в условиях пересечённой местности более 1,5 км на руках тащили вторую трофейную пушку и без потерь возвратились с нею в расположение полка. При этом лейтенант Федотов, проявив свойственную русскому офицеру находчивость и смекалку, использовал пленных в качестве тягловой силы, а четырёх разведчиков в качестве двух групп прикрытия.

Приказом командующего 71-й армией по представлению командира 425-й стрелковой дивизии за дерзость, смекалку, инициативу и решительность, проявленные при выполнении боевого задания, награждены:

Орденом Отечественной войны 2-й степени – командир взвода лейтенант Федотов В.С.

Орденом Красной Звезды – разведчик, рядовой Калиничев Е.П.

Орденом Славы 2-й степени – разведчик, рядовой Лисенков А.А.

Военный Совет армии предоставил отпуск шестерым отважным воинам».

– Ты с бабами спал когда-нибудь?

– Никак нет, товарищ подполковник, – смущённо признаюсь я. – Не приходилось.

– И ни разу не поинтересовался, откуда у них ноги растут?

– Никак нет! – От стыда и сознания своей офицерской и мужской неполноценности я опускаю глаза.

– Раззява. Тебя, может, сегодня убьют. А ты даже не разговелся, ни разу не попробовал... – Что-то едва уловимое, похожее на сочувствие, послышалось в его голосе, и после секундной паузы он продолжил: – А если напоретесь на немца? Или попадёте под артобстрел?

– Немедленно наваливаюсь на командующего и закрываю его своим телом.

– Это плохо! Что значит – наваливаюсь?.. Наваливаться, Федотов, ты на немца должен. А на генерала – в случае артиллерийского или миномётного обстрела – ты должен ложиться с нежностью, как на женщину! И прикрывать своим телом! Давай дальше.

Я понял, что для Сергеева, если ты подполковник и выше – ты человек, если ниже его по званию – пень осиновый.

Я еле перевожу дух, в голове от напряжения гудит, а Сергеев продолжает:

— Группе разведчиков — твоему взводу, помимо обеспечения безопасности доставки на плацдарм генералов, поставлена частная боевая задача: скрытно провести разведку прибрежной полосы, заставить немцев показать свою оборону и раскрыть систему огня. Повтори приказание.

— Слушаюсь, повторить! Если с командующим или командиром корпуса во время переправы что-нибудь случится, я буду расстрелян. Разведвзводу...

— Задачу и ответственность понял правильно, — устало отмечает подполковник Сергеев. — Корабль и команда чтобы были в блестящем порядке, а за безопасность плавания отвечаешь головой. Радиосвязь будешь поддерживать постоянную с обоими берегами — со мной и с плацдармом. Иди!

Я выхожу. Меня столько раз уже пугали расстрелом и Военным трибуналом, что я воспринимаю это как норму. На войне, чтобы заставить человека вылезти из окопа, идти под пули, под мины, на смерть, действенна только угроза смертью. Сверху — команда, снизу — план любой ценой, а за спиной генералы и полковники с секундомерами фиксируют каждую команду и время её исполнения, поэтому командиры отделений, чаще командиры взводов, бегали вдоль залёгшей цепи с пистолетом, матюками и пинками поднимали солдат. У этих командиров была горькая участь. Лейтенанты и младшие лейтенанты дольше двух-трёх недель живыми не оставались. За два года я к этому привык. Единственное, что утешает, это то, что старшим офицерам, командирам батальонов и полков смертью и трибуналом угрожают ещё чаще, чем нам — командирам рот и взводов.

Около большого начальства главное — не дело делать, а изображать! Тяжкая работёнка — легче вагоны разгружать. Это даже мыши в окопах знают.

И я опять вспоминаю Кириллова. Начальство ещё не приехало, а сколько вагонов я уже выгрузил...

3. ДОКУМЕНТЫ АПРЕЛЯ 1945 г. (ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

Красноармеец! Будь бдителен!
Ты в логове врага!
Отравления, диверсии, заражения –
коварные методы издыхающего врага.
Плакат наглядной агитации

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 12.04.45 г.* *5 ч. 16 м.*

11 апреля с.г. немецкое радио передало обращение германского руководства к населению занятых советскими войсками немецких территорий с призывом организовать подрывную работу в тылу Красной Армии – взрывать мосты и портить дороги, нарушать связь, поджигать дома, магазины, предприятия, склады, устраивать террористические диверсии, убивать из-за угла офицеров и солдат.

По данным разведки среди населения оставлены специально подготовленные люди-пиротехники, которые занимаются поджогами. Города Леобшютц, Дебель практически полностью выгорели.

Пленные солдаты сообщили, что гренадёрский танковый батальон СС «Адольф Гитлер», дислоцирующийся в р-не Ратибора, хоть и называется танковым, однако ни одного танка, ни одного орудия не имеет, но состоит из 100–120 молокососов головорезов 14–15-летнего возраста, которым приказано осуществлять диверсионно-подрывную работу, убивать из-за угла, под видом гражданского населения переходить линию фронта и доставлять немецкому командованию сведения о расположении и силах наших частей.

Для нейтрализации пиротехников и предупреждения террористических действий усилить охрану войсковых частей, повысить бдительность всего личного состава к упреждению коварных происков врага, постоянно осуществлять разведку, выявляя среди оставшегося населения подозрительных лиц, в первую очередь подростков.

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ КОМАНДИРА 136 СК

12 апреля с.г. передовой отряд механизированной бригады на развилке дорог в районе Вартенберг был встречен двумя старыми немцами с красными повязками на рукавах, которые, выдав себя за антифашистов, указали направление движения.

На расстоянии менее километра от развилки отряд попал в ловушку: шоссе оказалось минированным, головные танки, подорвавшись, закупорили дорогу, а сгрудившиеся за ними грузовые машины с пехотой были прямой наводкой расстреляны замаскированными самоходками немцев, большая часть личного состава передового отряда была уничтожена огнём расположенных поблизости на местности немецких станковых пулемётов.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всему личному составу частей и соединений раз и навсегда покончить с благодушием и доверчивостью при контактах с немцами, круглосуточно соблюдать предельную бдительность, ни на минуту не забывая, что мы находимся на вражеской территории, и большинство населения относится к нам враждебно.

2. Ношение немцами на рукавах красных повязок запретить и впредь ни при каких обстоятельствах не допускать.

3. Ответственность за выполнение настоящего приказания возложить на командиров дивизий, полков, отдельных частей и комендантов населённых пунктов.

Генерал-лейтенант Лыков

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 163 СД

Доношу, что 13 апреля с.г. в 17.00 на зап. окраине нас. пункта Лихтенув (в 4,5 км восточнее гор. Фриденберг) в расположении 163-й стр. дивизии был совершён немцами террористический акт.

Вилли Кобус, 9 лет, бросил ручную немецкую гранату в группу военнослужащих. Взрывом были убиты красноармеец Пилипенко Степан Фёдорович и сержант Ефимов Иван Петрович, ранен в живот рядовой Вакулевич Авдей Яковлевич.

Отделом контрразведки «Смерш» дивизии были задержаны: сам террорист Вилли Кобус, 9 лет, его брат Гюнтер, 12 лет, который находился вблизи места взрыва и был ранен в ногу, и мать детей — Хейтвига Кобус, — которая приказала сыну бросить гранату.

Кобус Хейтвига, 1915 г. рожд., урож. г. Берлина, образование 8 классов, проживает в селе Лихтенув с 1938 г. после замужества, её муж — обер-ефрейтор, в армии с 1939 г., последнее письмо от него получено в январе с.г. и о его судьбе она ничего не знает. При отступлении немецких войск пыталась эвакуироваться с детьми, но была вместе с группой местных жителей отрезана наступающими частями Красной Армии и возвратилась назад в Лихтенув.

Во время допросов было установлено, что организатором террористического акта против военнослужащих Красной Армии был старший брат – Гюнтер Кобус, 1933 г. рожд., образование 4 класса, с мая 1943 г. член «Юнгфольк»[1].

Гюнтер Кобус рассказал, что организация «Юнгфольк» в селе Лихтенув насчитывала 24 человека, местным руководителем являлся немец Тиль Хайнс, руководство свыше осуществлял часто к ним приезжавший Керл.

Являясь членом организации «Юнгфольк», Кобус Гюнтер систематически занимался военной учёбой: изучением материальной части оружия – винтовка, автомат, пулемёт, граната, – правилами пользования им, а также и практическими стрельбами.

Когда части Красной Армии вступили на территорию Германии, состоялось собрание «Юнгфольк», на котором Керл поставил членам организации задачу – в местах сосредоточения частей Красной Армии совершать террористические акты против военнослужащих и дал указание привлекать к их совершению детей. Оба руководителя организации «Юнгфольк» – Тиль Ханс и Керл – при отступлении немецкой армии своевременно эвакуировались.

Выполняя указание Керла, Гюнтер Кобус обучил пользованию гранатой своего 9-летнего брата Вилли. 13 апреля с.г. Гюнтер пошёл в сарай, где лежали немецкие ручные гранаты, взяв одну из них, наблюдал, когда соберётся большая группа военнослужащих, затем отдал гранату Вилли, но тот бросил её преждевременно, а так потери были бы значительнее.

Отделом контрразведки «Смерш» дивизии на основании неопровержимых материалов расследования Кобус Вилли, 9 лет, Кобус Гюнтер, 12 лет, и их мать Кобус Хейтвига признаны виновными в совершении террористического акта, приведшего к гибели военнослужащих Красной Армии. Вину свою никто из них не отрицал, и на основании мотивированного постановления они были расстреляны.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 14.04.45 г.* *21 ч. 06 м.*

По сведениям оперативной разведки и по показаниям пленных, противник окружённой Восточно-Прусской группировки располагает большим

[1] «Юнгфольк» – детская нацистская организация в составе «Гитлерюгенд» для мальчиков от 10 до 14 лет.

количеством метилового (древесного) спирта и антифриза. Кроме того, действующий в р-не г. Кенигсберга спирто-лаковый завод выпускает спирт-сырец для технических нужд своих войсковых частей. Эти жидкости хранятся на аэродромах, в гаражах, подвалах домов и в лечебных учреждениях. Имеются данные, что командование немецко-фашистских войск приказало произвести расфасовку этих ядовитых жидкостей в мелкую посуду (бутылки, бидоны и т.д.) и разбросать по всему городу и даже району передовых линий обороны своих войск.

Всё это делается обречённым врагом с целью вызвать массовые отравления среди личного состава наших частей и соединений.

Необходимо самым решительным образом, всеми мерами и средствами предупредить отравления среди личного состава наших частей и соединений.

Нач. штаба
генерал-майор *Антошин*

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО 71 АРМИЕЙ

15.04.45 г.

Отступающий под натиском частей Красной Армии враг пытается вредить нашим войскам всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Факты подтверждают, что за Одером противник подготовил огромное количество «сюрпризов», минируя дороги, здания, склады с горючим, жилые дома, квартиры, гардеробы, вещи домашнего обихода, обнаружены даже сигары, начинённые взрывчатыми веществами. Враг отравляет воду, продукты питания, спиртные напитки с целью вывода из строя наших бойцов и офицеров.

Не надо забывать, что всё, что окружает нашего бойца на территории Германии, принадлежит врагу и предназначено служить интересам гитлеровцев.

Отдельные офицеры из-за безответственности и беспечности потеряли чувство настороженности и бдительности, что приводит к политической слепоте и потере контроля за поведением доверенного им личного состава.

Надо, наконец, понять, что немецко-фашистские мерзавцы умышленно отравляют продукты и спирт и оставляют их на поле боя, в танках, автомашинах, повозках, квартирах и других местах в надежде на то, что найдутся разгильдяи и поддадутся соблазну выпить.

Как показали печальные факты, не только бойцы, сержанты, но и офицеры попались на удочку врага.

Так, наводчик батареи 45 мм пушек мл. сержант Кандауров в подбитом танке нашёл железную банку с неизвестной жидкостью, о чём доложил командиру лейтенанту Горшкову. Последний определил по запаху и вкусу, что это «спиртовый напиток», и оба его распили. Через несколько часов лейтенант Горшков умер, а мл. сержант находится в МСБ в бессознательном состоянии.

Командир отделения сапёрного взвода сержант Дейнеко на переднем крае обороны немцев подобрал трёхлитровую банку с неизвестной жидкостью и принёс находку во взвод. Командир взвода лейтенант Филоненко и его помощник ст. сержант Дворецков по издаваемому запаху грушевой эссенции и на вкус определили, что найденная жидкость не что иное, как ликёр, и распили её. В выпивке приняли участие ещё 8 человек. В результате все распившие неизвестную жидкость, оказавшуюся антифризом, получили тяжёлое отравление, из них, в том числе лейтенант Филоненко, ст. сержант Дворецков и парторг капитан Галифулин, со смертельным исходом.

Группа разведчиков во главе с гв. лейтенантом Непомнящим, возвращаясь с боевого задания, в подбитой автомашине «опель» нашла бутылку с неизвестной жидкостью и несколько банок консервов. Вся группа распила злополучный «винный спирт», оказавшийся смесью антифриза с хлороформом, а съеденные консервы были заражены ботулизмом – не выжил никто.

Массовое отравление, но без трагического исхода, произошло из-за употребления в пищу еды, приготовленной из немецких пакетиков, найденных в одном магазине: никого даже не насторожило, что они были обёрнуты в самодельные этикетки с надписью по-русски «суп-пюре гороховый», в котором содержался тол.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командирам частей и соединений армии и их заместителям по политчасти внимательно ещё раз изучить приказ НКО № 0123–42 г., запрещающий пользование трофейными жидкостями и продуктами противника.

2. Под личную их ответственность разъяснить всему офицерскому, сержантскому и рядовому составу о недопустимости употребления трофейных продуктов и о смертельной опасности использования неизвестных трофейных жидкостей.

3. Политработникам частей и соединений совместно с медицинской службой провести беседы, лекции и доклады среди всего личного состава о диверсионных замыслах врага и ядовитости трофейных жидкостей.

4. Начальнику санитарной службы армии дать конкретные указания санитарной службе войскового района по данному вопросу, а также обеспечить медработниками (фельдшером или лаборантом) каждый батальон для производства санитарно-химической разведки.

5. Начальнику трофейного отдела дать жёсткие указания трофейным работникам об уничтожении мелких запасов трофейных жидкостей, а на большие ёмкости немедленно ставить надёжную охрану. Все трофейные жидкости хранить по правилам, установленным для хранения взрывчатых веществ. Допуск к ядовитым жидкостям и их выдачу производить под строгим контролем, применительно к правилам об особо опасных веществах.

6. Обнаруженные трофейные жидкости, в т.ч. вина и спирт, немедленно сдавать на армейские склады, допуская их употребление только после анализа лаборатории СЭО.

7. Категорически запретить употреблять любые трофейные жидкости в качестве алкогольного напитка.

8. Работникам Военной прокуратуры, Военного трибунала и органов «Смерш» принять все необходимые меры по предупреждению отравлений, а в случаях злостных нарушений моих приказов войскам привлекать лиц, допустивших нарушения, к строгой судебной ответственности.

Приказ объявить всему личному составу частей и соединений армии — офицерам под расписку, а рядовому и сержантскому составу зачитать в строю.

Генерал-полковник Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

ШТ из УТ 71 А *Подана 16.04.45 г.* *8 ч. 15 м.*

Зам. командиров корпусов и дивизий по тылу
Начальникам медико-санитарных служб

По данным санитарной разведки в полосе действия армии (нас. пункты Ганс, Хинов, Путциг) противником с целью заражения наших войск оставлены военнопленные и местные жители, больные сыпным тифом.

В целях ограждения войск от инфекционных заболеваний санэпидслужбе срочно провести следующие мероприятия:

1. Оповестить всех о наличии в полосе действия войск случаев сыпного тифа и предупредить об опасности заражения им личного состава.

2. Провести тщательную санэпидемическую разведку населённых пунктов.

3. Не расселять войска в населённых пунктах, где имеются случаи сыпного тифа.

4. Категорически запретить пользоваться вещами гражданского населения.

5. Своевременно изолировать всех военнослужащих, подозрительных на заболевание тифом.

6. Весь личный состав поголовно обследовать на вшивость и провести весь объём мероприятий по её ликвидации.

Зам. командующего по тылу
генерал-майор *Сизов*

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ВСУ 1 БФ *Подана 20.04.45 г.* *16 ч. 15 м.*

Начальникам врачебно-санитарных служб

Немцы перед отступлением, а также сейчас, на занятой нами территории, стали на путь искусственного заражения сифилисом и триппером немецких женщин с тем, чтобы создать крупные очаги для распространения венерических заболеваний среди военнослужащих Красной Армии.

В гор. Бад-Шенделис органами ОКР «Смерш» арестован немецкий врач, который прививал женщинам-немкам сифилис для последующего заражения военнослужащих Красной Армии. В том же городе арестована Верпек, медицинская сестра немецкого госпиталя, которая сама заразилась гонореей с целью распространения заразы среди наших военнослужащих – такое задание она получила от руководительницы местной фашистской организации женщин Доллинг Шарлотты.

Выполняя эти указания, Верпек заразила 20 бойцов и офицеров, а руководительница Доллинг Шарлотта – 18 военнослужащих.

Подобные примеры имеют место и в ряде других городов и деревень.

Врачебно-санитарным службам всех уровней принять решительные меры по предупреждению распространения венерических заболеваний среди военнослужащих и неуклонного исполнения директивы Военного Совета фронта от 15.04.45 г.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»

ШТ из ШТАБА 1 БФ *Подана 20.04.45 г.* *11 ч. 00 м.*

Начальникам штабов армий

С продвижением наших войск в западном направлении из тыла противника будут выходить агентурные разведчики РО штаба фронта с паролем: «Русский–Фёдоров–103, немцы–Бреслау–108 или 103». Многие из них будут в немецкой военной форме.

Все они имеют при себе удостоверения РО на шёлковом полотне.

Срочно дать указание всем подразделениям до рот включительно о том, чтобы всех вышедших с этими паролями немедленно доставлять под охраной на пункт сбора РО штаба фронта в г. Пренцлау к коменданту города для подполковника Егорова и капитана Мороза. У агентов оставлять всё, что при них есть – документы, рации, вооружение. О всех вышедших агентах срочно шифром доносить в Штакор.

Начальник штаба
генерал-полковник *Малинин*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 132 СД

Начальнику политотдела 136 ск

Доношу о проделанной сотрудниками политотдела дивизии политико-информационной работе.

В период 21–22.04.45 г. во время коротких остановок во всех частях дивизии была прочитана опубликованная в армейской и корпусной газетах статья «Ленин — великий патриот нашей Родины».

22 апреля проведены политинформации и беседы с личным составом, посвящённые 75-летию со дня рождения В.И.Ленина.

В личных беседах бойцы и офицеры отметили и обратили внимание, что эта дата совпала с историческим моментом — началом штурма фашистского логова Берлина.

Капитан Чудилов заявил: «Хотя наши бои пока не увенчались успешным форсированием Одера, но положение на других фронтах и у соседей в 425-й стрелковой дивизии радует душу. Не сомневаюсь, что и мы выбьем немцев с их позиций и овладеем городом, стоящим перед нами».

Одновременно бойцам разъяснено положение на фронтах, особенно отмечены успехи нашей армии на Берлинском и Дрезденском направлениях.

Агитаторы полков, заместители командиров батальонов и дивизионов своевременно доводят сводки Совинформбюро с показом на карте. Однако, карт Германии на русском языке ограниченное количество, что является одним из недостатков в работе с материалами Совинформбюро, но устранить его своими силами мы не можем.

Полковник Колунов

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

Командирам частей и соединений

23.04.45 г.

По сообщению Военного Совета фронта из тыла противника навстречу нашим передовым частям выходят агентурные разведчики РО штаба фронта, которые по 5–8 месяцев находились в глубоком тылу врага и в исключительно тяжёлых условиях, не щадя своей жизни, выполняли поставленные перед ними задачи по разведке войск противника.

Вместо того, чтобы этих отважных людей по-человечески принять и немедленно направить через органы «Смерш» в РО штаба армии, некоторые командиры частей и подразделений допускают случаи преступного отношения к советским разведчикам.

Так, в Млаве бойцами 717-го стр. полка 137-й стр. дивизии ночью был замечен ползущий к передней траншее обороны человек, как потом установлено, им оказался командир агентурной группы, один из лучших наших закордонных разведчиков, четырежды орденоносный инженер-капитан Чашников. Назвав пароль и теряя последние силы из-за ранения и начавшейся гангрены ноги, он попросил немедленно сообщить о нём и срочно доставить в РО штаба дивизии. Бойцы просьбу товарища Чашникова не выполнили, ничего не сообщили в штаб дивизии, а как «власовца» зверски убили прямо в траншее.

В районе Цеханув вышла из вражеского тыла агентурная группа во главе с командиром старшим лейтенантом Дёминым. Группа была доставлена к командиру 96-й мехбригады подполковнику Лукашенко, который, не разобравшись в существе дела, объявил доставленных к нему разведчиков дезертирами и изменниками Родины и приказал

расстрелять. Только вмешательство офицера «Смерш», арестовавшего закордонников, в последнюю минуту спасло им жизнь.

Подобное преступное отношение к агентурным разведчикам совершенно недопустимо и виновные будут караться самым суровым образом.

Военным трибуналом причастные к убийству инженер-капитана Чашникова осуждены к высшей мере наказания – расстрелу и приговор приведён в исполнение.

Военным Советом армии подполковник Лукашенко предупреждён о неполном служебном соответствии и ему на 6 месяцев будет задержано присвоение очередного воинского звания «полковник».

КОМАНДУЮЩИЙ ПРИКАЗАЛ:

Встреченных войсками агентурных разведчиков, вышедших из тыла противника (русские, поляки, немцы) и предъявивших пароль «Я разведчик разведотдела фронта», немедленно передавать органам «Смерш», через которые они под охраной будут направлены в разведотдел штаба фронта.

Вышедших разведчиков обеспечивать хорошим питанием, а в случае необходимости – медицинской помощью и одеждой. Отбирать у них личные вещи, документы, вооружение и радиостанции категорически воспрещается.

Генерал-полковник Смирнов

4. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОДЕР

Генералы прибыли на берег к месту переправы, когда уже стемнело. Полуглиссеры стояли тесно прижавшись, борт к борту, под прикрытием небольшого мыска в относительном затишье.

Сергеев, завидя подъезжающих, вылезает из машины и, сделав несколько шагов навстречу приехавшим, останавливается в метре от меня.

— Товарищ генерал... — слышу я голос Сергеева. — Разрешите обратиться... Разрешите доложить... — с волнением, негромко, сбивчиво говорит он. — Товарищ генерал-полковник, разрешите доложить: переправиться через Одер этой ночью под таким обстрелом и в такую непогоду — это не мудями трясти! Прошу вас... Разрешите... Только что получена радиограмма...

— Вы что, издеваетесь?! — возмущённо восклицает командующий. — Вы получили приказание в шесть часов утра. У вас было семнадцать часов на подготовку! Докладывали, что для переправы всё подготовлено, а у вас ещё и конь не валялся! Это безобразие! О чём вы думали раньше?! Обеспечьте переправу немедленно любыми средствами и даже невозможными!

— Слушаюсь!.. Разрешите...

— Идите!

Хотя сегодня мне как никогда досталось от Сергеева — он дрочил меня на инструктаже до одурения, — мне его жаль, хотя он и сам виноват. Ведь только утром полковник Кириллов объяснил ему, что, если волевой генерал примет решение, остановить его невозможно.

При моём появлении Сергеев докладывает командующему:

— Товарищ генерал-полковник, назначенный ответственным за вашу доставку на плацдарм командир разведроты дивизии старший лейтенант Федотов.

Оба генерала поворачиваются ко мне. Я делаю шаг навстречу командующему:

— Товарищ генерал-полковник, — вскинув руку к каске, в свою очередь докладываю я, — плавсредства и экипажи трёх амфибий к переправе подготовлены!

Командующий пристально и неулыбчиво рассматривает меня, вглядывается в моё лицо. Очень внимательно рассматривает меня и командир корпуса.

Мне потом объяснили расчёт Фролова: у командующего армией сын служит командиром взвода в соседней дивизии, и Астапыч полагал, что оттого генерал-полковник будет относиться ко мне по-отечески и, во всяком случае, лучше, чем к зрелых лет майору или капитану.

— С какого времени в Действующей армии? — спрашивает командующий.

— С июня сорок третьего года.

Сергеев, очевидно, почувствовал, что я не произвожу впечатления на командующего, и тут же вступается:

— Один из лучших офицеров... Ветеран дивизии... Боевой офицер. Имеет большой опыт форсирования. Наш главный перевозчик. Переправиться через Одер ему всё равно что два пальца... обмочить, — заверяет он.

При этом для большей ясности он подносит руку к низу гимнастёрки, хотя и так всё ясно. Он бросает на меня быстрый выразительный взгляд, и я вмиг вспоминаю его инструктаж и соображаю: очевидно, он не сумел ясно доложить, почему целесообразнее отсрочить переправу, и потому это должен сделать сейчас я. И я снова вскидываю руку к каске.

— Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться... Разрешите доложить... Волна четыре балла... В таких условиях амфибии не работают... Сильный дождь, видимости никакой — нулевая... Разрешите... — Сам понимаю: жалко всё это у меня звучит.

— Короче!!! — властно приказывает командующий.

Как настоящий офицер, я не должен подводить начальников и, как настоящий офицер, должен принять удар на себя.

— Разрешите отложить переправу до рассвета или вызвать буксирные катера... Они с минуты на минуту должны подойти.

Я осекаюсь: генерал-полковник меняется в лице и переводит яростный взгляд на Сергеева.

— Вы что, сговорились?! — выкрикивает он, и я понимаю, что попал впросак: Сергеев и сам всё ему объяснил.

— Никак нет! — тянется перед ним Сергеев.

— Перестаньте вилять! Докладываете, что для переправы готовы,

и тут же просите отложить всё до рассвета. Вы не выполнили мой приказ! Сейчас я вам приказываю – перестаньте крутить жопой! Вы как хорошая проститутка: вас на одном месте не используешь! Я вынужден объявить вам неполное служебное соответствие... Иван Антонович! – повернулся командующий к командиру корпуса и уже полушепотом продолжал: – В течение десяти дней представьте мне аттестацию на подполковника Сергеева с вашим заключением о возможности его использования в занимаемой должности. Я лично убедился – не соответствует.

– Разрешите... Я думал... как лучше... – заверяет Сергеев.

– Я не могу ждать до рассвета! К десяти утра я обязан вернуться! И на плацдарме надо быть не позже, чем через час! Ясно?! Вы-пал-нять!..

– Так точно! – Сергеев прикоснулся к козырьку. – Разрешите идти?

– Да. Поехали!

Подполковник, чётко повернувшись, отошёл, печатая шаг. Командующий, семеня мелкими шажками, не скрывая предельного раздражения, направился вместе с командиром корпуса за ним.

При переправе на левый берег на плацдарм, где размещался КП дивизии, по закону подлости всё лепилось одно к одному.

– Надо ехать, а вас нет! – говорю я водителю амфибии.

– Огоньку не найдётся, лейтенант? Куда ехать? – вполголоса возбуждённо отвечает Кустов. – Только что из корпуса получена радиограмма: «Все рейсы прекратить, машины из воды поднять!» Я письмо домой не успел отправить. Если что – пожалуйста...

Вот это абзац!

– Чья радиограмма?

– Командира батальона амфибий. Вот она: «Клумба – Я – Мак 4 Видимость нулевая Ответьте немедленно».

Замолчать это распоряжение я не имею права – это было бы преступлением. Я должен немедля принять решение, и я его принимаю.

– Кустов, – говорю я, притягивая к себе старшину за локоть и ткнувшись лицом в его лицо, – сейчас же доложите о радиограмме подполковнику Сергееву. Только ему. Пусть он решает!

Он отходит, но радист, обременённый опытом первых лет войны и двумя тяжёлыми ранениями, как я потом понял, не захотел включать передатчик, чтобы не навлечь на себя огонь противника.

В кромешной тьме и под непрерывным холодным дождём наш буксирный катер, сокращённо называемый «семёркой»[1], борясь со стремительным течением и большими волнами, медленно рассекал тёмную, коричневатого цвета воду.

Порывы шквального ветра. Левый берег реки вообще не просматривается и впереди – никаких ориентиров. Мы могли рассчитывать на поддержку огромного числа артиллерийских орудий с нашего возвышенного восточного берега Одера, но они почему-то молчали. Шли на ощупь более получаса, двигались ломаным курсом, увёртываясь от боковых волн. Болтало нещадно. Механик-водитель с искажённым от напряжения обветренным лицом, навалившись грудью на руль, прикладывает огромные усилия, меняя движение машины относительно волн, совершая немыслимые повороты под шквалами ветра, пытается уменьшить коварную и опасную качку.

– Старший лейтенант, – оборачиваясь, нарушает молчание командующий, – мы долго будем вот так телепаться, как дерьмо в проруби? Доложите обстановку! – приказывает он.

Я приближаюсь к его уху и шепчу:

– Слушаюсь!.. Места высадки и погрузки на обоих берегах закрыты из-за сильного артиллерийского обстрела. Высаживаться там мне запрещено.

Я стараюсь ответить как можно лаконичнее и точнее.

– Кем запрещено?

– На плацдарме – комендантом переправы инженер-майором Казарцевым. Немцы из пулемётов обстреливают там берег на всём протяжении. Вы слышите, как молотят?..

– Так фланкирующий или фронтальный огонь? Тридцать четыре или сорок два?[2] – спрашивает командир корпуса.

– Они различаются по весу, – докладываю я. – ЭМГа-сорок два на три килограмма легче. По звуку стрельбы они не различимы. Возвращаться к причалам погрузки и высаживаться там мне категорически запрещено.

– Кем запрещено?

– Подполковником Сергеевым. Он приказал вернуться на правый берег, спуститься вниз по течению и высаживаться в полутора-

---

[1] Лёгкий быстроходный катер типа полуглиссер НКЛ-27. Размеры: 7,5 × 2,1 × 1,8 м; вес 950 кг; число мест – 5; мощность двигателя 50 л.с.; скорость хода 35 км/час.

[2] Немецкие универсальные пулемёты MG-34, образца 1934 г. и MG-42, образца 1942 г.

двух километрах ниже места погрузки. Но там над берегом линия обороны соседнего корпуса Сто тридцатой гвардейской дивизии – в темноте они могут нас перестрелять.

– Резон, – отмечает командир корпуса. – Мы здесь телепаемся, а они в сторонке и в полном порядке. – Он оборачивается ко мне: – Вы обстановку контролируете? Ваше решение?

– Так точно! – бодро отвечаю я и по привычке добавляю: – Аллес нормалес!

– А начальники хороши! – тихо говорит ему командующий. – Каждый отбоярился и снял с себя ответственность. Суть дела не важна!

– Ваше решение? – снова повторяет и оборачивается ко мне командующий. – Что вы конкретно собираетесь делать?

– Продолжаю выполнять боевую задачу по доставке вас и командира корпуса на плацдарм. Я решил: будем высаживаться между «Альпами» и «Балтикой», примерно посерёдке, там, где в первую ночь я высадил командира дивизии полковника Быченкова.

Я нарочно говорю «высадил», чтобы они поняли, что я не случайный неопытный пацан.

– Резон! – опять замечает командир корпуса.

«Я решил» – не раз встречалось мне в боевых приказах и всегда вызывало восхищение своей безапелляционностью. Я стараюсь говорить приказным языком, не торопясь, спокойно и уверенно, чтобы они были убеждены, что я всё время полностью контролировал и контролирую обстановку, а переправиться через Одер – для меня всё равно, что два пальца обмочить, как выразился Сергеев.

– Так в чём дело? Что вам мешает? Чего вы ждёте? – спрашивает командующий.

Для себя я ситуацию реально оцениваю как хреновую: и вернуться не можем, и угодить при высадке в такой адской темени без ориентиров можем прямёхонько к немцам.

Ориентирами при высадке на плацдарм должны были служить короткие трассирующие очереди, но из-за сильного дождя мы их не увидели. Сейчас их вообще перестали подавать.

– Нам нужны ориентиры. Мною только что передана радиограмма на личную рацию полковника Быченкова с просьбой без промедления выслать на берег маяки и обозначить место высадки ракетами. Для этого требуется 15–20 минут. По рации передал, что продолжаем движение... но квитанции[1] не получил.

---

[1] Квитанция *(жарг.)* – ответ.

– Выполняйте! – помедля несколько секунд, приказывает командующий. – Федотов, а мы к немцам так не приплывём?

– Никак нет! – бодро заявляю я и дублирую: – Кустов, ты понял?

– Чего ж тут не понять?

– Сколько до берега?

– Метров четыреста-пятьсот.

В этот момент сильный удар очередной большой боковой волны развернул идущий впереди буксир, и тут же днище его корпуса заскрежетало по какому-то подводному препятствию, катер накренился настолько, что стала поступать вода. Механик-водитель пытается безуспешно изменить направление движения «семёрки», чтобы избежать неминуемого столкновения с амфибией. Но амфибию поднятой волной швыряет носом в борт «семёрки». Только этого не хватало!

Перегнувшись вперёд, механик-водитель обшаривает рукой носовую часть кузова амфибии и яростно шепчет:

– Весь перёд разбит. Я же говорил: нельзя плыть!.. Дуроломы... вашу мать! А ещё начальники...

– Тихо, старшина, тихо, – шёпотом уговариваю я его.

– Чего тихо? Вы уйдёте, а машина разбита!

– Успокойся, ну, успокойся... – я поглаживаю его по плечу.

– Дуроломы вы припадочные, а не начальники! – объясняет он мне, сбрасывая мою руку. – Кто же при нулёвке переправляется по такой воде?! И ещё генералов посадили!.. Вашу мать... Судить вас мало...

– Америка – мать её, – тоже тихо ругаюсь я.

– При чём здесь Америка? – шепчет старшина. – У нас бензин с водой – не фурычит! И «семёрка» фордыбачит. Похоже, она теряет способность двигаться своим ходом.

Я спешно перебираюсь на «семёрку», соскакиваю вниз и осторожно присвечиваю узким лучом карманного фонарика с фильтром. Натужно сипит маломощная мотопомпа, и рядом со мною солдаты касками вычерпывают воду, но её тем не менее по щиколотку. И я определяю то, что уже наверняка поняли и знают командир и водитель машины: «семёрка» обречена. Она продержится на плаву не более 30–40 минут, и надо без промедления принять решение.

«Семёрка» сильно осела, создалась угроза заныривания машины и ухода её под воду за счёт резкого изменения дифферента и скопления воды в носовой части.

Взять её на буксир амфибией, в которой находятся командующий и командир корпуса, я не имею права. Глубина здесь 18–25 метров,

и, уходя на дно, «семёрка» перевернёт и потянет пятиметровым буксирным тросом за собой амфибию с генералами. Снять с «семёрки» людей я тоже не могу: во-первых, будет перегружена амфибия с генералами, чего допустить я не имею права, а во-вторых, оставление повреждённого боевого плавсредства экипажем, не выполнившим до конца своих обязанностей по спасению катера, влечёт за собой высшую меру социальной защиты – расстрел. Это мне вдолбили ещё на Висле, и сегодня, по приказу подполковника Сергеева, я в очередной раз повторил это экипажам всех трёх амфибий; поэтому не могу отдать приказ оставить «семёрку»: за её плавучесть и живучесть надо бороться до последнего.

– Все на месте? Пострадавшие есть?

– Нет солдата из боепитания, – шёпотом докладывают мне.

– Чичков! – зову я. – Чичков!

На амфибии его не было. Но и на «семёрке» его нет. Я уже понимаю, что он слетел при ударе, столкновении. Утонуть он не мог. Я же заставил его надеть пробковый жилет.

– Чичков!!! – не без отчаяния кричу я.

Но обнаружить и выловить его в бурлящей тёмной воде не было никакой возможности. Оставалась слабая надежда, что он смог зацепиться за канат, которым запасные лодки были привязаны к катеру. Пробковый жилет должен держать его на воде.

С тяжёлым сердцем, молясь всем богам, чёрту и дьяволу о том, чтобы доплыть и дотянуть генералов и свой взвод до берега, я перебираюсь на амфибию.

Кажется, прошла целая вечность, пока амфибия, маневрируя и продолжая выписывать зигзаги, наконец по размокшему вязкому грунту, тихо урча, не выбирается на берег, прямо на светлячок маяка.

«Семёрку» прибило к берегу метрах в трёхстах ниже...

В четыре часа восемнадцать минут (я взглянул на свои часы со светящимся циферблатом, с которыми никогда не расстаюсь, и зафиксировал время для донесения) мы высадились на берегу у маячка, где с группой обеспечения нас встречал майор Елагин.

Передав генералов в полной сохранности и оставив у места высадки двух разведчиков с ручным пулемётом для их охраны в случае возможного появления немцев, мы продолжали выполнять задание по разведке прибрежной полосы.

Работа планировалась «на тихаря». Погода для этого была на редкость благоприятна: шум проливного дождя, порывы ветра и еле-

еле забрезживший рассвет надёжно прикрывали нас. Двигаясь по пояс в воде в направлении выступавшей над водой дамбы, провели замеры воды вдоль берега. Невдалеке стали вырисовываться очертания остова взорванного моста.

Разбившись на две группы, начали обход быков моста. Связь должна была поддерживаться установленными заранее световыми сигналами, подаваемыми карманным фонариком с фильтром.

Группа Лисенкова отделилась вправо... Вот спина Лисенкова... Правый локоть его, положенный на автомат, отведён в сторону, левая рука покачивается в такт шагу. Строен, гибок, шагает легко, неслышно, в темноте кажется, что он не идёт, а плывёт. Калиничев с тремя разведчиками гуськом двинулись влево.

Последовательно изолируя опорные пункты друг от друга, подобрались к амбразуре и щелям наблюдения. Принимаю мгновенное решение: вначале хорошенько «пощекотать» немцев, а затем зажарить их как тараканов в бетонированном колодце. Я поднял руку, и по условному сигналу в амбразуру и щели наблюдения полетели дымовые шашки и гранаты, а вслед за ними в глубокий колодец залили горючую смесь и подожгли.

Минуты полторы стояла тишина, казалось, всё вымерло, но вот из глубины обороны ударили пулемёты.

При отходе Лисенков, зачищая каземат после взрыва, задыхаясь от гари, дыма и вони, остановился, и тут ему на глаза попался забившийся в угол, дрожащий от страха немец. Небольшого роста, жилистый и с очень хорошей реакцией, Лисенков мгновенно сбил фрица с ног и, глядя на него в упор, негромко произнес: «Хальт! Хэнде хох!» Из разведчицкой практики доказано: орать эти слова не надо, произнесённые вполголоса, они действуют сильнее. Затем цепкими руками обхватил грузного немца, заломил ему руки за спину, связал их ремнём, зажал голову под мышкой, затолкал в пасть кляп – фрицевскую же пилотку, – и не спеша поволок из каземата наверх.

– Задание выполнено, товарищ старший лейтенант, – вскоре возбуждённо, блестя глазами, докладывал Лисенков. – Немцы задохлись и поджарились, и контрольный пленный доставлен! Наблюдатель-корректировщик, гад!

Ну, молоток Лисёнок! Так мы ещё и с подарочком!

В насквозь промокших ватных штанах и телогрейках, озябшие до судорог в ногах, мы вернулись на КП дивизии.

Захваченный в плен унтер-офицер Альберт Клумп из Гамбурга в полном соответствии с солдатской книжкой, извлечённой из его

кармана, служил в 78-й немецкой штурмовой дивизии, недавно переброшенной с другого участка фронта на смену изрядно потрёпанным частям. Он оказался матёрым фашистом – в сапоге был найден членский билет...

Лисенков, вытащив из сапога ложку и пристроившись в углу с котелком, ест медленно и со вкусом, а я «фалую»[1] немца по-скорому и на всю катушку. В нагрудном кармане у него находились католический молитвенник и семейная фотография. Жена ничего собой не представляла, но дети очень красивые, особенно славный – младший ребёнок.

– О-ля-ля! – восхищённо восклицаю я. – Это ваша жена?.. Бесподобно! Поразительно! Она, случайно, не русская?.. Странно. Такие красивые женщины бывают только в России!.. Она просто бесподобна!.. Если бы дома меня не ждали жена и ребёнок, я бы не смог... Я бы в неё влюбился и был бы не в силах отдать вам фотографии. А это ваши дети?.. Малышка просто очаровательна... А мальчик вылитый отец... Представляю, как они вас ждут!.. Пожалуйста...

...Он отвечает мне еле слышно, продолжая икать и всхлипывая, слёзы стоят у него в глазах. Я «фалую» его по-скорому, «фалую» из последних сил, чтобы снять с него напряжение и страх и сделать более разговорчивым. И пусть я пустышка и сопляк и в жизни ещё не «фаловал» ни одну девушку или женщину, по части пленных опыт у меня достаточный. Я говорю ему то, что в подобных ситуациях говорил уже десяткам захваченных немцев, и пусть с произношением у меня неважно, однако я вижу: он всё понимает. За полтора года я более ста немецких фраз выучил наизусть. Насчёт жены и детей я, конечно, бью его ниже пояса, но такие разговоры, по определению Елагина, придумавшего их, «примитивны, но эффективны».

Возвратив ему фотографию, я выпрямляюсь, ощущая острую боль в позвоночнике, поворачиваюсь и приказываю Калиничеву, Лисенкову и Прищепе:

– Выйдите и ожидайте за дверью. Я позову.

Как только они выходят, я открываю молитвенник – это был католический молитвенник, двуязычный, немецко-латинский, – присаживаюсь перед ним на корточки и, доверительно взяв его за руку, гляжу ему прямо в глаза и читаю «Патер ностер», «Кредо», «Аве Мария», затем, понизив голос до полушёпота, продолжаю:

---

[1] Фалую, фаловать *(жарг.)* – городить глупости, пошлости, работать под простачка, невежу, уговаривать; в данном случае метод, используемый для психологической обработки пленного до допроса.

— Я должен кое-что вам сказать по секрету. Только это должно остаться между нами. Обещаете?.. У меня бабушка чистокровная немка и к тому же католичка. В Германии Гитлер преследовал католиков, а у нас в России их жалеют. И вас могут пожалеть. Это зависит только от вас. Хочу вас по секрету предупредить: с вами будут беседовать старшие офицеры — вы должны быть с ними полностью правдивы и откровенны! И тогда война для вас закончена и ничто вам не грозит. Всё зависит только от вас. Говорите правду, и вы вернётесь к семье, и всё у вас будет хорошо! Пожалуйста, возьмите!

Я возвращаю ему молитвенник, часы, носовой платок и зажигалку. Унтер-офицер, подняв голову, смотрит на меня полными страдания глазами, он всхлипывает, икота у него продолжается, и слёзы текут из глаз. Я похлопываю его по плечу и успокаиваю:

— Не надо! Говорите правду, и у вас всё будет хорошо. Слово офицера!

Как только немца увели, для снятия напряжения последних часов — я был буквально выпотрошен допросом немца — и нестерпимой боли в спине я заваливаюсь на холодный пол и, уперев каблуки сапог в дверной порог, расслабляю все мышцы, закрываю глаза, отдыхаю...

Препровождая немца в блиндаж командира дивизии Быченкова, ему завязали глаза. Хоть такое и предписывалось инструкцией, но этого не всегда придерживались.

Как потом сообщил довольный Астапыч, немец оказался ценной штучкой, он дал показания об укомплектованности и технических средствах его дивизии и о моральном состоянии личного состава...

При встрече командующего и командира корпуса на КП дивизии Астапыч бодро докладывает:

— Товарищ генерал-полковник, Четыреста двадцать пятая стрелковая дивизия ведёт боевые действия по расширению плацдарма на левом берегу реки Одер. Обеспеченность боеприпасами по основным видам оружия от двух с половиной до пяти бэка[1], продовольствием — из расчёта семи сутодач. Настроение у личного состава дивизии и приданных частей бодрое, боевое. Командир дивизии полковник Быченков.

Астапыч мгновенно расслабляет своё плотное, сбитое тело и уже совсем неофициально, с доверительной интонацией осведомляется:

[1] Бэка — боекомплект.

– Трудно добирались?

– Безобразно! – неожиданно резким голосом говорит командующий и указывает на меня. – Он же нас к немцам завёз!

Меня сразу бросает в жар: «Ну, всё!»

– Кто завёз? Федотов? – с хитровато-доверчивой улыбкой удивлённо переспрашивает Астапыч и категорически отрицательно мотает головой. – Не может быть!

– Как не может быть?! Было! – строго и неулыбчиво, по-прежнему сухо и с неприязнью продолжает командующий. – И ещё ложно докладывал, что всё нормально. За один только обман он заслуживает наказания!

– Аллес нормалес! – понимающе восклицает Астапыч. – Всё нормально! – весело повторяет он. – Так он вас морально поддерживал, – поясняет Астапыч. – Это же его прямая обязанность! Разрешите доложить, товарищ генерал, что переправиться через Одер под таким обстрелом... ночью, в такую непогоду, да ещё при волне – это, извините, не в ширинке пятернёй почесать! Вы и командир корпуса на плацдарме, и, как я вижу, целы и невредимы. И не у немцев, а у меня в блиндаже. За одно это я должен объявить благодарность Федотову и экипажам.

Отец родной и благодетель! Ещё не было случая, чтобы Астапыч в трудную минуту отвернулся от подчинённого или бросил его в беде, как не раз с лёгкостью делали на моих глазах другие начальники. Пока есть Астапыч, и мы не пропадём...

– А ты, Быченков, за словом в карман не лазишь, – недовольно замечает командующий.

– Так разве в боевой обстановке есть время в карман лазить? – искренне удивляется Астапыч. – Берёшь, что наверху, на языке. А как иначе? Иначе враз слопают, с потрохами.

Командующий, уже раздетый адъютантом и успевший маленькой расчёской потрогать усы и волосы на голове, делает ко мне несколько коротких шагов; подняв сухонький указательный палец, потрясает им в метре от моего лица и строго, наставительно говорит:

– И ещё хотел нас обмануть! Меня, старого солдата, думал надуть: пытался выдать фронтальный пулемётный огонь за фланкирование![1] Не думай, что тебя не поняли, – я тебя вижу насквозь и даже глубже! Генерала обмануть – паровоз надо съесть! – с возмущением восклицает он.

[1] Фланкирование – обстрел с флангов продольным огнём.

— Так точно! — вскинув руку к каске и вытягиваясь в струну, с готовностью подтверждаю я. — Виноват!

Паровоз я в своей жизни ещё не съел и потому обмануть генерала, а тем более двух, оказался не в состоянии. Но после высказываний о том, что такое переправиться через Одер и относительно благодарности, я почувствовал, что ничто серьёзное мне не грозит, и своим «Виноват!» как бы признал, что действительно чуть не завёз двух генералов к немцам.

Из внутреннего кармана кителя командующий достаёт сложенный вдвое листок и протягивает его Астапычу.

— Поздравительная телеграмма командиру корпуса и тебе. Персональная.

— Ну, уважили! — не скрывая радости, улыбается Быченков.

Ещё бы не уважили! Из девяти дивизий нашей армии четыре форсировали Одер, но захватить плацдарм и, более того, в течение недели расширить его удалось только Астапычу. Группы захвата и передовые отряды трёх других дивизий, в том числе и одной гвардейской, несмотря на отчаянное сопротивление, были сброшены немцами в Одер.

Между тем адъютант и ординарец Астапыча успели застелить стол белоснежной скатертью, расставили на ней стаканы в трофейных подстаканниках, тарелки с закусками. Мне здесь делать нечего, в мою сторону никто не смотрит, и, козырнув для порядка, я тихонько выхожу.

Ну, кажется, на сегодня всё!

Я, конечно, пустышка, сопляк и бездельник, и с мозгами у меня не густо, но я уже не первый год замужем и вмиг всё соображаю: Астапыч, конечно, знает о взятом и уже выпотрошенном немце и, выждав достаточно времени — после обсуждения обстановки и разговоров, — как бы невзначай предложит генералам самим опросить свеженького пленного, всего часа два назад находившегося там, в немецких боевых порядках. Вызовут переводчика, приведут пленного — вот вам, пожалуйста, товарищ генерал-полковник, во исполнение вашего приказания экспресс для Москвы, для генерала Оборенкова...

5. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ...

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ 1941 г.

Из памятки-наставления «Об особенностях войны с Россией»[1]

...4. Характер и личность

Русскому народному характеру свойственна неповоротливость, склонность к схематизму, нерешительность, а также страх перед ответственностью.

Только немногие командиры составят исключение и будут действовать свободно и смело, не по уставному шаблону. Нередко их неповоротливость переходит в тупость, что приводит к наибольшим лишениям и массовым потерям, которые русскими переносятся без переживаний.

Если во время атаки первая наступательная волна уничтожается, они продолжают двигаться второй и третьей волнами, гонимые вперёд частично огнём со своей стороны, а больше – страхом перед командирами.

Установлено, что русский солдат сражается без энтузиазма и энергии, когда не знает, за что он должен умирать. Однако, в предстоящих сражениях в России идея «защиты пролетарского отечества» будет его в известной степени воодушевлять.

В общем, русские подходят лучше для обороны, чем для наступления. Они будут обороняться упорно и храбро, готовые умереть на том месте, куда были поставлены приказом своего командира.

...6. Выводы

Сила русских вооружённых сил и самой России заключается в большой массе людей и боевых средств всякого рода, в нетребо-

[1] Издана Главной войсковой квартирой 25 января 1941 г. Автор – подполковник генштаба Кинцель. Предназначена для войсковых частей немецкой армии, куда поступила в середине апреля 1941 г., за два месяца до нападения на Советский Союз.

вательности, выносливости и храбрости солдат, а также огромных пространствах страны.

Слабость русских заключается прежде всего в недостаточном уровне подготовки во всех звеньях, особенно же генералов и полковников, выдвинутых на руководящие должности после массовых чисток последних пяти лет, в неповоротливости и страхе у командиров всех рангов перед ответственностью за принятие самостоятельного решения, а также в серьёзных недостатках организации армии и боевой техники.

Русская армия в настоящее время ещё не является полноценным боевым инструментом. Она во всём будет уступать современному, высокоорганизованному противнику, командование которого обучено проводить широкие и быстрые решительные операции с нанесением молниеносных ударов.

И всё же следует ожидать, что русский солдат будет храбро бороться, сопротивляться и защищать свою родину.

Из выступления Гитлера на совещании командующих и начальников соединений Восточного фронта 30.04.41 г.

...Наша задача в отношении России: вооружённые силы разгромить, государство ликвидировать.

...Русский не устоит против массового наступления танков и авиации.

...Нам надо отказаться от прежнего понимания солдатского товарищества, от рыцарского отношения к противнику. Коммунист для нас не солдат ни до, ни после боя. Взятых в плен солдатами не считать.

...Речь идёт о войне на уничтожение.

Приложение № 2 к инструкции по развёртыванию и боевым действиям по плану «Барбаросса» от 02.05.41 г.

...Война против России — один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа.

...Цель этой войны — разгром сегодняшней России, поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью.

...Каждая боевая операция и в планировании, и в её проведении должны осуществляться с непреклонной волей к беспощадному тотальному истреблению противника.

Никакой пощады к представителям русско-большевистской системы

Из обращения Гитлера к национал-социалистам, немецкому народу и солдатам Восточного фронта 22 июня 1941 года

Обращение Гитлера транслировалось по радио в течение всего дня 22 июня, в понедельник 23 июня ведущие газеты национал-социалистической партии[1] опубликовали текст-обращение:

«...После нескольких месяцев гнетущих забот и вынужденного молчания наконец-то пришёл тот час, когда я могу говорить открыто.

Уже более двух десятилетий еврейско-большевистские власти из Москвы предпринимают попытки поджечь не только Германию, но и всю Европу.

...Не Германия пыталась насаждать национал-социалистическое мировоззрение в России, а еврейско-большевистские власти в Москве неуклонно навязывали своё господство нам, причём не только идеологически, но, прежде всего, военным насилием.

...Я же, напротив, пытался достичь нового социалистического порядка в Германии, который бы не только ликвидировал безработицу, но и приносил трудящимся больше прибыли от их труда, планомерного устранения сословных и классовых различий и создания действительно народного государства, не имеющего подобного нигде в мире.

...Являясь ответственным фюрером германского рейха, а также представителем европейской культуры и цивилизации, я занял, глубоко сознавая свою ответственность, единственно правильную позицию – выступить против заговора еврейских и англосаксонских подстрекателей войны и еврейских правителей большевистского центра в Москве.

...Только национал-социалистическая Германия может разбить оковы, наложенные врагом всего человеческого рода – жидовским интернациональным капиталом и советским большевизмом, и дать право немецкому народу на достойную жизнь.

...Я принял сегодня решение передать судьбу и будущее Германской империи и немецкого народа в руки наших солдат.

...В настоящий момент на Востоке идёт массовое наступление, являющееся по своему размаху самым величайшим из тех, что видел

[1] Völkischer Beobachter, № 174; Thüringer Gauzeitung, № 168; Der Vittag, № 144; Leipzieger Neuefte Nachrichten, № 174.

мир[1] Формирования Восточного фронта Германии простираются от Восточной Пруссии до Карпат.

...Наши задачи – разгромить большевистские вооруженные силы, а само государство – уничтожить!

...Это единственный путь, он верен морально в силу необходимости для построения и утверждения нашего нового порядка во всем мире.

...СССР под натиском наших войск рассыпется как карточный домик, и победоносный поход на Восток прославит германский рейх в веках.

...Достичь этого сможем только в том случае, если каждый немец будет готов пожертвовать своей жизнью ради общего дела...»

Публикации в газетах заканчивались призывами:

«Немецкий народ! Настаёт великое время! Загорается заря освобождения! Ни иудеи, ни политические шарлатаны, ни капиталисты Англии, Америки и других стран не смогут нам помешать!

Поднимайтесь! Уничтожайте всех, кто связан дружбой и союзом с советско-англо-американскими жидами!

Правдой или неправдой, но мы должны победить!

А когда мы победим, кто спросит нас о методах?

Для немецкого солдата нет ничего невозможного!»

«Почему Германия воюет?»[2]

Адольф Гитлер, сам сын рабочего, освободил германских трудящихся от жидовско-капиталистической эксплуатации.

Национал-социалистическое государство Адольфа Гитлера обеспечило трудящимся постоянную работу и высокий заработок. Оно создало для трудящихся такие условия жизни, при которых у них есть свой дом, они и их семьи всегда хорошо и достаточно питаются, они могут часто покупать себе новую одежду, у многих из них имеются велосипеды, мотоциклеты и даже автомобили. Германская рабочая организация «Сила в радости» даёт возможность трудящимся культурно провести свой отпуск. Она устраивает для них экскурсии не только

---

[1] В наступлении на Советский Союз ранним утром 22 июня 1941 года были задействованы немецкие формирования: 153 дивизии, 600 000 моторизованных единиц, 3580 танков, 7184 орудия, 2740 самолётов; 12 дивизий и 10 бригад Румынии; 18 финских дивизий; 3 венгерские бригады; две с половиной словацких; позже присоединились 3 итальянские бригады и испанская «Голубая дивизия».

[2] Листовка разработана Имперским министерством народного образования и пропаганды для штабов немецких армий Восточного фронта для проведения пропагандистской работы на территории Советского Союза.

по Германии, но и за границу. Всё это для германского рабочего не является роскошью, а принадлежит к его повседневной жизни.

Его заработка на всё это совершенно хватает.

Адольф Гитлер дал германским трудящимся все житейские блага, которыми в других странах пользуются только капиталисты.

Сталинская пропаганда врала обманутому народу, что социализм существует только в Советском Союзе.

На самом же деле Сталин со своей жидовской сворой создал продуманную систему эксплуатации трудящихся.

В Англии и Америке трудящихся эксплуатируют жиды-банкиры и фабриканты.

В Советском Союзе таким эксплуататором является жидовский государственный капитализм.

Гигантское эксплуататорское предприятие – Советское правительство – является, таким образом, врагом трудящихся.

Сталинская пропаганда врала советскому народу, что в Советском Союзе осуществлено бесклассовое общество. На самом же деле ни в одном государстве нет такого резкого деления на классы, как в Советском Союзе. Там существует тонкий слой бандитов – главным образом жидов, пользующихся всеми благами, и огромная масса остального населения – в первую очередь рабочих, которые не имеют никаких прав и должны выбиваться из сил, работая на этих паразитов.

Нигде нет такого низкого уровня жизни, как в Советском Союзе. Германские рабочие не могут себе даже представить, в каких ужасных условиях живёт советский рабочий. Завистливо и недоброжелательно смотрели вожди капиталистических государств на национал-социалистическую Германию Адольфа Гитлера. Так же, как и они, Сталин тоже боялся, что порабощённые народы прозреют и потребуют завести у себя такую же социальную справедливость и такое же государственное устройство, какое существует в Германии.

Жиды-капиталисты Запада начали эту войну. Они отлично знали, что в нужный момент они смогут положиться на своих жидовских товарищей в Москве. Маска была сброшена в тот момент, когда Сталин и капиталисты открыто объединились для уничтожения истинного социализма в Германии.

Адольф Гитлер предвидел это общее нападение. Он создал социалистическую армию германских рабочих и крестьян, которая в борьбе с мировым капитализмом разбила всех своих противников.

Оковы сталинского рабства будут сорваны.

Адольф Гитлер уничтожит рабство трудящихся Советского Союза.

Адольф Гитлер принесёт всем порабощённым народам Советского Союза социальную правду, порядок, хлеб, справедливость и настоящий социализм.

Вот что несёт вам Адольф Гитлер!

Из приказа командующего 1-м танковым соединением генерал-полковника фон Клейста 22 июня 1941 г.

...Фюрер решил разбить большевистского советского врага, пока он не ударил нам в спину.

Вместе с приданными пехотными дивизиями мы должны сделать прорыв в пограничных укреплениях и затем своими подвижными частями молниеносно продвинуться далеко на восток. Тогда стоящая перед нами русская армия распадётся. До этого момента для нас не должно быть ни отдыха, ни покоя.

Неудержимо, без остановки, не оглядываясь, мы должны пробиваться вперёд, пока наша цель не будет достигнута.

Я твёрдо уверен, что солдаты выполнят свою задачу так же быстро, как это было во Франции и в Сербии.

ИЗ ДНЕВНИКОВ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ (ИЮНЬ–ИЮЛЬ 1941 г.)

Унтер-офицер мотодивизиона Карл Гессемит[1]

22.06.41 г. В 3 часа 15 минут утра при огненно-красном восходе солнца началось наше наступление на Советский Союз. Русские ни о чём не догадываются, города и местечки вдоль границы ярко освещены.

23.06. Проехали 100 километров, наступаем на Олиту. Первое серьёзное сопротивление, натыкаемся на русские танки. Они храбры, эти русские танкисты. Из горящих машин стреляли до последней возможности. Олита горит.

24.06. Наступательный марш на Фину. Падение Фины. Со стороны русских 3 воздушных бомбардировки.

25.06. Наступление идёт вперёд. Воздушные бомбардировки. Враг силён.

[1] Изъят у убитого в районе высоты юго-восточнее н.п. Тёплое.

28.06. Достигаем Минска.

29.06. Наступление ведёт также 64 румынская армия.

3.07. Наступательная операция через реку Двину на Уллу. Происходит сильнейшее сражение. Русские открыли по нашим колоннам сильный артиллерийский огонь. Грохочут тяжёлые противотанковые орудия. Дьявольски хорошо стреляют русские. Их снаряды ложатся как раз на дорогу и никуда нельзя свернуть, так как справа и слева болото.

7.07. Наступление приостановлено. Враг очень силён. Применяем дымовые завесы. Неприятельский артиллерийский огонь усиливается. Перемещаемся и утром приходим в Уллу.

9.07. Наступление через лес. Попытка неудачная. 5 человек ранено, 4 зенитных орудия выведены из строя. Утром начинается наступление на Витебск, город с населением 180 тысяч жителей. Наступление продолжается 12 часов. Город взят.

11.07. Жара, сильная жажда. Удивительно, что я ещё жив.

12.07. День отдыха. Готовимся в бой. Налёт авиации. 4 человека ранены.

13.07. Уличная борьба возле Сураша. Мост взорван.

14.07. Дальнейший форсмарш. Расстрелял русского разведчика.

16.07. Наступление, вперёд и только вперёд! Должны преодолеть расстояние до Курска. Налёт 6 вражеских самолетов.

20.07. Оборона против сильного врага.

27.07. Русские пробуют наступать. Наступление приостановлено.

29.07. Утром мы меняемся. Я благодарю Бога, что избавился от этого ужаса.

Унтер-офицер артдивизиона Альфред Радиус[1]

Я решил вести дневник. Он даст мне возможность вспомнить мою фронтовую жизнь. Если же судьба моя будет иной, то мои родители и братья узнают из него, как я воевал, какие радости и страдания пережил.

Во Франции мы жили очень хорошо, много пили и веселились. Весь месяц готовились к отъезду на Восточный фронт, проводился смотр одежды, обуви, оружия, инструктажи. Смотрели фильмы о быте на Востоке. Видел образ жизни солдат и, между прочим,

[1] Снят с убитого разведчиками у дер. Арбузово. Дневник начат в мае 1941 г. во Франции, заканчивается 30 июля 1941 г. Запись последних двух дней, сделанная карандашом, стёрлась.

юрту, построенную изо льда. Избави нас судьба от жизни в таких юртах и таких условиях.

...Дважды газоокуривание техники, прививка от холеры.

...Через несколько дней выезжаем. Наслаждаемся последними днями, пользуемся ночными отпусками. Пропиваем последние деньги. Возвращаемся все пьяные, болтаем и творим всякую чепуху, безобразничаем. Алкоголь – хороший утешитель при появлении тяжёлых дум. Что ждёт нас впереди? Много курим.

15.06. Погрузка в вагоны. Выехали из Квимпера. Поезд медленно тащится. Первая остановка в Нанте, через сутки достигаем немецкой границы у Страсбурга.

17.06. Проезжаем коридор, попадаем в Восточную Пруссию. Поезд идёт через всю Германию и вскоре мы у русской границы. Выгрузка, обустройство.

21.06. Пока всё дышит покоем и миром. Мы перед тяжёлым решением. До Немана всего 2 км., а до русской границы – 13 км. Где мы будем через неделю?

22.06. В 2.30 нас разбудили. Вперёд – во внутрь России! В 3.30 мы на выжидательной позиции в лесу.

23.06. Мы далеко в Литве. Продвигаемся вдоль Немана днём и ночью. Дороги страшные. Крестьянские дворы ещё хуже, хаты грязные. Опять можно убедиться, что мы должны гордиться тем, что являемся немцами.

26.06. Вчера был волнующий день: шесть раз русские самолёты бросали на нас бомбы. Мы лежали плоско на земле, прямо как почтовые марки на конверте. Если придерживаться спокойствия и порядка, тогда и бомбардировка не сможет остановить нашего наступления. Всегда всё выглядит хуже, чем есть на самом деле. Получили приказ: с 10.15 быть готовыми к маршу.

27.06. Мы уже в Гомеле. Это большой город до 160 тысяч жителей. Все каменные дома разрушены, что осталось – это сараи, в одном из них несколько убитых русских. Везде валяются убитые русские и оседланные лошади. Вокруг такая нужда, люди живут скученно, вместе со скотом. Россия живёт в рабстве. Нагайка и кнут держат их в покорности.

28.06. Разведчики донесли о противнике. Передовой отряд стрелков-мотоциклистов подвергся обстрелу. Русские стреляют из пушек, танков и другого тяжёлого оружия. Одна наша бронемашина подбита. В дивизионе большая паника, машины сбились в кучу. Если бы русский стал наступать, много было бы потерь. Это было маленькое боевое крещение, пощекотали нервы.

29.06. Выступаем в авангарде. Впереди отряд стрелков-мотоциклистов. Командир стрелков выбрасывает одновременно руки в сторону – это знак спешиться. Все соскакивают с машин в канавы по обе стороны дороги. Командир выскакивает на середину дороги и выбрасывает руки вверх – это знак для движения. Шоссе свободно. Мы мчимся по нему. Мотор ревёт, механизм поёт и звенит, рули гремят, душа ликует! Такой успех, что трудно поверить. Вперёд! Враг не должен и не может нас задержать. Пересекаем ржаное поле, невдалеке болотистая яма, машина очень медленно перебирается через неё, и в это время со всех сторон раздаётся стрельба. Ну кто звал сюда этих свиней? Я хладнокровен. Пулемёт молотит, визжит как пила, в промежутках бьёт пушка по отступающим русским. Убит командир батальона. Глупо и неприятно.

2.07. Разбужен в 4 утра артогнём. Бешеный грохот. Дождь. Ночью русский пытался прорваться. Было много огня из пулемётов и автоматов. Пережил первую атаку русских танков. Сильное моральное впечатление. Батальон понёс исключительные потери: 5 убитых, 10 тяжелораненых. Печальный результат. И после такого хотят, чтобы у нас терпение не лопнуло. Я намеревался взять в плен русского, но передумал и застрелил его.

4.07. Всю ночь носились как угорелые, русские бомбардировщики постоянно пролетали над нами и клали свои яйца. Жара, грязь, ужасные дороги. Наша артиллерия стреляет как бешеная, но и русская стреляет неплохо. Минск ужасно разрушен, всё горит. Население бегало среди развалин и разыскивало свои пожитки. Но – вперёд, вперёд!

6.07. Едва держимся на ногах, расположились в деревне. Наутро едем вдоль бесконечных колонн – это хуже всего. Попадаем в канаву, солдаты с мрачным видом вытащили машину, сломана левая задняя рессора.

7.07. Наконец-то после 8 дней постоянной езды и боёв – отдых. Остановились и заняли позицию возле деревни. Деревня почти выгорела. Впервые пишу дневник в одной из сохранившихся хат за столом. Искупались в пруду, зарезали свинью, хорошо покушали с водкой. Ура! Жить можно и ничто нас не трогает – ни пожары, ни обезлюденность, ко всему привыкаешь. Вечером построение. Раздавали Железные кресты. Спал на сене между машиной и забором. Артиллерия поёт колыбельную песню. Но заснуть невозможно из-за комаров, эта проклятая тварь не даёт покоя: полночи их отгоняешь и бодрствуешь. Натянул одеяло на голову, так лучше, и уснул.

10.07. Всякая мука имеет конец, так и в этот день. Рано утром, когда мы были в чистом поле, на нас сверху напали 2 русских истребителя, а в поле со стороны деревни откуда ни возьмись появилось 150 русских. Они нам устроили изрядную баню, думал, что конец пришёл. Мы выжимали из своих пушек и пулемётов всё, что могли, это была тяжёлая работа. Вовремя подоспел дивизион и помог нам разделаться с ними и выкурить из деревни. Там были солдаты и «кукушки». Такая скверная сволочь! С ними мы разделались, деревню сожгли дотла. У нас потери: Шульце и Дитрих погибли, адъютант командира дивизиона был смертельно ранен и тут же умер, много раненых.

13.07. Прошли через несколько деревень, отутюжив их танками как следует. Маленькие стычки с отдельными малочисленными группами русских. На высоте нас обстреляли, потом выяснилось, что это были свои, пришедшие с другой стороны. Идиоты! Русские благословляют нас сверху, только что 18 самолётов были здесь, бомбили дорогу совсем близко от нас.

15.07. Нужно было выручать мотоциклистов из беды: ночью русские напали и окружили их. Мы ударили по ним из гранатомётов. Тогда эти собаки стали удирать, но многие ещё сидели в кустах. Русский крепко защищался, но ничего не помогло. Выкурили из кустов, пленных русских поставили к стенке и всех расстреляли. Деревню сожгли, хороший был фейерверк!

16.07. В половине второго нас разбудили и мы тронулись в разведку. Увидели русских, собиравшихся наступать. После жаркой перестрелки подбили их бронемашину и несколько грузовиков. Вернулись в деревню, где в одном из домов засело несколько русских. Разнесли их в клочья. Вдруг свист, треск, дым, мы лежим на земле, оглохнув на несколько часов: это разорвалась граната в трёх метрах. И тут началось, один разрыв за другим, мы места себе не находим, прямо песок из жопы сыпался, это русские снова попытались атаковать. Через два часа наступило затишье. Отошли на окраину деревни. Вечером зарезали и изжарили 2 курицы. Сумасшедший денёк, целые сутки не ели и не спали, полубольные, валимся с ног от усталости, но нужно двигаться вперёд, пока совсем не свалишься.

17.07. Русский всё ещё стреляет, как сумасшедший. Где-то сидит штатская «кукушка» и корректирует огонь. Они допекают больше всех. СС вылавливают эту банду и расстреливают. Привели двоих детей и мужчину, они подавали сигналы русской батарее. Они были вооружены бритвами. После краткого допроса и их уложили. «Кукушки» — банда свиней, они хуже солдат. Вечером сидели на

бронемашине и разговаривали о войне и доме, у каждого в голове одна мысль: становится горячо и как долго будет продолжаться этот спектакль? Хоть бы вернуться домой невредимым. Патефон играет старинные грустные русские песни.

18.07. Русская артиллерия всё время обстреливает дорогу перед нашими колоннами. Как могли наши связаться с такой русской сволочью? Это стоит нам многих убитых и раненых. В дивизии смерти СС тоже большие потери. Но мы ещё отплатим за это.

20.07. Проснулся от ужасного грохота. Русские перебросили сюда большие силы. Выехали за деревню, чтобы помочь мотоциклистам. Мы гнали русских до опушки леса, хотели принудить их к сдаче, но ничего не вышло. Затем снова стреляли, русские уматывали. Мы вернулись назад. Началась стрельба по деревне, сплошь тяжёлое оружие. Всё перемешалось, сумасшедшая сутолока, грохотало здорово. У нас трое убитых и несколько раненых, одна машина провалилась и торчит в болоте. Вокруг ушей всё время жужжит. Едем в следующую деревню. Только приехали, а уже артиллерия и сюда стреляет. Адская свистопляска, прямо задница зачесалась. Русские вновь атаковали, но были оттеснены к дороге. Вчера и сегодня мы позволяли себе безумные вещи, научились у расположенной рядом дивизии СС.

23.07. В три подъём и подготовка к боевому заданию. Впервые за этот поход идём в атаку с пехотой. Некоторое время вели наблюдение за деревней, затем въехали в неё, из противотанковых пушек обстреляли прекрасно оборудованные позиции с окопами. Русские не выходили, они стреляли, как дураки. Эту банду просто приходилось выковыривать оттуда. На левом фланге продвижение замедлилось, там были полевые укрепления и землянки, оттуда всё ещё стреляли. Эти лешие никак не сдавались, бросали в нас ручные гранаты и всякую дрянь. Такого идиотского народа я ещё никогда не видел: окружены, уходить им некуда и всё-таки не сдаются. Этакое нечасто встретишь. Когда оглядываешься мысленно на борьбу, которая ведётся с этой бандой, то видишь, что здесь многому можно научиться. Фельдфебель Шайнзен напоролся двумя машинами на мины, установленные русскими в деревне. Это впервые, обе машины придётся записать в расход, один экипаж погиб, во втором – тяжёлые ранения. В отместку расстреляли в деревне всё, что двигалось, и подожгли дома.

24.07. Около 2 часов разбужены бомбами. Русские самолёты сбросили 18 яиц, стреляли зенитки, но ни разу не попали. День отдыха. Лежали до полудня на лугу, спали, читали газеты и целый день

ели. Завтрак: молоко, масло, яйца, варили пудинг, в обед – зарезали свинью и ели котлеты, на ужин – печёный картофель, зелёный лук и утки. Утки были хороши! Русскому, верно, плохо придётся этой ночью. Наша артиллерия постоянно посылает в их сторону свои чемоданы. Наша химчасть впереди: у неё сумасшедшее оружие! Вот русские где удивляться будут! Такой поход нечасто случается.

27.07. Ночью русский снова появился, но был отброшен. В некоторых деревнях эти бестии ещё сидели. Один батальон с командиром нашего дивизиона был отрезан. Мы должны были к ним прорваться во что бы то ни стало. Ну и приказик! Выехали из деревни, а перед нами 200 стрелков русских. Вернулись в деревню и обстреляли их из пушек. К нашему ужасу на краю деревни появились танки, нас пытались окружить. Дело табак. Мы послали связного к пехоте за помощью, но они не пришли: окопались и не высовывались. Ст. ефрейтор Визе был послан в дивизион с донесением, вернулся с противотанковой пушкой. Открыли огонь, стреляли и дымовыми снарядами. Русских стали теснить, часть их отступила, других окружили и взяли в плен, деревня была взята. Пленных расстреляли. На двух машинах мы поехали в следующую деревню, чтобы догнать остатки отступавших русских. Там началась настоящая чертовщина. Мы поспешили назад, наше счастье, что нас там не сцапали. Так бесцельно надо было гнать людей на смерть! Но кто на это смотрит? Кое-кто должен повесить себе на грудь Железный крест первого класса, а другие должны за это голову положить. Когда мы наконец устроились на привал, сам сатана стал править бал: нас обстреляли свои же, лишь через некоторое время разобрались.

Мы получили новый приказ. Сапёры делали последние приготовления к взрыву мостов. Мы стояли на высоте и наблюдали. Вот первый мост взлетел в воздух, затем второй, потом все двинулись. На дороге образовалась пробка. Русские должны были быть начеку и пойти вслед за нами или обстрелять артогнём дорогу. Вот была бы кутерьма! Но всё было тихо. Мы шли последними. Всегда эдакое чувство во время отступления! Медленно двигались и кое-как прибыли к месту нашего старого привала. Последний мост был полит смолой и зажжён. Улепётывали ещё несколько километров и остановились в час ночи в своём дивизионе. Такой позор! Мучались, мучались, и всё зря. Такая отвага! По дороге мы потеряли свой броневой щит, много убитых. Мы отошли, почти спасаясь бегством. Это был самый жаркий и тяжёлый день, слава Богу, что он закончился. Улёгся спать с хорошим настроением, усталыми костями и радостной мыслью, что снова остался цел.

30.07. Мы, наконец, окопались. Третий день без сна и покоя, и сегодняшняя ночь прошла в бою. Русские стреляют как никогда, бросают в ход смесь различных боеприпасов – гранаты, миномёты, артиллерия, – снопы пуль, и всё это прямо в нас. Можно сойти с ума! Мои нервы! Во взводе осталось всего 12 человек, Эрхард тяжело ранен, Донат и Гейнц убиты. Мы лежим здесь со вчерашнего полудня, приблизительно в 60 м от позиций русских в лесных кустиках, расстрелянных и порубленных снарядами. Вдруг перед нашими позициями откуда-то появились 2 русских танка. Когда подходил первый, я прижался ко дну окопа и сверху положил пару зелёных веток так, чтобы с поверхности меня почти нельзя было заметить, но когда появился второй, я подобрал свой шухер-мухер и задал трепака. Тут только наша братия зашевелилась. Медленно прихожу в себя. К чему это может привести? Так русские совершенно сотрут нас с лица земли. Должны же что-нибудь предпринять, чтобы вытащить нас из этого дерьма. Нервы слабеют. Молюсь моему любимому Господу и благодарю его за милость, которой до сих пор он так чудесно одаривал. Вспоминаю, что, кажется, сегодня день рождения Гильды. Буду ли я когда-нибудь дома?

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ С ВОСТОЧНОГО ФРОНТА[1]

Обер-ефрейтор Отто Шюльке

27 июня

Дорогая мама!

Наш гениальный фюрер всё рассчитал правильно и своевременно напал на этих дикарей. Мы, солдаты фронта, собственными глазами убедились в том, что русскими всё было подготовлено для уничтожения Германии. В течение 25 лет они только вооружались и не позволяли ничего своему народу, специально не строили дорог, удобных квартир, чтобы нанести внезапный удар Германии. Но всё произошло наоборот.

Фюрер перед началом великой сегодняшней битвы нас заверил, что всё, что могут совершить дух и руки немцев для молниеносно-

[1] Здесь и далее приводятся наиболее характерные выдержки из 11 860 писем и дневников немцев с Восточного фронта (СССР) в Германию и из Германии на фронт, захваченных нашими войсками в июле–августе 1941 г. Все письма, кроме письма, адресованного шефу кинооператоров группы армий «Центр», сняты с убитых немецких солдат и офицеров.

го разгрома опаснейшего врага на Востоке, сделано. В этом мы все твёрдо уверены. Наши необычайнейшие войска движутся к Москве неумолимо, с невиданной до сих пор силой, как огромный вал, сметая всё на пути. Мораль Советов сломлена: они сдаются в плен ротами, а остающийся в норах сброд убиваем без сожаления. Мы продвигаемся вперёд, для нас нет препятствий. Наши бомбардировщики сбивают один русский самолёт за другим — ни один больше не показывается.

Вообще всё очень приятно и радостно, а происходящее — велико и прекрасно! Русские ещё ни разу не дошли до того, чтобы стрелять по нам из своих орудий и это вселяет радужные надежды на быструю победу.

Скоро Советская Россия отдаст Богу душу и я благодарю Фюрера и Всевышнего, что на мою долю выпала его милость и провидение участвовать в этом.

Ваш любящий сын Отто

Лейтенант Эвальд Лассен

2 июля

Дорогой малыш Фреди!

Всё чудесно! Наша рота первой переправилась через Буг, уничтожила 3 бункера, и в первый же день с боями прошла 40 километров, что было отмечено в приказе командира корпуса...

Уже полторы недели мы с боями продвигаемся вперёд. Повсюду бушуют пожары и стоят огромные чёрные столбы дыма.

Я сижу на огромной консервной банке и пытаюсь хорошо писать. Мешают беспрерывно падающие с неба горящие русские бомбардировщики. Непрерывно катят вперёд наши танковые части. Они поднимают густые облака пыли, в которых мы движемся на восток. Ужасные песчаные «дороги» и проклятая пыль — это наш бич. Воды очень мало, вымыться удаётся не каждый день. Мокрые от пота, небритые и грязные, мы выглядим как дикари. Представляешь, в этом диком царстве даже нет парикмахера, волосы стали уже длинными, а бреюсь я с помощью чая или кофе — такова жизнь солдата на войне. Но это интересно и прекрасно, хотя непрерывное наступление в таких условиях физически всё же истощает. Однако, скажу тебе, что с того дня, как грохочет машина войны, я чувствую себя заново родившимся, у меня удвоились или даже утроились силы. Я участвую в этой битве всем сердцем истинного немца, рад и счастлив, что могу в первых рядах наступающих выполнить свой долг перед Отечеством, и в этом мне помогает вера в Фюрера и его идеи.

К русским вообще нельзя иметь никакого сострадания и бегущих русских мы уничтожаем в огромном количестве. Конечно, и у нас есть жертвы. К сожалению, гибнет много офицеров. Командир нашего батальона, герой Нарвика и Крита, майор Хенеке, награждённый двумя Железными крестами, погиб одним из первых. Два дня спустя – его заместитель. Убиты также трое ротных. Наши немецкие офицеры удивительны! Они показывают пример своей жизнью, но ещё больше своей смертью. Правда, вчера случилось и редкое исключение. Не знаю, что сообщат родителям Эриха Зальце, но у него не выдержали нервы, и он застрелился.

Однако, потери русских убитыми и особенно пленными в десятки раз больше. Их трупы тысячами валяются на полях, на дорогах и на улицах деревень, и никто их не убирает и не хоронит. Мы должны радоваться, что фюрер оставил Сталина в дураках и ударил раньше, чем русские подготовились к отражению, так как если бы они приготовились, наше дело не пошло бы так хорошо. Теперь же каждому ясно, что исход войны предрешён, и песенка России спета.

Каждый день подтверждает слова величайшего из людей полководца Адольфа Гитлера, что эта война – крестовый поход против большевиков и евреев – самая священная из всех немецких войн в истории и ради этого не жаль принести никакую жертву.

Огромную Россию мы загоним к чёрту. Если фюрер предпринимает что-либо грандиозное, ему всегда это удаётся на сто процентов. Какое счастье ощущать себя причастным к разгрому государства и его Красной Армии, управляемых сумасшедшими людьми.

Передай поклон родителям.

Любящий тебя брат Эвальд

Солдат Генрих Янзен

19 июля

Любимейшая из всех женщин!

Спешу поделиться своей радостью и переполняющими меня чувствами.

Наш победоносный марш продолжается, ничто и никто не может нас остановить. Во время марша здорово натёр ноги, но сейчас всё хорошо.

Русские отступают с большими потерями, они уже сломлены, война в ближайшие недели закончится.

Настроение ликующее! Даже солнце приветствует наш приход на Восток и каждое утро ярко восходит на небе. Красота!

Гражданское население, в панике разбежавшееся при нашем приближении, поняло безнадёжность положения и как побитые собаки с нашими листовками и своими жалкими пожитками возвращаются в свои халупы, которые так хорошо и весело горят.

Они поняли, что их единственная защита – мы, немцы, которые несут им свободу и надежду на будущую жизнь.

Ради собственной безопасности, ведь не знаешь чего ждать от этих дикарей, мы выполняем установку командира: «Русский – твой личный смертельный враг и самое лучшее – если он мёртв».

Живём мы хорошо, еда регулярная и приличная[1], получаем много курительного, на трёх человек – бутылочку водки, которую распиваем за здоровье нашего фюрера. Сегодня зашёл в хлев, нашёл ведро с парным молоком, вытащил из-под куриц дюжину яиц и хорошо позавтракал.

Моя драгоценная, желанная, любимая Лизбет! Всё прекрасно! Единственно, чего не хватает – это твоего мягкого тёплого тела и вкуснейшего мохнатого рыжего комочка.

Дорогая! Ты твёрдо можешь рассчитывать на горячую и радостную встречу в ближайшее время, поэтому береги себя для меня. Что у тебя нового, моя малышка? Мне всё время нехорошо, потому что постоянно думаю о тебе.

Целую каждый сантиметр твоего тела, нежно и темпераментно, как ты любишь.

Твой страстный, любящий, голодный муж Генрих

Унтер-офицер Пауль Бэслер

21 июля

Дорогая Дора!

После долгого перерыва могу, наконец, черкнуть тебе несколько строк.

Мы продвигаемся вперёд и в начале августа должны быть в Москве... Но вот 14 июля, когда мы были на марше, над нами про-

---

[1] Справка о рационе немецкого военнослужащего на территории СССР: утром – полкотелка ячменного кофе (кофе в зёрнах выдавалось только по праздникам), белый хлеб (800 г.), мясо (100 г.), колбаса или сыр (125 г.); в обед – гороховый или картофельный суп с консервами, на второе – пудинг, облитый фруктовым соусом или суррогатным киселём; вечером – 20 граммов маргарина, 80 граммов плавленого сыра или 50 граммов португальских сардин, или же 100 граммов колбасы. На день выдавалось 6 штук сигарет. Раз в месяц полагался дополнительный паёк: «маркитанские товары» – полбутылки вермута, бутылка шнапса, пять пачек сигарет и две плитки соевого шоколада, 3 пачки печенья. Жалованье: офицерам – 54 марки в месяц, солдатам – 37 марок.

летели русские бомбардировщики, они сбросили бомбы, и позже я узнал, что у нас убило девять человек и ещё больше ранило. Не пугайся, дорогая Дора, в числе этих убитых и твой муж Эрих.

Я не знаю, что тебе сказать в утешение. Он был хорошим товарищем, мне самому тяжело, ведь мы с ним два года были вместе в одном батальоне, и я полюбил его как брата. Видно, такова его судьба. И не только его. Мы наступаем, но потери очень большие, русские сейчас сражаются ожесточённо за каждую деревню. То, что было в Польше или во Франции, это просто прогулки по сравнению с тем, что мы сейчас имеем здесь, в России.

Дорогая Дора! Я тебя очень люблю и буду полностью откровенен. Я благодарю тебя за всё хорошее, что у нас было, но ты на меня не рассчитывай. Я люблю детей, а у тебя их быть не может. И оставить Эмму с малышкой-дочуркой и уйти к тебе, как я раньше обещал, если с Эрихом что-нибудь случится, я не в состоянии. За прошедшую неделю я это обдумывал много раз и вчера решил окончательно. Прости меня, Дора! Я виноват, что не могу выполнить обещание. Прости, ради Бога.

Если я вернусь живым и здоровым, и ты будешь одинока, и тебе понадобится мужчина, то, если захочешь, мы можем встречаться, как встречались. Но только без каких-нибудь конкретных финансовых и материальных обязательств с моей стороны. Жизнь чертовски вздорожала, я хочу ещё сына и содержать тебя не смогу. Думаю, тебе нужно, не теряя времени, устраиваться на работу.

Письмо это прочти и сожги. Так будет лучше.

Люблю и целую тебя как прежде.

Твой Пауль

Солдат Адольф Гросс

27 июля

Ангелы мои!

Как прекрасна задача, которую возложил на нас всемогущий Бог. Даже если судьба настигнет нас в эти жестокие дни, мы всё же знаем, что наша родина защищена от смертельной угрозы. Сам Бог поручил нам эту борьбу во имя сохранения нашего справедливого существования. Чем была бы сегодня Германия, чем были бы мы все, немцы, если бы высшая сила не послала нам фюрера? Ничто другое, как безработицу, нищету, унижения и бедствия терпела бы она. Возможность участвовать в этой борьбе является для меня тем большей радостью, что моя жизнь увенчана существованием крошечного существа, которое станет взрослым гражданином

Германии и будущего мира. Того нового, истинно справедливого мира, которым править будут только немцы, и среди этих немцев наш сын. Я здесь сражаюсь, чтобы у моего маленького ангелочка жизнь была лучше и богаче, чем выпала на нашу долю.

Скорая и окончательная победа над Красной Армией вопрос двух-трёх недель. Наш великий фюрер сказал, что намерен победоносно завершить труднейший поход всех времен ещё до наступления осени. Мы же чувствуем себя исполнителями его гениальной воли. Мы преданы ему на веки вечные и будем заботиться о том, чтобы его воля исполнилась, чего бы это нам ни стоило. Он великий полководец, и его стратегическое предвидение чудодейственно. Мы уже знаем, что после взятия Москвы танки нашей дивизии будут двинуты на Казань. А это уже Урал, граница с Азией, где и будут водружены наши славные боевые знамёна. Через могилы наших павших героев устремляемся мы в кровопролитных боях навстречу победе, и нет в мире силы, способной нас остановить. И твоё страстное желание, дорогая, чтобы этот «ужасный», как ты пишешь, поход побыстрее закончился благополучно, исполнится очень скоро.

Москва, оплот мирового большевизма, падёт в начале августа, и вместе с вражеской столицей – фюрер приказал стереть всё с лица земли – будут уничтожены последние остатки Красной Армии.

Наша борьба находится под защитой Господа. Он, в чьих руках мы все находимся, по своей чудодейственной доброте сохранит для тебя мужа и для мальчика – отца. Можешь не сомневаться, что война на Востоке закончится нашей полной победой через 10–15 дней, самое позднее, через 3 недели. Но это – самое позднее. А возможно даже, что когда ты получишь это письмо, она уже закончится, и ты услышишь об этом в победном обращении фюрера по радио «Москва».

Целую бесконечно горячо тебя и нежно нашего маленького ангелочка.

Твой муж Адольф

Унтер-офицер Клаус Шварц

30 июля

Дорогой Гертруд!

Пишу тебе опять маленькое письмо. Нахожусь на наблюдательном пункте на церкви. Нельзя сказать, чтобы здесь было уютно, но зачем тебя беспокоить!

За 4 дня мы не продвинулись ни на один шаг. Вблизи проходит автострада Смоленск-Москва, русские стреляют из орудий всех калибров, особенно из пусковой установки, которую на наших позициях называют «Джонни». В нашей батарее осталось только одно орудие, другие уничтожены во время атаки русских танков: они отравили нам жизнь.

Нам говорили, что русские – это уже не солдаты. Не верь! Парни дерутся до последней капли крови. Русский не перестаёт стрелять даже тогда, когда он полумёртв. Надо признать, что система у русских воспитывать комиссаров действительно неплохая.

В пехоте колоссальные потери, один батальон насчитал в день 105 потерь (у нас – 26), роты уменьшились до размеров маленьких групп.

Бывают минуты, когда я не знаю, что мне делать: не так просто удерживать себя и других на высоте. Некоторые уже теряют мужество, и после каждого боя вновь и вновь слышится: «Ах, когда же закончатся боевые действия».

Чёрт бы побрал эту Москву!

У меня ещё есть надежда, что нас, может быть, поменяют с теми, кто прохлаждается во Франции и ни разу не были в бою, а мы здесь истекаем кровью.

На сегодня хватит. Сейчас вновь будет ни с чем не сравнимый бой. Если буду жив, напишу следующее, но это всё зависит от русских.

Сердечно тебя приветствую и целую.

Твой верный и преданный друг Клаус

Капитан-командир роты

Уважаемая мадам Цольда!

К сожалению, должен Вас известить о том, что Ваш сын унтер-офицер Отто Цольда пал жертвой за Фюрера и Отечество 25.7.41 г.

При сражениях и переходе через р. Ворскла, западнее Ахтырки, вост. части Украины, наша рота подверглась сильной бомбардировке со стороны советской авиации. От прямого попадания бомбы был разбит дом, в котором находился Ваш сын. Ваш сын получил тяжёлый удар по голове и был насмерть убит. Он не переносил никаких страданий.

В его лице рота потеряла дорогого товарища и командира. Мы его похоронили на кладбище Ахтырка.

Его личные вещи высылаем Вам по списку:

1. кошелёк, в нём различные струны;
2. связка с ключами;
3. партбилет;
4. кольдкрем;
5. две пары носков;
6. три платочка;
7. пуловер домашней вязки;
8. 37 марок и 10 пфеннигов.

Стограммовый пакетик с леденцами и коробка с сосисками розданы солдатам в роте.

Письмо руководителя группы хроникёров шефу-кинооператору Отто Ланге (группа армий «Центр»)

Присланные Вами материалы говорят о том, что Вы совершенно упускаете один из основных принципиальных вопросов в нашей пропагандистской работе.

Вы стремитесь запечатлеть победоносное продвижение наших войск и делаете это высокопрофессионально. Однако Вами, как свидетельствует присланная плёнка, игнорируется важнейшая задача, стоящая перед нами. Мы должны немедленно, наглядно и убедительно, показать немецкому народу и всей Европе, что Советская Россия – это многомиллионное скопище неполноценных в расовом отношении, дегенеративных ублюдков: евреев и азиатов, представляющих чудовищную опасность для цивилизованного человечества.

В этом аспекте заслуживает внимания опыт доктора Мюллера, который на Украине в одной из психлечебниц снял десятка два душевнобольных, обмундировав их предварительно в форму комиссаров и командиров Красной Армии. Снятые в разных ракурсах, грязные и небритые, они являют собою целую галерею отвратительных, омерзительных, агрессивных идиотов, что производит сильнейшее впечатление.

Заслуживает внимания и работа доктора Хекера, который отснял под Минском гражданское население. Для большей убедительности сопроводительного текста хроники и чтобы они выглядели ещё более отвратительно, гражданских предварительно переодели чуть ли не в лохмотья: старые свитеры, рваные куртки. Мужчины стоят небритые, босые, в грязных рубашках, без галстуков, поддерживают спадающие штаны, так как у них отобраны поясные ремни. Нечёсаные женщины со зверским выражением на лицах держат

в руках топоры и вилы. Эти кадры тоже вызывают самую активную неприязнь и брезгливое отвращение.

Безусловно, тут не должно быть шаблона, возможны самые разные решения. Однако при съёмке русских военнопленных и местного населения надо обязательно стремиться показать самые безобразные еврейские и азиатские типы, лица которых выражают злобу и ненависть и могут вызывать в ответ только аналогичные чувства и, прежде всего, омерзение и ненависть.

Надеюсь, что высказанные в этом письме дружеские замечания будут Вами в ближайшее время продуктивно реализованы.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Демель

ИЗ ОТЧЁТА ЦЕНЗУРНОГО ПУНКТА ПОЛЕВОЙ ПОЧТЫ ЗА ИЮЛЬ 1941 Г.

(О негативных настроениях в армии)

Солдат Вильгельм Витт:

«...В один час погибли Якоб Пельц, Иоганн Мардеус и Артур, сын господина Гунгера. Они даже не доехали до фронта, их поезд где-то под Минском взорвали партизаны. Ехавшие с ними Фриц Кенинг и Гельмут Хунгер тяжело искалечены и находятся в лазаретах в Польше. Настроение подавленное».

Унтер-офицер Ихар Бейнн:

«...Наконец небольшая передышка и я смогу дописать письмо, до сих пор русские не давали возможности из-за сильного артиллерийского огня. К счастью, у нас хорошая крыша, наша рота расположилась в церкви. Мы переживаем дни полные успехов, но есть и жертвы. Из нашего города погибли Шром, Бремер, Каре и Глаус, а Герхарду Гольцу оторвало руку».

Ефрейтор Гельмут Диттрих:

«...Если русская артиллерия всегда будет стрелять так, как в последние дни, то нет сомнения, что русские скорее будут в Берлине, чем мы в Москве».

Фельдфебель Лотте Фриц:

«...Находимся около Москвы. Лежим всё время в окопах. Днём нельзя поднять головы, а то русские сразу открывают огонь со всех сторон. Сейчас отошли в тыл километров на пять, теперь беспокоит русская артиллерия. Говорят, что придётся отступать ещё дальше. Кнорр, Брунер и Шмидт убиты. Лейтенант Анге пропал без вести».

Обер-ефрейтор Рудольф Витциг:

«...Мы несём серьёзные потери: в моём отделении из девяти человек осталось двое. Так обстоит дело не только у меня, но и во всех отделениях, если они ещё существуют. Вместе со взводными командирами у нас в роте осталось 4 унтер-офицера, а было — 22. Дорога побед стала дорогой могил...»

Рядовой Людвиг Раудис:

«...Вы будете удивлены, не всё так, как пишут в газетах. И квартиры не так плохи, как показывают в кино. В действительности всё по-другому. Я есть и остаюсь таким, как и прежде, никогда не смогу стать другим. Никогда не стану обезьяной. И никогда не буду повторять как попугай то, что вслед за доктором Геббельсом твердит наша пропаганда. Убеждён, что никогда. Если мне посчастливится и я вернусь домой, я вам всё расскажу...»

Солдат Вилли Фукс:

«...Для всех нас война теперь страдание. Хорошего настроения больше нет. Боевые действия становятся всё упорнее. За каждый метр земли идут ожесточённые бои и в каждом мы теряем всё больше людей. Красавчик брюнет Макс убит 11 июля. Говённое это производит впечатление на сослуживцев».

Ефрейтор Герберт Роннер:

«...Мой пессимизм оказался обоснованным. Русские защищают свою Родину, возможно неумело, но не щадя своей жизни. Они сражаются с отчаянием, упорно, ожесточённо, бросая всё в бой. Русские солдаты стоят там, где их поставят, пока их не убьют. Надо быть русским, чтобы выдержать это».

Унтер-офицер Вальтер Остманн:

«...Это очень утомительная война. Как противник русские явно недооценены. Они храбро воюют и очень стойко, до последней капли крови, защищаются. Им совершенно всё равно — погибнут они или нет, и это вызывает даже уважение. С каждым днём тает надежда на скорую до наступления холодов победу, обещанную фюрером. Нет настроения писать, так как не знаешь, что будет с тобой завтра. Много моих друзей убито и ранено...»

Старший рядовой Гейн Нолтинг:

«...От непрерывных боёв нервы расшатываются и водка является единственным лекарством. Ты не можешь себе представить, как я уже проклял эту войну, всё это не имеет никакого смысла. С нетерпением жду обещанного скорого окончания войны».

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДОТДЕЛА 16 АРМИИ

18.08.41 г.

На основании агентурных данных, показаний командиров, возвращающихся из немецких тылов, допроса пленных, перехваченных писем немецких солдат и офицеров доношу, что положение немецких войск на Смоленском направлении значительно ухудшилось. Фактов, свидетельствующих о начавшемся разложении в немецкой армии и её затрудненном положении, много. Истощился наступательный порыв. Из-за понесённых существенных потерь чисто немецкие части стали пополняться чехами, поляками и финскими солдатами.

Большинство допрошенных пленных немцев: возраст 20–25 лет, мобилизованы в 1939–1941 гг., участвовали в военных действиях во Франции, Польше, Румынии, Болгарии, Югославии. На Восточном фронте с 22–23 июня. В составе своих частей и соединений прошли Литву, Латвию, Белоруссию, Украину. Названий пунктов, через которые следовали их части, многие не знали, но хорошо запомнили Минск, Брянск, Витебск, Смоленск, Новгород.

О своём местонахождении в момент пленения в большинстве случаев не имеют представления, близлежащих деревень и населённых пунктов, даже командиры, не знают.

Пленные свидетельствовали, что за последнюю неделю нельзя было не только выйти из окопов, но даже поднять головы.

Резко ухудшилось снабжение боеприпасами и питание: на одну винтовку приходилось всего по 45 патронов и 400 – на пулемёт; вместо положенных 1200 грамм хлеба выдавали только 300 (чёрного и очень плохого), не было горячего питания и всего по 3 папиросы на день.

На некоторых пленных, несмотря на лето, было надето по 3 пары белья: одна пара немецкая и две пары красноармейские, снятые с убитых и раненых, – заранее готовятся к осени и холодам.

Все сообщали о значительных потерях, некоторые роты потеряли до 50–60% состава.

Распропагандированные превосходные качества немецких танков и самолётов, якобы намного превосходящие русские, ежедневное зачитывание сводок о положении на фронтах, состоящих сплошь из победных реляций, убеждали немецких солдат в том, что в Красной Армии уже полностью уничтожены авиация и танки. Однако они наблюдали воздушные бои, в которых победите-

лями оказывались наши истребители. Были случаи, когда немецкие самолёты бомбили наши войска не бомбами, а кусками рельс и камнями. Они видели эффективные результаты бомбёжек нашими самолётами и прицельных артобстрелов. Понесённые в результате значительные потери заметно поколебали их убеждения в превосходстве немецкой армии и вооружения. Появилось скептическое отношение солдат к официальной германской информации.

Все допрошенные пленные считают, что Красная Армия, несомненно, самый сильный противник, с которым немецким войскам пришлось встречаться. Только некоторые объясняют возникшие затруднения в наступлении плохими дорогами (не то, что во Франции) и враждебным отношением населения (не то, что в Европе) к немцам.

Настроение солдат угнетённое, война, с их точки зрения, затянулась и надоела. Выяснилось, что русские хорошо воюют и немцы нередко не в состоянии сдержать их натиск.

В подразделениях установлена слежка за каждым, содаты боятся общаться и откровенно говорить даже друг с другом. Дисциплина поддерживается угрозами: солдат должен воевать, иначе будет расстрелян, в плен не сдаваться.

Отношение командиров-немцев к солдатам других национальностей плохое. Солдат Шарль Гринер, бельгиец, рассказал: «Нас, бельгийцев, в части много, мы не хотели воевать с русскими, но немцы нас заставляют, помещая за нашими спинами немецких солдат с винтовками. 5 августа мы получили приказ наступать, но шли очень вяло и неохотно. Сержант начал кричать и гнать в бой. Я стал отказываться и тогда сержант бросил в меня гранату. Я выстрелил в него и, кажется, убил. Началась перестрелка, кто в кого стрелял, было не разобрать. Гранатой мне вырвало бок. Рядом со мной находились немцы, я просил оказать мне помощь, но никто не подошёл ко мне. Потом пришли русские. Я очень испугался, так как офицеры внушали нам, что русские — варвары, мучают раненых, пленных убивают штыками. Но русские солдаты были очень внимательны и добросердечны, оказали сразу помощь, взяли с собой и привезли в лазарет. Мы не хотели воевать, но немцы поработили нашу страну и с нами обращаются как со скотом».

В ежедневной немецкой пропаганде больше всего уделяется вопросу отношения в Красной Армии к захваченным в плен немцам. Официальное немецкое радио широко распространяет слухи о том, что русские солдаты нечестно воюют: они поднимают руки, будто бы сдаются в плен, а как только немецкий солдат подойдёт

к ним близко, хватаются за оружие, стреляют и забрасывают гранатами. Подчёркивается, что это не что иное, как признак врождённой жестокости русских, поэтому их лучше в плен не брать, а расстреливать сразу с безопасного расстояния. Офицеры настойчиво убеждают солдат в том, что всех пленных русские расстреливают или отрезают им носы, а потом закалывают штыком. Поэтому все панически боятся окружения и попадания в плен. В немецких газетах якобы были фотографии пленных немцев с отрезанными ушами и носами.

Солдатам под страхом наказания категорически запрещено подбирать и читать советские листовки. Тем не менее, у многих пленных были обнаружены советские листовки, которые они предусмотрительно перед наступлением засовывали в карманы на случай пленения.

На основании тщательных опросов немецких офицеров были уточнены: дислокация рот и некоторых полков, расположение штабов, состав и количество вооружения, взаимосвязь с приданными частями. Получены сведения о том, что около двух недель назад в химотрядах при артполках появился новый вид воздушных торпед – выстрел бесшумный, в полёте издает специфический свист, запал электрический, – которые немецкое командование планирует использовать перед наступлением. Солдаты получили новые противогазы.

Отчаявшись наличными силами быстро сломить сопротивление наших войск, немцы прибегли к такому средству борьбы против Красной Армии, как пропаганда через репродукторы и разбрасывание листовок следующего содержания:

«Товарищи красноармейцы! Неправда, что немцы мучают или даже убивают пленных! Это наглая ложь! Немецкие солдаты хорошо относятся к пленным. Вас нарочно обманывают, вас запугивают, чтобы вы боялись немцев! Избегайте напрасного кровопролития и спокойно переходите к немцам!»

«Бойцы, поймите, что всё кончено! Советская Россия рухнула!»

«Отбитые от своих частей красные бойцы, красноармейцы и командиры! Красная Армия как таковая уничтожена! Более трёх миллионов бойцов и командиров Красной Армии находятся в плену! Миллионы ваших родственников голодают в Москве и Ленинграде! Сдавайтесь! Мы с вами, как с военнопленными, будем обращаться справедливо, и вы здоровыми и невредимыми по окончании войны вернётесь на родину и увидите свой родной край!»

«Бойцы и командиры! Ненавистному советскому режиму конец! Сдавайтесь, вы окружены! Сдаваясь, не снимайте военной формы, не меняйте её на штатский костюм, не снимайте знаков различия! Вы будете приняты как друзья!»

«Красноармейцы и командиры! Прекращайте бессмысленное сопротивление! Всякое сопротивление германской армии бесполезно, потому что германские войска вооружены лучшим оружием в мире и имеют наилучшее командование. Германские войска всё равно войдут в Москву! Каждому из добровольных перебежчиков по предъявлении пропуска гарантируется сохранение жизни и получение особых льгот».

Листовки и пропуска прилагаются.

Капитан Черкасов

6. ПРИТУПЛЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ

Моральный облик воина Красной Армии должен быть также чист, как облик его Родины и семьи.
Из памятки военнослужащего

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

27.08.44 г.

...Советской Армии чужд произвол в отношении мирного населения, каждый советский воин должен высоко нести честь и достоинство советского народа.

...Повседневная бдительность должна быть в сердце каждого советского воина и в центре внимания политорганов и партийных организаций.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

С приходом на территорию Польши Красной Армии действующие части столкнулись с фактами грубого нарушения личным составом — от рядовых до офицеров — дисциплины в виде сожительства с местными женщинами как добровольного, так и принудительного характера (изнасилования).

Так, получив сигнал о регулярном посещении в местечке Струмень военнослужащими одного «нехорошего» дома, были приняты меры к выявлению конкретных нарушителей для предотвращения подобных явлений.

Совместно с ОКР «Смерш» в ночь с 26 на 27 марта с.г. была организована облава и проверка дома, где проживала Мария Шот, к которой протоптали дорожку многие военнослужащие.

Мария Шот, 22 лет, полька, имеет 6-летнего ребёнка от мужа, который служит в немецкой армии с 1943 г., проживает у родной сестры — Фигалушка Эмилии, муж которой — Эдмунд Фигалушка, —

владелец местной хлебопекарни, активный член «АК»[1], сбежал с отступающими немцами.

В комнате у Марии Шот находились двое пьяных военнослужащих. Старшина Христич М.И., 1913 г. рожд., член партии с 1944 г., писарь строевой части ... стрелкового полка по учёту офицерского состава. Во время задержания при нём были обнаружены удостоверения личности офицеров, красноармейские книжки, ордена и другие документы, изъятые у погибших на поле боя. Старшина Давыдов С.Ф., 1915 г. рожд., делопроизводитель штаба того же полка, член партии с 1944 г. При нём обнаружены спрятанные в сапоги двое золотых часов и золотой нательный крестик.

В комнате хозяйки Эмилии Фигалушка на кровати лежал мертвецки пьяный офицер – командир батальона связи Приезжев, документов при нём не оказалось.

Во время обыска в её комнате были обнаружены фотографии офицеров: капитана Шишова, коменданта местечка Струмень, начальника АХЧ ст. лейтенанта Мухамедиева и майора, по неточным данным, из танковой бригады.

Органами «Смерш» Фигалушка Эмилия арестована. Как было установлено, она являлась активным членом БДМ (женская фашистская организация) и имела задание собирать сведения на офицеров Красной Армии.

Мария Шот с ребёнком эвакуирована из зоны дислокации дивизии к её родной матери в село Висла-Вельке.

Старшины Христич М.И. и Давыдов С.Ф. исключены из партии. ВТ дивизии они за потерю бдительности и мародёрство разжалованы в рядовые и направлены в штрафные батальоны.

В частях дивизии со всем личным составом проведены беседы о повышении бдительности и поведении военнослужащих среди женщин капиталистических стран.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Начальнику политотдела 71 армии

Доношу, что в период нахождения на территории Польши в районе обороны Стенжица-Бжесьце командир полка подполковник

---

[1] АК – Армия Крайова, подпольная вооружённая организация польского эмигрантского правительства в Лондоне. В 1944–1945 гг. отряды АК проводили подрывную и диверсионную деятельность в тылах против бойцов и офицеров Красной Армии, действовали на территории Польши, Украины, Белоруссии.

Стацюк А.А. вступил в сожительство с иностранкой, женой бывшего польского офицера, ныне эмигрировавшего в Лондон, некой Данутой Бернатович.

17 марта с.г. подполковник Стацюк обратился с рапортом к командиру дивизии за разрешением на вступление в брак с Бернатович, в чём ему было категорически отказано и предложено немедленно порвать с ней всякие отношения. Несмотря на данное им обещание, всё же связь не порвал и продолжает с ней сожительствовать.

Отделом контрразведки «Смерш» было установлено, что упомянутая Бернатович являлась членом «АК». Она была арестована, но после двух суток содержания под арестом была освобождена, так как не являлась активным её членом.

Продолжающейся связью с иностранкой, а тем более хоть и неактивным, но членом «АК», подполковник Стацюк себя скомпрометировал и подорвал свой авторитет перед личным составом, поэтому для пользы дела пребывание его в должности командира полка, как единоначальника, считаю нецелесообразным.

Прошу поставить вопрос перед Военным Советом армии об освобождении подполковника Стацюка от занимаемой должности.

Нач. политотдела дивизии

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

05.04.45 г.

Войска фронта уже продолжительное время, преследуя противника, действуют на территории иностранных государств с целью добить немецкого зверя в его логове. Казалось бы, всем нашим офицерам пора сделать выводы из новой обстановки, в которой приходится действовать частям фронта, пора понять особенности пребывания войск на чужой земле и на деле повысить бдительность, как того требует приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА № 5 от 23 февраля 1945 года.

К сожалению, этого нет, и грань между военнослужащими Красной Армии и иностранцами во многих случаях стёрта. Потеря бдительности приняла широкий размах, в результате чего наши отдельные военнослужащие, в том числе и офицеры, оказались в сетях врага.

Военный Совет фронта располагает безобразными фактами сожительства военнослужащих с немецкими женщинами, свидетель-

ствующими о моральном разложении, утере некоторыми советскими военнослужащими не только чувства брезгливости к недавнему врагу, но и бдительности.

Так, заместитель командира ... гв. стр. дивизии гв. подполковник Мазный Ю.М. вместо боевой деловой работы встал на путь увлечения женщинами и «даёт жизни немкам».

5 марта с.г. он взял из-под стражи задержанную уполномоченным ОКР «Смерш» по подозрению в шпионаже некую Диндо, вывез её в своей автомашине на плацдарм, там с ней сожительствовал, ездил вместе по частям и пытался устроить на службу в качестве машинистки, выдавая её за свою старую знакомую ещё по боям под Сталинградом.

12 марта Диндо была вторично задержана и призналась в принадлежности к разведывательным органам противника.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Разъяснить всем офицерам и всему личному составу войск фронта, что сожительство с женщинами-иностранками категорически запрещается.

За морально-бытовую распущенность, притупление большевистской бдительности и освобождение из-под стражи шпионки Диндо — заместителя командира ... гв. стр. дивизии подполковника Мазного — от должности отстранить и назначить командиром стрелкового батальона.

Независимо от снижения в должности, Мазного предать суду офицерской чести.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Нач. штаба
генерал-полковник Малинин

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА 71 АРМИИ

10.04.45 г.

Военный Совет армии располагает не только фактами сожительства офицеров с сомнительными иностранными женщинами, но и случаями вступления с ними в брак.

Так, майор м/с Трофимов, врач госпиталя № ..., имея семью и двух дочерей в гор. Воронеже, женился на польской подданной и незаконно зарегистрировал с ней свой брак в гор. Кросно. Указанный майор Трофимов настолько распустился, что стал возить с собой польку

при передислокации госпиталя и даже принял меры к тому, чтобы устроить эту иностранно-подданную на должность в госпитале.

Лейтенант Артеменко из ... отдельной авиаэскадрильи женился на подданной Чехословацкого государства и незаконно зарегистрировал брак в гор. Кошица. Установлено, что эта иностранка принадлежит к фашистской семье, брат её арестован за активную помощь немцам, остальные её родственники интернированы за враждебные Красной Армии действия.

Инженер-капитан Сакович из ... авиадивизии пошёл дальше в своей распущенности и обвенчался с немкой, родственники которой арестованы, а она сама подлежала интернированию. По совокупности за эти дела и должностные преступления инженер-капитан Сакович был предан суду и осуждён Военным трибуналом.

Лейтенант Игнатович женился на немке Зонтек Терезе, которая являлась членом фашистской организации. Командир части, на службе в которой состоял Игнатович, в своих безответственных действиях дошёл до того, что выдал этой немке официальное удостоверение о том, что она является сейчас женой лейтенанта Игнатовича, носит его фамилию и не подлежит интернированию.

Наконец, за последнее время установлен ряд фактов, когда отдельные офицеры выступают ходатаями за прямых врагов.

Так, лейтенант ... артполка Гранченко настойчиво добивался освободить из-под ареста немку, с которой он сожительствовал.

Начальник артснабжения одной из частей капитан Трошин сам явился в тюрьму с сестрой арестованной немки, с которой он сожительствовал, добиваясь у администрации тюрьмы свидания с арестованной, и принёс ей передачу. Вместо ненависти к врагу, которую должен питать каждый офицер и в этом духе воспитывать своих подчинённых, у означенных офицеров выявилось пособничество немцам.

О чём говорят вышеуказанные факты? Они говорят о серьёзном притуплении бдительности среди отдельных офицеров, о том, что грань между иностранцами и отдельными военнослужащими Красной Армии стёрта и что означенные офицеры, потеряв из-за женщины-иностранки честь и достоинство советского офицера, стали на путь нарушения воинской присяги и своего долга перед Родиной.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

О всех случаях вступления военнослужащих в брак с иностранками, а равно о связях наших людей с враждебными элементами иностранных государств доносить немедленно по команде для при-

влечения виновных к ответственности за потерю бдительности и нарушение советских законов.

В отношении нарушителей не ограничиваться мерами по командной линии и коммунистов привлекать к ответственности в партийном порядке и предавать суду офицерской чести.

Нач. штаба
генерал-майор Антошин

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО 71 А Подана 11.04.45 г. 13 ч. 20 м.

Начальнику политотдела 136 ск

Направляю для сведения список военнослужащих частей и соединений корпуса, имеющих письменную связь с иностранными гражданами, преимущественно с женщинами.

Военный Совет армии приказал провести со всеми указанными в списке военнослужащими индивидуальную разъяснительную работу об их неправильном, ошибочном поведении и предложить каждому из них переписку немедленно прекратить.

Об исполнении донести не позднее 20.04.45 г.

Приложение – список на 11 человек.

Секретарь Военного Совета
капитан Чурилов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 136 СК

Военному Совету 71 армии

Доношу, что Постановление Военного Совета армии от 10.04.45 г. объявлено под расписку всему офицерскому составу Управления 136-го стрелкового корпуса. После зачтения текста постановления по отделам управления корпуса были проведены собрания, разъясняющие смысл и значение этого постановления.

За время нахождения частей 136-го стрелкового корпуса на территории Польши и Германии случаев вступления военнослужащих в брак с иностранками отмечено не было, но имелись позорные факты связи наших людей с враждебными элементами.

Так, помощник командира ... стр. полка майор Михалко с целью личного развлечения привёз на заодерский плацдарм в район

электростанции, где располагался КП полка и НП командира дивизии, двух немецких женщин. Для того, чтобы скрыть национальную принадлежность этих женщин от окружающих бойцов и офицеров, Михалко одел их в плащи защитного цвета военного образца.

В здании электростанции он пытался незаметно провести немок в квартиру нач. штаба полка майора Каминского, но случайно оказавшаяся в квартире жена Каминского выгнала их. Майор Каминский, узнав о том, что его жена выгнала немок из квартиры, избил её, о чём стало известно всему рядовому и офицерскому составу полка. Суд офицерской чести осудил действия и поступки обоих офицеров.

Фельдшер полка ст. сержант Жуков в нас. пункте Гростром, используя своё служебное положение, привёл к себе на пункт медпомощи молоденькую немку, использовал её как женщину, а затем забинтовал ей голову, сверху бинт намазал йодом, положил в кровать, накрыл одеялом и объявил её раненым офицером, но был разоблачён заместителем командира полка капитаном Духиным. На вопрос, зачем он это сделал, Жуков заявил: «Я хотел оставить её на ночь, чтобы меня никто не смог заподозрить в том, что у меня находится женщина, я перебинтовал её».

Командир ... самоходно-артиллерийского полка подполковник Игнатов через своего адъютанта лейтенанта Котенко вызывал неоднократно в штаб якобы для допроса немку Пузак Фриду, 1906 г. рожд., многодетную мать, и, угрожая ей вместе с шестью детьми высылкой в Сибирь, якобы насиловал. Я лично разговаривал с Игнатовым по этому поводу, Игнатов всё категорически отрицает, но соседки-немки подтверждают факт изнасилования. Трудно верить Игнатову, так как это извертевшийся и изолгавшийся человек в этих делах. Но ещё труднее поверить, чтобы нормальный человек мог иметь связь с такой старой и страшной немкой. Такую немку мог насиловать только ненормальный, морально разложившийся человек, каким после контузии становится Игнатов, когда бывает пьяным.

Имели место случаи, когда отдельные офицеры штаба корпуса и батальона связи при размещении жили на частных квартирах совместно с иностранным гражданским населением. Эти факты нами были вскрыты. В целях предупреждения полового сращивания военнослужащих с местным населением коменданту было дано строжайшее указание о точном выполнении установленного порядка размещения офицерского состава.

Сотрудниками политотделов в своих частях и подразделениях с каждым из офицеров, поимённо перечисленных в списке, про-

ведены индивидуальные беседы и рекомендовано немедленно прекратить всякую переписку с иностранками, а завязать письменные знакомства с советскими женщинами, которые их будут ждать после окончания войны.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО 71 А *Подана 14.04.45 г.* *9 ч. 40 м.*

Начальникам политотделов частей и соединений

Направляю директивное указание Начальника Политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта тов. Галаджева для руководства и исполнения:

«По сообщению Начальника Главного Управления кадров НКО в адрес Центра продолжают поступать заявления от офицеров Действующей армии с просьбой санкционировать браки с женщинами иностранных государств (польками, болгарками, чешками и др.).

Подобные факты следует рассматривать как притупление бдительности и притупление патриотических чувств, что ведёт к тому, что наши офицеры попадают в лапы врага и совершают преступления перед своей Родиной – СССР и своей семьёй. Поэтому необходимо в политико-воспитательной работе обратить внимание на глубокое разъяснение недопустимости подобных актов со стороны офицеров Красной Армии.

Порядок вступления в брак советских граждан известен – брак подлежит регистрации только в советских органах ЗАГС. Всякие другие регистрации, помимо ЗАГСа, являются недействительными и советскими законами не признаются. Больше того, вступление в брак с иностранкой и регистрация этого брака в учреждениях иностранных государств является серьёзным преступлением со стороны военнослужащих.

Разъяснить всему офицерскому составу, не понимающему бесперспективность таких браков, нецелесообразность женитьбы на иностранках, вплоть до прямого запрещения, и не допускать ни одного случая».

Нач. политотдела
генерал-майор *Козлов*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА ВОЕННОЙ КОМЕНДАТУРЫ

Доношу о фактах нарушения приказа командующего фронтом, запрещающего приём на работу сомнительных, непроверенных ор-

ганами «Смерш», лиц, а также сожительстве некоторых военнослужащих с иностранками.

Так, исполняющий обязанности военного коменданта м. Пикеляй капитан Шарапов взял к себе в комендатуру под видом переводчицы гр-ку Ляугавдену Монас, которая в период немецкой оккупации вела разгульный образ жизни и сожительствовала с немецкими офицерами. Сожительствуя с этой гражданкой и находясь под её влиянием, Шарапов разбазаривал красноармейский паёк для личных целей и для семьи своей сожительницы, систематически организовывал с немцами вечеринки с выпивкой.

Так, с 1-го по 10-е апреля с.г. из полученного на 12 человек пайка он израсходовал 16 банок мясных консервов из 26, половину жиров и ряд других продуктов. Гр-ка Ляугавдена Монас, пользуясь покровительством Шарапова, допускала по отношению к бойцам комендатуры грубости и оскорбления. Капитан Шарапов, вместо пресечения её безобразного поведения, встал на путь гонения бойцов и откомандирования их под разными предлогами в запасные полки.

Кроме того, Шарапов производил незаконное изъятие у местных жителей хлеба для изготовления самогона и требовал от населения доставлять ему на дом молоко и др. продукты.

Лейтенант ветеринарной службы Бажанов Н.И., 1913 г. рожд., русский, б/п, служащий, окончил веттехникум в 1934 г., урож. Курской обл., Скороднянского р-на, Петровского с/с, с. Петровка, взял на работу по уходу за коровами неизвестную женщину, которая назвалась Бадюрой Полиной, полькой из Варшавы, семья которой якобы расстреляна немцами.

Бажанов сожительствовал с ней, везде возил её с собой под видом доярки. Со стороны Бажанова и Бадюры были случаи пьянства и дебоша.

Органами контрразведки Бадюра была разоблачена как немецкая шпионка: она окончила специальную школу и получила задание пробраться в Советский Союз. С этой целью она согласилась на сожительство с лейтенантом Бажановым, который обещал на ней жениться и взять её с собой в СССР.

Лейтенант Бажанов грубо нарушил приказ Военного Совета о недопущении к работе иностранных подданных.

Органами контрразведки «Смерш» арестованы лейтенант Бажанов, который не отрицал факта сожительства с Бадюрой и намерения жениться на ней, и сама шпионка.

7. А БЫЛО И ТАК... (ДОКУМЕНТЫ АПРЕЛЯ 1945 г. ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

Какова вина – такова и расплата

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 136 СК

Командиру 136 ск

В соответствии с Постановлением ВС фронта и приказа командующего армией по пресечению бесчинств и внесудебных расправ, определению меры наказания за совершённые военнослужащими преступления военными прокурорами в частях и соединениях корпуса своевременно расследовались все случаи убийств, насилия и жестокого отношения к гражданскому населению. Варварские действия совершали не только сержанты и рядовые, но и офицеры, призванные воспитывать в своих подчинённых дисциплину, сдерживать и предотвращать стихийные акты ненависти к беззащитным мирным немцам, в первую очередь женщинам.

Привожу наиболее вопиющие и безобразные факты.

10.04.45 г. в дер. Зеллин десять красноармейцев во главе с офицером мл. лейтенантом Дроздом совершили групповое изнасилование несовершеннолетних немок: 12-летней Марты Хони, которая на следующий день умерла, и 15-летней Вальмы Каихлер. Мать несчастной рассказала: «Моей дочери всего 15 лет, теперь она урод. Её ночью вывели во двор, где поочерёдно насиловали 10 русских солдат, а утром полуживую, как собаку, бросили в комнату».

Судом Военного трибунала Дрозд осуждён на 7 лет лишения свободы, военнослужащие – к 6 месяцам в штрафных частях.

12.04.45 г. ст. лейтенант Абабков, находясь в нетрезвом состоянии, учинил в г. Миров насилие над двумя немками, причём двадцатилетнюю немку отдал пьяным красноармейцам, а пятнадцатилетнюю Шарайн Гертруду изнасиловал сам. Абабков факт грубого насилия над немками не отрицал, осуждён ВТ на 8 лет.

14.04.45 г. мл. лейтенант Якунин, командир пулемётного расчета зенитного артполка, получил задание отправиться в населённый пункт для заготовки мяса. Вместо выполнения задания Якунин занялся барахольством и в пьяном состоянии изнасиловал двух немок, а по-

сле этого из своего автомата застрелил шесть человек, в том числе трёх детей до 8 лет. Якунин исключён из кандидатов в члены ВКП(б), за пьянство и самочинный расстрел немецкой семьи судом Военного трибунала осуждён и приговорён к 10 годам лишения свободы.

16.04.45 г. красноармейцы Терещенко, Белоногов, Песков и Воробьёв в дер. Киритц терроризировали семью Елинского, вначале для устрашения открыли стрельбу из личного оружия, а затем в присутствии родителей и родственников учинили коллективное изнасилование трёх дочерей Елинского (чтобы не мешал муж одной из дочерей, его избили до полусмерти и заперли в холодном сарае). Факт изнасилования они признали, решением ВТ направлены в штрафбат сроком на 6 месяцев.

Сержант Гренков, находясь в состоянии опьянения, в ночь с 14 на 15 апреля с.г. зашёл в дом к местной жительнице Доменяк Левкадии и в её присутствии под угрозой убийства совершил половой акт с 13-летней дочерью. Гренков приговорён ВТ к 8 годам лишения свободы.

20.04.45 г. днём красноармеец повар артполка Бельмасов, 1896 г. рожд., и мл. сержант Барышев, 1912 г. рожд., пьяные зашли в дом, где проживали две старухи в возрасте до 80 лет, изнасиловали их, а затем одну из них – Мантель Алису – мл. сержант Барышев убил, нанеся ей несколько ударов палкой по голове. Оба осуждены и приговорены ВТ к 10 годам лишения свободы.

Резолюция командира 136 стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Лыкова:

«Для сведения всего личного состава довести, что отныне я не буду утверждать мягкие приговоры. Какова вина, такова и расплата: всем убийцам, насильникам, грабителям и мародёрам буду требовать исключительно высшую меру наказания – расстрел!»

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 15.04.45 г.* *16 ч. 30 м.*

Начальнику политотдела 102 сд

Направляю выписки спецсообщений военной цензуры из писем военнослужащих Вашей дивизии с резолюцией члена Военного Совета армии генерал-майора Королёва.

Секретарь ВС

капитан *Тарасов*

ВЫПИСКИ ИЗ ПИСЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОСМОТРЕННЫХ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ НКГБ

Сержант Алешко В.:

«...Немцы почти все бегут на Запад, а которые остаются, считают себя погибшими. Если немка молодая, то наши «Иваны» в отместку насилуют её до отупения, а когда опомнишься, то начинай сначала».

Ст. лейтенант Есаулов К.:

«...У бедных немок трещат промежности. Русского Ивана они запомнят на всю жизнь и при воспоминании о нём, даже спустя десятки лет, будут испуганно вздрагивать. Многими это понимается как месть врагу. Око за око, зуб за зуб! В России немцы принуждали наших женщин быть немецкими подстилками, а теперь быть подстилками приходится их жёнам и невестам. Я в этом не участвую и своим подчинённым запрещаю, но за каждым не уследишь...»

Красноармеец Моисеев С.:

«...Немок здесь хватает (нецензурно), как сидоровых коз. Как доходит дело до этого, памяти лишаешься. Конечно, которая молодая и ещё симпатичная, давай очередь устраивать по 15 человек, один насаживает, другой ждёт, сняв портки. Козодёры!»

Радист Нагиуллин Н.:

«...Здесь мы хозяева. Ты бы посмотрел, что устраивает наша солдатва. Немок насилуют в домах и прямо на улице, даже очередь выстраивается. Они боятся наших, достаточно сказать: «Ком!», сразу бегут к тебе и смотрят в глаза умоляюще — не трогать самое сладенькое, малолеток».

Красноармеец Цыганков П.:

«...А с немками солдаты расправляются как захочется, ложится она так, как ей прикажут, а которая сопротивляется, то заставляют лечь под наганом. Не только их солдаты глумились над нашими женщинами, но и наши теперь насилуют и фамилии не спрашивают».

Старшина Гориков Г.:

«...Ты должен сам знать, чего не хватает в армии (женского пола), поэтому первую попавшую молодую фрау, т.е. девчонку, начинаешь насиловать и сбрасывать половое напряжение. В настоящий момент этого добра хватает — от яиц до ушей. На моём счету уже много изнасилованных фрау, но останавливаться не собираюсь, жив буду — буду творить чудеса».

Капитан Малашенко Ф.:

«...У меня на КП немка-беженка, 18 лет, зовут Ирма. Жопа у неё такая, что спокойно смотреть невозможно, и потому я насаживаю

её круглосуточно, по 8–10 раз. К артобстрелам она привыкла и счастлива не меньше меня. Закроет глаза и стонет: «О-о, гут, Иван, зер гут, нох, нох, прима, херлих», что означает бесподобно, мол, давай, Иван, ещё. И я даю! Так что честь и достоинство русского офицера у меня на самом высоком уровне.

Вчера по случаю затишья и моего дня рождения – капитану исполнилось 23 года – достали шнапса и хорошенько выпили, я вообще с неё не слезал и всё думал, ведь я же её люблю и, если бы она не была немкой, я бы на ней женился и после войны насаживал бы её, никого не боясь, и ночью, и днём.

Единственно чего опасаюсь, что кто-нибудь из начальства увидит её и отберет, и потому одел её под телефонистку в наше обмундирование и в ботинки с обмотками, и чуть что, она заваливается у аппарата, накрывается с головой шинелью, вроде спит после дежурства. Конечно, если обнаружится, мне голову свернут, но расстаться с ней я не в состоянии, хотя это неизбежно.

А как там у тебя в Венгрии? Пробовал ли ты мадьярок? Жгучие, говорят, женщины! Правда ли, что они пищат и дёргаются по горизонтали, а от страсти кусаются и царапаются как кошки, а одного капитана якобы вообще загрызли?..»

Резолюция члена Военного Совета 71 армии генерал-майора Королёва:

«Эти люди воюют или только е...т немок? Начальнику политотдела 102 сд проверить указанные факты, лично вызвать авторов этих писем, разъяснив им недостойное поведение, роняющее честь и звание воина Красной Армии. Принять решительные меры к пресечению подобных фактов и прекратить разложение в армии. О принятых мерах донести».

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 132 СД

Военному Прокурору

Доношу о фактах грубого отношения военнослужащих дивизии к немкам и случаях установленного насилия.

Так, военнослужащие ... стр. полка старшина роты связи Тихонов и красноармейцы Дубровин и Гороховецкий, будучи пьяными, угрожая расстрелом и применив физическую силу, 18.04 с.г. учинили в дер. Берендорф дикое насилие над двумя немецкими девушками – Хельгой Вернер и Мартой Першун. Затащив девушек в подсобное

помещение, они по очереди изнасиловали каждую. Когда немки пытались кричать, насильники заткнули им рты портянками.

20.4.45 г. сотрудниками ПОарма в г. Кенигсвальде, Ландбергштрассе, 167, при проверке документов на квартире Иоганны Бартш задержаны военнослужащие Управления военно-полевого строительства бухгалтер Валеев и кассир Шевелёв, которые заявили, что систематически посещают этот дом якобы по поручению своего командования. Из допроса жителей дома выяснилось, что Валеев и Шевелёв в течение десяти дней приходили в этот дом регулярно и поочерёдно насиловали вышеуказанную 26-летнюю Иоганну Бартш, которая имеет шестимесячную беременность. Насилование проходило на глазах семи маленьких детей от 2-х до 10-ти лет, а также в присутствии пожилых женщин Заломон Эрны и Маты Тиле. Когда те пытались воспрепятствовать этому, то их под угрозой оружия заставляли не вмешиваться в происходящее. Как заявила Бартш, с неё насильно срывалась одежда, после чего поочерёдно насиловали. Особенно зверски обращался с ней Валеев. Он грубо бросал её на постель и до синяков щипал.

Считаю, что действия военнослужащих являются преступными и подлежат привлечению к ответственности.

Полковник Колунов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

Военному Совету 71 армии

Доношу, что факты, изложенные в письмах военнослужащих нашей дивизии, т.т. Алешко, Моисеева, Крюкова, Нагимуллина, Цыганкова, Малашенко, Горикова проверены.

В результате проверки, а также анализа этого вопроса, установлено:

Фактов группового изнасилования немок военнослужащими частей дивизии не зарегистрировано. Что касается индивидуального изнасилования, то был случай насилия 12-летней немки сержантом Агапитовым, который осуждён приговором Военного трибунала на восемь лет лишения свободы.

Установить нахождение на КП 18-летней немки не удалось, так как капитан Малашенко погиб в боях 18.04.45 г. Со всеми остальными авторами проведены соответствующие беседы.

За последние 10 дней в партийно-политической работе уделено большое внимание вопросу поведения военнослужащих на территории Германии, в особенности укреплению воинской дисциплины

и борьбе с аморальными явлениями: пьянством, изнасилованиями, барахольством и грабежами немецкого населения.

Полковник Наумов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 138 СП

18.04.45 г.

Доношу о попытке массового самоубийства гражданских немцев в дер. Мюлленбек. Было установлено, что в ночь на 17.4.45 г. через населённый пункт проходили воинские части неизвестных соединений. В одном из погребов они обнаружили местных жителей – немцев. Всем мужчинам и детям предложили освободить погреб, а женщинам – остаться на месте, но никто из жителей не выполнил этого требования. Как показали немцы, днём 17.4.45 г. к ним в погреб пришёл один военнослужащий (часть и фамилия не установлены) и, угрожая оружием, вывел из погреба немку Гельвик Гизелу, 16 лет, и в квартире её изнасиловал. Спустя некоторое время пришёл другой военнослужащий (установить часть и фамилию также не удалось) и тоже хотел изнасиловать немку Гюферт Гельгу, 18 лет, для чего предложил ей следовать за ним, но она не согласилась.

Затем в этот погреб пришёл офицер, взял немку Шупик Анну, 38 лет, и в доме имел с ней половое сношение.

Немцы, находившиеся в погребе, вспомнили гитлеровскую пропаганду, и посчитав, что их будут расстреливать, вешать, насиловать, и никого из них, в том числе и детей, в живых не оставят, решили покончить жизнь самоубийством. С этой целью немец Лесиан Вальтер (рядовой-фольксштурмовец) предложил всем лёгкую и скорую смерть. Около 17 часов при помощи перочинного ножика они перерезали друг другу вены рук. Таким образом пострадали 8 человек, в т.ч. 2 несовершеннолетних детей.

Когда об этом факте стало известно военнослужащим 138-го стр. полка, всем немцам сразу же была оказана медицинская помощь и их жизнь была спасена. Они эвакуированы в местную больницу.

Майор Глухов

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

20.04.45 г.

Бойцы и офицеры Красной Армии, воодушевлённые стремлением добить немецкого зверя в его собственной берлоге, проявля-

ют образцы героизма, дисциплинированности, бдительности и моральной устойчивости, являющиеся основой боеспособности.

Однако среди некоторых военнослужащих встречаются отдельные недисциплинированные, морально разложившиеся одиночки, а подчас и просто провокаторы, которые, маскируя свои преступные действия разговорами о мести, бесчинствуют в населённых пунктах, устраивают пьянки, групповые насилия над немецкими женщинами, в т.ч. и над несовершеннолетними, поджигают здания и совершают другие преступления, позорные для воина и офицера Красной Армии и подрывающие её авторитет.

Так, командир взвода управления батареи 120 мм миномётов ... стр. полка ст. лейтенант Груздев, совместно с сержантом Денисовым и двумя бойцами, зашёл в дом к немцам, потребовал вина и организовал коллективную пьянку. Напившись, Груздев в присутствии своих подчинённых совместно с Денисовым изнасиловали двух немок. Факты насилия со стороны Груздева имели место и ранее: в марте с.г. он изнасиловал немку, а затем расстрелял её в присутствии немецких обывателей.

Красноармеец ... отдельной разведроты Мельников, зайдя в один из домов, начал избивать гранатой находившихся там жителей, пытавшихся защитить молодую женщину от изнасилования. От ударов граната взорвалась, были убиты 2 военнослужащих его роты и двое гражданских – немка 45 лет и её сын, 12 лет.

В позорящих нас явлениях иногда замечаются даже такие лица, как нач. штаба ... стр. полка майор Гайдабулин, изнасиловавший немецкую девушку.

Нечеловеческое зверство совершили военнослужащие аэродромного полка ПВО ст. сержант Мальченков и ефрейтор Мусин. Зайдя в дом и под угрозой применения оружия, произведя несколько выстрелов из автомата, выгнали всех жителей (5 человек) и пытались изнасиловать Магду Пинтер, 18 лет, имевшую грудного ребёнка. Мусин вырвал ребёнка из рук матери, чтобы не мешал его гнусным притязаниям, и выбросил его в окно. Пинтер оказала насильнику сопротивление и выскочила через окно во двор. Мусин произвёл в спину убегающей три выстрела из автомата и тяжело ранил. Пользуясь беспомощным состоянием раненой, Мусин и Мальченков по очереди изнасиловали её, а потом добили.

Военным Прокурором проведены расследования и дела на всех военнослужащих переданы в Военный трибунал.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Ещё раз предупредить весь офицерский состав о том, что впредь за поступки, чуждые Красной Армии и подрывающие её авторитет и дающие врагу пищу для распространения клеветнических измышлений, т.е. за пьянство, насилие, поджоги, умышленное уничтожение ценностей и имущества, грабежи населения и мародёрство, а также за другие бесчинства их ждёт суровая кара Военного трибунала.

2. Решением ВТ Мусин, Мальченков, Груздев и Мельников по совокупности совершённых ими преступлений осуждены и приговорены к высшей мере наказания – РАССТРЕЛУ с конфискацией всего личного им принадлежащего имущества.

3. Нач. штаба майора Гайдабулина снять с занимаемой должности, перевести с понижением в другую воинскую часть, задержать присвоение очередного воинского звания на 6 месяцев.

Генерал-полковник Смирнов

8. ПРИКАЗАНО – ИЗМЕНИТЬ ОТНОШЕНИЕ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»

ШТ из ШТАБА 1 БФ Подана 20.04.45 г. 18 ч. 00 м.

Командирам соединений и нач. политотделов

При этом объявляю Директиву Ставки Верховного Главного Командования № 11072 от 20.4.45 г.

«1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнослужащим, так и к гражданскому населению, и обращаться с немцами лучше.

Жёсткое обращение вызывает у них боязнь и заставляет упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен.

Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит ведение боевых действий, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии создавать немецкую администрацию, в освобождённых городах назначать бургомистров. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами.

И.СТАЛИН
АНТОНОВ»

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Директиву не позже 21.4.45 г. довести до каждого офицера и бойца действующих войск и учреждений фронта.

2. Особое внимание обратить на то, чтобы люди не ударились в другую крайность и не допускали бы фактов панибратства и любезничанья с немецкими военнопленными и гражданским населением.

3. Начальникам штабов вместе с начальниками политотделов с утра 23.4.45 г. произвести в частях проверку знаний указаний тов. Сталина всеми категориями военнослужащих.

Нач. штаба
генерал-полковник *Малинин*

ИЗ ПРИКАЗА ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

В соответствии с Директивой Ставки Верховного Главнокомандования, командующий и Военный Совет фронта требуют для руководства и точного исполнения:

1. Прекратить самовольное изъятие у немцев их личного имущества, скота и продовольствия.

2. Взять под войсковую охрану все продовольственные запасы на складах и в магазинах и передать их военным комендантам для использования на нужды войск и обеспечение продовольствием гражданского населения.

3. Организовать сбор брошенного немцами имущества и выдавать его частям в качестве посылочного фонда только с разрешения Военного Совета армии и командиров корпусов.

4. Провести организованное выселение немцев с личным имуществом и имеющимися у них запасами продовольствия из зданий, предназначенных для размещения штабов и командования, изолировать их от воинских подразделений в отдельные постройки, обеспечив надёжную сохранность имущества в оставленных домах.

5. Прекратить бесчинства по отношению к немецкому населению, мародёрство, насилие и хулиганство.

Настоящую директиву объявить всему красноармейскому, сержантскому и офицерскому составу 1-го Белорусского фронта.

Член Военного Совета
генерал-лейтенант Телегин

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!»

ШТ из ПО 71 А *Подана 21.04.45 г.* *14 ч. 10 м.*

Начальникам политотделов корпусов и дивизий

К 24.00 23.4.45 г. донесите о проведённой работе по Директиве Ставки ВГК «Об изменении отношения к немцам» и откликах личного состава на неё.

Нач. политотдела
генерал-майор *Козлов*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

23.04.45 г.

Доношу, что приказ Военного Совета фронта получен в дивизии в ночь с 21 на 22 апреля с.г.

Директива Ставки ВГК № 11072 была размножена на печатной машинке, с работниками политотдела направлена во все подразделения дивизии и доведена до всего личного состава. Прямо на марше в каждой роте политработники и командиры рассказывали бойцам содержание директивы, разъясняли требования Ставки Верховного Главнокомандования о необходимости изменить отношение к немцам — как к военнопленным, так и к гражданскому населению.

Все бойцы и офицеры встретили Директиву Верховного Главнокомандования с большим одобрением, поскольку она направлена на ускорение нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками. После зачитки приказа были массовые выступления бойцов, сержантов и офицеров.

Сержант Габуев сказал: «Этот приказ внёс полную ясность, каким должно быть наше отношение к гражданскому населению Германии. До сих пор мы думали, что все немцы фашисты... А в действительности немцы разные, есть фашисты, а есть немцы, которые жили при этом режиме, поэтому к ним надо относиться по-разному».

Красноармеец Соболев, комсомолец, высказал правильное мнение: «Я и раньше думал, что пора нам немцев сортировать...»

Сержант Павлов в разговоре с бойцами рассказал: «Когда мой снаряд попадал в дом немца, я радовался всем сердцем, что ещё на одного заклятого фрица стало меньше. Но вот вчера зашёл в один

дом, смотрю — сидит пожилая немка с тремя пацанами, глядят испуганно. Дал я им сахару. Они с жадностью накинулись на него, настолько они голодны. А, сволочи, — подумал я, — не стало нашего украинского хлеба — зубами щёлкаете. Гады они смертельные, а детей жалко, хоть они и немецкого отродия».

Командир 3 сб капитан Ломакин наглядно показал подчинённым пример дисциплины и выдержки: «Зашли с патрулём в дом, а немец смотрит косо и недоволен, что после нас следы на паркете остались. Видно, сука, капиталист какой-то. Хотелось мне ему по морде врезать, но сдержался. Моя честь мне дороже, и марать руки об него я не хочу».

Нач. штаба ... стр. полка подполковник Сабреков заявил: «Приказ № 11072 правильный, я его одобряю, но у меня в душе жжёт. Ведь этот задрыганный фриц только что сейчас стрелял по моим бойцам, а потом, видя, что положение безвыходное, чтобы сохранить свою шкуру, поднял руки вверх, и его уже нельзя расстрелять».

Командир огневого взвода 1-ой батареи ст. лейтенант Цевелев сказал: «Приказ Ставки я одобряю, но сейчас каждый из нас горит жгучей ненавистью к немцам, и всё немецкое нам противно. Мы имеем месть не только к тем немцам, которые сопротивляются, но и к тем, которые их обеспечивали для ведения войны против нас. Я буду выполнять этот приказ, но моя ненависть ко всем немцам не уменьшится, и нам нельзя прощать преступлений. Мы не должны ничего забывать».

Капитан Романенков показал: «Мы с командиром батареи 45-мм пушек капитаном Приходько находились в доме, в другой комнате сидели две немки и разговаривали. Вдруг врывается какой-то ст. лейтенант с пистолетом в руках, бросается к немке, хватает её за грудь и толкает на пол, и пока мы поняли, в чём дело, он двумя выстрелами убил немку. Мы хотели его задержать, но он, сказав: «Будут помнить, как в моих солдат стрелять», выскочил вон и скрылся».

Старшина Шорин: «Наши люди переполнены чувством мести, и это справедливо. Но мы вредим себе, когда на глазах у немцев расстреливаем сдающихся в плен — так нехорошо делать. Поэтому они нас боятся и больше сдаются союзникам».

Майор Амельков (командир 2 сб): «Мы будем гуманно относиться к врагу и этим самым докажем всему миру, что Красная Армия умеет мстить организованно, наказывать виновников войны и не трогать тех, кто в этом не виноват».

Одновременно в свете директивы прошло обсуждение статьи тов. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Оживлённый обмен

мнениями показал, что офицерский и сержантский состав в основном правильно поняли статью тов. Александрова, своевременно указавшего на ошибки И.Эренбурга, который воспринимает весь германский народ как шайку бандитов и стрижёт их под одну гребёнку.

Привожу несколько высказываний и выступлений личного состава.

Сержант Костенюк, член ВКП(б), батальон связи:

«Раньше мы увлекались статьями Эренбурга, который метко выражал настроения и думы бойцов. Его слова: «Увидишь немца — убей его!» воспринимались как должное, как призыв к мести. И мы пришли в Германию с этим чувством мести, поэтому и возникли эти безобразия — самочинные расстрелы гражданского населения и изнасилования».

Ст. лейтенант Уваров, член ВКП(б), штадив:

«Эренбург, конечно, не прав, когда в своей статье «Хватит!»[1] утверждает, что «Германии нет, есть только колоссальная шайка бандитов, которая разбегается, чтобы избежать наказания». В Германии есть люди, которые ненавидели Гитлера, ненавидели его звериную политику и к ним отношение должно быть другим, есть и матёрые фрицы, с которыми мы будем беспощадны».

Капитан Семёнов, член ВКП(б), нач. связи:

«В своё время Эренбург правильно ставил вопросы, а сейчас обстановка изменилась и тов. Александров правильно ему указывает в своей статье «Товарищ Эренбург упрощает»[2] и о чём говорится в директиве Ставки «Об изменении отношения к немцам». Сейчас слова Эренбурга особенно вредят делу и неправильно ориентируют личный состав в его поведении на территории Германии».

Под влиянием статьи Эренбурга в 138 стр. полку был оформлен плакат наглядной агитации «Помирай, Померания!». Агитатору полка разъяснено, что, как сказал товарищ Сталин: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий и государство немецкое остаются», и потому помирать могут Гитлер, германский фашизм и их прислужники, однако желать смерти даже отдельной провинции Германии — грубейшая политическая ошибка. Плакат уничтожен, зав. отделом пропаганды и агитации дивизии майор Дышельман строго предупреждён о проявленной политической близорукости.

Политработники частей и подразделений продолжают разъяснять личному составу статью тов. Александрова, которая, как

---

[1] Статья И.Эренбурга «Хватит!» опубликована 12 апреля 1945 г. в газете «Красная Звезда».

[2] Статья Г.Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» опубликована 14 апреля 1945 г. в газете «Правда».

и директива Ставки № 11072, понимается как прямое указание Центрального Комитета на линию поведения личного состава на территории Германии, вносит ясность в вопросах оценки германского народа и поможет правильно направить людей на заключительном этапе войны.

Дано указание статью тов. Александрова издать специальной листовкой и довести её до сознания каждого бойца и, особенно, офицеров.

Во всех частях и подразделениях дивизии проведены партийные и комсомольские собрания.

В соответствии с директивой изготовлены листовки и лозунги следующего содержания:

«Как заставить немцев уплатить за все убытки и преступления, совершённые в нашей стране».

«Боец! Если немец сдаётся в плен — бери его! Лежачего не бьют!»

«Бдительность и дисциплина — наше оружие Победы!»

«Правила и нормы поведения советского воина в логове фашистского врага».

В ходе бесед ряд бойцов и офицеров задали политработникам заслуживающие внимания вопросы. Привожу наиболее характерные из них:

1. Куда мы пойдём дальше после занятия Берлина?

2. Можно ли оказывать медицинскую помощь раненым немецким военнопленным?

3. Можно ли дать кусок хлеба немецкому военнопленному во время его конвоирования?

4. Будет ли отправляться к нам на работу немецкое население?

5. Можно ли там, где нет немецкого населения, брать вещи для посылки семьям красноармейцев? Не последует ли в связи с этой директивой запрет на отправку посылок на Родину?

По всем вопросам даны разъяснения и с каждым из задававших вопросы проведены индивидуальные беседы.

Полковник Фролов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 132 СД

23.04.45 г.

После проведения разъяснительной работы приказа Ставки № 11072 в дивизии заметно повысилась дисциплина и порядок,

а личный состав, в большинстве своём правильно поняв требования этого приказа, стал иначе относиться к гражданскому немецкому населению. Об этом свидетельствуют следующие характерные факты и высказывания.

Красноармеец Беляев: «Месть местью, но интересы войны, интересы Советской Родины требуют от нас мести на поле брани. В боях нужно бить тех немцев, которые сопротивляются. Если же немец сдаётся, трогать его незачем. Пусть поработает в России, пусть отстраивает нам Сталинград, Воронеж, Минск и другие города».

Сержант Пузырьков, кандидат в члены ВКП(б): «Правильно говорит товарищ Сталин. Чтобы не позорить имя советского человека, не можем мы поступать как немцы, хоть и горит сердце ненавистью к зверям».

Комсомолец красноармеец Гречаный: «Мы предполагали, что когда придём в глубь Германии, запретят мстить, как начали. Многие совершали насилие, занимались барахольством из озорства, но почти все с сильным озлоблением, при этом приговаривали: «За мою хату, за сестру, за мать, за нашу Родину, за кровь и раны наши, за искалеченную жизнь». Мстили мы, как сердце подсказывало. Мы не понимали, что позорим свой народ и Красную Армию. Поэтому я и думал – неужели не запретят это?»

Но некоторые бойцы, сержанты и офицеры, особенно пережившие от фашистских захватчиков, имея жгучую ненависть к немцам, не могут смириться с коренным изменением отношения к военнопленным и местному немецкому населению.

Так, например, красноармеец Глубовский, услышав приказ Ставки, с возмущением воскликнул: «Так, значит, мы немцев должны помиловать?»

Красноармеец Андросов сказал: «Не быть жестоким по отношению к немцам тому бойцу, у которого немцы повесили мать, расстреляли отца и брата, – значит, нужно притупить ненависть к врагу и забыть обо всех зверствах, которые они совершили на моей Родине?»

Сержант Тихонов: «Не понимаю, в чём же выражается наша месть к немцам, о чём всё время говорят. Не в том ли, что они издевались над нашим народом, грабили и разрушали наши богатства, а мы сейчас ещё должны с пониманием к этому отнестись и даже помогать с продовольствием».

Красноармеец-ездовой Горелов: «Что же это получается? С одной стороны «Красная Звезда» с призывами Эренбурга: «Убивайте немцев, где бы вы их не встретили, опозорьте их женщин и убивайте

их детей!», с другой – требование почему-то вдруг резко изменить к ним отношение, а, значит, сейчас я уже не могу им отомстить за то, что они сожгли мой дом, угнали в рабство сестру, увели весь скот? В сердце моём никогда не ослабнет ненависть к немцам».

Связист Максименко: «В мои мысли не укладывается: как это так – немцы грабили и убивали наших людей, а мы за это должны ещё их и жалеть...»

Красноармеец комендантской роты Управления Пинчук, член ВЛКСМ: «У меня немцы убили мать, отца, сестру. Как же я буду после этого связываться с немкой? Немка – это тварь, это мать и сестра людоеда, зверя, и к ней надо относиться с презрением и ненавистью».

Красноармеец-стрелок Макаренко после того, как ему разъяснили недопустимость мародёрства, грубого отношения к немцам, в гневе заявил: «Вас много сейчас здесь найдётся указывать, на передовой надо было воевать, пробыть там всё время, и тогда бы вы узнали, кто такие немцы и как к ним относиться. У всех, наверное, память отшибло, и они забыли, как относились немцы к нашим жёнам, сёстрам, матерям в первые годы войны».

Нужно отметить, что озлобление против немцев не снижается, а наоборот, усиливается, в особенности, когда они проявляют коварство и двуличие. Так, 23 апреля с.г. немецкие танки напали на тыловые подразделения 65-го кавполка, и пленные немцы, покорно сдавшиеся в плен, увидав свои танки, побежали им навстречу и, вскочив на броню танков, стали вести огонь по нашим войскам из автоматов, подобранных у убитых красноармейцев. Лейтенант Касецкий после этого заявил: «Перестреляю всех пленных немцев за 65-й кавполк. Пусть, гады, не думают, что, если они подняли руки, то могут быть спокойны за свою жизнь. Пусть они отвечают за действия тех, кто ещё не бросил оружие».

Красноармеец Артёмов: «Немцы шляются по лесам, стреляют в нас, а мы будем с ними гуманничать?»

Сержант Степанов: «С ними будем по-человечески, а они, переодевшись в овечьи шкуры, будут стрелять из-за угла, подло убивать, а мы – сохраняй им жизнь?»

До сих пор имеют место отдельные случаи недостойного поведения бойцов.

Химинструктор и парторг дивизиона ... артполка ст. лейтенант Австашенко 22 апреля, будучи в пьяном состоянии, изнасиловал немку. Австашенко от руководства парторганизацией отстранён и привлечён к партответственности.

Командир взвода автоматчиков дивизии старшина Шумейко уже после ознакомления под расписку с директивой 11072 имел с местной жительницей немкой Эммой Куперт, 32 лет, половое сношение продолжительностью более суток, причём зашедшему к ней в дом с проверкой патрулю Куперт пыталась выдать старшину Шумейко, находившегося в шёлковом белье под одеялом, за своего мужа, от рождения глухонемого и потому освобождённого от службы в немецкой армии. Однако старшим патруля Шумейко был опознан и доставлен в часть.

Соцдемографические данные: Шумейко Андрей Иванович, 1918 г. рожд., урож. г. Барнаула, украинец, б/п, образование 6 кл., в плену, окружении и под оккупацией не был, в РККА с 1939 года, имеет лёгкое ранение, награждён орденом Красной Звезды.

В связи с отдельными нездоровыми высказываниями во всех частях и подразделениях дивизии проведены партийные и комсомольские собрания под девизом «Враг ещё не побеждён!» (об изощрённых методах диверсионной работы немцев в тылу Красной Армии) и выпущен плакат наглядной агитации «Боец! Ты в логове врага! Если немец смотрит на тебя ласковым оком, смотри, чтобы это не вылезло боком».

Полковник Колунов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

23.04.45 г.

Личный состав 102-й стр. дивизии воспринял Директиву тов. Сталина о коренном изменении отношения к населению Германии и к военнопленным как своевременное и необходимое мероприятие для поднятия воинской дисциплины, наведения должного порядка в частях и достижения скорейшей победы над врагом.

В своих выступлениях на красноармейских собраниях многие резко критиковали поведение отдельных бойцов по отношению к населению.

Ст. сержант Руднев: «Отдельные бойцы, занимаясь пьянством, барахольством и насилуя немок, кладут позорное пятно на всю Красную Армию. Если мы будем жестоко поступать с пленными немцами или какой-нибудь немкой, которая не наносит нам вреда, то это будет вызывать у них только озлобление, что не приблизит, а отдалит нашу окончательную победу. Наш Верховный Главнокомандующий указывает нам, как и кому мы должны мстить».

Рядовой Романюк: «Правильно объяснил нам тов. Сталин, что на территории Германии мы воюем с немецкой армией, а не с обманутым народом».

Старшина Сорокин: «Директива Ставки очень правильная, надо было раньше над этим задуматься, тогда бы не было тех поджогов, насилий, расправ над немецким населением, которые имели место».

Красноармеец Максимов, член ВКП(б): «Немцы под влиянием геббельсовской пропаганды запуганы приходом Красной Армии и боятся сдаваться в плен, что затрудняет наше движение вперёд. Мы не будем заискивать перед немцами, не допустим с ними никакого панибратства, но и не опозорим себя недостойными поступками барахольства и насилия».

Ст. сержант Вишневский: «Наши солдаты занимаются мародёрством лишь потому, что разрешили посылать посылки – в этом всё зло».

Сержант Становой: «Каждый воин Красной Армии должен честно выполнять директиву товарища Сталина, этим самым мы ускорим полный и окончательный разгром врага».

В то же время некоторые военнослужащие, осуждая жестокое отношение к пленным, недопонимают некоторые пункты в директиве и даже высказываются отрицательно по поводу ужесточения наказания за сожительство с немками.

Так, рядовой Никульшин из отдельного батальона связи сказал: «Немцы у нас жгли, грабили и насиловали наших женщин, а здесь, в Германии, нам ничего нельзя сделать, даже немку нельзя пощупать».

Старшина 4-й батареи Гольденберг заявил: «Почему не разрешают иметь половые сношения с немками, ведь немецкие солдаты насиловали наших женщин! Наши русские женщины были для них подстилками, пусть теперь подстилками станут немки».

Красноармеец Морозов А.П., шофёр: «Надо сурово карать за коллективное изнасилование. В Германии голод, и немки сами охотно будут отдавать себя за хлеб. Таким образом, связь с немками может быть и без изнасилования».

Красноармеец Марин: «В Красной Армии много молодых, прошло 4 года войны, будем ещё несколько месяцев стоять гарнизоном. Надо учитывать человеческую природу. Я привык жить с женой. Ясно, что будут связи с немками. Они ничего не имеют против связи в одиночку и соглашаются вполне, если с ними поговорить и договориться. Коллективного изнасилования из чувства мести не должно быть».

Красноармеец Тришкин В.П.: «Мне не понятно, почему за немок такое наказание. Одиночного сожительства не надо запрещать».

Красноармеец Дубцов (пересыльный пункт): «Немцы калечили наших женщин. Почему же мы не можем им ответить за это? Коллективного насилия допускать не следует, но одиночную связь запрещать нельзя. У меня брат без ноги. Он инвалид Отечественной войны. Я приеду к нему после окончания войны. Он меня спросит: «Попробовал ли ты немок?» Как же я ему, инвалиду, скажу, что боялся это сделать? Какой позор будет для меня в деревне. Все немки развратны. Они ничего не имеют против того, чтобы с ними спали, но спать должен один. Это не будет позорить чести наших солдат. Связь надо иметь такую, чтобы немки не прыгали и не кричали, а по согласию».

Такой категории лиц партийно-политическим аппаратом разъяснено, что их взгляды неправильные, и это может привести к нехорошим последствиям.

Несмотря на проведённую с личным составом работу о поведении его на вражеской территории, от населения до сих пор поступают жалобы и имеют место свежие факты насилования немок. Так, например, старшина Дорохин из ... артполка, член ВКП(б), после того, как ему была разъяснена Директива тов. Сталина № 11072, напился пьяным и имел сношение с немкой.

Политработниками дивизии, агитаторами полков и батальонов продолжается работа с личным составом, направленная на укрепление дисциплины, порядка, бдительности и решительную борьбу с барахольщиками, мародёрами, насильниками и теми, кто ещё не понял важности и значения правильного отношения к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению.

Полковник Наумов

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

25.04.45 г.

В частях, спецподразделениях и тылах армии продолжаются случаи бесчинства по отношению к немецкому населению, продолжается мародёрство, насилие и хулиганство, сожительство с немками и заражение военнослужащих венерическими заболеваниями.

Все эти факты, позорящие наших красноармейцев, сержантов и офицеров, показывают, что командиры частей и спецподразделений не сумели добросовестно, жёстко и быстро провести в жизнь указания

тов. СТАЛИНА и указания Военного Совета фронта о запрещении незаконных действий в отношениях к немецкому населению.

Считаю, что такими гнусными делами не занимаются бойцы, сержанты и офицеры, честно сражающиеся в бою за нашу Родину. Мародёрством, насилием и другими преступлениями занимаются лица, которые не дорожат честью советского бойца и честью своей части – люди морально разложенные.

ТРЕБУЮ:

1. Командирам корпусов, дивизий и частей немедленно навести жёсткий порядок и дисциплину в частях, особенно в тыловых.

2. Всех мародёров и лиц, совершающих преступления, позорящих честь и достоинство Красной Армии, арестовывать и направлять в штрафные части, а офицеров предавать судам офицерской чести и Военного трибунала.

3. Разъяснить всему личному составу пагубные последствия венерических заболеваний и предупредить, что вензаболевания будут расцениваться как уклонение от выполнения боевых заданий и лица, выходящие из строя в силу вензаболевания, будут привлекаться к строгой ответственности.

Настоящий приказ объявить всему красноармейскому, сержантскому и офицерскому составу.

Генерал-полковник Смирнов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Начальнику политотдела 71 армии

Для реализации Постановления Военного Совета фронта от 15.04.45 г. и приказа командующего армией по предотвращению панибратских половых связей с женской половиной противника и предупреждению венерических заболеваний во все части и подразделения направлен красочный плакат наглядной агитации: «Красноармеец! Будь бдителен! Отравления и заражения венболезнями – это коварные методы издыхающего врага!»

Составлена программа лекций, докладов и бесед, которые будут способствовать улучшению воспитательной, санитарно-просветительской и профилактической работы среди личного состава.

1. Половая распущенность и её спутник – венерическое заболевание – процветают там, где отсутствует ответственность командиров

и политработников за воспитание ими своих подчинённых (только для офицеров).

2. Панибратское отношение и сближение с немками – унижение высокого звания воина Красной Армии.

3. Венерическое заболевание на территории фашистской Германии не только является несчастьем для самого заболевшего, но и позорит его честь и достоинство.

4. Учащение случаев венерических заболеваний в части – позор для всей части.

5. В период напряжённых боёв по окончательному разгрому немецкого фашизма выход из строя по причине заболевания венерическими болезнями – равносильно членовредительству и преступлению перед Родиной.

6. Особенности распространения венерических заболеваний на территории Германии и факторы, способствующие их распространению (повышенный процент заболеваемости немок венерическими болезнями, притупление бдительности и половая распущенность, диверсии, недостаточно высокий уровень санитарно-просветительной работы).

7. Венерические болезни и их влияние на здоровье, семью и деторождаемость.

Выпущена листовка следующего содержания:

«Товарищи военнослужащие!

Вас соблазняют немки, мужья которых обошли все публичные дома Европы, заразились сами и заразили своих немок.

Перед вами и те немки, которые специально оставлены врагом, чтобы распространять венерические болезни и этим выводить воинов Красной Армии из строя.

Надо понять, что близка наша победа над врагом и что скоро Вы будете иметь возможность вернуться к своим семьям.

Какими же глазами будет смотреть в глаза близким тот, кто привезёт заразную болезнь?

Разве можем мы, воины героической Красной Армии, быть источником заразных болезней в нашей стране? НЕТ! Ибо моральный облик воина Красной Армии должен быть так же чист, как облик его Родины и семьи!»

Начальник отд. агитации и пропаганды 136 ск
подполковник Рутэс

9. ЕЩЁ НЕ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 28.04.45 г.* *23 ч. 07 м.*

Командирам корпусов, дивизий

В связи с понесёнными потерями и уменьшением боевого состава командующий армией приказал решительно провести чистку войсковых тылов для немедленного пополнения стрелковых полков и рот.

Начальник штаба
генерал-майор *Антошин*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

28.04.45 г.

Во время боевых действий наших частей в городах и населённых пунктах немцами – «фольксштурмовцами», полицаями, солдатами и офицерами, переодетыми в гражданскую одежду, – совершено большое количество террористических и диверсионных актов против одиночных красноармейцев и малочисленных групп, а также автомашин и повозок.

Так, во время сосредоточения ... сп в районе 1,8 км северо-западнее города Виттшток красноармеец Ганиев Мингали с разрешения командира взвода мл. лейтенанта Тепеева направился к колонке за водой. По истечении 30 минут в 200 метрах от колонки был обнаружен труп Ганиева с перерезанным бритвой горлом, около трупа валялась бритва.

В населённых пунктах снайперами, засевшими на чердаках, крышах, в развалинах и подвалах домов, и отдельными группами немцев ведётся стрельба из пулемётов, автоматов, фаустпатронов[1].

---

[1] Фауст, фаустпатрон – ручное противотанковое динамореактивное оружие ближнего боя, гранатомёт одноразового действия, принятый на вооружение немецкой армии в 1944 г.

Только за 27 апреля в 12 гв. стр. корпусе зарегистрировано 10 террористических актов, в результате которых выведены из строя 49 военнослужащих (ранены) и 10 человек убиты.

Автоматной очередью с чердака убит гв. ст. лейтенант Пинчук.

Снайпером из подвала тяжело ранен разрывной пулей возвращавшийся с НП командир 12 гв. стр. корпуса гвардии генерал-лейтенант Казанкин.

Выстрелом из фауста убит зам. командира по политчасти ... самоходного артполка майор Особский.

Выстрелами из-за угла ранено 11 человек, среди них зам. командира по политчасти ... стр. полка майор Черенков.

Подавление огнём домов, откуда стреляют фаустники и снайперы, посылка специальных людей из немецкого населения к засевшему и обороняющемуся противнику с требованием прекратить сопротивление до настоящего момента надлежащих результатов не дали.

Для уменьшения боевых потерь считаю необходимым:

— принудительное выселение гражданского населения из района боевых действий в специально отведённую зону;

— прочёсывание домов и районов специально выделенными отрядами, что силами дивизий, ведущих бой, сделать невозможно;

— усиление комендантской службы.

Нач. политотдела

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

29.04.45 г.

Доношу, что части 425-й стр.дивизии, встретив сильное и организованное сопротивление противника, имевшего значительное количество артиллерии и пехоты с фаустами, продолжали вести наступательные бои на обоих берегах р. Одер.

Наступательный порыв бойцов и офицеров по-прежнему высок. Сообщение о том, что войска Центральных фронтов подошли вплотную к Берлину и завязали бои в пригородах столицы Германии, было встречено с большим энтузиазмом, прибавило упорства в борьбе.

Личный состав дивизии беспощадно уничтожает фаустников, в боях проявляет мужество в выполнении своего долга. Случаи, когда раненые бойцы, сержанты и офицеры отказываются идти в госпиталь, остаются выполнять до конца свой долг, стали массовым явлением.

Во время контратаки противника в районе деревни Марксдорф командир отделения связи сержант Кудров под сильным огнём неоднократно исправлял связь, был ранен. Ему предложили отправиться в санчасть, но он не пошёл, сказав: «Мы уже у стен Берлина, и я хочу участвовать в штурме фашистской берлоги».

Разведчик 56-й разведроты 138 сп красноармеец Лисенков всё время находился с пехотой, выискивая вражеские огневые точки, вместе с пехотой участвовал в отражении контратак противника, был ранен в ногу, но не ушёл с поля боя до тех пор, пока противник не был отброшен назад. Славный разведчик представлен к награждению орденом Славы 1-й степени.

Разведчик этой же разведроты сержант Калиничев, уничтоживший в гранатном бою на дамбе 4-х немцев, сказал: «Если мы потерпели неудачи в первые дни боёв, то это не значит, что работали впустую, мы своими действиями отвлекали значительную часть силы врага, измотали и обескровили его. Это дало нам возможность форсировать Одер и в ближайшие дни, а возможно и часы, нанести решительный удар и уничтожить немецкие войска на западном берегу».

Мужественно дрались с немецкими захватчиками и политработники: капитан Финкельштейн, ст. лейтенант Ермилов, лейтенант Панченко и др. Находясь в боевых порядках подразделений, они личным примером и большевистским словом поднимали людей на подвиги, двигались вперёд с бойцами, завоёвывали шаг за шагом дамбу, ведущую к цели – на западный берег реки Одер. Лейтенант Ермилов, видя, что бойцы слабо управляют лодкой, лично сел за вёсла, под обстрелом перевозил бойцов, пока весь батальон не переправился через реку. На восточном берегу он был неустрашим и, бесстрашно переходя от бойца к бойцу, поднимал их дух и уверенность в победе.

Когда в батальоне все офицеры, кроме комбата майора Решетникова, вышли из строя, парторг лейтенант Ермилов вместе с майором Решетниковым руководили боем и отразили три контратаки противника.

За 5 дней жестоких боёв потери составили убитыми – 125 человек, в том числе офицеров – 34 человека; ранено – 385 человек, в том числе офицеров – 45.

Все убитые похоронены.

Части дивизии находятся в полной боевой готовности выполнить поставленную задачу.

Личный состав обеспечивается горячим питанием два раза в сутки, перебоев в обеспечении боеприпасами нет.

В последнюю операцию не было случаев насилия над немцами со стороны военнослужащих, а также барахольства, хотя отдельные бойцы берут у немцев часы, хорошие сапоги, но делают это скрытно от своих командиров.

Личный состав относится к немцам сдержанно, но с презрением.

Однако наряду с массовыми проявлениями мужества и героизма имели место и отдельные факты позорного малодушия и членовредительства.

Так, мл. сержант Гуделявичюс А.Е. (б/п, 1921 г. рожд., призван в РККА 15.05.44 г., в ... сп с 1 марта 1945 г.) во время боя прострелил себе кисть левой руки, использовав половину буханки чёрного хлеба, чтобы рана не имела порошинок, а выглядела как полученная от пули, прилетевшей издалека.

Гуделявичюс сознался в совершении тяжкого преступления перед Родиной, объясняя это тем, что в последних боях погибла большая часть бойцов роты, и он чувствует, что его тоже вот-вот убьют, а у него молодая жена и он очень хочет жить.

ВТ дивизии Гуделявичюс приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение перед строем двух батальонов ... полка и делегатов из всех частей дивизии по одному от каждого взвода.

Боец Осипов И.К. (б/п, 1926 г. рожд., в РККА с 1944 года, того же ... сп), испытывая панический страх и увидев действия Гуделявичюса, тоже выстрелил в левую руку и отстрелил два пальца. Приказом командира дивизии членовредитель Осипов направлен в штрафную роту.

Полковник Фролов

ПИСЬМО ИЗ ПРОКЛЯТОЙ ГЕРМАНИИ

28 апреля 1945 г.

Здравствуйте, многоуважаемая Ксения Кондратьевна!

Сообщаем Вам о Вашем муже, Казакове Фёдоре Петровиче, который вместе с нами боролся за нашу Советскую Родину на территории Германии. Мы много раз отражали контратаки превосходящего нас по численности противника. Все атаки были отбиты и мы ему нанесли большие потери. В этом неравном бою многие бойцы показали геройство и пали смертью храбрых. В этом бою, 24 апреля, погиб смертью храбрых и Ваш муж Фёдор. Похоронили мы его со всеми воинскими почестями на берегу реки Одер. Мы всегда будем

помнить, как он мужественно и смело вёл себя в бою и воевал за нашу Советскую Родину.

Мы, его боевые товарищи, клянёмся отомстить проклятым немцам за смерть Вашего мужа, а Вас просим сильно не горевать, беречь себя и своё здоровье для воспитания Ваших детей.

Уважаемая Ксения Кондратьевна!

Мы, товарищи Вашего мужа, посылаем скромную посылку для Ваших детей. Пусть они растут и помнят, что их отец погиб смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины.

С приветом к Вам бойцы и командиры подразделения, в котором воевал Ваш муж.

ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО 71 АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА СМИРНОВА А.И.

«Личное»

Командиру полка
подполковнику т. Ловягину

Я получил извещение о том, что мой сын, лейтенант Смирнов В.А., в бою с немецкими захватчиками 27 апреля 1945 года был убит.

Прошу подробно сообщить о последних часах жизни сына, обязательно правдиво указав: где и при каких обстоятельствах он погиб, оказывалась ли ему медпомощь, какие просьбы были высказаны им перед смертью и точное место его захоронения.

Личные вещи сына, за исключением фотографий, писем и его личных документов, прошу не высылать, а раздать товарищам в полку.

О гибели сына моей жене не сообщать – я это сделаю сам.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 02.05.45 г.* *11 ч. 00 м.*

Постановлением Правительства объявлено о выпуске 4-го Государственного Военного займа. С получением текста Постановления во всех частях и соединениях армии политработникам и агитаторам провести широкую разъяснительную работу об огромном экономическом значении для страны этого займа и политической важности осознания каждым военнослужащим от командира до рядового добровольного участия в его

реализации. Совместно с финорганами в кратчайшие сроки, до 8.5 с.г., провести подписку на заём.

О ходе проведения подписки сообщать политдонесением в Штарм.

Нач. политотдела
генерал-майор *Козлов*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

05.05.45 г.

С получением в 425-й стр. дивизии Постановления Правительства о выпуске 4-го Государственного Военного займа и согласно директивы Штарма партийно-политическим аппаратом осуществлялась большая подготовительная работа к его реализации.

В подразделениях и частях проведены митинги под девизом «Прими, Родина, наш дар», подготовлены лозунги:

1. «Красная Армия в Берлине! Подпиской на заём поможем ей добить фашистского зверя в его собственной берлоге».

2. «Дружной подпиской на 4-й Государственный Военный заём усилим экономическую и военную мощь Советского государства».

3. «Ни одного военнослужащего без облигации 4-го Государственного Военного займа!»

4. «Отдадим 3–4-х недельный заработок на увеличение производства танков, самолётов, пушек и боеприпасов! Поможем Правительству быстрее восстановить разрушенное фашистами народное хозяйство».

Неописуемым одобрением и огромным желанием отдать свои средства государству была встречена весть о выпуске нового займа.

В торжественной обстановке, с необычайным патриотическим подъёмом, на высоком идейно-политическом уровне и только добровольных началах прошла подписка на заём.

В коротких, но ярких речах воины выражали свою беспредельную любовь Родине, беззаветную преданность партии Ленина–Сталина.

Сержант Казаков: «Новый Государственный Военный заём – это новый удар по врагу, новый вклад в дело нашей Победы».

Красноармеец Дубягин: «Мой вклад в фонд нашего государства ускорит восстановление промышленности и сельского хозяйства в освобождённых районах Украины, Белоруссии и других республиках».

Красноармеец Биберин: «Я на фронте 4-й год и вижу, куда идут наши деньги. На внесённые наши деньги выпущены самолёты, танки, вооружение, которое громит и уничтожает фашистских бандитов. Пусть мои средства войдут в фонд нашей Родины для окончательной победы над врагом».

Отличники подписки на заём:

1. Старший лейтенант Пигалев	– 5000 руб.
2. Мл. лейтенант Олейников	– 4000 руб.
3. Сержант Егоров	– 1000 руб.
4. Лейтенант Вьюнков, комсорг	– 5000 руб.
5. Красноармеец Ковбасюк	– 800 руб.
6. Старшина Ерофеев, при окладе 150 руб.,	– 1500 руб.

А также многие другие подписались на все свои сбережения и внесли наличными. Подпиской охвачено 95% всего личного состава.

Однако наряду с этим имели место и недовольные высказывания и отказы:

Так, ст. лейтенант м/с Толстякова в разговоре среди офицеров сказала: «На двухмесячный оклад пусть подписываются агитаторы, а я не буду».

Оперуполномоченный ст. лейтенант Гусев в беседе с зам. командира полка по политчасти заявил: «Нечего меня учить, как подписываться. Я подхожу из своего расчёта, а брать со сберкнижки и вносить их наличными я не намерен».

Командующий артиллерией дивизии полковник Прохоров сказал: «Не успели кончить войну, а опять уже новый заём. Я на заёмы подписываюсь с 1929 года, а от государства ещё ничего не получил». При денежном содержании 2400 руб. в месяц, Прохоров подписался на заём всего на 900 руб.

Политаппарат своевременно отреагировал на неправильные высказывания и поступки военнослужащих.

Полковник Фролов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 136 СК

Доношу, что подписка на 4-й Государственный Военный заём в 136 стр. корпусе закончена к 8.00 7.5.45 г.

Политработниками, агитаторами во всех частях и соединениях корпуса проведена широкая разъяснительная работа об огромном значении этого займа для страны в восстановлении разрушенного немцами народного хозяйства.

Среди личного состава от офицера до рядового отмечены высокий патриотический подъём и глубокое осознание важности этого мероприятия.

Подпиской на заём охвачено 98% личного состава. Наиболее активно она прошла в 102-й, 132-й и 425-й стр. дивизиях. Командирам дивизий рекомендовано в своих приказах персонально отметить наиболее сознательных и отличившихся военнослужащих.

Общая сумма реализованного займа составила полтора миллиона рублей или 262% к фонду месячного оклада всех военнослужащих корпуса.

Подробные финансовые материалы (отчёты) отправлены нарочным в Управление тыла армии.

ПИСЬМО КОМАНДИРА ПОЛКА

Командующему 71 армией
Генерал-полковнику Смирнову А.И.

Согласно Вашего распоряжения, сообщаю подробно обстоятельства последнего боя, последних часов жизни и гибели Вашего сына, командира стрелкового взвода 5-й роты 2-го батальона вверенного мне полка лейтенанта Смирнова Владлена Александровича.

Ваш сын, при первой атаке немцев подбивший фаустпатроном немецкий танк, был при этом легко ранен автоматной очередью в голову и правую руку. Его перевязали бойцы, и он остался в траншее, от эвакуации на БМП он отказался и, несмотря на потерю крови, до конца оставался в строю.

При повторных атаках немцев на участке 2-го батальона сложилось критическое положение. В строю осталось менее 30 человек, из 7 офицеров 5 были убиты или тяжело ранены. Принявший на себя командование батальоном лейтенант Журкин через связного доложил мне, что люди стоят насмерть, но немцы продолжают атаковать превосходящими силами с бронетранспортёрами, станковые пулемёты разбиты, гранаты на исходе, он боялся, что батальон не продержится, и просил немедленной поддержки. Я послал в батальон агитатора полка, станковый пулемёт с расчётом (из 3-х человек), ящики с патронами и 15 противотанковых гранат. Другой действенной помощи я оказать батальону не мог.

При четвёртой или пятой атаке немецких танков лейтенант Смирнов, приняв командование ротой, заметил, что фаустпатронов осталось мало, бросился в отсечную вторую траншею, где хранился

ротный запас фаустпатронов. С тремя снарядами на плече он бегом возвращался по ходу сообщения к пулемётной площадке взвода, откуда сержант Жуганов, рядовые Мышко и Тишин изготовились к отражению атаки немцев.

В тот момент, когда он выскочил из-за угла в траншею, сержант Жуганов произвёл с бруствера пуск фаустпатрона по немецкому бронетранспортёру, при этом огненный луч на расстоянии нескольких метров поразил Вашего сына в область живота.

Он прожил после этого всего две-три минуты, медицинская помощь ему не оказывалась, ничего поделать было нельзя, так как огненным лучом был пережжён позвоночник. По словам рядового Крячко, подбежавшего к нему, он тихо повторял одни и те же слова: «мама» или «мамочка» и «прости меня». Никаких просьб перед смертью лейтенантом Смирновым высказано не было.

Как мне стало известно, в своём донесении от 30 апреля нач. политотдела дивизии обвинил меня, что второй батальон в трудную минуту был оставлен без поддержки. Это не соответствует действительности. Перед тем мною по рации был получен приказ командира дивизии и боевое ориентирование. Кодом было сообщено, что немцы смяли правый фланг полка и прорвались в глубину боевых порядков, что немецкие самоходки подожгли трёхэтажное здание, где размещалось свыше сотни раненых бойцов и офицеров дивизии. В бинокль я сам видел, как здание горело, а раненые выбрасывались из окон. Командир дивизии приказал бросить весь имеющийся у меня резерв в район медсанбата, чтобы защитить раненых и не дать немцам прорваться дальше в глубину нашей обороны, но к тому времени полковые резервы были полностью исчерпаны.

В действиях сержанта Жуганова, подбившего фаустпатроном немецкий бронетранспортёр, как мною, так и назначенной командиром дивизии проверкой и расследованием никакой вины не найдено. Возможность террористических намерений с его стороны в отношении Вашего сына офицер контрразведки «Смерш» полка капитан Филимонов полностью исключает.

27 апреля с.г. Ваш сын был похоронен в районе господского дворика дер. Шлодиен, восточнее города Менхаузель, в индивидуальной могиле с отданием воинских почестей. Место было выбрано наилучшее – под деревом, на возвышении. Могила по периметру аккуратно задернована. Установлен временный надмогильник – пирамида с надписью: «Лейтенант Смирнов Владлен Александрович 23.12.25 г. – 27.04.45 г.» (Специально сделанная фотография после усадки могилы прилагается).

В дальнейшем надгробие на могиле лейтенанта Смирнова будет улучшено.

За отличные боевые действия и самоотверженность, проявленные в бою 27 апреля с.г., Ваш сын был посмертно представлен к награждению орденом Отечественной войны 1-й степени. 2 мая с.г. это представление приказом командира корпуса № 028-Н было реализовано. Орденский знак (№ 340069) нами получен и вместе с временным удостоверением № Е 614833 высылается Вам для постоянного хранения. Одновременно высылается и временное удостоверение № Е 613901 к медали «За отвагу», которой Ваш сын был награждён 19 марта с.г.

Личные вещи сына, не являющиеся табельным имуществом, как-то: гармошка губная трофейная, свитер шерстяной домашней вязки, часы трофейные офицерские «Сильвана», шарф шерстяной, нож финский самодельный, перчатки кожаные, подшлемник шерстяной домашней вязки, находятся на складе хозчасти полка. Выполнить Ваше приказание и раздать их товарищам Вашего сына в батальоне не представляется возможным, так как в бою 27 апреля личный состав батальона почти весь был уничтожен, оставшиеся в живых 6 человек находятся в госпиталях. По этому вопросу ожидаю Вашего нового распоряжения.

29 писем и 7 фотографий, в том числе и три лично Ваших фотографии в генеральской форме, упакованы в пакет, опечатанный сургучными печатями, и фельдсвязью отправлены на Ваше имя в штаб армии.

В заключение считаю необходимым доложить, что Ваш сын, прибыв в полк из училища необстрелянным лейтенантом, за два месяца участия в боях заслужил авторитет офицера-гвардейца. Он стойко и терпеливо переносил все тяготы боевых действий и окопной жизни, во всех боях вёл себя мужественно и находчиво, как комсомолец принимал активное участие в изготовлении наглядной агитации и выпуске боевых листков в роте. Память о нём навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

Гвардии подполковник Ловягин

10. ДОКУМЕНТЫ 1944–1945 гг. (ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

Що Илья, то и я.
Що Евсей, то и все.
Не пьют на небеси,
А тут кому ни поднеси.
Народная поговорка

ИЗ ПРИКАЗА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НКО СССР

12.10.44 г.

...К наиболее важным чрезвычайным происшествиям в войсках относятся массовые отравления военнослужащих пищей, водой или напитками, повлекшие за собой весьма тяжёлые последствия.

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ

22.11.44 г.

О выдаче водки войскам Действующей армии
с 1 декабря 1944 года по 1 марта 1945 года

Во исполнение Постановления Государственного Комитета Обороны от 21 ноября 1944 г.

1. С 1 декабря 1944 года по 1 марта 1945 года производить выдачу водки войсковым частям действующей армии в следующих количествах:

а) по 100 граммов на человека в сутки – подразделениям войсковых частей, ведущим непосредственно боевые действия и находящимся в окопах на передовых позициях; подразделениям, ведущим разведку; артиллерийским и миномётным частям, приданным и поддерживающим пехоту и находящимся на огневых позициях; экипажам самолётов по выполнении ими боевой задачи;

б) по 50 граммов на человека в сутки – полковым и дивизионным резервам; подразделениям и частям боевого обеспечения, производящим работы на передовых позициях, частям, выполняющим ответственные задания в особых случаях (постройка и восстановление мостов, дорог и пр. в особо трудных условиях и под огнём

противника); раненым, находящимся в учреждениях полевой санитарной службы, по указаниям врачей.

2. В праздничные дни выдавать водку войскам в соответствии с пунктом 6 приказа Начальника Тыла Красной Армии № 095 от 23 апреля 1944 года.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА

25.11.44 г.

Войска фронта на освобождённой от врага территории несут небоевые потери вследствие употребления неизвестных спиртосодержащих трофейных жидкостей.

Так, после освобождения города Сигет военнослужащие ... артполка старший сержант Ежов и шофёр Рожков взяли на трофейном складе горючего две банки с неизвестной жидкостью и передали их начальнику артснабжения полка капитану арттехслужбы Заливакину. Несмотря на то, что на этикетках банок был изображён предупредительный знак — череп с костями, указывающий на то, что в банках содержится отравляющая жидкость, — капитан Заливакин не принял никаких мер к тому, чтобы уничтожить эту отраву или, в крайнем случае, если предполагалось использовать её для технических целей, то хранить в надлежащем месте и под строгим контролем.

6 ноября старший сержант Ежов решил употребить её в качестве спиртного напитка. Вместе с красноармейцем Рожковым они выпили по кружке жидкости и вскоре почувствовали себя плохо, о чём было доложено капитану Заливакину. Однако последний не поинтересовался состоянием отравившихся и не обеспечил оказания им необходимой помощи, в результате чего через 10 часов они умерли.

После этого случая злополучная техническая жидкость, как было установлено — денатурат, опять не была ни уничтожена, ни спрятана под запор. На следующий день остаток содержимого той же банки был распит командиром транспортной роты лейтенантом Степановым с подчинёнными ему сержантами Сидоровым, Кочкиным и Михайловым, и все они через несколько часов умерли.

Таким образом, гибель людей произошла исключительно в результате преступной небрежности капитана Заливакина и невыполнения им прямых указаний Военного Совета фронта о предупре-

ждении случаев отравления трофейными спиртными напитками и различными техническими жидкостями.

Приказом командующего за халатность по службе и непринятие мер к должному хранению отравляющей жидкости, вследствие чего произошло смертельное отравление пяти военнослужащих, начальник артснабжения ... артполка капитан Заливакин отстранён от занимаемой должности, разжалован в рядовые и решением Военного трибунала направлен в штрафной батальон сроком на шесть месяцев.

Начальник штаба
генерал-лейтенант Корженевич

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ВОЙСКАМ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА

15.12.44 г.

Несмотря на приказ НКО № 0123–42 г. о запрете пользования любыми трофейными жидкостями и продуктами противника, приказ Военного Совета фронта по предупреждению отравления в войсках и ужесточению наказания виновных, допустивших их, за время летне-осенних наступательных операций кривая роста отравлений из-за употребления непроверенных трофейных жидкостей растёт вверх, причём они носят массовый и тяжёлый характер, нередко со смертельными исходами.

Командиры частей и подразделений безответственно относятся к предупреждению отравлений и сохранению жизни личного состава, а в ряде случаев сами становятся участниками, даже инициаторами, употребления трофейных спиртных напитков.

Так, 15 июля 1944 г. курсантами ... отдельного учебного танкового полка была найдена трофейная бочка с этиленгликолем. Командир 3-й роты танкового батальона гв. ст. лейтенант Сорокин, отлив из бочки пол-литра, попробовал, оценил по вкусу найденную жидкость ликёром и разрешил выдать её курсантам. В ночь с 15 на 16-е были организованы групповые выпивки курсантов и офицеров во главе с дегустатором гв. ст. лейтенантом Сорокиным. Утром всем участникам стало плохо и они были срочно госпитализированы в МСБ.

Командиру танкового батальона обеспечения капитану Борту и его заместителю по политчасти майору Васькину было своевременно доложено о групповой пьянке, но они не только не приняли мер к пресечению пьянки, но сами в этот вечер напились.

В результате вопиющей недисциплинированности командиров произошло отравление 54 человек, из которых 21, в том числе Сорокин, несмотря на оказанную помощь, умерли, 10 – ослепли, остальные ещё продолжают лечение.

15 сентября 1944 г. бойцы ... отд. гвардейского тяжёлого танкового полка нашли трофейный спирт неизвестного качества, о чём парторг полка майор Недоносков доложил командиру полка по политчасти майору Василенко. Однако Василенко не только не принял должных мер к изъятию трофейного спирта, а сам лично употреблял его и выпивал с подчинёнными, в итоге 69 человек получили отравление, из них 26 скончались, в том числе и сам Василенко.

28 сентября с.г. в Янув-Подляски капитаны Чабунин и Орлов были приглашены местной жительницей-полячкой на квартиру. Она угостила их «бимбером[1]». В тяжёлой форме отравления метиловым спиртом оба капитана были доставлены в госпиталь. После оказания медицинской помощи они остались живы, но полностью потеряли зрение – ослепли.

18 ноября с.г. из медицинского склада, оставленного немцами, в расположение 2-й и 3-й батарей зенитно-артиллерийского полка по указанию командиров взводов лейтенантов Цыганова и Воротникова ст. сержантами Железновым и Филипповым были доставлены 3 ящика по 30 литров «МЕТАНОЛА»: каждому взводу по ящику, а третий был разобран военнослужащими других подразделений. 19 ноября командиры этих взводов раздали его личному составу по норме спирта – 100 гр. на человека. В результате 16 человек получили отравление, из них 7 человек умерли.

Командующий войсками фронта

ПРИКАЗАЛ:

1. Категорически запретить всему личному составу действующих армий и соединений фронта употребление в качестве напитков каких бы то ни было захваченных трофейных жидкостей. Под личную ответственность командиров и политработников ещё раз изучить приказ НКО № 0123–42 г.

2. Предупредить командиров, что за допущение случаев отравлений виновные, независимо от занимаемой должности, будут привлекаться к судебной ответственности.

3. Начальнику Политуправления фронта и начальнику медицинской службы организовать широкую разъяснительную работу

---

[1] Бимбер – польский самогон.

в войсках о недопустимости и опасности для жизни употребления трофейных жидкостей.

4. Военный трибунал приговорил Цыганова и Воротникова лишить воинского звания «лейтенант» и осудил каждого на десять лет лишения свободы в ИТЛ. Решение ВТ довести до сведения командиров рот включительно.

Начальник штаба
генерал-полковник Курасов

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ВОЙСКАМ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

24.12.44 г.

По имеющимся данным некоторые офицеры частей армии используют различные подручные методы и средства для очистки трофейных спиртных напитков, полагая, что это спасёт их от отравлений.

Так, капитан отдельной штрафной роты Цинтин взял 20 литров метилового спирта, якобы для заправки автомашины. При помощи своего ординарца Никитина изготовил из него путем пережога сахара «ликёр» и угощал им офицеров, а ординарец – красноармейцев.

Вследствие употребления такого «ликёра» 10 чел. отравились, из них 6 со смертельным исходом, в т.ч. капитан Цинтин и его ординарец Никитин.

Командир взвода 2-й кабельно-шестовой роты 5-й гв. танковой армии лейтенант Савельев обнаружил ящик с древесным спиртом, из которого взял несколько бутылок, пропустил через респираторную коробку и вместе с подчинёнными красноармейцами выпил этот, якобы очищенный, спирт. Наутро трое, в том числе Савельев, скончались, остальные пять красноармейцев после медицинского вмешательства остались живы.

Произведённым исследованием выпитого спирта установлено наличие в нём яда, на бутылках имелись этикетки на немецком языке с надписью: «Осторожно – яд».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. При обнаружении трофейных спиртных напитков немедленно их изымать и подвергать исследованию.

2. Категорически запретить использование противогазов не по прямому назначению.

3. Командирам частей и соединений разъяснить всему личному составу, что респираторные коробки не являются фильтрующим

средством для яда и никакая перегонка метилового спирта не защитит их от отравления и может привести к тяжёлым последствиям, вплоть до смертельного исхода.

Приказание довести до командиров рот включительно.

Начальник штаба
генерал-лейтенант Боголюбов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!»

ШТ из ШТАБА 1 БФ *Подана 11.02.45 г.* *9 ч. 15 м.*

Запретить в период проведения операций пить алкогольные напитки от командира роты и выше.

Считать пьянство руководящих офицеров в условиях наступления чрезвычайным происшествием и немедленно докладывать о нём по команде для принятия мер.

Лиц, виновных в срыве или плохом выполнении боевой задачи из-за пьянства, сурово наказывать и предавать суду Военного трибунала.

Начальник штаба
генерал-полковник Малинин

ИЗ СПЕЦПРИКАЗАНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГВСУ НКО СССР

18.02.45 г.

Всем армейским, корпусным,
дивизионным и бригадным врачам

В Восточной Пруссии во всех армиях и частях фронтов имели место случаи группового отравления трофейным спиртом и спиртоподобными жидкостями со смертельным исходом.

Установлено, что отравленный спирт был умышленно оставлен противником при отступлении.

Анализ трофейных жидкостей, которыми отравились военнослужащие на освобождённой территории, показал, что это либо чистый метиловый спирт (метанол, древесный спирт), либо – в смеси с этиловым алкоголем (спиртом) и другими примесями (хлороформ, эфир). Метиловый спирт широкого использовался противником для денатурации этилового спирта. Денатурированный

спирт ни в коем случае не может быть использован как опьяняющая жидкость.

Для предотвращения отравления:

1. Все трофейные склады с пищевыми продуктами или напитками, аптеки, находящиеся на освобождённых территориях, проверить представителем санслужбы с целью выявления метилового спирта и других ядовитых жидкостей.

2. Всё наличие таковых сдать трофейным органам, а при невозможности сдачи и организации охраны — УНИЧТОЖИТЬ.

3. Все трофейные жидкости и продукты разрешать к употреблению только после лабораторного исследования в лабораториях МСБ или СЭО.

4. Спиртовые жидкости с содержанием метилового алкоголя к употреблению на медицинские нужды категорически НЕ ДОПУСКАТЬ.

5. С медперсоналом проработать прилагаемые указания[1] по лечению отравленных.

Генерал-полковник м/с Смирнов

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ 4-Й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ

10.03.45 г.

В частях армии продолжаются случаи отравления военнослужащих трофейными жидкостями с тяжёлыми, вплоть до смертельных, исходами.

Так, 3–4 марта с.г. в результате употребления неизвестной ядовитой жидкости, найденной во дворе одного из домов, оказавшейся впоследствии метиловым спиртом, отравилось 67 военнослужащих 122 гв. сп, в том числе 12 офицеров. Из числа получивших отравление 26 человек умерли в госпитале, из 30 находящихся на лечении многие потеряли зрение.

Главными и непосредственными виновниками этого беспримерно тяжкого и позорного для армии происшествия являются офицеры 122 гв. полка, которые приняли участие в коллективной пьянке, организованной командиром пульроты гв. лейтенантом Анисимовым по случаю своего дня рождения.

Командир 1-го батальона гв. капитан Курпеков и его заместитель по политчасти гв. капитан Пурич, зная о том, что в батальоне рас-

[1] Указания опускаются.

пивают какую-то жидкость, не приняли срочных мер к её изъятию, не донесли об этом по команде, чем фактически затянули ликвидацию происшествия и его расследование, они только спросили военфельдшера Волошко: «Ну как, не подействовало?» Начальник санслужбы капитан м/с Скороходов проявил преступную халатность в исполнении своих прямых обязанностей.

8 марта военнослужащие взвода 3-го батальона АЗСП ст. лейтенанта Назарова захватили в г. Зарау две бочки спирта и доставили их в батальон. Вопреки здравому рассудку и неоднократным запрещениям, командир взвода организовал коллективное его распитие в честь праздника Женского Дня. Командир батальона капитан Говоров не прекратил массовое пьянство. Спирт оказался ядовитым (метиловым) и в результате его употребления отравилось 70 человек, из них 30 умерли.

Участие в распитии ядовитых жидкостей большой группы офицеров, в большинстве своём коммунистов, явилось результатом неудовлетворительной воинской дисциплины, крайне слабой политической работы и формального отношения к выполнению приказов Военных Советов фронта и армии. Весь личный состав войск армии, в особенности офицеры, неоднократно предупреждался о недопустимости употребления непроверенных медицинскими анализами жидкостей на территории, где агентура противника отравляет не только спиртные напитки, но и источники водоснабжения и продукты.

Однако, вместо того, чтобы на деле проявить величайшую бдительность, офицерский состав допускает вопиющую, преступную безответственность и недисциплинированность, фактически способствуя врагу: из-за отравлений бессмысленно погибли люди, по существу из строя выведена почти целиком стрелковая рота, а батальон оказался без руководящего командного состава.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За преступное попустительство, расхлябанность и потерю бдительности, повлекшие за собой групповое отравление людей и ничем не оправдываемую смерть, освободить от занимаемых должностей и предать суду Военного трибунала:

Командира 1-го батальона гв. капитана Курпекова, его заместителя по политчасти гв. капитана Пурича, нач. санслужбы капитана м/с Скороходова, военфельдшера батальона Волошко, ст. лейтенанта батальона АЗСП Назарова.

2. Зам командира батальона по строевой части гв. ст. лейтенанта Белозёрова, командиров стрелковых рот гв. лейтенанта Добрынина и гв. лейтенанта Анинченко за неприятие должных мер арестовать на 15 суток каждого с удержанием 50% из зарплаты.

3. За отсутствие должного воинского порядка и дисциплины командир 122 гв. сп подполковник Климов и его заместитель по политчасти гв. майор Данилов заслуживают самого сурового наказания, но, учитывая хорошую боевую работу, считаю возможным ограничиться объявление выговора.

4. Потребовать от каждого офицера сделать для себя необходимые выводы. Офицеры должны понять, что надо перестать болтать о бдительности, а проявлять её на деле повседневно, сознавая высокую ответственность перед Советской Родиной, Партией и Правительством за вверенных им бойцов.

5. Настоящий приказ и приговор Военного трибунала довести до всего личного состава до командиров взводов включительно. Командирам полков и батальонов лично их зачитать на совещании офицерского состава под расписку.

Командующий войсками
Гвардии генерал-лейтенант Захватаев

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Во исполнение приказа командующего 4 ГА от 10 марта 1945 г. Военный трибунал армии рассмотрел дела военнослужащих и ПРИГОВОРИЛ:

1. Командира взвода 3-го батальона АЗСП ст. лейтенанта Назарова – к расстрелу.

2. Командира 122 гв. сп капитана Курпекова и командира батальона АЗСП капитана Говорова к 10 годам лишения свободы каждого с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, направив их в штрафной батальон сроком на 3 месяца.

3. Заместителя командира по политчасти 1-го батальона 122 гв. сп гв. капитана Пурича к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах, отсрочив исполнение приговора до окончания военных действий, направив осуждённого Пурича на передовую линию фронта. Если осуждённый Пурич в борьбе с врагами Родины проявит себя стойким и мужественным защитником Родины, то, по ходатайству командования части, он может

определением ВТ быть вовсе освобождён от наказания, либо назначенная судом мера наказания может быть заменена более мягкой.

4. Военфельдшера Волошко и капитана м/с Скороходова направить на передовую линию фронта.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ 71 АРМИИ

18.03.45 г.

...Капитан Румянцев, являясь начальником ВТС 132 стр. полка и не имея никаких полномочий на трофеи, 15 марта привёз в расположение части бидон неизвестной жидкости, впоследствии оказавшейся метиловым спиртом, и не принял никаких мер к охране этого бидона, оставив его на дворе у себя под окнами.

Узнав о том, что в полк поступило большое количество спирта, бойцы стали его растаскивать и употреблять в качестве спиртного напитка.

Командир взвода лейтенант Куприянов, видя как бойцы растаскивают его во флягах и котелках, не только не принял мер по предупреждению расхищения непроверенной жидкости и не доложил об этом вышестоящему начальству, но и сам похитил 3 литра и раздал бойцам своего взвода.

В результате коллективного распития метилового спирта в обоих подразделениях отравилось 17 человек, из них 8 со смертельным исходом.

Командующий ПРИКАЗАЛ:

1. За потерю бдительности командира взвода Куприянова снять с должности, лишить воинского звания «лейтенант». Учитывая многократное участие Куприянова в боях за Родину, наличие у него трёх лёгких и одного тяжёлого ранений и полученную в 1944 году Правительственную награду — орден Красной Звезды — разжаловать в рядовые и направить на передовую в штрафную часть сроком на 3 месяца.

2. Начальника ВТС полка Румянцева, за грубейшее нарушение своих обязанностей, приведшее к расхищению метилового спирта и вследствие этого отравлению военнослужащих, снять с должности, лишить воинского звания «капитан» и, согласно решения Военного трибунала, приговорить к 8 годам лишения свободы.

Приказ довести до всего офицерского состава под расписку, а сержантскому и рядовому составу зачитать перед строем.

Начальник штаба
генерал-майор Антошин

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРОФЕЙНОГО ВООРУЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

24.03.45 г.

Моим приказом от 6 декабря 1944 г. отмечены массовые случаи отравления личного состава трофейных частей ядовитыми жидкостями и было предложено повести самую решительную борьбу с этими аморальными явлениями в трофейных частях.

Однако не всеми начальниками трофейных органов и командирами трофейных частей изжитию этого позорного явления уделено должное внимание. Бесконтрольность офицерского и командного состава трофейных войск привела к тому, что случаи отравлений ядовитыми жидкостями продолжаются.

22 марта с.г. в г. Тильзит работала группа по демонтажу оборудования авиационного завода. Перед началом работ начальник Трофейного Управления армии полковник Басин на совещании сообщил, что на заводе находятся большие ёмкости технического спирта и предупредил, что он не пригоден для употребления. В этот же день старший демонтажной группы Наркомата стройматериалов инженер-майор Гольдин, прибывший в служебную командировку в Трофейное управление, нашёл на заводе бутыль с неизвестной жидкостью, вечером пригласил к себе в гости врачей из спецгоспиталя – капитана м/с Хайкина и лейтенанта Ювачева, – которые якобы произвели анализ этой жидкости, дав заключение, что она пригодна для употребления. В коллективном распитии приняли участие 9 военнослужащих, среди которых уполномоченный военного коменданта капитан Савин, лейтенант Осипов, приглашённый поиграть на гитаре, и сержант Борисова, которая подавала закуски. Через 3 часа участники вечеринки почувствовали себя плохо и немедленно были направлены в госпиталь. Несмотря на принятые меры, никому из них не удалось сохранить жизнь.

Начальник ГСМ 4-го отдельного армейского батальона старший техник-лаборант Гулько самовольно взял бочку с неизвестной жидкостью, оказавшейся древесным спиртом. Часть этой жидкости

была похищена его шофёром рядовым Никушиным, который угостил 12 бойцов. В результате 6 бойцов умерли, остальные помещены в госпиталь на лечение.

В целях дальнейшей борьбы с этими позорными явлениями и абсолютного их исключения в будущем

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальникам Трофейных управлений фронтов, трофейных отделов армий, командирам и начальникам трофейных частей и учреждений, помощникам военных комендантов по хозяйственным вопросам принять самые решительные меры по изжитию этих аморальных явлений среди личного состава частей и учреждений.

2. Мои приказы от 6 декабря 1944 г. и от 24 марта 1945 г. изучить, обеспечить проведение их в жизнь и объявить всему личному составу частей и учреждений Трофейной службы, инженерно-техническим работникам и рабочим, прибывшим на демонтаж предприятий от гражданских наркоматов.

3. Командирам частей и подразделений производить тщательный инструктаж каждой группе бойцов, отправляемой для выполнения заданий по захвату и сбору трофеев.

4. Злостных нарушителей в незаконном использовании трофейных спиртов, вин и напитков и их прямых начальников привлекать к суровой ответственности.

Генерал-майор и/с Вахитов

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ВОЙСКАМ 46 АРМИИ

22.04.45 г.

Несмотря на категорическое требование приказа Заместителя Народного Комиссара Обороны СССР генерала армии Булганина № 20936-III и неоднократных приказов Военных Советов фронтов и армии о запрещении употребления трофейных спиртных напитков, командиры и политработники частей и подразделений, игнорируя указанные приказы, притупили бдительность и допустили организованное распитие личным составом, в том числе и офицерами, неисследованной трофейной жидкости, что привело к позорному и тяжёлому факту массового отравления метиловым алкоголем.

Так, 17 апреля 1945 г. красноармеец артдивизиона Константинов по предложению старшины батареи Шопорова привёз в расположение батареи флягу с 60 литрами неизвестного спирта, обнаруженного им на станции Шлейнбах.

Привезённый спирт был доставлен командиру батареи капитану Монахову, который, в свою очередь, направил флягу фельдшеру дивизиона лейтенанту медслужбы Звягинцеву для установления пригодности спирта к употреблению. Фельдшер Звягинцев, не направив спирт для лабораторного исследования, возвратил его Монахову без какого-либо определённого ответа.

Монахов доложил об обнаружении спирта нач. штаба дивизиона капитану Ткачёву, который принял решение послать подчинённых за спиртом.

В течение 17–18 апреля 1945 г. с ведома командира дивизиона майора Саливанова, его заместителя по политчасти майора Трелиса спирт распивался личным составом, в том числе Саливановым и Трелисом, угощавшими указанным спиртом прибывших на НП дивизиона штабных офицеров.

В результате преступной беспечности 67 военнослужащих артбригады получили отравление и 12 из них умерли. В тяжёлом состоянии на излечении находится большая группа военнослужащих и среди них майоры Саливанов и Трелис.

Показательно, что в частях и до этого было зарегистрировано несколько случаев отравления метиловым алкоголем.

Более того, даже после происшедшего массового отравления в населённом пункте, где дислоцируется управление дивизии, многие военнослужащие дивизии пьянствуют, отбирают у местных жителей спиртные напитки и употребляют их без соответствующего исследования.

Только личной распущенностью и разболтанностью офицеров, отсутствием элементарной политико-разъяснительной работы, панибратством с подчинёнными, низким уровнем воинской дисциплины, преступным отношением к воинскому долгу можно объяснить этот позорный факт.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За невыполнение приказа Зам. Наркома Обороны СССР № 20936-III, моих приказов по предупреждению случаев отравления трофейными жидкостями, за потерю бдительности и личную распущенность, разложение дисциплины во вверенных им подразделениях начальника штаба 1-го артдивизиона 5 гв. артдивизии капитана Ткачёва, военфельдшера той же части лейтенанта медслужбы Звягинцева и командира батареи капитана Монахова отстранить от занимаемых должностей и дела на них передать в Военный трибунал. Приговор Военного трибунала объявить всему личному составу.

2. Всем командирам соединений, частей, подразделений и их заместителям по политчасти положить конец случаям отравления личного состава трофейными спиртными напитками и другой ядовитой жидкостью.

3. Ещё раз предупредить командиров всех степеней, что за случаи отравления в их войсках спиртными напитками буду немедленно привлекать к самой строжайшей ответственности.

4. Настоящий приказ объявить всему офицерскому составу, а политаппарату развернуть массово-разъяснительную работу среди всего сержантского и рядового состава.

Начальник штаба
генерал-майор Бирман

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Военный трибунал 46 армии во исполнение приказа командующего 24 апреля 1945 года в открытом судебном заседании рассмотрел дела по обвинению:

Начальника штаба 1-го дивизиона ... артдивизии капитана Ткачёва Якова Евдокимовича, 1912 г. рожд., урож. Саратовской обл., Озниниского р-на, с. Маслоорешино, русского, с низшим образованием, женатого, члена ВКП(б), служащего, несудимого, в Красной Армии с 1936 г.

Командира батареи капитана Монахова Константина Николаевича, 1913 г. рожд., урож. Владимирской обл., дер. Мимеево, русского, с низшим образованием, женатого, члена ВКП(б), несудимого, в Красной Армии с 1935 г.

Фельдшера лейтенанта медицинской службы Звягинцева Василия Ильича, 1920 г. рожд., урож. Северо-Казахстанской обл., Пришимского р-на, с. Королёвка, русского, со средним образованием, холостого, члена ВКП(б), несудимого, в Красной Армии с 1940 г.

УСТАНОВИЛ

Виновность Ткачёва, Монахова, Звягинцева в преступлении — отравлении 67 человек древесным спиртом, из коих 12 человек умерли, — предусмотренном ст. 193–17, п. «а» УК РСФСР и руководствуясь ст. 319 и ст. 320 УПК

ПРИГОВОРИЛ

Ткачёва Якова Евдокимовича, Монахова Костантина Николаевича и Звягинцева Василия Ильича лишить свободы с отбыва-

нием срока в исправительно-трудовых лагерях: Ткачёва и Монахова сроком на десять лет каждого, Звягинцева – на пять лет без поражения в правах.

Лишить воинского звания «капитан» Ткачёва и Монахова и «лейтенант» Звягинцева.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 136 СК

25.04.45 г.

Доношу о чрезвычайном происшествии – групповом отравлении метиловым спиртом военнослужащих артполка.

Проведённым расследованием установлено, что 24 апреля с.г. красноармеец 3-го артиллерийского дивизиона Михайличенко (командир дивизиона майор Мыльников, зам. командира дивизиона по политчасти капитан Рыбников) на аэродроме обнаружил бочки со спиртом и рассказал это другим красноармейцам, которые налили каждый себе спирт во фляги, а впоследствии распили его.

Узнав об обнаруженных бочках со спиртом, парторг дивизиона ст. лейтенант м/с Ткаченко проверил и установил, что бочки были наполнены древесным метиловым спиртом.

По приказанию Ткаченко спирт из бочек был выпущен на землю, однако в результате уже выпитого метилового спирта первые признаки отравления были замечены 24 апреля у двух красноармейцев, а 25 апреля – и у всех остальных бойцов, принимавших участие в выпивке.

Всего получили отравление 23 человека, из них офицеров – 2 чел., сержантов – 3 чел., рядовых – 18 чел., по партийности: членов ВКП(б) – 9 чел., кандидатов ВКП(б) – 2 чел., б/п – 12 чел. Все военнослужащие, получившие отравление, эвакуированы в МСБ.

В беседе с получившими отравление красноармейцем Михайличенко, мл. лейтенантом Яковлевым и мл. лейтенантом Наумовым они заявили: «Сколько раз нас предупреждали, чтобы не употреблять трофейных продуктов и вина. Но мы не сделали этих выводов для себя, не послушались. Мы отравились потому, что потеряли бдительность».

В связи с фактами отравления была произведена проверка личных вещей и вещевых мешков у всего личного состава. Обнаружено много запрятанных фляг со спиртом. Отобранный спирт уничтожен.

Для предотвращения повторения подобных фактов мною даны указания всем заместителям командиров частей и спецподразделе-

ний по политчасти о проведении бесед по теме: «Раненый зверь прибегает к коварным методам, чтобы ослабить нашу мощь. Будь бдителен!»

Весь личный состав предупреждён не употреблять трофейные продукты, которые не исследованы. В низовых партийных организациях проведены партийные собрания по вопросу ответственности коммунистов за воспитание и поведение личного состава.

Резолюция командира 136-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Лыкова:

«Командира дивизиона майора Мыльникова за грубейшее нарушение дисциплины, выразившееся в невыполнении приказа, от должности отстранить и назначить в другой полк на должность командира взвода».

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
ИНТЕНДАНТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 1-го БФ

06.05.45 г.

В период наступательных операций войсками фронта захвачено большое количество разнообразного трофейного продовольствия и напитков, которые не проверяются своевременно лабораторным путём.

В результате непринятия предупредительных мер, неумения распознать технические жидкости и спирт и отличить их от пищевых напитков, а также недостаточной охраны подозрительных на отравление продуктов имели место случаи одиночных и массовых отравлений среди личного состава почти во всех войсковых частях и соединениях.

В 3-й Ударной армии в результате употребления метилового (древесного) спирта отравились 250 человек, из них 65 со смертельным исходом.

В 49-й армии отравились от употребления спиртообразных жидкостей 119 человек, из них 100 умерли.

В 46-й амии отравились трофейной жидкостью 67 военнослужащих, из них 26 умерли. Организаторами явились сами офицеры.

После освобождения гор. Резекне группа бойцов, сержантов и офицеров 8 гв. сд обнаружили в аптеке спирт, не исследовав его, начали распивать, в результате получили отравление 110 человек, из которых 34 умерли и часть находится в тяжёлом состоянии. Впоследствии выяснилось, что это был метиловый (древесный) спирт.

В 31-м ГВАД произошло массовое отравление трофейным метиловым спиртом, в результате чего отравились 70 человек, из них 16 человек умерли и 4 потеряли зрение. Произведённым расследованием установлено, что старшины 5-й батареи Перерва и 6-й батареи Куприянов доставили в расположение дивизиона 3 железные бочки (около 300 литров) с неисследованной жидкостью под видом спирта. С ведома военфельдшера ст. лейтенанта м/с Блинкова эту жидкость выдали в батареи и организовали пьянку. В тот же вечер о наличии в дивизионе неисследованной жидкости было доложено командиру дивизиона гв. майору Чистякову и его заместителю гв. майору Черносвитову, последние никакого значения этому вопросу не придали и мер к изъятию никаких не приняли.

Для предотвращения отравления:

1. Все трофейные склады с пищевыми продуктами или напитками и аптеки проверить представителям санслужбы с целью выявления метилового спирта и других ядовитых жидкостей.

2. Обеспечить их строгую охрану, всё наличие таковых сдать трофейным органам, а при невозможности сдачи и организации охраны – УНИЧТОЖИТЬ.

3. Провести во всех ротах политинформации о фактах отравлений и их исходах.

4. В красноармейских газетах поместить санитарные памятки и издать листовки с объяснением, почему нельзя пить неизвестную жидкость.

5. Политработников тех частей и подразделений, где имело место отравление, сурово наказать как лиц, безответственно относящихся к воспитанию подчинённых им людей.

6. Обеспечить неукоснительное выполнение приказов: Зам. Наркома Обороны, Военного Совета фронта и армии.

Генерал-майор и/с Жижин

11. ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

Страшись, Германия, в Берлин идёт Россия!
Лозунг

За время зимнего наступления части и соединения 136-го стрелкового корпуса в составе 71-й армии прошли от польского города Пулава до немецкого города Цилихау – 400 километров на Запад. Заняв исходное положение на восточном берегу реки Одер, 425-я стрелковая дивизия форсировала реку Одер южнее Цилихау и захватила плацдарм на её западном берегу. Немцы оказали упорное сопротивление, днём и ночью беспрерывно контратаковали превосходящими силами пехоты при поддержке танков и самоходных орудий.

...Город Цилихау горит третьи сутки.

Успешно отразив восемнадцать контратак немцев и нанеся им значительные потери, части дивизии расширили плацдарм на три–четыре километра, прорвали долговременную и глубокоэшелонированную оборону немцев на западном берегу Вест-Одера в пяти километрах южнее Штеттина, перешли в решительное наступление и продвинулись в центр Германии. После боёв в Померании и особенно при прорыве вражеской обороны и форсировании реки Одер дивизия понесла существенные потери.

Развивая наступление в западном направлении, дивизия совершила стосемидесятикилометровый комбинированный марш, освободила десятки городов и населённых пунктов. За бои в Померании и за прорыв вражеской обороны, форсирование реки Одер и захват заодерского плацдарма дивизии дважды была объявлена благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего.

В армейском боевом листке отмечено успешное действие разведчиков дивизии.

«ГЕРОИ РЕШАЮЩЕГО ШТУРМА

Подразделения 138-го стрелкового полка вели уличные бои на северной окраине Лечина, очищали кварталы, дрались за каждый дом, превращённый немцами в опорные огневые пункты, но прорвать оборону противника в этом районе не удавалось. Противник оказывал упорное сопротивление пулемётным, миномётным огнём и фаустпатронами из

стоявшего на перекрёстке улиц углового дома. Штурмовые группы в течение ночи четыре раза пытались подавить сопротивление немцев. Из допроса пленных и местного населения было известно, что в доме сосредоточено до батальона гитлеровцев.

Разведчики получили задачу ворваться в дом, ликвидировать огневые точки и захватить пленных.

Бойцы под руководством своего командира ст. лейтенанта Федотова совершили смелую, но тщательно продуманную вылазку. Подготовка проводилась в течение двухчасового наблюдения за объектом. Было установлено, что гражданское население, оставшееся за нашими боевыми порядками, с белыми флагами просачивалось через разрушенные дома и завалы к угловому дому и доставляло засевшим немцам боеприпасы и продукты.

Командир роты решил воспользоваться их хитростями и действовать в дневное время. Группа в составе 5 человек, вооружённая автоматами, ножами и гранатами по 3 штуки на каждого, переодевшись в гражданскую одежду, скрытно вплотную подошла к дому. Сняв стоявшего у двери часового и без шума проникнув в дом, ворвались на 2-й этаж. Применив дымовые шашки и гранаты для ослепления, за несколько минут разведчики уничтожили 4 пулемётные и миномётные огневые точки, 2 точки панцирь-фауст с прислугой, 25 немцев, двух взяли в плен. Особенно отличился разведчик Лисенков, который в последнюю минуту не дал фрицу, метнув в него нож, выпустить фаустпатрон по нашим.

Товарищи офицеры, сержанты и бойцы!

Атакуйте врага дерзко и умело, смело деритесь, как разведчики роты ст. лейтенанта Федотова!

Громите немцев нещадно, насмерть! Смерть немецким оккупантам!

Множьте боевую славу своих подразделений и частей!

Вперёд на штурм фашистского логова!»

Неделя кровопролитных боёв завершилась прорывом четвертой полосы укреплений, и части 425-й стрелковой дивизии вышли на кольцевую автостраду к Берлину и его предместьям и вели бои за города Шведт, Темплин, Грайфенберг, Фюрстенберг.

Коренного населения в занимаемых городах и районах практически не было, а в прилегающих к реке Одер населённых пунктах исчислялось единицами. В селах, где 40–50 дворов, оставалось только 5–10 женщин, старух или многодетных. Немецкая администрация эвакуировала население на запад в глубь Германии в принудительном порядке, распространяя слухи, что Красная Армия поголовно уничтожит всё население, в том числе детей и стариков, и применяя жестокие репрессии – повешение, расстрелы в отношении лиц, не желавших эвакуироваться. В результате недобитые немецкие солдаты, переодевшись в гражданскую одежду, вместе

с коренным населением стремились уйти на запад, чтобы сдаться англо-американским войскам.

Начиная с Аргемюнде, стали встречаться беженцы из Пруссии, Померании и районов, занятых Красной Армией. Все они страшно боятся, что русские всех немцев будут резать, вешать и истязать.

...25 апреля 1945 года начался штурм Берлина, и на многих участках фронта немцы начали сдаваться в плен.

ДОНЕСЕНИЕ

Военному Прокурору 1-го БФ

Доношу, что указания Военного Совета фронта о соблюдении правильного поведения военнослужащих с представителями не союзных с нами государств, пользующихся на территории Германии правом экстерриториальности, приняты к неуклонному исполнению.

Личный состав с этим положением ознакомлен полностью.

В дер. Глевен проживала семья, имеющая подданство Швейцарского государства. С первого дня прибытия штаба ... дивизии личному составу разъяснено об осторожном отношении к этой семье и она была взята на особый надзор.

В районе дислокации ... дивизии в 10 км от гор. Ной-Руппин, случайно в лесу на даче были выявлены проживающие дипломатические представители Японии. По договорённости с командиром 37-го гв. сп к ним приставлена охрана с целью недопущения каких-либо недоразумений. Представители Японии никаких претензий к военнослужащим Красной Армии не заявили.

Прошу Ваших дальнейших указаний.

Военный Прокурор 61 армии
майор юстиции Кащеев

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 132 СД

Начальнику политотдела 71 армии

Доношу, что 27 апреля в 21.00 в населённом пункте Гросс-Глиннике, что севернее Потсдама, наступающими подразделениями 125-го стр. полка в подвале среди гражданских немцев обнаружен японец.

Он отрекомендовался корреспондентом японской газеты «Домей Цусин» и предъявил документы — японский паспорт

№ 018470 от 25.8.42 г., визированный в Германии, Болгарии, Румынии, Швеции, Польше и т.д., и документ на русском языке от (даты нет) февраля 1945 г., подписанный зам. японского генконсула в Берлине г-ном Сато. В документах значится, что предъявитель их – господин Масами Кунимора, корреспондент токийской газеты «Домей Цусин», 36 лет. В документе на русском языке генконсул Японии в Берлине просит оказать содействие Масами Куниморе. Причём г-н Кунимора объяснил, что этот документ датирован февралём потому, что ещё в зимнее наступление Красной Армии выдан ему и другим корреспондентам Японии «на всякий случай» и тайно от германских властей. По-видимому, японским консульством имелось в виду, что Красная Армия могла занять Берлин ещё зимой. Кунимора сын японского банкира, в Германии в качестве корреспондента вот уже 3 года. Кунимора заявил также, что посольство Японии выехало в Баварию и что ещё пять японских корреспондентов находятся в городе Науене (занят нашими войсками).

Г-н Кунимора сообщил, что якобы фон Риббентроп по поручению Гитлера выезжал на днях к Эйзенхауэру для договорённости о прекращении военных действий между американскими и германскими войсками.

Кунимора также сообщил, что он был на приёме у Геббельса, причём заявил, что Геббельс всё время о России говорил, что её народы надо считать азиатами и, когда Кунимора ему заявил, что японцы тоже азиаты, последний сказал, что нет, немцы не считают японцев азиатами.

Одновременно он заявил, что когда Геббельс и доктор Фриче (радиокомментатор) рассказали корреспондентам о якобы расправе большевиков с польскими офицерами в Катыньском лесу, Кунимора лично этому не поверил и послал правдивую корреспонденцию через Швецию.

Поведение г-на Куниморы – доброжелательное, даже был рад, что красноармейцы вытащили его из подвала и изолировали от немцев.

В сопровождении командира разведроты полка старшего лейтенанта Егорова и старшего сержанта Борисова г-н Кунимора направлен в отдел контрразведки.

Полковник Колунов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО 71 А *Подана 29.04.45 г.* *18 ч. 00 м.*

Командирам соединений и частей корпуса
Военным комендантам

Военный Совет армии располагает сведениями, что в большинстве освобождаемых нашими частями населённых пунктов никакой администрации нет. Командирами дивизий и соединений на участке их действий не выделены военные коменданты.

При занятии населённых пунктов на территории Германии отмечено немало случаев, когда оставшиеся немецкие семьи на своих домах вывешивают красные флаги, пытаясь таким образом маскировать себя и заискивать перед нами. Как правило, так поступают высокопоставленные богатые немцы, тесно связанные с гитлеровским режимом, которые при нём возвысились и процветали, а теперь пытаются внешне отмежеваться и тем самым ввести нас в заблуждение.

Политуправление фронта разъясняет, что красные флаги, как символ нашей Родины, должны вывешиваться только в местах расположения наших войск и воинских учреждений.

Приказом командующего армией красные флаги с домов, где живут немцы, немедленно снять и впредь категорически не допускать их вывешивания.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 02.05.45 г.* *11 ч. 26 м.*

Зам. командиров корпусов, дивизий, соединений по тылу

Быстрое успешное продвижение наших войск оставляет за собой на территории Германии большое количество трупов вражеских солдат и офицеров, а также животных. Разлагающиеся трупы заражают почву, воду и воздух, что может привести к распространению инфекционных заболеваний в войсках.

Во избежание эпидемий необходимо срочно организовать очистку грунтовых дорог от трупов.

Усилить работу трофейных команд по уборке и захоронению трупов, к очистке территории от немецких трупов широко привлекать местное население. Трупы вражеских солдат и офицеров зарывать в общих ямах глубиной 1,5 метра и засыпать хлорной известью.

Захоронение трупов животных производить на скотомогильниках вдали от дорог и населённых пунктов и засыпать хлорной известью.

* * *

Наш «форд» катит по немецкому шоссе.

Умопомрачительная гладкость асфальта. Две половины, каждая шириной в девять метров, посередине двухметровая посадка. Могут двигаться в обоих направлениях одновременно шесть потоков.

...Пехота на машинах и в пешем строю, пушки на механической тяге, танки-амфибии – всё лязгало, громыхало, истошно сигналило...

На автострадах всюду русские надписи с точным указанием километража и маршрута, а также правила движения: «Водитель, не передавай руля в другие руки!» и указатели: «Бензозаправка – 800 метров».

На некотором расстоянии друг от друга щиты с плакатами, на которых цитата из речи товарища Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское – остаются»; лозунги: «Помни, что ты носишь форму самой могущественной армии в мире. Строго охраняй её честь!», «Болтун – находка для врага!»

...Мелкой рысью трясутся пароконные фурманки, и, отчаянно сигналя, спешат два бронетранспортёра.

Обгоняем обоз. От него отделяются двое верховых. Кони, дородные битюги, вытянув морды, неуклюжим галопом устремляются за машиной. Глаза кавалеристов сверкают радостным озорством.

– Эй, солдат! Коней пожалей – они тебе в России пригодятся!

...Прогрохотало несколько крестьянских фур, до верха забитых скарбом.

Дороги заполнены не столько автомобилями, сколько пешеходами. Без конца тянутся беженцы. Немцы бредут по дорогам – идут на север из Чехии, на восток с Эльбы, на запад из Восточной Пруссии, на юг из Штеттина... – из всех концов Германии во все её концы. Они тащат на себе, везут на чём попало своё имущество. Тут и детские коляски, заполненные чемоданами и картофелем, тут вдруг и шикарная чёрная карета с детьми и стариками, тут и простые строительные тачки, нагруженные до отказа...

Люди, согнувшиеся под тяжестью тюков, матери с детьми на плечах...

...Старуха-немка тащит кошку в клетке для попугая.

Женщины – старые и молодые – в шляпках, в платках тюрбаном и просто навесом, как у наших баб, в нарядных пальто с меховыми воротниками и в трёпаной, непонятного покроя одежде. Многие женщины идут в тёмных очках, чтобы не щуриться от яркого майского солнца и тем предохранить лицо от морщин...

Мужчины, сняв пиджаки и надвинув на глаза шляпы от солнца, толкают пароконные фурманки, спаренные велосипеды, на которых утверждён стол вверх тормашками, служащий грузовой платформой, ручные тележки с грудами всякого барахла.

...Высокий пожилой немец с траурной повязкой на рукаве, в широкополой соломенной шляпе, золотых очках, благообразный.

...Множество инвалидов и калек. Безногие, сидящие на трёхколесных креслах и двигающие ручные рычаги, хромые, к рукам которых костыли привязаны широкими ремнями, обезображенные, слепые, безрукие...

Не развалины городов, даже не разбитая военная техника, валяющаяся на полях, не брошенные вдоль обочин дорог орудия и обгоревшие танки с чёрными мрачными крестами, а именно эти бредущие по дорогам люди с мешками и детьми говорят о том, что война близится к концу и мы в самом центре Германии.

...2 мая в 6 ч. 30 мин. на участке 47-й гв. стр. дивизии сдался в плен начальник штаба обороны Берлина генерал артиллерии Вейдлинг. Он обратился к немецким войскам по радио: «30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были ещё драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которые делают бессмысленным наше дальнейшее сопротивление» и отдал приказ на прекращение боевых действий. К 15 часам 134 тысячи человек, остатки берлинского гарнизона, сдались в плен, но враг ещё не был добит окончательно, и во многих районах города немцы мелкими группами оказывали сопротивление.

...Берлин в развалинах, всюду руины, битое стекло, обвалившийся кирпич, завалы, сильный запах гари и пыли. Унтер-ден-Линден... обгоревшие липы и каштаны. Дома с вылетевшими стёклами, оконные проёмы черны, в немногих оставшихся переплётах отсвечивает пламя. От здания электростанции осталась лишь кирпичная коробка с хвостами копоти над пустыми окнами.

Сумрачный день... Среди нагромождения камней от разбомбленного огромного дома лежит вырванная с корнем большая яблоня, под весенним ветром её пышная крона тихо шелестит и вздраги-

вает. Всё вокруг освещено красно-оранжевым заревом. Из-за дыма пожарищ и мелкого накрапывающего дождика солнца не видно, хотя на улицах не по-весеннему тепло.

Везде – на домах и в проёмах окон – белые флаги, простыни и даже наволочки. На сохранившихся окнах аккуратные шторы из плотной чёрной бумаги – «гардины затемнения». На остовах разрушенных и некоторых уцелевших зданиях, на сохранившихся окнах огромными буквами распластались крикливые фашистские лозунги и надписи:

«Deutchland, Deutchland über alles!» – «Германия, Германия превыше всего!»

«Durch Opfer zu dem Sieg!» – «Через жертвы к победе!»

«Vorwärts, Vorwärts, durch Graber!» – «Вперёд, вперёд через могилы!»

Казённый символ веры фашистского солдата: «Glauben, kämpfen, gehorchen!» – «Верить, сражаться и повиноваться!»

И самые свежие:

«Berlin bleibt deutsch!» – «Берлин останется немецким!»

«Sieg oder Sibirien!» – «Победа или Сибирь!»

«Wir werden niemals kapitulieren!» – «Мы никогда не капитулируем!»

«Gott! Strafl England!» – «Боже! Покарай Англию!»

Около одного из них мы останавливаемся. Кто-то в лозунг «Никогда русские не будут в Берлине!» внёс поправку, зачеркнув слова «никогда» и «не будут», и лозунг справедливо возвестил: «Русские в Берлине!»

Из повреждённого артиллерией и авиацией здания редакции и типографии главной фашистской газеты «Фелькишер беобахтер» («Народный наблюдатель») ветром разносит газетные листы от 20 апреля, заполненные многочисленными похоронными объявлениями об офицерах и солдатах, погибших на Восточном фронте. На первой странице под заголовком «Наши чернила – кровь!» последний призыв к немцам кровью русских написать историю победы под Берлином.

...На бомбоубежищах три крупные жёлтые латинские буквы – LSR (luftschutzram –бомбоубежище).

У входа в метро – мёртвые эсэсовцы. На раскрошенном кирпиче и щебне валяется записная книжка, на раскрытой страничке слова песни штурмовых отрядов:

Бей, барабан, бей, барабан!
В поход мы пошли на Россию.

Пусть большевистский красный стан
Узнает нас и нашу силу.
Шиповник алый расцветёт,
Где провезём мы пулемёт!

Заканчивается книжка последней записью 1 мая 1945 года: «Эти дни я живу в глубоком мрачном подвале. В моей жизни сплошная ночь. Свинцовое бесчувственное небо, в котором нет больше света, нет солнца и нет чудес. Мы лежим здесь, забытые Богом и покинутые Фюрером. Безжалостная пустота грызёт наши сердца, ночь и мрак давят со всех сторон. Раньше мы пели, а теперь мы онемели. У нас нет песен и нет жизни».

Невдалеке – другая книжечка: красная, с гербом гитлеровской империи на обложке. Билет нацистской партии. Он начинается с предисловия Гитлера, затем напечатана так называемая «доска почёта» с именами гитлеровцев, убитых во время путча 9 ноября 1923 года. На восьмой странице сверху: «Митглидсбух № 2828590. Ганс Мюллер, 1909 г. рождения». Личная подпись Гитлера и казначея Шварца. Фотокарточка молодого улыбающегося немца. Несколько страниц заклеены марками об уплате членских взносов – последняя марка за апрель 1945 года.

На чердаках, в сараях и подвалах наспех спрятаны, а то и закопаны в землю или просто брошены в мусор и щебень немецкие мундиры и шинели, среди них была и генеральская. Бойцы рассматривают её, переворачивают, вороша палкой, брезгуя прикоснуться к ней руками.

– Немец линяет, – сказал один из бойцов, ткнув в шинель палкой. – Как змея линяет.

А у самоходного орудия механик-водитель наводит блеск на свои сапоги, пользуясь фашистским флагом, сорванным с немецкой комендатуры, как бархоткой.

Водопровод и канализация выведены из строя. Отопление и освещение – коптилки, керосинки, железные «буржуйки». Санузлы, кухни, коридоры, а нередко и комнаты завалены нечистотами. Кругом смрад, грязь, антисанитария.

Входим в один из уцелевших домов. Всё тихо, мертво. Стучим, просим открыть. Слышно, что в коридоре шепчутся, глухо и взволнованно переговариваются. Наконец дверь открывается. Сбившиеся в тесную группу женщины без возраста испуганно, низко и угодливо кланяются.

Немецкие женщины нас боятся, им говорили, что советские солдаты, особенно азиаты, будут их насиловать и убивать. Страх

и ненависть на их лицах. Но иногда кажется, что им нравится быть побеждёнными, – настолько предупредительно их поведение, так умильны их улыбки и сладки слова.

В эти дни в ходу рассказы о том, как наш солдат зашёл в немецкую квартиру, попросил напиться, а немка, едва его завидев, легла на диван и сняла трико.

Одна из женщин показывает документ, подобного которому, казалось, не могла бы изобрести самая извращённая фантазия самого изощрённого садиста.

На казённого образца конверте адрес: «Наследникам Густава Блейера: Фрау Блейер».

На первой странице:

Слева: «Судебная касса Маобит». Справа: «Касса открыта от 9 до 13 ч. 26.9.44».

Текст: «Предлагается в течение недели оплатить нижеуказанные издержки в размере 838 рейхсмарок 44 рейхспфеннигов».

Далее следует указание на штраф за неуплату.

На обороте: «Счёт за расходы по судебному делу Густава Блейера, осуждённого за подрыв военной мощи».

Бухгалтерские графы:

«Выполнение смертной казни	300
Транспортные расходы	5.70
Почтовые расходы	0.12
Стоимость содержания в тюрьме за 334 дня по 1.50	532.50
Порто	0.12
Всего:	838.44»

Пожилой немец, появившийся из глубины тёмного коридора, смертельно испугался, увидев русских, упал на колени, хватая за ноги солдат, рыдая, умолял, чтобы его пощадили. Он хватает руку ближе других стоящего офицера, хочет её поцеловать, но рука вовремя отдёрнута... Старик вытаскивает из бумажника и показывает справку полиции о том, что он, Бойер, как политически неблагонадёжный, лишён права служить в вооружённых силах Германии – такие бумаги показывают многие берлинцы, как будто они были у них заготовлены...

...Народ голодал. Дети, старики, женщины освобождаемых районов Берлина огромными толпами набрасывались на продуктовые магазины и ларьки. Убитые лошади растаскивались на куски за считанные минуты. Голодные дети буквально лезли в танки, под огонь пулемётов и орудий, лишь бы добраться до наших кухонь, или к бойцам, чтобы получить кусок хлеба, ложку супа или каши.

Немки посылали к нам своих детей за хлебом, а сами стояли в стороне и ждали. Дети клянчат: «Брот!..» Солдаты кормят из своих котелков немецких детей.

...Немцы учатся русскому языку. «Кусотшек клеба» они говорили ещё в разгар уличных боёв... Вполне прилично одетые мужчины ходят по улицам с трубкой и с протянутой рукой обращаются к офицерам — «закурить».

На каждом шагу льстивая угодливость, низкопоклонничество перед победителями. Вы спрашиваете дорогу у солидного толстого немца — он рысью подбегает к машине, низко кланяется, сыплет слова горохом...

Среди развалин, возле сожжённых танков мирно дымят походные кухни. Повсюду звучат аккордеоны, гармошки, слышатся русские песни... Солдаты и офицеры поют, пляшут.

Покуда в одних кварталах шли бои, в других быстро налаживалась жизнь. Во многих районах уже были назначены военные коменданты и бургомистры. На стенах висели наши листовки и приказы в немецком переводе, и берлинцы, собравшись группами, читали их молча и внимательно.

Бойцы ВАДа спешно развешивали новые плакаты, самым распространённым из которых был тот, что воспроизводил слова Сталина о том, что Красная Армия воюет с вооружённой немецкой армией, а не с мирным гражданским населением. На видных местах расклеено постановление магистрата о добровольной регистрации и мобилизации на работу членов НСДАП, «Гитлерюгенда», «Фрауэнфорта» и других нацистских организаций.

Немцы разбирают завалы, подметают улицы, стараются продемонстрировать своё трудолюбие.

...Астапыч на оперативном совещании в штабе дивизии перед маршем сказал:

— Думаете, в Германии не знали, что немцы творили в России? Всё знали... Не верьте, если скажут, что не знали... Потому и боялись. Ожидали, что русские всех перебьют. Понимают, что пришёл их час расплаты. Враг спрятался, затаился, меняет шкуру. Поэтому наша задача: был бдителен — будь втройне бдительным, потому что враг вокруг нас, мы на его проклятущей земле; был смекалистым — будь втройне смекалистым, потому что фашисты уготовили нам много «сюрпризов»; был хитрым — будь втройне хитрым, не дай врагу обмануть себя.

12. ОНИ ВСЁ ЗНАЛИ... (ПИСЬМА НЕМЦЕВ ИЗ ГЕРМАНИИ НА ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ 1941 г.)

Карточка, которую ты прислал, просто фантастическая. Это партизаны? Они так смешно висят!

Обер-лейтенанту Гейнцу Гейденрехту

Нойхаузен 29 июня

Мой дорогой мальчик!

Ты участвовал в битве за Смоленск? Третий раз смотрела хронику в «Вохеншау»[1]. Какое грандиозное зрелище! На экране двигались танки, грохотали орудия, шли загорелые, запылённые, улыбающиеся юноши в рубашках с закатанными по локоть рукавами, среди которых надеялась увидеть твоё любимое лицо. И тут же поля, усеянные трупами русских, и колонны военнопленных. Эти ужасные живые русские, они выглядят по-зверски, как бестии, по этим лицам можно изучать ужасы, и с таким сбродом вы должны сражаться! Местность ужасная, такая страшная, что не знаешь, как ты и твои солдаты продвигаются там вперёд. Об этом просто невозможно думать!

Когда всё это видишь на экране, только тогда понимаешь, что вам, бедным мальчикам, выпало на долю. Однако надеюсь, что самые большие трудности уже у вас позади, Москва скоро падёт и война закончится.

Я ежедневно молюсь о твоём возвращении.

Шлю тебе приветы и целую с заботливой любовью.

Твоя мама

---

[1] «Вохеншау» — еженедельное обозрение перед киносеансами, начиналось всегда маршем, написанным специально для похода на Восток. Кинохроника с фронтов в течение 20 минут убеждала зрителей в близости само собой разумеющейся победы, в превосходстве и непобедимости немецкого солдата и оружия. Сопровождалась обязательным показом разрушенных городов, сёл, военнопленных и гражданского населения. Кинооператоры из тысячных толп специально вылавливали и показывали крупным планом людей убогих, оборванных, калек, жалких и уродливых. Сводки немецкого Верховного командования передавались ежедневно в два часа дня по радио и в обязательном порядке печатались во всех ежедневных газетах.

Рядовому Леопольду Кюнцу

Дрезден 14 июля

После каждого расставанья
следует свиданье![1]

Мой дорогой бесценный Мурли!

Прежде всего, мой единственный, я тебя сердечно приветствую и шлю тебе много миллионов поцелуев, мой бедный Мурли! Пишу тебе через день, но, к сожалению, ещё ни одно твоё письмо не дошло до меня, и я очень тревожусь о тебе, моя радость. Я надеюсь, что ты здоров и невредим, мой единственный Польди, Мурлихен мой ненаглядный!

Вчера Минкерль и я ходили смотреть кинохронику, так как нам действительно очень хотелось увидеть эту печальную картину, где сражаются наши любимые бедняжки. Я скажу тебе, милый Мурли, мы просто были потрясены, мы едва выдержали.

Вам приходится переживать ужасные вещи! Смотрели на битву под Минском и Белостоком. Страшно это, милый Мурли, просто нельзя поверить! Тысячи мёртвых и убитых, просто ужасно. Вы никогда за всю свою жизнь не сможете забыть этих картин! Минкерль даже сказала мне, что не знает, сможете ли вы ещё смеяться, когда вернётесь из России.

Видели бесконечные колонны пехоты, среди которых мы тебя, милый Мурли, напряжённо искали. Вам приходится совершать жуткие вещи, не правда ли? Слава Богу, мне сегодня ночью не приснились эти кошмарные картины.

Видели также много убитых в Минске и как родственники их хоронили. Эти сцены тоже раздирают сердце. Неудивительно, что население сейчас обрушивает свой гнев на евреев. Даже у меня и нашего доброго дядюшки к этим русским появилась злость. Глупые, гадкие, бесчеловечные и бессовестные люди. Если война проиграна, надо по-честному сложить оружие, а не стрелять в наших солдат, не мешать вам идти вперёд.

Не могу скрыть от тебя сегодняшнюю ужасную новость. Шеф Минкерль, господин Шведлер вчера вечером повесился в ванной, получив извещение, что его единственный сын, красавец Эрих (ты его должен знать), убит в России. Его сноха осталась одна с двумя

[1] Эта фраза вписана внутри сердца, нарисованного в верхнем правом углу страницы цветным карандашом.

маленькими детьми. Говорят, она совсем обезумела и пыталась выброситься с балкона. Какой кошмар! Не помню, сообщала ли я тебе, что Руди Краузе и Вилли Миттендорф тоже убиты, а Гайнц Хозер находится в госпитале, ему оторвало руку, так что с его профессией пианиста покончено. Всех их мне жаль до слёз.

Как я тебе уже писала, кролики все здоровы, веселы и ждут твоего возвращения. Они очень забавны, радуют нас и развлекают.

Созрела наша клубника. Мы сегодня законсервировали её для «крюшона Мира». Вишнёвые деревья усыпаны плодами. Может быть, ты приедешь в отпуск, когда они созреют? Иначе придётся на всех варить варенье.

Родители сердечно приветствуют тебя. Папа видел тебя во сне, дорогой мой Мурли! Будто ты приехал в отпуск с Железным крестом на мундире и с двумя большими чемоданами, набитыми подарками, которые с трудом тащил, а он встречал тебя на вокзале. Надеюсь, что его сон скоро осуществится. Это было бы чудесно, правда?

Мой дорогой маленький ненаглядный говнючок! Где-то ты теперь, там, в этой ужасной России... Смотрю на твой портрет, украшенный свежими цветами, и слёзы катятся у меня из глаз. Мой единственный Польди, Мурлихен мой бесценный! Многие-многие миллионы горячих поцелуев от твоей вечно верной и принадлежащей только тебе малютки.

Херми

Лейтенанту Францу Ноле

Мюнхен 19 июля

Мой дорогой!

Сегодня суббота и день прекрасный, но на душе усталость и чувствую я себя неважно (по-женски). Прошедшая неделя была полна невесёлыми сообщениями и неприятными известиями. Кроме списков погибших, которые неизвестно для чего печатают в газетах, смерть ударила совсем близко. Мой любимый двоюродный брат Курт Мицгаймер погиб как герой за Германию 8 июля под Витебском. Также убиты на русском фронте Фриц Ламмерс, Штоль-младший, Эрих Бранд, Макс Венделе и ещё несколько менее близких нам людей. Мужу Зиты Генриху оторвало ногу выше колена, выбило глаз и челюсть, он лежит в госпитале в Аленштайне, вчера её вызвали туда телеграммой – видно, дела его плохи.

Родители, естественно, совсем расклеились, и мне все дни этой недели пришлось быть не только для них настойкой валерианы,

но и утешительницей и няней, отчего я чертовски устала. Напиши обязательно Мицгаймерам, Элле и Зите, и вырази им своё соболезнование.

Да, мой дорогой, борьба против большевизма это тяжёлая, решительная и жестокая борьба.

Однако слишком многие занимаются своими личными переживаниями и личным горем, вместо того, чтобы охватить сознанием необходимость и величие этой борьбы. Ведь речь идёт о судьбе всей немецкой нации, о нашем будущем. Это я говорю себе всегда в утешение и, слава Богу, я поняла величие национал-социализма и так люблю мою Германию и фюрера, бесценного гения, посланного нам самим Богом... А есть ещё люди, особенно здесь, в Мюнхене, которые занимаются нытьём и критиканством. Каждому из них мне хочется напомнить слова Гёльдерина: «Битва за нами! Живи, о, Отечество, и не считай убитых, для тебя, дорогое Отечество, не было лишней жертвы!»

Я получила твои письма № 4 и № 5, а № 3 до сих пор нет. Посылки № 57 от 30 июня, № 12 от 4 июля и № 86 от 9 июля я тоже получила. Одежда и обувь в России не имеют приличного качества, неуклюжи и уродливы. Неужели ты думаешь, что я буду это носить?.. Курт с ефрейтором из своей роты прислал Мици три массивных золотых кольца, кулон с крупными бриллиантами и мех: красивую серебристую лису. Это ещё имеет смысл. Мици дала совет: если будешь с оказией посылать золото и дорогие камни, чтобы избежать возможных неприятностей на границе, где багаж у солдат осматривают довольно тщательно, лучше всего их заделать в кусок мыла.

По радио сейчас опять передают экстренное сообщение о новых больших победах на Востоке. Как это грандиозно! Какое великое счастье быть в эти дни немцем или немкой! Держись смело, но будь осторожен!

Заканчиваю письмо и буду за тебя молиться.

С нами Бог и фюрер!

Твоя Эльфрида

Фельдфебелю Курту Хессе

Бромберг 22 июля

Дорогой муженёк!

Где ты сейчас находишься, мой родной мальчик?

Как мы понимаем, где-то вблизи Смоленска, о взятии которого было сообщено на прошлой неделе. А может, ты сейчас на отдыхе

в самом Смоленске?.. Теперь вам открыта прямая дорога на Москву. В газетах пишут, что вы там будете через две-три недели, не позже середины августа.

Москва это большой город, где огромное количество проституток, грязных внутри, и заразных. Я понимаю, что молодому, здоровому мужчине время от времени необходимо облегчение. В двух посылочках я отправила тебе 3 пирожных, 2 яблока, печенье, пакетик колбасы, сигареты и 20 презервативов. Если любишь меня и малышку Рози, без них ничего не делай. На первое время тебе хватит.

Я рада, что тебе везёт и ты здоров и невредим. Лишь бы тебе везло и дальше, как до сих пор.

Шлю тебе много приветов и страстных поцелуев. Ты мне снишься натурально каждую ночь, и это самая большая радость в моём ожидании.

Твоя жена Ирма

Неизвестному солдату

Кёнигсберг 25 июля

Дорогой неизвестный солдат!

Я пожелала завязать переписку с неизвестным солдатом и узнала номер Вашей полевой почты. Не удивляйтесь, что я не называю Вашего имени, но я его не могу знать, пока Вы мне его не сообщите.

Зовут меня Рут Кее, мне 16 лет, у меня карие глаза, тёмные волосы и, как говорят, хорошая стройная фигура. Рост 167. Я ученица в большом парфюмерном магазине и зарабатываю достаточно, чтобы самой себя содержать. Я люблю возиться на кухне, люблю маленьких детей и очень люблю танцевать.

Надеюсь, что Вы получите это письмо и тотчас дадите мне ответ. А я пришлю Вам в подарок флакон лучшего вежеталя[1], чтобы его прекрасный аромат всё время напоминал Вам о девушке Рут из Кёнигсберга.

Желаю Вам, мой дорогой солдат, застрелить побольше русских, особенно евреев, и получить много наград.

Вам кланяется с родины и горячо ждёт Вашего письма

Рут Кее

[1] Вежеталь – косметическая жидкость для смачивания волос.

Ефрейтору Курту Бернлайтнеру

Гросс-Райпрехтс 25 июля

Дорогой друг Бернлайтнер!

Прежде всего, шлю тебе поздравления по поводу твоей новой награды. Меня радует, что, несмотря на все тяготы войны, ты с таким упорством выполняешь свой долг. Если бы все наши солдаты сражались как ты, вы были бы сейчас не в Смоленске, а уже в Москве. Вам, солдатам, узнавшим условия жизни в России, известно, что нам «зацветёт», если победит Россия и нашей страной завладеют евреи и большевики. От всего сердца желаю тебе получить в ближайшее время Железный крест первого класса и здоровым, невредимым вернуться домой.

С дружеским приветом. Хайль Гитлер!

Твой руководитель группы национал-социалистической партии

Деккер

Унтер-офицеру Гансу Штюссеру

Кёльн 28 июля

Дорогой Ганс!

Сейчас вечер, понедельник. Прежде чем ложиться спать, хочу написать тебе. Вчера слушала многочисленные экстренные сообщения о больших успехах на Востоке. Как грандиозно! Такого ведь ещё не бывало!

Мой мальчик! Идёт жестокая решающая борьба против большевизма и ты в ней принимаешь самое непосредственное участие. Горжусь тем, что у меня такой парень, вспоминаю наши встречи на партийных съездах, где мы выучили и распевали: «Погибнуть должны многие и уйти в ночь, прежде чем у великой цели гордо будут развиваться знамёна».

Благодаря национал-социализму я постигаю и проникаюсь величием борьбы и завидую, что тебе выпала великая честь.

Немеркнущей будет слава, которой ты добьёшься для себя, для немецкой армии и для потомков.

С этой мыслью, милый Ганс, я сегодня заканчиваю и надеюсь в скором времени получить от тебя весточку, чтобы на окружном партийном съезде всем сообщить о твоих подвигах.

Я здорова и храню нашу глубокую партийную любовь, ради которой я охотно страдаю. И она никогда не умрёт, Ганс, даже если судьба распорядится иначе.

В вечной любви и тревожной заботе о тебе, твоя девушка на родине и подруга по партии.

Марта Штопель

Обер-лейтенанту Рихарду Ланге

Гермиц 30 июля

Дорогой мальчик!

Мы не можем себе представить всей картины того, что у вас происходит. Единственно, что нас выручает – это кинохроника. Её мы смотрим 2–3 раза в неделю, и каждый раз приходим в ужас от невиданной нищеты, отвратительных дорог и безобразнейших типов, с которыми вам приходится иметь дело. О, эти страшные, преступные, тупые лица, по всей видимости – жиды. А потом ещё женщины с ружьями и жалкие изголодавшиеся дети, больные и заражённые паразитами. Имеют ли эти твари и всё их преступное государство право на жизнь?

Представь себе, Рихард, что в этих местах были и сейчас есть люди, точнее сказать человекообразные обезьяны, которым такое скотское существование представляется раем.

Как мы все немцы избалованы, даже рабочие, даже подёнщики. Здесь, к примеру, в Гермице, рабочие заводов Гунгера живут очень уютно, всё у них есть, царствуют покой, чистота и порядок, как это может быть только в Германии и больше ни в какой другой стране.

Кинотеатры теперь переполнены с раннего утра и до самой ночи. Каждый немец хочет насладиться зрелищем ваших побед в России и увидеть поставленного на колени врага. Даже я, добрая и уже немолодая женщина, истовая и примерная католичка, получаю огромное удовлетворение при виде взятых в плен и тысячами бредущих по дорогам этих преступных типов, и особенно при виде их бесчисленных трупов. Эту кинохронику я смотрела 4 раза. Да, я не стыжусь сказать, что трупы врагов меня радуют. Покойный дедушка по опыту первой войны говорил, что русские хороши только мёртвые. А наш фюрер настолько добр, что разрешает брать их в плен.

Русские не подозревали, что мы так сильны, они бы не стали с нами связываться.

У дядюшки Адольфа работают 3 пленных француза, которые строят бараки для пленных. Надеюсь, русских здесь не будет никогда – я их ненавижу больше всех. Большевики и жиды уничтожили церкви, Бог оставил Россию, и она обречена. Теперь, дорогой Рихард, даже самым осторожным и пессимистам стало ясно, что

война нами выиграна, и ваш подвиг будет сиять в веках. Трудно только смириться с мыслью, что такой отсталый дегенеративный народ требует от вас столько жертв. Но его надо, как мусор, раз и навсегда выбросить из мировой истории, и наше счастье, что фюрер это вовремя учёл и так успешно осуществляет.

Увы, побед без потерь не бывает. Фридрих Гольц погиб при переправе через реку Днепр. Также стало известно о гибели Гельмута Вебера, твоего товарища по первой гимназии, Вилли Беккер и Фриц Кениг ранены и находятся в лазаретах на территории Польши.

Да минует тебя их судьба, дорогой Рихард. Храни тебя Господь, как Он хранил тебя в Польше, в Голландии и во Франции, и пусть Он вернёт тебя в скором времени домой совершенно невредимым.

Любящие тебя безмерно и с нетерпением ждущие твоего возвращения

твои мать и бабушка

Унтер-офицеру Йозефу Кистерсу

Берлин 30 июля

Милый мой бродяга!

Берлин веселится, а я скучаю. Несмотря на затемнение окон чёрным картоном, рестораны и бары заполнены, оттуда разносятся весёлая музыка и пьяные голоса, народ празднует скорое окончание войны. На улице топчется столько молоденьких прапорщиков, и я чувствую себя особенно одинокой.

Многие наши модницы разгуливают в трофейных серебряных лисицах. Должна поэтому тебе напомнить, что мы уже 4 месяца как помолвлены, и я надеюсь, что ты мне тоже пришлёшь красивые московские подарки, а не только покрывала и полотенца, которых уже так много, что могу ими торговать.

За окном собирается дождь. У вас там тоже дождь, только дождь не водой, а пулями. Вчера в газете прочла о гибели Фрица. Ему было лишь 19? Это очень печально. И унтер-офицер Мориц погиб. Он был женат? Я считаю, что если человек умирает своей смертью, то это не так страшно, нежели получить известие о гибели на фронте. Хочется надеяться, что я такого известия не получу. Ты должен знать, что я после этого не так скоро смогла бы поправиться.

Любимый бродяга! Когда ты вернёшься, мы станем мужем и женой, не правда ли? Если ты в этой грязной и варварской стране обрастёшь бородой, как разбойник, то это не беда, лишь бы тебе везло и дальше, как до сих пор.

Наши объятия, поцелуи и ещё кое-что не за горами.

Извини за неразборчивые каракули.

Ждущая тебя Зильфрида

Обер-ефрейтору Стефану Лютцлеру

Фюссен 30 июля

Дорогой брат!

Сердечный привет тебе из Фюссена!

Сегодня пришло твоё письмо, и я ему очень обрадовался.

У тебя, наверное, сейчас много работы? Могу себе представить. Нужно набить морду красному отродью. Такие люди не должны жить в этом прекрасном мире. Вы должны понимать, что делаете историю. Для нас нет дороги назад, пока не исчезнут эти подлецы и «товарищи». Русские должны умереть, а вражеская Россия исчезнуть с лица земли, чтобы жили такие парни, как мы, немцы, и процветала Германия. Вся родина смотрит на вас с гордостью, ибо наши солдаты как всегда везде победят.

Карточка, которую ты прислал в письме, просто фантастическая. Это партизаны? Они так смешно висят! Об этом ты должен написать подробнее. Боже, когда я вижу что-либо подобное, у меня закипает в жилах кровь и я сильно возбуждаюсь от досады и нетерпения, что из-за своего возраста опоздаю попасть на фронт, чтобы уничтожать жидовских паразитов и навсегда покончить с этим мусором, не успею отбросить этих недочеловеков в азиатские степи. Ведь война так скоро закончится!

Твой брат Руди

13. ЭТА БОГАТАЯ, СЫТАЯ ГЕРМАНИЯ...

Вокруг Берлина – лес. Такой благообразный немецкий лес, чинный, уютный, хвойный и лиственный, куда некогда выбирались приличные берлинцы на пикники, с кюветиками для стока воды по бокам тропинок и урнами для окурков.

Когда едем мимо, деревья выстраиваются в затылок по радиусам, и радиусы вращаются по часовой стрелке, отсчитывая длинные, прямые коридоры между стволами. Здесь нет ни шорохов, ни тресков, ни зарослей, ни сгущений тени, ни дуновений влажной прелости, ни очаровательных вторжений лиственной зелени в хвойный бор, когда весёлая орава берёзок, кудрявых и звонких, как детский сад, высыпает на полянку, разбрызгивая фонтаны папоротников, играя с бабочками, которые развешивают по воздуху белые фестоны своего полёта. Есть ли в прусском лесу шишки? Возможно, но не обязательно.

...Уленгорст, как и все дачные городки западнее Берлина, не пострадал от войны. Несколько улиц, ещё не замощенных, обстроены небольшими виллами. Каждая стоит в небольшом саду, обнесённом изгородью или решёткой... Калитки всегда на запоре...

...Едем мимо Карлиненгофа. Это – дачный пригород, входящий в Большой Берлин. Живописное озеро, лес, виллы, принадлежащие состоятельным людям: средним и крупным торговцам, промышленникам, фабрикантам.

...Сады. Всё в цвету. Запах сирени и пороха... Под немыслимо пахнущей акацией стоит орудие... Гитлеровская империя разлагается среди благоухания...

...Парк с древними липами, тенистыми аллеями и задумчивым прудом, по которому, вероятно, когда-то плавали лебеди.

...Ратуша, в которой помещалась полиция. Господин бургомистр успел удрать, но он не успел подписать очередной приказ: на его столе листок, и вместо подписи – клякса. На столе в кабинете начальника полиции доносы, списки неблагонадёжных, крем для ращения волос и почему-то дамские чулки...

...В доме коммерсанта, весьма состоятельного, в гостиной, среди почётных дипломов и семейных портретов, выделяется на обоях тёмное пятно. Случайно обнаружилось то, что хозяин убрал со стены. В рамке под стеклом висел следующий документ:

«Министр-президент Пруссии
Берлин, Вестен 8, 30 мая 1942
Лейпцигерштрассе, 3.

Я охотно удовлетворяю вашу просьбу быть крёстным отцом вашей дочери Розмари Эрики и разрешаю вам внести в церковные книги моё имя, как крёстного отца. Однако моё согласие даётся при условии, что отсюда не вытекают никакие дальнейшие обязательства. Я шлю наилучшие пожелания крёстной дочери и препровождаю в виде подарка 50 марок. Хайль Гитлер!

Герман Геринг»

...По маршруту то и дело проезжаем хутора, деревни или маленькие провинциальные городки; видна чешуя мутно-красных или желтоватых черепичных крыш, кусты сирени, старые деревья, густые травы и цветы – настурции, анютины глазки. Хутора и деревни аккуратные, ухоженные; за обочиной дороги мелькают не тронутые войной пахучие липы, яблони в пышном цвету.

Всё засеяно, всё кругом возделано, ни одного клочка земли, свободного от человеческой заботы.

Весна на Одере в полном разгаре, и война не в силах ей помешать. Никогда в Германии, по рассказам жителей, так буйно не цвела сирень, как в этом мае.

Ветер дышит по-весеннему мягкой влажной свежестью. От земли идёт густой пряный дух, как ни в чём не бывало выводят свои трели соловьи в рощах, а над болотом и заросшим прудом парят вальдшнепы; поскольку желательно сохранение фауны, охотиться на некоторых животных и птиц запрещено.

Тишину в приодерских деревнях нарушает только петушиный крик. По дорогам и полям бродят огромные немецкие битюги, стада чёрно-белых коров без пастухов надрывно мычат, некормленые и невыдоенные.

Дома и сельхозпостройки преимущественно кирпичные, хорошо оборудованные. Перед каждым деревенским домом хозяйственный двор с обязательным могучим дубовым сараем и амбаром, сложенным из больших камней, а сзади дома – большой фруктовый сад...

В каждом доме электричество и водопровод. Дома стоят вдали друг от друга, чтобы у каждого хозяина был простор для работы и они не подглядывали, как идут дела у соседа. На фасаде одного из домов под резным козырьком крупная готическая надпись: «Arbeit und Gebuld» – «Труд и терпение».

Просторные светлые комнаты, на подоконниках стоят цветы, кактусы, фарфоровые безделушки, всякая безвкусица. Кое-где на верхних окнах встречаются «шпионы», то есть зеркала, похожие на зеркала заднего вида на автомашинах, – в них можно наблюдать происходящее на улице, оставаясь невидимым. Тюлевые шторы закрывают вид с улицы в комнаты первого этажа. В комнатах – свадебные фотографии молодожёнов с глупым выражением лица, опрятные постели с чистым бельём, радиоприёмник. Кухня с каменным полом, водопроводным краном, большим котлом, где грелась вода.

Почти в каждом крупном населённом пункте имеются хозяйства помещичьего типа. В населённом пункте Керкув помещик имел земли 4000 моргов[1], крупного рогатого скота более 150 голов, овец 300, лошадей 23, тракторов 2, локомотивов 2. Работали в этом помещичьем хозяйстве 160 человек рабочих, в основном русские, поляки и 30 человек французов. Ни одного немца среди сельхозрабочих у этого помещика не было.

...Хутор, как и другие немецкие деревушки, пуст, но дворы полны живности: в хлевах стоят откормленные и ухоженные коровы. Никогда не видел таких больших коров с сосками толщиной в четыре пальца... Волы вместо мобилизованных лошадей. Тут и там бродят свиньи, выхаживают, пощипывая травку, гуси, из-под ног в испуге разбегаются куры... В сумраке под навесом висела освежёванная коровья туша.

В километре от хутора на обочине дороги встретилась семья из пяти человек: женщина, двое детей-подростков и двое мужчин – не успели своевременно сбежать. Все добротно, тепло, не по сезону одеты в шубы с белыми повязками на рукавах, стоят у возов, доверху нагруженных добром: сундуки, чемоданы и перины, набрюшники и даже пивные кружки. К каждому из возов привязана племенная корова голландской породы. Это «господа бароны», бауэры, которые держали рабынь на своих скотных дворах, замучили и загубили немало наших девушек непосильным трудом, голодом и издевательствами.

---

[1] 1 морг – западная мера земли, равная приблизительно 0,56 га.

Это они получали в «посылочках» с фронта награбленное у русских людей.

Сейчас они стараются выглядеть смиренными, глаза опущены, мрачный взгляд исподлобья, но под этой напускной покорностью – страх и ненависть, а в перинах, сундуках, под пиджаками припрятаны карабины, пистолеты и бандитские ножи с надписью: «Всё для Германии!» – «Alles für Deutschland!»

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УГ 71 А *Подана 02.05.45 г.* *4 ч. 30 м.*

Зам. командиров корпусов, дивизий по тылу

Бежавшим немецким населением брошены дома, имущество и большое количество рогатого скота, лошадей, свиней, которые согласно Постановления ГКО от 10.01.45 г. подлежат использованию для нужд Красной Армии и народного хозяйства СССР.

Оставаясь без охраны, имущество растаскивается, скот, оставшись без водопоя, корма и ухода, гибнет или хищнически уничтожается проходящими военнослужащими и гражданскими лицами.

Интендантский и трофейный отделы армии своими силами не обеспечивают сбор и сохранение захваченного трофейного имущества и поголовья скота.

Зам. командиров корпусов и дивизий по тылу немедленно принять срочные меры по сбору и сохранению имущества, оставленного противником, и передавать его назначенным комендантам городов и посёлков.

Нарядить красноармейцев для сбора бесхозного скота в армейские гурты, разместив их в бывших крупных немецких фермерских хозяйствах.

В создавшейся обстановке распоряжением Военного Совета фронта разрешить привлекать для работы по уходу и сохранению брошенного немецким населением поголовья скота освобождённых советских граждан с последующим оформлением через СПП армии и выдачи им справок.

О всём собранном скоте и другом ценном имуществе ежедневно указывать в тыловой сводке нарастающим итогом и месте нахождения.

Военным Прокурорам провести проверку учёта и сбора бесхозного скота и работы подсобных хозяйств по уходу за ним и рациональному использованию сельскохозяйственной продукции для нужд армии.

О принятых мерах донести.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД

Начальнику тыла 71 армии

В соответствии с полученным распоряжением Управления тыла армии Военной Прокуратурой была организована проверка выполнения особо важной государственной задачи, определённой Военным Советом фронта на основании Постановления ГКО, по сбору, учёту и сохранению народно-хозяйственного имущества, захваченного нашими войсками при наступлении или брошенного немцами при отступлении, в частности, сбора, учёта, сохранения сельскохозяйственных животных и сельхозпродукции и рационального её использования для нужд армии.

Пункты армейских гурт-скотов и подсобные хозяйства расположены на сельхозугодьях вблизи г.г. Зонненбург, Штенциг и Альт-Лимретц. По предварительным данным, там находится 3000 коров, 2000 баранов, 300 лошадей, несколько сот свиней, овец, мелкого скота и несчётное количество разной птицы.

Ни в одном из этих хозяйств точного учёта нет. Личным составом подсобные хозяйства укомплектованы недостаточно, только в одном есть ветфельдшер, кормление скота нерегулярное, выпас самопроизвольный, среди животных большой падёж. В хозяйствах совершенно не используется труд гражданского немецкого населения и репатриантов, работавших в неволе на крупных немецких фермерских хозяйствах и имеющих опыт по уходу за скотом и птицей.

Учёт отпущенной продукции ведётся недобросовестно, трудно установить куда, кому и в каких количествах её отпускали, что создаёт неограниченные возможности для хищений и нецелевого использования.

Так, по предварительным данным, 1300 дойных коров ежедневно дают 4000 литров молока, что смогло бы удовлетворить потребности в дополнительном питании раненых в 4-х госпиталях, находящихся всего в 2–5 километрах от подсобных хозяйств. Однако, только в один госпиталь, и то в ограниченном количестве, доставляют молоко и сливки, в остальных — молоко получают отдельные тяжело раненные офицеры и то от коров, имеющихся при госпиталях.

Из-за отсутствия сбыта суточного удоя лишь небольшая его часть перерабатывается на сливки, остальная преступно выдаивается или выливается на землю.

Ставлю Вас в известность о вышеизложенном для немедленного принятия мер по устранению указанных недочётов.

Прилагаю для ознакомления объяснительную записку капитана Долгополова.

Майор юстиции Булаховский

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА[1]

В период марта месяца в момент организации Подсобного хозяйства дивизии мною было собрано 2000 шт. курей, 140 гусей, 50 индюков. Так как такое количество птицы держать по дворам было нецелесобразно, то я построил птичник на 2500 шт. 18 апреля строительство птичника закончено и птица сгрупирована в одно место.

Сбор яиц доходил до 400 шт. в один день. Сбор яиц очень колебался: в хорошую погоду был больше, в ненастную снижался до 100 шт. и меньше.

Сначала, когда начали поступать яйца, замкомдив по тылу Вайсблат отдал приказание, что для командира дивизии отпускайте яйца невыписывая в накладную. После этого начпрод дивизии Городницкий брал яйца из хозяйства по 200 шт. и больше от старшины Павлова и приказывал, чтобы он неговорил мне об этом. Эти яйца конечно в генеральскую столовую попадали только частично, а остальные Городницкий с Вайсблатом распределяли для своих знакомых и на устройство банкетов.

Следует отметить такой факт, что в апреле м-це с.г., когда Вайсблат отправлял свою сожительницу на Родину, то ночью пришла машина со Штольберга специально за яйцами, но так как яиц небыло, машина ушла без яиц. Утром рано приехал капитан Городницкий, стал угрожать старшине Павлову, что отправит его в штрафную роту за то, что недал на ночную машину 200 шт. яиц, забрал из кладовой 100 шт. утиных яиц, которые хранились для вывода утят.

Что же касается удоя молока, то удой был низкий потому, что скот был собран частично из безхозного, за пущен, недоился по несколько дней, то удой молока в апреле был от 800 кг до 1200 кг. 1400 кг удой производился только 2 раза.

Самое главное это то, что у меня отсутствовал учет. Я неоднократно требовал от замкомдива и Городницкого о предоставлении

---

[1] Стилистика и орфография документа сохранены.

мне учетного апарата, но мне его не давали. Как в последствии выяснилось, что они, Вайсблат и Городницкий, старались создать мне такие условия, чтобы в чем нибудь меня правалить и назначить своего человека.

Они старались запутать учет умышленно, это видно по следующим ясностям:

1. На первое апреля в хозяйстве имелось 700 свиней, но сохранную расписку Городницкий отобрал от меня всего на 180 свиней. На мой вопрос, почему это так, Городницкий ответил: «Твое дело подписать на столько сколько нужно мне как начальнику ПФО дивизии».

2. Нельзя неотметить такой факт, что Вайсблат недавал мне ни одного опытного писаря, говорил «подбери из команды выздоравливающих». Но ведь это не рота, а совхоз в котором надо иметь 5 человек учетного апарата. Вайсблат прикрасно знал, что я один организовал лично по своей инициативе такое крупное хозяйство, один работал и руководил. Когда приехали сменять одного Долгополова то прислали аж 7 человек: начальника хозяйства, помощника начальника хозяйства по политчасти, агранома, бугалтера, 2 зоотехников, 2 ветврачей и сразу посадили на учет 4 человек, а Долгополов работал с одним старшиной и одним младшим ветфельдшером.

Долгополов сам был и палевод и агроном, но дело не правалил. Я первый выполнил план весеннего сева, не получил из армии ни одного килограмма зерна для посева, всю площадь в 1000 га посеял семенами из заготовок, так же посеяно 8,5 га огорода, приспособленного под поливку.

Вся моя работа пошла насмарку только благодаря активному людоедству Вайсблата и Городницкого.

Нельзя упустить и тот факт, что Вайсблат с меня 3 часа пил кровь за то, что я допустил начальника заготовок армии майора Горшкова только посмотреть, а не проверить скот. Вайсблат после этого назвал меня безпомочным человеком и объявил мне личный выговор.

Следует добавить, что Вайсблат мне запретил выезд в дивизию без его разрешения и я на протяжении 2-х месяцев немог видеть ни комдива, ни начальников, которым мог бы объяснить положение в хозяйстве. Они сделали все это умышлено.

Я знаю одно, что я по личной инициативе, а не Вайсблата, создал материальную базу всей армии для развода свиней и птицы. Хозяйство было одно из образцовых в армии за это не получил ни

одной благодарности, а о награде и говорить не приходится, за то Вайсблат получил 2 ордена.

Пусть накажет меня моя судьба за такую несправедливость Вайсблата, но я неделал ничего приступного, ничего не крал и не прадавал.

Капитан Долгополов,
бывший начальник подсобного хозяйства дивизии.

Резолюция зам. начальника тыла 71 армии генерал-майора Сизова:

«Предлагаю использовать опыт капитана Долгополова, а не наказывать его из-за личных корыстных соображений.

Арминтенданту и начпродотдела армии в трёхдневный срок навести надлежащий учёт скота (по сортам, породам) и птицы.

Начальникам сельхозотделов по учёту и использованию трофейной сельхозпродукции немедленно заняться наведением порядка в приданных подсобных хозяйствах. Нечестных, недобросовестных, зажравшихся интендантов привлекать к ответственности.

Наладить регулярную доставку молока и продуктов в госпитали, выделив для этого транспорт и термосы».

14. ГРАБОВ

Война для нашей 425-й стрелковой дивизии закончилась ожесточённым боем в районе маленького, лежащего среди полей, утопающего в зелени немецкого городка Грабов.

Грабов можно найти далеко не на всех картах.

Въезжают в него через старинные ворота. Невдалеке от этих ворот к городу примыкает заросший пруд, окаймлённый огромными деревьями и статуями. У пруда возвышается башня скучной, прямоугольной формы, метров 12–15 высоты. Башня выстроена в 1931 году, в догитлеровские времена. В нижнем этаже башни размещён небольшой музей войны 1914–1918 годов: образцы оружия, солдатские каски, газеты, портреты Гинденбурга и кайзера. В витрине – список жителей Грабова, убитых на этой войне.

В фасадной части башни – ниша, ограждённая решёткой. На земле лежит плита с надписью «Zur Erinnerung der untergehenden Menschen» – «В память погибших», а на стене башни на высоте второго этажа высечено крупными буквами: «Deutschen, vergessen nicht von Versailles!» – «Немцы, не забывайте о Версале!»

Провинциально тихий, красивый, совсем не тронутый смерчем войны, этот небольшой городок, со стрельчатой кирхой, водонапорной башней, каланчой у вокзала, вытянувшийся двумя параллельными улочками на 1,5–2 километра, нежился под жарким майским солнцем. Главная улица набита магазинами. Вывески – огромные, магазины – с гулькин нос. Но всё – люкс: цирюльник – люкс, пивнушка – люкс, чистильщик сапог – люкс.

Старинный замок, ратуша. На заборах сохранились начертанные белой масляной краской призывы: «Grabov wird deutsch sein!» – «Грабов будет немецким!», «Tod den Russen!» – «Смерть русским!», а мимо проходили толпы растерянных и подавленных людей – такие вежливые, покорные немцы и немки с чёрными повязками на рукавах, снимали шляпы и почтительно раскланивались, вели себя как самые примерные дети.

Несколько одинаковых огромных красных зданий в восточной части города – казармы. И вообще, большинство домов были красными – стены и черепичные крыши одного цвета.

Отдельно стояли островерхие постройки с черепичными шапками и белыми стенами, перечёркнутыми бревенчатыми прожилками.

Многие дома с палисадниками. За чугунными узорами оград – асфальтированные дворики с несколькими деревьями и густым плющом, обвившим первые этажи домов. В палисадниках берёзы – коренастые, толстобокие, каких у нас не увидишь.

Вот дом лесничего. Не дом, а поместье! За высоченной оградой из металлической сетки возвышаются каменные хоромы в три этажа с башенками, балконами и террасами. За доминой – огромнейший сад, перед фасадом – искусственный пруд с лебедями. Чуть поодаль бесчисленные, тоже каменные, хозяйственные постройки под черепичными крышами.

Помещичьи дома прячутся в старинных парках.

В одном из них – его недавно занимал оберштурмфюрер СС – тяжёлая мебель красного дерева, бархатные портьеры. Большой зал – гостиная с высокими окнами в сад, зеркалами в простенках и роскошным роялем. В золотой раме висит портрет старого фельдмаршала Гинденбурга с дарственной надписью. Рядом с портретом красуется поощрительная грамота: «Георгу Земрау за успехи в области земледелия и животноводства».

В других просторных комнатах – гардеробы, забитые одеждой, буфеты с дорогой посудой и столовым серебром, на стенах картины в тяжёлых золочёных рамах, рога оленей и чучела кабаньих морд, гобелены охотничьей тематики, красивые дорогие ковры на стенах и на полах, самодельные коврики. На коврике вышито: «Ordnung in dem Haus ist Ordnung in dem Staat» – «Порядок в доме – порядок в государстве».

В кабинете массивный стол с резными ножками, стулья с высокими резными спинками под стать столу, в углу патефон и тумба с пластинками, радиоприёмник.

Над письменным столом – две символические картины. На одной – Бисмарк и Мольтке диктуют условия мира разбитым под Седаном в 1870 году французским генералам; на другой – современный огромный немецкий танк с белыми крестами давит гусеницами русских женщин и детей на улице пылающей деревни. Это была зарисовка младшего сына помещика: он был художником и рисовал с натуры.

Во всю стену книжные шкафы, забитые книгами с дорогими по виду корешками. На видном месте стоит томик стихов фашистских поэтов. Сборник открывается стихотворением «Nach Osten!» – «На Восток!» – так они называли Россию:

Мы хотим идти в Остланд, в страну Востока...
Мы пройдём через русские степи.
Мы потопим в крови всякого,
Кто встанет на нашем пути...
В Остланде мы добудем хорошие дома,
И каждый день мы будем есть вдоволь,
Будем пить вино и пиво –
Много вина и много пива...

На видном месте – «зиппенбух» – родословная книга, которую обязана была вести каждая арийская семья.

В спальне – кружевные занавески, в алькове – огромные, широченные, словно кузов пятитонки, кровати, шёлковые покрывала и шёлковое прохладное бельё, пуховые атласные перины вместо одеяла.

Над кроватями тоже коврики с вышитыми изречениями:

«Zweimal in der Woche ist nicht schadlich weder dir noch mir» – «Два раза в неделю не вредит ни тебе, ни мне».

«Wie man sich bettet, so schläft man» – «Как постелишь, так и поспишь».

«Die liebe und der Suff, die regen den Menschenuff» – «Две вещи волнуют человека: любовь и выпивка».

Везде огромное количество фотографий: висят на стенах, стоят на столах и столиках, валяются в комнатах на полу. Они запечатлели роскошную жизнь обитателей: оберштурмфюрер в окружении женщин в фантастических туалетах; слуги прислуживают им у стола – наливают вино; на охоте; и, конечно, портрет крупного щеголеватого мужчины с моноклем и тщательно расчёсанным пробором, в полной парадной фашистской форме, с вытянутой вперёд правой рукой, левая прижата к сердцу, на среднем и безымянном пальцах перстни, и под фотографией подпись – клятва-долг немца перед фюрером и Великой Германией: «Unsere Treue und unser Glaube – das ist unsere Ehre und unser Sieg» - «Наша верность и наша вера – это наша честь и наша победа». Казалось, что забота о собственной наружности составляла главное занятие этого холёного немца.

В кухне сверкает много начищенной посуды, развешенной по стенам, и рекомендации по здоровому образу жизни:

«Gut gekaut ist halb verolaut» – «Хорошо прожевал – наполовину переварил».

«Nach dem Essen sjllest du stechen oder tousend Schritten gehen» – «После еды постой или пройди тысячу шагов».

На салфетке, покрывающей кухонный столик, вышит крестиком стихотворный текст:

Не хлебом единым будет жив человек,
Но... также мясом и вином.

Кладовки и подвалы полны всякой снеди, копчений, домашних консервов, ящики сардин, ящики с повидлом, французским коньяком «Аквавита», французскими и немецкими винами.

Распорядок быта высокопоставленного немца и во время войны был незыблем:

Табак: с утра – сигарета, на работе – трубка, вечером – сигара.

Одежда: домашние туфли из верблюжьей шерсти неяркого цвета. Хорошая, просторная куртка, тёмно-вишнёвая или орехово-коричневая, из вельвета или бархата.

Питание: завтрак обязательно лёгкий – яйцо всмятку, немного масла, ветчина, копчёная рыба, ни капли алкоголя. Среди дня – ланч с хорошим куском мяса, зеленью и рюмочкой коньяка, и, разумеется, кофе «мокко» побольше. Обед поздно, дома – форшпайзен (закуска), пиво, суп, мясо или рыба.

Вот такие апартаменты – каких на родине он и представить себе не мог – оказались в распоряжении командира дивизии полковника Быченкова.

...Оказавшись на территории Германии после четырёх лет кровопролитной жестокой войны, разрухи, голода, бойцы и офицеры Красной Армии, к своему удивлению, увидели богатые и сытые хозяйства немецких фермеров, увидели отлично организованное сельское хозяйство, увидели невиданную сельскохозяйственную и бытовую технику, увидели бетонированные скотные дворы, увидели шоссейные дороги, проложенные от деревни к деревне, автострады для восьми или десяти идущих в ряд машин; увидели в берлинских предместьях и дачных районах шикарные двух- и трёхэтажные собственные дома с электричеством, газом, ванными и великолепно возделанными садами, увидели исторически, постепенно сложившийся за столетия высокий уровень материальной жизни.

Люди увидели виллы крупной буржуазии, умопомрачительную роскошь замков, поместий, особняков немецких капиталистов и аристократов, увидели пышную роскошь квартир западных районов Берлина, где жили фабриканты, заводчики, владельцы торговых фирм, больших магазинов и крупные чиновники.

Увидев эту сытую, устроенную, благополучную жизнь обычного немца, увидев крестьянские дворы: чистоту, опрятность, благосостояние... стада на пастбищах... в деревенских домах шкафы и комоды, а в них — одежда, хорошая обувь, шерстяные и пуховые одеяла, фарфор... увидев всё это, советский военнослужащий ощутил непривычную новизну всех предметов и окружающих явлений и невольно задался вопросом: чего же им, немцам, ещё не хватало при такой-то райской жизни?!

Ненависть к немцам, несмотря на приказы, наставления, указания на изменение отношения к мирному немецкому населению, невольно разгоралась ещё больше при сопоставлении их уровня жизни — и тех зверств, которые они совершили.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 03.05.45 г.* *22 ч. 10 м.*

Зам. командиров дивизий, частей и соединений по тылу

Наблюдаются случаи безобразного бесхозяйственного использования трофейных ковров, представляющих собой большую ценность. Ковры используются как тара на покрытие грузов и другие надобности.

Немедленно организовать сбор ковров и сдать их на армейские трофейные склады для дальнейшей их отправки в Москву.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

За последнее время среди рядового, сержантского и даже офицерского состава наблюдаются отдельные случаи неправильного, политически вредного суждения о якобы более высоком уровне материального обеспечения и культуры немцев по сравнению с народами Советского Союза.

Увидав шикарную изнанку жизни немцев, некоторые бойцы и офицеры встали на путь:

а) восхваления богатств фашистской Германии;

б) принижения и недооценки нашего родного, советского, что не может не настораживать.

Доношу о некоторых нездоровых высказываниях.

Так, красноармеец Гусейнов договорился до смехотворного утверждения, что «если бы собрать всё барахло из десяти немецких квартир, то можно одеть чуть ли не всё население Баку».

Сержант Петряков, видимо большой любитель домашней обстановки, сказал: «Обстановка в каждой немецкой квартире такова, что у нас в Рыбинске на весь город не найдётся и одной такой».

Нашлись и такие, которые, страдая преувеличением всего немецкого и забывчивостью про реальную жизнь наших колхозов, утверждают, что «в наших 20 колхозах не будет того, что есть у одного немца».

Красноармеец Сотковский: «В Германии колхозов нет, а народ живёт богато и чисто, а у наших колхозников ничего нет, и живут они в грязи и голоде».

Красноармеец Чурсин: «В деревне у каждого немца есть 3–5 коров, несколько свиней, пара коней, птицы без счёта, машина и даже трактор. Полно барахла и всякая музыка – патефоны, радиоприёмники. Вот это житуха!»

На политинформациях сотрудники политаппарата и агитаторы доходчиво и на конкретных примерах разъясняли, что вся Германия – это помещик-крепостник, ограбивший и поработивший в этой войне почти все народы Европы. Миллионы невольников работали на немцев, создавая им богатства. Каждый немецкий дом – это комиссионный магазин, в котором платья, шубы, туфли, брюки, мебель – всё, вплоть до детских ботинок и игрушек, украдено и стащено из всех стран Европы.

Некоторые военнослужащие задавали характерные для проявления зависти и низкопоклонства вопросы. Так, на провокационный вопрос старшины Голубева: «Да, всё это немцы награбили, а электричество в коровниках, конюшнях, а асфальтированные дороги – разве это награбленное?» пришлось ему напомнить о том, что представляла из себя царская Россия и о чём забыли некоторые, а молодёжь читала только в книжках – «Обильная, но убогая матушка Русь», которая в своём развитии отстала от передовых капиталистических стран на 50–100 лет, и привести высказывание Владимира Ильича Ленина: «...у русских помещиков – роскошные усадьбы, богато обставленные квартиры, гурты скота. Их богатства – это труд ограбленного и порабощённого крестьянства...

русский крестьянин влачил нищенскую жизнь: одевался в рубище, ходил в лаптях, помещался вместе со скотиной, кормился лебедой, пахал деревянной сохой, постоянно голодал. Десятки тысяч вымирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые случались всё чаще и чаще». «Крест да пуговица» — вот что было у крестьянина из промышленных изделий, по словам великого русского поэта Некрасова. Вот как выглядел русский народ ко дню Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Пришлось напомнить, чего достигли наша страна и народ за годы советской власти:

1. Создана могучая социалистическая промышленность, самая передовая в мире.

2. Вооружившись под руководством партии Ленина—Сталина здоровой социалистической идеологией, построено новое общество свободных людей без порабощения и эксплуатации.

3. После ликвидации кулачества, как чуждого социализму класса, постепенно налаживается и расцветает жизнь в колхозах и деревнях, что отражено в таких замечательных фильмах, как «Свинарка и пастух» и «Трактористы».

В период наступления политико-воспитательная работа среди личного состава не снижалась и проводилась по плану. Агитаторы успешно и наглядно осуществляли популяризацию героизма бойцов и офицеров, неустанно повторяли бойцам и офицерам основные положения приказа товарища Сталина «Об изменении отношения к немцам».

Для офицерского состава прочитан доклад: «Стремительным, сокрушительным ударом завершим разгром гитлеровской Германии».

С рядовым и сержантским составом проведены беседы: «Дисциплина — мать Победы», «Победить — не значит отомстить».

Всему личному составу прочитаны лекции о нашей социалистической Родине — СССР, с одной стороны, и о капиталистических странах, как Венгрия, Австрия, Румыния — с другой стороны; о преимуществе социалистического хозяйства и системы над капиталистическими; о равноправии и свободном труде в нашей стране и о жестокой эксплуатации и неравноправии в Германии.

Нач. отдела агитации и пропаганды 136 ск
подполковник Рутэс

ЛИСТОК-ОБРАЩЕНИЕ

Военный Совет армии располагает фактами вандализма, когда наступающие части сознательно подвергали порче и уничтожению мебель, ценные предметы домашнего обихода, превращая их в состояние хлама и утиля, совершали умышленные поджоги домов, массовый убой племенного скота, причём только минимум полученного мяса и молока поступило в употребление, остальное – выбрасывалось.

Только немцы из любви к «искусству» разрушать и к садистскому уничтожению всего красивого и живого способны на подобные дела. Мы же, советские люди, не можем находить в этом удовлетворение. Войну мы ведём во имя счастья и благополучия нашего народа, и плоды своих замечательных побед, завоёванных солдатской кровью, глупо и неразумно предавать огню и разрушению.

Велик и справедлив гнев нашего солдата, и этот гнев с полным сознанием здравого рассудка должен найти своё отражение не в уничтожении материальных ценностей, приносящих нам пользу, а в ещё более беспощадном истреблении бешеных собак, припёртых в собственном логове.

Бойцы и офицеры!

Военный Совет призывает и требует от каждого военнослужащего при занятии населённых пунктов, размещений в них или при прохождении через них соблюдать жёсткий воинский порядок и пресекать любые случаи расхищения или порчи материальных ценностей.

Мы пришли в Германию не уничтожать всё огнём и мечом, а освобождать немецкий народ от коричневой чумы.

Ваши честь и достоинство в исполнении этого священного долга – это лицо нашей Родины. Не посрамите его!

Политуправление 71 армии

15. СОЮЗНИКИ

26 мая 1942 года между СССР и Великобританией подписан договор о союзе в войне против Гитлера и его партнёров.

11 июня 1942 года СССР и США заключили соглашение о принципах взаимной помощи в ведении войны против Германии.

12 июня 1942 года США и Великобритания дают обещание открыть второй фронт в Западной Европе, но не выполняют его.

В 1943 году, имея все возможности для выполнения своих обещаний, США и Великобритания второй фронт так и не открыли.

В результате выдающихся побед Красной Армии в 1943 году под Сталинградом, на Курской дуге и битвы за Днепр союзники стали опасаться, что Европу может освободить Красная Армия своими силами без участия вооружённых сил США и Великобритании.

28 ноября 1943 года в Тегеране состоялась конференция трёх держав по антигитлеровской коалиции, где союзниками было обещано открыть второй фронт в Европе в 1944 году, но обнаружилось расхождение точек зрения руководителей США и Великобритании о месте, конкретных сроках и масштабах их вторжения в Европу.

Когда войска Красной Армии вышли на Государственную границу СССР и, продолжая вести успешные боевые действия за пределами своей Родины, в 1944 году стали освобождать территории Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, руководители США и Великобритании вынуждены были вновь обсудить и согласовать с СССР план окончательного разгрома фашистской Германии.

В феврале 1945 года в Ялте состоялась Крымская конференция, на которой Сталин, Рузвельт и Черчилль пришли к соглашению о превращении Германии в демилитаризованное государство, полном разоружении и роспуске всех германских вооружённых сил, наказании военных преступников, запрете нацистской партии, были намечены вопросы репарации и основные принципы политики в отношении послевоенной организации мира, подписано

военное соглашение о вступлении СССР в войну с Японией на стороне союзников через 2–3 месяца после капитуляции фашистской Германии.

6 июня 1944 года был открыт второй фронт, англо-американские войска высадились в Нормандии и вели бои по освобождению Франции, Бельгии, Нидерландов.

Только в конце марта – начале апреля 1945 года союзные войска начали боевые действия на советско-германском фронте. 600 американских бомбардировщиков под прикрытием такого же количества истребителей наносят удары в районе Дрездена и на территории Чехословакии, сухопутные части под командованием генерала армии Д.Эйзенхауэра форсируют реку Рейн, занимают Лейпциг, Шверин.

Свыше тысячи английских бомбардировщиков наносят удары по укреплениям на острове Гельмголанд, сухопутные части под командованием фельдмаршала Монтгомери прикладывают все усилия, чтобы продвинуться к Берлину и начать его штурм раньше Красной Армии. Покрыв расстояние 45–60 километров за несколько часов, англичане заняли Висмар.

21–23 апреля политическое руководство СССР, США, Великобритании согласовывают проект обращения к войскам в связи с приближающейся их встречей в центре Германии. И.Сталин, Г.Трумэн, У.Черчилль обмениваются посланиями и определяют согласованные линии наступления на Берлинском направлении, разграничительные зоны оккупации Германии и Берлина.

...38 гв. стрелковая дивизия, освободив г. Нейстрелиц и г. Варен, вышла на восточный берег озера Шверинер (в районе г. Шверин) и стала на демаркационную линию с войсками союзников.

...Войска 2-го Белорусского фронта вышли на линии Висмар–Штеттин к реке Эльба юго-восточнее Витенберга навстречу соединениям английских войск.

...25 апреля армейские части 1-го Белорусского фронта соединились в районе Кетцин с 6-м механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта на западном берегу реки Эльба.

...Эльба, древняя славянская Лаба, где сошлись две армии: одна пришла с Волги, другая – с Миссисипи.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»

ШТ из ШТАБА 1 БФ *Подана 24.04.45 г.* *20 ч. 15 м.*

Всем командирам корпусов, соединений
Начальникам политотделов
Начальникам ОКР «Смерш»

Объявляю Директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 11075 от 23.04.45 г.

«Ставка Верховного Главнокомандования

ПРИКАЗЫВАЕТ:

При встрече наших войск с американскими или английскими войсками руководствоваться следующим:

1. Старшему войсковому начальнику, на участке которого произойдёт встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разгранлинии согласно указаниям Ставки № 11073 от 20.04.45.

Никаких сведений о наших планах и боевых порядках наших войск НИКОМУ не сообщать.

2. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать. При встрече с союзными войсками относиться к ним приветливо. При желании американских или английских войск организовать торжественную или дружескую встречу с нашими войсками, от этого не отказываться и высылать своих представителей. После такой встречи нашим войскам приглашать к себе представителей американских или английских войск для ответной встречи.

3. Нашим войскам во всех случаях быть образцом дисциплины и порядка.

4. О всех случаях встречи с союзными войсками доносить в Генеральный штаб Красной Армии с указанием места, времени и нумерации встречавшихся частей.

И.СТАЛИН
АНТОНОВ»

С получением директивы Ставки Верховного Главнокомандования о поведении наших войск при встрече с частями союзных войск текст директивы немедленно направить шифром в дивизии и отдельные корпусные

части. Согласно посланных указаний, разъяснить всему личному составу необходимость достойного поведения при встрече с союзниками, строжайшего соблюдения военной тайны и советской воинской дисциплины.

В частях и подразделениях корпусов директиву Ставки прежде всего довести до всего офицерского состава, а затем сержантского и рядового.

Партийно-политическим работникам провести разъяснительные беседы и занятия, как нужно вести себя при встрече с солдатами и офицерами союзных войск.

Основное внимание обратить на культурное и достойное поведение воинов Красной Армии, внешнюю подтянутость и строгое сохранение военной тайны.

С командирами передовых частей провести индивидуальный инструктаж.

Начальник штаба
генерал-полковник *Малинин*

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА 71 АРМИИ

25.04.45 г.

Во исполнение Директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 11075 от 23.4.45 г. и директивы Военного Совета 1-го Белорусского фронта всем командирам частей и соединений армии, начальникам политотделов и ОКР «Смерш»:

1. Директивы принять к неуклонному выполнению и довести до командиров полков включительно.

2. Вести непрерывную глубокую разведку с задачей своевременно установить рубежи, занятые английскими и американскими войсками.

3. Офицеров и генералов, выделенных в качестве представителей для встреч с союзниками, тщательно инструктировать о их поведении и порядке взаимоотношений с представителями американских или английских войск в соответствии с требованиями директивы, обращая при этом особое внимание на сохранение военной тайны.

Встречать союзников приветливо, но не подобострастно.

4. Нашим войскам во всех случаях контакта с союзниками быть образцом дисциплинированности и порядка.

Всему генеральскому и офицерскому составу строго соблюдать форму одежды и иметь опрятный вид.

Этого же потребовать от всех войск, которые могут иметь соприкосновение с частями американских или английских войск.

5. Обеспечить чёткий порядок и организацию встречи представителей союзных войск.

6. Дружеский приём представителей союзных войск проводить не в рабочих помещениях штабов, а в специально для этой цели подготовленных помещениях.

7. Приглашение представителей американских или английских войск для ответной встречи осуществлять с разрешения старших начальников не ниже командира корпуса.

8. О всех случаях встреч с союзными войсками немедленно доносить в Штарм и регулярно представлять в политдонесениях.

* * *

Я был вызван в штаб дивизии.

Подполковника Сергеева, начальника оперативного отдела штаба дивизии, я не видел со времени переправы командующего через Одер.

– Ну что, Федотов? Не ровен час – есть такая вероятность, что ты одним из первых можешь встретиться с нашими союзниками, – начинает разговор подполковник. – Какая задача поставлена приказом двести двадцать?

Этот приказ до меня доводят уже несколько месяцев. Я начал его изучать ещё в госпитале в Костроме, о нём говорилось на многих политинформациях, я знаю его назубок и чётко отвечаю:

– Приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина номер двести двадцать от седьмого ноября сорок четвертого года перед нами поставлена задача: стремительным натиском в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию!

Сергеев несколько секунд молчит, смотрит на лежащие перед ним бумаги и, вскинув голову, продолжает:

– А как, Федотов, мы встречаемся с союзниками?

– По-хорошему, товарищ подполковник.

– Что значит «по-хорошему»? – недовольно спрашивает Сергеев. – Ты указание члена Военного Совета армии, как надо встречаться, знаешь?

– Так точно! Приветливо и гостеприимно, но без подобострастия, и с высокой, предельной бдительностью!

– А инструкцию?.. Конкретно! Допустим, ты командир передового отряда, который встретил союзников. Как, по инструкции, ты себя должен вести?

– По-хорошему. Разговоры должны вестись не на ходу, а в спокойной обстановке, не следует проявлять нетерпение. Разговаривать вежливо, спокойно, руками не размахивать. Выслушивать внимательно. Перебивать союзников или переводчика нельзя, надо дать им договорить. Даже если они по-русски не понимают, мата категорически не допускать. Всё время должна соблюдаться вежливость, выдержка, такт, приветливость и высокая бдительность.

Переводчик с английского на всю дивизию один, у меня в роте он ни разу не был и едва ли когда-нибудь окажется, но в инструкции он указан, и я его упоминаю.

– А какую помощь в случае необходимости ты оказываешь союзникам?

– В случае необходимости я делюсь с ними продуктами и оказываю медицинскую помощь... через санинструктора... И техническую: допустим, вытаскиваем машину из кювета и толкаем, пока не заведётся... Мелочиться, жмотничать нельзя. Если угощаешь махоркой или трофейными сигаретами, лучше отдать всю пачку. Если же они будут угощать – есть мало, без жадности. Самому ни в коем случае не просить. Сигареты или папиросы брать не больше одной. Спиртные напитки категорически не брать и даже не пробовать – в боевой обстановке мы не пьём! Если будут дарить часы или что-нибудь дорогое – категорически не брать! У нас всё есть, мы всем обеспечены!

– Правильно, Федотов, – мы не голодные! И всем обеспечены! Заруби это себе на носу! Инструкцию по вопросам встречи ты читал. Но самое важное упустил.

– Что же я упустил?

– Патриотизм советского воина, с боями пришедшего в Европу.

– Патриотизм соблюдается каждую минуту, – сразу подхватываю я. – Европу не восхвалять, у нас лучше! У нас всё...

– Заруби это себе на носу, Федотов! Если командир корпуса или командующий будут тебя спрашивать и ты забудешь о патриотизме, ты опозоришь всю дивизию! Если же ты ляпнешь что-нибудь не так союзникам, ты опозоришь всю армию! Там у них корреспондентов газетных как собак нерезаных. В каждой дивизии. И если ты попадёшь в газету к союзникам и там будет что-нибудь не так – а они мастера по части сенсаций и скандалов, – всем, конечно, попадёт, но от тебя, Федотов, и мокрого места не останется! Сознаёшь?

– Так точно... Сознаю... – удручённо подтверждаю я. Будь они неладны, эти союзники, ввек бы с ними не встречаться! Не дай Бог оказаться в передовом отряде – сгоришь, как капля бензина...

— А если тебе, Федотов, как командиру передового отряда союзники при встрече кинут хитрый провокационный вопрос: как мы относимся к немцам?

— Отвечаю: к немцам мы относимся нормально. Директивой Ставки одиннадцать ноль семьдесят два от двадцатого апреля войскам поставлена задача изменить отношение к немцам — как к гражданскому населению, так и к военнослужащим... И обращаться с ними улучшенно... Рядовых членов немецкой нацистской партии, если они относятся к нам мирно, не трогать, задерживать только главарей, если они не успели сбежать...

— У товарища Сталина сказано «удрать».

— Так точно, удрать! — подтверждаю я. — Однако улучшение отношения к немцам, как учит товарищ Сталин, не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами...

— Правильно, Федотов! Это ты так отвечаешь генералам. А союзникам про бдительность не разглашай: бдительность — это наше оружие! И о директиве им сообщать не следует: мы и так сознательные, без директив! Союзникам ты должен всё говорить своими словами. Исполняй!

— Слушаюсь!.. На провокационные вопросы отвечаю: к немцам мы относимся улучшенно. Нормально и культурно, но без панибратства. С мирным населением мы не воюем...

— Правильно, Федотов, с мирным населением мы не воюем! И с немками — заруби себе на носу — не спим! Это, опять же, патриотизм — гордость не позволяет! А также по санитарным соображениям! Расшифровка: их немецкие мужья облазили в Европе все бардаки и столько гадости насобирали! А ты человек брезгливый! Любой союзник по-мужски тебя поймёт и даже пожалеет, посочувствует!.. А ещё ты должен им обязательно сообщить нашу основную позицию, высказанную товарищем Сталиным: гитлеры приходят и уходят, а государство германское и народ немецкий остаются! Взял?

— Так точно!

— А как фамилия нового американского президента?

Мы готовились к встрече с союзниками, нас инструктировали, мы тоже не лыком шиты.

— Труман! — выпаливаю я.

— Не Труман, а Трумен! — поправляет меня Сергеев. — Запомни, Федотов, на конце «е»! Трумен!.. Елена... А что, Федотов, ты делаешь, если кто-нибудь из союзников вздумает интересоваться вопросами, представляющими военную или государственную тайну?

— Отвечаю, как в инструкции, одним словом, коротко и ясно: не комитетен.

– Что-что? – морщится Сергеев. – Повтори!

С запоминанием и произношением иностранных слов, особенно сложных, у меня всегда бывают трудности и напряжённость. Я старательно повторяю:

– Не комитетен.

– Отставить!.. Не кам-пе-тен-тен! – раздельно, по слогам произносит он. – Запомни: не кам-пе-тен-тен!.. Тут, Федотов, возможны провокации. Но сколько бы тебя ни подталкивали на разглашение, отвечаешь одинаково: не кам-пе-тен-тен! Как бы на тебя ни наседали, как бы ни ловили – не кам-пе-тен-тен! И всё! Повтори! По слогам!

Я весь напрягаюсь и старательно с усилием произношу:

– Не ка-ми-тен-тен!

– Ещё раз!

– Не ка-пет-тен-тен!

– Отставить!

По его лицу я чувствую, что он меня сейчас отлает, и, как учил Николай Пушков из шифровального отдела, я стараюсь внутренне расслабиться, чтобы легче перенести ругань. Но подполковник тоже, очевидно, уже устал, он берёт клочок бумаги, быстро пишет что-то карандашом и протягивает мне. Я читаю: «не кампетентен» и ниже «Трумен». Об этой бумажке я вспоминаю только спустя многие годы, случайно обнаружив, что «компетентный» пишется через «о»...

– Иди и зубри! – приказывает подполковник. – До посинения! До изжоги!

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 138 СП

Доношу, что части 138-го стрелкового полка, преследуя противника, 3 мая с.г. в 21.00 на южной окраине города Грабов соприкоснулись с передовыми американскими частями. Первыми встретились с американским патрулём разведчики ст. лейтенанта Федотова.

Затем появились открытые «доджи» в три четверти тонны с символическими эмблемами для устрашения немцев на ветровых стёклах (в белом круге прыгающий кабан) они с бешеной скоростью (не менее ста километров) промчались по улицам, срезая углы и наезжая на тротуары. Сосредоточенно жуя резинку, шофёры-негры как по команде выбрасывали руки в сторону поворота машин, беспрерывно сигналили, солдаты громко и радостно приветствовали всех: «Хэллоу, раша!» Американские офицеры дали нам необходимые данные о части, с которой мы встретились: её нумерацию и фамилии командиров.

Отношение американских солдат к нашим военнослужащим самое дружественное, к немцам – враждебное и презрительное, называют их «эти джерри».

Встретились с большой сердечностью, горячо пожимали друг другу руки, приятельски похлопывали по спинам, радостно улыбались, обнимались, и, хотя никто ни с той, ни с другой стороны не знал языка, всё же завязались оживлённые разговоры, понимали друг друга без слов: «О'кей! Ол райт! Джермани капут! Рашен бой» (в переводе это звучит «Хорошо!», «Германии конец!», «Русские бойцы, мол, с нами»). Переводчиком был американский солдат-поляк, который немного знает русский язык. Восторгу и ликованию не было границ.

Характерное во внешнем облике американских солдат, сержантов и офицеров до майора включительно: одеты в одинаковую форму – комбинезоны, ботинки без обмоток, на головах каски (отдельные почему-то ходили в каких-то цилиндрах), пилотки засунуты в задний карман, брюки выглажены, на гимнастёрках все без исключения носят планку обычного орденского образца, а также специальный знак за службу вне пределов родины.

Взаимоотношения между американскими офицерами ротного звена, сержантами и солдатами очень простые, без всякой внешней натянутости и чинопочитания. Солдаты и сержанты с офицерами разговаривают довольно фамильярно, по-демократичному, в присутствии офицеров без всякого закуривают, сидят в самых непринуждённых позах.

Следует отметить, что большинство американских солдат были пьяны и вели себя неприлично. Судя по их виду, в городе усиленно занимались барахольством: у многих на руках было по 5–8 часов, пальцы унизаны кольцами, хвастались перед нашими бойцами большими кошельками, набитыми золотыми и серебряными изделиями, показывали фотокарточки немок, с которыми имели связь и др., из чего можно предположить, что все эти часы, кольца и др. побрякушки в американской армии не считаются мародёрством, а только «сувенирами на память победителю». Водитель-негр вытащил из-под сиденья большой армейский кольт и предлагал его продать или на что-нибудь выменять.

Отношение американских солдат к мирному населению грубое. По рассказам местных жителей – немцев и русских, угнанных немцами из СССР, – американцы целыми днями пьют, скандалят, играют в карты, стреляют. Некоторые солдаты, встречая гражданское население и убедясь, что это немцы – избивали их, а потом разгоняли.

Американцы на память о своей первой встрече с Красной Армией срезали у наших бойцов пуговицы, снимали с погон и пилоток звёздочки и цепляли себе на гимнастёрки.

В свою очередь американцы и нашим бойцам сделали несколько подарков на память: наплечные знаки своей дивизии и армии, нагрудные значки за первого убитого немца. Этим значком они особенно гордятся: награждённые им, как мы поняли, кроме обычного содержания получают ещё дополнительно 10 рублей их денег ежемесячно.

Разговоры со стороны наших офицеров и солдат производились в рамках допустимой возможности, но больше жестами.

Считаю, что неорганизованные посещения американских солдат в наши части допускать не следует, так как они своим поведением будут способствовать разложению нашей воинский дисциплины.

На следующий день, 4 мая, в полку проведено совещание для офицерского состава и политработников по вопросу усиления бдительности и повышения дисциплины среди личного состава – «Об офицерской чести и моральном облике советского офицера».

Майор Глухов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Доношу, что 6 мая 1945 г. в 10.00 по инициативе командира американской дивизии состоялась официальная встреча, на которой присутствовали командир 425-й стр. дивизии полковник Быченков, начальник штаба полковник Кириллов, командир 138-го стрелкового полка майор Елагин и ещё 8 офицеров дивизии (всего 12 человек).

Как только машины остановились у переправы, нам было предложено пересесть на катер для переправы на западный берег Эльбы. Торжественная часть встречи прошла прямо на берегу: духовой оркестр играл марш, на специально подготовленной площадке замерли четыре солдата-знаменосца, двое из них держали государственные флаги: СССР – слева, США – справа. В 50 метрах по обе стороны знаменосцев был выстроен почётный караул численностью до двух рот – все стояли с расставленными ногами на ширину плеч, сводили пятки только во время исполнения Интернационала и Американского государственного гимна, и лишь знаменосцы всё это время держали пятки вместе.

После официальной встречи на берегу наших офицеров рассадили со строгим соблюдением субординации в легковые автомаши-

ны «виллис» и в сопровождении эскорта мотоциклистов повезли в штаб американской дивизии, где во дворе был построен личный состав штаба. Начальник штаба приветствовал рапортом обоих командиров дивизий.

В этом же дворе нам показали оружие американского пехотного полка, новинок в этом оружии нет. Как и у нас, у них имеются лёгкие и станковые пулемёты, с той лишь разницей, что их пулемёты не на катках, а на треноге; на вооружении у них — восьмизарядная винтовка, ротный и батальонный миномёты, полковая артиллерия.

В одной из зал большого дома, убранной коврами, был организован обед; на столах — разнообразная посуда с 5–6 видами холодных закусок, бутылки с виски (наш самогон) и коньяком.

Официальный обед был скромным, торжественным и необычно тихим. Советские и американские офицеры, рассаженные «сэндвичем», то есть через одного, молчали, не зная языка соседей. Общались мало, только через их переводчика.

Первый тост — за дружбу двух великих народов, за дальнейшее процветание и совместную борьбу с агрессором.

Затем подали горячую пищу: первое блюдо — бульон, второе — жареное мясо с жареным картофелем, на третье — пирог с яблоками, любимое блюдо американцев.

Официанты-солдаты разносили на подносах виски со льдом, налитые по 100 грамм в стаканы и бокалы, за время обеда они не менее 10 раз обошли столы, угощая присутствующих, на тех же подносах лежали сигаретки и спички.

Пьют американцы маленькими глоточками, но часто и как бы между делом во время беседы.

В разговорах до, во время и после обеда американцы выказывали искреннее уважение к русскому народу, Красной Армии и Великому Сталину и выражали убеждение в том, что, пока во главе Советского государства и Красной Армии стоит гениальный Сталин, победа демократических народов обеспечена.

Очень свободно рассказывали о порядках, дисциплине и недостатках в своей армии. Интересовались, разрешено ли нашим военнослужащим общение с немками, так как у них действует строгий приказ, запрещающий его. В дивизии даже есть батальон жандармской полиции, который несёт службу охранения и наведения порядка не только среди местного населения, но и среди военнослужащих. Полиция имеет право арестовывать не только рядовых и сержантов, но и офицеров, за что их не любят поголовно все в дивизии. Полицейские задерживают всех солдат и офицеров, замечен-

ных в якшании с немками. За сожительство с немками осуждают на 6 лет тюремного заключения.

Встреча продолжалась три часа. Генерал, командир американской дивизии, подарил свой пистолет и бинокль командиру дивизии полковнику Быченкову.

Командира американской дивизии и офицеров его штаба пригласили сделать ответный визит через два дня.

Приглашение принято.

Полковник Фролов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Доношу, что 8 мая с.г. на южной окраине населённого пункта Грабов, согласно договорённости, состоялась наша ответная встреча и приём командира и офицеров американской дивизии.

Всё было подготовлено для торжественной встречи: на специально сооружённой арке были вывешены лозунги на русском и американском языках – «Привет доблестным войскам Соединенных Штатов Америки и Великобритании!», «Совместные удары по гитлеровской Германии приблизили час победоносного окончания войны!» – и портреты вождей Советского Союза – Владимира Ильича Ленина, Иосифа Виссарионовича Сталина, – а также государственных деятелей Америки – Франклина Рузвельта и Трумэна; развевались государственные флаги трёх держав мира: СССР, Америки, Великобритании; выстроен почётный караул.

Начальником почётного караула был назначен командир учебной роты капитан Петров. После команды: «Товарищи офицеры! Смирно, равнение на середину!» оркестр начал исполнять встречный марш, который оборвался в тот момент, когда, чётко печатая шаг, капитан Петров остановился в восьми шагах от американского генерала, замер и, отдавая честь, обратился к нему с рапортом. После приветствия последовала команда: «Равнение налево!» – на флаг Америки – и оркестр, вместо положенного по протоколу американского гимна, исполнил разученную накануне американскую популярную песню «Суони-ривер». Судя по лицам американцев, это им понравилось.

Затем после команды: «Равнение направо!» – на флаг СССР и портреты наших вождей – оркестр исполнил гимн Советского Союза.

Приняв рапорт, командиры нашей и американской дивизий обошли строй почётного караула, после чего почётный караул про-

шёл торжественным маршем мимо американских гостей. Личный состав почётного караула показал хорошую выправку и чёткость строя.

После церемонии встречи американская делегация в составе 12 человек была приглашена в большой зал, где умело и со вкусом был подан обед.

Сидя за обильным столом, гости почувствовали себя непринуждённо. Обе стороны обменялись приветственными речами. Дважды провозглашались тосты в честь Маршала Сталина и Президента Трумэна.

На обеде оба командира сидели рядом, трепали друг друга по щекам.

Американский генерал очень высоко отзывался о действиях Красной Армии, сказал, что он считает, что поражение Германии началось с разгрома их войск под Сталинградом, с исключительной теплотой гости говорили о действиях и победах Красной Армии, успехах артиллерии и танков.

Очень хорошо отзывались и хвалили танк Т-34, сказали, что этот танк превосходит все танки, имеющиеся в английской и американской армиях.

Также их интересовали гв. миномёты М-13 и М-31, «Катюши», просили их показать, задавали вопросы о начальной скорости полёта снарядов, особенно 100 мм пушки.

Американцам были представлены заместители нашего командира дивизии, главным образом, им хотелось познакомиться с нашими «комиссарами».

Американский генерал положительно отзывался о награждениях в Красной Армии за боевые заслуги, восхищался тем, что у нас за выслугу лет награждают орденами, и добавил: «Американское правительство очень скупо награждает. Чтобы получить медаль Конгресса (равна Герою Советского Союза), ты должен лишиться рук, ног, или за полчаса до смерти».

Американцам понравились в общении, несмотря на языковый барьер, наше дружелюбие, весёлость и непринуждённость, понравились тёплый приём, радушие и хлебосольство, стол, из закусок — сало, селёдка и, особенно, пельмени, русскую водку пили охотно.

Сидя рядом с начальником штаба полковником Кирилловым, американский генерал заметил:

— Вы, сэр, очень мало пьёте!

На что полковник ответил, что это не из-за соблюдения бдительности: он вообще мало пьёт.

Американец сказал, что у них в дивизии много пьют, но не опасаются последствий, объяснив такое бесстрашие тем, что перед всяким мероприятием они выпивают несколько глотков оливкового масла, благодаря чему приобретается такое ценное качество, как «невосприимчивость» к спиртному, и добавил:

– Да, наше с вами дело уж такое, что лучше всегда иметь трезвую голову.

После обеда была организована самодеятельность. Наши офицеры по просьбе американцев исполнили песни «Катюша» и «Огонёк».

При отъезде американцы, не стесняясь, попросили у нас русских папирос, сыра и московскую водку, которая им особенно понравилась.

Командир дивизии полковник Быченков подарил американскому генералу на память о встрече пистолет ТТ и автомат, на что тот сказал: «В этом автомате я вижу воплощение силы и мощи русского оружия».

Некоторые американские офицеры (наверное те, кто мало выпил оливкового масла) так перепились, что их грузили в машины, трое из них, уезжая, даже не хотели брать свои ремни с пистолетами.

Наши офицеры, присутствовавшие на встрече и приёме, проявили выдержку и корректность, каких-либо инцидентов при встрече не было, и с нашей стороны не было ни одного офицера в пьяном виде.

Бойцы после встречи, сравнивая форму – нашу и американскую, – говорили:

– У нас генерал – сразу видно, что это генерал: одет так, что ещё издали заметишь его; а у них генерала трудно отличить от солдата, и вообще наша форма от бойца до генерала лучше и красивей американской.

Эта встреча выявила с нашей стороны некоторые организационные недостатки, легко устранимые на будущее: духовому оркестру для разучивания и исполнения государственных гимнов Америки и Англии нужны ноты, в случае предстоящей встречи с англичанами в дивизии отсутствуют портреты Черчилля и короля Англии, желательно разговоры с союзниками проводить только через нашего переводчика, так как американский переводчик очень плохо знает русский и поэтому точность перевода оставляла желать лучшего.

Полковник Фролов

СПЕЦПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Доношу, что, наряду с общим здоровым политико-моральным состоянием личного состава 58-й гв. стр. дивизии, при встрече с союзниками имелись и отрицательные явления, а именно: панибратство, слишком большая доверчивость к американцам, выражавшиеся в обмене звёздочками и даже подарками американцам знаков «Гвардия». Имелись факты нарушения военнослужащими указаний о запрете произвольных посещений ими союзников.

Так, начальник оперативного отдела дивизии гвардии подполковник Бомба отдал свои знаки различия с погон, а сам взял американские.

Ст. сержант медслужбы Парникова, которая обслуживала столы во время обеда, подарила американскому офицеру знак «Гвардия», адъютант командира дивизии гвардии лейтенант Базылев отдал знак «Гвардия» адъютанту американского командира дивизии, взяв в обмен его знак.

Мною дано разъяснение, что знак «Гвардия» установлен Правительством и ни в коем случае не подлежит передаче кому бы то ни было. Виновные будут привлекаться к строгой дисциплинарной ответственности, вплоть до предания суду.

Имеются случаи самовольного ухода военнослужащих в расположение американских войск.

Так, начальник штаба ... полка майор Иванов, оттолкнув часового, ушёл по мосту на ту сторону Эльбы. Приняты меры к его возвращению и он будет строго наказан.

Старшина Волков самостоятельно ходил к союзникам и в пьяном состоянии вернулся через три часа в подразделение. Разжалован в старшие сержанты.

Красноармеец Румянцев самовольно ушёл к союзникам, вернулся в стельку пьяный, увешанный часами. Бормотал, что американцы хорошие и добрые ребята, постоянно икал и отрыгивал проглоченную жвачку. Получил 5 суток строгого режима.

Начальник политотдела
Гв. подполковник Карпович

СПЕЦПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Начальнику политотдела 136 ск

Несмотря на приказы, разъяснения, изучение положения «Кодекса офицерской чести», регулярные совещания с призывом блю-

сти облик советского офицера, отдельные офицеры в силу своей малокультурности и распущенности ведут себя перед своими подчинёнными непотребным образом.

Так, на следующий день после проведённого в дивизии совещания с офицерами «Поведение командира – пример для соблюдения дисциплины у подчинённых», на котором присутствовал капитан Косачёв, он получил разрешение командира 425-й стрелковой дивизии осмотреть место для расположения артдивизиона.

С капитаном Косачёвым пошли разведчики сержант Калиничев и красноармеец Обадовский. Капитан Косачёв вернулся в расположение дивизиона около 21.00 в пьяном виде, без разведчиков, но с русской женщиной-репатрианткой, возвращающейся в СССР.

Расследованием было выяснено, что капитан Косачёв самовольно перебрался на левый берег Эльбы. Там он встретил группу американских военнослужащих, пил с ними, а затем отправился на сахарный завод, где встретил русских женщин, с которыми тоже выпивал, а одну из них прихватил с собой.

Капитан Косачёв не раз нарушал воинскую дисциплину. Во время боёв за Одер отстал от части и отсутствовал несколько суток. Пониженный в должности, работал начартом в стрелковом полку, за систематическую пьянку привлекался к суду офицерской чести, но выводов для себя никаких не сделал.

Неделю тому назад Косачёв, катаясь на мотоцикле, заехал в соседнюю деревню и пробыл там целую ночь, за это получил взыскание командира полка – 5 суток ареста.

За систематическое нарушение воинской дисциплины и пьянство решением партбюро полка и дивизионной парткомиссии капитан Косачёв исключён из рядов партии, приказом командира дивизии отстранён от должности.

Органами контрразведки «Смерш» проводится расследование пребывания капитана Косачёва в расположении американских войск.

Соц. демографические данные: Косачёв Виталий Ильич, 1922 г. рожд., русский, член ВКП(б) с 1942 г.; в Красной Армии с 1939 г. В плену и окружении не был, на оккупированной территории не проживал.

Нач. политотдела
полковник Фролов

ИЗ ПРИКАЗА ЗАМ. УПОЛНОМОЧЕННОГО СНК СССР ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ГОЛУБЕВА

Сотрудник отдела майор Юрченко Иван Петрович в качестве сопровождающего представителей английской военной миссии был командирован в гор. Волковыск.

При отъезде майор Юрченко получил подробный инструктаж о предстоящих задачах и правилах поведения при сопровождении представителей иностранной военной миссии.

Однако майор Юрченко пренебрёг данными ему указаниями. Встретив в пути следования (в гор. Барановичи) своих сослуживцев, оставил сопровождаемых им иностранцев одних на длительное время. Одного, якобы сослуживца майора Фокина, с которым они где-то хорошо отметили встречу, привёл в купе вагона, где ехали сопровождаемые иностранцы. По приезде в Волковыск майор Юрченко отрекомендовал начальнику гарнизона и коменданту города майора Фокина как своего товарища, следующего вместе с ним по заданию.

Вечером, на организованном в гор. Волковыске ужине для английских представителей, майор Юрченко вместе с майором Фокиным продолжили пьянство. Майор Фокин вёл себя непристойно – пел песни, обнимал и хватал за голову англичан, угощал их со своей вилки закуской, пьяным лез целоваться, был в расхристанном, неприличном для советского офицера внешнем виде.

Такое возмутительно безответственное отношение к выполнению задач, поставленных перед майором Юрченко, свидетельствует о том, что он потерял чувство ответственности за порученное дело, показал свою недисциплинированность и моральную распущенность.

Приказом по Управлению майор Юрченко И.П. откомандирован из Управления, как неспособный выполнять самостоятельную работу, с задержкой присвоения очередного воинского звания на один год.

16. ДЕВЯТОЕ МАЯ СОРОК ПЯТОГО

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»
«Срочно!»

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 08.05.45 г.* *2 ч. 31 м.*

Командирам стрелковых корпусов
Командующим артиллерией

08.05.45 г. с 9.00 для участия в особо важном мероприятии в районе Берлина над территорией расположения армии будут совершаться перелёты самолётов союзных нам государств США, Англии и Франции. Подача при этом сигналов по таблицам «Я свой самолёт» исключается.

Командарм приказал:

В течение 8.05.45 г. и впредь до особого распоряжения запретить кому бы то ни было стрельбу по самолётам из всех видов оружия.

Все зенитные средства поставить в горизонтальное положение.

Расчёты зенитной артиллерии и пулемётов отвести в укрытия. У орудий и пулемётов оставить только охрану.

Командующему артиллерией армии, командирам корпусов и дивизий проверить исполнение.

Предупреждаю, если хотя бы один самолёт союзников будет обстрелян, все виновные вместе с командирами подразделений и командованием части будут преданы суду ВТ.

Приказание немедленно довести до всего личного состава.

Начальник штаба
генерал-майор *Антошин*

Ликующее настроение меня не покидало с той ночи, когда дежурный по полку, забегая во все комнаты помещичьей усадьбы, где разместили наш полк и все спали, оглушительно кричал:

– Победа!!! Мир!!! Да вставайте же! По-о-беда!!!

Спросонья поначалу мы ничего не соображали и опешили от неожиданности. Затем все, кто в чём был, выскочили во двор, и под непрерывные крики «Ура-а-а!!! Мы победили! Войне конец!» началась дикая беспорядочная стрельба: ружейная, автоматная, пистолетная, трассирующими пулями. И мы, Володька, Мишута и я, по обойме патронов разрядили из своих пистолетов в небо... Стреляли все, кто имел оружие... Везде кучки бойцов, паливших в воздух. Кто-то достал ракетницы, и звёздное майское небо взорвалось вспышками ракет – жёлтых, красных, зелёных. Весь горизонт был расцвечен трассирующим огнём.

Из динамиков разносились победные марши и передавали обращение Верховного Главнокомандующего товарища Сталина к советскому народу

«...Наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

...Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию, исполнение которой началось с 24 часов 8 мая.

...9 мая с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен.

...Великая Отечественная война завершилась. Период войны в Европе кончился. ...Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

...Слава нашему народу, народу-победителю, которого не сломили и не согнули страшные испытания!

...Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

...Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!»

В первомайском приказе Главковерха, который я помнил наизусть, были такие слова: «Смертельно раненный фашистский зверь находится при последнем издыхании. Задача теперь сводится к одному – доконать фашистского зверя!»

И вот – доконали! Кончено! Над черной его шкурой ещё вьётся дым последних залпов...

Сбылись слова Верховного, что Германия лопнет под тяжестью своих преступлений. И вот сегодня наконец пал её последний духовный оплот – столица разбойничьего государства Берлин.

Однако пьянящую радость Победы тревожила мысль: выполнят ли фашистские заправилы условия капитуляции?

Ни о каком сне уже не могло быть и речи.

Под утро стало тихо-тихо. Молчали покрытые ветвями пушки, их длинные тонкие стволы с просветами дульных тормозов ясно вырисовывались на фоне неба. Дремал окутанный сизоватым туманом сад, позади сада, во дворе, задрав оглобли вверх наподобие орудийных стволов, готовых тоже произвести салют, валялась перевёрнутая телега.

Я долго смотрел, как алел восток, как заря разгоралась всё ярче и ярче, наконец блеснул диск солнца, и во все стороны взметнулись его лучи. Даже солнце ярко и торжественно приветствовало наступление первого дня мира...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 09.05.45 г.* *8 ч. 50 м.*

Зам. командиров корпусов и дивизий по тылу

В честь Победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 мая утверждён всенародный праздник – День Победы.

Выдать всему личному составу соединений и частей по двести грамм водки на человека.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Рано утром 9 мая 1945 г. обращение товарища Сталина к советскому народу о победоносном завершении Великой Отечественной войны, безоговорочной военной капитуляции Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы» были приняты по радио.

В 11.00 был выпущен специальный номер дивизионной газеты с опубликованными текстами, и она сразу же была доставлена во все подразделения 425-й стр. дивизии.

С величайшей радостью и воодушевлением личный состав встретил известие о победоносном завершении Великой Отечественной войны. Повсеместно присутствует дух всеобщего ликования, радости, торжества. Бойцы, сержанты и офицеры горячо приветствуют, целуют и обнимают друг друга. Места расположения частей при-

няли праздничный вид: вывешены красные флаги, лозунги, транспаранты, по радио передают торжественную музыку.

Части и спецподразделения дивизии выстроились на окраине Грабова. Командир дивизии полковник Быченков, обходя подразделения, поздоровался с личным составом и поздравил всех с Праздником Победы. Мощное красноармейское «Ура» пронеслось по рядам. Командованием был принят парад дивизии.

Во всех частях и подразделениях проведены митинги, которые вылились в ярчайшую демонстрацию торжества советского оружия, высоты духа советских людей, беспредельной преданности и любви воинов к своей партии и Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

В своих выступлениях бойцы и офицеры поклялись, что и в дальнейшем с честью выполнят любой приказ Вождя.

Разведчик старшина Витько выразил общее настроение: «Мы самые счастливые люди на свете. Пройдя через годы тяжёлой борьбы, мы под руководством нашего великого вождя и полководца Маршала Советского Союза товарища Сталина достигли заветной цели. Враг разбит, победа за нами, но радость торжества не должна вскружить нам головы. Находясь на немецкой территории, мы будем бдительны и осторожны, с достоинством и честью носить звание воина Красной Армии».

Младший сержант Корольков, дважды орденоносец, сказал: «В боях с немецко-фашистскими захватчиками я получил четыре тяжёлых ранения. Я дрался с врагами на четырёх фронтах, защищал город Ленина, гнал немцев с Украины, Белоруссии, Польши, участвовал в сражении за Берлин. Заслужил две высоких Правительственных награды — орден Красной Звезды и орден Славы 3-й степени. Радостно сознавать, что кровь, пролитая нами на полях сражений, не пропала даром».

С горячей речью выступил командир миномётного расчёта, член ВКП(б), ст. сержант Бочаров: «С первых дней Отечественной войны я на фронте. Бил немцев на Кавказе, в Крыму, гнал их с Украины, уничтожал на их же немецкой земле и вот теперь вместе со всеми празднуем Победу. Трудно выразить словами благодарность великому полководцу товарищу Сталину, под мудрым руководством которого и благодаря мужеству Красной Армии победа над гитлеровской Германией стала былью». Далее он призвал личный состав ещё больше повысить бдительность, не забаюкивать себя успехами, поднять воинскую дисциплину в новых условиях

наступающего мира и быть готовым всегда к отражению любых диверсий агентов врага.

Старший сержант Конев, Герой Советского Союза, заявил: «Выполняя приказ товарища Сталина и его гениальные стратегические планы, мы разгромили врага и навсегда освободили нашу Родину от угроз фашизма. Скажем со всем советским народом: Слава Великому Сталину!»

И много других выступлений, которые показывают преданность личного состава, любовь к нашей Родине и Великому Сталину.

Наиболее отличившимся бойцам, сержантам и офицерам на митингах были вручены Правительственные награды.

Во всех подразделениях состоялся праздничный ужин с выдачей каждому воину по 200 грамм водки. На ужине у красноармейцев присутствовали командиры частей, их заместители и все политработники.

Полковник Фролов

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

9 мая 1945 г., в день Праздника Победы советского народа над фашистской Германией, со стороны отдельных командиров войсковых частей были допущены нарушения воинской дисциплины, выразившиеся в производстве самовольных салютов и беспорядочных стрельб из ручного оружия, приведшие к ранениям и гибели военнослужащих.

Так, в ...отдельном штрафном батальоне после митинга была самовольная стрельба из винтовок и личного оружия, в результате которой зам. командира по политчасти майор Козориз случайным выстрелом ранил в ногу оперуполномоченного контрразведки «Смерш» ст. лейтенанта Коломийца и командира взвода мл. лейтенанта Алыкова.

В 102-й сд в момент торжественного «Ура» и начавшейся стихийной стрельбы было ранено 5 бойцов, один из которых, мл. сержант Багров Григорий Ефимович, через несколько часов скончался.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Заместителя командира ...отдельного штрафного батальона по политчасти майора Козориза за непосредственное участие в стрельбе и ранение ст. лейтенанта Коломийца и мл. лейтенанта Алыкова арестовать на 3 суток домашнего ареста с удержанием 50% заработной платы за каждый день ареста.

Предупредить всех командиров частей, что при повторении самовольных салютов и бесцельной беспорядочной стрельбы к виновным будут приняты более строгие меры наказания.

Навести должный порядок в хранении оружия и боеприпасов, тем самым исключить всякую возможность использования их не по назначению.

Настоящий приказ объявить всему офицерскому составу.

Генерал-полковник Смирнов

* * *

А на следующий день, 10 мая, мы готовились к торжественному приёму представителей командования американской дивизии в честь декларации о поражении Германии, подписанного Акта капитуляции и взятия верховной власти в Германии союзными державами. Предварительно в штабе дивизии прошёл инструктаж с офицерским составом: от каждого полка, помимо командиров, на эту встречу были делегированы офицеры, особо отличившиеся в боях.

Начальник штаба полковник Кириллов потребовал от всех участников предстоящего «особого мероприятия», как со значением в голосе подчеркнул он, помимо дисциплины и бдительности, неукоснительного соблюдения кодекса советского офицера, особенно напирая на внешний вид, выдержку и доброжелательность. Как я понял, «особое мероприятие» — это торжественный праздничный обед с американцами в честь Дня Победы, поэтому накануне вечером я приводил себя в надлежащий вид: стирал гимнастёрку и штаны, надраивал сапоги до зеркального блеска, так что наутро сиял как медный пятак.

В кулуарах до встречи начальник политотдела дивизии полковник Фролов ещё раз предупреждает:

— Американки ещё опасней немок, тут бдительность нужна огромная!

— Изнасилуют и завербуют, — смеётся Астапыч. — Брюки на зад не успеешь натянуть, а уже завербован!

Зал, в котором проходит приём, украшен портретами Сталина, Трумэна, Рузвельта с траурной ленточкой, флажками, плакатами и лозунгами на русском и английском языках.

Распорядитель обеда капитан Петров рассаживает гостей согласно специально отпечатанным для каждого офицера американской армии визитным карточкам.

На столе продукты союзников: американские – консервированные колбаса и говядина, консервированный горошек, английские – галеты и наши – селёдка, сало, водка, коньяк.

Астапыч открывает торжественный обед:

– Дорогие товарищи, позвольте мне вас так называть. Поздравляю вас с Праздником Победы! Мы шли сюда четыре года, и вот мы встретились. Выполняя решение Крымской конференции, Красная Армия и союзные нам англо-американские войска соединились для окончательного совместного разгрома врага. Это исторический день и великий праздник для миллионов людей из разных государств с разной идеологией, объединившихся перед общим врагом. Мы долго ждали этого дня и дрались за него не щадя жизни. Наконец фашистская Германия поставлена на колени и признала своё поражение. Это Победа, какой ещё не знал мир, и далась она дорогой ценой. Слава тем, кто привёл нас к этому светлому дню! Слава великому Сталину! Честь и слава советскому оружию, которое сыграло решающую роль в разгроме немецко-фашистских разбойничьих армий.

Речь прерывается возгласами «Ура!» и тостами за великого Сталина, президента Трумэна, маршала Жукова.

На вопрос сидящему рядом американскому офицеру, знает ли он, кто такой маршал Жуков, тот воскликнул: «О, да! Жуков – Гросс-Маршал! Он взял Берлин и не отдал Москву!»

Астапыч, опрокинув рюмку и не закусывая, продолжает зачитывать пространный тост по бумажке: за коалицию, перспективу дальнейшего развития дружбы СССР и США и т.д. и т.п. Затем, совсем без связи с только что сказанным, провозглашает:

– Гарантией и залогом успеха нашей победы явилась руководящая роль партии Ленина–Сталина, воспитавшая в наших командирах, коммунистах и комсомольцах высокое сознание ответственности перед своей совестью за честь Родины. Мы завоевали нашу победу благодаря той воле, которую имеет человек, воспитанный в героической школе Октября, чей разум просвещён передовыми идеями. Вот постоянный и неистощимый источник боевого духа армии!

Произнеся это, он вдруг запнулся.

– Нехорошо! – вполголоса сказал он. – Они же гости! Это уже хвастовством попахивает. Я с этим не согласен. Про партию им не понять, они же беспартийные! Кто это писал? – потрясая бумажками, спросил он.

– Майор Дышельман!

— Мудак! — выругался Астапыч. — Думать надо головой, а не жопой...

Американцы оживились, поняв, что что-то произошло.

— Товарищ полковник, вы конец прочтите — и ладушки! — шёпотом подсказывает Фролов.

Астапыч, набрав побольше воздуха, распрямляет грудь и с воодушевлением объявляет ещё раз тост за дружбу двух великих народов — русского и американского, — объединившихся в совместной борьбе против гитлеровской Германии, за дальнейшее укрепление и процветание наших отношений и заканчивает тост словами:

— В этот великий и торжественный день, когда лучи славы озаряют наши знамёна, от всего сердца поблагодарим тех, кто сражался и выстоял на подступах к победе. Ни одно усилие солдат, моряков и лётчиков, ни один героический акт мужества и самоотречения наших сыновей и дочерей, ни одно страдание наших соотечественников в плену и лагерях, ни одна их слеза не пропали даром. Вспомним тех, кто сложил свои головы за свободу и независимость, за нашу Победу. Вечная память всем, кто не дожил до этого светлого дня!

Все выпили и секунду помолчали.

Американский генерал по фамилии Линделей или Линдулей, а может, Лендулей, сообщает Астапычу о том, что у него ровно год назад при высадке во Франции погиб сын, лейтенант. Астапыч, обхватив генерала Линдулея за плечи, трётся щекой о его щеку, Линдулей положил голову Астапычу на плечо, и слёзы катятся из их глаз.

Все были растроганы, все умолкли. Американские корреспонденты, сразу сообразив, насколько это волнующее зрелище, повскакивали с мест, защёлкали камерами, вспышки магния слепили глаза. Единственная женщина, блондинка, уже немолодая, лет за тридцать, американская журналистка Мэри Динкен, в тёмных очках, вскочив сзади на стул, расталкивая остальных, тоже щёлкала объективом, чтобы запечатлеть этот момент.

В эту минуту офицер-баянист исполняет старую шахтёрскую песню «А молодого коногона несут с разбитой головой...»

Обстановка за столом становится всё более непринуждённой. Предпринимаются активные попытки наших офицеров споить союзников.

Раздухарившись, Астапыч с озорной улыбкой посмотрел на Фролова, и тот, обращаясь к лейтенанту Веселову, армейскому переводчику, приказал:

– Переводи...

– Русский человек может выпить и больше литра водки, но делает он это только в трёх случаях...

Подождав, пока Веселов переведёт, Астапыч стал перечислять, загибая пальцы:

– Во-первых, когда он убьёт медведя... Во-вторых, когда ему изменит жена и он прихватит её с поличным. Тут уж, если даже она клянется – «милый, не верь глазам своим, а верь моей совести», – без литра не обойтись... И, в-третьих, когда чешутся кулаки...

Он сделал паузу и, когда Веселов всё перевел американцам, продолжил:

– Медведя в последнее время никто из нас не убил. – Он обвёл взглядом всех сидящих за столом, словно чего-то ждал. – Жёны от нас далеко, и о том, что они изменяют нам, никакими данными мы не располагаем. – Он снова обвёл взглядом стол. – Что же касается кулаков, то они не имеют права чесаться, когда мы принимаем друзей, наших американских союзников.

Веселов перевёл, американцы заулыбались.

– Поставь графин, – пытаясь улыбнуться, зловещим шёпотом приказал Фролов Астапычу. – Успеешь ещё нажраться, – предупредил он. – Намёк понял или повторить по буквам? Нажимай на квасок, – посоветовал он.

– А я что? – став багровым, растерянно проговорил Астапыч и отодвинул свой фужер с водкой на середину стола. – Я ничего...

Пышная брюнетка, медсестра госпиталя, исполняющая роль официантки, подливая водку в фужер, перегнулась за спиной сидящего американского офицера, низко наклонилась и задела своей большой грудью его плечо.

Американец вспыхнул и возбуждённо несколько раз выкрикнул: «Вакен мазер!» или «Пакен мазер!»[1] Не зная английского языка, я решил, что это имя и фамилия командующего армией или командира корпуса, которому он собирается на неё жаловаться, однако позже я узнал, что это было всего-навсего матерное ругательство: оказалось, что не только в России, но и за океаном женщинам достаётся в первую очередь. Выяснилось, что ему уже два года не предоставляли отпуск для поездки домой, и то, что он мог так кричать, как я сообразил, свидетельствовало о том, что его здорово припекло прикосновение женского тела.

---

[1] Правильно «Факен мазер» – искажённое англо-американское нецензурное выражение.

Угощали американцев по высшему разряду. Американскому генералу Линделею или Линдулею, а может, Лендулею, особенно пришёлся по вкусу и так понравился грузинский коньяк с тремя звёздочками, что Астапыч приказал начальнику АХЧ штаба дивизии капитану Гельману погрузить в генеральскую машину два ящика такого коньяка.

Когда же американец начал хвалить ковёр на стене, полковник Кириллов предупредил Астапыча:

— Ковёр числится за трофейным отделением. Не попасть бы?

Однако Астапыч уже принял решение.

— Гельман! — позвал он. — Ковёр снять, скатать и погрузить генералу.

— Слушаюсь!

Спустя несколько минут четверо бойцов комендантского взвода уже снимали огромный ковёр, и, аккуратно скатанный, вместе с ящиками коньяка он был погружен в багажник генеральского автомобиля.

Ординарец Астапыча, внимательно наблюдая за тем, как солдаты суетились с ковром, печально вздохнул. Гельман спросил его:

— Агафонов, ты-то почему вздыхаешь? Тебе что, жалко?

— Да нет, фрицевского ничего не жалко, — и, хитро улыбнувшись, добавил, — я просто подумал, вдруг бы американцу понравилось пианино, и представил, как мы тащили бы пианино ему в Нью-Йорке на сотый этаж.

И все засмеялись.

...На другой день после встречи с американцами погиб лейтенант Веселов. Он выскочил на мотоцикле из проулка и врезался в боковое стекло выехавшего из-за угла «опель-капитана» инженера дивизии. У него оказалась перерезанной сонная артерия, и умер он в ту же минуту.

Вследствие этого столкновения мотоцикл оказался совершенно непригодным к восстановлению, а подлежал списанию как безвозвратно потерянный...

Часть 2

ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...
Что я их мог, но не сумел сберечь...
Но всё же, всё же, всё же...

А. Твардовский

17. КОМУ ОРДЕНА И МЕДАЛИ, А НАМ НИЧЕГО НЕ ДАЛИ... (ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 1944–1945 гг. ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

Наш Ванюшка за войну получил медаль одну,
А Татьяне за п...ду – две медали и Звезду!
Из окопного фольклора

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ГЕНЕРАЛА АРМИИ СОКОЛОВСКОГО

02.04.44 г.

...Произведённой проверкой установлено, что в 222-й стрелковой Смоленской дивизии грубо нарушается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 года о награждении военнослужащих Действующей армии.

Командир 222-й стрелковой Смоленской дивизии генерал-майор Грызлов вместо того, чтобы награждать правительственными наградами военнослужащих за проявление воинской доблести, отваги и геройство, на протяжении длительного времени при награждении отдельных военнослужащих руководствуется соображениями личного порядка, награждая людей незаслуженно, ни в чём не проявивших себя и даже плохо относившихся к выполнению своего воинского долга.

В августе 1943 года генерал-майор Грызлов, будучи в нетрезвом состоянии, снял с себя орден Красной Звезды и нацепил его капитану м/с Каиповой Г.А., с которой находился в близких отношениях. Одновременно снял орден Красной Звезды со своего адъютанта и отдал его рядом стоящей с Каиповой лейтенанту м/с Куралес М.П.

Спустя некоторое время генерал-майор Грызлов обязал командира медсанбата дивизии капитана м/с Драпкина оформить на них задним числом наградные листы, что капитан Драпкин и выполнил, хотя знал, что они награждены незаслуженно.

Генерал-майор Грызлов, имея близкую связь со старшиной м/с Былинкиной А.М. и грубо нарушая установленный порядок оформления наградных материалов, сам составил на старшину м/с Былинкину реляции, подписал их и дважды на протяжении 45 дней (27.06.43 г. и 14.08.43 г.) наградил её, хотя она плохо относилась к работе, большинство времени проводила в землянке Грызлова.

Старший сержант Жеребцова З.Д. часто пела на созываемых у генерал-майора Грызлова вечерах, находилась с ним в личных отношениях и за это была награждена в октябре 1943 г. медалью «За боевые заслуги». По личным мотивам генерал-майор Грызлов также незаслуженно наградил орденом Красной Звезды старшин м/с Куликову Н.П. и Ремизову А.А.

Командир 666-го артполка этой же дивизии майор Тынский, находясь в близких отношениях с сержантом Санаткиной В.А., незаслуженно наградил её медалью «За боевые заслуги». Санаткина числилась телефонисткой, но своих служебных обязанностей не выполняла.

Командир медсанбата дивизии капитан м/с Драпкин беспринципно относился к награждению своих подчинённых, составлял на них несправедливые реляции, стремясь угодить генерал-майору Грызлову.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За беззаконные действия и легкомысленные отношения к награждению правительственными наградами отдельных военнослужащих, исходя из личных соображений, командиру 222-й стрелковой Смоленской дивизии генерал-майору Грызлову объявить выговор и предупредить его о неполном служебном соответствии.

2. Предложить генерал-майору Грызлову отменить свои неправильные приказы о награждении правительственными наградами старшин м/с Ремизовой А.А., Куликовой Н.Н., Былинкиной А.М., капитана м/с Каиповой Г.А., лейтенанта м/с Куралес М.П. и старшего сержанта Жеребцовой З.Д. и ордена и медали у них отобрать.

3. За неправильное награждение медалью «За боевые заслуги» сержанта Санаткиной В.А., исходя из личных мотивов, командиру 666-го артполка майору Тынскому объявить выговор и предложить ему отменить свой приказ о награждении Санаткиной и медаль у неё отобрать.

4. За беспринципное отношение к награждению правительственными наградами и за составление неправдивых реляций на своих подчинённых командира медсанбата дивизии капитана м/с Драпкина снять с занимаемой должности и назначить с понижением.

5. Удалить из 222-й стрелковой Смоленской дивизии с откомандированием в 208-й запасной полк старшин м/с Ремизову А.А., Куликову Н.Н., старшего сержанта Жеребцову З.Д. и сержанта Санаткину В.А.

6. Обратить внимание Военного Совета 33-й армии на то, что в 222-й стрелковой Смоленской дивизии перечисленные безобразия творились на протяжении длительного времени и проходили для генерал-майора Грызлова безнаказанно.

7. Просить Народного Комиссара Обороны Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА снять командира 222-й стрелковой Смоленской дивизии генерал-майора Грызлова с занимаемой должности.[1]

ИЗ ПРИКАЗА ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВА

14.04.44 г.

...Произведённым расследованием установлено, что бывший командир 1593-го истребительного противотанкового артиллерийского полка Герой Советского Союза полковник Щербинко Павел Андреевич, используя своё положение, незаконно награждал и представлял к медалям и орденам своих родственников. Так, личными приказами Щербинко и по его представлениям, в которых излагались явно вымышленные подвиги и заслуги его родственников, награждены:

жена Щербинко – Тельных А.М. – медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени;

брат – Щербинко В.А. – медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу», орденом Отечественной войны 2-й степени;

дочь – Щербинко Алла, 15 лет – медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Желая увеличить число полученных им наград, полковник Щербинко лично присвоил не принадлежащие ему ордена Красного Знамени и Красной Звезды и носил их. Орден Красной Звезды им был снят с погибшего командира батареи капитана Деркача.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За мошенничество, злоупотребление своим служебным положением бывшего командира 1593-го истребительного противо-

[1] 10 апреля 1944 года генерал-майор Грызлов Ф.И. от командования 222 стрелковой дивизией был отстранён; 7 июня 1944 года назначен командиром 156 стрелковой дивизии .

танкового артиллерийского полка полковника Щербинко П.А. разжаловать из полковников в майоры и назначить с понижением — командиром артиллерийского дивизиона.

Незаконно выданные награды в установленном порядке аннулировать.

2. Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о лишении Щербинко Павла Андреевича звания «Герой Советского Союза».

Приказ объявить всему офицерскому и генеральскому составу Красной Армии до командира полка включительно.

ИЗ ПРИКАЗА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НКО МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛЕВСКОГО

21.05.44 г.

Бывший командир 64-го стрелкового корпуса генерал-майор Анашкин М.Б. в связи с отъездом в Москву в распоряжение Главного управления кадров НКО 2 мая 1944 года, уже не будучи командиром корпуса,[1] специальным приказом № 014/н наградил:

Орденом Отечественной войны 2-й степени — свою жену Анашкину А.В.

Орденом Красной Звезды: своего адъютанта капитана Кузнецова Н.Г., своего шофёра старшего сержанта Гетманова Н.А., своего ординарца старшего сержанта Носова С.И.; причём, присвоив им вымышленные должности: Гетманову — командира отделения легковых машин 64-го стрелкового корпуса, Носову — командира отделения ординарцев Управления корпуса.

Всем этим лицам были выданы выписки из приказа и отпускные билеты сроком на один месяц, как отличившимся в борьбе с немецкими захватчиками.

ПРИКАЗЫВАЮ:

За нарушение предоставленных прав, выразившееся в незаконном награждении орденами: своей жены, адъютанта, шофёра и ординарца, генерал-майору Анашкину Михаилу Борисовичу объявить выговор.

Предупреждаю командиров частей и соединений, что впредь за подобные явления в соответствии с Указом Президиума Верховно-

[1] 11 мая 1944 года генерал-майор Анашкин М.Б. назначен командиром 129-го стрелкового корпуса 47-й армии.

го Совета Союза ССР от 2 мая 1943 г. буду предавать суду Военного трибунала.

Приказ объявить до командира полка включительно.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОНЕВА

10.06.44 г.

В связи с успешным форсированием реки Днепр командованием 40-й армии 25 сентября 1943 г. было отдано приказание командиру 309-й стрелковой дивизии к исходу дня представить списки на рядовой, сержантский и офицерский состав, которые первыми форсировали реку Днепр.

Выполняя это приказание, командир дивизии тогда же приказал командиру 957-го стрелкового полка представить указанный выше список, что последним и было сделано.

В число лиц, которые первыми форсировали реку Днепр, были включены: командир 2-го батальона – капитан Токарев Николай Данилович и заместитель командира батальона по политической части – старший лейтенант Наумкин Иван Васильевич.

Впоследствии было установлено, что капитан Токарев и старший лейтенант Наумкин в список лиц, которые первыми форсировали реку Днепр, были включены без всяких к тому оснований. В момент форсирования реки Днепр Токарев никакого участия в подготовке своего батальона к переправе через водный рубеж не принимал, сам на правый берег реки Днепр не переправлялся, отсиживался на левом берегу в стороне от батальона и на рассвете 24 сентября 1943 г. там же, на левом берегу реки, был ранен в ногу и эвакуирован в медсанбат.

Старший лейтенант Наумкин ещё за несколько дней до подхода батальона к реке Днепр и её форсирования заболел венерической болезнью и был эвакуирован в тыловой госпиталь.

Расследованием также установлено, что списки на лиц, которые первыми форсировали реку Днепр, составлялись наспех – к этому важному делу отнеслись несерьёзно.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о лишении звания «Герой Советского Союза» капитана Токарева Николая Даниловича и старшего лейтенанта Наумкина Ивана Васильевича – как незаслуженно присвоенные.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 48-Й АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА РОМАНЕНКО

05.05.45 г.

Несмотря на ряд приказов: НКО № 0133–44 г., фронта № 0123–44 г., армии № 0259–44 г. повсеместно продолжаются факты грубых нарушений по наградам:

1. Наградные листы на военнослужащих, отличившихся в боях, рассматривались с большой задержкой.

2. Приказы о награждениях и выписки из этих приказов высылались на места с опозданиями.

3. Серьёзные нарушения выявлены при проверке отделов кадров дивизий в учёте награждённых и представленных к правительственным наградам. Так, вследствие запущенности учёта и отсутствия проверки наградных листов, в 1088-м стрелковом полку из 103 человек, представленных к наградам, 45 были уже награждены, но значились не награждёнными.

4. Отделения кадров дивизий нередко представляли отчёты на вручённые орденские знаки, тогда как фактически они вручены не были по причине выбытия награждённых по ранению, гибели и другим обстоятельствам.

5. Рассмотрены вопиющие случаи незаконного представления к наградам и награждения лиц не за боевые заслуги, а исключительно за личные услуги по вымышленным реляциям.

Командир 713-го самоходного полка гв. подполковник Васильев своим приказом якобы за боевые подвиги наградил медалью «За боевые заслуги» старшину медслужбы Новикову и вторично её же представил к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени по вымышленной реляции, в которой указал, что она под огнём противника вынесла с поля боя и оказала медицинскую помощь 6 офицерам и 15 сержантам, по этой же реляции командир 29-го стрелкового корпуса уже своим приказом наградил её орденом Красной Звезды.

Произведённым расследованием установлено, что старшина медслужбы Новикова никакой помощи раненым не оказывала, а живёт с подполковником Васильевым. Больше того, в обращении с ним и офицерами ведёт себя крайне грубо, развязно, подрывая тем самым его авторитет. При получении награды заявила: «В строй не стану. Подумаешь, важность какая, звёздочкой наградили», опошляя тем самым правительственную награду.

Приказом командира 106-й стрелковой дивизии орденом Красной Звезды награждена старший писарь отделения кадров сержант Иванова (кроме того, по данной должности она в 1944 г. получила ещё две правительственные награды: орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги»). Установлено, что все награждения произведены незаслуженно и только потому, что сержант Иванова является сожительницей начальника отдела кадров дивизии майора Анохина.

Командир 19-й самоходной артбригады гв. полковник Земляков своим приказом наградил сержанта Егорову орденом Красной Звезды за сбор ценностей (золото, серебро) и сержанта Землякова якобы за спасение жизни комбрига в бою орденом Красной Звезды.

Проверкой установлено, что сержант Егорова в бригаде числилась старшим писарем, сбором ценностей не занималась. Фактически награждена за сожительство с гв. полковником Земляковым.

Сержант Земляков в Берлинской операции никакого подвига не совершил и, пользуясь родственными связями с гв. полковником Земляковым, отсиживался в РТО бригады.

Ефрейтор Гуськова Е.А., машинистка политотдела, награждена медалью «За боевые заслуги» за то, «что она самоотверженно работала на своём посту, выполняла ряд ответственных поручений, мужественно переносила трудности продолжительных переходов в условиях окружённых немецких групп»[1]. «Самоотверженная работа» ефрейтора Гуськовой заключалась в личном обслуживании командира полка майора Острякова в «походных условиях».

Младший сержант Калинина Е.И., машинистка 4-го отделения штаба дивизии, награждена орденом Красной Звезды за «своевременное и честное оформление документов, личное бесстрашие работать в любой обстановке». Установлено, что Калинина Е.И., не имея специальности машинистки, эту работу не выполняла, никаких подвигов не совершала, фактически сожительствует с начальником 4-го отделения майором Смирновым.

Вызывает недоумение и нарекания офицеров занижение качества наград.

Непонятно, какие такие «боевые заслуги» могли проявить повар Анисимова и кладовщица АХЧ штаба корпуса Смирова, за что получили ордена Красной Звезды.

[1] Так в документе.

В то же время ст. лейтенант Левшин А.А., зам. командира 95-й отдельной штрафной роты награждается этим же приказом только орденом Отечественной войны 2-й степени за то, что он отбил сильную контратаку немцев на плацдарме западного берега реки Одер, силами своей роты атаковал противника с фланга, был ранен, но с поля боя не ушёл. Командир взвода связи лейтенант Зайцев всё время апрельских боёв находился на передовой, был тяжело ранен, потерял глаз, был представлен командиром батальона связи к ордену Красной Звезды, а получил только медаль «За боевые заслуги».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Принять меры к устранению недостатков в работе по наградам как в отделениях кадров дивизии, так и в полках.

2. Решительно улучшить работу по награждению и особенно учёту награждённых.

3. Проверить реляции наградных листов и пересмотреть награждения по приказу № 040 от 27 марта 1945 г.

4. Пункты приказа о награждении недостойных лиц: старшины м/с Новиковой, писаря отделения кадров сержанта Ивановой, сержантов Егоровой, Калининой и Землякова – отменить.

5. За игнорирование и опошление правительственной награды и нетактичное поведение к офицерскому составу старшину м/с Новикову разжаловать в рядовые и перевести в другую часть.

6. За антигосударственную практику награждения и обман командирам 713-го самоходного полка гв. подполковнику Васильеву и 19-й самоходной артбригады гв. полковнику Землякову объявить выговор, предупредить о неполном служебном соответствии, при повторении подобного – предать суду Военного трибунала.

7. Начальника отдела кадров дивизии майора Анохина за аморальное поведение и беспринципность от должности отстранить.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС

Действующая армия
Полковнику Быченкову

П/п №...

На заявление Вашего военнослужащего старшины хозвзвода т. Гончарова, направленное в Президиум Верховного Совета Союза ССР, с просьбой о восстановлении ему правительственных наград, полученных в 1943–44 гг., сообщаю, что выдача медалей Союза ССР взамен утерянных или похищенных, как правило, не производится.

Исключение из указанного правила допускается лишь особым Постановлением Президиума Верховного Совета Союза ССР по ходатайству командования через НКО СССР.

Управляющий делами Козлов

ПИСЬМО КОМАНДИРА 136-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА

Командиру 126 гв. стр. дивизии
генерал-майору Грибакину

На моё имя поступил материал по вопросу награждения Вашей жены – медсестры приёмо-сортировочного взвода медсанроты вверенной Вам дивизии старшего сержанта медслужбы Грибакиной Любови Антоновны.

Указанный материал, ещё не попав ко мне, получил нехорошую огласку, причём у командующего войсками армии и у члена Военного Совета сложилось мнение, что заслуги Вашей жены, описанные в реляции Вашими подчинёнными, являются неправдивыми, а само награждение – незаконным.

Так, в изложении боевых заслуг, в частности, сказано, что Ваша жена является участницей летнего наступления 1944 года, участницей форсирования и удержания плацдармов на реках Нарев, Висла и Одер, причём только с 20 по 25 апреля с.г., при форсировании Одера она якобы «лично приняла и обслужила 470 раненых бойцов и офицеров и всем им оказала доврачебную неотложную помощь». Как написано в одном из двух представленных мне наградных листов: «Бесстрашная, энергичная и неутомимая медсестра Грибакина в течение многих суток без сна и отдыха самоотверженно боролась за жизнь сотен советских воинов и почти всем им спасла жизнь».

Нелепость и ложь угодливого словоблудия Ваших подчинённых несомненны. Насколько мне известно и как свидетельствуют факты, даже в период напряжённых боёв, когда медсёстры и врачи действительно работали круглосуточно и падали с ног от усталости, Ваша жена появлялась в медсанбате на 3–4 часа, а всё остальное время находилась с Вами в землянке, в блиндаже или на квартире, обслуживая Вас как мужа в быту, за столом и, извините за точность формулировки, в постели, за что боевые награды никаким статусом не предусмотрены.

Если Вы забыли, позволю напомнить, что пренебрежение Вашей женой своими прямыми воинскими обязанностями во время тяжёлых боёв в марте с.г. было отражено комсомольцами медсанроты

в «Боевом листке», который по Вашему приказанию был тотчас снят, так как в этой обоснованной критике Вы усмотрели подрыв Вашего авторитета, хотя подрывали свой авторитет только Вы сами, в связи с чем Вам и пришлось писать объяснение члену Военного Совета армии.

Ваша трогательная забота о молодой жене приняла выраженный антигосударственный характер и потому, целиком присоединяясь к мнению командующего войсками армии и члена Военного Совета, считаю необходимым посоветовать Вам, во избежание дальнейших неприятностей и компрометации звания и чести советского генерала, пересмотреть этот наградной материал и немедленно приказом за Вашей подписью отменить пункт о награждении Вашей жены орденом Красной Звезды или же передать этот вопрос мне для доклада командующему и принятия объективного решения.

Подписанные Вами наградные листы возвращаю.

Генерал-лейтенант Лыков

18. СОЛДАТ ВОЮЕТ, А ЖЕНА И ДЕТИ ДОМА ГОРЮЮТ...

Одна слеза катилась,
другая воротилась...

СООБЩЕНИЯ О РОДСТВЕННИКАХ

Из Военного трибунала Ленинградского фронта

10 мая 1945 г.

В Военный трибунал Ленинградского фронта пересланы по принадлежности письма военнослужащего вверенной Вам части Героя Советского Союза гвардии капитана Березовского Аркадия Михайловича, в которых он запрашивает о судьбе его жены — Прохоровой Валентины Ильиничны, 1920 г. рожд., и дочери Елены, 1939 г. рожд.

Сообщаю Вам для объявления Березовскому секретным порядком, что его жена в ноябре 1941 года осуждена в Ленинграде за особо опасный бандитизм, связанный с нападением на продовольственный склад и убийством часового, к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, и приговор приведён в исполнение. Его дочь — Елена Березовская после ареста матери 23 ноября 1941 года сдана по акту № 1243 в детприёмник УНКВД гор. Ленинграда и дальнейшая её судьба нам неизвестна.

Из Центрального бюро по учёту потерь личного состава ВМФ

15 мая 1945 г.

Командиру войсковой части

Прошу объявить военнослужащему Шинкаренко Фёдору Михайловичу о том, что его брат, бывший краснофлотец Шинкаренко Александр Михайлович приговором Военного трибунала Новороссийской Военно-Морской базы Черноморского флота от 07.06.42 г. осуждён за дезертирство к высшей мере наказания — расстрелу.

Из Военного Совета 49-й армии

17 мая 1945 г.

Объявите младшему лейтенанту Воинову К.С., командиру 280-й Отдельной штрафной роты, что по его рапорту от 10.2.45 г. Военным Советом армии 21 марта с.г. № 0612 возбуждено перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР ходатайство о помиловании его жены Воиновой А.А., осуждённой по ст. 162 п. «е» УК РСФСР[1] за кражу пары чулок с трикотажной фабрики на 1 год тюремного заключения, или о замене ей наказания, учитывая наличие двух несовершеннолетних детей на её иждивении, принудительными работами по месту жительства.

Письмо и.о. командира 10-го ОШБ майора Назарова

10 мая 1945 г.

Военному комиссару г. Гаврилово-Посад

Прошу срочно возвратить извещение о смерти, высланное нами ошибочно 4.5.45 г. за исходящим № 02635, на якобы погибшего в боях 30.4.45 г. северо-западнее Берлина рядового Шахова Семёна Васильевича для объявления его жене Шаховой Лидии Константиновне, проживающей по адресу: Ивановская обл., г. Гаврилово-Посад, ул. Советская, д. 21.

Как выяснилось только сейчас, Шахов С.В. не погиб в боях 30.4.45 г., а был ранен и отправлен в тыловой госпиталь. Дальнейшая его судьба нам неизвестна и никакими данными о его смерти мы не располагаем.

Прошу высланное ошибочно извещение о гибели № 02635 от 4.5.45 г. считать недействительным и возвратить его без промедления.

Ответ Военного комиссара

Высланное Вами ошибочно извещение № 02635 от 4.5.45 г. о гибели рядового Шахова С.В. было получено военкоматом 12 мая и 14 мая вручено его жене Шаховой Л.К.

[1] УК РСФСР от 16.08.1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве».

Спустя четверо суток, 18 мая, гр-ка Шахова в результате нервного потрясения по малодушию покончила жизнь самоубийством.

Для сведения сообщаю, что 23 мая в её адрес пришло письмо от самого Шахова С.В., который после ранения был эвакуирован в тыл и находится на излечении в госпитале в гор. Саратове.

Ошибочно высланное Вами извещение № 02635 от 04.05.45 г. возвращаю.

Письмо командира 425-й сд полковника Быченкова

Председателю Мариупольского горисполкома
Копия: Мариупольскому горвоенкому

Ко мне обратился с просьбой об оказании помощи один из лучших воинов соединения, до войны житель г. Мариуполя, рядовой Луценко. Поданный им рапорт прилагается. Тов. Луценко Николай Андреевич в Действующей армии с июля 1941 г., имеет шесть ранений и тяжёлую контузию, награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени и двумя медалями «За отвагу».

Как видно из прилагаемого рапорта тов. Луценко Н.А., в гор. Мариуполе проживает его жена – Луценко Екатерина Семёновна с 10-месячной дочерью, которые находятся в тяжёлом материальном положении и вынуждены обитать в бесхозной хате-развалюхе, куда были переселены после разрушения при бомбёжке принадлежавшего им дома. Помещение ветхое, сырое, крыша протекает.

Тов. Луценко Н.А. после освобождения гор. Мариуполя за отличные боевые действия получил краткосрочный отпуск и сам мог убедиться, в каком аварийном состоянии находится хата, куда переселили его семью, и в бедственном положении жены и, особенно, дочери, страдающей вследствие недоедания рахитом.

Тов. Луценко Н.А. за последние десять месяцев трижды обращался к Вам с просьбой об оказании помощи его семье в ремонте помещения, в снабжении топливом и продуктами, или хотя бы витамином «Д», но никакого ответа не получил. Уже четыре месяца он не имеет никаких известий и от жены.

Прошу Вас без промедления оказать помощь семье Луценко в ремонте дома, копке огорода, снабжении продуктами и обеспечении топливом до наступления зимы. Также прошу сообщить причину молчания Е.С. Луценко и обязать её написать письмо мужу.

Ответ зам. предгорисполкома г. Мариуполя

Командиру в/ч тов. Быченкову

Отдел гособеспечения при Мариупольском горисполкоме на Ваше письмо и заявление т. Луценко сообщает, что была произведена проверка с выходом инспектора на место.

По указанному адресу в настоящее время таковая не проживает. По словам соседей выяснилось, что хозяйкой этого адреса до февраля 1945 г. была Луценко Екатерина, которая за кражу буханки хлеба в пекарне осуждена на 6 лет и находится в дальних местах заключения на Урале, и заставить её написать мужу горисполком не имеет возможности.

Ребёнок после её ареста вскоре умер. В доме № 9, как выморочном, с апреля с.г. помещается контора рыбного хозяйства, которым здание отремонтировано и находится в хорошем состоянии.

Прошение

В Президиум Верховного Совета СССР

Ко мне обратился военнослужащий вверенного мне соединения капитан Кудрявцев Н.Л. с тем, что его жена осуждена и посажена на 8 лет тюремного заключения за кражу ведра угля, и двое детей – четырёх и шести лет – остались без родительского надзора. Так как отец находится в Действующей армии, их сдали в детприёмник.

Прошу рассмотреть просьбу тов. Кудрявцева в соответствующих инстанциях о пересмотре срока наказания жены и помочь ему в розыске детей.

Капитан Кудрявцев за весь период войны хорошо проявил себя на разных участках боевых действий, имеет четыре правительственные награды.

О вашем решении прошу сообщить: Полевая почта... Командиру в/ч полковнику Быченкову.

Извещение

Октябрьскому райисполкому г. Днепропетровска

Прошу известить гражданина Карачевцева Якова Владимировича, проживающего по ул. Садовой, дом № 18, кв. 1, о том, что его сын, помощник начальника отделения трофейного вооружения Управления 136-го стрелкового корпуса, старший лейтенант Карачевцев Иван

Яковлевич погиб 20 мая 1945 г. в аварии при столкновении мотоцикла с автомашиной.

Похоронен с отданием воинских почестей на кладбище в окрестности городка Дебельн в ограде костёла.

Начальник штаба

Прошение

Начальнику Организационно-
Мобилизационного Управления НКО СССР

На имя командующего 71-й армией генерал-полковника Смирнова А.И. поступило письмо от гр-ки Лосиной Б.Я. с просьбой о досрочной демобилизации по состоянию здоровья её мужа, бывшего батальонного комиссара Лосина Бориса Семёновича, повторно призванного в Красную Армию после освобождения его из немецкого плена.

Ваше решение прошу сообщить в Управление кадров армии и лично гр-ке Лосиной по адресу: гор. Ленинград, ул. Чайковского, дом 22, кв. 47.

Приложение:

1. Письмо гр-ки Лосевой Б.Я.

2. Заключение Военно-врачебной комиссии о заболевании Лосина Б.С. тяжёлой и скоротечной формой чахотки (туберкулёза).

Ходатайство

Начальнику Управления кадрами Красной Армии

Управление кадров и политотдел 71 армии ходатайствуют о переводе из Германии зам. командира батальона по политчасти 138-го стр. полка майора Воробьёва Сергея Константиновича для дальнейшей службы в Красной Армии на территорию СССР – в Киевский военный округ ввиду сложившихся семейных обстоятельств.

Бывшая жена майора – Воробьёва Лидия Евгеньевна, – проживавшая по адресу Каменец-Подольская обл., гор. Шепетовка, Д.Н.С., кв. 21, получив сообщение в декабре 1942 г. о тяжёлом ранении мужа, в 1943 г. вышла замуж вторично, не оформив развода. Прожив в гражданском браке с июля 1943 г. по апрель 1944 г., бросила второго мужа и вышла замуж за третьего, с которым вела ненормальную семейную жизнь. Ввиду развратной жизни умер

самый младший ребёнок, 1940 г. рожд., оставшиеся трое детей: сын – 1935 г. рожд., дочь – 1937 и сын 1939 г. рожд. были брошены на произвол судьбы, ввиду чего старший сын занялся воровством и разбоем и был направлен в колонию. 12.5.45 г. была обворована квартира и дети 8 и 5 лет остались разутыми, раздетыми и без средств к существованию. Родных, которые могли бы оказать помощь детям, нет: отец Воробьёва С.К. расстрелян немцами в 1941 г., мать умерла в 1937 г., а бывшая жена арестована за сожительство с немцами во время оккупации.

Майор Воробьёв С.К. боевой офицер, на фронтах Отечественной войны с 1941 г. Дважды ранен, имеет тяжёлую контузию, награждён орденами и медалями. В поданом рапорте просит предоставить ему возможность взять детей на воспитание.

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА ИЗ РОССИИ В ГЕРМАНИЮ

От отца красноармейца[1]

Командир чясти

Прошу Вас не отказат моей прозбы виду моего сына Димитрия Лаврентича что он диствитлно погиб 26 апреля. Нам все ниверица Пропишите вочто он был убит ичем пуляй или осколкм Сколко он был жыв после рания Прошу моей прозбы неотказат Сапчити нимедлино еще нету ответ ниотках товарищей Напишут пронево Верно Все товарищи погибли Верно

Адрес: Горковская област Пиленски район село Маметьево Лаврению Емельянову

На сохранившемся письме:

Резолюция отдела кадров: «Извещение о гибели Емельянова Д.Л. отправлено 28.04.45 г.»

Резолюция командира полка: «Проверить и написать человеческое письмо отцу от имени командира роты и товарищей».

Майору Худякину И.Ф.

11 мая 1945 г.

Худякин!

Я к тебе обращаюсь по фамилии, чтобы сразу всё поставить на место.

---

[1] Стилистика и орфография письма сохранены.

Ты воевал, и я, как настоящая патриотка, проявляла к тебе большую чуткость и многое умалчивала, но теперь война закончена и ты должен знать всю правду. Прими её, как подобает коммунисту-фронтовику: мужественно и с достоинством.

Ещё полтора года назад я встретила человека, которого полюбила единственной огромной любовью, и уже больше года он является моим мужем. Он военный, подполковник, но не тыловая крыса, как наверняка ты подумаешь, а воевал, был трижды ранен и награждён орденом и медалью. Он выше тебя ростом и крупнее всеми другими размерами. Если ты был ниже меня, то он выше на полголовы. Посылаю тебе нашу фотографию, чтобы ты мог его себе представить и понять, как замечательно мы выглядим рядом и какой ты, извини за откровенность, плюгавец по сравнению с ним. Посмотри и заруби себе на носу, что обратного хода быть не может. Даже если бы ты вывернулся наизнанку, я к тебе всё равно никогда бы не вернулась.

Встретив его, я поняла, что тебя-то никогда не любила, а всего лишь терпела. Просто встретились, сошлись и жили вроде как люди, и не ссорились, но не в радость всё это было, во всяком случае, мне. Однако вида я не подавала, терпела, и ты должен это оценить. Обязана тебе сказать как на духу, что как мужчина ты меня никогда не устраивал, и, чтобы не болеть по-женски, мне приходилось тебе изменять ещё до войны, и всё это было отвратительно, я сама себя стыдилась и чувствовала шлюхой.

Что же касается дочери, то заявляю тебе со всей ответственностью, что ты к ней не имеешь никакого отношения. Кто её отец — это знаю только я, он же сам на неё никогда не претендовал и, более того, даже не знает о её существовании. Как понимаешь, это моё письменное заявление освобождает тебя от обязанности выплачивать алименты. Мною сегодня подано заявление в райвоенкомат, и аттестат, по которому я получала от тебя деньги, в ближайшие дни будет возвращён в часть, где ты находишься.

Все твои книги, институтские записи и личные документы я до конца недели отправлю багажом твоей сестре, чтобы ты больше никогда у нас не появлялся. Наташа с двух лет приучена называть моего нового мужа папой, о тебе она не знает, и не смей её травмировать своим появлением. Ты должен твёрдо понять: ни для меня, ни для неё ты больше ни в каком качестве не существуешь.

Худякин! Ты мужчина и коммунист, вооружённый марксистско-ленинским учением, потрудись всё взять на себя и даже письмами

нас больше не беспокоить. Найди себе женщину, их сейчас более чем достаточно, роди ребёнка и навсегда забудь о нашем существовании.

Алевтина

Старшему лейтенанту Федотову В.С.

Васька, друг ты мой задушевный, войной молоченный!

Я удивлён, поражён, смущён, получив от тебя весточку, и до сих пор не верю, что ты воскрес из мёртвых и снова жив в моём воображении. А я-то уже похоронил тебя, даже мысленно нашёл твою могилу (!): это, должно быть, Чёрное море, так как твоё последнее письмо было из Тамани за несколько дней до десанта в Керчь. Все думали, что ты положил свою голову при форсировании Керченского пролива.

Я частенько вспоминал то лето, когда мы были в пионерлагере в Крыму, и потому перед глазами возникала жуткая картина: на берег из моря выбрасывает пробитые каски, погоны и прочие детали военного туалета, а я оплакиваю твой длинный, почему-то загорелый скелет, где-то мокнувший в солёной воде.

Да, за четыре года можно отправить человека на тот свет, а это, оказывается, Василий Федотов подготавливал своё эффектное появление.

Где же ты шлялся, чёрт побери, все эти годы, неужели тебя так припекло, что ни разу не мог написать?

Я всё ещё не верю в действительность такого факта. Может быть ты даже имеешь вид живого человека, а не духа, и тебя можно будет со временем потрогать, ощупать?.. Надеюсь, что ты даже здоров и невредим.

Воевать я так и не воевал, война прошла мимо. Погибли многие из тех, кого ты знал: Олег, Володя Греков, Сашка Сонин, Вилли и к ним я причислял и тебя. Как хорошо, что я зря поторопился.

Как ты живёшь? В Москве сняли светомаскировку, весна в самом разгаре, на улицах толпы людей со счастливыми лицами — война закончена!

А как там у тебя? Выучил ли немецкий, который ты так ненавидел в школе? Учи — пригодится! Что читаешь? Удаётся ли что-нибудь набросать из рассказов о боевой жизни? Долго ли собираешься тянуть армейскую лямку? Бросай шинель — чеши домой!

Крепко, крепко жму твою воскресшую лапу и надеюсь на скорую встречу.

Вечный язвенник и зануда Лёша

Командиру в/ч ...

19 мая 1945 г.

Привет с Дальнего Востока и тысячу наилучших пожеланий!

Прошу вас простить меня великодушно за беспокойство. Я вынуждена к вам обратиться, прошу вас, всё, что знаете о лейтенанте Архипове Тимофее Михайловиче, сообщить, так как я уже давно ничего от него не получаю. Последнее письмо он писал будучи раненым и больше нет ничего. Он ранее служил у нас на Востоке. Последнее письмо я получила три месяца тому назад и сколько ни писала, всё напрасно. Мы решили после войны пожениться и скоро у меня будет ребёнок.

Прошу вас, выполните мою просьбу, буду благодарна, и что бы ни случилось, пишите, а теперь примите сердечный привет от работника тыла Дальнего Востока.

Прусова Т.А.

Генерал-полковнику Смирнову А.И.

«Личное»

Многоуважаемый Александр Иванович!

Пользуясь оказией, командировкой в Германию, и в частности в Вашу армию, подполковника Синёва, посылаю Вам это личное, конфиденциальное письмо и, прежде всего, выражаю глубокое соболезнование в связи с гибелью Вашего сына, которого мы с Ольгой Васильевной помним ещё ребёнком.

Ваша супруга, Ирина Васильевна, обратилась к тов. И.В.Сталину как к Наркому Обороны с письмом, которым просит разрешить выкопать останки Вашего сына в Германии и перевезти на территорию СССР для захоронения на одном из московских кладбищ.

Как Вам, очевидно, известно, решение о перевозке тел погибших в боях на территории противника генералов и Героев Советского Союза для захоронения на территории СССР принимается в каждом отдельном случае непосредственно Заместителем Наркома Обороны СССР генералом армии тов. Булганиным Н.А. по ходатайствам Военных Советов фронтов и армий, направленных ему через Военный Совет Главупраформа (Директива НКО № 515361 от 21.03.45 г.). Замечу, что речь идёт только о генералах и Героях Советского Союза и о перевозке сразу после их гибели, а не об эксгумации спустя месяцы для перезахоронения.

При всём стремлении, моём и генералов Смородинова И.В. и Карпоносова А.Г., пойти навстречу просьбе Ирины Констан-

тиновны, для доклада (в порядке исключения) руководству НКО, в данном случае обязательно требуется ходатайство Военного Совета фронта, в котором Вам, полагаю, не откажут. Каким будет решение Заместителя Наркома, предсказать невозможно.

Для сведения сообщаю, что разрешений в порядке исключения за это время дано всего девятнадцать, хотя, как мне достоверно известно, значительно большее количество перезахоронений с перевозкой останков погибших на территорию СССР осуществлено и осуществляется неофициальным путем.

Надеюсь, Вы оцените значение этой информации, сообщить которую Ирине Константиновне я, к сожалению, не имею права.

Пользуясь случаем, поздравляю Вас, дорогой Александр Иванович, с присвоением Вам в последние месяцы высоких званий генерал-полковника и Героя Советского Союза, и желаю здоровья и успехов в прекрасном служении Родине.

С давним глубоким уважением.

Ваш Шавельский[1]

ПИСЬМА ИЗ ГЕРМАНИИ ДОМОЙ

Капитан Яшин И.С.

Катюша, родная моя душа!

Сегодня с войны сняты все покровы: она дикая, страшная, голая. И она действительно списывает всё. Победителей не судят...

Русский народ на деле доказывает, что у него есть память, пусть раньше он и проявлял великодушие. Пруссия русского великодушия не получит и не увидит. Пруссаки — звери, их дети — зверёныши. Зубы у них вырваны, но злость и ненависть остались. Русский солдат — хозяин, немец — скотина и он вне закона несмотря ни на какие приказы, призывающие относиться к ним по-человечески. Трудно сдерживать себя, когда собственными глазами увидел, как они жили. Чего не хватало этому зверью? В Германии скот живёт лучше, чем у нас люди.

Почти все зажиточные немцы сбежали на Запад, а которые остались, считают себя погибшими. Сейчас все они угодливы до тошноты. Достаточно сказать: «Ком!», как бегут к тебе и заглядывают в глаза.

---

[1] Генерал-майор Шавельский, начальник Управления по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава.

Ты бы видела, что делала наша солдатва: дерут немок, как сидоровых коз, они долго будут помнить русского Ивана. И мне их нисколько не жаль.

Не успели отгреметь бои, как мы бросились налаживать жизнь немцам. Полный бред! Не за то ли, что они убили нашего отца и миллионы людей, разорили семью и Родину?

Живучи нелюди, они уже веселятся, ходят в кино и рестораны, торгуют на каждом углу всем подряд: овощами, едой, барахлом, пуговицами, перочинными ножиками. Купить задаром можно всё, даже душу и тело человека. Дешевле всего достаются венерические заболевания.

Надоело всё немецкое: еда, сигареты, чужие, непонятные и лживые люди. Хочется всего русского: картошки в мундире, селёдки, квашеной капусты, солёных огурцов и русской бани с веничком.

Хочу домой!

Обнимаю тебя, моя родная,

Игорь

Капитан Грабичев П.М.

Дорогие мои!

Вот и кончилась война и наступил май — первый месяц мира. В Германии очень жаркая весна. За три года мы привыкли к войне и многие до сих пор путают военные действия с военной службой, но появились слухи о предстоящей демобилизации и скором возвращении в Россию.

А пока я живу в комфортабельных условиях, сижу за обитым зелёным сукном столом, немецкая лампа освещает стол, за которым пишу Вам письмо. В комнате везде зеркала, мебель карельской берёзы, диваны и кресла обиты бархатом, лепные потолки, бронзовые литые часы, сверкающие люстры. Подушки, перины, ковры, пианино, пылесосы, разнообразная посуда, красивые сервизы, хрустальные бокалы в большом количестве — не в счёт. На стенах целая коллекция картин и среди них — вид Гурзуфа, та самая лестница, которая чаще всего изображалась на открытках. Кафельные печи, мрамор. И это, по их меркам, был небогатый немец.

Несколько дней назад был в городе Бромберге. Город полон барахла: ковры, костюмы, модельная обувь.

Отправил Вам маленькую посылочку: два потрёпанных «фрицевских» костюма, отрез бархата, отрез шерсти на костюм, из материи при хорошем раскрое можно сшить не один приличный костюм.

Напишите срочно, что лучше вам посылать: вещи или продукты? Могу послать 10 кг сахара или 10 кг сала или масла. Всё наше. Мои бойцы достают у немцев продукты и хорошие вещи. Они «находят» отрезы, карманные часы, кольца, украшения и т.п. В одном я совершенно уверен: то, что мы завоевали в Германии, позволит нашей стране восстановиться в изумительно короткий срок. После войны наши люди, которые побывали в Германии, научатся лучше жить. После уюта немецких жилищ у каждого появляется вкус к внешней порядочности жизни.

Чувствую себя отлично. Беспокоит только живот. Ну, да это у всех. Дело в том, что у нас такое обилие всех родов пищи, которую мы раньше в глаза не видали. По высланному мной аттестату Вы будете получать 400 рублей.

Жду возможности сделать очередную передачу (помимо посылки) с кем-нибудь, кто поедет в Москву.

Будьте здоровы.

Любящий Вас сын Пётр

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Секретно

ШТ из ПО 71 А *Подана 22.05.45 г.* *20 ч. 06 м.*

Начальникам политотделов частей и соединений

Направляю для руководства и неуклонного исполнения директиву Заместителя Начальника Главного Политического Управления КА генерал-лейтенанта Шикина:

«Органы военной цензуры НКГБ, осуществляя выборочный контроль почтовых отправлений (писем, посылок), зачастую обнаруживают в них всевозможные печатные, письменные вложения, запрещённые к переписке: фашистские журналы и газеты, немецкие художественные открытки и снимки, тетради с изображением немецких генералов, письма военнослужащих, не проверенные военной цензурой, иностранную валюту, фашистские значки и эмблемы.

Всё это говорит о том, что контроль, возложенный Постановлением ГОКО от 6.3.45 г., в частях, дислоцированных на территории Германии, организован слабо. В целях усиления контроля за перепиской и отправкой посылок принять конкретные и действенные меры, обеспечивающие недопущение подобного рода фактов».

О выявленных нарушениях и принятых мерах доносить в политотдел армии.

Обратить особое внимание на подбор работников, выделяемых для приёма посылок.

Нач. политотдела
генерал-майор *Козлов*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Командующему 71 армией
Копия: Военному Прокурору

Направляю для ознакомления материалы по результатам выборочной проверки, проведённой Военной цензурой НКГБ, почтовых корреспонденций и вложений в посылки, отправленных в мае с.г. военнослужащими частей и соединений армии.

Рядовой Крюков Б.:

«...Пишу из Бромберга... Попал в швейную мастерскую, так там прибарахлился: достал 4 костюма, 5 брюк, отрезы на костюмы и разной материи, в качестве трофеев приобрёл кое-что из драгметалла: часы, кольца и всякие побрякушки. Заходишь в дом и экспроприируешь. Считаю, что мы это заслужили и с победителями надо делиться... Мануфактуру вышлю посылками, а золотишко приберегу...»

Сержант Сулимов И.:

«...Вчера был сплошной шмон с особистом, шоколадки[1], у кого нашли, отобрали. У Жорки целых три. А ведь каждая более килограмма чистого золота. О...еть можно! Обездолили ребят вчистую. И ведь всё пойдёт не в казну, а начальникам, жлобам ненасытным...»

Старшина Петриков М.:

«...Отправил вам маленькую посылочку. Там среди кучи барахла есть несколько «пустячков», мешочек с которыми я вшил во внутренний карман кожаного пиджака. В ответном письме сообщите, всё ли до вас дошло?»

Ефрейтор Кренкер И.:

«...Мы «находим» у немцев золотые часы, портсигары, кольца, украшения. Кое-какие из этих трофейчиков перешлю в посылке с продуктами. Прозрачные камешки ношу с собой, будут сохраннее...»

Лейтенант Кривцов А.:

---

[1] Шоколадка – слиток золота Германского Рейхсбанка весом 1250 граммов, имевший форму плитки шоколада.

«...Мой начальник активно занимается коллекционированием бронзовых статуэток и золотых побрякушек, нахапал уже с полтонны, мне же это ни к чему, у меня другой интерес. Други мои! Вы такого не видали! Среди дурацких сентиментальных открыток (для отвода глаз), где немецкие солдафоны с умилёнными лицами обнимают пышнотелых прусских барышень, найдёте порнографические открытки и фотографии из борделей. Что они вытворяют! Посмотришь... и с конца капает! Учись, деревня!»

В посылках были выявлены и изъяты следующие незаконные вложения:

Так, капитан Маев, начальник финдовольствия стр. полка, имевший ранее начёты за злоупотребление служебным положением, пытался переслать 3000 немецких марок, 5000 польских злотых.

Ст. лейтенант Мишульянц А., переводчик, замаскировал среди отправляемых вещей немецкий орден Железный крест первого класса, фашистские значки, охотничий нож, инкрустированный камнями и дарственной гравировкой: а старшина Ковалёв – мундир фашистского офицера, шевроны СС и СД, даже изготовленный на убитого немца крест.

Резолюция командующего армией генерал-полковника Смирнова: «Разослать по месту службы. Прокурору совместно с органами «Смерш» провести расследование по каждому конкретному случаю».

Младший лейтенант Павлович И.К.[1]

Здрастуй моя дарагая Дарья Ягоровна!

Посылаю табе свой паклон по самый пояс. Дарья Ягоровна я жиф и здароф таво и табе жалаю.

Таперича не то что давича у меня таперича ты не просто баба, а ахвицерская жана, а патому не пазваляй сабе Дарьей кликать, а пушай табе Дарьей Ягоровной кличут, так антилегентную даму завут.

Посылаю табе 5000 рублей денег. Купи у хату итажерку с трюмой и часы с кукушкой... и поставь растительность с широкими листями – хвикусом называется. Свинью таперича у хату не пущай. Найди сабе бабу домработницей завут. Справ сабе юбку с прарехой по низу,

[1] Стилистика и орфография оригинала сохранены.

чтоб была видна какая у табе хвигура... а ищё купи сабе пудры и сыпь на морду не жалей.

Буть таперича антилегентной бабой. Гармонь маю продай, а купи сабе пианину с роялью, паставь в углу, где в прошлом годе тялушка стаяла... Знай сабе цену.

Вот и усё! Цалую.

С ахвицерским приветом к табе твой муж Анакентий Кузмич

Старший лейтенант Федотов В.С.

Лёшка, друг мой единственный!

Сам факт настоящего письма доказывает, что я жив.

Я цел и невредим, так как имею в кармане подкову, которую ношу с собой с 1943 года. Разумеется, здоров, иначе не мог быть разведчиком.

Лёшка, дорогой мой, честное слово, нечего и сказать о себе: о моей профессии ты можешь много прочесть и услышать, я её люблю всем сердцем, но говорить о ней – язык не поворачивается, боюсь, пошло выйдет.

Работать приходится много, старые мои товарищи накрылись почти все, теперь дали мне молодёжь, их и учить надо и работать с ними, опыта у них никакого, хоть и много рвения, так что приходится жить в постоянном напряжении: как бы самому не засыпаться, или как бы они не засыпались, всё время надо смотреть за ребятами – не начудили бы.

Когда бывает свободное время – отдых, – работаю как парторг, когда совсем свободен – лежишь и мечтаешь. Правда, свободные дни выпадают после самых сумасшедшеньких дел.

Читаю мало. Но вот на днях взял в руки томик, который ты мне подарил и с которым я не расставался, моего любимого Есенина, потом не мог уснуть, искусал себе губы. Писать ничего не пишу, кроме разведсводок и донесений, даже письма очень редко. Писать рассказы нет времени, и не настолько я лжив и легкомысленен или, страшнее того, циничен, чтобы по-живому что-то набрасывать. Работа велика, сложна технически, требует отстоя и осмысления, да и писанину я, как ты помнишь, не люблю.

Больше думаю о последних днях войны, озверел малость. Что поделаешь – три года без родины, родных и без многих друзей, скольких из них зарыл в землю своими руками, про то лишь война ведает. Меня уважают все: подчинённые – как командира, командиры – ценят за храбрость, смекалку и исполнительность. А я себя

уважаю не за награды — ордена и медали, — за то, что в одиночестве не закис, был честен и с живыми, и с мёртвыми до конца.

В душе-то я тот же Василий Федотов. Те, кто помнят меня, и нынешние знают: дело делать умеет, весёлый парень, хороший товарищ — и всё.

Я повзрослел, возмужал, физически далеко не хиляк. В недрах наступившего мирного пейзажа гражданская жизнь мне не сулит ничего особенного. Думаю свою жизнь и дальше связать с армией, уверен, что моё призвание — быть военным, офицером, и для меня это не обязывающий долг, а служение, то, что я научился делать качественно. У меня хорошие учителя, вправляют мой умишко о чести и достоинстве советского офицера. Буду пытаться поступить в Военную академию или на высшие офицерские курсы, у нас тут уже началось шевеление по аттестованию офицеров и отбору кандидатов на учёбу. Правда, не знаю, выдержу ли экзамены, из того, прошлого времени, ни черта не помню.

За тебя рад, от своих знаю, что ты учишься в институте. Уверен, что из тебя выйдет талантливый художник.

Ну, будь здоров! Может быть, увижусь с тобой в ближайшее время, очень хотелось бы, если меня отберут в состав участников Парада Победы.

Крепко жму твою талантливую лапу.

Василий

19. ПЕРЕХОД АРМИИ НА МИРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 10.05.45 г.* *19 ч. 20 м.*

Командирам частей и подразделений

В связи с безоговорочной капитуляцией германских вооружённых сил и прекращением боевых действий с 10.5.45 г. отменить мероприятия по светомаскировке на фронте и в тылу.

Под личную ответственность командиров частей немедленно прекратить всякую стрельбу из всех видов оружия, беспорядочно и стихийно возникающую по случаю окончания войны.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПУ ГСОВ *Подана 11.05.45 г.* *10 ч.35 м.*

Начальникам политотделов

Передаю указание Заместителя Начальника Главного Политического Управления Красной Армии генерал-лейтенанта Шикина для исполнения:

Вместо призыва «Смерть немецким оккупантам!» на всех газетах, журналах и других изданиях Красной Армии поставить призыв «За нашу Советскую Родину!» В конце – восклицательный знак. Слова: «Советскую» и «Родину» печатать с большой буквы.

Во всех стрелковых дивизиях вместо изжившей себя команды «внимание» и ответа «есть», командирам и личному составу ввести в обиход команду «смирно» и ответы «слушаюсь», «так точно», «никак нет».

Зам. начальника Политуправления по пропаганде
полковник *Прокофьев*

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 12.05.45 г.* *11 ч. 25 м.*

Во исполнение шифрограммы ГАУ КА Маршала Артиллерии тов. Яковлева:

Всё наличие трофейных пистолетов, а также кобуров к ним и обойм, собрать и сдать на армейский арт. склад до 10.6.45 г.

Недостающее количество личного оружия будет пополнено отечественными пистолетами и револьверами с получением из центра.

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА 71 АРМИИ

13.05.45 г.

В последнее время имеют место факты, когда отдельные военнослужащие самовольно уже начали привозить в воинские части на территорию Германии свои семьи.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить всему офицерскому составу самовольно привозить на территорию Германии свои семьи.
2. Привоз семьи может быть разрешён в каждом отдельном случае только Военным Советом армии.
3. Объявить всему офицерскому составу, что экскурсии в город Берлин также до особого распоряжения воспрещены.

Настоящий приказ довести до всего офицерского состава тыловых частей и учреждений армии.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ 71 АРМИИ

15.05.45 г.

О введении единого распорядка дня

С переходом на казарменное положение и в целях облегчения планирования и организации контроля за ходом боевой и политической подготовки во всех частях, штабах и учреждениях войск армии с 10.05.45 г. вводится следующий единый распорядок дня:

1. Подъём	6.00 – 6.10
2. Утренняя зарядка	6.10 – 6.25

3. Утренний туалет	6.25 – 6.40
4. Утренний осмотр	6.40 – 6.50
5. Завтрак	6.50 – 7.20
6. 1-й час занятий	7.30 – 8.20
7. 2-й час занятий	8.30 – 9.20
8. 3-й час занятий	9.30 – 10.20
9. 4-й час занятий	10.30 – 11.20
10. 5-й час занятий	11.30 – 12.20
11. Обед и отдых	12.30 – 13.55
12. Стрелковый тренаж	14.00 – 14.20
13. 6-й час занятий	14.30 – 15.20
14. 7-й час занятий	15.30 – 16.20
15. 8-й час занятий	16.30 – 17.20
16. Чистка оружия	17.00 – 18.00
17. Массовая работа	18.00 – 19.50
18. Личное время	19–50 – 20.40
19. Ужин и вечерний час	20.40 – 21.15
20. Вечерняя поверка	21.20 – 21.35
21. Прогулка	21.35 – 21.50
22. Отбой и отход ко сну	22.00

В субботу все занятия проводить по 6 часов. 2 часа использовать для хозработ и бани. Развод караула в 19.00.

Об утверждении единого выходного дня

В связи с победоносным завершением войны и переходом войск на боевую учёбу в условиях новой обстановки во всех частях и соединениях армии установить выходной день – воскресенье.

1. Этот день считать нерабочим, использовать его для культурно-массовых, спортивных мероприятий, а также для хозработ и приведения в порядок личного состава.

2. Во всех частях и соединениях создать физкультурный актив, выявив для этого хороших спортсменов, легкоатлетов, гимнастов, волейболистов, футболистов, шахматистов и др.

3. В каждой отдельной части оборудовать физкультурные городки с гимнастическими снарядами: брусьями, турниками, кольцами, шведскими лестницами, бумами и т.д., площадками для волейбола, игры в городки и танцев.

4. В каждом корпусе и в каждой дивизии провести отборочные соревнования на лучшее отделение, взвод, роту, батарею. Победителей в отдельных видах соревнований и лучшие команды представить для участия в армейской спартакиаде.

5. Командирам частей и соединений совместно с политработниками иметь планы культурно-массовых мероприятий.

Об использовании военно-оркестровой службы

В период боевых действий музыканты военно-оркестровой службы использовались на несении санитарной службы в медсанбатах и для оказания почестей при захоронении военнослужащих.

В условиях новой обстановки перевести личный состав музвзводов на работу по утверждённому распорядку дня, включая специальную и строевую подготовку.

Музыкантам под руководством капельмейстера капитана Крылова приступить к разучиванию строевых, красноармейских, русских и украинских народных песен и наиболее полюбившихся, таких как «Синий платочек», «Землянка», а также жизнерадостных классических произведений Штрауса, Бизе и др.

Разработать план участия оркестра в праздничные дни, в культурно-массовых и спортивных мероприятиях в частях и представить в политотделы для утверждения.

Особое внимание уделить качеству исполнения служебно-строевого и концертно-художественного репертуара.

Начальник штаба
генерал-майор Антошин

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 1 БФ *Подана 16.05.45 г.* *21 ч. 00 м.*

Нач. штабов армий, корпусов, дивизий

Приказанием командующего фронтом вводится новый порядок расквартирования.

Воинские части располагать казарменно, в бараках, казармах, крупных зданиях или лагерем в лесу, штабы – сосредоточенно в одном или нескольких зданиях.

В целях прекращения бесцеремонного выселения местных жителей и предупреждения бытового сращивания с ними офицеров отдельные квартиры отводить только генералам и старшим офицерам, средний офицерский состав размещать в общежитиях при части, младший – в составе своих подразделений.

Приложение к приказанию прилагается.

Нач. штаба

генерал-полковник *Малинин*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 138 СП

20 мая с.г. первый выходной день прошёл в 138-м стр. полку организованно.

С целью наилучшего проведения этого знаменательного после Победы над гитлеровской Германией дня все работники политотдела, агитаторы и политинформаторы были направлены в батальоны и роты, где были организованы спортивные соревнования, игры, танцы и выступления художественной самодеятельности.

Дивизионный духовой оркестр играл в течение всего дня, исполняя марши, народные песни, а также отдельные произведения русской классической музыки, которые создали праздничное настроение.

На спортплощадках прошли повзводно спортивные соревнования по лёгкой атлетике. Многие участники показали хорошую физическую подготовку, ловкость и выносливость. Так, первые места заняли: в беге на 100 метров — ст. лейтенант Федотов, показавший время 12,6 сек., в соревновании по прыжкам в высоту — сержант разведроты Калиничев и ст. сержант 2-го батальона Саенко с результатом 1 м 40 см, по прыжкам в длину — капитан Новиков, прыгнувший на 6 м 15 см.

В городошных состязаниях не было равных меткости красноармейца Лисенкова, который сбивал самые сложные фигуры с первого раза.

Для любителей игры в шахматы майор Назаров провёл сеанс одновременной игры на 6 досках, а среди азартных доминошников победили бойцы 2-го батальона ст. лейтенанта Зайцева.

Победители соревнований отобраны для участия в дивизионной и армейской спартакиадах.

После обеда были устроены массовые игры, в которых участвовали все бойцы, сержанты и офицеры. Особенно организованно и ве-

село прошли такие: «Слепой портной», «Удочка», «Бой бутылок», на буме. В играх показали мастерство и ловкость следующие товарищи: командир отделения сержант Фокин, красноармеец Шачков, санинструктор ст. сержант Кабанова, красноармейцы Шепечкин и Борисов, ст. сержант Гибатулин и сержант Михеев.

Дивизионная артбригада устроила на красиво убранной и подготовленной площадке, где до ужина собрался весь личный состав полка, концерт художественной самодеятельности, в котором помимо артистов приняли участие наши военнослужащие.

Красноармеец Тренкин прочёл стихотворения Твардовского «Переправа», «Сын артиллериста», а комсорг полка лейтенант Скрипников – «Здесь были немцы».

Сержант Проскурин и рядовой Лаенцов на баяне и аккордеоне сыграли «Огонёк» и несколько маршей, сержант Прищепа и рядовой Черенко исполнили украинские и русские песни «На огороде верба рясла», «Во поле берёзонька стояла».

Вечером были организованы пляски и танцы под баян и грамзаписи. В заключение после ужина для личного состава был показан кинофильм «Леди Гамильтон».

В результате проведённых мероприятий личный состав полка хорошо отдохнул, повеселился и получил зарядку к предстоящей напряжённой боевой и политической подготовке.

Майор Глухов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО 71 А *Подана 22.05.45 г.* *13 ч. 20 м.*

Начальникам политотделов

К 24 мая с.г. представить информацию о политических настроениях личного состава по следующим вопросам:

1. Настроения различных категорий военнослужащих, связанные с окончанием войны и переходом войск армии на мирное положение:

а) Какие вопросы волнуют пожилых, многосемейных бойцов.

б) Что говорит по этим же вопросам молодёжь.

в) Настроения офицерского состава и, в частности, тех офицеров, которые были призваны в армию из запаса.

2. Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией.

3. Настроения военнослужащих в связи с изменением нашего отношения к немцам и организацией продснабжения немецкого населения.

Все эти настроения должны быть выявлены путём личной беседы руководящих политработников с бойцами, сержантами и офицерами.

Обратить особое внимание на тщательность и объективность выявления этих настроений.

Начальник политотдела
генерал-майор *Козлов*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

В связи с великолепными победами, одержанными Красной Армией и армиями наших союзников, в полку наблюдается небывалый морально-политический подъём политической активности.

Политико-воспитательная работа с личным составом направлена на укрепление дисциплины, повышение культурного уровня, самосознания и ответственности военнослужащих.

Ежедневно проводятся политинформации по газетному материалу специально назначенными офицерами.

Для всего личного состава проведено собрание на тему «Как относиться к материальным ценностям, завоёванным у врага» и беседа «Трофейное имущество – достояние нашего государства. Оберегай и не расхищай его».

Направляю наиболее характерные вопросы, заданные сержантами и бойцами на политзанятиях и в беседах с политработниками.

1. О сравнении жизни у нас и в Германии:

Сержант Земсков: «Земли в Германии у немцев очень скудные, хуже, чем у нас, почему же урожаи они собирают в 2–3 раза больше, чем у нас в Воронежской области, славящейся своим чернозёмом?»

Красноармеец Кондрахин: «Наша страна очень богатая, так почему в наших сёлах и деревнях такие плохие жилища?»

2. И на политические темы:

Сержант Туров: «Немцы разрушили у нас тысячи городов. Почему их не мобилизовать и не заставить всё восстанавливать? Можем ли мы обратиться с этим вопросом в правительство?»

Красноармеец Бородин: «Будут ли возвращены в Советский Союз немцы, жившие там до 1941 г. и эвакуированные гитлеровцами в Германию?»

Красноармеец Волонцевич: «Если немцам предоставят самостоятельно управлять государством, то может ли возродиться фашизм?»

Сержант Мелешко: «Может ли наш советский человек остаться жить в каком-либо государстве, если он пожелает?»

Красноармеец Акатьев: «Когда будет ликвидирован фашистский строй в Испании?»

На все заданные вопросы бойцам и сержантам даны исчерпывающие высокоидейные ответы.

Полковник Наумов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

На запрос о политическом настроении и разговорах личного состава, связанных с окончанием войны и переходом войск на мирное положение, доношу:

В радушных беседах с бойцами и офицерами установлено:

1. а) Какие вопросы волнуют пожилых многосемейных военнослужащих?

Это вопрос о времени их демобилизации из армии. Многие заявили, что они честно выполнили свой долг перед Родиной и им пора по домам, чтобы восстановить разрушенные немцами хаты, да и скоро наступает горячая пора, сенокос, уборочная, и они гораздо больше принесут пользу государству, работая в колхозе, на заводе, учительствуя.

Привожу наиболее характерные высказывания.

Ефрейтор Сташевский, 45 лет, кандидат в члены ВКП(б), имеет трёх детей, жена умерла, один сын погиб на фронте: «Пока была война, я чувствовал и понимал свой долг перед Родиной, службу нёс добросовестно и о семье думать не приходилось. Война закончена, теперь и домой пора».

Ефрейтор Герасимов, 52 лет, беспартийный, трое сыновей погибли на фронте: «Прошёл и участвовал в трёх войнах, почти всю жизнь провёл на войне. Стал стариком, устал, домой хочется».

Рядовой Полковниченко, 50 лет, беспартийный, дома жена, четверо детей: «Семья живёт скудно, дети сидят без обуви и одежды, голодают. Нужно ехать домой, поднимать хозяйство, налаживать жизнь».

Сержант Чернявский, 48 лет, имеет 5 душ детей: «Пока была война, не так хотелось домой, а теперь много думаю о доме. Жена пишет — приезжай скорей, дети соскучились, хозяйство разрушено, да и она измучилась порядком».

Ефрейтор Войтов, 47 лет: «Воюю скоро четыре года. Война надоела, хочется домой в Смоленск».

Ст. лейтенант Калюжный, беспартийный: «Война закончилась, я отдал всё, что мог, для нашей страны, теперь я бы не хотел оста-

ваться в рядах Красной Армии и поехал бы домой учительствовать. Буду добиваться демобилизации, если не демобилизуют, придётся запить, с тем чтобы из армии выгнали».

б) Что говорит по этим же вопросам молодёжь 1923–26 гг. рождения?

Среди молодёжи демобилизационные вопросы единичны. Сейчас, когда большинство получили от родных радостные письма и поздравления с Победой, одно горячее их желание — за 2,5 года на фронте хоть на месяц получить отпуск, чтобы увидеть своих родителей, жён, любимых.

Отражают настроения следующие высказывания:

Капитан Зеленцов, член ВКП(б), на фронте с 1941 г.: «У меня жена молодая, я её не видел четыре года, может быть, уже вышла замуж, не пишет последние два месяца, хочу встретиться с ней».

Майор Воловой, в Красной Армии с 1939 г.: «В армию пошёл, мне было 20 лет, а сейчас — 26, я не видел молодой жизни, годы идут, а я по-настоящему с девушками не гулял. Хочется семьи, детей».

Среди молодых офицеров у многих есть стремление поехать на учёбу в военные училища, и их интересует, как это можно осуществить.

Но некоторые жалуются на состояние здоровья и ждут, что все они должны пройти военно-медицинский осмотр на предмет годности их службы в кадровой армии.

в) Настроения офицеров, призванных из запаса.

Кадровые офицеры ждут разрешения выписать сюда в Германию свои семьи, которых они не видели в течение четырёх лет войны, чтобы продолжить службу в рядах Красной Армии.

Капитан Попов: «Наше правительство и партия всегда проявляли исключительную заботу об укреплении советской семьи, и быть этого не может, чтобы не разрешили вызвать нам семьи по месту службы. Если не разрешат, то это будет способствовать бытовому разложению в армии».

Майор Якименко: «Я семью не видел более трёх лет, ждал конца войны и надеялся на радостную встречу с семьёй. Но война закончилась. Оставшись в оккупационной армии на территории Германии, надежда у меня на встречу с семьёй исчезает, и теперь остаётся одно — подыскать немку».

Майор Поляновский: «Если бы разрешили привезти семью, то зажил бы по-новому. Работал бы день и ночь, а после работы, возвращаясь к семье и детям, не чувствовал бы никакой усталости, а только духовный отдых».

Выводы: общее настроение всего личного состава здоровое. Однако демобилизационными настроениями охвачена значительная часть бойцов пожилого возраста и офицеров запаса, главным образом имеющих специальность (агрономы, учителя, механики, комбайнёры, техники, инженеры и т.д.).

Настроения демобилизационного и отпускного порядка имеют форму добродушного высказывания в мечте о Родине и семье, которые отрицательно не сказываются на поведении бойцов и офицеров.

Одновременно доношу, что в связи с предстоящей демобилизацией у бойцов возникает ряд конкретных вопросов. Так, например, в личных беседах красноармейцы Васильев, Ибрагимов и другие спрашивали:

1. До войны я был мастером на одном заводе, но за время войны выросли молодые мастера и заняли наши должности. Когда вернусь домой, смогу ли я занять прежнюю должность?

2. Будет ли засчитываться профсоюзный стаж за время пребывания на Отечественной войне?

3. Придёт время, приеду я домой, надо будет отдохнуть после войны. Дадут ли на время отдыха карточку на хлеб?

На эти вопросы прошу дать правильные ответы и дополнительные разъяснения.

2. Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией разные. Часть офицерского и сержантского состава высказывается, что мы должны поехать на Дальний Восток добивать японцев и помочь нашим союзникам так же, как и они помогали разгромить и добить немцев.

Ефрейтор Гаркуша: «На Востоке с Японией не кончено. Без нас союзникам там быстро не справиться».

Ефрейтор Смехов, член ВЛКСМ: «Если будет война с Японией, я первым поеду и буду бить их больше, чем немцев. С Японией нам воевать придётся, но мы им дадим почувствовать, что такое Красная Армия».

Другая часть заявляет, что мы достаточно повоевали с немцами и на Дальнем Востоке нам делать нечего, да и англичане с американцами сами в состоянии в течение месяца добить японца (сержант Кузнечкин). Японский народ, учтя горький опыт Германии, должен быть умнее немцев и немедленно капитулировать (капитан Свиридов).

3. Настроение военнослужащих в связи с изменением нашего отношения к немцам и организации продснабжения немецкого населения.

В большинстве своём бойцы и офицеры заявляют, что они с мирным немецким населением не воевали и не воюют. Многие высказывали понимание и сочувствие к тому, что немецкое население голодное как волки, и если их не кормить, то умрут с голоду. Кормить их нужно, но также нужно их заставить работать, чтобы они покрыли наши убытки в войне и восстановили разрушения, причинённые нашей Родине.

Своё личное несогласие к продснабжению гражданского немецкого населения высказал капитан Авдеев Степан Григорьевич, 1919 г. рожд., русский, член ВКП(б), на фронте с 1941 г., образование высшее, до войны работал учителем истории в средней школе гор. Вязьмы. С болью и горечью он сказал: «В истории войн после победы и капитуляции победители всегда претендовали на награды, трофеи, а побеждённые подлежали искоренению или их угоняли в рабство. Мы, конечно, не варвары и не стремимся к уничтожению немцев как нации. Но и обласкивать и кормить их, обеспечивая продпайком, считаю ошибочным. Мне непонятно сейчас, откуда такая отеческая забота о тех, чьи мужья, сыновья, братья уничтожали наш народ, грабя, ничем не гнушаясь, всё подряд и отсылая награбленное своим семьям, которых это тогда не смущало, забирали последние крохи у детей, обрекая их на голодную смерть без всякого сострадания. Наверно люди подзабыли о всех мучениях, испытанных нашими семьями, и стоит всем напомнить, как это было, как немцы претворяли свой «гуманизм» на нашей земле, чтобы окончательно не размякнуть и в душе не щипало от жалости к ним».

У капитана Авдеева С.Г. в 1941 г. погибли мать, отец, жена, 6-летняя дочь и ученики его 9 класса, судьба остальных родственников тоже не известна, с 1942 г. он не получил ни одного письма. С капитаном Авдеевым С.Г. мною лично проведена беседа по душам, посоветовав ему не распалять ненависть в себе и не заражать ею своих подчинённых. В одном он прав – об этом всегда надо помнить и никогда не забывать.

Полковник Фролов

20. НЕМЕЦКИЙ «ГУМАНИЗМ»

Москву стереть с лица земли, а на её месте
устроить гигантское водохранилище...
Киев и Петербург уморить голодом...

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ 1941 г.

Из дневника министра пропаганды Йозефа Геббельса (9–15 июля 1941 г.)

...Фюрер чрезвычайно доволен тем, что маскировка приготовлений к восточному походу вполне удалась и весь маневр проведён с невероятной хитростью.

На совещании 9 июля фюрер подчеркнул насколько своевременным было наступление на Восток и отличие нынешней войны от прошлых: хорошие качества немецкого солдата, добротность военного снаряжения и техники, намного превосходящие противника, фактор внезапности нападения...

...Фюрер трезво и реалистично рассмотрел наши военные прогнозы... Предварительные итоги говорят о том, что война на Востоке в основном уже выиграна: две трети большевистских сил уже уничтожены или же сильно потрёпаны... пять шестых воздушных и танковых сил уже могут считаться уничтоженными.

...Придётся ещё вести целый ряд сражений, но от полученных ударов большевистские вооружённые силы уже более не оправятся.

...Повторение судьбы Наполеона невозможно, хотя – ирония судьбы! – мы выступили против большевизма в ту же ночь, когда Наполеон перешёл русскую границу...

...У нас имеется достаточно резервов, чтобы устоять в этой гигантской борьбе. От большевизма не должно остаться ничего...

...Трудность представляет лишь пространство, придётся оккупировать огромные территории, и поэтому поход на Восток не идёт ни в какое сравнение с прошлогодним походом на Запад...

...Если нам возражают, что подобными способами, какими мы ведём войну, мы не сможем получить колоний – это неважно. Имея огромные пространства России, нам никакие другие колонии не нужны...

...Фюрер намерен стереть с лица земли такие города, как Москва, Киев и Петербург. Да это и необходимо! Ибо если мы хотим рас-

членить Россию на отдельные составные части, то это огромное государство не должно обладать ни духовным, ни политическим, ни хозяйственным центром.

...Москву стереть с лица земли, а на её месте устроить гигантское водохранилище, чтобы истребить всю память об этом городе и о том, чем он был.

...Фюрер хочет по возможности сберечь солдат, он намерен Петербург и Киев не брать штурмом, а заморить голодом. Его план состоит в том, чтобы с помощью артиллерии и авиации не допустить снабжения окружённого Петербурга. От города, вероятно, немного останется. Первыми воздушными налётами будут уничтожены водные, электрические и газовые сооружения... среди миллионного населения возникнет хаос...

Кронштадт будет так разбит тяжёлой артиллерией, что вынужден будет капитулировать.

...Москва падёт 4 августа. Кто бы мог нам предсказать пять лет назад, что наш фюрер будет вести пропаганду из Москвы на весь мир!

...Фюрер считает, что восточный поход настолько удаётся, что может рассматриваться как выигранный. Война продлится всего шесть недель. То, что ещё останется — это работа, скорее подчистка, руками эсэсовских айнзатц-групп[1].

...В Москве, по-видимому, царит невероятный хаос. Но это не наша забота. Борьба, которую мы ведём — кровавая, жестокая и требует больших жертв, но она необходима. Нашей заботой является уничтожение большевизма до основания и ликвидация всякой возможности для его политического и военного существования.

...Мы не придаём значения тому, что большевики уничтожают урожай, мы можем обойтись и без сбора его в этом году, в наших расчётах он не учтён, но зимой в России разразится такой голод, какого ещё не знала история. Не наша забота, сколько миллионов вымрет русских, это только поможет нам в продвижении до Волги, Урала и Сибири. Каждый создаёт себе такой рай, которого он желает.

...Усмирение русских областей в случае их сопротивления будет проводиться хорошо обученными специальными экспедициями.

[1] Айнзатц-команда, группа — мобильные фашистские террористические части, предназначались для уничтожения военнопленных, проведения акций по ликвидации населения на оккупированных территориях. Формировались из состава СС, СД и полиции безопасности ЗИКО.

...Мы не потерпим, чтобы где-либо в незанятой нами временно части России образовался какой-либо военный или военно-промышленный центр.

...Жестокость на войне – это благо для будущего. Речь идёт о борьбе на уничтожение и никаких законов солдатского товарищества для этого нет.

Из дневника начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера от 8 июля 1941 года

...Фюрер принял твёрдое решение – сровнять с землёй Москву и Ленинград, чтобы там не осталось людей, которых нам бы пришлось кормить.

...Города должны быть уничтожены с воздуха.

...Необходимо гнать беженцев из городов, применяя огонь, так как об их пропитании не может быть и речи. Речь идёт не о том, где погибнут от голода беженцы, а о том, погибают ли они вообще.

Из выступления рейхсминистра внутренних дел Генриха Гиммлера перед командирами дивизий СС «Мёртвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт Адольф Гитлер»

...Мы должны вести войну и наш поход с единственной мыслью, как лучше всего отнять у русских людские резервы – живыми или мёртвыми?

...Их надо убивать и брать в плен, оставляя безлюдную территорию.

...Последовательно проводить линию на уничтожение людей, тогда русские в короткое время потеряют всю силу и истекут кровью.

Из особых распоряжений для районов военных действий по плану «Барбаросса»

...2. Об обращении с гражданским населением

Всякое активное или пассивное сопротивление гражданского населения необходимо пресекать в корне самыми строгими методами воздействия.

...Немецкий солдат является полновластным, абсолютным господином в занятых областях.

...Следует отказаться от всякого доверия и расправляться твёрдо, уверенно и беспощадно с враждебно настроенными элементами и лицами им сочувствующими.

«ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ» НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

На голубом, почти новом костюмчике
для Пупи, есть пятна крови...

Рядовой санитар Эрих Нахлер

20 июля

«...Сейчас мы находимся в Лепеле, его можно найти на карте. Было ужасно: всё сожжено, не осталось и малой части города. Но я не видел, чтобы русские поджигали их сами. Обезумевшее население бегало среди развалин и пожарищ и спасало свои убогие пожитки. Много убитых русских и лошадей. Удручающее впечатление о молодчиках из айнзатц-команд. Вместо того, чтобы сражаться на фронте, они на оккупированной территории выказывают свою храбрость перед лицом безоружных, добивая штыком, прикладом ещё живых... На моих глазах военврач Рохалл сорвал бинты с раненых и лично застрелил 4 русских...»

Ефрейтор войск СС Вилли Штенрубе

23 июля

Дорогая мама!

Украина это сказочно богатая земля, тучный украинский чернозём создан Богом для немецкого плуга, но невежественные, отсталые и ленивые крестьяне не хотят, не умеют и не могут её как следует обрабатывать. Если дать им современные машины, организовать здесь наш немецкий труд и заставить их по-настоящему работать, Украина может прокормить не только Германию, но и все присоединённые страны и территории.

Мы живём здесь как боги. Куры, гуси, яйца, жаркое, масло, сливки, сметана, соки, вино, мёд – каждый день.

Но брать из рук этих грязных и на вид больных людей опасно и страшно: стошнило бы сразу и я не смог бы в рот ничего взять, поэтому достаём всё сами очень просто, без долгих разговоров, но соблюдая немецкую чистоту. Если мы хотим мяса, то берём свинью, телёнка или гусей и режем. Если хотим парного молока – доим первую попавшуюся корову. Если хотим мёда, достаём его прямо в сотах, да так ловко, что ни одна пчела не укусит.

Вот и сейчас меня зовёт товарищ, он очистил один улей и я спешу отведать свежайшего мёда. Вы никогда не пробовали натуральный чистый пчелиный мёд и я обязательно Вам пришлю в посылке

этот божественный нектар. Мы с полным правом считаем, что всё это богатство и изобилие принадлежат нам. Если же это кому не нравится, то стоит только сунуть в зубы пистолет, и воцаряется тишина. Точно так же поступают солдаты и когда им нужна женщина. Как Вы понимаете, мы здесь с этим сбродом не церемонимся, особенно они боятся нас — войск СС.

Чувствовать себя победителем и на каждом шагу показывать, что мы, немцы, господа и абсолютные хозяева, удивительно приятно. Мне такая жизнь очень нравится. Одного лишь не хватает — холодного светлого немецкого пива.

За месяц я послал Вам четыре посылки. Вещи не прима, но это солдатская добыча, которая не стоила мне ни пфеннига.

Как Вы понимаете, посылки мне можно не посылать, разве только пирожные.

Ефрейтор Вальтер Кох

28 июля

Моё бесценное сокровище!

Сегодня для меня день счастья, потому что мы вторые сутки на отдыхе, утром играли в карты, и я за час выиграл 6 марок. В это время Вилли Гайнер, не имевший позавчера возможности отметить день своего рождения, приготовил огромный рисовый пудинг с изюмом и кремом. Это без преувеличения божественное блюдо мы уплели вчетвером за его здоровье, распив при этом бутылку советского шампанского, скажу тебе, моё счастье, совсем недурного, и котелок натурального бразильского кофе.

Затем мы прослушали доклад офицера из роты пропаганды, который тоже доставил нам немало радости. За месяц мы прошли на Восток 750 км, всё идет по плану фюрера, и в августе месяце мы в любом случае должны быть в Москве. После капитуляции России наступит очередь Англии, а затем и Америки, если она сама до этого не сдастся. Всё это теперь вопрос нескольких месяцев. Слово фюрера, являющееся сегодня законом не только для немцев, но и для Европы, не позже чем через полгода станет законом для всего мира.

А русские, представь себе, моё сокровище, настолько тупы, что, проиграв войну, продолжают сбрасывать листовки с призывами переходить на их сторону. Эти листовки составлены столь наивно, и в то же время столь изощрённо, ну чисто по-еврейски. Кто раньше не чувствовал презрения к этим подонкам, научится этому здесь. Немецкого солдата никто не оторвёт от фюрера, а тем более — рус-

ский еврей. Эти листовки нам крайне полезны, мы используем их в качестве сортирной бумаги, хотя частенько приходится пользоваться пальцем. Но кто ж в этом виноват?

Командир нашего батальона майор Зайферт убеждён, что русских надо расстреливать на каждом шагу, и мы эту задачу выполняем.

После доклада мы продолжили игру в карты, и я выиграл ещё 9 марок. Совсем не дурненько, а? Деньги эти, вместе с другими, всего 50 марок, я вышлю тебе завтра. Одновременно отправлю тебе и очередную посылку. Для отправки у меня приготовлены следующие вещи.

Для Пупи: костюмчик голубой шерстяной вязаный, костюмчик матросский шерстяной тёмно-синий с шапочкой, ботиночки новые кожаные – 2 пары, туфельки коричневые, варежки шерстяные красные. Всё это сейчас великовато, но когда Пупи подрастёт, будет в самый раз.

Для тебя, моё счастье, я посылаю: отрез шерсти тёмно-коричневый 3,5 метра, отрез синего шёлка – 3,2 м, розового шёлка – 3,05 м, туфли чёрные лакированные, пояс кожаный и мыло туалетное – 6 кусков. Есть ещё два золотых кольца, серьги с камешками и браслет, тоже золотые, но я не решаюсь доверить их почте, это рискованно, и вручу тебе их лично при нашей встрече в недалёком будущем вместе с тысячей горячих поцелуев.

Для мамочки: две новые кофты вязаные – голубая и красная, чепчик ночной с вышивкой, туфли домашние и шерсть – 5 клубков.

Для отца: пальто кожаное, почти новое, шапка из каракуля и четыре куска подошвенной кожи.

Всё это в одной посылке, понятно, не поместится, и будет мною выслано в три приёма.

На голубом, почти новом костюмчике для Пупи, есть пятна крови. Извини, моё сердечное сокровище, но в полевых условиях, в которых мы находимся, вывести их очень сложно, ты же это сделаешь без труда у дядюшки Герберта.

Ты писала о каких-нибудь картинах в золочёных рамах и других предметах искусства. Я об этом помню всё время, но ничего подходящего не встретил. Здесь полно пропагандистских плакатов и всевозможных портретов Сталина, которые русским, очевидно, заменяют иконы. Однако ничего хорошего или ценного, ничего, о чём ты мечтаешь для нашего гнёздышка, я ещё не видел.

Целую Вас обоих долгим и крепким поцелуем.

Ваш папашка Вальтер

Обер-лейтенант СС Карл Радер

Восток, 2 августа

Герр Фриц Мюллер!

Сейчас мы, верные солдаты фюрера, делаем мировую историю, и это мне нравится.

Лично горжусь тем, что это на нашем участке был взят в плен сын нашего смертельного врага Сталина, но вы об этом достаточно читали и видели в кинохронике.

Восточный фронт дал мне возможность ещё более утвердиться в правильности идей национал-социализма.

Всем тем людям, кто раньше был недоволен политикой национал-социалистов, не желаю ничего более худшего, кроме как на несколько дней побывать в этом раю «Советская страна».

Советский рай — это чудовищное сплошное надувательство. Я уверен, что самый заядлый коммунист, отравленный или поддавшийся наглой большевистско-еврейской пропаганде, который увидел бы то, на что насмотрелся я, навсегда бы вылечился от своего умопомешательства. Горчайшая бедность, дороги страшные (их просто нет!), жалкое состояние жилищ, крестьянские дворы ещё хуже — грязные вонючие развалюхи; в огородах — только бураки, тыквы, бобы; жрут то, что варят свиньям, живут вместе с коровами, запахи ужасные, полно блох и кошмарная антисанитария.

Ужасающе низкий уровень социальной жизни — на уровне первобытного существования. Ни о какой цивилизации и элементарной культуре, так ценимых немцами и вскормленных с молоком матери, здесь даже представления не имеют.

Русские привыкли к страдальческой жизни, у них выработана потрясающая нетребовательность ко всему — бытию, духу, радостям. Вот картинка «первого государства мира».

Что люди здесь имеют, так это не более их собственная жизнь, но и ею распоряжаются Советы, и цена ей меньше пфеннига. Жалкие существа — забитые, больные, полуголодные, одетые в тряпьё. Трудно поверить, что среди этих несчастных животных в лохмотьях могут быть люди. Когда видишь этих человекоподобных существ и эту бедность, то благодаришь Бога, что у нас в стране нет врага.

Возле нас лагерь с 20 тысячами русских. Парни воняют как свиньи. Убеждаюсь, что и вся Россия — это одно свиное стойло.

На фотографиях, которые я Вам послал, Вы увидите этих дегенератов, на лицах большинства — тупость и безразличие. Вполне

достаточно этого наглядного пособия, чтобы понять, что представляет собой их рай – «благословенный коммунизм». Счастлив тем, что каждого русского, которого я встретил и убил, я навсегда вылечил от коммунистического безумия.

Можете себе представить, что эти папуасы представляли нашего фюрера, как какое-то чудовище: будто у него всего один глаз и одна рука. Когда же мы им показали его портрет, где он со всеми регалиями, то они нашли Гитлера очень симпатичным.

Мы должны гордиться, что являемся немцами – великой расой, призванной фюрером очистить мир от умственно отсталых, идиотов, больных и немощных стариков и установить наши немецкие порядок, культуру и идеологию.

Русские же должны быть рабами, только отобранным, физически крепким и здоровым будет позволено после нашей победы жить и трудиться на благо и процветание Великой Германии.

Уже почти два месяца мы не пили пива, не ели пирожных, не смотрели наши фильмы, не слышали нашей музыки, кроме канонады орудий, спали в одежде или под открытым небом у тётушки Травушки, чтобы не набраться вшей, блох или другой заразы. Но, служа великому делу, мы охотно принимаем эти лишения.

Русские поставлены на колени, но пока не капитулируют. Ненависть их к нам превышает здравый смысл.

Своим огнём и мечом мы безжалостно подгоняем их к прекращению бессмысленного сопротивления.

Единственное, что доставляет хлопоты – это партизаны, схватить которых удаётся с трудом. Но руководимая мной айнзатц-команда с большим успехом расправляется с ними и местным населением, которое им помогает и укрывает. За одну такую операцию-зачистку меня представили к награде. Испытываю ни с чем не сравнимое наслаждение, без сожаления убивая беременных самок, чтобы они не плодили ублюдков.

Победа будет нашей, даже если она будет трудной и будет стоить многих жертв, но Германия доведёт до конца эту великую и справедливую битву. Через жертвы – к победе!

Я счастлив, что нахожусь в передовом авангарде этой борьбы и являюсь маленьким винтиком, «санитаром» фюрера, исполнителем его воли, призвавшего очистить землю от большевистско-еврейского отребья.

Хайль Гитлер!

Ваш верный, преданный член партии Карл Радер

Обер-лейтенант СС Герберт Штальбаум

Мой славный старичок!

Настало время, когда благодаря нашему Фюреру, я смогу отомстить русским за позор немецкой армии и твои раны, полученные в прошлой войне.

С гордостью сообщаю, что мне полностью удаётся реализовать себя благодаря хладнокровию истинного арийца, презрения и ненависти ко всем русским, которые ты, дедушка, во мне воспитал. Жизнь моя весёлая, кипучая и разнообразная.

В июле отловили в лесах сто недострелянных на поле боя русских, от которых ничего нельзя было добиться, и после допроса, не церемонясь, расстреляли всех доходяг, через два дня в наши сети попали ещё триста, которых тоже отправили в расход, чтобы не обременять тылы.

Сейчас началась охота на партизан. Это бродячие банды, которые взрывают железнодорожное полотно и устраивают пакостные диверсии. Задача руководимой мной команды – очистить деревни и хутора, где они скрываются. Мы действуем споро, окружаем деревни и просто сжигаем их дотла.

Представляешь, в России есть городки, где население полностью состоит из евреев. На днях провели акцию по их ликвидации. Всех жидов городка согнали на окраину. Эти бессловесные жалкие твари безропотно разделись почти догола и партиями по десять человек выстроились на краю рва, заполненного водой.

По моей команде раздался залп и первые десять нырнули в канаву, пусть очищаются от своей жидовской вони перед уходом в загробный мир. И так продолжалось, пока всю тысячу не оприходовали – каждому в команде было выделено по 200 патронов.

Ни у кого не дрогнула рука, стреляли метко, их ублюдочных детей отправляли вслед за ними.

За успехи в этой акции мою команду отметили благодарностью и пятерым впервые был предоставлен трёхдневный отпуск.

Мне, к сожалению, отпуск отложили, потому что капитан, командир батальона, был убит снайпером-партизаном, и я назначен на его должность.

Надеюсь, мои успехи будут отмечены не только отпуском, повышением в должности, но и наградой.

Молитесь с бабушкой за меня и скорейшую с вами встречу.

Любящий Вас внук

Ефрейтор Александр Шандл[1]

Марии Мавик: «...В настоящее время я нахожусь не в своем батальоне, а в карательном отряде, где я могу хорошо поесть, но много и от нас требуют. Всегда вперёд, встать, бегом марш! Нас 30 человек, но, как говорят, партизаны нас очень боятся: мы никого не берём в плен, а вешаем этих бродяг, женщин расстреливаем сзади. Днём и ночью мы в походах. Всегда через болота и леса, и в каждом углу нас поджидает смерть. Поэтому – пей, пей, братец, пей!»

Родителям: «...Я обучен сапёром, быть может это глупость, но перешёл в карательный отряд батальона. Вхожу во вкус своей новой работы. Завтра делаем налёт на партизанский район. Увлекательная погоня и охота с собаками, весь горю от нетерпения...»

Терезе Мунград: «...У меня теперь много свободного времени, ибо состою в карательном отряде. Хотя мы 4–5 дней находимся в пути, два дня стоим на месте, но когда мы выходим на «работу», так мы называем свои операции, надолго заряжаемся энергией и адреналином. На фотографиях, которые я послал, ты можешь представить нашу жизнь: я верхом на визжащей откормленной свинье, всем весело, но особенно обрати внимание на мои сапоги, снятые с комиссара перед расстрелом – настоящий хром! Второй снимок, надеюсь, тебя порадует: шестеро висят вниз головой и под каждым табличка: «Партизан», «Она не хотела работать на Германию». Я – справа с автоматом и в каске, а рядом – Фриц Грубе».

[1] Помимо писем у убитого обнаружены неиспользованные «поцелуйные карточки» с отрывными талонами на право пользования специальными женщинами, которых немцы возили в тылах.

21. ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ

УКАЗАНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

12.05.45 г.

Военным комендантам городов

Во исполнение директивы тов. СТАЛИНА № 11072 от 20.04.45 г. «Об изменении отношения к немцам» Военный Совет и Политуправление 1-го Белорусского фронта дают следующие указания:

1. Снять свастику с одежды заключённых немцев и в дальнейшем клеймение немцев запретить.

2. Освободить из-под стражи всех немцев, за исключением лидеров националистических партий, активных руководителей СС, СА, гестаповцев и их пособников.

3. Все освобождённые немцы подлежат учёту в военных комендатурах.

4. Выдать освобождённым немцам паспорта, а за отсутствием паспортов – временные удостоверения.

5. Всех освобождённых из-под стражи расселить в квартирах и предоставить им работу через биржу труда на общих основаниях.

6. Категорически запретить создавать немецкие гетто.

7. Во всех населённых пунктах провести назначение местных органов власти – старост, бургомистров из числа немцев, лояльно относящихся к Красной Армии.

8. Провести работу по налаживанию нормальной жизни в городах и сельских местностях, восстановлению коммунального хозяйства и водоснабжения.

9. Обеспечить снабжение населения продовольствием согласно установленного порядка и норм выдачи, в первую очередь, молоком детей.

10. О проделанной работе доносить в политотделы армий.

Член Военного Совета
генерал-лейтенант Телегин

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 71 АРМИИ

Военному Прокурору 1-го БФ

В соответствии с директивой Главного Военного Прокурора КА от 3.09.43 г. и указаний ВС и ПУ 1-го БФ от 12.05.45 г. докладываю о проведённой работе по выявлению нацистских преступников и их активных пособников.

Военной прокуратурой 71-й армии в мае с.г. органам контрразведки «Смерш» было дано 127 санкций на арест гражданских лиц.

Всего в производстве следствия в ОКР «Смерш» в мае с.г. находилось 75 дел, окончено следствием 48 дел на 67 человек, и материалы направлены в Военный трибунал.

На доследование дел возвращено не было.

Наиболее характерными делами являются:

1. Дело по обвинению Шпаринга Рудольфа, Виритца Вернера и Бантмана Иогана по ст. 58–4 УК РСФСР. Все они работали в фашистской газете «Дас Райх» с 1943 года: Шпаринг Рудольф – старшим редактором, Виритц Вернер – редактором, Бантман Иоган – постоянным корреспондентом.

Официально «Дас Райх» именовалась органом Министерства прессы, но по существу была органом руководителя пропаганды гитлеровской Германии Геббельса и по своему значению занимала второе место после известного своим мракобесием органа фашистской партии газеты «Фелькишер Беобахтер».

Все трое были активными участниками фашистской политики, направленной против Советского Союза, на свержение Советского строя, писали и редактировали много статей с призывами вести смертельную борьбу против Красной Армии и СССР.

Военный трибунал 71 армии приговорил:

– Шпаринга Р. и Виритца В. к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества;

– Бантмана И. – к лишению свободы с отбыванием в ИТЛ сроком на 10 лет.

2. Дело по обвинению Шмидта В., Госита, Зендера Г. и др. (всего в количестве 10 человек) по ч. II Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19.04.43 г.

Вся группа лиц, привлечённых к уголовной ответственности, работала в Берлинской тюрьме Плацензее, где содержались политические заключённые разных национальностей, в том числе и советские граждане, насильно угнанные на работу в Германию.

Заключённые подвергались всяческим издевательствам, истреблялись голодом и казнями посредством специально оборудованной гильотины и через повешение.

Врач Шмидт Вильгельм принимал активное участие в казнях, констатировал смерть, причём, при отсечении головы заключённого на гильотине, собирал кровь, которая впоследствии применялась для лечения немецких солдат.

Раслер Иоган, являясь инспектором снабжения тюрьмы, систематически уменьшал рационы питания заключённым, моря их голодом, в результате – многие умирали от полного истощения.

Зендер Г., Витт Э., Долихоп, Книтцке работали в тюрьме в должности гауптвахтмейстеров, систематически избивали, истязали заключенных и участвовали в казнях.

Приговором ВТ 71 армии все 10 человек обвиняемых приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Остальные дела подобны приведённым выше.

3. Дело по обвинению Козловского В.Ф. и Дубкова И.И. по ст. 58–1 «а» УК РСФСР.

В марте 1945 года Козловский и Дубков были завербованы в качестве агентов немецкой разведки и после непродолжительного обучения разведывательному делу 12.04.45 г., будучи снабжены фиктивными документами, на немецком самолёте с группой агентов в количестве 5 человек были переброшены в тыл Красной Армии со шпионскими и террористическими заданиями.

В течение двух недель они собирали сведения о движении по дорогам частей Красной Армии и сообщали немецкой разведке по радиостанции.

Военный трибунал армии приговорил:

– Дубкова И.И. – к высшей мере наказания – расстрелу;

– Козловского В.Ф. – к лишению свободы в ИТЛ сроком на 25 лет.

Нарушений закона при задержаниях, арестах, ведении следствия, незаконного содержания под стражей, незаконных методов ведения следствия и др. нарушений УПК не имеется.

Задержек следствия по делам, расследуемым органами «Смерш», не было.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД

14.05.45 г.

Военному Прокурору 71 армии

Немецкое население, напуганное нацистской пропагандой о «зверствах русского солдата», в первое время испытывало неимоверный страх перед Красной Армией: целыми семьями отсиживались в подвалах, боялись выйти на улицу, закрывали двери и окна и, если слышали стук в дверь, сразу начинали кричать и плакать. Люди были запуганы до такой степени, что доходило до курьёза. Так, старуха-немка с удивлением сказала: «Уже прошла неделя, как пришли русские, а я ещё жива». Такой животный страх можно было бы понять, если бы не страшный случай фанатичного убийства.

В заброшенном сарае в дер. Зюбитц обнаружили 4 свежих трупа – женщина и трое детей с перерезанным горлом, рядом с которыми лежал истекающий кровью мужчина. На последнем издыхании Эрмин Шварц успел рассказать, что ещё до прихода советских войск он твёрдо решил действовать против Красной Армии, как того требовали от него партия и фюрер. Убийство жены и детей он совершил ради того, чтобы об этом узнали остальные немцы и распространили слух, что всё это совершили советские солдаты.

В соответствии с указаниями Военного Совета и Политуправления фронта была организована проверка выполнения директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 11072 «Об улучшении отношения к немецкому населению и военнопленным».

Анализируя материалы проверки, следует отметить, что директива товарища Сталина военнослужащими понята правильно.

Если раньше взаимоотношения военнослужащих с местным немецким населением и эвакуированными были не нормальными – иные бойцы и после окончания войны чувствовали себя больше мстителями, чем победителями, не каждый ещё до конца осознал, что немецкий народ также вынес немало страданий и имеет свой счёт к фашистам, – то сейчас абсолютное большинство бойцов, сержантов и офицеров, правильно понимая значение и назревшую необходимость более гуманного отношения к немцам, стали не только лучше относиться к гражданскому населению, но и резко одёргивать тех, кто ведёт себя неправильно.

Случаев вызывающего поведения наших людей по отношению к немцам – расстрелов гражданских жителей и военнопленных, самочинного изъятия имущества и продуктов, группового изнаси-

лования немок — не было. Достаточно сказать, что за последние дни части дивизии взяли в плен свыше 6 000 немецких солдат и офицеров, и никто из красноармейцев к военнопленным не сделал никакого выпада.

Создано общественное мнение нетерпимости по отношению к тем, кто недостойно ведёт себя, их одёргивают и осуждают товарищи, они привлекаются к ответственности по командной и политической линии. Случаев грабежей и мародёрства стало значительно меньше, но полностью пока не изжиты.

Так, коммунист сержант Карелин, увидев, как один из его бойцов забрал у хозяина дома трое карманных часов, заставил их немедленно возвратить.

Мл. лейтенант Лантух и лейтенант Керсич отняли у гражданских два кожаных пальто, за это они были преданы суду офицерской чести.

Трое бойцов самовольно зашли в квартиру к немцам и рылись в домашних вещах. Были задержаны сотрудниками ПО корпуса и доставлены в полк. По этому случаю был выстроен весь полк, проведена разъяснительная работа и перед строем командир полка наложил на них дисциплинарное наказание — по 10 суток домашнего ареста.

Если групповые изнасилования немок прекращены, то скрытые факты индивидуального насилования продолжаются. Так, рядовой Терёшин, русский, член ВКП(б), без разрешения своего командира ушел ночевать в одну квартиру и, как после выяснилось, изнасиловал проживающую там немку, которая на другой день пришла к командиру полка с жалобой. Терёшин решением партбюро полка исключён из членов ВКП(б).

Установлены факты непринятия командирами частей оперативных и решительных мер по учёту и охране захваченного трофейного имущества. На территориях частей и, особенно, по берегам Эльбы скопилось много трофеев: автомашины, оружие, бродило до 400 лошадей и много скота. Легковые автомашины и мотоциклы забрали старшие и младшие офицеры, коим они не положены, за руль садятся неопытные водители, поэтому участились транспортные аварии.

По вопросу наведения порядка с трофейным имуществом военной прокуратурой направлено представление командиру дивизии.

Майор юстиции Булаховский

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОДЕЛА 132 СД

16.05.45 г.

Доношу об обстановке в г. Шпандау после его освобождения и отношении гражданского населения к Красной Армии.

Шпандау является крупным центром военной промышленности Германии. В городе работали станкостроительный завод, завод по изготовлению приборов для авиапромышленности, завод оптических приборов, снабжавших немецкую армию. Заводы разрушены, но часть заводского оборудования в них сохранена и может быть использована. Более сохранился сталеварный завод, обслуживавший местную промышленность, и ряд мастерских, в которых происходила модернизация иностранной, ввозимой в Германию, артиллерии, которая приспосабливалась для нужд немецкой армии. Обнаружены различные артиллерийские системы и детали к орудиям, захвачены большие склады с различным пехотным оружием: пулемёты, винтовки, пистолеты различных марок; на складе с приборами много фотоаппаратов.

На всех заводах работали иностранные рабочие и военнопленные. Из иностранных рабочих больше всего было бельгийцев, голландцев, французов, насильно вывезенных для работы в Германию, из военнопленных – подавляющее большинство составляли русские красноармейцы, которых ежедневно привозили под охраной из лагерей.

Освобождённые рабочие приветствовали приход Красной Армии и резко отрицательно настроены против гитлеризма. Задолго до её прихода в их среде существовала группа, которая проводила диверсии, акты террора к местным нацистам и их руководителям, натравливая их друг на друга. Руководил ими коммунист Максемюк Адольф, засланный органами НКВД в 1942 году и работавший под кличкой «Иван». Ныне с приходом Красной Армии он находится в отделе «Смерш» корпуса. Факты проверяются.

До приезда специалистов по демонтажу оставшихся заводов и оборудования приняты меры по охране объектов и предотвращению случаев мародёрства и грабежей. Всё оружие, военное обмундирование сданы по акту.

Оставшееся в городе гражданское население приход Красной Армии встретило настороженно. Считая, что война Германией уже проиграна, они боятся мести, поэтому сейчас стремятся всячески оправдаться и выгородить себя, заявляют, что их мужья, братья,

сыновья воевали или погибли не в России, а во Франции, Италии и др., или заявляют, что, дескать, Гитлер оказался хитрым жуликом, австрийским евреем и немцы не могут нести ответственности за его политику, так как при гитлеровском режиме и терроре гестапо они не смели и слова сказать.

Были явные агрессивные заявления и провокации.

Некая Луиза Арнольд заявила нашему офицеру: «Я немка и никогда не признаю наше поражение. Русские были и остаются нашими врагами».

Вильгельм Ракс: «Только благодаря Гитлеру наша промышленность получила такое развитие, какого советам и не снилось. Русские и коммунисты всё равно нас ни в чём не убедят. Наша власть вернётся. Русским здесь никогда не бывать!»

На одном из домов был вывешен плакат: «Немец, стыдись! Нельзя покоряться варварам! Уважай своих исторических вождей!»

Имеются случаи открытой деятельности фашистской агентуры. Так, провокатор немец Эрнст Беккер призывал переходить к американцам, которые охотно принимают всех бежавших эсэсовцев, распространял слух, что в ближайшее время начнутся столкновения между союзниками и Красной Армией и ещё неизвестно, кто победит, пугал крестьян, что их всех загонят в колхозы, где русские будут содержать немцев как рабов. Установлено, что Беккер недавно вернулся из американского плена и имел оттуда специальное задание.

Среди населения курсируют самые дикие слухи, что Красная Армия установит новые порядки, по которым:

1. в Германии скоро запретят браки;

2. всех мужчин вывезут на работы в Россию;

3. немцу разрешат иметь всего один костюм и тот с русской печатью, а на спине нарисуют номер и т.д.

Среди населения города проводится работа по разоблачению истинного лица главарей фашистов в Германии и их местных наместников, дезавуированию нелепых слухов, разъясняются цели Красной Армии и объединённых наций в ликвидации нацизма.

Возникают вопросы, кого репрессировать из немецкого населения, т.е. как поступать с членами фашистской партии, представителями немецкой администрации и с теми немцами и фрау, кои будут изобличены в издевательстве над советскими людьми как на территории Советского Союза, так и угнанными в немецкую неволю.

При этом направляю фотоснимки, найденные в семейном альбоме бургомистра, отображающие зверства его родственников

в Советском Союзе – сожжение деревень, повешенные и обезображенные трупы советских солдат.

Полковник Колунов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 136 СК

18.05.45 г.

Доношу о проведённой работе частями 136-го стрелкового корпуса по работе с местным населением и налаживанию жизни в г. Штеттине.

Немецкие войска, покидая город, взорвали и уничтожили мосты, казармы, продовольственные склады и склады с боеприпасами. Крупные предприятия, кораблестроительные верфи, выпускавшие подводные лодки, торговые и военные суда, завод стальных конструкций и автомобильный завод значительно повреждены налётами союзной авиации, а оборудование было вывезено немцами заранее, по свидетельству местных жителей не без помощи тех же союзников. Степень разрушения завода синтетического бензина, цементного завода, химической фабрики, газового завода, трёх электростанций устанавливается. В городе осталось всего несколько мелких частных кустарных производств.

До войны в Штеттине насчитывалось до 380 тысяч исключительно немцев, в настоящее время осталось около 10 тысяч, преимущественно это не коренные немцы, а представители многочисленных народов, насильно вывезенных гитлеровцами на каторжный труд – русские, украинцы, прибалты, бельгийцы, французы, датчане и др. Латыши и эстонцы обязаны были носить на рукаве повязки с надписью «Остарбайтер» (восточный рабочий), поляки носили на груди нашивку с буквой «П», русские и др. славянские народы отличительных знаков не носили, но жили в специальных лагерях, обнесённых колючей проволокой. Эти люди при встрече горячо приветствуют наших офицеров и бойцов знаком «Рот фронт».

Оставшееся коренное немецкое население ведёт себя выжидательно, иногда подобострастно, охотно вступают в разговоры, предлагают свои услуги, указывают дорогу транспорту, а некоторые сознательные немцы даже помогают в разоблачении фашистских элементов.

Так, немец Грейпферт, бывший учитель, доставил архив местной фашистской организации и список местных нацистов, которые не

сбежали с отступающими немецкими частями, а осуществляли в городе взрывы мостов, складов и предприятий.

Наряду с этим, имеются и провокационные действия, когда немцы, переодетые в форму красноармейцев, совершали поджоги зданий, акты вандализма и убийства жителей, открыто выражавших своё лояльное отношение к Красной Армии. Арестовано 12 человек.

Военным комендантом совместно с назначенным бургомистром проведены следующие мероприятия:

1. перепись населения;

2. организована очистка улиц от завалов и разрушений силами местных жителей;

3. налажена работа хлебопекарни;

4. упорядочивается организованное снабжение населения продуктами питания;

В ближайшее время будут восстановлены водопровод и одна из электростанций.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

20.05.45 г.

В результате проведённой среди военнослужащих политико-разъяснительной работы по изменению отношения к немцам, резко изменилось настроение немецкого населения и его отношение к бойцам и офицерам Красной Армии.

Во-первых, немцы не стали бояться, поняв, что Красная Армия не имеет цели истреблять немецкий народ. Газеты и лозунги, звуковещание сыграли в этом большую роль. На видных местах в городе вывешены приказы Верховного Главнокомандующего Красной Армией товарища Сталина и указания Маршала Жукова, переведённые на немецкий язык. Интерес к ним очень большой: немцы внимательно их читают.

Население регулярно получает газету «Свободная Германия», в которой были опубликованы переводы статей т.т. Александрова и Эренбурга.

Бывший учитель местной гимназии Отто Шульц высказал следующее мнение:

«Вождь Советского Союза и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин правильно характеризовал Германию и гитлеровскую клику, а также тов. Александров дал правильное обозрение

сегодняшней Германии. Если тов. Эренбург говорит, что весь немецкий народ виновен и его нужно притянуть к ответственности, так с человеческой точки зрения он прав, потому что ужасы, которые наделали СС, гестапо, жандармерия и др., привели к убеждению, что за этими ужасами стоял немецкий народ.

На самом деле это не так: 60% населения были под гнётом гитлеровской клики, а 40% были согласны с гитлеровским режимом, но эти 40% были близорукими, они были обмануты лживой пропагандой Геббельса. Они были беспомощны, и если их спрашивали, как они относятся к тому, что происходит в мире и что эти ужасы неизбежно приведут к мести, они отвечали, что они этого изменить не могут, с их мнением никто не посчитается, а за это мы попадём в концлагерь.

Другая часть населения, которая не верила этим преступникам, была под надзором СС, СА и другого сброда, существовала как рабы. За выступления против этих преступников или принадлежности к другой партии их арестовывали, ссылали в лагеря, где многие из немцев были расстреляны или замучены. Гитлеровские заправилы держали свой народ под кнутом и в страхе за свою жизнь.

Если бы тов. Эренбург имел представление об этом всём, тогда бы он дал совсем другую характеристику немецкому народу».

Жители дер. Редекин говорят, что из газет им стало известно, что делается в Берлине и других городах, о помощи Советского правительства и Красной Армии в наведении порядка, восстановлении жизни, производства, организации снабжения и обеспечении продуктами питания.

Привожу высказывание Эрики Паулюс, бывшей жительницы Берлина, якобы племянницы фельдмаршала Паулюса: «Я жила в Берлине 4 военных года, хлеба нам давали 300 грамм на взрослого и 200 грамм на детей, а теперь нам дают в два раза больше. А нам говорили и писали в газетах, что Красная Армия придёт и уничтожит всех немцев. Я потрясена, что о нас теперь заботятся больше, чем при гитлеровском режиме. Одно можно сказать, что пропаганда Геббельса – это фальшь. Также хочется сказать о заботе, которую проявляет Красная Армия к эвакуированным, которой не было при гитлеровцах: нас тогда бросали на произвол судьбы, и никто нам не помогал».

Эдит Найман, жительница дер. Гросмангельсдорф: «Сообщения в газетах о восстановлении работы культурных учреждений в Берлине вызывают большую радость. Очень хочется посмотреть

кинофильм, который бы показал нам жизнь в Советском Союзе, о советских людях, их культуре, нравах, быте».

В гор. Иерихов над зданием местного городского управления по инициативе администрации поднят красный флаг. На митинге, где собрались почти все жители города, выступил бургомистр Фогель. Он сказал: «Я могу с полной уверенностью сказать, что население города Иерихов свободно вздохнуло, у некоторых даже слёзы появились на глазах, но есть и те, кто держится нейтрально – это люди, у которых до сих пор окна и двери на замке и они ещё не до конца освободились от наваждения пропаганды Геббельса. Большая часть населения убеждена, что всё идет к хорошему, а всё, что им раньше говорили, – ложь и обман. Население довольно, что Красная Армия не поступила так, как поступали с ними СС, гестапо, которые творили безобразия не только в Советском Союзе, но и в собственной стране и нашем городе. Я убеждён, что за будущее нам нечего бояться: в городе опять наведён порядок и спокойствие, и в этом нам очень помогли коменданты и офицеры Красной Армии, за что мы им очень благодарны. Я уверен, что с этими людьми мы опять поднимемся на надлежащую высоту. Я желаю только одного, чтобы мои убеждения проникли в душу каждого немца, тогда мы объединимся с Советским Союзом и скоро забудем всё горе и бедствия, которые нам причинили гитлеровские преступники».

Жителей дер. Гросмангельсдорф интересует: «Если мы, жители из-за Эльбы, не желаем туда возвращаться, то можно ли остаться здесь? Можно ли вызвать сюда родных, которые живут за р. Эльбой?»

Прошу дать разъяснения, как правильно отвечать на подобные вопросы.

Полковник Наумов

22. КРАСНАЯ АРМИЯ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ (ДОКУМЕНТЫ. ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

НЕБОЕВЫЕ ПОТЕРИ

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

12.05.45 г.

В войсках фронта, несмотря на мои неоднократные приказы по запрещению использования непроверенных трофейных спиртосодержащих жидкостей и контролю за их содержанием, продолжаются отравления военнослужащих с трагическими исходами, причём они носят массовый характер.

В 215 армейском запасном полку во время несения гарнизонной службы в г. Бад-Фрайенвальде от употребления метилового спирта отравились 133 человека, из них 31 умерли и 15 человек потеряли зрение.

Органами Военной Прокуратуры проведённым расследованием установлено:

Командир роты капитан Макаричев, посылая свою роту 10 мая в наряд, не знал и не интересовался, где и как несут гарнизонную службу его подопечные, тем самым допустил распитие метилового спирта, принесённого из охраняемого объекта.

В результате 54 военнослужащих роты Макаричева отравились, из них 15 со смертельным исходом.

В ночь на 12 мая дежурный по караулам гарнизона ст. лейтенант Назаров совершенно не контролировал несение караульной службы. Зная о наличии метилового спирта у находившихся в наряде военнослужащих, никаких мер к уничтожению спирта не принял. В результате халатности и попустительства со стороны Назарова 64 военнослужащих отравились, из них 23 умерли, остальные находятся на лечении в госпитале.

Командир взвода лейтенант Полынцев также не проверял несение службы в гарнизонном наряде. Зная, что его помощник ст. сержант Карнозо принёс метиловый спирт в подразделение, не только его не уничтожил, но лично взял для себя 2 литра этой жидкости. Во взводе Полынцева отравились 17 военнослужащих, из них 3 умерли.

Командир полка полковник Зеновьев и его заместитель по политчасти подполковник Волощенок не интересовались и не контролировали несение гарнизонной службы, не мобилизовали личный состав полка на усиление бдительности, особенно в праздничные дни, не приняли никаких мер по исключению доступа к метиловому спирту.

Военный трибунал, рассмотрев представленные прокурором материалы, признал виновными в отравлении вверенных им военнослужащих и приговорил:

Полынцева Елизара Андреевича и Назарова Михаила Ильича к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах.

Макаричева Илью Максимовича и Волощенка Андрея Сергеевича к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах.

Лишить воинского звания: Макаричева — «капитан», Назарова — «старший лейтенант» и Полынцева — «лейтенант».

Зеновьев и Волощенок по тяжести совершённого ими преступления также заслуживают применения к ним реальной меры наказания, но, учитывая их долголетнюю безупречную службу в Красной Армии и заслуги перед Родиной в Отечественной войне, приговор в отношении их считать условным с испытательным сроком в два года.

1. Отравлениями военнослужащих повседневно интересуется Высшее Командование Красной Армии. Исходя из этого, предупредить всех должностных лиц, чтобы никто не смел недооценивать важности и государственной значимости этого вопроса. Настоящий приказ объявить под расписку всему офицерскому составу перед строем, а с сержантским и рядовым составом провести беседы.

2. Ещё раз напоминаю, что все виновные за отсутствие контроля, а тем более организацию и личное участие в распитии неучтённых и непроверенных трофейных жидкостей, независимо от занимаемых должностей и званий, будут привлекаться к судебной ответственности и понесут суровое наказание.

Люди, которые своими боевыми делами на фронте и самоотверженным трудом сейчас, в условиях победного завершения Великой Отечественной войны, гибнут позорной смертью, слепнут, надолго выходят из строя, став жертвами своей недисциплинированности, совершают преступления перед Родиной, армией и семьёй.

Некоторые офицеры не хотят понять всей опасности употребления непроверенных трофейных жидкостей и вместо того, чтобы уберечь подчинённых им людей от гибели, становятся организаторами выпивки и, по существу, преступниками, отравляющими своих подчинённых.

Многие сержанты и рядовые ещё не уяснили себе, а их командиры и начальники не разъяснили им, что сейчас, когда Великая Отечественная война победно завершена, когда условия, в которых находятся войска, резко изменились, употребление спиртных напитков в армии ОГРАНИЧИВАЕТСЯ и может быть допущено только в дни революционных и общественных праздников, когда выдача водки разрешена приказами НКО, и разовые в честь сформирования воинской части (армии, дивизии, полка) и только согласно приказу командующего или его заместителя по тылу.

Всякая иная выпивка является нарушением дисциплины, и лица, организующие доставку и незаконную раздачу каких бы то ни было спиртных напитков, а также незаконно хранящие их у себя, подлежат строгому наказанию.

Начальник штаба
генерал-полковник Малинин

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 136 СК Подана 13.05.45 г. 10 ч. 20 м.

Начальнику отдела по персональному учету потерь сержантского и рядового состава 71 армии

Прошу срочно сообщить как указывать в извещениях на умерших при отравлении спиртными напитками и лиц кои убиты по неосторожности в обращении с оружием.

Начальник отдела кадров 136 ск
подполковник а/с Борецкий

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА
ВРАЧЕБНО-САНИТАРНОГО УПРАВЛЕНИЯ 1-го БФ

Врачебно-санитарным службам
армий, частей и соединений фронта

Во всех войсках, дислоцированных на территории Германии, отмечается увеличение среди военнослужащих числа небоевых потерь за счет венерических заболеваний.

Распространение их принимает угрожающие размеры эпидемии, выводит из строя советских людей. Сохранив в войне самое драгоценное – жизнь, – они сейчас теряют здоровье.

Тщательный анализ возросшей в мае с.г. (по сравнению с мартом—апрелем в 5 раз) в войсках и частях Действующих армий и соединений заболеваемости показал следующие основные причины, способствующие этому безобразному и постыдному явлению:

1. Значительное распространение венерических заболеваний среди женского населения Германии, поражённость которого по данным осмотров составляет 15% и более.

2. Значительное число вензаболеваний среди вывезенных в немецкое рабство граждан Советского Союза и других стран, репатриируемых к себе на родину через пересыльные пункты и фильтрационные лагеря.

3. Халатное и недобросовестное отношение в исполнении директивы ВС 1-го БФ от 15.4.45 г. «О мероприятиях по предупреждению распространения венеризма».

4. Недисциплинированность военнослужащих и крайне низкий уровень воспитательной работы среди личного состава по борьбе с половой распущенностью. Об этом свидетельствуют следующие факты: свыше 75% заразилось при случайных половых контактах, при этом 60–65% – от местного населения, 20–25% – от вольнонаёмных из числа репатриантов.

Люди потеряли чувство своего человеческого достоинства, потеряли ответственность перед Родиной и семьёй и бросаются на неизвестных им женщин, сожительствуя с ними, в результате заражаются венерическими болезнями.

Принять все меры по ликвидации распространения заболеваний в войсках, своевременному выявлению заболевших, проведению всего объёма лечебных и санитарно-гигиенических мероприятий, контролю за исполнением лечения заболевшего на всех этапах.

Генерал-майор м/с Барабанов

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ[1]
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА ПО ПОЛИТЧАСТИ

Сообщаю о чрезвычайном происшествии в гор. Штрасбург следующее:

Красноармеец Файсюк Иван Андреевич, познакомившись с немкой Шмидт Эрна, вступил с ней в сожительство. По истечении 5 дней почувствовал себя больным ганореей. Принял меры лечения и был вылечен. После в сожительство не вступал, а преграживал ей, что она его заразила. Через некоторый период снова почуствовал боль. Оказалось, что немка заразила Файсюка одновременно ганореей и люйсом. Файсюк узнав, что у него новая более сурьёзная болезнь, ещё более обозлился на Шмидт Эрну. Поделившись среди товарищей, он узнал, что она также заразила ряд товарищей: красноармейцев Пахомова и Конникова, которые уже демобилизовались, и ст. лейтенанта Волкова. Тогда Файсюк встал на путь мщения.

Комендант майор Кулик, узнав о болезни Файсюка, разрешил выехать ему в госпиталь. У Файсюка созрел план: он решил сначала убить немку и сразу же уехать в госпиталь, тем самым скрыть следы проступка.

Файсюк вывел немку Шмидт Эрну на место где было первое сношение и предложил снова сожительство. Когда Шмидт согласилась и легла, Файсюк тремя выстрелами в грудь из пистолета «Парабела» убил её.

На выстрел прибыли работники комендатуры, обнаружив труп немки. Файсюк признался, что это он лично совершил.

Файсюк у боевой и политической подготовке, а также несении комендантской службы был примерным.

Также установлено, что от болезни люйс у Фасюка из верхних конечностей началась течь. После обследования врача он отправлен на изличение в госпиталь в город Штетин.

Эрна Шмидт забрана немцами на вскрытие и погрибение.

Данный факт доведён до всего личного состава комендатуры и подвергнут осуждению.

Майор Шестов

[1] Стилистика и орфография документа сохранены.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

В целях предупреждения распространения венерических заболеваний Военный Совет 1-го Белорусского фронта

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Военным Советам армий, командирам частей и соединений, расположенным на территории Германии, немедленно провести профилактические осмотры немецких женщин в возрасте от 16 до 45 лет в радиусе до 10 км и впредь такие осмотры проводить ежемесячно. Провести изъятие заражённых венболезнями немок в закрытые изолированные коллекторы с последующим направлением на лечение в местные немецкие больницы.

2. Отделам репатриации при ВС армий организовать немедленно обязательный осмотр всех репатриируемых советских граждан, изоляцию выявленных венерических больных и их лечение на месте. Категорически запретить эвакуацию венбольных в тыл страны на Родину до излечения. Разрешение на репатриацию выдавать только при наличии справки о прохождении медосмотра на вензаболевания.

3. Отделам кадров категорически запретить на местах приём на работу случайных женщин без предварительного врачебного осмотра. Женщин, работающих в войсковых частях и учреждениях, ведущих распутный образ жизни, безжалостно увольнять.

4. Начальникам медико-санитарных служб:

– обеспечить ежемесячный осмотр всего мужского офицерского, сержантского и рядового состава на вензаболевания. Всем убывающим в командировки, отпуска, а также демобилизуемым оформлять проездные, командировочные и отпускные документы только по предоставлении справки санчасти об отсутствии вензаболевания. По возвращении в части они подлежат повторному обследованию;

– женщин-военнослужащих, вольнонаёмных в военных комендатурах, при гостиницах и пунктах ожиданий военно-автомобильных дорог – обследовать 2 раза в месяц.

5. Начальнику Врачебно-Санитарного Управления в 3-х дневный срок организовать госпиталь на 500–600 коек для лечения венбольных. Ежемесячно представлять сводки о заболеваемости в войсках и о выполнении настоящего Постановления.

6. Прокурорам армий привлекать к судебной ответственности венерических больных, знающих о своей болезни, но уклоняющихся от лечения и продолжающих половые связи.

7. Начальнику Политуправления обязать всему политаппарату развернуть широкую разъяснительную работу на предупреждение вензаболеваний, обратив особое внимание на воспитание у подчинённых элементов советской морали в отношении к женщине и прочности семьи как первичной организации советского общества.

ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ СУДЕБНЫЙ НАДЗОР

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 1 БФ *Подана 14.05.45 г.* *12 ч. 20 м.*

Начальникам штабов, политотделов, отделов контрразведки

Управление по организации, учёту и укомплектованию доводит до сведения, что установленный новый порядок донесений о чрезвычайных происшествиях не отменяет действующую согласно приказу Зам. НКО СССР № 203–44 г. инструкцию о порядке производства дознаний.

Командиры частей обязаны о всех чрезвычайных происшествиях, требующих производства следствия или дознания, немедленно ставить в известность Военного Прокурора.

Начальник Управления
полковник *Мандрахлебов*

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 71 АРМИИ

Военному Прокурору 1-го БФ

Находясь на территории Германии, органы Военной Прокуратуры столкнулись с теми преступлениями, которых не было на территории СССР, а если и были в 1943–44 гг., то незначительный процент.

В частности, возникли преступления:

1. Изнасилования немецких женщин – индивидуальные и групповые – и их убийства.

2. Грабёж мирных жителей, злостное барахольство.

3. Использование непроверенных трофейных жидкостей в качестве спиртных напитков, приводящее к росту небоевых потерь личного состава.

4. Рост количества автопроисшествий с человеческими жертвами.

5. Непреднамеренные убийства и ранения по неосторожности при использовании трофейного оружия в быту и на охоте.

6. Преступная халатность.

7. Дезертирство военнослужащих.

8. Попытки проникновения в СССР под видом военнопленных, вышедших из лагерей.

9. Самоуправные расстрелы.

10. Самоубийства.

11. Преступления на низменной почве.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 12.05.45 г.* *9 ч. 15 м.*

Начальнику Управления кадров
136 стрелкового корпуса

В связи с поступающими в отдел учёта персональных потерь сержантского и рядового состава запросами разъясняю, что в извещениях родственникам на военнослужащих, умерших при отравлении спиртными напитками, погибших в автомобильных и мотоциклетных авариях или убитых при неосторожном обращении с оружием, следует обязательно указывать действительную причину смерти.

Указывать в извещениях на эту категорию, как по сей день практикуется, «в бою за Социалистическую Родину», «при исполнении служебных обязанностей» или «при исполнении обязанностей военной службы» категорически запрещается.

Начальник отдела
подполковник и/с *Шестов*

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД

Военному Прокурору 71 армии

В соответствии с переходом дивизии на мирный период деятельности и с Вашими указаниями Военная Прокуратура строила свою повседневную работу.

Проводились дознания по следующим делам:

1. Самовольная отлучка:

Из расположения ... сп самовольно ушёл ст. лейтенант Соловьёв, резервист, отсутствовал в полку с 3-го по 9-ое мая – исключён из членов ВКП(б) и наказан в дисциплинарном порядке.

По делу самовольной отлучки и пребывания на стороне союзников командир 2 роты ... сп лейтенант Калитвинцев И.В. – арестован на 8 суток домашнего ареста.

2. Дезертирство:

7 мая 1945 г. в 15.00 автотехник 2-го дивизиона ... артполка старший сержант Лимарь Степан Сидорович на трофейной легковой автомашине был направлен в тыл полка с приказанием помощника командира полка по техчасти капитана Сергиенкова забрать скаты для восстановления автомашины дивизиона. Однако Лимарь в тылу полка не появился и в дивизион не возвратился, поиски его положительных результатов не дали.

10 мая с.г. переводчик штаба ... ст. лейтенант Ильясов Георгий Галеевич самовольно ушёл из расположения части и до сего времени не возвратился, поиски его положительных результатов не дали. Соцдемографические данные на ст. лейтенанта Ильясова: удостоверение личности – серия НФ-000001 № 32441, 1922 г. рожд., урож. Иран, г. Пехляви[1], русский, служащий, б/п, холост. Мать – Ильясова Мария Дмитриевна, проживает в г. Ростов-на-Дону, ул. Ульяновская, дом № 70, кв. 8. Образование – 2 курса Института иностранных языков, военное – Краснодарское училище переводчиков в 1941 г., в Красной Армии с июня 1941 г.

18 мая с.г. из запасного полка, переодевшись в гражданскую одежду, дезертировали красноармейцы Чих, Меньшиков и Лаврентьев. По имеющимся данным они бежали на Запад, в американскую зону, откуда только за неделю перед тем, 11 мая, прибыли в дивизию.

По всем делам ведётся расследование.

3. Самоубийства среди военнослужащих, повторно призванных в Красную Армию:

12 мая с.г. рядовой запасного стр. полка Босяк покончил жизнь самоубийством через повешение. Босяк прибыл в полк 11.05 в 22.00 вместе с группой нового пополнения из американского лагеря. 12.05 в 6.00 мылся в бане вместе с другими, в 15.00 – обедал. После обеда в строевой части полка проводилась перепись вновь прибывших. Командир отделения произвёл пофамильную запись, а когда началось уточнение соцдемографических данных, то Босяк куда-то

[1] Так в документе, правильно: Пехлеви.

исчез. С 16.00 начали его искать и обнаружили в уборной висящим на верёвке.

Самоубийство Босяка довольно загадочно. Возможно, что сам Босяк являлся большой сволочью и боялся ответственности за совершённые преступления, но можно предположить, что среди этого пополнения есть лица, которые расправились с ним, опасаясь своего разоблачения.

19 мая в том же полку повесился красноармеец Жевняк, который прибыл в часть 11.5 из немецкого плена. Установлен факт враждебного, издевательского к нему отношения.

По всем случаям самоубийств проводятся расследования.

4. Несчастные случаи:

10 мая с г. старший уполномоченный ОКР «Смерш» ... сп ст. лейтенант Волков совместно со ст. лейтенантом Шапаревым, который управлял трофейной легковой автомашиной вместо шофёра, без разрешения своих начальников поехали якобы в штаб армии, который не нашли, на обратном пути заехали в г. Бранденбург. Будучи в нетрезвом состоянии, захватили с собой немку-девушку. В 2-х км от Бранденбурга на шоссе в направлении г. Ратенов столкнулись с грузовой машиной «студебеккер». В результате автокатастрофы погибла девушка-немка, ст. лейтенант Шапарев тяжело ранен и направлен во фронтовой госпиталь, а оперуполномоченный ОКР «Смерш» Волков легко ранен.

Старший лейтенант Волков исключён из членов ВКП(б) и предается суду Военного трибунала.

13 мая с.г. ст. врач ... сп майор м/с Дорофеев А.С. вместе с врачом того же полка капитаном м/с Назаровым А.И. ехали на мотоцикле по шоссе, при повороте на развилке дорог на мотоцикл налетела машина. В результате автокатастрофы капитан м/с Назаров А.И. погиб, а майор м/с Дорофеев А.С. получил ранение.

За незаконную езду на мотоцикле без прав на майора м/с Дорофеева А.С. приказом по дивизии наложено дисциплинарное взыскание — 5 суток домашнего ареста с удержанием 50% денежного содержания за каждые сутки ареста. Командиру ... сп полковнику Андрееву за несвоевременную сдачу трофейного мотоцикла объявлен выговор.

5. Случаи неправильного отношения к немецкому населению:

Жительница гор. Вильснак Кранцова Эли пожаловалась, что у неё 20 дней тому назад была похищена корова, которую она опознала и обнаружила в одном из дворов, где размещается отдел контрразведки. Гражданка доказывает, что это её корова, а работники кон-

трразведки оспаривают и говорят, что корову они водят 3 месяца. В действительности они никакой коровы с собой не водили, и нет сомнения, что эта корова уворована солдатами контрразведки.

Характерным также является уничтожение некоторыми военнослужащими посевов путем скашивания их на корм лошадям.

Дознания проводились своевременно.

Кроме того, прокуратурой производилась проверка работы военных комендатур, систематически осуществлялся контроль за выполнением указаний Военных Советов в части изменения отношения к немецкому населению, контроль за экономией моторесурсов и автотранспорта. По всем этим вопросам представлены докладные записки.

В целях предотвращения чрезвычайных происшествий проведены совещания с офицерским составом частей дивизии о поднятии дисциплины.

Майор Булаховский

ДОНЕСЕНИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ И НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ

Грабежи местного населения

Из сообщения начальника оперативной группы НКВД за последнее время в Ной-Руппинском районе участились случаи незаконного отбора у гражданского населения велосипедов, патефонов, часов и др. ценностей: зафиксировано 13 случаев грабежа, 2 случая изнасилования. Чинимые безобразия отрицательно влияют на настроение местного населения.

Так, в гор. Ной-Руппин на улице от жителей всегда можно услышать: «...совсем нет покоя – русские солдаты всё крадут и крадут...»

У немца Боке в этом городе при обыске незаконно изъяты телефон, кожаный портфель, часы с золотой цепочкой и очки в золотой оправе.

В дер. Борчиндорф группа военнослужащих под угрозой оружия ограбила немцев Рейнмана, Ланге и Льопе, забрав все ценные вещи в их домах; изнасилована 19-летняя дочь Льопе.

Два неизвестных офицера приехали на легковой автомашине к часовому мастеру и потребовали выдачи часов. Мастер отказался и сказал: «Я вас не знаю и вы мне часов никаких не давали». Тогда один из приехавших офицеров вынул пистолет, выстрелил в него и тяжело ранил в грудь. На выстрел прибежали близ располагав-

шиеся красноармейцы одной воинской части, но задержать их не представилось возможности ввиду того, что последние быстро скрылись в неизвестном направлении, и до сего времени их личности установить не удалось.

В дер. Кериц двое военнослужащих, один из которых, как установлено, Балдышер из военной комендатуры г. Ланцин, похитили у немца Майера золотые часы, браслет, серьги, радиоприёмник, пишущую машинку, велосипед. Балдышер ещё и изнасиловал дочь Майера, заразив её венерической болезнью.

Двое военнослужащих на автомашине прибыли в деревню Ной-Лигов и потребовали от бургомистра 2-х гусей, 6 кур, 10 яиц и 2 буханки хлеба, вручив ему 81 марку денег. Как впоследствии было установлено, этими военнослужащими оказались полковник Сохацкий, нач. штаба танковой бригады, и шофёр автомашины № С-82333. На предложение бургомистра возвратить незаконно приобретённые птицу и продукты, Сохацкий ответил: «...продукты мне необходимы, и я их не возвращу, а за все последствия я отвечаю».

В пос. Клайн-Любек двое рядовых и один офицер из контрразведки забрали у немцев 2-е часов, пару хромовых сапог, 2 костюма, 2 пальто мужских, 30 банок консерв, 20 кг шпика, 20 кг копчёного мяса, 12 ложек, 40 кг муки белой и 3 упряжных амуниции.

В дер. Санкт-Петер взломан магазин и похищено 200 метров сукна, 200 метров кумача и 60 свитеров, которые по приказанию командира связи капитана Голованова раздали личному составу для отправки в посылках. Военной прокуратурой изъято и возвращено владельцам 110 метров сукна, 40 метров кумача и 30 свитеров, остальное уже оказалось отправленным.

Отделы контрразведки «Смерш» надлежащих мер борьбы с подобными явлениями не принимают. Более того, когда сотрудники «Смерш» сами производят обыски, имеет место присвоение вещей арестованных. Так, во время обыска при аресте немца Карла Ферстера переводчица взяла в личное пользование костюм арестованного, платья его жены, костюм малолетнего сына и даже старые немецкие мундиры, из которых немка намеревалась сшить детские костюмчики.

Подобные факты, к сожалению, не единичны.

Изложенное сообщаю для сведения и принятия мер по предотвращению правонарушений.

Командиры соединений и отдельных частей, их заместители по политчасти не сумели своевременно предвидеть, какие уродливые формы примут чрезвычайные происшествия — воровство,

барахольство, бандитизм, изнасилования и убийства. Утешаясь надеждами мирного времени, потеряли ответственность за своих подчинённых, считая, что за свои действия подчинённые должны отвечать сами, что является грубейшей ошибкой.

Гибель военнослужащих в авариях

10 мая 1945 г. в 7.00 авиатехник 13-го отдельного авиазвена связи гвардии техник-лейтенант Олейник И.М., не имея лётной подготовки, без всякого на то разрешения, самовольно поднялся в воздух на самолёте У-2. Попав в полосу тумана, Олейник, по-видимому, растерялся, самолёт снизился ниже предельной высоты и упал, налетел на какое-то наземное сооружение, вдребезги разбившись. Олейник получил перелом основания черепа, перелом позвоночника, множественные переломы рук и ног и через 6 часов скончался в МСБ, не приходя в сознание.

Бесславная глупая смерть техника-лейтенанта Олейника Ивана Михайлович, 1920 г. рожд., в период, когда Красная Армия торжествует победу, произошла в результате личной недисциплинированности и преступного хулиганства.

12.05.45 г. нач. политотдела ... сд подполковник Евдокимов Андрей Петрович выехал в Штарм в политический отдел на совещание. Перед этим он информировал о том, что, возможно, задержится, так как после окончания совещания заедет в Управление корпусом.

13.05.45 из МСБ поступило сообщение, что шофёр Евдокимова находится в госпитале в Лауенберге. Утром 14.05 с.г. зам. начальника политотдела выехал в госпиталь, чтобы лично навести справки.

Из объяснения шофёра Евдокимова установлено, что при возвращении с совещания произошла авария: шёл сильный дождь, из-за скользкой дороги машину развернуло, она съехала в кювет, ударилась о дерево и перевернулась. И шофёр, и Евдокимов получили тяжёлые ранения.

Акт аварии прилагается.

Подполковник Евдокимов А.П., не приходя в сознание, умер в 1.00 13.05.45 г. в госпитале от кровоизлияния в мозг.

Прошу санкционировать захоронение подполковника Евдокимова Андрея Петровича на территории СССР.

Резолюция командира дивизии: «Выделить машину и отправить труп подполковника Евдокимова А.П. на территорию Советского Союза. Организацию похорон проведёт его адъютант».

16 мая с.г. командир взвода ... сп лейтенант Викулов Михаил Николаевич, 1923 г. рожд., член ВЛКСМ, в Красной Армии с 1942 г., вместе с сержантом своего взвода Кузнецовым Б.М. дотемна ремонтировали мотоцикл, а потом поехали его испробовать. На обратном пути у мотоцикла испортился свет, ехали впотьмах и наскочили на стоявший на обочине грузовик. Оба погибли на месте.

Лейтенант Викулов М.Н. и сержант Кузнецов Б.М. похоронены с отданием воинских почестей на братском кладбище офицерского и рядового состава в гор. Фрайберг.

Преступления на низменной почве

17 мая 1945 года в 15.00 ефрейтор ... отдельного гвардейского батальона связи Власов Леонид Петрович вышел из расположения ЦТС дивизии для снятия линии связи от дивизионного инженера.

Примерно в это же время после дежурства красноармеец этого же батальона связи Шевко Мария Игнатьевна, никого не спросившись, вышла из расположения ЦТС дивизии и встретилась с ефрейтором Власовым на опушке леса, что южнее на 200–250 метров господского двора Финкенхов.

В 15.30 красноармеец Шевко М.И. вернулась из леса, раненная в спину, и рассказала следующее: «Ефрейтор Власов стал просить согласия на половое сношение, в чём я ему отказала. Тогда он попытался применить силу, а когда я вырвалась и побежала, выстрелил мне в спину из револьвера «Наган». После этого он произвёл два выстрела в себя: один в живот, другой — в голову».

По оказании первой медицинской помощи Шевко и Власов эвакуированы в МСБ, последний в крайне тяжёлом состоянии, где и скончался 19.05.45 г.

Прокурором дивизии ведётся расследование.

18 мая с.г. в 3 часа утра сержант Военной Комендатуры Потапенко Иван Митрофанович, напившись пьяным, учинил дебош со стрельбой в общежитии девушек военторга. Из показаний девушек установлено, что «проверка» общежития диктовалась не соображениями служебной необходимости, а исключительно соображениями, сопряжёнными с грязными целями и намерениями. Потапенко стал приставать к одной из них, сорвал одежду и нагло потребовал «обслужить». На крики о помощи прибежал с улицы красноармеец Свиридов, который попытался утихомирить Потапенко, но тот был просто невменяем: вначале жестоко избил Свиридова, а затем выстрелил в него из пистолета. С тяжёлыми ранениями в область

правой лопатки и челюсти с правой стороны с повреждением кости (оба ранения слепые) Свиридов доставлен в МСБ в шоковом состоянии и в 22.40 19.05.45 г., не приходя в сознание, скончался.

Потапенко арестован. Судя по неприглядным соцдемографическим данным, это не первое его преступление, дело передано в Военный трибунал.

В ночь на 19.05.45 г. помощник командира 4-го взвода отдельной зенитной роты ... дивизии старшина Жураев Джебар, 1911 г. рожд., узбек, беспартийный, женат, до призыва в армию работал судисполнителем и проживал в кишлаке Янге, Черкалинского р-на, Кашкадарьинской обл., награждён орденом Красной Звезды, в Красной Армии с 1941 г., был в плену у немцев с 13 июля 1942 г. по август 1943 г., в дивизии с 1943 г. – совершил мужеложество, использовав спящего младшего сержанта этого же взвода Савочкина Алексея Максимовича.

В ночь на 20.05 старшина Жураев, руководствуясь низменными побуждениями, вторично пытался использовать Савочкина, но последний оказал сопротивление и поднял крик. В эту же ночь Жураев покончил жизнь самоубийством через повешение.

Самоуправные расстрелы

3 мая 1945 г. командир роты пешей разведки ... сп лейтенант Вербловский, неосновательно заподозрив в трусости командира взвода лейтенанта Грибанова, пришёл в комнату, где последний отдыхал после выполнения задания, под угрозой оружия заставил его написать семье предсмертное письмо, после чего выстрелом из пистолета убил Грибанова.

9 мая с.г. командир взвода управления 6-й батареи ... сп лейтенант Выходцев застрелил командира стр. роты ст. лейтенанта Зубарева, после чего пытался застрелить себя. Выходцев находился в трезвом состоянии и имел при себе прощальное письмо. Убийство совершено на почве длительных личных счётов и ненависти друг к другу.

12 мая с.г. полковой инженер ... сп ст. лейтенант Коростелёв, напившись пьяным, приказал своему ординарцу найти и привести к нему немку. Когда Дорошенко не выполнил этого преступного приказания, Коростелёв тремя выстрелами убил Дорошенко.

18 мая к уполномоченному контрразведки «Смерш» лейтенанту Николаеву был вызван мл. сержант Антюганов, подозреваемый в совершении изнасилования двух немок. Будучи пьяным, лейтенант

Николаев, вместо расследования этого факта, проявил самоуправство и застрелил мл. сержанта Антюганова.

Военным трибуналом за совершение самочинных расстрелов и самоуправство Вербловский, Выходцев, Коростелёв и Николаев признаны виновными в совершении преднамеренных убийств военнослужащих, приговорены к десяти годам лишения свободы с лишением их воинских званий.

Несчастные случаи

18 мая 1945 года во время большого привала после марша в ... сп произошёл несчастный случай.

Младший ветфельдшер полка ст. сержант ветслужбы Копылов Феодосий Федосеевич в 11.00 производил обработку раны в области ануса у лошади, приведённой в ветлазарет красноармейцем минбатареи Кузьминым Петром Фёдоровичем. Во время работы лошадь неожиданным ударом задней ноги нанесла ушиб Копылову в области левого подреберья и живота.

Копылову была немедленно оказана на месте первая медицинская помощь с последующей эвакуацией в МСБ, где в 14.00 18 мая старший сержант ветслужбы Копылов Ф.Ф. скончался.

При обработке раны у лошади присутствовали старший ветврач полка майор Колоболотский и ветфельдшер ст. лейтенант Изофатов. Обработка производилась в полевых условиях при соблюдении необходимых мер предосторожности.

В ночь на 21 мая с.г. начальник штаба ... стр. полка ст. лейтенант Дзюба, проверяя службу охраны дивизионного склада с боеприпасами, приблизился к часовому Данилюку и, не обращая внимания на его окрик, подошёл к нему вплотную, схватил за грудь, стал кричать: «Хенде хох!» Находившийся рядом часовой Егоров, считая, что на объект напали немцы, выстрелил из винтовки и смертельно ранил ст. лейтенанта Дзюбу.

Считаю, что рядовой Егоров действовал по Уставу и потому невиновен в применении оружия.

Резолюция командира дивизии: «Случай чудовищный и нелепый. Разъяснить всему офицерскому составу частей и спецподразделений о недопустимости подобных провокационных методов проверки службы охраны. Проверку несения службы охраны проводить в строгом соответствии с Уставом гарнизонной службы КА и с параграфом 138 боевого Устава пехоты КА».

Преступное хулигантство

14 мая 1945 г. в 19.10 в районе ж.д. моста на левом берегу реки Эльба в гор. Риза совершил вынужденную аварийную посадку самолёт ПО-2, принадлежащий 189-му отдельному авиационному полку связи.

Как было установлено, лётчик-инструктор этого полка ст. лейтенант Путинцев А.М. без разрешения старшего командира, в нарушение Уставных правил по производству полётов самовольно поднялся в воздух (бортовой № 1378), не проверил самолёт перед вылетом, не снял струбцину, проявил воздушное хулиганство, стал выполнять развороты и глубокие виражи.

Вследствие сильного ветра крен самолёта увеличился на 20 градусов, находившийся в кабине бачок из-под бензина попал под кронштейн управления и руль заклинило. Снизившись на предельно низкую высоту, самолёт, задев плоскостью за столб и поломав при этом консоль левой нижней плоскости и шасси, сел на вспаханное поле в 400 метрах от ж.д. моста. В результате аварии у самолёта разбиты гондолы шасси, сломаны винт и верхняя часть руля (акт состояния самолёта прилагается) и он сдан под охрану УВК гор. Риза.

Путинцев Александр Михайлович, 1922 г. рожд., русский, служащий, из крестьян, член ВЛКСМ, в Красной Армии с 1941 г., образование общее — 9 классов средней школы, военное — авиационная школа гор. Молотов в 1942 г. На фронтах Отечественной войны с 1942 г.

Командованием Путинцев характеризуется исключительно положительно. Медосвидетельством установлено, что он был трезв. Как объясняет Путинцев, он сел за штурвал, будучи уверен, что легко справится с управлением, так как читал инструкции и нужную литературу. В это утро Путинцев получил разрешение командира дивизии на брак с лейтенантом Видовой.

Путинцев арестован, Военным Прокурором дивизии проводится расследование. Также арестован часовой, рядовой Джураев, который, вместо охраны площадки с двумя самолётами, преступно бросил пост и ушёл к земляку таджику Джафарову в соседнюю часть.

Прошу согласия на предание суду Военного трибунала ст. лейтенанта Путинцева.

Резолюция начальника политотдела 71 армии:

«Случай дикий. Ст. лейтенант Путинцев пьян Победой, пьян тем, что он хорошо воевал и остался в живых, что он молод и же-

нится на Видовой. Такое опьянение Победой в настоящий момент характерно для многих военнослужащих, особенно молодых – это необходимо продумать.

Путинцева необходимо сохранить. Если можно – без реального наказания, условно, с обязательным возмещением ущерба».

Злостное барахольство

21 мая 1945 года по устному приказанию начальника Управления комендатской службы округа Штеттин задержан лейтенант нештатной комендатуры в гор. Бинц Засядько Алексей Прохорович, 1920 г. рожд., образование 5 классов, холост, член ВКП(б), в Красной Армии с 1942 г., на комендантской службе с января 1945 г.

Проведённым расследованием установлено, что Засядько обнаружил «бесхозный» склад мануфактуры и готового платья, но не опечатал его и не сдал в районную комендатуру. Пользуясь своим служебным положением, он систематически расхищал хранившиеся там товары, которые продавал немцам и пьянствовал с ними. Есть основания полагать, что товары растаскивались и немцами с ведома и по инициативе бургомистра, с дочерью которого Засядько сожительствовал.

Свою квартиру он превратил в филиал склада, битком набитую ворованным барахлом. При обыске обнаружены десятки мужских и женских пальто и костюмов, несколько шуб, штабеля рулонов различной материи, детская одежда и пальто, 10 патефонов и многое другое.

Склад опечатан, оставшиеся в нём товары, а также изъятое у Засядько, по актовой описи передачи перевезены в районную комендатуру. 20 штук патефонов переданы офицерам комендатуры.

23 мая с.г. произведён обыск в служебном помещении и на квартире у начальника полевого отделения № 72 Госбанка СССР при штабе 425 стр. дивизии капитана Ползунова Александра Святославовича и у бухгалтера отделения старшего лейтенанта Львова Михаила Николаевича.

У капитана Ползунова А.С. обнаружено 27 чемоданов, из них при обыске изъяты 23 чемодана со следующим имуществом:

1. Костюмов мужских шерстяных	9 шт.
2. Отрезов шерстяных для мужских костюмов	14 шт.
3. Платьев женских разных и отрезов на платья	45 шт.
4. Мужской и женской обуви	32 пары
5. Белья мужского и женского	29 пар
6. Меховых изделий (каракуль, лисы, белка)	21 шт.

7. Постельные принадлежности	17 комплектов
8. Столовые серебряные приборы (ложки, вилки, ножи)	26 комплектов
9. Часы ручные импортные	8 шт.
10. Патефонных пластинок немецких	93 шт.

Всё изъятое имущество сдано по актовой описи на склад АХЧ штаба дивизии.

Кроме того, у Ползунова изъяты квитанции на отправку семье 16 посылок общим весом 156,4 кг, хотя, согласно Постановления ГКО СССР от 1 декабря 1944 г., он как офицер имел право отправить только пять посылок весом 10 килограммов каждая.

У старшего лейтенанта Львова М.Н. при обыске ничего подлежащего изъятию не обнаружено.

О злостном барахольстве и незаконных действиях Засядько А.П. и Ползунова А.С. незамедлительно проинформирован Военный Совет 71 армии для принятия соответствующих мер.

Приложение – по существу дела на 4 листах.

Непреднамеренные происшествиях

2 мая 1945 г. командир роты автоматчиков ... сп ст. лейтенант Гречко П.Ф. проводил показательное занятие с военнослужащими. Объясняя принцип действия фаустпатрона, произошёл нечаянный выстрел, в результате которого он получил тяжёлый ожог (буквально сгорел) и через 5 минут скончался.

13 мая с.г. из трофейного оружия произошло смертельное саморанение комсорга 2-й роты ... сп сержанта Туркеева И.В. Командир полка за допущение ношения трофейного оружия сержантским составом объявил командиру батальона выговор, командир роты арестован на 8 суток, командир взвода – на 5 суток домашнего ареста.

15 мая с.г. красноармеец ... отдельной разведроты Кашевич при чистке трофейных пистолетов для сдачи их в артснабжение был случайно ранен в обе ноги пятки[1].

16 мая с.г. красноармеец .... сп Христофоров В.А. при чистке пистолета адъютанта ст. лейтенанта Данилова вследствие небрежности случайным выстрелом был ранен в руку – из магазина пистолета не были полностью извлечены патроны.

16 мая с.г. начальник подсобного хозяйства ст. лейтенант Ранубо с целью заготовки свежей рыбы методом глушения, поджигая кап-

[1] Так в документе. Правильно: «ранен в обе пятки».

сюль бикфордова шнура, произвёл взрыв, в результате которого получил ранение. Степень ранения тяжёлая – оторвана кисть правой руки. Пострадавшему оказана первая медицинская помощь и он направлен в ОМСБ.

В воскресенье 19 мая с.г. военнослужащие Трофейного Управления капитан Киселёв Борис Петрович и майор Бородин Дмитрий Михайлович, взяв трофейные ружья, отправились на утиную охоту. Во время стрельбы у Киселёва заклинило ружье, он его согнул, чтобы вытащить застрявший в стволе патрон. Неожиданно прогремел отсроченный выстрел, пуля попала стоявшему рядом майору Бородину в область паха, повредив крупный сосуд. Остановить кровотечение не удалось и через 30 минут майор Бородин умер.

По всем делам проводятся дознания.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА ГСОВГ

Военный Совет располагает фактами, что до сего времени приказы, запрещающие стрельбу из всех видов оружия, некоторыми командирами частей, соединений и отдельными разгильдяями не выполняются. Вследствие этого продолжают иметь место стрельбы по разного рода поводам и целям, отмечены случаи охоты личного состава на птицу и зверя, глушение рыбы ручными гранатами, толом и другими взрывчатыми веществами, в результате которых происходят ранения личного состава вплоть до смертельных исходов.

Между тем, охота в данное время года запрещена и незаконный отстрел дичи вызывает протесты немецких властей и ими издан приказ о задержании незаконно охотящихся и привлечении их к ответственности.

Командирам частей и соединений разъяснить всему личному составу, что охота в летнее время является браконьерством и категорически запретить её до правительственного разрешения. Все имеющиеся охотничьи трофейные ружья у офицерского состава взять на учёт, а у рядового и сержантского состава – отобрать и сдать на склады.

Прекратить варварское глушение рыбы ручными гранатами, толом и другими взрывчатыми веществами, для чего ещё раз проверить и изъять у личного состава не положенные ему боеприпасы и ВВ.

Комендантской службе в районах расположения частей вменить в обязанность наблюдение за выполнением сроков охоты. На лиц, замеченных в незаконной охоте и браконьерстве, накладывать

дисциплинарные взыскания властью командиров частей вплоть до изъятия у них охотничьих ружей.

В бывших немецких охотничьих заказниках запрещается без особого разрешения, выдаваемого Всеармейским военным охотничьим обществом, производство охоты, сбор ягод, заготовка леса и косьба.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
71 АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АНТОШИНА

Серия «К»[1]
Командиру 425 сд полковнику Быченкову

Дорогой Николай!

Обращаюсь к тебе с доверительной просьбой.

Вчера к нам прибыл с бригадой Особоуполномоченный Наркомата Государственного контроля СССР полковник и/с Попов Семён Лукич для комиссионной проверки учёта и сохранности трофейного имущества.

Учти, что должность эта генеральская, а мужик он отличный, и хотелось бы сделать его пребывание в армии не только полезным для дела, но и приятным для него. Как оказалось, он заядлый охотник и, увидев у меня коллекционную двустволку, весь буквально затрясся. Я ему её, конечно, отдал, а ты из имеющихся у Вас на складах отбери ещё парочку самых лучших из специального хранения, желательно с золотой инкрустацией или с тремя кольцами фирмы «Зауэр» или «Голланд-Голланд» штучного исполнения, и без ссылки на меня, как бы между прочим, подари ему.

Ружьишко для тебя мелочёвка и основная просьба в другом: пожалуйста, организуй для него сегодня же ночью охоту на кабана в заповеднике. Там, в бывшем господском дворе, есть старик-немец Вилли Бортшайдер, лесник, свяжись с ним через Хусаинова, который его хорошо знает, и он всё сделает. За кабана или даже двух нас с тобой не повесят, а полковнику будет праздник, жизнь у них в Москве скучная и скудная, потому я и решил порадовать его охотой.

Не подумай, что я хочу его задобрить или обласкать, хотя и это не помешало бы. Мы с тобой воевали, а не воровали, и задницы у нас чистые. Но ты же знаешь, какой запутанный и неразрешимый

[1] «К» – конфиденциальное.

вопрос трофейного имущества и сколько его во время боёв было брошено, расхищено и просто так уничтожено. Нашей вины в том нет, однако тут и трезвый на ровном месте может поскользнуться и даже упасть. Нам же с тобой, Николаша, это совсем ни к чему.

Через подполковника Глазкова (ОК фронта) сегодня узнал, что представление на тебя с положительным заключением Военного Совета ещё в прошлую пятницу, 18 мая, отправлено в Москву и, как он сказал, по всем бумагам у тебя – «зелёная улица». Так что прими мои предварительные поздравления, пара новых генеральских погон за мной!

Мой водитель к 19.00 вместе с полковником доставит тебе коробку: три бутылки армянского коньяка, икорку, балычок, анчоусы, сардины и т.п. Если нужно чего добавить, не поленись, и ужин, и завтрак на природе сделай достойным высокого положения Особоуполномоченного. Мужик он отличный!

Не мог всё это сказать тебе по телефону и потому пишу. По прочтении уничтожь – бережёного бог бережёт!

Я перед тобой в долгу.

Дружески обнимаю.

Твой Иван

P.S.

Одновременно посылаю тебе коробку продуктов для поездки за семьёй. Прасковье Филипповне от меня низкий поклон. До встречи!

23. ЖИТЕЛЕЙ НЕ ОБИЖАТЬ!

ИЗ СПЕЦСООБЩЕНИЯ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ НКГБ

При цензурировании почтовой корреспонденции немецкого населения органами Военной цензуры НКГБ перехвачены и обнаружены письма с отрицательными отзывами о Советской администрации в Германии и военнослужащих Красной Армии.

Направляю Военному Совету ГСОВГ два письма без указанного адреса:

Артур Шок, из Берлина в Калифорнию:

«Дорогая сестра!

Ты будешь озадачена моим запутанным письмом, но я спешил, т.к. должны были прийти два моих друга и забрать письмо.

Жизнь наша выглядит ещё хуже, чем я тебе описывал раньше.

Русские отобрали мои прекрасные часы (золотые швейцарские), мой бриллиантовый перстень, украли всю одежду после того, как были выведены из зоны боёв, т.к. вокруг моего дома 24 часа шли бои. Лотта и Берта всё это время были у меня, и мы вместе всё пережили.

Обувь, пальто, перчатки, радио, фото – всё забрали. Кроме того, они забрали 4 велосипеда, 2 мотоцикла, 4 авточасов и секундомер, поломали и привели в негодность 3 моих автомашины – ни колёс, ни шин, разрушенные, они печально стоят во дворе. Хорошо, что я имею ещё крышу над головой.

Всё оборудование фабрики демонтировали и вывезли в Россию. Ваши солдаты ужасаются тому, что русские сделали с нами. Лучше бы они нас расстреляли, чем оставили голыми. Жаль, что не американцы первыми пришли сюда, тогда бы русские не смогли бы так ужасно разграбить нас.

Двенадцать лет, как ты знаешь, я в меру своих сил боролся против Гитлера: много месяцев у меня на фабрике работали евреи – несколько человек с невыраженными внешними национальными признаками, – а одного даже пришлось прятать и снабжать продо-

вольствием. Но все они были евреями! И я рисковал жизнью. Да, это было жестокое время, нам приходилось даже пить чай из ромашки и липового цвета.

Лотта и Берта отделались несколько дешевле, но зато обе потеряли квартиры.

Плохо, что теперь придётся начинать с самого начала. При этом я рассчитываю на твою помощь. То, что мы получаем по карточкам на одного человека в день — 300 гр. хлеба, 400 гр. картофеля, 40 гр. мяса, 40 гр. муки, 15 гр. сахара, 7 гр. жира — это медленная голодная смерть для немца. Кроме того, ежемесячно 60 гр. кофе и 100 гр. эрзац-кофе, а также 20 гр. чая. Так что ты можешь представить, как и чем мы сейчас живём. Если же ты хочешь иметь больше, то должен покупать на чёрном рынке, где цены сумасшедшие. Так, хлеб по карточке стоит 50 пфеннигов, на рынке — 100 марок, одна бутылка растительного масла 0,75 литра по карточке — 7,5 марок, на рынке — 1000 марок, один фунт кофе — 1500 марок, 1 сигарета — 15 марок. Причём за деньги ничего не купишь, люди желают всё менять, но мы уже ничего не имеем для обмена.

Я не хочу злоупотреблять твоей добротой. Мне тяжело просить, но мы приучены жить по-человечески, не хочется оскотиниваться, поэтому буду рад, если ты пришлёшь из Калифорнии натурального бразильского кофе, хорошего табака и точные часы, т.к. купить их здесь в настоящее время нельзя».

Клостер Верк из Берлина в американскую зону оккупации:

«Дорогой брат!

Настало ужасное время для нашего народа, так что нельзя понять смысл этого нового порядка или, вернее, беспорядка.

Везде безобразие и насилие вместо справедливости и порядка. Кто бы мог подумать, что наш гордый народ, который во всём мире уважали, теперь стоит на последнем месте, а имя его запачкано навсегда. Кто бы мог подумать, что нация, до конца так сильно веровавшая в фюрера, пришла к такому гибельному концу.

Наши же товарищи-соотечественники сейчас выслеживают, доносят и гоняют нас. Здесь очень многих арестовали, и, кроме того, мы должны страдать из-за концлагеря Бухенвальд. Мы же не знали, какие зверства совершались там. Я думаю, что русские многое преувеличили, а мы должны отвечать за всё, в чём лично не были виноваты.

Русские выселяют людей из домов, воруют как галки, отбирают продукты. В операционном зале моей бывшей больницы они

убивали скот и разделывали туши, прачечную превратили в хлев и уборную.

И после этого они должны являться для нас носителями культуры! Это издевательство. С одной стороны, они для нас устраивают прекрасные выступления симфонического оркестра, открылись театры, кинозалы и варьете, с другой стороны, оставляют нас в руках надвигающейся голодной смерти, потому что на их пайках немцу не выжить.

Спокойствия нет, все дни в волнениях, нельзя выйти из своей барсучьей норы, двери дома даже днём нужно запирать – такой здесь грабёж. Вчера в моё отсутствие в дом через кухонное окно проникли 4 русских и похитили костюм мальчика, куртки, пальто, ботинки, часы и ещё мелочь. Когда мальчик вернётся, ему не во что будет одеться.

Так мы себе не представляли освободителей от нацизма.

Рад за тебя и Кэт, что вы оказались у американцев, которые, как говорят, не только хорошо кормят, но и не преследуют и не арестовывают, а даже принимают на службу бывших эсэсовцев».

И наиболее характерные выписки из писем с указанными адресами:

Кайзер Ирена, Берлин, Вестендаллее, 17-а:

«...положение дел здесь безутешное, потому что русские всё конфискуют. У нас были взяты даже кровати... под наставленным пистолетом охотно подчинишься».

Ханс О., Ребель, Берлин, Штаренштрассе, 18:

«...было бы неплохо, если бы русские не угоняли скот, не снимали бы рельсы с железных дорог. Сейчас здесь нет никаких товаров, нет сала, спичек. Одним словом, ничего нет. Те, кто не имеет под руками ничего, долго не просуществуют».

Кун Глиндов, Вердер, Юденберг, 14:

«...мы голодаем, т.к. русские никак не могут навести порядок. За непродолжительный срок у нас сменилось 3 бургомистра, каждый вводит свои порядки, а нам становится всё хуже и хуже».

Эллерман М., Брюхмилле, Линденштрассе, 30:

«...при русских живётся очень плохо. Здесь, в Брюхмилле, многие кончают жизнь самоубийством. Свирепствуют тиф, дизентерия. Мы получаем только три фунта хлеба, 40 гр. масла, изредка 150 гр. конины, не больше пары морковок или немного тыквы. Нет никаких приправ для варки».

Лео Х., Росток, Батстштрассе, 3:

«...Возвращаясь к рассказу о русских, я должен сказать, что испытываю ужас перед ними. Господа русские взбешены, т.к. знают, как мы тоскуем об английском или американском управлении. Конечно, нас там не накормят шоколадом, но хотя бы был более справедливым управленческий аппарат, заставлявший расплачиваться за всё самих нацистов. А здесь как раз обратная картина: господа нацисты большей частью сидят в своих квартирах».

Даль Эрих, Аргемюнде:

«...Дорогая Гертруда! Те, которые ушли к англичанам и американцам, живут прекрасно. Спрашиваешь себя, почему мы живём не так, как они? Ведь они такие же немцы и в той же степени виновны или невиновны. У нас американцы запрещали танцевать, веселиться, учиться, заниматься политикой, зато давали хорошо покушать. Советы кушать не дают, но зато дали много свободы».

Крельке Э., Кведлинбург:

«...Этот режим сметает у населения всё подчистую. Урожай здесь можно только увидеть, русские забирают всё с полей. Коров они тоже сгоняют, часть скота бьют и только единицы оставляют».

Мауритц Г., Мекленбург:

«...в нашем поселке всё выглядит так, словно в нём хозяйничали вандалы. Всё молоко у крестьян отбирают, овощи заканчиваются. С питанием дело обстоит очень плохо, нет достаточно картошки, хлеба, дают всего один кирпичик на неделю. Да, мы никогда не были бедны, как теперь. По рассказам приезжающих, у американцев значительно лучше».

Кнак Х., Велтен:

«...все сады ограблены, яблоки обрывают зелёными, картошку и овощи увозят в мешках».

Крюгер К., Фредерсдорф:

«...у нас абсолютно всё забрали. Приходили русские группами и тащили всё: часы, велосипеды, одежду, платья, бельё, посуду, даже кастрюли. Всю нашу одежду теперь будут носить они! Да, бедная Германия, как глубоко ты пала! Я никак не представлял себе такого конца войны, что мы будем так разграблены».

Вегенер Л., Вандлиц:

«...говорят, что русские уйдут и придут англичане. Мы в ожидании сюрприза. Мы не могли бы пожаловаться на русских, если бы только они так не воровали».

Резолюция члена Военного Совета советской администрации в Германии генерал-лейтенанта Бокова:

«Разослать этот материал всем командующим армиями, командирам корпусов, дивизий, бригад для ознакомления и внимательного прочтения. Подумать серьёзно над тем, к чему это ведёт. Прекратить разложение в армии, максимально используя весь политаппарат и органы прокуратуры по пресечению позорящих победителей мародёрства, вандализма и самоуправства. Принять конкретные меры по налаживанию нормальной жизни, чтобы немцы не жаловались на нас. Жителей – не обижать! О проделанной работе доносить в политдонесениях».

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Доношу о проведённой работе по налаживанию нормальной жизни в г. Грабове.

Работа по назначению местной администрации в населённых пунктах полосы дивизии закончена к исходу 23 мая. Из 30 населённых пунктов администрация назначена в 27, а в 3-х остальных она была назначена раньше и уже работает. Списки старост по каждому из пунктов прилагаются.

В городе Грабов выбран бургомистр и местное самоуправление. Создан отряд полиции в количестве 26 человек. Полицейские расставлены по постам, проинструктированы комендантом и наблюдают за порядком. Население оказывает помощь в выявлении фашистских руководителей.

В центре города установлен репродуктор с усилителем, трансляция из Берлина происходит ежедневно с 20.00 до 22.00. Несколько сот местных жителей собираются, чтобы слушать передачи, заявляя, что это очень хорошо. Они жадно слушают новости, читают все приказы и распоряжения, вывешенные у здания администрации, и записывают их в блокноты. Во всяком случае, внешне немцы бросились из одной крайности в другую: из игры в господ и великую расу – к игре в рабов.

Комендатура и новый магистрат энергично восстанавливают жизнь в городе, уже функционируют: аптека, молочный завод, электростанция, водопроводная станция, пивоваренный завод, бондарная и пряничная фабрики. Работой заняты свыше 100 мелких кустарей. Открыта хлебопекарня, где работают 11 пекарей. Население полностью обеспечено хлебом согласно нормам.

Шульц, житель г. Грабова (Шульштрассе, 13), когда им стали выдавать по 600 гр. хлеба, сказал: «Я теперь понимаю, что мы в отношении Красной Армии были грубо обмануты и одурачены на-

ционалистами. Теперь я вижу собственными глазами, что всё это было пропагандной ложью и подстрекательством».

Эмиль Шепинг, сапожный мастер (Кисердам, 25), сказал о том же: «Нам говорили, что когда русские придут, они будут всё сжигать, насиловать и убивать. Мы очень страшились, так как в наших представлениях вы все были с рогами. Но ваш приход и отношение показали, что Красная Армия имеет хорошую дисциплину, культурная, хорошо одета и обута и к немцам относится хорошо, мы этого не ожидали. И я желаю, чтобы в дальнейшем наши отношения улучшались».

Эльза Шпеер, домохозяйка, отметила: «Нацисты нас убеждали, что если сюда придут русские, то они не будут нас «обливать розовым маслом». Получилось совершенно иначе: побеждённому народу, армия которого так много причинила несчастий России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало прежнее наше правительство. Нам это трудно понять. На такой гуманизм, видимо, способны только русские».

Местные жители собирают установленное количество молока и молочных продуктов, а бургомистры его раздают эвакуированным из Берлина и других городов по норме: для детей дошкольного возраста – 0,5 литра, для взрослых – 0,25 литра.

Но имеются и недовольные организацией снабжения продуктами питания, мылом, керосином и их низкими нормами, особенно плохое настроение у женщин. На собрании в Штольберге они спрашивали: «Почему безработные и домохозяйки не получают ни мяса, ни жиров?», но винят в этом своё местное самоуправление. На стене на вокзале даже появилась такая надпись:

«Коммунисты, дайте нам кушать! Знайте, что мы не забыли своего Фюрера! Хороший немец не может быть коммунистом. Сейчас в управлении сидят коммунисты, которые раньше не могли написать даже своего имени, а теперь жрут и пьют, когда их соотечественники голодают. Мы хотим кушать, а не собраний!»

Приняты меры по пресечению перекосов в политике и действиях членов магистрата, которые считали, что нацистам, даже рядовым, ничего из продснабжения не полагается. Замполит коменданта им разъяснил, что бывших нацистов нужно привлекать к тяжёлым работам по уборке развалин, расчистке улиц, но снабжать продуктами необходимо всех на основании установленных категорий.

Несмотря на улучшение жизни и внешнее проявление дружелюбия, местное население высказывает недовольство и раздражение,

главным образом по поводу отдельных случаев самовольства наших военнослужащих, отбирающих у них вещи и продукты. Но эти случаи не носили характер грабежа и сразу же пресекались.

В деревнях и на хуторах крестьяне большую часть дня теперь находятся в поле и обрабатывают свои наделы. Они менее разговорчивы, но чаще жалуются на поборы.

На требование сдать все радиоприёмники, фотоаппараты, пишущие машинки, немцы предварительно интересовались, что будет, если не сдадут указанные вещи, и сдавали их неохотно.

Очень медленно сдают оружие. Вместо ответа на вопрос, имеется ли у них оружие, они стараются перевести разговор на другие темы или же клянутся в том, что такового нет. Но есть немцы сознательные и более исполнительные: например, учитель Парон сдал оружие времён франко-прусских войн, эпохи Наполеона, а также индийские и китайские сабли.

Некоторые немцы в домах ещё сохраняют фашистскую литературу и портреты гитлеровских главарей.

Среди населения были факты распускания провокационных слухов, что «первые русские, которые пришли, они хорошие, а вот через дней 12 придут другие, так называемые «ЧК», те будут резать, вешать, расстреливать и грабить», и случай открытой деятельности фашистской агентуры.

Так, в местном ресторанчике некто в форме солдата Красной Армии приказал оркестру исполнить фашистский гимн. Дирижёр отказался, неизвестный стал угрожать. Тогда дирижёр попросил письменное разрешение, которое тут же и было выдано ему на бланке магистрата. Оркестр исполнил гимн, неизвестный скрылся.

В беседах немцы задают много вопросов:

«Правда ли, что военнопленные немцы расстреляны в Сибири?»

«Почему Красная Армия идёт пешком и на подводах, а американские войска едут на танках и в автомашинах?»

«Останутся ли предприятия в пользовании частных лиц или перейдут в собственность государства?»

«Какие земли отнимут у Германии?»

«Правда ли, что всю Германию хотят сделать сплошным картофельным полем?»

На все вопросы, интересующие немецкое население, даны исчерпывающие ответы и разъяснены цели и задачи войск Красной Армии во время их пребывания на территории Германии.

Основным направлением в политико-воспитательной работе остаются устранение произвола и самовольства в отношениях

с немцами, недопущение бесчинств, а также пресечение грабежей и мародёрства.

Полковник Фролов

ПИСЬМО ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА В ГЕРМАНИЮ

Здравствуйте, милая госпожа!

Я приветствую Вас издалека. Моё приветствие есть восклики боли и мучения, о которых Вы и не подозреваете.

Сначала расскажу, как доехала. По дороге ничего плохого не случилось, если не считать морскую болезнь и страшную тесноту. Пассажиры сидели и лежали вповалку по всему огромному кораблю. Но всё окончилось благополучно, хотя каждую минуту боялись, что нас потопит подводная лодка, даже спали в спасательных жилетах.

После семидневного плавания достигли конечного пункта, города Буэнос-Айрес, и тут внезапно на меня обрушился ужасный удар судьбы. Чистопородный благороднейший рыцарь Эрих фон Зиммель, мой драгоценный муж, полтора года носивший меня на руках и лизавший мне не только ноги, но ежедневно и душу, и клявшийся в вечной любви, исчез вместе с другими немецкими офицерами, захватив чемоданы со всеми ценными вещами и деньгами. Он скрылся тайком, не сказав мне ни слова и даже не попрощавшись. Описать моё потрясение, самое страшное после смерти матери, невозможно.

Как только сошли с корабля, оставшихся мужчин сразу интернировали, так как Аргентина с марта месяца находится в состоянии войны с Германией. А женщин окружили вербовщики, и, так как я не знаю языка, не знаю страны и не имею знакомых, деться от них было некуда.

После двухдневного отдыха, когда я оправилась от морской дороги, меня определили в ресторан самого дорогого здесь отеля, и я подписала контракт. С первого же часа работы я оказалась в центре внимания. Мои светлые волосы, синие глаза и белая кожа красочно отличали меня от коричневых и чёрных женщин. Везде меня провожали взглядами, начинались шептания и смешки. Мои коллеги по работе меня ненавидят, это я заметила, ненавидят прежде всего за то, что мне поручили обслуживать лучших клиентов, самых важных «господ». После окончания работы, когда я падала с ног от усталости и собиралась уйти к себе в каморку, меня задержал шеф и объявил, что это не всё, что нужно остаться и на ночь для

завлечения богатых посетителей. Я была потрясена, взволнована до истерики, но деться было некуда, он тыкал пальцем в бумагу и возмущался: в контракте, который я, не зная языка, подписала, оказывается, и эта моя обязанность была проставлена.

На другой день экономка повезла меня в роскошный магазин, где мне было куплено дорогое нижнее бельё: бюстгальтеры, пояса, трусы и полдюжины чулок, чёрных и тёмных, для контраста с моей белой кожей. Затем в аптеке она приобрела набор спринцовок, и тут, поняв окончательно, что меня ожидает, я разрыдалась и произошёл обморок. Меня усадили и натирали виски нашатырём, пока я не пришла в себя.

С большой душевной болью я впервые вышла к моим клиентам, которые, несмотря на возраст и положение, подвыпив, вели себя по-скотски. Когда я подходила к столу, они хватали меня за попу, за ноги, за грудь, лезли под юбку, щипали до синяков и под общий хохот делали мне всякие гнусные предложения. Был возле них пьяненький старик-эмигрант, жалкий лакей, который мне всё это с удовольствием переводил. Вот тут я и давилась слезами и жалела, что не умерла ещё в Германии, что нас не потопила подводная лодка во время эмиграции в «сказочную», как нам расписывали, страну.

Спас меня один желтокожий, по кличке Джери, который через переводчика предложил мне стать его любовницей. Предложение я не приняла, ответила вежливым, но твёрдым, отказом. Однако, он очень богатый и влиятельный человек, и после этого другие «господа» стали вести себя сдержаннее.

На второй вечер Джери снова предложил мне поехать с ним, я опять отказывалась и расплакалась, но, в конце концов, стала его любовницей.

Дорогая госпожа! Не судите меня за это, другой дороги не было, выход был только один: быть продажной для многих или для одного. Выбрала последнее, он выплатил хозяину большую сумму, и так я стала игрушкой и собственностью миллионера. Ко мне он относится по-доброму, выполняет все мои просьбы, но как мужчина он мне противен: ниже меня ростом на полголовы, лысый, с брюшком и ноги тоненькие и кривые. В мыслях я его называю «паучком» или «косоглазой обезьянкой», и физически он так неприятен, что перед близостью с ним, чтобы всё это вытерпеть, мне приходится выпивать полтора-два стакана текилы, очень крепкой мексиканской водки. И так каждую ночь уже второй месяц...

Если нервы мои выдержат, тогда я его обворую с целью достать денег для возвращения и убегу, уеду назад, в Германию. Если не удаст-

ся, то сама покончу эту несчастную жизнь. Усиленно изучаю язык, хочу знать всё необходимое для того, чтобы можно было бежать, если удастся, а если не получится, тоже хорошо, будет одной страдалицей меньше.

Дорогая госпожа! Умоляю Вас, не покидайте Германию! У Вас есть надежда, что жизнь постепенно наладится. Я готова перенести любые трудности на родине, чем заканчивать жизнь в рабстве на чужбине. Расскажите всем, кто хочет эмигрировать, что такое «земля счастья» Аргентина, прошу предупредить каждую девушку, что её там ждёт. Если буду жива, напишу обязательно.

Ваша Марсена Ребане

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

За прошедшую декаду была оказана большая помощь администрации города Брюель по эвакуации беженцев из районов Восточной Германии на свои места проживания.

Ежедневно отправляются в гор. Гюстров на двух грузовых машинах и повозках, имеющихся в распоряжении бургомистра, по 80–100 человек.

Беженцы из западных областей Германии частично эвакуируются в восточные районы, направляются в деревни и отдельные имения, где они используются на работах в сельском хозяйстве.

С населением регулярно проводятся беседы, явка на них добровольная, приходит почти всё взрослое население. Наибольший интерес у населения вызывают вопросы:

— Какая будет власть в Германии?

— Всегда ли будет Красная Армия находиться в Германии?

— Будут ли работать школы и на каком языке будут учиться дети — на русском или на немецком?

На все вопросы даны исчерпывающие ответы.

Из проведённых бесед с местным населением выяснено: с приходом Красной Армии их материальное положение значительно улучшилось, особенно их радует увеличение норм отпуска продуктов питания, восстановление местных заводиков, фабрик и кустарных производств и расширение рабочих мест.

Так, в городе пущена уксусная фабрика, восстановлены и приступили к работе: две колбасные фабрики (одна работает для нужд гражданского населения, другая — для частей Красной Армии), пивоваренный и винный заводы, дополнительно открыты несколько магазинов, фотография и ещё одна хлебопекарня. Организованы

и работают портновская и сапожная мастерские, в которых ремонтируют обувь, шьют и перешивают обмундирование для бойцов и офицеров. Приведено в годное состояние помещение для больницы на 30 коек, она укомплектована хозяйственным инвентарём, медицинским оборудованием, медицинским и обслуживающим персоналом, уже 4 дня, как больница работает.

Местное население очень довольно, немцы удивлены великодушием, быстрым восстановлением порядка, дисциплиной и организаторскими способностями военнослужащих Красной Армии и тем, что они, заходя в парикмахерскую, мастерские или покупая что-нибудь, всегда расплачиваются и платят в несколько раз больше, чем свои местные.

Привожу высказывания некоторых жителей:

Генрих Витц сказал: «Гитлеровская пропаганда уверяла нас, что с приходом Красной Армии все работоспособные мужчины и женщины будут направлены на работу в Россию — в Сибирь. Теперь мы убедились, что это ложь. Красная Армия не только не причинила нам вреда, а помогает в возрождении нормальной жизни».

Морис Бирман заявил: «Я доволен тем, что американские войска ушли от нас. Кроме пьянства, драк и грубого к нам отношения мы ничего не видели, продукты нам не выдавали. Если оккупация Германии неизбежна, то пусть лучше будут на нашей территории русские. Америка — для американцев, Европа — для европейских народов».

Культурные учреждения во время пребывания американских войск в городе не работали, и немцы были удивлены, когда им рассказали, что во многих городах, контролируемых Красной Армией, уже работают кинотеатры, где идут немецкие и советские фильмы, и что работают другие культурные учреждения.

Полковник Наумов

ДОНЕСЕНИЕ

В Берлине налаживается культурная жизнь. Театры возникают, как грибы. Во всех районах и уголках города работают кабаре, варьете, ревю. Люди устремляются туда, чтобы хоть на час отойти от кошмара пережитого.

Репертуар театров невелик. В маленьком драматическом театре «Оберон» с большим успехом идут трагедия Шиллера «Коварство и любовь», пьеса «Женщинам это нравится», исторические драмы «Карл Третий» и «Анна Австрийская». В театре оперетты на музы-

кальных комедиях «Голландская вдовушка» и «Шпанская мушка» всегда переполнен зал.

Труппы театров состоят из профессиональных артистов. В составе трупп театров имеются 9 бывших членов национал-социалистической партии. Поставлен вопрос о замене их новыми артистами.

Функционируют два молодёжно-музыкальных коллектива. Их программа состоит, главным образом, из произведений Моцарта, Шуберта, Бетховена. Эти коллективы регулярно дают концерты для местного населения и пользуются большим успехом.

В пяти кинотеатрах демонстрируются разрешённые к показу немецкие фильмы, имеющие цензурную карточку советской военной администрации, например: «Женщина моих снов», «Жена по размеру», «Весёлый дом», всего 23 фильма, совершенно пустых и бессмысленных.

Во всех кинотеатрах идут советские кинофильмы. Наибольшей популярностью пользуются кинофильмы развлекательного характера: «Цирк», «Весёлые ребята», «Актриса», «Вратарь республики». Одобрение вызывают и лирические фильмы: «Жди меня», «Музыкальная история», «Свинарка и пастух».

Так, немец Гросс сказал: «Никогда немецкий фильм не был реалистичным, в нём никогда не покажут правдивой жизни в тылу и на фронте, как показано в вашем фильме «Жди меня». Немецким режиссерам не разрешалось показывать солдат в крови, раненого, в трудностях. Он всегда должен быть «шик-солдат», «завоеватель».

Фрау Шенцель объяснила такую национальную особенность: «В наших фильмах всё красиво, и пусть они не содержательны и без идеи, но когда их смотришь, чувствуешь себя в лучшем мире и забываешь при этом всё горькое».

После просмотра кинофильма «Волга-Волга» немцы в кулуарах говорили: «Карашо! Стэнка Разин, муттер Вольга!»

Интеллигенция единодушно отмечает, что советские фильмы бледны эротикой и пиканством, как в экранном действии, так и в диалоге, поэтому для немцев скучны.

Публика не склонна смотреть тяжёло-драматические и реалистические ленты, поэтому такие исторические фильмы как «Пётр Первый», «Богдан Хмельницкий», «Иван Грозный» большинству зрителей не понятны. Во время просмотра к/ф «Иван Грозный» более 50% зрителей ушло. После просмотра к/ф «Богдан Хмельницкий» зрители обменялись такими впечатлениями: «Насколько бедно одеты русские крестьяне. Не удивительно, что русским нравятся

наши вещи». Это заявление встречено окружающими с большим одобрением.

Целый ряд фильмов, особенно военные, вызывают плохо скрываемое недовольство. Во время демонстрации картин «Родина» и «Зоя» зрители покидали зал. Один из зрителей, беседуя с переводчиком, сказал: «Я немец и мне больно смотреть этот фильм».

В кинокартине «Черноморец» имеется кадр, когда наш краснофлотец переворачивает труп немецкого солдата и срывает с трупа Железный крест. Этот кадр вызвал ропот зрителей и громкие возгласы: «Руссише швайн!» Последнее говорит о том, что для показа немцам советских фильмов также необходимо проводить их отбор. Список советских фильмов, рекомендуемых для демонстрации немцам, прилагается.

Совместно с Союзинторгкино проведена проверка имеющихся немецких фильмов. Категорически запрещены к показу: все немецкие кинохроники военного времени и геббельсовские пропагандистские ленты о Советском Союзе («Враги», «Советский рай», «Жизненное пространство», «Белые рабы»).

35 немецким фильмам (список прилагается) выданы цензурные справки и они разрешены к показу.

Зам. начальника Управления пропаганды

24. АТТЕСТАЦИЯ ОФИЦЕРОВ

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го БФ

12.05.45 г.

Военным Советам армий
Начальникам Отделов кадров армий

Согласно распоряжения Начальника Главного Управления Кадров НКО СССР от 11 мая 1945 г. в связи с окончанием войны и для обеспечения правильной расстановки кадров Красной Армии в мирное время произвести аттестование генералов и всего офицерского состава.

При аттестовании особое внимание необходимо уделить развёрнутой характеристике боевых качеств офицеров и генералов, а именно: политической и моральной стойкости, смелости, настойчивости, решимости, выдержке, боевой и физической закалке, инициативе. Недостаточность культурной и образовательной подготовки не должна принижать боевое умение аттестуемых кадров, так как будет ими приобретена в дальнейшем.

Дело аттестования организовать так, чтобы обеспечить строго индивидуальный подход, внимание, объективность и всестороннее освещение всех качеств аттестуемого, не допускать шаблона в характеристике людей.

Практическое выполнение аттестования провести установленным порядком, утверждённым Начальником Отдела Кадров фронта, согласно прилагаемой инструкции.

В результате аттестования должен быть сделан вывод о дальнейшем предназначении и использовании каждого офицера и генерала, по итогам составить списки на офицеров:

1. достойных к выдвижению на высшие должности;

2. подлежащих направлению на учёбу в академии, высшие военно-учебные заведения и курсы усовершенствования;

3. подлежащих переводу из войск в местные органы военных управлений;

4. подлежащих увольнению в запас Красной Армии и отставку.

Аттестацию на всех офицеров, от заместителя командира полка и выше, и кандидатские списки по п.п. 1, 2 представить через отделы кадров в Военный Совет фронта к 20 мая с.г., на остальной офицерский состав сосредоточить в отделах кадров армий.

Командирам всех степеней обратить особое внимание на серьёзность и ответственность настоящего мероприятия и качественное его исполнение, так как определяется судьба каждого отдельно взятого офицера.

Политработникам провести широкую разъяснительную работу и представить в донесениях настроения и чаяния офицерского состава.

Генерал-лейтенант Телегин

УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ 71 АРМИИ

Начальникам штабов
Начальникам отделов и отделений кадров

Директиву Глав.ПУРККА № 19730 и Постановление Военного Совета фронта от 12.05.45 г. по укомплектованию очередным набором в слушатели академии им. Фрунзе, Высшую военную академию им. Ворошилова, на курсы «Выстрел» и курсы усовершенствования офицерского состава принять к неуклонному руководству и исполнению.

1. При отборе кандидатов отделам и отделениям кадров соблюдать нижеследующие требования:

– общее образование – полная средняя школа (10 классов) или техникум;

– военное образование – военное училище, курсы, если таковые имеются;

– практический срок в войсках на командно-офицерских должностях – не менее двух лет;

– положительная служебная характеристика, проверенная органами «Смерш»;

– годность по состоянию здоровья к строевой службе в рядах Красной Армии;

– желательно кандидатов и членов ВКП(б).

Офицеров, бывших в плену, в окружении или проживавших при немцах на оккупированной территории, а также имеющих близких родственников, репрессированных за пособничество немцам, на учёбу не отбирать.

2. Составленные ОК предварительные списки офицерского состава представлять на согласование отборочным комиссиям в составе командира части и его заместителей — начальника штаба и начальника политотдела — для индивидуального собеседования с каждым из претендентов. После их утверждения в дивизии, корпусе определить наиболее достойных к прохождению вступительных экзаменов. Именные списки кандидатов на каждое военно-учебное заведение представлять в 2-х экземплярах: в ОК армии и руководству учебного заведения.

3. По договорённости с руководством высших военно-учебных заведений организовать приём вступительных экзаменов на местах экзаменаторами — представителями этих учреждений и курсов — по утверждённой программе и согласно требованиям, предъявляемым к оценке знаний конкурсантов, достаточных для зачисления их слушателями.

4. Окончательное зачисление на учёбу кандидатов, соответствующих п.п. 1, 2 и выдержавших вступительные экзамены, осуществляются приказами командира дивизии и корпуса на основании решения Военного Совета и политотдела армии.

5. Офицеры, зачисленные слушателями высших военно-учебных заведений, при их командировании на учёбу должны иметь следующие документы:

— рапорт о желании учиться в данном учреждении с указанием факультета;

— личный листок по учёту кадров;

— автобиографию, написанную собственноручно;

— служебную характеристику;

— справку о состоянии здоровья;

— копию приказа о зачислении.

Сроки командирования на учёбу определяются руководством каждого учебного заведения и будут сообщены дополнительно.

Во избежание имевшего места в 1944 году значительного отсева кандидатов, зачисленных и прибывших на учёбу, мотивированного соображениями материально-бытового характера, до сведения кандидатов довести, что слушатели обеспечиваются только общежитиями, полевые деньги и гвардейские надбавки слушатели не получают, стоимость питания (столовая или сухой паёк) — по норме

до 300 рублей в месяц. Из зарплаты удерживаются все виды налогов, уплачиваемые офицерами, проходящими службу: военный налог и налог за бездетность.

Приложение:

— материал на 49 листах;

— тексты диктантов по русскому языку;

— задачи по математике;

— бланки и инструкции.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 136 СК *Подана 14.05.45 г.* *10 ч. 20 м.*

Командирам стрелковых дивизий
Нач. штабов, нач. отделов кадров

Во исполнение Постановления Военного Совета фронта от 12.05.45 г. и приказа командующего войсками 71 армии представить к 16.05 с.г. в ОК корпуса списки офицерского состава для его утверждения командиром корпуса и последующего представления для доклада ВС армии офицеров, достойных направления на учёбу в академию им. Фрунзе, высшую военную академию им. Ворошилова, курсы «Выстрел» и курсы усовершенствования офицерского состава.

Пересмотреть ранее выдвинутых кандидатов на высшие должности и учёбу с учётом их участия в последних боях.

Обратить особое внимание начальников отделов и отделений кадров на точность представления, правильность и аккуратность оформления документов. Списки должны быть утверждены командиром дивизии и представлены в запечатанном конверте нарочным в ОК корпуса.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 425 СД

В штаб дивизии поступили инструктивные указания о проведении аттестования всего офицерского состава и разнарядки по отбору кандидатов на учёбу в высшие военно-учебные заведения и курсы усовершенствования.

Объявление о предстоящей аттестации вызвало бурное обсуждение. Выступления на собраниях свидетельствуют, что цели и задачи аттестования офицерами поняты правильно и можно выделить наиболее характерные отношения и настроения:

1. Офицеры, получившие среднее или высшее специальное образование до войны (учителя, медики, инженеры и др.), в большинстве своём хотят демобилизоваться или уйти в отставку.

Так, капитан Орловский сказал: «Я никогда не выступал, а сегодня решил выступить. Товарищ Сталин всегда заботился о человеке и сейчас он нас, воинов, тоже не забыл. Нам представляют возможность выбрать свою судьбу: стать профессиональным военным или, когда подойдёт срок демобилизации, вернуться домой и как можно скорее поднять разрушенное хозяйство. Такие законы может выпускать только наше правительство. До войны я учительствовал. Хочу быстрее демобилизоваться из армии, чтобы, вернувшись домой, успеть к началу учебного года восстановить взорванную немцами школу и заняться любимым делом».

2. Офицеры с неполным средним или начальным образованием, которых война выдвинула на командные должности по боевым характеристикам, и желающие продолжить служить в Красной Армии до тех пор, пока Родина нуждается в них. Чтобы удержаться в армии и даже продвинуться по службе, их интересуют только курсы усовершенствования. Они задают вопросы: что нужно, чтобы быть зачисленными на курсы, кроме горячего желания и поданного рапорта? Будут отбирать холостых или семейных тоже? Каковы условия пребывания? Можно ли ехать вместе с семьёй и будет ли она обеспечена жильём? Сохранятся ли льготы на время учёбы? Будут ли гарантии во внеочередном повышении звания и должности по окончании курсов?

На все заданные вопросы этой категории офицеров даны исчерпывающие ответы.

3. Офицеры, желающие попасть на учёбу в высшие военно-учебные заведения.

Так, лейтенант Чернов, лейтенант Проньков, капитан Артёмов сказали: «Во время войны нам пришлось мало учиться, мы мало занимались вопросами теории, теперь хотим овладеть военной наукой и теорией марксизма-ленинизма».

Ст. лейтенант Попов: «Мы ведь все скороспелки, перед войной успели закончить только среднюю школу, во время войны поднабрались боевого опыта, теперь бы теории. Сейчас хочу учиться на опыте Отечественной войны для того, чтобы перед Красной Армией не мог устоять ни один враг».

Гвардии капитан Новиков: «Великая Отечественная война победоносно закончилась, настал мирный период, который должен послужить укреплению Красной Армии грамотными кадрами и обо-

гащению её боевым опытом из истории всех стратегических операций, а для этого надо много осознать и обобщить».

Ст. техник-лейтенант Алиферович, который в 1941 году закончил первый курс электротехнической академии связи им. Будённого и имеет на руках удостоверение слушателя от 26.12.41 г. с отметкой о том, что он «выпущен с правом по окончании Отечественной войны закончить полный курс академии», интересуется, должен ли он сдавать вступительные экзамены, если он хочет продолжить образование в Академии им. Фрунзе?

Всех офицеров, высказавших желание поступить на учёбу, волнует, смогут ли они вспомнить «объём знаний средней школы» и выдержать вступительные экзамены?

Ст. лейтенант Вьюгин сказал: «Из головы выветрились всякие мало-мальски полученные в школе знания. Если в экзамене по математике будут задачи по расчёту прицела оружия и при наличии под рукой таблицы, я это сделаю легко, если же про трубы — все помнят задачу, например, как из одной трубы выливается столько-то, а из другой и т.д., — то это будет настоящая для меня труба и я завалю экзамен. Надо, чтобы были проведены какие-нибудь с нами предварительные занятия перед сдачей экзаменов».

Отдел кадров представил пакеты документов на все категории офицеров. Отбор кандидатов для поступления в высшие военно-учебные заведения и курсы усовершенствования продолжается. Именные списки будут направлены после индивидуального собеседования в штабе дивизии и утверждения командиром дивизии.

Полковник Кириллов

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ 136 СК

Начальнику отдела кадров 71 армии

Отделом кадров 136 стр. корпуса совместно с нач. штаба и нач. политотдела проведена тщательная работа по выполнению приказа командующего 71 армией.

Ниже сего представляю уточнённый именной список отобранных кандидатов, подлежащих направлению для сдачи вступительных экзаменов в Военную академию им. Фрунзе:

...4. Гвардии капитан Новиков Владимир Алексеевич, адъютант старший 1-го батальона 138 стр. полка 425 стр. дивизии, 1924 года рождения, русский, член ВКП(б). Образование: общее — 10 классов в 1940 г., неполный курс института в 1941 г.; военное — курсы млад-

ших лейтенантов в 1942 г. В Красной Армии с 6.42 г., на фронтах Отечественной войны с 8.42 г. Будучи адъютантом старшим штурмового батальона с 7.44 г., умело организовывал взаимодействие в наступательных операциях на территории Белоруссии, Польши, Германии с другими подразделениями и приданными средствами.

Исключительно смелый, инициативный, грамотный, перспективный офицер. Обладает деловыми и организаторскими способностями, развиты командные навыки.

Культурный, дисциплинированный и очень требовательный к себе и подчинённым.

Военное дело любит, строевая подготовка хорошая, физически развит, политически грамотен.

Награды: орден Отечественной войны 2-й степени, орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, медаль «За боевые заслуги».

Ранения: три лёгких.

Имеет желание продолжить образование в военной академии и полностью заслуживает быть в списках кандидатов.

...8. Старший лейтенант Зайцев Михаил Васильевич, командир 2-го батальона 138 стр. полка 425 стр. дивизии, 1923 года рождения, русский, кандидат в члены ВКП(б). Образование: общее – сельскохозяйственный техникум в 1940 г., военное – Новгород-Волынское пехотное училище в 1942 г. В Красной Армии с 9.41 г., на фронтах Отечественной войны с 1942 г. Офицер с 1942 г., соответствует занимаемой с 8.44 г. должности.

Смелый, отважный и перспективный офицер. Имеет хороший боевой опыт и в оперативной боевой обстановке ориентируется быстро и эффективно.

Лично дисциплинирован и аккуратен в исполнении приказов старших начальников. Морально устойчив, справедлив и требователен к себе и подчинённым, пользуется уважением.

Награды: орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За Отвагу», медаль «За боевые заслуги».

Ранения: одно тяжёлое, два лёгких.

Имеет желание стать высокообразованным военным. Нуждается в повышении профессиональных военных знаний. Достоин направления на учёбу в академию.

...11. Старший лейтенант Федотов Василий Степанович, командир 56-й отдельной разведроты 138 стр. полка 425 стр. дивизии, 1926 года рождения, русский, член ВЛКСМ. Образование: общее – 10 классов средней школы, военное – воздушно-десантная школа

в 1941 г. В Красной Армии с 7.41 г., в Действующей армии на фронтах Отечественной войны с 10.41 г. На офицерской должности с 1943 г. Опытный, боевой офицер. Руководимый им разведвзвод, а с 1944 г. разведрота — лучшие в дивизии, неоднократно отмечались в приказах командования. Хорошо знает разведработу, умело и с выдумкой организовывал её, участвовал в переправах через Днепр, Вислу и Одер, наступательных действиях дивизии на территории Польши, в Померании.

Инициативный, энергичный, волевой офицер. Военное дело и разведывательную работу любит. Быстро и правильно принимает решения.

Требовательный, дисциплинированный, перспективный офицер, пользуется уважением среди офицеров и подчинённых. Строевая подготовка хорошая. Физически развит, морально устойчив, много работает над собой.

Награды: ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». За бои в Померании и умное командование, дерзость и смекалку при выполнении заданий на Одерском плацдарме в 4.45 г. представлен к Правительственной награде.

Ранения: одно тяжёлое, три лёгких, контузии: две лёгких и одна тяжёлая.

Имеет горячее желание стать профессиональным военным и учиться. Достоин направления на учёбу в академию.

Примечание:

1. Список согласован с командиром 425 сд 15.05.45, командиром 136 ск — 17.05.45.

2. Из ранее направленного предварительного списка исключён гвардии майор Григорьев, который имеет большое желание учиться в академии, но из-за низкой общеобразовательной грамотности и преждевременной изношенности организма (имеет вид пожилого, хотя возраст молодой) может не пройти в академию.

Подполковник а/с Борецкий

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ НАЧ. ШТАБА 71 АРМИИ

Начальникам отделов и отделений кадров

Несмотря на директивные указания по качественному отбору офицеров для укомплектования слушателей в академию им. Фрунзе, на курсы «Выстрел» и Высшую разведшколу ГШКА имели место недопустимые факты в отборе кандидатов.

Так, майор Загребельный Ф.К. имел отрицательную служебную характеристику, капитаны Арчвадзе Н.Н. и Попов А.А. абсолютно не отвечали требованиям отбора из-за очень слабого общего и военного развития, а майор Вьюнников Е.А. – по состоянию здоровья (болен туберкулёзом), хотя в личном деле имелась справка, позволяющая посылку его на учёбу.

Вышеперечисленные факты говорят о том, что отделы и отделения кадров в своей работе не всегда руководствуются принципом индивидуального подбора достойных и отвечающих требованиям кандидатов, нередко занимаются просто сбытием неугодных офицеров, лишь бы выполнить наряд, тем самым лишают возможности достойных офицеров с богатым боевым опытом Отечественной войны повысить свои воинские звания.

Характеристики превращаются в дышло, как говорится «куда повернул, туда и вышло». Зачастую встречаются неправдивые характеристики, присутствует момент личностного отбора, когда достойному офицеру командование, не желая отпустить его из части, выдаёт отрицательную характеристику, и наоборот, недостойных по моральным качествам, чтобы избавиться от головной боли, делают чуть ли не херувимами.

Справки о состоянии здоровья обычно выдаются следующего содержания: «Отклонений от нормы нет, может быть послан на учёбу», а в результате – кандидаты приезжают с венерическими и другими заболеваниями.

Требую:

...2. Отбор кандидатов производить только индивидуальным порядком, строго придерживаясь требований Военного Совета.

...4. В списках указывать полные соцдемографические данные с указанием нахождения в плену, окружении, в штрафных частях; проживания на временно оккупированной территории самого кандидата и его близких родственников согласно проверки органами контрразведки «Смерш».

...6. На каждого кандидата в личном деле должна быть фотокарточка размером 9x12.

Генерал-майор Антошин

ПИСЬМО СТ. ЛЕЙТЕНАНТА ГОЛЯХОВСКОГО И.М.

Здравствуй, дорогая жена!

Твой Ванюшка может скоро приедет. Недавно у нас был смотр офицерского состава самим генералом и предварительная аттеста-

ция для отбора на учёбу в академии. Хочу попытаться вырваться в другую жизнь, если только мой дуболом-начальник даст мне положительную характеристику.

Работа нашего отдела его вообще не интересует, постоянно пьёт, гуляет, но сам рвётся в академию, обхаживает начальство, хотя ему до этой самой академии в школе бы поучиться!

Я у него как кость в горле – и без меня не может, и проглотить пока не получается.

Он пишет в донесениях, как слышит: «Успех форсирования реки является основная и главная задача», «нанести этой излущины Одера Берлину», «сыграл очень важное дело», не склоняет названия местностей, как положено в оперативных сводках. Вся его беда в том, что он абсолютно верит, что говорит и пишет умные вещи, а мне приходится исправлять эту тарабарщину.

Но на каждое моё исправление, внесённое в текст написанных им документов, вместо благодарности за то, что эту чушь никто не читает, он выговаривает мне в присутствии остальных офицеров: «Вы меня не учите, сам знаю! Ещё молокосос! Вот поступлю в академию – всему научусь».

Многого из того, что я мог бы тебе рассказать, не напишешь.

Надеюсь на скорую встречу, целую

Иван

25. ОБМЕН С СОЮЗНИКАМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ И ОСВОБОЖДЁННЫМИ ГРАЖДАНАМИ (ДОКУМЕНТЫ. ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 11.05.45 г.* *24 ч. 00 м.*

Передаю Директиву Ставки ВГК № 11086:

«В целях организованного приёма и содержания союзными войскам на территории Западной Германии бывших советских военнопленных и советских граждан союзных нам стран Ставка Верховного Главнокомандования

ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Передачу освобождённых Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран представителями союзного командования производить распоряжением Военных Советов и Уполномоченных СНК СССР.

2. Военным Советам сформировать в тыловых районах лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан, на 10 000 человек каждый.

3. Проверку в формируемых лагерях бывших советских военнопленных и освобождённых граждан возложить:

– бывших военнослужащих – на органы контрразведки «Смерш»;

– гражданских лиц – на проверочные комиссии сотрудниками НКВД, НКГБ и «Смерш» под председательством представителя НКВД.

Срок проверки не более 1–2 месяцев.

И.Сталин
Антонов»

Директиву Ставки принять к неукоснительному исполнению.

Начальник штаба
генерал-полковник *Малинин*

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

16.05.45 г.

Согласно заключённого соглашения между Зам. Уполномоченного СНК СССР по репатриации генерал-лейтенанта Голубева с командованием союзников обмен гражданами и военнопленными, освобождёнными Красной Армией и союзниками, начинается с 12.00 20.05.45 г. по мосту через р. Эльбу в г. Магдебурге с пропускной способностью по 3000 человек с обеих сторон и по мосту через р. Эльбу у г. Дессау по 2500 чел. Командующий фронтом

ПРИКАЗАЛ:

1. Комендантам лагерей и комендатур сборных пунктов быть готовыми к приёму граждан союзных государств для передачи их представителям союзного командования.

Передаче союзникам подлежат: англичане, американцы, французы, голландцы, бельгийцы, люксембуржцы, норвежцы, остальные национальности – не пропускать. Итальянцы будут приняты во фронтовые комендатуры.

В первую партию включить всех больных. Всех репатриантов, передаваемых союзниками, обеспечить продовольствием на три дня со дня передачи.

2. С военнослужащими союзных стран, самостоятельно подплывающими на лодках (катерах), в разговоры не вступать и просить их удалиться. В случае невыполнения требований и высадки на берег, немедленно возвращать через КПП.

3. Всякий переход немцев с нашей стороны на территорию, занятую союзниками, ВОСПРЕТИТЬ.

4. Комендантам лагерей и комендатур выделить ответственных офицеров, политработников и медработников для сопровождения и организованной сдачи иностранных граждан.

Обратить особое внимание на дисциплину, организованность и подтянутость личного состава лагерей и комендатур в период приёма и передачи военнопленных и гражданских лиц.

Для приёма советских граждан, передаваемых представителями союзного командования, подготовить отдельные помещения.

5. О ходе приёма и передачи, о количестве принятых и переданных лиц доносить в отдел по делам репатриации ежедневно телеграфом и нарочным.

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

17.05.45 г.

В комендатуру № 19 1-го Белорусского фронта для последующей репатриации в Южную Америку поступили парагвайские подданные — семья коммерсанта Альберс Тане — муж, жена и дочь четырёх лет, имевшие при себе безупречные основные и второстепенные документы, включая паспорта, свидетельства о рождении, о регистрации брака, выданные в разное время учреждениями Парагвая и не вызывавшие сомнения в подлинности.

При проверке установлено, что Альберс Тана никакой не парагваец, а немец и германский подданный, капитан СД, более двух с половиной лет прослуживший в карательных органах на оккупированной немцами территории СССР, его жена Анна — тоже немка, служащая криминальной полиции гор. Кёнигсберга, активный член фашистской партии с 1934 года, а ребёнок — воспитанница кёнигсбергского приюта для сирот — никакого родства с Анной и Тане Альберс не имеет.

Этот пример наглядно свидетельствует, что немцы, проиграв войну, пытаются использовать проводимую нами репатриацию в качестве лазейки для исчезновения из Германии, чтобы таким образом избежать заслуженного наказания.

Настоящий случай довести до сведения всего офицерского состава органов репатриации с целью повышения бдительности и воспитания в каждом офицере умения распознавать и разоблачать врага.

РАПОРТ

Доношу, что 19.05 с.г. комендатурой округа Лауэт задержан мужчина, одетый в гражданскую одежду, представившийся как бывший военнослужащий Красной Армии, освобождённый из плена. Говорил по-русски с акцентом, никаких документов при себе не имел.

Как выяснилось, задержанный — немец-террорист Чая Гинтер, который в первой половине апреля с.г. лично расстрелял 4-х раненых красноармейцев, что подтверждено целым рядом свидетельских показаний (немцев).

Под видом бывшего военнопленного Чая Гинтер имел намерение проникнуть на территорию СССР для проведения террористических актов.

Задержанный Гинтер находится под стражей, материал по дознанию закончен и на основании законов советской власти подлежит расстрелу.

Военный комендант

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

20.05.45 г.

Доношу о серьёзных недостатках в деле переправы через реку Эльбу на её восточный берег.

Тысячи советских военнопленных и угнанных немцами с оккупированных территорий советских граждан застряли на участке стрелкового полка, который несёт пограничную службу в районе железнодорожного моста (населённый пункт Барби). Завидя машину с советскими офицерами, они разражаются криками «Ура!», подбрасывают головные уборы, кидают охапки цветов. И так на протяжении десяти с лишним километров!

Имели место несколько случаев стихийной переправы советских граждан: между 9.00–10.00 переправился один человек, который в категорической форме отказался отправляться обратно, заявив: «Лучше застрелите, но обратно не пойду»; в 15.00–16.00 переплыло три человека, в 17.00 – сразу 15 человек.

Всех переправившихся с трудом пришлось отправить обратно, разъясняя, что на этом участке переправочного пункта нет, а только в районе города Дессау.

По сведениям, полученным от переправившихся, в данный район англичане привезли два эшелона с советскими гражданами, среди которых находятся лица, служившие в армии Андерса[1], но не пропускают никого, как это следует из договорённости с английским командованием.

Прошу принять срочные меры по урегулированию данного вопроса, ибо массовый отказ от приёма нашей стороной может вызвать со стороны советских граждан нарекания и недоразумения.

С другой стороны, это обстоятельство может вызвать ряд трудностей в материально-бытовом обслуживании советских граждан, ожидающих переправы на восточный берег Эльбы.

---

[1] Андерс – польский генерал, в 1941–42 гг. командовал сформированной в СССР польской армией, в 1943–45 гг. – польским корпусом в составе войск союзников.

Прошу дополнительного разъяснения о репатриации советских граждан, находившихся на службе в английской армии Андерса.

Полковник Фролов

СРОЧНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Доношу, что 20 мая с.г. в гор. Бойценбург прибыло два парохода с военнопленными немцами в количестве 900 человек, все эти немцы имеют у себя на руках пропуска на право выезда за Эльбу. Эти пропуска выданы в/ч № ... В путевом листе написано, что транспорт следует из порта Демниц в Бойценбург, имеется разрешительная резолюция и.о. военного коменданта порта Демниц ст. лейтенанта Токарева, стоит печать.

Однако ни комендатура, ни органы НКВД, ни органы «Смерш» не были поставлены в известность. До сего времени немцы находятся на транспортах, часть из них стала дохнуть от голода.

И говорят, что ещё прибудет 10 000 человек. Части на заставах никакого указания о них не имеют и через границу выезд им не разрешат.

Прошу ускорить разбор этого дела и найти хозяина, кто их должен переправлять через границу и куда.

Военный комендант

РАЗЪЯСНЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

На основании распоряжения начальника НКВД по делам военнопленных 1-го БФ разъясняю:

1. Советских граждан, служивших в армии Андерса и поступающих в порядке репатриации из Англии, направлять в лагеря для репатриантов на общих основаниях с остальными советскими гражданами и ни в коем случае не подвергать никаким ограничениям. Указанные лица не должны задерживаться в лагере. По мере оформления учётных и положенных документов направлять к месту жительства их семей. Проверку соответствующими органами они будут проходить на месте.

2. Немцев с советскими паспортами, до войны проживавших в СССР, принимать на сборно-пересыльный пункт на общих основаниях и после их обработки направлять на фронтовой сборный пункт НКО или фронтовой сборный пункт «Смерш» (группа Зам. Наркома Внудел генерала Серова).

26. ЭКЗАМЕНЫ В АКАДЕМИЮ

Офицерское сообщество бурлило. В дивизию поступила директива командующего армией об отборе кандидатов для направления в слушатели академий.

Частям и соединениям корпуса спущена разнарядка, и с 12 мая отделы кадров приступили к отбору кандидатов среди офицеров, как было указано: «...безупречных в моральном отношении, боевых офицеров, годных к строевой службе по состоянию здоровья, награждённых орденами и медалями, имеющих стаж командования ротой, батальоном, в возрасте не старше 35 лет и положительно аттестуемых командованием полка, дивизии».

Я и Мишута мечтали свою дальнейшую жизнь связать с армией, а у Володьки, генеральского сына, это была семейная профессия: у него и дед был выдающимся военачальником в Гражданскую войну. Практически всем требованиям, предъявляемым при отборе кандидатов в слушатели академии – безупречная характеристика, возраст, отменное физическое здоровье – я соответствовал. Единственным препятствием могло явиться моё образование: я, в отличие от Володьки и Мишуты, которые были старше меня, перед войной окончил всего восемь классов, а не как требовалось – «объём средней школы».

Во время предварительной беседы в штабе дивизии полковник Кириллов обнадёжил меня: «Некоторые мозги у тебя есть, но с аналитическим мышлением пока слабовато. Дело это наживное, однако само не появится, надо форсировать! Выкладывайся полностью, в отделку! Учись!»

В автобиографии и заполненной в отделе кадров анкете личного листка я после мучительных размышлений в графе «образование общее» дрожащей рукой вывел «10 классов».

Разумеется, я знал, что офицер не должен и, более того, не имеет права обманывать командование и вышестоящие штабы, и решился на обман исключительно с чистой и высокой целью – попасть в Академию им. Фрунзе.

Для большинства молодых офицеров поступление на учёбу — в академию, высшую офицерскую школу, курсы усовершенствования — было вопросом жизни: перспективного роста или томительного медленного умирания в глухих гарнизонах.

Выяснилось, что Володьке, окончившему в сорок первом году первый курс института, достаточно было представить зачётную книжку и пройти только собеседование у председателя экзаменационной комиссии, чтобы быть зачисленным слушателем академии. Мне же с Мишутой предстояло в один день сдать три вступительных экзамена: по математике, по русскому языку — диктант и изложение. Ну что ж, попытка не пытка...

Приём экзаменов проходил в казарменном городке на Эльбе, юго-восточнее Виттенберга. Отобранные для сдачи экзаменов армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами Генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов.

Первым был экзамен по русскому языку. Накануне Кока принёс мне добытый в штабе дивизии текст экзаменационного диктанта. Как офицеру, мне негоже было пользоваться шпаргалкой и потому я всю ночь до изнеможения, до одурения зубрил этот текст — отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» — с правильным написанием слов, вплоть до знаков препинания:

«Полк князя Андрея был в резервах запятая которые до второго часа стояли под сильным мягкий знак после эл огнём артиллерии два эл точка Во втором часу полк запятая был двинут вперёд на стоптанное два эн овсяное одно эн поле запятая на которое был направлен усиленно два эн черточка сосредоточенный два эн огонь из нескольких мягкий знак после эл сот неприятельских орудий...»

С закрытыми глазами я мог полностью представить весь текст и потому за грамотность не очень беспокоился и даже был уверен, что с диктантом у меня всё будет «тип-топ».

Когда всем была роздана бумага, присланный из академии представитель для приёма экзаменов, профессор русской словесности Цветковский, начал внятно диктовать... совершенно другой отрывок текста Л.Н. Толстого: «Отправление на охоту Левина».

По два, по три раза он медленно повторял каждую фразу. Напряжение у меня росло поминутно, и казалось, что в самом обыкновенном слове таится какой-нибудь подвох. Затем я где-то поставил лишнюю запятую, за что мне был сбавлен один балл, и я оказался из-за этого близко к роковому пределу.

Но меня с блеском выручили экзамен по математике – решение задачек мне всегда давалось легко, без проблем – и сочинение, на которое, после короткого перерыва, было отведено два полных часа. Сочинение было на свободную тему, и я решил написать о том, как в детстве помогал деду мастерить нехитрую в деревне мебель: стол, табуретки и резную лавку в сенях.

Сдав экзаменатору три листочка сочинения, я погрузился в воспоминания о своём незабываемом детстве.

* * *

...Моё детство прошло в подмосковной деревне в доме родителей матери, куда она привезла меня вскоре после рождения: у неё пропало молоко, время было трудное, голодное, а у бабушки с дедом были корова, коза, да и кормилицу найти было нетрудно. Да так и оставила на годы... Всё, что дала мне деревенская жизнь, я вспоминаю с величайшей благодарностью.

Бабушка – воплощение доброты – маленькая, худенькая, любившая меня без меры (при живых родителях она считала меня сиротой), была и осталась самым светлым человеком в моей жизни.

Дед являл собой полную противоположность: огромный, феноменальной силы и, мягко говоря, суровости человек со сломанной судьбой. Как говорила бабушка, он «прошёл огонь, воду, медные трубы и волчьи зубы». В двадцать пять лет он вернулся с Русско-японской войны кавалером двух Георгиевских крестов и спустя неделю, в престольный праздник, в пьяной драке на речке на льду ударами кулаков в головы убил двух молодых парней из соседнего села. Каторгу он отбывал на рудниках под Нерчинском – как рассказывала впоследствии бабушка, первые три года был подземным кандальником, прикованным цепью к тачке.

Когда началась Первая мировая война, он, как и многие осуждённые, написал прошение царю и был отправлен на фронт, где в 1916 году стал полным Георгиевским кавалером.

На третьем году войны, ещё до революции, дед Егор вместе с десятком полных Георгиевских кавалеров был привезён в Ставку к царю Николаю Второму. Обходя короткий строй доставленных со всех фронтов нижних чинов и беседуя с ними, император, подойдя к деду, заговорил с ним, и дед так понравился Николаю, что тот спросил, нет ли у него личной просьбы – другим кавалерам такой вопрос якобы не задавался. Как не раз рассказывал дед, он ответил так:

– Покорно благодарим Ваше Императорское Величество. Нам бы водки ведро... ежели можно... оно конечно... товарищев угостить.

В тот же вечер деду были вручены серебряный портсигар и шесть четвертей самой лучшей водки, упакованные в специальный ящик. Этой водкой по возвращении из Ставки на передовую дед угостил всю роту.

То, что он просил ведро, а ему дали полтора, впечатлило деда на всю жизнь: и спустя двадцать лет он вспоминал Николая Второго как мудрого, доброго, замечательного человека, которого предали...

На родину, в Саратовскую губернию, дед не вернулся и поселился в деревне под Москвой, построил дом, обзавёлся хозяйством. В деревне не было человека, который бы не боялся его крутого нрава и не поостерёгся бы с ним связываться или поссориться, но и ценили его как отменного плотника и кузнеца – он скоро и добротно ставил избы, клал русские печки и голландки – и выказывали знаки особого уважения: без бутылки водки заводского разлива с белой головкой к нему не обращались – а за помощью обращались не только местные, но и ходоки из окрестных деревень. Он к этому привык и воспринимал как должное. Помню, как на Троицу он шёл по улице среди десятков пьяных и полупьяных мужиков и парней со страшными злобными лицами и как они под его суровым поглядом поспешно расступались, освобождая для него проход, торопливо кланялись кивком головы и, приподняв картузы, здоровались: «Егору Иванычу, здоровьица...»

Во дворе дома была маленькая кузня, когда приводили лошадь подковать, дед надевал чёрный фартук до земли, раздувал горны и приступал к действу...

Под навесом стоял верстак, на котором он работал в летнее время, на повети всегда сушилось дерево. Помню зелёный двор и груду белых пахучих стружек... В избе – два верстака, инструменты, разные заготовки... и дед, сидящий на чурбаке и вывязывающий ремешки для упряжи...

Он умел слесарничать, плотничать, шорничать и был из лучших в деревне косарей, всегда в сенокос надевал белую домотканую рубаху, на голове носил в любую погоду неизменный добротный картуз, на ногах – смазные сапоги.

Мне исполнилось, наверное, года три, когда дед решил заняться моим трудовым воспитанием. Это была весьма суровая школа. Подымали меня с петухами и дед не давал отдыха до заката: я должен был постоянно находиться рядом с ним, бегать по его поручениям – именно бегать, а не ходить! – ловить его команды, безошибочно

знать весь инструмент и его назначение и немедленно подавать тот, который деду был нужен в данный момент. Если же я поначалу ошибался или замешкивался, раздавался его грозный окрик:

– Кулёма! Что рот раскрыл, как сарай, хоть с возом туда влезай!

Если меня нечем было загрузить, чтобы я не бездельничал, он давал мне в качестве поноски свой картуз.

В плотницкий набор кроме топора входили: пила поперечная, скобель, пила-ножовка, долото, напарья (бурав для сверления дерева), струг, рубанок, молоток, складной аршин. Свой «струмент» дед содержал в чистоте и порядке и в чужие руки никогда не давал, а мне обещал:

– Вот подрастёшь маненько, научу тебя делать стулья, столы, скамьи, шкафы да комоды. Для мастерового в деревне это твёрдый кусок хлеба. Оно верно... будешь жить на свои, на кровныя.

В пятилетнем возрасте я не только свободно различал двойной рубанок и одинарный, шерхебель для первоначального строгания и отделочный шлифтик, фуганок одинарный и фуганок двойной, отличал горбач, зензубель от цинубеля, но умел ими пользоваться.

Я старался и уже в лет семь выдержал первый экзамен – сделал топорище из сухой берёзовой плашки, а топорище-то надо было ещё и насадить, и правильно расклеить, чтобы топор не слетел, и зачистить стеклянным осколком. Всё, чему научил меня дед, помогло мне в дальнейшей жизни.

В моей детской памяти осталось, как в четырёхлетнем возрасте я, по глупости, сорвал с клумбы в соседском палисаде одну или две розы. Увидев это, дед был взбешён:

– Ну, гадёныш! Ну, окаяныш! Пошто труд людской и красоту земную варваришь?

Наказание последовало незамедлительно: дед схватил меня за шиворот, вытряхнул из подштанников и выпорол солдатским ремнём так, что я потом неделю лежал на животе.

Вообще порол он меня постоянно – за дело и без дела, – иногда просто под настроение, загоняя мою голову между ног, неоднократно жестоко бил ладонью и кулаком в лицо, разбивая его в кровь, для того, чтобы, как он объяснял бабушке, «добавить ума», при этом мне категорически запрещалось плакать.

И я никогда не плакал. Лишь однажды – дед так ударил меня большим уполовником в лоб, что я слетел с табурета и вывихнул руку в плече, – я безостановочно ревел и выл от боли до тех пор, пока деревенская баба Дуся-костоправка, за которой опрометью кинулась бабушка, не дёрнула руку с такой силой, что искры из глаз

посыпались. Я влез поскорей на полати в запечье и тихонько поскуливал. Бабушка, безответная мученица, всегда пахнувшая топлёным молоком, которое она чуть ли не каждый день готовила для меня после моего воскрешения от тяжкой болезни, любила и жалела меня, но защитить от побоев деда не могла. Плача от жалости, она перекрестила меня три раза, обнимая и целуя, шептала мне:

— Мытарик мой, будь ангелом! Господи, спаси Васёну, сохрани здоровым и невредимым! — И спрашивала деда: — Ну, чисто изверг, пошто дитя родное увечишь? Не больно тебе его бить?

— Может, и больно, — отвечал дед, — лишь бы польза была.

Только раз дед пожалел меня, когда я чуть не сгорел. Намаявшись и набегавшись за день, я уснул возле печки и нечаянно упал прямо на раскалённую докрасна дверцу, от вывалившейся головёшки вмиг загорелись рубашка и волосы на голове. В беспамятстве от страха и боли я бессвязно повторял слова: «Ой, горю... Ой, горю... Наверное, я совсем горю...», дед не на шутку испугался, схватил меня в охапку, выбежал во двор, долго успокаивал, приговаривая:

— Ничего, Василёк, заживёт всё, как на собаке! Больно? Ну что ж — потерпи! Видать, судьба у тебя такая: в огне гореть — и не сгореть!

По счастью, всё обошлось тогда. А смотреть на огонь я любил, сохранились самые приятные воспоминания, когда в долгие зимние вечера топилась печь. По заснеженному двору бегу в сарай, набираю под самой крышей сухих, с приставшей прошлогодней паутиной полешек, старательно обиваю опорки от снега у порога, аккуратно раскладываю дрова и растопку, опустившись на корточки рядом с бабушкой, наблюдаю, как вначале занимается в печке несмелый огонёк, постепенно дрова разгораются, и весь дом преображается: на стенах пляшут красноватые отсветы, высвечивая самые тёмные уголки, с теплом всё веселеет, как будто в дом вошёл кто-то живой, пахнет дровами и растаявшим у порога снегом...

Советскую власть дед не любил.

— Начальников много, а хозяина нет, — говорил он. — И порядка нет. И не будет. Для работы у мужика интерес должен быть. А какой тут интерес, когда однова всё заберут.

К своей дочери — моей матери — дед относился с презрением и в редкие её наезды у них всегда вспыхивали ссоры. Когда она появлялась летом, чтобы «отдохнуть от собачьей городской жизни», то подолгу спала, лениво валялась на траве в палисаде, загорала или часами занималась гимнастикой. Никого не стесняясь, она в доме

и по двору ходила в одном купальнике. Молчаливая бабушка и та не выдерживала и осуждающе уговаривала её:

– Стыдоба нагольная! Срамота! Не позорь ты нас перед людьми.

А дед в ярости кричал:

– Сучка! Кобыла непиханная! Паразитка бесстыжая!

Мать, как ни в чём не бывало демонстративно продолжая делать упражнения и никак не реагируя на оскорбления, спокойно советовала деду:

– Вы, папаша, наконец уймитесь и язык покороче держите! Это вам не старые царские времена. Я на вас живо укорот наведу! Если вы соскучились по казённому дому, я вас быстренько определю!

Мне было уже шесть или семь лет, я знал уличное нецензурное значение слова «пихать», понимал, что в отношении матери оно звучит оскорбительно и в душе не мог за неё не обижаться.

В то же время и бабушка и дед гнули спины с рассвета и до темна, они жили тяжёлым каждодневным трудом и было бы несусветной дикостью, если бы они вдруг стали вот так впустую бесплодно приседать, подпрыгивать, размахивать руками и ногами, и то, что мать могла тратить время и силы, не производя никакой работы, разумеется, представлялось мне вздорным, нелепым баловством, чтобы специально разозлить деда. Тут я его понимал, в этом случае он был мне ближе, чем мать.

В детстве, в огромном непонятном мире, дед был главным для меня человеком и то, что он вбивал в моё сознание, воспитали характер, привили трудолюбие, сформировали убеждения, которых затем я придерживался не только в армии, но и всю последующую жизнь. Простые истины, высказанные деревенским мужиком внуку – вот самое ценное и дорогое, что я усвоил из его жизненной философии:

«Ты пришёл в эту жизнь, где ты никому не нужен. Не жди милости от людей или от Бога – тебе никто и ничего не должен! Всякий – за себя!»

«Надейся только на самого себя, выживай, вкалывай в поте лица!»

«Чем бы ты ни занимался, выкладывайся в отделку! Любое дело, за которое берёшься, выполняй добросовестно, хорошо и, по возможности, лучше других!»

«Власть – зло! Держись подальше от начальства! У них своя жизнь, а у тебя своя!»

«Не угодничай, не подлаживайся и никого не бойся».

«Не давай себя в обиду. Пусть лучше тебя убьют, чем унизят!»

...Дед погиб глубокой осенью тридцать седьмого года на строительстве картофелехранилища: свалившимся бревном ему перебило позвоночник. На похоронах людей было мало: деревня за последние два года изрядно поредела, пересажали каждого третьего, забирали по накаткам, куда-то увозили и больше их никто не видел. На поминальное угощение набралось человек десять мужиков, соседи, две плакальщицы, бабушка и я.

На память о деде остался серебряный портсигар с выгравированным на крышке Георгиевским крестом...

* * *

Через несколько дней после пережитых экзаменационных мучений и заключительного собеседования на отборочно-аттестационной комиссии в политотделе штаба армии мне выдали выписку из приказа, подписанную Астапычем:

«Согласно приказу командующего 71 армией № 75 от 22 мая 1945 г. старший лейтенант Федотов В.С. зачислен слушателем Академии им. Фрунзе.

Откомандировать Федотова В.С. с личным делом, последней положительной служебной характеристикой, полным расчётом и аттестатом в город Москву в распоряжение академии 13 августа 1945 года».

Меня распирало от счастья, радости и некоторого самодовольства. Исполнялась моя самая заветная мечта и я могу с гордостью сообщить дяшке Круподёрову, что тоже не лыком шит и не пальцем деланный, и что без его несостоявшейся отцовской заботы и участия я сам всего добьюсь: буду учиться в академии и стану таким офицером, который будет жить исключительно по законам мужества и офицерской чести.

Я помнил не раз слышанное от деда выражение: «Без бумажки — ты мурашка», и потому, как самую большую драгоценность, выписку из приказа завернул в чистую полотняную тряпочку и положил, как мне казалось, в самое сохранное место — правый карман гимнастерки.

Утверждены и зачислены слушателями в академию были и Володька, и Мишута. В разговорах мы уже реально обсуждали как с Мишутой будем вместе жить в академическом общежитии — Мишута был сирота, а моя мать с сестрой после возвращения из

эвакуации имели угол в коридоре коммунальной квартиры, — и в свободное время будем приходить к Володьке, в генеральскую квартиру отца, в гости.

Тогда, в конце мая сорок пятого в Германии, мы были горды и за страну, и за самих себя лично: мы выиграли войну и выдержали испытание. Мы, молодые, здоровые, успешные боевые офицеры, были убеждены, что вся жизнь лежит у наших ног, что каждый из нас лично подержал Бога за бороду, потому судьба и госпожа удача улыбнулись нам в тридцать два зуба, и были уверены, что так будет если не всегда, то ещё очень долго.

Как молоды, как наивны, как беззаботны мы были! Мы ещё не знали, не понимали, что жизнь как погода: сегодня тепло, а завтра холодно, и если ты согрет, если тебе везёт, не думай, не верь, что так будет вечно. Жажда жизни — юношеское, ложное, обманчивое ощущение, — и чувство её бесконечности переполняли нас. Мы думали, что самые большие трудности в жизни уже позади, и не знали, даже не предполагали, что трудности ещё будут и ждут нас впереди.

Оставалось всего 80 дней до отъезда в Москву в академию, но в душе почему-то ощущалась какая-то неясная тревога о своём будущем, где, казалось, ожидают меня вся прелесть и радость мира и сулят захватывающую интересную жизнь и блестящую офицерскую карьеру...

27. ДЯШКА КРУПОДЁРОВ

Афанасий Кузьмич Круподёров был сыном родной сестры бабушки – Анфисы, – умершей совсем молодой, когда мальчику было всего четыре года. Отец его в ту пору отбывал солдатчину в далёком Туркестане, и бабушка предложила взять мальчика к себе, чтобы он не пропал без родителей, и, как она потом рассказывала, чтобы моей матери, тогда двухлетке, было веселее расти. Брали на время, но бабушка так к нему привязалась, что когда его отец, возвратясь со службы в деревню под Саратовом, женился и в новой семье родилась двойня, то, к радости бабушки, Афанасий так и остался у неё, воспитывался и рос вместе с моей матерью до семнадцати лет, когда был отдан учеником маляра.

Мне, в свою очередь, он приходился двоюродным дядей. В раннем детстве, пытаясь выговорить «дядюшка», у меня получалось «дяшка», с тех пор и бабушка стала звать его уменьшительно-ласково «дяшка» или Афоня.

Дяшка Круподёров был высоким, широкоплечим, светловолосым, голубоглазым, с крупным прямым носом, очень походил на Шаляпина, чем очень гордился, был музыкально одарённым, хорошо играл на баяне, имел приятный баритон, охотно пел и плясал, жил в Москве, был женат на балерине, артистке оперетты, хорошенькой скуластенькой кошечке, однако стариков, которых считал своими родителями, не только не стыдился и не забывал, но часто навещал и ко мне относился, как к родному сыну.

Он любил бабушку, любил по-своему и деда, и, приезжая к ним в деревню, обязательно привозил гостинцы: дорогое печенье и конфеты, хорошую московскую водку и отборную толстоспинную селёдку или воблу, необыкновенный сыр и копчёную с пряностями колбасу, и другую вкуснейшую снедь. Выкладывая из небольшого чемодана и передавая бабушке какой-нибудь кулёк или свёрток, он не мог удержаться, чтобы не напомнить о своей приближённости к высшей власти и нередко, вполголоса, чтобы не услышал дед, как бы между прочим, сообщал бабушке: «Правительственная», или «Из

нашего буфета», или «Кремлёвская». Если только это слышал дед, он ярился, начинал вредничать и у него с дяшкой сразу возникали споры и ссоры, подчас доводившие бабушку до слёз.

В тот раз дяшка привёз завёрнутую в пергамент палку какой-то особой колбасы и, отдавая её бабушке, не без гордости негромко сказал:

– Кремлёвская...

Но дед услышал. Когда сели ужинать, дед, уже хорошо выпив водки и закусив домашним салом, понюхал наконец кусок колбасы – она действительно имела необыкновенный запах, – затем, как бы с опаской, взял её в рот, пожевал и тут же, с гримасой отвращения выплюнув на ладонь, бросил на пол, к порогу.

– Ты что, опять меня оскорбляешь?!. – закричал дяшка, вскакивая из-за стола. – За что?!. Маманя, будьте свидетелем! Это краковская колбаса из кремлёвского буфета! Высшего сорта и сто раз проверенная! За что?!.

– Назём! – свирепо высказался о колбасе дед.

Яростным криком и с угрозой он запретил бабушке и мне даже пробовать эту колбасу, затем бросился в кухоньку и там, за перегородкой, став над помойным ведром, минуты три старательно отплёвывался, совал пальцы себе в рот, демонстративно рыгал, а, возвратясь к столу, со страдальческим, но в то же время недобрым лицом заявил дяшке:

– От твоей кремлёвской колбаски, Афанасий, всего наизнанку вывернуло! – и, обращаясь к бабушке, уже совсем мученически проговорил: – Угостил нас племянничек, царство ему небесное!

Дяшка находился тут же, что ничуть не мешало выпившему и вошедшему в кураж деду говорить о нём, как о покойнике.

– Не надо так, Гоша, – жалким молящим голосом попросила бабушка, – не надо...

Но остановить деда, если он завёлся и начинал блажить, было невозможно.

Дяшка сидел сумрачный, донельзя оскорблённый, обиженно раздувая ноздри большого правильного носа, с трудом сдерживая своё негодование; бабушка, расстроенная, потихоньку его успокаивала, оглядываясь, тайком поглаживала по плечу и спине и тихо приговаривала:

– Хоть бы лёг и уснул, угомон его, алкоглотика, возьми! Проспится и успокоится!

Меж тем дед, подозвав кота, сожравшего выплюнутый им кусок колбасы и мирно сидевшего и облизывавшегося на крыльце, с оза-

боченным видом стал отпаивать его молоком, чтобы спасти от отравления, а потом ещё долго, до глубоких сумерек, крайне обеспокоенный ходил за ним следом, время от времени в открытое окно сообщая бабушке:

– Нутрянкой чую: подохнет кот!.. Беда-то какая!.. А ведь если бы не Афонька с проклятой колбасой, ещё бы лет десять прожил... За милую душу!.. Осиротил нас Афонька, под корень осиротил!.. Неровен час и я, верно, к ночи подохну!.. А тебе, Настасья, Ваську на ноги ставить... Ангелочка нашего... Держись, родимая, готовься!.. Может, Настёна, перед смертью баньку затопить?!. – жалостливо попросил он.

От полноты чувств дед всхлипывал, голос у него дрожал и то и дело срывался. С Брысиком, как все звали кота, разумеется, ничего не происходило, и я надеялся, что и с дедом ничего не должно произойти: он просто вредничает, притворяется с целью досадить дяшке, подначить его и больно оскорбить, для меня только долгое время оставалось загадкой – для чего? И бабушка это понимала, но её жалостные просьбы остановить деда не могли, казалось, даже больше его распаляли. При этом, уже полупьяный, он то и дело, со страдальческим видом держась за живот, забегал в избу, присаживался с края на лавку и, не глядя на дяшку, быстро деловито налив, выпивал стопку привезённой тем дорогой водки, заедал куском сала или огурцом и снова выскакивал к коту, чтобы принять у него «последний дых».

Всё это дед проделывал с выражением полной серьёзности и такой искренней озабоченности и даже отчаяния, что в какие-то минуты мне становилось жаль его до слёз, хотя я не мог не понимать, что это игра и дед всего-навсего куражится, как говорила бабушка, «блажит». С какой целью несколько раз в году он устраивал такие пьяные представления? В детстве я думал, в основном для того, чтобы спровоцировать дяшку на драку и «умыть» его, то есть жестоко избить. Но за что?

Дяшка был каким-то ответственным сотрудником, в своих рассказах и разговорах запросто упоминал фамилии известных всей стране людей, обладал прекрасными физическими данными, по роду своей работы владел приёмами защиты и нападения, хотя никогда ни слова не говорил об этом, уважал деда и нежно любил бабушку, считая их своими родителями, но иногда у деда вызывал не только раздражение, но и приступ неприкрытой ненависти. Если бы дело дошло до драки, я не сомневался, что дед изувечил бы дяшку,

столько в нём было клокотавшей ярости, и бабушка, полагаю, этого более всего боялась. Только спустя десятилетия, уже после смерти деда, повзрослев, я понял причину такого поведения деда.

Но в тот вечер он измучил нас всех в отделку, и бабушка погодя заливалась горючими слезами. Дяшка, сидя в переднем углу под иконами, наигрывал на гармошке «Славное море, священный Байкал...», что было у него признаком самого прескверного настроения. Бабушка, как только дед выскакивал за порог, брала ломтик злополучной колбасы и старательно жамкала его слабыми зубами, показывая дяшке, что это вздор и пустяки. Она любила Афанасия как родного сына, теперь этого сына обижали, и она всячески старалась его утешить, успокоить, пыталась как-то защитить. Но что она могла поделать?

Поздно вечером в открытое окно донёсся низкий, хриплый, рыдающий голос деда:

– Настёнка, кажись, кончаюсь... И кот уже... Афонька, стервец... Всех нас потравил...

Вслед за бабушкой я бросился во двор. Дед сидел в полутьме на крыльце, пьяно уронив голову на колени, жалобно стонал и хрипел, изображая, что умирает. Кота нигде не было видно, когда же мы его позвали, он спрыгнул откуда-то с подловки и подбежал как ни в чём не бывало: оживлённо-весёлый и, как всегда, игривый. С трудом и не сразу мы подняли деда, затащили в избу и уложили на кровать, при этом чуть не надорвались: показывая как ему худо и что он действительно кончается, дед упорно не желал переставлять ноги и, более того, всё норовил своей шестипудовой тяжестью навалиться то на меня, то на худенькую, маленькую бабушку. Я так боялся, что он её заломает, раздавит, что всё время тянул его на себя, и от напряжения у меня темнело в глазах, я чувствовал, ещё немного и у меня развяжется пупок или что-нибудь лопнет в утробе. Когда же мы его перетянули через порог, он при виде дяшки ещё пуще завыл и зарыдал.

Я расшнуровал и снял с него башмаки, а бабушка, расстегнув, пыталась стянуть с него нарядную сатиновую рубаху и штаны, но сделать это удалось только с моей помощью. Наконец дед остался в одних стареньких нижних холщовых портах; широкоплечий, с могучим, не по возрасту, сильным мускулистым телом, он лежал на кровати с закрытыми глазами и рыдающим голосом всхлипывал:

– Афонька, антихрист, сучий сын... Отблагодарил, племянничек!.. Потравил нас всех... Как крыс!.. Весь наш род кончал... Я-то что... Зола!.. А кота жалко... Настёнка, родимая!.. На кого же я вас

покидаю? Как же вы без кормильца-то?.. Сиротки вы мои, сиротиночки!.. Оставил нас Господь... Как жить-то станете?.. Чего кусать будете?.. Ты, Настёнка, держись!.. Тебе Ваську на ноги ставить... Ангелочка нашего... Держись, родимая, ненаглядная!.. А я всё — отхожу!.. Дых последний прими... Только тебе отдам... Рыбонька моя золотая, бесценная... На кого ж я тебя покидаю?..

Он мотал лежавшей на подушке головой и скрипел зубами, изображая, как ему тяжко, при этом не забывал, однако, время от времени приоткрыв, косить глазом, оценивая обстановку.

В такие часы я должен был находиться рядом с ним настороже. Дело в том, что никогда не страдавший падучей болезнью дед в пьяном кураже любил с удивительной достоверностью и полной самозабвенной отдачей изображать припадки: неистовая буйная сила изгибала и подбрасывала его большое, совсем молодое тело, ноги и руки судорожно дёргались, к тому же он хрипел и пускал слюну. Однажды дед так увлёкся представлением нам падучки, что слетел, свалился с кровати и разбил себе голову. Это вмиг отрезвило его и вызвало взрыв такого небывалого яростного мата, что бабушка опрометью кинулась к нему, подложила на полу под голову деда подушку, припала к нему, покрывая поцелуями лицо, стремясь успокоить, смягчить деда, чтобы он в бешенстве не набросился на дяшку. С той поры по просьбе бабушки я, как только пьяного деда укладывали на кровать, должен был неотлучно стоять рядом, чтобы в случае чего не дать ему снова упасть, отталкивать от края кровати к бревенчатой стене.

В трезвом виде дед никогда не называл бабушку «родимой» или Настёнкой, тем более «бесценной», «рыбонькой» и «ненаглядной», и меня никогда не называл «ангелочком» или как-нибудь ласково, но сейчас дед притворялся, придуривался, изображал, вредничал и потому все средства и слова были для него хороши.

В трезвом виде дед никогда не плакал, но в такие вечера, когда спьяна куражился и издевался над дяшкой, он так истово и убеждённо рыдал, выл и причитал, как бывалая, опытная плакальщица, и ещё от полноты чувств захватывал в кулак и с силой выдирал тёмно-рыжую шерсть у себя на груди. Зная сотни, в том числе и обрядовых, песен, частушек и причитаний, он умудрялся — от имени своих родителей — и сам себя оплакивать и, подвывая, в голос причитал:

Родимый ты наш сыночек Егорушка,
Куда-то мы тебя собираем?

Не во гости, не на работушку,
А в ограду зелёную
Да в могилу сырую, глубокую...
И срубили мы тебе горёнку
Без дверей да без окошечек
На веки тебе вечные...

Бабушка, расстроганная беспокойством деда о нашей судьбе и пропитании после его смерти и тем, что он только ей доверял принять последнее дыхание, тихонько всхлипывая, вытирала глаза платочком, а причитаний уже не выдерживала и заливалась слезами: её душа разрывалась от любви и жалости к деду, к Афанасию и ко мне.

Дяшка, отставив гармонь и упорно не глядя в сторону деда, сидел под иконами в каком-то оцепенении, сжав кулаки и стиснув зубы, стойко выдерживая, лишь два или три раза он не смог сдержаться, и слёзы катились у него из глаз.

Это были вечера какого-то общего помешательства или бредового психоза. Несомненно, все понимали, что никто колбасу не отравлял, к тому же дед не стал её есть и выплюнул, а кот Брысик, сожравший выплюнутый им кусок, и спустя несколько часов бегал по двору живой и невредимый, и что почти родной сын не помышлял ни о каком нанесении даже малейшего вреда самым близким людям, воспитавшим его с раннего детства. Бабушка, работая до упаду, чтобы никому, даже деду, «не должать», никогда не жалилась на трудности и жила в убеждении, что деду нельзя перечить и спорить с ним. Добрая и терпимая к человечьим слабостям, она была уверена, что все люди имеют причуды и недостатки, заранее им за них прощала — «уж такими их Боженька сделал» — и полагала, что если дед раз в полтора-два месяца поблажит, ничего страшного не произойдёт и приговаривала:

— Столько годов вместе прожили, радостей было немного, а горя-то что переделили... и это уляжется.

Но бывали и вечера умиротворения. Когда дед не чудил, он брал в руки баян или балалайку и начиналось моё обучение песням, частушкам, припевкам и народным пляскам...

Отслужив армию, крестьянский сын Афанасий Круподёров попал на службу в органы НКВД. В середине 30-х годов был сержантом госбезопасности, состоял в охране лиц, облечённых высокой властью, и по услышанным от него рассказам не только издали видел

самого Сталина, но и вблизи, когда открывал дверцу автомобиля, и даже якобы лично общался с ним. Дяшка был способным в учении, много читал и стремительно рос по службе, незадолго до войны стал капитаном или майором госбезопасности, имел, казалось бы, власть и все возможные блага: наркомовскую квартиру, пайки, машину, дачу, а счастья, точнее так желанного супругами ребёнка, не было, не получалось...

Из подслушанных разговоров бабушки и матери, тётушка Аглая, дяшкина жена-балерина, несколько раз ездила на разные женские курорты, в Москве и Ленинграде её смотрели самые известные профессора, однако всё было без пользы, без результата. В конце концов, году в тридцать восьмом, уже после смерти деда — дяшка Круподёров на похороны приехать не смог, хотя ему сообщили: борьба с «врагами народа» была в самом разгаре и он не только на день, на несколько часов не мог отлучиться из Москвы — они взяли из детского дома девочку полутора или двух лет, говорили, хорошенькую, словно ангелочек. Отбирали долго и тщательно, поскольку ребёнок, как порешили, должен был иметь обязательное внешнее сходство с Аглаей Стратоновной и дяшкой Круподёровым. Я её ни разу не видел: как только она появилась, меня в их дом перестали приглашать.

Что же было дальше?.. Девочку торжественно удочерили, рассказывали, что было большое застолье с участием артистов оперетты, коллег-товарищей дяшки и его начальства, малышке даже имя изменили: из Маши сделали Сталиной. Для ухода за ней была подобрана специальная нянька, до того воспитывавшая детей и внуков у академиков и якобы даже у маршала. Какое-то время тётушка и дяшка с увлечением занимались этим ребёнком, однако продолжалось это недолго, менее года, а затем Сталину, не знаю уж под каким именем, возвратили обратно в детский дом. Из тех же домашних разговоров я узнал, что и Аглая Стратоновна, и сам дяшка в этом ребёнке полностью разочаровались и что якобы переживания были так сильны, что к тётушке не раз вызывали неотложку, её месяцами отпаивали валерьянкой и даже возили к знахарке в далёкую деревню куда-то за Можайск. Как впоследствии тётушка объясняла или оправдывалась за свой поступок моей матери или бабушке, девочка оказалась испорченной настолько, что постоянно трогала пальцами свою письку даже в присутствии гостей, не по возрасту много ела, просыпаясь ночами, подолгу плакала и кричала, не давая никому покоя, что якобы свидетельствовало, по утверждению детских

врачей, о плохой наследственности. Ко всему прочему, добавляла тётушка, она хоть и привязалась к Сталине, но так измучилась, что чуть из-за неё чахотку не получила.

Бабушка при всей мягкости своего характера к возвращению девочки в детский дом отнеслась весьма неодобрительно.

— Письку трогала? Ну и что? Так она же несмышлёная, ей всё интересно! Радовались бы, что ручку свою дверями не зажала и не порезала!.. Ежли много ест, так это хорошо... А сам-то Афонька в её возрасте, как только продирал глазёнки, требовал: «А что я буду кусить?» Ребёнок, известное дело... Как покушает, так и растёт. Этому радоваться надо! Ну и что, что по ночам просыпалась, так все дети по ночам просыпаются. А ты её успокой, обласкай, она снова уснёт и засопит. Не в этом дело! В сердце своё они её не пустили, так чужой им и осталась! Хучь бы мне привезли, я же троих вскормила и вырастила. Им бы жить повкусней, да поспокойнее, где уж тут по ночам подниматься! Поигрались в куклы — и будя! Баловство нагольное!

Спустя, наверное, год после неудачной попытки удочерения дяшке и его жене пришла в голову мысль усыновить меня и с этим предложением он приехал к бабушке. Бабушка была в ужасе, перепугалась до смерти, плакала и говорила:

— Афоня, что с тобой деется, ты совсем с лузду съехал, на тебе креста нет! Как ты такое удумал, при живых-то родителях ребёнка отбирать! Дед от такого кощунства в могиле перевернётся!

— Ну что вы такое говорите, маманя, и причитаете. Я же только лучшего для Васьки хочу и пекусь о его судьбе. Хватит ему обретаться в деревне, так и вырастет дубиной неотёсанной. А он парнишка сообразительный, со временем поймёт, что всё, что я мог ему дать — образование, воспитание, круг общения — ни ваша любовь, ни его мать, она хоть и сестра моя, но кукушка, которая подбросила вам сына, а за остальное у неё душа не болит, дать не могли бы. А со Степаном я поговорю, приведу такие убедительные аргументы, что он согласится. Для всех это будет хорошее и правильное решение, да и Васька меня любит!

* * *

...Мне было лет двенадцать или тринадцать, когда в один из приездов отца дяшка пригласил нас в гости, как я потом понял для переговоров с отцом и где решалась моя судьба. Запомнил всё увиденное там я в мельчайших подробностях.

Нас встретили радостно и приветливо. Дяшка с гордостью показывал свою новую огромную роскошную квартиру. В гостиной стоял большой круглый стол, накрытый вышитой скатертью, на котором уже были расставлены красивые тарелки, закуски, хрустальные рюмки, рюмочки и бокалы, разноцветные бутылки и большой букет огненно-красных роз, во всех углах размещались столики с вазами и вазочками, под каждой из которых были вышитые салфеточки с таким же рисунком, что и скатерть, вдоль широкого окна с двойными шторами — в центре тюлевые, по бокам бархатные — стоял плюшевый диван, на подлокотниках лежали такие же вышитые салфетки, а по спинке шествовало целое стадо фарфоровых слонов от большого до самого крошечного (я насчитал их десять штук), на стенах в дорогих рамках висели картины, в том числе и дяшкины, написанные маслом.

Дяшка что-то вполголоса говорил отцу, потом, взяв его за локоть, повёл в кабинет. В кабинете на массивном письменном столе стояла красивая лампа с зелёным абажуром, лежали две книги и альбом, окно в кабинете было завешено плотными шторами, вдоль стены от пола до потолка необъятных размеров шкаф с книгами, а на свободной стене в рамках висели только две фотографии.

На одной из них на переднем плане в удобных дачных плетёных креслах на открытой веранде сидели: товарищ Сталин во френче с отложным воротником и накладными карманами, лысый человек в больших круглых очках-пенсне — именно его дяшка почтительно назвал «Хозяином», — а чуть в стороне — немолодой мужчина в косоворотке, с крупной бритой головой, маленькими ушами и вздёрнутым носом, внешностью очень похожий на бульдога, правда, с незлым, а всего лишь невесёлым задумчивым лицом — дяшка назвал его «Главным», Александром Николаевичем. Он сидел в точно таком же плетёном кресле, как и товарищ Сталин с «Хозяином», только несколько в стороне и чуть сзади, было понятно и совершенно ясно, что он хоть и прозывается «Главным» и сидит почти что рядом с двумя великими людьми, но сам-то совсем другого ранга и должность у него намного меньше. На заднем же плане, как три богатыря, стояли три рослых дюжих молодца с выпяченными вперёд развёрнутыми грудными клетками, схваченными широкими ремнями, подобранными животами, в галифе и хромовых сапожках: одного из них дяшка назвал Иваном, «Серым», второго — уважительно Николаем Николаевичем, а третьим был собственной персоной сам дяшка. Все трое стояли настороженные, словно фотограф направлял на снимавшихся не аппарат, а ружьё

и от них в любую секунду могли потребоваться самые решительные действия.

На второй фотографии Сталин стоял вдвоём с «Хозяином» в каком-то просторном помещении, зале, оба опирались на спинки мягких кресел, причём «Хозяин» что-то, должно быть по секрету, докладывал или рассказывал, а Сталин, с дружеской доверительностью склонясь к нему — голова к голове, — слушал и довольно улыбался. И опять же метрах в пяти-семи позади них и чуть правее маячили дяшка Круподёров — ну вылитый Шаляпин, только в военной форме — и Иван Серов с настороженным, волевым, решительным лицом.

Дяшка, довольный произведённым на нас впечатлением, оставил нас с отцом одних, дав нам возможность подольше и поподробнее рассмотреть эти уникальные снимки. Отец молчал, совершенно потрясённый очевидной близостью дяшки Круподёрова к лицам, облечённым самой высокой властью в стране: раньше он, по-видимому, как и я, не верил его рассказам и расценивал их как преувеличенное хвастовство.

Вернувшись через минут десять, он пригласил нас в гостиную, где за накрытым столом сидела Аглая Стратоновна, и продолжил начатый без меня и прерванный разговор с отцом.

— Я тебе, Стёпа, анекдотец хочу один напомнить, если ты подзабыл или, может, не слыхал... Это американец говорит русскому, мол у нас, в Америке, техника до того дошла, что вот, например, берут корову, запускают в машину, а с другого конца вытаскивают сосиски, бифштексы, колбасу... А русский ему в свою очередь говорит: «Это ещё что! Вот у нас такого уровня достигли, что берут, например, кусок дерьма, запускают в машину, а с другого конца выскакивает директор или даже нарком. А можно и наоборот: берут, допустим, директора или даже наркома, живьём запускают в машину, а с другого конца выскакивает кусок дерьма!..» Ты меня, Стёпа, понял?

Тётушка улыбнулась шутке и захихикала, как курица заквохтала, отец же сидел с каменным видом.

— Что вы, Афанасий Кузьмич, хотите этим сказать?

— А то, Стёпа, что ты хоть и не нарком и даже не директор, а всего лишь парторг, но чтобы размазать тебя, как кусок дерьма — это, извини, раз плюнуть. Хочу, чтобы до твоих бараньих мозгов дошло: время такое, сам знаешь, что язык надо держать покороче, в отношениях с людьми быть очень осмотрительным, и в твоей неустроенной жизни лучше будет для всех, если мы с Аглаей Ваську усыновим. За это и выпьем!

Тётушка, продолжая улыбаться, подняла бокал, хотя по лицу отца было ясно, что улыбаться и радоваться нечему.

— Это как же вы, Афанасий Кузьмич, можете предлагать такое? — гневно спросил отец. — Вы мне для устрашения этот анекдотец рассказали? Я пока жив и добровольно в мясорубку не лезу и Васина мать в порядке, и от сына не отказывается, да и бабушка категорически против. Мало ли на свете семей, где родители разведены, но это не значит, что они должны определять своих детей в сиротские дома или сдавать их напрокат таким, как вы — бездетным, тем более что вы с Аглаей Стратоновной имеете богатый педагогический и человеческий опыт по удочерению и воспитанию ребёнка.

Отец встал из-за стола, даже не притронувшись к еде, схватил меня за руку и мы, даже не попрощавшись, быстро ушли. Вслед раздавались истеричные рыдания тётушки Аглаи.

Больше мне в этом доме бывать не пришлось и с дяшкой я не встречался...

Мне долгие годы не давал покоя вопрос: а что же было общего в судьбах моего отца Степана Архиповича Федотова и Афанасия Кузьмича Круподёрова?..

* * *

Отец шестнадцати лет пришёл на завод, затем, отслужив в армии, полтора десятилетия своей жизни провёл на стройках на тяжёлых работах: начинал землекопом, жил в бараках, кормил вшей и клопов, годами недоедал, недосыпал и надрывался с верой в светлое будущее, раскулачивал в деревнях по спискам крестьян, да и на стройках без устали, убеждённо давил классового врага. Будучи парторгом огромного строительства, он наверняка имел бронь, но пошёл добровольцем на второй день войны, спустя три недели ротным политруком принял первый бой под Смоленском; будучи трижды раненым, ни разу не эвакуировался даже во фронтовые или армейские госпиталя, а лечился наскоро в медсанбате дивизии и сразу возвращался в свой полк. Так же, как и в светлое будущее, он фанатично верил в победу и летом сорок первого года из-под Смоленска писал: «Не печальтесь, с нами Сталин, и осенью мы будем в Берлине!» Он и представить себе не мог, что до Берлина было ещё почти четыре года войны и более двадцати миллионов смертей...

В сумятице октябрьского отступления, уже командуя батальоном, вернее, как я спустя годы узнал, его остатками, отец — с переби-

тыми ногами, ранениями в шею и голову – приказал всем отходить, а сам с ещё одним раненым политруком остался в окопе с пулемётом и несколькими гранатами. Зная, что обречён, он думал не только о Родине и своих бойцах, но не забыл и обо мне, наказав переслать для меня командирский ремень и часы, что было мною впоследствии осмыслено, как последняя воля отца, его завещание – стать командиром.

И жизнь, и война достались ему трудные, неблагодарные, правда, посмертно он был награждён орденом Красного Знамени, но даже быть похороненным по-человечески ему было не суждено...

Мысль о том, что немцы издевались над его телом – это было им в России привычно и в охотку, – и что он остался незарытым, гнил и тлел где-нибудь на дне окопа, как гнили и тлели при отступлениях в сорок первом году тела сотен тысяч моих соотечественников, эта мысль и спустя десятилетия не оставляла меня. Вспоминая отца, всякий раз я испытывал зубную боль в сердце: он для меня был и остался великомучеником...

И со временем я понял, что по-настоящему общим у моего отца и Афанасия Круподёрова оказалось то, что ни от дяшки Круподёрова, как и от отца, и могильного холмика не осталось...

28. ТА ЛЮДИ ЖЕ ОНИ ВСЕ, ЛЮДИ...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Чрезвычайно важно!»
«Весьма срочно!»

ШТ из ШТАБА ЦГСОВГ Подана 24.05.45 г. 13 ч. 20 м.

Всем частям, дислоцированным в Германии

24 мая 1945 г. на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии выступит Верховный Главнокомандующий, Председатель Государственного Комитета Обороны СССР, Нарком обороны Маршал Советского Союза товарищ И.В.СТАЛИН с речью «О героических боевых делах Красной Армии и Советского народа в Великой Отечественной войне».

Во всех корпусах, дивизиях и подразделениях, где есть радиоприёмники, осуществить слушание выступления тов. И.В.СТАЛИНА.

Довести текст речи тов. И.В.СТАЛИНА до всего личного состава. Обеспечить выпуск фронтовых, армейских, дивизионных газет не позднее 8 часов утра 25.05, для чего набор текста организовать так, чтобы он происходил по мере приёма, т.е. с момента начала передачи по радио. Первые экземпляры газет, не ожидая полного выпуска тиража, немедленно разослать по всем частям и соединениям.

Политорганам после получения газет организовать во всех подразделениях проведение коллективных текстуальных читок и специальных бесед-политинформаций, митингов и подготовить выступления личного состава.

Выпуск стенгазет и боевых листков сопровождать материалами наглядной агитации, постоянно освещать ход проведения митингов, охват личного состава, количество выступавших и наиболее характерные выступления.

О проведённой работе докладывать ежедневно к 12 часам в очередных политдонесениях.

Начальник штаба
генерал-полковник *Малинин*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

25.05.45 г.

Доношу, что выступление Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И.В.СТАЛИНА на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии воспринято с величайшим воодушевлением и огромной радостью всем личным составом дивизии.

25 мая с.г. после получения армейской и дивизионной газет во всех подразделениях были проведены коллективные текстуальные читки и специальные беседы-политинформации, носившие, как правило, задушевный характер.

В связи с историческим выступлением товарища И.В.СТАЛИНА «О героических боевых делах Красной Армии и советского народа в Великой Отечественной войне» и его замечательными проникновенными словами о русском народе в частях дивизии уже 25 мая изготовлено 30 фанерных щитов наглядной агитации с лозунгами следующего содержания:

«Да здравствует лучший друг русского народа Великий СТАЛИН!»

«Слава великому русскому народу — наиболее выдающейся нации и руководящей силе Советского Союза!»

«Да здравствует великий русский народ!»

Личный состав с огромной радостью и величайшим волнением слушал и читал проникновенные слова Великого СТАЛИНА. Офицеры, сержанты и рядовые, не довольствуясь личным прочтением выступления Вождя, сходились группами и читали проникновенные слова любимого полководца вновь и вновь. Каждый спешил поделиться впечатлением и прочитать это исключительное выступление ещё и ещё раз.

25 мая в 11.00 после соответствующей подготовки во всех частях и спецподразделениях дивизии состоялись митинги, которые прошли в торжественной обстановке на предельно высоком идейно-политическом уровне и под знаком величайшей любви и беспредельной преданности воинов-победителей партии Ленина-Сталина и к своему вождю — Великому СТАЛИНУ.

На митингах выступили лучшие бойцы и офицеры, отличившиеся в боях за Родину.

Старший лейтенант Северов В.П., член ВКП(б), командир штабной артиллерии, Герой Советского Союза, сказал:

«Товарищ СТАЛИН в своей выдающейся речи отметил, что в самые трудные для нашей Родины дни именно русский народ с исключительным мужеством принял на свои плечи всю тяжесть борьбы с немецкими захватчиками, одолел их и спас нашу Родину и всё человечество, за что перед всем миром сказал спасибо всему русскому народу и поднял тост за его здоровье. Трудно выразить словами охватившие нас чувства радости и гордости за такую правильную и мудрую оценку, данную гениальным вождём, творцом и организатором всех наших побед. Да разве после этого найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы смогла пересилить русскую силу».

Капитан Кузнецов, начальник штаба 2-го дивизиона, член ВКП(б), образование высшее, награждённый орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, отметил:

«В своём выступлении товарищ СТАЛИН очень ясно и справедливо оценивает русский народ, который не терял веры в победу, шёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром гитлеровской Германии. Из 8 204 Героев Советского Союза, русских — 5 588 человек. Это подтверждает ведущую роль русского народа в Великой Отечественной войне среди всех народов Советского Союза. Слава русскому народу!»

Комсомолец-стрелок, красноармеец Богданов П.П., 1924 г. рожд., русский, образование 6 классов, сказал:

«Товарищ СТАЛИН дал справедливую оценку русскому народу, потому что в трудные для страны и армии сорок первый и сорок второй годы всю тяжесть на себе вынесли русские люди. Украинцы, белорусы, казахи и другие прятались и часто сдавались в плен».

«Никогда, никогда не забыть, — сказал майор Малышев, — этих, глубоко западающих в душу, тёплых слов товарища СТАЛИНА. Как он любит русский народ! И на эту любовь русский народ отвечает тем же. Я горжусь тем, что являюсь сыном великого русского народа».

Выступающих часто прерывали бурными аплодисментами и возгласами:

«Да здравствует наш родной СТАЛИН, величайший полководец всех времён и народов!», «Слава великому СТАЛИНУ, вдохновите-

лю и организатору наших побед! Под его мудрым руководством мы пойдём к новым вершинам величия и славы!», «Великому русскому народу, нашему старшему брату – Слава!»

Однако наряду с исключительным подъёмом и воодушевлением личного состава, о чём наглядно свидетельствуют приведённые выше восторженные и сугубо положительные отклики, при проведении митингов, текстуальных читок и бесед-политинформаций отмечены случаи недопонимания отдельными военнослужащими исторического выступления товарища И.В.СТАЛИНА, а также единичные нездоровые высказывания. Более того, в дивизии имело место чрезвычайное отрицательное проявление.

25 мая утром в 2/138 сп[1], когда парторг 5 роты, помощник командира взвода старший сержант Захорошко, выступая перед личным составом батальона с трибуны, сказал, что имя товарища И.В.СТАЛИНА вдохновляло нас с первого дня войны и что, по сути дела, товарищ И.В.СТАЛИН в трудные минуты был с бойцами в каждом бою и в каждом окопе, рядовой Кулиев Гусейн Мамед-оглы, не попросив даже слова, вскочил с места и закричал: «Зачем так говоришь? Я был с тобою рядом, а его ни разу не видел! Я что – слепой?»

Красноармеец Кулиев Гусейн Мамед-оглы, 1916 г. рожд., урож. села Истису, Кельбад-жарского района, Азербайджанской ССР, азербайджанец, беспартийный, образование 2 класса, до войны – пастух в колхозе, призван в армию в июле 1941 г., имеет два тяжёлых ранения, четыре лёгких и тяжёлую контузию, награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Севастополя» и «За оборону Кавказа».

Замполитом полка майором Захаровым и замполитом батальона капитаном Шимко с рядовым Кулиевым Гусейн Мамед-оглы проведена индивидуальная разъяснительная работа. Он строго предупреждён о недопустимости подобных высказываний. В связи с его возможной антисоветской настроенностью будут предприняты соответствующие меры.

Не исключено, что его выкрики связаны с перенесённой им в 1942 г. тяжёлой контузией, и потому командование полка предложило в трёхдневный срок направить его на освидетельствование к армейскому психиатру.

---

[1] 2-й батальон 138-го стрелкового полка.

Отдельные военнослужащие не совсем правильно поняли в выступлении товарища СТАЛИНА оценку исключительных заслуг и руководящей роли русского народа.

Так, например, командир огневого взвода 1-го дивизиона лейтенант Тихонов, беспартийный, заявил:

«Во всех документах я числюсь украинцем, хотя отец у меня русский. Как разъяснил товарищ СТАЛИН, русский народ является наиболее выдающейся нацией, а про украинский народ он ничего не сказал, и я не желаю оставаться украинцем. Я имею право и буду добиваться, чтобы во всех документах меня переписали в русские. И, если командование не удовлетворит мою просьбу, я обращусь к товарищу СТАЛИНУ».

Лейтенанту Тихонову разъяснено, что, хотя отец у него русский, но национальность в СССР определяется по матери, а мать у него украинка, отчего основания для изменения национальности у него нет, он должен остаться украинцем и не беспокоить командование, а тем более Советское Правительство, необоснованными просьбами.

На митингах, во время коллективных читок и на политинформациях отдельными рядовыми, сержантами и офицерами различных национальностей, в частности, украинцами, грузинами, белорусами, армянами, казахами и другими, задавались вопросы, свидетельствовавшие о низком образовательном уровне и недостаточной политической зрелости некоторых военнослужащих. Чаще всего они спрашивали, какими же являются остальные народы, если они не выдающиеся, при этом наиболее несознательные даже осведомлялись: «А мы что же, люди второго сорта?»

В 2/15 сп трое грузин – сержант Качулия, рядовые Чикашвили и Рухадзе – обратились с вопросом, являются ли грузины выдающейся нацией.

Во всех случаях недопонимания разъяснялось, что, как наиболее выдающуюся нацию и руководящую силу товарищ И.В.СТАЛИН в своём выступлении определил только русских. В отношении других национальностей ничего сказано не было, следовательно, все они являются обыкновенными рядовыми нациями, однако абсолютно равноправными в единой братской семье народов Советского Союза.

Политаппаратом дивизии, парторгами и комсоргами подразделений, агитаторами рот, батарей и взводов проводится неустанная, неослабная поголовная политико-воспитательная работа по предотвращению чрезвычайных происшествий и аморальных проявлений

и, в частности, пьянства и барахольства, бытового сращивания военнослужащих с немецким населением и панибратских половых связей с немками[1].

Как и в предыдущие недели, вся партийная и политико-воспитательная работа в дивизии проводится в соответствии с указанием члена Военного Совета армии генерал-майора Мосолова: «Дойти до души каждого рядового, сержанта и офицера».

В период с 21-го по 25-е мая политработниками дивизии проведены в подразделениях 29 задушевных бесед на темы:

«Великий СТАЛИН – вдохновитель и организатор всех побед советского народа».

«Товарищ СТАЛИН – величайший стратег и полководец всех времён и народов, спаситель всего цивилизованного мира».

«Как советский закон карает изменников Родины и дезертиров».

«Партия большевиков – вдохновитель и организатор победы над немецко-фашистскими захватчиками».

В этот день – день всенародного торжества – выступления заканчивались долгими и бурными аплодисментами всех участников митинга и стихийно возникающим мощным троекратным «Ура!» в честь товарища И.В.СТАЛИНА.

В связи с выступлением товарища И.В.СТАЛИНА нами разработаны тезисы и тексты на тему «Великий русский народ – наиболее выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза».

Выступление товарища СТАЛИНА на приёме в Кремле командующих войсками Красной Армии ещё больше усилило любовь к Великому Вождю и Полководцу, укрепило веру в то, что под его гениальным руководством русский народ и Красная Армия и в период мирной жизни будут стремиться к достижению новых побед во имя процветания нашей Родины.

Полковник Фролов

---

[1] Директива Ставки ВГК № 11072 от 20 апреля 1945 года «Об изменении отношения к немцам» заканчивалась фразой: «Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами». Поскольку в то время, естественно, не могло быть и речи о каком-либо панибратстве с солдатами германской армии или мужчинами-немцами, во многих частях и соединениях эта фраза была истолкована как директивное предостережение Ставки от связей с немками.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

25.05.45 г.

Доношу, что командир 2-й батареи 122-мм гаубиц 2-го дивизиона 96-го артиллерийского полка 102-й стрелковой дивизии гвардии капитан Гречухин Михаил Никитович, 1896 г. рожд., русский, беспартийный, образование высшее, в Красной Армии с июня 1941 года, участие в войне с июля 1941 года, награждён орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, а также — за участие в гражданской войне — орденом Красного Знамени, уроженец поселка Ливны, Ливенского р-на, Орловской области, жена Гречухина Евдокия Ивановна, проживает там же, 25 мая сего года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, выступил с яростной антисоветской агитацией, полностью раскрыв своё истинное вражеское нутро.

Проявилось это во время организованного группой офицеров обособленного «праздничного» обеда, когда к полученным на каждого 100 граммам водки было добавлено три литра спирта-ректификата, принесённого командиром дивизиона майором Ковалёвым по случаю присвоения ему очередного воинского звания, так что на каждого из семи присутствовавших за столом офицеров, кроме положенной водки, пришлось более четырёхсот граммов спирта.

Преступно принижая исключительную роль товарища И.В.СТАЛИНА в Октябрьской революции и гражданской войне, Гречухин заявил, что будто бы при жизни Ленина товарищ И.В.СТАЛИН совершенно не был известен и якобы «вынырнул» лишь после смерти Ленина. Когда офицеры полка капитаны Батурин и Чурилов стали говорить о заслугах товарища И.В.СТАЛИНА в гражданской войне, Гречухин заявил, что сам является участником гражданской войны, знал многих видных военачальников и руководителей, но «о Сталине тогда ничего не слышал».

Во время спора капитан Чурилов начал доказывать, что товарищ И.В.СТАЛИН ещё при жизни Ленина был генеральным секретарём ЦК ВКП(б), но Гречухин и это утверждение отвергал, заявив, что из присутствующих он старше всех по возрасту и хорошо помнит те годы, а Чурилов их знает по книжкам, он тогда ещё «под стол пешком ходил» и ему бы лучше молчать, чем пересказывать «печатное враньё».

Столь же чудовищную клевету Гречухин допустил в адрес Величайшего Полководца и Стратега всех времён и народов това-

рища И.В.СТАЛИНА и в разговоре о событиях Отечественной войны. Окончательно опьянев, он заявил, что «Гитлер обдурил Сталина как простачка» и главная беда в том, что «мудрый и непогрешимый просрал начало войны» и потому мы «драпали от границы до Москвы и до Сталинграда». Несмотря на возражения майора Ковалёва, капитанов Батурина, Долинского и Чурилова, Гречухин упорно и со злостью продолжал доказывать своё, что нападение немцев будто бы «застало нас врасплох», была «сплошная паника» и якобы на всех уровнях «было потеряно управление войсками». Гречухин утверждал, что в первые дни войны мы потеряли большую часть «безнадёжно устаревшей авиации» и немцы будто бы «полностью господствовали в небе», а на земле немецкой пехоте, вооружённой новейшими автоматами «шмайссер», противостоял «русский Иван с четырёхгранным штыком винтовки образца 1891 года» и «неудивительно, что миллионы бойцов и командиров оказались в плену у немцев, а миллионы других – погибли». Как заявил Гречухин, и в начале, и в конце войны «русский Иван был для высшего командования всего лишь пушечным мясом», и потому от Москвы до Берлина «земля на полтора метра кровью напоена».

Члены ВКП(б) капитаны Долинский и Батурин и беспартийный лейтенант Гуженко, не сговариваясь, поодиночке покинули застолье, во время которого пили мало и не опьянели и, проявив высокую политическую сознательность и патриотизм, по собственной инициативе без промедления сообщили в политотдел дивизии об ярых антисоветских высказываниях Гречухина, о чём сейчас же для принятия срочных мер нами был проинформирован отдел контрразведки «Смерш» дивизии.

Сегодня ночью Гречухин арестован и для проведения следствия этапирован в отдел контрразведки «Смерш» армии.

Члены ВКП(б) майор Ковалёв и капитан Чурилов и член ВЛКСМ старший лейтенант Батлук, бывшие очевидцами и свидетелями антисоветских высказываний Гречухина и не доложившие о них, за недонесение с целью укрывательства будут привлечены к строжайшей партийной и комсомольской ответственности. Одновременно перед Военным Советом армии будет поставлен вопрос о невозможности оставления майора Ковалёва в должности командира дивизиона в связи с утратой им политической бдительности и принципиальности.

Полковник Наумов

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Доношу о чрезвычайном происшествии, омрачившем торжественный день в 425-й стр. дивизии — гибели политработника дивизии майора Худякина И.Ф.

25 мая с.г. во время торжественного митинга в 138 стр. полку, на котором выступали подготовленные им военнослужащие, Худякин находился в мрачном подавленном состоянии, был неразговорчив. Сославшись на плохое самочувствие, преждевременно ушёл с праздничного обеда, и никто больше его не видел.

В 0 час. 15 мин. 26 мая дежурный услышал выстрел в кабинете Худякина, о чём немедленно сообщил в штаб.

Офицер контрразведки «Смерш» капитан Малышев, Военный Прокурор майор Булаховский и врач МСБ ст. лейтенант Череда, прибывшие на место происшествия, констатировали: майор Худякин И.Ф. покончил жизнь самоубийством, выстрелив из личного табельного оружия себе в голову (пистолет находился в его правой руке), перед смертью был трезв.

Проведённым расследованием по горячим следам установлено, что причиной такого трагического конца в эти радостные и счастливые для всего народа дни окончания войны послужило получение в начале мая Худякиным отказного письма от жены — оно лежало на столе, — в котором она всячески оскорбляет и унижает его и сообщает, что вышла замуж за другого, более для себя подходящего и устраивающего её как мужчина. Как последняя сволочь, ещё и прислала ему фотокарточку, где она снялась с новым мужем.

Окончательно добила Худякина ещё и тем, что он якобы не является отцом их ребёнка. Перенести такое оскорбление и унижение отцовских чувств, чести и достоинства мужчины и офицера Худякин не смог. И как только такую тыловую блядопатриотку[1] земля носит!

Майор Худякин И.Ф. — боевой офицер, воевал с 1942 года, прошёл с боями до Берлина, награждён орденами и медалями.

Одновременно ходатайствую о захоронении майора Худякина со всеми почестями, как погибшего при исполнении служебных обязанностей, а не как собаку — аморального, разложившегося самоубийцу, — извещение о смерти и аттестат высылать больше некому: родственников у погибшего Худякина нет.

Начальник политотдела
полковник Фролов

[1] Так в документе.

29. БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК ПОЛИКУША

В конце января 1945 года в Германии под Циллихау был ранен боец моего взвода: высокий худой человек лет пятидесяти, с длинными, жестоко перебитыми ногами, отчего двигался он всегда странной подпрыгивающей походкой. Из сотен рядовых и сержантов, которых я знал и наблюдал за годы войны в действующей армии, он запомнился мне своей необычностью: исключительной вежливостью, грамотной речью и культурой поведения, что совмещалось у него и с воинскими качествами – исполнительностью, редкой безотказностью, добросовестностью во всём и бесперебойной надёжностью в бою.

По книге учёта личного состава он значился счетоводом колхоза, однако настолько выделялся своей грамотностью, интеллигентностью и опрятностью, соблюдать которую в боевых условиях хлопотно и трудно, настолько «торчал», что замполит батальона капитан Никитин дважды расспрашивал меня о нём, каждый раз хмуро замечал: «Не нравится он мне! С каким-то душком человек!» и требовал максимальной бдительности.

Я этого не понимал: у него за три с половиной года было двенадцать ранений, что подтверждалось стопкой справок и шрамами – рядовые, сержанты и офицеры с таким боевым опытом в конце войны ценились более всего, – а он почему-то, имея столько нашивок за ранения, оставался рядовым и не имел ни одной награды.

После боя за Циллихау я спустился в батальонный медпункт, увидел его в углу полутёмного подвала и подошёл. У него было тяжёлое ранение в брюшную полость, он был обречён и, понимая это, находясь в полубессознательном состоянии, просил похоронить его на родине, под Ростовом, что, естественно, было нереально: этой привилегии (быть похороненным на советской территории) с разрешения Москвы удостаивались только генералы, а также командиры частей и соединений, ему же, как рядовому, полагалось безгробовое, в нательной рубахе и кальсонах, погребение в ближайшей братской могиле.

Не зная, что сказать, я молчал, и тут, чтобы, очевидно, подкрепить свою просьбу, он шёпотом мне признался: «Клянусь вам, лейтенант, я за Советскую власть и за Сталина! Просто у меня биография такая, всегда под подозрением... дворянин я».

Мне вдруг вспомнилось, что в детстве я знал необычного и замечательного человека тоже дворянского происхождения, и как из-за этого трагически сложилась его судьба. Но тогда я так и не понял, почему это могло иметь значение, и осознал это только со временем.

...В возрасте тридцати лет у дяшки Круподёрова неожиданно обнаружились способности к рисованию. Поначалу он тщательно скрывал своё увлечение, но любознательность и желание были столь велики, что он стал брать уроки у профессионального художника.

Мне было восемь или девять лет, когда дяшка стал привозить с собой из Москвы своего друга и учителя, обучавшего его живописи и рисунку, художника Поликарпия Глебовича Шатохина, невысокого роста, щупловатого человечка, удивительно некрасивого и весьма необычного: круглое лоснящееся лицо, приплюснутый нос картошкой, толстые, словно вывороченные, влажные губы, красные глаза и лохматые, всегда нечёсаные длинные волосы, одет бедно, жалко и неряшливо. Столь неприглядной наружностью природа наделила замечательного, приветливого, доброго, умного и образованного человека, которого со временем мы все полюбили. Дед звал его Поликарпием, бабушка – Поликушей, а дяшка – Поликашей.

Как узнал я впоследствии, Поликарпий был из обедневшего рода князей Шаховских, своего дворянского происхождения никогда не скрывал, за что и страдал уже многие годы. Ещё до революции он окончил Петербургскую академию художеств и начал работать с известными театральными режиссёрами и вскоре сам приобрёл известность, однако, как дворянина, его для трудового воспитания из художников-постановщиков перевели в рабочие сцены, потом, одумавшись, сделали бутафором. Тогда они и познакомились с Афанасием. Узнав о его положении, вмешался дяшка, и последнее время Поликарпий работал декоратором.

Однажды я попал к нему домой, и посещение это запомнилось на всю жизнь. В тот день меня привезли в Москву, и Афанасий – у него выпало два дня отдыха – повёл меня в зоопарк. Мы пробыли там часа три: я бы ушёл раньше, но дяшка решил обойти всю территорию. Звери в маленьких клетках и тесных загончиках произвели на нас самое тягостное впечатление: одни безостановочно бегали взад

и вперёд вдоль решёток, чуть ли не цепляя толстые прутья мордами, другие, не обращая никакого внимания на посетителей, спали или дремали, развалясь на помостьях или прямо на цементных полах, где было нагажено и мокро, там же валялась пища — кости, обтянутые слоем скудного, грязного, жилистого мяса, усиженного мухами. От испражнений и мочи вокруг стояла страшная вонь.

Особенно запомнился мне бурый медведь: большой, облезлый, с загнанным видом метавшийся в своей клетушке. На ляжке у него гноилась рваная рана, залитая зелёнкой, слюна свисала из пасти, и мне подумалось, что так он плачет или выражает свой протест-отвращение и враждебность к людям. У меня возникло убеждение, что звери, загнанные в неволю, должны ненавидеть посетителей, целый день гомонящих и ротозействующих по другую сторону решётки.

Даже цепные собаки у нас в деревне имели несравненно больше пространства и свободы: цепь с кольцом, скользящим по проволоке, давала им возможность передвигаться по диагонали перед домом от калитки до задворья, к тому же их ежедневно, а то и два раза в день спускали и давали вволю побегать.

— Зверю в неволе мученье, а человеку каково? — вдруг, словно разговаривая сам с собой, произнёс Афанасий, при этом лицо у него было задумчивое, невесёлое. — Каково человеку?.. — вполголоса повторил он.

Эти его слова зацепились и отложились у меня в памяти и вспоминались впоследствии много раз, особенно спустя полтора-два десятилетия, уже после войны, когда я сам оказался в клетке, попав под колесо истории...

К вечеру Афанасий с Поликарпием собирались в деревню на этюды, и, выйдя из зоопарка, мы с дяшкой решили зайти к нему. Поликаша жил недалеко, в одном из арбатских переулков в старинном доме в многонаселённой коммунальной квартире, куда он месяца за два до этого переехал из общежития с женой и дочкой в освободившуюся комнату: прежний её жилец оказался «врагом народа» и был изъят.

Комната была большая, с высокими потолками, двумя широкими окнами, обклеенная выцветшими рыжевато-грязными обоями и обставленная бедной старенькой мебелью. В центре комнаты под ситцевым бледно-жёлтым, загаженным мухами абажуром помещался стол, покрытый дешёвой клеёнкой, разрезанной во многих местах и залитой чернилами, с неубранными тарелками, пустой водочной бутылкой и двумя грязными стаканами. В простенке между окнами —

этажерка со школьными учебниками и тетрадями; на стене: справа от входной двери висели до самого потолка картины, портреты, пейзажи в самодельных рамках, слева — большой портрет какого-то старика в дорогой раме и несколько иконок. Когда Поликаша отлучился из комнаты, дяшка показал мне место, где он спал: на сундуке, в тесной щели за шкафом; на единственной в комнате широкой, с облезлыми никелированными шарами кровати, очевидно, спали его жена и дочь школьница. Через немытые окна в комнату еле проникал дневной свет, было душно, пахло затхлостью и чем-то кислым.

Поликаша с Афанасием уже заканчивали сборы, уложили кисти и тюбики с красками в этюдники, когда в комнате появилась сама хозяйка: рослая, широкоплечая женщина с чёрными, коротко стриженными волосами и властным мужеподобным лицом, на верхней губе темнела короткая и реденькая щетинка усов. Вслед за Афанасием и Поликашей я поздоровался с ней, но она нам не ответила. Тяжело ступая крепкими полными ногами в туфлях на низком каблуке, она, подойдя к старенькому буфету, положила на него продолговатый ридикюль и, снимая чёрную, блестевшую лаком маленькую шляпку, враждебно спросила:

— Намыливаешься?!

— Я вот, Маня... мы вот... на этюды... — замялся Поликаша, жалко заглядывая жене в глаза и потерянно разводя руками. — А зарплата и халтурка в буфете... — от волнения или страха он заискивающе улыбался и, переступая ногами, семенил на месте, было ясно, что приход жены для него — полная неожиданность.

С мрачным видом она молча подошла к нему и, с лёгкостью поворачивая его как подростка — он был ниже её на полголовы, — обшарила карманы брюк, затем пиджака, и в правом внутреннем кармане обнаружила то, что очевидно искала: деньги, две или три красненькие тридцатирублёвки.

— Ты что же... Сучий потрох!.. Сволочь! — она побагровела и задыхалась от негодования, — из дома зарплату тащишь?!. От ребёнка отрываешь!?

— Маня, это не зарплата... Это — на холст и краски... Осталось от халтурки... Я не тащу... Я тебе всё отдал, — Поликаша весь сжался, съёжился и чуть подался назад: — Маня, я тебя прошу... Не надо при людях, — жалобно умолял он.

— Ублюдок! От ребёнка отрывать?! — всё более распаляясь, бешено заорала она, и вдруг неожиданно, с силой, умело, по-мужски ударила Поликашу кулаком в лицо.

Я хотел крикнуть: «Не смейте его бить!», но дяшка молчал и я ничего сказать не решился. Отлетев назад, Поликаша стукнулся головой о шкаф, но удержался на ногах и, неловко отскочив в сторону, снова умоляющим голосом проговорил:

– Я тебя прошу, Маня... Зачем же при людях... Сделай милость... Потом...

– Марья Кузьминична... – нерешительно вступился Афанасий, но по его тону и выражению лица я понял, что и он побаивается её.

– Шваль дворянская! Поганка царская! Пусть тебя ЭнКэВэДэ поит! Ты что, задарма его учишь? – тыкая пальцем в дяшку, прокричала Марья Кузьминична. – Вон отсюда, шушера! Тебя здесь никто не держит! – указывая на дверь и яростно пнув ногой рюкзак, вопила она. – Вон!.. Чтобы духа вашего здесь не было! Грехомуды! И кутёнка забирайте!

Как я понял, это относилось ко мне, так как ни кошки, ни собаки в комнате не было.

Когда мы вышли из квартиры и спускались по широкой, с потемневшей золотистой лепниной на высоких стенах, грязной и пропахшей кошками лестнице, несчастный, бедный, униженный Поликаша, шумно вздохнув, продекламировал что-то на иностранном языке.

– Ты о чём, Поликаша? – оборачиваясь, спросил дяшка, он нёс два больших этюдника и увесистый сверток. – Что ты сказал?

– Не я, а французы, – усмехнулся художник. – За неимением лучшего, спят с собственной женой! – перевёл он. – Такова жизнь... А ведь женился по любви и, к тому же, желая приобщиться к пролетарскому сословию. – И в грустной задумчивости продолжил стихами:

На столе стаканчик чаю,
И ни рюмки коньяку.
Добросовестно скучаю,
И зелёную тоску
Заедаю колбасой.
На стене – Толстой босой...

– А может, тебе переехать ко мне? – неожиданно предложил Афанасий. – Хотя бы на время. Давай попробуем!

– А дочка?.. – вопросом на вопрос ответил Поликаша. – Оставить её там одну? Нет, переезжать я никуда не буду, а вот кофейку бы для бодрости попить... и от выпивки для утешения... сейчас не откажусь. Зайдём? Если ты мне денег одолжишь...

Подавленный, побитый, бездольный и беспомощный, он шагал рядом со мною, упрямо склонясь вперёд, и тащил на спине старенький рюкзак, а в руке большую хозяйственную сумку с чёрствым хлебом и сухарями для бабушкиной коровы и кур, и сердце у меня разрывалось от жалости к этому беззащитному человеку.

— Княгиня гневаются, — погодя сказал он во множественном числе о своей жене. — Взгляни-ка, друг Афоня, не осталось ли следов на вывеске?

— Да вроде нормально, — остановившись и посмотрев на Поликашу, сказал дяшка, хотя левая щека у того была багровой...

Он завёл нас в кафе, где, по-видимому, хорошо знавший Поликарпия буфетчик, только взглянув на него, сразу налил ему стакан водки. Поликаша поднёс его ко рту, закинул голову, выпил залпом, некрасиво сморщил лицо и стал нюхать кусок чёрного хлеба, который вытащил из своей сумки; он пил не закусывая, как истовый алкоголик, после второго стакана, брызгая слюной, торжественно произнёс:

Я сейчас вам расскажу,
Как когда-то и давно,
Мне поручик Варажу
Лил на голову вино...

На время умолк, и что было дальше, так и осталось для меня неизвестным, затем встрепенулся и, уже совсем запьянев, продолжил:

— Афанасий! Я ведь князь, а ты кто? Простой крестьянский сын. Но люблю тебя и нет у меня никого ближе, — признался Поликарпий. — Живёшь всего лишь раз... и сколько мне ещё осталось?.. — в задумчивости глядя сквозь витринное стекло на улицу, вполголоса произнёс Поликаша. — Десять, максимум пятнадцать лет... И всё без просвета! — и слёзы покатились у него по щекам.

И мне до слёз стало жаль Поликашу.

— Я же тебе предлагаю: переезжай ко мне!

— Это не поможет... Даже наоборот...

— Тогда в деревню, к старикам... они тебя любят.

В деревне Поликаша преображался: исчезала его приниженность и жалкость, он был энергичен, весел, разговорчив. Каждый раз, встречая Поликарпия, дед беззлобно его спрашивал:

— Что, Поликарпий, ещё бегаешь, тебя пока не оформили?

— За что меня оформлять, Егор Степанович?

– Найдут за что! Был бы человек, а дело слепят, это запросто!

– Да кому ж я мешаю? Неужто вам хочется, чтобы меня посадили?

– Мне-то не хочется, так кто ж меня спрашивать будет? А раз князь, раньше или позже должны оформить. Для светлой будущности.

Бабушка в приезды Поликаши всегда пекла любимые мною ржаные лепёшки с творогом, умудрялась постирать ему бельё и рубашки, штопала носки, пришивала пуговицы, обувь показывала деду – тот делал набойки, поправлял каблуки – и, жалея его по-матерински, приговаривала:

– Божий человек Поликуша, бездольный страдалец!

Рано поутру дяшка с Поликарпием уходили в луга с мольбертами, этюдниками, складными походными стульчиками и писали там пейзажи до заката солнца. Меня они звали Васёной или Хозяюшкой: я должен был таскать холщовую торбу с харчами, резать хлеб, чистить яйца и лук, охлаждать в роднике бутыли с квасом, поллитровки и четвертинки водки, а иногда, когда она кончалась, вручив мне червонец, посылали в соседнюю деревню к магазинщице Лариске купить ещё водки и какую-нибудь мелочь. Я бежал в оба конца, возвращался разгорячённый, торжественно выкладывал всё перед ними и был счастлив. Когда Поликарпий давал мне какое-нибудь личное поручение и я выполнял его, он, продолжая рисовать и даже не глядя в мою сторону, приговаривал:

Ты, вот так сказать примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при том,
Не ударил в грязь лицом.

Мне было приятно, что я угодил такому необычному, замечательному человеку, работавшему в Москве художником, которого ценил и уважал дяшка; его похвалы, которых никогда я не слышал от деда, наполняли меня радостью и гордостью. Когда же я делал что-нибудь не так, он с сожалением добродушно замечал:

– Садко, моё чадо, я вижу, ты глуп, я давно это заприметил.

Как-то, отложив незаконченный пейзаж, он быстро схватил новый натянутый холст, поставил его на мольберт и с просветлённым лицом начал быстро, крупно набрасывать молящуюся фигуру. Рисуя, он нередко декламировал стихи, что-то вроде:

Здесь покоится девица,
Марья Львовна Жеребец.
Спи спокойно, хладнокровно,
Дорогая Марья Львовна.

Или произносил загадочные слова и фразы:

Был у дяди старый сад,
У меня — кузина Маша,
Это всё, но здесь зарыт роман...

Я с жадностью ловил и запоминал всё, что он произносил. Поликарпий был самый интеллигентный и образованный человек из всех, с кем мне довелось общаться в детстве. Правда, никакой спящей девицы я нигде не видел, не знал, что такое «кузина», представить себе не мог, кто и зачем зарыл в старом саду какой-то роман, а он смотрел на меня многозначительно и, как мне казалось, с сожалением, и я понимал, сколь я мал и ничтожен и как сложна и непостижима предстоящая мне жизнь...

Он исчез неожиданно.

В мае тридцать седьмого года, вскоре после праздников, дяшка Афанасий приехал под вечер из Москвы осунувшийся, невесёлый и вместе с обычными гостинцами бабушке и мне привёз не одну, а целых три поллитровых бутылки водки.

Деда в избе не было и, выложив всё на стол, дяшка виновато сказал:

— Большая беда, мама... Поликашу взяли.

— Поликушу?!. Да как же так? За что? — всполошилась бабушка. — Божий ведь человек!

— А ты не болтай! — не отвечая бабушке и оборачиваясь ко мне, строго предупредил Афанасий. — Ты ничего не слышал и не знаешь! Иди!

За ужином, откупорив одну из привезённых дяшкой бутылок и налив водку в стопки до краёв себе и Афанасию и накапав на донышко бабушке, дед сказал:

— Помянем Поликарпия, царство ему небесное!

— Не хороните его, батя, — запротестовал дяшка, — не надо! Может, ещё и обойдётся. Всякое случается... разберутся и выпустят...

— Вот! — дед убеждённо похлопал себя по ширинке порток. — Жди больше! В ЭнКэВэДэ ведь тоже план спущен. Одного выпусти,

другого, а самому – садись?.. Не в жисть не выпустят! Выпьем за упокой его души!

– Нет, за упокой не буду! – отказался Афанасий. – Не надо!.. Выпьем за то, чтобы разобрались и выпустили. Как честного советского человека! – уточнил он.

Они выпили водки и, закусывая, дед после недолгого молчания спросил:

– Ты, Афоня, как сам считаешь: враг он или нет? Как на духу!

– Да какой же он враг?.. Как можно такое говорить? – удивился Афанасий. – Вы что, не видели? Я за него головой ручаюсь!

– А ты ведь, Афоня, к самому императору... к товарищу Сталину ходишь. Вот и сказал бы ему, так, мол, и так... Нет на Поликушке никакой вины, отпустите его, я за него поруку даю, головой отвечаю... Может, и помогло бы. Он ведь самый главный! – убеждённо сказал дед. – Как скажет, так и будет! Доброе дело сделает, в газетах о его императорской милости могут пропечатать. Мол, отец родной и благодетель, вот и помиловал. Сказал бы ты ему, а? Попытка не пытка!

– Не надо товарища Сталина императором называть, – попросил дяшка. – Нехорошо!

– Скажи, Афонюшка, скажи родной! – ухватив дяшку за руку, взмолилась бабушка. – Император он или кто... Скажи! Христом Богом прошу! Какой он враг? Божий человек он, Поликуша.

– Ничего вы не понимаете, – после короткой паузы строго и с обидою сказал дяшка. – Документы оформлены, дело сделано, кто же за собой ошибку признает?.. Надеяться теперь можно только на случай – всякое бывает... А я не могу! Да стоит мне только заикнуться и меня... Да от меня мокрое место останется!.. Кто я есть?.. Прикреплённый! Моя обязанность охранять товарища Сталина, дверцу автомобиля открыть, кресло или стул на террасе переставить, бутылку «боржома» принести... Если что спросит, ответить «да» или «нет». И всё! А с просьбами обращаться или самому вопрос ставить, это невозможно... Заступаться за врага народа – это всё, конец!

– Да какой же он враг? – возмутился дед. – Ты же сам сказал, что нет! Сам сказал, что честный человек!

– Вы на меня не кричите... Я товарищу Сталину говорить ничего не могу. Понимаете – не положено!

– А смачный он, кремлёвский бульон, наварный! – с недоброй усмешкой сказал дед. – Подороже он тебе, чем Поликарпий!

– Ваша воля оскорблять меня, – покраснев, проговорил дяшка. – Но обращаться к товарищу Сталину с просьбами я не могу! Не имею права! – вдруг истерично закричал он. – И не буду!

В тот вечер он выпил сверх меры и опьянел. Хорошо поддавший и оттого удоволенный дед храпел на кровати, бабушка тихонько сопела рядом со мной на печке, а дяшка сидел в темноте за столом под божницей, уронив голову на руки, плакал, тихонько всхлипывая, и, время от времени, негромко вопрошал: «За что?»

Меня тоже душили слёзы, я с трудом сдерживался и страшно боялся, что не выдюжу и разревусь, и меня услышит Афанасий и проснётся бабушка. С двухмесячного возраста, когда у матери пропало молоко и она оставила меня в деревне, бабушка спала всегда рядом, даже во сне она чувствовала и стерегла не только мои движения, но и моё дыхание, и стоило мне заплакать, она наверняка проснулась бы и расстроилась.

«За что?!» – я тоже ничего не мог понять. Поликаша был жалкий по виду, но умнейший и добрейший человек, готовый поделиться последним и не способный обидеть даже котёнка. Что же произошло, за что его могли посадить?..

Я долго не мог уснуть, лежал щекой на мокрой от слёз подушке, сомнения и вопросы мучали меня. Поликаша был дяшке самым близким другом, Афанасий любил его поистине братской любовью и боготворил как художника, учителя и человека. В том, что Поликарпий не виноват, дяшка ничуть не сомневался – он сам об этом за ужином сказал. Так почему же он не мог попросить товарища Сталина, рядом с которым находился и даже разговаривал, заступиться за Поликашу?.. Я был убеждён, что товарищ Сталин – мудрый и добрый вождь и учитель, стоило только ему рассказать о попавшем в беду Поликарпии – защитил бы его. Недаром же в газетах и на уроках в школе его называли Отцом всех советских людей; стало быть, и Поликаша приходился ему сыном. Я не сомневался, что не только товарищ Сталин, но любой начальник или милиционер могут освободить Поликарпия: всех-то делов – отпереть замок и выпустить...

Впоследствии стали известны кое-какие подробности, прояснившие причину ареста и гибели Поликаши. Как выяснилось, его жена сошлась с другим мужчиной, рабочим сцены из того же театра, где служил декоратором Поликарпий, не имевшим в Москве жилья, и надумала прописать и поселить его у себя, для чего прежде всего решила избавиться от выпивохи мужа. Действуя решительно, наверняка, она написала куда следует, что будто бы Поликаша собирается убить самого Сталина, во всяком случае так он якобы грозился. На свою беду Поликарпий частенько бывал в соседнем квартале в кафе на Арбате, на той самой улице, по которой ездил товарищ Сталин,

и заявление её сработало безотказно: Поликашу взяли, и он сгинул без следа, как сгинули в те годы миллионы русских безвинных людей.

Спустя какое-то время бабушка доверительно мне рассказала: при обыске искали оружие, сорвали в комнате весь паркет, простукивали стены, но ничего не нашли, однако было установлено, что Поликаша действительно чуть ли не каждый день бывал в этом кафе, причём любил садиться у самого окна и смотреть на улицу и, более того, даже делал зарисовки... Нашлись свидетели, которые это подтвердили, нашёлся и альбом с рисунками, и обвинение оказалось настолько серьёзным, что через две недели после ареста он был расстрелян.

Уже после гибели Поликаши и смерти деда помню взволнованно-радостный рассказ дяшки, как после долгих и нерешительных колебаний он наконец осмелился и показал Сталину свои картинки, этюды, рисунки. Как уверял бабушку дяшка, товарищу Сталину работы очень понравились и он якобы сказал кому-то (рассказывая, дяшка передавал кавказский акцент вождя):

– Это эщё нэ Рэпин, но у него всё впереди. Теперь мы можэм спать спокойно. Если в Ленинграде с прэзидэнтом Акадэмии художников что-нибудь случится – вот достойная замэна!

Якобы при этом Сталин указал на дяшку.

Я тогда, естественно, не знал, что в конце тридцатых годов Всероссийская академия художеств действительно находилась в Ленинграде, но даже в том возрасте я к этому рассказу дяшки отнёсся с немалым недоверием: он хоть и носил в петлицах два кубаря, всё-таки был молодым простоватым парнем с довольно скромным рабфаковским образованием, а президент академии – это такая должность, которая, по моему убеждению, требовала ромба, может даже не одного, иначе – не лезь и не суйся.

...Вспоминал ли в своей последующей насыщенной жизни дяшка своего друга и учителя художника Поликарпия Шатохина, мучали ли его угрызения совести за бессмысленную смерть доброго, беззащитного, ни в чём не повинного, близкого ему человека? Но по злой иронии, он повторил его судьбу: Афанасий Круподёров после суда над Берией и последовавшей кампании по искоренению «бериевщины» был арестован и расстрелян под сурдинку по приговору специального трибунала. Его-то за что?

Лишь со временем мне стали известны некоторые подробности: в годы войны, будучи уже генерал-майором, дяшка возглавлял один

из отделов в Центральном аппарате НКВД, выезжал на Северный Кавказ, в Крым и Польшу, за каждый такой выезд имел по ордену, и это объясняло, что он карабкался наверх уже без оглядки на совесть и справедливость. Ведь неглупый был человек, но карьера его сожрала.

...Дяшка Круподёров оказался действительно талантливым художником: спустя лет пятнадцать после его смерти я показал несколько сохранившихся работ замечательному русскому художнику академику Аркадию Александровичу Пластову, с которым мне дважды довелось встречаться. Картины от времени поблекли, выцвели, но старик разглядывал их внимательно, с интересом и заключил: «Профессиональной школы нет, но талант, большой талант. Самородок... Ему бы ещё поучиться...»

Часть 3

ТОГДА, В ДАЛЕКОЙ ЮНОСТИ...

Как всё это далёко,
Мечты, весна и юность...

30. ДОКУМЕНТЫ МАЯ 1945 г. (ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ ЯЧЕНИНА

20.05.45 г.

Военному Совету 1-го БФ

Довожу до сведения, что в войсках армии продолжаются случаи массового отравления военнослужащих трофейными спиртными напитками.

Так, 14 мая с.г. в отдельной зенитной роте командир взвода лейтенант Смола Е.И. в немецкой машине нашёл флягу спирта, которую ночью и распил с рядовым и сержантским составом, пьянка происходила скрытно от командира роты. Из 16 отравившихся 9 человек умерли. До этого в роте была проведена достаточная разъяснительная работа о вредности и опасности употребления неизвестных спиртоподобных жидкостей, приведены конкретные случаи отравлений в наших частях. После одной из бесед выступил сержант Мужетдинов и осудил легкомысленные поступки отравившихся, призвал всех бойцов не употреблять трофейного спирта, а сам первый принял участие в пьянке, отравился и умер.

16 мая с.г. начальник военно-технического снабжения ... сд старший лейтенант Метаков в одном из вагонов на ст. Панков обнаружил бочки с неизвестной жидкостью и три привёз в часть. 17 мая с.г. оттуда же были доставлены на склад ВТС ещё 4 бочки. Старший врач капитан медслужбы Медведев якобы взял жидкость на анализ. В тот же день командир батареи ст. лейтенант Солоненко привёз в полк ещё 2 бочки такой же жидкости, но не сдал их на склад, а спрятал в сарае.

Вся привезённая жидкость была оставлена без охраны. Командир санвзвода мл. лейтенант медслужбы Ахмедов, не зная результата анализа, самостоятельно разрешил Солоненко брать жидкость из бочек и раздать её в подразделения. В результате коллективной

пьянки, организованной командиром батареи ст. лейтенантом Солоненко, получили отравления 53 военнослужащих, из которых 18 человек умерли.

19 мая с.г. шофёр красноармеец Степанов, находясь в рейсе, неизвестно где достал метиловый спирт и выпил его. До самой смерти Степанов отрицал, что он пил спирт, по его словам, отравление произошло от съеденного им варенья. Врачами зафиксировано отравление метиловым спиртом.

20 мая с.г. командир взвода обеспечения младший лейтенант Самойлов, прибыв на аэродром, нашёл бочку с неизвестной жидкостью и привёз её в расположение взвода. Ст. техник-лейтенант Господарин жидкость исследовал, обнаружил в ней наличие эфира и предложил вылить её на землю. Несмотря на предупреждение, Самойлов оставил отравляющую жидкость во дворе общежития без охраны и в присутствии подчинённых утверждал, что им привезён пригодный для употребления спирт и разрешил военнослужащим распивать его. В результате отравилось 28 военнослужащих, из которых 9 человек умерли и несколько потеряли зрение. Химическим исследованием установлено, что привезённая Самойловым с немецкого аэродрома жидкость содержит в себе смесь метилового спирта и эфира, представляющую из себя яд для организма человека.

Командир роты связи гв. капитан Горковец и нач. связи полка гв. капитан Коломейцев через своих ординарцев, которые систематически разъезжали по населённым пунктам, выдавая себя за комендантов, изымали у населения спиртные напитки, продукты, а также доставляли им немецких женщин, приобрели у гр. Коуба спиртные напитки, привезённые им с территории, занятой союзными войсками. Горковец в тот же вечер организовал вместе с подчинёнными коллективное распитие этого спирта, все 12 человек получили отравление и в тяжёлом состоянии были доставлены в госпиталь, кроме того, Коломейцев заболел венерической болезнью.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

22.05.45 г.

Массовые потери личного состава в частях армии по причине отсутствия бдительности, воинского порядка и дисциплины терпимы в дальнейшем быть не могут, ибо они свидетельствуют о неспособности отдельных командиров поддерживать во вверенных им частях

должный порядок и нежелании выполнять приказы вышестоящего начальника. Военный Совет и командующий фронтом

ПРИКАЗЫВАЮТ:

За проявление преступной беспечности, нарушения воинского порядка, организацию и допущение распития непроверенной трофейной жидкости, повлекшие за собой массовое отравление с тяжёлыми последствиями, начальника ВТС ... сд ст. лейтенанта Метакова М.Г., старшего врача ... сп капитана медслужбы Медведева А.С., командира батареи 120 мм миномётов ст. лейтенанта Солоненко И.Н., командиров взводов зенитной роты гв. капитанов связи Горковца и Коломейцева, командира взвода обеспечения мл. лейтенанта Самойлова, командира санвзвода мл. лейтенанта медслужбы Ахмедова, санкционировавшего распитие не исследованной жидкости, оказавшейся метиловым спиртом, с занимаемых должностей снять и предать суду Военного трибунала.

Военный Совет объявляет решение Военного трибунала:

Метакова, Смолу, Горковца, Солоненко приговорить к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет каждого;

Ахмедова, Самойлова, Коломейцева приговорить к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет каждого, Медведева – на три года.

Военный трибунал возбудил ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о лишении осуждённых всех правительственных наград.

Настоящий приказ и решение Военного трибунала объявить всему офицерскому составу под расписку, а с сержантским и рядовым составом провести беседы.

Член Военного Совета
генерал-лейтенант Телегин

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

22.05.45 г.

Нашими войсками захвачены и обнаружены аптеки и лаборатории с химическими препаратами, склады с продуктами питания, различными напитками и техническими жидкостями.

Несмотря на неоднократные приказы Военного Совета фронта и армии о категорическом запрещении употребления трофейного

спирта и спиртоподобных жидкостей и организацию эффективных мер по предупреждению их использования, в отдельных частях армии выводы из этого не сделали.

Благодаря попустительству офицеров и сержантов и совершенно неудовлетворительной санитарной разведке в армии и после окончания военных действий продолжаются случаи отравления военнослужащих.

Наиболее безобразный случай произошёл на участке 102 сд, где бойцы трогали пальцами и пробовали на вкус содержимое колб, в которых выращивались на питательной среде бактерии сыпного и брюшного тифа, паратифа и азиатской холеры, в результате чего семь человек госпитализированы. Командующий армией

ПРИКАЗАЛ:

1. Довести до сведения всего личного состава категорическое запрещение брать, пользоваться и употреблять какие-либо препараты и медикаменты без разрешения санучреждений.

2. Потребовать от начальников медслужб обеспечить разведку всех медлабораторий, институтов, аптек, складов и лечучреждений, выставить около них охрану и не допускать никакого своевольства военнослужащих и гражданского населения.

3. Впредь установить, что полную ответственность за предотвращение случаев отравления или заражения военнослужащих трофейными продуктами и препаратами несёт врач части (учреждения).

4. Военному Прокурору все случаи отравлений спиртными напитками, пищевыми продуктами, неизвестными препаратами тщательно расследовать в течение трёх суток, выводы по результатам расследований немедленно представлять в штаб армии.

5. Вместе с непосредственными организаторами доставки, хранения и раздачи трофейных спиртных жидкостей привлекать к ответственности также командиров частей и учреждений, а также политработников, в которых произошли отравления, как не обеспечивших должный порядок и дисциплину в подчинённых им частях.

6. Председателю ВТ обеспечить срочное рассмотрение всех дел по отравлению, копии приговоров высылать немедленно в части для объявления их в приказах.

Генерал-полковник Смирнов

ДОНЕСЕНИЕ

Начальнику политчасти Военной Комендатуры

Доношу о неблаговидном поведении офицеров Военной Комендатуры г. Бойценбург.

Ст. лейтенант Садовников Никанор Павлович, начальник питательного пункта, 1904 г. рожд., русский, рабочий, образование 5 классов, кандидат в члены ВКП(б), в РККА с 1941 г., на комендантской должности с апреля 1945 г., на протяжении всего времени систематически бывает пьяным, даже в рабочее время. Пьянку совершает один, но были случаи, когда спаивал солдат. Находясь в пьяном состоянии, часто устраивает на дому дебош и драку с женщиной, 22-х лет, не то полькой, не то украинкой, которую регулярно использует в своих половых интересах. Угрожает ей, что он её застрелит, так как она теперь его собственность, то есть жена, и поэтому её дальнейшая жизнь полностью зависит от него.

Садовников мною дважды вызывался для объяснения, Военный Комендант на служебном совещании лично крепко его предупреждал прекратить пьянство и стать примерным офицером, однако на следующий день он с самого утра был пьян.

Лейтенант Карпов Артамон Андреевич, начальник пересыльной части, 1916 г. рожд., русский, служащий, образование среднее, в РККА с 1937 г., кандидат в члены ВКП(б), часто бывает пьяным, к порученному делу относится плохо. Он был поставлен на пост по подсчёту проходящих автомашин, перевозивших поляков. Но Карпов самовольно бросил пост и выехал на спиртзавод за 18 км, где учинил ругань с немцем, который отказался дать ему спирт. Представившись экономистом, он угрожал, что закроет завод и прочее. Немец, видя несамостоятельного офицера, дал ему 1 литр спирта и доложил об этом в Комендатуру.

Через несколько дней Карпов устроил следующую выходку: он поехал на маслозавод и якобы для Комендатуры взял 10 кг масла и отдал его некоей Жене, которая раньше работала в Комендатуре, а сейчас с ним сожительствует. За безобразные поступки Карпов имел 10 суток домашнего ареста и был отозван в Окружную Комендатуру гор. Шверин, но по каким-то соображениям спустя две недели был обратно прикомандирован к нам и продолжает устраивать пьянки и развлекаться с женщинами сомнительного поведения. На партсобрании Карпов дал последнее слово, что своё неправильное поведение он глубоко понял, исправит его, станет достойным офицером и коммунистом, но верится в это с трудом.

Учитывая, что меры административного воздействия на Садовникова и Карпова не оказали существенного воздействия, прошу привлечь их по партийной линии и решить вопрос о пребывании кандидатами в члены партии.

Зам. Военного Коменданта
майор Кондратенко

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДИРА 136 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА

23.05.45 г.

Командирам, нач. политотделов частей и соединений корпуса

Во исполнение приказа командующего 71 армией от 22.5.45 г.:

1. Все случаи отравления военнослужащих трофейными спиртными жидкостями относить к первой группе чрезвычайных происшествий и в соответствии с приказом Зам. НКО СССР № 203–44 г. доносить о них шифром на имя командира дивизии, командира корпуса, Военного Совета армии, фронта, НКО, начальнику Главного Управления формирования и укомплектования войск Красной Армии, начальнику канцелярии при НКО СССР.

2. Одновременно с представлением донесений немедленно сообщать о случаях отравления начальнику ОО дивизии, Военному Прокурору для срочного расследования и предания суду Военного трибунала виновных, независимо от принятых мер воздействия в дисциплинарном порядке.

3. Подавать внеочередное донесение о чрезвычайных происшествиях согласно установленной форме.

4. Выдачу спиртных напитков сержантскому и рядовому составу производить только по нормам в праздничные дни, в соответствии с приказом НКО СССР. Военнослужащих всех категорий, появившихся в расположении части в нетрезвом состоянии, привлекать к строгой дисциплинарной ответственности.

5. В объяснительных записках ежемесячно к сводкам о чрезвычайных происшествиях обязательно указывать, какие приняты меры наказания к виновным, допустившим отравления.

6. Начальникам политотделений соединений провести во всех подразделениях политинформации по фактам отравлений и их последствиях, издать листовки и санитарные памятки с призывом не употреблять неизвестные жидкости, привлекать к строжайшей ответственности коммунистов, допустивших выпивки, и сурово наказывать самих политработников, где имело место массовое от-

равление, как лиц, безответственно относящихся к воспитанию подчинённых им людей.

7. Под личную ответственность командиров во всех частях и подразделениях незамедлительно организовать выявление и изъятие у военнослужащих сокрытых ими любых трофейных жидкостей.

Исполнение донести немедленно.

Генерал-лейтенант Лыков

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ[1]

25.05.45 г.

О выделении офицерского, сержантского и рядового состава из соединений армии для участия в параде в г. Москве в честь Победы над Германией

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. К 26.05 отобрать в частях армии офицерский, сержантский и рядовой состав согласно нижеследующего расчёта.

2. Личный состав подобрать преимущественно из молодых возрастов, особенно отличившихся в боях и имеющих награды и ордена.

3. Всему личному составу выдать новое обмундирование по летнему плану, две пары нательного белья, матрац, подушку, две простыни, одеяло, две подушечных наволочки, ложку, кружку, котелок. Иметь всем шинели. Парадное обмундирование будет выдано в г. Москве.

4. Рядовой и сержантский состав ГСК должен быть вооружён автоматами, СК и армейских частей — винтовками, командиры отделений офицеры — пистолетами ТТ.

5. Весь отобранный личный состав доставить автомашинами и сосредоточить к 9.00 26.05.45 г. в гор. ... — расположении 425 сд. Командиру 425 сд подготовить отдельное помещение для размещения всего выделенного личного состава.

Генерал-полковник Смирнов

[1] Названия населённых пунктов сосредоточения личного состава, расположения командования, а также номера воинских частей опускаются, расчёты выделяемого личного состава прилагаются.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 25.05.45 г.* *21 ч. 55 м.*

Командующим корпусами и дивизиями
Командующему артиллерией
Начальнику тыла армии

В дополнение к приказу от 25.05. Командующий армией приказал:

1. От каждого корпуса и армейской части подготовить по одной роте. Рота состоит из 10 отделений по 10 чел. Командирами рот назначить наиболее заслуженных командиров полков. Командирами отделений – наиболее заслуженных средних офицеров (лейтенант, ст. лейтенант, капитан). Отделения укомплектовать заслуженными сержантами и рядовыми.

2. Помимо подбора личного состава рот по боевым заслугам обратить внимание на физическое состояние: люди должны быть здоровы, ростом не ниже 176 см и с хорошей строевой выправкой.

3. Для смотра Военным Советом сводные роты на автомашинах направить в гор. ... и сосредоточить их на улице вдоль забора плаца АЗСП к 9.00 26.05.45 г.

4. О ходе отбора доносить к 12.00, 18.00 26.05 и к 8.00, 16.00 и 21.00 27.05.45 г.

5. Из состава предварительно отобранных Военным Советом во время смотра кандидатов командарм лично утвердит по одной роте для участия в параде в г. Москве.

Начальник штаба
генерал-майор *Антошин*

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 25.05.45 г.* *23 ч. 05 м.*

Начальнику штаба 425 сд

Начальник тыла армии приказал обеспечить доставку автотранспортом в гор. ..., размещение и питание 45 человек солдат и офицеров дивизии для участия в отборочном смотре. Готовность людей к 6.00 26.5.45 г., срок их пребывания в гор. ... в 9.00.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 26.05.45 г.* *15 ч. 10 м.*

Командирам корпусов

Для участия в параде в г. Москве в честь Победы над Германией командарм приказал выделить от каждого стрелкового корпуса по два боевых орденоносных знамени с ассистентами и знаменосцами (на знамя по два ассистента и одному знаменосцу) из частей, от которых выделяются боевые знамёна. На должность ассистентов назначить офицеров Героев Советского Союза или краснознамёнцев в звании капитан, ст. лейтенант.

Выделенные орденоносные знамёна, ассистентов и знаменосцев к 28.05.45 г. на машинах доставить в гор. ..., разместив в казачьих казармах.

Ассистентов и знаменосцев на путь следования обеспечить продовольствием, новым обмундированием, продаттестатами, котелками, ложками и по две пары нательного белья.

Для сопровождения знамён выделить охрану.

К 23.00 26.05.45 г. донести в штаб армии:

а) От каких частей представлены знамёна и какие они имеют ордена, которые должны быть прикреплены к знамёнам.

б) Списки выделенных и утверждённых Военным Советов ассистентов и знаменосцев с указанием части, должности, звания, фамилии, имени и отчества (полностью), даты рождения, партийности и какие имеют правительственные награды.

Начальник штаба
генерал-майор *Антошин*

31. В СУББОТУ, 26 МАЯ

Если в начале мая, когда мы только пришли в Германию, немцы относились к нам не только подобострастно, а с уважением – мне не раз приходилось слышать, как, обращаясь к офицеру, они говорили: «Der Soldate ist der erste Mann im Staate»[1], – то теперь в их отношении проскальзывало почти не прикрытое пренебрежение. Многие немцы в округе откуда-то пронюхали о приказе маршала Жукова, запрещающем совместное проживание в домах советских военнослужащих с немецким населением и практически определившем для многих младших офицеров единственный вид расквартирования – казарменное размещение. Нам же повезло: почти все офицеры полка проживали в бывшей комфортабельной гостинице.

Моя ненависть к немцам улеглась после того, как они капитулировали, и их приветствия, а также изнурённый вид и поношенная одежда меня даже трогали.

Душный зной майского дня... Сады цветут... Пахнет сиренью... Фрау в широких штанах, с сумками в руках, направляются к магазинам... У продовольственных магазинов в полном молчании толпятся люди: отпускают сахар, жиры, хлеб, другие продукты за первую половину мая... Каждый день из окна своего номера я вижу, как глубокий старик в ночных туфлях без задников копается в соседнем палисаднике с рассвета до вечера: что-то пересаживает, поливает цветы и овощи, подстригает кустарник, выпалывает траву, демонстрируя наглядно характерные черты немцев: упорство, методичность и трудолюбие.

Чуть свет в гостинице появляются восемь женщин обслуживающего персонала, и я с интересом наблюдаю за их работой. Вначале немки мажут руки кремом, натягивают перчатки, надевают фартуки и какие-то головные уборы и только потом принимаются за работу. Целый день стрекочут швейные машинки, урчат пылесосы и стиральные машины: чистилось, мылось, стиралось, гладилось

[1] «Солдат – первый человек в государстве» *(нем.)*.

и чинилось всё, что может и подлежит уборке. Поздно вечером, сняв перчатки, фартуки и кухонные шлемы, они молча уходили с достоинством людей, будто выполнивших свой священный долг, и так изо дня в день.

20 мая... воскресенье, первый день Троицы, весьма чтимого немцами праздника. Звонят церковные колокола в пригородах Берлина, где церкви уцелели. Приодевшиеся люди направляются на природу – в парки, сады и скверики.

21 мая дивизия в торжественной обстановке отдала последний воинский долг погибшим товарищам.

Кажется, всё живое жаждало мира и покоя, а мы проводили политические занятия, занимались строевой подготовкой, несли внутреннюю службу, ремонтировали технику и вооружение.

Май сорок пятого года был на исходе. Хотя после подписания Германией капитуляции прошло две с половиной недели, мы по инерции ещё жили войной, она преобладала в нашем сознании, мыслях, привычках и разговорах; мы с большим трудом входили в мирную жизнь, приобщались к её реалиям, ещё не понимая, что это теперь основное; надолго или навсегда война и всё, что было вчера, становилось историей, но мы этого ещё никак не осознавали.

Мы по-прежнему находились в состоянии повышенной боевой готовности: западные союзники – американцы и англичане – должны были отвести свои войска к обусловленной в Ялте демаркационной линии; ходили слухи, что делать это они не хотят и вместо обещанного, оговорённого отвода возможны вооружённые провокации и даже военное нападение.

Как и во время боевых действий, в послевоенные недели я жил и всё подчинял выполнению ближних или ближайших задач – не одной и даже не двух, а четырёх довольно ответственных задач.

К девяти часам утра 26 мая мне предписывалось вместе с ещё сорока пятью претендентами прибыть в расположение штаба корпуса на отборочный смотр участников парада победителей, названного позднее Парадом Победы. От Коки я знал, что в список кандидатов я был предложен лично Астапычем.

Завтра же, 26 мая, исполнялось три года со дня сформирования дивизии, и по случаю полкового праздника решено было отметить эту славную боевую годовщину торжественным обедом по усиленной раскладке с выдачей всему личному составу по сто граммов водки.

Общего построения дивизионных частей не предусматривалось, однако я не сомневался, что в роту на торжественный обед пришлют кого-нибудь из политотдела или из штаба дивизии, кого имен-

но, я не представлял, но то, что он потом напишет или доложит, мне было не безразлично.

Весь прошедший день был посвящён наведению порядка в расположении роты: уборке помещения и прилегающей территории и внешнему виду личного состава — чистке обмундирования, обуви. Я уже дал приказание о выпуске боевого листка, отметив наиболее отличившихся.

Ещё 13 мая для встречи с американцами начальником почётного караула готовили меня, однако после предварительного просмотра представителями штабов корпуса и армии отобран был гвардии капитан Петров, а я стал дублёром и должен был зачитать приветственное обращение Военного Совета армии.

А вечером, к девятнадцати часам, я был приглашён Володькой в Левендорф, где размещался армейский госпиталь, на день рождения Аделины. После того как на прошлой неделе Володька доверительно и с нотками радостной приподнятости, торжественности сообщил, что собирается на ней жениться и она якобы с ходу дала согласие, этот вечер приобретал особое значение. Как вчера он дал понять, это была приуроченная ко дню рождения весьма для него существенная помолвка, а не просто вечеринка с танцами, выпивкой и закуской, на какие он уже дважды приглашал меня к Аделине и где оба раза среди общего весёлого оживления я чувствовал себя стеснённо и одиноко. Медсёстры, с которыми Аделина меня знакомила, были значительно старше меня (в медсанбатах и госпиталях женщин со столь нежелательной разницей в возрасте — на восемьдесять лет — называли «мамочками»), и хотя, когда по настоянию Володьки я приглашал их танцевать, они шли безотказно, а когда заговаривал — вежливо улыбались, я чувствовал и понимал, что не интересен им, так же, как и они мне; всё получалось тягостно и никчемно, я тоскливо ожидал, когда вечер наконец окончится. При расставании, несмотря на Володькины зловещим шёпотом команды: «Проводи её! И побольше напора!», выйдя из коттеджа, я спешил к мотоциклу и после получаса быстрой отчаянной ночной езды по зеркальному асфальту, едва раздевшись, засыпал мгновенно и с облегчением, как после тяжёлой, мучительной работы.

Как и в те оба раза, Володька попросил, а точнее, потребовал дать продуктов и спиртного, чтобы это двойное торжество — день рождения Аделины, являющийся к тому же помолвкой, — «достойно отметить». В очередной раз мне было предложено, как он выразился, «поделиться трофеями наших войск». Хотя тон разговора его был повелительным, категоричным, я отнёсся к этому как к долж-

ному: из нас пятерых, живших в эти послевоенные недели тесной офицерской компанией, только у меня одного имелась такая трофейная заначка, причём богатейшая, – заложенный и спрятанный кем-то ещё до нашего прихода в укромном подвале склад немецких армейских продуктов, спиртного и сигарет, скрытых от учёта и положенного оприходования.

Вторая его просьба, а точнее требование, ввергло меня в замешательство. Он сам придумал и определил подарок, который я должен был преподнести Аделине по случаю дня рождения: передав мне квадратный, шоколадного цвета кожаный портативный чемоданчик – кофр с жёлтыми металлическими уголками и двенадцатью узенькими отделениями внутри – Володька велел заполнить их моими редкими русскими пластинками.

К этим трём событиям субботнего дня примыкали и спортивные корпусные соревнования утром в воскресенье 27 мая.

Двадцать шестое мая – поворотные, переломные, без преувеличения, сутки, изменившие мою жизнь и судьбу, начались неожиданным телефонным звонком.

Накануне вечером Володька с Мишутой умчали на мотоциклах в Штеттин, а я, только что сменившийся с дежурства, остался.

Я спал крепко и проснулся часа в три ночи, очевидно, не сразу, от непрерывного, резкого зуммера полевого телефона, стоявшего на низкой прикроватной тумбочке рядом с изголовьем. Нашарив в темноте и поспешно схватив трубку, – может, из штаба, а может быть, тревога, – проговорил:

– Сто седьмой слушает, – это был позывной моего аппарата.

– Старший лейтенант Федотов? – донёсся издалека властный, командный и, казалось, уже чем-то недовольный голос.

– Так точно! – я подскочил на кровати.

– Вы что, спите? – настороженно и с удивлением или даже возмущением спросили меня.

– Никак нет! – преданно закричал я в трубку, включив фонарик, а затем настенную лампу и хватая со стула обмундирование.

– Станьте по стойке «смирно», когда с вами говорит старший по званию, – строго и недовольно приказали мне.

– Слушаюсь! – в одних трусах я нелепо стал навытяжку с трубкой, прижатой к уху.

– С вами говорят из отдела расстрелов, – продолжал издалека повелительный голос. – У аппарата полковник Тютюгин! Лично!

– Я вас слушаю, товарищ полковник!

– Поднимите роту по тревоге. Боевая обстановка чрезвычайна и становится критической. Вы меня понимаете?

Приказание было столь неожиданным и невероятным, что я ощутил какую-то слабость и пустоту в ногах, в области живота и чуть ниже...

— Так точно! — заверил я, хотя ничего не мог понять, не мог спросонок осмыслить услышанное и единственное, что предположил: западные союзники — англичане и американцы — отказались, как было договорено, отвести свои войска к обусловленной демаркационной линии и, более того, очевидно, напали на нас. Но при чём тут какой-то отдел расстрелов?.. И фамилию полковника — Тютюгин — я слышал впервые.

— От быстроты ваших действий, — продолжал тот же повелительный голос, — от вашей самоотверженности и, не буду скрывать, от вашей готовности до конца выполнить свой долг зависит, возможно, не только судьба дивизии, но и судьба всей армии. Вы меня понимаете?

— Так точно! Я до конца... Я выполню, товарищ полковник, — поспешно заверил я.

— Если не выполните, вы будете расстреляны! — разъяснили мне. — Слушайте меня внимательно!

— Я вас слушаю, товарищ полковник!!! — преданно закричал я, весь обратясь в слух и в полном замешательстве от всего услышанного, но понимая, что сейчас мне будет сообщено самое важное — будет поставлена конкретная боевая задача — и, таким образом, всё прояснится, станет на свои места и наступит полная ясность.

— У Бебы загиб матки, — с волнением торжественно возвестил всё тот же голос и с искренним отчаянием воскликнул: — Какой ужас! — Полковник внезапно замолчал, но в трубке ещё слышалось его прерывистое дыхание.

Я в жизни не знал никакой Бебы, понятия не имел ни о каких женских аномалиях и спросонок вообще ничего не соображал, но прежде чем я успел не то что выругаться, а хотя бы просто что-либо сообразить, «полковник Тютюгин» уже повесил трубку, а я, поняв наконец, что это Володька с Мишутой меня разыграли, отчаянно ругался и не мог уснуть.

Я не обиделся на них, мне не положено было обижаться: в старой русской армии, как рассказывал Арнаутов, предметом шуток и подначек в кругу офицерства были в основном младшие по званию и по возрасту офицеры. Волею судеб я самый молодой и по одному тому должен всё терпеть и, более того, делать вид, что меня это ничуть не задевает (и Володька, и Мишута Зайцев на два года старше меня, даже Кока старше меня на полтора года).

Со слов Арнаутова я знал и помнил высказывание Бисмарка о том, что умные учатся на чужих ошибках, а дураки – на своих. Я же оказался глупее дураков: всего два дня назад я купился на очередной обман – неизвестный, непонятный мне «климакс» принял за «клиренс»[1], и сейчас был каждую минуту предельно настороже, ожидая подвоха, и вот надо же – опять попался на очередной розыгрыш.

Шёл четвёртый час ночи. К семи я должен быть на подъёме в роте, а в девять – на отборочном строевом смотре в присутствии командования и к нему надо было подготовиться, значит, доспать уже не придётся. Улыбаясь вползуба, я ходил по комнатам, останавливался у открытых окон и, чтобы успокоиться и отчасти вознаградить себя за нелепый розыгрыш, решил побаловать себя чем-нибудь вкусным.

Я прошёл в ванную, где в голубой фаянсовой раковине для подмывания под круглосуточно фонтанировавшей струйкой ледяной воды, накрытые для лучшего равномерного охлаждения байковой портянкой, у меня постоянно находились две-три банки компотов. О том, что это гигиеническое устройство называется французским словом «биде», я узнал только спустя десятилетия, когда эти приспособления появились в продаже в московских магазинах; тогда же, в Германии, в сорок пятом году, мы именовали его сугубо по-русски и вполне предметно – пи...мойка, причём отношение к нему было презрительно-неприязненным, если даже не враждебным.

Как во всеуслышание рассказал на прошлой неделе в офицерской столовой инструктор политотдела дивизии капитан Зимарин, в то время как советские женщины без выходных, без продыхов и перекуров по двенадцать-пятнадцать часов вкалывали в поле, на стройках или у станка и даже на лесоповале и могли лишь мечтать о еженедельной бане, при капитализме не только в Германии, но и в других странах Европы богатые женщины вместо того, чтобы где-нибудь работать и создавать материальные ценности, проводили на этих приспособлениях над струями тёплой воды по пять-семь часов в день, попивая при этом кофе с конфетами или вино и почитывая романы. Тяжелейшие нагрузки наших женщин, особенно в годы войны, были общеизвестны и, естественно, это сообщение не могло не вызвать у офицеров возмущения, выраженного в крепких матерных словосочетаниях. Кто-то за моей спиной предложил в знак протеста разбить все эти устройства в домах немцев в районе расположения дивизии; адъютант старший сапёрного батальона

[1] Клиренс (или дорожный просвет) – расстояние от дорожного покрытия до дифференциала автомобиля.

капитан Гордиенко заявил, что в России «женщины подмываются лишь по большим революционным праздникам, но устроено у них всё ничуть не хуже, чем у немок, а вовсе наоборот — лучше»; ещё кто-то громогласно высказал неожиданное убеждение, что струи тёплой воды используются богатыми, зажравшимися иностранками, и прежде всего немками, для «нанизмы», то есть для разврата, и эта догадка вызвала всплеск ещё большего презрения и негодования; и тут сидевший за соседним столом метрах в трёх от меня Гаврилов, забыв о еде, с перекошенным от ненависти лицом и с вилкой, зажатой в руке, вскочил со стула и закричал:

— Всех этих сволочей надо к стенке ставить — без суда! Будь это в моей власти, я бы их всех перестрелял!

Лично у меня отношение к фаянсовой раковине было деловым, утилитарным. За две послевоенные недели Вахтин на немецкие армейские сигареты и ящик трофейной же мясной тушёнки выменял для меня более сотни банок различных немецких домашних компотов, я уже привык есть их только холодными, и потому ни разбивать это приспособление, ни отказываться от его использования для охлаждения мне и в голову не приходило.

Я выбрал банку кисловатого компота из ягод крыжовника, обтёр её полотенцем, открыл и, взяв ложку, уселся в проходной комнате в кресло у окна и погрузился в мечты.

В девять утра в штабе корпуса предстоял строевой смотр, на котором должны были окончательно отобрать участников парада победителей.

Поедая компот, я жмурился и нелепо улыбался, можно сказать, по-дурацки лыбился, и так явственно всё себе вообразил: Красная площадь... стройными колоннами идут победители... строевой *шаг* — все сразу поднимают ноги и с силой ставят их всей ступнёй... всё «тип-топ»: сапоги блестят, пуговицы сверкают, сияют ордена и позвякивают медали... глаза горят... чёткое взаимодействие рук: под правую ногу — левая рука, под левую ногу — правая рука; руки производят свободные движения: вперёд — кистью на высоту пряжки пояса и на расстоянии ладони от пряжки, и назад — до отказа в плечевом суставе — «Молодца!» — и среди них - я. Охватившие волнение и гордость переполняли меня.

Конечно, каждому хотелось бы участвовать в параде, но я понимал, что такое счастье выпадет немногим, поэтому надеялся, нет, в душе даже был уверен, что, включённые в список самим Астапычем, мы с Мишутой будем утверждены и достойно и с честью представим нашу боевую 425-ю стрелковую дивизию на параде в Москве.

* * *

В этот день жизнь раз за разом, непонятно почему, бросала меня на ржавые гвозди. Во время утреннего смотра обходивший строй председатель отборочной комиссии, начальник оперативного отдела штаба корпуса, рослый, плечистый, с большим багровым носом и громоподобным голосом полковник Булыга – я знал его ещё по боям под Житомиром, полтора года назад, когда он был майором, – остановясь передо мной, посмотрел и недовольно воскликнул:

– Шрам на правой щеке!.. Отставить!

– Разрешите доложить, – без промедления вступился подполковник Кичигин. – Один из лучших офицеров соединения. Отобран лично командиром дивизии... Под Бекетовкой в новогоднюю ночь, захватив немецкую машину, вывез из окружения документы штаба и девять тяжелораненых... Спас им жизнь... В том числе подполковнику Северюхину...

– Бекетовку помню, – вглядываясь в моё лицо и вроде подобрев, заметил полковник. – И его будто припоминаю... Знакомая физиономия!..

Мысленно я возрадовался и, преданно глядя полковнику в глаза – мне так хотелось навестить бабушку! – тянулся перед ним на разрыв хребта.

– В августе на Висленском плацдарме... – продолжал Кичигин, но полковник, перебив его, с неожиданной свирепостью вскричал:

– Кар-роче!!!

– Короче... Разрешите... – сбивчиво проговорил Кичигин и неожиданно предложил: – Шрам припудрить можно!

– Ты кому здесь мозги пудришь?!! – после небольшой зловещей паузы возмутился полковник. – Правая щека видна с Мавзолея!!! – зычно и наставительно сообщил он. – Соображать надо!!! И головой, а не жопой!.. Отставить!!! Это победный парад, а не парад ран и увечий...

И тотчас стоявший за его левым плечом маленький щеголеватый капитан сделал какую-то отметку в списке, который он держал перед собой на планшетке...

Из представленных дивизией двенадцати человек забраковали троих, и среди них меня.

Мы возвращались в дивизию в кузове того же самого «студебеккера». Я сидел у заднего борта на самом краю откидной скамейки, рядом со мной – Мишута, за ним – майор Тетерин. Я был огорчён, растерян и ещё не мог спокойно осмыслить произошедшего. В список для участия в параде победителей я был внесён самим команди-

ром дивизии, Астапычем, и потому полагал, что всё окончательно решено, и неожиданный отлуп из-за такой мелочи, как шрам на щеке – немецкий поцелуй, красноватая метина, пятно размером с яйцо, – меня буквально ошеломил. Тетерин никак не мог успокоиться и громко, возбуждённо говорил Мишуте:

– Была война, и мы были нужны! Как пример, как образцы!.. Тогда мы были герои: о нас писали в газетах, славили в листовках. «Стоять насмерть, как лейтенант Тетерин!», – с презрительной усмешкой процитировал он. – А теперь война окончилась, мы никому не нужны и о нас будут ноги вытирать!.. Между прочим, – после небольшой паузы продолжал он, – Наполеон был невысокого роста, но участвовал в парадах и сам их принимал. И никто его не унижал! А мы хлебнули такого, что и в самом кошмарном сне не могло присниться!

– Ничего страшного не произошло, – улыбнулся Мишута. – Подумаешь, большое дело! Проживём и без этого парада.

– Проживём! – неожиданно согласился Тетерин. – Но обидно! Словно в душу насрали! Я Отечку с июня сорок первого года тянул, из-под Минска! У меня одиннадцать ранений! Так вот щенки, захватившие лишь год-полтора наступления, подоспевшие к победе на готовенькое, поедут в Москву, на парад, а мы с тобой, оказывается, ростом не вышли! Когда на плацдарме батарея подбила девятнадцать танков и, трижды раненный, я хрячил у орудий за наводчика, мой рост соответствовал! А теперь – нет!.. У меня, видите ли, шаг нетвёрдый! Да у меня ноги перебитые, и, между прочим, в боях с немцами, а не по пьянке!.. Ты думаешь, тёзка, мне парад нужен?!. У меня мать в больнице, в Можайске, уже полгода с койки не поднимается! Кроме меня, у неё никого нет! Должен я её перед смертью повидать?! Святой долг! А как?! Отпуска запрещены, единственная возможность возникла, меня Астапыч лично в список включил – так я, оказывается, ростом не вышел и ноги у меня перебитые, а одна стала навсегда короче другой!.. Большего я не заслужил!.. Ну, спасибо, ну, уважили, ну, отблагодарили! – с издёвкой восклицал Тетерин, будучи не в силах справиться со своей обидой и возмущением. – Я это до могилы не забуду!

Машина плавно мчалась по неширокой пустынной асфальтовой дороге среди ровно насаженного, безлико-аккуратного немецкого леса. Сидевшие в кузове – два десятка человек – поглядывали в нашу сторону и, несомненно, прислушивались, и мне сделалось неловко от столь откровенных высказываний Тетерина в присутствии младших по званию, в том числе сержантов и рядовых; не понравилось

мне и то, что он при них громогласно называл командира дивизии Астапычем, что мы допускали только в своей офицерской среде.

Спустя некоторое время мне довелось случайно ознакомиться с телефонограммой о выделении офицерского, сержантского и рядового состава для участия в параде в Москве. Там в тексте дословно было сказано: «Выделенный личный состав подобрать преимущественно из молодых возрастов — не старше 30 лет, — наиболее отличившихся в боях, имеющих боевые ордена, с отличной строевой подготовкой, внешне приглядных, ростом не ниже 176 см». Так что всё было правильно, закономерно, и шрам на моей щеке, отмеченный отборочной комиссией как «внешняя неприглядность», должно быть, согласно приказу являлся «препятствующим обстоятельством», но в тот день я этого не знал, не понимал и потому был убеждён, что со мной обошлись несправедливо.

Мне были понятны обида и возмущение майора, понимал я и благодушную улыбчивость Мишуты: он был сирота, выросший в детском доме в Сибири, и единственная его родственница — двоюродная сестра, вышедшая замуж за моряка, проживала во Владивостоке. Мы же с Тетериным оба были из Подмосковья, и поездка на парад была для нас редкостной и, наверно, единственной в ближайшее время возможностью хоть несколько дней побыть дома, — я не был там и не видел бабушку два с половиной года и даже за пару суток сумел бы помочь ей по хозяйству и заготовить дров на зиму. Я ещё утром, по дороге на отборочный смотр, подумал и сообразил, что, если понадобится подвода, я её добуду, приласкав кого-нибудь там, в деревне, трофейными тряпками.

Тетерин по-прежнему выходил из себя, а Мишута продолжал добродушно улыбаться, и тогда майор, не выдержав, зло и в ярости закричал:

— Неужели же ты не понимаешь, что нам в душу насрали?!

...Сводный полк 1-го Белорусского фронта выехал в Москву 29 мая 1945 года и ранним июньским утром тремя эшелонами прибыл на Белорусский вокзал для участия в Параде Победы.

Парад Победы состоялся 24 июня 1945 года. Знамёнщики и ассистенты несли по тридцать шесть Боевых Знамён наиболее отличившихся в боях соединений и частей каждого фронта. Среди участников Парада от 1-го Белорусского фронта было семьдесят семь Героев Советского Союза...

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

23.05.45 г.

О порядке использования военнослужащих начсостава, бывших в плену и окружении противника, а также проживавших на территории, оккупированной врагом

Для строгого руководства командующий войсками фронта ПРИКАЗАЛ объявить директиву Начальника Главного Управления кадров НКО СССР от 30.4–4.5.1944 г. № ГУК (ОМУ) 469835:

1. Бывшие военнослужащие начсостава, находившиеся в плену или окружении противника, а также проживавшие на территории, оккупированной противником, поступающие в войска или в отделы кадров, минуя спецлагеря НКВД, подлежат направлению в последние для проверки согласно приказа НКО № 0521–1941 г.

Часть бывших военнослужащих этой категории, в соответствии с Постановлением ГОКО от 21.1.1943 г., может быть использована на соответствующих офицерских должностях в частях Действующей армии после надлежащей фильтрации их на месте в армейских пересыльных пунктах НКО.

2. Лица начсостава, попавшие в плен по не зависящим от них обстоятельствам (ранения, контузии, экипажи сбитых самолётов и т.д.), после проверки в спецлагерях подлежат направлению через соответствующие военкоматы:

а) от капитана и выше – в распоряжение ГУК НКО;

б) до капитана – в распоряжение отделов кадров;

в) политсостав – согласно указаний ГлавПУРККА.

3. Порядок использования указанных в п. 2 лиц, прибывающих в отделы (отделения) кадров, следующий:

— не вызывающих сомнения — на соответствующих должностях по решению Военных Советов;

— представивших частичные или косвенные доказательства принадлежности к начсоставу, экзаменовать в объёме знаний командира взвода (по программе курсов младших лейтенантов), выдержавшим присваивать звание «младший лейтенант» и назначать на соответствующие должности.

4. Лиц начсостава, не прошедших в своё время по каким-либо причинам по выходе из плена или окружения проверки в спецлагерях НКВД, если они отличились после этого в боях с противником или находились на излечении в госпиталях после выхода из плена или окружения, — в спецлагеря не направлять. Проверку их проводить на месте через органы «Смерш». Вторично на проверку в спецлагеря НКВД не направлять.

5. Использование начсостава, прибывающего из штрафных и штурмовых батальонов после выслуги в них установленного срока (два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения в бою), производить руководствуясь п.3 настоящей директивы.

6. Среди лиц начсостава, прибывающих из штрафных и штурмовых батальонов после краткого в них нахождения и полученного лёгкого ранения, могут быть такие, которые, несмотря на формальное отбытие наказания, по мнению Военного Совета, не достойны назначения на офицерские должности. В таких случаях необходимо ставить вопрос о лишении этих лиц воинских званий, представляя исчерпывающий материал с заключением Военного Совета в ГУК НКО. До получения решения этих лиц содержать в резерве фронта.

...9. В отношении начсостава запаса, находившегося в плену или на территории, оккупированной противником, поступать, руководствуясь приказом НКО № 089–1942 г., а именно:

— не вызывающих сомнений — призывать в кадры Красной Армии на соответствующие офицерские должности по усмотрению Военных Советов фронтов и армий;

— вызывающих сомнения — оставить в запасе и проверять через органы «Смерш», после чего поступать в зависимости от результатов проверки.

10. Директиву ГУК НКО от 8–10 октября 1943 г. — отменить.

Начальник штаба

генерал-полковник Малинин

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

24.05.45 г.

За последнее время стрелковые дивизии получили значительное количество пополнения из числа бывших военнослужащих Красной Армии, освобождённых из немецкого плена. При наличии в полках крепкого боевого ядра пополнение из репатриантов в большинстве своём показало себя в прошедших боях устойчивым, храбрым и достойным звания советских воинов-победителей. Многие из бывших военнопленных удостоены правительственных наград, некоторые — дважды.

Отдельные командиры частей, и особенно подразделений, вместо того, чтобы неустанно вести с этим контингентом политическую работу, настойчиво воспитывать его и делать максимально боеспособным, допускают ненужные и вредные действия, когда людей, бывших в плену у немцев, упрекают, запугивают и смеются над ними, не зная степени вины или невиновности каждого из них, рассматривают всех поголовно как предателей, изменников Родины, «власовцев» и других немецких пособников. Многие из бывших военнопленных даже не пишут домой письма, боясь раскрыть своё местонахождение в связи, очевидно, со своими действиями на оккупированной территории и в плену у немцев, чтобы тем самым не навредить родственникам.

...Разъяснить офицерскому и сержантскому составу, что бывшие военнопленные — это наши русские люди и что Родина знает об их прошлом, доверяет им оружие и верит, что они будут честно и добросовестно служить в рядах Красной Армии.

Для установления же степени вины или невиновности того или иного бывшего военнопленного имеются специальные органы, и только они могут и должны решать эти вопросы.

Генерал-полковник Смирнов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

25.05.45 г.

Начальнику политотдела 136 ск

20 мая дивизия получила пополнение в количестве 1500 человек, главным образом из числа освобождённых наших военнопленных 1941–43 гг., из них 42, попавших в плен в 1945 г. По национальному

составу: 80% – русские, остальные – украинцы, белорусы и др. Всё пополнение прибыло не обмундированным. Кроме 150 человек, пополнение не приведено к военной присяге.

Ввиду того, что дивизия граничит с войсками союзников, все эти люди с частей отозваны, сведены в один запасный полк, где занимаются учёбой. Большинство бойцов пополнения хотят служить в армии, честно и беспрекословно выполняют приказы командиров.

Типичное настроение среди бывших военнопленных – беспокойство за свою судьбу: что с ними будет?

Политработниками проводится большая разъяснительная и воспитательная работа среди этого контингента военнослужащих.

Органы «Смерш» дивизии осуществляют проверку всех прибывших, при этом среди прошедших предварительную фильтрацию ими выявлены бессомненные предатели – это изменники Родины, добровольно служившие во «власовской» армии, состоявшие полицейскими у немцев или бывшие у них пособниками в немецких лагерях. Сами красноармейцы пополнения активно помогают органам «Смерш» выявлять предателей и изменников среди тех, кто отрицал свою вину перед Родиной, объясняя своё пленение контузией, ранением, обстоятельствами. Некоторые из них взяты на учёт и ведётся наблюдение.

Однако, есть военнослужащие, которые всячески хотят скрыть своё «тёмное прошлое»: боясь разоблачения, они в первые дни пребывания в полку предпринимают попытки дезертировать или дезертируют, надеясь таким образом избежать выяснения своей преступной деятельности на службе у немцев.

Так, рядовые Ткачук и Коротких, договорившись между собой и не желая служить в рядах Красной Армии, в гражданской одежде перешли демаркационную линию, но были задержаны погранпостом и переданы органам «Смерш»: оба были в плену в Германии до апреля 1945 г. и прибыли в полк всего несколько дней, назад 19 мая с.г.

В ночь с 22 на 23 мая 1945 г. рядовые Манчевский и Таран также пытались перебежать к союзникам, но были своевременно задержаны. Оба они были в плену и жили в Бельгии. Манчевский и Таран переданы органам «Смерш».

Рядовой Резничук был послан на пост вместе с рядовым Борщом. В 16.00 при проверке поста начальником караула Резничука на посту не оказалось. Красноармеец Борщ доложил, что Резничук ушел оправляться за проволоку в кустарник и его нет уже 30 минут. Немедленно были организованы поиски, которые результатов не

дали. Есть предположение, что Резничук дезертировал. По делу ведётся следствие.

Сержант Свитницкий (поляк) под предлогом болезни ушёл в санроту и в часть больше не вернулся. Поиски Свитницкого результатов не дали, есть предположение, что он дезертировал.

Кроме того, в этом же полку имел место случай невыполнения приказа: рядовой Овчаренко И.А. категорически отказался взять оружие, заявляя, что он баптист. Овчаренко передан органам «Смерш».

На вечерней поверке не оказалось красноармейцев Обухова Н.М., Чеха И.А., Матьяшева И.Х., которые находились на «карантине» (из числа вновь прибывших для прохождения службы).

Все сбежавшие были в гражданской одежде, не обмундированные. Принятые меры розыска положительных результатов не дали, розыск продолжается. По делу ведётся следствие.

Сообщаю соцдемографические данные:

Обухов Николай Михайлович – 1921 г. рожд., русский, б/п, был в плену в Германии с 30 июля 1941 г. по 15 апреля 1945 г.

Чех Иван Александрович, 1922 г. рожд., б/п, украинец, в плену в Германии находился с июня 1941 г. по 21 апреля 1945 г.

Матьяшев Илья Христофорович – 1926 г. рожд., б/п, украинец, находился в плену в Германии с 11 июля 1942 г. по 4 апреля 1945 г.

Во время передислокации штадива из населённого пункта Бергвиц дезертировал рядовой Работнеев Антроп Матвеевич, 1921 г. рожд., образование 2 класса, б/п, бурят по национальности, уроженец и житель Иркутской области, ст. Зима, д. Бахан, находился в немецком плену с 1942 г., прибыл в запасный полк со сборно-пересыльного пункта 61 армии 20.05 с.г. При первичном опросе он отказался сообщить писарю роты свои полные соцдемографические данные. Со слов бойцов, Работнеев проявлял странности: отличался замкнутостью, в разговор вступал редко, во время разговора вёл себя возбуждённо, не реагировал на шутки, неоднократно повторял, что его, как бывшего «власовца», должны обязательно расстрелять. При погрузке роты на машины Работнеев вначале хитро спрятался, а затем сбежал и скрылся в лесу. Задержать его не удалось.

В ночь с 23 на 24 мая с.г. в районе населённых пунктов Хейльштетте и Штабельберг перешли через демаркационную линию на сторону английских войск и изменили Родине бойцы запасного батальона дивизии Носков В.П., Летучий Н.М., Ковальчук А.Т., Привалов А.Н.

На удалении 5–6 км от демаркационной линии все перебежчики были задержаны английскими патрулями и доставлены на ан-

глийский пограничный пост. Во время следования на английскую заставу один из задержанных – Привалов А.Н. – бежал и скрылся. Остальные изменники Родины – Носков, Ковальчук, Летучий – были переданы начальнику заставы № 1 ... стрелкового полка.

На предварительном следствии задержанные перебежчики показали, что, находясь в запасном батальоне, они боялись ответственности перед Родиной за своё пребывание в плену в Германии, поэтому бежали, имея целью передаться англичанам.

Красноармеец Носков Владимир Петрович, 1923 г. рожд., русский, б/п, образование 10 классов, находился в плену с августа 1941 г. по апрель 1945 г., на допросе показал: «Мы дезертировали из батальона все вместе. Инициатором этого был красноармеец Привалов, который несколько дней убеждал: «Нас упрекают, что мы изменники Родины. Чтобы избежать этих упрёков, давайте уйдём из части, перейдём через демаркационную линию на сторону союзников, устроимся там работать, будем жить спокойно».

Красноармеец Ковальчук Александр Терентьевич, 1920 г. рожд., украинец, б/п, образование 5 классов, находился в плену в Германии с октября 1941 г. по май 1945 г. О причине, побудившей его изменить Родине, заявил: «Нас, бывших в немецком плену, военнослужащие называют изменниками Родины, «бендеровцами», и пугают тем, что, когда мы возвратимся в Советский Союз, с нами органы власти будут расправляться по всей строгости. В силу этого, чтобы уйти от наказания, я и решил сбежать к англичанам».

Красноармеец Летучий Николай Михайлович, 1926 г. рожд., украинец, б/п, образование 3 класса, с ноября 1942 г. по апрель 1945 г. находился на работах в Германии, показал: «Ответственность за удачный переход через демаркационную линию взял на себя Привалов, убедив, что он хорошо знает этот участок, потому что ранее нёс охрану границы, когда служил в ... стр. полку. Я пошёл со всеми за компанию, потому что не хотел служить в Красной Армии и надеялся устроиться на хорошую работу».

Все вышеуказанные изменники Родины отделом контрразведки «Смерш» арестованы. Ведётся следствие.

Факты дезертирства среди бывших военнопленных, повторно призванных в Красную Армию, говорят о том, что прибывшее пополнение из пересыльных пунктов и фильтрационных лагерей офицерский состав ОКР «Смерш» там изучает плохо и недостаточно проводит проверку этих лиц.

Полковник Фролов

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

Несмотря на моё приказание от 23 мая с.г. «Об отношении к военнослужащим Красной Армии, освобождённым из немецкого плена», в отдельных частях и соединениях по-прежнему бытуют факты издевательского и враждебного к ним отношения, что создаёт у бывших военнопленных неуверенность в своём будущем.

В результате запугивания, угроз, систематических насмешек и травли некоторые из бывших военнопленных, призванных вновь в ряды Красной Армии, психологически не выдерживают, дезертируют или кончают жизнь самоубийством.

Эти позорные факты приводят к снижению боеспособности армии и не достойны звания советского воина-победителя.

В целях решительного пресечения подобных недопустимых явлений

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всем политработникам усилить политическую, воспитательную и разъяснительную работу среди командиров и военнослужащих полков, батальонов, рот и взводов.

2. На комсомольских и партийных собраниях обсудить факты жестокого и безобразного отношения к бывшим военнопленным.

3. О всех случаях неправильного враждебного отношения к бывшим военнопленным немедленно докладывать в штаб армии.

О принятых мерах по выполнению настоящего приказания донести к 5.06.45 г.

Генерал-полковник Смирнов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

В дополнение к моему донесению от 25.05.45 г. сообщаю приговор Военного трибунала 425 сд по делу красноармеецев Носкова В.П., Ковальчука А.Т., Летучего Н.М., которые по договорённости между собой в целях изменить Родине дезертировали из части и перешли через демаркационную линию на сторону английских войск.

Военный трибунал дивизии в закрытом судебном заседании

ПРИГОВОРИЛ:

Носкова Владимира Петровича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

Красноармейцев Ковальчука Андрея Терентьевича и Летучего Николая Михайловича – лишить свободы на десять лет каждого с отбыванием срока в ИТЛ и поражением в правах на 5 лет.

Для предотвращения подобных случаев – дезертирство и тягчайшее преступление: измена Родине, – приговор через политаппарат частей и подразделений доведён до всего личного состава.

Полковник Фролов

* * *

На окраине Грабова занимались строевой подготовкой бойцы. Они с песней маршировали в парке, метрах в ста от дома, где я находился, и оттуда отчётливо доносились слова бодрой строевой песни:

Чекисты мы, нам партия доверила
Всегда беречь родной советский дом.
Вперёд за Сталиным ведёт нас Берия,
Мы к зорям будущим уверенно идём!

Они появились в городке дней десять назад и назывались оперативной или маневренной группой НКВД. В названии «маневренная» было поначалу что-то непонятное, необъяснимое – собственно, для каких маневров их прислали в Германию через неделю после окончания войны?

Несколько офицеров и десятки солдат в аккуратном, с белоснежными подворотничками, всегда наглаженном обмундировании, в форменных фуражках с синими околышами и новеньких яловых сапогах, они – даже рядовые – были одеты лучше младших офицеров в стрелковых полках. Когда я видел их на улицах, то всякий раз своими отменным обмундированием, рослыми фигурами и выражавшими особое достоинство и превосходство непроницаемыми лицами, они напоминали мне о патруле войск НКВД, задержавшем меня в морозной Москве при возвращении из госпиталя в конце декабря прошлого года.

И в памяти всплыли заснеженные переулки в районе площади Пушкина, наледи на тротуарах, замёрзшие окна старых, с облупившимися фасадами домов, и как меня, словно дезертира или бандита, вели двое с самозарядными винтовками СВТ наперевес, и острый клинковый штык, казалось, касался моей поясницы, а у третьего – старшего лейтенанта – на всякий случай была расстёгнута перетя-

нутая на живот кобура с пистолетом, и я шёл, опустив глаза, чтобы не встречаться взглядом с редкими прохожими — за кого они меня принимали и что обо мне могли подумать?

И как меня шмонали в районной комендатуре, не обыскивали, но заставили вынуть всё из карманов и вывернуть их, и вытряхнуть всё из вещмешка на стол, и как затем приказали раздеться догола и настороженно рассматривали шрамы на груди, на животе и ногах, и как осматривали и даже прощупывали шинель, ватник с одним рукавом, гимнастёрку, шаровары, кирзовые сапоги... В памяти всплыло (навсегда запечатлелось, сохранилось) оскорбительное, пятимесячной давности, унижение офицера, возвращавшегося после тяжёлого ранения из тылового госпиталя в Действующую армию...

Из разговоров офицеров я знал, что в отношениях с опергруппой сразу возникли сложности, и на второй или третий день после их прибытия в городок произошёл инцидент: майор, начальник оперативной группы, не поприветствовал коменданта города подполковника Хусаинова, и в ответ на замечание заявил, что по должности он приравнивается к полковнику, армейскому же командованию вообще не подчиняется и в доказательство предъявил какое-то специальное удостоверение.

По рассказам очевидцев, двух офицеров дивизии, начальник опергруппы и Хусаинов прямо на площади в присутствии младших по званиям и цивильных немцев орали друг на друга, причём майор, будучи выпивши, кричал Хусаинову: «Это тебе не татаро-монгольское иго!», прилюдно материл и даже угрожал превратить его не то в лагерную пыль, не то в лагерный порошок. Хусаинов в ярости хотел якобы пристрелить майора, но удержался.

Подполковник Хусаинов немедля написал рапорт Астапычу, но, поскольку опергруппа, как выяснилось, командиру дивизии действительно не подчинялась, рапорт был отправлен командующему и в Военный Совет армии. Перед этим, как и положено, о безобразном поведении майора Астапыч доложил командиру корпуса.

По поводу этого скандального инцидента среди офицеров было немало разговоров. Хусаинова, выросшего за три года боёв от командира роты до командира полка, в дивизии хорошо знали и любили. Офицеры были оскорблены, и никто не сомневался, что у генерал-полковника и Военного Совета армии достанет власти, чтобы поставить на место и примерно наказать зарвавшегося оперативника.

В тот же вечер за ужином Арнаутов, припоминая, сказал мне:

— Русское офицерство жандармов, независимо от чина, всегда приравнивало к доносчикам и физически их не переносило. Не только в кавалерии, но и в пехоте! Мы их так презирали, что руки им никогда не подавали! Но чтобы жандарм не поприветствовал старшего по званию армейского офицера — такого не припомню!.. А теперь — до чего же обнаглели! Или действительно власть им такая дана?.. Стрелять его не надо, — разумея начальника опергруппы, заметил Арнаутов после короткой паузы, — но морду набить с воспитательной целью, там же, на месте, да так, чтобы мама родная не узнала — не помешало бы!.. А коль Хусаинов не набил, пусть теперь командующий ввалит майору на всю катушку!..

Задетые за живое, два дня мы жили в ожидании решения генерал-полковника и гадали, как будет наказан майор, и пророчили ему самые суровые кары, а затем были, без преувеличения, ошеломлены: из штаба армии поступило директивное указание — с опергруппой НКВД «не связываться» и ни в коем случае не конфликтовать.

Меня об этом в срочном порядке предупредил Фролов, а я, в свою очередь, — командиров взводов и отделений в роте. После этого, проезжая по городу на мотоцикле и сбрасывая скорость у перекрёстков, я, завидя синие фуражки, смотрел прямо перед собой на проезжую часть, чтобы не оказаться униженным неприветствием младших по званию.

— Так обуздывают власти необузданные страсти! — с усмешкой сказал мне Арнаутов. — Такое ощущение, будто нам всем, а Хусаинову в первую очередь, в рожу плюнули!.. И утереться не дают. Ходи оплёванный!..

Как потом с удивлением сообщил Фролов, в поступившем из штаба армии распоряжении не было ни слова о непотребном безобразном поведении начальника опергруппы — он там вообще не упоминался.

Майор Булаховский — как прокурор дивизии он знал несравненно больше не только строевых, но и штабных офицеров — объяснил, что майор, начальник опергруппы, разумеется, к полковнику не приравнивается, но что, мол, возглавляет все оперативные группы на территории Германии заместитель Наркома внутренних дел товарища Берии, его любимец и протеже, особо к нему приближённый комиссар государственной безопасности по фамилии Серов, и потому даже командующий армией не хочет неприятностей. Очевидно, от Булаховского же стало известно, что Серов имеет высшие полководческие и боевые награды, в том числе и звание Герой Советского Союза за выселение гражданского населения с Кавказа, из Крыма

и даже из Польши, отчего среди офицеров возникло обоснованное предположение, что всех немцев – как они подозревают и боятся – будут переселять в Сибирь. Должно быть, для таких маневров и прибыла сюда по окончании военных действий опергруппа НКВД.

Когда при мне дней пять назад произнесли фамилию «Серов», я сразу вспомнил, что слышал её не раз до войны от своего дяшки Круподёрова, называвшего Серова запросто, по-свойски, Иваном или «Серым».

Поступившее из штаба армии указание задело достоинство офицеров и прежде всего ветеранов дивизии. Было оскорбительно, что какой-то тыловой оперативник, майор, имевший какую-то бумагу, подписанную Серовым, был поставлен выше подполковника-фронтовика и мог безнаказанно оскорблять лучшего в дивизии полкового командира. Было обидно и оскорбительно, что прибывшие из глубокого тыла «серовцы» – так их прозвали в дивизии – были как бы поставлены выше нас, воинов-победителей прославленного соединения, награждённого пятью боевыми орденами.

Впрочем, «серовцы» не теряли времени даром. В прошлое воскресенье в полдень ими был арестован немец-подросток, который шёл по городу и нёс на груди картонку, на которой было написано по-немецки: «Хоть я и босяк, но я верю в Гитлера». К вечеру опергруппой были арестованы около двадцати его приятелей и знакомых в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет, а через два дня стало известно (начальник опергруппы поставил в известность командование), что немец, именовавший себя босяком, является руководителем тайной разветвлённой террористической организации «Вервольф», а остальные арестованные – её членами, и все они ставили своей целью не менее, как убийство товарища Сталина.

Ещё до вступления на территорию Германии нас всё время предупреждали о необходимости ежеминутной чрезвычайной бдительности, о вездесущем вражеском подполье, было немало указаний и ориентировок об отравлении колодцев и продуктов питания в домах и на складах, о диверсиях и террористических актах, дважды сообщалось о приговорах Военных трибуналов, осудивших к расстрелу немок, умышленно, по заданию, заражавших наших военнослужащих гонореей и даже сифилисом. Нас так дрочили бдительностью, что за каждым углом мерещились враги, и, если при размещении в деревне или в поле в темноте раздавался шорох, поднималась такая стрельба, как в бою.

То, что миллионы немцев будут переселять в Сибирь, тогда, летом сорок пятого года, мне представлялось естественным и вполне логичным.

Однако с организованным подпольем мы не встретились ни разу, и здесь, в Грабове, за две с лишним недели ничего не было, но стоило появиться опергруппе НКВД, и сразу тайное стало явным. В связи с выявлением и арестом террористической группы «Вервольф» среди офицеров возникло немало разговоров и вопросов. Неясно было, например, почему столь ответственное задание было возложено на подростков, и, если организация была тайная, как уверяли, тщательно законспирированная, почему её руководитель средь бела дня шёл по центру города с плакатом, за который не могли не посадить.

Сомнения высказывал позавчера в офицерской столовой сидевший со мной за одним столиком старший лейтенант Васька Дудков, командир роты из сапёрного батальона, я его знал ещё по боям на Висле.

Услышав разговор, к нам подошёл закончивший обед начальник штаба батальона капитан Нелюбин. Он остановился около нашего столика и, ковыряя спичкой – прочищал щели между зубами, – вдруг строго сказал:

– Ты что, Дудков, проповедуешь?! Есть установка на бдительность! Предельную! – подчеркнул Нелюбин. – А ты Федотова с панталыку сбиваешь! Мозги ему пудришь!

– Так странно всё это, товарищ капитан, – покраснев и торопливо прожёвывая, сказал Дудков и поднялся из-за стола. – Если эта организация такая тайная, зачем же её главарь демонстрирует с плакатом по городу?

– Молчать!!! – возмущённо закричал Нелюбин и с силой бросил спичку так, что, отскочив от стола, она попала Дудкову в стакан с компотом. – Ты что хочешь сказать, что у немцев нет подполья? Нет диверсантов и террористов? Или что «Вервольф» – это выдумки?.. Услышу ещё раз – доложу комбату и замполиту! И тебя, разгильдяя, так за мошонку прихватят, что завоешь!

Получившее немалую огласку оскорбление Хусаинова не могло быть оставленным без последствий и, поскольку командующий и Военный Совет армии сделать это по политесным соображениям не смогли или не решились, отмщение стало делом чести офицеров – ротных и взводных командиров нашего стрелкового полка.

На исходе следующих суток, примерно около полуночи, почти одновременно в разных концах города внезапным нападением были обезоружены три патруля НКВД: было отобрано шесть автоматов и три пистолета, причём лейтенант, старшина и сержант, попытавшиеся оказать сопротивление, были жестоко избиты, у всех были отобраны не только удостоверения личности, но и партийные билеты. На другой день майор немедля поехал в Берлин якобы к самому Серову.

Спустя десятилетия я узнал доподлинно, что Иван Александрович Серов, прозванный за свою деятельность «Иваном Грозным», действительно в тридцать девятом году руководил арестом и выселением сотен тысяч людей из западных областей Украины и Белоруссии, в сороковом году возглавлял выселение литовцев, эстонцев и латышей из Прибалтики, в сорок первом — арестовал и переселил республику немцев Поволжья, потом, во время войны, под его единовластным начальством также полностью были арестованы и высланы некоторые народы Кавказа и крымские татары, а затем депортированы в тайгу и западные украинцы, поляки, прибалты, молдаване... В течение одиннадцати лет он действительно был главноначальствующим по массовым арестам и выселению целых народностей и народов, за что и впрямь был удостоен звания Герой Советского Союза и высших боевых и полководческих орденов.

Как выяснилось впоследствии, более миллиона человек из переселённых комиссаром государственной безопасности Серовым в тайгу и среднеазиатские пустыни, погибли, однако он отделался лёгким испугом и, спустя четыре десятилетия после войны, жил в том же правительственном, печально известном доме на набережной, выращивал клубнику и цветы на государственной даче. Его, без преувеличения, самого чудовищного после Ежова и Берии палача, даже не судили...

Судьба или жизнь щёлкнула меня утром на отборочном строевом смотре по носу, и весьма чувствительно. Всё было правильно и закономерно: война, сохранив жизнь, многих изувечила и обезобразила — так что же было им таким делать на параде победителей?

Но и в страшном сне я не мог предположить, что за такую мелочь, ерунду — всего-то еле заметный шрам на правой щеке — меня безоговорочно отбракуют и выкинут из списка участников и лишат мечты пройти в парадном строю победителей мимо Мавзолея.

Я впервые ощутил себя не боевым офицером, а пошлым неудачником, кандидатом на штатские шмотки.

В безрадостном, горестном, отчаянном раздумье я столкнулся с Володькой у штаба дивизии. Как и Мишута, он не увидел в случившемся никакой трагедии, что я расценил про себя как чёрствость и неумение почувствовать чужую боль.

Я с горечью высказал ему свою обиду:

— У фельдмаршала Кутузова не было глаза, а у адмирала Нельсона — глаза да ещё руки, но они оставались в строю, служили, принимали парады, и никто их не стыдился... У меня же всего-навсего осколком срезана полоска кожи на правой щеке... и вот... оказывается, только из-за этого рожей не подошёл для парада.

— Ну зачем же сравнивать задницу с апельсином? — обнимая меня за плечи, с весёлым дружеским добродушием сказал Володька; я сразу почувствовал, что у него отличное, приподнятое настроение. — Ты ещё не фельдмаршал и даже не адмирал. И никто тебя не стыдится! Дался тебе этот парад! Я вот не еду, и Мишка не едет, и хоть бы хны — мимо сада с песнями! Ты бы лучше подумал о сегодняшнем вечере... По секрету, сугубо между нами, — доверительно сообщил он, — Аделине исполняется двадцать пять, это круглая дата, и отметить надо достойно. Товарищеская выручка и взаимопомощь хороши не только в бою. Подготовь продукты и не скупись, я заберу их после трёх.

— Вахтин принесёт тебе в номер. А сколько будет гостей?

— Человек десять. Но ты дай с запасом — на пятнадцать! Сбор к девятнадцати часам.

То, что он не просил, а требовал, диктовал безапелляционным приказным тоном, мне, разумеется, не понравилось, но я промолчал. Я не держал зла или обиды за ночной розыгрыш и делал вид, будто вообще ничего не было, но вместо того, чтобы меня хоть словом как-то утешить или подбодрить в связи с утренним столь неприятным отлупом на отборочном смотре в штабе корпуса, он, пусть без злого умысла и добродушно, как бы невзначай невольно приравнял меня к заднице — совершенно ясно, что с апельсинами отождествлялись Кутузов и Нельсон, — чем я был задет и соображал, как ему ответить.

— А это её любимые пластинки, — невозмутимо продолжал он, вынув из кармана гимнастёрки и протягивая мне сложенную вчетверо бумажку. — Хотелось бы, Василий, ещё раз убедиться, что я тебе друг, а не портянка... Даже если придётся оторвать от собственной печени — оторви! Когда ты увидишь Натали, ты поймёшь, что это — подарок судьбы, и если бы не Аделина, никакого подарка и не было бы!..

Я не успел развернуть бумажку и прочесть, что там написано, — сверху послышалось: «Федотов, зайди!» Вскинув голову, я увидел в распахнутом окне второго этажа здания штаба полковника Кириллова с папиросой в руке и в следующее мгновение, одёргивая гимнастёрку, уже бежал к крыльцу.

Я пробыл у полковника недолго: он вручил мне три машинописные страницы с десятками вопросов и приказал по этой шаблонке готовить отчёт: «Обобщение опыта действий разведроты за три года участия дивизии в войне», причём велел сесть здесь, в штабе, и заняться этим сегодня же, как он сказал, «сейчас же».

— Разрешите завтра, с утра? — вытягиваясь перед ним по стойке «смирно» и весь внутренне сжимаясь, попросил я: отказаться от участия в праздновании дня рождения Аделины и, главное, от знакомства с Натали, особенно после утренней неприятности, было крайне огорчительно.

Полковник с обычной своей настороженностью внимательно посмотрел на меня, словно пытаясь определить причину моей просьбы и нет ли тут подвоха, и я уже подумал, что откажет, но он согласился:

— Разрешаю.

Обрадованный разрешением полковника Кириллова перенести работу над отчётом на следующий день, я вышел из его кабинета

и поспешил в конец длинного светлого коридора, чтобы встретиться и поговорить с Кокой. Справа тянулись представительные тёмно-коричневые двери кабинетов с исполненными каллиграфическим писарским почерком аккуратными табличками, слева – большие широкие окна, часть из них была открыта, и оттого в коридоре приятно тянуло прохладой. Условным стуком я трижды ударил костяшками пальцев в самую последнюю, обитую металлом дверь с броской категорической надписью красной масляной краской: «Посторонним вход воспрещён!» Спустя полминуты маленькое глухое окошечко в ней приотворилось, затем щёлкнул замок, и Кока, выйдя ко мне, сразу же – по инструкции – захлопнул за собой дверь. Он был по обыкновению в синих нарукавниках.

Николай Пушков – Кока – был на полтора года старше меня. Высокий, красивый, подтянутый, с прекрасными серыми глазами и длинными ресницами, с волевым подбородком, румяный, несмотря на почти ежедневное многочасовое сидение в закрытом помещении.

– В Москву едешь? – облегчённо потягиваясь и, должно быть, радуясь передыху, прежде всего спросил он.

– Нет.

– Жаль, – вытаскивая пачку дешёвых немецких сигарет, сказал Кока. – Хотел матери варенья с тобой послать и бате пару бутылок, а ты...

Он даже не поинтересовался, почему я не еду на парад победителей в Москву. Став у открытого окна, закурил и, глядя вдаль, поверх высоких раскидистых кустов уже отцветающей сирени и жасмина, огорчённо добавил:

– Погодка шепчет: бери расчёт! А я дежурю... Самое обидное – не за себя, за начальство! Такова жизнь и, как говорят реалисты, выше яиц не прыгнешь! Ну, ладно... Не будем усложнять, – он выпустил дым и с приветливой улыбкой посмотрел на меня. – Что волнует твой организм? Чем могу быть полезен?

– Я хотел попросить у тебя на вечер... фуражку... – нерешительно проговорил я. – До утра...

– Компот, ты прелесть! – весело воскликнул Кока. – Очей очарованье, – уточнил он. – А я-то подумал, что ты попросишь у меня живого Гитлера! Или Геббельса... Бери не только до утра, но хоть на неделю!

Отомкнув ключом обитую металлом дверь и напевая вполголоса песенку из фильма «Джордж из Динки-джаза» – «Но, верный своему папаше, я женский род всем сердцем презирал...», – он скрылся

в своём сверхсекретном кабинете и спустя, наверно, минуту вышел ко мне с фуражкой и коробкой папирос «Казбек».

Мы обменялись с ним головными уборами, он небрежно надел мою пилотку, затем приладил её на голове и, улыбаясь, заметил:

— А она мне велика... Мозгов у тебя, очевидно, больше... Что ж, желаю повеселиться!.. Меня Володька тоже приглашал, и тёлку там для меня уже приготовили, но приходится дежурить... Эх, оттолкнуться бы, но такова жизнь! А я бы с удовольствием составил вам компанию. Мне и без фуражки женщины ещё отпускают и не отказывают, даже в пилотке! — пояснил он. — А как у тебя, маячит?

Конечно, последней фразы он мог бы и не произносить: я в этом не сомневался. Было в сказанном что-то обидное, но я так был поглощён предстоящим вечером, жил ощущением чего-то радостного, что это меня ничуть не задело.

Он приятно грассировал. Втайне я не мог ему не завидовать: его внешности, обаянию и приветливости, умению легко и просто строить отношения с людьми и всем нравиться, и эта лёгкость, с какой у него всегда всё получалось, изумляла меня. Не без грусти я подумал о своей деревенской неотёсанности.

— Я тебя люблю, Компот, — продолжал Кока, — и как другу хочу вручить «Казбек». Для представительности, для фасона. Пусти им там для понта пыль в глаза!

Он достал роскошную никелированную зажигалку, открыл коробку папирос, посмотрел и протянул их мне:

— Здесь пять папирос. Три можешь израсходовать, а две вернёшь вместе с коробкой. Подыми там для фасона, для понта! Как старший офицер.

«Казбек» по табачному довольствию получали только командиры полков и командование дивизии, откуда взялась эта коробка у Коки, я не представлял, но был тронут его заботой и вниманием и, поблагодарив, осторожно опустил коробку в карман.

Меж тем, став серьёзным и снова задумчиво глядя вдаль, где по шоссе изредка тарахтели одиночные машины, он спросил:

— Как ты думаешь, Компот, какие проблемы встают перед страной и всем прогрессивным человечеством после окончания войны? Генеральная линия партии тебе ясна?

Не представляя, что подразумевается под генеральной линией партии, что он конкретно имеет в виду, я нелепо улыбался.

— Восстановление разрушенных городов... и всего народного хозяйства... — припоминая газетные статьи последних недель, ответил я. — Забота о вдовах и сиротах...

– Это верно. Ты, как всегда, подкован на все четыре копыта! – похвалил он меня. – Но всё же сегодня проблема номер один – изголодавшиеся женщины! Нехватка мужчин лишила их разума, а насытить всех невозможно! Последствия этой всемирной диспропорции поистине непредсказуемы! – озабоченно заметил он.

Я сосредоточенно повторил про себя сказанное им, стараясь запомнить и осмыслить. Я впервые слышал о проблеме с изголодавшимися женщинами, я о ней даже не подозревал и от неосведомлённости в который уж раз ощутил некоторую неполноценность. Как шифровальщик, Кока всегда знал больше не только строевых, но и штабных офицеров, я верил ему всецело. Я знал, что такое «дислокация» и даже «диспозиция» – любимое слово преподавателя в училище подполковника Горохова, но что означает слово «диспропорция» – надо было уточнить, выяснить. Ожидая, что ещё он скажет, я смотрел на него, готовый запомнить и понять, уразуметь каждую его мысль.

Он отнёсся ко мне по-дружески. Я его не просил, он сам дал мне папиросы и зажигалку, и сейчас я ждал от него ещё напутственного слова, и он, очевидно, интуитивно это понял.

– Офицер-победитель должен быть готов ... всё, что шевелится! – наставительно сообщил он, употребив крепкий, означающий весьма энергичные действия русский глагол и, оборотясь ко мне, с улыбкой протянул руку: – И помни: как только – так сразу, – строго предупредил он. – Да поможет тебе фуражка! Желаю успеха! Давай!

Через открытое окно послышались голоса и топот ног. Перегнувшись через подоконник, мы посмотрели во двор. Метрах в двухстах вправо, за геометрически ровными газонами тёмно-зелёной травы и посадками высоких раскидистых кустов уже отцветающей сирени на военном учебном плацу, залитом по-летнему жарким солнцем, маршировали поодиночке и группами в пять-восемь человек солдаты: оттуда доносились крики команд сержантов, пересыпаемые матерными руководительными словечками. Глядя на них, Кока сказал:

– Особое пополнение... Володька их презирает и ненавидит... И у меня к ним должна быть только бдительность. А мне их жаль!

Его красивое лицо выражало огорчение и, пожалуй, виноватость: мол, видишь, я обязан относиться к ним плохо, с бдительностью и неприязнью, а у меня не получается.

Я всегда гордился тем, что был безупречный, чистый «как стёклышко», с хорошей биографией, как писалось в анкете: «не привле-

кался», «не состоял», «не проживал», «не был», «не исключался», но ко всем этим людям — они именовались «контингент» — в глубине души тоже испытывал жалость или сочувствие. Проведя без малого три года в действующей армии, я знал, сколь зыбка и скоротечна жизнь на передовой и не только у рядовых и сержантов, но и у офицеров, и как легко и неожиданно, по стечению обстоятельств или по непредсказуемой элементарной случайности, можно оказаться в плену у немцев. Обожаемый мной капитан Арнаутов никогда не выказывал в разговорах ни жёсткости, ни осуждения, ни тем более презрения к бывшим военнопленным. Он говорил:

— Не надо забывать, что в начале войны и почти до середины сорок третьего года обстановка на фронтах была не просто сложной, а подчас критической. Воюй до конца, до смерти — в этом оказалась наша сила, но всякому несомненно хотелось жить... В конце концов, у каждого своя судьба, и никто не виноват в том, что оказался в плену. Но презирать и ненавидеть за это, если только добровольно не сдался немцам, нельзя. Многих из них пожалеть надо, они свою горькую чашу выпили до дна, и не раз, думаю, сожалели, что не были убиты.

Я ещё раз убедился, что жалость и доброта — самые характерные и сильные свойства русской души, и не надо стыдиться их проявлять. Правда, время показало, что для многих из них пребывание в плену было не последним дном, а лишь донышком тех бед, мытарства, горя и несчастий, которые им и их семьям предстояло вынести.

Но Володька был убеждён, что никаких оправдывающих пленение обстоятельств не существует, это придумывают сами трусы и предатели. Плен означает капитуляцию, а какое имеет право офицер сдаваться в плен, когда рядом гибнут его товарищи? Услышав, как вечером после поверки бывшие военнопленные пели: «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело», он с нескрываемым презрением сказал:

— Просидели всю войну в плену, а теперь горланят, как ни в чём не бывало. Надо ещё хорошенько выяснить, как кто в плен попал и достойны ли они того, чтобы служить в Красной Армии, однажды они её уже предали, и ни сочувствовать, ни доверять им я не могу.

Всё, что относилось к армии и к офицерской чести, было для Володьки свято.

Выдохнув папиросный дымок и задумчиво глядя в сторону плаца, Кока продолжал:

— Знаешь, Компот, мы должны радоваться, трижды Богу молиться, что война окончена, а мы остались живы и даже в плену не по-

бывали. А представь себе, что мы бы топали сейчас в ботиночках с обмотками, как рядовые, и отделенные сержанты и те же рядовые гоняли бы нас на жаре как бобиков и материли, и оскорбляли... И хоть ты попал в плен раненым или даже без сознания – никому и ничего не докажешь! И все твои письма и рапорты – как о стенку горох! Ведь там и офицеры есть, которые воевали, некоторые и награды имели, но признаны недостойными для восстановления... Или Москва не подтверждает присвоение офицерского звания, так тоже случается... – в невесёлой задумчивости говорил Кока. – У меня-то меньше шансов было в плену оказаться, а у тебя их хватало.

Он был прав, заметил верно и справедливо: у шифровальщика штаба дивизии было несравненно меньше шансов оказаться в плену у немцев, чем у младшего пехотного офицера, круглосуточно находившегося на передовой не только в наступлении, но и в обороне. За четыре месяца боёв в Германии в дивизии пропало без вести десятка три офицеров, некоторые наверняка были пленены немцами, трупы двоих, изуродованные, с выколотыми глазами и следами пыток, я видел в захваченном Оберсдорфе.

Я, конечно, знал о положении наших военнослужащих, о том, что освобождённых из плена на территории Германии призывали в армию через полевые военкоматы, созданные при армейских запасных полках, рассредоточивая в ротах по взводам и отделениям. В приказах с одним и двумя нулями для офицерского состава их именовали «особым пополнением», или сокращённо «ОП», причём запрещалось посылать их в подразделения связи и разведывательные, отчего у меня в роте не было ни одного бывшего военнопленного и я с ними непосредственно не сталкивался. В приказах офицерам предлагалось круглосуточно присматривать за этими людьми, не назначать их в боевое охранение, в разведку или в мелкие группы, выполняющие самостоятельные задания.

Командир одного из подразделений такого «ОП», обращаясь к выстроенным на плацу вновь прибывшим, сказал:

– Товарищи военнослужащие! Вы прибыли в особый полк. Распорядок дня у вас будет несколько отличен от распорядка обычных строевых частей. Вместо повышения боевого мастерства в мирных условиях мы будем заниматься вашими сугубо личными делами. Сами понимаете, дела-то необычные, ибо личное здесь и сейчас неотрывно от государственного. Вы будете проходить государственную проверку, после которой будет решаться дело каждого из вас. Что необходимо? Первое: чтобы вы не путались в своих ответах на вопросы работников контрразведки, которые будут вами занимать-

ся. Второе: ни в коем случае не лгали, — он понизил голос и продолжил, — такие эпизоды, к сожалению, уже бывали, и шло это только во вред тому, кто сам заблуждался и пытался ввести в заблуждение работников следственных органов. И третье: распоряжения и указания своих командиров выполнять беспрекословно. Трагический случай в жизни когда-то прервал вашу службу. Буду надеяться, теперь вы снова станете нести её как подобает настоящему советскому воину. У многих бывших офицеров сейчас погоны рядового. Но наступит час, когда дело каждого будет рассмотрено и будет принято решение о восстановлении вас в звании.

Я также слышал, что вскоре, помимо бывших военнопленных, из-за Эльбы через демаркационную линию начнут прибывать десятки тысяч гражданских лиц. Этот слух подтвердил Кока:

— На прошлой неделе подписано соглашение. Союзники передают нам около трёх миллионов человек... Репатриантов... Вообще-то передача уже идёт, но в полосе нашей армии они начнут поступать с первого июня... В основном это женщины... Ты представляешь, что это такое, например, полтора миллиона молодых баб? — весело глядя на меня, осведомился Кока.

— А почему молодых?

— А потому, что на работу в Германию немцы угоняли прежде всего молодых женщин. Кстати, и спали с ними, и уезжали при отступлении тоже молодые, а не старухи...

Он всё всегда знал, и я — как и обычно весь внимание, — без преувеличения, смотрел ему в рот и старался ничего не упустить. Тогда я даже не мог предположить, что судьба в не столь отдалённое время бросит меня на «полтора миллиона молодых баб».

Больше дел у меня в штабе не было, Вахтин с мотоциклом уже ждал на стоянке — время близилось к обеду, и я поехал в роту.

Войдя в помещение и выслушав рапорт дежурного, я сразу заметил на стене свежий боевой листок-молнию. В заголовке — крупными буквами фамилия Лисенкова. Что произошло в роте в моё отсутствие? Но дежурный, еле сдерживая радость, сразу подавил в моей душе неприятный холодок, доложив, что час тому назад в роту доставили одну за другой две телефонограммы и обе — о награждениях.

Естественно, я сразу подумал об ожидаемом постановлении Военного Совета армии, куда, как я знал, среди других были направлены и мои документы, но оказалось, что оттуда ещё ничего не поступило. Одна телефонограмма — приказ командира корпуса

о награждении ко дню дивизионного праздника шести человек моей роты орденами Отечественной войны, вторая — из штаба дивизии с главной новостью: Лисенков в числе четырех бойцов и сержантов 425-й стрелковой дивизии Указом Президиума Верховного Совета удостоен ордена Славы 1-й степени.

— «Гордость» пишется с мягким знаком, — заметил я дежурному, указывая на боевой листок, где в заголовке сообщалось: «Ефрейтор Лисенков — гордост нашей дивизии». — Добавить!..

Праздничный обед в разведроте по случаю дня сформирования дивизии и награждения бойцов и офицеров орденами и медалями оказался грустным и далеко не праздничным. Настроение у меня было паршивое, я глубоко переживал утренний смотр и распрощался с надеждой прошагать, печатая шаг победителя, на параде в Москве перед Мавзолеем.

Мне было тошно, обидно до чёртиков, на душе скребли кошки: ощущения соответствовали целой уборной — типовому табельному нужнику по штату Наркомата Обороны ноль семь дробь пятьсот восемьдесят шесть, без крыши, без удобств и даже без сидений, на двадцать очковых отверстий уставного диаметра — четверть метра, прорубленных над выгребной ямой в доске-сороковке. Но я как офицер не имел права перед своими подчинёнными «хлопотать кислой мордой». Ведь по большому счёту у меня всё было «аллес нормалес»: да, я не поеду на парад в Москву, но уже через несколько месяцев мне предстоит учиться в Академии имени Фрунзе — выписка из приказа о зачислении меня слушателем академии лежала в правом кармане гимнастёрки.

Кроме того, в роту к обеду почему-то не завезли водку — по приказу положенные каждому по сто граммов, — и я, быстро сориентировавшись, выставил на стол десять бутылок сухого мозельского.

Выступая на этом праздничном обеде, инструктор Огородников особо подчеркнул, что война послужила «прекрасной наковальней для превращения Лисенкова из неоднократно судимого в довоенной жизни преступника в героя, в передового воина-победителя, полного кавалера ордена Славы». Лисенков, расчувствовавшись, не упускает случая поздороваться с офицером за руку и затем как-то неловко лезет с рукопожатием ко всем.

Он очень дорог мне, этот внешне нелепый и малосимпатичный, с маленькими бегающими глазками Лисенков.

Я обязан ему своей жизнью: в сорок третьем году именно щупленький, маленький, худенький, но жилистый, ловкий, сильный и вёрткий Лисенков отыскал меня без признаков жизни после

жестокого боя, вытащил, буквально раскопав из-под завалов блиндажа, он нёс, волок меня, пятипудового, несколько километров до медсанбата. Вернувшись в полк после длительного лечения в нескольких госпиталях, я был рад снова увидеть в своей роте его хитрую, хулиганскую морду. В разведке и во время боевых действий мне всегда хотелось ощущать его присутствие рядом: его хладнокровие, максимальная полная сосредоточенность и кошачья цепкость придавали уверенность, казалось, что он никогда не испытывал страха и нисколько не дорожил своей жизнью, пули обходили его стороной как заговорённого, и никто не умел так здорово, точно и далеко бросать гранаты — на пятьдесят-шестьдесят метров!

Ещё месяц тому назад он был для меня очень близким человеком, но вот кончилась война, и ясно одно — конец войны и демобилизация проложат между нами пропасть, которую не перешагнёшь...

У меня впереди — академия и блестящее офицерское будущее, а вот какое место после демобилизации уготовано в мирной жизни полному кавалеру ордена Славы Лисенкову, я представить себе не могу. Судьба его меня беспокоит, и я пытаюсь что-нибудь придумать.

— Откуда ты призывался? — спрашиваю я Лисенкова.

— Из тюряги...

— Из близких родственников у тебя есть кто-нибудь?

— Из близких и даже дальних — никого. Вы же знаете — я детдомовец.

— Слушай, а невеста? Если тебе поехать к ней, в Междуреченск? — оживляюсь я. — Она же тебя ждёт.

— Ждут меня только серые волки и сырая земля на Колыме... Это чужая фотка, старшой, — вдруг признаётся он. — Я её с убитого снял... Красючка!

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что он говорит правду. Ну, Лисенков, ну, артист! Сколько морочил всем голову, и ведь верили! И в Белоруссии, и в Польше, и в Германии, когда на участке дивизии или поблизости работали гвардейские миномёты, я не раз вспоминал, что главную деталь для всех этих «катюш», загадочную «педальку», изготавливает в далёком безвестно-засекреченном Междуреченске знойная женщина — невеста Лисенкова. Осмысливая услышанное, я какое-то время молчу, а затем спрашиваю:

— А письма? Ты же письма от неё получал! И сам писал!

И Лисенков ошеломляет меня своим новым признанием:

— Это не от неё. От одной подлюки, дешёвки... — признаётся Лисенков. — Междуреченск-10 — это лагерь для рецидивистов, где

вечно пляшут и поют... У неё червонец – за убийство. В месяц разрешено одно письмо, скучно ей, а писать некому, вот мне и карябает. Невеста, – с презрением произносит он. – Кусок шалашовки! Сука грёбаная! Да я с ней с... на одном километре не сяду!

Вот тебе и главная деталь для «катюши»! Вот тебе и знойная женщина! «Кусок шалашовки!»

Он сидит маленький, худенький, тщедушный, столько на нем мошенства, лжи и воровства, а мне его жаль. И, подумав, я предлагаю:

– Сан Саныч, а может, тебе поехать к нам в деревню? Жить будешь у бабушки...

– Колхоз «Красный нос» или «Красный лапоть»? – горько и презрительно усмехается Лисенков. – Пускай в нём мужики-раздолбаи вкалывают.

– «Красный пахарь», – в который уж раз спокойно уточняю я. – Ну, не обязательно в колхоз. Там у нас на станции есть артель.

– «Красный металлист»?

– «Красный Октябрь», – невозмутимо уточняю я.

– Хрячить за копейки?.. – он отрицательно мотает головой. – Это не для меня...

Вдруг Лисенков обращается к Огородникову:

– Товарищ капитан, а правда, что при трёх орденах Славы пензия по инвалидности в два раза больше?

– Полным кавалерам ордена Славы пенсия по инвалидности выплачивается в полуторном размере, – пояснил инструктор.

Вопрос Лисенкова о «пензии» по инвалидности вызвал веселье за столом и насмешливые возгласы: «Ну, Лисёнок! Он уже инвалид и пенсию себе замастырил!»

– Завидуют, суки, – вполголоса сказал Лисенков. – Вас не скребут, и не подмахивайте! – И, заметив, что я посмотрел на часы, спросил: – Ты что, уходишь?

– Да. Есть дело! А что?

– Отметить бы надо и не этой кислятиной, а чем-нибудь покрепче. Если надо съездить за выпивкой, то я могу организовать колёса, – имелся в виду табельный армейский мотоцикл М-79 с коляской. – Душа просит. Худо мне... – вдруг жалобно произнёс он с невыносимой мукой в глазах. – Душа тоскует... Сколько бы орденов у меня ни было и сколько бы судимостей с меня ни сняли, всё равно я для всех вас останусь обезьяной и жертвой аборта.

Я понимаю, что он мне предлагает «заложить фундамент» – хорошенько напиться, но мне это ни к чему: от вина болела голова,

и мне больше, чем мозельское, нравились всякие компоты – из черешни, сливы, крыжовника или из груш. Они были такими вкусными и напоминали детство и бабушку. И я не обижался на беззлобное подтрунивание Володьки, Мишуты и Коки, давших мне прозвище Компот.

К тому же мне и предки не позволяли выпивать. Из-за дурной наследственности по линии матери и отца я с малых лет выслушивал столько внушений и устрашающих предупреждений, прежде всего от бабушки и деда, что алкоголь, попав в армию, принимал в умеренных дозах и только по необходимости: за компанию, а в полевых условиях – для согрева. Чтобы для службы в армии сохранить всё здоровье без остатка, мы – я, Володька и Мишута – дали слово никогда не курить, не отравлять себя никотином. Что же касается алкоголя – то мы разрешили себе его употребление только ещё два месяца после Победы, то есть до 9 июля.

А главное – через два часа надо отправляться на день рождения Аделины.

– Сегодня не смогу, давай в другой раз, – сказал я, мне не хотелось выпивать вообще, а с Лисенковым особенно: в пьяном виде он был развязен и лез обниматься и целоваться.

Со спокойной душой я встал из-за стола, дружески простился со всеми и передал исполнение обязанностей командира роты на время моего отсутствия лейтенанту Шишлину. Не испытывая никакого тщедушного угрызения совести, я пошёл готовиться к многообещающему вечеру – дню рождения Аделины и знакомству с Натали.

...Если бы только знать. Если бы я только мог предположить!..

Меня учили: «Ум да разум не даются разом. Во всяком деле – сначала подумай!»

Но что я мог? Сколько бы я ни думал потом, предвидеть всё, что могло произойти, было невозможно.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

26.05.45 г.

Доношу, что 25.05 с.г. в третий раз произведён тщательный осмотр с пролазкой помещений и вещей всего личного состава дивизии на предмет изъятия спиртных напитков и трофейных жидкостей. Во время проверки помещений в квартире командира 2-й стрелковой роты обнаружена спрятанная его связным красноармейцем Разиным канистра, около 8 килограмм, с сиропом, состоявшим

из смеси метилового спирта и грушевой эссенции. Канистра изъята, сироп уничтожен.

Кроме того, проработаны приказы войскам 1-го Белорусского фронта, 71 армии и СНК, касающиеся спиртных напитков и трофейных жидкостей.

1. До всего офицерского состава приказ командира корпуса доведён под расписку.

2. В полках перед строем рядовому и сержантскому составу объявлено содержание приказа и проведены специальные беседы.

3. В политинформациях постоянно обращается внимание на недопустимость пьянки, на повышение бдительности и усиление воинской дисциплины.

4. Выпущены листовки, санитарные памятки.

Полковник Фролов

34. ВЫБОР ПОДАРКА

Просьба, а точнее Володькино требование, какой преподнести подарок на день рождения Аделины, его невесты, повергло меня в замешательство и очень расстроило.

Вернувшись из расположения роты после грустного обеда и разговора с Лисенковым с каким-то тягостным ощущением на душе, я должен был отдохнуть и решить, что из собранной мною коллекции редких трофейных патефонных пластинок, найденных в брошенных немцами домах и виллах, выбрать и, ради лучшего друга, буквально оторвать от сердца.

Немцы любили музыку и песни, в каждом доме мы находили проигрыватель, даже не один, а в отдельной, рядом стоящей специальной тумбочке в образцовом порядке в конвертах содержались пластинки. У простых немцев – чаще народная музыка, песни и обязательный набор патриотических солдатских – «Был у меня товарищ» (времён ещё Первой мировой войны), «Путь далёк», «Всё проходит, вслед за декабрём всегда приходит снова май» и самая знаменитая – «Auf dich, Lili Marlen» («С тобой, Лили Марлен»).

У зажиточных и особенно очень богатых немцев – обширные коллекции классической музыки: пластинки с записями концертов и симфоний Вагнера, Бетховена, Баха.

На джаз в гитлеровской Германии всегда был строжайший запрет как на музыку неарийскую, негритянскую – «артфремд», что означало чужеродное, разложение, декаданс. Но, как выяснилось, джазовая музыка, несмотря на официальные запреты идеолога Геббельса, существовала.

Как-то в одном из возродившихся в первые послевоенные дни ресторанчиков – он располагался в полуподвале соседнего дома – я слушал музыку. В полутёмном зале с несколькими столиками играл эстрадный оркестрик – жёлтый тромбон, ободранное пианино, инкрустированная гитара. Трио пожилых музыкантов: одному лет шестьдесят, двое остальных чуть помоложе. У старшего цветной платочек торчал из пиджачного верхнего кармашка, кармашек, од-

нако, находился не слева, а справа, свидетельствуя, что пиджак уже побывал в перелицовке. В этот вечер играли танго «Мария». Зажгли свечи, и в их слабом свете я увидел перед собой женщину, которая, уткнувшись в платок, сдерживала рыдания. Соседка успокаивала её, прижималась щекой к щеке, обнимала, целовала... Но не выдержала сама и, припав к плечу подруги, заплакала тоже. Плакали и сзади, плакали рядом... Зал плакал и тихо напевал танго «Мария».

Вероятно, это была популярная когда-то песенка, и с этой мелодией у очень многих связаны воспоминания, может быть, о юности, может быть, о любви, а может быть, просто о спокойной жизни.

Сыграй мне на балалайке
Русское танго, танго, ритм которого
Мою душу наполняет.
    Сыграй мне так, чтобы я забыл всё на свете.
    Мне сегодня это нужно.
    Сыграй мне, чтобы я забыл про заботы,
    Чтобы я был счастлив.
Сыграй мне на балалайке
Русское танго.
В конце концов, оно не обязательно должно быть русским,
Может быть и испанским.
    И в самом деле: всё равно
    Под какую музыку целоваться,
    Лишь бы это было
    Сладкое танго любви.

И у меня защемило сердце. Это танго напомнило мне знаменитые у нас до войны мелодии «Голубые глаза» и «Скажите, почему» популярного композитора Оскара Строка.

Среди музыкальных трофеев, к своему огромному удивлению и радости, не веря глазам своим, я вдруг обнаружил пластинки известных и любимых мной русских исполнителей романсов, песен, джаза тридцатых годов Константина Сокольского и запретного уже в те времена Петра Лещенко.

Моя мать, приезжая в отпуск, всегда привозила бабушке пластинки. Они звучали каждый вечер в нашем доме, и мать под мелодии танго и фокстротов обучала меня в детстве танцам. Заигранные, они трещали, скрипели, хрипели, заедали, искажая голоса исполнителей, но слова известных песен из репертуара Сокольского и Лещенко — «Аникуша», «Татьяна», «Не уходи», «Сашка», «Алёша»,

«Моя Марусечка», «Стёпкин чубчик», «Дымок от папиросы» и многих других я знал наизусть.

И вот спустя годы в моих руках неожиданно – и где – в Германии! – оказалось целое сокровище: в роскошных пакетах – голубые и вишнёвые с серебром, синие, красные, чёрные с золотом – великолепные пластинки этих исполнителей, записанные в сопровождении оркестров Франка Фокса и Генигсберга, производства самых знаменитых звукозаписывающих фирм «Колумбия», «Беллакорд» и «Одеон», выпущенные в Англии, Америке и Риге.

Звучание голосов и оркестра было потрясающим. Я гордился своей коллекцией пластинок, слушал их постоянно: они воскрешали тёплые и радостные воспоминания довоенной мирной жизни. И сейчас, в ожидании предстоящего праздника, пела душа, и я напевал вместе с Лещенко озорную «Настеньку»:

Нынче мы пойдём гулять,
Будем мы с тобой плясать
До тех пор, как звёзды в небе
Станут потухать.
Ну, идём же, спляшем, Настя, Настя, Настенька,
Мы с тобой, голубка, ноченьку подряд!
Так с тобой попляшем, Настя, Настя, Настенька,
Что у нас с сапог подмётки отлетят!
Пусть сегодня веселья дым столбом пойдёт,
Завтра всё равно – пускай хоть чёрт всё поберёт!
Раз живём на свете, Настя, Настя, Настенька!
Раз лишь молодость бывает нам дана!

Мои пластинки нравились и Володьке, и Мишуте, и Коке, и Арнаутову, на прослушивание всегда собиралась компания, но никогда и никому я их не давал из-за боязни, что разобьют, покарябают, заиграют. А тут предстояло ради лучшего друга подарить Аделине шедевры, которые мне были очень дороги.

Я долго перебирал, тасовал, любовно оглаживал их и, скрепя сердце, отобрал всего девять пластинок из указанных в Володькином списке двенадцати: три в исполнении Сокольского – танго «Утомлённое солнце», на обороте «Дымок от папиросы», «Чужие города» – «Стёпкин чубчик»; фокстроты «Брызги шампанского» – «Нинон» и шесть записей Петра Лещенко: танго «Не уходи» – на обороте «Студенточка», «Вино любви» – «Последнее танго»; фокстроты – «Синьорита» – «Капризная, упрямая», «Сашка» – «Алёша»;

народные песни – «Прощай, мой табор», «Миша», «Чубчик» и «Эй, друг гитара» и положил их в кофр.

Я сознавал, что преступил один из основных законов офицерского товарищества, офицерской дружбы – что моё, то твоё! – безусловно, сознавал и мучился, но пересилить себя и поделать с собой ничего не мог.

ДОНЕСЕНИЕ

24.05.45 г.

Доношу, что начальник второго хирургического отделения госпиталя капитан медслужбы Садчиков Николай Трофимович, 1907 г. рожд., урож. гор. Туапсе, Краснодарского края, русский, беспартийный, образование высшее, находясь на территории Польши и Германии, собрал большую коллекцию, всего свыше двухсот штук, патефонных пластинок различных симфоний, и среди них немецкого композитора Рихарда Вагнера, произведения которого были любимой музыкой Гитлера и его окружения.

Как теперь выяснилось, используя служебное положение, Садчиков систематически устраивал прослушивание всевозможных симфоний, в том числе и Вагнера, в присутствии врачей, медсестёр и военнослужащих, находящихся на излечении в госпитале. Свои действия Садчиков пытался объяснить тем, что он так называемый «меломан» и без музыки жить не может, а на раненых она будто бы действует благотворно и, более того, якобы способствует заживлению ран и ускоряет выздоровление.

Капитану Садчикову официально разъяснено, что любовь к музыке не может служить оправданием пропаганды и распространения любимой музыки Гитлера и тем самым насаждения в советских людях фашистской идеологии. Он строго предупреждён о возможной уголовной ответственности за подобные действия.

17 пластинок музыки Вагнера изъяты по акту и уничтожены, а симфонии других композиторов немецкого происхождения, както Бетховена, Баха, Шумана, Моцарта, Мендельсона и Шуберта,[1] ему предложено слушать только у себя на квартире, наедине, о чём у него мною отобрана расписка.

Зам. нач. политотдела эвакогоспиталя

[1] Так в документе. Моцарт и Шуберт австрийцы.

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Военному Прокурору 71 армии

Доношу, что в приёмный покой ЭГ № 2763 24 мая с.г. в 20.00 доставлен рядовой фронтовой трофейной бригады красноармеец Воробьёв Дмитрий Александрович, 1922 г. рожд., по поводу отравления неизвестной жидкостью.

Обстоятельства отравления следующие: Воробьёв добыл у неизвестных немцев бутылку спирта, содержимое бутылки разбавил квасом и всю её выпил. Через 20 минут он почувствовал себя плохо: появились жжение в груди, сжимающие боли в сердце, озноб, закружилась голова и он потерял сознание. В санчасти полка провели обильное промывание желудка, но состояние его ухудшалось, появились судороги, спутанность сознания.

При поступлении в ЭГ состояние Воробьёва крайне тяжёлое: температура 39°, небольшая желтушность кожи и склер глаз, зрачки расширены, на свет не реагируют, рот раскрывается с трудом, изо рта запах, напоминающий хлороформ, на языке изъязвления, левая щека припухла, синюшного цвета, по-видимому в результате травматизации тканей роторасширителем и языкодержателем в момент оказания первой помощи в санчасти, сознание сумеречное, частые судороги ног, пульс замедлен до 46 ударов в минуту.

Несмотря на оказание медицинской помощи: инъекций камфоры, кофеина под кожу, глюкозы внутривенно, вдыхание карбогена и кислорода, Воробьёв, не приходя в сознание, 25 мая с.г. умер.

При химико-токсилогическом исследовании в крови и моче Воробьёва обнаружен метиловый алкоголь в количестве: в крови – 5‰, в моче – 7,5‰. Посмертный диагноз: острое отравление метиловым спиртом.

Кроме того, должен указать, что две недели тому назад из этой же части были доставлены трое бойцов с аналогичной картиной интоксикации, о чём было сделано соответствующее донесение. В промывных водах желудка у всех троих отравившихся лабораторией также было установлено наличие метилового алкоголя.

Начальник ЭГ

* * *

Звучал патефон, неповторимый голос Лещенко настраивал меня на предстоящее торжество и знакомство с Натали, как бы советуя мне:

Всё, что было, всё, что ныло,
Всё давным-давно уплыло!
Утомились лаской губы
И натешилась душа,
Всё равно года проходят чередою,
И становится короче жизни путь,
Не пора ли и тебе с измученной душою
На минутку всё забыть и отдохнуть...

и я не слышал, как у меня в номере появилась Габи.

— Guten Morgen, — сказала она, хотя приближался вечер; на ней было розовое платьице-сарафан с накладными карманами и вышитой на груди собачкой, в волосах белый бант, на ногах белоснежные носочки и красивые красные туфельки — чистый, ухоженный немецкий ребёнок, как картинка.

— Гутен таг, — поправляя её, ответил я и, сняв иглу с пластинки, остановил патефон.

— Brot!.. Кусотшек клеба! — по обыкновению, заученно проговорила она.

Я этой просьбы ждал и неторопливо достал из комода и протянул ей три печеньица из остатков офицерского дополнительного пайка. Она деловито сунула их в карман и тут же снова попросила:

— Zigaretten.

У нас в деревне маленькие дети, когда им давали печенье или пряник, сейчас же засовывали их в рот и немедля съедали, она же, приходя ко мне, ни разу этого не сделала, и я не сомневался, что её заставляют попрошайничать мать или бабушка, и в свои неполные пять лет она твёрдо знает, что всё полученное здесь надо унести и отдать взрослым.

— Zigaretten, — настойчиво повторила она и протянула ладошку.

— Найн!

Это была её обычная уловка или игра: попросить сигареты — которые я ей никогда не давал — и после моего отказа тут же потребовать что-нибудь сладкое. Как я и ожидал, тотчас послышалось тихо и жалостно:

— Kompot... Gib mir Kompot...

При этом она состроила обиженную физиономию и, подойдя ближе, взяла меня за руку, словно просила моей защиты. В который уж раз я подивился хитрости или плутовству этого ребёнка и снова подумал, что всему этому её, очевидно, учат взрослые — бабушка и мать. Впрочем, не только в провинции Бранденбург, но и во всей

Германии из миллионов немцев она была одной из немногих, к кому я мог испытывать добрые чувства – я даже забывал иногда, что она немка, и, хотя до поездки в Левендорф оставалось немного времени, я счёл возможным на десяток минут расслабиться и угостить её и самого себя. В ванной из-под струйки холодной воды, круглосуточно фонтанировавшей в биде, я взял банку компота из черешни, принёс большие фарфоровые блюдца и чайные ложечки.

Мы расположились, как и обычно, в проходной комнате в мягких креслах у распахнутого настежь окна, я открыл банку и положил ей полное блюдце крупной мясистой ягоды, затем положил и себе – такой вкусной черешни, какую я ел тогда в Германии, я больше никогда не встречал. Прежде чем начать, Габи по привычке оглядела оба блюдца, желая убедиться, что её не обделили. При всей моей любви к компотам я не забывал, что она ребёнок, накладывал ей больше, чем себе, и спрашивал:

– Гут?

И она, улыбаясь, поднимала совсем по-русски свой большой, размером с миндалину, пальчик и отвечала:

– Gut!

Верхние ветви уже терявшей цветы сирени теснились перед окном, у левой створки грозди дотягивались до верха стекла. Повесеннему свежая, промытая дождиком зелень не могла не радовать глаз. Мы в молчании, не спеша, с удовольствием ели прекрасный холодный компот, я выплёвывал косточки в листву, Габи – она стояла в своём кресле на коленках – пыталась мне подражать, но у неё чаще всего не получалось, косточки падали на широкий мраморный подоконник, и каждую мне приходилось поддевать ложечкой и выбрасывать в окно.

Маленькие светлые облака плыли в бледно-лазурном небе, лёгкий ветерок тянул из сада, и было так славно, так хорошо, чувство приятного умиротворения охватило меня, как и обычно, когда я садился в это мягкое кресло у окна.

Надо было окончательно определиться с подарком и, наверное, продумать всё, что предстояло вечером: детали своего знакомства с Натали – она представлялась мне красивой блондинкой с хорошей фигурой – и поведения на дне рождения. Но почему-то уверенность, что и так всё сложится без всяких затруднений и шероховатостей, появилась во мне – я расслабился до благодушия, и в эти минуты не хотелось ничего обдумывать, прикидывать и репетировать.

...Капитан Арнаутов любил, отдыхая, раскладывать пасьянсы, подражая тем самым своему кумиру — великому полководцу Александру Васильевичу Суворову, который, как он рассказывал, в любых условиях раскладывал их — и дома, и в походах, и в напряжённой обстановке, особенно — «дорожку» и «косынку». И сейчас у себя в номере Арнаутов, очевидно, раскладывал пасьянс и по обыкновению негромко напевал — оттуда доносилось раздумчивое, на мотив, схожий с мотивом «Аникуши»: «Гранд-пистон сменился гранд-клистиром... Позади осталась жизнь моя...» Я тогда ещё не знал, что это слова из старинной русской офицерской песни, точнее из песни офицеров-отставников. Только спустя сорок с лишним лет, перешагнув в седьмое десятилетие своей жизни, я ощущу и осознаю актуальность и всю неотвратимую правоту этих слов.

Я слышал, что в связи с окончанием войны в штабе дивизии уже подготавливаются списки офицеров, подлежащих демобилизации; разумеется, Арнаутов по возрасту подпадал под увольнение в первую очередь. Призванный в армию в порядке исключения после гибели сына и письма Сталину, он был самым старым из офицеров не только в дивизии, но, наверно, и в корпусе, и в армии, и было ясно, что отстоять его даже Астапычу не удастся. Мысли о предстоящем неминуемом расставании со стариком и о его дальнейшей судьбе в последнюю неделю не раз посещали меня и крайне огорчали.

Со сколькими людьми за последние два года разлучила меня война, точнее пули и осколки снарядов и мин, с некоторыми — на время, с большинством — навсегда... Арнаутов и Лисенков были первыми из близких мне людей, с кем мне предстояло расстаться в мирное время. При всех различиях и всяческой несхожести имелось у них и общее: как и Лисенков, отставной гусар не имел ни родных, ни даже дальних родственников, дом, где он жил до войны в Воронеже, был разрушен бомбёжкой, как и Лисенкову, ехать ему после демобилизации было некуда. Предлагать же ему, как Лисенкову, отправиться ко мне в деревню и поселиться в нашей избе у бабушки — я понимал, сколь нелепо это будет выглядеть.

Лисенков был вдвое моложе и в десятки раз практичнее, изворотливее старика отставного гусара, я не сомневался, что и на гражданке он не пропадёт, женится и пристроится — лишь бы не воровал, — а вот где и как проведёт остаток жизни отставной гусар Арнатутов, я, сколько ни размышлял, сообразить не мог.

К предстоящей своей неизбежной демобилизации Арнаутов относился внешне спокойно и, как всегда, с юмором:

— Не надо меня утешать! Мне пятьдесят девять лет, я самый старый во всей дивизии, смотришь в зеркало и уже видишь череп без кожи и растительности. Война кончилась, и меня уволят первым. Армия — это не пристанище для престарелых, и в аттестации при увольнении ещё напишут: мышей не топчет и женщин — тоже.

Позавчера, когда, поужинав, мы поднялись к себе, а старик по обыкновению отправился играть в преферанс, с почти часовым опозданием приехали Володька и Кока. Они привезли трофеи: немецкую двадцатилитровую пластмассовую канистру, полную пива, и свыше десятка больших вяленых вобл, добытых, как оказалось, на армейском продовольственном складе через одну из многих Кокиных знакомых, лейтенанта интендантской службы.

Володька и Кока крикнули меня и Мишуту, мы спустились вниз, Жан-Поль принёс нам ужин, поставил высокие глиняные кружки для пива, Володька налил и ему и дал толстую рыбину, и эльзасец, с достоинством поблагодарив, сразу ушёл в угол и присел на свой стул рядом с дверью в кухню и оттуда с интересом или удивлением смотрел, как мы все четверо старательно колотили воблами о каблуки сапог, осыпая рыбьими чешуйками инкрустированный орнаментом вишнёвого цвета прекрасный немецкий паркет. Не сводивший с нас глаз Жан-Поль, как и обычно, находился в полной готовности по первому зову или знаку подбежать и прислуживать, и эта его постоянная готовность и выражение на лице непрестанной преданности вызывали у меня к нему чувство признательности и симпатию.

Мы уже пили пиво, когда я заговорил об Арнаутове, о его предстоящем увольнении из армии, ожидая, что друзья что-нибудь сообразят и подскажут. Мишута и Кока сочувствовали, но, как и я, придумать ничего не могли, произносили общие фразы, а затем, когда я попытался продолжить разговор о судьбе отставного гусара, Володька, до того молчавший, сказал мне чётко и категорично:

— Ты забываешь о главном, о боеспособности! Армия — это не богадельня! Командиру полка и даже дивизии — полковникам! — подчеркнул Володька, — после пятидесяти пяти в армии не место, а капитану тем более! Тут даже нет предмета для разговора!

Он решительно поднялся, надел фуражку, козырнул и, не проронив больше ни слова, ушёл — поехал к Аделине. Свойственные ему

безапелляционность и жёсткость задели, полагаю, не только меня, но и Мишуту, и Коку. Мы молча допивали пиво, и, почувствовав наше настроение, Кока примиряюще сказал:

– Не надо, братцы, усложнять. Всё образуется! Найдёт себе бабёнку по зубам, с коровкой и огородом, и будет раскладывать пасьянсы и жить в своё удовольствие. Много ли ему надо?..

...И теперь, сидя в кресле у окна, я не мог не думать об Арнаутове и пытался представить себе его будущее – Кокин вариант с коровкой и огородом представлялся мне нереальным, но ничего другого – хоть убей! – не придумывалось. Поглощённый размышлением, я забылся и не заметил, что черешен на блюдце уже нет и Габи молча смотрит на меня. На часы я глянул машинально и подскочил: было около шести.

– Ком! – велел я Габи. – Шнель!

– Gib mir! – попросила она, вылезая из кресла и указывая на черешни, оставшиеся на дне банки. – Gib!

Я быстро вывалил ей в блюдце все ягоды, приговаривая: «Шнель, шнель! Давай!»

Бархоткой в который уж раз я быстро прошёлся по сапогам, надев гимнастёрку, затянул её в поясе широким офицерским ремнём, взял кофр с пластинками и Кокину фуражку. Тем временем Габи переложила все ягоды из блюдца себе в карман и опять протянула мне мокрую от компота ладошку:

– Zigaretten!

Это опять была всего лишь уловка, и после моего отказа она теперь, по обыкновению, наверняка бы потребовала сахар, как это делала почти каждый день, два-три кусочка я, разумеется, мог ей дать, но сейчас я спешил, и она меня начала уже раздражать.

– Ком! – закричал я, сделав свирепое лицо и намеренно дёргая щекой, как это бывает у контуженых. – Ауфвидерзеен! Шнель!

Как и следовало ожидать, она обиделась: поджала губы, накуксилась, опустила глаза и, заложив руки за спину, какие-то секунды, очевидно, соображала, расплакаться ей или не надо – она была на удивление хитрющей бестией. Затем, надумав, подняла голову и посмотрела на меня холодно, с оскорблённым достоинством, как женщина, которая уходит решительно и навсегда, потом облизала сладкую от компота ладошку, отвернулась и пошла к двери.

Я выскочил на балкон – Арнаутов по-прежнему сидел за столом у окна, в задумчивости раскладывал пасьянс «Наполеон» и вполголо-

са, как бы про себя, медленно растягивая слова, но с тихой грустью напевал:

Белой акации гроздья душистые
Вновь аромата полны.
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны!
Годы прошли, страсти остыли,
Молодость жизни прошла.
Белой акации запаха нежного
Не возвратимы, как юность моя...[1]

Погружённый в свои мысли, он не слышал, как я вошёл. Когда он допел, я кашлянул и негромко позвал:

– Товарищ капитан! Пора, по коням! Поехали!

[1] Арнаутов, произвольно изменив слова, напевает романс знаменитой Вари Паниной .

35. ЛЮБОВЬ И ФИЗИОЛОГИЯ

После войны очень многие, без преувеличения подавляющее большинство, из пятимиллионной армии, оказавшейся на территории Германии, находились в особенном послепобедном восторге бытия: я уцелел! Теперь я долго буду жить! Теперь я счастлив быть хочу!

Память невольно воскрешает ту весну огромных надежд и ожиданий, те тревожно-весёлые, отчаянно-бурные майские дни сорок пятого года. Всякий раз при воспоминании о юности, о безвозвратно ушедшем времени, даже если время это было далеко не лёгким и не всегда радостным, возникает ощущение лёгкости, пьянящей внутренней свободы, овладевшей тогда всеми. Мы были молоды, полны сил и хороши собой. Радостно было сознавать себя крохотной, но безотказной частицей отлаженного прекрасного механизма, именуемого армией-победительницей. Постепенно стало отпускать чудовищное внутреннее напряжение, когда на войне в свои восемнадцать-девятнадцать лет приходилось сиюминутно отвечать за судьбы и жизни сотен людей, и, чтобы выжить, надо было любить шинель, которая тебя греет, сапоги, в которых ты ходишь, автомат, который может спасти тебе жизнь, и котелок, старательно начищенный ординарцем, с горячей едой. Теперь всё стало представляться в розовом свете, появилось ощущение, что все тебя любят и ты любишь всех, и нет никаких забот, появилось ожидание чего-то хорошего, счастливого, радостного, мечты о райской жизни и каком-нибудь событии, которое вот-вот должно произойти.

В моей последующей жизни никогда больше не будет хотя бы короткого периода столь бездумной и весёлой жизни, ведь молодость — это когда всё впервые и когда всё впереди, а в жизни моего поколения юность — лучшие годы человеческого расцвета — пришлась на годы войны.

Я благодарен судьбе за всё, что случилось и не успело случиться, за юность, опалённую войной, за весну, за проснувшуюся способность почувствовать красоту жизни, потому что всё это уже у кого-то

было, или обязательно будет в жизни каждого. Мы были счастливы от предчувствия неизвестного и неизведанного, и были уверены, что это ощущение щенячьей радости, свойственной только юности, будет длиться вечно.

Все – от рядовых до командиров – бредили любовью. Забурлили гормоны, распаляемые воображением, накатили неистовые, сладостные, томящие мечты. Женщины дразнили нас. Впервые юношеские глаза обратили внимание и увидели, какая у них раздражающе высокая грудь и волнующие округлости сзади: один вид ножек между обтянутым юбкой нижним бюстом и сапожками лишал разума до идиотизма, а наглое вызывающее покачивание бёдрами на ходу вызывало томление, возбуждало скромное, но острое и неуёмное желание не только пощупать у них пульс, но и ощутить теплоту женского тела, поселяя в душе неизвестные ранее напор, агрессию, жажду любой ценой добиться с объектом вожделения, как выражался Кока, «огневого контакта».

Мешали добиться желаемого успеха природная стеснительность, строгое воспитание в детстве и незнание, как к этому объекту подойти, ведь до войны мы были почти детьми, многие ещё ни разу не целовались с девушкой или женщиной и над нами довлело проклятие юношеской девственности.

Проснувшиеся инстинкты дурманили головы. Красноармейцам, по большей части необразованным, и молоденьким, до 25 лет, офицерам были свойственны полная неосведомлённость в вопросах половой морали и секса – я слово-то такое впервые услышал от Арнаутова, который уверял, что это прекрасное чувство движет миром. В наших разговорах, рассказах всё это выплескивалось в придуманные любовные байки: говорили о самом интимном, как слепой о цветах. Всеми, как эпидемия, овладела страшная необузданная сила полового влечения.

В армии было три возможности сожительства с женщинами.

Легальное – с советскими женщинами, военнослужащими и вольнонаёмными в частях, соединениях, медсанбатах и госпиталях, но их было чрезвычайно мало.

Полулегальное – с женщинами, угнанными, вывезенными немцами в Германию или уехавшими с ними добровольно, таких на территории Германии было, как выяснилось, около двух миллионов, но они считались подвергшимися враждебной обработке, подозрительными, нечистыми морально и физически и, более того, частично завербованными противником, отчего связи с ними рас-

ценивались как предосудительные, особенно для членов партии и комсомольцев.

И, наконец, совершенно нелегальное — с немками, близость с которыми запрещалась, преследовалась, а при выявлении — строго наказывалась вплоть до исключения из партии или комсомола и откомандирования в другую часть.

До осени сорок третьего года сожительство офицеров с женщинами-военнослужащими строго преследовалось. Фронтовые романы считались грехом, за них наказывали[1], виновных разлучали неукоснительно, появилось бранное слово «ППЖ» — полевая походная жена — и в ходу была частушка:

Мины воют завывая,
Но со мною в блиндаже,
Днём и ночью, сна не зная,
Боевая ПэПэЖэ...
На прощанье ты не ахай,
Как придёт конец войне,
Я скажу, иди ты на ...,
Еду я к своей жене.

Приказы в действующих армиях становились достоянием гласности и позора как для офицеров, так и для их сожительниц, которых переводили в другие части, выводили за штат или отправляли на Родину. Но затем, в году сорок четвёртом, наказывать строго перестали потому, что якобы, когда товарищу Сталину доложили, что какой-то генерал, командующий армией, в каждой дивизии и в каждом армейском госпитале имеет женщин и поочерёдно с ними сожительствует, и спросили, что же делать, товарищ Сталин будто бы крайне удивился и сказал:

— Как что делать? Завидовать!

Это высказывание Верховного главнокомандующего стало известно генералам и старшим офицерам на фронтах, и отношение к связям с женщинами-военнослужащими сразу переменилось, и тогда «естественные» отношения действительно перестали преследоваться и строго наказываться, кроме самых громких и вопиющих.

[1] Уголовный кодекс РСФСР (с изменениями на 1 июня 1942 года), ст. 154: «Понуждение женщин к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой — лишение свободы на срок до пяти лет».

Правда, во время наступательных операций, особенно в январе сорок пятого, вновь прозвучали приказы и распоряжения генералов, которые регулярно доводили до нашего сведения, запрещающие сожительство офицеров с женщинами.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

13.01.45 г.

Несмотря на мой приказ от 12.12.44 г. и неоднократные личные указания о недопустимости сожительства офицеров с женщинами, до сих пор эти явления продолжают иметь место в частях и соединениях армии.

Некоторые офицеры сожительствуют не только с женщинами-военнослужащими, но и с женщинами, совершенно не имеющими никакого отношения к Красной Армии. В присутствии этих женщин, без соблюдения элементарных правил конспирации, офицеры принимают доклады своих подчинённых, отдают приказания, распоряжения и ведут прочие служебные разговоры, не отдавая себе отчёта за могущие быть политические последствия.

В результате политической беспечности таких офицеров военная или государственная тайна, попадая на язык этим вполне осведомлённым женщинам, разбалтывается и зачастую становится достоянием совершенно посторонних людей.

Таким образом, некоторая часть офицеров вольно или невольно становится источником разглашения военной или государственной тайны, что является серьёзным проступком, тем более в условиях исключительного напряжения сил во время успешных решающих боёв.

Плох и неполноценен тот офицер, который за юбкой женщины не видит всей серьёзности стоящих задач в последний завершающий этап Отечественной войны. Легкомысленный и политически слепой офицер, променявший честь своего мундира, пятнает не только себя, но и кладёт позорное пятно на Красную Армию. История русского офицерства подобных примеров, когда за юбку и готовность предоставления интимных услуг женщин ещё и награждали боевыми орденами и медалями, не знает.

Женщина на фронте должна нести почётную непосредственную службу, выполняя свой воинский долг перед Родиной, а не служить постельной принадлежностью и забавой офицера.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно отменить все приказы о награждении женщин-военнослужащих, которые в боевых действиях не участвовали, а только сожительствовали со старшими офицерами.

2. Командирам 102, 132 и 425-й стрелковых дивизий в течение 24-х часов с момента получения данного приказа всех так называемых «жён», с которыми сожительствуют офицеры, откомандировать: военнослужащих – по частям, а не военнослужащих – к месту своего постоянного жительства.

3. Исполнение донести лично мне к 23.00 14.01.45 г.

Генерал-лейтенант Смирнов

ДОНЕСЕНИЕ

14.01.45 г.

Командующему 71 армией

Доношу, что мною лично с приказом командующего и постановлением Военного Совета армии ознакомлены командиры стрелковых и артиллерийских полков. Все женщины с КП удалены, а наиболее распущенные и потерявшие достоинство – из дивизии отправлены в тыл.

Заместителям по политчасти даны указания усилить воспитательную работу с офицерами.

Проведён ряд докладов по вопросам морального облика и чести советского офицера.

Командир 425 сд
полковник Быченков

ИЗ ПРИКАЗА КОМАДИРА 136 СК

09.02.45 г.

Командирам дивизий
и отдельных корпусных частей

Части корпуса ведут напряжённые бои, завершающие победу над немецкими бандитами. От всего офицерского состава требуется полное напряжение сил в руководстве своими частями и подразделениями для достижения полного успеха. Этот успех налицо.

Однако, как это ни позорно, отдельные офицеры, в том числе и генералы, хладнокровно относятся к своему офицерскому долгу перед Родиной.

Вместо того, чтобы отдать все свои силы на это ответственное, решающее дело, по-настоящему руководить войсками и выполнять свой долг по роду своей службы, проводят своё время с жёнами в кавычках. Ещё хуже, что эти «жёны» начинают командовать не только своими «мужьями», но и их подчинёнными. На этой почве, так или иначе, происходят всякие дрязги, склоки, нарушаются служебные взаимоотношения. Появились «генеральши», «полковницы» и т.д., которые командуют, а «мужья», вольно или невольно, выполняют их капризы и теряют свой командирский облик. Офицер стремится уделить больше внимания «жене», а это ведёт к тому, что он, вместо того, чтобы управлять войсками во время боя, обнимается со своей «женой», что отражается на деле.

Дальше терпеть такое поведение офицеров всех рангов недопустимо.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно под личную ответственность командиров дивизий отправить всех официальных и неофициальных жён в тыл, независимо от того, занимает она или нет штатную должность.

2. В полках не иметь ни одной женщины.

3. Всех санинструкторов-женщин откомандировать в медсанбатальоны и корпусной военный госпиталь.

4. Женщин, имеющих офицерское звание и сожительствующих с офицерами, откомандировать в отдел кадров фронта.

5. Предупреждаю, что это касается офицеров всех степеней, в том числе и генералов.

Генерал-лейтенант Лыков

ДОНЕСЕНИЕ

28.02.45 г.

Командующему войсками 1-го БФ
Лично

На Ваше устное распоряжение по вопросу женщины Солопенко Клавдии Викторовны, 1924 г. рождения, доношу:

Солопенко К.В. до января месяца 1945 г. работала на должности пиротехника, а потом была уволена из рядов РККА и снята

со всех видов довольствия. В данное время живёт с командиром Гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии гвардии генерал-майором артиллерии Каменским как незаконная жена и находится на его содержании.

Нач. политотдела
гвардии подполковник Евдокимов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 23.03.45 г.* *21 ч. 10 м.*

Корпусным, дивизионным, бригадным врачам

На основании директивы ГВСУ и отношения ВСУ 1-го Белорусского фронта под личную ответственность руководителей медслужб провести немедленную эвакуацию всех беременных женщин-военнослужащих из районов боевых действий частей и соединений армии. Матерей с новорождёнными детьми отправить санитарными летучками и военно-санитарными поездами на общих основаниях с ранеными и больными военнослужащими Красной Армии в декретный отпуск по месту жительства.

Нач. санотдела
подполковник м/с *Чеботаев*

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

16.04.45 г.

Начальнику политотдела 71 армии

Доношу о безобразных фактах открытого сожительства офицеров 425 стр. дивизии с женщинами-военнослужащими.

Так, командир стр. полка майор Гарин Василий Иванович, находившийся на излечении в ГЛР по поводу ранения, после выписки и возвращения в полк привёз с собой младшую медсестру этого госпиталя старшину Трегубову якобы для оказания ему постоянной медицинской помощи. В такой помощи майор Гарин не нуждался, да и «квалификация» Трегубовой заключалась только в оказании ему личных услуг. Трегубова самовольно покинула место службы в госпитале 18.2. с.г., возвращаться туда не желает, заявляя, что она теперь жена майора Гарина и служить больше не хочет.

Командир артбригады полковник Жадеев принуждал к сожительству подчинённую красноармейца Богиню, которая ему отказала в этом, поэтому была им отправлена в запасной полк. В настоящее время он обслуживается санинструктором старшиной медслужбы Ситдиковой, которая перестала выполнять свои прямые служебные обязанности, сосредоточившись только на оказании услуг полковнику Жадееву.

ВРИО прокурора дивизии сожительствует с вольнонаёмной Лаврёновой, которая, как он заявляет, перешла к нему по наследству от бывшего прокурора, снятого с должности за моральное разложение и злоупотребления служебным положением.

Зам. начальника артбригады гвардии майор Балабанов привёз откуда-то себе девушку, якобы «радистку», с которой открыто сожительствует. Так как она должности не имеет, то бездельничает и фактически содержится за счёт государства, не принося в свою очередь никакой пользы.

Подобный случай имеется и в штрафной роте со стороны агитатора роты ст. лейтенанта Летунова, который самовольно принял на службу в качестве «писаря» девушку Сопляченко. В результате совместной работы Сопляченко находится на 5-ом месяце беременности.

Нач. политотдела
полковник Фролов

Резолюция командующего 71 армией генерал-лейтенанта Смирнова: «Удержать с офицеров деньги за незаконное содержание на должностях своих женщин-сожительниц, последних отправить из армии по месту их жительства».

* * *

Все мои представления о взаимоотношениях мужчины и женщины складывались из услышанного в детстве от мальчишек, а позже — из отрывочных разговоров в землянках, блиндажах, в полку, но чаще, когда находился в госпиталях и медсанбате.

Ещё в пяти- или шестилетнем возрасте я услышал от мальчишек песенку на мотив популярного в тридцатые годы фокстрота шимми «На далёком Севере эскимосы бегали»:

Это было у косы,
Заяц просит у лисы,

Лиса зайцу не даёт,
Зайка лапкой достаёт...

Многие годы я мучительно старался понять смысл этих строк. Что доставал лапкой заяц? Ничего придумать я не мог, но тогда спросить у взрослых не решился. Ещё раз эту непонятную присказку о заячьей лапке я неожиданно услышал в госпитале, куда был доставлен из-под Новозыбково полуживым, как потом говорили врачи – больше мёртвым, чем живым.

Когда через неделю бессознательного состояния я стал подавать признаки жизни, меня из подвального предсмертника подняли в общую палату. Поначалу моим соседом оказался Тимофей Петрович Седов. Первое время я боялся даже смотреть в его сторону. Тимофей, отчаявшийся в жизни до крайности, был донельзя изуродованный человек, или то, что от него осталось: без обеих ног и правой руки – короткие культяпки на их месте, – обезображенное грубыми шрамами лицо, слепой – на месте глаз страшные чёрные проёмы – и с торчащей изо рта стеклянной трубочкой, через которую его кормили, так как жевательных движений пока он делать не мог. Он тем не менее жил, но ни есть, ни пить, ни даже повернуться в постели самостоятельно не мог. Все в палате жалели его и с лёгкой руки пожилой санитарки звали Тимоней.

Когда ему показалось, что доктор чересчур бегло осмотрел его, а сестра в это время весело судачила у постелей других, более приятных ей пациентов, вместо того, чтобы обхаживать его, Тимоня издал рычащие звуки. Сестричка немедленно подошла к нему, всё поняла, положила руку ему на грудь, успокаивала. Выпив через трубочку стакан молока, он написал пальцем на тумбочке:

– Спасибо, сестрёнка.

Та всё поняла, улыбнулась и ласково спросила:

– Ещё принести?

Он отрицательно покачал головой.

Я был офицером, Тимоня – сержантом, но разговаривал он со мной как с подчинённым, а я на него не обижался.

Однажды, в последние недели моего нахождения в госпитале, в солнечный зимний день, когда лежачим на приземистой развозке прикатили в бачках обед, а мы, ходячие, собирались перейти по коридору в столовую отделения, в палату прибежал замполит госпиталя, худой, суетливый майор с нервным, дёрганым лицом. Стремительно подойдя к Тимониной кровати, он водрузил на тумбочку два горшка с геранью, необычно – не по званию, а по имени – поздоровался:

— Здравия желаю, Тимофей Петрович! — и, оборотясь ко всем присутствовавшим, громко попросил: — Товарищи, минуту внимания... Чрезвычайное известие...

Затем из кармана широкого белого халата достал и надел очки в тёмной роговой оправе, вынул сложенную вдвое бумагу, дрожащими от волнения руками развернул её и торжественным, срывающимся голосом зачитал полученную телефонограмму, в которой сообщалось, что Указом Президиума Верховного Совета Тимофею присвоено звание Герой Советского Союза.

Подоспел и начальник госпиталя, прозванный ранеными Медведем — рослый, здоровенный, с зычным голосом тёмно-рыжий мужчина, с ходу приказавший палатной медсестре:

— Бельё ему смените на всё новое!

Начальство, поздравляя, пожимало и потряхивало единственную Тимонину конечность, все были приподнято взволнованны, особенно замполит, возбуждённо выкрикивавший, как на митинге, газетные фразы о том, что Тимоня или, как он произносил, Тимофей Петрович — краса и гордость нашей армии, замечательный сталинский сокол, истинно русский богатырь, подвиг и слава которого будут жить в веках. Начальник госпиталя, столь же громогласно, распорядился одеть Тимоню в бязевую офицерскую рубаху и заменить ему старенькую прикроватную тумбочку на новую.

Я ожидал, что Тимоня обрадуется и прохрипит своей изуродованной гортанью благодарно, как и положено в таких случаях: «Служу Советскому Союзу!»

— А ты кто? — просипел Тимоня, услышав команду о замене белья, рубахи и тумбочки: в обращении с людьми для него не существовало ни возраста, ни званий, ни должностей, он всем без исключения говорил «ты».

— Начальник госпиталя, подполковник медицинской службы Терехов! — улыбаясь, уважительно представился Медведь.

— Скажи няньке, чтобы мне вторую булку к компоту давали! — прохрипел Тимоня и махнул рукой — мол, уходите.

Начальство, очевидно не поняв его жеста — чего он хочет, — молча переглядываясь, переступало в узком проходе с ноги на ногу, и Тимоня, чувствуя их присутствие, позвал:

— Васька, ты где?

— Здесь, — привычно откликнулся я.

— Гони их на ... — употребив широко известное матерное слово, обозначающее предмет, без которого невозможно продолжение жизни, велел мне Тимоня, — и няньку позови! Срать будем...

Этот глагол он употреблял во множественном числе, поскольку мы втроём помогали ему, удерживая на судне. Зная, что ниже таза у него всё оторвано, я старался не смотреть вниз во время этого трудоёмкого для всех процесса.

Медведь и его заместители, покраснев, но пытаясь улыбаться, делали вид, что ничего не произошло, и медленно, бочком подвигались к двери...

После окончания мучительной для всех процедуры мы отнесли Тимоню в ванную комнату и опустили в ванну. Пожилая санитарка помыла, затем бережно обтёрла части Тимониного тела, и мы перенесли его в палату на кровать, уже застеленную новым бельём. Перед тем как его уложить, куфелка[1] обхватила Тимоню руками, прижав к груди, стала расправлять на его спине складки рубашки-распашонки, чтобы даже такая мелочь не причиняла дополнительной боли его истерзанному телу.

Тимоня, уставший, но размякший и удоволенный, прохрипел:

– Куфелочка, спасибо, – затем тихо и жалобно попросил, – по такому случаю дай герою, несчастному инвалиду хоть одной лапкой, как зайка, за твою центральную гайку подержаться.

Куфелка покраснела и возмутилась:

– Срамник похабный! Ты эту дурь оставь! У меня самой на войне двое положены – мужик и сын. Я тебе так подержусь... Ты это девкам предлагай, а я уже пять десятков отмерила и не позорь меня!

Я тогда не понял гнева всегда такой ласковой и доброй куфелки, лишь в девятнадцатилетнем возрасте я наконец узнал, что такое «центральная гайка», и осмыслил, что доставал лапкой зайка.

В отделении для выздоравливающих и легко раненных, куда меня перевели за неделю до выписки, бравый капитан-артиллерист – рослый, широкоплечий, с выпуклой грудью здоровяк – Пантюхин рекомендовал пользоваться моментом и поближе познакомиться с женским персоналом госпиталя. После ужина, приглашая нас за компанию к знакомым женщинам, он весело напутствовал:

– Полчаса на обнюхивание – и в койку! С вазелинчиком! Хоть час, да наш!

Я не верил своим ушам: неужели всё так просто? Я напрягал мозги, пытаясь понять, что можно делать в койке, да ещё с вазелинчиком? Спать? Для чего так тесниться на узенькой коечке, ведь в госпитале нехолодно, топят хорошо, и куда в такой тесноте девать раненую руку, которая особенно нестерпимо болит и дёргает по

[1] Куфелка – ласковое прозвище пожилых санитарок в госпиталях.

ночам? После этого я долгое время пребывал в кошмарном убеждении, что близость между мужчиной и женщиной без вазелина – медицинского или технического – невозможна.

Без стыда не могу вспоминать позорный эпизод. Среди ночи я проснулся не от кошмарного сна, а от ощущения немыслимого жара, волной поднимавшегося от паха, бешеного сердцебиения и стука в голове. С ужасом я увидел, что ночная медицинская сестра почти лежит у меня в ногах, прикрывшись одеялом, и, склонив голову над моим животом, опускает трусы, в моей голове как молнией пронеслось – пытается откусить... мой член.

Мамочка родная!!! Членовредительство!!! И где? В госпитале!!! За что?! Я к ней так хорошо относился, мне она даже немного нравилась. Я покрылся испариной и бешено заорал:

– Что вы делаете?! Укол мне делают всегда утром!

– Дура-а-к, – задыхающимся хриплым голосом прошептала она, закрыв мне рот рукой, и, быстро выскочив из-под одеяла, стала оправлять халатик и сбившуюся косынку.

На мой вопль в палате проснулись раненые.

– Что случилось? Кто умер?

– У раненого Федотова горячка, – спокойно ответила сестра. – Не ори! Утром доложу врачу.

Я лежал не двигаясь, еле дыша, и слёзы жгучего стыда заливали мне лицо. Спустя час или полтора после случившегося я воспринимал её как извращенку, как садистку, получающую удовольствие от унижения офицера. Не отойдя от пережитого, я никак не мог уснуть, а под утро невольно услышал обрывок разговора:

–...Мне, командиру отдельного батальона, позарившись на плоть помоложе, попружинистей, ты предпочла мальчишку, сопливого лейтенанта... – говорил тихо и взволнованно мужской голос. – Неужели я это заслужил?

– Не было никакого лейтенанта! – послышался девичий голос. – Не было!.. А если и был – уходи, и чтобы я тебя больше не видела.

* * *

Впервые в жизни я влюбляюсь в семнадцатилетнем возрасте в 1943 году в костромском госпитале.

Около месяца я наблюдаю её издалека в широком коридоре соседнего отделения, расположенного за лестничной площадкой, в другой половине здания. Худенькая, стройная, быстрая и лёгкая

в движениях, с небольшой аккуратной головкой на тонкой шейке, большие зеленоватые удлинённые глаза на нежном лице — она напоминает мне молодую красивую козочку, и, не зная её имени, я поначалу мысленно так её и называю — Козочка.

Когда она дежурит, я часами болтаюсь в коридоре и издалека, на расстоянии пятнадцати-двадцати метров, посматриваю на неё, сожалея, что она работает в другом отделении, и, когда около неё крутятся ранбольные, я так переживаю, что не могу это видеть и ухожу в свою палату.

Мне, не имевшему и малейшего опыта отношений с девушками, было трудно решать неизвестные задачи. Что надо было делать, чтобы познакомиться? Я вспомнил, как в деревне говорили о стеснительном парнишке: «Молодой ещё, обращения не знает». Я тоже не знал обращения. С чего начать? Поцеловать в щёчку, что ли? Или сначала для уважения погладить и пожать ручку? А потом?..

И вот в начале декабря она неожиданно появляется в нашем отделении — подменяет заболевшую медсестру. При виде её я весь замираю, так она мне нравится, и во время первого же дежурства я понимаю, что влюбился и это — любовь... Правда, обнаруживается, что у неё хриплый резкий голос и разговаривает она с ранеными и персоналом довольно грубо.

Во время второго или третьего дежурства под вечер она на секунду возникает в дверях палаты и объявляет:

— Федотов, перед отбоем — на клизму. Сифон!

Я краснею и не могу ничего понять. Зачем мне клизма? Я ни на что никому не жаловался, и с животом у меня всё в порядке. Но наше дело маленькое. Наше дело, как всякий раз говорит на политинформациях майор, «приближать окончательный разгром врага», и задача у раненых конкретная — приближать этот разгром железной дисциплиной, тщательным соблюдением режима и всех врачебных назначений. Сифон так сифон!

В ванном помещении у стены стоит топчан, покрытый светлой клеёнкой, а над ним на стене висит большой грязно-розовый резиновый мешок с таким же резиновым шлангом и длинным пластмассовым наконечником с краником на конце. Мне никогда в жизни не делали клизму, но в аптеке я видел эти приспособления — небольшие, аккуратные, размером чуть больше груши, эта же дурында — на полведра, не меньше — сразу приводит меня в замешательство, смятение, портит мне настроение.

При пожилой врачихе и при других санитарках и медсёстрах я спокойно раздеваюсь почти догола, но при Дине — так зовут

Козочку – я не могу, стыжусь и в растерянности переступаю с ноги на ногу у топчана.

– Халат снимай, быстренько! – командует она, для наглядности энергично ухватывая меня за ворот халата. – Ну что ты жмёшься, как целка!.. Я для тебя не баба, а ты для меня не мужик... Ложись на левый бок! Ну, тюфяк нескладистый! Кулёма! Кальсоны сначала спусти. Теперь на левый бок. Быстренько! Колени больше подогни... Ещё...

С брезгливостью, глядя в сторону, она резким движением вдавливает большой пластмассовый наконечник куда-то совсем не туда, так что я морщусь от боли.

– Тьфу! – ругается она. – Такой здоровенный, а неженка. Маменькин сынок!

Наконец получается, но она раздражена своей промашкой, и неожиданно у неё вырывается:

– Лазить каждому в ж... – как вы все мне надоели!

Я чувствую, как в меня вливается холодная вода и распространяется внутри. Состояние гадкое: будто в тебя накачивают под давлением даже не бочку, а целую цистерну холодной воды. Под конец становится совсем нехорошо, ощущение такое, будто тебя с силой надули и ты вот-вот лопнешь.

Она с той же брезгливостью на лице, придерживая наконечник, смотрит куда-то в сторону и вполголоса напевает:

В парке Чаир голубеют фиалки,
Снега белее черешен цветы,
Снится мне пламень весенний и жаркий,
Снится мне солнце, и море, и ты...
Снятся твои золотистые косы,
Снится мне смех твой, весна и любовь.

Наконец эта постыдная, мучительная процедура заканчивается, и она снова командует:

– Давай! Быстренько! На боевые позиции, первая дверь налево. Смотри, в коридоре не навали... – предупреждает она меня.

Перед сном я долго лежу в кровати лицом к стене, униженный, оскорблённый и совершенно убитый. Вспоминаю всё, что она мне наговорила, разжёвываю каждое её слово. Обида и страшное разочарование душат меня, я всё больше натягиваю одеяло на голову и с трудом удерживаюсь от слёз.

А наутро выясняется, что выпотрошила она меня по ошибке: сифон надо было поставить Фёдорову из соседней палаты – ему предстояла операция.

Не столько её ошибка и равнодушие, сколько её неожиданная дикая грубость, так не соответствующая её внешности, несколько охлаждает мою влюблённость, но полностью избавиться от своего чувства к ней я не в состоянии.

Как-то в середине декабря, примерно за неделю до выписки из госпиталя, я часа в четыре утра отправляюсь в туалет по малой нужде и в коридоре у столика дежурной медсестры вижу: она, улыбающаяся, сидит на коленях у рослого мурластого сержанта, обхватив его рукой за шею, и что-то увлечённо жуёт, а он радостно шарит рукой у неё под халатом...

...Она умирает для меня медленно и мучительно, но окончательно от всех переживаний и влюблённости мне удаётся избавиться только спустя месяцы после госпиталя, в разгар наступления, уже в Германии...

* * *

В последующем я обдумывал для себя разные роли и подходы, искренне увлекаясь придуманным, но из-за какой-то робости и стеснительности самостоятельные попытки завязать знакомства с девушками были неудачны. На молодых, которые мне нравились и соответствовали моему представлению – офицерская избранница должна быть обязательно красивой, с хорошей фигурой и умной, – я не производил никакого впечатления. Они демонстративно-оскорбительно не обращали на меня внимания и на попытки ухаживания презрительно-снисходительно говорили, что у меня «ещё молоко не обсохло на губах, а я уже пытаюсь с ходу влезть к ним под юбку». Мне, боевому офицеру, было нестерпимо унизительно, когда сопливая девчонка так меня ошпетивала. Я не понимал, зачем лезть под юбку, когда мне нравится её лицо? И каждый раз я огорчался из-за своей деревенской неотёсанности и неосведомлённости...

Как-то капитан Арнаутов спросил меня:

– Ну что, малыш, как успехи? За девушками ухаживаешь? – и, увидев моё смущение, с удивлением воскликнул: – Как нет!? Я же видел тебя с одной. Целовался?

– Бросьте... – я весь зарделся.

Вообще-то в жизни меня целовала только бабушка и то в лоб. Среди деревенской детворы бытовало наивное представление: «Умри, но не давай поцелуя без любви», и я с детства был уверен, что если уже целовались, то придётся обязательно жениться.

– Нет, значит. Ну и дурак! Между прочим, целоваться уметь надо, иначе любая прогонит, – наставлял меня Арнаутов. – Опыта, как я вижу, у тебя нет. Ты... вот что... Вася, каждой женщине нужна черёмуха.

– Да ну! – отмахнулся я. – Какая ещё черёмуха?

– Брависсимо! – захохотал он. – Наш малыш Федотов мышей не топчет и баб, оказывается, ещё тоже. Ты далеко пойдёшь!

Навсегда запечатлелось в моей памяти, как мы, ничего не зная о жизни, стремились с юношеским максимализмом к отстаиванию своих наивных доморощенных представлений, путая увлечение, первую влюблённость с истинной любовью, а Кока, известный всей дивизии сердцеед, высмеивал нас:

– Какая любовь? Это ахи, вздохи, цветочки – любовь? Про такую только в книжках пишут. Вы Федотову голову не морочьте! Всё это демагогия с идеологией, но сейчас физиология важней.

– Сердцу не прикажешь, как и почему возникает любовь, – глубокомысленно ответил Володька, на которого это чувство, как я понял и опасался, уже накатило.

– А что сердце? Кусок мяса, – цинично заметил Кока. – Пусть волнуется...

– Переспать – это не любовь! – с горячностью заявил Володька и, желая побольнее зацепить Коку, намекая на его всеядность и неразборчивость в отношениях с женщинами, за что тот получил прозвище Кока-Профурсет, запальчиво спросил:

– А вам не кажется, товарищ старший лейтенант, что безнравственно спать с женщиной без любви?

– Братцы, не надо усложнять и морализовать! Ведь всё в жизни заканчивается холмиком, поэтому каждый день надо проживать весело и со вкусом. Девственники дремучие! – зашёлся в смехе Кока. – Ломаетесь здесь как целки! Запомните, коли не мил телом, то не угодишь и делом! А ты, Вася, главное не робей – коли взялся за грудь, говори что-нибудь!

Но что конкретно говорить, он мне не сообщил, а сам сообразить я не мог.

Боже ж мой, как же всё сложно в этой жизни и я жадно стремлюсь постичь её премудрости...

Я не знал ни одного офицера в дивизии, который бы пользовался таким успехом у женщин, как Кока. Впрочем, он никогда не называл имён или фамилий, не сообщал должностей или подробностей, но, появляясь в нашем обществе, нередко говорил:

– Состоялось!

Это означало, что одержана ещё одна победа, означало, что ещё одна женщина или девушка не устояла перед Кокой.

– Станочек!.. И всё остальное на месте! – провожая взглядом блондинку, пояснял Кока.

Впрочем, иногда бывали и срывы, чего он не скрывал:

– Хороша Маша, но не наша! Пустышка! Мимо сада с песнями!

Или объяснял причины, по которым желаемый контакт не происходил:

– По техническим причинам... или обстоятельства сильнее нас... для большой любви не было условий.

Относились к Коке по-разному: Арнаутов с большой симпатией – воспринимал его победы над женщинами как гусарство; Елагин же называл его, даже в глаза, «дегустатором» и «половым гигантом», уточняя:

– Кукушка по чужим гнёздам летает, чужие гнёзда разоряет. Такой он, из породы тех, кто за кусок кишки отмотает семь вёрст пешки. Это даже не природа с физиологией, а случка! Нам не до горячего, лишь бы ноги раскорячила! Никаких человеческих чувств! Не уважаю!

Кока на них нисколько не обижался, даже не пытался оправдываться, полностью соглашался с тем, что это не любовь, а лишь её естественное физиологическое проявление, в основе которого, как предметно и наглядно он объяснял, лежат корыстные, утробные интересы, и смысл только в том, чтобы каждый «шванц»[1] нашёл свою «мушель», тогда и ты доволен и она счастлива.

Одну из многих своих знакомых, лейтенанта интендантской службы, Кока именовал довольно странным прозвищем «пуповка» – мне тогда и в голову не могло прийти, что это не кличка, а жаргонное обозначение женщины определённого телосложения. Слышать я, разумеется, слышал, но в то время не знал его значения и от него впервые узнал о других подобных жаргонных терминах классификации женщин, распространённых среди офицерства: сиповка, ба-

[1] В немецком языке фактически нет матерных слов, мужской орган они называют «шванц» – то же, что и хвост, а женский обозначают словом «мушель» – раковина.

гамот, легковушка, швейная машинка, королёк, воронка, симуля, костянка, «прощай, Родина!», бульонка, с зубами, выворотка, мышиный глазок, княжна, ладушка, гудочек, нутряк, хлюпалка, каторжные работы, фуфлянка, химия, нулёвка, стальной лобок.

Некоторые из этих обозначений сохранились ещё со времён старого русского офицерства, другие появились позднее, впрочем, ни в тех, ни в других не содержалось загадочного, замысловатого или похабного – всё было просто и предметно. Так, например, «легковушками» ещё во время Первой мировой войны, когда легковые автомобили были немалой редкостью, среди офицеров действующей армии именовались легкодоступные женщины, которые, боясь упустить мимолётное счастье, в первые же минуты отдавались прямо в салоне. Отсюда, очевидно, возникло сохранившееся и спустя десятилетия выражение «проехаться (или прокатиться) на легковушке». «Бульонками» именовались худенькие, костистые женщины: в конце двадцатого столетия под влиянием Запада они стали престижной, манящей моделью, худоба, достигаемая диетой и даже беспощадным голоданием, сделалась мечтой многих миллионов, . Однако до этого в России испокон века в женщинах ценили телесность – бёдра, груди и прочие округлые выпуклости, – и в сороковые годы, во времена моей юности, с худенькими, костистыми, как о них тогда язвительно говорили: «Я люблю твои хилые ноги и люблю твою чахлую грудь», имели дело лишь за неимением лучшего.

Впоследствии я узнал, что настоящий офицер должен уметь безошибочно классифицировать женщину ещё до близости с ней: по экстерьеру, по движениям и походке, в особенности же по строению ног, бёдер и ягодиц («станочек» и «подвеска»), а также по темпераменту, по выражению или игре лица и глаз и, наконец, по явным или замаскированным намёкам. Однако лично мне, хотя я, безусловно, был офицером в законе, достичь такой компетенции и совершенства и в последующем так и не удалось, впрочем, и обстоятельства моей дальнейшей жизни никак тому не способствовали. В памяти навсегда осталось, что, например, к женщинам типа «мышиный глазок», «княжна», «ладушка» и «гудочек» следует стремиться – они наиболее привлекательны и приятны; женщин же типа «костянка», «хлюпалка», «прощай, Родина!», «воронка» или «каторжные работы» – необходимо избегать, иметь дело с ними – удел штатских, а также рядовых и сержантов – по нужде, с голодухи.

Даже порядочные, с образованием женщины, намного старше по возрасту – их называли «мамочки», – очень легко, просто легкомысленно относились к любовным связям. Обращаясь с предло-

жением интимной близости, ворковали: «Беру грех на себя!» и о самом сокровенном говорили грубо: «помараться», «подставила по пьянке», «отпустила», а то и вовсе матерными глаголами.

Капитан Арнаутов о таких женщинах говорил брезгливо:

– Дырка!!![1] Дырка немытая, и больше ничего! Такой поставил пистон, вдул – и забыл! Если контакт неизбежен, то, как говорят французы, расслабься и получи удовольствие!

Вспоминая Коку, мне всегда приходило в голову, что он, как ласковое теля, не двух маток сосал, а бесчисленно.

Я удивлялся, как много в этих интимных отношениях тайного, нечистого, пошлого и постыдного, и это меня ужасало.

Тогда, весной сорок пятого года, человечество стремительно падало в моих глазах. Только впоследствии, спустя годы, я понял, что это было естественное желание и потребность миллионов молодых и зрелых мужчин, не знавших ранее женской ласки или изголодавшихся по ней, снять с себя напряжение, грязь, кровь, боль четырёх лет войны...

---

[1] Дырка *(жарг.)* – женщина как объект для полового акта.

36. КАК ПРИДЁТ ЛЮБВИ НАПАСТЬ, ХОТЬ БЫ ВОВСЕ НЕ ПРОПАСТЬ...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УТ 71 А *Подана 16.05.45 г.* *14 ч. 00 м.*

Военный Совет армии располагает фактами, когда командиры частей представляют ходатайства на получение разрешения о ввозе в пределы Германии «жён», не занесённых в послужные списки офицеров и не состоящих с ними в браке.

Командирам частей и соединений тщательно проверять каждого офицера на наличие у него «законной жены», занесённой в послужной список, на «жён», не занесённых в таковые, ходатайств не представлять.

СООБЩЕНИЯ

18.05.45 г.

Гр-ке Буковской Е.Л.,
проживающей: Винницкая область,
Оратовский район, село Медовка

На Ваше письмо с запросом вторично сообщаю, что военнослужащий Буковский Иван Иосифович жив, здоров и проходит службу в войсковой части полевая почта ...

По интересующему Вас вопросу, почему он не пишет Вам письма, с ним проведена беседа, на которой Буковский заявил, что отправил в Ваш адрес одно письмо 10 апреля с.г., где он объяснил причину. Больше писать Вам не намерен, так как у него есть другая настоящая жена.

Гр-ке Калюжиной С.И.,
проживающей: ст. Загорянская,
Северной жел. дороги,
11 просек, дом 87

На Ваше заявление сообщаю, что у майора Кирилина имеется жена Кирилина Анна Ивановна и двое детей. Вы же официального документа о браке с ним не имеете, и поэтому АХО в выдаче продуктов отказал Вам правильно.

Документы о браке мы не выдаём, это производится в ЗАГСе местных Советов депутатов трудящихся только по личному обоюдному желанию вступающих в брак. По этому вопросу Вам следует обратиться лично к майору Кирилину.

Начальник отдела кадров

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ 71 АРМИИ

20.05.45 г.

За последнее время отмечаются случаи, когда отдельные командиры соединений своими приказами оформляют вступление в брак и регистрируют разводы своих военнослужащих.

Так, например, командир ... артбригады подполковник Твердин своим приказом от 19 мая с.г. зарегистрировал брак майора Евтенко Д.А. со старшиной медслужбы Бусыгиной Г.М.

Командир ... дивизии подполковник Лясковский приказом от 20 мая зарегистрировал брак капитана Зеленова П.П. с рядовой Подчищаевой О.П., а приказом от 21 мая с.г. расторгнул брак лейтенанта м/с Чемборисовой З.С. со ст. лейтенантом Чепурным И.К.

Данные приказы являются незаконными, т.к. противоречат ст. 111 «Кодекса законов о браке, семье и опеке» и Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 июля 1944 года, согласно которым регистрация и расторжение браков может производиться только органами ЗАГСа[1]. Исходя из этого

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Приказы указанных командиров, как противоречащие закону, отменить, а выданные на основе этих приказов справки изъять.

[1] Отделы ЗАГСа на территории Германии начали функционировать с марта 1946 г.

2. Разъяснить всем командирам частей, соединений и начальникам учреждений армии, что согласно существующим законам, регистрация и расторжение браков устанавливаются не волевыми приказами начальников, которые не являются официальными документами, а только отделами записей актов гражданского состояния (ЗАГСами), и предупредить их о недопустимости издания такого рода приказов.

Генерал-полковник Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ПО ТЫЛА ГСОВГ Подана 21.05.45 г. 12 ч. 10 м.

Нач. политотделов и зам.командиров частей по политчасти

Направляю выписку из прокола заседания парткомиссии при Политуправлении ГСОВ в Германии по делу члена ВКП(б) Солтанова А.П.

В связи с тем, что имеется немало случаев нарушения военнослужащими закона о семье и браке, а командиры и политработники не хотят и не принимают мер к ликвидации создавшегося ненормального положения в семьях, на ближайших партсобраниях зачитать направленную выписку, увязав её с местными фактами нарушений, сделать выводы и усилить внимание к семейным отношениям военнослужащих.

В этом же направлении провести работу среди комсомольских организаций и всего офицерского состава.

Нач. политотдела
полковник Лошаков

ВЫПИСКА ИЗ ЗАСЕДАНИЯ ПАРТКОМИССИИ

Капитан Солтанов Алексей Петрович, помощник командира по технической части автобатальона, 1912 г. рождения, белорус, рабочий, образование н/среднее, в Красной Армии с 1934 г. по 1936 г. и с 1939 г. На фронтах Отечественной войны с сентября 1942 г. Член ВКП(б) с июля 1943 г.

В январе 1945 г. Солтанову за сожительство с военнослужащей Васечкиной И.М. парткомиссией при политотделе 136 стрелкового корпуса был объявлен выговор без занесения в учётную карточку. В мае с.г. Солтанов обратился с ходатайством зарегистрировать его

брак с Васечкиной И.М. в связи с её беременностью и предстоящим отъездом на Родину в Белоруссию.

Выяснилось, что Солтанов, выдавая себя за холостого, скрыл от Васечкиной И.М., что он женат и, как оказалось, уже не раз.

Было установлено, что Солтанов первый раз женился на гр-ке Поливановой в 1933 г. и брак был зарегистрирован в ЗАГСе, в 1935 г. в этой семье родился сын. В 1938 г., не расторгнув брак с Поливановой, Солтанов женится вторично на гр-ке Ивацевич, брак этот также регистрируется в ЗАГСе, в мае 1939 г. у них родилась дочь. При этом первой жене на содержание сына Солтанов ничего не выплачивал, на содержание дочери от второго брака выплачивает незначительные суммы.

Решением парткомиссии капитан Солтанов А.П. за грубое нарушение им закона о семье и браке, выразившееся в многожёнстве, исключён из членов ВКП(б).

ДОНЕСЕНИЕ

22.05.45 г.

Военному коменданту
Бранденбургского округа

Доношу, что заместителем по политчасти районного военного коменданта г. Бельциг майором Ковалёвым в мае с.г. была взята на работу в качестве переводчицы некая Сухаревская Вера Александровна, с которой он сразу стал сожительствовать.

В процессе проверки ОКР «Смерш» было установлено, что Сухаревская с октября 1942 г. находилась в Германии и работала у сотрудника гестапо Карла Пауля в качестве переводчицы. Помимо этого Сухаревская имела интимную связь с немецким офицером, обер-лейтенантом СС.

Мною дано указание начальнику опергруппы Бельцигского района арестовать Сухаревскую и направить её в оперативную группу округа.

Вышеизложенное сообщаю для принятия мер к майору Ковалёву на Ваше рассмотрение.

Военный комендант г. Бельцига

ДОНЕСЕНИЕ

23.05.45 г.

Доношу, что большинство офицерского состава Трофейного отделения, размещающегося в г. Фрайбург, начиная от начальника отдела, сожительствуют с подчинёнными, допускают панибратство, теряют презрение и ненависть к немкам. Привожу несколько фактов из личных наблюдений и бесед с офицерами.

Нач. отдела подполковник Литовченко сожительствует с некоей Вишневской, которая нигде не работает.

Подполковник Севоклов живёт с лейтенантом мед. службы Пресняковой.

Подполковник Фатенчев взял на работу без предварительной проверки ОКР «Смерш» некую Свистунову, пригрел её и живёт с ней, хотя женат и имеет двух детей.

Слабо поставлена воспитательная работа с личным составом.

В городе часто можно видеть, особенно в выходные дни, в свободное от занятий время, когда наши военнослужащие посещают кафе и рестораны, общаются с немками, многие без стыда, не таясь, появляются с ними на улицах города под ручку, чем роняют честь воина Красной Армии.

Так, младший лейтенант Галямов, командир взвода отдельной роты, член партии, шёл под руку с немкой по городу. Мною сделано замечание и сообщено парторгу роты.

Капитану Коншину (член партии), тискавшему и целовавшему немку средь бела дня, сделано замечание, на которое он не отреагировал, о чём также сообщено парторгу.

Майор Мясников, работающий в демонтажной группе, находился с немкой в ресторане. Дежурным офицером комендатуры было указано майору на недопустимость его пребывания в такой компании, но на замечание патруля майор и ухом не повёл и продолжал веселиться с немкой.

Аналогичные замечания неоднократно получали и многие другие, но выводов для себя офицеры не сделали.

Дошло до того, что офицеры приводят немок в кино, которое находится в расположении части. Так, ст. лейтенант Поляков и ст. лейтенант Парфилов привели немок на просмотр фильма и выявлены были только тогда, когда одна из немок несколько раз произнесла: «О, майор... майор» и пригласила его «шпаницер махен», то есть прогуляться после фильма.

22 мая с.г. в ночное время были задержаны на квартирах у немок офицеры: капитан Блидуха, ст. лейтенанты Чигин, Таченарук и Соколов – сведения на них переданы командованию дивизии для привлечения к дисциплинарной ответственности.

В г. Ной-Руппин было вскрыто два публичных дома, которые посещали военнослужащие. Как говорят, у немок эта работа поставлена серьёзно, обстоятельно, они считают, что увольнительные в «пуф» (бордель, значит) – это «гезунд», мужчине, короче, для здоровья надо. Из посещавших этот «пуф» у мл. лейтенанта Худиняки (член партии) выявлена гонорея, а у нач. ветслужбы майора Яковлева – сифилис.

Публичные дома были немедленно закрыты, находившиеся там немки выселены за пределы города, заболевшие военнослужащие направлены на лечение.

Много военнослужащих сожительствуют с немками, пользуясь совместным расположением квартир. В таких случаях факты сожительства можно выявить только путём систематического наблюдения.

По линии командования и политорганов к лицам, допускающим аморальные поступки, применяются меры дисциплинарного и партийного воздействия.

Военный комендант г. Фрайбурга

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Начальнику политотдела 71 армии
Копия: Начальнику политотдела 136 стр. корпуса

Доношу, что 24 мая 1945 года в городе Бранденбурге на Вриденштрассе, 17, у владелицы фотоателье немки Лизелоты Ноновитц, 29 лет, военным переводчиком ... полка лейтенантом Мишиным были обнаружены 719 фотоснимков, на которых изображены сцены пыток, изнасилований, убийств и различных зверств немецких солдат и офицеров войск СС над советскими военнопленными и мирным гражданским населением на территории СССР и в лагерях смерти. Все фотографии были снабжены краткими сведениями, замечаниями и пояснениями на немецком языке.

Как установлено органами «Смерш», фотографии, аккуратно наклеенные и помещённые в четырёх больших дорогих альбомах, принадлежат семье Ноновитц и были сделаны в 1941–44 гг. отцом Лизелоты Ноновитц штурмбанфюрером войск СС Альфредом

Ноновитц, её матерью Мартой Ноновитц и её братом Паулем Ноновитц.

До призыва в войска СС в 1939 году глава семьи Альфред Ноновитц, по профессии фотограф, являлся владельцем фотоателье, где после него стала хозяйничать его жена, а впоследствии, с 1942 года, его дочь.

Изъятые при обыске личные письма и фотографии с пояснительными подписями и датами под каждой свидетельствуют, что Альфред Ноновитц с июля 1941 года находился на территории СССР во главе карательной команды «Ваффен СС» (полевая почта 77640), в которой под его командой служил также его сын, ротенфюрер войск СС Пауль Ноновитц, 24 лет. Оба они зафиксированы на многих фотоснимках в момент совершения ими пыток, зверств и расстрелов.

Мать Лизелоты Ноновитц, Марта Ноновитц, с февраля 1942 года являлась старшей надзирательницей над русскими девушками в одном из филиалов концлагеря Заксенхаузен в 30 км севернее Берлина. Как сейчас установлено, отличалась особой жестокостью и садизмом. В конце апреля с.г. перед приходом советских войск скрылась в неизвестном направлении.

Отделом контрразведки «Смерш» 425-й дивизии объявлен и ведётся активный розыск Альфреда, Пауля и Марты Ноновитц.

Установлено, что Лизелота Ноновитц, обладая большим запасом фотобумаги и реактивов, несмотря на запрещение немецкому населению фотографировать советских военнослужащих, за время с 10-го по 24-е мая перефотографировала сотни бойцов, сержантов и офицеров дивизии, в связи с чем ателье опечатано, а фотоаппаратура, негативы, фотобумага и реактивы изъяты.

Как выяснилось при расследовании, матёрая нацистка Лизелота Ноновитц, член фашистской партии с 1936 года, более двух недель сожительствовала с лейтенантом Мишиным. Используя его в своих личных половых интересах, преступно развращая и спаивая, пыталась выведать у него интересующие её сведения, что в конце концов насторожило Мишина и способствовало изобличению преступного прошлого всего семейства и коварных замыслов самой Лизелоты.

Своё бытовое сращивание и связь с немкой Лизелотой Ноновитц лейтенант Мишин пытался оправдать тем, что это якобы было им сделано с целью разведки и «выявления гитлеровского подполья в районе дислокации дивизии», с целью «распознавания приёмов и методов врага», однако эти объяснения несостоятельны и смехотворны.

За потерю воинской и классовой бдительности, физическую близость с немкой и моральное разложение лейтенант Мишин заслуживает самого сурового наказания, однако, учитывая его молодость, участие в Отечественной войне и то, что он по собственной инициативе сообщил об увиденных им фотографиях, чем способствовал изобличению преступного прошлого семейства Hоновитц, командование и политотдел дивизии решили ограничиться привлечением его к строгой дисциплинарной и комсомольской ответственности.

Как он сам, так и ещё 97 молодых офицеров, проживавших на частных квартирах в немецких домах, для предотвращения бытового сращивания и возможных половых связей с немецкими женщинами, приказом командира дивизии переведены на казарменное положение и взяты под строгий контроль.

До всего личного состава вторично доводится категорическое запрещение фотографироваться у немцев.

Приложение: Билет НСНРП Лизелоты Hоновитц. Четыре альбома с фотографиями — только первому адресату для передачи по принадлежности с целью дальнейшего оперативного использования.

Нач. политодела 425 сд
полковник Фролов

ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕМУ 71 АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ СМИРНОВУ А.И.

«Личное»

Многоуважаемый Александр Иванович!

Гр-ка Карпова Анастасия Тихоновна, жена начальника санитарного отдела Вашей армии подполковника медицинской службы Чеботаева Н.И., обратилась к Начальнику Главвоенсанупра Красной Армии (копия письма прилагается) с просьбой оказать ей неотложную помощь в восстановлении семьи.

Подполковник Чеботаев Н.И. в конце апреля месяца с.г. сообщил гр-ке Карповой А.Т. (копия письма прилагается), что на фронте он сошёлся и с марта с.г. живёт с другой женщиной, с которой собирается создать новую семью, тем самым поставив её в известность о неизбежности развода в ближайшем будущем.

Как стало известно гр-ке Карповой, этой «другой женщине», медсестре Осокиной Валентине, всего 21 год, в то время как самому подполковнику Чеботаеву — 47 лет.

Подполковник Чеботаев Н.И. и гр-ка Карпова А.Т., судя по её письму, состоят в браке свыше 19 лет, имеют двух несовершеннолетних дочерей, поэтому прошу Вас, по возможности в присутствии начальника политотдела армии или его заместителя, лично переговорить с тов. Чеботаевым о его семейных взаимоотношениях и выяснить его дальнейшие намерения к упорядочению семейной жизни.

Убедительно прошу Вас довести до сведения подполковника медслужбы Чеботаева, что Высшее Командование Красной Армии и, в частности, Начальник Главного Военно-Санитарного Управления генерал-полковник медицинской службы Е.И.Смирнов крайне отрицательно относятся к оставлению офицерами довоенных семей с целью женитьбы на молоденьких военнослужащих или вольнонаёмных, и в данном случае может возникнуть вопрос о привлечении его к партийной ответственности и закономерном увольнении из кадров Красной Армии.

Во время беседы прошу Вас обязательно довести до сознания тов. Чеботаева, что семья – основная ячейка советского общества, и она должна оберегаться и сохраняться любой ценой.

О результатах разговора прошу сообщить мне для доклада генерал-полковнику Е.И.Смирнову, приложив к Вашему ответу подробное письменное объяснение подполковника Чеботаева Н.И. с его окончательным решением.

Приложение – упомянутое, на 3-х листах.

С глубоким уважением,

Зам. начальника Управления кадров ГВСУ

полковник а/с Бурмистров

37. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АДЕЛИНЫ

Мы мчались на мотоцикле по шоссе в Левендорф. Встречный ветер превратился в тугую подушку. Я так размечтался и так был занят своими мыслями, что с опозданием сбросил скорость и плохо вписался в поворот: колесо коляски выскочило на обочину и неслось, летело по кромке травы, ещё секунда, и мы бы оказались в кювете. Арнаутов крикнул: «Вася! Смотри!», но я и так в последнее мгновение справился с управлением, и мы снова мчались по тёмному, ровному как зеркало немецкому асфальту, и от ожидания знакомства с Натали, от ожидания чего-то крайне важного, большого и неповторимого, предназначенного мне в этот вечер, приятно замирало сердце и всё во мне радовалось и пело.

«Только раз бывает в жизни встреча, только раз судьбою рвётся нить, только раз в холодный зимний вечер мне так хочется любить...»

День был не зимний и не холодный, а летний и тёплый, и потому я без труда непроизвольно заменил слова в романсе и напевал про себя сначала «в весенний тёплый вечер», а потом «в победный майский вечер». «Воины-победители», «победа» и «победный» в мае сорок пятого были, пожалуй, самые употребительные слова в газетах, по радио и на политинформациях, они были на слуху у всех, и каких-либо способностей или сообразительности для такой замены не требовалось, но я радовался тому, как складно перефразировал. После девятого мая, когда сознание, что ты остался живым, а впереди у тебя академия и блестящее офицерское будущее, сознание, что мир лежит у наших ног и каждый из нас персонально держит Бога за бороду, с каждым днём укреплялось и разрасталось. Душа ликовала и мне действительно хотелось любить.

В этот час, забыв об утренней неудаче с отборочным смотром, я был доволен собой, жизнью и человечеством, меня радовало буквально всё. Я вспоминал Кокино напутствие: сказано было грубо и с явным преувеличением («всё, что шевелится»), но по сути, надо полагать, верно, и потому это наставление мне следовало воспринимать как руководство к действию...

Минуты спустя мы въезжали в Левендорф, утопавший в густой обильной зелени до окон вторых этажей, а местами и до тёмно-красных черепичных крыш, посёлок дачного типа, где раньше помещался немецкий лазарет, сейчас же в его зданиях располагался наш армейский госпиталь.

У крайних домиков при въезде на обочинах, на крепких деревянных стойках были установлены два больших щита наглядной агитации с броскими крупными буквами, лозунгами-призывами: на левом – «Смерть немецким захватчикам!» и на правом – «На чужой земле будь бдителен втройне!».

Это категорическое требование, завершавшее во время войны все приказы Верховного Главнокомандующего – «Смерть немецким захватчикам!» – сразу после окончания военных действий в дивизионной, армейской и фронтовой газетах было заменено лозунгом «За нашу Советскую Родину!», и нам было приказано зачёркивать его на бланках взводных и ротных боевых листков, а здесь, в Левендорфе, и спустя две с половиной недели после капитуляции оно почему-то оставалось.

Третий щит со стандартным лозунгом оказался у нас на пути. В центре посёлка стоял мемориальный комплекс «Unseren Helden 1914–1918»[1] – памятник местным жителям, павшим в Первой мировой войне. Я хорошо рассмотрел его ещё две недели тому назад, когда приезжал сюда с Володькой и Елагиным.

За чугунной оградой на высоком постаменте возвышалась фигура, метра три высотой, коленопреклонённого немецкого воина в каске, с мечом в правой руке, в сапогах, застывшего в позе клятвы или скорбного раздумья. Как объяснил мне тогда Елагин, до войны он был филологом, это довольно распространённое скульптурное изображение называется «Зигфрид, кующий меч войны». Немцы после поражения и позорной капитуляции установили его во многих городах не только в память о погибших, но и как напоминание нации о прошлых, начиная со средневековья, победах. Лет через пятнадцать после войны и у нас в России появилось нечто очень похожее на эту скульптуру, получив широкую известность и признание под названием «Перекуём мечи на орала».

У подножия постамента, заботливо обложенного свежими цветами, над толстой гранитной тёмно-серой плитой, на которой позолоченными готическими буквами перечислены имена и фамилии десяти или двенадцати жителей Левендорфа, их воинские

---

[1] «Нашим героям» *(нем.)*

звания, даты рождения и смерти, крупными прямыми буквами, как утешение для родственников, надпись: «Deuchland wird sie nie vergessen»[1].

С обратной стороны памятника на высоких металлических штангах был укреплён щит, на нём также броско и, пожалуй ещё бóльшими буквами, очевидно для того, чтобы немцы не забывали о своей вине в этой войне — если только они могли прочесть по-русски, — надпись: «Германия — страна насилия и разбоя!»

У памятника я притормозил и подъехал к указанному Арнаутовым палисаду одного из десятков, в большинстве своём одинаковых, двухэтажных каменных коттеджей, тянувшихся по обе стороны улицы. Открыв ворота, я въехал во двор, где в глубине сада под деревьями стоял чёрный «опель-капитан», как мне показалось, это была машина майора Булаховского. С веранды, сплошь обсаженной густым широколистным плющом, доносились голоса, затем кто-то радостно закричал:

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи!

Я понял, что там играли в карты; собственно, главным образом ради «пульки», ради неизбывного азарта непонятного мне преферанса Арнаутов сюда и приехал: как он сам мне сказал, дню рождения Аделины он мог уделить не более часа.

— Мотоцикл надо поставить в гараж или в сарай, — сказал он мне, стоя уже у крыльца. — Мамус-хренамус... Я сейчас...

«Мамус-хренамус» в данном случае означало, что я должен, используя крайне скудные познания в немецком языке, договориться с хозяйкой или хозяином относительно пристанища для мотоцикла. Поправив китель и старенькую полевую фуражку, он ушёл на веранду, и я слышал, как он здоровался и ему отвечали приветливо-оживлённые мужские голоса.

Разглядев в саду меж кустов смотревшего в мою сторону старика немца в полосатой фланелевой пижаме и ночном голубом колпаке, я поманил его пальцем, и, когда он, кланяясь, испуганно-заискивающий, подошёл, я в основном жестами, добавляя отдельные немецкие слова и показывая на циферблат часов, объяснил ему, что мне надо до полуночи оставить здесь мотоцикл, и в заключение для внушительности со значительным видом произнёс фразу, которая, как я всякий раз убеждался, действовала на немцев неотразимо: «Бефель ист бефель!»[2]

[1] «Германия вас никогда не забудет» *(нем.)*.
[2] «Приказ есть приказ!» *(нем.)*

Через минуту я уже закатывал мотоцикл в пустой гараж, старик усердно помогал и подталкивал сзади, упираясь тёмными морщинистыми руками и тяжело дыша, чем меня тронул или разжалобил, и я его, как говорил Кока, «приласкал» — дал ему пять штук немецких армейских сигарет, после чего он, приложив руки к груди, стал подобострастно кланяться, повторяя: «Danke schön!.. Ein guter Mann!.. Danke schön!.. Ein guter Mann!..»[1]

О том, что я хороший человек, мне приходилось слышать от цивильных немцев десятки раз, в том числе и от Ганзенов, хозяев дома, где мы жили. Правда, в последнюю неделю-полторы, наверное, поняв, что убивать их не собираются и ничто страшное им не угрожает, они перестали прибегать к лести, а вот этот старик меня почему-то боялся и считал необходимым угодничать.

Когда, передав мне ключ, он, пятясь и продолжая кланяться, вышел из гаража, я, достав бархотку, освежил глянец на сапогах, стянув за спину складки, одёрнул гимнастёрку и застегнул верхнюю пуговицу стоячего воротника.

— Василий, ты готов? — появляясь на крыльце, позвал Арнаутов.

— Так точно! — бодро ответил я и, схватив из коляски кофр с пластинками, быстро вышел из гаража и закрыл ворота на ключ.

Когда я обернулся, Арнаутов с интересом смотрел на меня.

— Что, так и пойдём? — спросил он.

— А как? — не понял я.

— Русский офицер с женщин денег не берёт!.. — сделав приподнятое строгое лицо, медлительно, напыщенно и с несомненной насмешкой или издёвкой проговорил, точнее продекламировал, он. — Не берёт и не даёт!.. Мы приглашены на день рождения дамы, замечу, не просто дамы, а невесты твоего близкого друга, — после короткой паузы, переменив тон, пояснил он. — Ты офицер или хам, штафирка из пивной рыгаловки?.. Фу!!! — как собачонке, неодобрительно выкрикнул он мне. — Учишь тебя, учишь, и всё — мимо сада с песнями!.. Неужели ты думаешь, что мы можем прийти на день рождения дамы без цветов? Неужели ты думаешь...

— Виноват, товарищ капитан, — наконец сообразил я. — Минутку!..

Поставив кофр с пластинками на лавочку у веранды, я, открыв ворота, заскочил в гараж и, вытащив из-под сиденья в коляске пачку сигарет, вынул ещё пять штук и бросился в сад. Я боялся, что старик

[1] «Спасибо... Замечательный человек...» *(нем.)*

немец куда-нибудь ушёл, но он курил, сидя на большом ящике у водопроводного крана и, как только я выбежал из-за угла, поднялся и смотрел на меня выжидательно и не без страха.

— Мужик, срочно нужны цветы! — протягивая ему сигареты, сообщил я и показал на грядки, где росли пышные, разных цветов тюльпаны и нарциссы. — Блюмен... Двадцать... цванциг штукен. Давай! Быстренько!.. Блюмен!.. Цванциг... Шнель!

Он взял сигареты, бережно поместил их в верхний карман пижамы, затем большим садовым ножом срезал ровно десять крупных алых и лиловых тюльпанов и десять белых и жёлтых нарциссов, умело расположил их вперемежку в букете и протянул мне. При этом он уже не повторял, как попка, что я хороший человек, и вообще не вымолвил и слова, а я смотрел на грядки с цветами и жалел, что попросил всего двадцать, а не тридцать или даже не сорок, — он бы не отказал и ничуть бы не обеднел.

Спустя минуты мы шли по улице. Одёргивая на ходу гимнастёрку, поправляя на голове Кокину фуражку и заранее выпятив грудь — «шлюс и баланс!», я нёс кофр с пластинками, цветы же Арнаутов у меня отобрал, заявив, что я держу букет как веник и мне ещё надо многому научиться, и добавил:

— Запомни! В обращении с женщинами цветы — это сильное оружие, и офицер должен применять его и уметь пользоваться цветами.

Он так и сказал — «пользоваться».

ДОНЕСЕНИЕ

Военному Прокурору

Доношу, что 25 мая с.г. в 12.50 в 588-й ОМСБ поступил в агональном состоянии рядовой 2-го взвода ... стр. полка Дергунов П.И. с тяжёлым отравлением неизвестным веществом. Через 10 минут после доставки в 13.00 он скончался.

Сообщаю этот факт для проведения немедленного расследования обстоятельств и причины данного отравления со смертельным исходом и выявления ещё возможных отравленцев в этом стр. полку для их своевременной госпитализации и проведения лечения.

Командир ОМСБ

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Начальнику политотдела 425 сд

Направляю Вам выписки из писем военнослужащих Вашей дивизии, просмотренных спеццензурой НКГБ.

Военнослужащий батальона связи Шорохов Г.В.:

«...В нашем подразделении плохо заботятся о воинах-победителях. Мы не получаем пищи, которая установлена для бойцов Красной Армии, но зато обеспечиваем продовольствием немцев, у которых и так много припрятано в подвалах и погребах. В столовой выдают пищу, приготовленную из порченых продуктов, и никто из командования не обращает на это внимания. Поневоле приходится прихватывать у немцев часть их запасов...»

Ст. лейтенант Булаков Е.М.:

«...У меня плохое состояние здоровья. Врачи не принимают никаких мер, они привыкли в войну отсыпаться в блиндажах, вот и сейчас ничего не делают, только каждый вечер пьянствуют с сёстрами. Питание в госпитале ещё хуже, чем в полку, там хоть добывали продукты сами. А здесь медики добывают из мочи и на водку, и харчи...»

Нач. оргинструкторского отдела

* * *

Аделина была великолепна и ослепительно хороша: в тёмно-синем бархатном платье с короткими рукавами, в новеньких, в цвет платью, туфлях-танкетках; красивая, гордо посаженная голова, длинные светлые волнистые волосы, туго схваченные выше лба маленьким, обтянутым бархатом синим обручем, спадали сзади на спину; небольшая высокая грудь; длинные стройные ноги и выраженная линия бедра; царственные, без преувеличения, осанка и поглядка — всей своей статью она, несомненно, соответствовала определению, данному ей Володькой: Kingsledi — королевская женщина!

Володька, став сбоку, приветливо и с почтением представил:

— Капитан Арнаутов, Сергей Павлович. А это — Аделина. Прошу любить и жаловать!..

— Очень приятно! — щёлкнув каблуками хромовых сапог, сказал Арнаутов, вручил ей цветы и тут же, взяв её правую руку и чуть приподняв, поцеловал, повторяя при этом «Очень приятно», затем сделал шаг в сторону, снова щёлкнув каблуками.

Сдержанно улыбаясь, она взяла букет и передала его Володьке.

— С Василием ты знакома, — сказал Володька, делая жест в мою сторону.

Подойдя к Аделине, я с волнением, стараясь делать всё как Арнаутов, щёлкнул каблуками, поднял её руку, поднёс к губам и поцеловал. Звук, который я издал при этом ртом или носом — как бы чавкнул, хоть и не совсем громко, но это было замечено, — совершенно обескуражил и остался в памяти: никогда в дальнейшей жизни я даже не пытался целовать руки женщинам.

Затем я протянул ей кофр с пластинками, она скупо поблагодарила и ещё более сдержанно, чем Арнаутову, улыбнулась. Зато Володька светился радостью, и я ещё подумал: если бы он знал, что в кофре из двенадцати указанных им пластинок было только девять...

— Проходите, — пригласил нас Володька.

И тут откуда-то из-за его спины появилась одна из приглашённых; она ласково и зазывно взглянула на меня, и я с замирающим сердцем от пронзительного, мгновенного разочарования — какая страхулида! — подумал, что это и есть Натали, на знакомство с которой я так настраивался, но она протянула мне сухонькую ладонь и произнесла:

— Сусанна.

Застеленный белой накрахмаленной скатертью длинный стол был накрыт на двенадцать человек весьма свободно и сервирован дорогой немецкой посудой, мельхиоровыми вилками, ножами и ложками.

Когда мы появились, застолье уже было в разгаре и все гости были уже хорошо «взямши». Как сказал бы Лисенков, они все здесь гужевались на халяву.

На столе были рис, тушёнка и деликатесы трофейного происхождения: шпроты, сардины, копчёности, мармелад, шоколад, стояли восточно-прусская медовая водка «Бэрэнфаг», то есть «Медведелов», бутылки немецкого вина «Либфрауенмильх» — «Молоко любимой женщины», — на которых по-немецки значилось: «Только для вермахта. Продажа запрещена», и французского «Дю Солей» — «Солнце в бутылке».

Арнаутов, понимающий толк в винах, сразу посоветовал:

— Ты эту кислятину не пей, кишки попортишь!

Попавшие в руки союзных войск склады германской армии были полны продовольствия и самых дорогих французских вин, и поэтому наше питание, состоявшее большей частью из сухих га-

лет и консервированной колбасы, заметно улучшилось. Нас не раз предупреждали, что, отступая, враг отравляет продукты и пользоваться ими не стоит, но мы были уверены, что ничего подобного с нами не случится.

Во время обысков мы также находили в домах в большом количестве укрываемые продукты: часть нами изымалась, на что нередко цивильные немцы вопили: «О, матка, ни гут, ни карашо, русский зольдат цап-царап!», и затем расходовалась в роте только по моему личному указанию, но чаще мой ординарец обменивал для меня наши консервы на их домашние заготовки. Глядя на осуществляемый таким образом товарный обмен, Володька, смеясь, меня предупреждал:

– Кончится твоя тушёнка, они всё тебе припомнят и покажут кузькину мать!

– Ну, не все немцы такие, – улыбаясь, вступился за меня Мишута.

– Не надо усложнять, – говорил Кока. – Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её надо сытно, вкусно и весело.

Но все старались при случае воспользоваться моими заначками.

Заместитель начальника дивизии по тылу даже вчинил Астапычу, что он незаконно расходует трофейные продукты на питание личного состава, на что тот резко заявил:

– Чтобы люди лучше воевали, их надо лучше кормить!

С первых месяцев пребывания на фронте меня занимало: почему в немецкой армии даже солдатам ежедневно дают кофе, а нам, в советской – только в госпиталях и медсанбатах. Я даже, по глупости, однажды спросил об этом на политинформации, и мне попало, по счастью без последствий, и было разъяснено, что немецкое командование относится к своим солдатам и офицерам как к пушечному мясу и быдлу и потому охотно их поит неполноценным заменителем, эрзац-кофе.

В госпитале и медсанбате кормили по десятой норме тоже вполне достаточно, с белым хлебом, компотом или киселём и даже суррогатным кофе. Напиток этот я раньше никогда не пил и не пробовал, он казался мне заморским деликатесом, вкусным и ни на что не похожим.

Подходя к столу, я лихорадочно вспоминал и для памяти повторял правила этикета, вычитанные мной в какой-то книжке: «Дичь, спаржу и артишоки едят руками», хотя ни дичи, ни спаржи, ни артишоков на столе не было.

Во главе стола сидела Аделина.

Она была оживлена, но как-то сдержанно, и мне хорошо запомнилось выражение какой-то неудовлетворённости в её лице, и впоследствии я нашёл этому для себя достоверное объяснение и вообразил себя хорошим проницательным психологом.

Рядом с Володькой располагались подполковник Бочков и уже знакомая мне удивительно некрасивая, неулыбчивая и неприветливая женщина Сусанна (у меня фотографически запечатлелось, осталось в памяти: морщинистая столетняя рожа, волос у неё было мало, а зубов многовато), как я понял, случайно приглашённая для компании, как и другая, мало запомнившаяся мне Мария, за вечер не проронившая ни слова – медсёстры, не занятые на дежурстве. Арнаутов сидел между двух этих мало симпатичных мымр, и даже его обаяние и ухаживания не растопили, не растормозили и не раскрепостили их в этот праздничный вечер.

Подполковник Алексей Семёнович Бочков был из Карлхорста, предместья Берлина, которое в войсках именовали по-русски – Карловкой. Там, в Карловке, менее трёх недель назад был подписан акт капитуляции Германии, по слухам, там якобы сейчас находился штаб фронта[1], и будто бы туда тайно, с соблюдением всех мер предосторожности, прибыл товарищ Сталин, чтобы лично руководить розыском Гитлера, хотя последний, как были убеждены цивильные немцы, скрылся в Латинской Америке или в Японии, чтобы, выждав подходящий момент, вернуться в Германию и овладеть ситуацией

На другом, противоположном конце стола расположилась семейная пара: уже пожилой, толстый, объёмный, рыхлый, с красным и блестевшим от пота лицом майор помпохоз госпиталя Тихон Петрович со своей добродушной женой Матрёной Павловной.

Я не сомневался, что покойный дед, посмотрев на Тихона Петровича, непременно бы сказал:

– А ряшка как у багамота. С похмелья не обдрищешь!

Володька подвёл меня к сидевшей за столом спиной к входу молодой женщине.

– Наташа, – сказала она, оборачиваясь и протягивая мне руку.

У меня отлегло от сердца: она действительно была хороша – румяная, с пышными пшеничными волосами и без всякой косметики,

---

[1] Неверно. Штаб 1-го Белорусского фронта с 28 апреля по 12 мая 1945 года дислоцировался в гор. Штраусберг, восточнее Берлина, а с 13 мая по 15 июня 1945 года в гор. Венденшлос, юго-восточнее Берлина. В Карлхорсте с 1 мая по 15 июня 1945 года дислоцировался штаб 5-й Ударной Армии, в резерве которой и находился подполковник Бочков.

в красивом платье в мелкий горошек; сзади на спинку стула был небрежно наброшен жакет. По моим убеждениям того времени, косметика свидетельствовала об испорченности: женщины с накрашенными губами, подведёнными чёрным карандашом или обгорелыми спичками бровями казались мне чуть ли не проститутками.

Одной своей племяннице, которая приехала к нам в деревню погостить нарумяненная и сильно напудренная, бабушка при мне сказала: «Если хочешь быть красивой — иди умойся!»

Натали держала рюмку, оттопырив тонкий длинный мизинец, слушая разговор за столом, с улыбкой протянула мне бокал. И по тому, как был отставлен её розовый пальчик с розовым же маникюром, я соображаю: очень воспитанная, интеллигентная и красивая. Если ещё полгода назад вино и водку пили из кружек и стаканов, то теперь только из хрустальных рюмок, фужеров и бокалов — разной формы, размеров и цвета они заполняли буфеты в каждом, даже небогатом, немецком доме. Не зная их предназначения, напрашивалась мысль: зачем нужно столько посуды, чтобы выпить?

Спустя два или три десятилетия в одной из канонических книг о правилах хорошего тона в разделе об этикете за столом я с немалым удивлением прочёл, что, когда женщина держит бокал, рюмку или чашку с кофе или чаем, не следует жеманно оттопыривать мизинец — это признак мещанства. Но тогда, в молодости, я этого не знал и думал как раз наоборот, полагая, что оттопыренный мизинец — свидетельство высокой элитарной благовоспитанности.

— Ты что, взводный? — тихо спросила она.

— Почему?.. Командир отдельной разведроты.

— Разведроты? — удивлённо протянула она, поворотясь и заглядывая мне в лицо. — Сколько же тебе?

— Двадцать два, — ответил я, покраснев от того, что прибавил себе три года, хотел пять, но удержался, опасаясь, что она не поверит. Я просто не мог не прибавить, так меня задело то, что она приняла меня за желторотого Ваньку-взводного, хотя я воевал около трёх лет, последние четыре месяца командовал ротой и по весьма коротким срокам жизни на войне уже считался в дивизии старослужащим, иначе — ветераном.

Вскоре появились ещё двое запаздывающих гостей: капитан медслужбы, хирург, плешивый грузин Ломидзе и серьёзная монументальная женщина, на форменном платье которой я отметил колодки четырёх медалей, в том числе «За боевые заслуги».

Володька мне вскользь говорил о ней — старшая операционная медсестра госпиталя, Галина Васильевна, она мастер спорта и до

войны была чемпионкой страны по толканию ядра – и со смехом предупредил:

– Ну, Компот, смотри в оба, чтобы «мамочка» не взяла тебя на буксир. Так что если вмажет...

При виде грузина Натали на глазах внезапно оживляется.

С фужером в руке, полным водки, Алексей Семёнович поднялся, напыжась обвёл строгим взглядом сидевших за столом, выждал, пока воцарилась тишина, и веско, громким командным голосом заговорил:

– Я предлагаю стоя выпить за всех погибших, за пролитую Россией великую кровь, выше которой ничего нет и быть не может! – и с лёгкостью опрокинул фужер водки, как выпил бы стакан воды.

Без передышки на закусывание он продолжил:

– Следующий тост я предлагаю выпить за нас, за русское офицерство!.. Честь офицера – это готовность в любую минуту отдать жизнь за Отечество! Теперь, когда мы выиграли войну, офицерскому корпусу предназначена руководящая роль не только в армии, но и в духовной жизни народа. Однозначно!.. Офицерский корпус был и останется лучшей, привилегированной частью общества!.. И ни о каком равенстве не может быть и речи, потому что все равны только в бане! А стоит выйти в предбанник и одеться, как всё становится на свои места... По ранжиру, по субординации!.. И на левом фланге после младших лейтенантов располагаются штатские, кем бы они ни были – профессорами, академиками или даже наркомами!.. За нас!.. За русское офицерство, выше которого ничего нет и быть не может!

Такого тоста я ещё никогда не слышал, хотя подобные схожие суждения не раз высказывал Володька. Я не сводил глаз с Алексея Семёновича, слушал с напряжённым вниманием, чтобы всё значительное запомнить и позже для памяти записать. Особенно мне понравились слова о том, что офицерский корпус, к которому и я, по счастью, принадлежал, был и останется «лучшей, привилегированной частью общества», а также замечательное по своей истинности изречение, что «выше русского офицерства ничего нет и быть не может».

Чувство собственного достоинства и гордости наполняло меня, и так хотелось чокнуться с подполковником Алексеем Семёновичем, но этой чести он удостоил только Аделину и Володьку, а в мою же сторону и не посмотрел, и мне пришлось чокаться по соседству с Матрёной Павловной и Тихоном Петровичем, продолжавшим

не переставая закусывать, — он накладывал себе в тарелку и уплетал всё, без передышки, звучно жевал даже тогда, когда произносились тосты, что делать офицеру, безусловно, не следовало. Но про себя я подумал, что лучше быть чревоугодником, чем чегоугодником.

Наблюдая и слушая подполковника Алексея Семёновича, я уже отметил, что Володька, несомненно, ему подражал и многое у него заимствовал, в частности, выражения: «Намёк ясен» — в вопросительном или утвердительном смысле, — «Ваша кандидатура будет учтена при распределении медалей», «Однозначно!»; слышал я от Володьки и о «руководящей роли офицерского корпуса», правда, в отличие от Алексея Семёновича, Володька говорил не «в духовной жизни общества», а «в культурной»...

— А если завтра час «Ч»[1] и придётся рвануть на Запад?.. Через Эльбу и Францию к Ла-Маншу... В чём купаться в Атлантике будете? — строго и укоризненно спросил подполковник. — Голышом?.. Россию позорить? — его лицо выразило возмущение, — своими мохнатыми... — он осёкся, не договорив, но я сразу понял, что он хотел сказать.

За столом наступила тишина, даже закусывать перестали.

— Как к Ла-Маншу?.. — пытаясь улыбаться, удивлённо проговорил майор. — А эти... американцы и англичане... Ведь они наши союзники... И товарищ Сталин в своих приказах называет их союзниками... Как же так?

— Сегодня... — подполковник посмотрел на часы, — в двадцать один ноль семь, они — наши союзники! А что будет завтра или даже через час, это ещё бабушка надвое сказала!.. Особенно англичане... Даже в Карловке нет полной ясности. Однако есть данные, от которых не отмахнёшься!.. Они не разоружили сдавшиеся немецкие части и, более того, сохраняют их организационно. С какой целью?!. Так что главное — ни на минуту не расслабляться!.. Намёк ясен?

— Ясен... — в полной тишине растерянно проговорил майор и неожиданно по-детски простодушно улыбнулся. — Лично мне плавки не нужны. Я не купаюсь... Редикулит, — объяснил он, поведя рукой назад, за поясницу. — Предпочитаю баньку... С веничком... Ну, а чтобы обеспечить всех плавками или трусами, — это нам по силам.

Там, наверху, в Карловке, куда, как говорили, лично приезжал товарищ Сталин, они всё знали. Сообщение о поведении союзников

---

[1] Час «Ч» — условное обозначение точного времени достижения переднего края обороны противника атакующими войсками, а также — начала форсирования водной преграды, выброски воздушного или высадки морского десантов; в обиходном армейском просторечии — час атаки, начала наступления.

и возможном предстоящем броске к Ла-Маншу было ошеломляющей, чрезвычайно важной новостью, но обсудить всё это следовало завтра, на свежую голову. А мы-то с Володькой и Мишутой намылились в военную академию и охотно представляли и обсуждали свою будущую распрекрасную жизнь в Москве. Возобновление боевых действий меня не пугало, просто неожиданно всё это получалось, в любом случае надо было немедленно усилить подготовку роты.

Я знал, что из нижнего белья нам положены рубаха, кальсоны нательные, а военнослужащим женщинам – панталоны трикотажные без начёса летом и с начёсом – зимой... А плавки там всякие и трусы ни одним приказом не положены.

– Товарищ подполковник, – начал я. Мне очень хотелось сообщить ему, что у меня есть плавки, а точнее, трусы, и я могу купаться хоть в Ла-Манше, хоть в Атлантике и не позорить... – Разрешите доложить?

– Кто это? – спросил Алексей Семёнович, посмотрев на меня тяжёлым, неподвижным взглядом.

– Старший лейтенант Федотов – мой друг, командир разведроты дивизии. Я же вам о нём рассказывал!

– Намёк ясен! Лейтенант! Ваша кандидатура будет учтена при распределении медалей, – ответил он. – Сидеть! – вдруг скомандовал мне подполковник: оказалось, что я, испытывая особое благоговейное отношение к нему, обращаясь, невольно поднялся и стоял, вытянув руки по швам; теперь, повинуясь его приказанию, сел, готовый сообщить о плавках сидя, но он, взяв графин, наливал водку в свой фужер и уже не смотрел в мою сторону.

– А у тебя, земляк, почему рожа такая кислая? Тебя что, не радует наша победа? Или ты недоволен выступлением товарища Сталина? Или, может, не разделяешь мнение вождя о великом русском народе?

Я вчера проводил политинформацию в роте и коротенькую речь товарища Сталина на приёме в честь командующих войсками фронтов и армий усвоил текстуально и хорошо запомнил формулировки. В ней не было слова «великий», а «руководящий» и «наиболее выдающаяся нация». Но говорить об этом я не стал, очевидно, в силу чувства ревности, – мне даже приятно стало, что он ошпетил капитана-хирурга.

Грузин побледнел и испуганно посмотрел на Бочкова.

– Я ... товарищ полковник... – от волнения или страха покраснев и произведя Алексея Семёновича в полковники, сказал грузин. – У меня... не кислая... я доволен...

Я, разумеется, знал, что он не «выдающаяся нация», и сейчас, видя его растерянность, ощутил к нему искреннюю жалость: с одной стороны, он — единственный из присутствующих не принадлежал к великому русскому народу, с другой — был земляком или, как говорили тогда в армии, земелей Верховного Главнокомандующего, а быть грузином в сорок пятом году тоже не мало значило.

— Я тоже нацменка, — вдруг сказала Натали. — У меня отец белорус.

— Это не имеет значения. Национальность определяется по матери, — уточнил Тихон Петрович. — За нас, за наиболее выдающуюся нацию!

— Товарищ подполковник, — вдруг твёрдо вступилась Натали, — мы здесь собрались, чтобы говорить друг другу гадости или у нас другой повод?

Алексей Семёнович, обводя взглядом сидящих за столом, осведомился:

— Кто из вас воевал с самого начала, с июня-июля сорок первого года?

— Я с октября... — виновато улыбнулся Тихон Петрович. — Под Можайском начал...

— Я Отечку с первого дня тяну! — зло произнёс Бочков. — А вы щенки! Бои под Москвой... Тяжёлые немецкие танки прорвали оборону и катили на расположение полка. Единственная в полку сорокапятка лупит по лобовой броне в двенадцать сантиметров — как шавка на слона, а они прут и давят. А за танками немцы — наглые, пьяные, идут во весь рост и поливают нас из автоматов от живота. А я с шестью бойцами с винтовочками образца одна тысяча восемьсот девяносто первого года и с жизнью уже простился. А за спиной — Россия! А приказ выполнять обязан, — умри, но сделай! Всё тут правильно... Не хочешь по-хорошему, честно защищать Родину — заставим! Не хочешь честно погибнуть в бою — умри с позором! Тут и Бога вспомнишь, и попросишь, и помолишься: мамочка, дорогая, роди меня обратно! Я весь седой и поседел не за себя, а за Россию...

Тихон Петрович предлагает выпить за Бочкова.

— Не надо! — твёрдо отказывается подполковник. — Гусар, который не убит до тридцати лет, не гусар, а дрянь!

С появлением грузина Натали, развернувшись на стуле левым боком ко мне, всё внимание стала, кокетничая, уделять ему, не бросив потом даже ни единого взгляда в мою сторону. Чокаясь с Натали, он галантно говорил: «Прозит!», призывно заглядывал в её раскрас-

невшееся лицо и целовал руку – было очевидно, что ей нравились внимание и ухаживания капитана.

Всем, кроме меня, было весело. Они ели мои тушёнку и рис (всё трофейное я считал своим, и не без основания), пили моё вино – я дал Володьке шесть бутылок, с удовольствием слушали подаренные мною пластинки. Я не претендовал на какую-то благодарность, но доконало меня галантное, церемонное приглашение грузином Натали на танец.

Натали уходила от меня, так и не подойдя...

К этому времени исподволь я внимательно её разглядел и нашёл во внешности изъяны и недостатки, отчего мне стало несколько легче: коротковатая, чуть вздёрнутая верхняя губа; широкие плечи, во всяком случае, шире бёдер, что, по моему убеждению, всегда было недостатком в женской фигуре, большая грудь, что никак не соответствовало идеалу, поскольку у жён офицеров – я знал это точно – «небольшие груди должны торчать вперёд, как пулемёты». Небольшие!

«И нет в ней ничего хорошего... – убеждал я самого себя, и это меня в некоторой степени утешало. – Обыкновенная женщина! Манерная, жеманная и к тому же дура, наверно, набитая!.. Давалка госпитальная...» – внушал я самому себе, и мне становилось немного легче.

Но чувство обиды не умалялось – зачем я сюда приехал?

Если бы я был старше, то, наверно бы, так не расстроился. Наташе было лет двадцать пять, а мне – всего девятнадцать, я ещё не имел внешности, вида зрелого мужчины и, несмотря на своё звание и ордена, очевидно, показался ей мальчишкой. Я запомнил, что, представляя меня, Володька подчеркнул: «Командир отдельной разведроты», он сделал это, несомненно, чтобы поднять меня в глазах Натали, но и это, очевидно, не помогло.

В расстроенных чувствах, сбитый с толку, я вышел в палисадник. Была тёплая майская ночь, где-то вдали патефон играл фокстрот, а из дома доносилось шарканье ног по полу – там продолжали танцевать.

Володька, издали правильно оценив ситуацию, вышел вслед за мной, решив меня утешить.

– Мужайся, Компот, не падай духом! Надо смотреть правде в глаза. Такие, как ты, не пользуются успехом у женщин. Таких, как ты, бабы бросают на ржавые гвозди. Самым чувствительным местом!

– За что?! – жалобно спросил я, совершенно раздавленный Володькиным откровением. Впрочем, я и сам понимал, что не про-

извожу на женщин впечатления, не представляю для них интереса: они, как правило, не обращали на меня внимания. — Таких, как я... А какой я? Ведь не урод же?..

— Чем-то не соответствуешь, — озабоченно сказал Володька. — В этом надо разобраться, чтобы овладеть ситуацией, надо всё хорошенько обдумать, а затем выработать конкретные действия. И мы это сделаем. Я сам этим займусь, — пообещал он. — Прорвёмся! Но не сегодня. А сейчас не подавай виду! Держи фасон, мол, аллес нормалес! Настоящий офицер не вешает нос из-за женщины! Если называть вещи своими именами, она всего-навсего самка! Это тебе не боевое знамя и не честь мундира! Таких Наташ в твоей жизни ещё будет полмиллиона — раком до Владивостока не переставишь, даже если ставить по две на одну шпалу! И что она нашла в этом нестроевом капитанишке и на кой чёрт ей этот лысый немолодой мужик? — с удивлением проговорил он. — А ты держи хвост пистолетом! Возьми себя в руки и приходи!

Подбадривая, он похлопал меня по плечу и ушёл в дом.

Я должен был держать хвост пистолетом, надо было держать фасон, а мне от обиды и несправедливости — за что? — хотелось заплакать, и чувство обездоленности в столь знаменательный для себя вечер охватило меня.

Володька был убеждён, что меня отвергла Натали, я же, поразмыслив, полагал, что мы разошлись взаимно: ведь я в ней тоже разочаровался и потому мне казалось, что и я её тоже отверг и бросил...

38. ШТЫК! РУССКИЙ БОЕВОЙ ШТЫК!

Поддерживаемый Володькой под левую руку — я страховал подполковника справа и был готов в любую секунду его подхватить, однако дотронуться до Алексея Семёновича без просьбы или команды не решался, — он, медленно сойдя с крыльца, остановился и, уставясь на меня тяжёлым недвижным взглядом, строго и озадаченно спросил:

— А это кто?

— Старший лейтенант Федотов... Алексей Семёнович, я же вам о нём рассказывал! И сегодня говорил... — с плохо скрываемой досадой или обидой напомнил Володька. — Василий Федотов... Командир разведроты дивизии... Мой друг!.. Окопник, отличный боевой офицер!

Подполковник смотрел на меня настороженно, недоверчиво и недобро, и, не выдержав его взгляда, я сказал то, что хотел сообщить ему ещё за столом:

— Товарищ подполковник, разрешите... А у меня есть плавки... Новенькие! Так что я готов... могу купаться и не позорить! — радостно доложил я, для убедительности похлопав себя по бёдрам, и, так как в его лице ничего не изменилось, заверил: — Слово офицера!

— Он не врёт, — вступился Володька. — Если сказал, значит, плавки есть!

Алексей Семёнович ещё с полминуты молча, недоверчиво и, пожалуй, даже с враждебностью в упор рассматривал меня: ордена на моей гимнастёрке, погоны (словно сличая соответствие числа звёздочек с моим званием) и более всего моё лицо.

— Штык! — отводя наконец взгляд, сказал он обо мне Володьке и уточнил: — Русский боевой штык! Выше которого ничего нет и быть не может!

— Офицер во славу русского оружия! — обрадованно вставил Володька. — Я же вам говорил!

— Замкни пасть! — повыся голос, с явным недовольством и раздражением скомандовал Володьке Алексей Семёнович и медлен-

но, твёрдым, безапелляционным тоном повторил свою формулировку:

— Русский боевой штык! Выше которого ничего нет и быть не может!.. И я ему желаю: напора в руку и ниже!

Я стоял, не веря от неожиданности своим ушам, крайне польщённый и взволнованный столь высокими словами, высказанными обо мне этим замечательным подполковником. Старинный тост русского офицерства с пожеланием силы и крепости в бою и с женщинами — «напора в руку и ниже» — я слышал не раз от Арнаутова и от Володьки, однако в устах Алексея Семёновича, и впервые адресованный лично мне, он прозвучал свидетельством доброго, товарищеского или даже, как я подумал, дружеского отношения этого необыкновенного человека. «Русский боевой штык! Выше которого ничего нет и быть не может!» — в радостном обалдении повторял я про себя мысленно, чтобы запомнить и потом записать.

Меж тем подполковник снова перевёл на меня тяжёлый, неподвижный взгляд и требовательно спросил:

— Пээнша-два ко мне в полк пойдёшь?

От столь неожиданного предложения я не мог не растеряться и, вытянув руки по швам, стоял перед ним, соображая, что сказать, как ответить. Он предлагал мне должность помощника начальника штаба по разведке, именуемую иначе «офицер разведки полка», что, в случае перехода, судя по должностному окладу, было бы для меня некоторым повышением. Однако оставить дивизию, в которой я провёл на войне без малого два года, куда на передовую, несмотря на трудности и прямое нарушение приказа Наркома Обороны, я, минуя полк офицерского резерва, вернулся из далёкого тылового госпиталя и где всё было своим, привычным, хорошо знакомым, расстаться с Астапычем, Елагиным и Арнаутовым, с Володькой, Мишутой, Кокой-Профурсетом и ещё с очень многими, я, разумеется, не мог. Я ведь и в академию вместе с Володькой и Мишутой решился поступать после немалых колебаний, по необходимости — для получения высшего военного образования — и с твёрдым намерением по окончании учёбы вернуться обратно в свою дивизию. К тому же, по боевому опыту двух лет офицерства, я был строевым командиром, окопником, а не штабником.

С опаской глядя в мрачное, тёмное в полутьме лицо подполковника и не в силах отвести глаза, я с волнением соображал, что же ему ответить, под каким предлогом уклониться.

— Через два-три месяца, — грубым натужным голосом продолжал он, — я представлю тебя на капитана!

Находясь в опьянении и не вникая в суть дела, он обещал нереальное. Звание «старший лейтенант» я получил менее четырёх месяцев тому назад, и очередное воинское звание в условиях мирного времени при нормальном прохождении службы мне светило не раньше, чем через три года. Впрочем, это не имело значения: я сознавал, что убыть из дивизии в другую часть даже с повышением звания или в должности я не в состоянии, однако сообщить об этом Алексею Семёновичу у меня не хватало решимости. Не зная, что сказать, я стоял перед ним навытяжку, неловко улыбаясь, и Володька пришёл мне на помощь.

– Товарищ подполковник, он не торопыга и с кондачка ничего не делает. Он подумает и решит!

Очевидно, поняв, что от принятия его предложения я воздержался или уклоняюсь, Алексей Семёнович, снова напыжась, какие-то секунды с презрением смотрел на меня и неожиданно разгневанно выпалил:

– Ну и дурак!!! Слюнтяй!!!

От полноты чувств, от возмущения он энергично плюнул и с решительным видом направился к машине. Володька шёл рядом, а я – поотстав, чувствуя себя виноватым, хотя ничего плохого вроде и не сделал.

Темноволосый, приземистый, с непроницаемым лицом сержант-водитель уже распахнул заднюю левую дверцу «мерседеса» и стоял наготове с вынутой из багажника большой, тугой, в красивом тёмно-сером чехле подушкой. Как только Алексей Семёнович, поддерживаемый Володькой, опустился на заднее сиденье, сержант сноровисто подложил ему под руку подушку для удобства, проговорив вполголоса «Разрешите!», бережно расстегнул стоячий ворот кителя, снял фуражку, затем проворно сел за руль и запустил мотор, заработавший ровно и тихо, как у новых автомобилей высшего класса.

– Подождите минуту!.. Не уезжай! – вдруг сказал Володька водителю и побежал в дом.

– Федотов! – повелительно позвал подполковник, и я поспешно шагнул к раскрытой задней дверце «мерседеса» и вытянул руки по швам. – Офицер должен не рассуждать и не слюнтяйничать, а действовать!.. И жди часа «Ч»! Впереди – Франция и Атлантика! Помни о плавках и о Ла-Манше! Только не позорь Россию своей мохнатой ж... – осёкся он, но я сразу понял, что он хотел сказать. – Главное – не расслабляться!.. – властно повторил он. – Ты эту... как её... Наталью – через Житомир на Пензу!.. На-а-мёк ясен?.. – осведо-

мился он и, так как я слышал это выражение в разговорах офицеров и, догадываясь, что оно означает, смущённо молчал, пояснил: – Раком!.. Чтобы не выпендривалась и не строила из себя целку!.. Бери пониже – и ты в Париже!.. На-а-мёк ясен?..

– Так точно! – подтвердил я, хотя высказывание или прибаутку насчёт Парижа слышал впервые и осмыслить ещё не успел.

– Штык! – решительно одобрил Алексей Семёнович. – Или вдуй тёте Моте, – несомненно имея в виду Матрёну Павловну, неожиданно предложил он, к моему удивлению и крайнему стыду: она же мне в матери годилась, как же можно так говорить... – Влупи ей по-офицерски! Так, чтобы потом полгода заглядывала, не остался ли там конец!.. На-а-мёк ясен?..

– Так точно!

В эту минуту мне показалось, что сидевший за рулём сержант сотрясается от беззвучного смеха, но, может, мне только показалось – я не сводил глаз с лица подполковника и видеть находившегося у меня за левым плечом водителя никак не мог.

– Штык!.. Или влупи Кикиморе! – очевидно, разумея Сусанну, с ходу предложил Алексей Семёнович и третий вариант.– Была бы п..да человечья, а морда – хоть овечья!.. Рожу портянкой можно прикрыть! – доверительно заметил или, может, как старший по возрасту и званию, делясь житейской мудростью, по-товарищески посоветовал он и, мрачно напыжась, с неожиданной жёсткостью приказал: – Вдуть и доложить!!! На-а-мёк ясен?

– Так точно! – подтвердил я, принимая всё, что он мне сказал, за хмельную шутку боевого, весьма заслуженного, однако опьяневшего старшего офицера.

– Штык! – ещё раз громко и с напором в голосе произнёс он.

Подполковник Алексей Семёнович Бочков «делал Отечку» с первого дня, начал её лейтенантом, вырос до командира полка, имел двенадцать ранений, и то, что за вечер он, прошедший огонь и воду, до резкости крутой окопник, произнёс всего одно матерное слово, причём лишь в народном присловье наедине со мной, я расценил как свидетельство его большой внутренней культуры и благовоспитанности, столь необходимых истинному офицеру.

Меж тем вернулся Володька с бутылкой «Медведелова» и двумя баночками португальских сардин в руках. Я отступил в сторону, и он, приблизясь к проёму распахнутой задней дверцы «мерседеса», нагнулся и, протягивая подполковнику водку и сардины, негромко предупредительно сказал:

— Алексей Семёнович, это вам... На утро... На опохмелку...

Я не мог мысленно не отметить Володькину заботливость и чувство товарищества. С раннего детства я знал о необходимости похмеляться. Наутро после вечернего застолья бабушка обязательно выставляла деду чекушку, и короткое время до этой минуты он маялся в мучительном ожидании и с лицом страдальца, потерявшего всех родных и близких, искал в избе пятый угол. А когда из Москвы приезжал и ночевал дяшка Круподёров, к раннему завтраку на столе появлялась поллитровка с белой головкой, и дед при виде бутылки обычно с облегчением возглашал: «Похмелиться — святое дело!» — и норовил поцеловать бабушку в щеку.

— Стра-ате-ег! — после некоторой паузы, недобро усмехаясь, проговорил подполковник, но в руки ничего не взял, и Володька, подождав ещё секунды, опустил водку и сардины в разрез кожаного кармана на задней стороне сиденья водителя. — Весьма мелкий и пошлый стратег, но не штык и не боевой офицер! — неожиданно с неприязнью заявил Алексей Семёнович, повыся голос. — Что ты туда суёшь?

— Трофеи наших войск, товарищ подполковник... — желая прийти на помощь Володьке и пытаясь улыбнуться, несмело вступился я.

— Замкни пасть!!! — приказал мне Алексей Семёнович, тем самым решительно блокировав моё вмешательство, и снова обратился к Володьке: — Владимир, я тебе скажу прямо: ты мне друг, но сейчас я тебя презираю!.. Это гадость!!! — возмущённо вскричал он. — За кого ты меня принимаешь?! Офицер не смеет угодничать!!! Тьфу!!!

Он в сердцах энергично плюнул мимо Володьки, и плевок, как я тотчас обнаружил, попал на голенище моего правого сапога: я стоял рядом с Володькой, разумеется, никак подобного не ожидал и не успел отдёрнуть ногу. Вообще-то мелочь, но мне стало неприятно, наверно потому, что в этот день я уже раз пять надраивал бархоткой сапоги, дрочил их до полного глянца и сверкания, предварительно намазав лучшим в Германии гуталином Функа — «Люкс».

И ещё в эту минуту я подумал: хорошо, что в доме звучал патефон и там, надо полагать, не слышали негодующих выкриков подполковника. Нет, Алексей Семёнович не был пьян, он всё соображал. По сути дела, он вчинил Володьке услышанное мною впервые от Арнаутова более полутора лет назад и тут же записанное для памяти одно из основных правил кодекса чести русского офицерства: «Не

заискивай, не угодничай, ты служишь Отечеству, делу, а не отдельным лицам!»

— Разрешите, товарищ подполковник, — сказал Володька, вытягиваясь. — Вы меня неправильно поняли! Уже больше года я не являюсь вашим подчинённым и не завишу от вас по службе! И потому это не гадость и не угодничество, а товарищеское внимание! — твёрдым голосом, убеждённо заключил он.

В наступившей тишине ровно, негромко работал мотор, водитель сидел наготове, держа руки на баранке руля. Я подумал, что Володька прав, и даже ощутил чувство обиды: получалось, что Алексей Семёнович ошпетил его грубо и совершенно необоснованно.

— Капитан Новиков! — официально и строго проговорил подполковник, он в очередной раз напыжился, причём лицо его сделалось до крайности властным и, более того, свирепым. — Офицер должен не рассуждать, а действовать!.. Обеспечьте выполнение боевой задачи!.. Главное — помнить о часе «Ч» и ни на минуту не расслабляться!.. Вдуть тёте Моте — по-офицерски! — так, чтобы она полгода заглядывала, не остался ли там конец!!! — с непонятным ожесточением выкрикнул он. — Вдуть и доложить!!! Приказ ясен?!

— Так точно! — подтвердил я, немного помедлив: я ожидал, что, как старший по званию, ответит Володька, но он, насупясь, молчал.

— И обеспечить плавками весь личный состав!.. Нас ждут Ла-Манш и Атлантика!.. Вы мне оба головой отвечаете!.. Вы-пал-нять!!! — он поднял руку к чёрному лакированному козырьку фуражки и, опуская её и отворачивая от нас лицо, приказал водителю: — В Карловку!

Володька захлопнул дверцу, машина тронулась, легко набирая скорость, развернулась вправо и ходко покатила по улице. Мы вышли из палисадника и смотрели, как в наступающих сумерках стремительно удалялись от нас две красные точки задних габаритных огней. Не без волнения и душевного трепета я подумал, что через каких-нибудь полтора часа Алексей Семёнович будет в Карлхорсте, где совсем недавно страны-победительницы подписали капитуляцию Германии, а теперь, как говорили, размещался штаб фронта, выше которого для нас была только Ставка Верховного Главнокомандующего и лично товарищ Сталин... И этот, обитавший там, в Карловке, по сути дела на небесах, необыкновенный подполковник — вот уж воистину русский боевой штык! — нашёл время, чтобы запросто спуститься с такой высоты, и не поленился приехать за сто пятьдесят километров, чтобы присутствовать на

дне рождения невесты своего бывшего подчинённого и по-свойски разговаривать с нами; я был растроган и польщён знакомством с Алексеем Семёновичем и ещё не мог осмыслить, что оно мне дало и насколько как офицера обогатило. Его выражение «Замкни пасть!!!» я слышал впервые, оно звучало энергично и внушительно, и я тут же повторил его про себя, чтобы запомнить и потом записать, как повторял перед тем для памяти и другие услышанные мною впервые от Алексея Семеновича житейские изречения и примеры разговора с младшими по званию: «Главное – не расслабляться!..», «Офицер должен не рассуждать, а действовать!..», «Рожу портянкой можно прикрыть!..», «Чтобы не выпендривалась и не строила из себя целку!..», «Бери пониже – и ты в Париже!», «По-офицерски, чтобы потом полгода заглядывала, не остался ли там конец!..», «Вдуть и доложить!..», «На-а-мёк ясен?..».

Щёлкнув зажигалкой, Володька сразу же закурил и глубоко затянулся. Я чувствовал, что он, весьма самолюбивый и гордый, взволнован, а может, даже оскорблён высказанным ему только что резко и необоснованно обвинением или упрёком в угодничестве.

– Гусар, который не убит до тридцати лет, не гусар, а дрянь! – после недолгого молчания неожиданно произнёс он, повторив выражение Бочкова. – Тебе-то хорошо, тебе – девятнадцать!.. А ему – двадцать девять!.. Его на «Героя» представляли, но где-то выше затёрли... Кто-то накапал: внесудебные расправы, рукоприкладство... А с контингентом иначе нельзя: они только силу понимают. И о часе «Ч», и о Ла-Манше – это тоже не пустые слова – со значением сказано!.. Они в Карловке всё знают... А Ла-Манш ему вот так нужен! – ребром ладони Володька провёл по горлу и посмотрел на меня. – Возможно, мы накануне больших событий. Таких, какие нам и не снились!.. Тогда с академией придётся подождать...

Он снова затянулся и, стряхнув с кончика сигареты пепел, погодя продолжал:

– Ты бы посмотрел его в бою! Железо! У него не помедлишь и в окопе не задержишься! У него и безногие в атаку пойдут и любой «власовец» или изменник на амбразуру ляжет!.. Или ты готов отдать жизнь в бою за Родину, или тебя пристрелят тут же, как падаль!.. Не выполнил приказ, или струсил, или замешкался – прими меж глаз девять грамм и не кашляй!.. Его в батальоне за глаза звали не Бочковым, а Зверюгиным!.. Стальной мужик! Железо!.. – с восхищением проговорил Володька, глядя вслед отъезжавшей машине. – Я убеждён: ему не только полк, ему и дивизию можно дать, и она будет из лучших!..

...Всего через неделю, 3 июня 1945 года, подполковник Бочков будет откомандирован в распоряжение командующего Дальневосточным фронтом в город Хабаровск.

Находясь в мужском сообществе, я многажды замечал, что большинство сильных русских характеров артистичны в лучшем смысле этого слова, причём артистичность у них, как правило, не практичная, не с целью корысти или получения какой-нибудь выгоды, а органичное проявление национального характера и выказывается для убеждения и доказательства в споре или розыгрыша, подначки и куража. Такой артистичностью обладали дед Егор и Елагин, такой же артистичностью природа щедро наделила подполковника Алексея Семёновича Бочкова. Я вспоминал его в жизни десятки раз и всегда с добрым чувством. Правда, спустя десятилетия он уже не представлялся мне человеком большой внутренней культуры и благовоспитанности, но остался в моей памяти настоящим боевым командиром, «офицером в законе», или, как тогда ещё говорилось, «офицером во славу русского оружия».

Наблюдая бабушку и деда, я с малых лет усвоил, что с пьяными и даже с выпившими не надо спорить или пререкаться, наоборот, им следует не возражать и по возможности поддакивать: проспавшись и протрезвев, они ничего подобного говорить не станут и, более того, будут стыдиться сказанного во хмелю.

Позднее, вспоминая и обдумывая этот вечер, я, к чести Алексея Семёновича, отметил: он приехал изрядно поддатый, выпил и здесь, на дне рождения, наверняка не менее полутора литров водки, речь его стала медленной, тяжёлой, а взгляд насупленно-суровым и неподвижным, но ни одного матерного слова или непристойного выражения за столом в присутствии женщин он не допустил. Война окончилась совсем недавно, а в боевой обстановке, на передовой мат звучал несравненно чаще, чем уставные и руководительные команды: в наступлении и обороне, в окопах, блиндажах и на командных пунктах он ёмко и предметно дополнял, а по тону, каким произносился, усиливал отдаваемые распоряжения. Мат понимали все.

* * *

В сорок третьем году в родном Пятнадцатом Краснознамённом стрелковом полку майор Тундутов без «епи ё мать» вообще фразы не мог произнести — наверно, подобно многим, он был убеждён, что

матерные слова так же необходимы в разговоре, как соль во щах или масло в каше. Особенно врезались мне в память самая первая встреча и первые услышанные от майора фразы.

Перед тем с медсанбатовской бумажкой-бегунком я более полутора суток прокантовался в полусожжённой лесной деревушке, где размещался штаб дивизии — никак не могли оформить и подписать назначение, — и эти полутора суток я ничего не ел, а обратиться к кому-нибудь и попросить хотя бы положенное по аттестату всё не решался, стеснялся: там не только офицеры, но даже писаря ходили важные и отчуждённо-неприступные. У меня было всего два рубля, а стакан молока стоил десять, и потому наполнялся я только колодезной водой, и кишки у меня изнемогали от голода. Тёмной холодной ночью, продрогнув на пронизывающем ветру до нутра и подстёгиваемый то и дело резкими окриками часовых, которые, соблюдая уставную бдительность, упорно не говорили, куда мне идти, а гнали назад или в сторону по лесу, я, наконец, с трудом отыскал нужную мне землянку.

Не без волнения и зыбкой радужной надежды ждал я в тот час встречи с третьим в моей скоротечной фронтовой жизни батальонным командиром. С первыми двумя мне не повезло: один был до озверения груб, напивался до невменухи и рукоприкладничал даже с офицерами, в результате чего, наделённый, видимо, более других чувством собственного достоинства ротный Елохин за полученный беспричинно, вернее ошибочно, удар прикладом в лицо вогнал в него шесть пуль из пистолета, а седьмую пустил себе в висок; второй же батальонный, наоборот, не пьянствовал, не дрался и матерился в меру, однако отличался нерешительностью или слабодушием и в тяжкую, трудную минуту боя остатков батальона в окружении под Терновкой скрылся ночью в деревню и спрятался там в погребе, где спустя сутки и был обнаружен спящим, после чего сгинул из полка без слуха и следа — как растворился.

Находясь перед тем по ранению в медсанбате, я прочёл выпущенную военным издательством книжку о старой русской армии — сборник рассказов и повестей — и был отрадно удивлён неожиданным открытием: у Александра Куприна полковник Шульгович приглашал проштрафившегося подпоручика Ромашова к себе в дом, знакомил с женой и матерью и угощал необыкновенным обедом с разными винами и спаржей. В других рассказах или повестях офицеры говорили своим подчинённым «любезный», «дружище», «батенька», «голубчик» и даже фендриков — молодых прапорщиков и подпору-

чиков — называли по имени-отчеству; ко мне ещё ни разу никто из начальников так не обращался, меж тем тогда, осенью сорок третьего года, после недавнего июньского Указа[1] началось возрождение традиций и духа старого русского офицерства, и неудивительно, что я, охваченный романтикой офицерского корпоративного товарищества, мечтал встретить подобного отца-командира.

Когда я появился в «двадцатке» — большой полувзводной землянке, — майор Тундутов ужинал или обедал, если можно обедать в полночный час. Рослый, с обветренным сумрачным лицом и прямой длинной спиной, в шерстяной, застёгнутой на все пуговицы и схваченной в поясе широким офицерским ремнём гимнастёрке с двумя орденами и медалями, он неторопливо ел горячие щи или борщ прямо из котелка, перед ним на самодельном откидном столике в плоских эмалированных мисках лежали нарезанный толстыми ломтями светлый, деревенской выпечки хлеб, сало и солёные огурцы, а в блюдце белела грудка кускового сахара. Левее, на железной печке, подогревались сковорода, полная жареного картофеля, и начищенный до блеска большой медный чайник; немолодой ординарец со столь же неулыбчивым, испуганным рябым лицом и в ботинках с обмотками стоял навытяжку возле сковороды в ожидании команды. Стуча от холодной дрожи зубами, я доложил о прибытии, и майор, взяв протянутые ему документы, взглянул на меня строгим, оценивающим взглядом. Я тянулся перед ним, что называется, «на разрыв хребта», до хруста в позвоночнике, и смотрел ему в глаза с уважением и преданностью, как должен смотреть взводный на батальонного командира. После полуторасуточного пищевого воздержания в животе неприлично урчало, и я боялся, что майор услышит. Невыносимо хотелось есть, однако мысленно я запретендовал по минимуму на кружку кипятка или горячего чая для сугрева, а по максимуму — на тот же чай, но уже с кусочком сахара и ломтем хлеба. При всём своём юношеском романтизме и простоватости человека, выросшего в деревне, даже от отца-командира я большего почему-то не ожидал.

Положив моё офицерское удостоверение и предписание из штаба дивизии на угол столика и продолжая держать меня по стойке «смирно», майор внимательно просмотрел документы, а затем,

---

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1943 года командный и начальствующий состав Красной Армии впервые был признан и провозглашён советским офицерским корпусом.

уставясь мне в лицо изучающе-недоверчивым жёстким взглядом и почему-то переврав мою фамилию, напутствовал меня так:

– Тебе взвод, Федоткин, доверили, тридцать, епи ё мать, человек! Не спи ночами, ноги до копчика стопчи, кровью и потом умывайся и вывернись, епи ё мать, наизнанку, но взвод чтобы был лучшим! Не оправдаешь, я тебе, епи ё мать, ноги из жопы вытащу и доложу, что так и было! Понял?!

– Так точно!

Взяв огрызок карандаша, он вывел несколько слов на предписании, полученном мною в штабе дивизии, и, вскинув голову, неожиданно быстро спросил:

– Скажи, епи ё мать, Федоткин, сколько будет от Ростова до Рождества Христова?

Я тянулся перед ним до хруста в позвоночнике, преданно смотрел ему в глаза и лихорадочно соображал. Как и в других случаях, когда жизнь ставила меня на четыре кости, я ощутил слабость и пустоту в области живота и чуть ниже. Я чувствовал и понимал, что погибаю, но сколько будет от Ростова и до Рождества Христова, я не знал и даже представить себе не мог.

– Виноват, товарищ майор, – после тягостной паузы убито проговорил я. – Не могу знать!

«Не могу знать!», как я слышал от Арнаутова, являлось уставным ответом в старой русской армии, в действующем уставе такого ответа не было; неосторожно сказав, я замер, ожидая гнева майора, однако неожиданно его сумрачное жёсткое лицо смягчилось, и он сказал с удовлетворением, очевидно, довольный своей проницательностью, тем, что с первой же встречи разглядел меня насквозь и даже глубже:

– Совсем молодой! Ещё не ё..ный!

– Так точно! – с перепуга, в растерянности поддакнул я, хотя последнее утверждение никак не соответствовало действительности.

В самом деле, за четыре месяца пребывания в Действующей армии на фронте я дважды был ранен и тяжело контужен, полтора месяца провалялся в медсанбате. И к этому времени судьба уже дважды бросала меня под «Валентину»: в связи с мародёрством в полковой похоронной команде и за переход на сторону немцев трёх нацменов – один из них числился в моём взводе. В первом случае меня спасло то, что в похоронной команде я пробыл всего семь суток, а мародёрничали там многие месяцы, но я об этом и не подозревал

и узнал лишь спросонок во время внезапного ночного обыска, когда мне показали клещи, плоскогубцы и мешочек из-под махорки, набитый золотыми коронками и серебряными изделиями, к тому же я был несовершеннолетним, и по всем этим основаниям прокурор дивизии, по настоянию Астапыча, согласия на мой арест не дал. Во втором же случае перебежавший нацмен хотя и числился в моём взводе, использовался помощником повара в отделении хозяйственного довольствия и постоянно находился на батальонной кухне, где я его, возможно, и видел, но в лицо не знал и ни разу с ним даже не разговаривал, отчего ни контрразведке, ни прокуратуре дивизии, пытавшимся вчинить мне содействие или пособничество в измене Родине, Астапыч меня, опять же, не отдал и в ОШБ[1] отправили командира взвода снабжения младшего лейтенанта Краснухина. В обоих случаях меня таскали, допрашивали, материли, мне всё время угрожали «разгладить морду», и страху я натерпелся небывалого. Так что утверждение майора о моей девственности, а точнее, неопытности никак не соответствовало действительности, но я и слова не сказал. К этому времени, к концу октября сорок третьего, я уже начал постигать один из основных законов не только для армии: главное в жизни – не вылезать и не залупаться!..

Когда во время нашего недолгого ознакомительного разговора-инструктажа лицо майора неожиданно смягчилось, я снова мысленно запретендовал на кружку кипятка, запретендовал по минимуму, однако майор – он был человеком далёким от сантиментов и какого-либо рассусоливания, – возвращая документы со своей краткой резолюцией (там было написано карандашом: «Назаров. Поставь на взвод. Тундутов»), жёстко приказал:

– Иди, епи ё мать, Федоткин, в пятую роту к Назарову и набирайся ума! Без дела не обращайся, без победы не появляйся! Иди!

Последнее, что мне запомнилось в ту ночь в землянке майора Тундутова, было красное в крупных каплях испарины рябое лицо пожилого бойца, испуганно тянувшегося с дюралевой ложкой в руках по стойке «смирно» возле сковороды с жарившимся картофелем. Несколько удивлённый сплошным матом, сопровождавшим каждое

[1] ОШБ – отдельный штурмовой батальон. В отдельные штурмовые стрелковые батальоны, созданные согласно Приказу НКО от 1 августа 1943 года, направлялись бывшие военнослужащие начальствующего состава, находившиеся в плену или в окружении противника, а также проживавшие на территории, оккупированной немцами, и прошедшие после этого спецпроверку в лагерях НКВД. В составе этих батальонов им «предоставлялась возможность в качестве рядовых с оружием в руках доказать свою преданность Родине».

произнесение моей перевранной фамилии, и если не обиженный, то в глубине души задетый тем, что мне даже кипятку для сугрева из парившего чайника не предложили, я вывалился из землянки под холодный пронизывающий ветер, никак не представляя, где в этом темнющем лесу располагается пятая рота и куда мне идти. Я и помыслить в тот час не мог, что отъявленный матерщинник майор Тундутов окажется не самым большим сквернословом и не самым грубым начальником в моей офицерской службе, и тем более представить себе, разумеется, не мог, что этот всесильный, как мне показалось, твердокаменный, поистине несокрушимый командир будет спустя месяц под Снегирями на моих глазах, как простой смертный, раздавлен тяжёлым немецким танком, расплющен в кровавую массу, а я, подбежав, упаду на снег рядом с ним на колени и в очередном скоротечном отчаянии от внезапности и непоправимости произошедшего, находясь, несомненно, в шоковой минутной невменухе, буду звать его как живого, точнее, кричать нелепо и абсурдно: «Товарищ майор!.. Товарищ майор, разрешите обратиться...»

39. ДЕРЗКАЯ ВЫХОДКА

Без рассуждения не делай ничего,
а когда сделаешь, не раскаивайся.

Между тем веселье продолжалось, тосты следовали один за другим.

Тихон Петрович быстро пьянел: на лице выступили красные пятна, глаза сделались мутными; и, мотнув своей бычьей головой в мою сторону, он приказал:

— Вася, угости музыкой! Крути патефон!

И я крутил... Я был ещё не пьян, но понимал, что с каждой выпитой рюмкой меня всё меньше отделяет от Тихона Петровича «стадия непосредственности».

На меня, приставленного к патефону, никто не обращал внимания. С тоской поглядывая на танцующих, я удивлялся, как неуклюжи были кавалеры: они еле-еле переставляли несгибающиеся ноги, спотыкаясь, наступали дамам на красивые туфли, спину держали неестественно прямо, правая рука была вытянута во всю длину, а ладонь цепко ухватывала женскую руку, как бы удерживая её, чтобы партнёрша ненароком не сбежала, левую же пытались опускать со спины всё ниже и ниже, одновременно теснее прижимаясь всем телом к партнёрше — и как ни странно, женщинам это нравилось, судя по тому, как они щебетали и призывно улыбались, глядя снизу вверх если не в глаза, то в лицо.

Ни Володька, ни Мишута танцевать не умели и никогда не принимали в танцах участия. И сейчас Володька в противоположном от меня углу из-за стола наблюдал за танцующими и развлекал Аделину разговорами.

Я смотрел на топчущихся — разве можно было это назвать танцами? — с некоторым тайным превосходством: я-то умел танцевать, был гибок, лёгок, подвижен и, главное, получал от этого удовольствие. Меня в раннем детстве и бабушка, и дед, и мать научили владеть своим телом, обучили разным пляскам и танцам и привили к ним любовь. И на меня нахлынули воспоминания...

Бабушка в детстве меня поучала: «Плясать учись смолоду, в старости — не научишься». По её просьбе — в молодости неутомимой

плясуньи – дед брал балалайку и послушно играл, а я плясал «русскую», «камаринского», «барыню», ходил вприсядку. Плясать мне, как правило, не хотелось, и я скоро останавливался, но бабушка говорила: «Васёна, не ленись! Будешь хорошо плясать, и девки будут любить!» И в пять, и в девять, и в двенадцать лет я ещё не думал о любви девок, мне это было ни к чему, но дед продолжал играть на балалайке, лицо его, когда я переставал плясать, мрачнело, и я вынужденно пускался снова в пляс, а бабушка, довольная, подбадривая меня, со счастливым лицом хлопала в такт танцу в ладоши, ходила вокруг меня, или, уперев руку в бок, дробила каблуками, или, мелко семеня ногами, помахивала над головой белым платочком, припоминала и показывала мне новые движения.

Изредка обучал меня и дед. Когда ему надоедало играть, он заводил патефон, с неулыбчиво-строгим, серьёзным лицом выходил на середину избы и показывал мне чисто мужские фигуры, вроде, например, присядки[1] с ударами руками по голенищам, что было смешно и нелепо, так как ни сапог, ни голенищ на мне не было; я бил ладошками по штанинам пошитых из старья порток, отчего потребного при этой присядке чёткого, звучного хлопка не получалось, да и быть не могло.

Когда летом приезжала мать, она, вдобавок к утренней зарядке, очень часто заставляла меня плясать по вечерам в избе под патефон и тоже показывала новые коленца, выходки и различные фигуры. Физически хорошо развитая, она и сама, несмотря на высокий рост, атлетическое сложение и немалый вес, плясала легко, сноровисто, щеголевато и упорно добивалась того же от меня.

На Дальнем Востоке она была не только инструктором физкультуры, но и обучала трудящихся народным пляскам и танцам. У бабушки хранилась привезённая матерью фотография: на большой, огороженной изгородью ровной площадке десятки человек, двигаясь по кругу, отрабатывают присядочные или полуприсядочные движения, в центре мать с решительным лицом и рупором у рта подаёт команды, а рядом с ней на табурете растягивает меха гармонист. К пляскам или танцам мать относилась как к утренней гимнастике или физическим упражнениям под музыку, но всё любила делать основательно, как положено и, приезжая в отпуск, привозила какие-то брошюры или книжонки для участников художественной самодеятельности и, обучая меня, непременно в них заглядывала.

---

[1] Присядкой называются движения, свойственные только мужскому танцу, основой которых является глубокое приседание.

Обычно, показав два-три раза мне какую-нибудь новую фигуру, она пускала патефон, садилась рядом и командовала:

– Выше голову!.. Спину держи. Не взбрыкивай! Больше гордости!.. Сопли вытри!.. Голову назад!.. Подтяни трусы! Поглядку с удалью! Гоголем ходи, гоголем!

Припевая и старательно приплясывая, я не раз думал о той фотографии, где у матери было решительное лицо, и соображал: неужто и на взрослых там, в Комсомольске, она вот так же покрикивает насчёт трусов, взбрыкивания или соплей?

Пристрастием матери, её коньком, были присядочные движения, требующие силы и ловкости ног, а также выносливости, и тут мне доставалось более всего, так как в русских плясках имелось свыше двадцати различных присядок. Пролив изрядно пота, я освоил в детстве более десятка: простую, боковую, с выбросом ноги, с разножкой, с хлопками, с ударами руками по голенищам, присядку-качалку, присядку с «ковырялочкой», с выносом ноги накрест или выбросом вперекрёст, «карачки», с поворотом, с тройным шагом и, наконец, наиболее трудные – присядку-ползунок, волчок, мячик.

Годам, наверное, к десяти я уже поднаторел и лихо, ловко, без сбоев и без робости плясал и откалывал помимо «камаринского», «русской», «барыни» ещё «подгорную» и «сибирскую», причём сопровождал пляски шуточными припевками. Как и бабушка, мать ещё в малом возрасте заставляла меня сопровождать пляску шуточными припевками и частушками:

«Эх, чёрт, вот загадка:
Зачесалася вдруг пятка!
Ноги ходят, не стоят,
Значит, ноги в пляс хотят!»
«Эх, крой, наворачивай,
Эх, жарь, выколачивай!»
«Вася, жарь, крой, наворачивай,
Каблуки в землю вколачивай!»

И после каждого куплета все подхватывали: «Барыня ты моя, сударыня ты моя!»

Объявляя пляску, мать по ходу называла тот элемент движения, который я должен сейчас исполнить: «верёвочка» – назад или на месте, или «верёвочка тройная с выбросом ноги», или «верёвочка с дробным притопом», «гармошка», «вертушка», «стуколка», «метёлочка»,

«косыночка», «ковырялочка с притопом», «ползунок с разбросом», «ход гусём».

Со временем я стал плясать охотно, мне нравились лёгкость и ловкость, нравилось, что я это делаю лучше других.

К этому времени я уже знал, что в русской пляске голова должна быть гордо откинута назад, поглядка должна быть с удалью, – мол, посмотрите, как я умею! – всё надо делать легко, молодцевато, лихо, первым с круга не уходить и быть готовым переплясать любого партнёра или любую партнёршу, – это уже вопрос чести.

Если пляски под руководством бабушки были игрой и развлечением, то занятия с матерью были работой. Лет с одиннадцати-двенадцати она стала учить меня и западным танцам: фокстроту, вальсу, танго и даже румбе, о которой мальчишки говорили как о самом непристойном, похабном танце, мол, танцуют его голяком, в полутьме и прямо тут же под музыку сношаются... В доказательство приводились и слова настоящей румбы:

Румба, закройте двери!
Румба, гасите свет!
Румба, снимайте юбки!
Румба, спасенья нет.
Румба, какие плечи!
Румба, какой живот!
Румба, один маркует,
Румба, другой ...ёт!

Об этом танце говорили как о свальном грехе, что спустя десятилетия стали именовать групповым сексом.

Когда мать ставила румбу и начинала со мной танцевать, как она говорила, «прорабатывать», меня от происходящего охватывал ужас, голова не соображала, я запинался, мне отказывали ноги, я мучительно не понимал, зачем мать учит танцевать меня румбу, если она сопровождается таким жутким похабством. Она ведь даже не подозревала, что я знаю истинный смысл этих слов: я слышал их не раз от взрослых ребят.

Не понимая, что со мной, мать с силой дёргала и разворачивала меня, ругала и при этом в раздражении ещё обзывала «коровой» или «бегемотом».

Сколько вечеров было в детстве и отрочестве убито на пляски и танцы!.. Годам к тринадцати я так поднаторел, что плясал заметно лучше своих сверстников, да и взрослых, и, если оказывался летом

вблизи деревенской свадьбы, меня звали, просили и заставляли плясать, я старался и отхватывал от души до изнеможения, до боли в пятках, зато меня угощали как почётного гостя, а бабушка светилась от удовольствия. К четырнадцати-пятнадцати годам почти ни одна свадьба в деревне не обходилась без моего участия — как самого умелого и выносливого в плясках. Как правило, меня приглашали загодя, и я щегольски и неистово танцевал, плясал там до упаду, развлекая и зажигая гостей.

...Матери своей и бабушке я бесконечно благодарен, что они научили меня плясать и танцевать, но, хотя делал я это лучше других, в жизни это мне не пригодилось и ничуть не помогло...[1]

ЭКСТРЕННОЕ ДОНЕСЕНИЕ

«Весьма срочно!»

Начсандиву
Военному Прокурору
Нач. ОКР «Смерш» 425 сд

Доношу, что 26 мая в 21.05 в медсанбат в крайне тяжёлом состоянии доставлены военнослужащие дивизионной разведроты сержанты и рядовые Базовский, Калиничев, Лисенков и Прищепа по поводу отравления неизвестной жидкостью.

На основании клинической картины следует предполагать острое отравление веществами наркотического действия — метиловый алкоголь, хлороформ или антифриз.

Несмотря на экстренно проведённые меры интенсивной терапии состояние Калиничева и Лисенкова агональное, у Прищепы — потеряно зрение, у Базовского — проявления энцефалопатии.

Данные вскрытия и химико-токсикологического исследования трупов Калиничева и Лисенкова будут готовы для следствия к 9.00 27 мая с.г.

Считаю необходимым принятие срочных мер по отысканию и немедленному изъятию у личного состава разведроты возможно оставшейся спиртоподобной жидкости и направлению обнаруженного на исследование в армейскую санэпидлабораторию.

Командир 36-го ОМСБ

[1] В академиях и военных училищах с 1945 года введено обязательное обучение танцам.

* * *

Я не был пьян, а только выпивши, но меня разбирали обида и возмущение, и надо думать, очевидно оттого отказали, не сработали тормоза. Бо́льшая часть того, что ели и пили собравшиеся, — пусть это было трофейным и ничего мне не стоило — попало сюда только благодаря мне, и пластинки, которые они столь охотно, с удовольствием слушали, были подарены мной. Если бы не я, то не было бы у них всей этой еды, питья и музыки, не было бы праздника, — но никто меня не поблагодарил, даже слова доброго не сказал. Особенно же оскорбительным мыслилось предположение, что меня пригласили сюда с потребительской целью — чтобы получить продукты, вино и пластинки.

От сознания явной несправедливости происходящего мне вдруг захотелось досадить Володьке, Аделине и Натали, я ощутил желание или даже потребность совершить какую-нибудь дерзкую выходку, чем-либо поразить, ошарашить их, а затем вообще отсюда уйти.

В большом коттедже напротив, очевидно, было общежитие, располагались в нём не врачи и даже не медсёстры, а, должно быть, санитарки и люди из хозяйственного взвода: прачки, шофера, повара, плотники и другой обслуживающий персонал — в больших госпиталях его набиралось до сотни. Я понял это по разудалому веселью: оттуда доносился громкий перепляс так мне знакомого с детства деревенского гулянья под частушечные выкрики. Я стоял в палисаде и слушал разносившиеся распевки. Некоторые частушки я знал, во всяком случае, слышал, другие услышал впервые. Звонкий женский голос озорно пропел:

Говорят, я не красива,
Знаю, не красавица.
Но не всех красивых любят,
А кому что нравится.
Не ходите, девки, замуж,
Ничего хорошего,
Утром встанешь —
Сиськи набок,
И она взъерошена!

В комнате раздался оглушительный хохот. По законам деревенского состязательного перепева в диалог вступил мужской голос:

Меня бабушка учила,
Как у девушек просить:
— Голубочек, дай разочек,
На руках буду носить!

За столь хулиганскими и непристойными куплетами должно было следовать самопринижение, самоуничижение, поющим полагалось «поджать хвост» и с напряжённым интересом я ждал, как они там дальше будут выводить свои линии. А они не унимались и озорно продолжали:

Не хочу я, девки, замуж,
Ничего я не хочу.
Свою русую, кудрявую,
Пока доской заколочу.
Оборву я всю сирень,
Посажу акацию...
Раньше верила в любовь,
Теперь в демобилизацию.

Мне тоже захотелось спеть и сплясать — уж я бы им показал! Мне вспомнился отчаянный казак, гвардии капитан Иван Мнушкин, мой сосед по нарам в Московской комендатуре, и как в ту ночь, пьяный, он с удалью и упорством плясал посреди подвала, а главное, припомнился дословно его охальный припевочный куплет с так и не прояснённым для меня полностью смыслом.

И тут на меня накатило затмение. В каком-то куражном отчаянии я ворвался в круг танцующих пар, начал приплясывать, кружиться на месте, размахивая Кокиной фуражкой как платочком.

Тотчас пары прекратили танцевать, музыка закончилась, но, разойдясь, я продолжал плясать без музыки.

И, подражая Мнушкину, я горделиво плыл, двигался по кругу, где с лихим перестуком, где вприсядку, выбрасывал короткие, сильные ноги, отбивал дробь, хлопал ладонями по полу и голенищам сапог, затем, улыбаясь, довольный, поводил и умело тряс плечами, как это делают, исполняя цыганочку. Продолжая дробить, вбивая, вколачивая каблуки в красивые квадратики-дощечки немецкого паркета, я намеренно басовито заголосил на мотив известных волжских запевок:

Ты мне, милка, не в кровати
Отпусти, а на весу!

И держи меня за плечи:
Я грудями потрясу!..

Я слышал и видел, как, продолжая жевать, утробно хохотал и колыхал животом Тихон Петрович, и смеялась с набитым ртом его жена, и как, покусывая нижнюю губу, с весёлым озорством смотрела на меня Галина Васильевна, если не ошибаюсь, одобрительно.

Конечно, петь такую, пусть без матерщины, но всё же по существу хамскую частушку мне, офицеру, на дне рождения невесты друга, при женщинах не следовало, но я осознал это позднее, когда повёл взглядом в другой конец стола и моё довольство вмиг осеклось: Аделина — она стала вся красная, затем вся белая, — с искажённым гневом, сразу ставшим некрасивым лицом возмущённо высказывала что-то Володьке. Сидевшая рядом Натали тоже недовольно выговаривала ему, а он, сжав зубы, слушал их и смотрел на меня враждебно — с ненавистью и презрением.

И эта страхулида Сусанна смотрела на меня глазами, полными ненависти. За что?!

Прекратив плясать, я стал в дверном проёме у косяка и видел, как Аделина властно и зло сказала что-то Володьке, и тотчас он поднялся и, одёргивая китель, подошёл ко мне.

— Ты забыл, где находишься! — с негодованием произнёс он. — Тут тебе не казарма! Ты пьян и должен уйти!

— Я никому ничего не должен! И я не пьян! Но уйду! Только не когда этого хочет Аделина... или ты, а тогда, когда сам сочту нужным!

Я не сомневался, что насчёт казармы ему сказала Аделина, почему-то был убеждён, что это её словечко.

— Чем скорее, тем лучше! Ну, скажи мне прямо: я тебе друг или портянка?!. Определись сейчас же! Если портянка, разговор короткий — жопой об жопу, и кто дальше отскочит!

Он посмотрел на меня холодным неприязненным взглядом и, резко поворотясь, вернулся к столу.

— Васька! Ну, ты — хват! Гвоздь! Оторва!.. И откуда ты взялся? Маня! Это мой лучший друг!.. Мой брат родной!.. Сын! — хлопнув по столу и сделав свирепое лицо, закричал Тихон Петрович. — А те, кому он не ндравится, хоть сейчас с полным моим удовольствием могут уйти!

И пьяным, злым взглядом он посмотрел в другой конец стола на Аделину и Володьку и зловеще выкрикнул:

— Никто вас здесь не задерживает! Васька, дай я тебя поцелую!

Он обхватил меня здоровенной рукой за шею, притянул к себе и поцеловал в щёку рядом с носом.

Было бы унизительно уйти сразу же по требованию или Володькиной команде, следовало какое-то время ещё побыть здесь и как-то себя занять. И тут я вспомнил о коробке папирос «Казбек», отданной мне до утра Кокой «для понта», для большей представительности. Я знал и помнил, что офицер в обществе не должен бросать даму одну, и, коль Галина Васильевна оказалась за столом рядом со мной, я обратился к ней: «Извините», и вышел на веранду покурить — не зря же я взял у Коки коробку «Казбека». Вытащив из кармана, я с огорчением обнаружил, что она почти раздавлена: забыв о ней, когда плясал вприсядку и с силой хлопал руками не только по голенищам, но и по бёдрам, смял её.

В полном расстройстве я отступил на веранду, повернулся спиной к сидящим за столом, чтобы они не видели, и тщетно пытался пальцами поправить, восстановить форму коробки, когда сзади ко мне подошла Галина Васильевна.

— Ну и частушечкой же ты их угостил, — довольная и, как мне показалось, весело сказала она. — Силён мужик! — восторженно прибавила Галина Васильевна. — У тебя отличная физическая подготовка. Не терплю тюфяков! Главное, что ты мне понравился, — вдруг негромко и загадочно заявила она. — А всё остальное — семечки!

Я не успел подумать и осмыслить то, что она сказала: к нам подошёл капитан медслужбы Гурам Вахтангович Ломидзе, он был хорошо выпивши и покачивался, я даже решил, что его прислала Натали высказаться и поторопить меня с уходом. Стараясь улыбаться, чтобы наблюдавшим за нами из комнаты было видно, что у меня всё хорошо, я протянул Галине Васильевне пачку «Казбека»: в ней было пять папирос. Я взял одну и, по примеру Володьки, разминал её.

— Угощайтесь.

— Благодарю.

Она выбрала папиросу, выпрямила её пальцами, и тут я, сообразив, галантно поднёс и чиркнул Кокиной зажигалкой и, как ни в чём не бывало, уже протягивал коробку грузину.

— Прошу.

— Мэрси, — пьяно сказал он, но папиросу не взял и озабоченно спросил: — А кавказские танцы, лэзгинку вы нэ пляшэте?

— Нет, не пляшу.

— Всэ-таки самый харошний чэлавэк... — бросив взгляд в комнату и обращаясь ко мне, многозначительно произнёс он.

Я не понял, к кому из присутствующих могли относиться его слова, но не сомневался, что самый хороший человек — это, конечно же, Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

— Гурам, что вы к нему привязались, — заступилась за меня Галина Васильевна. — Вам всё объяснили, никакой лезгинки не будет. Идите к Наташе и наслаждайтесь жизнью.

— Когда никто тэбя нэ панимаэт...

— Гурам, неужели вам не надоело?! — возмутилась Галина Васильевна. — Ну что вы разнюнились?!

— Извинытэ... Всэ-таки самый хароший чэлавэк — шашлик и кружка пыва, — убеждённо сказал он и, наклонив голову, вернулся в комнату к столу.

Галина Васильевна курила у косяка и, глядя на по-прежнему жующих Сухопаровых, язвительно проговорила:

— Танцевать мы не могем, а пожрать докажем.

И в этот момент я понял, как мне здесь худо и одиноко, и как всё получилось нелепо, и самое обидное — с Володькой поссорился, все остальные были далекие мне, незнакомые люди; я себя чувствовал как публично описавшийся благородный пудель и впервые осознал всю мудрость русской пословицы не раз наставлявшего меня в детстве деда: «Не напоивши, не накормивши, добра не сделавши — врага не наживёшь».

Я, офицер-победитель, награждённый четырьмя боевыми орденами и, более того, дважды увековеченный для истории в ЖэБэДэ[1] дивизии, стоял одинокий, жестоко униженный и отвергнутый своим другом и никому не нужный, посреди Европы, под чужим небом, и слёзы душили меня. Я ведь не столько опьянел, как вообразил себя пьяным.

Из комнаты, где продолжалось веселье, как бы в насмешку, доносился задушевный бархатный голос Константина Сокольского, окончательно добивший меня:

Дымок от папиросы
Взвивается и тает...
Как это всё далёко —
Любовь, весна и юность...

[1] ЖэБэДэ — журнал боевых действий — отчётно-информационный документ, в который ежедневно записываются сведения о подготовке и ходе боевых действий.

Брожу я одиноко,
Душа тоски полна...

— Василий, ты попал в вагон для некурящих. Слушай, идём отсюда?

— Куда? — спросил я.

— Отсюда, — сказала она. — Хорошо там, где нас нет. У меня на квартире тоже есть патефон. Идём отсюда! — уже с напором в голосе повторила она.

— У вас хорошие пластики? Давайте послушаем.

— У меня всё хорошее! Лучше не бывает! Ты сможешь в этом убедиться. Поперечные... под пломбой и с золотыми каёмками, — перечислила она. — Только у меня! Жалоб не было, одни благодарности. Музыку успеем послушать, но каждому овощу — своё время!

Мне тоже хотелось уйти, но до полуночи, как было условлено с Арнаутовым, ещё около двух часов надо было перекантоваться. Конечно, я охотнее бы ушёл с Тихоном Петровичем и его женой, но он был пьян и крепко сидел.

Расстроенный, я спустился по ступенькам и медленно пошёл по дорожке, усыпанной гравием, к калитке, повторяя про себя сермяжную истину:

Счастье было так возможно, так близко...
Но счастье не ..., в руки не возьмёшь.

Выйдя из калитки и свернув влево, Галина Васильевна взяла меня за локоть. Мы шли по дороге, когда сзади из коттеджа донёсся громкий возбуждённый голос Тихона Петровича:

— Мотя! А где Васька?! Сынок наш где?

Затем оттуда послышались приглушённые голоса «Товарищ майор... Тихон Петрович...», которые что-то неясно вперебой ему объясняли или успокаивали, и я решил, что там всё уладилось. Спустя минуту вновь раздался яростный исступлённый крик, сопровождаемый сильным грохотом и звоном бьющейся посуды, очевидно, Тихон Петрович опрокинул стол:

— Гады!!! Куда Ваську дели?!

Мы отошли от калитки, вероятно, не более тридцати метров, и я приостановился, намереваясь вернуться, чтобы Тихон Петрович увидел меня живым и невредимым и успокоился, к тому же только теперь я вспомнил о своей обязанности, так называемом офицерском дежурстве: если ты выпивал с товарищем или старшим по

званию и он опьянел, ты не имеешь права оставлять его в таком состоянии, ты обязан доставить его домой и уложить.

— Там и без тебя управятся, — будто угадав мои мысли, сказала Галина Васильевна. — Мотя его уведёт.

И, ухватив меня за руку повыше локтя, скомандовала:

— Идём!

У темневшего впереди памятника местным жителям, погибшим в Первой мировой войне, с той стороны, откуда мы подходили, виднелась фигура человека в военной форме и с фуражкой в руке, со спины я его сразу не узнал, да, впрочем, и не разглядывал.

Подойдя поближе, я не без удивления признал в стоявшем Гурама Вахтанговича: он выглядел пьяным и, держась рукой за верх ограды, опустив голову, очевидно, плакал, во всяком случае всхлипывал. Первой к нему устремилась Галина Васильевна.

— Гурамчик, что ты здесь делаешь?

— Я нэ дэлаю... Я думаю...

Повернув голову, он посмотрел на меня и, наверняка узнав, невесело, но доверительтельно, как великое откровение, с сильным кавказским акцентом произнёс:

— Я нэ пияный... — и повторил фразу, сказанную на веранде, — Всэ-таки самый хароший чэлавэк — шашлик и кружка пыва! — и, помолчав, грустно добавил: — Когда никто тэбя нэ панимает... и никому ты нэ нужэн.

— Ну, не надо... — Галина Васильевна обняла его за плечи и даже поцеловала в висок или лоб: она была выше его на полголовы. — Ну, успокойся... Гурамчик, милый, возьми себя в руки и иди домой!

— Дамой? — сдавленным голосом переспросил он. — Куда дамой?.. Мой дом на Кавказе... в Батуми... Но там у мэня больше нэт дома. Панимаешь, нэт! — в отчаянии, со стоном проговорил он.

— Иди к себе на квартиру. И ложись...Тебе надо выспаться, — достав носовой платок, она бережно отёрла ему глаза и щёки от слёз, затем, как ребёнку, вытерла нос, обняв за плечи, снова поцеловала в лоб или висок. — Всё пройдёт и забудется! Вот увидишь! Иди, Гурамчик, иди!

Он не был пьяным, а только хорошо выпившим, но вид у него был жалкий и удручённый.

— Товарищ капитан, идёмте! — Я бережно взял его за локоть и вывел на неширокую асфальтовую дорогу. — Вы сами дойдёте?

Поворотясь, он вяло, с какой-то обречённостью махнул рукой и медленно, нетвёрдо ступая, послушно побрёл по дороге назад к госпиталю.

А мы пошли в противоположную сторону. Она снова взяла меня за руку чуть выше локтя и погодя, когда он отдалился, сказала:

— Хороший мужик, а хирург — первейший! В Батуми у него была жена-красотка и двое мальчишек. Только о них и говорил. А тут на днях пришло письмо от брата: оказывается, эта сучка спуталась с каким-то его дальним родственником, моряком, бросила детей и сбежала в Одессу. Второй день оперировать не может, руки трясутся... А хирург замечательный, руки золотые и человек отличный! — и после короткой паузы добавила:

— Все бабы суки! — и весело уточнила: — Кроме меня!

В эту минуту я ощутил внезапную жалость к Гураму Вахтанговичу. Хотя Натали, в упор не замечая, а точнее игнорируя меня, раз за разом танцевала именно с этим старым, лысоватым человеком — он был старше меня лет на двадцать, — я не испытывал к нему и малейшей неприязни, и подумал, что может Натали проявляла к нему такое внимание и так ухаживала не оттого, что он ей нравился, а потому, что на него свалилась беда, всего лишь из сострадания.

Впрочем, Натали была уже далеко, она меня не волновала и, более того, даже не интересовала. Только теперь я осмыслил, что означала фраза, сказанная Гурамом Вахтанговичем мне напоследок и которую я запомнил на всю жизнь и впоследствии в минуты разочарований многажды говорил самому себе: «Всё-таки самый хороший человек — шашлык и кружка пива!»

40. ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ЕГОРОВА

За то, чтобы далёкое стало близким!

Мы шли вдоль неширокой полосы асфальта по усыпанной гравием аккуратной дорожке мимо стоявших по обеим сторонам в густой зелени двухэтажных коттеджей с островерхими черепичными крышами. В палисадниках виднелись в полутьме трофейные легковые машины, на которых братья-офицеры приехали к знакомым госпитальным женщинам и девушкам. Многие окна светились и были открыты, и оттуда, из-за лёгких кисейных или тюлевых занавесей, доносились русская речь, оживлённые голоса, звуки патефонной музыки, крики, пение и смех; в двух домах играли на аккордеонах. Редкие оставшиеся здесь местные жители, очевидно, спали или, затаясь, молчали — во всяком случае, немецкой речи нигде не было слышно.

Третья послевоенная суббота этого сумасшедше-буйного победного мая была на исходе. После четырёх нечеловечески тяжких лет войны славяне-победители тут, посреди Европы, радовались жизни, веселились, пили, танцевали, влюблялись... Ну а я-то что здесь делал? Для чего, зачем сюда приехал? Что со мной происходило?

В этот вечер я жил выполнением двух конкретных ближних задач — днём рождения Аделины и знакомством с Натали. Всё это было теперь позади, нескладное и обидное, напрасные хлопоты, настолько напрасные — даже не хотелось вспоминать. Но сейчас-то куда и зачем я шёл?.. Даже если Галина Васильевна действительно была чемпионкой или рекордсменкой страны, а может, и всего мира по толканию ядра, я-то к ней какое имел отношение? Куда и зачем я шёл с этой странной и необычной, изрядно подвыпившей женщиной, годившейся мне по возрасту почти в матери?.. Что между нами могло быть общего?..

Наверно, в эти минуты я понимал несуразность происходящего, во всяком случае, чувствовал себя неуютно и никчемно. Впрочем, оставаться на дне рождения Аделины я дольше не мог — обида переполняла меня. Арнаутов же должен был освободиться от преферанса лишь после полуночи, быть может, уже на рассвете, и потому

мне требовалось как-то прокантоваться и пробыть в Левендорфе, где я больше никого не знал, ещё три-четыре, а то и пять или даже шесть часов.

Она привела меня к одному из коттеджей на правой стороне улицы и, открыв калитку, пропустила вперёд. Большой дом, в отличие от соседних, казался пустым — или в нём уже спали, во всяком случае, ни в одном окне света не было. Поднявшись по ступеням крыльца, мы зашли в тёмный коридор или холл, где пахло жареным, пахло кухней, коммунальной квартирой или общежитием — совсем как в России. Не зажигая света, она ощупью открыла ключом дверь справа от входа, распахнула её и, полуобняв сзади мою спину, подтолкнула меня вперёд, внутрь и, войдя следом, щёлкнула выключателем.

В большой комнате было чисто, просторно и прохладно, припахивало немецкой парфюмерией — одеколоном или туалетной водой. Над круглым, застеленным узорчатой скатертью столом спускалась лампа под голубым абажуром. У стены напротив окна стояла широкая немецкая кровать, затянутая белым, без единой складки покрывалом, на две большие взбитые подушки в изголовье была накинута кисея.

На высокой спинке одного из стульев помещались аккуратно сложенные длинные тёмно-синие спортивные шаровары и красная футболка — точно такого же цвета футболки и майки имела и, приезжая до войны с Дальнего Востока в отпуск к бабушке в деревню, носила моя мать. На полу в левом углу я увидел три пары гантелей разного веса, над ними на стене висели два эспандера.

— Садись, — сказала Галина Васильевна, задёрнув тёмные тяжёлые портьеры у окна, потом заперла ключом дверь и обернула ко мне загорелое оживлённое лицо. — Выпить хочешь?

— Нет... — переминаясь с ноги на ногу, отказался я. — Спасибо.

— А я выпью... С твоего разрешения. Для смелости, — улыбаясь, пояснила она и, сняв с меня фуражку, повесила её на олений рог, торчавший вправо от двери. — Садись! И чувствуй себя как дома.

Я сел, куда она указала — к столу. И сразу на стене против входа увидел большую фотографию, точнее, вставленную под стекло обложку журнала «Огонёк»: на переднем плане, посреди огромного, залитого солнцем стадиона, в майке и широких трусах дюжая спортсменка со смеющимся, счастливым лицом — Галина Васильевна! — а в отдалении за её спиной, на трибунах, тысячи зрителей.

Нет, я не ошибся и не напутал, а Володька в том мимолётном разговоре ничуть не преувеличил, — она действительно была прославленной спортивной знаменитостью, иначе её фотографию не

поместили бы на обложку журнала «Огонёк». Я знал, что это означало: зимой, после гибели моего предшественника старшего лейтенанта Курихина, мне досталась наклеенная на фанерку обложка одного из прошлогодних номеров «Огонька» с портретом товарища Сталина в маршальской форме.

Я понимал, что такой чести удостаиваются только люди великие и знаменитые. Уважение к Галине Васильевне переполняло меня, и чувствовал я себя весьма стеснённо — мне ещё ни разу в жизни не доводилось встречаться со столь значительным, выдающимся человеком, а тем более общаться вот так запросто, накоротке.

Меж тем она достала из резного чёрного шкафчика и расставила на скатерти наполненный прозрачной жидкостью пузатый аптекарский флакон с притёртой стеклянной пробкой, стакан и две рюмки, тарелку с несколькими крупными редисками и двумя огурцами, очевидно малосольными, небольшую плетёную хлебницу с толстой горбушкой и ровно нарезанными ломтиками чёрного хлеба и позолоченное блюдце с печеньем из офицерского дополнительного пайка и ватрушкой, должно быть госпитальной выпечки — такие ватрушки давали нам в госпитале в Костроме. Она выпила, задохнулась, затрясла головой, лицо её зарозовело, зрачки расширились, глаза потемнели и замерцали.

— Вот и всё угощенье, — низким грудным голосом огорчённо заметила она. — Я не ждала... и не гадала, что ты окажешься у меня в гостях... Может, тебе сделать кофе?

— Нет... Спасибо... Не беспокойтесь.

— Обращайся ко мне на «ты», — она села рядом и, продолжая радостно, насмешливо улыбаться, большими тёмно-серыми шальными глазами в упор глядела на меня. — Со мной ты не должен ничего стесняться!.. Скажи, я тебе нравлюсь?

Я растерянно молчал, а она смотрела в упор весело и дерзко, поджав и кокетливо покусывая нижнюю губу. В лице и особенно в глазах у неё проглядывало хмельное озорство, именно это насторожило меня и надолго потом осталось в памяти: в тот день — после ночного звонка — я всё время опасался розыгрыша или неожиданной подначки.

— Мы должны быть друг с другом откровенны. Как старые близкие друзья! — уточнила она. — Пожалуйста, расслабься. И зови меня Галой, а ещё лучше — Галочкой!

Она налила из флакона в стакан поболее половины, добавила немного воды — как я и угадал, в склянке был спирт, — и опять предложила:

— Может, всё-таки выпьешь?

Я снова вежливо отказался. После выпитого на дне рождения Аделины добавлять спирта, пусть даже разбавленного, я не только никак не хотел, но и не мог: в ближайшие часы мне предстояло возвращаться на мотоцикле домой и везти Арнаутова.

Она подняла стакан и с искренним, радостным оживлением, глядя мне в глаза, произнесла: «За тебя!» — снова выпила легко, не отрываясь, и принялась нюхать горбушку чёрного хлеба. Очевидно, в лице моём выразилось некоторое недоумение или озадаченность, и, по-прежнему насмешливо посматривая на меня, она пояснила:

— Это я для настроения, для смелости! Не удивляйся, я без этого не могу!

И тут же доверительно положила большую сильную ладонь на кисть моей руки и начала её поглаживать, потирать, словно делая лёгкий массаж. Я обратил внимание, какие у неё крупные и жадные руки, а выражение отчаянной решимости преобразило лицо: оно стало жестоко-красивым.

Наслышанный, что занюхивают водку чёрным хлебом, не закусывая, алкоголики, я сидел настороженно, соображая, как это правильно понять и оценить.

То, что она занюхивала спирт горбушкой чёрного хлеба, меня, разумеется, несколько озадачило, однако не убавило моего почтения к ней как к выдающейся спортивной знаменитости, чья фотография была напечатана на обложке журнала «Огонёк». Впрочем, было ещё существенное обстоятельство, определявшее моё к ней отношение: из трёх последних лет жизни пять месяцев я провёл в госпиталях и медсанбатах, где меня несколько раз резали; я знал, что такое старшая хирургическая сестра, называемая иначе старшей операционной, знал, какая это тяжёлая и кровавая работа, и, что бы Галина Васильевна себе в подпитии ни позволяла, я не мог не испытывать к ней уважения и как к медику.

— А ты мне нравишься! — вдруг сказала она таким радостно-приподнятым голосом, что я несколько смутился. — У тебя отличный брюшной пресс! И плечевой пояс, дай Бог каждому! Тебе надо серьёзно заниматься спортом...

При этом ладонью правой руки она делала возвратно-поступательные движения, поглаживая меня от солнечного сплетения — я мгновенно напряг мышцы живота — до гульфика, как именовала бабушка ширинку, и обратно, деловито ощупывая напруженную мною мускулатуру живота. Наверно, у спортсменов, тем более знаменитых, такое свойское обращение с окружающими было обычным,

нормальным, и мне следовало относиться к этому и к некоторым другим странностям Галины Васильевны с пониманием.

— Ты мне всё-таки скажи: я тебе нравлюсь? — снова спросила она.

Что означали её слова? Как следовало себя вести? Она ставила меня в затруднительное положение. Я знал, что офицер не должен обманывать женщину и не должен лицемерить, но что же в таком случае я мог ей сказать? Если бы она была лет на пятнадцать или хотя бы на пять помоложе, как, например, Натали, она, возможно, могла бы мне понравиться, — если бы к тому же была поменьше ростом и миниатюрней. Но в её-то пожилом возрасте, в качестве кого?.. Как человек?.. Я знал её всего полтора или два часа, что же я мог ей сказать?.. Между тем, с лёгкой озорной и загадочной улыбкой продолжая покусывать нижнюю губу, она выжидательно смотрела на меня.

— Вы... хорошая... — наконец вымолвил я.

— В этом можешь не сомневаться! — сказала она, и я почувствовал, что она ожидала бóльшего и, видимо, разочарована, и мне снова стало неловко.

В ней действительно было что-то хорошее, откровенное, располагающее, и если бы в жизни она, например, оказалась моим лечащим врачом, или палатной медсестрой в госпитале, или, допустим, учительницей в школе, или преподавательницей в академии, — всё сложилось бы путём: я бы испытывал к ней уважение, а может, и симпатию, и у неё бы наверняка не возникло никаких претензий ко мне как к больному, ученику или слушателю.

Однако тут получалось иначе. Она предлагала, чтобы я обращался к ней на «ты», звал её Галочкой и ничего не стеснялся, и, более того, ощупывала и поглаживала мышцы моего брюшного пресса, кисть моей руки и даже, если не ошибаюсь, щекотала ладонь. По возрасту она без малого годилась мне в матери, было в этом что-то противоестественное; с каждой минутой я испытывал всё нарастающую неловкость и стыд.

А она, ничего не замечая, как ни в чём ни бывало, с той же озорной насмешливостью в глазах спрашивала:

— Что же ты сидишь как истукан?

То, что она сравнила меня с истуканом, для офицерского достоинства представлялось обидным или даже оскорбительным, но надо ли было оправдываться, возражать и что конкретно мне следовало ей сказать — сообразить я не мог и потому, некстати вздохнув, молчал.

— Нет, мы должны с тобою выпить! — вдруг с безапелляционной решимостью заявила она. — Обя-за-ны!.. За нас! И не смей отказываться — ты меня обижаешь!

«За нас!», то есть за выигравших войну, — в мае и летом сорок пятого года среди офицеров в Германии был самый распространённый, можно сказать, обязательный тост, без него не обходилось ни одно застолье. Она налила мне в рюмку спирта, добавила чуть-чуть воды, наполнила и свой стакан, пододвинула ко мне тарелку с редиской и малосольными огурцами, положила кусочек хлеба и, с хмельной приветливо-озорноватой улыбкой, заглядывая мне в глаза, подняла рюмку.

— За нас!.. За то, чтобы далёкое стало близким! — сказала она, придвигая свое могучее колено к моей правой ляжке. — Ты меня понял?

— Так точно! — ответил я, лихорадочно соображая, что бы это означало.

Мы чокнулись и выпили, — хотя мне ничуть не хотелось, я пересилил себя. Занюхав спирт всё той же горбушкой чёрного хлеба, Галина Васильевна положила её назад в хлебницу и снова ладонью правой руки стала оглаживать меня от солнечного сплетения — мышцы живота непроизвольно напружинились — до гульфика и обратно, и снова, как и на веранде, раздался её похвальный или даже восторженный возглас:

— Железо! Силё-ё-ён мужик!

И в следующее мгновение она с явным одобрением, громко и радостно, со спортивным, должно быть, азартом или озорством, выбросив вверх правую руку, как это делают спортсмены в минуту победы, обрадованно, с придыханием воскликнула:

— Эр-рекция!!!

Это непонятное и совершенно незнакомое мне иностранное слово я слышал впервые, и немудрено, что сразу не разобрал. Мне показалось, что она хотела сказать общеизвестное «дирекция», что в армейском обиходе означало «равнение или выравнивание». Но как и на кого я должен был равняться в данной ситуации? И мне подумалось в ту минуту, что оно, очевидно, выражало её высокую оценку мышц моего брюшного пресса, что мне, безусловно, весьма польстило — это была оценка специалиста, знаменитой спортсменки: уж в чём, в чём, а в мускулах она, несомненно, разбиралась.

Впоследствии я точно уяснил, что в своём тосте она, конечно же, сказала «за то, чтобы...», однако в ту минуту за столом, поспешно соображая, я почему-то без сомнений определил для себя, что это

тост за победу и, следовательно, сказала она об уже свершившемся, то есть «за то, что...». Война была мучительно долгой, почти четыре года мы шли сюда, в Германию, и вот она, такая далёкая, чужая и проклинаемая за тысячи километров, по всей России, наконец стала близкой, мы находились на немецкой земле, в центре Германии — ближе быть не может, и таким образом далёкое стало близким.. Тост мне нравится, и, зажёвывая огурцом выпитое, я повторяю про себя, чтобы запомнить: «За то, чтобы далёкое стало близким!», и звучит он для меня однозначно — «За победу!». В эту минуту мне и в голову не могло прийти, что под «далёким» в данном случае она разумела всего-навсего своё тело. По молодости я тогда ещё не знал, что тост «За то, чтобы далёкое стало близким!» у многоопытных раскованных женщин означает всего лишь предложение физической близости.

— Милый, а ты забавный! Если я хорошая и, стало быть, тебе нравлюсь, что же ты сидишь как истукан? — доверительно и с весёлым недоумением снова негромко спросила Галина Васильевна. — Смелости не хватает?

— Я не забавный... И не истукан... — стараясь скрыть обиду, проговорил я и решительно отодвинул свою рюмку от края стола. — Не надо так... Я... я нормальный...

— Так ты нормальный? — весело удивилась она. — Ну и чудненько!

Поворотясь на стуле, она включила ночник — стоявшую за её спиной фарфоровую разноцветную сову, — затем встала и, подойдя к двери, выключила верхний свет.

Я сидел, не поднимая головы и скосив глаза в её сторону, настороженно смотрел, что она делала. В какие-то секунды она подняла и проворно сложила покрывало и кисею, распахнула постель, разложила в изголовье подушки и, расстегнув ремень, сняла через голову форменное платье и повесила на один из стульев.

И тут я услышал фразу, произнесённую ею с весёлой или озорной хмельной непосредственностью, фразу, которая ошеломила меня своей срамной непотребной обнажённостью и, наверно, потому запомнилась на всю жизнь:

— Ну, Вася, сейчас посмотрим тебя в работе! Раздевайся!

Мне стало нехорошо, сердце бешено колотилось о ребра. Она хотела и ждала от меня того, чего я никогда ещё не делал и не умел. Безусловно, я понимал, что раньше или позже в моей жизни это произойдёт, и не первый год с затаённым желанием ожидал: когда же?.. Но в любом случае мог представить себя только с девушкой, а никак

не с пожилой женщиной. Ошарашивала меня и быстрота: я никак не подозревал, что отношения могут развиваться так стремительно, — в книгах и кинофильмах всё было иначе... И в любом случае — ведь я её не любил, да и не мог любить! — нехорошо всё это получалось... Как говорил капитан Арнаутов — без черёмухи!.. Физиологию без любви старик называл коротко и жёстко — случкой.

— Посмотри на меня! — меж тем приказала она. — Неужели я тебе не нравлюсь?.. Ну!

Подчиняясь повелительному окрику, я поднял голову. В слабом свете ночника на её загорелом теле отчётливо белели огромный, туго распёртый торчащими вперёд грудями бюстгальтер и белые же трусы. Таких могучих богатырских форм у живой женщины я никогда ещё не видел, они скорее подошли бы монументальной скульптуре.

Как только она сняла платье, от неё ударило острым запахом пота. И, может, оттого, а может, и нет, мне вспомнился недавний приказ начальника тыла фронта генерала Антипенко о нормах выдачи фуража трофейным лошадям-тяжеловозам: першеронам, брабансонам и арденам. Они были несравнимо крупнее и сильнее наших российских лошадок, и, например, овса им по этому приказу полагалось в два раза больше: восемь килограммов.

В полуголом виде Галина Васильевна имела схожесть с породистой тяжеловесной лошадью, сильной и величественной, но не только с ней... Своей рослой фигурой и загорелым атлетическим телом она вдруг пронзительно напомнила мне мать, и ощущение кошмара от всего происходящего в эти минуты охватило меня, я буквально оцепенел.

— Расстегни! — поворотясь ко мне спиной, скомандовала она и, так как я не сразу сообразил, чего она хочет, властно повторила: — Пуговицы расстегни!

Я поднялся, ощущая слабость в ногах и в животе, и не без труда расстегнул пуговицы бюстгальтера, пальцами осязая её горячую мускулистую спину. В следующее мгновение, отбросив бюстгальтер в угол, она, поворотясь ко мне, со спортивным, должно быть, задором приказала:

— Давай, работай!

И тотчас, цепко ухватив за затылок, с силой пригнула мою голову и, поддерживая другой рукой снизу свою полную тугую грудь, ткнула соском мне под нос, в верхнюю губу.

— Поцелуй!.. Сосок поцелуй! — властно потребовала она. — Ну!..

Боже ж ты мой!.. Вообще-то я искусственник... Меня бабушка соской вскормила. Но чтобы спустя девятнадцать лет вот так бесцеремонно тыкать грудью в губы мне, офицеру, командиру дивизионной разведроты, пусть небольшой, но отдельной воинской части, имеющей свою гербовую печать и угловой штамп... Для офицерского достоинства было в этом что-то чрезвычайно оскорбительное, причём она унижала меня не словом, а наглым, бесстыдным действием, уж лучше бы напрямик обозвала молокососом...

Впоследствии я не раз размышлял: почему, по какому праву она сочла возможным вести себя со мной подобным образом?.. Должно быть, потому, предположил я позднее, что война окончилась и, ожидая демобилизации, она ощущала себя уже не старшей хирургической сестрой, а снова заслуженным мастером спорта, чемпионкой или рекордсменкой страны, а может, и всего мира... Она была всесоюзной или даже мировой знаменитостью, а я — только лишь одним из очень многих тысяч младших офицеров, находившихся тогда на территории Германии. Сколько тысяч таких, как я, прошло за войну через армейский госпиталь, где она работала!.. Ко всему прочему, как я почувствовал, она воспринимала меня даже не как командира роты, тем более отдельной, имеющей свою гербовую печать и угловой штамп, — и по возрасту, и по званию я наверняка был для нее желторотым Ванькой-взводным, пылью окопов и минных предполий...

Сосок у неё был тугой, как запомнилось, размером со сливу, и она с силой заталкивала его мне в рот, другой рукой намертво ухватив и удерживая мой затылок так, что перекрыла дыхание на левую ноздрю, и отстраниться от неё я не мог, хотя, естественно, попытался.

Размышляя позднее над этой историей, я всякий раз вспоминал небольшую статейку — что-то вроде фельетона, — попавшуюся мне в какой-то газете ещё перед войной. Там описывалось, как посетитель московского ресторана, пообедав и хорошо выпив, взял с соседнего стола огромный юбилейный торт и неожиданно, перевернув, насадил его на голову официанту. Газета возмущалась тем, что пьяного хулигана не привлекли к уголовной ответственности, как утверждалось, якобы только потому, что он оказался мастером спорта. Статья так и называлась: «Отделался лёгким испугом». Уж если рядовой мастер спорта мог публично и без серьёзных для себя последствий надеть официанту в московском ресторане торт на голову, то заслуженный мастер спорта — чемпионка или рекорд-

сменка страны, а может, и всего мира — наедине, без свидетелей наверняка могла позволять себе и значительно бо́льшее. Это логическое рассуждение послужило мне в последующие недели некоторым утешением.

Время тогда было другое, мы и понятия не имели о том, что такое «эрогенные зоны» или «сексуальное стимулирование», эти словосочетания, известные спустя десятилетия даже школьникам, никто из нас в те годы не слышал, да и слышать не мог — в России веками обходились без этих понятий. Время тогда было другое, и хотя дети рождались, но секс в его современном понимании, с весьма разнообразной техникой и десятками или сотнями всевозможных позиций, приёмов и ухищрений, ещё не объявился. Тогда, в мае сорок пятого, я был так молод и во многом по-деревенски наивен или даже глуп: только спустя какое-то время я узнал, для чего Галина Васильевна пыталась заставить меня целовать ей грудь, и, узнав, понял и простил её.

Своим сильным атлетическим сложением она имела очевидное сходство с моей матерью, только была выше ростом и значительно крупнее, массивнее. От неё пахло потом и спиртом, она была возбуждена, дышала шумно и нисколько не чувствовала моего состояния — ни моей чрезвычайной обиды, ни овладевших мною оцепенения и кошмара. Что мне следовало делать, что я мог и должен был сказать или крикнуть, чтобы остановить её?.. Неужели надо было применить силу?..

От волнения и напряжённости меня прошибла испарина, и как во всяком бою в минуты наивысшего напряжения, монетка вращалась на ребре, и надо было немедля овладеть положением — не допустить, чтобы она легла вверх решкой. И как обычно в бою, подбадривая самого себя, я по привычке мысленно повторял: «Не дрейфь!.. Где наше не пропадало, кто от нас не плакал! Прорвёмся!..» — лихорадочно соображая, как, куда и каким образом прорываться. Я боялся её, боялся её непредсказуемого тёмного озорства или буйства.

Спасительное решение пришло ко мне внезапно.

Галина Васильевна была прямая до резкости и, как я убедился по её разговору на веранде с Гурамом Вахтанговичем, весьма грубая женщина, за словом в карман не лезла и в выражениях не стеснялась. Я не без страха представлял, как она меня ошпетит, когда я скажу о рези в животе, — возможно, даже с оскорбительной издёвкой вломит что-нибудь вроде: «Ты что — обвалялся?!.» — или, может, ещё покрепче, позабористей. Я это понимал, но, тем не менее, решился — другого выхода у меня не было.

Я приложил руки к низу живота и скривился, как от сильной боли, — так старался, что чуть не застонал, однако в полутьме она ничего не заметила, так как была всецело занята другим — отпустив мой затылок, она торопливо расстегнула пуговицы на вороте моей гимнастёрки и на рукавах, затем широкий поясной ремень и при этом с возмущением и неожиданной злостью выкрикивала:

— Ну что ты стоишь как истукан?!. Кто кого должен раздевать?!. Ты что из себя целку строишь?!. Цену набиваешь?.. Ты что, придуриваться сюда пришёл?!

Я никого из себя не строил и цены не набивал. Её измышление, что я пришёл сюда придуриваться, не могло не обидеть явной несправедливостью. Я ведь к ней не приходил, она сама меня привела. Конечно, я смог бы её раздеть, ну а дальше?.. Меж тем, шумно, возбуждённо дыша, она уже добралась до моих брюк, рывком расцепила поясной крючок и, с нетерпением дёргая, расстёгивала пуговицы у меня на ширинке, продолжая при этом зло выкрикивать:

— Ты долго будешь придуриваться?! Чуфырло!.. Ты что — скиксился или офонарел?!

Могучая, целеустремлённая, как и все великие и выдающиеся спортсмены, она в крайнем нетерпении дёргала, рвала пуговицы на ширинке моих брюк, и не было в мире силы — во всяком случае, рядом со мной, — способной её остановить.

Я не знал, что такое «скиксился», а насчёт «офонарел» она попала в самую точку. От небывалого срама мне хотелось провалиться сквозь землю, без преувеличения, я был готов завыть от безвыходности происходящего — ещё никогда я не попадал в такую или в подобную ситуацию, — но, как нередко говорила моя бабушка, Господь не без милости...

Только она прокричала: «Чуфырло!.. Ты что — скиксился или офонарел?!.» — как в палисаде, а затем на крыльце послышались торопливые тяжёлые шаги, и тут же раздался стук в дверь и немолодой, хриплый мужской голос скомандовал:

— Галина, подъём!

Своей огромной горячей ладонью она мгновенно зажала мне рот и нос, при этом зачем-то с силой стиснув обе ноздри, и сама, замерев, молчала, затаилась, но в дверь энергично стучали, и тот же строгий хриплый, прокуренный голос громко и недовольно осведомился:

— Егорова, ты что молчишь?.. Я знаю, что ты дома! Давай срочно в операционную!

Я подумал, что стоявший за дверью, должно быть, слышал, как она на меня кричала, и она это тоже, очевидно, сообразила и, к моему великому облегчению, отняла ладонь от моего лица – я ведь, без преувеличения, почти задыхался.

– Фёдор Иванович, не могу! – после короткой паузы заявила она решительно. – Я отдежурила вторую субботу, только в восемь сменилась! Что я – каторжная?! Фёдор Иванович, я не приду! Не могу, и всё!

– Егорова, не смей так говорить!!! Не выводи!.. Перевернулся «студебеккер»!.. – понизив голос до полушёпота, сообщил стоявший за дверью. – Семнадцать пострадавших. Шесть – тяжело! Немедленно в операционную!

– Да что я – каторжная, что ли?! А Кудачкина, а Марина, а Зоя Степановна?!

– Марины нет, ты же знаешь – сегодня суббота! А Кудачкина и Зоя уже вызваны. И Ломидзе, и Чекалов, и Кузин! Будем работать на четырёх столах!

– Товарищ майор, я не могу, поймите! Я вас прошу, я вас просто умоляю! Завтра я вам все объясню!

– Егорова!.. Мать твою!.. Не выводи!!! – яростно закричал за дверью майор, от крайнего возмущения он зашёлся хриплым надсадным кашлем. – Егорова!.. Я с тобой нянчиться не буду! Я тебе приказываю: немедленно в операционную! Повторяю: экстренный вызов! Если через десять минут тебя не будет – пеняй на себя! Я тебе ноги из жопы вытащу!

– Товарищ майор... – просяще начала она, но послышались быстрые удаляющиеся шаги – сначала на крыльце, а затем в палисаднике... Не стесняясь моего присутствия, она выматерилась ядрёно, затейливо и зло, что меня уже почти не удивило.

Скосив глаза, я видел, как она подняла и надела бюстгальтер и при этом яростной скороговоркой сообщила, вернее, выкрикнула мне, что какую-то Марину на воскресенье увозят спать с генералом, – она употребила не слово «спать», а матерный глагол, и обозвала Марину «минетчицей», – другие же, в том числе и она, должны вкалывать в операционной и «уродоваться как курвы».

– Застегни! – подойдя и поворотясь ко мне спиной, приказала она, и я с большим усилием и не сразу застегнул все четыре пуговицы вновь надетого ею бюстгальтера, подивившись, как она их застёгивает и расстёгивает без посторонней помощи, – даже тугой хомут стягивать супонью проще и легче. – Разденься, ложись и жди меня!

Я не задержусь! Я тебя закрою, и жди – я скоро вернусь! Можешь спать, но не смей уходить!

Она зажгла свет, проворно надела платье, посмотрела на себя в зеркало, висевшее на стене, быстрым движением поправила волосы и, выскочив из комнаты, заперла меня снаружи на ключ.

Она была крепко выпивши, и я не представлял, как она сможет участвовать в операциях.

Обескураженный я сидел и пытался сообразить, как я оказался здесь, зачем пришёл? Ведь хотел только послушать пластинки. На душе – целая уборная. И тут я всё осмыслил окончательно: у неё своя задача, у меня – своя.

Как только затихли её шаги, я застегнул брючной крючок, пуговицы на гимнастёрке, надел поясной ремень, Кокину фуражку и осмотрелся... Белоснежные простыни в распахнутой постели, а над ними, на стене, – немецкий коврик для спальни: полураздетые, воркующие, как два голубя, он и она... Галина Васильевна со смеющимся, счастливым лицом посреди стадиона... Флакон с остатками спирта, горбушка чёрного хлеба, тарелка с редиской и малосольным огурцом, блюдце с печеньем и ватрушкой... Трофейный немецкий патефон... Гантели, эспандеры...

Только теперь на тёмном резном комоде я заметил что-то накрытое куском чёрного шёлка размером с большой носовой платок. Под ним, когда я его осторожно поднял, обнаружилась небольшая, в рамочке, фотография, судя по всему, свадебная: Галина Васильевна, молодая, радостная, в светлом нарядном платье с оборочками, и рядом с ней, под руку, высокий широкоплечий военный со старым, ещё без колодки, орденом Красного Знамени над левым карманом гимнастёрки и двумя шпалами в каждой петлице – майор. У него было широкоскулое приятное открытое лицо, и смотрел он приветливо, с весёлым задором сильного, уверенного в себе человека. Кем он ей приходился и почему фотография, прислонённая к стене, была наглухо завешена чёрным?.. Помедля и предположив, что майор, очевидно, погиб, я снова аккуратно накрыл фотографию платком.

Затем я пошарил глазами в углу и вдоль стен по полу, но ядра для толкания не увидел. А мне так хотелось его посмотреть и потрогать, вернее, подержать в руках этот металлический шар, благодаря которому можно сделаться всесоюзной или мировой знаменитостью, – я даже под кровать заглянул и не без усилия отодвинул тяжёлый немецкий чемодан, но и за ним ядра для толкания не оказалось.

Единственное, что я неожиданно заметил на полу и, огорчённый, положил в карман брюк, была пластмассовая, защитного цвета, пуговица, в нетерпении оторванная Галиной Васильевной от моей ширинки. Как тут же выяснилось, она оторвала там даже не одну, а две пуговицы, что расстроило меня ещё больше, тем более что найти вторую мне не удалось.

Надо было немедля уходить. Я боялся, что майор, вызвавший Галину Васильевну в операционную, обнаружив, что она изрядно выпивши, отправит её домой. Я попробовал, подёргал дверь, но она была заперта. Тогда, погасив верхний свет, я подошёл к окну, отвёл тяжёлую портьеру и, подняв шпингалет, отворил левую створку.

Словно я распахнул двери душного, затхлого склепа – до чего же чудесно, до чего замечательно было там, за окном!.. В лицо мне повеяло майской вечерней свежестью, повеяло простором и свободой и душисто пахнуло дурманным ароматом белой акации и сирени, густо насаженных и разросшихся по всему палисаду перед домом.

Наверно, с минуту я стоял, притаясь на подоконнике, и напряжённо прислушивался. Отдалённо доносились звуки патефона, в каком-то коттедже справа несколько пьяных мужских и женских голосов нестройно тянули «На диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой...», но в палисаднике и поблизости было тихо – ни разговора, ни шёпота, ни шороха. Придерживая фуражку, я осторожно спрыгнул на траву, прикрыл оконную створку и, малость погодя, охваченный невеселыми мыслями, уже шёл противоположной стороной улицы.

...Галина Васильевна осталась в моей памяти вдовой погибшего офицера, несчастной, обездоленной женщиной с несколько увеличенными физиологическими потребностями. И спустя десятилетия я её понял и пожалел.

41. ВЕЧЕР В ЛЕВЕНДОРФЕ

День заканчивался, и можно было подвести итоги.

Таких неудачных суток я не мог и припомнить, в этот день жизнь раз за разом, непонятно почему, бросала меня на ржавые гвозди: и ночной, застигнувший меня со сна врасплох розыгрыш, и отлуп — всего лишь из-за шрама! — на отборочном смотре, отлуп, лишивший меня, боевого офицера, ветерана дивизии, редчайшей возможности поехать на парад победителей в Москву, а затем, после трёх лет разлуки, навестить в родной деревне самого близкого человека — бабушку и помочь ей хоть что-то поделать по хозяйству и, прежде всего, снять её боль — восстановить растащенную на дрова оградку на могиле деда; и непоправимо испорченный вечер с придуманной Володькой или Аделиной нелепо-постыдной попыткой знакомства с Натали; и вынужденное исполнение охальной частушки — задним умом и дураки сильны: теперь-то я осознавал, понимал, что как офицер не имел права при женщинах её исполнять и ни в коем случае не должен был опускаться до такой пошлости или даже похабщины, — и, наконец, унижение, какому меня походя подвергла Галина Васильевна: она меня не просто оскорбила и унизила, она меня буквально унасекомила. За что?!

Единственное, что более всего занимало и огорчало меня в эти минуты, были две пластмассовые, защитного цвета, пуговицы, оторванные пьяной спортивной знаменитостью, и невозможность без промедления пришить их на место.

В безрадостном раздумье я стоял у ограды памятника. Метрах в сорока по правой стороне улочки находился небольшой гараж, где мною был оставлен мотоцикл; рядом, в том же палисаде, светилась застеклённая, заросшая по краям вьющейся зеленью веранда — там, за круглым столом, под оранжевым, низко висящим абажуром играл в преферанс Арнаутов. Я знал — видел трижды — его неизменных партнёров: военного прокурора дивизии майора Булаховского и двух госпитальных медиков — пожилого, седоватого подполковника с костистым лицом и капитана, тоже немолодого, лет сорока,

курносого, румяного, с короткими рыжими волосами на круглой, как шар, голове.

Стрелки на светящемся циферблате показывали без нескольких минут двенадцать, ещё часа два, а может, и три надо было кантоваться в этом злополучном Левендорфе, ожидая, когда освободится Арнаутов и мы сможем вернуться в дивизию. Часа два как минимум: я знал, что он мог просиживать за преферансом и до рассвета.

После выпитого спирта и нервного напряжения, пережитого при общении с Галиной Васильевной, жажда мучила меня, а от одной мысли — появление там, на веранде, с двумя оторванными пуговицами, а по сути дела, с расстёгнутой ширинкой — прошиб холодный пот.

Затянув потуже ремень, максимально оттянув вниз гимнастёрку и слегка придерживая её левой рукой, я поднялся на веранду.

Булаховский, сидевший лицом к двери, заметил меня первым и, подняв голову, не без некоторого удивления и, как мне показалось, без радости проговорил:

— Федотов...

— Разрешите... — щёлкнув у порога каблуками, я вскинул руку к фуражке, намереваясь спросить у подполковника, как у старшего по званию, разрешения обратиться к Арнаутову. — Товарищ подполковник...

— Давай, Вася, садись, — прервав меня, попросту сказал Арнаутов, давая понять, что обстановка здесь внеслужебная, неофициальная, и указал мне на кушетку вправо от двери: — Садись, дорогой...

Подполковник с хмурым выражением лица и капитан своими бесцветными рыбьими глазами посмотрели на меня мельком: первый молча, а второй поздоровался. И они, и Булаховский с Арнаутовым были заняты игрой и глаз от стола, вернее, от карт, почти не отрывали.

Я собирался сесть у дверей на кушетку, но не успел, ибо тут же, держа перед собой в согнутых руках поднос, уставленный красивыми немецкими чашками, тарелкой с большим круглым кексом и двумя яркими сахарницами, из комнаты появилась среднего роста, очень ладная и хорошенькая женщина, лет тридцати, блондинка с премилым курносым личиком, белозубая, с добрыми, широко распахнутыми небесно-голубого цвета глазами.

— Нина, — сказал Булаховский, подняв голову от карт, и повёл рукой в мою сторону. — Старший лейтенант Федотов...

— Василий Степанович, — подсказал Арнаутов.

— Василий Степанович, — повторил Булаховский и, усмехаясь, оговорился: — Если верить свидетелю... ветеран нашей дивизии... и вообще, отличный парень. Прошу любить и жаловать!

Подполковник, вскинув голову, снова быстро и хмуро посмотрел на меня. Смущённый неожиданным комплиментом прокурора, я стоял, думая только о том и повторяя про себя, что офицер, когда его представляют женщине, не должен подавать руку первым.

— Нина Алексеевна, — сказала блондинка, с милой улыбкой протягивая мне ладошку, легонько поставив поднос на угол стола.

Она была пригожая, округло-пухленькая, с мягкими, плавными движениями, удивительно аккуратная, в новеньком нарядном коротком белом в коричневую горошину переднике; лицо её светилось добротой и приветливостью или гостеприимством; таких женщин, как я узнал спустя десятилетия, уже в немолодых годах, называют «уютными» или «комфортными».

— Садитесь, пожалуйста! – пригласила она.

Я несмело присел к столу на стул, поставленный для меня Арнаутовым, плотно сдвинул колени и расправил на них край гимнастёрки. Есть мне не хотелось, да и кормить меня ужином, как тут же обнаружилось, никто не собирался.

Поначалу я решил, что Нина Алексеевна, квартировавшая в этом коттедже у старой немки, жена одного из медиков — подполковника или капитана — и предположил, что сама она тоже доктор. Как потом выяснилось, насчёт её профессии я не ошибся, она действительно оказалась зубным врачом армейского госпиталя, но женой ни подполковнику, ни капитану не приходилась, — позднее от Арнаутова я узнал, что она была полевой подругой, а точнее, женщиной майора Булаховского, и любовь у них, как уважительно отметил Арнаутов, длилась уже многие месяцы, — он явно дал мне понять, что это не скоротечная половушка военного времени, а нечто большое, серьёзное.

Нину Алексеевну, миловидную, обаятельную и радушную, я потом вспоминал не раз. В любом случае она была женщиной, достойной не только майора юстиции, но и старшего строевого офицера, окопного боевика, командира батальона или даже полка, правда, длинными стройными ногами и выраженной линией бедра природа её обделила, но всё остальное, помнится, вполне соответствовало. Мне очень хотелось посмотреть, как она станет держать чашку и будет ли у неё при этом, как у Натали, с изысканной благовоспитанностью отставлен мизинец, однако, появляясь время от времени

тихонько из комнаты, она заботливо предлагала гостям чаю, кекса или уникального, с кислинкой, варенья из маленьких райских яблочек, сама же к столу так и не присела.

Чай был крепкий, душистый, умело заваренный, а кекс сочный, ароматный, с изюмом и цукатами, ещё теплый. Булаховский долил в чашки своим партнёрам и себе французского коньяка из принесённой хозяйкой чёрной пузатой бутылки с золотистой наклейкой, предложил и мне, но я от спиртной добавки в чай, поблагодарив, уклонился и тотчас был вознаграждён: Нина Алексеевна положила мне на блюдце ещё пару кусков необычайно вкусного кекса.

Я дождался, когда подполковник — старший по званию из присутствующих — возьмёт чашку, и последовал его примеру.

Чай офицеры пили быстро, нетерпеливо; занятые только преферансом, они обсуждали прерванную пульку, причём подполковник смотрел запись на листе бумаги и, горячась, возбуждённо выговаривал майору за якобы неверные ходы и взятки, а тот виновато оправдывался; Булаховский же, посмеиваясь, довольно язвительными репликами подначивал обоих, и Арнаутов, с улыбкой поглядывая на меня, ему помогал. Допив чай, они сразу продолжили игру. Хотя я с удовольствием выпил бы ещё чашку — Нина Алексеевна мне любезно предложила, — как не отказался бы ещё и от куска кекса, но я, ощущая нетерпение офицеров, торопливо отсел от стола на кушетку: не хотел, да и не смел им мешать.

Не скрывая задора, они играли в преферанс прекрасными трофейными атласными картами и вполголоса произносили непонятные для меня слова:

— ...Семь трефей... Пас... Вист... Ложись... Туз — он и в Африке туз!.. Двенадцать вистов... Мизер!.. Возьми хозяйку... Пас... Обязаловка... Хода нет, ходи с бубей! Без двух, в гору четыре...

В старой русской армии офицеры играли в карты, однако для советского офицера, в чём я лично не сомневался, это было совсем не обязательно, более того — ни к чему. В детстве мальчишки постарше учили меня играть в карты, точнее, в очко, и я проиграл им целых четыре рубля, сумму для десятилетнего деревенского пацана немалую. Дед, узнав, выпорол меня старым солдатским ремнём с медной пряжкой так старательно, что несколько дней я не мог сидеть и спал только на животе. Бабушка плакала и умоляла меня никогда в жизни не брать карты в руки, иначе, мол, погибну. Я пообещал и действительно лет семь не брал, пока в военном пехотном училище меня не подначили, не уговорили и я поддался и в считанные минуты

проиграл месячный паёк сахара двум великовозрастным курсантам, обыгрывавшим всех, впоследствии изобличённым в шулерстве и отчисленным из училища.

Мне был непонятен их азарт, а особенно реплики, которыми обменивались игроки: «Валет для дамы», «Два валета – игры нету», «Нет хода – не вистуй», «Два пасá – в прикупе чудеса», «Четыре сбоку – ваших нет», «Чистый мизéр с одной семёркой на чужом ходу», «Кто играет семь бубён – тот бывает убиён», «Под игрока – с семака. Под вистýза – с тýза», «Нет хода – ходи с бубей», «Возьми хозяйку», «Взятку снесть – без взятки сесть».

Самое удивительное, я по наивности полагал, что всё дело в этой загадочной фразе о взятке. Тогда, в девятнадцатилетнем возрасте, я был убеждён и ни минуты не сомневался, что офицеры – даже городской военный комиссар и члены комиссии – не берут и не могут брать взятки.

Я сидел в углу никому не нужный. Игра мне была непонятна, и потому происходящее за столом никакого интереса для меня не представляло.

– Я буду в гараже, – шепнул я на ухо Арнаутову и, ни с кем не попрощавшись, тихо вышел во двор, прикрыв за собой остеклённую дверь веранды.

...Прекрасная майская ночь была полна жизни: окна в большинстве коттеджей ещё светились, и оттуда слышались звуки патефонов, гитар и гармошки, пение и пьяные возгласы.

Постояв не менее минуты в безрадостном раздумье и весьма удручённый своей ненужностью в этом огромном многолюдном мире, – а ведь я был не Ванька-взводный, а командир разведроты дивизии, по званию – согласно действующего штата ноль четыре дробь пятьсот пятьдесят пять – однозначно капитан, – я прошёл в гараж, уселся в коляску мотоцикла, примостился поудобней на сиденье и вскоре задремал.

Мне снился сон, который я уже видел много раз, когда мне бывало плохо. Он снился мне – один и тот же – и в костромском госпитале, и по дороге туда в вагоне для тяжелораненых, и осенью сорок третьего года после тяжёлой контузии в медсанбате под Новозыбковом, и при задержании в Московской комендатуре под новый сорок пятый год при возвращении на фронт, и ещё многажды, когда у меня случались неприятности и мне было худо.

Сны у меня были в основном реальные и потому убедительные, с некоторыми изменениями в деталях обстановки и лиц, но с од-

ним неизменным настроением тревоги, беспокойства и грусти. Просыпался всегда с облегчением и чувством какой-то утраты.

Это, пожалуй, самое раннее воспоминание детства. Мне три или четыре года, у меня воспаление легких и среднего уха, сильный жар, голова укутана в тёплые платки, от испарины я весь мокрый и от страшной сверлящей боли закатываюсь надрывным плачем и кашлем. Бабушка носит меня на руках по избе, время от времени останавливаясь у одного из окон, покрытого по краям изморозью и наледью. За окном – безлюдная деревенская улица, залитая ярким лунным светом, на крышах изб – метровые шапки снега. В углу, вправо от двери, на самодельной деревянной кровати, прижав сверху к уху подушку, чтобы не слышать моего рёва, храпит дед. Подушка помогает недостаточно, и как всегда, когда что-нибудь мешает ему спать, дед, не просыпаясь окончательно, выкрикивает в полусне матерные ругательства. Бабушка носит меня на руках, баюкает и, от жалости и сострадания заливаясь слезами, нараспев заклинает: «У кошки боли́, у собаки боли́, а у Васёны не боли́...» и приговаривает:

– Господи, оборони нас, грешных! Не дай моему ангелочку помереть!

В тот день, когда я весь посинел, дышал часто и прерывисто, уже не кричал, а только постанывал, бабушка в полном отчаянии, что я вот-вот умру, позвала деревенского батюшку. Я отлично помню всё, что тогда происходило: помню молебен, помню причастие, помню отца Александра в старом рыжем пиджаке, как он смазал меня каким-то маслом, слышал его голос и однообразное, тихое, нараспев, чтение. После этого отец Александр окропил все углы, медленно перекрестил меня, затем стоявшего рядом с ним дяшку Афанасия, тихо ему что-то пробормотал, подал руку, но дяшка не понял и пожал её. Столпившимся в дверях и громко рыдающим домочадцам наказал:

– Всю ночь читайте «Отче наш» и «Богородицу» и молитесь, – затем помолился сам и всплакнул.

На следующий день кризис болезни миновал и я стал медленно выздоравливать. Повзрослев, меня занимало, мог ли полный несмышлёныш, в забытьи, умирая, всё так ярко видеть и слышать, не придумал ли я всё это? Как-то я попытался расспросить об этом бабушку, было ли всё так на самом деле? Как я выжил?

Бабушка минуту молчала, затем ласково посмотрела на меня, поцеловала в лоб, перекрестила и сказала:

– Ангел тебя спас тогда и будет хранить в жизни.

* * *

Арнаутов разбудил меня в начале четвёртого; я выкатил мотоцикл во двор, а затем и на улицу. Заперев гараж, я оставил ключ в замке, не сомневаясь, что утром старик немец обнаружит его и заберёт. На веранде горел свет и слышались голоса – там по-прежнему играли в преферанс. Равнодушный к настольным играм, я не мог понять, как взрослые люди, а тем более офицеры, могут терять время попусту, просиживая часами, а то и всю ночь за картами и расписывая какую-то пульку – ни уму, ни сердцу!

Арнаутов был крепко выпивши и, находясь в «стадии непосредственности», стоял у коляски мотоцикла в мрачной задумчивости. Он долго усаживался в коляску. Наконец умостившись, пьяноватым голосом негромко сказал:

– Ведь сегодня день сформирования... Полковой праздник...

И нерешительно, как бы советуясь со мной, предложил:

– Может, нам заехать в Гуперталь? Как офицер, я должен засвидетельствовать своё почтение даме... Это мой долг!

В последние недели – после окончания военных действий – он к вечеру, как правило, выпивал и оттого начинал гусарить: заявлял, что должен ехать в Гуперталь, чтобы, как он выражался, «тряхнуть стариной». Там, во фронтовом военгоспитале, у него была знакомая женщина, заведующая аптекой, капитан медслужбы Лариса Аполлоновна.

Арнаутов не раз объяснял: «Миром движут две силы – голод и сэкс!» Он так и произносил – «сэкс», это редкое в те годы слово я впервые услышал от него. Ещё со школьных лет я знал, что миром движут идеи партии Ленина–Сталина; даже если в утверждении Арнаутова и была частица истины, но не в стариковском же возрасте! Какой «сэкс» может быть, когда ей пятьдесят, а ему и того больше? Отношения Арнаутова и Ларисы Аполлоновны представлялись мне по молодости лет ненормальными, противоестественными и вызывали брезгливое неприятие.

Два раза я возил его в Гуперталь и однажды видел Ларису Аполлоновну. Она поливала цветы в палисаднике, когда мы на мотоцикле подкатили к её домику, и искренне обрадовалась неожиданному приезду Арнаутова. Отбросив лейку, на ходу вытирая руки передником, с нескрываемой счастливой улыбкой на лице подошла и открыла калитку, указав место, куда поставить мотоцикл.

Арнаутов, видя её неподдельную радость, вальяжный и необычный, с актёрским пафосом обратился к ней:

– Лариса! Так, значит, вы меня не забыли? Вы меня ещё любите?

Я тогда ещё не знал, что это несколько изменённые слова из знаменитой пьесы Островского «Бесприданница», не сообразил, что он всего лишь духарится, и потому не мог понять, зачем в моём присутствии он задаёт ей столь интимные вопросы и прилюдно выясняет отношения – мог бы сделать это и без меня.

Лариса Аполлоновна пригласила нас в дом, и я внимательно её рассмотрел: старая, лет пятидесяти, женщина с явно крашеными тёмно-рыжими волосами и морщинистым, с отвислыми подрумяненными щеками лицом. Внешность её меня, прямо скажу, разочаровала, я был удивлён и обескуражен, и тогда по молодости лет не мог понять, что же могло привлечь в ней гусара Арнаутова – такого ценителя женщин.

Мы сидели в комнате за немецким овальным столом красного дерева, пили чай. Откинувшись на спинку старинного, с завитушками, полукресла, Арнаутов, взяв гитару и перебирая струны, что-то молча подбирал, тренькал, затем, озорно улыбнувшись, объявил: «Вот едет поезд» и с большим чувством и артистизмом стал напевать:

В вагоне у окна сидел военный,
Обыкновенный вояка-франт.
По чину он был поручик,
По дамским штучкам – генерал!
Сидел он с краю, всё напевая,
Про наци уци первертуцы, наци уци риверса,
Наци уци, герцем-херцем,
Лямцы, дрицы, гоп ца-ца!
На станции с важностью отменной,
К нему в купе вошла мадам.
Поручик расстегнул свои перчатки
И бросил их к её ногам.
Мадам хохочет, поручик хочет,
И начались у них тут
Наци уци первертуцы, наци уци риверса,
Наци уци, герцем-херцем,
Лямцы, дрицы, гоп ца-ца!
Вот поезд подошёл к заветной цели,
Смотрю я в щели – мадам уж нет!

Поручик весь лежит изнеможённый,
С распухшим...

Арнаутов умолк и озадаченно смотрел перед собой, словно припоминая, что там распухло у бедного поручика, затем, спустя секунды, как осенённый, с прежним задором и озорной ухмылкой продолжил:

...с распухшим чубом и без штиблет.
Погиб поручик от дамских штучек,
И получил он триппер туци,
Наци уци, герцем-херцем,
Лямцы, дрицы, гоп ца-ца!

Лариса Аполлоновна сидела красная, не поднимая глаз, жалко улыбалась. Мне было неловко, тоскливо и от стыда хотелось куда-нибудь сбежать.

Мне было обидно за Ларису Аполлоновну: хотя она и была медиком, зачем при мне ей было петь про другую женщину, больную дурной болезнью и к тому же оказавшуюся воровкой? Какое отношение это имело к Ларисе Аполлоновне?

Мне было мучительно стыдно за Арнаутова, наставлявшего меня, что офицер ни в разговорах, ни в песнях не должен опускаться до пошлости, особенно в присутствии дам, а сам, подвыпив, делал как раз то, от чего меня предостерегал.

Мне было жалко и поручика — судя по всему, молодого человека, — который, по-видимому, ехал к месту службы или в командировку, или, может, в отпуск, и вот в результате легкомысленной случайной дорожной связи не только заболел венерической болезнью, но, к тому же, ещё и лишился табельной, очевидно, обуви — штиблет.

В общем, жизненная и некрасивая история, и я жадно впитываю и постигаю сложности жизни: что легкомысленный и политически слепой офицер, променявший честь своего мундира на женскую юбку, — плох и неполноценен, что женщина в армии должна нести почётную непосредственную службу, выполняя свой долг перед Родиной, а не служить постельной принадлежностью и забавой офицера, и что, в конце концов, может подстерегать молодого человека с ещё не устоявшейся моралью...

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Начальнику политотдела 425 сд

По приказанию НачПОарма генерал-майора Козлова направляю Вам выписки из писем военнослужащих Вашей дивизии, просмотренных спеццензурой НКГБ.

Сержант Егоркин В.И.:

«...Новости мои таковы: приглядели один дом и протоптали дорожку к ладненькой немочке, которая охотно «отпускала» бойцам. В результате большинство ребят из моего взвода, ты их помнишь, а именно Смолин, Ионов, Кириллов, Богданов, поймали «ТТ»[1]. А дальше сам поймёшь...»

Капитан Смагин С.М. военнослужащей МСБ Беляковой Н.П.:

«...Во-первых, сообщаю о большом несчастье, приехал от тебя и потекло с конца. Так больно, так тяжко, даже весь похудел. Вот, наверное, где сказывается правда о твоей любви. А я ведь, дурак, хотел на тебе жениться. Ну ладно, потом разберёмся. А пока лечи, я ведь ни с кем больше не был. Присылай лекарства или привози сама...»

Командарм приказал проверить указанные факты и принять меры к устранению их в дальнейшем. Любвеобильным военнослужащим пролечить «концы», провести с ними воспитательную работу и привлечь к дисциплинарному наказанию.

Нач. оргинструкторского отдела

* * *

— Едем в Гуперталь! — уже более решительно произнёс Арнаутов. — Я должен пощекотать старушку!

Не включая зажигания, я толкал правой ногой педаль стартёра, чтобы засосать смесь в цилиндры.

— Не надо! — твёрдо сказал я. — Полковой праздник был вчера! А сейчас четвёртый час ночи. К семи я должен быть на подъеме в роте, а в двенадцать — спортивные соревнования. В присутствии командования корпуса и дивизии! — подчеркнул я. — И вам тоже надо выспаться. Я вас отвезу... после обеда... — пообещал я, завернул в газету Кокину фуражку и протянул её Арнаутову. — Положите вниз, ближе к сиденью, и держите.

[1] «ТТ» — «тётушка триппер» — жаргонное обозначение в армии гонореи.

По закону так называемого «офицерского дежурства» я не мог оставлять его, полупьяного, в Левендорфе, я был обязан доставить его на квартиру или же к Ларисе Аполлоновне, но на заезд в Гуперталь уже не оставалось времени. Я, конечно, понимал, что мой отказ ему не понравится, и потому говорил твёрдо и категорично, однако той реакции, какая после короткой паузы последовала, не ожидал.

– Если бы я был молод, как ты, и офицер втрое старше меня попросил бы о такой мелочи: потратить каких-то четверть часа и полстакана бензина – у меня бы язык не повернулся ему отказать. А ты считаешь возможным!.. В порядке оперативной информации: у меня ведь не только голова, у меня и яйца седые! – для большей убедительности строго сообщил он, повыся голос. – А ты щенок! Жалкий фендрик, нахватавшийся верхушек и вообразивший себя офицером! Держи! – он возвратил мне фуражку.

– Виноват, товарищ капитан...

– Полстакана бензина пожалел... Спасибо тебе, Вася, спасибо, дорогой, за всё! Фуражку не потеряй и не помни! – язвительно сказал он и стал вылезать из коляски.

– Виноват, товарищ капитан, – взяв фуражку в левую руку, я правой ухватил его за предплечье и пытался удержать. – Едем в Гуперталь!

– В Гуперталь?! – возмущённо закричал старик. – Убери руку! Да я не то что ехать, я срать с тобой на одном километре не желаю! Из деликатности!

– Виноват, товарищ капитан! Честное офицерское...

– Опять «виноват»! Мудачишка беспамятный! Я тебе, Василий, сколько раз говорил, что виноватых жизнь ставит раком! – и наставительно заметил: – Это не лучшее положение для женщины, а тем более для мужчины. Особенно для офицера! Я же тебе объяснял! Взял?

– Так точно! – поспешно подтвердил я, заводя мотоцикл. – Садитесь! Поехали! Вас ждёт Лариса Аполлоновна.

– Фуражку давай! – проворчал Арнаутов, опускаясь на сиденье в коляске.

Я возвратил ему фуражку, мне было стыдно перед стариком: действительно, чтобы забросить его в Гуперталь, требовалось не более получаса, а я пытался ему отказать и теперь мучался.

– Ничего ты не взял, – огорчённо проговорил Арнаутов. – Повторяешь, как попка, «Так точно!» – и всё мимо сада с песнями. Всё-таки ты фендрило! – не мог он успокоиться, укладывая фуражку

между ног на дно коляски, и уточнил: — Фраер в кружевных фильдеперсовых кальсонах!

«Фраер в кружевных фильдеперсовых кальсонах» относилось к штатским и для офицера являлось крайне оскорбительным, но у меня достало сообразительности промолчать.

Вставив ключ зажигания и натянув мотоциклетные очки, я рванул педаль стартёра, мотор завёлся с полуоборота, я включил фару, и спустя секунды, наполняя треском спящий поселок, мы уже мчали по шоссе, ровному и гладкому, как и все дороги в Германии, в дивизию.

Свет сильной фары раздвигал темноту перед мотоциклом, бежал, скользил впереди по чёрной зеркальной ленте мокрого после дождя асфальта, аккуратный немецкий лес с обеих сторон подступал к самым обочинам, приятная росистая прохлада тихой майской ночи упруго овевала лицо. После сна в гараже голова стала вроде ясной, но на душе у меня по-прежнему было плохо: тягостно и неспокойно.

Я проклинал себя за то, что поехал ради Володьки отмечать злополучный день рождения Аделины, где оказался никому не нужным. В моём сознании, как в калейдоскопе, возникало, мелькало и проносилось всё, что происходило несколько часов назад в госпитальных коттеджах. С чувством горечи я вспоминал и отвергнувшую меня Натали, и плешивого соперника-грузина, по сути глубоко несчастного человека, и свою полную отчуждённость от гостей, кроме Матрёны Павловны и, особенно, Тихона Петровича — к нему я испытывал великую симпатию и сожалел, что он так напился, — оказавшихся для меня чужими посторонними людьми, и подвыпившую «мамочку», чемпионку страны по толканию ядра Галину Васильевну, и, разумеется, самое постыдное и обидное — как, унижая моё офицерское, человеческое и мужское достоинство, она, с силой пригибая мою голову, тыкала мне под нос огромным тугим соском...

Меня тяготила и удручала ссора или размолвка с Володькой и его невестой, хозяйкой торжества. А что ещё? Досада на себя за деревенскую непосредственность, выставившую меня перед гостями в нелепом и смешном виде. Но, кроме пляски вприсядку и спетой, назло всем, в состоянии опьянения сомнительной по смыслу частушки, я не допустил ничего недостойного и дурного.

После драки кулаками не машут... Вернуть и поправить прошедший вечер было невозможно, и потому о дне рождения следовало просто забыть. Однако тревожное чувство чего-то сделанного не так, подсознательное ощущение какой-то вины или виноватости —

перед кем? — не покидало и мучило меня. Я пытался, но так и не мог определить, что же, кроме вчерашнего удивительно нелепого вечера, могло тяготить или беспокоить меня?.. Что ещё?

Для ночной темноты я держал немалую скорость и буквально ни на секунду не сводил глаз с высвечиваемой фарой полосы асфальта. Мимо пронеслись две встречные немецкие легковушки, они промелькнули так быстро, что я даже при опущенных боковых стёклах не разглядел, кто в них находился, только заметил, что обе они не имели номерных знаков. Почему-то мне сразу вспомнились сообщения о нападениях немцев на дорогах, о бандитизме с использованием автомобилей; сбросив скорость, я съехал на обочину, остановился, выключил мотор, достав небольшой трофейный «вальтер», загнал патрон в патронник и снова положил пистолет в карман. Мне хотелось хоть несколько минут побыть в тишине и спокойно всё обдумать, чтобы уяснить, что же сегодня сделано в моей жизни такого, из-за чего всё получилось и сложилось не так, но дремавший в коляске Арнаутов сразу очнулся, спросил сонным голосом: «Где мы?», затем, пробормотав: «Подожди», вылез и отошёл в темноту; я слышал, как в нескольких шагах у меня за спиной он справлял малую нужду.

— Парень — гвоздь, настоящий боевик, но вляпался прямо рожей в лужу. Друг твой втюрился как зюзя, а любовь не пожар, загорится — не потушишь! — вдруг с явным огорчением сказал он. — Любовь зла!.. Не мы выбираем, а нас прибирают... Жаль мне его, Василий!.. А вообще-то эффектная шлюха!.. Из дорогих!.. И в глазах — сперма!..

Я понял, что он говорит об Аделине, и, естественно, не мог не оскорбиться. Арнаутов задел честь невесты моего друга, и как офицер я не мог, не имел права оставить это без последствий, но я промолчал, не сказал ему и слова. И не потому, что Арнаутов был лет на сорок старше меня, просто в эту минуту, поддавшись настроению, я мог наговорить ему лишнего и оттого решил объясниться с ним в другой раз, спустя день или два.

Впрочем, жизнь продолжалась. Мне предстояло уже через несколько часов на корпусных соревнованиях защищать спортивную честь дивизии, и следовало хорошо выспаться и отдохнуть...

42. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 МАЯ...

По приезде из Левендорфа, полумёртвый от усталости и нервного перенапряжения, едва коснувшись щекой подушки, я буквально провалился и заснул как убитый, однако спать мне пришлось совсем недолго. Меня разбудил резкий, настойчивый, несмолкаемый зуммер телефона. Нащупав в темноте и взяв трубку, я тотчас автоматически произнёс:

— Сто седьмой слушает.

И сразу в мембране услышал взволнованный голос Махамбета:

— Васа? Где ты был?.. Тебя ищет весь ночь! Ча-пэ, Васа, кайшлык! — сбивчиво и негромко говорил он. — Я ничего не мог!.. Здесь все приехал: конразведка, политотдел, паракуратура... От нас дапроску берут... Бэле! Кайшлык! Приезжай сразу!..

Он так и сказал: «конразведка», «паракуратура», «дапроска», он был крайне возбуждён и говорил с бóльшим, чем обычно, акцентом, нещадно искажая и перевирая слова.

— Махамбет, что случилось? — закричал я, сразу садясь на кровати и включая лампу. Я запомнил на многие годы: на часах было четыре часа тридцать семь минут.

— Тебя ищет весь ночь... Кайшлык! Бэле! Абтраган! — в крайнем волнении снова сдавленно повторил он, я знал, что по-казахски эти слова означают «несчастье», «беда», и понял по его негромкому разговору, что он звонит от дневального из коридора и не хочет, чтобы его услышали.

— Махамбет, что случилось?! — обеспокоенно закричал я. — Скажи толком!

— Калиничев... Лисенков... уже нет... — с отчаянием в голосе сообщил он, мне показалось, что он сейчас заплачет. — Васа, я ничего не мог! Базовский и Прищепа... тоже... Приезжай!

Спустя каких-нибудь пять минут я гнал на мотоцикле в роту, оглашая перед каждым перекрёстком улочки спящего городка пронзительными сигналами.

Было ясно: в роте случилась беда. Я лихорадочно соображал, что там могло произойти?.. Как я понял, Калиничев и Лисенков были уже арестованы, их, очевидно, забрала прокуратура или контрразведка... За что?!. Я терялся в догадках. А Прищепа и Базовский?.. Почему Махамбет сказал о них «тоже»?.. Все четверо были настолько разные люди — что их могло объединить, какое «ча-пэ»?.. Двух моих подчинённых арестовали, ещё двое — Прищепа и Базовский — тоже, как я понял, оказались причастными, остальных допрашивали. Что бы там ни случилось — даже в моё отсутствие! — как командир роты, я за всё отвечал, и в любом случае впереди меня ждали неприятности и позорная огласка произошедшего на всю дивизию.

Только теперь меня наконец осенило — Лисенков! Вот перед кем ночью на обратном пути я испытывал чувство вины, именно он был причиной непонятного, подсознательного беспокойства, мучившего меня всю дорогу, именно перед ним я испытывал чувство вины.

Я вспомнил вчерашний праздничный обед в роте и мой с ним разговор, и его неожиданное откровение, обнажившее для меня его полное одиночество, и как, чтобы скрыть слёзы, он опустил голову и натягивал на глаза свою нелепую тёмно-зелёную фуражку, и его просьбу остаться, не уезжать, и высказанное им убеждение, что и теперь, с пятью орденами и многими медалями, он для всех в роте по-прежнему останется «обезьяной». Теперь, после вчерашнего вечера, я его прекрасно понимал: очевидно, он всё время испытывал отчужденность, подобную той, какую я ощутил на дне рождения Аделины. Только я испытал это чувство и пережил в течение двух-трёх часов, а он — постоянно.

На площадке перед входом в здание, где размещалась рота, стояли три трофейных машины «опель-кадет».

Я подрулил к входу, подъехав, выключил мотор. На скамье у клумбы сидели человек восемь из моей роты, трое — лейтенант Торчков, Сторожук и Махамбет — сидели прямо на ступеньках крыльца. При моём появлении все поднялись, хотя команду никто не подавал.

— Торчков! — позвал я.

Он побежал ко мне, и одно это должно было меня насторожить: он был в роте всего две недели, был леноват, медлителен и ко всему равнодушен.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил я, когда он приблизился.

— Отравление спиртом, — сказал он, вытягиваясь, в его лице и в голосе я ощутил виноватость. — Лисенков и Калиничев насмерть... Прищепа и Базовский ослепли...

Это было настолько неожиданно и так ошеломило меня, что я потерял дар речи и буквально онемел. По дороге сюда мысленно, в голове я перебрал с десяток вариантов чрезвычайных происшествий: и воровство, и угон автомашины с аварией, наездом или другими последствиями, и ограбление какого-нибудь трофейного продовольственного склада или гражданских немцев, и вооружённое столкновение с комендантским патрулём или военнослужащими опергруппы НКВД, и пьяную драку с тяжёлыми повреждениями или даже с убийством, и, наконец, изнасилование — по пьянке, потеряв рассудок, всякое могли натворить, но мысль об отравлении алкоголем мне ни разу в голову не пришла. Я даже вообразил себе несчастный случай с трофейной миной или фаустпатроном.

Подъехавший вслед за мной Арнаутов, по-видимому как и я, только утром узнавший о чрезвычайном происшествии, невыспавшийся, хмурый, взглянул на меня и со вздохом удручённо сказал:

— Эх, Россия-матушка! — и скороговоркой, сквозь зубы, чтобы никто не услышал, добавил, — Василий, напирай на то, что всё тобой было сделано по Уставу... В Левендорф приезжал на встречу с подполковником Бочковым... Из гостей, если будут спрашивать, назови Сусанну и Галину Васильевну, о встрече этой ночью с Булаховским — ни слова... В остальном — полная отрицаловка: был, уехал, ничего не знал.

Я не мог понять и поспешно соображал, почему о Сусанне можно рассказать, а об Аделине, Натали и Матрёне Павловне не требовалось? Какая связь?

В это время за моей спиной раздался окрик: «Федотов!» и, оборотясь, я увидел в проёме большого окна учебного класса на втором этаже начхима дивизии майора Торопецкого, точнее его строгое лицо. Он курил и жестами подзывал нас:

— Заходите!

Набрав побольше воздуха в грудь, я переступил порог, громко и чётко доложил:

— Командир пятьдесят шестой отдельной разведроты старший лейтенант Федотов!

В комнате за столом сидели пятеро старших офицеров, я всех их знал: дознаватели майоры Щёлкин и Торопецкий, инструктор политотдела корпуса майор Дышельман, капитан контрразведки дивизии Малышев и в центре — прокурор дивизии майор Булаховский, с которым я несколько часов тому назад расстался. Все с пристальным вниманием уставились на меня.

По тому, сколько набежало дивизионного и корпусного начальства и нескрываемой обеспокоенности Арнаутова, я предположил, что происшествию придано особое значение. Из отрывочных разговоров и сообщений я понял, что об отравлении в роте ещё ночью было доложено командиру корпуса — старика специально разбудили для этого, и он приказал провести тщательное параллельное расследование и утром доложить ему о результатах, отчего всё теперь и крутилось с четвёртой максимальной скоростью.

— Хорошо, что не доставили под конвоем, — с ходу огорошил меня Щёлкин и спросил: — Где вы находились, Федотов, после пятнадцати часов двадцать шестого мая?

Я не считал себя большим психологом, но понимал, что их всех подняли ночью, они не выспались и были злы, раздражены, но устранить это я не мог.

— В Левендорфе... на встрече с подполковником Алексеем Семёновичем Бочковым, однополчанином моего друга старшего лейтенанта Новикова, отмечали победу и новое назначение подполковника.

— О подполковнике — не надо, — прервал меня Дышельман, инструктор политотдела корпуса по кличке «Соловей», — при чём здесь подполковник? Заруби себе на носу, Федотов, подполковник ни в чём не виноват и ты не прикрывайся его именем!

У меня заныло под ложечкой: я понял, что меня сейчас начнут распинать, уже заранее сделали виноватым, но в чём? Что конкретно мне стараются вчинить, я пока никак не врубаюсь.

— Всё-таки, где вы находились, Федотов, до четырёх часов утра? — повторно задал вопрос Щёлкин.

— В Левендорфе...

— Да, немногословно...

Я убито молчал и плохо соображал, что от меня хотят услышать, и автоматически отвечал на последовавшие затем вопросы:

— В Действующей армии с какого времени?

— С сорок третьего.

— Так, — записывая в блокнот, произнес Щёлкин.

— Из близких кто погиб?

— Отец, командир батальона, в сорок первом...

Булаховский, не взглянув даже на меня, произнёс:

— Здесь все знают, кто такой Федотов и что в дивизии и в корпусе он на хорошем счету. Боевой офицер. Не надо биографии, это всё есть в анкете и его послужном списке. Ближе к делу...

— Чем занимались ночью в Левендорфе? — и, так как я молчал, продолжил, — О чём молчим? Может у вас плохо со слухом?

— Абзац!

— Как это понимать — абзац? Что такое «абзац»? — раздражённо спросил майор Дышельман.

— С красной строки всё придётся начать, — объясняю я. — И долго-долго отписывать мелким почерком.

— Насчёт чего отписываться?

— Видела ли ваша бабушка сны, а если не видела, то почему. И по всем остальным вопросам.

— Тебе, Федотов, не дано права нам указывать. Ты разводы не разводи. Обвалялся — и стой! Твоё дело телячье — правдиво отвечать. Ты имеешь право мыслить, а не высказывать свои мысли вслух, — зло оборвал меня майор. — Вижу тебя, как голого. Даже понимаю, чем ты дышишь и какой ноздрёй сопишь!

— А я мыслю так, как написано в приказах и газетах, — с не меньшей злостью парировал я.

— Он ещё и огрызается, щенок! Ты, Федотов, затылком к Уставу повернулся, тебя, я вижу, как следует ещё жареный петух не клевал, но при таком отношении к делу — это не за горами, — пообещал Дышельман и вдруг неожиданно, ни с того, ни с сего, спросил, — откуда у тебя такая фуражка?

И так как я не отвечал, даже не смотрел в его сторону, он требовательно сказал:

— Щёлкин, допроси его, где он взял эту фуражку?

— Нормальная табельная фуражка, — посмотрев на меня, улыбнулся Щёлкин. — В мирное время такая положена в пехоте даже взводному. А он — командир роты.

— В корпусе не каждый полковник имеет такую фуражку, а он, щенок желторотый и разгильдяй, разложивший роту, — щеголяет! Я ему не то что взвода, отделения бы не доверил! — брызгая слюной, с ненавистью выпалил Дышельман.

— Это не имеет отношения к делу, — спокойно заметил Щёлкин.

За что он меня так не любил? Его неприязнь я ощутил и запомнил с первой встречи более полутора лет назад под Обоянью, когда мы взяли немецкую траншею и в блиндаже, развороченном противотанковой гранатой, при виде двух трупов, превращённых в бесформенные куски мяса, меня рвало, и он, тогда ещё старший лейтенант, агитатор полка, прибежал и отчитывал меня при бойцах и ругал за то, что перед атакой во взводе не написали боевой листок, хотя

немецкую траншею мы взяли и без листка. Я ведь был уверен, что в сложной обстановке настоящий офицер должен действовать так, как ему подсказывают его честь, совесть и долг перед Отечеством. Тогда, после первого в моей жизни всего лишь часового боя, во взводе из тридцати пяти человек осталось только девять. Меня выворачивало от крови, вида разбросанных по окопу кишок, а он стоял рядом и кричал...

Я был теперь не тот, совсем другой, понимал, что он хотел бы забыть то, что ему было не выгодно помнить, и заранее решил, что поставлю его на место и дам ему понять, что такое достоинство русского офицера, как только он опять заговорит или начнёт драть глотку.

— Есть серьёзные подозрения, что Федотов сожительствует с немкой в Левендорфе, а это уже факт, граничащий с изменой Родине и воинскому долгу. Политическую оценку своему поведению даёшь? — не повышая голоса, но с явной угрозой спросил Дышельман.

— Какое сожительство? Он ещё не разговлённый, слово офицера! — не выдержав, воскликнул Арнаутов.

Я покраснел до кончиков ушей и мысленно поблагодарил Арнаутова, единственного человека в этой комнате, попытавшегося хоть как-то меня защитить: он мгновенно оценил опасность, таящуюся в последних словах Дышельмана. В комнате повисло гнетущее молчание.

— Ни проверить, ни опровергнуть это мы не можем, — сказал Малышев и вдруг резким тоном произнёс, — а вас, капитан, не спрашивают, вы и не подмахивайте!

Кошмар на ножках! Бредятина! Я был ошарашен, чувствуя, как пот выступает под мышками, у меня перехватило дыхание и сбилось мышление: какая немка?.. откуда он это взял?.. Ну, гад, что он мне пытается клеить? Но внутренний голос мне кричал: «По тормозам!»

Предотвращению связей с немками на прошлой неделе в дивизионной газете была посвящена целая страница, причём наверху крупным жирным шрифтом было напечатано: «Половые связи с немками это — сифилис и триппер, это — измена Родине!»

Так что Дышельман настойчиво пытался накинуть удавку мне на шею, а это тянуло если не на «Валентину», то «на всю портянку», то есть на десять лет.

— Федотов, подготовь характеристики на командира взвода... — Щёлкин, сделав паузу, в очередной раз заглянул в бумаги, — Шишлина, на Лисенкова, Калиничева, Базовского и Прищепу.

— Шишлин в роте всего две недели. Что я могу написать?

— Правду и только правду, — наставительно сказал Щёлкин. — Не позже, чем через час принесёшь мне пять характеристик. Иди, Федотов! Чтоб на полусогнутых — живо! Но из расположения роты никуда не отлучайся. И не вздумай крутить жопой и обрабатывать подчинённых, не вздумай их подговаривать, чтобы изменили показания.

Последнее предупреждение мне, как офицеру, представилось оскорбительным, но я не успел ничего ответить: в этот момент за окном послышался шум подъехавшей машины, и Торопецкий, посмотрев в окно, сообщил:

— Елагин...

Арнаутов мгновенно поднялся и, прихрамывая, выскочил из комнаты ему навстречу.

Елагин, войдя в комнату и даже не поздоровавшись, обвёл тяжёлым взглядом всех присутствующих и с мрачным видом сел на единственный свободный стул, и я, прокачав ситуацию, понял, что Астапыча не будет. Но почему ему не доложили?

Прокурор дивизии майор Булаховский сидел по центру стола, ни разу не взглянув ни на появившегося Елагина, ни на меня, и, не поднимая головы, быстро просматривал листы протоколов допросов, переворачивая, откладывал их влево и, пробежав глазами последний, проговорил:

— Ну, ладушки, — он повернулся к капитану Малышеву. — А что думает контрразведка?

— Как вам сказать... — начал Малышев.

— По-русски.

— Тут сплошные грубейшие... я бы даже сказал безобразные нарушения, которые и привели к отравлению... Виновные — прежде всего, начальник ВэТэаС капитан Кудельков... Метиловый спирт, как и все трофейные алкогольные жидкости, должен храниться в закрытом помещении, под замком, в опечатанном состоянии, а его, несмотря на неоднократные приказы и запрещения, держали на открытой площадке. Имеющаяся на бочонке надпись на немецком языке — «Осторожно — яд!» — обязательно должна была быть продублирована крупными буквами по-русски масляной или другой несмываемой краской, затаренный антифриз должен маркироваться: «Антифриз — яд!», но это не было сделано... К трофейным спиртосодержащим жидкостям личный состав караула не должен иметь никакого доступа, однако он, сменившись, прихватывает стокилограммовый бочонок и увозит его в роту... Капитан Кудельков

видел это, но не воспрепятствовал хищению и увозу бочонка, даже не поинтересовался его содержимым, хотя без труда можно было установить, что жидкость ядовита. После обеда, когда старшина Махамбетов разбудил Шишлина и доложил о привезённом в роту бочонке, и что из него какое-то количество спирта уже успели отлить, Шишлин, вместо того, чтобы принять решительные меры и немедленно провести в казарме и во всех других помещениях роты поголовный обыск с целью изъятия метилового спирта, узнав, что старшина Махамбетов расстрелял бочонок, успокоился и продолжал спать... Командир роты старший лейтенант Федотов был откомандирован на отборочный строевой смотр в корпус и, если бы не появился в роте, мог вообще остаться как бы в стороне. Однако, примерно к двенадцати часам, Федотов возвратился в роту, чтобы, как он объясняет, принять участие в праздничном обеде. Ему сразу же доложили, что положенные по случаю юбилея дивизии сто граммов водки на человека роте не выдали, и ничего не сообщили, то есть скрыли от него привоз караулом злополучного бочонка с трофейным спиртом и якобы его последующую ликвидацию. Вместо того, чтобы в оставшийся до обеда час добиться получения положенных четырёх килограммов водки, Федотов самолично принимает решение выставить на стол десять бутылок сухого мозельского вина, тем самым сознательно способствовал спаиванию бойцов.

— Должен всех разочаровать, кто не знает: крепость этого вина всего одиннадцать градусов, и по количеству меньше двухсот граммов на человека, для бойцов это всё равно, что слону дробина, — до того сидевший молча и внимательно слушавший Малышева, пояснил Елагин и добавил: — Категорически возражаю, что этой кислятиной можно «спаивать солдат».

— Вот эти дробины, товарищ майор, и явились пусковым механизмом всего последующего. Люди до первого марта привыкли получать по сто граммов водки, получали они её и весь март на плацдарме, чем достигалась определённая степень опьянения. Конечно, стаканом сухого вина её не достигнешь, и поэтому у многих возникла потребность добавить. Результаты известны: отравление произошло вследствие переупотребления алкоголя, как установлено, метилового спирта.

— Ловко всё придумано, — усмехнулся Елагин, — В дивизии в нарушение приказа Наркома не выдали в день юбилея к обеду водку, а виноват командир роты.

— Вы получили мою записку? – обратился Щёлкин к Елагину.

— Записки только девушкам пишут, а я получил распоряжение и обязан был его выполнить и явиться сюда.

— Почему своевременно не доложили о «чепе» в полку?

— Так вы же сами и расстарались, через голову комдива сразу ночью донесли в корпус, раззвонив во все колокола — вот вас здесь сколько собралось! Кроме комдива, которого вы же и проигнорировали, кому по табелю мы обязаны доносить?

— Согласно приказу двести три о массовом отравлении сообщается...

— Какое «массовое» отравление?! — запротестовал Елагин. — Два человека — это что, уже массовое?!

— Два человека умерли, — не повышая голоса, невозмутимо продолжал Щёлкин, — а отравились и были доставлены в госпиталь четверо. Ну, если вас это больше устраивает, назовём отравление не массовым, а групповым... Это, опять же, пункт тринадцатый приказа двести три. По табелю необходимо немедленно доложить: начальнику Главупраформа Красной Армии, Военному Совету, прокуратуре и контрразведке фронта, — загибая на руке пальцы, перечислял он, — Военному Совету, прокуратуре и контрразведке армии, командиру корпуса и начальнику отдела контрразведки. Девять адресов... Это минимум!

— Это упущения идейно-воспитательной работы и, как результат, — распущенность. Командир роты в праздничный день части оставляет роту, чтобы переспать с немкой, как уверяет нас майор Дышельман, его подчинённые, несмотря на бесконечные категорические приказы и запрещения, употребляют в качестве алкогольного напитка трофейную спиртоподобную жидкость, — заявляет капитан Малышев...

— Что вы мне мозги мылите? — возмущается Елагин. — Вы офицер советской контрразведки, а ваше предположение удивительно своей непатриотичностью, — говорит он Малышеву. — Лично я убеждён, что если русский офицер переспал с немкой, то он её завербовал, а не она его.

Я вижу, как все, кроме Малышева, смеются.

— Допустим, что так, — не теряется Малышев, — но почему он не хочет назвать её?

— И насчёт последнего награждения Лисенкова командир корпуса и начальник политотдела сомневались, но командование дивизии настояло и продавило своё представление, хотя знало, что Лисенков неоднократно судим, — вставляет Дышельман.

– Минутку! – закричал Елагин, с силой ударив ладонью по столу, за которым он сидел, лицо его выразило крайнее негодование. – Майор Дышельман! Что значит «продавило»?! Попрошу вас в моём присутствии больше никогда не допускать неуважительных высказываний в адрес полковника Быченкова! Я этого не потерплю!!! – Он снова с силой ударил по столу, теперь уже кулаком, и возбуждённый, разгневанный поднялся. – Зарубите себе на носу – я этого не потерплю!

– Что я сказал?.. Товарищи... Что я такого сказал? – покраснев и в некоторой растерянности, повторял Дышельман, переводя взгляд с Торопецкого на Щёлкина, а затем на Малышева. – Товарищ майор, – обратился он к Елагину, – я должен заявить при свидетелях, что к полковнику Николаю Остапычу Быченкову, Герою Советского Союза, командиру дивизии, удостоенной пяти боевых орденов, я отношусь с величайшим уважением! Однако представление уголовника, злокачественного рецидивиста Лисенкова к третьему ордену Славы вызвало у командования корпуса и начальника политотдела сомнения.

– Должен заметить, что знамя дивизии спасли старший лейтенант Федотов и разведчик Лисенков, а не майор Дышельман. И если бы этого не произошло, дивизия была бы расформирована, а корпус и армия –опозорены, – жёстко объявил Елагин.

– Спасение знамени дивизии – это миф, придуманный в вашей дивизии, – продолжал Дышельман. – Зачем Федотов возил знамя в расположение немцев? Хорошо, что всё кончилось благополучно. Всё это нелепость, и не надо выдавать её за подвиг. У командира корпуса относительно этого спасения были большие сомнения, и он не пожелал подписать тогда наградные документы на них.

– Эта нелепость зафиксирована в ЖеБэДэ как героический подвиг. Вы что, теперь будете историю переписывать? Вы пятый закон Ньютона помните? – со значением в голосе спросил Елагин.

– Пятый? Нет, не помню.

– Тогда я вам его напомню. Вы по-еврейски понимаете?

– Я?.. Нет... – покраснев, замялся Дышельман. – Плохо...

– Тогда я вам скажу по-татарски: «Нахижо хусвин!.. Белясен?»[1] – чётко, громко, выразительно произнёс Елагин. – Последние трое суток я выполнял приказ командира дивизии по подъёму боевой техники со дна Одера. В двухстах километрах отсюда. И прибыл в расположение дивизии – Елагин посмотрел на часы – всего час тому назад. Так что относительно моей личной ответственности,

[1] «Бранное слово». «Тебе понятно?» *(тат.)*.

чего вы более всего жаждете, майор Дышельман, вы можете поцеловать меня между лопаток, а если не дотянетесь и попадёте ниже — никаких претензий у меня к вам не будет, — жёстко сказал Елагин.

— Ну и как, товарищ майор, вытащили орудия?

— Я вас понял! — перебил его Елагин. — Мы-то вытащили, а вот вы здесь что вытаскиваете? — резко спросил он. — Кому яму роете, себе?! И не смейте называть меня товарищем!.. Майор Дышельман, я вас вижу насквозь и даже глубже, — заверил он.

— Товарищ майор, — обратился к Булаховскому Дышельман, — я старший инструктор политотдела корпуса, и попрошу вас оградить меня от клеветнических, безответственных оскорблений! Майор Елагин пытается выгораживать своих подчинённых! Это беспринципная круговая порука, о чём мною будет доложено начальнику политотдела!

— Меня это не скребёт! Мои люди вкалывают, один Дышельман туфтит. Это о таких, как он, говорят в дивизии: «А меня наутро вызвали в отдел: почему ты с танком вместе не сгорел?» Так вот, не дождётесь!

— Ты хам, Елагин, доцент филологии, а хам, — строго сказал майор Булаховский. — Целовать тебя никто не будет. Ты, Елагин, как командир полка, лицо лично заинтересованное в исходе расследования, поэтому на следствие не дави и глотку здесь не дери, а то дальнейшее обсуждение пройдёт без тебя.

Как всё-таки сложна и непредсказуема жизнь! У Елагина нелады с Дышельманом, а я отвечай...

В дивизии все знали, что Булаховский, Елагин и Арнаутов были друзьями, но я никогда не слышал, чтобы он говорил с Елагиным так неприязненно, подтверждая армейский принцип: «Вчера ты начальство — я говно, сегодня я начальство — ты говно».

Вот так: дружба дружбой, а служба службой. Я понимал, что возмущение Елагина напускное, деланное, понимал, что он бутафорит, и, как он сам выражался, «давит демагогией», и меня это подбодрило, порадовало. Я утвердился в мысли, что не только Елагин с Арнаутовым, но и командование дивизии, и сам Астапыч будут меня защищать и в обиду не дадут.

Я только успеваю подумать, что если Елагин уйдёт, мне будет худо, как дверь рывком отворилась и вошёл испуганный дежурный офицер.

— Товарищ прокурор... Майор Булаховский, вас к телефону!..

Через несколько минут вернулся Булаховский с довольно озабоченным лицом.

– Пришла беда – отворяй ворота, – сказал он, прикрыв за собою дверь и быстро проходя к столу, где лежала его планшетка и были разложены бумаги. – Звонил Голубев из медсанбата. Там же находятся командир дивизии и начальник штаба полковник Кириллов. Ещё одно «чепе». Комдив приказал мне немедленно приехать. Несчастный случай на охоте. Кадавэр![1] – отчётливо произнёс он, обращаясь к Щёлкину и продолжая стоять. – И незаурядный! И не рядовой!! И ещё какой!!!

После того, как Булаховского вызвали к телефону и особенно после упоминания им Голубева, командира дивизии и полковника Кириллова, я слушал его с напряжённым вниманием, решив в первую минуту, что звонок связан с отравлением в роте, и потому хорошо запомнил трудную нерусскую фамилию «Кадавэр»: мне она ничего не говорила, но я сразу подумал, что это еврей или прибалт.

– Полковник и весьма ответственный, – продолжал Булаховский, – на генеральской должности. Заместитель начальника военного отдела, он же Особоуполномоченный Наркомата государственного контроля. Так что шума и славы не оберешься.

– Гудим, – усмехаясь, сказал Щёлкин. – Не дай Бог такой славы!

– Гудим, – подтвердил Булаховский. – Шума тут будет побольше, чем с отравлением. Гудим до Генштаба, а быть может, и выше. Я сейчас уеду, а вы к десяти часам подготовьте проект приказа командира корпуса, – велел Булаховский, переводя взгляд со Щёлкина на Торопецкого. – Я обещал генералу, что к двенадцати приказ будет готов. Ты, Щёлкин, будь на месте, я тебе к десяти позвоню, окончательно всё согласуем, и сам отпечатаешь его начисто. Возьмите бумагу и записывайте... В констатирующей части приказа – изложение произошедшего, коротко, в одном-двух абзацах, но с обязательным указанием следующих обстоятельств... Грубое нарушение всех основных приказов о правилах хранения спиртоподобных жидкостей, это раз... – медленно диктовал Булаховский. – Отсутствие на бочонке дублированной предупредительной надписи на русском языке, это два... Свободный доступ личного состава караула к ядовитым спиртоподобным жидкостям... три, четвертое – безответственность начальника ВэТэзС капитана Куделькова, с ведома и в присутствии которого бочонок был вывезен со склада... Дальше... Преступная халатность командира взвода лейтенанта Шишлина, оставшегося за старшего офицера в роте, и неисполнение им прямых служебных обязанностей. Для характеристики происшествия, его последствий

[1] Кадавэр – труп *(лат.)*.

и оценки следует указать... записывайте... Небоевые безвозвратные потери – четыре человека – в мирное время... Это, Щёлкин, надо акцентировать: война окончилась, а люди гибнут...

– Почему четыре, всего два, – возразил Елагин.

– А двое потерявших зрение, они что – останутся в строю? – со злостью спросил Булаховский. –Для армии они потеряны, и для государства – инвалиды. Пожизненно! Должен кто-то за это ответить? В том-то и загвоздка. Кто возьмёт на себя такую ответственность? Не сомневайся, лично тебе взыскание обеспечено. Ты, Елагин, на следствие не дави, как командир полка, ты лицо лично заинтересованное в исходе дела, и сейчас при обсуждении проекта приказа тебе здесь делать нечего, формально вообще-то и находиться не положено. Коль пришёл и сидишь – не мешай! – ещё раз напомнил Булаховский Елагину, в каком качестве тот здесь находится.

– Записывай, Щёлкин, дальше... В приказной части укажите принятые меры по наведению порядка на складе и недопущению впредь подобных отравлений алкогольными жидкостями в частях корпуса и, разумеется, наказание виновных. Значит, так... Всем сёстрам – по серьгам. Командир взвода лейтенант Шишлин – «Валентина», другого решения тут быть не может... Начальник ВэТээС капитан Кудельков... заслуживает «Валентины», но, учитывая безупречную службу, ранения и награды – строгое дисциплинарное наказание, быть может с отстранением от должности и понижением на одну ступень... Это уже на усмотрение командира корпуса... Командир роты старший лейтенант Федотов – строгое дисциплинарное взыскание с обязательным отстранением от должности и понижением до командира взвода... Заведующий складом старшина Михеев...

Что он говорил им дальше, я уже не слышал. Я был ошеломлён тем, что меня намереваются отстранить от должности и понизить. Меня! За что?! Первая моя мысль была об Астапыче: только он мог меня теперь защитить и спасти.

Я был совершенно потрясён. Только вчера... даже не вчера, а четыре-пять часов тому назад, сегодня ночью, представляя меня на веранде Нине Алексеевне, он, Булаховский, аттестовал меня ветераном дивизии и отличным парнем, а теперь... отстранить и назначить с понижением. Неужели же всё так просто?.. Меня, одного из лучших офицеров дивизии...

Чёрный камень тоски и одиночества сдавил душу. Мне было так неуютно в этом огромном, лишённом справедливости мире, что подсознательно возникло нереальное желание: мамочка, дорогая, роди меня обратно...

Десятки, а может, и сотни раз я слышал и читал о предчувствиях, различных приметах и предвестиях, но у меня в те поистине поворотные в моей жизни сутки ничего подобного не было. К полуночи субботы всесильное колесо истории уже накатило, навалилось на меня всей своей чудовищной тяжестью, однако я ничего не ощущал. Распитие метилового спирта, как установило следствие, началось сразу после моего отъезда из роты, то есть примерно в три часа дня, и первые четверо отравившихся были доставлены в медсанбат дивизии где-то около семи часов вечера, а ближе к одиннадцати, когда Галина Васильевна унижала моё офицерское достоинство, Лисенкова уже более двух часов не было в живых, а Калиничева ещё пытались спасти. Был разыскан и прибыл армейский токсиколог, подполковник медслужбы, до войны будто бы профессор, по фамилии Розенблюм или Блюменфельд — «блюм» там было, это точно. Калиничева тянули с того света несколько часов, зная при этом, что его уже не вытащить, и ещё двое моих солдат находились в тяжелейшем состоянии — позднее они ослепли. О чрезвычайном происшествии во вверенной мне разведроте в этот час, как и положено, доносили шифром срочными спецсообщениями в шесть адресов, и о случившемся отравлении со смертельным исходом в эти минуты уже знали почти за две тысячи километров — в Москве. Я же, находясь менее чем в часе езды от роты и медсанбата, относительно свалившейся на меня лично и на дивизию беды оставался в неведении. Колесо судьбы чудовищной тяжестью накатило на меня, переехав, но никакого предвестия мне в тот день или вечер не было.

Я вдруг отчётливо осознал, что и я, и Арнаутов, и Елагин оказались песчинками, попавшими в жернова Истории, и что все мы закувыркаемся и полетим вверх тормашками со своих должностей: и я, и Арнаутов, и Елагин, и даже Астапыч.

Если бы я не поехал в Левендорф и остался в роте!

* * *

Дневальный сменился, и в коридоре у тумбочки возле входа теперь стоял Горпиняк, а рядом с ним в настороженном ожидании — Шишлин с тем же виноватым, заискивающим лицом. Он, разумеется, не знал, что уже решено предать его суду Военного трибунала, и когда я подошёл, попытался с собачьей преданностью заглянуть мне в глаза, но мне его нисколько не было жаль: я уже утвердился в мысли, что он во всём виноват, и старался на него не смотреть.

— Майор Елагин уехал? — спросил я Горпиняка.

— Никак нет! — поправив ножны с кинжальным штыком на правом бедре и усердно вытягиваясь, доложил он. — Майор... они бреются! В умывальной!

В большой светлой, отделанной белой плиткой комнате, оборудованной вдоль трёх стен умывальными раковинами, Елагин, сняв китель и укрепив на подоконнике небольшое зеркало, брился опасной бритвой. Оборотясь, он посмотрел на меня быстрым сумрачным взглядом и продолжал намыливать помазком щёки и подбородок.

Не зная, что сказать и что делать, я в нерешимости стоял посреди умывальной, и так продолжалось более минуты, а он тем временем брился, обтирая бритву, снимая с неё мыльную пену на кусок газеты.

— Три года я возился с этой обезьяной, и всё впустую! — не оборачиваясь, злым, хриплым голосом проговорил он, разумея, как я тут же понял, Лисенкова. — Его бы выгнать в стрелковую роту — он сто раз это заслужил, — а я всё нянчился!.. Сколько я его защищал!.. Ведь верил в него, верил, что переменится! И ещё, как дурак, третий орден Славы ему пробивал... Воистину: не накормивши, не напоивши и не отогревши — врага не наживёшь и дерьма не нахлебаешься!

Я вспомнил, как две недели назад — за день до обеда с американцами — меня срочно вызвали в штаб дивизии, где решался вопрос о представлении Лисенкова к третьему ордену Славы, и как полковник Фролов и полковник Кириллов осторожничали, предупреждали, что полный кавалер ордена Славы это, можно сказать, — национальный герой, а Лисенков — вор-рецидивист, и уговаривали Астапыча воздержаться. А тот сидел, слушал, смотрел на них вроде с интересом и, не спеша, с явным удовольствием пил крепкий коричневый чай из тонкого стакана в трофейном серебряном подстаканнике, благодушно щурился и, допив и обтерев лицо белоснежным носовым платком, обратился ко мне как к младшему по должности и по званию:

— Пусть командир роты скажет, достоин ли Лисенков третьего ордена Славы за бои марта и апреля месяцев. Конкретно, по статуту! Заслуживает или нет?

И я, почувствовав настроение Астапыча и не стесняясь присутствия начальника штаба дивизии и начальника политотдела, только что высказывавшихся против представления Лисенкова к третьему ордену Славы — они предлагали оформить ему орден Красной Звезды или даже Отечественной войны, — чётко ответил:

— Так точно, заслуживает!

Потом такой же вопрос Астапыч задал Елагину и, получив опять же положительный ответ, приказал немедленно оформить наградной лист...

— И с тобой, недоумком, я два года возился, — меж тем продолжал Елагин, подправляя бритвой висок, — вот ты и отблагодарил!

— Виноват, товарищ майор, — вступился я. — Если бы я знал...

— Если бы!!! — оборачиваясь, в ярости закричал Елагин; остатки мыльной пены белели у него на шее и на левом виске. — Если бы у моей бабушки были яйца, она была бы дедушкой!.. В день полкового праздника, когда людям выдан алкоголь, командир роты не имеет права уходить из расположения раньше отбоя! Более того, через час после отбоя он должен пересчитать спящих по ногам и головам и убедиться, что все на месте. Офицер — это круглосуточные обязанности и круглосуточная ответственность! А ты напялил чужую фуражку, — он смотрел на меня с откровенным презрением и неприязнью, — и смылся сразу после обеда, бросив на произвол полсотни подвыпивших подчинённых, рядовых и сержантов, будто тебе всё до фени и за роту ты не отвечаешь!

Отметив про себя, что надо без промедления вернуть Коке фуражку и поскорее надеть свою пилотку, я молчал. Что я мог сказать в своё оправдание, да и надо ли было говорить?.. Ни на минуту я не забывал, что в моём положении главное — не залупаться и не вылезать. Тем временем майор, подойдя к раковине слева от окна, сполоснул бритву, тщательно умыл лицо и вытер его большим мятым носовым платком.

— Ты оставил за себя Шишлина, он поручил роту сержанту, а тот взял и сам первым нажрался! Аллес нормалес!.. — возвратясь к окну, с издёвкой сказал Елагин и после короткого молчания продолжал. — Двое погибли и двое ослепли, так что отстранение от должности ты заслужил и на меня не рассчитывай, я тебя защищать не буду! Совесть не позволяет!.. — пояснил он. — Иди к Астапычу, он человек добрый, жалостливый, и ты у него в любимчиках, иди к Фролову, он тоже относится к тебе неплохо... Может, они подсоломят... Не знаю... Боюсь, им сегодня не до тебя, у них сегодня ещё «чепе» с полковником из Москвы... Ещё один труп, ты же слышал...Тебя будут долбать и спереди, и сзади, но ты иди и царапайся — до последнего! Другого выхода у тебя нет. Дышельман — собака с повышенной злобностью, чтобы устроить мне подлянку, будет тебя топить вмёртвую, схавает без соли — надеюсь, ты это уже понял?!

— За что? — потерянно проговорил я.

— Революционный инстинкт!.. Не было бы меня и тебя, других бы жрал!.. Это слепой животный инстинкт... постоянная жажда крови... — раздумчиво сказал Елагин. — Кем бы он был до революции?.. Жил бы в черте оседлости, где-нибудь в Сморгони или в Бердичеве, сапожничал или портняжничал, унижался бы перед заказчиками и перед каждым городовым шапку бы ломал! Был бы он тогда ничем, а теперь стал всем!.. Инспектор политотдела корпуса — это тебе не хала-бала, не фуё-моё и не баран начихал! Собирает недостатки, выискивает нарушителей и врагов и прямиком информирует начальника политотдела или самого командира корпуса... Раньше это доносами называлось, а теперь информацией... Да его не только равные по званию, его и полковники боятся!.. Вот напишет, как угрожал, что ты спал с немкой, и она тебя завербовала, и ведь не отмоешься!.. Жизни не хватит!.. Такую кучу навалит — на тачке не увезёшь!.. А вот тебя увезти запросто могут!.. На Колыму, медведей пасти, — уточнил Елагин, с хмурым видом глядя в окно и, малость погодя, повернув ко мне лицо, продолжал. — Когда будет приказ командира корпуса, его не переделаешь, и уже никто — ни Астапыч, ни Фролов — тебе не поможет! А как оценит происшедшее генерал, неизвестно. С подачи Дышельмана он может и тебе «Валентину» прописать! Что мог, я сделал, а теперь сопли жуй и царапайся сам!

— Разрешите идти? — после недолгой растерянности я вскинул руку к козырьку, продолжая озабоченно осмысливать сказанное майором.

Своим неожиданным заявлением, что защищать меня не будет, он словно облил меня холодной водой; его предположение о возможном предании меня суду Военного трибунала и о том, что меня могут отправить на Колыму пасти медведей, показалось мне нелепым и невероятным — я не чувствовал себя совершившим преступление, я был убеждён, что, коль оставил за себя офицера, командира взвода, то он и должен отвечать за всё, что произошло; однако совет Елагина царапаться до последнего, идти к командиру дивизии и начальнику штаба — они действительно относились ко мне по-доброму, по-отечески — побуждал меня к активным действиям.

— К Астапычу и Фролову ты пойдёшь потом, ближе к вечеру. А сейчас обеспечь похороны! К обеду чтобы были два гроба, грузовик и два комплекта нового обмундирования! — приказал он. — Отбери десять человек с автоматами для салюта! Похороны надо провести с отданием воинских почестей, а при отравлениях никакие почести не положены! Так что холостых патронов нам не дадут,

возьмёшь боевые![1] Место для захоронения я выберу сам, а ты после завтрака выделишь трёх человек с лопатами отрыть могилу! И к пятнадцати часам привезёшь все в медсанбат, там и встретимся.

Я напряжённо запоминал каждое его слово, и тут на меня какое-то затмение накатило и неожиданно я сказал:

— Товарищ майор, разрешите доложить... В двенадцать часов я должен участвовать в соревнованиях в корпусе по бегу, прыжкам и метанию гранаты. Есть приказ... Должны были я и Базовский, но Базовский...

— Не зря говорят, кому Бог даёт должность, тому он даёт и разум, но ты, Федотов, недоумком был, таким в моей памяти и останешься! — заверил меня Елагин, впервые за многие месяцы назвав меня наедине по фамилии. — Из-за твоей безответственности или разгильдяйства двое погибли и двое ослепли, а ты готов бегать и прыгать?.. А плясать тебе не хочется?.. Ну что ты варежку раззявил, ты что, сам не соображаешь?.. Чтобы и люди для похорон, и два комплекта обмундирования по росту, и два гроба к пятнадцати ноль-ноль были в медсанбате! И пачку патронов не забудь! Иди!

...И снова я жил выполнением ближайшей задачи, на этот раз удручающей, скорбной — изготовлением гробов. Бойцы в роте мне подсказали, что неподалёку от казармы в большом сарае хранился целый штабель подходящих досок. С хозяйкой, толстой, седой, мужеподобной немкой, я договорился не сразу, но и без особого труда. Я привёл её в сарай и, показывая на доски, закрывал глаза, складывал руки на груди и замирал, изображая покойника. Как она говорила не раз, у неё самой погибли на войне не то муж и сын, не то и муж, и сын, и брат или брат мужа — я точно не понял, — и когда она уяснила, что нам надо сколотить два гроба, «фюр золдатен», как я ей повторил трижды или четырежды, мы нашли общий язык. Я приласкал её двухфунтовой банкой немецкой свиной тушёнки и трофейной же пачкой немецких армейских сигарет и, увидев пачку, она вдруг заплакала, но взяла и опустила в большой накладной карман передника, повторяя стонущим, рыдающим голосом: «Зигфрид!.. О-о, Зигфрид!.. Майн Зигфрид!..» Очевидно, так звали одного из погибших — её мужа или сына, или брата, или деверя, — курившего такие солдатские сигареты. Вытирая слёзы платком, она помогла

[1] Статья 269 Устава гарнизонной службы Красной Армии того времени предусматривала производство салюта при погребении военнослужащих не боевыми, а холостыми патронами.

нам отобрать два десятка отличных сосновых досок выдержанной прямослойной древесины, сама очистила от мелкого хлама не по-российски длинный, со многими приспособлениями, упорами и зажимами верстак, стоявший под большим окном слева от входа, и затем притащила из дома тяжёлый фанерный чемодан с прекрасным золингеновским столярным инструментом. Увидев его, я невольно вспомнил деда и всё, чему он научил меня в детстве.

С помощью Волкова и Бондаренко я изготовил два ровных, аккуратных гроба, правда, в поперечном разрезе не шестигранных, как следовало бы в мирных условиях, а прямоугольных, в форме узких длинных ящиков – для Лисенкова немного покороче. Нижние доски для прочности я прихватил шурупами.

Я старательно, до гладкости обстругал фуганком все до единой доски, маленьким ладным шлифтиком выровнял до зеркальности торцы, будто это имело теперь какое-то значение для Лисенкова, Калиничева или для меня и моим усердием можно было что-то поправить. И всё время я думал о Лисенкове, как он, маленький, худенький, спас мне жизнь: вытащив из-под обломков, он под шквальным огнём тащил на себе меня, пятипудового, раненого и оглушённого, несколько километров; вспоминал, каким он был ловким, умным, хитрым и бесстрашным разведчиком, казалось заговорённым от пуль, вспоминал его нелепую тёмно-зелёную фуражку, и особенно перебирал в памяти вчерашний праздничный обед, то, что он говорил, и его признание: «Душа тоскует...», и молящую просьбу не уходить, и слёзы у него в глазах, и проклинал всё: и вчерашний день, и бочонок с метиловым спиртом, и лейтенанта Шишлина, и самого себя...

43. В МОРГЕ

В расположение медсанбата мы прибыли без четверти три. Как приказал Елагин, в кузове я привёз с собой десять автоматчиков из старослужащих, из тех, кто знал Лисенкова.

Все жалели Лисенкова, тихо разговаривали между собой, вспоминали, какой хороший он был мужик, исполнительный и в бою себя не жалел – а это на войне главное!

Прибывший раньше Махамбет – его по-монгольски смуглое, слегка широкоскулое, всегда непроницаемо спокойное лицо было скорбно-печальным, в больших чёрных глазах стояли слёзы – провёл меня в помещение морга. Мне никогда до этого не приходилось бывать в морге, но я знал, что умершим в результате несчастных случаев, отравлений и неизвестных причин в госпиталях и медсанбатах положено производить судебно-медицинскую экспертизу, иначе вскрытие, во время которого якобы вынимают все органы для исследования, а вместо них внутрь засыпают опилки. Я не мог понять бессмысленности и, как мне казалось, даже кощунственности этого – зачем и для чего? И я со страхом и ужасом вошёл в прозекторскую. Там на обитых цинком столах с наклоном к ногам лежали трупы Лисенкова и Калиничева: запавшие глаза закрыты, черты лица заострены, пальцы рук полусогнуты, у обоих одинаковые от разрезов грубые швы от подбородка до лобка, стянутые прочным шпагатом голубоватого цвета, среди которого были видны остатки опилок.

Лисенков – маленький, худенький, серо-синего цвета с красновато-лиловыми пятнами и татуировками на теле: слева на груди – холм с крестом и словами «Не забуду мать родную», справа – грудастая красотка, карты веером, бутылка с рюмкой и вокруг надпись «Вот что нас губит», на бёдрах наколка «Хрен догонишь!» – лежал с привязанными к рукам и ногам бирками из клеёнки: на них и на левой подошве чёткая надпись химическим карандашом: «Лисенков А.А. 26.5.45».

И в эту минуту я услышал, как подъехала машина и вошли Елагин и Арнаутов.

— Ну, что, Лисёнок, отдухарился? — разглядывая труп Лисенкова, точнее шрамы и татуировки на его худеньком окоченевшем теле, произнёс Елагин. — И Колыма, и Воркута — энциклопедия жизни! Ещё на спине и на заднице поди с десяток наколок, — сказал он Арнаутову.

Арнаутов, впрочем, трупы рассматривал молча, без комментариев.

— А отчего они такие грязные? — спросил Елагин и посмотрел на меня.

— Не могу знать!

— А должен! Покойников положено обмывать, — сообщил он. — Прикажи обмыть! Отдухарился сам и пацана с собой уволок!

Это уже относилось к Калиничеву.

Махамбет придвинулся к столу и, бросив быстрый взгляд на Елагина, произнёс:

— Коронки сняли, — и попытался отогнуть окоченевшие губы Лисенкова и показать нам.

— Кто снял?

— Здесь. Я сам его вёз — были.

И тут в дверях мягко, легко ступая, появилась красивая, статная, лет двадцати восьми, круглолицая, чуть курносая, румяная, не женщина, а куколка — кукольное личико, синие глазки с удивительно кротким взглядом, кукольный ротик — в белоснежном халатике и прекрасных хромовых сапожках. Толстая светло-русая коса была аккуратно уложена на кукольной головке.

— Здравствуйте, — не по уставу поздоровалась она и представилась. — Дежурный врач капитан медслужбы Фомичёва. Затем обвела всех взглядом и спросила: — Кто из вас старший?

Елагин кивнул головой и, обращаясь к нему, попросила уточнить:

— Вы?.. Кто Вы?..

— Майор Елагин, командир полка. Елагин, — повторил он, — так и доложите генералу.

Она залилась краской и вся стала пунцовой, а я просто не понял, о каком генерале идёт речь.

— Здесь курить не положено... Вот справки о смерти, — и протянула бумажки Елагину.

Он взял их и, загасив сигарету о каблук сапога, стал читать.

— Порядок захоронения вам известен?.. — переводя взгляд с Елагина на меня, спросила она. — Без отдания воинских почестей... И это всё тоже не положено, — она указала рукой на стоявшие посре-

ди помещения раскрытые гробы и лежавшие в них на дне комплекты новенького обмундирования, простыни, бельё и тёмно-зелёную фуражку Лисенкова. – Я вас официально предупреждаю.

Ей и в голову не могло прийти, что в своё время я исполнял обязанности начальника полковой похоронной команды и порядок погребения военнослужащих знал наверняка не хуже её. Меня задела её безапелляционность, и я не удержался:

– Почему не положено?.. Погребение лиц сержантского и рядового состава в госпиталях и медсанбатах производится в поступивших с ними гимнастёрке, брюках, нательных рубашке и кальсонах, а также в носках и госпитальных тапочках, – по порядку перечислил я. – Носков и тапочек у нас нет, их обязан предоставить медсанбат.

– Правильно, – спокойно согласилась она. – Это относится к военнослужащим, умершим от ран или погибшим при исполнении обязанностей воинской службы. Однако на самоубийц, на отравленцев, на умерших в результате алкогольного отравления или от несчастных случаев по пьянке это не распространяется. Более того, захоронение в этих случаях безгробное, без простыни, без гимнастёрки и брюк, без носков и тапочек, только в рубашке и кальсонах третьей категории!

Я не мог понять, в голове не укладывалось то, что она сказала. Нательное бельё третьей категории в дивизии списывалось как ветошь, после оформления актом его разрывали на тряпки и использовали для чистки оружия. Неужели Лисенков и Калиничев ничего, кроме ветоши, не заслужили?..

Все годы войны на всех фронтах хоронить в гробах полагалось только офицеров и женщин-военнослужащих, но и это зачастую не соблюдалось, так как во время боёв, когда, например, в стрелковом полку за сутки гибли десятки офицеров, не оказывалось ни досок, ни рабочих рук сделать столько гробов, обеспечить же ими сотни убитых в том же полку рядовых и сержантов тем более не имелось никакой возможности. Безгробное погребение во время боевых действий было неизбежным, и простыня при похоронах в госпитале или медсанбате полагалась только офицерам, однако война окончилась, и гробы мы изготовили сами, и всё привезли своё, и в роте были сотни новых трофейных простыней, и то, что нам предлагалось зарыть в землю Лисенкова и Калиничева лишь в нательном белье третьей категории – в ветоши! – представлялось мне дичайшей, кощунственной нелепостью. Я ожидал, что Елагин вмешается, но он молчал, и я сказал:

— Товарищ капитан, но нам ничего не надо, мы всё привезли своё.

— Это не имеет значения, — ответила она. — Есть приказ по армии. Погибших от отравления спиртоподобными жидкостями, как и самоубийц, хоронят без отдания воинских почестей. Такой порядок установлен не для экономии, а с воспитательной целью, и нарушать его не положено.

— Кальсоны третьей категории с воспитательной целью? — весело оживился Елагин. — Кого же они воспитывают?

— Всех! — убеждённо сказала она. — Это делается в назидание! Для предотвращения случаев самоубийств, алкогольных отравлений и чрезвычайных происшествий по пьянке. Каждый военнослужащий должен знать, что в этих случаях его похоронят в нательном белье третьей категории. Без чести и достоинства, извините, как собаку! Это не мною и не нами придумано. Есть указание тыла армии... от 19 мая... Можете пройти со мною в дежурку и ознакомиться... Моя обязанность при выдаче трупов предупредить вас об этом, что я и делаю.

Она говорила убеждённо, с некоторой наставительностью, но спокойно и даже доброжелательно и, наверно, потому я просительным голосом сказал:

— Товарищ капитан, неужели вы против того, чтобы мы похоронили их как людей?.. В хорошем обмундировании, в гробах, — ну кому это помешает?

— Кому помешает?.. Прежде всего, воспитанию личного состава... Вот вы рядовому офицерскую фуражку привезли, для захоронения — новое обмундирование, простыни и ещё тапочки требуете. Ну разве так можно? Я же вас предупредила: не положено!.. Они отравленцы! А приказ-то свеженький — нам голову свернут! Вы как хотите, а я не желаю! Я же вам всё объяснила, — мягко, но с укоризной и удивлением повторила она.

— Товарищ капитан, но они же люди, а не собаки! — униженно уговаривал я. — И воевали хорошо. И это собственная фуражка, она не офицерская и вообще не табельная, не армейская, а военизированной охраны. И никто не узнает. Неужели...

— Подожди! Помолчи! — приказал Елагин и строго посмотрел на меня. — Не спорь, себе дороже станет. Мы всё сделаем так, как доктор прописал!.. Будьте спокойны, товарищ капитан, — заверил он врачиху. — Если есть указание хоронить как собак, мы их можем вообще вывезти на скотомогильник! Можем их вывезти голышом, даже без кальсон третьей категории!.. Мы просто были введены

в заблуждение! В газетах их называют воинами-победителями, к тому же один из них – полный кавалер ордена Славы! Но если есть указание – о чём речь?!. А ты, Федотов, если не соображаешь – помолчи!

Он явно бутафорил, говорил с иронией или даже с издёвкой, но она этого не понимала, а может, с полнейшей невозмутимостью делала вид, что не замечает. Было в ней что-то двойственное и несовместимое: с одной стороны, миловидное, красивое лицо, женское обаяние или очарование, прекрасные васильковые глаза и доброжелательность в разговоре, с другой – повторяемое непреклонно «не положено» и жёсткая, даже жестокая убеждённость, что Лисенкова и Калиничева, поскольку они отравленцы, следует похоронить «как собак».

– Скажите, доктор, – после короткой паузы продолжал Елагин, – а указаний насчёт мародёрства у вас нет?

– Какого мародёрства?

– Обычного! У одного из погибших, Лисенкова, при доставке в медсанбат были фиксы, коронки жёлтого металла. Когда привезли, были, а сейчас нет. Можете убедиться. – Елагин указал рукой на дверь прозекторской. – Может, их взяли на исследование?.. Тогда пусть вернут! Коронки – сугубо личное имущество, и выдирать их – мародёрство!

Слегка покраснев, она внимательно посмотрела на Елагина и, помедля, сказала:

– Я врач-ординатор медсанбата, а вскрытие производила патологоанатомическая лаборатория. Они фронтового подчинения. Сегодня выходной и начальника нет, и прозекторов нет, но санитара я вам пришлю. И по дежурству мною будет доложено.

– За санитара спасибо, – заметил Елагин. – Но главное, пусть коронки вернут! Если им жить не надоело, – добавил он, – вы так и передайте!

Она повернулась и вышла.

– Ты знаешь, кто это? – спросил Арнаутова Елагин.

– Кто?

– Наездница генерала Антошина. Раньше была врачом в армейском госпитале. Как фамилию назвала, я сразу сообразил... А с достоинством баба, хорошо держится!.. Ездит на заместителе командующего армией, да ей не только командир медсанбата и начсандив, ей и начсанкор, и начсанарм наверняка задницу лижут! А ты тут вяжешься с тапочками для рядовых, отравившихся метиловым спиртом! – это уже относилось ко мне. – Да им, кроме белья третьей

категории и скотомогильника, вообще ничего не положено — она же тебе объяснила!.. Кальсоны нательные третьей категории — с воспитательной целью... Мы совершенно забыли о воспитательном значении белья третьей категории!.. Это же бред какой-то!.. И нет маркиза де Кюстина, чтобы всё это описать для потомства!.. И вроде не дура, а несёт бредятину, как что-то мудрое, обязательное — хоть стой, хоть падай!.. Ну, сучка...

Генерал Антошин был начальником штаба армии. Наездницами, как я знал, именовали молоденьких женщин-военнослужащих или вольнонаёмных, сожительствующих с немолодыми, как правило, старшими офицерами и генералами. Почему их называли наездницами, я спросить не решался, а сам понять не мог: ещё со школьных лет я знал достоверно, что мужчина должен быть сверху. Почему же наездница? Кто на ком ездит? Генерал Антошин был для нас столь высоким начальством — за без малого два года пребывания в дивизии я его ни разу не видел, хотя фамилию слышал не раз, и, более того, знал, что Астапыч с ним в приятельских отношениях.

— Махамбет! — позвал Елагин, и старшина-санинструктор подскочил и вытянулся перед ним. — Чего ждёшь?.. Оденьте их во всё новое, уложите в гробы, и — в машину. А ветошь забери — оружие чистить... Живо!

— А не придёт она проверить? — неуверенно спросил Арнаутов, имея в виду врачиху.

— После того как её ткнули носом в мародёрство?.. Никогда! И санитара никакого не будет, не пришлёт, вот увидишь!

Снова закурив сигарету, он в задумчивости наблюдал, как бойцы по команде Махамбета заносили оба гроба и крышки к ним в прозекторскую и, неожиданно оборотясь ко мне, спросил:

— Родственники у Лисенкова какие-нибудь есть?

— Нет.

— А у Калиничева?

— Есть мать Ольга Никитична в Саратовской области... Татищевский район, село...

— Сегодня же заполнишь извещение о смерти, форму четыре, на Калиничева и передашь мне! — приказал Елагин. — Я сам отправлю!.. Датой гибели укажешь один из первых дней мая, когда ещё велись боевые действия... Всё сделай сам, без писаря! Понял?

Я опустил глаза и, глядя себе под ноги, молчал. Форма четыре заполнялась при безвозвратных боевых потерях, то есть на погибших в бою или умерших от ран, и в тексте извещения прямо

так и указывалось «...в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит...» или «умер от ран». Но Калиничев не был убит в бою и умер не от ран, а в результате отравления спиртоподобной жидкостью через две с половиной недели после окончания войны, и смерть его никак не была связана с верностью воинской присяге и не сопровождалась проявлением мужества и героизма. Я понимал, что означало «без писаря», понимал, что мне предлагалось сделать так называемый подлог, только ещё не сообразил — с какой целью?

— Ну, что ты молчишь, что ты жмёшься? Возьми грех на себя... Боишься? Ну, если возьмут за жопу, скажешь, что я приказал... Устраивает тебя такой вариант?

— Разрешите, товарищ майор, — вымолвил я наконец. — Есть указание штаба армии насчёт безвозвратных небоевых потерь, — я голосом выделил слово «небоевые». — На лиц, погибших в результате автомобильных или мотоциклетных аварий, от неосторожного обращения с оружием или от отравления, следует указывать истинную причину смерти. Я ознакомлен под расписку и не могу... Я обязан указать истинную причину... Алкогольное отравление...

— С ним неинтересно говорить, — кивнув на меня и недобро усмехаясь, сказал Елагин Арнаутову. — Он всё знает! Чешет насчёт небоевых потерь так, будто всю войну просидел в штабе, в четвёртом отделении... Сначала врачиха нам мозги компостировала, а теперь Федотов... Грамотный — все приказы и указания, как и она, наизусть знает!.. Жаль, Федотов, что природа слепила из тебя одного человека, материала в тебе хватило бы и на храброго офицера в бою и на труса-буквоеда, тыловую крысятину! Ты нам ещё потолкуй про воспитательное значение кальсон третьей категории! — он со злостью посмотрел на меня и, повыся голос, вскричал: — А о матери Калиничева ты подумал?!. Как ей жить?!. В том же селе у других мужья и сыновья погибли в бою, на войне... защищая Отечество, а у неё — по пьянке!.. Это же позор! А он два года воевал и трижды ранен!.. И ни льгот, ни пенсии... Нет, так это не пойдёт! — убеждённо, твёрдо заявил он. — Тебе мать доверила своего сына — мальчишку! — возможно, единственного, а ты своей безответственностью создал обстановку для его гибели! И ещё подлянку собираешься ей кинуть: хочешь порадовать тем, что погиб он по пьянке!.. Ты человек или противогаз?! Мне иногда кажется, что у тебя на весь организм полторы извилины, причём одна ниже пояса! Может, я ошибаюсь?.. Ну что ты варежку раззявил, ты что, сам не соображаешь?

Я вырос в деревне, где, как правило, все на виду и всё на слуху, и хорошо представлял, сколь тяжело морально будет матери Калиничева – ещё хуже, чем другим вдовам и женщинам, потерявшим сыновей, – но согласиться с тем, что я создал обстановку для его гибели, разумеется, не мог, спорить же и возражать Елагину считал бесполезным и потому молчал.

Перед обедом я посмотрел в роте учётные данные Калиничева – он был старше меня на четыре месяца, – зачем же Елагин говорил мне о нём «мальчишка»?.. Впрочем, утром во время дознания он и меня называл «мальчишкой», очевидно, так было нужно. Я понимал, что и меня он пытается давить демагогией, но что я мог поделать?.. За два года офицерства и пребывания в Действующей армии я многажды сталкивался с обманом, очковтирательством и поначалу поражался нечестности и беспринципности людей. Частенько я вспоминал убитого на Десне Иванилова, доходчиво и предметно поучавшего меня, тогда ещё семнадцатилетнего, объяснившего мне до чего же просто устроена жизнь: «Сверху вниз – дутые планы и приказания, а снизу вверх – одна туфта, показуха и липа!» Тогда, в сентябре сорок третьего года, я не мог и не хотел в это верить, но со временем жизнь образовала и убедила меня.

Я, например, знал, что, если у твоих подчинённых обнаружены вши, то следует божиться, что случай исключительный, и даже если вшивость во взводе или роте не переводится, нужно стоять насмерть, уверяя, что такого ещё не было. И, если окоп или траншея отрыты по глубине нетабельно, мельче, чем положено, необходимо говорить, что они полного профиля, то есть глубиной без бруствера полтора метра, и при этом надеяться, что у поверяющего нет с собой рулетки. И если, допустим, командир роты пьян, его спрятали подальше от греха, и он отсыпается, укрытый плащ-палаткой где-нибудь в блиндаже, поверяющим необходимо доложить, что ротного вызвали в вышестоящий штаб – в какой именно, ты не знаешь, не расслышал – или что он ушёл в соседний батальон, а может, к миномётчикам или к дивизионным артиллеристам согласовывать боевое взаимодействие...

Обманывать непосредственных начальников было не принято, да и нелепо: они, как правило, знали истинное положение во взводе или роте; однако в отношении всякого рода поверяющих и представителей сверху и ложь, и очковтирательство казались естественными и необходимыми, поскольку допускались и совершались не ради личной корысти, а для защиты, поддержания и сохранения чести полка или дивизии.

Ради этой высокой и чистой цели и мне иногда приходилось подвирать, и всякий раз я краснел, проявлялось остаточное, после контузии, заикание, и я до дрожи боялся, что меня уличат в обмане, но ни разу не уличили, да и не пытались, отчего порой возникало невольное предположение, что моё очковтирательство поверяющих вполне устраивает, что это общая, принятая всеми снизу доверху игра. Впрочем, если бы я повёл себя иначе и не облыжничал, не скрывал оплошности и недостатки, меня бы наверняка сочли доносчиком или даже предателем. Обманывать устно за два года мне доводилось неоднократно, однако до подлога документов дело ни разу не доходило.

– Я тебя спрашиваю: ты человек или противогаз? – повторил Елагин.

При чём здесь «противогаз»? Что это означало, я не понял, но определённо что-то уничижительное, но уточнять у Елагина не стал.

– Человек... – с сожалением, неохотно признал я, и, должно быть, в этот миг предстоящий подлог стал для меня осознанной необходимостью.

– Ну и ладушки! – сразу подобрел Елагин. – Сегодня же заполни извещение на Калиничева. Датой гибели укажешь... пятое мая... Место захоронения: на поле боя!.. Для людей, для памяти почётнее кладбища не придумаешь! Не забудь, кроме печати, поставить угловой штамп и сегодня же передашь мне. Я сам отправлю...

Впоследствии я понял, почему он повторял и настаивал: «сегодня же». Елагин предполагал, что меня отстранят от занимаемой должности, а побуждать вновь назначенного командира роты оформить подложное извещение он бы не решился. Уяснил я потом, и почему он говорил «я сам отправлю»: форма четыре высылалась семьям погибших секретной почтой через военкоматы, и Елагин наверняка опасался, что в штабе дивизии при регистрации заметят подлог, и хотел всё сделать сам.

А насчёт санитара он ошибся. За дверью послышались голоса, и в дверях появился худой длинноногий пожилой боец с рябым, небритым, испитым, помятым, морщинистым лицом, в поношенных гимнастёрке и брюках и стареньких ботинках с обмотками. Его привёл и с силой подталкивал сзади в спину плотный приземистый светловолосый старшина с утиным носом на круглом лице, одетый в летнее офицерское обмундирование и яловые начищенные сапоги. Боец упирался и смотрел обречённо. Старшина, отстранив его в сторону, и, вскинув руку к шерстяной аккуратной офицерской пилотке, доложил Елагину:

— Товарищ майор, санитар морга рядовой Федякин по приказанию дежурного врача доставлен!

Елагин вгляделся в лицо санитара и возмущённо, зло вскричал:

— Так ты ещё пьян, скотина! У погибшего Лисенкова во рту была фикса-коронка из жёлтого металла, в санбате была, а теперь нет, её здесь просто выдрали. Где коронка? Тебе что, жить надоело?!

— Надоело, — упрямо сказал боец и звучно рыгнул. — Давно уже надоело, — и тихо попросил: — Убейте меня!.. Я выдрал. Только они не золотые, они латунные...

Он зашарил рукой в правом кармане брюк, но Махамбет решительно отодвинул его: из прозекторской выносили первый гроб, и так всё получалось нескладно, нехорошо, неуместно — объяснение Елагина с пьяным санитаром-мародёром и похороны, которые мы хотели провести по-человечески, с полным уважением к Лисенкову и Калиничеву и отданием неположенных им, как отравленцам, почестей.

Елагин, даже не взглянув на меня, отдал распоряжение, чтобы в течение двух часов я нашёл достойное место для захоронения и были подготовлены могилы.

Как и в далёком сорок третьем, мне снова пришлось заниматься похоронами...

44. ПОХОРОННАЯ КОМАНДА

Летом сорок третьего с тяжёлой контузией, бездыханного, солдат моего взвода Лисенков на руках доволок меня в полевой госпиталь.

Через месяц лечения, как только я почувствовал себя более или менее сносно, меня с каждым днём всё больше стало тяготить хоть и белопростынное, но бессобытийное и однообразное пребывание в госпитале, и я настойчиво начал просить врачей о досрочной выписке.

Спустя две недели меня выписали с заключением врачебной комиссии: «В связи с тяжёлой контузией, полученной в бою при защите СССР, согласно приказу НКО СССР № 336 от 24 октября 1942 года лейтенант Федотов В.С. признан ограниченно годным к службе первой степени на срок 45 суток», и, несмотря на мои заверения в полной дееспособности, готовности и горячем желании вернуться на фронт в свой полк, предписанием: «Использовать на указанный срок на нестроевых должностях в частях и штабах Действующей армии».

Правда, мне разъяснили, что по истечении этого срока я буду считаться годным к строевой службе без какого-либо медицинского освидетельствования.

Кто не работает, тот не ошибается, а война — это, прежде всего, работа, совершаемая с нечеловеческим напряжением всех сил и средств круглосуточно, сопровождающаяся неизбежными потерями людей и техники. И чем выше должность командира, тем, при его ошибках, тяжелее последствия. Результаты моих ошибок были, может, и незначительны, но воспринимались мною как удары судьбы. Таким ударом оказалось назначение меня по случайному стечению обстоятельств на новую должность и последовавшие за ним события.

С меткой ограниченной годности я прибыл в штаб дивизии за назначением. Отделений кадров в штабах дивизий ещё не было, и меня направили в строевое отделение. Пожилой сержант в новеньких коричневых ботинках с обмотками, очевидно писарь, ста-

рательно подметал двор возле крыльца, а в самой избе, пустой, без каких-либо следов её хозяев, за самодельным, грубо сколоченным столом, заваленным папками и бумагами, сидел капитан, лет тридцати, с круглым бабьим лицом, с орденом Красной Звезды и тремя нашивками за ранения над правым карманом гимнастёрки.

Он взял моё направление, попросил офицерское удостоверение личности, внимательно сличил моё лицо с фотографией, переворачивая листки, прочёл от корки до корки все записи и только тогда предложил сесть на стоявший в метре от стола табурет и стал задавать вопросы. Все мои ответы он записывал на листе бумаги и правильность сообщённого мною попросил удостоверить в самом низу росписью, что я и сделал.

— Аттестат, вещевая и расчётная книжки у тебя есть? — осведомился он.

— Так точно! — я торопливо вытащил все свои документы из кармана гимнастёрки, но смотреть их он не стал.

Из заданных им вопросов меня несколько удивил один: не злоупотребляю ли я водкой и спиртными напитками? При этом он недоверчиво, если даже не подозрительно, посмотрел на меня так, что я даже покраснел. Я ответил отрицательно, после чего капитан — он оказался начальником четвертого, строевого, отделения штаба дивизии — начал крутить ручку полевого телефона и называть дежурному на коммутаторе разные номера. Первые два или три не ответили, наконец, один отозвался, и капитан сказал в трубку:

— Товарищ подполковник, Морозов докладывает. Согласно приказанию полковника Величко мною подобран офицер на место капитана Тюрина... Лейтенант Федотов... — он смотрит на лист и зачитывает мои данные, — член ВЛКСМ, комсомолец с 1941 года... В плену и окружении не был, на оккупированной территории не проживал, не судим... Спиртными напитками не злоупотребляет... Так точно: даже в рот не берёт!.. Взысканий не имеет... Да... Ранее был в Сто тридцать восьмом полку... После контузии ограниченно годный первой степени до двадцать седьмого сентября... А там посмотрим... Считаю возможным назначить на место Тюрина... У нас есть указание немедленно заполнить эту должность... Слушаюсь, оформить!

Потом ещё не раз в моей жизни я услышу это слово — «оформить».

Меня, лейтенанта, намереваются назначить на капитанскую должность? Я не верил своим ушам! Меж тем, закончив разговор

с подполковником, он снова стал накручивать ручку полевого телефонного аппарата и через дежурных на коммутаторах звонить ещё куда-то. Я слушаю с напряжённым вниманием.

– Гуськов?.. Направляю к тебе лейтенанта Федотова на место Тюрина... Фе-до-тов! Да... Заполни сегодня же! Проинструктируй и введи в должность! Выписку из приказа получите завтра... Бывай!

Положив трубку, он смотрит на меня строго и со значением говорит:

– Тебе, Федотов, доверяется весьма ответственный участок. Командование и политотдел, – он указывает взглядом на телефонный аппарат, – надеются, что, несмотря на молодость, ты справишься и обеспечишь.

– Слушаюсь! – я поспешно встаю и вытягиваюсь по стойке «смирно», из разговоров по телефону я понял только одно: меня, лейтенанта, назначили на капитанскую должность, и, безусловно, я полон решимости «справиться и обеспечить».

Положив трубку, он пишет несколько строк в командирском блокноте, вырвав листок, складывает его пополам и подробно объясняет мне, как пройти в полк («тут не больше четырёх километров») и найти там старшего лейтенанта Гуськова («на опушке леса вправо от сгоревшего немецкого танка»), замечает, что полк Краснознамённый, лучший в дивизии, и я должен оказаться достойным.

– Разрешите идти? – козыряю я, поняв, что не смею его дольше задерживать, и в следующие секунды выскакиваю из избы.

В радужно-приподнятом настроении, придерживаясь указанных мне ориентиров, шагал я лесом из штаба дивизии в полк, где меня ждали. Мне не было ещё восемнадцати лет, я всего лишь два месяца назад получил первое офицерское звание и то, что меня решили назначить на должность, которую до этого занимал капитан, не могло меня не радовать и, естественно, воспринималось мною как явное неожиданное повышение. Было ясно, что посылали меня не на взвод, хотя по своей военной подготовке и по короткому боевому опыту я был лишь Ванькой-взводным. Однако взводами командовали лейтенанты и даже младшие лейтенанты, а мой же теперешний предшественник Тюрин был капитаном, капитаны же командовали, как правило, ротами и, более того, батальонами.

Мне почему-то думалось, что я назначен даже не на стрелковую роту, а на какое-нибудь специальное подразделение. В ту пору – летом сорок третьего года – в стрелковых полках, помимо положен-

ной по штату, создавались ещё дополнительные роты автоматчиков, они являлись резервом командира полка и в трудные минуты боя использовались как ударная сила (для действий на флангах и в ближнем тылу противника). О формировании в полках сверхштатных рот автоматчиков я был наслышан и почему-то вообразил, что командиром такого ударного подразделения меня и определили. Сама мысль о том, что у меня под началом будет не тридцать–сорок человек, а целая сотня, и среди них офицеры – три командира взвода, – наполняли меня чувством радости, небывалой ответственности и высокого самоуважения.

Редкие бойцы и сержанты, встреченные мною на неторной, заросшей дороге, отдавали мне честь и, отвечая, я охотно вскидывал руку к пилотке и при этом не мог не думать: а хорошо, если бы они ещё знали, что приветствуют не просто лейтенанта, а лейтенанта, назначенного на должность, занимаемую до того капитаном.

День казался мне счастливым.

Я ничуть не сомневался, что смогу успешно командовать не только линейной стрелковой ротой, но и ротой автоматчиков, как не сомневался и в том, что, в случае необходимости, без колебаний принесу Родине и самую большую жертву – отдам свою жизнь, в чём именно и заключается высший долг каждого истинного офицера. Разумеется, не закрывал я глаза и на возможно ожидавшие меня трудности: взводные, быть может, будут старше меня по возрасту и по опыту, да и среди бойцов и сержантов, надо полагать, наверняка окажутся пожилые, годящиеся мне в отцы. Но я всех завоюю и покорю первыми же поступками и словами, они в первые же дни убедятся, что на роту назначен достойный, волевой офицер, знающий, строгий, но справедливый и заботливый, настоящий отец-командир.

Я никому не позволю унижать или оскорблять нижестоящих подчинённых или неуважительно отзываться о начальниках в присутствии подчинённых. Я не позволю ни старшинам, ни сержантам позаимствовать хотя бы грамм из положенного бойцам пайка, как не потерплю и никакого притеснения местных жителей личным составом роты. И пусть у меня маловато опыта, но в записной книжке было записано несколько десятков мудрых, полезнейших советов и афоризмов – именно на них я возлагал наибольшие надежды в завоевании и утверждении авторитета.

На ходу я всё время припоминал, перебирал в памяти и повторял многие наставления и советы капитана Арнаутова. Пусть я был молодым офицером, «молокососом и губошлёпом» по его выражению,

но, прожив с ним три недели в одной землянке, волею судеб прикоснулся к вековому опыту и традициям русского офицерства — в этом была моя тайна, никому не известная.

Я достал из вещмешка самодельную записную книжку и наиболее важные изречения прочёл вслух, как клятву:

«Война разденет тебя, обнажит до костей, до кишок. И когда тебе станет страшно, помни, что нас миллионы, а Россия одна!»

«Для русского офицера в бою возможны только два исхода — победа или смерть!»

«Ничего нет труднее, как бескорыстно служить Родине, и в случае необходимости — отдать свою жизнь, в чём именно и заключается долг всякого русского офицера и его подчинённых солдат».

«Офицер должен жить исключительно по законам мужества и чести. А честь офицера — это, прежде всего, готовность в любую минуту отдать жизнь за Отечество».

«Ты служишь Родине, делу, а не отдельным лицам. Никогда не заискивай и не угодничай!»

«Каждый офицер должен исполнять свои обязанности, не разбирая, важны они или маловажны, будет сделанное тобой замечено начальством или останется неизвестным. К этому должны побуждать не боязнь наказания, а совесть, сознание долга и чести».

«Военный люд чуток к первым поступкам и словам командира. Каков ротный (взводный) — такова и рота (взвод)».

«Обращение офицера с нижними чинами должно быть правдивое, человеческое. Никогда не унижай и не обижай подчинённого, и другим не давай».

«Никогда не позволяй подчинённым называть тебя запросто по фамилии, говорить тебе «ты» или стоять вольно развалясь, когда они с тобой разговаривают».

«Надо видеть в части семью, в начальнике — отца, в товарище — родного брата, в подчинённых — младшую родню...»

«Без толку не спеши, но и с толком не копайся, нужна толковая быстрота».

Воодушевившись прочитанным, я подумал, что же касается моего возраста и более чем короткого боевого опыта, то я отнюдь не обязан сообщать подчинённым год своего рождения или рассказывать биографию.

Старшего лейтенанта Гуськова я нашёл в маленькой, плохонькой, полутёмной землянке на опушке леса, где располагался штаб полка.

— Вольно! — даже не взглянув на меня, скомандовал он, когда я представился, и лишь после небольшой паузы поднял голову от бумаг, посмотрел на меня ничего не выражавшими усталыми глазами и проговорил: — Я послал за Ежовым. Подожди там, на пеньке...

Лицо у него было курносое, со шрамом на верхней губе, и очень бледное. Ожидавший, что он уделит мне больше времени и внимания, я ощутил некоторую неудовлетворённость.

На опушке, в тени деревьев, было нежарко, лёгкий ветерок тянул прохладу из глубины леса, пахло осенью, прелью. Между деревьями в радиусе двадцати-тридцати метров возвышались присыпанные пожелтелыми листьями бугорки штабных землянок. У самой большой из них, с двумя окошками, мерно расхаживал взад и вперёд коротышка боец с автоматом на груди. Потом оттуда вышел сержант в очках и, читая на ходу какую-то бумагу, проследовал с ней в другую землянку. Спустя ещё минуты метрах в пятнадцати от меня собрались трое офицеров, они курили стоя, негромко разговаривали; я расслышал не раз произнесённую ими фамилию «Шляпников»; в тот же день я узнал, что это был капитан, командир стрелкового батальона, ветеран дивизии, убитый утром при артиллерийском обстреле.

Положив шинель и тощий вещмешок у ног, я сидел на пеньке между кустами, ожидая Ежова, в полной уверенности, что это — офицер, которому поручено представить меня командованию полка и ввести в курс дела или, как сказал капитан Морозов, начальник строевого отделения штаба дивизии, «в должность». Я был убеждён, что при назначении на роту автоматчиков меня должен представить личному составу командир полка или его заместитель, в случае же назначения на стрелковую роту — соответственно командир батальона.

Прошло, наверно, не менее часа, а может, и полтора. Я был так занят своими мыслями и своим поведением в столь ответственный для меня день и столько раз проигрывал мысленно свои ответы начальству и обращение с подчинёнными, что не заметил прихода Ежова.

— Федотов! — послышалось вдруг из землянки, и, вскочив как встрёпанный, я поспешил туда, на ходу одёргивая гимнастёрку.

Перед Гуськовым стоял выше среднего роста, широкоплечий, темноволосый старший сержант с хорошим, умным, загорелым лицом, в аккуратном летнем обмундировании, с медалью «За боевые заслуги» и гвардейским значком на груди. При моём появлении он, легко поворотясь, вскинул руку к пилотке, выдохнул чётко: «Здравия желаю!» и быстро, внимательно посмотрел на меня, его

взгляд – цепкий, пытливый, настороженный – запомнился мне на всю жизнь.

– Федотов! – сказал мне старший лейтенант Гуськов, – вот Ежов тебе всё расскажет и объяснит. Советуйся с ним – он всё знает назубок! Формы «два бэпэ» и «девять бэпэ» с точными схемами представлять мне ежедневно, без опозданий! С завтрашнего дня вся ответственность на тебе! Можете идти! – И он снова склонился над бумагами, показывая, что разговор окончен.

Я вышел из землянки, напряжённо осмысливая сказанное Гуськовым и ничего не понимая. Я никогда не слышал о формах «два» и «девять», ещё не знал, что «бэпэ» означает «безвозвратные потери», и представить себе не мог, что это такое и почему им, этим формам, уделяется такое внимание, как представить себе не мог, почему я, офицер, назначенный на капитанскую должность и вступающий в командование целым подразделением, должен советоваться со старшим сержантом.

Ежов следовал за мной, у кустов, обогнав, предупредительно подобрал лежавшие у пенька мои шинель и вещмешок, взял их на руку и, сказав мне через плечо «Нам направо», двинулся тропкой к опушке.

Какое-то время мы в полном молчании шли краем леса. Стояла естественная природная тишина: ни звука выстрелов или разрывов. Я давно не был на передовой и в бою, а от войны легко отвыкаешь, ведь где-то в километре или двух была передовая и находилась моя рота, и я не мог об этом не думать.

Ежов шагал впереди меня, широко и твёрдо ступая сильными, чуть кривоватыми ногами в хороших коротких яловых сапогах. Он не лез ко мне с разговорами и, очевидно, был не любопытен. В нём чувствовались уверенность, сила и деловитость.

– Вы что, старшина роты? – спросил я наконец.

– Старший команды и ваш заместитель, – не останавливаясь и даже не обернувшись, ответил он.

– Какой команды?

– Погребальной... Могильщики мы...

– А я?.. Я тут при чём?! Я назначен на место капитана Тюрина!

– Капитан Тюрин был начальником команды, – останавливаясь и оборотясь, объяснил Ежов. – А теперь назначены вы.

И наверняка, почувствовав мою растерянность, перейдя на «ты», подбодрил меня:

– Не тушуйся и не робей, лейтенант! Всё будет нормально! В могильщиках тоже можно жить. Ведь не нас зарывают, а мы зарываем!

...Я шёл позади него в полной растерянности, ничего не соображая, слёзы обиды и оскорбления застряли у меня в горле — за что?!

Так, пятого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года, я узнал о своем назначении начальником команды погребения 15-го Краснознамённого стрелкового полка.

Как молод и незрел, как наивен и неопытен я тогда был!.. Мне ведь даже в голову не пришло уточнить, на какую должность меня назначают, какой «ответственный участок» мне доверяют, мне и в голову не пришло, что капитан Морозов в штабе дивизии, чтобы получить моё безусловное безмолвное согласие, очевидно, намеренно об этом умолчал, а старший лейтенант Гуськов наверняка был убеждён, что я в курсе дела и мне всё известно.

Впоследствии со слов Ежова и других старослужащих я узнал и уяснил себе подноготную моего назначения начальником полковой команды погребения. Капитан Тюрин прибыл в дивизию ещё зимой из штаба армии, откуда он был откомандирован за пьяный дебош в новогоднюю ночь. За восемь месяцев он, капитан интендантской службы, побывал в дивизии на четырёх должностях: трижды его снимали и каждый раз понижали за пьянку и недостойное поведение, пока не опустили до команды погребения. Эту нештатную и весьма не престижную должность в других полках дивизии занимали младший лейтенант и старшина, причём оба, как и я, ограниченно годные, Тюрин же никаких ограничений не имел.

Как мне рассказывали, невысокого роста, щуплый, вежливый, скромный и послушный в трезвом виде, он, выпив, совершенно преображался: скандалил и дебоширил, лез драться, мог оскорбить и ударить любого — для него во хмелю не существовало ни начальства, ни чинов, ни званий. Лишённый за дебош со стрельбой приказом командира полка положенного по табелю пистолета, он в последний день августа, с горя и унижения напившись до потери сознания, взял чью-то винтовку и стал стрелять по людям в деревне. Его силой обезоружили, связали и уложили в избе на кровать, однако бойцы, погодя пожалев, развязали и оставили одного. Он, очевидно, закурил и с зажжённой самокруткой уснул: сгорел не только он сам, но и хозяйская изба.

Это чрезвычайное происшествие совпало с приездом в дивизию начальника политотдела армии, полковника, который, ознакомясь с результатами дознания, приказал назначить начальником команды погребения безусловно непьющего офицера из имеющих временное ограничение годности.

Дивизия, выведенная из боёв во второй эшелон, готовилась к наступлению и новым боям. По ночам поступали пополнение, техника, завозились боеприпасы, командование было занято и назначение начальника внештатной полковой команды погребения было делом столь незначительным, что его доверили второстепенным штабным офицерам...

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 71 АРМИИ

05.08.43 г.

Несмотря на приказ НКО СССР №138–41 г. и Постановление ГКО от 9.6.43 г. до сих пор погребение трупов погибших в боях и отчётность по безвозвратным потерям находятся в безобразном состоянии.

Имеют место позорные случаи массового оставления на поле боя не погребённых трупов. Так в районе действия 24-й стр. дивизии на поле боя было оставлено не погребенными 179 трупов своих бойцов и офицеров, из которых установить личность по изъятым документам удалось только у 8. В 1016 стр. полку захоронения произведены настолько плохо, что из 141 погибшего 97 захоронены как неопознанные.

Команды погребения малочисленны и не справляются со своей работой, вследствие чего трупы остаются не захороненными в течение нескольких дней или вообще оставляются на поле боя, где они разлагаются.

Специальные могилы не отрываются, а для могил используются окопы, траншеи, щели, бомбовые воронки, кюветы дорог или хоронят в лесу. Могилы не засыпаются, отсутствуют могильные столбики с указанием фамилий погибших или надмогильные надписи делаются простым карандашом и после первого дождя они смываются и установить, кто похоронен в данной могиле, невозможно.

В 2 км южнее н.п. Старые Барсуки погребён старший сержант Петров, могила которого находится в безобразном состоянии, на могильном холмике была воткнута ветка с куском бумаги и надписью: «Похоронен сержант Петров, дрался, как лев».

Там же, на опушке леса, обнаружены трупы 9 бойцов, не захороненные 5 суток, а в лесу – тела 8 погибших красноармейцев, из которых два тела не захоронены, а шестеро небрежно прикрыты тонким слоем земли, из-под которой видны конечности ног. Тела

погибших не опознаны, так как никаких документов при них не оказалось.

Тело погибшего сержанта-миномётчика было захоронено в узкой траншее рядом с фрицем.

Сведения по безвозвратным потерям личного состава подаются в штабы соединений и представляются в отделы по персональному учёту потерь с задержками, отстают и не соответствуют действительному состоянию потерь в частях. Списки безвозвратных потерь составляются крайне небрежно, грязно, неграмотно, зачастую не все необходимые сведения в графах заполняются. Так, 132 стр. дивизия до настоящего времени списки за потери в июле с.г. ещё не представила.

Нередко отсутствуют схемы географического расположения братских и индивидуальных могил или указываются вымышленные места захоронения.

Извещения на погибших военнослужащих в райвоенкоматы высылаются с опозданием, иногда до 4-х месяцев.

Крайне неудовлетворительно поставлен учёт личных вещей погибших, в большинстве случаев они вообще не учитываются и не высылаются родственникам, а ведь они представляют не только материальную ценность, но, главным образом, являются драгоценной памятью о воине Красной Армии, родном и близком человеке, погибшем в бою за нашу Родину. Так, в 330-й стр. дивизии с начала летнего наступления отправлено семьям только 25% вещей от общего числа погибших офицеров.

Наградные знаки (ордена, медали) у погибших собираются от случая к случаю, без всякого учёта и передаются в наградные отделения дивизий без всякого оформления.

Дознания по фактам расхищения личных вещей погибших не проводятся, виновные зачастую не выявляются, а выявленные к ответственности не привлекаются.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что вопросу правильной постановки учёта безвозвратных потерь личного состава со стороны штабов всех степеней не уделяется должного внимания и отдельные командиры до сего времени не поняли всей политической и общечеловеческой важности своевременности и полного персонального учёта безвозвратных потерь и должного погребения погибших. Подобное хамское отношение к праху воинов, отдавших свою жизнь за Честь, Свободу и Независимость нашей Родины, и их памяти терпимо быть не может.

В целях немедленного устранения вопиющих недостатков в погребении военнослужащих

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командирам дивизий, соединений, частей организовать тщательное прочёсывание районов боевых действий, провести захоронение всех убитых на поле боя и принять безотлагательные меры к недопущению оставления их не погребёнными в будущем.

2. Военному Совету армии расследовать факты массового оставления трупов не захороненными и виновных строго наказывать вплоть до предания суду Военного трибунала.

3. Предупредить командиров всех уровней о персональной ответственности за своевременное погребение погибших. Наличие безымянных, разбросанных, одиночных могил, небрежное их оформление расценивать как недобросовестное отношение к исполнению воинских обязанностей.

4. Незамедлительно навести должный порядок в учёте и отчётности по безвозвратным потерям, учёту личных вещей, наград и ценностей погибших и отправку их родственникам.

5. Военному Прокурору каждый случай хищения ценностей и личных вещей убитых или умерших в госпиталях расценивать как мародёрство. Все случаи мародёрства с убитых на поле боя расследовать и виновных предавать суду Военного трибунала.

Ответственность за исполнение приказа возложить на заместителя начальника армии по тылу.

Настоящий приказ довести до командира отдельной части. Провести тщательную проверку на местах, о выявленных недостатках и принятых мерах по их устранению донести рапортом к 8.08.43 г.

Генерал-лейтенант Смирнов

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из УГ 71 А *Подана 06.08.43 г.* *8 ч. 15 м.*

Командирам стрелковых полков

Примите к руководству и точному исполнению приказ командующего войсками 71 армии от 05.08.43 г. Организуйте вполне работоспособные полковые команды погребения в количестве не менее 10 (десяти) человек.

Начальники команд должны соответствовать назначению и быть тщательно проинструктированы о работе.

Команды обеспечить необходимым инвентарём, техническими и подручными средствами, в их распоряжение выделить две паракониые повозки с лошадьми.

За работой команд погребения установить систематический контроль.

Об исполнение донесите.

ДОНЕСЕНИЕ

Нач. Управления Тыла 71 армии
Копия: Военному Прокурору

08.08.43 г.

Доношу, что в соответствии с приказом командующего армией от 05.08.43 г. произведена проверка в частях армии выполнения приказа НКО № 138–41 г. и приказа Начальника Тыла Красной Армии № 11–43 г.

Проверкой установлено:

Выделенные команды погребения имеются в каждом стрелковом полку, но они малочисленны (3–6 человек) и мало работоспособны: личный состав подобран случайный, к основной работе не подготовлен. Начальники команд, преимущественно средние командиры, не соответствуют своему назначению, необходимым инвентарём и инструментом, требующимся для их работы, обеспечены недостаточно. Вследствие этого команды погребения при всех условиях боя оперативно производить погребение погибших военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава не могли.

Непосредственно руководит полковыми командами погребения недавно назначенный начальник дивизионной команды погребения лейтенант Горин, больше никто этими командами не интересуется и не контролирует их работу.

Захоронение товарищей, погибших в боях, проходит не вполне удовлетворительно и несвоевременно.

Так, на поле боя южнее н.п. Великая Губа оставались не погребёнными в течение 5–7 дней несколько десятков трупов. В районе дислокации МСБ обнаружены под верандой дома брошенные трупы 4 бойцов на санитарных носилках и невдалеке беспризорное кладбище из 6 безымянных могил. Как было установлено, в них были

похоронены бойцы и сержанты, умершие в МСБ. Имеются случаи, когда отдельные командиры частей, обнаружив не захороненные трупы, не проявили собственной инициативы по их захоронению, а обращались за помощью в армейский отдел по учёту потерь.

Для устранения этого недостатка приняты меры по привлечению к захоронению трофейных команд.

Места погребения по существу определяются самими начальниками команд и здесь имеются грубые нарушения. Так, лейтенант Юрочкин был похоронен в канаве возле железной дороги на глубине полметра, труп едва был присыпан землёй, могила не оформлена, а в именных списках показано, что вместе с Юрочкиным похоронены ещё 4 офицера, но на самом деле ни в этой могиле, ни вблизи неё этих офицеров не оказалось.

Документальное оформление при погребении погибших на поле боя производится кое-как, сведения в штабы и отделы по персональному учёту потерь личного состава представляются в неполном объёме и несвоевременно, с задержкой на 5–7 дней, нередко отсутствуют схемы географического расположения могил.

Совсем плохо обстоит дело во всех частях со сбором, учётом ценностей и личных вещей, принадлежащих убитым на поле боя, и их отправка родственникам. В штабе 42 стр. полка обнаружены ордена Отечественной войны 2-й степени и медали «За оборону Сталинграда», но кому они принадлежали, установить было невозможно, а имевшиеся награды гв. капитана Пшеницына И.А. и ст. сержанта Николаева Н.Ф., погибших ещё в декабре 1942 года, до настоящего времени не отправлены родственникам.

В процессе проверки были выявлены безобразные факты мародёрства на поле боя.

У погибшего капитана Тюмобекова были сняты ордена, сапоги, планшет с кодированной картой и другими документами; с тела погибшего подполковника Трегубова были сняты китель, сапоги, золотые часы и награды; у командира пульроты мл. лейтенанта Сузова были часы и кожаная тужурка, а погребён он был только в одной гимнастёрке и брюках, без сапог; до гибели у командира батальона ст. лейтенанта Молодова были часы, хромовые сапоги, которых не оказалось на нём при погребении.

Начальники команд погребения подтверждали факты мародёрства на поле боя, но заверяли, что ценности и вещи с погибших изымались неизвестно кем и ещё до их прибытия.

По всем случаям проводились служебные расследования и дознания, однако выявить конкретных лиц, причастных к этому, не имея

улик, практически невозможно. Только в одном случае было неопровержимо доказано мародёрство начальником команды погребения старшиной Куцковым, у которого при личном досмотре были обнаружены 4 пары часов, в том числе одни золотые, принадлежавшие майору Шульгину, серебряный портсигар с дарственной надписью на крышке, принадлежавший погибшему сержанту Стригину. Дело на него передано в Военный трибунал.

Нач. отдела по учёту персональных потерь
подполковник Матюшкин

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА 71 АРМИИ

10.08.43 г.

В соответствии с приказом НКО №138–41 г., приложением к приказу «Положение по учёту потерь», Постановлением ГКО от 09.06.43 г. и приказом командующего армией от 05.08.43 г. в целях устранения вскрытых недостатков в подборе и подготовке команд погребения и организации успешной работы их в любой обстановке:

1. Во всех дивизиях, частях и отдельных соединениях в соответствии со ст. 109 «Постановления по учёту личного состава Красной Армии» специально выделить вполне работоспособные команды для погребения погибших военнослужащих, обеспечив необходимыми для их работы рабочими инструментами и материалами (пилы, колья, топоры, доски, краски и др.), для выноса убитых с поля боя — носилками, для доставки трупов погибших к месту захоронения — транспортом и брезентом для покрытия трупов.

2. Начальниками полковых похоронных команд погребения назначить ответственных лиц, соответствующих своему назначению, с обязательным предварительным тщательным и подробным инструктированием.

3. До 15 августа с.г. с личным составом команд погребения провести занятия по изучению правил и порядка погребения погибших военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава.

4. Вынос погибших военнослужащих с поля боя производить не позднее 24 часов после окончания боя. Погребение осуществлять только в специально отрытые могилы и в точном соответствии приказам.

5. Команды сбора и погребения тел погибших бойцов и офицеров подчиняются непосредственно: в дивизиях — зам. командира

дивизии по тылу, в полках – помощнику командира полка по материальному обеспечению.

6. Командирам всех степеней разъяснить личному составу о недопустимости самовольного изъятия у убитых на поле боя документов, удостоверяющих личность. Документы отбираются только командой погребения, начальник которой несёт за это полную ответственность.

7. Навести должный порядок в учёте и отчётности безвозвратных потерь. Именные списки погибших, погребённых командами, с перечнем всех обнаруженных при трупах документов, наград и личных вещей представлять:

– по ф. № 2/БП на лиц сержантского и рядового состава в 2-х экземплярах командирам частей в штаб соединения и отдел по персональному учёту потерь каждые 3 дня;

– по ф. № 4/БП на лиц офицерского состава в 4-х экземплярах в штабы и через отделы учёта персональных потерь в ГУК НКО СССР в десятидневный срок;

– по ф. № 9/БП в 4-х экземплярах сведения о местах захоронения (где находятся могилы) с подробным обозначением местности их расположения (нанесённые на карту или сфотографированные) и списками похороненных в них людей.

8. Навести строгий учёт собранных личных вещей военнослужащих, погибших в боях, и все подлежащие вещи, ордена и медали Отечественной войны и другие награды направлять семьям погибших через начальников финчастей не позднее как на 5-й день после смерти военнослужащего или сдавать на склады НКО, если адреса родственников неизвестны. Отправку вещей и ценностей производить в строгом соответствии с приказом Начальника Тыла Красной Армии № 11–43 г. и прилагаемой к нему инструкции.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 23.08.43 г.* *12 ч. 20 м.*

В целях обеспечения полного и своевременного получения наследниками погибших военнослужащих сумм, хранимых последними во вкладах в полевых учреждениях Госбанка, и для предупреждения возможности злоупотреблений с вкладами этих вкладчиков и их хищений, обеспечить немедленную сдачу вкладных книжек погибших вкладчиков через начфинов частей в обслуживающее учреждение Госбанка в установленном порядке, а также

сдавать в полевые учреждения Госбанка хранящиеся в частях вкладные книжки пропавших без вести или неизвестно куда выбывших.

Довольствующим финорганам при ревизии финансового хозяйства войсковых частей обязательно проверять выполнение распоряжения.

* * *

Наутро похоронной команде предстояло осуществить очистку территории бывших боёв от потерь: собрать трупы погибших бойцов и офицеров, как переданных своими полковыми командирами, так и других воинских частей, и провести их захоронение.

Представив меня команде, старший сержант Ежов деловито отдаёт распоряжения: шесть бойцов на двух повозках отправляет прочёсывать местность на глубину двух километров и собирать оружие и трупы, четверых снаряжает на кладбище, расположенное в полутора километрах за околицей, рыть могилы.

Хотя за месяцы войны я уже много раз терял своих товарищей и бойцов, но до сегодняшнего дня мне не пришлось своими глазами видеть, как выглядят «массовые потери» в действительности, а не в сводках безвозвратных потерь, ведь ни один из погибших моего взвода не был оставлен на поле боя. Своих бойцов мы хоронили сами, и для меня это были не трупы, а убитые, только что бывшие живыми, которых я знал лично, с именем и фамилией. И каждого погибшего товарища и бойца своего взвода я помнил всю свою жизнь только живыми.

В детстве я даже издали боялся смотреть на мертвецов и поэтому с ужасом и страхом думал о том, что мне предстоит испытать в ближайшее время. Пытаясь внешне ничем не выдать перед Ежовым и солдатами своего угнетённого состояния, я сделал несколько глубоких вдохов, мысленно дал себе установку: «Не боись! Прорвёмся!» и отправился с командой на двух телегах собирать тела погибших, оставшиеся невынесенными с поля во время недавних боёв, и неубранные трупы после предыдущих.

На лугу и поле, перерытом воронками от бомб и мин, вся земля истоптана, изрыта каблуками солдатских сапог. Убитые лежали в самых невероятных и неестественных позах, в каких их настигла смерть на поле боя или, как говорил капитан Арнаутов, на «поле чести».

На краю бомбовой воронки лежал на спине лейтенант, мой ровесник, с оторванными ногами и зажатым в руке пистолетом: земля

вокруг была коричневого цвета из-за пропитавшей её крови, тёплый ветер шевелил волосы на его голове и открытые немигающие глаза смотрели в небо на проплывающие облака. В окопе, в нескольких метрах позади, стоял, навалившись обеими руками и автоматом на бруствер, сержант: у него снесло полчерепа; на дне окопа сидел боец с искажённым даже в смерти лицом и прижатыми к развороченному животу руками, в последний миг своей жизни пытавшийся засунуть в него вывалившиеся кишки, перемешанные с землёй.

Солдаты из похоронной команды или, как их называют местные жители, «погребальщики», все с какими-то мрачными лицами, неразговорчивые, одетые, как на кухне, в передники, в резиновых перчатках и сапогах, без противогазов, ходят, ползают, переворачивают тела, достают из карманов убитых «смертники» — чёрные пластмассовые медальоны, в которых записаны их адреса, — красноармейские книжки, документы, письма, фотографии, снимают с рук часы, с тела — крестики, с гимнастёрок — награды, всё складывают в свои вещмешки и относят сержанту.

Везде валялись автоматные гильзы, оружие собирали в кучу и оставляли на поле: его забирали бойцы трофейных команд.

Убитых кладут по два на плащ-палатку, тащат к опушке и сваливают в стоящую подводу как брёвна, сверху прикрывают брезентом и везут на кладбище для захоронения.

Трупы немцев в чёрных мундирах, среди которых я увидел почему-то разутого мёртвого немецкого солдата с распоротым и уже пустым вещевым мешком, стаскивают в траншею и закапывают.

На опушке леса с множественными следами тёмно-коричневых пятен крови на листьях деревьев и кустах лежали десятки трупов. Их вид и состояние повергли меня в неописуемый ужас: безглазые, с расклёванными и обчищенными птицами до костей лицами, густо усиженные крупными зелёными мухами. На верхних ветках чёрных, обгоревших внизу стволов деревьев сидела и караулила стая ворон, при приближении солдат, недовольно закаркав, отлетела и расселась невдалеке, внимательно наблюдая за происходящим. Судя по всему, тела пролежали более семи дней, а выдавшаяся в августе и сентябре сорок третьего года необычно тёплая погода способствовала быстрому процессу их распада.

Стоял тяжёлый, нестерпимый, тошнотный, тлетворный смрад разлагавшейся смерти. Гнилостные изменения у некоторых тел были столь выражены, что при попытке их повернуть отваливались конечности, при снятии одежды мягкие ткани легко отставали от

костей, обнажая скелет. Солдаты, стараясь не дышать носом, собирают из-под кустов, из окопных проёмов, ям и щелей лохмотья одежды, части тел и складывают их в мешки.

Я покрылся холодным липким потом, меня затрясло, закружилась голова, противно зазвенело в ушах, и на глазах бойцов команды и Ежова стало рвать, буквально выворачивать наизнанку.

Старший сержант, понимающе глянув на меня, сказал:

— Ну и вонища! — и добавил, — зимой хоть этого нет, но зато готовить могилы одно мученье: долбим замёрзшую землю ломами, рубим топорами, жжём костры из всего, что под руку попадётся, потом разгребаем талую землю или рвём землю взрывчаткой, в образовавшиеся ямы сваливаем трупы и присыпаем смёрзшейся землёй и снегом. Не дай Бог увидеть это место захоронения весной. Сейчас же всё по-человечески и по-христиански: в земле хороним.

Копачи подготовили на кладбище две больших могилы, куда опустили все тела, а рядом ещё одну, узенькую и неглубокую, в которой, завязав его открытые глаза, захоронили молоденького лейтенанта.

Ежов наполняет кружки солдат спиртом из фляги и молча раздаёт еду из двух термосов и солдатского вещмешка, туго набитого провизией. Бойцы едят в охотку, мне же кусок в горло не лезет, вновь тошнота накатывает волнами, начинают дрожать руки, и я испытываю чувство своей страшной нереальной отдалённости от всего окружающего и с ужасом осознаю, куда я, волею обстоятельств и своего недоумства, попал.

...Я до сих пор иногда вижу и ощущаю те кошмарные тёмные будни в глухой малороссийской деревне. Там, на деревенском кладбище, — грусть, тишина, вечный покой крестов и могил, только ветер дул, успокаивая и приглушая чувства, но от преследовавшего меня тлетворного трупного запаха разложения я никак не мог отделаться довольно долго...

* * *

Вечером, пока мы заполняем учётные документы, старуха, хозяйка избы, за перегородкой по указанию Ежова готовит нам ужин. Из-за светомаскировки окна завешены плащ-палатками и, хотя дверь раскрыта настежь, от огня в печи жарко, как в бане. Ежов то и дело отлучается то в кухоньку взглянуть, как там идут дела, то на улицу, где в саду у повозки находятся двое пожилых бойцов-похоронщиков.

К тому времени, когда мы заканчиваем писанину, один из них приносит и ставит на стол закрытую тряпичной затычкой литровую

бутылку мутноватого самогона, и Ежов негромко ему приказывает: – Иди, позови Татьяну!

Я не знаю, о ком идёт речь, меня одолевает любопытство, хочется спросить, но, памятуя об офицерском достоинстве, я удерживаюсь.

– Я тут вам, чтоб не скучали, подружку подыскал, – глядя на меня, говорит Ежов. – Училка из Смоленска. Культурная девушка. Чистенькая... Надёжная... Сейчас придёт.

Я соображаю, что офицер не должен знакомиться с девушкой при помощи подчинённого, и ощущаю неловкость.

– Зачем?.. Не надо... Не нужно это... – стеснённо повторяю я. – Нехорошо.

– Чего же тут нехорошего? – удивлённо не соглашается Ежов. – Нормальное дело. Вы, лейтенант, учтите: мы – могильщики, работа у нас тяжёлая, смертная – он так и говорит «смертная», – чтобы выдержать на ней, надо хорошо есть и выпивать надо – иначе не сдюжить, и, если не облегчаться, не отталкиваться, мозги завернутся – с ума сойдёшь! – строго, безапелляционным тоном заявляет он. – Без водки, хорошей жратвы и без женщин – не выдержать! Тут облегчаться требуется каждый день, иначе – хана!

Когда бумаги убраны, он вместе со старухой приносит из-за перегородки и расставляет на столе обильную закуску: тарелки с нарезанными и аккуратно разложенными ломтиками розоватого сала и кусками большой жирной селёдки, покрытой сверху кружками репчатого лука, миски с малосольными огурцами, маринованными грибами, салатом из редиски, вазочку со сметаной и блюдца со сливочным маслом и горчицей, которую я не пробовал уже давно. Всё это наложено в большом количестве, такого стола я не видел с довоенного времени. Ни в полках на передовой, ни в штабе армии, где также положена первая фронтовая норма довольствия, ничего похожего не было, и у меня даже появляется мысль, что, возможно, в похоронной команде, где «смертная», как сказал Ежов, работа, за тяжёлые условия или вредность выдаётся добавочное питание, что-то вроде офицерского дополнительного пайка.

Тем временем Ежов приносит три больших гранёных стакана и раскладывает вилки.

Спустя ещё минуты в хату заходит женщина лет двадцати восьми-тридцати, среднего роста, худощавая, но ладная, скромно, а точнее бедно, одетая, в потёртом тёмно-сером пиджаке и такой же старенькой юбке; на крепких, загорелых ногах – стоптанные, обтрёханные парусиновые туфли, на голове – чёрный платок, повязанный низко над бровями, как у монашки.

Нерешительно переступив через порог, она останавливается и негромко здоровается; лицо у неё хорошее, приятное, но очень уж невесёлое, тоскливое.

— Татьяна, — представляет её мне Ежов и, обращаясь уже к ней, говорит: — Вот лейтенант приглашает тебя поужинать. Благодари!

— Спасибо, — так же тихо произносит она, опустив глаза и продолжая стоять у порога.

И снова я ощущаю неловкость: позвал её он, я её не приглашал и даже не знал о её существовании, за что же меня благодарить?

Только по команде Ежова она подходит к столу и, по-прежнему не поднимая глаз, садится, куда он указывает: на стул напротив меня.

— Сними платок. И жакет сними, — командует он. — Ты чего такая смурная?

— Извините, Юрий Иванович... — снимая с головы чёрный платок, тихо просит она и неожиданно всхлипывает. — Сегодня ровно месяц, как доченька... умерла...

— Сколько дочке было-то?

— Два с половиной года.

— Довоенная, — отмечает Ежов. — Ангелочек... Все там будем, — понимающе вздыхает он. — А пока она ещё здесь, помянем покойницу. Как звали-то её?

— Оленькой... Ольгой, — всхлипывает женщина, вешая пиджак на спинку стула, и торопливо вытаскивает носовой платочек: слёзы катятся у неё из глаз.

— Пусть земля ей будет пухом, — говорит Ежов и вскидывает глаза на божницу, затем, взяв бутылку, начинает лить самогон в мой стакан, но я решительно останавливаю его, правда, с четверть стакана он успевает налить, потом наливает полный, до краёв, себе и немного учительнице. — Спи спокойно, Ольга, отряхнув с ног прах... Ты уже дома, а мы ещё в гостях... — негромко декламирует он. — Вперёд!

Он поднимает свой стакан, снова взглядывает на божницу, медленно выпивает всё до дна и принимается с аппетитом энергично закусывать салом и малосольным огурцом. Я тоже пытаюсь выпить, но даже половины налитой мне гадости одолеть не могу — такая это крепчайшая тошнотная сивуха. Женщина делает глоток, морщится, давится кашлем и вдруг, закрыв руками лицо и вздрагивая всем телом, жалобно плачет.

— Кончай, Татьяна! — строго говорит Ежов. — Не за тем тебя позвали, чтобы лейтенанту настроение портить. Помянули, и хва-

тит! – затем, как бы извиняясь и оправдываясь за свою резкость, добавляет: – Дочку не вернёшь, а тебе жить надо.

Он поворачивает лицо ко мне и, выдержав паузу, поясняет:

– Не волнуйтесь, лейтенант, она сейчас успокоится. Татьяна девушка культурная, понятливая. Чистенькая, здоровая и послушная. Всё будет хорошо, будьте уверены!

Сызмальства воспитанный бабушкой и дедом в уважении к учителям, как к самым образованным, самым умным и достойным людям, и притом испытывая к этой женщине чувство жалости, я старательно подкладываю ей в тарелку кусочки сала и селёдки, малосольные огурцы и маринованные грибочки, она, не поднимая глаз, еле слышно благодарит.

Она действительно не по-деревенски культурная: умело держит вилку и ножик, режет огурец на маленькие кусочки и даже небольшие ломтики сала, прежде чем взять в рот, разрезает пополам, ест неторопливо и беззвучно, однако жуёт не переставая, без малейшей паузы, и я вскоре понимаю, как она голодна. Я успел разглядеть аккуратную штопку на обшлагах пиджака и на плече старенькой ситцевой блузки, обратил внимание на выражение обречённости или затравленности в заплаканных тёмно-карих глазах, и жалость к ней переполняет меня.

Когда старуха приносит и с лёгким стуком ставит на стол чугун с дымящимися наваристыми щами, я вилкой подцепляю большой кусок мяса и кладу на тарелку учительнице. При этом я замечаю быстрый, неодобрительный взгляд Ежова: может, ему не нравится, что я хозяйничаю за столом? Но меня это мало трогает – он мой подчинённый и при таком обилии продуктов нечего жадничать.

Выпив уже третий или четвёртый стакан самогона, он ест шумно, жадно и неопрятно: звучно чавкает, выплёвывает кости от селёдки на пол худой, с лишайными проплешинами кошке, хватает еду руками, облизывает пальцы и вытирает их о низ гимнастёрки. Ему жарко, то и дело шморгая носом, он утирает рукавом пот с багрово-красного лица.

Старуха-хозяйка, несмотря на моё приглашение, к столу не садится и без дела не подходит, возится на кухоньке, изредка поглядывая на нас неулыбчиво, недобро и, как мне кажется, с неприязнью.

После миски густых жирных щей и яичницы-глазуньи с салом и картошкой от усталости, жары и сытной еды – так обильно я давно уже не ел – меня клонит в сон, я держусь с трудом, и Ежов, заметив, что я начал клевать носом, командует Татьяне:

— Подъём! Веди лейтенанта на ночлег. Давай!

Она тотчас кладёт ложку, поднимается, торопливо надевает пиджак и становится посреди избы с обречённым видом, опустив глаза. В одной руке у неё зажат чёрный траурный платок, в другой — надкусанный кусок хлеба.

— Спасибо за ужин, — тихо произносит она и смотрит на меня. — Пошли?.. — Затем медленно выходит из избы.

— Давай, лейтенант, — обращается ко мне Ежов. — Она тебя проводит.

— Куда проводит? Я буду спать на сене, в сарае, — заявляю я.

— Скажи ей! Она и на кровать, и на сено пойдёт, куда скажешь, — уверенно сообщает Ежов.

— Да нет... — наконец поняв, что он имеет в виду, и оттого заливаясь краской, бормочу я, — нет, не надо...

— Почему не надо? Однова живём! Сегодня мы зарываем, а завтра нас зароют! Ты что, лейтенант, — удивляется Ежов, — боишься, что не даст?..

Он слышит шаги во дворе, оглядывается на плащ-палатку, закрывающую окно, наклоняется ко мне и, дыша самогонным перегаром, шёпотом заверяет:

— Да она за такой харч, даже за пайку хлеба, под горбатого ляжет!

От сказанного им меня коробит: мне, офицеру, подчинённый предлагает... Да как он смеет?! От стыда у меня горит лицо.

— Не надо, — со всей строгостью в голосе повторяю я, хотя по-уставному следовало бы приказать «Отставить!». — Пусть идёт!

— Такой ужин ей скормили, — оглядывая стол, с сожалением вздыхает Ежов и смотрит на меня. — Татьяна! — громко говорит в сторону плащ-палатки. — Давай, иди одна, лейтенант сегодня занят.

Мне стало совсем худо от создавшегося положения, в котором я оказался: с одной стороны — покорной, униженной готовности Татьяны и понимающих презрительных взглядов хозяйки, с другой — бесстыдного, наглого предложения Ежова, этого мордоворота, так нахраписто пытавшегося опустить меня, офицера и непосредственного начальника, до своего животного состояния.

Не попрощавшись и даже не взглянув на ставшее мне отвратительным лицо Ежова, я побрёл на сеновал. Вдобавок к неприятному осадку, оставшемуся от ужина, меня не оставляли мысли, засевшие в голове. Было непонятно, зачем и для чего Ежову понадобилось так панибратски, грубо и цинично обхаживать меня с первого дня? Может быть, с какой-то определённой целью, чтобы подмять под

себя, подобрать под свой грязный ноготь? Вскоре это найдёт объяснение самым непредвиденным и непредсказуемым (даже в страшном сне я не мог бы такое предположить) образом.

Я просыпаюсь на рассвете, покусанный блохами, поспешно умываюсь, наскоро завтракаю, вскакиваю на подведённую лошадь и еду к месту очередного захоронения.

* * *

...А через несколько дней произошло то, что спустя десятилетие было поименовано нарушением социалистической законности: меня, советского офицера, попросту обыскали, правда, по карманам не шарили, но содержимое вещмешка вытряхнули на стол и всё обнюхали и осмотрели самым тщательным образом.

Время, конечно, было военное, и в последующие полтора года меня, опять же офицера-фронтовика, обыщут ещё не раз, в частности в московской комендатуре, но этот первый обыск, спустя лишь месяц после так запавших в сознание и столь впечатливших и возвысивших меня в собственных глазах бесед капитана Арнаутова об особенности и даже элитарности офицерского корпуса, оскорбил и обидел меня, без преувеличения, до слёз, правда, внешне я виду не подал.

Я проснулся от направленного в лицо луча фонарика. Незнакомый мне старший лейтенант жёстким приказным тоном потребовал одеться и пройти в дом, где была размещена команда. Там уже третий час шёл тщательный, методичный обыск: солдаты стояли босые, раздетые до трусов, а сержант и двое бойцов в полном молчании вытряхивали содержимое их вещмешков, выворачивали карманы брюк и гимнастёрок, осматривали сапоги, даже простукивали каблуки, дотошно прощупывали матрасы и подушки.

Во время этого ночного шмона, проводимого, как я уже понял, сотрудниками органов НКВД, у старшего сержанта Ежова и четырёх бойцов похоронной команды в вещмешках были обнаружены клещи и плоскогубцы, а в тайничках – в подушках, под матрасами, в сапогах – мешочки из-под махорки с часами, золотыми коронками, серебряными крестиками и орденами. У возчика телеги, здоровенного мрачного мужика, мешочек, набитый золотыми коронками, был пришит изнутри к трусам и на шнурке спускался в промежность, ещё один был спрятан под хвостом кобылы.

Весь красный от стыда и мерзости я стоял как громом поражённый: на душе – ад кромешный, от увиденного и осознания ужаса, со-

деянного солдатами руководимой мной похоронной команды (ведь всё это было ими добыто с убитых на поле боя!), у меня буквально волосы стали дыбом на голове.

Началось служебное расследование по факту мародёрства с убитых военнослужащими похоронной полковой команды 15-го Краснознаменного полка и дело прокурором было передано в Военный трибунал: старший сержант Ежов был приговорён к расстрелу, четверо бойцов – направлены в штрафной батальон сроком на шесть месяцев. Как оказалось впоследствии, мне тоже грозила «Валентина».

Дознаватель, начхим полка майор Суханов, пожилой, лет 45–48, с бритым черепом и совершенно зверской рожей, встретил меня мрачно и неприязненно и сразу ошарашил в лоб:

– Подстатейное дело, Федотов! Уголовщина!

Все мои ответы он подробно записывал, затем, подняв на меня бесцветные холодные глаза, с раздражением и даже ненавистью сказал:

– Интеллигентишка паршивый! Все слова знаешь, всех хочешь вокруг пальца обвести, одному чистеньким остаться? Интеллигентишки всегда говорливы, у них слова недалеко лежат, какое хочешь вытащат! А я не интеллигент, я представитель вооружённого рабочего класса и считаю, что твоё дело необходимо тщательно и беспощадно расследовать!

На третий день допросов, внимательно изучив характеристики, протокол открытого комсомольского собрания и решение комсомольского бюро, сказал:

– Твоё счастье, Федотов, что факт мародёрства лично тобой никто не подтвердил, характеризуют тебя со всех сторон положительно, хотя я бы тебя из комсомола выгнал – нет вопроса!

Насчёт комсомола он сказал с такой небрежностью, словно речь шла о чём-то малозначительном, и, глядя на меня, вдруг, чуть ли не по-отечески, стал советовать, как себя вести:

– Куда ни вызовет тебя начальство, Федотов, кайся: виноват, товарищ майор, виноват, товарищ подполковник, я только после контузии.

Затем при мне куда-то позвонил, судя по разговору – прокурору, долго выслушивал, что тот ему говорил, кивал головой, дважды произнёс «да» и «учту» и в конце разговора, по-видимому соглашаясь с услышанным, подтвердил:

– Действительно, он же несовершеннолетний, ему и восемнадцати ещё нет.

По своей наивности и простодушию я расценил произошедшие в нём перемены – изменение тона в разговоре со мной и прокурором и отношения ко мне с неприязненного до почти доброжелательного – как его благонамеренность и убеждённость в полной моей невиновности, и не мог даже предположить, что буду так жестоко им обманут. Как позже выяснилось, Суханов, советуя мне якобы доброжелательно одно и произнося при мне как будто оправдывающие меня слова, в заключении написал – «предать суду и Военному трибуналу» (именно так: суду и Военному трибуналу).

Поскольку начальником похоронной команды я пробыл всего семь суток, а мародёрничали в ней, как было установлено следствием, многие месяцы, и было мне неполных восемнадцать лет, меня освободили от наказания даже без взыскания, послужной список в моём личном деле оказался незапачканным; и об этом своём кратковременном занятии и должности я не только в период своего офицерства, но и в последующие десятилетия дальнейшей жизни старался даже не вспоминать, если же невольно приходило на ум, то всякий раз не мог не содрогаться от позорства, стыда и неловкости за своё юношеское недоумство и недомыслие.

...И вот, спустя два года, в послевоенной Германии, в мирное время, в прекрасный воскресный майский день мне пришлось захоранивать своих боевых товарищей.

45. САМАЯ ЧЕРНАЯ НЕДЕЛЯ

Не куёт тебя беда, так плющит...

В получасе езды от морга, на окраине деревни Оберштальь, за невысокой каменной оградой стояла небольшая старая кирха, лютеранская церковь из тёмного кирпича с готическими окнами, чёрным прямым крестом и жестяным петухом на колокольне. Ограда невысокая, тёмно-красного кирпича, в ограде — старое толстое дерево, до половины ствол был покрыт вьющейся зеленью, а верхние ветви — сухие, без всякой листвы.

Нигде не было немецкой надписи «Verboten» или русской «Вход запрещён».

Сразу за церковью — кладбище, здесь грусть и глушь, вечный покой крестов и могил, всеми забвенных и заброшенных, и казалось, что во всём мире наступила такая тишина. Я разглядывал окружённые бронзовыми и чугунными оградами могучие монументы, удивительные по красоте и пышности надгробия богачей с золотыми надписями. Некоторые из них поражали своими размерами, особенно тяжёлыми и массивными казались гранитные кресты; над многими могилами стояли мраморные или раскрашенные гипсовые скульптуры: ангелы с позолоченными крыльями, Дева Мария в голубых одеждах со склонённой головой. На тяжёлых, внушительного вида могильных плитах лежали металлические венки. Но больше было могил с памятниками попроще — они стояли тесно, один к одному — из чёрного или тёмно-серого мрамора, с выбитыми на них датами жизни и надписями чаще готическим шрифтом, но были и латинские.

Я сумел только разобрать:

Unser lieber Vater:[1] Unsere gute Großmutter
1851–1913 1851–1928

Поодаль, вдоль ограды — надгробные плиты или просто камни со скромными простыми крестами — захоронения бедных. В са-

[1] «Нашему дорогому отцу. Нашей доброй бабушке» *(нем.)*

мом дальнем от церкви участке, но в пределах ограды, я нашёл три свежих могилы: на холмиках осыпающейся земли лежали увядшие цветы и камни, обёрнутые кумачом. На одном из них я прочёл: «Карпенко Николай. Гвардии сержант». И сразу мне стало ясно место для нашего захоронения.

Я хорошо понимал, что, согласно приказу, ни Лисенкова, ни Калиничева мы не могли похоронить на воинском кладбище как погибших в бою или при исполнении служебных обязанностей, тем более с отданием воинских почестей. Но в приказе не было оговорено и запрещение хоронить на территории немецких кладбищ.

Я знал, что христианская религия самоубийств не одобряла никогда... Считалось, что добровольно уйти из жизни — большой грех... Самоубийц отказывались отпевать в церкви и хоронить вместе с другими людьми. Но ведь Лисенков и Калиничев не были самоубийцами, и лучшего места для их захоронения, чем на церковном кладбище, как мне казалось, чтобы их души упокоились в освящённой земле, нет. Пусть будет им пухом даже чужая немецкая земля!

Оба гроба с прибитыми к крышкам воинскими фуражками опустили в могилу, на холмике установили деревянную пирамидку с пятиконечной звездой. На пирамидке, выкрашенной в зелёный цвет, белой масляной краской крупными буквами были выведены фамилии:

Рядовой Лисенков А.А.
1920–26.5.1945
Сержант Калиничев Е.П.
1926–26.5.1945

Могильный холмик обложили заранее заготовленным дёрном. Прогремевший прощальный салют боевыми патронами из десяти автоматов всполошил немцев, присутствовавших на воскресной службе. Они высыпали из кирхи на улицу и стояли испуганные, о чём-то громко и неприязненно переговариваясь, бросая злобные взгляды в нашу сторону. Из раскрытых дверей доносились звуки органа и пение: «Christus spricht... ich lebe, und ihr sollt auch leben...»[1]

— Возмущаются, что хороним без разрешения... в ограде кирхи... — негромко сказал Елагин. — Особенно горланит и лезет из кожи вон тот подстрекатель, — и, указав глазами на хромого, стал мне переводить. — Осквернение церкви и чувств прихожан... Упоминает

[1] «Христос говорил... я есть жизнь, и вы также должны жить...» *(нем.)*

«Тэглихе рундшау»[1] ... нашу газету для немцев... цитирует какую-то статью... Советская армия называется освободительницей... от чего же она освобождает немцев... От Бога и от имущества?.. Явный намёк на мародёрство... Говорит, что при Гитлере был порядок, а теперь хаос... Пришли русские и начались грабежи, насилия... убийства и осквернение церквей... Мол, Гитлер, нам ещё покажет... Ну, несёт – ему что, жить надоело?.. Угрожает, что будут жаловаться на нас коменданту... Господь не потерпит такого кощунства... угрожает нам божьей карой...

Бойцы, стоя вдоль края могилы, прислушивались к тому, что переводил мне Елагин и он, заметив это, умолк. Хромой немец, никак не подозревая, что Елагин германист и в совершенстве знает немецкий язык, не стесняясь, продолжал высказываться. Он, не переставая, что-то громко возбуждённо выговаривал метрах в пятнадцати у нас за спиной, время от времени срываясь на крик.

– Знаешь, чем это кончится? – спросил меня Елагин. – Не сегодня, так через неделю они разроют могилу и выкинут ребят. Пойди и успокой их! – приказал он. – Поговори с ними! Мамус Хренамус! И припугни хорошенько на будущее! Так, чтоб в штаны наваляли! Только без шума!

«Мамус Хренамус!» означало, с одной стороны, его издевательски-презрительную оценку моего невежества в немецком языке, с другой – указание на необходимость объясниться со священнослужителями по-немецки.

Я медленно шёл к кирхе по усыпанной золотисто-жёлтым песком дорожке, выбирая из десятка заученных мною не без труда и старания немецких фраз наиболее подходящие. При этом я перетянул кобуру с правого бедра на живот и одёрнул гимнастёрку.

Хромой немец при моём приближении стал говорить немного тише, без выкриков, но высказывался не умолкая, и по-прежнему возбуждённо и угрожающе. Его тёмные, глубоко посаженные глаза горели злобой и ненавистью.

Пастор – рыжебородый приходской священник, высокий упитанный мужчина, лет сорока пяти. На тщательно выбритом лице небольшие усы и бородка с проседью, как нагрудная слюнявка, какие повязывают детям, спускалась от подбородка, волосы спереди подстрижены ровно, «под горшок», сзади – значительно длиннее, красиво лежали на плечах; в чёрной сутане и белоснежных туго на-

[1] «Тэглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») – газета советских оккупационных войск для немецкого населения на немецком языке. Первый номер вышел 15.5.45 г.

крахмаленных воротничке и огромных, как жернов, брыжах. Он стоял с надменным видом, сложив руки на животе, и смотрел на меня презрительно, холодно, с отвращением.

— Бефель ист бефель!— Остановившись метрах в трех от них и сделав свирепое лицо, сообщил я и добавил. — Саботажники и шпионы будут расстреляны на месте!

Вторая зловещая фраза, как я знал, всегда впечатляла и действовала на немцев безотказно: попробуй-ка докажи, к тому же не зная русского языка, что ты не саботажник или шпион. Выждав секунды, я резко, отрывисто спросил «Ферштейн?!.»[1], затем расстегнул кобуру, всем своим видом демонстрируя решительность и готовность вытащить и применить оружие, и с выражением на лице крайнего негодования закричал:

— Век!!! Раус!!! Шнель!!![2]— И выхватил из кобуры пистолет.

Пастор, побледнев, с расширенными от страха глазами и, делая странные медленные движения руками, как бы заслоняясь или отталкивая на меня воздух, первым попятился к двери кирхи, за ним — с окаменевшим лицом хромой немец. Они в ужасе пятились задом, отходили небольшими шагами, не решаясь повернуться ко мне спиной, очевидно уверенные, что если повернутся, я выстрелю. А я стоял с пистолетом в руке и давил их угрожающим взглядом, пока они не скрылись за массивной потемнелой дубовой дверью и не щёлкнул замок.

Впоследствии, спустя многие годы, когда я вспоминал эти злополучные, оказавшиеся в моей жизни, без преувеличения, поворотными сутки, осмысливал и разбирал в деталях разговоры и свои действия, всякий раз меня охватывало ощущение неизбывного стыда за то, как я вёл себя с протестантскими священнослужителями у кирхи в Оберштале, как по-бандитски обошёлся с ними.

С малых лет воспитанный бабушкой в почтительном отношении к иконам, к вере в Бога и к священнослужителям, даже к подпольному самозваному дьячку, пьянчуге, соборовавшему меня маслом и с трудом читавшему надо мной молитву по требнику, когда в детстве я загибался, отдавал концы после купания в проруби, как я мог проделать такое?.. Но раскаяние появилось только с возрастом, спустя годы и десятилетия, а в тот день никаких угрызений или сомнений у меня не было: я думал лишь о том, как достойно, с отданием воинских почестей, без скандального шума и злобных выкриков по-

[1] Понятно?!. *(нем.)*

[2] Просыпайтесь!!! Шевелитесь!!! Быстро!!! *(нем.)*

хоронить Лисенкова и Калиничева, и как запугать пастора и его прислужку, чтобы потом, в наше отсутствие, они не вздумали раскопать могилу для перезахоронения в другом месте, где-нибудь, как выразился Елагин, «на скотомогильнике».

Там, на кладбище, я с горечью осознал, что свою боль и скорбь мне уже никогда ни утопить, ни закопать.

— Не могу понять, о чём ты думаешь, — сказал мне в машине на обратном пути Елагин. — Я демобилизуюсь в ближайшее время и уеду, а тебе служить. Я доцент Ленинградского университета. У меня есть профессия, есть специальность, а у тебя? А ты кто? У тебя и среднего образования нет. Ведь ты стремишься в военную академию, мечтаешь об офицерской карьере. О чём ты думаешь? Тебе надо держаться за армию руками, ногами и зубами. Ты же пустышка! Тебе надо служить на совесть и выслуживаться. Если тебя выгонят из армии, кем ты станешь? Плотником в колхозе или дворником? Ты легко отделался... Оставил за себя Шишлина, а должен был сам находиться в роте до отбоя... Я тоже просчитался... Я был уверен, что Лисенков стал человеком, а он так и остался обезьяной, — устало проговорил Елагин.

То, что он назвал меня пустышкой, не могло не обидеть. Это — как бронебойный в лоб, наповал, и, может, потому осталось в памяти на всю жизнь. Только спустя полтора или два десятилетия я осознал, что в своём определении он был если и не совсем прав, то, во всяком случае, недалёк от истины, но это осмысление пришло уже в зрелом возрасте, а тогда я ощутил некоторое оскорбление...

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД
МАЙОРА БУЛАХОВСКОГО

Военному Совету 71 армии
Копия: Командиру 136 ск

27 мая с.г. в 8.00 на охоте смертельно ранен представитель Начальника Тыла Красной Армии (группа тов. Дмитриева), заместитель заведующего отделом Управления делами Центрального Комитета ВКП(б), Особоуполномоченный Наркомата Государственного контроля СССР полковник тов. Попов Семён Лукич, 1906 г. рождения, уроженец гор. Пенза, русский, женат, двое детей, член ВКП(б) с 1941 года.

Несчастный случай произошёл на территории охотничьего заповедника (бывшая дача Геринга). Во время охоты полковник

Попов подстрелил кабана. Желая его добить, ударил кабана прикладом, держа ружьё марки «Зауэр» за ствол. Во время удара произошёл самопроизвольный выстрел, которым полковник был ранен в живот.

На место происшествия немедленно прибыл командир 425 сд полковник Быченков вместе с дивизионным врачом. Они доставили полковника Попова в дивизионный госпиталь, где была оказана медицинская помощь и произведена хирургическая операция. Через 3 часа, в 11.00, не приходя в сознание, 27.05.45 г. полковник Попов скончался.

Произведённое вскрытие и проведённое тщательное расследование подтвердили, что невероятная смерть полковника Попова С.Л. произошла вследствие несчастного случая – огнестрельного самоis ранения на охоте.

По указанию полковника Быченкова тело погибшего полковника автомашиной доставлено в Берлин, а оттуда в цинковом гробу транспортировано самолётом в Москву. При сём прилагаю обнаруженные у тов. Попова документы:

Партбилет № ...., выданный 15 января 1941 г. Пролетарским РК гор. Москвы.

Паспорт № ......, выданный 3 июля 1942 г. 75 отд. милиции гор. Москвы.

Удостоверение от 20 мая 1945 г. за № 96, выданное Заместителем Начальника Тыла Красной Армии.

Командировочное предписание от 22 мая 1945 г. за № ....., выданное штабом Начальника Тыла Красной Армии.

Продовольственный аттестат № 11/11676.

Лимитная карточка военторга на 50 условных единиц.

Карточка в офицерскую столовую.

Записная книжка.

172 немецкие марки.

2 рубля в советской валюте.

Бумажник.

Документы и ценности погибшего полковника Попова сданы по акту полковнику Фролову. Акт прилагается.

Часы погибшего Попова остались у меня на хранении и будут дополнительно высланы родственникам.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 71 АРМИИ

Начальнику ОКР «Смерш»

Сообщаю по существу следующее:

Прибывший 23.5 с.г. с проверкой в армию старший контролёр Наркомата Госконтроля полковник Попов привёз мне из Москвы письмо от моего старого товарища по службе в Забайкалье в 1935–37 гг. генерал-майора Малова Ивана Николаевича, ныне служащего вместе с Поповым в Управлении Начальника Тыла Красной Армии.

В этом письме Малов сообщил, что прибывающий к нам с проверкой полковник Попов – его близкий друг и постоянный напарник на охоте, и просил сделать пребывание Попова у нас не только полезным, но и приятным, а точнее, организовать для него охоту.

С этой просьбой три дня назад я обратился к командиру 425-й стрелковой дивизии Герою Советского Союза полковнику Быченкову.

Никаких намерений задобрить проверяющего полковника Попова у меня не было и больше мне с ним встретиться не пришлось.

Генерал-майор Антошин

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД МАЙОРА БУЛАХОВСКОГО

Секретно

Военному Совету 71 армии
Копия: Командирам 136 ск и 425 сд

Довожу до сведения, что 28 мая 1945 года неизвестными американскими представителями из расположения 425-й стрелковой дивизии были увезены документы неустановленного содержания.

Произведённым следствием установлено, что 28 мая с.г. в расположение дивизии прибыли автомашины «виллис» и «студебеккеры» с двумя американскими представителями, офицерами, в сопровождении одного лица в форме советского военнослужащего в звании майор.

Не установленный по фамилии майор, представившись оперативному дежурному по дивизии майору Дышельману «старшим переводчиком штаба фронта», заявил, что он по заданию Военного Совета фронта, не указав какого, прибыл с представителями аме-

риканского командования для розыска документов американских военнослужащих, бывших в плену у немцев.

Из показаний майора Дышельмана: «майор-переводчик» якобы предъявил ему отношение с угловым штампом Военного Совета фронта, подписанное секретарём Совета, в котором командиру дивизии полковнику Быченкову предлагалось оказать всяческое содействие американцам в розыске и вывозе документов бывшего на этой территории до мая месяца лагеря военнопленных.

Майор Дышельман, не установив надлежащей проверкой личностей прибывших, допустил объезд расположения дивизии американскими представителями. Вместо того, чтобы об их приезде немедленно доложить вышестоящим начальникам в дивизии и в корпусе, майор Дышельман поручил своему помощнику по дежурству капитану и/с Гельману заняться этим вопросом и оказать помощь американцам. Последний не только оказал содействие в нахождении места, но и выделил из дежурного подразделения 10 (десять) человек, которые в одном из бараков обнаружили под полуметровым слоем земли 64 больших, защитного цвета дюралюминиевых ящика, запертых внутренними замками, принятыми в немецкой армии для хранения медикаментов. Все эти ящики нашими бойцами были выкопаны из подпола барака, очищены тряпками от земли и погружены в «студебеккеры», которые убыли в неизвестном направлении.

Своими действиями майор Дышельман и капитан Гельман проявили беспечность и потерю бдительности, за что они подлежат преданию суду Военного трибунала.

Учитывая положительную службу Дышельмана и Гельмана, нахожу возможным вопрос об ответственности указанных лиц разрешить в дисциплинарном порядке.

* * *

Давно подмечено, что беда, как правило, не ходит одна. В течение трех дней одно за другим произошли непредвиденные, чрезвычайные события, которые словно птицы чёрной стаей нависли над всей дивизией, а лично меня пытались клюнуть в самое темечко.

Наутро, 28 мая, я был вызван в штаб дивизии для ознакомления с приказом о наказании за отравление в роте.

После победы в армии, в общем, пили все и всё, что издавало булькающий звук, несмотря на цвет, вкус и запах.

В беседах и политинформациях постоянно повторялись предупреждения и категорические запреты на приобретение, употребление и использование не по назначению неизвестных трофейных жидкостей.

Все приказы доводились до каждого в роте, особенно впечатляли наказания и приговоры Военного трибунала. Ведь знали, что можно отравиться и умереть и, что ещё хуже – остаться инвалидом, ослепнуть, но каждый в душе надеялся, что с ним такого произойти просто не может. Чтобы избежать отравления, практиковался жестокий способ: стакан неизвестной спиртоподобной жидкости подносили местному жителю. Очевидцем я не был, но слышал о пяти или шести подобных опытах: три из них закончились трагически, причём в одном случае гибелью четырёх военнослужащих, выпивших, в отличие от немца, не один, а несколько стаканов спиртоподобной пакости.

Я был настолько уверен, что в моей роте ничего подобного произойти не могло – ведь столько раз об этом говорил и предупреждал, – что как полный дурак и недотёпа в тот праздничный обед вместо недополученного спирта выдал роте из своих запасов несколько бутылок вина без всяких опасений, и вот чем это обернулось.

Начальник штаба полковник Кириллов молча передал мне приказ Астапыча, написанного при участии начальника политотдела полковника Фролова.

В описательной части приказа говорилось:

«Несмотря на ряд указаний и приказ командующего фронтом от 8.05.45 г., категорически запрещающие всему личному составу частей и соединений фронта употребление в качестве напитков каких бы то ни было захваченных трофейных жидкостей, в отдельных частях и соединениях дивизии по-прежнему эти требования не выполняются.

До сих пор командованием частей и соединений не проведено должной разъяснительной работы среди личного состава о запрещении подбирать и приобретать для последующего употребления спиртоподобные жидкости, приказы по этому вопросу доводятся до личного состава формально, опасность употребления не проверенных лабораторно трофейных жидкостей не доведена до сознания бойцов и офицеров. Пользуясь этим, вражеская агентура продолжает свою подрывную работу, выводя из строя наших военнослужащих.

Командование частей и соединений, политработники примиренчески, терпимо относятся к чрезвычайным происшествиям

в своих подразделениях, ограничиваясь устными замечаниями, а подчас и их сокрытием.

Как свидетельствуют факты, командованием 138 стрелкового полка не были приняты своевременные эффективные меры по укреплению дисциплины, они плохо знают вверенный им личный состав. Многие офицеры ещё живут инерцией военного времени, когда условия боевой обстановки нередко способствовали чрезвычайным происшествиям, они не поняли, что с переходом армии к мирному строительству всякое, даже самое незначительное, чрезвычайное происшествие является событием, позорящим нашу дивизию и её руководство.

Отравление военнослужащих 26 мая с.г. произошло потому, что личный состав 56-й отдельной разведроты в праздничный для дивизии день с 15.00 был оставлен офицерами без надзора, и таким образом старший лейтенант Федотов допустил распитие в своей роте непроверенной трофейной жидкости, оказавшейся метиловым спиртом».

В приказе имелись известные офицерам любимые выражения командующего корпусом генерал-лейтенанта Лыкова, в частности отмечалось, что «старший лейтенант Федотов В.С. повернулся спиной к Уставу и приказам вышестоящих начальников», «популярничал с подчинёнными», что «привело к ослаблению дисциплины в роте и чрезвычайному происшествию», и как явствуют материалы расследования, «во время дознания вёл себя неискренне, темнил и ночь с 26 на 27 мая провёл с немецкой женщиной».

Таким образом, «Федотов, руководствуясь низменными побуждениями и игнорируя традиции русского офицерства, утеряв чувство русской национальной опрятности, поставил панибратскую половую физическую близость с неустановленной немецкой женщиной выше священного долга исполнения обязанностей и чести советского офицера. Действия Федотова диктовались не соображениями служебной необходимости, а исключительно соображениями, сопряжёнными с грязными целями и намерениями».

В приказной части содержалось:

«Командир разведроты старший лейтенант Федотов В.С. за оставление личного состава роты без надзора, следствием чего явилось групповое отравление военнослужащих, заслуживает предания суду Военного трибунала. Однако, учитывая его участие в боях за Социалистическую Родину и тот факт, что он трижды пролил кровь и дважды был контужен, а также имеет правительственные награды, приказываю арестовать на 10 суток домашним арестом с удержани-

ем 50% денежного содержания за каждый день ареста и предупредить о несоответствии занимаемой должности».

Я весь взмок от напряжения, вчитываясь в приказ, и вздохнул с облегчением: в приказе отсутствовал пункт, на котором угрожающе настаивал прокурор дивизии майор Булаховский – «обязательное отстранение от должности».

Я убито молчал, сознавая, что и Астапыч, и Фролов сделали всё, чтобы смягчить наказание. Но коль попался в тиски, то пищи, не пищи...

Полковник Кириллов, не глядя на меня, сказал, что приказ отправят в корпус и, если там согласятся с формулировкой, то считай, что «такому недоумку просто повезёт и ты отделаешься испугом, может быть, даже сможешь извлечь для себя полезный, но жестокий житейский урок».

Как вскоре оказалось, полковник Кириллов как в воду глядел, этот приказ был для меня цветочком, ягодки созревали впереди...

На мою беду корпусное и армейское командование не подписало приказ в течение трёх суток, как это было положено. А 30 мая в войска поступила особо важная шифровка с директивой Начальника Генерального штаба. Была она подписана генералом Антоновым, но содержала магическую фразу, придававшую этому документу особое значение: «Верховный Главнокомандующий приказал...», то есть генерал Антонов передавал распоряжение Сталина...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Особо важная!»
Срочно!

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 30.05.45 г.* *15 ч. 40 м.*

Командирам частей и соединений

Передаю директиву Нач. Генштаба КА № 117502 от 29.05.45 г.

«За последнее время почти во всех фронтах имели место случаи массового отравления военнослужащих ядовитыми трофейными жидкостями, принимаемыми за спиртные напитки.

Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Категорически запретить употребление каких бы то ни было трофейных вин и напитков, а также трофейных продуктов без разрешения командира части и без предварительного врачебно-лабораторного исследования их.

2. Разъяснить всему офицерскому составу настоятельную необходимость самых тщательных мероприятий по укреплению дисциплины, исключающих случаи самовольного использования военнослужащими трофейных продуктов и напитков.

3. Случаи отравления расследовать и о принятых мерах доносить в ГШКА.

Антонов»

Командующий армией приказал:

1. Настоящую директиву принять к точному и неуклонному исполнению.

2. Все случаи отравления спиртными напитками и пищевыми продуктами немедленно и тщательно расследовать и материалы передавать Военному Прокурору армии, выводы по результатам расследования немедленно представлять в штаб армии.

3. Всё наличие спиртоподобных жидкостей сдать трофейным органам и на армейские склады ВТС, а при невозможности сдачи и (или) организации надёжной охраны – УНИЧТОЖИТЬ.

Нач. штаба
генерал-майор Антошин

* * *

Самая чёрная неделя в моей жизни завершилась 31 мая неожиданным для многих экстренным совещанием в штабе дивизии, на которое должен был прибыть командующий армией генерал-полковник Смирнов.

Сам факт приезда командующего на совещание в дивизию, куда были вызваны в полном составе руководство корпусом и дивизии, мог означать, что в жизни произошли какие-то неизвестные чрезвычайные события и над дивизией сгустились грозовые тучи.

В ожидании прибытия командующего перед штабом дивизии собрались офицеры, курили, вполголоса сдержанно переговаривались, перешёптывались, высказывая разные догадки. Ощущение тревоги, предстоящей бури витало в воздухе.

В 10.00 из подъехавшего к штабу «паккарда» вышел командующий с осунувшимся, бледным, каменно-непроницаемым лицом. Я заметил, как он изменился. Мне врезалось в память его властное живое лицо во время переправы на левый берег Одера, радость и улыбка, когда он с гордостью зачитывал правительственную телеграмму и обнимал Астапыча, благодаря его за успешное взятие плацдарма.

Всё это было месяц тому назад, сейчас его было не узнать: так он постарел и похудел. В дивизии были слухи, что в конце апреля или в начале мая в соседней гвардейской дивизии погиб его сын, командир стрелкового взвода, но изменился генерал так, будто пережил не одну, а десять смертей.

Ответив на приветствия командира корпуса, трёх генералов и нескольких полковников, он в полном молчании пожал им руки. Астапыч, наклонив голову, жался позади всех весь почернелый и жалкий. Командующий, дойдя до него и не протянув ему руки, направился к зданию штаба, генералы и полковники последовали за ним. Астапыч с опущенной головой, приотстав на несколько шагов, с видом побитой собачонки последовал за всеми.

Я вдруг осознал и понял, как плохи его дела, и у меня сжалось сердце от физически ощутимой неотвратимой беды.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЕННОГО СОВЕТА 71 АРМИИ

31.05.45 г.

За последнюю неделю в 425-й стрелковой дивизии имели место вопиющие случаи чрезвычайных происшествий, а именно: гибель на охоте вследствие неосторожного обращения с оружием ответственного сотрудника, полковника, Особоуполномоченного Наркомата Государственного контроля; групповое отравление военнослужащих метиловым спиртом со смертельным исходом.

28 мая в результате потери элементарной политической бдительности средь бела дня из расположения дивизии при полном попустительстве и даже содействии военнослужащих дивизии неизвестными, предположительно американскими офицерами, были похищены и увезены на «студебеккерах» ящики с документами.

Командир 425-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза полковник Быченков и начальник штаба полковник Кириллов заслуживают самого сурового наказания – предания суду Военного трибунала, но, учитывая их долголетнюю и безупречную службу в Красной Армии, хорошую боевую работу, многократное участие в боях, наличие ранений и тяжёлых контузий, заслуги перед Родиной в дни Отечественной войны, отмеченные высокими Правительственными наградами,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командира 425 стрелковой дивизии Героя Советского Союза полковника Быченкова от занимаемой должности отстранить для назначения в дальнейшем на должность с понижением.

2. Начальника штаба дивизии полковника Кириллова с занимаемой должности снять и откомандировать в резерв фронта с понижением по должности на две ступени.

3. Старшего инструктора политотдела корпуса майора Дышельмана с занимаемой должности снять и направить в войска с понижением в должности и возможным назначением только в отделения кадров.

4. Нач. АХЧ дивизии капитана Гельмана за преступную потерю бдительности, что способствовало вывозу американцами документов из расположения дивизии, от занимаемой должности отстранить, арестовать и предать суду Военного трибунала.

5. Командиру 138 стрелкового полка майору Елагину за ослабление должного воинского порядка и отсутствие дисциплины в полку объявить строгий выговор и предупредить о несоответствии занимаемой должности.

6. Старшего лейтенанта Федотова отстранить от исполнения должности командира 56-й отдельной разведроты, откомандировать в офицерский резерв корпуса для последующего назначения с понижением в другую часть командиром стрелкового взвода.

Подготовленное командованием дивизии представление для награждения Федотова В.С. за бои в апреле с.г. вторым орденом Красной Звезды – аннулировать.

Настоящий приказ довести до командиров полков включительно.

...На меня навалилось чувство страшной отдалённости от всего окружающего. Я был подавлен несправедливостью и, как мне казалось, жестокостью наказания.

До этого дня в дивизии, да и в корпусе, я считался чуть ли не живой достопримечательностью, меня ценили и уважали все и я гордился этим. И вот в одночасье унижен и растоптан.

До этого дня я жил в мире ясных и непреложных истин и был убеждён, что в этом мире несправедливость ко мне могла быть только случайной, и до конца надеялся, что когда разберутся, то она будет исправлена. Но если она затрагивала судьбы других, самых достойных, боевых, честных командиров? Как тут быть? Вот об этом и не хотелось думать, душа не принимала... И за что? За этого губошлёпа, гада и мерзавца Дышельмана? Вот кому положена «Валентина», но и тут за него пришлось отдуваться бедному Гельману.

Так, в один миг, самые дорогие мне люди – Астапыч, Кириллов, Елагин – из-за непостижимого, кошмарного стечения обстоятельств, уже в условиях послевоенной мирной жизни попали, как и я, под карающий меч-гильотину военного времени.

В последующие полтора месяца моего пребывания в Германии от военнослужащих, как правило не имевших никакого отношения к нашей дивизии, я слышал немало слухов и разговоров, десятки различных версий, в том числе и облыжно-несправедливых, касающихся лично меня. Всё, что произошло в дивизии 26 и 27 мая, валилось в одну кучу и тесно увязывалось между собой.

В пересказе всё выглядело так, будто командир разведроты, мальчишка – мой девятнадцатилетний возраст указывался довольно верно, – снюхался с матёрой эсэсовкой, руководительницей вражеского подполья, которая не только использовала его в своих личных половых интересах, но и окончательно споила. Чтобы бесповоротно его охмурить, она, якобы совершенно голая, плясала перед ним на столе под музыку любимого Гитлером композитора Вагнера, после чего он шёл и послушно выполнял любое её задание. Именно через него в день юбилея дивизии в роту под видом французского ликёра этой эсэсовкой-убийцей был подсунут бочонок метилового спирта. После отравления красноармейцев немка якобы тотчас бежала на Запад – она оказалась агентом нескольких иностранных разведок, – а командир роты был осуждён Военным трибуналом. Число жертв, отравленных метиловым спиртом, в этих рассказах колебалось от 6 до 40 человек; также по-разному передавался в рассказах и срок наказания – от 5 до 10 лет, – впрочем, один лейтенант-артиллерист уверял меня, что якобы командир дивизии, приехав в роту и обнаружив десятки трупов, расстрелял её командира прямо на месте.

...И спустя десятилетия признаюсь как на духу, что в той далёкой юности в Германии у меня не было близости ни с одной немкой, да и в довольно долгой последующей жизни мне не повезло: ни одна женщина не плясала для меня не только на столе, но даже на полу, тем более голая.

Часть 4

ТОГДА, В ИЮНЕ...

Вы вновь со мной туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно..
И.Гёте

46. ДОКУМЕНТЫ ИЮНЯ 1945 г. (ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ)

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ВОЕННОГО СОВЕТА ГСОВ В ГЕРМАНИИ

30.05.45 г.

...Главнокомандующий ГСОВ в Германии требует любой ценой прекратить творящиеся безобразия и понять всю остроту положения по этому вопросу, так как недостойное поведение наших военнослужащих в Германии имеет крупнейшее политическое значение.

...Усилить судебные репрессии к лицам, продолжающим совершать всякие бесчинства, не допуская никакого послабления к убийцам, грабителям и насильникам.

Репрессия по делам о бесчинствах должна быть быстрой, сроки следствия по этим делам — минимальные, всякая задержка с расследованием — нетерпима.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Военному коменданту г. Берлин

Доношу, что в районе Нидершеневайде поймана банда, состоящая из 4-х человек: двух военнослужащих — ст. сержанта Бухолдина и красноармейца Фёдорова (оба дезертировали в мае с.г. из воинской части) — и двух репатриированных девушек, освобождённых из лагерей в мае с.г. — Цубуй Зои Филипповны (лагерь Штрасберг) и Петренко Полины Яковлевны (лагерь Лейпциг). Эта банда на протяжении 1,5 месяцев занималась грабежом населения. При неоднократных попытках их задержания последние скрывались.

5 июня с.г. была устроена засада в одной из квартир, где ожидалось их появление. При задержании один из бандитов захлопнул дверь и пытался убежать. Сержант военной комендатуры р-на

Трептов Тарануха выстрелил в Бухолдина и ранил его в область груди слева, последний вскоре скончался.

Все вышеуказанные лица находятся под стражей, и следствие по данному делу ведётся контрразведкой «Смерш».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Военным Прокурорам армий, дивизий, соединений

Немедленно ознакомиться с директивой Военного Совета ГСОВ в Германии «О борьбе с самовластием, грабежами и насилием над местным населением» от 30.5.45 г.

Безоговорочно привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в грабежах, насилии местного населения, не ограничиваясь привлечением только конкретных виновников.

Исследовать вопрос ответственности командиров, состояния дисциплины и порядка в частях, где произошли чрезвычайные происшествия.

Проанализировать судебные дела на предмет усиления репрессий. Всеми мерами обеспечить искоренение этого позорного явления.

Систематически проверять работу комендантов под углом зрения борьбы с насилием и грабежами.

Представить доклад по всем возникшим делам, чрезвычайным происшествиям и аморальным действиям с указанием характерных фактов, количества осуждённых, репрессий за период с 1.6.45 г.

Военный Прокурор ГСОВГ
генерал-майор юстиции *Яченин*

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА г. КОТТБУС

Доношу, что по сигналу, полученному от бургомистра, в округе Коттбус действует дерзкая банда, одетая в форму красноармейцев, которая занимается грабежом и устрашением немецкого населения.

В дер. Цеш комендантским патрулём была устроена засада. В результате был задержан один из участников банды Виноградов, вооружённый трофейным пистолетом.

Проведённым дознанием установлено, что Виноградов, 1924 г. рожд., урож. Молотовской обл., в марте 1944 г. попал в плен и до мая 1945 г. находился в лагерях: в военное время – в немецких, после войны – в лагере советских военнопленных, откуда сбежал. Он показал, что в шайку входило 4 человека, руководил ею Власичев.

Ещё находясь в немецких лагерях все четверо – Власичев, Виноградов, Креньцик и Юдин – дали обещание служить немцам и, если потребуется, то и воевать против Красной Армии.

Далее Виноградов показал, что после их коллективного побега из советского лагеря целью их было заниматься запугиванием и грабежами, чтобы местное население убедилось, что Красная Армия – это сплошные бандиты, которые пришли им мстить и грабить, в случае встречи с красноармейцами – их убивать.

Связь они имели с одной немкой в гор. Бельциг, муж которой был убит на Восточном фронте. Эта немка была наводчицей и скрывала их в подвале, где и были арестованы остальные.

Все четверо бандитов и немка переданы органам «Смерш»

Приложение: протоколы предварительного дознания на 5 листах.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 132 СД

Военному Прокурору 71 армии

Несмотря на приказы командующего и Военного Совета Группы Советских Оккупационных войск в Германии, командующего армией об усилении борьбы с противоправными действиями военнослужащих, в 132-й стрелковой дивизии и по сей день имеют место в большом количестве случаи чрезвычайных происшествий и грубого нарушения воинской дисциплины: пьянство, отравление трофейными спиртными напитками, панибратское отношение и связь с немецкими женщинами, грабежи местного населения.

При этом количество чрезвычайных происшествий не только не уменьшилось, а увеличилось. Если в мае с.г. их было 18, то в июне – 50 случаев, в том числе: дезертирство – 1, изнасилования немецких женщин – 5, грабёж и мародёрство – 6, гибель военнослужащих при управлении в пьяном виде мотоциклом и автомашиной – 4, отравления трофейным спиртом – 6, из них 3 со смертельным исходом; 29 случаев заражения вензаболеваниями (сифилисом – 20, гонореей – 9), при этом только в ... стрелковом полку – 16 заболевших в результате половых связей с немецкими женщинами.

Обращает внимание тот тревожный факт, что рост правонарушений происходит не только среди военнослужащих рядового и сержантского состава, но и среди командиров, призванных их предупреждать. Это происходит вследствие падения дисциплины, морального разложения и злоупотребления служебным положением.

Так, заместитель командира ... стр. полка по политчасти майор Проценко ведёт распутный образ жизни, имеет половые связи с немками, заболел гонореей и проходит курс лечения.

Агитатор того же полка майор Павлов систематически пьянствует, в пьяном виде появляется не только среди личного состава, но в таком состоянии прибыл даже на семинар в штаб дивизии.

Инструктор по информации политотдела дивизии старший лейтенант Аверков в пьяном виде учинил стрельбу из пистолета, за что был взят в комендатуру, а оттуда сбежал.

Секретарь ОКР «Смерш» дивизии младший лейтенант Казаков с разрешения начальника отдела «Смерш» дивизии подполковника Григоряна организовал коллективную пьянку по случаю своей женитьбы, на которую пригласил командира дивизии полковника Соловьёва, нач. политотдела дивизии полковника Маккавеева, нач. штаба дивизии и др. офицеров — всего до 80 человек.

Заместитель командира дивизии по тылу полковник Алексеев отпустил для свадьбы со склада дивизии: рома — 100 литров, водки — 60 литров, яиц — 2000 штук, сливочного масла — 50 кг, колбасы — 50 кг, других копчений — 50 кг.

Кушанья и торты на свадьбу приготовляли немецкие женщины. На свадьбу невеста — машинистка Шапиро — пригласила как гостей хозяина и хозяйку своей квартиры — немцев. Таким образом, вся эта пьянка, на которой офицеры перепились и устроили драку, проходила на глазах и при участии немцев.

Командующий и ВС армии своевременно информированы о всех случаях аморального поведения перечисленных офицеров.

Приказом командующего определены наказания:

1. Командиру 132 сд полковнику Соловьёву и зам. командира по политчасти полковнику Колунову объявлен выговоры, и они предупреждены о неполном служебном соответствии.

2. Зам. командира дивизии по тылу полковник Алексеев за незаконное расходование продуктов и спиртных напитков отстранён от должности. За отпущенный на свадьбу ром, водку и др. продукты с виновных взыскана стоимость по государственным ценам в 12-ти кратном размере.

3. Зам. командира ... сп по политчасти майору Проценко за связь с немкой объявлен строгий выговор, и после курса лечения он подлежит демобилизации из армии.

4. Агитатор полка майор Павлов за систематическую пьянку с работы агитатора полка снят и назначен с понижением в должности.

5. Инструктор по информации политотдела 132 сд старший лейтенант Аверков за пьяный дебош арестован домашним арестом на 15 суток с удержанием 50% денежного содержания за каждые сутки ареста.

Майор юстиции Бедрин

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 71 АРМИИ

09.06.45 г.

За последнее время в частях и соединениях армии значительно возросло количество случаев самоубийств и покушений на самоубийство как со стороны военнослужащих, так и вольнонаёмных.

В целях изучения этих аморальных явлений и организации борьбы с ними прокурорам частей и дивизий пересмотреть все дела и материалы дознаний о самоубийствах и покушениях на самоубийство за время январь-июнь месяцы 1945 г., разбив на два периода: январь-апрель и май-июнь, приведя сравнительные данные за эти два периода с обязательным освещением следующих вопросов:

1. Состав лиц, покончивших жизнь самоубийством или покушавшихся на самоубийство: по званию, служебному положению, партийности. Отдельно выделить женщин и военнослужащих, подлежащих демобилизации.

2. Причины самоубийства, как-то: боязнь ответственности за совершённые преступления или проступки, моральное разложение, запутанность в семейных отношениях, нечуткое отношение командования или болезненное реагирование на справедливое требование командования, психическая болезнь, др. причины (перечислить их).

3. Как разрешены эти дела в связи с самоубийством в части:

а) кто привлечён к уголовной ответственности;

б) кто привлечён к дисциплинарной ответственности.

4. Какие конкретно мероприятия проводили Военная Прокуратура и командование для предупреждения случаев самоубийств.

Одновременно с донесением и анализом причин этих аморальных поступков представить все дознания, прекращённые дела и наблюдательные производства за период январь-июнь месяцы 1945 г.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД

Военному прокурору 71 армии

На Ваш запрос направляю подробный отчёт по всем поставленным вопросам.

Среди чрезвычайных происшествий и аморальных явлений, получивших распространение в войсках после окончания военных действий, основное место занимают случаи самоубийств, рост которых не может не вызывать серьёзной тревоги.

За пять первых месяцев 1945 г. — январь-май — в дивизии зарегистрировано 8 случаев самоубийств, а в июне с.г. — 19 случаев, т.е. можно говорить о вспышке самоубийств.

Самоубийства имели место на протяжении всего хода войны, но тогда они представляли случайные явления и совершались в основном либо на почве трудностей, связанных с боевыми действиями, либо психически неполноценными людьми, ошибочно попавшими в армию и не выдержавшими условий армейской жизни.

Совершенно отличен характер самоубийств по своему содержанию и мотивам их совершения в послевоенный период.

Большинство самоубийств было совершено путём применения огнестрельного оружия, в двух случаях — через повешение и одно — отравление.

Мотивы совершения самоубийств:

1. В результате неудовлетворения военнослужащих службой в армии и служебных неурядиц — 6 чел., из них — 4 офицеров, главным образом младшего командного состава.

Причины самоубийств коренятся в тех новых условиях, с которыми пришлось столкнуться офицерскому составу в послевоенное время. С окончанием военных действий, особенно после перехода частей на казарменное положение, офицерский состав и, в первую очередь, младшие офицеры были поставлены в новые условия, требования к ним резко изменились, стали более жёсткими, большая часть офицеров иначе представляла себе послевоенный период, иначе понимала свои обязанности в этот период. Эти офицеры связывали окончание военных действий с возможностью «отдохнуть», «вольготно пожить», «развлечься». Жёсткие требования твёрдой воинской дисциплины застали таких офицеров врасплох, явились для них неожиданностью, они не смогли найти своё место в новых условиях, растерялись.

Нагляден случай самоубийства командира батареи 45-мм пушек ст. лейтенанта Олейника.

Олейник после окончания военных действий неоднократно просил командование освободить его от должности и направить на учёбу, мотивируя это отсутствием у него военного образования. Однако, просьба его по необоснованным причинам не была удовлетворена. С переходом дивизии на казарменное положение Олейник много раз высказывал неудовлетворённость новыми условиями службы: «...жизнь стала неважной, скучно, из военного городка не выпускают, а в городке никаких развлечений. Кино бывает редко, книг нет. Разве мы офицеры? Мы хуже, чем американские солдаты, которые разъезжают на мотоциклах и «виллисах», а у нас даже велосипеды отбирают и запрещают ездить». Своё положение Олейник болезненно переживал. Они дополнились кожной болезнью – экземой лица, – которая окончательно вывела Олейника из душевного равновесия, и он выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством.

2. Самоубийства на почве морально-бытовой неустойчивости.

Лейтенант Филимонов поступил в армейский венерический госпиталь с диагнозом «сифилис». Через 2 недели, не окончив курс лечения, самовольно ушёл из госпиталя, остановился на частной квартире, провёл ночь с немкой, а наутро застрелился.

Капитан Баландин, будучи комендантом деревни Хомденштендт, вступил в связь с девушкой-немкой и, находясь в окружении чуждой обстановки, морально разложился – пьянствовал, открыто жил в доме Ани Фогель. Вести о возможной скорой демобилизации из армии и переезде в Россию, где у него есть жена и ребёнок, и невозможность жениться на Фогель послужили причиной самоубийства (Баландин застрелился из личного оружия – пистолета ТТ).

Капитан ветслужбы Базымо на протяжении около двух лет болел венерической болезнью («люис») и, не вылечившись до конца от одной болезни, подцепил другую – гонорею. На почве личных переживаний и боясь огласки, покончил жизнь самоубийством из личного оружия пистолета ТТ выстрелом в висок.

3. Самоубийства женщин выделены в отдельную группу из-за специфических особенностей, в той или иной степени имеют романтическую подкладку и, как правило, явились результатом безобразного отношения офицеров-мужчин к связям с женщинами, к вопросам брака и семьи.

Военнослужащая хлебопекарни Негодуйко с ноября 1944 г. сожительствовала с помощником командира батальона связи лейтенантом Колесниковым. В апреле с.г. Негодуйко сообщила Колесникову о беременности. Это известие вызвало у Колесникова недовольство, ярость, между ними постоянно возникали ссоры и драки, Колесников настаивал на аборте. Боясь потерять Колесникова, Негодуйко сделала себе неудачный аборт, после которого здоровье её пошатнулось, а отношения с Колесниковым ещё более ухудшились: он вёл разгульный образ жизни, сожительствовал с немками, о чём Негодуйко знала. Перед отъездом на учёбу Колесников посоветовал Негодуйко забыть о нём, найти себе другого офицера: «желающие будут стоять в очереди». Негодуйко сильно переживала и, не вынеся предстоящей разлуки с ним, вынашивала мысль о самоубийстве, а затем и совершила его.

Репатриированная девушка Журба Светлана сожительствовала с мл. лейтенантом Парамоновым, который обещал на ней жениться. При переезде дивизии на новое место Парамонов взял Журбу с собой, однако, вскоре заявил ей, что командование полка не разрешило ему жениться, в связи с чем ей придётся вернуться обратно в лагерь. Будучи обманутой и страшась возвращения в лагерь, Журба покончила самоубийством через повешение.

Возмутительный случай произошел в 230-й сд: зам. командира ... сп подполковник Коржев вступил в сожительство с одной из репатрианток – Байдой Верой. Когда Коржев узнал о беременности Байды, он заявил ей, что жениться на ней не может, так как она была в Германии и, возможно, завербована, поэтому и сошлась с ним. Стремясь избавиться от Байды, публично оскорбил её, назвав «проституткой», просил, чтобы её убрали от него, так как «она мешает ему вступить в партию».

Байда, приняв смертельную дозу уксусной эссенции, скончалась, оставив предсмертную записку, в которой обвиняет подполковника Коржева в своей смерти.

Младший врач полка ст. лейтенант м/с Емельянова Г.И. повесилась в расположении санроты на почве ревности к капитану Гончарову, начальнику артснабжения, с которым она долгое время жила, и изменившему ей в связи с приездом жены. Оставила записку: «Я люблю тебя и жить без тебя не могу. Теперь и ты меня никогда не забудешь».

4. Самоубийства среди военнослужащих запасного полка из бывших военнопленных.

Значительная часть людей, освобождённых из плена, искалечены годами рабства, унижений, находятся в напряжённом, болезненном состоянии, не знают своего правового положения, продолжают верить вымыслам фашистской пропаганды, что их вообще не отправят в Советский Союз, а оставят в Германии навсегда, либо, в крайнем случае, отправят в Сибирь. Со стороны военнослужащих по отношению к ним допускаются грубость и предвзятое мнение, что все они «немецкие прихвостни», продавшие Родину, и, боясь ответственности за совершённые преступления, они совершают самоубийства.

Мною была проведена проверка и изучение всех случаев самоубийств среди пополнения за период пребывания их в дивизии, т.е. с 25 мая по 10 июня с.г.

Вот что написал рядовой Василевич в предсмертной записке:

«...Что заставляет меня покончить с собой? Жизнь проклятая, презрение со стороны людей, ненависть ко мне. Это презрение, презрение без конца я не могу перенести. Мне надоело жить!»

Ефрейтор Грищенко в начале Отечественной войны был призван в армию. В ноябре 1941 г. попал в плен и до марта 1945 г. находился на территории Германии. После освобождения из плена и повторной мобилизации в армию проявил себя исключительно с положительной стороны, за боевые отличия был награждён медалью «За отвагу». Перед совершением самоубийства Грищенко написал большое предсмертное письмо, в котором изложил свою преданность советскому народу и Правительству и объяснил своё решение покончить жизнь тем, что его, как бывшего в плену, преследуют, презирают, вследствие чего «так жить честному и ни в чём неповинному человеку невозможно».

Несколько самоубийств совершены лицами после того, как их вызывали на беседы с уполномоченными ОКР «Смерш».

Рядовой Сорокин в апреле 1945 г. был призван в армию вторично после освобождения из плена, в мае прибыл в дивизию. После того, как его неоднократно вызывал уполномоченный ОКР «Смерш» полка для бесед, Сорокин стал замкнутым, задумчивым, перестал общаться с товарищами. На пачке сигарет Сорокин оставил предсмертную записку: «Виновным себя не считаю, виновата фашистская Германия». Как было установлено, Сорокин, находясь в плену, вступил в немецкую армию и служил в качестве ездового в одной из команд, и оснований для привлечения его к уголовной ответственности не было.

Также причиной самоубийства рядового Новосёлова послужило ошибочно расцененное его «тёмное прошлое» в период пребывания на территории Германии, между тем, никаких оснований для этого не было.

5 июня с.г. рядовой Додонов был направлен для выполнения работ на хлебозаводе. В начале второй половины дня один из красноармейцев группы, зайдя в подвал хлебозавода, обнаружил висевшего на верёвке Додонова.

При осмотре трупа Додонова в кармане были найдены красноармейская книжка, письмо от жены, в котором она сообщает, что всем обеспечена и ждёт его, записная книжка с краткими конспектами по темам пройденных политзанятий о военной дисциплине и военной присяге. Среди записей особенно выделена фраза: «Если по злому умыслу я нарушу присягу — меня постигнет суровая кара советского закона».

Соцдемографические данные:

Красноармеец Додонов Константин Васильевич, 1910 г. рожд., русский, с ноября 1942 г. по апрель 1945 г. находился в Германии в плену. До призыва в РККА проживал в Саратовской обл., Вязомского р-на, с. Вязовка. После освобождения из плена мобилизован в Красную Армию. Прибыл 25 мая с.г. со сборно-пересыльного пункта и по заключению подлежал по состоянию здоровья в скором времени демобилизации.

7 июня с.г. покончил жизнь самоубийством рядовой Гусев Пётр Ильич, 1912 г. рожд., б/п, русский, образование 7 классов, рабочий завода «Большевик», урож. Калининской обл., Новоторжокского р-на, с. Костино, призван в Красную Армию 2 мая 1945 г. после освобождения его из плена; в полк прибыл 25 мая со сборно-пересыльного пункта 61 армии и был зачислен рядовым.

В этот день в 10 часов он был вызван писарем роты для заполнения на него соцдемографических данных. Гусев путался в показаниях о времени пребывания в немецком плену, на что писарь, рядовой Шмавганец, без всякого умысла, в шутку сказал, что, видимо, из-за имеющихся грехов тот даёт путаные сведения, и тут же отпустил Гусева на занятия.

Подойдя сзади к группе куривших бойцов, которые о чём-то весело разговаривали, Гусев, вынув из кармана перочинный нож, мгновенно полоснул им по своему горлу, перерезав и горло, и сонную артерию.

При осмотре трупа Гусева в карманах его одежды были обнаружены:

1) справка с завода «Большевик» гор. Ленинграда о предоставлении брони от призыва в Красную Армию, датированная 11 февраля 1941 г. и действительная по 23 декабря 1941 г.;

2) профсоюзный билет с последней уплатой членских взносов за июнь 1941 г.;

3) книжка госстрахования, членские взносы уплачены по апрель м-ц 1941 г.;

4) военный билет старого образца, выданный 27 ноября 1940 г. Тоснинским РВК Ленинградской области без всяких отметок о призыве его в Красную Армию в период войны;

5) немецкий паспорт, выданный 1 мая 1942 г.;

6) колодка немецкой медали «За проявленную отвагу на Восточном фронте»;

7) письмо жене в Калининскую область.

Из анализа изъятых документов можно полагать, что Гусев покончил жизнь самоубийством из-за боязни разоблачения в измене Родине.

Видимо, Гусев, работая на заводе «Большевик» в период блокады Ленинграда, перешёл к немцам и был завербован или был призван в Красную Армию, откуда совершил измену Родине, по этим вопросам сделаны запросы по месту работы и жительства Гусева с целью выяснения обстоятельств его ухода с завода.

Жена Гусева также находилась под оккупацией немцев с осени 1941 г. Сведения о ней переданы в НКВД по месту жительства для проверки.

5. Попытка совершить самоубийство была предпринята сержантом из роты снайперов Ермаковой Людмилой Семёновной, 1924 г. рожд., урож. Мордовской АССР, г. Рузаевка, русской, комсомолкой, образование 8 классов, не замужней, призвана в РККА в мае 1943 г.

При расследовании установлено, что огнестрельное ранение из карабина она произвела сознательно по следующим причинам.

Некоторое время Ермакова была знакома с помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии майором Алиевым и, по её словам, с ним сожительствовала.

10 июня вечером Алиев через своего связного красноармейца Ситнина передал Ермаковой, чтобы она больше к нему не приходила, так как война окончилась и ему надо восстанавливать свою семью.

Однако, спустя неделю, ей стало известно, что он встречается с вывезенной в Германию репатрианткой по имени Жанна.

Ермакова была этим так оскорблена и огорчена, что решила назло Алиеву покончить жизнь самоубийством, выстрелив из карабина себе в сердце, но от волнения пуля прошла выше.

Карабин, из которого Ермаковой был произведён выстрел, найден на том месте, где это случилось, в патроннике осталась стреляная гильза.

Самострел Ермаковой подтверждается показаниями старшины Бурлацкого из комендантского взвода и офицера связи, которые прибежали на выстрел и оказали первую помощь пострадавшей. Ермакова находится в МСБ в состоянии средней тяжести. Сама она обо всем случившемся рассказала откровенно и претензий к майору Алиеву у неё нет.

Майор Алиев после завершения расследования будет привлечён к партийной и дисциплинарной ответственности.

Для искоренения причин, приводящих к самоубийствам, сотрудниками Военной Прокуратуры проведены следующие мероприятия:

1. Всем командирам и политработникам разослано информационное письмо, в котором каждый случай самоубийства рассматривается как сигнал о неблагополучии в конкретном воинском подразделении.

2. Всем командирам ещё раз разъяснена НЕОБХОДИМОСТЬ тщательного изучения нужд своих подчинённых, настроений, переживаний; недопустимость «барского», высокомерного и равнодушного отношения к своим подчинённым с требованием создания во всех частях нормальных условий жизни, систематического проведения культурно-просветительской работы.

3. Сотрудниками политотдела дивизии и агитаторами проведены во всех частях партийные активы по вопросам морального облика советского офицера.

4. Работниками Военной Прокуратуры усилена правовая пропаганда по разъяснению военнослужащим Уголовных законов послевоенного времени за воинские преступления.

5. Командирам, политработникам и, в особенности, сотрудникам контрразведки рекомендовано улучшить работу по изучению прибывшего пополнения, усилить политическое воспитание среди этого контингента.

Майор Булаховский

ОБЪЯСНЕНИЕ КОМАНДИРА РОТЫ ОХРАНЫ СТ. ЛЕЙТЕНАНТА ЦУРЮПЫ[1]

Военному Прокурору

По поводу самоубийства красноармейца Войтова С.П. хочу показать следущее.

Прымерно месяц тому назад в одной из бесед со своим ординарцем Войтовым Станиславом Павловичем он мне признался, что сурёзно влюблён в немку Шпербрехер Урзулу из-за чего плохо спит, плохо кушает и ему трудно без неё, а она не хочет с ним ходить. Когда я его спросил сурёзное и обдуманое это заявление он ответил, что обдумал и это сурёзно.

Об этом случаи я в этот же день заявил заму по политчасти военного коменданта р-на Темплин гв. майору Сидорову, просил побеседовать с Войтовым и спрашивал его решения.

В беседе с гв. майором Сидоровым Войтов заявил тоже самое, что «я без неё не могу» и пограживал, что «её убю или сам себя или её и себя».

Нидели через полторы после этого я его обратно спросил не забыл ли он про влюблёную немку Войтов мне ответил «её гдето нет, я её не вижу, как будто позабыл» и больш о ней я ему ни напоминал.

Чтоб совсем его разлучить с немкой решено было отправить Войтова из комендатуры. Войтов, узнавши о том, что он подлежит отправке в запасной полк зделав самовольную отлучку в неизвестном направлении.

18 июня в 20.00 оперативный дежурный офицер, мл. лейтенант-Гуляев, сообщил мне о том, что дзвонил красноармеец Войтов в дежурку о том, что он находится нидалеко от Темплина и хочит покончить свою жизнь самоубийством. Откуда он дзвонил установить не удалось и где его можна было искать я не мог придумать. Я спрашивал его товарищей не знают ли они куда он ходит и где квартира немки. Мне ответили, что о ней ничево не слышали, квартиру тоже никто не знал, а он в последние дни никуда не ходил.

Утром 19 июня мне сообщили о том, что красноармеец Войтов застрелил немку, тяжело ранил немца и застрелил сам себя в Темплине.

[1] Орфография и пунктуация документа сохранены.

Сообщаю, что за время пребывания в роте охраны в качестве моего ординарца на протяжении около двух месяцев за Войтовым особой недисциплинированости не замечалось, караульную службу нёс хорошо, все приказания выполнял, в политподготовке разбирался плохо в виду малограмотности.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ПО ФАКТУ САМОУБИЙСТВА КРАСНОАРМЕЙЦА ВОЕННОЙ КОМЕНДАТУРЫ

Войтов Станислав Павлович, 1920 г. рожд., украинец, урож. Каменец-Подольской обл., Сатановский р-н, с. Борщевка, б/п, колхозник, образование 4 класса, не судим, наград не имеет. Призван в Красную Армию в 1940 г. Станиславским РКК Каменец-Подольской области. Участник Отечественной войны, имеет одно ранение. Находился в плену с октября 1944 по апрель 1945 г. В мае с.г. после освобождения прошёл фильтрацию и повторно призван в Красную Армию. Был ординарцем у командира роты охраны ст. лейтенанта Цурюпы при Военной комендатуре гор. Темплин. В этот период познакомился с немкой.

Шпербрехер Урзула, 1927 г. рожд., урож. дер. Варте, Темплинского р-на, член организации «Гитлер-Югенд» с 1941 г., проживала у своей тётки по адресу: г. Темплин, Штраль штр., 4.

Венцель Дитрих, 1923 г. рожд., музыкант оркестра г. Темплин.

Материалами дознания установлено:

Красноармеец Войтов С.П. сожительствовал с немкой Шпербрехер Урзулой, о чём знали в Военной комендатуре и не приняли действенных мер. Немка, встречаясь с красноармейцем Войтовым на квартире своей тётки, в то же время познакомилась и стала встречаться с немцем Венцель Дитрихом и вскоре перешла к нему жить в дом по ул. Минквиц, 5.

Узнав об измене немки, Войтов выследил, где она живёт, а когда встал вопрос об откомандировании его из роты охраны в запасной полк, самовольно покинул расположение части, в пьяном виде пришёл 18.6.45 г. вечером к ним на квартиру и из пистолета «парабеллум», который не был у него изъят согласно приказа, убил Шпербрехер Урзулу и тяжело ранил немца Венцель Дитриха. О факте убийства сообщил по телефону дежурному по военной комендатуре, после чего покончил жизнь самоубийством.

Исходя из вышеизложенного ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Уголовное дело на красноармейца Войтова С.П. в связи с его смертью не возбуждать.

2. За невыполнение приказа Военного Коменданта об изъятии оружия у рядового и сержантского состава роты, плохое изучение личного состава и непринятие мер к сожительству своего ординарца с немкой, а затем и мер по розыску Войтова, командира роты охраны ст. лейтенанта Цурюпу предать суду офицерской чести с ходатайством об отстранении от должности.

3. Дежурного по комендатуре мл. лейтенанта Гуляева за незнание обязанностей и не проявление инициативы в розыске Войтова предупредить и наложить дисциплинарное взыскание.

4. Провести разъяснительные беседы с личным составом о дисциплине, бдительности, взаимной помощи и выручке.

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА МЕДСАНСЛУЖБЫ 425 СД

Начальнику политотдела 425 сд

Медико-санитарной службой дивизии работа по раннему выявлению венерических заболеваний среди военнослужащих и вольнонаёмных при частях проводится согласно постановления ВС 1-го БФ и в соответствии с приказанием и инструкцией ГлавСанУпра 1-го БФ.

В результате профилактических осмотров за период с 1 по 15 июня с.г. выявлено 76 случаев как свежих, так и хронических венерических заболеваний. Их них:

— острая и хроническая гонорея — 41, сифилис — 32, мягкий шанкр — 3.

В числе заболевших: офицеров — 26, сержантов — 20, рядовых — 30, членов ВКП(б) — 15, кандидатов в члены ВКП(б) — 6, членов ВЛКСМ — 26.

Из числа выявленных больных эвакуировано в венгоспиталь — 24, проходили лечение при МСБ — 42, причём 17 человек по выздоровлении направлены по частям, а 59 и сейчас находятся в МСБ на излечении.

При опросе врачом-специалистом больных — от кого заразился? — большинство отвечает, что заразились от немки, фамилию и имя её не знают.

Так, сержанты Титов и Подставкин заболели гонореей от связи с неизвестной немецкой женщиной; лейтенант Гриншпун — в составе группы из 6 человек военнослужащих — имел коллективное сношение с неизвестной молодой немкой, все из них заразились.

Есть ряд вопиющих случаев, когда военнослужащие при исполнении своих прямых обязанностей сами заражаются вензаболеванием и заражают других.

Так, фельдшер Шмарин, используя своё служебное положение, вступил в любовную связь с рядовой Мининковой, пришедшей к нему для медосмотра. Впоследствии оказалось, что Мининкова больна сифилисом и наградила им фельдшера Шмарина.

В числе выявленных больных — 6 девушек-военнослужащих, работавших младшими медицинскими сестрами, которые заражали венболезнями находившихся в медчастях раненых офицеров, сержантов и бойцов.

Так, м/с Уфимцева, больная сифилисом, имела любовную связь с красноармейцем Шульгиным, находящимся на лечении в госпитале по поводу бронхита, который одновременно сожительствовал с делопроизводителем госпиталя Машковой. Таким образом, м/с Уфимцева явилась источником распространения сифилиса для ряда других мужчин и женщин.

Ст. лейтенант Митько, командир отдельной роты охраны военной комендатуры гор. Дессау, незаконно пристроил в хозчасть репатриантку Белоглавку, с которой сожительствовал. Как выяснилось, Белоглавка болела сифилисом. Скольких военнослужащих она заразила, кроме Митько, она не помнит, так как их фамилий не знает.

Полный список и соцдемографические данные на военнослужащих, больных сифилисом и гонореей, прилагается.

В целях предупреждения распространения вензаболеваний проведены следующие мероприятия:

1. Во всех частях, подразделениях политработниками и санинструкторами проведены беседы и лекции на тему: «Венерическая болезнь — длительная, тяжёлая болезнь, крепко отражающаяся на здоровье человека». Выпущены санбюллетени: «Личная гигиена — залог здоровья человека» и «Как уберечь себя от венерических заболеваний».

2. Всем заражённым женщинам — военнослужащим, вольнонаёмным, репатрианткам и гражданским немкам — выдаются справки о болезни (на русском и немецком языках).

3. Все заболевшие военнослужащие заполняют подписку следующего содержания: «Я, нижепоименованный (звание, фамилия, имя, отчество), даю настоящую подписку, что мне известно моё венерическое заболевание, его опасность для окружающих, и, в связи

с этим, обязуюсь выполнять правила лечения и поведения в обществе и, в частности, в отношении половой жизни. Наказуемость по ст. 150 УК[1] за заражение венерической болезнью другого лица мне известна».

4. Всем больным, прошедшим в венгоспитале или МСБ лечение по поводу сифилиса, выдаётся справка «С», в которой указывается основной курс лечения, а также даются обязательные чёткие предписания по срокам проведения повторных курсов и применения необходимых препаратов (сальварсан, висмут, ртуть, осарсол). Контроль за лечением с фиксированной отметкой об их проведении в справке осуществляют фельдшера.

Сообщаю о тревожном факте: некоторые военнослужащие, зная о своей болезни и боясь огласки о наличии у них вензаболевания, нередко занимаются самолечением, пользуясь советами неграмотных людей, тем самым усугубляют болезнь. Хуже того, обращаются за медицинской помощью на стороне. Так, несмотря на запрещение лечения немецкими врачами военнослужащих Красной Армии, в гор. Наумбург врач Франк занимается частной практикой, за вознаграждение продуктами анонимно проводит нашим военнослужащим лечение гонореи. В этом ему активно помогает русский врач Коник, бывший в плену. Однако лечащиеся у него офицеры и бойцы нашей дивизии не получают надлежащей помощи из-за отсутствия у него необходимых медикаментов и подвергаются старым варварским методам лечения, не изолируются и уходят из нашего поля зрения.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОКР «СМЕРШ» 425 СД

Сов. секретно

Военному Прокурору ГСОВГ
Копия: Военному Прокурору 71 армии

Сообщаю о тревожных фактах убийств немцами военнослужащих Красной Армии.

13 июня с.г. в лесу около шоссейной дороги в районе дер. Коперниц обнаружены два трупа красноармейцев, у обоих пере-

[1] Ст. 150 УК РСФСР: «Заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, – лишение свободы на срок до трёх лет».

резано горло, при них не было никакого оружия и документов, удостоверяющих личность, сняты сапоги и вывернуты карманы.

14 июня с.г. в 14.00 часовые рядовые Ахрименко и Бровченко заметили двух неизвестных граждан, которые двигались по направлению к посту. Часовой Ахрименко остановил их и стал проверять документы, часовой Бровченко в это время только подходил к ним.

Внезапно один из проверяемых немцев вынул пистолет и двумя выстрелами в упор в грудь убил часового Ахрименко, и немцы разбежались в разные стороны. По убегавшим часовой Бровченко сделал несколько выстрелов, но им удалось скрыться.

Была поднята тревога, немедленно организован поиск и немцы были окружены. Видя явную гибель, один из немцев застрелился, при нём обнаружен пистолет и документы, а другому удалось скрыться. Розыск его продолжается.

Донесение Штарму представлено шифром.

Отделом контрразведки «Смерш» также установлено, что в районе расположения дивизии действует юношеско-подростковая террористическая группа, целью которой является убийство военнослужащих Красной Армии. 18 июня с.г. ими убиты сержант Семёнов и красноармеец Смушко, а 15.06 – красноармеец Гнатенко.

Проведёнными оперативными мероприятиями на одной из явочных квартир арестовано 4 молодых людей в возрасте 13–16 лет. При обыске на квартире обнаружены пистолеты, ножи, кастеты, фаустпатроны и фашистские листовки с призывами организовывать террористические акты и убийства.

Все они активные члены «Гитлер-Югенда». Судя по обнаруженным фаустпатронам, подростки были призваны в армию в конце апреля с.г. и служили в качестве фольксштурмистов, а после окончания военных действий вошли в одну из подпольных организаций, которые были в конце войны созданы в недрах германской разведки по плану Гиммлера, Кальтенбруннера и Лея для проведения на территории Германии малой войны, так называемый «Клайн криг».

Как показали задержанные, они представляют первичную ячейку «Werwolf» («Оборотень»), сообщили, что таких, как они, по всей Германии много, но структура организации такова, что они знают только своего «фауманна» – доверенного человека, – и с другими членами не сообщаются.

Боевым призывом их является: «Schlag tot, schlag tot, schlag alle tot!» («Убивай их, убивай их, убивай их всех!»)

Состав ячейки: командир – Клаус Шульц, 16 лет, и трое боевиков, среди которых одна девушка – Клара Фогель, 16 лет, старшая сестра террориста Зигфрида Фогеля, 14 лет, и Готфрид Буш, 13 лет.

При медицинском осмотре у Клары Фогель на внутренней поверхности ляжек вблизи промежности обнаружены татуировки тёмно-синего цвета: на левой «Führer, folge Dir bis ins grab!» («Фюрер, я твоя до гроба!»), на правой – «Deutchland über alles!» («Германия превыше всего!»); у остальных членов группы на груди – «Heil Hitler!» («Да здравствует Гитлер!»), на правом плече – девиз организации «Heil wolf!» («Привет, волк!») с восклицательными знаками на концах.

Они сразу признались, что убили не только этих троих военнослужащих, но похвалялись значительно бóльшим числом. Наиболее агрессивный из всех подросток Готфрид Буш, у которого на Восточном фронте погибли отец и старший брат, на допросе заявил: «Я ненавижу всех русских. Я дал присягу фюреру и пока жив, буду вас убивать».

Сотрудниками ОКР «Смерш» проводится дальнейшая их разработка.

Секретное донесение направлено Комиссару Госбезопасности генералу Серову.

Подполковник Полозов

47. В КОРПУСНОМ РЕЗЕРВЕ

Берлинские пригороды почти не пострадали. В одном из таких целёхоньких пригородов, в Карове, размещался офицерский резерв корпуса, куда я направился согласно приказу. По дороге – пешим ходом до него было не более получаса – вдоль шоссе с правой и левой сторон стояли одна роскошнее другой виллы, богатые особняки, увитые плющом, огромные каменные дома с колоннами, старыми липами и зелёными лужайками, за ними виднелись одно- или двухэтажные уютные домики с островерхими крышами, крытые черепицей, утопавшие в пышной листве уже отцветающих садов.

Штаб располагался в одном из таких красивых двухэтажных особняков. Мне даже не пришлось его долго разыскивать, из палисадника рядом с домом доносилось бренчание, хохот и русская речь: на скамеечке сидел полупьяный лейтенант и ожесточённо дёргал струны балалайки. Несколько офицеров, таких же бедолаг, как и я, которые по разным причинам были выведены за штат и откомандированы в резерв корпуса, кантовались здесь в ожидании назначения, стояли рядом. Увидев меня, лейтенант приветствовал пополнение язвительной частушкой:

Эх, дальше фронта не загонят,
Меньше взвода не дадут!

Не ответив и ничем не выдав – даже мускулы лица не дрогнули – своей реакции на такое обращение, я пружинистым шагом одолел несколько ступенек крыльца, открыл массивную входную дверь и по винтовой лестнице, вдоль которой на стенах висели разного размера оленьи рога, головы животных, как я сразу сообразил – охотничьи трофеи бывшего владельца, – поднялся на второй этаж. Здесь в одной из комнат за массивным письменным столом из красного дерева с резными ножками сидел майор и что-то писал. На столе были разбросаны бумаги и стоял огромный бронзовый орёл, а за спиной майора на стене висела внушительных размеров картина. На ней был

изображён пожилой, напыщенный мужчина, с торчащими в разные стороны усами, высокомерным холодным взглядом, направленным прямо на меня, в тёмной одежде и меховой шапке, в правой руке он держал дорогую палку, а левая — властно сжимала перчатку.

Набрав побольше воздуха в грудь, оправив гимнастерку, я шагнул в комнату и чётко, громко доложил:

— Товарищ майор! Старший лейтенант Федотов! Прибыл в ваше распоряжение!

Не поднимая головы и не отрываясь от бумаг, майор рявкнул:

— Выкинштейн!

— Старший лейтенант Федотов... — уже негромко проговорил я, поправляя его, решив, что он что-то напутал с фамилией.

— Вижу — не слепой! — взяв мои документы, сухо заметил майор. — Если бы ты прибыл из госпиталя или из училища, или из ОПРОСа[1], ты был бы для меня Федотовым. Даже если бы ты вернулся из штрафного или штурмового батальона, кровью искупив свою вину перед Родиной, — подчеркнул он, — ты был бы для меня Федотовым. Но ты откомандирован из дивизии, где провёл два года и оказался никому не нужен! Командир отдельной разведроты, которого не оставили даже Ванькой-взводным в стрелковом полку! Тебя выкинули из дивизии, как мусор, — он сделал презрительный жест правой рукой, — понимаешь, выкинули! — с чувством неприязни выкрикнул он. — И для меня ты — выкинштейн! Другого названия для тебя нет.

Он ко мне обращался на «ты», сразу дав понять, что никакого уважения как к боевому офицеру не испытывает.

— Виноват, товарищ майор!

— Что ты конкретно натворил? За что тебя выкинули?

— Алкогольное отравление в роте со смертельным исходом... Но я не был виноват...

Опустив голову, я замолчал. Что я мог ему еще сказать?.. Всё было правильно, меня действительно откомандировали из дивизии, с которой самым тесным образом были связаны без малого два года моей фронтовой и офицерской жизни, меня откомандировали из дивизии, где до позавчерашнего дня из семисот, примерно, офицеров я был или считался одним из лучших (недаром же армейская газета писала обо мне, всего лишь младшем офицере — «краса и гордость соединения»), и фамилия моя была увековечена в истории: она дважды упоминалась в журнале боевых действий дивизии.

[1] ОПРОС — отдельный полк резерва офицерского состава.

С улицы доносились голоса, смех, подбадривающие весёлые подначки. Лейтенант продолжал наяривать на балалайке и выкрикивать слова озорной частушки:

Я на узенькой скамеечке
Дала один разок!
Я дала бы два разка,
Да скамеечка узка!

Меня как током ударило и болью отозвалось в душе: частушку эту я слышал от Лисенкова. Вспомнился его хрипловатый голос и в мыслях промелькнуло её продолжение «...и ему отдалась до последнего...».

Майор, морщась, поднимается из-за стола, подходит к окну и, перегнувшись через подоконник, командует:

— Отставить!.. Сейчас же прекратить! Ты, Тамбовцев, долго будешь позорить советское офицерство?.. Прекратить немедленно!!! Немцев бы постыдился! У меня здесь нет гауптвахты, но я найду, куда тебя упрятать!

Балалайка умолкает, майор поворачивается ко мне и говорит:

— Помнишь, песню пели: «...и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом...», а этот — хулиганские матерщинные частушки... — затем приказывает: — Иди и отбери у него балалайку!

Я спускаюсь вниз, Тамбовцев сидит на ступеньках крыльца. Полный решимости, я протягиваю руку, чтобы взять балалайку, но он неожиданно сам, грустно улыбаясь, послушно отдает её.

Вернувшись с балалайкой к майору, получаю унизительное для себя поручение:

— И выкинь этого фашиста отсюда!

Я сразу понял, что это относится к картине, но почему это не могли сделать раньше, так и не уяснил для себя.

...Зачем я всё это затеял?.. Картина оказалась на удивление невероятно тяжёлой. Тонкий витой шнур, на котором она держалась, был в несколько оборотов намотан на крюк. Я весь вспотел, пытаясь её снять, пока не сообразил перерезать шнур перочинным ножом. Картину вечность, наверно, не вытирали и, как только она оказалась у меня в руках и наклонилась, сверху полетели хлопья пыли. Майор отошёл к открытому окну и оттуда молча наблюдал за моими действиями, даже не сделав попытки помочь.

Картина в толстой золочёной раме, шириной более метра и высотой около двух, весила не менее трёх пудов, и держать её на весу было крайне неудобно, но это было ещё ничего. С горем пополам я снял её со стены и с трудом доволок до проёма винтовой лестницы. Теперь её предстояло по узеньким ступенькам спустить на первый этаж в одну из комнат-кладовок, забитую мебелью, свёрнутыми коврами, люстрами и зеркалами, которые, по-видимому, стащили сюда из всех комнат особняка.

Медленно, с осторожностью, задом, придерживая картину руками, плечами, головой, я начал спускаться вниз. Но как я ни старался, пройдя уже половину лестницы, картина всё-таки зацепилась верхом за кабанью голову. От неожиданности я потерял равновесие и полетел вниз, больно ударившись спиной, причём угол тяжеленной картины угодил мне в пах, долбанув так чувствительно, что, не сдержавшись, я вскрикнул от боли.

Проклиная всё на свете, я выволок злосчастную картину на крыльцо и поставил с правой стороны под окном. Руки и гимнастерка у меня были запачканы, надо было срочно умыться и почиститься. Боль в спине и паху буквально сгибала меня.

В этот самый момент, стуча деревянными сандалетами-танкетками, надетыми на босу ногу, из-за угла вывернула старая, лет пятидесяти, немка в кудряшках и с ведёрком в руке. Увидев картину, она, всплеснув руками, громко запричитала:

– Что вы делаете? Это мой дедушка! Зачем вы его взяли? Это мой дедушка! – повторяла она. – Чем он вам помешал? Отдайте мне моего дорогого дедушку!

Так я и знал! Этот неприятный тип оказался её дедушкой.

Она так пронзительно верещала, что на крики собрались офицеры. Откуда-то появился капитан, бросив беглый взгляд на картину, он подошёл к ней почти вплотную, хмурясь, молча, долго и внимательно её рассматривал, покусывая мундштук папиросы, которую то и дело перегонял из одного угла рта в другой. Спустя минут десять на его широкоскулом лице появилось удивление, а и без того узкие глаза превратились в щёлочки. Сдвинув на затылок фуражку и выпустив струйки дыма ноздрями, он вдруг улыбнулся и воскликнул:

– Послушайте! Да ведь это старинная картина! Шедевр!

Ну и ну!.. – подумал я. – Вот так фриц! Вот так дорогой дедушка! Он ещё и знаменит! Век живи, век учись, дураком помрёшь. Что лично я умру дураком, в такие вот минуты я нисколько не сомневался.

А вечером, на построении, майор, обращаясь к капитану, предупреждает:

— Если они нажрутся, будешь отвечать! Если кто им поднесёт, не обижайтесь! — и строго оглядел строй офицеров.

— Да у нас у самих, товарищ майор, ничего нет, понюхать даже нечего...

— У вас нет, а свинья грязь всегда найдёт! — выразительно глядя на меня, убеждённо сказал майор, — и понюхает и выжрет!

...Как выяснилось впоследствии, капитан, до войны окончивший учительский институт, оказался прав: приехавший из Берлина специалист подтвердил, что «картина особо ценная и по ряду признаков принадлежит кисти голландского художника», как мне запомнилось, с какой-то трудной невыговариваемой фамилией, не то Ребрада, не то Робенса.

...Спустя десятилетия, когда мой школьный друг и известный художник повёл меня в Москве на выставку шедевров Дрезденской галереи, спасённых Красной Армией в сорок пятом году, я неожиданно увидел «знакомого дедушку» и тогда узнал, что она принадлежит кисти голландского художника Гольбейна...

Через два дня меня вызвал майор, был он в этот раз как-то миролюбиво и даже по-отечески настроен, взглянув на меня и не отреагировав на приветствие, с горечью сказал:

— Эх, ты, дурья твоя башка, так испортил себе биографию, из боевого офицера чуть не стал выкинштейном! — Сделав паузу, добавил: — Пришло распоряжение откомандировать тебя в армейский пересыльно-фильтрационный лагерь для репатриантов в полное распоряжение капитана Малышева.

Я с облегчением вздохнул: Астапыч меня не кинул и не забыл...

48. РЕПАТРИАЦИЯ

Для возвращения на Родину военнопленных, гражданских лиц, насильно угнанных в рабство с оккупированных врагом территорий, беженцев, переселенцев в октябре 1944 г. при правительстве СССР было создано Центральное Управление по делам репатриации во главе с Уполномоченным СНК СССР.

Группы представителей Уполномоченного СНК СССР находились во всех европейских странах (за исключением Испании и Португалии), в Египте, Иране и США.

Отделы репатриации были учреждены при СНК РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, Литвы, а также при областных и районных исполкомах, территория которых подвергалась вражеской оккупации, и при всех действующих фронтах.

Заграничные группы и фронтовые отделы репатриации занимались выявлением, материальным и медико-санитарным обслуживанием, а также перевозкой репатриируемых на Родину.

В обязанности республиканских отделов репатриации и приёмно-распределительных пунктов входило бытовое и трудовое устройство советских граждан, вернувшихся в места прежнего жительства.

Одновременно с работой по возвращению в СССР советских граждан правительство в январе 1945 г. возложило на органы репатриации обязанность собирать и отправлять на родину освобождённых Красной Армией из фашистской неволи граждан союзных и нейтральных государств.

Для осуществления поэтапной репатриации на территории Германии были организованы 249 приёмно-распределительных сборных пунктов и транзитных лагерей.

Люди всех национальностей были в разные годы вывезены и угнаны немцами из Советского Союза и стран Европы на работу в Германию, число их к концу войны достигало 12 миллионов: 8 миллионов были заняты в сельском хозяйстве и 4 миллиона – в промышленности.

На территории Германии находилось к концу войны более 6 миллионов только советских граждан. Это были: угнанные с оккупированных территорий в рабство и вывезенные на работы в рейх мужчины и женщины, рабочие и крестьяне, главным образом из числа молодёжи в возрасте 16–35 лет, оставшиеся в живых военнопленные, и те, кто ушёл добровольно из Советского Союза с немцами при их отступлении.

Сотни тысяч, не ожидая помощи союзников, двигаясь самостоятельно, в конце мая оказались перед советскими частями. Через демаркационную линию и погранпосты шла передача союзниками советских граждан.

...По всей Германии нескончаемый поток людей всех национальностей.

Вдоль дорог на столбах надписи на русском, английском, французском и немецком языках с указующей стрелкой: «На сборный пункт советских и иностранных граждан».

...Беженцы, бредущие из неволи: грязные лица, замызганная одежда, босые, они были одинаковы, как серые тени, без возраста и имён.

...Женщины с натянутыми по глаза платками с грязными молчаливыми детишками (в толпе не было слышно детского плача) катят какие-то повозочки с тряпьём и самоваром.

...Мужчины с хмурыми лицами и «сидорами».

...Молодые репатриантки с чемоданами и узелками.

...Эшелоны с освобождёнными из лагерей прибывают на железнодорожные станции. На вагонах, украшенных завядшими зелёными ветками, транспаранты: «Домой, на Родину!» и «Здравствуй, Родина-мать!»

Миллионы людей после освобождения из плена и немецкого рабства захотели немедленно вернуться на Родину.

Из всеми проклятой Германии началось великое перемещение народов.

По сообщению Уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И.Голикова от 7 сентября 1945 года из общего числа репатриированных были освобождены Красной Армией 2 886 157 человек, 2 272 000 советских и «приравненных» к ним граждан переданы советским властям англичанами и американцами с территорий, освобождённых союзными армиями, в том числе 1 855 910 человек были переданы непосредственно через линию соприкосновения советских войск с армиями союзников.

Фронтовое командование Красной Армии и органы репатриации при фронтах проделали огромную, беспрецедентную, никогда ранее не осуществляемую ни одним государством в мире работу по приёму, устройству, обеспечению, лечению и перевозке советских репатриантов после их освобождения на Родину.

К началу 1948 года в лагерях западных зон Германии ещё оставалось более трёхсот тысяч советских граждан. Вместо ускоренной добровольной репатриации в лагерях союзников проводилась широкая кампания по вербовке перемещённых лиц, расселению их вдали от родины, активно распространялись антисоветские и антирепатриационные листовки.

Официально репатриация была завершена к 1 января 1953 г.: в Советский Союз возвратились 5 457 856 советских граждан. К тому же времени были репатриированы 4 059 736 иностранных граждан и военнопленных фашистской Германии, освобождённых Красной Армией и находившихся в советских фильтрационных лагерях.

Все расходы, связанные с репатриацией, Советское правительство приняло на себя, они составили 2 328 456 200 рублей.

Число советских граждан, подлежавших репатриации и не вернувшихся в СССР после войны, составило свыше четырёхсот тысяч человек. Никто из граждан других стран не проявил такого нежелания возвращаться на родину, как советские граждане.

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ

20.05.45 г.

Во исполнение Постановления ГКО от 4 ноября 1944 г. и Совета Народных Комиссаров СССР от 6 января 1945 г. устанавливается следующий порядок в деле организации приёма, материального обеспечения и перевозок бывших военнопленных и советских граждан:

1. Освобождаемых советскими войсками граждан СССР:

– бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся во вражеском тылу, направлять в армейские сборно-пересыльные пункты действующих фронтов.

После проверки установленным порядком:

– лиц, не вызывающих подозрений, передавать в армейские и фронтовые запасные части;

– служивших в немецкой армии и в специальных строевых немецких формированиях, полицейских и других лиц, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагеря НКВД.

2. Освобождаемых советскими войсками граждан из числа невоеннослужащих направлять во фронтовые сборно-пересыльные пункты или пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР, откуда после проверки:

— военнообязанных призывных возрастов, не вызывающих подозрения и признанных годными к строевой службе в Красной Армии, передавать во фронтовые запасные части и запасные части военных округов;

— военнообязанных, не годных к военной службе, а также лиц непризывных возрастов и женщин после соответствующей проверки направлять в места их постоянного жительства, запретив направление в города Москву, Ленинград и Киев;

— жителей пограничных областей СССР отправлять в места их постоянного жительства только через проверочно-фильтрационные пункты НКВД;

— детей, потерявших родителей, — в детские приёмники-распределители НКВД СССР, детские ясли и детские дома, организованные Наркомздравами и Наркомпросами союзных республик.

3. Организацию первоначального сбора, учёт советских граждан и бывших военнопленных, освобождаемых частями Красной Армии, проводят начальники отделов репатриации фронтов, а доставку их на армейские и фронтовые сборно-пересыльные пункты и материальное обеспечение организуют начальники тыла фронта.

4. Обязать Военные Советы обеспечить должный порядок на приёмно-передаточных пунктах и в лагерях репатриируемых, для чего выделить достаточное количество офицерского состава из резерва и политаппарата.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

22.05.45 г.

В соответствии с Постановлением СНК СССР, Директивы Ставки № 11086 и приказа Начальника Тыла Красной Армии:

1. Организовать отделы по делам репатриации при Начальниках Тылов армий.

2. На отделы репатриации возложить обязанности:

а) приём бывших военнослужащих Красной Армии и советских граждан в пересыльных пунктах и армейских лагерях;

б) контроль за устройством и материальным обеспечением лагерей;

в) контроль за эвакуацией от приёмно-пересыльных пунктов до армейских лагерей;

г) организация и контроль за ведением учёта контингента и подготовкой его к передаче фронтовым лагерям.

3. Начальникам Тыла армий:

а) организовать 10 лагерей на 10 000 человек каждый, места для их расквартирования подобрать вне черты или на окраине городов;

б) обеспечить лагеря оборудованием, хозяйственным имуществом, медикаментами, продовольствием, транспортом;

в) с 25 мая с.г. начать приём военнопленных и освобождённых союзниками из лагерей советских граждан.

4. Начальникам штабов армий:

а) укомплектовать обслуживание сборно-пересыльных пунктов и транзитных лагерей офицерским, сержантским и рядовым составом из резерва и числа ограниченно годных по штату № 03/503;

б) для охраны лагерей сформировать стрелковые роты численностью 150 человек по штату № 23/913 литера «Б».

5. Интендантам армий:

а) обеспечить в лагерях 10-дневный запас продовольствия;

б) из числа вещевого имущества, бывшего в употреблении, выделить запасы белья на весь состав и дополнительно по 2,5 тысячи комплектов обмундирования на лагерь (в т.ч. детского и женского — 520 комплектов).

6. Проверку бывших советских военнопленных и освобожденных граждан советского подданства возложить:

а) бывших военнослужащих Красной Армии — на органы контрразведки «Смерш»;

б) гражданских лиц — на проверочные комиссии представителями НКВД и НКГБ.

Член Военного Совета
генерал-лейтенант Телегин

ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

28.05.45 г.

В целях быстрейшей проверки возвращающихся на Родину репатриируемых граждан сообщаю для руководства и неуклонного

исполнения распоряжение Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Голикова:

1. На всех поступающих во фронтовые и армейские лагеря и на сборно-пересыльные пункты репатриируемых военнопленных и граждан СССР обязательно заполнять карточки персонального учёта и высылать их в отдел регистрации и учёта при Управлении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

2. Обязать проверочно-фильтрационные комиссии НКВД и НКГБ при лагерях и фронтовых сборных пунктах и органы «Смерш» обеспечивать проведение регистрации в срок не более 10 дней, после чего всех гражданских лиц направлять к месту их постоянного жительства, а военнослужащих — в запасные части НКО. Не прошедших указанную регистрацию из лагерей НЕ ОТПРАВЛЯТЬ.

3. Всем освобождённым из фашистской неволи военнопленным и гражданам СССР, находящимся на сборно-пересыльных пунктах и лагерях, разрешается посылка писем родственникам и знакомым на общих основаниях.

4. Всех репатриируемых граждан при отправке снабжать удостоверениями, выданными представителями проверочно-фильтрационных комиссий НКВД, на право получения документов по месту жительства, документами на бесплатный проезд и бесплатный провоз багажа до пункта назначения и продовольствием на время пути следования.

5. Обязать органы НКВД и НКГБ проводить последующую проверку в местах расселения репатриируемых советских граждан, а органы «Смерш» — в запасных частях.

6. Освобождённых из плена военнослужащих и военнообязанных не демобилизуемых возрастов с явными физическими недостатками (отсутствие руки, ноги, ступни, кисти и т.д.), признанные военно-врачебными комиссиями негодными к военной службе, исключать с воинского учёта, не задерживать в лагерях, отправлять по месту жительства. Эти лица будут проходить проверку органами НКВД и НКГБ по месту жительства.

7. Дела офицеров, возбудивших ходатайства о возвращении наград, полученных ими за боевые действия до пленения, будут решаться в каждом отдельном случае после тщательной проверки и с санкции Военных Советов.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО 71 АРМИЕЙ

30.05.45 г.

В связи с большим потоком гражданских лиц, подлежащих репатриации, бывших военнослужащих Красной Армии и освобождённых из лагерей советских граждан для последующей их репатриации на Родину в соответствии с Постановлением Военного Совета и Указанием Начальника отдела по делам репатриации при Военном Совете 1-го Белорусского фронта:

1. Дополнительно организовать два транзитных лагеря с пропускной способностью по 10 000 человек.

2. Организацию и руководство пересыльно-фильтрационным транзитным лагерем № 207 возложить на полковника Быченкова, лагерем № 210 – на подполковника Прохорова.

3. На сборно-пересыльных пунктах осуществлять сбор, приём и регистрацию людей, пришедших или освобождённых из неволи вне лагерей, и доставку их транспортом в транзитные лагеря.

4. Начальнику тыла срочно провести комплектование штата сборно-пересыльных пунктов и транзитных лагерей за счёт офицерского резерва 136 стрелкового корпуса, сержантского и рядового состава из числа ограниченно годных.

5. В транзитных лагерях контингент содержать отдельными группами по их государственной принадлежности, не допуская совместного размещения подданных различных союзных государств, особенно советских граждан с иностранцами.

5. После регистрации на время прохождения проверки и до отправки на родину не допускать свободного выхода репатриантов со сборных пунктов и территории лагерей.

Генерал-полковник Смирнов

УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 71 АРМИИ ПОДПОЛКОВНИКА САВИНА

Комендантам лагерей
Начальникам сборно-пересыльных пунктов

02.06.45 г.

Сообщаю для строгого руководства Указанием Зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенанта тов. Голубева:

1. Начать репатриацию на родину только граждан советского подданства, оказавшихся за рубежом в результате Отечественной войны 1941–45 гг.

2. До особого распоряжения лиц, не имеющих советского гражданства, не репатриировать.

3. Репатриация иностранцев будет проходить по другим каналам и другим инстанциям.

Обращаю внимание комендантов лагерей и начальников сборно-пересыльных пунктов, чтобы впредь занимались только выполнением поставленной перед ними Правительством задачи.

За отправку в СССР лиц, не имеющих советского гражданства, коменданты лагерей и начальники сборно-пересыльных пунктов будут нести строжайшую личную ответственность.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО 71 АРМИЕЙ

В связи с категорическим запретом на репатриацию, перемещение и передачу немцев союзникам в последнее время участились случаи, когда немецкие граждане пытаются нелегально перейти демаркационную линию на сторону союзников, предлагая нашим бойцам, сержантам и офицерам, несущим службу погранохраны, различное вознаграждение за беспрепятственный пропуск в Западную зону.

Так, на одной из застав 425 сд красноармейцем Васильевым, находившимся в секрете, были замечены трое неизвестных — мужчина, женщина и девушка, — пытавшиеся кустарником незаметно перейти в американскую зону.

Когда Васильев их окликнул, они попытались скрыться, но были им остановлены. Тогда глава семейства, оказавшийся немецким коммерсантом Лео Эренхаузом, предложил Васильеву швейцарские ручные часы, золотое кольцо и женский золотой браслет, а затем также предложил вступить в половую связь с его женой, Амалией Эренхауз, 42 лет, или с дочерью Кристиной, 21 года, с тем, чтобы Васильев пропустил их всех через демаркационную линию в гор. Бремен. Соблазняя Васильева, Амалия Эренхауз начала раздеваться.

Красноармеец Васильев предложенное вознаграждение не принял, от половой связи с немецкими женщинами уклонился и всех троих задержал. В саквояже у коммерсанта Лео Эренхауза было обнаружено золотых изделий 2148 грамм, частично с бриллиантами.

ПРИКАЗЫВАЮ:

За добросовестное выполнение своего воинского долга и проявленную бдительность красноармейца Васильева наградить медалью «За боевые заслуги».

Генерал-полковник Смирнов

ДОНЕСЕНИЕ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207
ПОЛКОВНИКА БЫЧЕНКОВА

Командующему 71 армией

03.06.45 г.

Вашим приказом от 30 мая с.г. мне была поставлена задача в двухсуточный срок развернуть лагерь для приёма репатриируемых бывших советских военнопленных и гражданских лиц в количестве 10 000 человек.

Поставленная задача личным составом лагеря в указанный срок выполнена.

Репатрианты поступают в лагерь со сборно-пересыльного армейского пункта, военнопленных в эшелонах доставляют на ж.д. станцию в 18 километрах от лагеря. Из-за недостатка транспорта на станции скопилось около 2000 человек, не доставленных в лагерь.

Кроме того, 1–3 июня представителями союзного командования было передано и поступило в лагерь 38 974 человека, т.е. почти в четыре раза больше, чем было указано, и среди них 2768 детей.

Ввиду того, что количество репатриантов доходит до 40 тысяч, имеющийся в наличии штат не в состоянии всесторонне и своевременно в указанные сроки обслужить репатриантов и подготовить их к отправке в Советский Союз.

Прошу Вашего приказания о прикомандировании к пересыльному лагерю № 207 дополнительно сто человек рядового и сержантского состава и двадцати офицеров для обслуживания репатриантов и охраны лагеря.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА г. ТЕМПЛИН

Начальнику отдела по репатриации при ВС 1-го БФ

Доношу, что на территории г. Темплин задержаны 16 беспризорных советских детей в возрасте от 9 до 15 лет, прибывших

разными путями из Советского Союза в Германию за трофеями и продуктами.

Дети из Калининской, Смоленской, Сталинской, Харьковской, Московской и других областей, из Белоруссии добирались в Германию разными путями, чаще всего скрытно в поездах (или под вагонами, на буферах), минуя пограничную и железнодорожную охрану.

Так, на ст. Каменец комендантским патрулём были сняты 12 несовершеннолетних ребят. Все дети были отправлены обратно в Советский Союз, но они, проехав 2–3 станции, разбежались.

У большинства из задержанных детей, с их слов, нет родителей или лиц их заменяющих.

На основании имеющихся указаний задержанные направлены начальнику опергруппы НКВД г. Темплина, который в приеме отказал и ответил, что они подлежат направлению в комендатуру по репатриации, но и там их не приняли, так как они не являются репатриантами.

Ввиду вышеизложенного прошу срочных указаний, куда направлять советских несовершеннолетних детей и подростков, нерепатриантов, не имеющих никаких документов, бродяжек, попрошаек, воришек и хулиганов.

Задержанные пока находятся в комендатуре. Список детей и подростков (фамилии и адреса указаны с их слов) прилагаю.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ГСОВГ

За последнее время многими Военными Комендатурами задержано большое количество несовершеннолетних советских детей, приехавших из Советского Союза на территорию Германии в поисках трофеев, одежды, продуктов питания, причём большинство из них во время Отечественной войны потеряли своих родителей.

Проживая в городах и сёлах без всяких документов, они ведут бродячий образ жизни, организуются в мелкие группы-банды по 3–5 человек, хулиганят, занимаются кражами у местного населения, совершают налёты на магазины и пункты распределения пайков местному населению.

Военным Комендантам и их заместителям по политчасти:

1. Усилить контроль на железнодорожных станциях погранпатрулями по выявлению «зайцев», снимать их с проходящих поездов и отправлять обратно в Советский Союз в сопровождении и под охраной военнослужащих.

2. Принять срочные меры совместно с НКВД по задержанию беспризорных советских детей, оказавшихся на территории Германии.

3. Всех беспризорных детей и подростков собирать в отведённые при комендатурах спецдома, обеспечив нормальным питанием за счёт трофеев и подсобных хозяйств, постельными принадлежностями, а также обувью и одеждой. Содержать под охраной и ежедневно с ними проводить воспитательную работу.

4. Эвакуацию в глубь Советской страны осуществлять по железной дороге группами под охраной команды военнослужащих и сдавать в детские приёмники-распределители НКВД и детские дома.

5. О количестве задержанных и проведённой работе доносить Начальникам Военных Комендатур и отделы репатриации при Военных Советах армий.

Генерал-лейтенант Телегин

49. ЛАГЕРЯ РЕПАТРИАНТОВ

ДОНЕСЕНИЕ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207 ПОЛКОВНИКА БЫЧЕНКОВА

05.06.45 г.

Военному Совету 71 армии

Доношу, что передача союзниками репатриантов проводится скопом: отдельно списки с указанием числа передаваемых, отдельно в куче их документы, и в таком обезличенном состоянии они поступают в лагерь. Офицерам учётного отдела и проверочно-фильтрационной комиссии предстоит огромная работа по подготовке репатриантов к отправке на родину.

В партии переданных нам союзниками репатриантов: советские граждане, освобождённые войсками союзников и перешедшие демаркационную линию, военнопленные, среди них лётчик Зайков П.А., взятый в плен немцами в 1943 г. (его самолёт был сбит, а он получил тяжёлое ранение), находившиеся в очень тяжёлых условиях в английском лагере в гор. Нойштадт (провинция Гольштейн) в количестве до 12 000, в том числе много женщин и детей.

Из полученной от них информации английские власти, предоставив помещение, почти не предоставляли им питание. Раненые и больные помещались в госпиталь совместно с немецкими солдатами. Англичанами немцы были распущены по домам и теперь они избивают, раздевают до белья и убивают советских граждан: в окрестностях гор. Нойштадт только за последние дни обнаружены 15 убитых советских граждан.

Прошу Военный Совет принять через советскую комиссию по репатриации незамедлительные меры по улучшению положения советских граждан.

По показаниям прибывших советских военнопленных американскими войсками захвачен лагерь русских военнопленных Шталаг-II.

В архиве лагеря имеются списки изменников Родины, добровольно поступивших на службу в гестапо и в немецкие части, а также документальные материалы, характеризующие преступное отношение немцев к нашим военнопленным.

Они сообщили, что американцы содержат в этом лагере как обычных военнопленных бывшего коменданта и надзирателей лагеря, таких, как Ледер, который истязал пленных красноармейцев, поливая их зимой холодной водой, избивал до смерти, пытал. Им лично убито более 1000 человек советских военнопленных. Вместе с ним зверской жестокостью отличался унтер-офицер Ленце, также убивший несколько сот человек.

Капитаны гестапо Цулих и Пессьер, в числе прочих истязаний, виновны в том, что живыми закопали попавших в плен двух советских лётчиков (у одного из лётчиков была сломана нога).

Полученные сведения переданы в отдел контрразведки.

Прошу дополнительных разъяснений по поводу репатриации бывших военнопленных, так называемых «хильсфилинге», тех, кто добровольно поступал на службу в немецкую армию.

Помимо советских граждан, в транзитном лагере находятся американцы и 130 французских военнопленных, освобождённых Красной Армией в Восточной Пруссии. Среди них 40 человек коммунистов, которые в лагере создали партийное бюро коммунистической организации французских военнопленных. Они заявили, что хотят всячески укреплять советско-французскую дружбу и обратились с просьбой разрешить им выпуск антифашистских листовок с публикацией переводных статей из советских газет.

Кроме того, репатрианты-иностранцы, особенно из бывших военнопленных американцев и французов, обращаются к администрации лагеря с просьбой и даже требованием о предоставлении им женщин и выделении помещения для интимных встреч.

В лагере находятся несколько смешанных супружеских пар. Так, супружеская пара: голландец и галичанка. Поженились в немецкой неволе. Он – юный, медлительный, рыжий колосс, она – маленькая, чернявая, живая, грациозная. Говорят на чудовищной смеси голландского и украинского. Видимо, очень любят друг друга. Счастливы, что вырвались из фашистского рабства, но полны беспокойства: неужели им расставаться? Она готова ехать с ним в Гаагу, он с ней – в Коломыю.

Прошу дополнительно разъяснить, по какому принципу подлежат репатриации супружеские пары.

РАЗЪЯСНЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

07.06.45 г.

Коменданту лагеря № 207
полковнику Быченкову

В соответствии с указаниями Управления по репатриации при СНК СССР разъясняю:

1. Лиц, служивших в войсках СС и выявленных самими военнопленными, незамедлительно передавать органам «Смерш».

2. Создавать в лагерях партийные бюро или комитеты, а также другие официальные организации не разрешается, созданные — распустить. Репатриантам разрешается проводить пропаганду о советско-французской дружбе среди военнопленных и интернированных, снабдив их соответствующей правильной литературой.

3. Радиоприёмники, имеющиеся у репатриантов, могут быть использованы только для коллективного слушания радиопередач в общежитиях. Индивидуальное пользование не допускать и приёмники отбирать.

4. Жениться репатриантам на гражданках СССР не разрешать, на своих соотечественниках — можно. Русских женщин, вышедших замуж за иностранцев, нельзя отправлять за границу, но не надо их передавать и в «Смерш», а направлять по месту своего жительства на Родину в установленном порядке, сообщая о них в органы НКВД и НКГБ.

5. О создании для иностранцев публичных домов или, по-европейски, борделей, в лагере не может быть и речи. Всем этим людям необходимо разъяснять, что в Советском Союзе проституции не было, нет и не будет, так как социальные корни этого зла после Октябрьской революции полностью обрублены. В дружеской доверительной беседе доведите до сведения всех репатриантов-иностранцев, что в ближайшее время они будут отправлены в свои страны, где в условиях капитализма в достатке публичных домов и продажной любви. А пока пусть потерпят и не ходят самовольно к немкам, среди которых, как свидетельствуют факты, немало заражённых венерическими болезнями.

6. Необходимо вести решительную борьбу с дезертирством репатриантов, ибо бегут преступники из-за боязни ответственности на Родине. Их надо ловить!

7. К недружелюбно настроенным к Советской власти репатриантам администрация должна применять корректные, но сильные противодействия.

Всякие выступления бузотёров с критикой питания разбивать веским аргументом: наша страна в результате четырёхлетней войны переживает огромные трудности и лишения и, тем не менее, Советское Правительство сделало всё возможное для создания нормальных условий пребывания иностранных репатриантов.

Другие вопросы, выдвинутые в Ваших письмах, также заслуживают внимания, но относятся они к компетенции Правительственных инстанций и Главного Управления по делам репатриации при СНК СССР и пока разрешены быть не могут.

В частности, по таким вопросам, как разрешение репатриантам карманных денег, оформление брака на территории Германии, прежде всего между разноподданными, и получение советского гражданства или выход из гражданства СССР, мы обратились с запросами в эти инстанции и по мере получения от них указаний и разъяснений Вы будете поставлены в известность.

ДОНЕСЕНИЕ ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 226

Начальнику отдела по репатриации при ВС 71 армии

Должен Вас информировать, что комендант лагеря № 226 подполковник Малинин в результате связи с репатрианткой и систематического пьянства встал на неправильный путь поведения офицера Красной Армии.

В мае с.г. за потерю бдительности, выразившуюся в незаконном приёме на работу и допуску к секретному делопроизводству непроверенной органами НКВД репатриантки, в отсутствии надлежащего руководства личным составом, в результате чего процветало мародёрство, командующим армией генерал-полковником Смирновым ему был вынесен выговор и указано о неполном служебном соответствии.

Однако подполковник Малинин не извлёк урока, не сделал никаких выводов и продолжает себя вести непотребным образом.

В своём кабинете на территории лагеря он открыто сожительствует с репатрианткой бельгийкой Зифридой Гансон, в течение 5 лет жившей в Германии.

В рабочее время Малинин устраивает попойки, в которых участвуют офицеры, его связной и переводчик, которые тоже сожительствуют с репатриантками.

На свои пирушки Малинин для развлечения приглашал бойцов из роты охраны, заставляя их петь и плясать перед гостями. Их пьяные выходки, нецензурную брань слышат и видят репатрианты, с которыми в это время в соседнем помещении работали дознаватели. Сами дознаватели, почти всегда пьяные, не гнушаются во время опросов применять рукоприкладство, если их не устраивают ответы репатриантов.

Разложившись полностью в морально-бытовом отношении сам, подполковник Малинин своим поведением разлагает и личный состав, не может должным образом контролировать и поддерживать порядок и дисциплину, и по своим аморальным действиям не может быть дальше терпим на должности коменданта лагеря.

Прошу для пользы дела, защиты перед репатриантами чести советского офицера немедленно решить вопрос об отстранении подполковника Малинина от занимаемой должности.

Подполковник Малинин женат, на родине у него жена Малинина Валентина Ивановна и двое детей 12 и 10 лет.

Подполковник Гришаев

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

10.06.45 г.

В первых числах июня с.г. делегация бельгийских парламентариев выезжала в Германию для ознакомления с положением бельгийцев, находящихся в советских транзитных лагерях.

При посещении нашего лагеря № 226 бельгийские офицеры рассказывали парламентариям самые невероятные вещи, в частности, об антисанитарном состоянии пищеблока и всего лагеря, о вшивости, о кражах личных вещей и разворовывании положенных по норме продуктов, о грубости и рукоприкладстве наших военнослужащих и т.д., тем самым иностранцы демонстративно выражали жалобы и недовольство на Советское государство.

Спустя три дня эти рассказы бельгийских репатриантов были со смаком и явной клеветнической тенденцией опубликованы в двух бельгийских газетах.

В ходе проведённой комиссионной проверки некоторые факты частично подтвердились, в связи с чем за допущенные недостатки и отдельные безобразия комендант лагеря № 226 подполковник Малинин освобождён от занимаемой должности и привлекается к партийной ответственности. Остальные виновные — всего семь человек — также строжайше наказаны и отстранены от дальнейшей работы по репатриации.

Тем не менее, обе публикации в бельгийских газетах носят явно антисоветский характер, их следует расценивать как организованную провокацию и потому необходимо дать им достойный и убедительный отпор.

Предлагаю всем комендантам лагерей и их заместителям по политчасти в двухдневный срок организовать сбор положительных и, по возможности, восторженных отзывов репатриантов-иностранцев об их пребывании в советских лагерях, в комендатурах и на сборно-пересыльных пунктах, и в письменном виде немедленно направить в отделы по делам репатриации при Военных Советах армий.

ДОНЕСЕНИЕ ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ
КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207

12.06.45 г.

Начальнику отдела по репатриации при ВС 71 армии

Доношу, что для выполнения государственной задачи, определённой партией и правительством, по скорейшему проведению репатриации, в лагерь прибыли офицеры из состава 425-й стрелковой дивизии и офицерского резерва 136-го стрелкового корпуса. Весь офицерский состав распределён на должности, в политотделе проведён инструктаж, особое внимание уделено исключению всяких неуставных отношений, грубости при общении с репатриантами, вниканию и пониманию их проблем и немедленному их разрешению.

Согласно указанию совграждане и иностранцы содержатся в разных бараках и между ними исключены контакты.

Из-за огромного потока поступающих в лагерь репатриантов бараки с советскими гражданами переполнены, в каждом содержится более 400 человек, репатрианты привлекаются к уборке помещений и территории лагеря на добровольной основе.

В лагере введён строгий режим, во всех бараках установлено единое время подъёма и отбоя, самовольный выход за территорию лагеря запрещён, прогулки два раза в день в сопровождении караульной роты.

Питание осуществляется по норме: хлеба – 500 гр., мяса – 43 гр., маргарина – 40 гр., крупы – 36 гр., сахара – 35 гр., картофеля – 300 гр. Дважды в день – горячее питание.

Одеждой репатрианты обеспечены, однако ощущается потребность в обуви, особенно в женской и детской, а также нательном белье.

Жизнь в лагере постепенно упорядочивается, и жалоб на содержание, питание или грубое к ним отношение со стороны совграждан и бывших военнопленных не поступало.

При опросе подавляющее большинство выразили горячее желание добровольной репатриации на родину в ближайшие сроки.

На собраниях, проведённых в бараках с совгражданами и бывшими военнопленными, многие выступили с горячей благодарностью Красной Армии и лично товарищу Сталину, которые спасли советских людей от немецкого гнёта и теперь помогают вернуться на Родину.

Так, репатриант Яковлев сказал:

«Немцы на нас напали и во всём виноваты. Сейчас перед нами стоит историческая задача помочь снять с Германии и Гитлера подштанники и поставить их на четыре кости. Нас будут спрашивать обо всём: где служили, кем? Надо честно обо всём говорить. Чего мне бояться? Проверку я прошёл и могу честно служить в Красной Армии, если меня призовут».

Репатриант Чурилин говорил о наболевшем и надеждах:

«Находясь в неволе в Германии, мы мечтали о том дне, когда Родина, за которую мы проливали кровь, не предали её и не продали за кусочек хлеба и миску баланды в тяжёлых условиях лагерного голода, издевательств и унижений, поможет нам. И этот день пришёл. Я верю, что Родина за пережитые муки обеспечит нас всем, в чём мы нуждаемся. А мы должны своим поведением доказать свою преданность Родине, чтобы наши освободители – воины Красной Армии – были нами довольны».

Репатриант Валюков говорил о большом желании многих скорее попасть на Родину, в Советский Союз:

«Как хочется скорее поехать домой. Душа истосковалась по родной земле, по труду. Наконец мы вернёмся домой и честно отдадим

свой труд стране, добьёмся высоких урожаев, высокой выработки на производстве, чтобы скорее залечить все раны, нанесённые нашей стране немцами».

Когда выступала 18-летняя девушка Билан, угнанная в Германию в 1942 году с Полтавщины, многие женщины плакали:

«Нас за людей не считали. Называли только «русские свиньи», да палками избивали до полусмерти. Многих русских и украинских девушек отправляли в публичный дом, в котором фрицы за две марки покупали 15 минут любви... Конвейер озверевшей солдатни... Мы хотим вернуться на любимую Родину, чтобы трудиться на её благо. Скорее бы на батькивщину...»

Репатриант Сотников в своём выступлении не скрывал:

«Среди нас нашлись русские люди, которые при освобождении убежали с англичанами, боясь Красной Армии. Это люди, которые помогали немцам, продались фашистам. Но далеко они не уйдут, всё равно они будут отвечать за свои преступления. Сейчас мы живём лагерной жизнью, которая нас избаловала, а в этом повинны мы сами. Мы должны организовать культурный отдых, выполнять требования коменданта лагеря, поддерживать чистоту и строго наказывать нарушителей порядка».

Больше всего репатриантов волнует один и тот же вопрос: когда они смогут выехать на Родину и как это будет происходить?

Были заданы и такие вопросы:

– Будет ли оказана помощь тем, у кого немцами уничтожены дома, разрушены хозяйства?

– Будут ли обмениваться немецкие деньги на русские?

– Как и где будут призывать в Красную Армию лиц призывного возраста?

Сотрудники политчасти проводят большую разъяснительную работу среди репатриантов.

Согласно распоряжению начальника отдела по репатриациии фронта генерал-майора Белова также сообщаю о пребывании и качестве обслуживания иностранцев в транзитном лагере № 207.

От иностранцев жалоб на условия содержания и питания в лагере, мародёрство и грубое к ним отношение со стороны персонала лагеря не поступало. Приезжавшие с проверкой представители американского и английского командования также не предъявили никаких претензий по содержанию американцев и англичан и привезли для них шоколад, консервы, масло, белый хлеб, сигареты. Драки из-за отъёма еды возникали только среди иностранцев, и они быстро пресекались.

Привожу положительные отзывы иностранцев (записано военным переводчиком лейтенантом Карпиным).

Мл. лейтенант Роба, француз, сказал:

«От имени французских военнопленных, находившихся пять лет в тяжёлом порабощении, выражаю огромную признательность Красной Армии, освободившей нас. Мы ценим все усилия русского командования на то, чтобы облегчить наше ожидание возвращения на родину. В лагере нам создали хорошие материальные условия, организованы развлечения – кино, – мы получили полную возможность выполнять религиозные обряды. Нет больше издевательств! Нет оскорблений и унижений, есть свобода!»

Швейцарец Иоганн Компф:

«Нас встретили друзья. Русские военные относятся к нам почеловечески, создали нам такие условия, что надежда наша на скорую отправку на родину уже не кажется несбыточной. Мы привели себя в порядок, одеты, обуты. В лагере даже есть парикмахер. Мы всем довольны, особенно добрым отношением к нам».

Полковник Бутенко

РАЗЪЯСНЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 71 АРМИИ ПОДПОЛКОВНИКА САВИНА

14.06.45 г.

Коменданту лагеря № 207
полковнику Быченкову

Указание генерал-майора тов. Белова от 10 июня с.г. Вами понято не совсем правильно.

В присланном донесении Вы делаете упор на отзывы и выступления советских репатриантов и приводите всего два, хоть и положительных, устных высказывания иностранцев – их к делу не пришьёшь, что ни в коей мере удовлетворить нас не может. Нам же нужны факты, зафиксированные в письменном виде, как-то: хорошие и восторженные отзывы от американцев, англичан, французов и других иностранцев, написанные собственноручно одиночками или целыми группами о том, как тепло, душевно их встречали, внимательно обслуживали и полностью обеспечивали всем необходимым без какого-либо обворовывания, антисанитарии и грубости.

Мероприятие следует провести без шума через переводчиков. Путём дружеских задушевных бесед организовать и оформить пись-

менные отзывы персонально каждого репатрианта-иностранца или от группы в несколько человек.

Оригиналы собственноручно написанных восторженных и положительных отзывов иностранцев вместе с точными переводами немедленно направляйте в отдел. Отрицательные и нейтральные отзывы следует подшить в дело «Заявления и жалобы репатриантов».

ДОНЕСЕНИЕ ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ
КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 236

Военному Совету 71 армии

Доношу, что комендант транзитного лагеря № 236 полковник Терещенко в последние недели утратил облик советского офицера, морально разложился, систематически злоупотреблял служебным положением и вёл себя совершенно безрассудно.

Так, в воскресенье 10 июня с.г., пятеро офицеров армии США во главе с полковником Дилоном, не имея положенных пропусков, на автомашине «додж» незаконно пересекли демаркационную линию и спустя несколько часов оказались у ворот лагеря репатриируемых № 236, якобы для ознакомления с условиями содержания американских военнопленных.

Полковник Терещенко, вместо того, чтобы немедленно доложить об этом по команде и получить необходимые указания или принять меры по задержанию и немедленному выдворению иностранцев вместе с машиной за демаркационную линию, самовольно допустил их на территорию лагеря, по собственной инициативе устроил пьянку, обнимался, целовался с ними, предлагал им женщин из числа репатрианток и немок местного населения, которые в количестве семи человек по его приказанию были доставлены в соседнее помещение и приведены «в состояние боевой готовности», то есть раздеты до нательного белья и выставлены напоказ. При этом полковник Терещенко принудительно поил американцев спиртом и французским коньяком, а затем, окончательно опьянев, принялся насильственно кормить сидевшего рядом с ним полковника Дилона, зажав его голову под мышкой, в результате чего вилкой проколол ему верхнюю губу.

За неделю до этого инцидента в лагере работала армейская проверочная комиссия, которая выявила массу нарушений в санитар-

ном состоянии, питании и содержании в лагере как иностранцев, так и совграждан. Даже во время работы проверочной комиссии полковник Терещенко ежедневно напивался. На требования комиссии прекратить пьянство, навести порядок в лагере и в кратчайшие сроки устранить недостатки Терещенко дважды пытался осуществить рукоприкладство в отношении председателя комиссии полковника Северинова и других старших офицеров, членов комиссии, в связи с чем во втором случае его пришлось связать и запереть в кладовке.

Прошу Военный Совет армии решить вопрос об отстранении полковника Терещенко от занимаемой должности и привлечения его к партийной ответственности.

Полковник Ерёмин

ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 1-го БФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

15.06.45 г.

В дополнение к директивному указанию от 28.5 с.г. сообщаю для неуклонного исполнения порядок отправки репатриантов иностранцев и советских граждан.

Всех репатриируемых подданных союзных нам стран — американцев, англичан, французов, бельгийцев, голландцев и норвежцев — следует отправлять только в пассажирских вагонах или в крытых автомашинах, оборудованных сиденьями, обеспечивая их на путь следования до места назначения питанием по «норме 2» приказа НКО № 312 от 22.9.41 г.[1] с выдачей продаттестата и обязательной заменой негодной одежды и обуви за счёт выделяемого специального фонда.

Репатриируемых советских граждан, за исключением беременных женщин, явных инвалидов и матерей с грудными детьми, следует отправлять на территорию СССР пешими колоннами с гужетранспортными поддержками или, если предоставляется возможность, в товарных вагонах (порожняке), обеспечивая на путь следования

[1] Приложение № 2 к приказу НКО № 312 от 22 сентября 1941 г. — норма суточного довольствия военнослужащих тыловых частей Действующей армии составляет 2954 калорий. Приложение № 4 — норма суточного довольствия караульных частей и тыловых учреждений, не входящих в состав Действующей армии, составляет 2718 калорий.

в обоих случаях питанием по «норме 4» указанного выше приказа, с заменой при необходимости крупы и овощей концентратами, а детям младшего возраста (до 5 лет) – молочными продуктами, белым хлебом, манной крупой и рисом.

Вторично строжайше предупреждаю: ни в коем случае не направлять репатриантов назначением непосредственно в Москву, Киев и Ленинград, куда въезд указанным лицам Правительством СССР запрещен.

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА МАЛИНИНА

15.06.45 г.

Военный Совет и Органы Прокуратуры ГСОВГ располагают материалами о нарушениях Постановления Правительства по содержанию в советских фильтрационных лагерях и порядке репатриации как советских, так и иностранных граждан, в некоторых случаях граничащие с прямыми преступлениями отдельными лицами, а именно:

1. Незаконное изъятие у репатриантов в лагерях вещей и имущества, воровство личных вещей у них сопровождающими командами в пути следования.

2. Безответственное отношение комендантов лагерей к материальному обеспечению и бытовому устройству репатриируемых советских граждан с момента приёма от союзников и до их отправки на Родину.

3. Отправка репатриантов, не прошедших проверки фильтрационных комиссий НКВД и не имеющих удостоверений.

4. Неполное обеспечение отправляемых репатриантов продовольствием на весь путь следования, в результате чего на этой почве были смертные случаи.

5. Разгрузка начальниками эшелонов и автоколонн репатриантов вне пунктов назначения, чем создаются дополнительные трудности в доставке репатриируемых на Родину.

Отмеченные нарушения свидетельствуют о недостаточном руководстве низовыми отделами репатриации армий и отсутствии должного порядка в лагерях и приёмно-передаточных пунктах.

Вследствие этих причин Прокуратурой СССР издан приказ об организации прокурорского надзора за точным исполнением

Постановления Правительства о репатриации советских граждан и привлечении к ответственности должностных лиц, допускающих незаконные действия.

Главнокомандующий Группой Советских Оккупационных Войск в Германии

ПРИКАЗАЛ:

1. Навести должный порядок в лагерях, приёмно-передаточных пунктах и комендатурах в деле организации, приёма, размещения, материального обеспечения репатриируемых советских граждан на всех этапах репатриации.

2. Упорядочить организацию перевозки репатриируемых по железной дороге и автотранспортом, строго охраняя интересы советских граждан как вновь обретших все права гражданства СССР в трудовой и политической жизни страны.

3. Пересмотреть состав обслуживающего состава лагерей, начальников эшелонов и команд сопровождения. Красноармейцев, сержантов, офицеров, замеченных в воровстве вещей репатриантов, пьянстве, попрошайничестве, немедленно и безжалостно отстранять от исполнения обязанностей, заменяя их людьми безупречного поведения, по возможности комсомольцами.

4. Комендантам лагерей лично тщательно инструктировать начальников эшелонов и весь состав сопровождения перед отправкой.

5. О всех случаях нарушений поведения в лагерях, в пути следования и доставке репатриируемых к месту назначения производить строжайшее расследование, привлекая виновных к строгой ответственности.

50. ПФЛ № 207

Через три дня тоскливого пребывания в офицерском резерве корпуса с одолевавшими меня невесёлыми мыслями о своей судьбе я был откомандирован в пересыльно-фильтрационный лагерь № 207 с предписанием, как было указано, «целевого использования» в группе капитана Малышева.

Пересыльно-фильтрационный транзитный лагерь находился в полутора километрах от города и был размещён, судя по постройкам, на территории когда-то бывшей немецкой воинской части, а затем использовался немцами для содержания военнопленных.

Въезд на территорию лагеря через главные ворота — квадратную арку между двух одноэтажных бараков метров тридцать длиной — был украшен двумя приветливыми надписями, похожими на те, которые имелись в довоенных черноморских домах отдыха: при въезде — «Добро пожаловать!», при выезде — «Счастливого пути!»

На территории несколько двухэтажных кирпичных казарм и десятки одноэтажных построек: унылые ряды серых бараков, каждый метров пятьдесят длиной, без окон, в центре — плац, лагерная поверочная площадка.

В каждом углу территории, огороженной высоким трёхметровым забором с двойной колючей проволокой по его верху, сторожевая башня.

За оградой, рядом с лагерем, огромное братское кладбище с тысячами замученных немцами людей.

Оформив документы в учётной части у майора Гаврилова, я внимательно осмотрел предстоящее место службы.

Бараки все были пронумерованы, как узнал я вскоре, первые четыре предназначались для бывших советских военнопленных, в том числе отдельно офицерский, затем бараки для освобождённых из концлагерей (для особенно физически истощённых и надломленных), для женщин и детей, два барака для иностранных граждан (мужской и женский), два карантинных блока, лазарет.

За бараками по периметру вдоль забора два санпропускника (мужской и женский), баня, прачечная, две дезкамеры, продуктовый, хозяйственно-материальный и дровяной склады, водокачка, пищеблок.

В этот день прибыл очередной эшелон. Партия военнопленных и репатриантов доставлена в лагерь с железнодорожной станции и выстроена на плацу. Дежурный по лагерю офицер старший лейтенант Зайцев вместе с помощником сержантом принимают прибывших по спискам, рота караула бегло, выборочно просматривает вещи, у мужчин вытряхивают содержимое «сидоров», изымают ножи, бритвы и режущие предметы.

От людской массы несёт пóтом, тяжёлым запахом давно немытого тела, нестираной одежды, разложения и гнили.

Прежде чем попасть в свои бараки, прибывших партиями пропускают через санпропускник, проводят дезобработку вещей, явно больных и немощных сразу отправляют в карантинные блоки или лазарет.

После обеда в политчасти полковник Бутенко провёл совещание с вновь прибывшими, как и я, офицерами. Он говорил о высокой ответственности, которую возложило на нас государство в возвращении советских людей на родину, потребовал чёткого исполнения своих обязанностей, внимательного и чуткого отношения к людям для восстановления их в человеческих и гражданских правах. Учитывая отсутствие у большинства документов, придётся устанавливать личности, выяснять, каким образом они попали в Германию, особенно подчеркнул, что репатриация предоставляет значительные возможности для проникновения в нашу страну шпионско-диверсионной агентуры и потребовал максимальной бдительности и ответственности в выявлении среди репатриантов подозрительных лиц.

Затем каждый из офицеров ознакомился с инструкцией по исполнению обязанностей дежурного по лагерю: строго следить за выполнением репатриантами распорядка дня, не менее трёх раз в сутки посещать бараки, выявленные недостатки устранять немедленно через администрацию, при отправлении на прогулку и возвращении в бараки производить тщательную проверку, в случае обнаружения самовольной отлучки репатриантов немедленно докладывать коменданту или его заместителю с указанием фамилии, при получении сведений о месте нахождения самовольно ушедших немедленно организовать их привод на территорию лагеря; по прибытии иностранных миссий встречать таковых вежливо, тщательно проверять у них документы, дающие право на посещение лагеря,

и немедленно докладывать о прибытии коменданту, а в его отсутствие – заместителям; в ночное время не менее одного раза проверять караул, контролировать работу пищеблока, ещё там были перечислены меры по ликвидации пожара, выявлению в бараке острой инфекции и т.д.

Каждый расписался, что ознакомлен с инструкцией.

Полковник ещё раз напомнил, что особенности работы будут доведены каждому непосредственным начальником его подразделения.

С Мишутой Зайцевым я встретился после ужина, оказывается, он уже неделю в лагере и возглавляет одну из караульных рот. Он сообщил, что я ещё встречу здесь нескольких знакомых мне офицеров, а через час из дивизии на мотоцикле приехали Володька с Кокой.

– Василий, ты опять в обойме, – приветствовал меня Кока. – Это полковник Фролов лично включил тебя в список офицеров к Астапычу. Ну и жизнь у тебя будет, просто малина. Столько баб вокруг, и все молодые! Надо и мне проситься сюда кого-нибудь зашифровать.

– Компот, дружище, – Володька обнял меня, – мне тебя так не хватало.

От несвойственного Володьке проявления чувств – он считал, что «телячьи нежности» присущи только губошлёпам и мечтателям, а не закалённым в боях офицерам – и искренней радости от встречи с друзьями у меня защипало в носу и горле, и вновь жизнь показалась прекрасной.

...Необходимый мне отдел размещался в кирпичном здании, на фасаде которого крупными буквами была броская вывеска:

РЕГИСТРАЦИЯ
советских граждан
и отправка на родину
ЗДЕСЬ
Добро пожаловать!

Капитан Малышев, старший следователь контрразведки дивизии, ещё несколько дней тому назад принимал активное участие в коллективном допросе меня и Елагина в штабе дивизии и был свидетелем моего унижения и позора. И вот по закону подлости я определён к нему в «личное распоряжение».

С тяжёлым чувством я переступил порог кабинета и доложил:

– Товарищ капитан, старший лейтенант Федотов...

— Проходи, Федотов, — прервал меня капитан, — не топчись у порога и приступай к выполнению обязанностей. Специфику работы уяснишь и ознакомишься в процессе. Главное, надо быстро разобраться в каждом человеке и ситуации, в которой он оказался в Германии. На стажировку тебе — два дня! Сегодня у нас женский день.

В большом предбаннике пять-шесть женщин заполняли опросные листы в присутствии сержанта, следившего, чтобы свои ответы они между собой не обсуждали, хотя, я полагаю, что они знали все вопросы, содержавшиеся в этих анкетах, и уже заранее подготовили на них ответы. Затем с заполненными анкетами по одной заходили в кабинет для беседы с капитаном.

Столько молодых красивых женщин, собранных в одном месте, я больше никогда в жизни не видел. Это были женщины, которые, судя по всему, в период оккупации сожительствовали с немецкими солдатами и офицерами, при отступлении были вывезены ими в Германию, а затем, в конце войны или после капитуляции, были ими брошены. В своё время они бежали от Родины в Германию, а Россия пришла в Европу, деться им было некуда, и теперь приходилось возвращаться в СССР.

Женщины-репатриантки охотно рассказывали, как якобы вредили немцам: сыпали песок в моторы, отвинчивали и выбрасывали какие-то детали и гайки (послушаешь, так перед тобой прямо патриотки родины и диверсантки, выполнявшие в тылу врага спецзадания), или как просидели всю войну в плену, или как работали в малых колониях у бауэров, или как трудились до изнеможении на ремонте дорог в Померании или на карьерах, таская по шестнадцать часов тяжёлые тачки с песком и гравием, и тому подобное, честно говоря, я не верил ни одному их слову. В тот первый день стажировки я запомнил нескольких.

Одной из первых вошла очаровательная шатенка. Сколько ей было? Двадцать пять, может, двадцать семь лет. Быстрым лёгким движением она оправляет волосы и садится перед Малышевым на стул, расставив ноги и задрав юбку так, что становятся видны намного выше колен её крепкие, загорелые, необычайно соблазнительные ноги.

— Извините, товарищ капитан, — обворожительно улыбаясь, говорит она и прекрасными, большими, сияющими, тёмно-серыми глазами показывает на меня. — Молодой человек не мог бы на пару минут выйти? Мне надо сообщить вам кое-что важное. Наедине!

При этом, как бы невзначай, она ещё выше задирает юбку к животу так, что становятся видны краешки отороченных кружевами коротких голубых трусиков, туго охватывающих ноги.

Как только она произносит «наедине», я с готовностью поднимаюсь, но капитан останавливает меня:

– Сядь!.. Я не имею ни права, ни желания уединяться с вами, – подняв голову от опросной анкеты, сухо, твёрдо говорит он шатенке. – Это такой же офицер, как и я, и секретов от него у нас быть не может. У вас замечательные ноги, выйдете отсюда и демонстрируйте их на здоровье. А здесь потрудитесь сидеть, как положено.

– А как положено? – как ни в чём ни бывало, продолжая улыбаться, интересуется она.

– Юбку опустите! – покраснев и повысив голос, приказывает Малышев. – Вы не на любовное свидание пришли. Не на случку, понимаете?

Она опускает юбку, лицо у неё делается недовольным, обиженным и даже злым. Когда она выходит, капитан наставляет и строго предупреждает меня:

– Федотов, тебе доверяется ответственная, особой государственной важности работа. Такие особы, – он кивком показывает на дверь, – будут у тебя появляться каждый день. Для всех них ты здесь – представитель советской власти и обязан держаться с наивысшим достоинством. Со всеми ты должен быть официально-предупредителен и вежлив, но не более. На дверях у тебя будет табличка: «Старший лейтенант Федотов». Это чтобы они знали, кто с ними разговаривал и на кого, в случае чего, если захотят, могут жаловаться. Даже имени твоего они знать не должны.

Затем он объясняет суть и смысл предстоящей мне работы:

– Просматривая опросные листы, необходимо подчеркнуть чернилами всё, что не соответствует действительности или вызывает сомнения, а на полях против этих строк поставить вопросительные знаки. Сделать это надо незаметно для репатриантки, лучше всего после её ухода. Эти анкеты отправятся по местам их жительства, – сообщает мне капитан. – Там, по приезде, они ещё раз заполнят анкеты, и при сравнении тех документов с этими у многих выявятся разночтения, расхождения и противоречия. Наши подчёркивания и вопросительные знаки сразу ориентируют, на что в первую очередь обратить внимание. Запомни, заруби себе на носу, что, если вступишь в связь хотя бы с одной репатри-

анткой или просто завяжешь знакомство — даже без физической близости! — это будет расценено как должностное военное преступление: статья сто пятьдесят четвертая Уголовного кодекса «Принуждение женщины к половому сожительству лицом, в отношении которого женщина является зависимой». Это намного серьёзней, чем переспать с немкой. Это — до пяти лет реального лишения свободы. Ясно?

— Понял, — подтверждаю я, хотя не могу сообразить, какое же тут принуждение, когда она сама юбку на пупок откидывает; меня больше занимает другое, и я говорю Малышеву: — Товарищ капитан, вы сказали о немке, но ведь никакой немки у меня тогда не было. Честное комсомольское!

— А я и не говорил, что была. Это Торопецкий с Дышельманом предположили. И для перестраховки загнали в проект приказа. А командир корпуса подписал. Но была немка или её не было — в данном случае ничего не меняло.

Ещё в этот день мне запомнилась молодая украинка: красивая жгучая брюнетка, высокая, хорошо одетая, стройная женщина с царственной осанкой. Перед уходом, с милой улыбкой и уже откровенно кокетничая, она говорит Малышеву:

— Товарищ капитан... У меня направление в Анапу, а мне хотелось бы переписать его на Винницу.

— Почему же? — удивляется Малышев и заглядывает в её анкету. — Вы же жили в Анапе... Отличный городок! Море, фрукты, песочек... Курорт!

— В Анапе у меня никого нет, — объясняет она. — Мама умерла, брат погиб... И дом наш разрушен — мне там просто жить негде. А в Виннице родная сестра с семьёй и две тётки: у сестры трёхкомнатная квартира, у тётушек, у каждой, свои домики с садами.

— Это уже доводы, — соглашается Малышев. — К сожалению, я не уполномочен и не вправе изменить вам направление. У меня и бланков таких нет, — объясняет он, разводя руками. — Это могут сделать только комендант лагеря, его заместитель или начальник учётного отдела... Вот вы два с половиной года работали скотницей у бауэра Лео Букса. Правильно я называю его имя и фамилию?

— Да.

— Здесь, в лагере, есть ещё кто-нибудь, кто работал у него вместе с вами? Хотя бы короткий период?

— Нет.

— А что конкретно вы у него делали?

— «Остарбайтерин»[1] — восточная рабочая... Кормила свиней... навоз за ними убирала... комбикорм сгружала... брюкву, — припоминая, медленно перечисляет женщина. — Дрова колола... скотный двор чистила... это ужасно...

— А чем навоз убирали?

— Лопатой... вилами...

— И по сколько часов он заставлял вас работать?

Очевидно, подсчитывая, она на несколько секунд задумывается.

— По четырнадцать-пятнадцать...

— А как он с вами обращался?

— Ужасно!

— Бил?

— Ещё как!.. Чем попало, — она всхлипывает и, вытащив шёлковый платочек, прикладывает его к глазам.

— Вы не расстраивайтесь, — успокаивает Малышев. — Всё это теперь позади, вы едете домой. А кормили вас как?

— Ужасно!.. Как свиней... на одной брюкве... Это я за последний месяц поправилась, — наклонив голову, она оглядывает свою фигуру и продолжает, — если бы вы увидели меня весной... вы бы меня теперь не узнали. Это было ужасно! — Она снова жалобно всхлипывает и прикладывает платочек к глазам. — Кожа и кости...

— Не расстраивайтесь, — повторяет капитан. — Вы левша?

— Нет, почему?

— Я только спрашиваю, — мягко поясняет капитан. — Я не гадалка, не предсказатель, но мне хотелось бы, если, конечно, не возражаете, — подчёркивает он, — взглянуть на жизненные линии вашей правой руки.

Она охотно поднимается со стула, легко подходит и с улыбкой кладёт на стол перед ним руку, и он внимательно рассматривает поверхность её ладони.

— Ну, что там? — кокетливо спрашивает она.

— У вас впереди долгая-долгая жизнь, — произносит как бы с облегчением он.

В последующие полтора-два часа ещё у нескольких женщин он рассматривает ладони, и оказывается, что у каждой из них «впере-

[1] Остарбайтеры (Ostarbeiter) — рабочие с Востока, мужчины и женщины из СССР, мобилизованные и вывезенные на работы, главным образом в Германию. Они носили на груди матерчатый голубой четырёхугольник с белыми буквами «OST».

ди долгая жизнь», и при этом каждой он с нежностью поглаживает ладони пальцем, и в лице у него всякий раз я замечаю какое-то странное, удоволенное, даже чувственное выражение. Женщинам всё это явно нравится, от их расстроенности и слёз не оставалось и следа, а мне становится всё более неловко: офицер советской контрразведки при исполнении служебных обязанностей проявляет какую-то непонятную нежность и ласку к репатрианткам, годами бывших у немцев, и делается всё это бесстыдно, в моём присутствии, и было в этих нежностях, гаданиях с поглаживанием или ласках что-то противоестественное, неприятное.

После очередного поглаживания, когда женщина выходит, я, чтобы скрыть неловкость, рассматриваю свою ладонь и спрашиваю его:

— Товарищ капитан, а как... по какой линии вы определяете, что у них впереди долгая жизнь?

— Ничего я не определяю, — устало сообщает он, не прекращая подчёркивать отдельные строки в опросной анкете. — Ты обратил внимание, у кого я смотрю ладони?.. У тех, кто работал, как они пишут, на тяжёлых физических работах. Они уверяют, что уродовались как рабы, по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки, орудовали лопатами, топорами, вилами и даже кувалдами. А руки-то у них, как у принцесс! — с неприязнью воскликнул он. — И сами — сытые, холёные, ты же видишь!..

Боже ж ты мой, до чего сложна жизнь! Только теперь я понимаю, зачем он поглаживал, трогал пальцем ладони репатрианток, но почему он обещал каждой долгую жизнь, я сообразить не мог, а спросить постеснялся.

— В постели они работали, — после короткой паузы просвещает меня капитан. — И мозоли у них, если и есть, то совсем в другом месте.

— Немецкие овчарки, — с готовностью и убеждённо подтверждаю я и, чтобы показать свою наблюдательность, добавляю: — И одеты, как принцессы, во всё новенькое, дорогое!

— Как раз одежда ни о чём не говорит, — останавливает меня капитан. — Миллионы немцев бежали из своих домов, из городских квартир, побросав своё имущество, все тряпки. Заходи в квартиру, в другую, в третью — и оденешься, как картинка. Сейчас здесь новое шерстяное платье или туфли можно выменять за буханку хлеба или пачку сигарет. А на территории союзников, откуда они прибыли, тряпки вообще ничего не стоят. Вон американцы некоторым из них

по три-пять чемоданов барахла отгрузили. Одежду надо оценивать очень осторожно и не делать категорических выводов, ты этого не забывай, — наставляет он меня, — и кто из них овчарка, а кто и нет — это ещё годами придётся выяснять.

— А что им будет?

— Большинству из них — ничего! Конечно, те, кто сотрудничал с немцами, кто предавал — в спецлагерь на проверку. А те, кто просто сожительствовал с немецкими офицерами и выехал в Германию, отделаются лёгким испугом...

Затем вошла не женщина — тень: истощённая, землистый цвет кожи, подёргивающееся лицо, запавшие глаза, сквозь тёмные волосы проглядывает седина. Ей всего 19 лет, с виду же — почти старуха. Вот уж у кого не надо было рассматривать линии ладони: вся она была мука и страдание. Расспрашиваю:

— У вас-то, Мария, как жизнь сложилась?

— Когда немцы пришли в Бердичев, мы попервоначалу от них бегали. Однажды в облаву попала. А мне шестнадцать лет. Они таких к себе на работу отправляли. Так я с несколькими девушками оказалась в Германии. Больше я их никогда не видела. Попала к зажиточному бауэру. Меня взяли помогать по хозяйству в доме. Убирала, мыла полы, работала на кухне. А вскоре... хозяин изнасиловал и делал это регулярно на глазах жены... Когда живот стал большим, бауэриха избила меня до полусмерти... ребёнка потеряла, долго болела, еле выжила... Отправили на тяжёлые работы... работать не могла, тогда просто не кормили. Подсобные рабочие относились ко мне плохо... презирали...

Всё это она рассказывала монотонным, безжизненным голосом, в конце своего горестного повествования робко попросила побыстрее отправить её на родину, хотя и не знает, остался ли кто из родных в живых.

Я подумал, вот получит она документы и через несколько дней отправится в Бердичев, но встретится ли с близкими или будет их разыскивать, а может быть, и не найдёт: война разбросала людей, многих унесла безвозвратно. Женщина-тень поднялась со стула и вдруг низко поклонилась, схватила мою руку и попыталась её поцеловать.

Но более всех мне запомнилась кубанская казачка из станицы Усть-Лабинской, не молоденькая, лет тридцати, высокая, красивая, статная, с гордо поставленной головой и прекрасными тёмными волосами, заметно полноватая в талии, отчего я был вынужден

у неё уточнить, и, глядя прямо мне в лицо, она сразу призналась, что беременна.

— А кто отец ребёнка? — спросил я: в случае беременности следовало указывать отца в опросном листе.

— Немец. Немецкий офицер, — покраснев, но не отведя взгляда и не дрогнув, ответила она.

— Вы выехали в Германию вместе с ним?

— Да. Он был моим мужем...

Она запомнилась мне своим прямодушием, откровенностью и достоинством. Тогда как большинство женщин-репатрианток, с которыми в те дни мне приходилось беседовать, старались приукрасить свои биографии, сочинить выгодные им версии, о чём-то умолчать или просто солгать, она же всё без утайки написала в опросном листе и рассказала всё, как было: будто на исповеди или как больная врачу.

Как вместе с мужем, обер-лейтенантом, комендантом нескольких населённых пунктов на Кубани, она по доброй воле выехала сначала в Крым, потом в Румынию, оттуда — в Венгрию, а затем, в сорок пятом году, и в Австрию, где муж, став к тому времени уже майором, командовал пехотным полком.

И как, когда она забеременела, он, выпросив трёхсуточный отпуск, в начале марта сам привёз её к своим родителям в Дюссельдорф в небольшом крытом грузовичке, набитом продуктами и её одеждой.

И как, спустя месяц, получив извещение, что он убит, его родители на другой же день выгнали её из дома в том, что на ней было надето, без еды, без вещей, отобрав все драгоценности и уничтожив у неё на глазах свидетельство о регистрации её брака с их сыном, свидетельство, дававшее ей в Германии на законных основаниях положение вдовы старшего офицера немецкой армии, и, более того, пригрозили, что если она немедля не уберётся из Дюссельдорфа, они сдадут её в полицию: сын погиб, и с ней, русской, они не хотели иметь ничего общего, как не хотели знать о её беременности и, тем более, иметь ничего общего и с её будущим ребёнком, хотя и приходящимся им внуком, однако в любом случае — расово неполноценным.

И как она почти два месяца скиталась по городам, деревням и хуторам Западной Германии, добывая пропитание случайной подёнкой у бауэров, дававших ей за двенадцатичасовой рабочий день миску солёной похлёбки из брюквы и ломтик эрзац-хлеба из

древесной муки и заставлявших её ночевать в холодном хлеву рядом со скотиной.

И как, когда она, изъяснявшаяся по-немецки, чтобы её не унижали так мучительно, сообщала им, что она вдова немецкого офицера, майора, погибшего на подступах к Вене, они смеялись над ней, плевались от возмущения и называли её «abenteurerin» — аферисткой.

И как в конце мая, на шоссе под Ганновером, трое пьяных американских солдат — один белый и двое негров, — остановив «виллис», схватили её и прямо в придорожном кювете поочерёдно изнасиловали, избивая, чтобы она не сопротивлялась и не кричала, и при этом заразили гонореей.

О том, что она больна, я знал из её карточки первичного лагерного учёта, где наверху, на видном месте был выведен красным карандашом диагноз и содержалось указание: «Подлежит лечению и венкарантину». Но обо всём остальном и, прежде всего, о несомненной измене Отечеству, зачем она написала в опросном листе и зачем мне, ничего не скрывая, рассказывала?..

Она могла сочинить, как это сделали бы многие из репантрианток, что была вывезена в Германию принудительно, а не выехала добровольно, что забеременела если не от русского, то от какого-нибудь иностранца, быть может, антифашиста, подпольщика, убитого немцами; она могла придумать любую легенду, но она написала в опросном листе и рассказывала всё, как есть, как на духу: при большом, внушённом мне недоверии к репатрианткам и к тому, что они писали, я поверил каждому её слову.

Запомнилось мне и такое, весьма существенное обстоятельство: её родной брат, лётчик-истребитель, и её родная сестра, санинструктор бригады морской пехоты, погибли в первый год войны ещё до прихода немцев на Кубань; пятидесятилетний отец тоже был призван в армию, воевал рядовым, повозочным, и в бою под Ростовом или Таганрогом потерял ногу.

Когда, весьма удивленный её откровениями, я не удержался и спросил, не жалеет ли она, что всё так сложилось и у неё теперь столь затруднительное положение, она без колебаний ответила:

— Нет. Это судьба... Он боготворил меня. Кроме матери, ко мне никто так не относился. Да русские мужики так не умеют и на такое не способны... Это были два года сказки... Я никого и никогда так не любила, и это не повторится. Всё было правильно! — убеждённо сказала она. — Вы меня можете презирать, но если бы он не погиб,

я бы не возвращалась. Россия — моя родина, но я поняла и сама убедилась, что по сравнению с Германией... с Европой — это дикая, нищая страна...

Я смотрел на неё, как на сумасшедшую, а она, достав из кармашка носовой платок, поднесла его к лицу: в уголках её тёмных, красивых глаз стояли слёзы.

Я был потрясён и не только тем, что она сказала о России. Всего месяц, как кончилась война, в которой погиб мой отец, а сам я не раз был ранен и контужен, погибли многие мои товарищи, погибли миллионы советских людей. И вот передо мной сидела русская женщина, кубанская казачка, и без каких-либо угрызений совести рассказывала, что предпочла России Германию и жизнь с врагом — немецким офицером, захватчиком и оккупантом, который воевал с её соотечественниками и убивал их, за что, как она, не без скрытой гордости, мне сообщила, был награждён двумя Железными крестами и несколькими медалями.

С таким, или даже подобным, откровением за три недели моих бесед с репатриантками — а при проверке заполнения опросных листов мне довелось разговаривать не менее, чем с тысячей женщин, — я больше ни разу не сталкивался.

51. ЗАПРОСЫ НА РЕПАТРИАНТОВ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ШТ из ШТАБА 71 А *Подана 16.06.45 г.* *20 ч. 10 м.*

Комендантам лагерей №№ 207, 210, 226

В отдел репатриации поступили запросы от граждан по розыску своих родственников, которые по их сведениям находятся в Германии и подлежат репатриации.

Срочно проверьте по спискам и сообщите в отдел репатриации армии, не находятся ли у Вас в лагере следующие советские граждане:

Семья генерала ГШКА: мать Вавилова Акулина Мироновна, 65 лет, сестра Бурак Евгения Андреевна, 35 лет, и с ней дети – Мария, 14 лет, и Катя, 6 лет.

Сын гр-ки Густовой Е.К. – Густов Борис Павлович, 13 лет.

ЗАПРОС ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА
г. ОСТРУВ ПОДПОЛКОВНИКА СИМОНОВА

17.06.45 г.

Коменданту лагеря № 207

Прошу сообщить, когда будут высланы бойцы, которых обещал направить Ваш представитель старший лейтенант Федотов за одной репатрианткой Дёмкиной. Она не может ходить, на ней практиковались немцы, и она сейчас находится в доме престарелых в г. Острув вместе с немцами.

Сама она родом из Одессы, имеет там семью. Муж был у неё партизаном, а двое детей остались в Одессе с её матерью. Письмо Дёмкиной прилагаю.

«Началнику лагеря непатриантов
Продводителю Комисии[1]

[1] Орфография и пунктуация документа сохранены.

Простите если обращаюс к Вам лично с моей прозбой но я не имею другого выхода. А дело в том я нижеподписаная гражданка СССР постояная жителница гор. Одесси перевезена в Германию в 1944 г. после того когда надо мной были сделаны опиты в одеском лазарети. Для немецких врачей я была кроликом. Теперь ноги мои недействуют и я не могу самостоятелно ходить.

Я нахожус в доми для немецких старцев они уже вышли из ума. Болше руских здес нет я лежу без любой помощи. Даже еду у меня отнимает соседняя старуха. Хотя я говорила здешним военым с прозбой отправить меня к Вам в лагер но ничего не сделали.

Двое мои дети остались в Одесси у моей матери и я желаю скорей вернутся к ним. Как я уже заметила коменданту я жена руского партизана Дёмкина Алексея Петровича повешеного немцами Меня 31 год и перевезена в Германию насилно после опита. Прошу уважить мою прозбу и забрать меня в лагер и в СССР.

Дёмкина Эмиля Багданавна
подлежащая в СССР

Мой адрес
Город Острув
ул. Партизанская 8
Немецкий дом старцев»

ДОНЕСЕНИЕ ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ
КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207

Начальнику отдела по репатриации при ВС 71 армии

На ваш запрос сообщаю, что никто из указанных членов семьи генерала ГШКА по учётным данным в лагерь не поступал.

Разыскиваемый гр-кой Густовой Е.К. её сын, подросток Густов Борис Павлович, 1932 г. рожд., урож. г. Кингисеппа, Ленинградской обл., действительно находится в детском отделении лагеря № 207, используется посыльным при штабе и непосредственными начальниками характеризуется только положительно.

Вызванный комендантом лагеря полковником Быченковым на беседу, Борис Густов в моём присутствии заявил, что с матерью он не намерен не только жить, но и встречаться, и даже писать ей не будет, так как считает её виновной в том, что он оказался в Германии.

Он сказал: «Отец был на военных сборах, мать во время школьных каникул оставила меня с бабушкой в Кингисеппе, а сама уехала в город Тихвин под предлогом навестить свою сестру, мою тётю.

Но помимо сестры у неё там был мужчина, с которым она изменяла отцу. Когда началась бомбёжка, мать имела возможность вернуться в Кингисепп, чтобы забрать нас с бабушкой и эвакуировать, но ни я, ни бабушка, ни отец ей оказались не нужны».

Об этом ему перед смертью сообщила бабушка, с которой он был в Германии, хотя он упрекает и бабушку в том, что оказался вывезенным в Германию, якобы можно было успеть эвакуироваться, а она прозевала.

Он сказал: «Мать, бросив нас, уехала и осталась чистой, а мы с бабушкой попали под оккупацию, а потом нас немцы вывезли, и мне теперь до самой смерти не отмыться. Мать нас предала».

Когда он это говорил, он рыдал слезами ребёнка и был в таком состоянии, что мы не решились сообщить ему о смерти его отца, капитана Густова, которого он мечтает разыскать (именно по его письму, адресованному в Кингисеппский горисполком с просьбой сообщить адрес воинской части отца, гр-ка Густова узнала, что сын её находится в нашем лагере).

Он понимает, что, как вывезенный немцами в Германию, не может быть зачислен в Суворовское училище, о котором мечтает, и потому согласился определить себя на учёбу в ремесленное училище.

Комендантом лагеря полковником Быченковым принято решение направить подростка Густова в один из лагерей для репатриируемых на территории Белоруссии с указанием в документах «для устройства в ремесленное училище или определения как сироты в детский дом».

Расписка Густова Б.П. о его категорическом отказе вернуться к матери прилагается.

Полковник Бутенко

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Сов. секретно

ШТ из ШТАБА ГСОВГ *Подана 22.06.45 г.* *20 ч. 30 м.*

Коменданту лагеря № 207
Нач. ОКР «Смерш»

Прошу тщательно проверить по всем учётным документам, не находится ли в Вашем лагере молодая немецкая женщина, ориентировочно лет

25–28? Её могли передать в числе репатриантов американцы или она могла поступить в лагерь другим путём.

Если таковая имеется или предполагается, немедленно сообщить в Управление контрразведки для передачи в Инстанцию.

ПИСЬМО ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПО РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БЕЛОВА

Коменданту лагеря № 207
полковнику Быченкову

На имя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника тов. Голикова поступило письмо от профессора, члена-корреспондента Академии Наук СССР, дважды лауреата Сталинской премии Сергеева В.Ф., в котором он указывает, что его жена Сергеева Зоя Платоновна, 1909 г. рожд., урож. г. Симферополя, оказавшаяся в 1941 г. на оккупированной немцами территории и затем вывезенная в Германию, в настоящее время, как явствует из её письма матери, находится в Вашем лагере и работает в качестве пианистки.

В своём письме Сергеев В.Ф. высказывает убеждение, что его жена по каким-то неизвестным ему причинам незаконно задерживается органами репатриации в Германии, и требует её немедленного возвращения в семью, в противном случае он намеревается обратиться к товарищу Сталину И.В., который знает его лично.

Если гр-ка Сергеева ещё не отправлена в СССР, пригласите её на беседу, сообщите о письме мужа и порекомендуйте написать ему о своём скором возвращении и о том, что никто этому не препятствует.

Одновременно примите меры к немедленной отправке З.П.Сергеевой в Можайский проверочно-фильтрационный лагерь для дальнейшего её направления в Москву к месту жительства мужа. По сообщению профессора Сергеева вопрос о прописке его жены в г. Москве будет решён НКВД СССР в индивидуальном порядке.

Изыщите возможность немедленной отправки З.П.Сергеевой в СССР из Берлина в пассажирском вагоне[1] с выдачей ей на путь следования в порядке исключения пяти сутодач продуктов по «норме 2» и выпиской ей, если сочтёте необходимым, женских

[1] Подчеркнуто в документе.

носильных вещей и обуви за счёт имеющегося у Вас специального фонда.

Учитывая, что дело взято на контроль Управлением Уполномоченного СНК СССР, во избежание возможных недоразумений целесообразно перед убытием из лагеря З.П.Сергеевой получить собственноручно написанный ею документ, в котором она бы указала, что никто её возвращению не препятствовал, что всё было хорошо и, следовательно, никаких претензий к органам репатриации у неё не было и нет.

Исполнение донесите немедленно обстоятельным подробным сообщением.

ДОНЕСЕНИЕ

Генерал-майору Белову
Лично

Согласно Вашего письма и приказания сообщаю, что в лагере № 207 действительно находится и работает в качестве пианистки клуба репатриантка Сергеева Зоя Платоновна, 1909 г. рожд., урож. г. Симферополя, русская, б/п, образование — Московская консерватория, с 1941 г. находилась на оккупированной немцами территории, в 1941 г. якобы насильственно была вывезена в Германию.

Вызванная мною для беседы, З.П.Сергеева подтвердила, что действительно с 1933 года состояла в браке с известным изобретателем оборонной техники профессором Сергеевым Владимиром Фёдоровичем, но что брак этот в настоящее время является только юридическим, так как, находясь в Германии, она встретилась с советским военнопленным, ныне репатриантом, Куценко Михаилом, они полюбили друг друга, намерены создать новую семью и, как только З.П.Сергеева оформит развод со своим мужем профессором Сергеевым В.Ф., её отношения с Куценко Михаилом будут оформлены законным порядком.

Репатриант Куценко Михаил Назарович, 1923 г. рожд., урож. села Бышев, Макаровского р-на, Киевской обл., перед войной проживал в г. Харькове, украинец, образование 5 классов, бывший член ВЛКСМ, в июле 1942 г., будучи сержантом отдельной роты связи 381-й стр. дивизии, попал в плен к немцам. В лагере используется как ведущий солист-танцор в концертной самодеятельности, исполняет «степ», то есть чечётку, самого высокого класса. Их

совместные с Сергеевой номера, где она выступает аккомпаниатором — «Цыганочка», «Ритмический вальс», «Тип-Топ», «Бобик» и «Негрочечётка», — пользуются особым успехом у репатриантов и, как правило, исполняются на «бис».

З.П.Сергеева и М.Н.Куценко прибыли в лагерь вместе 2 июня с.г. из американской зоны, регистрацию прошли 8 июня, задерживаются сверх положенного в пределах лимитного срока на специалистов.

Во время беседы никакие доводы на гр-ку Сергееву надлежащего впечатления не произвели, она осталась непреклонной в своём намерении создать семью с М.Н.Куценко, а к профессору тов. Сергееву не возвращаться.

Когда я напомнил ей главенствующее положение, что семья — основная ячейка советского общества и потому должна сохраняться любой ценой, она разнервничалась и ответила грубостью.

Моё замечание, что в её возвращении к профессору заинтересовано Управление Уполномоченного по делам репатриации при СНК СССР, а, следовательно, и советское государство, было оставлено ею без внимания.

Когда же я, и дальше пытаясь на неё воздействовать и убеждать, заметил, что Куценко моложе её на 14 лет, он не имеет даже семилетнего образования, и к тому же был в плену у немцев, что советского человека ничуть не украшает, а её законный муж профессор Сергеев — выдающийся учёный, академик, награждённый двумя Сталинскими премиями. Не смущает ли её все это? Она вышла из себя, возбудилась, перешла на оскорбления и, в частности, заявила: «Не ваш чемодан, кому хочу, тому и дам!», после чего разговор был прекращён.

Считаю, что после почти четырёх лет нахождения на оккупированной немцами территории и пребывания в Германии гр-ка Сергеева в результате воздействия враждебной пропаганды стала совсем не той женщиной, какой её знал профессор Сергеев и она недостойна возвращения в столицу нашей Родину г. Москву.

В своём совместном заявлении, написанном в тот же день на моё имя, З.П.Сергеева и М.Н.Куценко ещё раз подтвердили, что их объединяет не только любовь и семейные отношения, но и артистическая деятельность, общие номера и выступления на сцене, и заявили, что при убытии из лагеря они поедут только вместе и только на Украину или в Крым (в Киев, Симферополь или Николаев).

Одновременно З.П.Сергеева обратилась с письмом к генерал-полковнику тов. Голикову (копия прилагается), в котором она ка-

тегорически отказывается от продолжения брака с профессором Сергеевым и, мотивируя своё решение, прямо указывает, что, будучи старше её на 21 год, он ещё перед войной страдал ампутацией[1] и не устраивал её как мужчина.

Хотя убытие ведущего солиста, чечёточника-виртуоза Михаила Куценко и аккомпанирующей ему З.П.Сергеевой из лагеря нанесёт большой ущерб концертной самодеятельности, считаю целесообразным, во избежание неприятностей, отправить З.П.Сергееву и М.Н.Куценко на территорию СССР в один из лагерей для репатриируемых на Украине, чтобы профессор тов. Сергеев мог туда приехать и лично убедиться в отказе его жены З.П.Сергеевой вернуться к нему и сохранить семью.

Комендант лагеря № 207
полковник Быченков

ЗАПРОС НАЧАЛЬНИКА ПОГРАНИЧНОГО ПФП

Коменданту лагеря № 207

Во время спецпроверки эшелона, следующего в Германию, патрулём 86-го погранотряда задержана без документов, удостоверяющих личность, гражданка, которая назвалась Боссе Лина, 1916 г. рожд., немка, гражданка Германии, проживавшая до 1932 года в Поволжье и свободно говорящая по-русски.

При опросе в проверочно-фильтрационном пункте г. Бреста задержанная показала, что до июня с.г. она проживала в Германии в районе г. Темплин. Там она познакомилась и более месяца сожительствовала с советским военнослужащим капитаном Шмаковым Андреем Николаевичем и между ними якобы возникли любовь и серьёзные намерения.

В середине мая с.г. Шмаков сообщил ей, что его должны вскоре демобилизовать и отправить в Советский Союз, и предложил ей выехать туда же, в город Серпухов, к его матери, где они будут впоследствии совместно жить. С предложением Шмакова она согласилась.

Зная, что её через границу не пропустят, Шмаков направил её в лагерь репатриантов № 207, снабдив фиктивной форменной справкой и предупредив, чтобы отныне она называлась Рыбаковой Галиной Ивановной, 1919 г. рожд., русской, гражданкой СССР, уро-

[1] Так в тексте. Несомненная описка, судя по смыслу — импотенция.

женкой г. Серпухова, жительницей г. Киева, где Лина Боссе в детстве действительно жила у бабушки и откуда в 1942 году, согласно предложенной Шмаковым легенде, была насильственно вывезена немцами в Германию.

Так она и сделала. Причём Шмаковым, кроме справки, ей было передано рекомендательное письмо на имя его матери Шмаковой Анны Тимофеевны, проживавшей в г. Серпухове, а также 1800 рублей советских денег, два золотых кольца, серьги с бриллиантами, четыре отреза шерстяной материи, женские носильные вещи.

После недолгого пребывания в лагере № 207, она в первых числах июня с.г. в составе эшелона репатриируемых советских граждан была направлена в СССР и приехала в г. Серпухов, где оказалось, что мать Шмакова 30 мая с.г. скоропостижно умерла, сама же Л.Боссе определиться к реальной жизни на советской территории не смогла и 23 июня с.г. прибыла в г. Брест для изыскания способа возвратиться в Германию.

Прошу проверить и срочно сообщить, действительно ли во вверенном Вам лагере содержалась гр-ка Рыбакова Галина Ивановна, когда, каким путём она попала в лагерь, по чьему направлению или по каким документам она была принята и где находится проверочно-фильтрационное дело Рыбаковой Г.И.

Если в учётном отделе лагеря осталась фотография Рыбаковой, прошу выслать таковую вместе с ответом.

Кроме того, при попытке нелегально перейти Государственную границу из СССР в Польшу задержаны без документов, удостоверяющих личности, трое подростков, из них один немец.

В мае с.г. из Советского Союза был репатриирован в Германию немец Предель Ганс. После некоторого пребывания на территории Германии он познакомился с двумя русскими подростками, с которыми договорился о возвращении в СССР. С этой целью все трое явились в советскую комендатуру г. Потсдама и заявили, что они русские, назвав себя: Сент Антон Николаевич, 1933 г. рожд., урож. дер. Бардово, Роздельнянского р-на, Одесской обл., русский, гражданин СССР, образование 5 классов; Шлёпа Владимир Петрович, 1932 г. рожд., урож. г. Витебска, русский, гражданин Белорусской ССР, образование 5 классов и Предель под фамилией Куликов Иван Николаевич, 1932 г. рожд.

Из комендатуры г. Потсдама они были направлены в детприёмник лагеря № 207 для репатриации на Родину, откуда 15 июня в числе 18 подростков поступили в детский дом в Калининградской

области. Пробыв неделю в детском доме, они сбежали и решили обратно вернуться в Германию.

Прошу проверить и сообщить, действительно ли Сент и Шлёпа находились в лагере № 207 и при каких обстоятельствах попали в лагерь.

Срочно проверьте и донесите, под какой фамилией был направлен Предель в Калининградскую область и находился ли он в Вашем лагере.

ЗАПРОС ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207

Начальнику отдела по делам репатриации при ВС 71 армии

Сообщаю данные проверки на репатриантов-иностранцев лагеря № 207, которые выразили горячее желание репатриироваться в СССР:

1. Белото Рене, 1921 г. рожд., француз, аэродромный рабочий, арестовывался немецкой полицией. Семья проживает во Франции, но он заявил, что хочет выехать в Одессу, где якобы проживает его тётя.

2. Мобиль Роберт, 1918 г. рожд., бельгиец, парикмахер, подозрительно попал в плен, настаивает на репатриации в Ульяновск, куда отбыла его девушка из репатрианток.

3. Губник Вилько Моисеевич, французский еврей, родился в Бессарабии. В 1936 г. выехал во Францию, а с 1940 г. проживал в СССР. Находился в концлагере в свободном режиме, знаком с офицером СС Шульцем и комендантом лагеря.

4. Геуце Анджело, 1920 г. рожд., итальянец, урож. г. Милана. Работал шофёром, обслуживал итальянского консула, знает лично весь состав консульства, даже Маскетти. В анкете указал пункт репатриации г. Одесса.

Оснований для их задержания нет, но все подозрительно настаивают на репатриации в Советский Союз под разными вымышленными предлогами.

Прошу сообщить, оставлять ли их в лагере репатриантов или перевести в лагерь НКВД для спецпроверки?

Полковник Бутенко

ДОНЕСЕНИЕ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ № 207
ПОЛКОВНИКА БЫЧЕНКОВА

Начальнику пограничных войск МВД
Белорусского округа

На Ваш запрос № ... сообщаю, что Нарейкас Антонас Густавович, 1919 г. рожд., уроженец и житель Литовской ССР, г. Вилковишкис, гражданин Советского Союза, находился в Германии с июля 1943 г. в г. Брауншвайг в качестве рабочего фабрики.

В лагерь № 207 прибыл 16.6 с.г. в порядке репатриации из английской зоны оккупации и 27.6 с.г. на общих основаниях был направлен с эшелоном № 50412 в г. Гродно Белорусской ССР в лагерь № 312 для дальнейшего направления по его прежнему месту жительства.

О жизни и деятельности репатрианта Нарейкаса А.Г. в американской или английской зоне оккупации сообщить ничего не могу, так как материалы высланы проверочно-фильтрационной комиссией в УМВД Литовской ССР.

ЗАПРОС

Начальнику отдела по делам репатриации при ВС 71 армии

С армейского сборно-пересыльного пункта в лагерь для последующей репатриации прибыла семья в количестве 5 человек: мать Горадзе С.И., 1892 г. рожд., и четыре сына в возрасте от 16 до 21 года, по национальности грузины.

В 1919 г. семья Горадзе эмигрировала в Польшу, где проживала до 1924 г., затем переехала во Францию и там жила до 1944 г., откуда была вывезена в Германию.

Советского гражданства никто из них не имеет, русским языком владеют плохо, но в Грузии проживает много родственников.

В фильтрационной справке, выданной сборно-пересыльным пунктом, указано «ПФП гор. Брест».

Прошу Ваших указаний, куда направить данную семью?

При этом представляю на Ваше разрешение заявление семьи русских немцев Апель-Брустовой, принявшей немецкое подданство в 1943 г., по вопросу отсрочки их репатриации в СССР.

Приложение: по тексту на 8 листах.

Комендант ПФЛ № 207
полковник Быченков

РАЗЪЯСНЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС 71 АРМИИ ПОДПОЛКОВНИКА САВИНА

Комендантам лагерей для репатриантов
Начальникам сборно-пересыльных пунктов

Ещё раз напоминаю, что в обязанности отделов репатриации входит репатриация в Советский Союз только граждан, имеющих советское подданство.

Репатриация иностранцев, не имеющих советского гражданства, осуществляется только по их государственной принадлежности через консульства, дипмиссии и Инюрколлегии этих стран.

Направлять их для проверки в лагеря НКВД нельзя.

Русские немцы подлежат репатриации на спецпоселение. Отправлять их только через проверочно-фильтрационные пункты НКВД – станции Хыров и Ковель.

52. ОПРОСЫ РЕПАТРИАНТОВ И ДОЗНАНИЯ

Технический состав отдела капитана Малышева работал день и ночь, почти не отдыхая, и всё же не успевал пропускать через фильтрацию репатриантов и не укладывался для этого в отведённые сроки. Для занимавшихся опросами это была большая и кропотливая работа, которой хватило бы на десятки офицеров, а нас было всего трое. Вначале каждого надо было опросить и составить обстоятельную справку, в процессе бесед с репатриантами отметить в заполненных ими анкетах несоответствия и сомнения в достоверности сообщаемых биографических сведений, противоречия в ответах и датах и в конце на анкете карандашом отметить: «В учётный отдел. Оформить фильтрационную справку» или «Нуждается в проверке».

Работа казалась бесконечной. Затруднений в установлении личности не возникало только в тех случаях, когда у репатриантов имелись документы или когда достоверность их показаний мог подтвердить ещё кто-нибудь из соотечественников, с кем находился в лагере или отбывал рабство, чаще всего это были перемещённые немцами лица, мужчины в возрасте за 50 лет, угнанные в Германию на разные работы.

В этот день все десять сообщали одно и тоже: работал у бауэров... на строительстве и ремонте дорог... на химзаводе... в угольных карьерах.

Среди них запомнился мне маленький, сморщенный хромой старик, лет шестидесяти, малограмотный белорусский пастух.

Когда он вошёл, я пригласил его к столу и удивлённо спросил:

— Дед, расскажите, вы-то как оказались в Германии?

Он присел на кончик стула, согнув правую ногу и вытянув вперёд укороченную и несгибаемую в колене левую, снял с головы картузик, пригладил рукой слипшиеся от пота волосы, положил на колени тяжёлые узловатые руки с обломанными чёрными ногтями и, не поднимая головы, монотонным голосом с выраженным белорусским акцентом сказал:

— Дык обнакновено... Немчура попервости кады прийшла разарила калхоз, а он у нас был дюже багатый... Я хромоножка с детства, у калхозе був пастухом... Кады начали действовать партызаны немцы дяревню спалили... жанчин и дзятей парешили... маладых парней постреляли... мужиков постарее кудай-то увязли, а меня уместе со скатом пагнали пеше в Германию...

Там определили в лагер... Вскорости туды прыехали помещыки по ихнему гросбауэры набирать у свои хозяйства людзей на работы. Усех пастроили на плацу, а они хадзили удоль рядов, щупали мускулы, запускали, как лошадям, в рот пальцы, шоб поглядзеть, нет ли цынги, аль другой заразы, заставили спустить портки, раздвинуть ляжки и зачем-то сматрели задницы... Работал у поле... на ферме... загатавливал корма... копал бурты... хадзил за каровками... эта мне прывычно... Хрицы энти хоч и не военые усе нелюди... Для них мы были что вошь, хуже сабаки, наче как руской свинёй не звали... Кормили отбросами... гнилью... очистками... брюквой, нещадно били, запросто так по морде до крови... Кали замечали, што кто-никто украдкой подъедал свиное пойло или не ндравился твой погляд, не давали ниякой жратвы и вады на тры дни або сажали в загон к галодным свиням, те визжали и нападали на нещасного, гатовыя отожрать у него усё, что укусит, пряма каки-то свини-хфашисты... У этаго бауэра попервости работали боле трыдцати чалавек, а осталося у живых всяго шесть: сгноил, умарыл голодом, растерзал сабаками... Николи этаго не забуду... Остався живым, но душа смертвилася... Спрашиваете, чаму не указав сваяго жителства? А нет яго у меня... Нет дяревни, нет семьи и жизня уж кончилася, — и добавил с невыразимой болью, — из-пад Гомеля я... туды и пишите... можа каго и знайду...

Для оформления фильтрационной справки перемещённым лицам достаточно, как правило, было опроса: деду и остальным таким же работягам не придётся долго кантоваться в лагере и первым эшелоном они будут отправлены на родину.

Опросные листы на перемещённых и освобождённых из лагерей гражданских лиц с пометкой «Нуждается в проверке» затем отправляли к дознавателям, которые проводили более детальный опрос, выясняли: каким образом попал в Германию? был ли в лагере или только использовался на работах и каких? был ли в немецких лагерях и каких? с кем общался в лагере? знает ли тех, кто сотрудничал с немцами?

Дознаватели вели следственные дела. Помимо того, что в процессе углублённого опроса они вычисляли подозреваемых лиц, к ним

потоком поступали от самих репатриантов доносы о предателях и сообщения о сотрудничестве с немцами. Предстояло выяснить, имелось ли это на самом деле или было стремлением доносившего таким образом расплатиться за старые обиды или, что было чаще, оговорив другого, самому попытаться обелиться. По окончании следствия дознаватели или выдавали фильтрационную справку и отправляли на родину с припиской прохождения дополнительной проверки по месту прибытия или передавали оперативникам в отдел контрразведки для спецпроверки.

Капитан Малышев во время опроса перемещённых и освобождённых из лагерей гражданских лиц или ведения следствия, задавая вопросы репатриантам, никогда не повышал голоса, обращался к ним на «вы», бывал даже любезен, но не без уксуса, в чём я убедился во время опроса женщин-репатрианток, не выказывал раздражения, когда они хитрили или явно врали, не угрожал репрессиями.

И в этот раз он был сама выдержка и спокойствие.

Он сидел в своём кабинете за столом и бегло просматривал документы. Мельком взглянув на вошедшего, который был в этот день сороковым, предложил ему сесть.

— Фамилия, имя, отчество?

— Волович Степан Иосифович.

— Год рождения?

— С девятьсот четырнадцатого.

— Где вы жили и чем занимались до войны?

— Я уже всё рассказывал, посмотрите в моей анкете, там всё это есть.

— Расскажите ещё раз.

— Я жил в Витебской области... в Белоруссии... под Полоцком... Может, слыхали место такое — Оболь? Сирота... Здесь окончил 6 классов... Потом — колхоз...

— Где вы проживали в период оккупации и чем занимались?

Волович глухо кашлянул, лицо стало сосредоточенным.

— Где я проживал в оккупации, — переспросил он, — да там же, в Оболи.

Лицо его передёрнула непроизвольная нервная судорога, и он с видимым трудом продолжил:

— В войну немцы разорили наш колхоз... Деревню сожгли... Мне и брату пришлось податься на торфоразработки. Там я поработал до осени сорок третьего. Несчастье тогда случилось...

Волович попросил разрешения закурить и, затянувшись, исподлобья посмотрел на капитана. Малышев пододвинул к себе бутылоч-

ку с чернилами, заправил ручку и стал что-то писать. Вдруг его рука задержалась на полуслове: не то усомнился в чём-то, не то... Он поднял на Воловича слегка прищуренные уставшие глаза и спросил:

– С кем несчастье, с вами?

– Нет, с братом Александром... Его немцы расстреляли у меня на глазах за связь с партизанами... схватили и меня... избивали и через неделю отправили в лагерь в Минске... оттуда в Германию, в лагерь Нойгама... Работал на строительстве дорог.

– Так, так, – капитан постучал пальцем по столу, думая о чём-то своем, – скажите, среди тех, кто был с вами в лагере, есть ещё кто-нибудь?

– Муратов... Кузьмичёв, – не задумываясь, быстро назвал Волович, – вместе горевали... Всё хотели перебежать к своим, да не подвернулся случай. А потом немцы насильно мобилизовали нас в армию.

Малышев ещё раз напомнил, что рассказать о себе всю правду в его интересах, и спросил:

– Вы служили в немецкой армии?

– Да, с сорок четвертого...

– Кем?

– Солдатом, ездовым...

– Участвовали в боях с Красной Армией?

– Нет.

– А в карательных частях вы служили?

– Нет.

– А Муратов и Кузьмичёв?

– Они оба служили в одном батальоне 146-го пехотного полка, и я с ними не встречался.

– Ранения имеете?

Вместо ответа Волович протянул левую руку, на которой не хватало трёх пальцев. На столе громко зазвонил телефон, капитан привычным движением снял трубку.

– Капитан Малышев слушает...

Раздался громкий голос подполковника Полозова:

– Прибыл новый эшелон с репатриантами. Срочно зайдите ко мне!

Капитан опустил трубку на рычаг, задумчиво потёр лоб, и сказал, обращаясь к Воловичу:

– Вы свободны. Если потребуетесь, я вас вызову.

Когда за Воловичем закрылась дверь, капитан поднялся со стула, подошёл к окну, отдёрнул занавеску: уже наступила ночь.

Задумавшись, он недолго постоял у окна, затем потянулся, сбросив с себя усталость и нервное напряжение всего дня, и негромко произнёс:

– Как хочется поверить им, поверить в то, что они и в плену оставались честными советскими гражданами. Но чем больше они говорят о горе и страданиях, которые они перенесли, тем меньше к ним веры. И этому не верю. Ты видел, как дрожали его руки и передёргивалось лицо, как нервно он затягивался, а тяжёлый безнадёжный взгляд... всё это свидетельствует, что если и найдутся его сослуживцы, то они вряд ли подтвердят его благостно-жалостное изложение своих мытарств. И этого он боится больше всего!

А назавтра Малышев беседовал с Муратовым, а потом и с Кузьмичёвым. Сами они из-под Двинска, оказались с Воловичем в одном лагере, откуда и были мобилизованы в немецкую армию. А что им было делать, признавались они, если за отказ служить расстреливали на месте, но только Волович служил не обозным, а в карательных частях: у него были перед немцами определённые заслуги, как говорили, он был полицаем в Оболи и поэтому в лагере пробыл недолго.

Я спросил у Малышева:

– Что заставило Воловича пойти на службу к немцам?

– Думаю, что он не выдержал тогда побоев и, конечно, страх смерти: понимал, что его, как и брата, в любой момент могут расстрелять. А потом надеялся, что со временем всё в памяти людей, если таковые вообще сохранились, сотрётся, забудется... Понимая всю глубину своего падения, он не нашёл в себе мужества признаться в этом, убеждённый, что ни Муратов, ни Кузьмичёв его не выдадут, ведь и они служили в немецкой армии, в общем, одного с ним поля ягоды...

ДОКЛАДНАЯ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА

Коменданту лагеря № 207

В Военной Комендатуре г. Острув находится Камарьянский Иосиф Григорьевич, родился в 1902 г. в Тернопольской области. Был вывезен немцами в 1942 г. из г. Ровно, где работал ветеринарным врачом, в г. Острув. Чем занимался, неизвестно. Камарьянский сначала заявлял, что он поляк, а потом было установлено, что он украинец.

Когда приезжал представитель лагеря старший лейтенант Федотов, он беседовал с Камарьянским и дал ему 10 дней сроку, чтобы он добровольно приехал в лагерь.

По настоящий момент Камарьянский не выезжает, поэтому направляю его в лагерь с сопровождающим лицом для проведения проверки и последующей репатриации.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОКР «СМЕРШ» 425 СД

Военному Совету 71 армии

Отдел контрразведки «Смерш» информирует о фактах нарушения отдельными командирами частей приказов командующего и Военного Совета 1-го Белорусского фронта от 30.4.45 г., запрещающих приём на службу в воинские части случайных лиц и непроверенных в лагерях репатрианток.

В результате проверки из числа этой категории разоблачены и арестованы агенты, завербованные противником и активно с немцами сотрудничавшие:

Столярова Валентина Петровна, 1923 г. рожд., урож. г. Пушкинские горы, Псковской обл., русская, образование среднее, бывший член ВЛКСМ, проживала на территории, оккупированной немцами, в 1943 г. добровольно уехала с немецким офицером в Германию.

В июне 1945 г. репатриантка Столярова, сожительствуя с нач. отдела боеприпасов гв. капитаном Макаровым, по его просьбе и с разрешения нач. артснабжения гв. полковника Фадеева была зачислена, не пройдя предварительной обязательной проверки органами НКВД, машинисткой в отделение кадров.

Задержанная для выяснения личности, Столярова на допросе показала, что, проживая на оккупированной немцами территории по месту рождения, работала в немецкой комендатуре в должности переводчицы, там же была завербована немцами и как агент гестапо работала по борьбе с партизанским движением.

Ковзлау Степанида Ивановна, 1922 г. рожд., урож. г. Минска, белоруска, образование среднее, по профессии — медицинская сестра.

В конце мая 1945 г. при транспортировке репатриантов со станции Ной-Фридеберг на сборно-пересыльный пункт Ковзлау самовольно забрал в личное пользование командир роты охраны капитан Чернышов и привёз в воинскую часть.

Сожительствуя с капитаном Чернышовым, Ковзлау завела обширный круг связей среди военнослужащих, в июне с.г. была оформлена вольнонаёмной санитаркой в медчасть.

Как установлено следствием, Ковзлау до 1938 г. проживала в г. Минске, а затем изменила Родине — перешла госграницу к своей сестре в Польшу, которая там проживала и имела с мужем крупное помещичье хозяйство.

По показаниям военнопленного, бывшего узника концлагеря Штутгофф, Ковзлау работала в концлагере в лазарете и активно помогала эсэсовкам в заборе крови у военнопленных.

Чтобы избежать проверки, Ковзлау пыталась скрыться, в чём ей помогал капитан Чернышов, предоставив для этого веломашину.

Столярова и Ковзлау арестованы и направлены в спецлагерь НКВД для проверки.

Матусевич Мария Иосифовна, 1921 г. рожд., урож. г. Сморгонь, белоруска, образование среднее, по профессии учительница, с 1943 г. в Германии.

В мае с.г. начальник армейских сборов подполковник Гонцов взял её из лагеря репатриантов без проверки и самовольно зачислил на должность переводчицы, хотя штатом таковая не предусматривалась.

Сожительствуя с «переводчицей», Гонцов питался вместе с ней, содержал за счёт продпайка личного состава, пьянствовал, она убирала в его комнате и стирала ему бельё.

Как установило следствие, Матусевич, находясь в немецком лагере, работала на немцев в качестве переводчицы, предавала русских пленных и угнанных в немецкое рабство.

Поняв, что ей придётся отвечать за свои прошлые дела и боясь отправки в спецлагерь, Матусевич покончила жизнь самоубийством через повешение.

На армейский зерновой склад в июне с.г. командованием были приняты на работу как вольнонаёмные 8 девушек.

В процессе их проверки было установлено, что все эти девушки в составе большой группы других были переданы нам союзниками в порядке репатриации и находились при лагере на ст. Фюрстенберг, откуда попали в одну из частей, затем 4 раза переходили из части в часть, скрываясь от фильтрации. Отделом контрразведки «Смерш» ведётся следствие.

Изучение контингента, самовольно зачисленного в воинские части без предварительного прохождения фильтрации и проверки их органами НКВД в лагерях для репатриантов, свидетельству-

ют, что таким образом изменники Родины — немецкие пособники и завербованные агенты — надеются скрыть своё тёмное прошлое и изъяны в биографии и вернуться «чистенькими» и «пострадавшими от немцев» в Советский Союз.

Подполковник Полозов

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СКРЫННИКА

Нач. отделов репатриаций при ВС армий
Копия: Начальникам лагерей и сборно-пересыльных пунктов

Несмотря на распоряжение о недопущении отправки из лагерей и сборно-пересыльных пунктов репатриантов без справок органов НКВД или «Смерш», продолжают иметь место случаи, когда репатрианты направляются в пределы СССР без указанных документов.

Так, в Херсонскую, Николаевскую, Запорожскую и Одесскую области прибыли группы немецкой национальности, ранее проживавшие на территории СССР, которые должны быть направлены в приграничные проверочно-регистрационные пункты НКВД.

Всё это ведёт к дополнительным перевозкам по железной дороге и неоправданным расходам продовольственных ресурсов.

Кроме того, не исключена возможность проникновения в глубь страны шпионов и диверсантов.

Ещё раз напоминаю о необходимости строгого выполнения ранее отданных распоряжений, не допускать ни одного случая отправки репатриантов без справок НКВД или «Смерш».

Начальникам лагерей ЛИЧНО, не передоверяя начальникам учётных отделов, перед выдачей списков старшему офицеру отправляемого эшелона сверять их со справками, выданными органами НКВД и «Смерш».

53. ВЕРМАХТ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Плен не является ни местью, ни наказанием, но лишь мерой предосторожности с единственной целью – воспрепятствовать дальнейшее участие военнопленных в военных действиях. ...Жестокое обращение с военнопленными является тягчайшим военным преступлением.
Женевская конвенция 1929 года о режиме военнопленных, подписанная 49 государствами, в том числе и Германией.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ 1941–42 ГГ.

Из Указа Гитлера
«О военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом» от 13.05.1941 г.

...В войне против России надо отказаться от прежнего понимания солдатского товарищества. Коммунист для нас не солдат ни до, ни после боя. Взятых в плен — солдатами не считать.

...Наряду с политкомиссарами, главными носителями враждебной нам идеологии, надлежит уничтожать сотрудников ГПУ и советскую интеллигенцию.

Ликвидация их не может быть делом военных судов. Армия сама должна действовать организованно и методично.

...Офицерский корпус должен не просто уяснить приказ, но и безоговорочно его выполнять, преодолев свою личную щепетильность и принеся определённые жертвы.

...За действия против гражданских лиц, совершённые военнослужащими вермахта и вольнонаёмными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением.

Приложение №1 к директиве ОКВ об обращении с советскими военнопленными от 08.07.1941 г.

Большевизм — смертельный враг национал-социалистической Германии.

Директива в виде памятки-приложения по обращению с советскими военнопленными исходит из определения фюрера, что военную службу в Советах надо рассматривать не как выполнение ими солдатского долга, а характеризовать как преступление вследствие

совершения русскими убийств. Тем самым отрицается действие норм военного права в борьбе против большевизма.

Впервые в этой войне перед германским солдатом находится враг, обученный не только в военном, но и в политическом смысле. Русские в своей борьбе используют все средства: партизанская борьба, саботаж, бандитизм, убийства, подрывная пропаганда.

Советский солдат, даже попавший в плен, как бы безобидно он не выглядел, будет пользоваться малейшей возможностью, чтобы выместить свою ненависть, поэтому большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с истинным честным солдатом по Женевскому соглашению. Применение оружия против советских военнопленных является законным и освобождает от любого раскаяния.

Командам охраны даются указания:

...Беспощадно применять оружие при малейших проявлениях протеста и неповиновения с их стороны.

...В военнопленных, совершивших побег или его подготавливающих, стрелять без предупреждения.

...Предотвращать любое общение военнопленных с гражданским населением и в случае необходимости применять оружие, в том числе против гражданского населения.

...В отношении советских военнопленных, даже из дисциплинарных соображений, следует весьма решительно применять оружие.

Из приказа генерал-квартирмейстера ОКХ Вагнера об отношении к раненым советским военнопленным от 24.07.1941 г.

Немецкий солдат — хозяин на поле сражения. Раненый советский солдат является обременительным балластом, немецкой армии некогда возиться с ранеными, тем более оказывать им какую-либо медицинскую помощь.

С целью оградить тыл от наводнения ранеными русскими военнопленными и при затруднениях, возникающих при их пленении, для продвижения немецких войск вводится дифференцированный подход к их транспортировке и содержанию.

Легкораненых транспортабельных пленных с перспективой выздоровления в течение 4-х недель следует отправлять в лагеря на пункты ОКВ пешком или, если это проводится без ущерба для снабжения армий, в железнодорожных составах: летом — в наглухо закрытых вагонах, зимой — на открытых платформах.

Остальных помещать в лазареты при дулагах и шталагах[1]. Для лечения и ухода за ними использовать только русский персонал, если таковой там окажется. Немецкий медперсонал не может осквернять себя лечением недочеловеков, бандитов и преступников.

Тяжелораненых – бесперспективных или потерявших одну или обе конечности – в плен не брать, оставлять на поле боя или, исходя из военной необходимости и гуманных соображений, уничтожать на месте или переводить в СД для ликвидации.

В лагерях для советских военнопленных запрещено обеспечивать раненых одеждой, нательным и постельным бельём.

Рацион питания устанавливается из расчёта 300–700 калорий. Кормить и лечить физически истощённых военнопленных, от которых Германия не получит никакой пользы и труд которых она никак не сможет использовать, уничтожать, используя для этого персонал лагерей, путём расстрела или инъекции.

Советские военнопленные, больные туберкулёзом, сифилисом и другими инфекционными заболеваниями, могущими представить серьёзную опасность для здорового немецкого населения, подлежат немедленному уничтожению.

Из отчёта начальника полиции безопасности СД (июль-август 1941 г.)

Всё больше ширится поддержка местного населения при ликвидации у них большевистского режима. Постоянно поступают сообщения о выступлении партизан.

Посланная в Слоним команда во взаимодействии с полицией провела крупную акцию против евреев и коммунистов, в результате которой было арестовано свыше 2000 человек, в тот же день 1075 из них были ликвидированы.

...Зондеркоманда-4 в Белостоке расстреляла 740 человек, из них 3 политработника, 1 саботажника, 137 евреев, 599 душевнобольных.

...Зондеркоманда-5 расстреляла 15 политработников, 21 саботажника, 10650 евреев и 414 заложников.

...Общее число расстрелянных оперкомандами на 9.9.1941 г. составило 57243.

[1] Дулаг, шталаг – соответственно пересыльный и стационарный лагерь для военнопленных.

**Из Директивы ОКВ
от 20.07.1942 г.**

...Ввиду того, что советские военнопленные при побегах снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, каждый советский военнопленный подлежит обязательному клеймению путём нанесения ляписом клейма на внутреннюю поверхность левого предплечья.

**Из особого приказа начальника полиции
и безопасности рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера
от 31.07.1942 г.**

...Враг использует в борьбе против Германии фанатичных, по-коммунистически вышколенных борцов, которые не страшатся никакого насилия. По психологическим соображениям впредь запрещено использовать слово «партизан». Для нас они не бойцы и солдаты, а бандиты и уголовные преступники.

Фюрер считает, если война против этих банд будет вестись недостаточно жестокими методами, то в обозримом будущем имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными для сдерживания и искоренения этой чумы.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения. Проявление любого вида мягкотелости к ним будет рассматриваться как преступление по отношению к германскому народу и солдату на фронте.

За каждого убитого немецкого солдата должны применяться массовые карательные меры – сожжение домов и целых населённых пунктов, расстрел 50–100 заложников, в том числе женщин и детей.

**Из докладной записки рейхсминистра по делам
оккупированных восточных областей О. Бройтигама**

...К 11 июля 1941 г., через три недели после начала войны, у нас насчитывалось 360 тысяч русских военнопленных, к середине декабря их было почти 3,2 миллиона.

Та масса военнопленных, которая была захвачена после первых двух крупных сражений войсками группы армий «Центр» (под Белостоком и Минском, начало июля 1941 г. – 323 тысячи человек; под Смоленском–Рославлем, начало августа – 348 тысяч), не создали особых организационных трудностей, как и более 600 тысяч, взятых под Вязьмой–Брянском.

Эти солдаты, оказывая фанатичное сопротивление, отошли в леса и болота, оставшись без продовольствия, питались корой и корнями деревьев, были в таком состоянии, что их положение военнопленных разрешилось естественным образом: чем больше их погибало, тем лучше было для нас.

...Во время конвоирования военнопленных на марше между Вязьмой и Смоленском почти 10 000 окончательно обессилевших пристрелили, оставив трупы на дороге. Попытки гражданского населения оказать им помощь или передать еду жёстко пресекались, при этом расстреливали и военнопленного, и сочувствующего.

...В большинстве организованных концентрационных лагерей бараки отсутствуют, в любую погоду, в дождь и снег, военнопленные остаются под открытым небом, им даже не выдают шанцевый инструмент, чтобы они могли отрыть себе хотя бы ямы или норы.

В Минске 10 июля 1941 г. командованием 4-й армии (генерал-фельдмаршал Клюге) был создан концентрационный лагерь для 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских лиц, то есть почти для всего мужского населения города. Это просто огороженная колючей проволокой территория, где пленные, согнанные в стадо, едва могли пошевелиться, тут же отправляя естественные нужды. Проблема питания в таких обстоятельствах едва ли могла быть решена, и прокормить такую массу было невозможно.

Распоряжением коменданта по делам военнопленных полковника Маршала (группа армии «Центр») рацион военного состоял из 20 гр. пшена и 100 гр. хлеба или 100 гр. пшена без хлеба, для тех, кто ещё мог быть использован на работах – до 50 гр. пшена и 200 гр. хлеба, что составляло от 300 до максимум 700 калорий[1], малоперспективным для выживания просто прекращали выдавать еду.

Комендантами лагерей было категорически запрещено населению снабжать военнопленных продовольствием. От голода люди впадали в животную апатию или ими овладевала мания любым путём добыть что-либо съестное, многие сходили с ума. Охрана лагеря сдерживала голодные бунты, применяя оружие.

За период с ноября 1941 г. по январь 1942 г. включительно в лагерях умерло 500 тысяч человек, в среднем по 6 тысяч ежедневно, от голода, сыпного тифа, ран, холода и карательных мероприятий.

[1] Это ниже половины уровня, абсолютно необходимого для поддержания жизни.

Из доклада руководителя группы по использованию рабочей силы министериальдиректора Мансфельда в Имперской экономической палате

...Уже в первые месяцы успешных боевых действий в нашем распоряжении имелся невиданный по своим масштабам потенциал рабочей силы – 3,2 миллиона русских военнопленных, к 19 февраля 1942 г. в живых осталось только 1,1 миллиона.

По данным командиров лагерей свыше 10% военнопленных прибывают в лагеря мёртвыми и более 25% полумёртвыми. В сентябре 1941 г. в один из лагерей прибыл эшелон из 50 вагонов, который на 50% состоял из трупов, в ноябре при разгрузке эшелона с военнопленными, запертыми в 30 вагонах, из 1500 не было ни одного живого – все умерли в дороге. Такие перевозки трупов экономически преступны.

Число используемых сейчас на работах в Германии русских военнопленных лишь несколько сот тысяч (400), и при таком подходе к такому ценному товару, как рабский труд, едва ли увеличится.

Германская экономика и военная промышленность страдают из-за ошибок в обращении с советскими военнопленными.

Нынешние трудности с нехваткой в Германии рабочей силы не возникли бы, если бы своевременно были приняты разумные решения о более широком целевом использовании русских военнопленных.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 16-Й АРМИИ

О положении населения в оккупированных немцами прифронтовых районах 16 армии и обращении с советскими военнопленными

28.08.41 г.

Немцы, захватывая деревни, прежде всего репрессивными мерами запугивают население. Начинают с расстрелов якобы за помощь Красной Армии. Всех мужчин изолируют и направляют в Германию на работу. Женщин и девушек насилуют, молодых отбирают и увозят в Германию.

Весь скот и продукты отбирают. Населению категорически запрещены заготовка сена, уборка урожая. За нарушения – расстреливают. В деревнях Скачково, Харьково, Мягченки и др. не осталось ни одной коровы, свиньи, даже курицы.

За убийство в деревне хоть одного немецкого солдата расстреливают 10 местных жителей, а деревню сжигают.

В целях дезинформации среди местного населения распространяют слухи об успешных действиях немецких войск: «...мы взяли Ярцевскую группировку русских в кольцо», «...мы выманили русских из ярцевских лесов в сторону Смоленска, а затем ударом авиации и танков уничтожили их на открытой местности», «...мы подожжём ярцевские леса и покончим с партизанами».

Немецкое командование крайне обеспокоено действиями красноармейцев, окружённых в лесах. В приказе 161-й пехотной дивизии говорится: «В районе действия дивизии участились случаи нападения на наши подразделения со стороны красноармейцев, не одетых в форму. Обращаться с ними, как с партизанами — в плен не брать, расстреливать на месте».

Всех лиц, у которых острижены волосы, независимо от того, одеты они в красноармейскую форму или гражданскую одежду, немцы считают военнопленными и посылают в концентрационные лагеря, организованные в 50–100 километрах от линии фронта, ближайшие — в Духовщине и Демидове.

В них содержатся десятки тысяч военнопленных. Офицеров содержат отдельно от солдат. Командиров Красной Армии расстреливают. Солдат, у которых находят немецкие вещи или документы, расстреливают. Питание очень плохое. Ежедневно от ран и истощения умирают от нескольких десятков до сотен советских военнопленных.

Полковник Мальцев

ПОТЕРИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ[1]

Из общего числа — 5 миллионов 737 тысяч 528 советских военнопленных, захваченных немцами с 1941 года, — 3 миллиона 300 тысяч погибли в немецком плену или были уничтожены спецподразделениями СС, что составляло 57,8% от общего числа военнопленных.

Общее число бежавших из плена в 1941–44 гг. около 500 тысяч человек.

На 1 января 1945 г. в германском плену находилось 930 тысяч 287 человек, около миллиона были использованы немцами для «усиления войск на Восточном фронте за счёт добровольцев», около 500 тысяч человек были освобождены советскими войсками.

[1] Кристиан Штрайт «Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах»

54. ЧИСТЫЕ И НЕЧИСТЫЕ...

Камень не человек, а и тот рушится...

Оперативники из контрразведки в первую очередь занимались поиском среди репатриантов лиц, сотрудничавших с немцами, перебежчиков, полицаев, служивших в немецкой армии, «власовцев», завербованных агентов, преступников, участвовавших в карательных отрядах, истязаниях своих соотечественников в концлагерях, таких, как Жирухин.

Он прибыл в лагерь со сборно-пересыльного пункта. Выкрав там в канцелярии фильтрационную справку, заполнил её на чужое имя и по подложному документу спокойно ожидал репатриации. И вот в тот момент, когда эшелон с советскими людьми, спасёнными из фашистской неволи, был готов к отправке в Смоленск и шла погрузка в вагоны, на платформе охрана обратила внимание на то, как Жирухин подавал условные знаки одному из репатриируемых, которые означали одно – не признавай меня! Им оказался бывший заключённый концлагеря, который его неожиданно опознал. Он сообщил, что Жирухин, под фамилией Завадович, был надзирателем в концлагере и ни в чём не уступал немцам в истязании своих соотечественников. При осмотре под рубашкой у Жирухина-Завадовича, под мышкой левой руки была обнаружена характерная татуировка «Blutgruppe B» – группа крови В, – которую ставили только тем, кто служил в эсэсовских частях[1]. В лагере он изображал человека, пострадавшего от немецких пыток, во время которых ему якобы сломали руку и рёбра, и потому постоянно носил широкую повязку с привязанной к туловищу левой рукой.

Советские военнопленные... Володька к бывшим военнопленным, особенно офицерам, относился однозначно. Он был убеждён, что советский офицер должен предпочесть смерть плену, стрелять до последнего патрона, а последнюю пулю оставить для себя. Плен, говорил он, означает капитуляцию, а офицер, попавший или сдав-

[1] После войны эсэсовцы уничтожали эту татуировку, имитируя рубцы после ожога.

шийся в плен, бросил своих солдат, он предал их и, значит, свою Родину, и его надо судить как предателя.

Наставляя меня перед опросом бывших военнопленных, капитан Малышев особенно подчёркивал, что в беседах с ними главное — не запугивать, а разъяснять и убеждать.

Капитан Иван Ефимович Малышев, старший следователь, заместитель начальника контрразведки подполковника Полозова, лет 35–38, всегда аккуратно выбритый, подтянутый, с белоснежным подворотничком и в начищенных до блеска сапогах, выдержанный, работоспособный, с цепким взглядом, отличной памятью. Манерой поведения и культурой обращения он явно подражал своему начальнику. Вне работы был молчалив, как бы застёгнут на все пуговицы, и я о нём ничего не знал, кроме того, что на фронте он с первых дней войны. Меня удивляло, что он до сих пор в звании «капитан», хотя по возрасту и послужному списку мог быть подполковником, в крайнем случае — майором. Я никогда его об этом не спрашивал, да он, даже при хорошем ко мне отношении, вряд ли бы раскрылся, кроме единственного раза, когда рассказал о расстреле офицера перед строем.

— В августе сорок первого судом Военного трибунала за трусость и членовредительство был приговорён к расстрелу молоденький безусый лейтенант, потерявший голову от страха: он прострелил себе левую руку, надеясь таким образом попасть в тыл. Батальон был выстроен буквой «П», в середине открытой, не заслонённой людьми линии, он стоял, уронив руки, в шинели без пояса, с застывшим посеревшим лицом к строю. Комбат отдал приказ: «Снять с него шинель!», затем, подойдя к нему, сорвал знаки различия и красноармейскую звёздочку, перед расстрелом сказал: «Мы напишем о тебе твоим родным. Пусть они узнают, что мы сами тебя уничтожили как труса и предателя».

Зачем, для чего это он мне сейчас рассказывал, я не понял: он знал, что я три года был на передовой в Действующей армии и к трусам и предателям не испытывал никакого сочувствия и понимания.

Затем он продолжил:

— Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года — «Трусов и дезертиров уничтожать!» —военнослужащих, в первую очередь офицеров, проявивших малодушие, страх, трусость, сдавшихся врагу без боя, оставивших им своё оружие и материальную часть, срывавших с себя перед пленением знаки различия, дезертиров, бежавших из-за трусости в тыл,

считали как не выполнивших свой воинский долг, нарушивших присягу и предавших свою Родину, и по закону военного времени они подлежали расстрелу, а их семьи – аресту и лишению государственной помощи и поддержки.

В самые трудные и страшные первые два года войны миллионы военнослужащих, в том числе командующие армиями, корпусами, дивизиями, не говоря о командирах полков и батальонов, из-за сложившейся обстановки оказались в плену, но далеко не всегда это зависело от человека лично или отсутствия у него личного мужества. Побывавших в окружении или плену тогда могли освободить от наказания лишь в тех случаях, если проведённым расследованием Особого отдела было доказано, что они попали в плен, находясь в беспомощном состоянии, и не могли оказать сопротивление, что они были отбиты нашими частями или партизанами, а не отпущены самими немцами, или в составе группы пробились из окружения. Сейчас к бывшим военнопленным относятся более гуманно, – и добавил, – плен есть плен, он во все времена считался позором. У каждого из них своя судьба и своя биография. Некоторые захотят смыть с себя пятно позора, честно рассказав обо всём, признав свою ошибку и добровольно придя с повинной, а степень их вины в дальнейшем определит суд. Другие же решат, что, затаившись, смогут сойти за обыкновенного труса, сообщив якобы достоверные сведения о себе, и таким образом скрыть следы своего предательства, надеясь на то, что мало найдётся людей, которые знают, чем он занимался в лагере. Главное для них – как можно быстрее пройти проверку, получить фильтрационную справку, с которой можно выехать в Советский Союз под видом обычного репатрианта и там затеряться. Вот среди таких и могут быть завербованные немцами агенты и шпионы, подготовленные ими в спецшколах для проведения шпионско-диверсионной работы на территории Советского Союза.

В общем, трудная это работа – сомневаться в человеке и подозревать во всём, разрушительно для психики. Но приходится её делать, и здесь нельзя быть мягкотелым и сострадательным, но нельзя быть и сволочью. Сам поймёшь...

Военнопленные, освобождённые из концлагерей... Они были одинаковы: тени без возраста, худые лица, запавшие тусклые глаза, глядя на них с состраданием, удивлялся, как ещё душа сохранилась в этом скелете. Они поступали в лагерь в оборванной одежде, многие в полосатых лагерных куртках и полосатых штанах, босые или в деревянных колодках... Среди них были те, кто прошёл все ужасы

пребывания в концлагерях: голод, пытки, истязания, унижения, но остались честными, и те, которые, находясь в лагере, в силу разных причин были завербованы и согласились сотрудничать с немцами.

В заполненных собственноручно анкетах бывшие военнопленные в графе «Как попал в плен?» указывали почти одинаково: одни — будучи ранеными во время боёв или при выходе из окружения, другие — тяжело контуженными, и ни один не указал, что добровольно сдался в плен.

И меня после опросов каждый раз мучили сомнения. Несмотря на сочувствие, которое я испытывал к бывшим военнопленным, иногда какое-то недоверие к ним возникало и настораживало меня. Кто вас знает, раздумывал я, кто вы есть такие на самом деле: может, наши, а может, чужие? В душу не заглянешь, поди угадай, что у него там творится? Мир будто бы разделился на две половины: с одной стороны те, кто стрижёт, с другой — те, кого стригут.

Чистые и нечистые...

Передо мной лежали опросные листы некоторых из прошедших сегодня с указанными в них биографиями и сведениями, которые я должен был передать дознавателям:

Гаврюшин Михаил Васильевич, 1918 г. рожд., русский. В РККА с 1939 г., июнь 1941 г. по сентябрь 1942 г. — капитан артиллерист 36-го артполка 138-й дивизии. Октябрь 1942 г. — вышел из окружения в районе г. Фатеж, Курской обл. при оружии с личными документами и партбилетом, в военном обмундировании со знаками различия. С ноября по декабрь 1942 г. проходил спецпроверку в Особом отделе, был восстановлен в звании и направлен командиром в штрафбат до «первой крови». Апрель 1943 г. — тяжёлое ранение, контузия, плен. Находился в лагере для советских военнопленных вначале в Польше, затем в Германии. С февраля 1945 г. использовался немцами на работе по демонтажу оборудования авиазавода. Освобождён 30 апреля 1945 г. американцами и в порядке репатриации передан 6 июня с.г.

Плющенко Владимир Васильевич, 1919 г. рожд., украинец, житель Житомирской обл., из крестьян. В РККА с 1938 г., окончил полковую школу, с июня 1941 г. — служба в полку ВНОС, старший лейтенант. В августе 1941 г. под Уманью раненым попал в плен.

Об отношении немцев к советским военнопленным он показал: «Всех согнали в огромный карьер, была страшная жара, раненые умирали от жажды, а наверху была какая-то сараюшка, где охранники демонстративно умывались и обливались водой на глазах измученных жаждой людей. Затем офицеров отделили, перед строем

расстреляли комиссаров и евреев. Раненых топтали сапогами. Из семи тысяч человек за полгода осталось не более тысячи, из них раненых и доходяг оставили в этом лагере умирать, остальных перевезли в немецкий лагерь в районе гор. Нойштадт, откуда возили на работу в каменоломни». Освобождён англичанами и передан в порядке репатриации 3 июня с.г.

Краснов Михаил Александрович, 35 лет, русский, урож. Сталинградской обл., кадровый офицер. В РККА с 1936 г., капитан, пом. командира полка, попал в плен в 1942 г. под Керчью тяжело раненым и контуженым, находился в лагере в районе Фридрисхаген.

Он рассказал: «Советские военнопленные работали на химзаводе, поднимали на работу в 4 часа утра. Делать всё надо было бегом, кто двигался медленно, того избивали и подвергали нечеловеческим пыткам. Ежедневно весь лагерь выстраивали на поверку, которую проводил сам комендант лагеря. Всех слабых, которые не могли работать, отзывали в сторону, строили отдельной колонной и уводили. Больше они в лагерь не возвращались, их убивали или душили в специальных душегубках... Чтобы никто из больных, отобранных для особой обработки, не сбежал и не затерялся среди других доходяг, под номером заключённого накалывали букву «L» — первую букву немецкого слова «ляйх» — труп. Ожидали смерти, как избавления. Если бы нас не освободили, меня ждала та же участь, которая постигла многих, так как я настолько ослаб, что уже не мог ходить. Охрану лагеря несли молодчики из гитлеровской молодежи, которые оканчивали специальную школу палачей в Потсдаме, где их обучали самым разнообразным методам издевательств и зверств. Среди них были и бывшие наши люди, которые, не выдержав побоев и пыток, шли на сотрудничество, фискалили против своих и даже участвовали в пытках. Троих, наиболее ненавистных из мучителей, военнопленные захватили сами и передали в руки советских частей при освобождении лагеря. Вербовщиками в лагерях были не только немцы, чаще из наших, они, соблазняя умирающих от голода людей дополнительным куском хлеба или котелком супа, говорили, вот видишь, я не умер от нравственных мучений и ноги таскаю, а тебе, если откажешься от сотрудничества и выполнения заданий — или расстрел, или карцер с пытками. Выбирай: или гордо умирай от голода и пыток, или сотрудничай, а там дальше будь что будет. Надо сказать, что у таких было больше возможности выжить и вернуться на родину».

В конце долгой беседы он задал вопрос: «Правда ли, что будто советское правительство с подозрением относится к солдатам, взятым

в плен, и с ещё большим подозрением относится к офицерам, побывавшим в плену, считая их военными преступниками?» Затем, понизив голос, он сообщил, что в бараке и сейчас находятся пособники фашистов, они запугивают репатриантов и ведут среди бывших военнопленных пропаганду о невозвращении на Родину. И передал листовку, которую неизвестные распространили в бараке.

«Дорогие товарищи!

Обращаемся к вам с просьбой, чтобы вы не ходили на этот страшный суд, куда вместе с вами идут миллионы несчастных людей.

Все вы будете замучены в застенках НКВД как враги народа. Половина всех людей, находившихся в Германии, будет расстреляна, остальные погибнут в советских концлагерях. Если вы в это не верите сейчас, то скоро убедитесь сами.

В лагере, куда вас согнали, будут морить голодом и на родине у вас также сейчас страшный голод. Мы сбежали из лагеря, дабы не подвергаться голоду и ужасным пыткам НКВД. Жиды и жидовский прохвост Сталин боятся нас потому, что мы побывали за границей и видели, как богато и культурно живут другие народы, а что мы видели в России?

Призываем всех — не идите сами к жидам НКВД на их проверки. Разбегайтесь кто куда знает. Чем больше нас сбежит, тем палач Сталин будет больше нас бояться со своими жидами, которые хотят уничтожить весь советский народ.

Нас обвиняют в том, почему мы не шли в партизаны, почему работали на фашистов и не организовывали партизанское движение в Германии?

Нас спрашивали: «Вы знали, что своим трудом в Германии помогали вести фашистам войну против России?»

Один жид НКВД заявил нам: «Война окончена без вас, и мы будем жить без вас».

Дабы не попадаться в лапы жидам НКВД, лучше покончить жизнь в Германии.

Да здравствует свобода русского народа!»

Я отправился в отдел контрразведки, чтобы срочно передать листовку, полученную от Краснова. Капитана Малышева на тот момент не оказалось, а следователь Леонов был занят проверяемым. Не решившись его прервать, я решил подождать и присутствовать на следственном допросе.

Леонов вслух читал анкету, заполненную очередным вошедшим.

– Страшнов Иван Николаевич, семнадцатого года рождения, уроженец города Воскресенска, Московской области, из крестьян, – не поднимая от анкеты головы, произнёс, – Садись! – и, минуту помолчав, задал вопрос. – Ну?! Кулак ведь?!

– Из бедняков... родители умерли... с восьми лет жил и воспитывался у тётки.

– Чем занимался до войны?

– Окончил восьмилетку, затем с тридцать шестого по тридцать восьмой годы служил в армии, после армии был сельским учителем под Воскресенском...

– Ладно. Не хочешь о своём прошлом, о происхождении, давай о службе.

– Повторно был призван в Красную Армию по мобилизации 24 июня сорок первого в 245-ю стрелковую дивизию.

– Звание?

– Лейтенант...

Я давно подметил, что военнопленные, сообщая дознавателям о своих бывших воинских званиях, произносили их особо подчёркнуто, как бы с распрямившейся душой от того, что в них признали попранное за годы пребывания в немецком плену человеческое достоинство. Ещё бы! Совсем недавно их называли «крисгефаген» или «хефтлинг», «хунд» или «швайн» – военнопленный или арестант, собака или свинья.

Леонов неотрывно смотрит ему в глаза.

– Ты говоришь «лейтенант»? А откуда это мне известно? Может, ты самозванец?! Вот пройдёшь проверку, тогда и называй себя лейтенантом. Понятно? А теперь давай подробно, как попал в плен?

– Я ведь всё рассказал искренне... В сентябре сорок первого дивизия под Старой Руссой попала в окружение, в декабре оставшиеся разбросанные части пытались небольшими группами выйти из окружения, но никто не знал, где располагались наши...

Леонов вновь открывает папку, разворачивает исписанные листы, внимательно читает, водит пальцем по строчкам, задумывается, потом, вдруг вскинув глаза, резко спрашивает:

– Будем работать или будем изворачиваться, а, Страшнов? Брось! Путаник великий! В анкете ты указываешь, что попал в окружение 8 сентября и вышел из него в октябре, сейчас говоришь, что был в окружении по декабрь сорок первого. Перепутать осень с сильными декабрьскими морозами невозможно. Конечно, с кем выходил из окружения, тоже не помнишь?

— Выходили втроём: я, сержант Сергеев из моего батальона и старшина, фамилию не знаю...

— Я что тебе, идиот? На что надеешься? Чего тянешь, душу выматываешь?! Ты говоришь, воевал, а я, по-твоему, в бабки играл? Ты признавайся, как поднял руки перед немцами. Признавайся?!

— Я всё вам рассказал...

— Врёшь! Врёшь ты всё, Страшнов! Из воды сухим норовишь выйти! Нет, не выйдешь! Нас не обведёшь! Мы тоже не лыком шиты!

Он приподнимается со стула, негодуя, размахивает рукой перед носом Страшнова, тычет пальцем ему в грудь, лицо его становится багровым, кричит:

— Нет, ты нас не проведёшь! Советские органы сильны! За кого ты меня принимаешь?! Я уже десять лет служу в контрразведке! Ты это можешь понять или нет?! Ты, Страшнов, мелко плаваешь, чтоб дурачить меня! Как это ты не помнишь, как поднял руки, сдаваясь в плен?! — Трясущимися руками достаёт папиросу, спички и закуривает.

— Я ведь рассказывал... ничего не помню... был ранен в голову...

— Перестань повторять дурацкое: «Я уже рассказывал». Если надо будет, расскажешь сто раз! Четвёртый час бьюсь с тобой. А ведь у меня ты не один. Я думал, ты умнее... Не хочешь признаться, как сдался в плен, так ответь: ты хоть один побег совершил? Нет?! Что ж ты, мать твою, так и сидел?

— А как же... не один побег, а три... я рассказывал...

— Я не желаю слушать сказки, врёшь ты всё! Да и куда ты мог бежать? Скажи лучше, — он угрожающе понизил голос, — перестанешь врать или хочешь сесть посидеть? После плена, да ещё в своей тюряге годочков пятнадцать? Ну?.. Смотри, я тебя упеку. Тогда уж, если и выйдешь, то только седым.

Страшнов, опустив голову, заплакал. Леонов, успокоившись, уже ровным голосом сказал:

— Иди, Страшнов, и ещё раз серьёзно подумай. Лучше сейчас честно признаться в том, как ты добровольно сдался в плен, как сотрудничал с немцами. Будь уверен, мы всё выясним!

Через неделю Страшнов был отправлен в армейский спецлагерь НКВД, куда ежедневно отправляли десятки подозреваемых. Там, к его счастью, нашлись военнопленные, которые подтвердили, что вместе со Страшновым совершали неудачные побеги из лагерей вначале в Польше, затем в Германии. Лейтенант Страшнов оказался честным человеком, с немцами не сотрудничал, но узнать, исполнилась ли угроза Леонова осудить его за измену Родине и отправить отбывать срок на родине, мне было не дано.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Сов. секретно

ШТ из ШТАБА ГСОВГ *Подана 18.06.45 г.* *10 ч. 22 м.*

Комендантам лагерей №№ 207, 210, 226

Немедленно проверьте и сообщите в отдел контрразведки, не находится ли у вас в лагере польский партизан Доушник Рихард, родившийся в Париже в 1908 году. По имеющимся данным он является агентом английской разведки.

При обнаружении, немедленно задержать. Если Доушник из лагеря убыл, донесите, когда, куда, с какой командой или эшелоном.

ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 71 АРМИИ

Начальнику ОКР «Смерш»
подполковнику Полозову

Присланные Вами материалы допросов на выявленных среди репатриантов лагеря № 207 бывших «власовцев»: Москалюка, Перетягина. Шевчука, Гиндасова, Товстопятова – возвращаю без санкции на их арест.

Согласно Постановлению ГОКО от 4 ноября 1944 г. и СНК СССР от 6 января 1945 г., приказанию командующего 1-м Белорусским фронтом от 7 февраля 1945 г. все служившие в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцы», полицейские и прочие подлежат немедленному направлению через сборно-пересыльные пункты в спецлагеря НКВД.

В соответствии с этим прошу отправить указанных лиц вместе с материалами расследования по назначению.

ДОНЕСЕНИЕ СТАРШЕГО СЛЕДОВАТЕЛЯ
ОКР «СМЕРШ» КАПИТАНА МАЛЫШЕВА

Военному Прокурору 71 армии

Прошу разрешения на продление сроков ведения следствия и содержания под стражей арестованных отделом контрразведки «Смерш» репатриантов лагеря № 207 по подозрению в измене

Родине, злодеяниях, творимых вместе с немцами на временно оккупированной советской территории, и завербованных агентов.

В процессе следствия по возбужденным делам установлено:

Шмунис Михаил Семёнович, 1907 г. рожд., урож. УССР, г. Хорин, проживал в г. Астрахань, гражданин СССР, еврей, бывший член ВКП(б), исключён в 1937 г., образование 7 классов, бывший военнослужащий Красной Армии, правительственных наград не имеет.

В 1942 году, находясь в лагере для военнопленных в г. Седлец (Польша), вошёл в доверие к немецким властям и добровольно поступил на службу к немцам.

Работая переводчиком в лагере, Шмунис вместе с немецкой охраной лагеря всячески поддерживал фашистский режим, систематически издевался над советскими военнопленными, жестоко избивал их за опоздание на построение для отправки на работу и за уклонение от работы на немцев, а военнопленного Бибика раздел догола, поместил в корыто с холодной водой, избил шваброй и резиновой дубинкой. Лично убил Петрова и Селедцова за то, что они из-за истощения не смогли подняться с нар для выхода на работу.

Находясь на службе у немцев, Шмунис скрывал свою национальность от немцев, сменил фамилию Шмунис на Трескунов.

В целях установления личности Шмуниса 23 июня 1945 г. сделан запрос начальнику Астраханского ГО НКВД, в связи с чем продлён на 1 месяц срок ведения следствия и содержания под стражей арестованного Шмуниса М.С.

В Управление Военной Комендатуры г. Темплин в мае с.г. были направлены временно на работу в качестве переводчиков два брата из репатриантов: Луценко Антон Антонович и Луценко Павел Антонович, откуда они 20 июня сбежали.

Не доезжая двух километров до американской зоны оккупации, они были задержаны патрулём военной комендатуры, арестованы и доставлены в лагерь.

Как установлено следствием, цель побега – переход в американскую зону оккупации. В целях подтверждения преступной деятельности и выяснения фактов их добровольной службы в войсках СС на территории Украины и Белоруссии в 1943–1944 гг. и участия в карательных действиях, сроки нахождения под стражей и ведения следствия продлены на 2 месяца.

Гогелис Антанас, 1918 г. рожд., урож. дер. Обона, Шимонской волости, Паневежского уезда, и Жельнис Владас, 1911 г. рожд.,

урож. дер. Вилканы, Паневежского уезда, Литовской ССР. Оба при немцах служили в полиции, попали в Германию с отступающими немецкими частями.

На следствии оба показали, что окончили диверсионную школу, дислоцированную в имении Вальден под Бромбергом, начальником школы был капитан немецкой армии Лауэрт.

Они получили задание репатриироваться на родину, там связаться с действующими бандами националистов для проведения террористической деятельности.

Для подтверждения их участия в карательных акциях на территории Литвы и Белоруссии направлены запросы в УНКВД Литовской и Белорусской ССР. Сроки нахождения под стражей и ведения следствия продлены на 2 месяца.

Прачкин Фёдор Саввович, 1922 г. рожд., урож. г. Витебска, русский, образование 9 классов, отец в 1937 г. осуждён по ст. 58–10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. 28 апреля 1945 г., как бывший военнопленный, освобождённый Красной Армией, был зачислен в музвзвод. В мае с.г. в Управлении корпуса ему была выдана красноармейская книжка, в которой отражено, что Прачкин с 1941 по 1945 гг. непрерывно служил в Красной Армии, тогда как он в Отечественной войне участвовал только 10 дней, о чём при заполнении красноармейской книжки якобы предупреждал заполняющего (красноармейская книжка прилагается).

Проведёнными оперативными мероприятиями было установлено, что Прачкин в июле 1941 г., участвуя в боях на территории Белоруссии, добровольно сдался в плен к немцам. Содержался в разных лагерях для военнопленных.

В мае 1942 г. Прачкин был завербован немцами, в Бранденбургской разведшколе прошёл 40-дневный курс обучения разведывательно-диверсионной работе, по окончании которой трижды забрасывался в тыл Красной Армии с целью проведения шпионско-диверсионной и подрывной деятельности. Срок ведения следствия продлён на 1 месяц.

Теснов Иван Иванович, 1917 г. рожд., урож. Сталинской обл., г. Дзержинск, русский, рабочий, образование 7 классов, в плену у немцев с октября 1942 г. Прибыл в лагерь из английской зоны оккупации.

По доказательному сообщению репатрианта Коровника во время пребывания в плену Теснов состоял на службе немецкого гестапо. Чувствуя за собой вину и то, что его начинают разоблачать, Теснов

дезертировал из лагеря. Принятые меры розыска пока результатов не дали. Розыск продолжается. На все погранпосты разослана ориентировка.

ЗАПРОС

Сов. секретно
Начальнику ПФЛ № 207

Ленинградский РО УНКВД гор. Москвы просит выслать проверочно-фильтрационное дело на репатриированного Куранова Ивана Дмитриевича, 1916 г. рожд., урож. Тульской обл., дер. Болакрива, который находился в Вашем лагере со 2.6 по 22.6.45 г. и проходил проверку.

Прошу сообщить, каким образом ему была выдана фильтрационная справка, с которой он направлен в гор. Москву?

Мы располагаем сведениями, что лейтенант Куранов И.Д. в ноябре 1941 г. дезертировал из воинской части под Можайском, затем до июля 1942 г. скрывался на бывшей оккупированной территории под Калининым у родственников жены, откуда ею были получены два письма. С ноября 1942 г. никаких известий от него она не получала, считала его погибшим, хотя похоронного извещения не было.

Если в проверочно-фильтрационном деле имеется фотография Куранова, прошу обязательно её приложить для идентификации личности.

ДОКЛАДНАЯ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА 425 СД МАЙОРА БУЛАХОВСКОГО

Нач. штаба лагеря № 207
Нач. ОКР «Смерш»

В соответствии с приказом начальника штаба ГСОВГ генерал-полковника Малинина на Военную Прокуратуру возложена обязанность прокурорского надзора за содержанием репатриантов в лагерях и сроками проведения проверки для их последующей репатриации.

В процессе проверки лагеря № 207 были выявлены серьёзные недостатки.

Так, в ночь на 25 июня с.г. репатрианты Паутов и Кривой, находившиеся в венотделении по поводу заболевания сифилисом, вылезли через окно первого этажа лазарета, переползли проволочное заграждение и бежали из лагеря.

Принятыми мерами розыска Паутов и Кривой задержаны в районе Витенберга и доставлены в лагерь. Они показали, что побег совершили с целью покупки нужных им для излечения дефицитных медикаментов.

Санитар красноармеец Морозов способствовал побегу, выдав им без разрешения верхнюю одежду.

Как показал старший врач-венеролог майор м/с Фирсов, в лазарете имеются все необходимые медицинские средства для лечения сифилиса.

Соцдемографические данные:

Паутов Николай Павлович, 1924 г. рожд., украинец, б/п, был вывезен из Сумской обл. в Германию, где работал с марта 1942 г. по апрель 1945 г. В Красную Армию призван из репатриированных советских граждан в мае с.г., работал шофёром гаража лагеря. Познакомился с репатрианткой (фамилию и имя не знает), с которой дважды имел половое сношение. В связи с появившейся болью в половых органах, обратился к врачу, и при обследовании у него был выявлен сифилис.

Кривой Михаил Юрьевич, 1922 г. рожд., русский, образование 3 класса, прибыл в лагерь № 207 18 июня с.г. в составе группы бывших военнопленных из лагеря № 211. Установлено, что с ноября 1943 г. по апрель 1945 г. находился в Германии, но чем занимался, ещё предстоит выяснить. При обследовании в лагере у него был выявлен сифилис, которым он страдал уже давно и который хотел скрыть.

Находясь в побеге, с их слов, решили напоследок отомстить Германии. Встретили молодую немку и, по взаимному согласию с её стороны, имели оба с ней половое сношение (фамилию и имя не знают). Оба показали, что немку не насиловали, а побег совершили из-за боязни, что венерическое заболевание не позволит им вернуться на Родину.

С целью выяснения истинной причины побега Паутова и Кривого из лагеря требуется проведение дополнительного дознания сотрудниками «Смерш».

Прокуратурой задержана и направлена на принудительное лечение немецкая гражданка Хелла Вайер, которая, как выянилось,

с октября м-ца 1944 г. болеет венерической болезнью типа «люис» (сифилис).

На допросе Вайер показала, что в мае-июне с.г. она имела неоднократные половые сношения со следующими военнослужащими Управления и частей 425 стр. дивизии и лагеря № 207.

В дивизии:

...4. С молодым красивым офицером, старшим лейтенантом по кличке Кока-Профурсет.

В лагере № 207:

...6. Невысоким майором по фамилии Гаврилов.

Прошу Вас в приказном порядке немедленно направить в венгоспиталь № 3661 всех перечисленных выше военнослужащих для клинического обследования и проверки, не болеют ли они «люисом».

Результаты врачебного заключения вышлите мне для приобщения к делу.

Во время проверки также было установлено, что начальник хозотделения лейтенант Березовский занимается мародёрством: он незаконно отбирал личные вещи у спецконтингента, присваивал их себе и отсылал на родину. В частности, 24 июня им были отобраны три отреза матрасного материала, несколько платьев и двое часов, а 25 июня он же пытался изнасиловать репатриантку, бывшую партизанку Альпинскую Александру. Ранее лейтенант Березовский уже получал предупреждения и дисциплинарные взыскания.

За мародёрство и попытку изнасилования дело на лейтенанта Березовского передано в Военный трибунал.

Майор Булаховский

55. ПАВЕЛ ЗАЙКОВ

В нескончаемом потоке опрошенных мной в этот день бывших военнопленных был и старший лейтенант Павел Зайков. Когда он вошёл, я сразу обратил внимание на его лицо: веснушчатое, в области лба и висков розово-красные шрамы от ожогов, и я подумал – танкист или лётчик? Выше среднего роста, сутулый, лет двадцати пяти, курносый, вихрастый, в нём было что-то мальчишеское, в серо-зелёных с крапинками глазах отсутствовало выражение страдания, тоски и боли, столь характерное, как я подметил, для большинства бывших военнопленных, что меня даже несколько удивило.

В заполненном им собственноручно опросном листе значилось:

«Зайков Павел Алексеевич, 1922 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, бывший член ВЛКСМ, образование среднее, холост. Призван в РККА в июле 1941 года Пресненским райвоенкоматом гор. Москвы. Окончил Военно-авиационную школу в гор. Молотов, с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. лётчик 117-го гвардейского истребительного полка, старший лейтенант. В немецком плену с 1943 г. Освобождён английскими войсками из лагеря для советских военнопленных в гор. Нойштадт, передан через демаркационную линию в порядке репатриации 2 июня 1945 г.»

Помимо опросного листа в папке лежал ответ с краткой характеристикой командира 117-го ГИАВП гвардии подполковника Гороховецкого на запрос дознавателя капитана Леонова:

«Лётчик старший лейтенант Зайков П.А. за время службы в авиаполку проявил себя смелым и бесстрашным воином, честно и добросовестно выполнял задания командования, совершил 45 боевых вылетов, в воздушных боях сбил 6 самолётов противника. 20 сентября 1943 года не вернулся с боевого задания и предположительно попал в плен к немцам».

Зачитав опросный лист и справку, я спросил Зайкова:

– Всё правильно? Хотите что-нибудь добавить?

– Нет.

— Тогда расскажите подробнее об обстоятельствах пленения.

— 20 сентября сорок третьего группа из трёх самолетов ИЛ-2 наносила удар по аэродрому в 15 километрах западнее Львова, я на истребителе ЯК-1 прикрывал штурмовиков. Отбомбившись, «илюшки» уже уходили, когда из-за облаков появились два «мессера» и меня взяли в бутерброд — один сверху, другой снизу, — завязался воздушный бой, самолёт получил пробоину в бензобак и загорелся. Я был ранен, но успел выпрыгнуть из горящей машины, получив ожоги лица и рук, к тому же, приземляясь, подвернул ногу. И в таком беспомощном состоянии был схвачен немцами... После допросов отправлен в лагерь...

— В каком лагере Вы были?

— Вначале в Клейнкенисберге... Сторожевые вышки с пулемётами, колючая проволока под током высокого напряжения, собаки, эсэсовцы... В бараке две сотни пленных... Когда смог двигаться, созрел план побега. Вместе с тремя лётчиками решили сделать подкоп из барака и вывести тоннель за колючую проволоку... Подкоп в самом дальнем углу барака рыли руками, раны на руках ещё не зажили, но рыли, рыли упорно, по очереди опускались в яму, привязывая себя верёвками, чтобы при обмороке нас могли вытащить. Но нашёлся предатель... Наутро в барак ворвались эсэсовцы, всех выстроили на плацу, нас приговорили к экзекуции под названием «десять дней жизни», это когда все десять дней подряд часами избивают, пытают, держат в одиночном карцере без еды и воды... Затем такую «отбивную» забросили в барак умирать... Но я выжил благодаря братству и помощи таких же полутрупов: каждый из них отщипывал по крошке хлеба, скатывали в катышки размером с фасолину и заталкивали мне в рот.

Зимой сорок четвёртого тысячи военнопленных в лагере были расстреляны, оставшихся в спешном порядке босыми погрузили в товарняк и отправили в лагерь в город Магдебург.

— Но Вас освободили из лагеря в Нойштадте, как Вы там оказались?

— В Магдебургском лагере шла активная вербовка среди военнопленных на сотрудничество с немцами и службу в немецкой армии. В нашем бараке появился такой агитатор, бывший уголовник по кличке Костя, ползучая гадина, который нашёптывал, что мы здесь все погибнем, никто нам не поможет, Родина нас забыла, вообще кто мы такие для Родины — предатели, перебежчики, немецкие прихвостни? Так лучше с немцами сотрудничать и им помогать, чем здесь подыхать, как собакам, и добавил: «А вот мне всё равно, кому

служить, где и какая родина, были бы денежки, вино да девочки!». Не помня себя, я ударил подлеца в подбородок, другие навалились на него, готовые придушить. Он истошно заорал: «Убивают!!» На его крик в барак ворвалась охрана, всех избили, растащили по карцерам. Через несколько дней отобрали полсотни людей, отказавшихся служить в немецкой армии, повели под конвоем, думали, в душегубку, оказалось, в лагерь в Нойштадт.

— Что было в этом лагере?

Он говорил спокойным голосом с явным акающим говором, было видно, что он устал от моих вопросов и возвращения в прошлое.

— Нас привезли для строительства укреплений, но я попал в рабочую команду из пятнадцати человек, которая строила дороги. Из этой команды в лагере находятся пятеро.

Он перечислил всех поимённо. После нескольких часов опроса я его отпустил, но ещё несколько раз его вызывал дознаватель капитан Леонов.

На территории лагеря Зайков вёл себя странно, везде появляясь с маленькой невзрачной молчаливой женщиной, лет двадцати пяти, со стороны это выглядело как его попытка защитить незнакомку и от чего-то уберечь. В один из приходов ко мне я поинтересовался у него:

— Женщина, которая всегда рядом с Вами, кто она?

— Эльза Треншель, немка...

— Откуда Вы её знаете и как она оказалась в лагере?

— Во время работы на строительстве дороги к русским военнопленным подходили немецкие женщины, вначале робко, чтобы посмотреть на нас со стороны и убедиться, что мы такие же люди и у нас действительно нет рогов. Затем некоторые из них стали приносить и незаметно передавать нам хлеб и еду, среди них была Эльза. Спустя какое-то время она стала появляться и у барака с советскими военнопленными. Подойдя к часовому, долго с ним разговаривала, потом отлучалась якобы по естественным надобностям, а сама заходила за угол. Я вылезал из окна, и она передавала нам передачу — еду, курево и необходимые для больных лекарства, — потом внезапно всё прекратилось.

Где-то в начале января сорок пятого я неожиданно увидел её в лагере и со страхом подумал, что её схватили и тоже посадили, оказалось, что она устроилась в лагерь на работу машинисткой. Наши встречи стали регулярными, я ждал этого момента и боялся за неё. Благодаря Эльзе несколько человек были отправлены в одиночные камеры, избежав неминуемого расстрела, двоих с её помощью перевели в лазарет,

мне она передавала записочки с сообщениями, что Красная Армия уже на территории Германии, надо терпеть, скоро придёт освобождение. Эти новости вдохнули в нас веру и желание жить.

Поздно ночью 24 апреля из лагеря куда-то исчезла охрана с собаками, а 25-го днём в лагере на машинах появились не то англичане, не то американцы, открыли бараки и сообщили об освобождении. Все радовались, что дожили до этого момента, но Эльза куда-то исчезла и я неделю о ней ничего не знал.

И вот, когда нас готовили в порядке репатриации к передаче через демаркационную линию, я увидел её в толпе: Эльза каким-то непостижимым образом оказалась среди освобождённых советских граждан и военнопленных. Эта маленькая хрупкая женщина своей смелостью и добротой, участием и помощью не только мне спасла жизнь, но и пробудила желание жить. Понимаете? Она моя судьба, моё возрождение, и теперь я за неё буду бороться всеми силами, как она боролась за меня.

После разговора с Павлом Зайковым я внимательно к ней присмотрелся: невидная, стеснительная, даже робкая, в сером платьице, длинных серых шароварах, стоптанных башмаках, в каком-то нелепом тюрбане на голове, из-под которого выбивались пряди тёмно-каштановых волос, был удивлён её некрасивости и не понял, что же он в ней такого увидел? Она добровольно, никто её об этом не просил, ухаживала в бараке за семьёй многодетной репатриантки, обстирывая их, что вызвало у майора Гаврилова подозрение, мол, пытается искупить свою вину; постоянно носила с собой томик Гейне и, забившись в угол барака, беззвучно читала стихи, было видно только движение губ, или что-то вязала: Пауль, как она звала Зайкова, щеголял в немыслимом пуловере, ею связанном.

Все обратили внимание на их необычное среди репатриантов поведение: то, с каким обожанием она смотрит на Зайкова, и то, что они ходят по лагерю, взявшись, как дети, за руки, что особенно раздражало Гаврилова, который ехидно заметил им вслед:

— Тоже мне, объявился Ромео среди бывших советских офицеров, к тому же побывавший в плену, подобрав себе Джульетту из немок. Ни рожи, ни кожи, одни кости. Ему бы от неё как от чумы шарахаться, а он ещё всем демонстрирует свои нежности к немке и удивляется, почему никого это не умиляет.

Но не только Гаврилов относился к ним с неприязнью. Как-то я догонял Володьку и Мишуту, когда из-за угла барака им навстречу вывалился Зайков с Эльзой. Мишута первым сунул ему свою толстую ладонь и поздоровался за руку, поэтому и Павел протянул руку Володьке.

— Извините, но военнопленным, даже бывшим, руки не подаю, — отчеканил Володька, принимая в сторону, и быстро пошёл вперед.

— Здравия желаю, — дрогнувшим голосом сказал мне Павел, слёзы стояли у него в глазах.

Протянуть ему руку я не решился.

— Яволь, обер-лейтенант, — тихо произнесла Эльза.

— Старший лейтенант, — холодно и невозмутимо поправил я, мне никак не хотелось быть обер-лейтенантом, это чисто фрицевское звание.

И тут я впервые заметил, что в ней что-то есть. Она смотрела на меня приветливо, как на своего защитника, в её янтарно-карих глазах просвечивала доброта и что-то неуловимо пленительное.

Спустя неделю во время дежурства по лагерю, обходя территорию, я услышал голоса, которые раздавались из самого дальнего угла, со стороны дровяного склада, где никого не должно было быть. Подойдя ближе, я узнал голос Зайкова. Что он там делает? Завернув за угол сарая, я застал взволновавшую меня сцену: Эльза сидит на корточках, опираясь спиной о косяк входной двери, а Павел, стоя перед ней, неотрывно смотрит на её лицо и нараспев, с чувством, громко читает стихи Есенина:

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.
Поступь нежная, лёгкий стан:
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Затем шагнул вперёд, взял Эльзу за руку и продолжил:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу...

И, видоизменив слова поэта, закончил, обращаясь к ней:

Я навеки пойду за тобой,
Хоть в свои, хоть в чужие страны,
В первый раз признаюсь я в любви...

Эльза, прижав левую руку к груди, не сводила с Паши восхищённых влюблённых глаз: не зная русского языка, она понимала их сердцем, и это были слова любви. Из её глаз покатились слёзы, и она шёпотом произнесла:

— Пауль, любимый! Я хочу быть с тобой! Всем сердцем — твоя. Я буду самой нежной, послушной и доброй, буду твоей навсегда!

Оставаясь незамеченным, я отошёл от склада в смятении с ощущением лёгкого стыда и неловкости, что невольно подсмотрел и подслушал объяснение в любви.

Вечером, взяв в руки дорогой мне томик Есенина, с которым не расставался всю войну, отыскал его ранние стихи и уже для себя вслух прочёл:

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошёл там путь,
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Я задумался: нет, не мог быть плохим человек, так искренно объяснявшийся в своих чувствах словами самого лиричного русского поэта. Несомненно, Павел и Эльза любят друг друга. Ну и что, что она немка? Возможно ли было такое представить ещё несколько месяцев тому назад?

Через три дня я увидел Зайкова в приёмной коменданта лагеря полковника Быченкова: он у секретаря регистрировал письмо для отправки. Старшина Агафонов выразительным взглядом указал мне на лежащий перед ним конверт, на нём крупными печатными буквами было выведено:

МОСКВА, КРЕМЛЬ
НАРКОМУ ОБОРОНЫ
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ И.В. СТАЛИНУ

Увидев моё удивление, Зайков объяснил, что он обращается к товарищу Сталину с личной просьбой и показал письмо, чтобы я его прочёл.

«Дорогой товарищ Сталин!

Зная Вашу любовь и внимание к каждому советскому человеку, уверен, что ни одно, адресованное Вам письмо, не останется без ответа. Это и придаёт мне силы и надежду, и я осмеливаюсь писать Вам.

Мне тяжело обращаться к Вам и писать это письмо потому, что как человек, проведший около двух лет в плену у немцев, я не заслуживаю полного доверия Родины и Советской власти, но я честный человек и предан своей социалистической Родине и лично Вам, товарищ Сталин. С Вашим именем на устах я летал и бил фашистов.

Я обращаюсь к Вам с просьбой, ибо только Вы можете помочь разрешить мою проблему.

Убедительно прошу Вашего распоряжения в оказании содействия в оформлении брака с фактически моей женой, немкой по национальности Эльзой Треншель, и получении ею советского гражданства для совместного со мной въезда в СССР.

Мы готовы пройти любую проверку, чтобы подтвердить и доказать свою преданность социалистической Родине и лично Вам, товарищ Сталин.

Как бывший военнопленный я не претендую и не рассчитываю на прописку в Москве, где я родился, учился и живут мои родители.

Мы согласны поехать в любой район Советского Союза. До войны я окончил автомобильный техникум, в начале войны — лётное училище, во время войны был лётчиком, совершил сорок пять боевых вылетов, в которых уничтожил шесть самолётов противника, мой самолёт был сбит, и я попал в плен, но и находясь в немецких лагерях я не предал свою Родину и ничем не посрамил честь советского офицера. Я смог бы работать автомехаником, а жена могла бы преподавать в школе немецкий язык, а спустя какое-то время и биологию, так как закончила биологический факультет Берлинского университета.

Моя жена немка, но она, поверьте мне, умоляю Вас, дорогой товарищ Сталин, хороший человек, ненавидящий Гитлера и его режим, отказавшаяся от своего отца и всех родственников, антифашистка, которая помогала нашим военнопленным, и я за неё отвечаю головой.

Буду ждать и надеяться получить от Вас положительного решения.

Бесконечно преданный и любящий всей душой и сердцем свою Родину, всё наше родное, советское и Вас, самого справедливого и человечного из людей.

Зайков Павел Алексеевич, советский офицер.
Лагерь для репатриантов, полевая почта...»

56. СОВЕЩАНИЕ У БЫЧЕНКОВА

Спустя неделю я был срочно вызван к полковнику Быченкову. Я мгновенно сообразил, что это каким-то образом связано с Зайковым и его письмом.

В кабинете полковника уже находились зам. по политчасти полковник Бутенко, начальник контрразведки подполковник Полозов и начальник учётного отдела майор Гаврилов.

Быченков, оглядев собравшихся, сказал:

– Я пригласил вас всех, чтобы обсудить и посоветоваться по поводу щекотливой ситуации, касающейся бывшего военнопленного Зайкова. Я ознакомился с его проверочными материалами. Анкету заполнил старший лейтенант Федотов, опрос проводил дознаватель капитан Леонов и, – бросив беглый взгляд на Полозова, – как я вижу, вопросов у контрразведки тоже не возникло. В деле имеется ходатайство командира и заместителя по политчасти авиаполка, где до пленения служил Зайков, и коллективное письмо-обращение лётчиков с просьбой направить Зайкова после окончания проверки в лагере в авиаполк для продолжения службы в команде аэродромного обслуживания. Я вызвал Зайкова, чтобы сообщить о принятом положительном решении удовлетворить ходатайство руководства и лётчиков авиаполка, но он неожиданно обратился ко мне с просьбой о репатриации его в Советский Союз совместно с женой, которая находится в нашем лагере и с которой у него пока официально не зарегистрирован брак, и просил оказать содействие в его регистрации, – и, обращаясь к майору Гаврилову, спросил:

– Кто она?

– Эльза Треншель, немка.

– Откуда?.. Из немцев Поволжья? – попросил уточнить Быченков.

– Натуральная немка, из Гамбурга.

– А как поступают с немцами из Восточной Пруссии?

– Их переселяют на Запад. И ей там место, – резко ответил Гаврилов.

— Но Зайков её любит, она спасла ему жизнь в лагере, — встрял я. — Он считает, что она предназначена ему судьбой. Единственная, понимаете?

— Любовь зла, полюбишь и козла. Он в жизни живой женщины не щупал, поэтому она для него единственная, — грубо прервал меня Гаврилов.

— Зайков мне доверительно сообщил, что он направил письма лично товарищу Сталину с просьбой разрешить ему жениться на немке и товарищу Калинину... С большой надеждой ждёт ответов, — добавил я.

— Товарищ Сталин не может заниматься каждым в отдельности, он должен думать о всём человечестве. У него на плечах три миллиарда вместе с капиталистами, — ошпетил меня Гаврилов и продолжил, — а он куда лезет? Неверно себя ведёт, не по-советски. Побарался с немкой, и хватит. Он ненормальный, психически больной, если всерьёз говорит о своём желании жениться на немке. Предлагаю его освидетельствовать.

— Молодые люди, граждане разных стран, вступая в брак, действуют под влиянием минуты. Они ничего не учитывают, и, прежде всего, не учитывают, что кому-то из них навсегда придётся покинуть свою родину и переселиться в чужую, неведомую им страну, где всё иное — язык, уклад жизни, круг людей. Неизбежные каждодневные удары непривычного приведут и выявят их полную несовместимость, и под этими ударами... — размышлял полковник Бутенко.

— Любовь падёт? — язвительно уточнил Полозов.

— Видите ли, если великая любовь — это одно, — продолжил Бутенко, — но в молодые годы за любовь часто принимают сумагоху чувств, временную увлечённость. Приказы, запрещающие скоропалительные браки на войне и в послевоенное время, как раз стоят на страже ослеплённого чувствами человека: он верит в любовь, а закон и приказ сдерживают и не позволяют ему окончательно подавить волю и разум и направлены на то, чтобы он не поддавался сиюминутной буре и суматохе чувств. И это правильно. Оттого, что людям вовремя не помешали совершить необдуманные поступки, трагедий несравненно больше, чем оттого, что пресекли.

— Законы и приказы пишутся с расчётом, что все мерзавцы, жулики или шпионы. Нельзя же каждого держать за такого, — сказал Быченков, бросив выразительный взгляд на Полозова, — скоро в брак будут вступать только после разрешения контрразведки.

– Ну, вам это не грозит, – с улыбкой заметил Полозов. – В принципе такие браки существуют и по закону разрешены. Тут нет проблемы. Но случай Зайкова с немкой – непредусмотренный, и пока она ему не жена, а сожительница. Кто возьмёт на себя ответственность зарегистрировать брак советского гражданина, офицера, пусть и бывшего, с немкой? Вот в чём вопрос. Это же нонсенс! Парадокс! И это не в нашей компетенции.

– Отправим-ка мы их на территорию Союза в фильтрационный лагерь, пусть там разбираются, – предложил Бутенко.

– А как её оформлять на границе? – спросил Быченков.

– Зарегистрируем как насильственно угнанную на работы и отправим в первом потоке как репатриантку, переданную нам американцами, – вмиг сообразил Гаврилов.

– Ну что ж, если каждый из вас внесёт свой вкладыш в оформление документов, то никаких затруднений в процессе репатриации не возникнет, – немного подумав, ответил Быченков и приказал Гаврилову, – вы можете идти.

Когда Гаврилов вышел и мы остались вчетвером, Полозов произнёс:

– Я на это не согласен, – он стоял у окна, что-то разглядывая, затем прошёл через весь кабинет, подошёл к двери, выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, тихо спросил; – А вы твёрдо уверены в том, что она не использует Зайкова для проникновения на территорию Союза с иными целями? А если она приедет в Москву?

Затем посмотрел на всех свысока с брезгливым выражением, которое, как я подметил, возникало у него в тех случаях, когда он знал то, чего не знали другие, и доверительно сообщил:

– К вашему сведению, Большая Дорогомиловская – правительственная трасса, и по этой улице ездит товарищ Сталин!

С минуту царила полная тишина.

– А насчёт Большой Дорогомиловской подполковник Полозов прав, – согласился Бутенко. – Он зрит в корень и понимает всё насквозь и глубже!

– Вот так, по недомыслию и сгоришь, как капля бензина, – раздумчиво произнёс Быченков.

Он сидел, не в силах скрыть смущения, затем куда-то позвонил и отдал распоряжение отозвать согласие на перевод Зайкова в команду аэродромного обслуживания в его бывший авиаполк.

Наш «батя», добрый и бесстрашный Астапыч, наверняка в эту минуту чувствовал себя как нашкодивший пудель.

Я же подумал и понял, какая могла бы получиться ерунда, когда вдруг бы там появилась при нашем содействии немка Эльза в сером платье и штанах, с повязкой на голове и со своей несомненно чуждой нам душой.

От какой беды нас предостерегает подполковник Полозов! Он всё знает!..

* * *

...Подполковник Пётр Фёдорович Полозов (как говорил Астапыч в глубоком мохнатом прошлом санитарный врач из Калинина) мужчина был видный и запоминающийся: выше среднего роста, с большим выпуклым лбом, длинным как клюв носом, крупная голова вскинута с достоинством, светло-серые, почти прозрачные, глаза смотрят зорко и цепко, бесстрастное, непроницаемое лицо всегда выражало спокойную холодную решимость. Над воротничком его кителя ровно на два миллиметра выступал рубчик белого подворотничка, над левым карманом блестели старательно начищенные ординарцем три ордена: Красной Звезды, Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени.

Под его колючим взглядом солдаты из охраны ежедневно посыпали песочком дорожку перед отделом.

Несмотря на то, что воевали они вместе с сорок третьего, Астапыч никогда не допускал с ним фамильярного отношения, должность начальника контрразведки дивизии определяла между ними некоторую, едва заметную, дистанцию.

На следующий день после совещания в кабинете Быченкова я провожал в барак после опроса бывшего военнопленного Копылова и случайно встретился на территории лагеря с подполковником. Я приветствовал его, он, вскинув руку к лакированному козырьку, вполоборота и не глядя в мою сторону, негромко велел:

— Зайдёшь потом ко мне!

Неужели опять он припомнит мне Хольмана?

Официант Жан-Поль Хольман, эльзасец, тщательно вымытый, выбритый до синевы с зализанными бриолином волосами, в белоснежной накрахмаленной куртке, вежливый, раболепный обслуживал нас в кафе, куда мы часто заходили выпить пива и послушать музыку. Смахнув крошки со стола салфеткой, он услужливо подавал огромные кружки с пивом, водружал их на картонные кружочки, лакейски сгибал в полупоклоне спину и, отойдя от стола, тихо стоял у барной стойки или сидел в углу у входа на кухню, поглядывая на

нас и прислушиваясь к разговору. Его угодливость до приторности была неприятна. Мы его угощали, относились доброжелательно, называли на «ты», демонстрируя всем немцам свой интернационализм. Он рассказывал, что до войны долго бедствовал, потом работал в ресторанах и барах, мыл посуду. Мне ещё тогда бросились в глаза его холёные руки и я мельком подумал, что у человека, долгие годы работавшего посудомойщиком, не могло быть таких рук.

Спустя неделю нас (меня, Володьку и Мишуту) по очереди вызвали в отдел контрразведки дивизии. Там я неожиданно увидел нашего «симпатичного официанта»: его арестовали по списку разыскиваемых военных преступников. Выяснилось, что он был надзирателем в концлагере, пытал, истязал и убивал людей. Куда подевались его прежняя любезность и угодливость? Увидев меня, его лицо исказила злобная гримаса ненависти, а в глазах застыл смертельный страх: он знал и понимал, что его ждёт и что он обречён.

Поднимаясь на второй этаж в кабинет Полозова, я уговаривал себя: «Я не враг народа и не агент! У меня биография как стёклышко, нет, как немецкий хрусталь! Я нисколько не боюсь подполковника Полозова!» И вот я снова оказываюсь под его пристальным взором.

Подполковник Полозов проглядывал анкеты, расписывался на каждой и сокрушённо сказал, когда я вошёл:

– Если бы ты знал, сколько всякой сволочи возвращается в Советский Союз, у тебя бы волосы поседели, и не только на голове... – и, как бы между прочим, спросил: – А Копылов о чём с тобой говорил?

Я от неожиданности опешил – мысленно я готовился к разговору об официанте и проговаривал ответы, – так как не ждал такого вопроса. Минуту молчал, соображая, откуда он знает, что я с ним разговаривал, какой здесь может быть подвох, и ответил:

– О разном. Товарищ генерал хороший мужик.

– Какой он тебе «товарищ генерал»! Ты его не идеализируй! Его рано идеализировать. Да любому солдату из взвода охраны больше доверия, чем ему. Так о чём конкретно говорили?

– А зачем вам? – натянуто улыбнулся я, более дурацкого вопроса начальнику контрразведки придумать было трудно.

– Надо. Я всё должен знать. У меня должность такая. Как мною установлено, ещё в гражданскую войну Копылов служил под командой Тухачевского, а позже у Примакова и Дубинина. Мужик он длинный, и концы не сразу нащупаешь.

Я не знал тогда, кто такие Примаков и Дубинин, но сразу понял, что дела Копылова плохи. Он прикидывается тихим и неудачливым,

смотрит на меня своими карими добрыми глазами со скорбью, даёт якобы правдивые показания по поводу своего пленения в августе сорок четвёртого: командовал дивизией, был вызван в штаб армии на совещание, после совещания зашёл к своему другу, начальнику штаба армии, которого знал семнадцать лет – учились вместе в академии, – выпили, закусили, а через час, возвращаясь в дивизию в темноте, попали под обстрел (немцы вклинились), водитель и ординарец погибли, а сам был ранен, очнулся уже у немцев.

Я спросил его:

– Ну, а что начальник штаба, какие показания дал по вашему пленению?

– Правдивые, самые для меня благоприятные и хорошие. Он же по-настоящему порядочный человек. Но знаете, что ужасно? Он избегает встречи со мной. Увидев меня на территории лагеря, обошёл стороной.

– Да ну, это вам показалось.

– Нет, нет! Не показалось!

Внимательно выслушав, Полозов меня ещё раз предупреждает:

– Нельзя давать волю своим эмоциям. Ты с этим Копылов не вяжись. Он был связан ещё в гражданскую войну с Тухачевским... Понял, куда концы уходят? – и добавил; – А вызвал я тебя для того, чтобы сказать, чтобы ты был готов к выполнению особого задания, пока сообщить не могу какого, но в ближайшие дни тебя ознакомят и проинструктируют.

Выходя от Полозова, я подумал, что рыльце у Копылова в пушку и дело его очевидно дрянь, ведь он пытается обмануть и органы, и государство...

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ
ПРИ ВОЕННОМ СОВЕТЕ ГСОВ В ГЕРМАНИИ

Направляю Вам поступившее на имя Народного Комиссара Обороны СССР товарища И.В. СТАЛИНА письмо бывшего военнопленного Зайкова П.А., находящегося в лагере для репатриируемых полевая почта... для рассмотрения поставленных им вопросов в соответствии действующего законоположения и имеющихся у Вас инструкций.

О результатах прошу уведомить заявителя.

ВРИД Начальника приёмной
майор а/с Перфилкин

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВОЕННОМ СОВЕТЕ ГСОВ В ГЕРМАНИИ

Направляю Вам адресованное Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. М.И. Калинину письмо бывшего военнопленного Зайкова П.А., находящегося в лагере для репатриируемых полевая почта... и ходатайствующего об оформлении брака с его фактической женой немкой Эльзой Треншель и предоставлении ей советского гражданства.

Гражданину Зайкову и другим лицам, находящимся на территории Германии, необходимо разъяснить, что по вопросам регистрации браков, в том числе и с иностранными подданными, и оформления советского гражданства им необходимо будет обращаться в Консульский отдел в Берлине. Вопрос об открытии этого отдела в настоящее время решается Наркоматом Иностранных дел СССР.

Вопросами регистрации браков, в том числе и с иностранными подданными, Президиум Верховного Совета СССР не занимается, что же касается оформления советского гражданства лицами, находящимися за пределами Советского Союза, то по этому вопросу необходимо обращаться только в советские посольства и консульства на местах.

Приложение по тексту на 3 листах.

Заведующий Приёмной Председателя
Президиума Верховного Совета СССР П.А.Савельев

ПРИКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СКРЫННИКА

Комендантам лагерей
Начальникам сборно-пересыльных
пунктов для репатриантов

22.06.45 г.

Сообщаю для строгого руководства и неуклонного исполнения директивное указание Зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенанта тов. Голубева от 21 июня 1945 года:

«В центральные Правительственные учреждения и лично в адрес товарища И.В.Сталина поступает немало различных писем и жалоб от репатриантов, находящихся в лагерях и на сбор-

ных пунктах, в том числе и на территории Германии. В последнее время поток таких писем и жалоб значительно возрос, что, прежде всего, свидетельствует о том, что многие коменданты лагерей и начальники сборно-пересыльных пунктов не могут или не желают решать волнующие репатриантов вопросы на местах и тем самым вольно или невольно переадресовывают этих людей в центральные Правительственные учреждения, демонстрируя свою недееспособность и служебное несоответствие.

Следует также иметь в виду неблаговидные намерения некоторых репатриантов впутать в свои нередко подозрительные, а подчас и, более того, преступные биографии центральные Правительственные учреждения и лично товарища Сталина.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Обязать комендантов лагерей для реабилитируемых и начальников сборно-пересыльных пунктов, начальников отделов по делам репатриации групп войск и военных округов все возникающие у репатриантов вопросы и жалобы разрешать на местах, тем самым немедленно прекратив порочную практику обращения этих людей в центральные Правительственные учреждения и лично к товарищу Сталину».

РАЗЪЯСНЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО РЕПАТРИАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПРИ УПРАВЛЕНИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО СНК СССР ПОЛКОВНИКА МАЗУНОВА

Коменданту лагеря № 207

На Ваш запрос № ... от 23.06.45 г. сообщаю, что советские граждане, желающие изменить свое подданство на иностранное и убыть за границу, пусть обращаются в НКИД, который может решить эти вопросы. Мы этим не занимаемся.

В данном случае советскую гражданку Бовкун Анну Филипповну нужно передать органам НКВД для отправки на родину.

Иностранным гражданам, желающим принять советское гражданство, следует обращаться в консульские отделы на территории Германии. Немецкой гражданке Эльзе Треншель следует туда обратиться, и после изменения подданства на советское она может быть отправлена на территорию Советского Союза.

И впредь в таких вопросах поступайте таким же образом.

* * *

Майор Гаврилов, начальник учётного отдела, был неприятной личностью во всех отношениях, начиная с внешности: его лицо обильно было усеяно прыщами и гнойничками, которые он постоянно корябал и выдавливал, жирные волосы облепливали неправильной формы череп, что придавало ему вид неряшливого человека, тонкие губы были всегда сложены в презрительную усмешку, а в бесцветных стеклянных глазах — вечное раздражение и недовольство, подобострастно они смотрели только на вышестоящее начальство. Он нервно, с неистовством, до крови обкусывал ногти.

Служил в конвойных войсках рядовым писарем, сержантом и перед войной дорос до младшего лейтенанта. Доподлинно никто не знал, где и в какой должности он был во время войны, кажется агитатором, неутомимым начётчиком, который только и нудел о гнилом либерализме, патриотизме и потере бдительности, и на этом продвигался по службе.

Поговаривали, что он племянник кого-то из заместителей командира стрелкового корпуса, куда входила наша 425-я дивизия. Якобы был награждён двумя боевыми орденами, которые не носил, но ранений, как все мы, не имел.

Его не любили все за цинизм, грубость, развязность в общении с офицерами и сотрудниками своего отдела, его разговоры и беседы с репатриантами проходили на повышенных тонах, а речь перемежалась отборными нецензурными выражениями.

Мы сторонились общаться с ним во внеслужебное время, да и он предпочитал напиваться вечерами в одиночку. Даже полковник Бутенко его немного побаивался после того, как Гаврилов громогласно заявил ему:

— Всюду изменники и предатели, а вы тут создали санаторный режим для изменников родины и потакаете законспирированным агентам!

Взятый им на мушку бывший военнопленный Зайков раздражал его до бешенства тем, что водил немку Эльзу за ручку на виду у всего лагеря. Когда пришло письмо-ходатайство из авиаполка с хорошей характеристикой на Зайкова, он с нескрываемой ненавистью сказал:

— Ишь, доброхоты и защитнички нашлись! Воевал... хороший лётчик... понасбивал немецких самолётов, с такой рекомендацией хоть на «Героя» представляй! А что он делал в плену, они знают?

Я разделяю мнение товарища Сталина, что у нас после сорок третьего года не могло быть военнопленных, а были только изменники. А эта немочка поди членом «Гитлер-Югенда» была? И как это он с ней снюхался, если только не был завербован?

Буквально на следующий день после совещания в кабинете Быченкова стало известно о бумаге-доносе Гаврилова на Зайкова и руководство лагеря в политотдел армии:

«Доношу, что я, как начальник учётного отдела пересыльно-фильтрационного лагеря № 207, не раз высказывал руководству лагеря свои соображения, что находящийся в лагере бывший военнопленный Зайков П.А. – подозрительная личность, социально-чуждый нам человек и настроен антисоветски, о чём свидетельствует его упорное стремление под видом своей «жены» провезти в Советский Союз немецкую женщину Эльзу Треншель, не имеющую советского подданства.

Кроме того, официально этот брак не зарегистрирован и даже не получено разрешение на его регистрацию несмотря на многочисленные обращения Зайкова во все инстанции: командующему армией, в Управление по репатриации, в Президиум Верховного Совета СССР и даже лично товарищу Сталину.

Наше же руководство относится к Зайкову не только терпимо, но и с жалостью, они готовы незаконно оформить его брак с немкой. А после получения письма-ходатайства из авиаполка, где якобы служил Зайков, с просьбой направить его к ним в запасной полк, где он будет использован как авиатехник на ремонтных работах, его готовы туда отправить, но что делать с немкой, без которой он не хочет покидать лагерь? Она немка из Восточной Пруссии, и нам предписано переселять их на Запад, и ей там самое место.

Я не раз заявлял, что он ненормальный, психически больной, коль всерьёз продолжает настаивать на своём желании жениться на немке, и предлагал его освидетельствовать, но руководство мои заявления оставило без внимания.

Нутром советского патриота я не сомневаюсь, что в период пребывания Зайкова в плену он был завербован немцами, и всё это теперь делает по их заданию.

Мои соображения: Зайков настроен антисоветски, его необходимо арестовать и путём физического воздействия заставить признаться в истинных намерениях.

Майор Гаврилов»

При следующей встрече с Гавриловым я с нескрываемым презрением выпалил ему:

— Майор, вы подлец! У вас нет чести, а честь для офицера гораздо больше жизни! После вашего поступка никто из офицеров вам руки не подаст!

Он, как ни в чём ни бывало, цинично заявил:

— Все под Богом ходим! Я сигнализировал, другим — разбираться! Лучше перебдеть, чем недобдеть! Мало ли что может произойти, начальство останется в стороне, поэтому главное — надо уметь свою жопу прикрыть!

Ведь он меня о чём-то предупреждал, но я этого тогда не понял...

57. ЗОЛА

Суета сует, суета всяческая...

ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ
НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 1-го БФ

02.06.45 г.

В условиях мирного времени особенно недопустимы проявления недостаточно уважительного отношения к имени Верховного Главнокомандующего, Председателя Государственного Комитета Обороны СССР, Наркома Обороны, Маршала Советского Союза, Величайшего Полководца всех времён и народов, Спасителя Европы и мировой цивилизации, Гениального Вождя, Родного Отца и Учителя всех народов товарища И.В.СТАЛИНА.

Имеются случаи, когда в партийных и комсомольских документах, в политдонесениях и даже в наглядной агитации при упоминании имени И.В.СТАЛИНА вместо товарищ пишут сокращенно «тов.», даже просто «т.», что совершенно недопустимо, причём фамилию Величайшего Полководца и Стратега в истории человечества, Верховного Главнокомандующего нередко пишут не большими, прописными, а строчными буквами и подвергают переносу.

На политзанятиях, политинформациях и беседах с личным составом недостаточно подчёркивается колоссальное значение исключительной роли товарища И.В.СТАЛИНА, гениального Творца, Организатора и Вдохновителя всех наших побед, поставившего на колени гитлеровскую Германию и её союзников и спасшего тем самым нашу Родину и всё человечество от фашистского рабства, игнорируются и умалчиваются общепринятые формулировки, возвеличивающие и восславляющие товарища И.В.СТАЛИНА и наглядно отражающие истинное глубокое уважение и признательность, безмерную преданность и любовь к нему советского народа и всего прогрессивного человечества.

Указанные выше недопустимые проявления свидетельствуют об ослаблении бдительности, политической близорукости и партий-

ной незрелости отдельных политработников, за что в соединениях и частях армии наказаны в партийном и дисциплинарном порядке офицеры т.т. Щербак, Воронов, Аксель, Гулыга и Печников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Во всех партийных и комсомольских документах, политдонесениях, армейских и дивизионных газетах, средствах наглядной агитации, стенгазетах и боевых листках имя Величайшего Полководца всех времён и народов Верховного Главнокомандующего

И.В. СТАЛИНА писать только большими прописными буквами.

2. Категорически запрещается впредь при упоминании имени И.В.СТАЛИНА вместо полного товарищ употреблять сокращения «тов.» или «т.». Также категорически запрещается при переносе текста разбивать фамилию И.В.СТАЛИНА на две части или отделять инициалы: фамилия и инициалы должны помещаться на одной строке.

3. Впредь при упоминании имени И.В.СТАЛИНА не следует ограничиваться указанием должности «Верховный Главнокомандующий» или «Народный Комиссар Обороны», а необходимо добавлять формулировки, возвеличивающие и восславляющие товарища И.В. СТАЛИНА и наглядно отражающие глубочайшее уважение, признательность и безмерную любовь к нему советских людей и всего прогрессивного человечества, а именно:

а) «Величайший Полководец всех времён и народов» или «Величайший Полководец и Стратег в истории человечества».

б) «Спаситель Европы и мировой цивилизации» или «Спаситель всего человечества и мировой культуры».

в) «Великий Вождь, родной Отец и Учитель советского народа и всего прогрессивного человечества» или «Великий Вождь, родной Отец и Учитель выдающегося русского народа и других национальностей нашей страны».

г) «Гениальный Творец, Организатор и Вдохновитель всех наших побед».

д) «Величайший Гений в истории человечества».

Указанные выше формулировки при употреблении должны чередоваться; они должны быть задействованы в речи не только политработников, но и рядовых коммунистов и комсомольцев и всего личного состава. В наглядной агитации, в армейских, дивизионных и стенных газетах слова Полководец, Вождь, Спаситель, Отец, Учитель, Гений целесообразно писать с большой, прописной буквы.

При добавлении других формулировок, возвеличивающих и восславляющих личность товарища И.В.СТАЛИНА, следует руководствоваться принципом «маслом кашу не испортишь».

4. На политзанятиях, политинформациях, в беседах с личным составом, в армейских и дивизионных газетах особо подчеркивать и непрестанно акцентировать исключительную роль товарища И.В.СТАЛИНА, как Величайшего Полководца и Стратега в истории человечества, постоянно доводя до сознания личного состава, что генералы и маршалы при всех их несомненных заслугах, талантах и личном мужестве были только исполнителями его гениальных стратегических планов и предначертаний и его титанической воли.

С настоящим директивным указанием ознакомить под расписку всех политработников частей и соединений, включая старшин и сержантов, находящихся на офицерских должностях.

Генерал-майора Галаджева

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Особой важности
«Весьма срочно!»

ШТ из ШТАБА ГСОВГ *Подана 26.06.45 г.* *14 ч. 26 м.*

Частям, дислоцированным в Германии

В связи с награждением 26 июня с.г. Президиумом Верховного Совета СССР

И.В. Сталина вторым орденом «Победа» и присвоением звания «Герой Советского Союза»:

1. Объявить 27 июня днём всенародного торжества.

2. Провести политинформации, читки передовой статьи в газете «Красная Звезда», обеспечить выпуск стенгазеты и боевых листков с текстами Указов Президиума Верховного Совета и их изучение.

3. В торжественной обстановке провести митинги личного состава, подготовить выступления и постоянно освещать в донесениях охват личного состава, количество выступавших и наиболее характерные выступления.

4. Организовать поток поздравительных писем и телеграмм лично товарищу Сталину, в адрес Центрального комитета ВКП(б) и Правительства.

О проведённой работе докладывать ежедневно к 12.00 в очередных политдонесениях.

Начальник штаба
генерал-полковник *Малинин*

ДИРЕКТИВНОЕ УКАЗАНИЕ
НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 71 АРМИИ

Начальникам политотделов
частей и соединений армии

26.06.45 г.

В ближайшие часы по радио будут переданы принятые сегодня Президиумом Верховного Совета СССР Указы о присвоении Верховному Главнокомандующему товарищу И.В. СТАЛИНУ звания «Герой Советского Союза» и награждении его вторым орденом «Победа».

Организуйте дежурство и проведите запись текстов Указов специально выделенными людьми. После проверки текстов эти Указы должны быть доведены до всего личного состава, для чего в казармах и палатках разбудить всех на 10 минут раньше и зачитать Указы, сообщив о них как о чрезвычайно радостном событии, как о большом празднике советского народа и всего прогрессивного человечества.

27 июня после завтрака надлежит провести митинги по-батальонно в стрелковых полках и по-дивизионно – в артиллерийских. Для каждого митинга подготовьте по 4–5 выступлений по возможности бывалых, заслуженных воинов, имеющих боевые награды и способных достойно восславить исключительные заслуги Величайшего Полководца и Стратега всех времён и народов, спасителя Европы и мировой цивилизации, Великого Вождя, Отца и Учителя всего человечества, Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища И.В. СТАЛИНА. Среди выступающих рядовые, сержанты и старшины должны составлять не менее 60%, а выходцы из рабочих и крестьян с низшим образованием не менее 20%.

Со всеми отобранными для выступлений необходимо провести индивидуальный инструктаж, предупредить их об особой ответственности и тщательно выучить с ними наизусть возвеличивающие товарища И.В. СТАЛИНА формулировки, доведённые в соединения и части корпуса директивным указанием Начальника

Политуправления фронта от 2 июня с.г. Формулировки эти в выступлениях должны чередоваться.

Короткие тексты выступлений выходцев с низшим образованием должны быть написаны на листках и выучены с ними наизусть.

Параллельно методом индивидуального инструктажа подготовьте для каждого митинга по 5–6 боевиков-заводил, желательно из бывалых воинов, участников минувших боёв, которые в конце выступлений и особенно в конце митинга как бы стихийно, неорганизованно изъявляя свои чувства и находясь вразброс в толпе, во весь голос провозглашали бы здравицы в честь товарища И.В. СТАЛИНА, выкрикивая следующие лозунги:

«Великому СТАЛИНУ – слава!», «Да здравствует великий СТАЛИН!», «Величайшему полководцу и стратегу – слава!», «Да здравствует спаситель Европы и мировой цивилизации великий СТАЛИН!», «Величайшему гению человечества – слава!», «Великому СТАЛИНУ многих, многих лет и вечного здоровья!», «Да здравствует лучший друг и отец русского народа и других национальностей нашей страны великий СТАЛИН!»

Следует организовать так, чтобы Указы Президиума Верховного Совета были бы восприняты личным составом с огромной радостью и воодушевлением, а стихийно возникающие здравицы поддерживались бы троекратным «Ура!» всех присутствующих.

Проводимые митинги должны вылиться в демонстрацию величайшей любви и беспредельной преданности воинов-победителей к своему гениальному Вождю и Полководцу товарищу И.В. СТАЛИНУ.

Места проведения митингов должны быть заранее подготовлены дежурными подразделениями, украшены зеленью и флажками, перед собравшимися должны быть выставлены окаймлённые цветами портреты товарища И.В. СТАЛИНА. Начало митингов следует спланировать так, чтобы на каждом поочерёдно был произведён вынос боевого знамени полка.

27 июня объявляется праздничным днём, с обедом в частях и соединениях по усиленной раскладке и выдачей всему личному составу по 100 граммов водки, которая должна быть выпита сразу же после провозглашения тоста-здравицы, достойно восславляющего исключительные заслуги товарища И.В. СТАЛИНА.

О всех проведённых мероприятиях, выступлениях и откликах личного состава донесите в политотдел армии обстоятельно с приведением наиболее характерных высказываний.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Особой важности
«Весьма срочно!»

ШТ из ШТАБА 71А *Подана 27.06.45 г.* *22 ч. 00 м.*

В ближайшие часы, до полуночи, по радио будет передан принятый сегодня Президиумом Верховного Совета СССР Указ о присвоении Верховному Главнокомандующему, Маршалу Советского Союза товарищу И.В. СТАЛИНУ высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза».

Немедленно мобилизуйте всех политических и комсомольских работников, партийный и комсомольский актив для безотлагательного повторного проведения всего комплекса мероприятий, сообщённых вам вчера в связи с присвоением товарищу И.В. СТАЛИНУ звания «Герой Советского Союза» и награждением его вторым орденом «Победа».

Дополнительно к мероприятиям, доведённым вам вчера, необходимо завтра на каждом митинге принять поздравительные письма товарищу И.В. СТАЛИНУ по поводу всех трёх Указов Президиума Верховного Совета СССР. Тексты принятых писем должны продемонстрировать огромную любовь, беспредельную благодарность и безграничную преданность воинов-победителей к своему Вождю и родному Отцу, Величайшему Полководцу всех времён и народов и должны обильно содержать общепринятые восславляющие и возвеличивающие товарища И.В .СТАЛИНА формулировки.

О проведённых сегодня и завтра мероприятиях, откликах личного состава с приведением наиболее характерных высказываний доложите в течение суток объединённым развернутым политдонесением.

* * *

...Ещё с ночи всеми радиостанциями Советского Союза каждые полчаса транслировалось правительственное сообщение о присвоении нашему Верховному самого высокого звания — Генералиссимуса.

Игрались бравурные марши, и неподдельная радость с утра овладела всеми. Во всех подразделениях прошли торжественные собрания и митинги, настроение у всех было праздничное.

К вечеру городок был полон пьяных, счастливых бойцов и офицеров из разных частей и соединений, орущих здравицы в честь Вождя, сопровождая каждый тост очередной дозой забутыливания.

— Макаров! — кричал один из авиаторов. — Делай, как я! — и мешком повалился на мостовую.

— Эх, братцы-славяне, — улыбнулся Мишута, — крепенько повредились, сердечные.

В конце концов, размахивая пистолетом, Володьке удалось остановить машину аэродромного обслуживания, и мы погрузили в неё бесчувственных авиаторов. Затем он дозвонился в комендатуру и потребовал от дежурного помощника выслать патрули на машинах, чтобы подобрать пьяных, которые своим поведением позорили армию. Володька разговаривал властно и требовательно, но ему объяснили, что ни машин, ни патрулей в комендатуре не осталось и что чёрт с ними, с пьяными, в артиллерийском полку «чепе»: во время самодеятельного салюта двое убиты, а ещё трое — ранены.

Я стал названивать полковнику Фролову, но квартира не отвечала, наверное, он был в гарнизоне на банкете командиров частей и соединений армии, в честь присвоения Верховному Главнокомандующему звания Генералиссимуса.

Кока-Профурсет в тот вечер тоже хорошо поддал. Находясь в состоянии полной непосредственности, ёрничал, куражился и, обращаясь ко мне и Мишуте, не к месту повторял свой дежурный тост:

— Друзья! Давайте выпьем за тех, кто любит и отдаётся!

Заметив недовольно-брезгливое выражение на лице Володьки, добавил:

— И за Генералиссимуса!

Правда, позже выяснилось, что в мире уже есть один Генералиссимус — Чан Кайши, но тот какой-то китайский...

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Доношу об откликах личного состава и проводимой работе в связи с награждением Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина орденом «Победа», присвоением звания «Герой Советского Союза» и высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза».

Несмотря на то, что это известие получено в первом часу ночи, дежурный, гвардии красноармеец Писарев, член ВЛКСМ, побежал в казармы с возгласом: «Товарищи бойцы! Слушайте большую радость! Нашему Маршалу Иосифу Виссарионовичу Сталину присвоили звание Генералиссимус!». В расположении части стихийно возникла овация и раздались громкие крики «Ура!»

28 июня с.г. в 11.00 во всех частях и подразделениях в торжественной обстановке с развёрнутыми знамёнами полков проведены митинги, которые прошли с величайшим подъёмом и вылились в демонстрацию любви и бесконечной преданности партии ВЕЛИКОГО СТАЛИНА.

Бойцы и офицеры в своих выступлениях выражали чувства радости и гордости за своего любимого Полководца, Отца и Учителя товарища СТАЛИНА.

Капитан Юргин В.Ф., 1914 г. рожд., русский, член ВКП(б), образование 7 классов, в РККА с 1945 г., дважды ранен, награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, прожив. Кировская обл., Туржинский р-н, с. Юргино, в своём выступлении заявил:

«В тяжёлую годину войны, когда враг угрожал нашей Родине, Красная Армия и весь наш советский народ вверили свою судьбу верному соратнику Ленина – ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ. Советский народ не ошибся в своём выборе. Верный слуга народа, мудрый стратег и полководец товарищ СТАЛИН объединил все силы против фашистской нечисти, вдохновил воинов Красной Армии на священную, великую освободительную войну и привёл нас к полной победе над немецким фашизмом. Весть о награждении товарища СТАЛИНА орденом «Победа» и присвоении великому полководцу высших званий – «Герой Советского Союза» и «Генералиссимус» является нашей всеобщей радостью».

Сержант Лукьянченко О.М., командир 1-й стр. роты, 1923 г. рожд., украинец, член ВКП(б), образование 9 классов, участник боёв, 6 раз ранен, трижды орденоносец, прож. Киевская обл., Вильманский р-н, с. Туровка сказал:

«В самые тяжёлые 1941–42 годы товарищ СТАЛИН мужественно заявил и твёрдо обещал, что мы победим. Все верили товарищу СТАЛИНУ и под его руководством мы разгромили немцев и пришли в Германию, откуда началась война. Каждая операция планировалась лично товарищем СТАЛИНЫМ. Мы, бойцы, сержанты и офицеры шли в бой с именем СТАЛИНА и побеждали врага, с именем СТАЛИНА лучшие сыны нашей Родины шли на смерть за наше правое дело, за нашу победу. Вера наша оправдалась, мы победили. Честь и слава родному СТАЛИНУ, Герою Советского Союза, Генералиссимусу! Имя его будет жить в веках, как и имя великих побед».

Старший сержант Шашлов П.Е., член ВКП(б), в РККА и на фронте с 1941 г., награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу» сказал:

«В трудные для страны дни товарищ СТАЛИН сплотил и поднял советский народ на борьбу с врагом. Лозунг товарища СТАЛИНА «Наше дело правое. Враг будет разбит» объединил все силы народа нашего тыла и фронта в единый и могучий кулак. Только в результате гениальной стратегии и таланта товарища СТАЛИНА мы смогли выдержать внезапное нападение врага, а затем и победить. Не знает история такого гения в хозяйственной, политической и военной деятельности, как наш великий и всеми любимый Вождь и Отец товарищ СТАЛИН. Нет такой меры, чтобы оценить заслуги Великого Полководца перед Родиной и человечеством».

Ефрейтор Полозов С.В., 1919 г. рожд., б/п, русский, образование 5 классов, в РККА с 1937 г., на фронте с 1941 г., 2 тяжёлые контузии, 3 ранения, награждён медалью «За отвагу», орденами Славы 3-й степени, Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени сказал:

«В первые дни Отечественной войны товарищ СТАЛИН убедил всех, что наш народ никогда не будет порабощён. Имя товарища СТАЛИНА на протяжении всей Великой Отечественной войны было для нас символом жизни и победы. В трудные минуты боя мы думали о товарище СТАЛИНЕ, надеялись и побеждали. Товарищ СТАЛИН всегда был с нами. СТАЛИН – наш Отец. Первый мой орден по праву принадлежит мудрому и Гениальному Полководцу товарищу СТАЛИНУ».

Ст. лейтенант Кужель, командир 2-й батареи, член ВКП(б), сказал:

«Только товарищ СТАЛИН заслуживает такого высокого звания – Генералиссимус. Народ, партия, Правительство воздают должное его заслугам. Мы на весь мир гордимся своим Вождём, гениальнейшим человеком современности – товарищем СТАЛИНЫМ».

Гв. рядовой из нового пополнения Климов заявил:

«Все наши сердца наполнены горячей любовью и восхищением, что великий человек – ЧЕЛОВЕК ПОБЕДЫ – товарищ СТАЛИН удостоен высшей награды и звания. Весь мир восхищается гениальностью и прозорливостью СТАЛИНА. Заслуги его неоценимы перед Родиной в деле полной победы над немецко-фашистскими захватчиками. Он спас весь мир от коричневой чумы. Пожелаем товарищу СТАЛИНУ долгие годы жизни и здоровья на благо нашей Родины».

Гв. лейтенант Задорожный, член ВКП(б), в своём выступлении сказал:

«С первых дней Великой Отечественной войны товарищ СТАЛИН встал во главе нашего правительства и руководства Красной

Армии. Вся тяжесть легла на его плечи. Во всех операциях, начиная с разгрома немцев под Москвой и Сталинградом и кончая разгромом немцев в Берлине, видна была руководящая роль и направляющая рука товарища СТАЛИНА. Его стратегия побеждать привела к полному и окончательному разгрому врага. Я горячо приветствую Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении товарищу СТАЛИНУ высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза».

Красноармеец Кандыбович С.С., 1903 г. рожд., белорус, член ВКП(б) с 1938 г., в РККА с 1941 г., дважды орденоносец:

«Непередаваема наша солдатская радость, когда мы узнали о награждении нашего любимого полководца товарища СТАЛИНА. Это умом великого СТАЛИНА был разработан план разгрома гитлеровской Германии, это СТАЛИН вдохновил нас, воинов, на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, это СТАЛИН нас привёл к полной победе над врагом. Великий СТАЛИН — наша гордость, наша Слава!»

Мл. сержант Остриков:

«Я давно думал, что товарищу СТАЛИНУ нужно присвоить такое высокое звание, какое в мире никто не имеет, потому что товарищ СТАЛИН самый большой человек в мире, и это высокое звание подходит только товарищу СТАЛИНУ. Где СТАЛИН — там правда, там — победа!».

Каждое выступление встречалось долгими и бурными аплодисментами всех участников митинга и мощным троекратным «Ура!».

После митинга оркестр исполнил Гимн Советского Союза.

Во всех частях и подразделениях на митингах были приняты приветственные телеграммы и письма товарищу СТАЛИНУ. Благодарности Вождю отпечатаны на отдельных бланках.

Одно из писем следующего содержания:

«Москва. Кремль

Верховному Главнокомандующему
Генералиссимусу Советского Союза
Иосифу Виссарионовичу
СТАЛИНУ

Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович!

Мы, рядовые, сержанты и офицеры, собравшись на митинг, посвящённый награждению Вас высшей Правительственной наградой орденом «Победа» и присвоением Вам звания «Герой Советского

Союза» и высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза», поздравляем Вас, дорогой и горячо любимый наш Вождь и Учитель, шлём Вам пламенный и чистосердечный привет, и желаем Вам наилучших успехов в Вашей жизни и работе по укреплению мощи и величия нашей социалистической Отчизны.

Ваши заслуги достойно оценены советским народом и большевистской партией, вдохновляют нас на новые успехи в повышении боевой выучки всего личного состава и мы обещаем Вам, что отдадим все силы, знания и энергию для укрепления боеспособности Красной Армии и закреплению победы и будем всегда готовы по личному Вашему призыву выполнить долг перед Матерью-Родиной.

Да здравствует наш ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН!

Слава нашему мудрому Вождю, Полководцу, Генералиссимусу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ!»

Во всех частях, кроме митингов, проведены беседы на тему: «Товарищ СТАЛИН — организатор и вдохновитель победы советского народа над Германией». Во всех Ленинских комнатах сделаны витрины, на которых помещены портрет товарища СТАЛИНА и Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении вторым орденом «Победа» и присвоении звания «Герой Советского Союза» и высшего воинского звания Генералиссимус.

Полковник Фролов

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 138 СТР. ПОЛКА

Начальнику политотдела 425 сд

Доношу, что 28 июня с.г. при проведении во 2-м стр. батальоне 138 стр. полка митинга в честь присвоения товарищу И.В. СТАЛИНУ высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза» имел место непредусмотренный инцидент.

В конце запланированных выступлений попросил слова командир взвода снабжения батальона старшина Городецкий, который, сказав об исключительных заслугах Величайшего полководца и стратега в истории человечества Верховного Главнокомандующего товарища И.В. СТАЛИНА, неожиданно призвал присутствующих обратиться в Москву в ЦК ВКП(б) с предложением о том, что коммунистическую партию теперь следует именовать не партия

Ленина-Сталина, а партия Сталина-Ленина, так как после победы в Отечественной войне у товарища И.В. СТАЛИНА заслуг намного больше, чем их было у Ленина, и руководит он партией дольше, отчего его имя должно быть поставлено первым. Тут же он самолично, фактически игнорируя проводившего митинг зам. командира батальона по политчасти капитана Нефёдова, предложил проголосовать за своё предложение и большинство присутствующих подняли руки. После этого Городецкий потребовал сообщить о его предложении и о проведённом голосовании в Москву в ЦК ВКП(б).

Капитан Нефёдов оказался застигнутым врасплох предложением Городецкого и, чтобы выиграть время для получения указаний, сказал ему и всем присутствующим, что в наименовании партии Ленина—Сталина соблюдён хронологический порядок, так как Ленин руководил партией раньше, чем товарищ И.В. СТАЛИН, что подобная перестановка фамилий в обозначении партии может быть сделана только по решению ЦК ВКП(б), однако никаких указаний по этому вопросу не было и нет, и потому он не может докладывать об этом голосовании не только в Москву, но даже в политотдел армии.

Тогда Городецкий заявил, что в таком случае он, как член партии, считает своим долгом лично сообщить об этом предложении в ЦК ВКП(б), называя проведённое им голосование изъявлением «воли народа».

Старшина Городецкий Семён Васильевич, 1917 г. рожд., урож. г. Ростова, украинец, член ВКП(б) с 1944 г., образование 5 классов, перед войной работал парикмахером в Николаевском морском порту, в армию призван в декабре 1942 г. Ферганским РВК Узбекской ССР, имеет лёгкое ранение и контузию, награждён медалями «За боевые заслуги» и «За взятие Берлина».

Капитану Нефёдову мною строго указано на то, что это был митинг личного состава батальона, а не партийное или комсомольское собрание, а на митингах в армии не может иметь место какого-либо рода голосование. За допущение непредусмотренного заранее выступления старшины Городецкого и голосования на митинге он предупреждён мною о неполном служебном соответствии.

Как мне стало известно, Городецкий после митинга писал и переписывал какие-то бумаги, заявив окружающим, что, как только его письмо будет получено в Москве, «у многих здесь полетят погоны и головы». После этого я отправился в батальон и беседовал с Городецким, просил его не торопиться и в любом случае в ближайшие сутки никуда не обращаться и писем в Москву не писать.

В действиях Городецкого усматриваются элементы шантажа. Две недели назад Городецкий подал рапорт о предоставлении ему краткосрочного отпуска якобы в связи с тяжёлой болезнью матери, однако присланная ему справка не была заверена печатью и вызвала сомнения своей неграмотностью, и в предоставлении отпуска с выездом в г. Николаев Городецкому командиром полка было отказано. Сегодня во время ужина он сказал: «Они не пустили меня домой, теперь они попляшут».

Направляя Вам нарочным это внеочередное донесение, прошу Ваших незамедлительных указаний, а по возможности, и Вашего приезда в полк для беседы с Городецким. Полагаю, что, если он отправит письмо и его предложение в Москве будет поддержано и принято, нас обвинят в политической близорукости и незрелости, в утрате большевистского чутья и тогда действительно могут «полететь погоны и головы».

Майор Глухов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 102 СД

29.06.45 г.

С получением сообщений о присвоении Указами Президиума Верховного Совета СССР товарищу СТАЛИНУ звания «Герой Советского Союза», высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза» и награждении вторым орденом «Победа» во всех частях и соединениях дивизии проведены политинформации и митинги согласно спущенных указаний и рекомендаций.

Весь личный состав с большой радостью встретил эти сообщения и единодушно одобрил решение нашего Советского Правительства. На митингах выступило более 40 бойцов, сержантов и офицеров. В своих выступлениях они ещё раз выразили свою глубокую любовь и безграничную преданность к своему Вождю, Гению и Полководцу товарищу СТАЛИНУ.

Командир батареи 76-мм пушек старший сержант Копельник Илья Григорьевич, 1917 г. рожд., урож. г. Днепропетровска, еврей, член ВКП(б) с 1942 г., образование 10 классов, в Красной Армии с июля 1941 г., имеет одно тяжёлое ранение и два лёгких, награждён орденами Красной Звезды и Славы 2-й и 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», выступая на митинге в артполку, сказал:

«Полководческий гений Кутузова, заманившего французов вместе с Наполеоном в Москву, был стократно превзойдён величайшим стратегическим гением товарища СТАЛИНА, с изумительной прозорливостью заманившего немцев на огромную территорию не только к Москве, но и до Волги, и до вершин Кавказа, что и привело к их последующему поражению и к нашей Победе. Если Кутузов был удостоен звания фельдмаршала[1], то звания Генералиссимус для товарища СТАЛИНА совершенно недостаточно, он заслуживает бóльшего. Все эти награды и звания для великого СТАЛИНА малы. Присвоение звания «Герой Советского Союза» и Генералиссимус и награждение вторым орденом «Победа» лишь незначительная дань безмерным заслугам Величайшего Полководца всех времён и народов, Спасителя Европы и мировой цивилизации, Верховного Главнокомандующего товарища СТАЛИНА, который каждому из нас ближе и дороже родной матери, отца и жены вместе взятых».

Комсорг стрелкового полка лейтенант Никулин Афанасий Дормидонтович, 1921 г. рожд., урож. д. Речица, Кромского р-на, Орловской обл., русский, член ВКП(б), в армии с 1941 г., имеет два тяжёлых ранения и контузию, награждён орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина», выступая на митинге во 2-м стр. батальоне, сказал:

«С именем великого СТАЛИНА мы победили в октябре семнадцатого года. С его именем связаны все наши победы в гражданской войне. Под его гениальным руководством мы превратили сельское хозяйство из отсталого единоличного в передовое колхозное и стали страной радостного цветущего изобилия. Под его гениальным руководством мы ликвидировали кулачество как класс и перед войной своевременно уничтожили многочисленную армию врагов народа и предателей Родины, пытавшихся захватить власть в партии, в армии и в государстве. Только благодаря его величайшему гению мы создали нашу тяжёлую индустрию и выиграли небывалую четырёхлетнюю войну. Мы, советские люди, должны гордиться, что на всех этапах были надёжными безотказными винтиками Генералиссимуса Победы, исполнителями его гениальной воли. Наши грядущие потомки спустя тысячелетия будут просыпаться с именем великого СТАЛИНА на устах и вечно завидовать нам, его современникам и очевидцам. Да здравствует величайший Гений и Полководец в истории человечества товарищ СТАЛИН!»

[1] Неточно. М.И.Кутузов имел звание генерал-фельдмаршал.

Здравица, провозглашённая лейтенантом Никулиным, была поддержана стихийно возникшим мощным троекратным «Ура!», выразившим беспредельную преданность и любовь всех присутствующих к товарищу СТАЛИНУ.

К сожалению, второй день всенародного торжества по случаю присвоения товарищу И.В. СТАЛИНУ звания «Герой Советского Союза», высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союзам» и награждения вторым орденом «Победа» был омрачён в дивизии чрезвычайным происшествием.

28 июня командир 7-й стр. роты 15-го стрелкового полка старший лейтенант Габуния, вторые сутки отмечавший исключительные заслуги Верховного Главнокомандующего товарища И.В. СТАЛИНА с ещё пятью однополчанами-грузинами, каждый тост-здравицу запивал рюмкой французского коньяка «Акмевита» и в результате опьянел сверх меры. Возвращаясь на квартиру, он, потеряв ориентировку, в 21.20 забрёл на территорию склада артиллерийского снабжения дивизии и в условиях полной видимости, несмотря на неоднократные окрики часового рядового Коморина «Стой, стрелять буду!» и предупредительный выстрел в воздух, полез сквозь проволочное ограждение. Затем, преодолев заграждение, он двинулся к штабелю с артиллерийскими снарядами, в связи с чем Коморин произвёл из автомата второй предупредительный выстрел. Тогда ст. лейтенант Габуния, выхватив пистолет ТТ, с криком «За Родину! За СТАЛИНА!» бросился к часовому, на ходу стреляя в него, и ранил Коморина в плечо, после чего Коморин применил оружие и с расстояния в шесть метров убил подбегавшего старшего лейтенанта Габуния.

Всё это произошло на глазах проходивших мимо трёх очевидцев, офицеров дивизии, которые подтвердили факт нападения на часового.

Действия рядового Коморина являются уставными, правомерными и не влекут за собой уголовной или другой ответственности. Возможность террористических намерений с его стороны в отношении ст. л-та Габуния отделом контрразведки дивизии полностью исключается. Следствие ведёт Военный Прокурор дивизии, который заявил, что дело будет прекращено.

Полковник Наумов

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 425 СД

Доношу о хулиганском поступке командира батареи ст. лейтенанта Ковалёва.

18.06.45 г., будучи выпивши, он решил жениться на немецкой женщине Шевель Марте, по профессии маникюрше, разведённой с мужем немцем.

Чтобы войти к ней в доверие, Ковалёв написал ей филькину грамоту: на незаполненном бланке благодарности за отличные боевые действия от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И.В. СТАЛИНА он вписал фамилию Марты Шевель и свою, и выдал эту бумагу немке как свидетельство о регистрации брака.

Получив данный «документ», М.Шевель на радостях устроила свадебный ужин с выпивкой и провела ночь со ст. лейтенантом Ковалёвым, но на другой день, обнаружив отсутствие на бланке печати или штампа, решила проверить правильность оформления брачного свидетельства и заодно выяснить, какие у неё теперь права и привилегии как жены советского офицера.

Она отправилась в комендатуру, где дежурным офицером бумага была отобрана и немедленно было проведено расследование.

Приказом командира дивизии ст. лейтенант Ковалёв за дискредитацию офицерского звания, потерю бдительности и физическую близость с немецкой женщиной арестован на 10 суток домашнего ареста с удержанием 50% денежного содержания за каждый день.

За преступно-неуважительное отношение к бланку с изображением Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И.В. СТАЛИНА ст. л-ту Ковалёву будет задержано на 12 месяцев присвоение очередного воинского звания «капитан».

Полковник Фролов

58. ПОТОРОПИЛИСЬ

Я заступил на суточное дежурство. Утро началось с рейда по лагерным постройкам. Заглянул на кухню, в лазарет, продуктовый и дровяной склады, на водокачку и в баню, днём — принял новую партию репатриантов и распределил их по баракам. Всё проходило в обычном режиме. Ночью предстояло совершить обязательный обход всех помещений, проверить караул, охрану и сделать запись в дежурном журнале. День был обычный и не предвещал никаких неожиданностей.

После обеда меня вызвал майор Гаврилов и сообщил, что принято решение отправить Эльзу Треншель в Восточную Пруссию. Меня удивило, что я об этом не знал, но он сказал, что это выяснилось только утром, так как сегодня отправляется эшелон с немцами на территорию союзников, и добавил, что не надо об этом сообщать самой немке, и вывоз её с территории лагеря провести под каким-нибудь предлогом, например, получения разрешения на оформление брака с Зайковым.

— Твоя задача доставить её на станцию, а я немедленно подготовлю необходимые документы.

Вместе с переводчиком мы пошли к ней в барак.

— Фрау Треншель, — сказал я ей, а переводчик перевёл, — мне, как ответственному дежурному по лагерю, поручено передать вам, что вас вызывают в вышестоящий штаб для решения вопроса регистрации брака с Павлом Зайковым. Пока он юридически не оформлен, ваша совместная с ним репатриация в Советский Союз невозможна.

Глаза Эльзы засияли от счастья, она постоянно что-то радостно лопотала:

— Пауль, мой дорогой Пауль, наконец мы всегда будем вместе! — Равнодушным бесцветным голосом переводил переводчик и добавил; — Она спрашивает, не можешь ли ты поехать вместе с ней?

Через час машина с Эльзой в сопровождении меня и старшины Федченко проехала под аркой «Счастливого пути!», покинула лагерь

и покатила в сторону железнодорожной станции. Прибыв на станцию, мы довели Эльзу до платформы и я передал её документы начальнику эшелона. Когда Федченко стал сажать её в теплушку, Эльза поняла, в чём дело. Она бросилась на него как тигрица, отбиваясь руками и ногами, четырёх автоматчиков расшвыряла как котят, протяжно выла и кричала:

— Пауль, меня обманули!!

Она доверилась моим словам, даже не забежала к Зайкову сообщить, что уезжает из лагеря, а я, одураченный Гавриловым, так чудовищно её обманул. У меня всё поплыло перед глазами, когда увидел эту душераздирающую сцену, голова не могла осознать и понять, как это произошло. Вернувшись со станции душевно разбитым, я первым делом зашёл к Гаврилову и с порога ему выпалил:

— Сволочь ты, Гаврилов! Что ты сделал?! Это ты послал меня! Я тебе не верю! Это твоё решение! И я такая же сволочь! Фашисты мы, эсэсовцы!

Вечером я мельком видел Павлика Зайкова, он прошёл в пяти метрах, не заметив меня, с каким-то ненормальным потерянным лицом. Он везде искал Эльзу, а я... боялся встречи с ним.

Узнав об отправке Эльзы Треншель, меня и Гаврилова вызвал начальник политотдела полковник Бутенко. В кабинете уже находился подполковник Полозов, на его спокойном непроницаемом лице ничего нельзя было прочесть, но стальные глаза смотрели жёстко, и мне стало как-то не по себе.

Он вытащил из своей неизменной чёрной папочки листок и зачитал полученную накануне шифротелеграмму с грифом «Секретно»:

— «Управление по делам репатриации при Военном Совете Группы Оккупационных войск в Германии повторно просит срочно сообщить, находится ли в лагере немецкая гражданка Эльза Треншель и какие условия ей созданы?» — затем продолжил. — Я занимаюсь сбором информации по этой немке, а в это время её без разрешения руководства лагеря в спешном порядке отправляют в Западную зону, — и, обращаясь к Гаврилову, грозно спросил: — Кто вам дал право отправлять немку в американскую зону? Кто здесь командует, вы или мы?

— Поторопились, — удручённо промолвил полковник Бутенко.

— Выходит, поторопились, — пробормотал Гаврилов и попытался улыбнуться.

— Мне сказали, что она беременна, это правда? — спросил Бутенко у Полозова.

— Да, правда. Зайков это подтверждает.

— Обман! Враньё! Все беременные у нас зарегистрированы, состоят в специальном списке, — запротестовал Гаврилов, — и питаются по другой норме.

— Молчать! — вдруг повысил голос Полозов. — Вы очень много на себя берёте!

Гаврилов побагровел и, наклонив голову, молчал.

— А ты зачем это сделал? — обратился ко мне Полозов.

— Приказание майора Гаврилова, — помедля секунды, ответил я.

— Извините, никак нет! — запротестовал Гаврилов, — я не приказывал! Федотов был ответственным дежурным по лагерю, а ответственный дежурный мне не подчиняется. Я ему не приказывал!

Вот, гад, осуществляет программу по прикрытию своей задницы, а ведь он мне намекал.

— Должен обратить ваше внимание, — уже спокойным невозмутимым голосом продолжал Полозов, обращаясь в наступившей тишине к полковнику Бутенко, — что майор Гаврилов выпивает без меры, нередко появляется на службе в нетрезвом виде, в разговорах с подчинёнными и репатриантами груб, допускает матерщину и даже рукоприкладство, чем позорит мундир советского офицера.

— Вернётся полковник Быченков, будем решать, — сказал Бутенко и приказал Гаврилову: — Идите! И подготовьте объяснительную.

Собственно ко мне это не относилось, но я покраснел. Как только вышел Гаврилов, Полозов тяжело посмотрел на меня и с горечью спросил:

— Ты-то как вляпался в эту историю? Чем ты думал? Ты разведчик или кисейная барышня? Прежде чем что-либо сделать, сначала подумай, мозгами пошевели! Сомневаешься — уточни, проверь! Не мне тебя учить!

Я убито молчал, мне стало совсем не по себе и какая-то пустота внутри. Впрочем, выйдя из кабинета, я тут же успокоил себя. Откуда мне было знать, что она беременна — у неё что, это на лбу написано?

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НАЧАЛЬНИКА УЧЁТНОГО ОТДЕЛА МАЙОРА ГАВРИЛОВА

(записано военным дознавателем капитаном Леоновым)

По существу вопроса хочу показать нижеследующее:

Вскоре после карантина, числа 15 июня, днём, в лагерь прибыли офицеры Генерального штаба полковник и майор. Ни комен-

данта, ни его заместителей в лагере не было и они пришли сразу ко мне. Я сам проверял у них документы, фамилия полковника Обухов Михаил Алексеевич или Александрович, по должности он начальник отдела. Фамилию и должность майора я не запомнил, но у него тоже было удостоверение офицера Генерального штаба.

Полковник спросил меня, не содержится ли у нас в лагере женщина немецкой национальности, в частности в возрасте 25–30 лет. Так как по всем приказам немок у нас в лагере быть не должно, я, чтобы не подводить командование лагеря, сказал ему, что ни одной немки в лагере нет, скрыв от него нахождение в лагере Эльзы Треншель. Тогда он попросил подтвердить это справкой, и я ему такую справку написал и заверил её гербовой печатью, но справку эту по книгам учёта не зарегистрировал.

О приходе ко мне полковника Обухова и майора и о выданной мною справке я сразу же доложил начальнику политотдела полковнику Бутенко. Он был обеспокоен и сказал, что «это – полный абзац», отругал меня за обман вышестоящего командования, офицеров Генерального штаба, и я понял, что дело серьёзное и могут быть неприятности.

Доложил ли полковник Бутенко о моём разговоре коменданту лагеря полковнику Быченкову, я не знаю, но никаких приказаний или намёков в отношении немецкой женщины Треншель от них не последовало. Однако, чтобы не обманывать и дальше вышестоящее командование и не подводить полковника Быченкова и его заместителей, мне не оставалось ничего иного, как при первой возможности отправить её из лагеря.

Такая возможность представилась, когда мне сообщили, что 27 июня на станции находится эшелон с переселяемыми на территорию союзников немцами и готов к отправке в район Гамбурга, где у Треншель, как она сама говорила, имелись родственники.

Тогда я спросил ответственного в этот день оперативного дежурного по лагерю старшего лейтенанта Федотова, не мог бы он сопроводить немку в этот эшелон.

Он охотно согласился. По моему приказанию зав. делопроизводством отдела сержант Лихачёв выписал пропуск на имя Эльзы Треншель для проезда через демаркационную линию. Всё остальное делали Федотов и старшина Федченко, они отвезли немку на станцию, передали пропуск на неё начальнику эшелона и посадили в вагон.

Прошу отметить, что я всё время был против нахождения немецкой женщины Эльзы Треншель в лагере для советских граждан и неоднократно говорил об этом начальнику политотдела полковнику Бутенко.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

Майор Гаврилов

ДОНЕСЕНИЕ

Начальнику отдела НКВД

Доношу, что Военной Комендатурой ст. Гумбиннен при попытке проехать в эшелоне вместе с партией репатриируемых итальянцев задержаны три женщины немецкой национальности:

Крестофур Эльфрида, 1915 г. рожд., Квордей Елизавета, 1917 г. рожд. и Радих Маргарита, 1924 г. рожд.

Они были переодеты в итальянскую военную форму, представились «жёнами» репатриируемых итальянцев, но кого конкретно назвать не могли.

В сопровождении двух военнослужащих направляю их в Ваш отдел для проверки.

СПЕЦПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

При следовании ... стр. полка эшелоном на Родину командир взвода 5-й роты 2-го стр. батальона лейтенант Хотулёв пытался скрытно провезти на советскую территорию репатриантку, польскую гражданку Ядвигу Хмелевскую, 17 лет, которую он незаконно, не имея на то никаких документов, считал своей женой.

26 июня с.г. на ст. Белосток Хмелевская была обнаружена в теплушке взвода дежурным по эшелону капитаном Свиридовым и, несмотря на возражения Хотулёва и бойцов его взвода, высажена из вагона. Спустя минуту на глазах Хотулёва и бойцов она бросилась под проходящий состав.

Соцдемографические данные: лейтенант Хотулёв Сергей Васильевич, 1925 г. рожд., урож. Сасовского р-на, Рязанской обл., русский, комсомолец, образование 8 классов, в Красной Армии с августа 1942 г., не судим, в плену или окружении не был, имеет два тяжёлых ранения, одно лёгкое и контузию, награждён орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За освобождение Варшавы».

До этого Хотулёв считался морально устойчивым и характеризовался только положительно. В течение четырёх месяцев являлся членом комсомольского бюро батальона.

Соцдемографических данных на Ядвигу Хмелевскую в полку не имеется, известно, что ни родителей, ни родственников у неё не было, отчего Хотулёв и бойцы его взвода относились к ней как к сироте, с повышенной жалостью и заботой. Почувствовав это, она влюбилась в Хотулёва сверх меры, что и привело к трагическому исходу.

27 июня с.г. на станции Барановичи лейтенант Хотулёв передан Военному Коменданту для срочной госпитализации в связи с острым нервным расстройством типа помешательства.

Действия капитана Свиридова являются уставными, правомерными и полностью соответствуют параграфу 61, пункт «ж» «Наставления по железнодорожным перевозкам войск» и приказам вышестоящего командования, категорически воспрещающих провоз и проезд посторонних и, прежде всего, гражданских лиц в воинских эшелонах.

С бойцами взвода, которым командовал лейтенант Хотулёв, проведена большая разъяснительная работа. Они ознакомлены текстуально с основными параграфами «Наставления по железнодорожным перевозкам войск», до их сознания в благовидной форме доведена незаконность действий и поведения лейтенанта Хотулёва, вступившего в половое сожительство с несовершеннолетней, к тому же являющейся иностранной подданной, и, более того, пытавшегося скрытно провезти её на территорию СССР, что является государственным преступлением.

Нач. политотдела
майор Куликов

УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СКРЫННИКА

27.06.45 г.

Согласно телеграммы Зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майора Голубева от 26.6 с.г. за последнее время при отправке репатриированных советских граждан в СССР участились случаи проникновения вместе с ними иностранных граждан.

Так, при проверке по состоянию на 20.6.45 г. на Брестском проверочно-фильтрационном пункте выявлено иностранцев 29 человек, на Кишинёвском — 13 чел., в Одесском транзитном лагере № 186 — 17 чел., в Мурманском транзитном лагере № 191 — 14 чел., на ст. Рава-Русская — 18 чел., на ст. Алкино — 20 человек.

Подавляющее большинство ввезённых в СССР иностранцев составляют женщины, в том числе и подданные воевавших с нами стран, и среди них: немок — 9 (двое с детьми), румынок — 5, венгерок — 3, итальянок — 2. Как правило, эти лица были внесены в списки под видом жён репатриантов, хотя ни советского гражданства, ни положенного по закону юридического оформления брака ни в одном случае не имелось.

Изложенные выше факты могли иметь место только в результате потери бдительности и чувства ответственности офицерами, ведающими репатриацией, незаконного включения в списки — под видом советских граждан — иностранцев и граничащей с преступной халатностью недобросовестной проверки отправляемых в СССР репатриантов. Виновные в этом коменданты лагерей полковник Терещенко, подполковники Малинин и Ленский, начальник сборно-пересыльного пункта майор Куликов отстранены от занимаемых должностей. Одиннадцать офицеров наказаны в дисциплинарном порядке. Большинство виновных привлекаются также и к партийной ответственности.

Требую принятия экстренных строжайших мер для предотвращения подобных явлений. При каждой отправке комендантам лагерей и начальникам сборно-пересыльных пунктов ЛИЧНО производить самую тщательную поголовную проверку всех убывающих репатриантов, обращая особое внимание на семейные пары, чтобы исключить любую возможность проникновения в СССР под видом «жён» или «мужей» шпионов и другого враждебного элемента.

Согласно Постановления Правительства все иностранцы, незаконно направленные и ввезённые на территорию СССР, подлежат выдворению из пределов СССР в порядкеререпатриации.

59. ВО СНЕ И НАЯВУ

В ночь после отправки Эльзы мне приснился странный, совершенно нереальный сон.

Полки дивизии в новенькой парадной форме были выстроены на каком-то огромном строевом плацу. Астапыч, торжественно-важный, увешанный орденами и медалями, как новогодняя ёлка игрушками, стоял посреди этого огромного, утоптанного тысячами ног, поля, по-хозяйски осматривал фронт построения, затем, оборотясь, вдруг скомандовал:

— Равняйсь!.. Смир-рна!!! Для встречи слева... слу-ушай, на кар-раул!!! — и бросился в противоположную сторону кому-то навстречу.

Вся дивизия замерла в парадном построении, с правого фланга раздались звуки оркестра — он играл «Встречный марш», — а Астапыч с поднятой подвысь шашкой уже рапортовал... Эльзе Треншель, и я ощутил мгновенное облегчение и даже во сне у меня тяжесть спала с души: «Вернулась, значит, вернулась!»

Потом Эльза, выставив вперёд большой живот, какой бывает в конце беременности, сопровождаемая Астапычем и почётным офицерским эскортом, обходила строй, здороваясь поочерёдно с подразделениями, и ей отвечали как высокому начальству и, как мне показалось, все преданно смотрели на её живот. Над батальонами, перекатываясь, гремело: «Здравия желаем, товарищ...», а вот как её дальше именовали, что следовало за словом «товарищ» я, как ни старался, разобрать не мог.

Когда она приблизилась, я разглядел шедшего рядом Астапыча и по обеим сторонам сбоку и чуть сзади офицеров почётного эскорта — полковника Бутенко, подполковника Полозова, Володьку и среди них примазавшегося майора Гаврилова, который смотрел на Эльзу преданно, как он всегда смотрел на Полозова. С шашками наголо в положении «на руку» они печатали строевой шаг — широкий и чеканный, — когда все враз поднимают ноги и с силой ставят их всей ступнёй.

Затем оркестр умолк, началось сопровождаемое голосами команд перестроение, а Эльза тем временем поднялась на обтянутый красным небольшой пьедестал высотой не более метра; Астапыч проворно поместился за её правым плечом, офицеры эскорта — внизу близ углов и застыли в готовности, напряжённо-бдительные, с оголёнными клинками: только сунься — зарубят! И тут же над плацем разнеслась протяжная команда:

— К цере-мониаль-ному маршу... дистанция одного линейного... первый батальон прямо... остальные на-пра-во!.. Шагом, марш!

Грянул бравурный марш Чернецкого[1], Астапыч вскинул руку под козырёк, и перед маленькой трибуной вдоль линейных, ловко державших карабины «по-ефрейторски», началось торжественное прохождение дивизии. Перед каждым батальоном шагало по несколько офицеров с оголёнными шашками «на руку». Не доходя шагов десять до Эльзы, они вымахивали клинки подвысь, а, миновав трибуну, столь же чеканным энергичным движением опускали их вниз. Рядовые же бойцы, кроме правофланговых, приближаясь к трибуне, тяжёлым ударом всей ступнёй и с силой печатая шаг, поворачивали головы вправо и преданно смотрели на немку.

Выставив вперёд живот, она радостно улыбалась и держала поднятую небрежно руку в каком-то приветствии, даже непонятно — в каком?.. А собственно, не всё ли равно?.. Главное — что она вернулась! Главное, что если я в чём-то ошибся, то жизнь меня уже поправила...

Утром я проснулся поздно, вернее солнце разбудило меня, с головной болью, и сразу понял, что всё это, увы, только сон.

Полчаса я усиленно работал с гантелями и эспандером, уделяя особое внимание левому бицепсу. Затем с ощущением едва уловимой приятной лёгкой мышечной усталости стал под душ, отвернул кран до предела и минут пять, поворачиваясь и отклоняясь, тонкими сильными струйками массировал тело. И всё это время — с момента пробуждения — мыслями я то и дело возвращался к Эльзе Треншель. Неприятные воспоминания о вчерашнем посетили меня, но не надолго.

Откуда я мог знать, что она беременна? На лбу у неё действительно ничего не было написано. Ведь не врач же я!? Более того, ни она сама, ни Павлик об этом не сказали ни слова.

---

[1] Генерал-майор С.А.Чернецкий, композитор, автор более 40 маршей и 30 песен. Его фанфарный марш «Слава Родине» передавали по радио после сводок Совинформбюро, важных сообщений, звучали на парадах и сопровождали салюты.

А кто она? Немка из Восточной Пруссии! Причём не простая, а решившая одурачить, обхитрить советского человека, пусть и бывшего военнопленного, и таким путём проникнуть к нам в Россию. А немцев из Восточной Пруссии переселяют, как известно, отнюдь не в Советский Союз, а в Германию, в том числе и в западные зоны — там ей и место! Там и только там...

Что же касается Павлика, то все были убеждены, что стоит ему переспать с любой из тысяч репатрианток в лагере, он об этой немочке вскоре даже и не вспомнит.

Всё выходило правильно, и чем дальше я таким образом размышлял и утешал самого себя, тем больше убеждался в своей полной правоте и невиновности...

...А сон, как говорится, оказался «в руку». Через несколько дней из Военного Совета армии пришла депеша, что на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования осуществляется реорганизация армии и приказом Главнокомандующего Центральной Группы войск 136-й стрелковый корпус подлежит расформированию, части его передаются на доукомплектование других корпусов.

Снаряд судьбы попал в родную дважды Краснознамённую, орденов Суворова и Кутузова 425-ю стрелковую дивизию, и все мои мечты о её вечном существовании разлетелись как пороховой дым, рассыпались как песочный домик.

И было торжественное прощание, только без палашей и клинков, но с прощальным салютом. Фролов, Кириллов, Елагин, Кока, обожаемый мною гусар капитан Арнаутов разлетались как осколки снаряда в разные стороны.

В воронке жизни остались только мы трое: Володька, Мишута и я...

* * *

В конце июня я был назначен начальником команды сопровождения эшелона из Германии в Москву. Предваряющий инструктаж-накачка как никогда проходил в условиях повышенной секретности, мероприятие обозначалось как «спецзадание» и «особо ответственное задание».

Как мне объяснили, эшелон должен был вывозить особо ценные трофеи — то, что было награблено фашистами, теперь возвращается на Родину, — и что это имеет для страны огромное экономическое

значение и поможет нашему правительству в восстановлении разрушенных немцами городов и хозяйств.

29 июня состоялся так запомнившийся мне рейс. Грузились мы ночью на площадке Остбанхоф (Берлин) с колёс из «студебеккеров», а также из расположенного поблизости пакгауза. К трём большим товарным четырёхосным вагонам были доставлены тщательно упакованные и обшитые сверху плотной мешковиной разных размеров картины, которые с большой осторожностью перегружали из накрытых тентами кузовов в вагоны на толстую мягкую подстилку и, установив вдоль оси движения, закрепляли брезентовыми стропами, оставляя посредине, перпендикулярно, проходы шириной около метра.

Руководил и наблюдал за погрузкой плотного сложения, лет сорока, с хорошей выправкой офицер, одетый в обмундирование без видимых знаков различия, неразговорчивый, фамилию которого, как я понял, мне знать было не положено, обращаться к нему, как он сам установил, только по званию «товарищ полковник» и только при крайней необходимости.

Все габариты имели на углах фанерные бирки с номерами, и по перечню, который был на руках у полковника, можно было мгновенно определить, какая картина упакована под тем или иным номером.

В четвёртом таком пульмановском вагоне вдоль стен были помещены огромные банковские сейфы, укреплённые на металлических станинах, в свою очередь схваченных толстыми болтами, пропущенными сквозь пол вагона. В эти сейфы обливавшимися пóтом сотрудниками НКВД в штатском были погружены сотни невысоких коробок с сургучными печатями и номерами на боковых стенках. Эти коробки устанавливались в сейфы под личным присмотром полковника – никто из нас в вагоны с драгоценностями и картинами не допускался.

За раздвижными дверями каждого из этих вагонов сверху, как занавес, крепилось брезентовое полотнище, и разглядеть снаружи, что находится внутри, было невозможно.

После погрузки сержанты-кинологи, тоже военнослужащие войск НКВД, запустили в каждый из этих четырёх вагонов по паре сторожевых собак, так называемых «ПЗ» – повышенной злобности.

Эти четыре больших пульмановских вагона являлись «особо охраняемым объектом» и с обеих сторон окаймлялись двухосными теплушками с караулом полной взводной численности (35–40 человек), имевшим в своём составе трёх—четырёх офицеров и ручные

пулемёты. Рядом располагалась теплушка, где разместились кинологи с резервными собаками, которых использовали при обходе эшелона на остановках.

В обеих теплушках с караулом имелись тормозные площадки, на которых в тёмное и ночное время обязаны были находиться два офицера и расчёты с ручными пулемётами.

К голове состава и к хвостовой части прицепили по шесть пульмановских вагонов с дорогой антикварной мебелью, драгоценными коврами, различными ящиками с надписями «Осторожно! Стекло!» и бесчисленными тюками, один такой тюк разъехался по шву, и я увидел в нём дорогие женские меховые шубы.

В трёх или четырёх вагонах везли голубого и розового цвета мраморные плиты, якобы демонтированные на вилле не то Геринга, не то Геббельса.

В голове эшелона рядом с паровозом помещалась двухосная теплушка полковника, куда перед рейсом установили двуспальную кровать и мягкое кресло, в котором он любил сидеть в пути у раздвинутой двери вагона и пить понемногу коньяк — от него с утра припахивало алкоголем, но пьяным я его ни разу не видел: он держался всегда твёрдо и строго, даже суховато.

Из Германии до Москвы эшелон мчался по «зелёной улице». За всё время пути было всего три остановки: в Бресте, Минске и Смоленске, где наш литерный эшелон ожидали сменные паровозы и встречали начальники местных транспортных отделов НКВД. Они тянулись перед полковником, готовые оказывать всякое содействие, однако единственно, в чём они участвовали — это в обеспечении внеочередного питания личного состава караула на военно-продовольственных пунктах, где прежде всего мы по талонам забирали в большие бачки пятнадцать—двадцать обедов для собак.

Всё делалось быстро, слаженно, в том числе и в Бресте, пограничному досмотру наш эшелон не подлежал, и сейчас же мы ехали дальше.

Мы прибыли на рассвете под Москву на станцию Одинцово, где полковника уже ожидала легковая машина. Он уехал в Москву и отсутствовал несколько часов. Вскоре после его возвращения к эшелону на двух больших легковых автомашинах прибыл со своим адъютантом или порученцем невысокий и даже невзрачный человечек с неприятным высокомерным лицом. Он был одет в импортный серого цвета макинтош с воротником, поднятым к ушам. Хотя моросил дождик и в облаках — ни просвета, на нём были тёмные солнцеза-

щитные очки и надвинутая на лоб небольшая серая фетровая шляпа. По классу автомашины и по поведению полковника я сразу понял, что это высокое начальство. Когда же полковник обратился к нему: «Товарищ комиссар!», до меня сразу дошло, что это всемогущий комиссар госбезопасности Серов, по прозвищу «Иван Грозный», приятель молодости моего дяшки Круподёрова и его коллега.

Спустя многие годы я узнал, что поднятый воротник пальто или плаща, надвинутая на глаза шляпа, а иногда и тёмные очки были излюбленной маской Лаврентия Берии, который, при необходимости где-нибудь появиться и быть при этом неузнанным, прибегал к подобной экипировке. Серов же, надо полагать, подражал любимому шефу и, как выяснилось впоследствии, не только в манере поведения. Тем не менее, он, являясь многие годы его первым заместителем, каким-то непостижимым образом избежал суда и расстрела в отличие от моего дяшки Круподёрова, занимавшего значительно меньший пост начальника какого-то отдела, и своего непосредственного начальника Берии.

Во второй машине приехала женщина, лет сорока пяти, с хорошим русским лицом, её сопровождал молодой сотрудник в штатском и, когда она переступала через рельсы, заботливо поддерживал под руку. Я поначалу решил, что это жена Сталина, прибывшая, чтобы отобрать картины и мебель для своей квартиры, но позднее выяснилось, что это — специалистка-искусствовед.

По приказанию полковника я, сняв пломбу, открыл один из четырёхосных вагонов с картинами и навесил металлическую стремянку. Кинологи, надев на собак намордники, убрали их из вагона, и мы помогли Серову и этой женщине подняться в вагон. Вслед за ними туда залезли порученец и полковник, который приказал мне находиться снаружи наготове, «соблюдая дистанцию», очевидно, чтобы я не слышал их разговоров.

В вагоне за задвинутой, как только все поднялись, дверью они пробыли примерно полчаса, потом та же самая процедура повторилась и со вторым четырёхосным вагоном, где также были картины, но тут, минут через десять, дверь отворилась и полковник потребовал у меня нож, который я ему передал. Буквально через минуту он снова откатил дверь и приказал мне подняться в вагон. Я понадобился для того, чтобы помочь передвинуть и развернуть большую, размером три на два метра, картину в тяжёлой раме — её почему-то решили открыть и посмотреть. Полковник моим складным трофейным ножом разрезал шпагат, которым была сшита и стянута

наружная мешковина, под ней с обеих сторон были большие листы толстого упаковочного картона, под ними картина ещё была обернута в полотнище из толстой белой фланели или байки.

Я стоял и держал картину с обратной стороны и видеть, что на ней было изображено, не мог. Сбоку её придерживал порученец Серова, а он сам, женщина и полковник при свете длинных американских электрофонарей рассматривали картину. Серов задал женщине-искусствоведу вопрос, смысл которого, как я понял, мол, это действительно шедевр? И она испуганно ответила, что это – бесценная картина, после чего Серов что-то сказал вполголоса полковнику и тот сделал пометку в списке. Я тут же был удалён из вагона и больше при таких разговорах не присутствовал.

Серова я видел ещё два раза, и он опять с женщиной-искусствоведом, полковником и своим порученцем поднимался в вагон, но больше меня туда ни разу не приглашали, и что там происходило и говорилось за задвинутыми дверями, я не знаю. В тех случаях, когда Серов находился в Германии, эшелон в Москве встречал какой-то уполномоченный им человек, блондин, лет пятидесяти, с бледным «кабинетным» лицом.

Спустя многие годы я узнал, что женщина, которую я сначала принял за жену Сталина, оказалась известным искусствоведом, была участницей определения и классификации трофейных картин, в том числе разысканных и спасённых нашими войсками шедевров Дрезденской галереи, членом-корреспондентом Академии художеств: фамилия её, если не изменяет мне память, была Соколова, имя, кажется Наталья, отчество, к сожалению, не запомнил.

В конце пятидесятых годов Н.С.Хрущев создал комиссию под председательством тогдашнего министра внутренних дел Дударова по расследованию исчезновения многих трофейных богатств, вывезенных из Германии. Опрашивались десятки или сотни людей, причастных к этому. Разыскали и меня. На протяжении двух недель я отвечал на множество вопросов, бесконечно что-то вспоминал, дополнял и уточнял. Тогда я и узнал, что именно Комиссаром Госбезопасности 2-го ранга Серовым, под его непосредственным руководством, с ведома или по поручению Берии было вывезено только из Германии свыше пятидесяти эшелонов с трофеями, причём ни один из этих эшелонов на территории Советского Союза оприходован не был – всё наиболее ценное из этих пятидесяти с лишним эшелонов было похищено и присвоено Серовым и Берией.

* * *

Второго июля, когда я вернулся со спецзадания, меня встретил Мишута, он был взволнован и с трудом подбирал слова:

– Худо дело, Василий... Беда!.. Наш Ромео... Павлик, – и скорбно замолчал.

– Что с ним? Что случилось? – в мыслях промелькнуло, что по каким-то неизвестным мне обстоятельствам его арестовали и отправили в спецлагерь НКВД.

Но всё оказалось гораздо хуже. Мишута рассказал:

– Когда Зайков узнал, что Эльзу отправили вместе с немцами в американскую зону, он разрыдался и буквально сошёл с ума. С безумными, широко раскрытыми глазами он ворвался в кабинет Астапыча и, не обращая ни на кого внимания, кричал: «Что вы наделали?! Вы её погубили!! Вы собственными руками послали её на смерть, вы все здесь убийцы!!» Спустя два дня он пропал. Его отсутствие заметили только к вечеру и посчитали, что он сбежал из лагеря искать Эльзу. А наутро его труп обнаружили на чердаке дровяного склада, куда он проник через лаз и повесился. Приезжал прокурор, допрашивал Астапыча, Бутенко, Гаврилова. Полозов его убедил, что самоубийство Зайков совершил в состоянии душевного расстройства.

– Как ты думаешь, – спросил я Мишуту, – неужели он действительно покончил жизнь самоубийством из-за Эльзы? А мы ещё подтрунивали над этой парочкой, называя их Ромео и Джульеттой. Зачем он это сделал? Зачем?! Как же так?

У меня в голове не укладывалось, что тот самый Паша Зайков, который осудил самоубийство репатрианта Петрова, повесившегося в сортире барака, назвав его поступок недостойным советского, хоть и бывшего, офицера, сам же его и совершил. Что заставило его пойти на это? Неужели, пройдя войну, немецкие лагеря и испытания, Эльза оказалась для него тем краем, той последней чертой, за которой жизнь без неё потеряла для него всякий смысл? Неужели?!

Мне вдруг стало понятно, почему он выбрал местом дровяной склад, чтобы свести счёты с жизнью: здесь навсегда он простился с женщиной, которой тут объяснился в любви. Перед глазами всплыла и навсегда запечатлелась в памяти та их тайная встреча: Паша громко и нараспев читает Эльзе стихи Есенина, а она не сводит с него восхищённых влюблённых глаз...

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Секретно

Начальнику Управления контрразведки «Смерш» ГСОВГ
Копия: Начальнику отдела контрразведки «Смерш» 71 армия

В дополнение к запросу от 2 июля с.г. сообщаю, что установить местонахождение Эльзы Треншель до сего дня не представилось возможным, так как в расположении лагеря для репатриантов №207 и дислокации дивизии она больше не появлялась.

По предварительным данным Эльза Треншель убыла в западную зону оккупации в район Гамбурга, откуда она родом.

Подполковник Полозов

Спустя неделю после того, как Эльзу погрузили в эшелон, и три дня после самоубийства Павлика, она, сбежав из западной зоны оккупации, куда её отправили, проделав десятки километров и миновав неизвестно как пограничную демаркационную линию, оказалась у ворот лагеря.

Мне об этом сообщил ответственный дежурный по лагерю.

Я, не очень-то веря, осторожно подошёл к окну коридора на втором этаже здания, увидел у контрольно-пропускного пункта по ту сторону ограды знакомую маленькую фигурку, и внутри у меня всё сжалось.

Астапычу тоже успели доложить, и спустя несколько минут меня вызвали к нему.

В коридоре перед кабинетом уже стоял майор Гаврилов. Я вошёл первым, затем у меня за спиной, бочком, протиснулся Гаврилов. Быченков возбуждённо расхаживал по кабинету, он строго и неодобрительно посмотрел на меня.

– Сволочи вы! Душегубы! Фашисты!– закричал он, как только мы переступили порог. – Позорники!.. Что вы наделали?! Если попадётесь ей на глаза – пеняйте на себя! Старшину Федченко убрать! На гауптвахту его – двадцать суток строгача! – приказал он мне. – А тебя, мерзавца, – полковник в ярости выбросил вперёд руку и, не рассчитав, угодил пальцем в лицо Гаврилову, – под трибунал отдать надо!

– Товарищ полковник... – начал Гаврилов.

– Молчать!!! – бешено закричал Быченков.

Он ухватил Гаврилова за ворот кителя и с силой толкнул так, что майор ударился головой о стену. Побледнев от страха, приоткрыв рот, он ошалело смотрел на Быченкова.

— Молчать!!! — полковник продолжал трясти Гаврилова за ворот. — Погоны оборву!

Лицо его было страшным, он совершенно потерял самообладание, таким я Астапыча никогда не видел.

— Товарищ полковник, не надо, — испуганно произнёс адъютант, успевший захлопнуть открытое окно. — Там внизу офицеры, бойцы... слушают... Не надо, товарищ полковник, — умоляюще повторил он и ухватил Быченкова за руку. — Лучше их под трибунал... Пусть их по суду расстреляют...

Астапыч, взглянув на него и опомнясь, отпустил Гаврилова и, странно подёргивая головой, подошёл к окну.

— Не только себя, командование опозорили... — не оборачиваясь, вдруг тихо простонал он. — Душегубы! Лучше бы вас убило! Лучше бы вы погибли в бою, как люди! Глаза бы мои вас не видели!.. Вот идите к ней теперь, — обернувшись, приказал он, — и сами всё расхлёбывайте! Идите!

Потом мы с Гавриловым стояли у стола начальника ПФС, но тот ещё ничего не знал, и Гаврилов позвонил Бутенко.

— Товарищ полковник... Майор Гаврилов беспокоит... Прошу вашего приказания о выписке продуктов продовольственного пайка товарищу Треншель... Немке этой... Так точно!.. Урок на всю жизнь! Поверьте, товарищ полковник!.. Ведь меня сейчас полковник Быченков чуть не убил!.. Между нами, очевидно, сотрясение мозга... Понимаю, товарищ полковник, гуманизм требуется... Всё сделаем!.. Насчёт квартиры надо коменданту позвонить... Так точно! И вещевое довольствие тоже оформить... Слушаюсь!.. Может, ей трофейного со склада чего подбросить, гражданского в смысле?.. Слушаюсь! Так точно! Передаю трубку...

Мы вместе получали паёк на складе ПФС. Я укладывал банки в вещмешок и тут почувствовал и понял, что пойти туда и посмотреть в глаза Эльзе я не смогу, просто не в состоянии. Я сказал об этом Гаврилову.

— Не можешь, ну и не надо, — согласился он. — Я сам с переводчиком всё сделаю.

На вещевом складе мы получили отрез шерсти, летнее женское обмундирование и яловые сапожки 39-го размера. Для маленькой Эльзы всё было великовато, но меньших размеров на складе не оказалось. Пилотку, погоны и ремень Гаврилов брать не стал, сказав кладовщику:

— Ты лучше вместо этой амуниции дай нам ещё пару кусков портяночной байки, — и пояснил мне, — для пелёнок лучше не придумаешь.

Из трофеев нам выдали плащ, пальто и три платья. Тоже не по размеру, но что поделаешь? Всего получилось четыре полных вещевых мешка.

Взяв их, Гаврилов с переводчиком пошли в сторону контрольного пункта, а я – в противоположную часть лагеря. Там, не находя себе места, я провёл в неведении весь день.

Под вечер, увидев у шестого барака переводчика, я окликнул его и расспросил, как там всё было и где сейчас Эльза?

– Плохо, – ответил он.

То, что далее рассказал переводчик, ещё более придавило, удручило, буквально убило меня. Оказывается, Гаврилов заявил Эльзе, что Павлик уехал в Москву и бросил её. Она закричала, что это неправда, этого не может быть, без неё он бы не уехал. Но Гаврилов настаивал, прикладывая руки к груди, убеждал, что отправили её к американцам по недоразумению, «получилась машинальность». С ней случился обморок, она потеряла сознание, а когда очнулась, повторяла по-немецки: «Он не мог без меня уехать! Что вы с ним сделали?» и стала требовать, чтобы её тоже отправили в Москву, показывала на живот и объясняла, что у неё будет ребенок.

Тогда Гаврилов сказал ей, что сделать это было невозможно, поскольку её брак с Павликом не зарегистрирован, и он советует ей вернуться в западную зону оккупации, но, если ей хочется, она может остаться и в советской.

Никто не отважился, даже бездушный Гаврилов, сообщить Эльзе правду, но она сердцем почувствовала, что Паши уже нет среди живых.

– Не может быть у вас такого закона, чтобы любовь убивать. Я жить без Павлика не хочу! Убили его, убейте и меня!

Она верила, что у нас не может быть такого варварского закона.

Уже в сумерках я, наконец, решился на встречу с Эльзой и вместе с несколькими сержантами влез в кузов грузовика, шедшего через город в пекарню. Мы миновали КПП и тут же я увидел Эльзу: она недвижно, лицом вниз, лежала на земле метрах в десяти от дороги, рядом валялось одеяло и стояли четыре наших вещевых мешка. Вдоль дороги, не глядя в её сторону, расхаживал с автоматом сержант из комендантского взвода: его, очевидно, поставили, чтобы никто не подходил к ней и не лез с расспросами.

Больше я её никогда не видел...

И был ещё час в этой истории, который врезался в память на всю жизнь. В предпоследний день моего пребывания в Германии

я направился доложить Астапычу о своём убытии из лагеря и попрощаться. В это время в кабинет не вошёл, а буквально ворвался подполковник Полозов, держа в руках бледно-голубоватый листок шифротелеграммы из Москвы. Как никогда он был серьёзен. Перед тем, как её зачитать, он попросил писаря старшину Агафонова выйти, а меня оставил специально.

В ней сообщалось, что «проверяемая Эльза Треншель, 1922 года рождения, уроженка города Гамбурга, действительно является участницей антифашистского подполья», и, более того, «с 1941 года и до мая 1945 года была закордонной разведчицей ГРУ ГШКА и оказывала большую помощь разведорганам. В мае сего года связь с ней прервалась». Далее сообщалось: «...в случае объявления Эльзы Треншель в одном из советских лагерей для репатриантов, необходимо создать ей максимально благоприятные условия, поставить на довольствие по нормам офицерского состава». И просили срочно сообщить, «где Эльза Треншель, как лицо, имеющее особые заслуги перед Красной Армией и советским государством хочет получить Правительственную награду – в Москве или Берлине?»

Закончив читать, Полозов выразительно посмотрел на Астапыча, а потом со значением и на меня. Они разглядывали меня так, будто увидели впервые. Я же был ошеломлён и молчал. В голове всё перепуталось: ну откуда я мог знать, что Эльза Треншель не только беременна, но ещё и наша разведчица? Астапыч не проронил ни слова. В наступившей тишине Полозов произнёс последние слова:

– Федотов, я давно хотел с тобой поговорить. Ты в последнее время многовато на себя берёшь. То заступаешься за эсэсовца-официанта, то выгораживаешь Копылова, то выгоняешь музыканта, который тебе не понравился, а тут ещё эта немка Треншель. Ты действительно считаешь, что своими действиями спас всех нас от беды, от огромного позора? Думаешь, Бога за бороду держишь? Кто ты такой? Куда ты идёшь, куда заворачиваешь на двадцать восьмом году существования советской власти? Она что – кончилась?.. Я всё ждал, ты опомнишься! А у тебя... совесть волосами обросла. Иди! И продукты оприходуй!

...Сознание ещё не охватывало всего, что произошло тогда, в июне сорок пятого, и до последнего часа в Германии я не сознавал, что это случилось благодаря моему непосредственному участию. Понимание пришло потом: с возрастом и пережитым.

Вспоминая прошлое, я и спустя годы затрудняюсь сказать, что за человек был подполковник Пётр Фёдорович Полозов...

ДОНЕСЕНИЕ

12.07.45 г.

Управление кадров 71 армии

На Ваш запрос № ... об откомандированном для пользы службы в распоряжение отдела кадров 136-го стрелкового корпуса и находившемся в резерве офицерского корпуса старшем лейтенанте Федотове В.С., сообщаю, что В.С.Федотов 9 июля с.г. убыл в составе группы офицеров, отправленных согласно шифровки-указания командующего ГСОВГ.

Личное дело ст. лейтенанта Федотова В.С. вместе с делами других убывших офицеров направлено в Главное Управление Кадров Красной Армии для пересылки по новому месту службы.

Начальник отдела кадров 136 ск
подполковник а/с Борецкий

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ ПРИ ВС ГСОВГ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СКРЫННИКА

Комендантам лагерей
Заместителям по политчасти

Сообщаю решение СНК СССР от 24 июля с.г. для исполнения и руководства:

1. Не препятствовать советским гражданам, которые вступили в брак с гражданами союзных государств во время войны находясь за границей, следовать на родину своих мужей по советским загранвизам.

2. Заявления советских гражданок, которые, находясь в период войны за границей, также вышли замуж за иностранцев и в связи с этим намерены выйти из гражданства СССР, передавать на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

3. Иностранцам, мужчинам и женщинам, вступившим в брак с советскими гражданами и желающим переехать в Советский Союз, разрешить выехать в СССР в индивидуальном порядке.

Часть 5

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Господи, как далеко
ушло то золотое время,
когда мы все были молоды,
веселы и полны надежд!

60. МЫ И НЕ ПОДОЗРЕВАЛИ...

Как молоды и неопытны, как наивны, глупы и жестоки мы были!.. Мы ещё не знали, не понимали, что если ты здоров, полон сил, если тебе везёт, не верь, не думай, что так будет вечно...

Тогда, в июне сорок пятого, когда злейший и опаснейший враг был повержен в прах, и мир, казалось, лежал у наших ног, и каждый из нас лично держал Бога за бороду, жажда жизни и чувство её бесконечности — юношеское, ложное, обманчивое ощущение! — переполняли нас.

Сильные, сытые, благополучные... временные баловни судьбы, мы жили легко, радостно и безмятежно, ничуть не подозревая о том, что ожидало нас в недалёком, ближайшем будущем.

Тогда, в конце июня сорок пятого, никому из нас и в голову не могло прийти, что в это самое время где-то на Дальнем Востоке, за десять тысяч километров от Германии, в армиях, скрытно сосредоточиваемых в тайге на границах с Маньчжурией, окажется некомплект командного состава, причём понадобятся не просто младшие офицеры, а командиры рот и батальонов с достаточным богатым боевым опытом.

Тогда, в конце июня сорок пятого, мы и не подозревали, что через какие-нибудь две недели эта чудесная блаженная жизнь неожиданно даже для командования внезапно закончится и в один прекрасный день нас — пятьсот шесть офицеров из десятка стрелковых дивизий и частей армейского подчинения — погрузят по тревоге в наспех обмытые, окаченные водой, пропахшие, пропитанные коровьим навозом товарные вагоны, и со скоростью курьерского поезда помчат на Дальний Восток — ставить на колени империалистическую Японию.

Почему мы отправились на Дальний Восток?.. Нас никто не посылал и не понуждал, всё сделалось сугубо добровольно. Но офицеров отбирали для выполнения ответственного задания, для сверхсекретной спецкомандировки, и не в наших характерах было остаться в стороне. К тому же и у меня, и у Володьки в первой половине июля

возникли неожиданные обстоятельства, довольно разные, но для каждого из нас весьма существенные.

Володька принял решение первым, как мы расценили, по личным соображениям, сгоряча, чтобы досадить Аделине.

Ещё в мае Володька каждую свободную минуту проводил в армейском госпитале в Левендорфе у Аделины. Если бы речь шла о простой интрижке, как у Коки, я и Мишута не возражали бы, но Володька по-настоящему в неё влюбился, это было очевидно, если на её дне рождения в присутствии десятка гостей, капитана Арнаутова и подполковника Алексея Семёновича Бочкова официально объявил Аделину своей невестой. Поскольку намерения, как оказалось, у Володьки были серьёзными, и он хотел жениться на Аделине, всё это надо было тормозить.

Мы с Мишутой пытались давить ему на психику, убеждая, что женитьба – ответственный шаг, надо всё взвесить. А как же наша дружба, офицерское братство, наши планы и мечты об учёбе в академии и совместной послевоенной жизни?

Но Володька, как пыльным мешком ударенный, был глух ко всему и выкрикнул нам обидные слова, что если лучшие друзья его не понимают и не хотят разделить с ним его радость и счастье, то «жопа об жопу и кто дальше отпрыгнет!»

Мы на глазах теряли лучшего друга, но ничего поделать не могли.

И вот, спустя три недели после незабываемого для меня дня рождения Аделины, вечером забежал Володька. Он был как невменяемый, возбуждённо и сбивчиво рассказал: приехав к Аделине без предупреждения, чтобы с радостью ей сообщить, что наконец-то получил справку со всеми штампами, печатями и подписями о том, что «...старший лейтенант Новиков Владимир Алексеевич действительно по семейному положению является холостым и командование дивизии разрешает ему вступить в брак с военнослужащей армейского госпиталя сержантом медицинской службы Алексеевой Аделиной Сергеевной» – такую справку выдавали для последующего представления в соответствующие органы при регистрации брака, – он неожиданно застал у неё какого-то подполковника, лётчика, которого Аделина, ничуть не смутившись, представила ему как своего двоюродного брата. Ни о каком двоюродном брате Володька до того не слыхал и потому был растерян и не знал, что предпринять.

Обида за Володьку захлестнула нас. Мысль, что Аделина могла изменить нашему лучшему другу, весёлому, обаятельному, честному и храброму гусару Новикову, представлялась чем-то чудовищным

и невозможным. Обсудив ситуацию, посчитали, что подозрительность у Володьки — не что иное, как проявление необузданной ревности. Мудрый Арнаутов философски заметил:

— Юноши, запомните прописные истины, любовь — страшная и ослепляющая разум сила! Где любовь — там напасть, а полюбив, нагорюешься. И вас это ждёт! Как говорят французы, нет ничего более трудного, как распознать хороший арбуз и порядочную женщину!

Вот уж хороший арбуз я распознать мог! Ещё перед войной в свои неполные четырнадцать лет я нанялся в артель разгружать арбузы на Волге. Артель была пятнадцать человек, люди бывалые, разные и в большинстве своём далёкие от совершенства.

Старшой — пожилой, молчаливый, мрачного вида ростовчанин, с бычьей шеей и крутыми, здоровенными плечами, критически оглядев мою худощавую фигуру, сказал:

— Если выдюжишь — становись!

И вот маленький юркий буксир подтягивает баржу к причалу. В каждый трюм спускаются двое, они выкидывают арбузы, третий, стоя на борту, только успевает поворачиваться, с непостижимой ловкостью и быстротой ловит их, проворно пускает на лоток — жёлоб из длинных досок. Арбузы гладкие, блестящие, упругие, ещё полные прохлады трюма, катятся вниз; на берегу их подхватывают, перекидывают дальше соседям, а уж те укладывают их в штабеля — битые и с трещинкой отдельно.

Делается всё это размеренными и, как кажется со стороны, неторопливыми движениями, играючи, но редкий новичок выдерживает в таком темпе несколько часов работы. Арбузы разные: тёмно-зелёные, белые, полосатые, рябые, от небольших, довольно лёгких, до огромных, весом в десять килограммов и более, и к каждому надо приложить ровно такое усилие, какое ему положено, и ни граммом больше.

Первые дни, пока это не усвоил, не втянулся, было трудно: тяжёлая, утомительная работа, но дружная.

Изредка — короткий перекур, затем меняются местами, и снова из рук в руки летят арбузы, свежие, только с бахчи, спелые, звонкие, тугие; ловятся со звучным шлёпом и перебрасываются дальше. А старшой всё покрикивает:

— Наддай!.. Ещё!.. Не зевай!

Думать о чём-либо некогда. Успевай поворачиваться! А как радостно, когда на берегу растут горы арбузов и среди них тысячи твоими руками переброшенных. Утоляли жажду арбузами, я тогда

их наелся на всю жизнь вперёд и сразу мог определить, какой из них самый спелый, сочный, с сахарной мякотью.

Но Аделина – не арбуз. Как видно, не зря после злополучного вечера, где я впервые увидел самовлюблённую и знающую себе цену Аделину, у меня под ложечкой свернулся и лежал клубок недоверия и неосознанной неприязни к ней.

И вот... какой-то сомнительный двоюродный брат, молодой и красивый... и я убедился, что женская душа непредсказуема, необъяснима, коварна, загадочна и темна. Какого рожна ей надо? Королевская женщина! Такая же сучка и многостаночница, как и все, но высказать это тогда я Володьке не смог, полагая, что всё образуется и они помирятся.

Меня не откомандировали, я сам напросился, подав рапорт. Несомненно, меня побудил к этому разрыв с Елагиным и тот разговор с Лисенковым – я и спустя месяц после его гибели не мог преодолеть возникшего в душе неудобства, стеснённости и неосознанной вины перед ним, – откомандирование из дивизии в офицерский резерв корпуса и служба в лагере репатриантов.

Мишута же подал рапорт вслед за нами, полагаю, главным образом из чувства товарищества – за компанию.

Нас везли на войну с Японией, но мы об этом поначалу не знали и не догадывались, хотя режим повышенной секретности и необычайные предосторожности в эшелоне, особенно в первые несколько дней при движении по европейской части России, должны были нас надоумить.

Через все большие и узловые станции нас провозили, не останавливаясь, напроход. Как правило, на ближайшем разъезде нас ожидал под парами в полной готовности сменный локомотив, и, после нескольких минут лязга буферов при манёврах отцепки и нового сцепления, он мчал нас дальше.

По тем же соображениям строжайшей секретности категорически запрещалось открывать двери теплушек, громко разговаривать или петь и в течение всего светлого времени не только выглядывать, но даже находиться у окон, чтобы не было видно, что везут военнослужащих. Как предупредил перед посадкой щеголеватый подполковник-танкист, начальник эшелона: «Если кто вздумает демаскировать и высунется, буду стрелять без предупреждения!»

С наступлением темноты состав останавливался где-нибудь на разъезде или глухом полустанке, по команде со скрипом откатывались по железным жёлобам двери, мы стремглав выпрыгивали по

обе стороны теплушек, в тесном единстве, буквально в метре друг от друга, справляли свои естественные нужды, умывались как придётся – у колонки, у ручья или даже в болотце, запивали тепловатым безвкусным чаем выданный на десять суток вперёд сухой паёк, правда, многие добавляли трофейную жратву, и снова лезли на нары. Часов через пять, перед рассветом, нас второй раз в сутки останавливали где-нибудь в глухом, безлюдном месте, и следовала передаваемая от вагона к вагону одна и та же команда: «Позавтракать, оправиться и завязать узлом!» Последняя часть приказания, естественно, не выполнялась, и на ходу дверь теплушки по необходимости то и дело нешироко, примерно на полметра, откатывали, и брызги летели по ветру, впрочем, некоторые умудрялись таким образом справлять на ходу и большую нужду...

Гнали нас по тому времени с курьерской скоростью, старая двухосная теплушка от колёс и до крыши непрестанно скрипела, её трясло и мотало из стороны в сторону. Я помещался на верхних нарах с самого края, отчего волею судеб оказался в преимущественном, привилегированном положении: в вагонной доске у моего лица вывалился или был кем-то выдавлен кругляш сучка, и в отверстие размером с маленькую сливу я, в отличие от других, пусть в условиях весьма ограниченной видимости, как в замочную скважину мог видеть и часами пытался разглядывать Россию с левой стороны движения эшелона. Время от времени я пускал на своё место Володьку или Мишуту.

В те жаркие июльские дни воздух после полудня на верхних нарах под крышей теплушки нагревался до тридцати или даже более градусов, и от высокой температуры, от невозможной духоты при наглухо закрытых дверях (первые несколько суток это соблюдалось строжайшим образом) мы изнемогали, хотя лежали на шинелях в одних кальсонах или нетабельных трофейных трусах и плавках, которыми многие офицеры обзавелись в Германии.

От непрерывной нещадной тряски на тонкой и потому жёсткой сенной подстилке – а на ней приходилось лежать практически круглые сутки – болели бока, рёбра и плечи, многодневная изоляция в замкнутом, ограниченном, тесном и душном помещении вагончика угнетала, и было во всём режиме эшелона и в этой езде что-то не только монотонно-изнурительное, но и совершенно одуряющее, унизительное, лишающее высокого офицерского достоинства и свободы.

Единственно, что меня на время несколько отвлекало и малость облегчало состояние, это было отверстие, от которого я, если не

спал и не пускал на своё место Володьку или Мишуту, часами не отводил глаз, как при наблюдении в стереотрубу на передовой; правда, то, что я видел — ни люди, ни поля, ни жилища, — как правило, не радовали и мысли вызывали невесёлые.

В нашей пропахшей коровьим навозом теплушке, как вскоре выяснилось, возили не только скотину — однажды поутру, уже где-то в Заволжье, меня разбудил негромкий оживлённо-весёлый возглас спавшего по соседству от нас капитана:

— Вот они, родимые!

Оказалось, он обнаружил на рубашке нательных вшей, от которых за два с лишним месяца послевоенной белопростынной жизни в трофейной Германии мы поотвыкли. Вскоре педикулёз, или так называемая «форма двадцать», а попросту вши, выявился ещё у нескольких офицеров, в связи с чем было высказано соображение, что до нас в теплушке перевозили репатриантов или заключённых.

Старший вагона майор Микрюков доложил начальнику эшелона, что обнаружена «форма двадцать», и передал просьбу офицеров на одной из ближайших больших станций, как и полагалось в таких случаях, устроить помывку людей противопаразитным мылом с одновременной обработкой белья и обмундирования в сухожаровой вошебойке.

Банно-дезинфекционные летучки, состоявшие из десятка специальных вагонов, находились тогда и действовали круглосуточно при этапных комендатурах на всех крупных станциях, а знаменитые мыло «К»[1] и препарат «СК»[2], от чудовищного запаха которых и сверхъядовитой едкости не только на две-три недели исчезали вши, но и грязно желтело бельё и даже кожа под ним, — эти вещества имелись в дезобмывочных поездах бесперебойно, однако то ли из-за срочности перевозки, то ли по соображениям повышенной секретности ни бани, ни

[1] Препарат «К» в чистом виде представляет собой кристаллическое вещество желтоватого цвета со слабым специфическим запахом. Кристаллы не растворимы в воде, но хорошо растворимы в керосине, бензине и других органических растворителях. Мазь с препаратом «К» служит профилактическим средством борьбы с паразитами на волосистых частях тела человека. Мыло «К» практически для человека безвредно. Бельё сохраняет противовшивые свойства 15–20 дней летом и от 20 до 30 дней зимой. После обработки белья мылом «К» бельё не гладится — могут появиться желтоватые пятна.

[2] Антипедикулин «СК» представляет собой густую маслообразную жидкость тёмного цвета, хорошо эмульгирующуюся с водой. Эмульсию 2% концентрации применяют для пропитки постельных принадлежностей, обработки носильных вещей и помещений. Вши, попавшие на бельё, пропитанное эмульсией антипедикулина «СК», погибают в течение суток .

дезинфекции до прибытия на место не последовали, отчего к концу пути вшивость в нашей теплушке стала поголовной.

Так из европейского, поистине блаженного, жития мы оказались в послевоенной российской действительности. За тысячи километров позади осталась побеждённая Германия, невиданно богатая страна, где мы вкусили такой жизни, какая нам не снилась и не мечталась. От столь резкой перемены всё время возникали мысли о близком будущем — что ждало нас впереди?..

Спустя десятилетия, когда в воспоминаниях жертв репрессий тридцатых и сороковых годов я встречал описания того, как их везли по железной дороге в лагеря, я не раз отмечал, сколько сходного и общего было у них в вагонзаках и в нашем эшелоне... Правда, их грузили в двухосную теплушку по сорок душ, а у нас в таком же товарном вагоне ехало всего тридцать человек, над нами не изгалялась охрана, да и норма питания у нас была выше, в бытовых же условиях и в режиме — теснота, вши, духота, невозможность вымыться, запрещение громко разговаривать и находиться у окон — оказалось немало схожего и, более того, одинакового, хотя они являлись пусть несправедливо, но осуждёнными, и потому лишёнными гражданских или человеческих прав, мы же принадлежали к лучшей в то время, привилегированной части общества — к офицерам армии-победительницы.

Уже проехав Урал, вдосталь за неделю отоспавшись и круглые сутки маясь от бездельного лежания на нарах, от духоты и тряски, мы, в нарушение приказа, начали во время движения откатывать во всю ширину обе двери и, сидя на уложенных вдоль вагона концами на нижние нары досках-восьмидесятках, стали с жадностью смотреть по сторонам, а там была Азия, и вот тут кто-то предположил, что везут нас не на Алтай, в Барнаул — этот город, очевидно с целью дезинформации, назывался как конечный пункт или станция назначения ещё при погрузке в Германии, — а на Дальний Восток (бывалые солдаты без слов понимали, куда и зачем они едут), и не в таинственную сверхсекретную спецкомандировку, а на войну с Японией; и после недолгого обсуждения большинство офицеров сочли эту догадку обоснованной.

И ещё в той долгой дороге на всю жизнь мне запомнился час неожиданного откровения... В темноте тёплой июльской ночи эшелон мчал нас уже по Восточной Сибири, а точнее, по Забайкалью, мы сидели с Володькой на лавке у раскрытой двери теплушки, остальные спали. Он курил рядом со мной, придерживая рукой наброшенную на плечи шинель, и вполголоса, то и дело переходя на шёпот, дове-

рительно толковал мне, что настоящая дружба и преданность могут быть только между офицерами, между мужчинами, а женщины на это не способны, они, мол, по своей природе вероломны и склонны к предательству.

Этим откровением, имевшим характер свойственного Володьке категорического безапелляционного обобщения, я был немало удивлён: но не все ведь такие?.. А как же Аделина, королевская женщина, а лучшие, избранные представительницы слабого пола – жёны офицеров?.. Я не проронил и слова, но согласиться с Володькой, естественно, не мог: и бабушка Настёна, да и моя мать, к которой у меня было непростое, сложное отношение, никого в жизни не предавали и не вероломничали.

И тут он взволнованным шёпотом признался, что Аделина действительно предала его, Володьку, предала их любовь – а может, и любви-то с её стороны никакой не было... Сбивчивой, прерывистой речью он поведал мне, что тот подполковник, которого он застал тогда без кителя, полураздетым в квартире у Аделины, никакой ей не двоюродный брат, а её любовник или даже муж, командир истребительной авиадивизии. Она знала его, как выяснилось, уже третий год, с той поры, когда госпиталь находился на Кубани, и отношения у них были чуть ли не семейные. Теперь, после долгого перерыва, он разыскал Аделину в конце июня в Германии, и за пять дней до нашего отъезда она сбежала с ним в Центральную группу войск, в Вену, куда тот получил назначение...

Всё это Володьке, уже после исчезновения Аделины, рассказала Натали, объяснявшая поступок подруги тем, что Володька, дескать, был на два года моложе Аделины, это её беспокоило и не устраивало, а подполковник на четыре года старше – оптимальный возрастной перепад: ему, оказывается, было двадцать девять лет. Помнится, меня особенно задело, что даже коротенькой записки Аделина не оставила...

– Любовная лодка разбилась о быт, – сказал в заключение Володька.

Я не знал тогда, что это фраза Маяковского, но в самом слове «быт» было что-то низменное, суетное, нехорошее, далёкое от офицерства и присущее, как я в то время был убеждён, только штатским.

– А ведь получается, братишка, что она тебя обманула и предала, – послышалось у нас за спиной, – хороша, сучка, дать дала, а замуж не пошла.

Володька вздрогнул и ещё ниже опустил голову. Охваченный состраданием к Володьке, физически ощущая его душевную боль и свою

беспомощность, что ничем не могу ему помочь, я крепко обнял его за плечи, и мы сидели с ним так молча в темноте. Эшелон, не сбавляя скорости, мчал нас на восток, со всех нар раздавался разноголосый храп, потом кто-то во сне закричал: «Пристрели его, пристрели!»

Я не мог ещё толком всё осмыслить, но был ошеломлён произошедшим, внезапностью случившегося и крайне возмущён вероломством Аделины и её корыстолюбием: разумеется, младший пехотный офицер, каким был Володька, не мог ей дать того положения и тех материальных благ, какие ей бы полагались как жене командира авиадивизии. Я вспомнил пьяное высказывание капитана Арнаутова в ту злосчастную ночь на дороге у мотоцикла — «А эффектная шлюха! Из дорогих!» — и подивился проницательности бывшего кавалергарда.

И ещё мне снова пришла в голову частушка, которую нередко пели у нас в деревне, пели озорно и весело, хотя ничего весёлого в ней не было: «Деньги есть — и девки любят и с собою поведут, а денег нет — и х.. отрубят и собакам отдадут...» Мысль о продажности женщин удручала и подчас ужасала меня всю жизнь, но особенно — в молодости.

Спустя многие годы, вспоминая и осмысливая лето сорок пятого года, значительные и маленькие события того времени, я уже иначе, более терпимо оценивал произошедшее с Володькой и поведение Аделины. Женщины на войне и в тыловых частях, госпиталях, различных армейских учреждениях постоянно находились в окружении сотен и тысяч мужчин и, как правило, за эти годы не с одним из них встречались или даже сожительствовали по любви, по стечению обстоятельств, по расчёту или по необходимости. В армейских и фронтовых тылах они, ещё больше, чем в Действующей армии, захватанные глазами военнослужащих, изнемогали от ухаживаний, приставаний и обилия претендентов. Но война окончилась, началась демобилизация, и требовалось без промедления устраивать свою личную жизнь, по возможности, прямо здесь же, в армии, ибо сделать это на гражданке при нехватке в России почти пятнадцати миллионов мужчин будет несравненно труднее.

Кого же Аделина должна была выбрать: того, кто более соответствовал ей по возрасту, а возможно, и по другим, неведомым мне качествам, или молодого, яростного, ортодоксального максималиста, привыкшего командовать и подчинять себе окружающих?.. Конечно, расстаться с Володькой, который не просто её любил, но и боготворил, ей следовало бы по-человечески, хотя бы написать ему, мол, так и так...

61. В ЭТОЙ КОРОТКОЙ ВОЙНЕ...

Володьке, Мишуте и мальчишкам моего поколения – кто не вернулся...

В феврале 1945 года на конференции в Крыму главами правительств трёх союзных держав по антигитлеровской коалиции – СССР, США и Англии – было принято решение по Дальнему Востоку, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

8 августа Советский Союз, выполняя решение Ялтинской конференции, официально сообщил о присоединении к Потсдамской декларации 26 июля 1945 года, в которой от имени правительств США, Англии и Китая были выдвинуты требования безоговорочной капитуляции Японии, и объявил о состоянии войны с империалистической Японией.

Япония открыто помогала гитлеровской Германии против СССР и угрожала безопасности его границ на Дальнем Востоке. К 1 августа 1945 года милитаристская Япония насчитывала более полутора миллионов солдат и офицеров, оборону прикрывали 17 глубокоэшелонированных укрепрайонов, которые были оборудованы подземными бетонированными убежищами, складами, электростанциями, подземными ходами и пулемётными дотами через каждые 250–300 метров, что в сочетании с географическим рельефом – горные хребты, бесплодные пустыни, широкие полноводные реки, непроходимые болота – и климатом – изнуряющая жара с тропическими ливнями – убедили военное руководство Японии в своей непобедимости.

9 августа в 1 час ночи по местному времени началась Маньчжурская операция. Войска трёх фронтов – Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных – одновременно начали боевые действия по всему 5-тысячному периметру.

Советским войскам противостояла 4-я Отдельная армия и главная ударная сила японского милитаризма – Квантунская армия, насчитывавшие 47 дивизий, 27 отдельных бригад, 9 пехотных бригад, бригаду смертников, 2 танковых бригады, почти 2000 самолётов и 25 кораблей Сунгарийской флотилии.

Войска 1-го Дальневосточного фронта начали наступление с прорыва долговременной обороны с мощной полосой приграничных укреплённых районов на Мудадзяньском направлении.

Войска Забайкальского фронта продвигались через безводные пустыни и горные хребты Большого Хингана, преодолевая на своём пути Халун-Аршанский укрепрайон, уничтожая узлы сопротивления.

Войска 2-го Дальневосточного фронта (командующий генерал армии М.А.Пуркаев) в первый же день, 9 августа, в Сунгарийской операции силами 15-й Краснознамённой армии (командующий генерал-лейтенант С.К.Мамонов) во взаимодействии с Амурской флотилией форсировали реки Амур и Уссури, ширина которых после прошедших ливней достигала 2–2,5 километров, и овладели приречными плацдармами.

...10 августа было полностью очищено от противника правобережье Амура от Сунгари до Уссури.

...11–13 августа прорван Фугдинский (Фуцзиньский) укрепрайон и войска армии начали стремительное продвижение в глубь Маньчжурии, боевые действия велись в условиях бездорожья и заболоченных пойм.

...14 августа войска 2-й армии прорвали оборону Сахалянского (Хэйхэского) укрепрайона.

...17 августа войска 15-й армии овладели городом Цзямусы, 19-го — городом Саньсин и, преодолев горные хребты Малого Хингана, 20-го августа вошли в Харбин, занятый накануне воздушным десантом, где ими был пленён начальник штаба Квантунской армии генерал Хана.

...19 августа в Чанчуне был взят в плен главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада, а на Аэродроме в Мукдене — правитель марионеточного государства Маньчжоу-Го император Пу.

На многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен и главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада заявил о готовности сложить оружие и вести переговоры о капитуляции.

Советским войскам понадобилось всего 10 дней, чтобы принудить Квантунскую армию капитулировать и за 25 дней полностью завершить Дальневосточную кампанию.

...2 сентября 1945 года в Токийском заливе на борту линкора «Миссури» милитаристская Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

* * *

В этой короткой и, в общем-то, нетяжкой войне, точнее сказать — скоротечной кампании, мы поставили империалистическую Японию на колени. Многим офицерам эта кампания принесла награды, принесла повышения в званиях, а некоторым и в должностях, но были и потери, были и такие, кому не повезло и достались в основном неприятности, преимущественно пули и осколки.

Володьке и Мишуте, проведшим на Западе в ожесточённых боях по два с половиной — три года и прошедшим, как говорится, огонь, воду и медные трубы, чертовски не повезёт...

Получилось так, что я, Володька и Мишута по прибытии на Второй Дальневосточный фронт после скрытной ночной выгрузки на глухом разъезде неподалёку от Хабаровска были направлены и попали в разные дивизии, и о их судьбе, о том, что с ними произошло, я узнал из двух Володькиных писем, а впоследствии и от очевидцев, так как спустя три месяца волею судеб оказался в горно-стрелковой бригаде, куда для дальнейшего прохождения службы вместе со мной прибыли четверо офицеров, воевавших в Маньчжурии в одном с Володькой и Мишутой стрелковом полку и, более того, в одних с ними батальонах.

Мишута погиб в первые же сутки, на рассвете, при форсировании Амура. Он шёл на головной амфибии командиром штурмовой группы, наверняка исполненный желания и решимости доказать делом, что два года назад при форсировании Днепра его не случайно представляли на Героя. В эту последнюю минуту своей жизни, в полном боевом снаряжении, в каске, с автоматом в руке, с гранатами на ремне и пачками патронов в вещмешке за плечами, он стоял на носу большой амфибии, изготовясь первым спрыгнуть на прибрежный песок и броситься вперёд, когда пулемётная очередь прошила ему грудь, и прежде, чем кто-нибудь что-либо успел предпринять, прежде, чем его успели подхватить, он скользнул вниз и был мгновенно унесён стремительной мутной амурской водой...

Так ушёл из жизни Мишута. Даже могильного холмика от него не осталось.

У Володьки всё сложилось иначе. Если я и Мишута по прибытии на Восток были назначены командирами рот, то Володьке был доверен стрелковый батальон. Этот батальон ему и пришлось поднять в атаку под Цзямусами.

Там, северо-западнее Цзямус, простирался японский укреплённый район: на каждой сопке двухамбразурные пулемётные доты,

все подступы простреливаются, мины, железобетон и проволочные заграждения. Послав одну роту в обход и выждав обусловленный срок, Володька после артиллерийской обработки сопки поднял две остальные роты на штурм.

Под кинжальным и фланкирующим огнём из нескольких дотов бойцы залегли и пытались окапываться. В это время послышались стрельба и крики с противоположной стороны сопки – начала атаку рота, посланная в обход. Стремясь поддержать её действия и дать ей возможность ворваться из тыла японцев на высоту, Володька бросился к залёгшим на склоне бойцам и увлёк их вперёд за собой.

Я не сомневаюсь, что Володька обеспечил бы выполнение боевой задачи даже ценой своей жизни. Его рифмованное изречение «Только смерть за Отечество – смерть, полезная человечеству!» не было в его устах просто фразой – оно выражало Володькину подлинную суть, так же, как было искренним и органичным для него неоднократно им цитируемое: «Гусар, который не убит до тридцати лет, не гусар, а дрянь!»

Я не сомневаюсь, что Володька в случае необходимости без колебаний закрыл бы там, под Цзямусами, своим телом амбразуру одного из дотов, но не каждому удаётся достичь амбразуры и лечь на неё, и не каждому суждено погибнуть геройской, образцово-показательной смертью.

Как рассказал мне спустя полгода командовавший в том бою ротой старший лейтенант Кичигин, Володька бежал под пулемётным огнём вверх по склону впереди всех. Рядом с ним падали люди, а он бежал как заколдованный – ни одна пуля не задела, не поцарапала его. Но там, под Цзямусами, перед дотами было протяжённое минное предполье, и случилось, что на бегу он задел или наступил на взрыватель противопехотной мины. Высоту взяли, а часа через полтора Володьке, доставленному Кичигиным и ротными санитарами к полковому медпункту, ампутировали ноги: левую – ниже колена, а правую – до бедра...

Из письма, написанного им спустя неделю – я получил его на полевую почту уже в Фудидзяне, в дивизионном медсанбате, где около месяца находился на излечении, баюкая на перевязи раненую руку и маясь от тоски и бездействия, – из этого довольно большого Володькиного письма многие отдельные фразы мне запомнились наизусть:

«Дорогой Компот, друг мой единственный!

Жизнь дала трещину, и судьба повернулась к нам раком. Как тебе, очевидно, уже известно, Мишка убит, а мне вот оттяпали обе лапы...

В Тунцзяне добыл для тебя ящик консервированных мандаринов, тебе бы понравилось наверняка, да вот встретиться не пришлось...

Если ты жив и здоров, отомсти самураям за Мишку и за других и с честью пронеси знамя советского офицера через всю Маньчжурию. Если же ранен, не вешай, Васёк, голову, держи хвост пистолетом!»

Заканчивала письмо запомнившаяся мне на всю жизнь рифмованная, неестественно бодрая фраза:

«И если у вас оторвалась пуговица, не надо плакать, не надо испугиваться!»

Ниже стояла подпись: «Бывший гусар В.Новиков».

Помню, что это бравадное сравнение потери обеих ног с оторвавшейся пуговицей ударило меня в самую душу...

Я ответил Володьке большим и очень тёплым письмом, составление и обдумывание которого заняло у меня целые сутки. Я написал ему, что и на гражданке можно с пользой служить Отечеству и армии, только для этого нужна подготовка, надо учиться и вместо военной академии ему придётся окончить институт или университет.

Хорошо зная Володькину независимость, его максимализм и нетерпимость, щепетильность в денежных вопросах, я понимал, что он не захочет никакой помощи даже от матери и отца-генерала, во всяком случае, станет отказываться, но я должен был его убедить, должен был заставить его принять хоть какую-нибудь помощь от меня. Если до сих пор в наших отношениях командовал только Володька, то теперь эту роль я обязан был взять на себя.

Я написал ему, что мы с ним не просто однополчане, что он мне ближе родного брата и не имеет права отказываться от моей поддержки, а если посмеет, то я буду расценивать это как предательство, именно как предательство фронтовой дружбы с Мишутой и со мной. Желая убедить его, я подпустил в письме демагогии, особенно нажимая на память о погибшем Мишуте.

Что я предлагал ему конкретно?.. Я написал, что считаю своей обязанностью оформить на него аттестат, деньги по которому он будет получать и когда я буду в академии. Если он будет учиться там же, в Москве, мы поселимся вместе, купим трофейный мотоцикл с коляской, и я буду ежедневно по утрам отвозить его на занятия в институт или университет, а в конце дня доставлять обратно; ведение всего хозяйства я, разумеется, беру на себя.

В ту же ночь я придумал ему и профессию — военный историк! — и написал, что он должен посвятить свою жизнь восславлению подвигов советских воинов в Отечественной войне. Я не сомневался, что Володька с его силой воли и целеустремлённостью без труда

сможет стать профессором истории и даже академиком — вроде знаменитого в те годы Тарле, так здорово описавшего героические действия русской армии против Наполеона.

Из полученного в медсанбате за август и сентябрь денежного содержания я сразу перевёл ему пятьсот рублей, но от денег Володька отказался, написал, что в них нет пока никакой необходимости, и карточка почтового перевода, пересылаемая вместе с его письмом с одной полевой почты на другую, благополучно вернулась ко мне примерно через год, уже летом сорок шестого года.

С ним, с Володькой, мы тоже больше не увидимся... Месяца четыре спустя, уже зимой, под Новый год, получив индивидуальные, окончательно подогнанные по культяпкам протезы, за несколько часов до выписки из госпиталя он выбросился из окна четвёртого этажа, с переломанным позвоночником был жив до вечера и, придя в сознание, умолял его пристрелить... Об этом мне, обнаружив конверт моего письма Володьке с обратным адресом, в горестном отчаянии сообщила медицинская сестра, хабаровская девчонка, без меры, без ума влюбившаяся в него и в безногого...

Спустя тридцать лет, попав в Хабаровск и зная, что Володькиных родителей, с которыми я многие годы переписывался, уже давно нет в живых, я потратил неделю, пытаясь отыскать его могилу, в ревностном стремлении и мечте подправить, реставрировать, восстановить её, а в случае необходимости поставить новое надгробие. Я обшарил все хабаровские кладбища: и центральное городское, и на Трёхгорке, и на Красной речке, и, наконец, четвёртое, в посёлке, где была база Амурской флотилии; я обошёл тысячи различных могил и просмотрел все книги и журналы погребения конца сорок пятого и начала сорок шестого годов, однако не только забытой, заброшенной могилы — никаких следов захоронения гвардии капитана Новикова Владимира Алексеевича, 1924 года рождения, даже в кладбищенских архивах при всех стараниях и щедро раздаваемых поллитровках обнаружить не удалось. Как и от Мишуты, от Володьки-гусара, мечтавшего о бессмертной воинской славе — от обоих самых близких друзей моей военной юности, — даже могильных холмиков не осталось...

Оба они сохранились и существуют сегодня, наверное, только в моей памяти, и, пока я жив, они будут жить во мне...

Я думаю не о смерти, а о Мишуте и Володьке, о треклятой Маньчжурии — с сопками и без, — стоившей им жизни, о Маньчжурии, которую уже отдали или отдадут китайцам...

62. «ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ СЕБЯ, НЕ СКРЕБЁТ ЛИ КТО ТЕБЯ?!»

В отличие от Володьки и Мишуты, я в войне с Японией отделался ранением в предплечье и около месяца пробыл в Фудидзяне, грязном китайском пригороде Харбина, изнывая от бездействия, скуки и страшных маньчжурских мух, прозванных пикирующими бомбардировщиками — на каждого из нас приходилось даже не сотни, а тысячи этих тварей, и ни металлические сетки на окнах палат, ни марлевые полога в дверных проёмах не защищали полностью от их укусов. Такого царства свалок и таких зловонных груд гниющих отбросов, такой антисанитарии и таких зловредно-назойливых, размером с пчелу или даже шмеля, мух я нигде никогда больше не видел.

Там, в Фудидзяне, я всё время с грустью вспоминал, точнее, впервые затосковал по Европе, по чистеньким городам и хуторам Германии, по ухоженным немецким полям, дорогам и лесам, и конечно, по роскошному трёхкомнатному «люксу». В том самом, в котором, несмотря на майский категорический приказ командующего фронтом о переводе офицерского состава на казарменное положение и июньский — ещё более грозный — главнокомандующего только что образованной Группой оккупационных войск, я провёл два послевоенных месяца, ничуть не подозревая, что в таких прекрасных условиях мне в моей довольно долгой жизни уже больше никогда не придётся обитать.

Дивизию, в составе которой я воевал в Маньчжурии, в середине сентября передислоцировали на территорию страны, в Приморье, и не в таёжные землянки, а в прежний обустроенный гарнизон, что не могло не радовать, и тут — волею судеб, тринадцатого числа, день в день, спустя ровно год после того, как меня тяжело ранили в Польше, — случилось обидное или даже оскорбительное.

Долечиваться в команде выздоравливающих дивизионного медсанбата оставили только офицеров-дальневосточников, а тех, кто воевал на Западе, в Европе — шесть человек, в том числе и меня, — неожиданно, в одночасье, перевели в армейский госпиталь, предварительно выведя приказом за штат дивизии; на должности же наши назначили людей из корпусного резерва, опять же исключительно дальневосточников и забайкальцев. Как говорили, сделано это было

по инициативе или настоянию начальника политотдела дивизии полковника Зудова, пробывшего всю войну на Дальнем Востоке и убеждённого, что те, кто воевал на Западе и посмотрел условия жизни за границей, отравлены знакомством с капитализмом, восхваляют его, подрывая тем самым основы советского патриотизма, а следовательно, и боевой дух армии.

Разумеется, я ничего не подрывал, я с детства был осторожен и не болтлив, постоянно памятуя внушаемое мне настойчиво с дошкольного, наверное, возраста и бабушкой, и дяшкой Круподёровым, и — с непременными угрозами и сованием кулака под нос — дедом: «Не болтай!.. Держи язык за зубами!.. Помалкивай!.. Короткий язык — залог здоровья и долгой жизни!.. Плёвку там не разевай!.. О политике не разговаривай и рта не открывай, иначе посадят и тебя, и всех нас! Будешь болтать — мозги вышибу!..»

Особенно меня наставляли, когда я отправлялся в соседнюю деревню к приятелю и однокласснику Егорке Клюкину, чей отец был партийцем и занимал в районе какую-то должность — его возили на тарантасе. И бабушка, и дед жили в убеждении, что коммунисты обязаны доносить о всех разговорах куда следует и получают за это деньги, ради денег они якобы могут запросто упрятать в тюрьму любого, отчего бабушка называла членов партии иудами или христопродавцами, а дед — лягавыми. Мои отец и мать были коммунистами, и после долгих размышлений я, не выдержав, спросил у бабушки: «Они что, тоже иуды или лягавые?» — «Не знаю, не знаю!» — с явным недовольством, неопределённо ответила она.

С малых лет дед внушал мне не только осторожность, но и недоверие к людям, частенько повторяя: «Надейся на печь и на мерина!..» Если же бабушки рядом не было, он и мне, пятилетнему, как мужик мужику, излагал этот житейский афоризм полностью: «Надейся на печь и на мерина: печь не уведут, а мерина не у..бут!» — в истинности и справедливости этих предупреждений мне придётся убедиться вскоре, да и впоследствии многократно.

Воспитание во мне осторожности продолжалось и в армии. С первого раза я усвоил напоминаемое мне время от времени стариком Арнаутовым предупреждение, именуемое им «молитвой от стукачей»: «Оглянись вокруг себя, не скребёт ли кто тебя?!» Однажды старик, подвыпив до «стадии непосредственности», доверительно разъяснил мне, что в Советском Союзе каждый пятый человек — осведомитель органов НКВД и что на этом, мол, основана крепость государства.

Проблема восхваления образа жизни, точнее материальных условий, за границей и так называемого низкопоклонства возникла, когда мы вступили на территорию европейских стран. В письмах из

Действующей армии в Россию стали описывать чистоту и порядок, отличные ровные дороги, добротные дома в городах и деревнях и невиданное обилие мебели, одежды, продуктов и различных удобств в квартирах. Военная цензура вылавливала все эти удивления и восторги и тотчас сообщала Военному Совету армии с указанием фамилий и номеров полевых почт отправителей писем, с ними затем в частях проводилась разъяснительная и воспитательная работа — как правило, она сводилась к строгому предупреждению, что при повторении виновные будут преданы суду Военного трибунала.

Ещё осенью сорок третьего года на Брянщине, когда мы мылись в крохотной задымленной баньке, Арнаутов просветил меня, что чем больше в письме патриотизма, тем быстрее и надёжнее оно доходит: кому бы ты ни писал, всё должно быть «бодро-весело», без какого-либо рассусоливания, жалоб или тягот, и, естественно, я был осторожен, как, впрочем, и большинство офицеров; что же касается рядовых и сержантов, то, оставаясь один на один с листком бумаги, они расслаблялись и нередко забывали, что всё до строчки читается и просматривается военной цензурой, почему и случались неприятности.

Я помнил, как майор Елагин дважды появлялся по этому поводу в роте — первый раз это было на хуторе под Цюллихау, — я строил людей, и он напористо разъяснял, что «советский воздух самый чистый», а «советский кипяток самый горячий», об этом следует помнить днём и ночью и сообщать буквально в каждом письме — других мнений быть не может. Помню, как погибший вскоре сержант Ивченко, в те дни комсорг роты, растерянно спросил, а что можно и как следует писать домой о Германии и о немцах, и Елагин, не моргнув и глазом, ответил: «Очень просто! Пирог — говно, хозяйка — блядь, и фартук у неё обосранный! Каждого из вас в письмах должно тошнить от всего, что вас здесь окружает! Это и есть советский патриотизм! Других указаний нет и не будет!» Я-то уловил в ответе Елагина иронию или насмешку, но Ивченко и остальные наверняка не заметили или не поняли.

И другие переведённые одновременно вместе со мною из дивизионного медсанбата в армейский госпиталь там же, в Фудидзяне, офицеры тоже ничего лишнего, полагаю, не говорили и наверняка при людях заграницу не восхваляли — только дурак не поостерёгся бы и не подумал, чем это может окончиться. Однако всех нас откомандировали, точнее сказать, выкинули из дивизии, хотя никаких претензий у командования к нам не было, более того, четверо из шести, в том числе и я, за две недели боёв в Маньчжурии были представлены к правительственным наградам.

И на Западе, в Европе, мы честно делали Отечку, и не две недели, а кто два, кто три, а кто и четыре года, и досталось там каждому

из нас несравненно больше, чем на Дальнем Востоке. Выходило всё это несправедливо, оскорбительно и совершенно непонятно: с одной стороны, и московская «Красная Звезда», и армейская, и дивизионная газеты писали о «бесценном боевом опыте» офицеров, прошедших войну с Германией, нас называли «золотым фондом офицерского корпуса», с другой стороны, нам, по сути дела, не доверяли, относились как к прокажённым или заразным и пользуясь случаем откомандировали, а фактически выгнали из дивизии, хотя вся наша вина заключалась в том, что во время боевых действий, командуя взводами, ротами или батальонами, мы побывали за границей и увидели, как там живут. Тогда, осенью сорок пятого года, после откомандирования, ощущая свою обездоленность, я с обидой и неизбывной болью не раз думал ночами: «За что?!»

Официально — в приказах и директивах — об этом нигде не сообщалось, однако полковник Зудов был не оригинален и отнюдь не одинок. Позднее, в другом соединении, начальник политотдела подполковник Китаев, тоже коренной дальневосточник, публично называл всех воевавших на Западе, за границей, людьми, «подпорченными Европой» или «подванивающими Европой». На офицерских политзанятиях он, делая жёсткое враждебное лицо, неоднократно говорил:

— К сожалению, как мне доподлинно стало известно, среди вас находятся людишки со зловонной гнильцой, считающие возможным вспоминать буржуазный образ жизни без принципиального категорического осуждения. Приказываю: забудьте всё, что вы там видели!.. Самое же опасное, что подобные антисоветские высказывания не встречают у офицеров гневного отпора! Вся эта зловонная разлагающая гниль в армии нетерпима, и мы будем выжигать её калёным железом!

Он заявлял нам это в глаза, не скрывая своего презрения и неприязни и ничуть не смущаясь тем, что воевавшие на Западе и, следовательно, «подванивающие Европой людишки» составляли не менее трёх четвертей сидевших или стоявших перед ним офицеров.

Когда на политзанятиях или на совещаниях слышалось то и дело сообщаемое подполковником Китаевым «как мне доподлинно стало известно», естественно, невольно возникал вопрос — от кого? Офицеры начинали посматривать друг на друга, задумывались, и всякий раз мне приходила на память арнаутовская «молитва от стукачей», впрочем, убеждённый в своей осторожности, я не беспокоился и ничуть не волновался.

63. МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ ТЫЛОВАЯ РОССИЯ

После недельного пребывания в армейском госпитале там же, в Фудидзяне, 20 сентября меня в группе из 17 офицеров направили во Владивосток для получения назначения и дальнейшего прохождения службы. От Харбина мы добирались на попутных грузовиках мимо уже выкошенных, нескончаемо однообразных полей чумизы и гаоляна, под Хабаровском переправились через Амур и ещё более суток тащились пассажирским поездом, удивительно тихоходным по сравнению с эшелоном, мчавшим нас два месяца назад из Германии на Дальний Восток.

Мы ехали, занятые преимущественно своими мыслями, озабоченные тем, куда нас пошлют, где придётся служить, куда забросит судьба, а точнее, ведающий офицерским составом отдел кадров только что образованного Дальневосточного военного округа. Большинство из нас, кроме трёх сибиряков, мечтало получить назначение за Урал, в европейскую часть страны, или в одну из четырёх групп войск за рубежом, к примеру в ту же Германию, ничуть не подозревая, сколь нереальны эти желания.

В вагоне по дороге из Хабаровска во Владивосток меня впечатлили голодные или полуголодные люди, особенно дети, худенькие и бледные, с жадностью смотревшие на любую еду, даже если это была варёная картофелина или кусочек чёрствого хлеба.

По сути дела, уже года полтора я был отдалён от жизни и быта своих соотечественников, гражданского населения России, питаясь по первой фронтовой норме, дополняемой «подножным кормом», добываемым у местных жителей в Западной Белоруссии, Польше и Германии, и, начиная с июля сорок четвертого года, весьма обильно – трофейными продуктами. В госпитале и медсанбате по десятой норме кормили тоже вполне достаточно, с белым хлебом, компотом или киселём и даже суррогатным кофе – напиток этот я раньше никогда не пил и не пробовал, он казался мне заморским деликатесом, вкусным и ни на что не похожим.

Когда два месяца назад нас везли через всю Россию на Дальний Восток, я от самого Смоленска, лёжа в теплушке на нарах, подолгу смотрел в отверстие от сучка. Меня неизменно удручало обилие бедно, а то и нищенски одетых, судя по всему голодных людей, их невесёлые, озабоченные, исхудалые лица. На станциях в толпе пассажиров бросались в глаза безрукие и безногие, на низеньких тележках или с костылями инвалиды в шинелях и матросских бушлатах.

Мы проезжали поросшими сорняками, не выкошенными в конце июля, словно никому не нужными, полями — при остановках на разъездах я дважды убедился, что, видимо из-за ранней весны, хлеб уже переспел и осыпался. Где-то в Поволжье я впервые увидел впряжённых в телеги отощалых коров, а за Барабинском, вдоль железнодорожного полотна, телегу с мешками, ухватясь за оглобли, с натугой тянули восемь или девять немолодых женщин и седых старух, как я успел заметить, почти все они были без обуви — босиком. Скудость, нищета и запустение воспринимались после Германии особенно контрастно и болезненно.

Кроме необъятного вселенского простора, голубого ясного неба и невиданной ранее многообразной природы — Средняя Россия, Поволжье, Урал, Западная, а затем Восточная Сибирь и, наконец, Забайкалье, — кроме российских лесов и полей, ничто вокруг не радовало в долгом, почти двухнедельном пути.

Тогда, во второй половине июля сорок пятого года, по дороге на Дальний Восток, пусть в условиях ограниченной видимости, разглядывая Отечество, я, может, впервые по-настоящему задумался о цене нашей победы в этой страшной четырёхлетней войне и о том, сколь опустошена, надорвана и обездолена Россия, разумеется, не представляя точно или даже приблизительно ни глубины, ни размеров этого опустошения и обездоленности.

Если тогда, два месяца назад, я разглядывал своих соотечественников на ходу, из эшелона, на расстоянии, коротко и отрывочно, то теперь, по пути из Хабаровска во Владивосток, имел возможность увидеть их бедность, нужду и страдания вблизи.

Более других в том вагоне мне запомнилась красивая, статная женщина лет двадцати восьми, удивительно горделивой осанки, с толстой, соломенного цвета косой, уложенной двумя кольцами на голове, и большими светло-зелёными, опухшими от слёз глазами. На ней был строгий тёмно-серый костюм — пиджак с модными тогда накладными плечами — и никаких украшений, и на лице — ни малейшей подмазки.

Бо́льшую часть времени она проводила в дальнем от нас глухом нерабочем тамбуре, где, отворотясь в угол и прикрывая лицо носовым платком, а к вечеру вафельным полотенцем, часами беззвучно давилась слезами, время от времени содрогаясь от рыданий; когда к ней подходили, она повторяла одно и то же: «Уйдите... Оставьте меня в покое...»

Как всё же выяснилось, её муж, морской офицер, капитан второго ранга, тяжело раненный при высадке десанта, кажется в Порт-Артуре, и доставленный во Владивосток, умер там спустя месяц в госпитале, и она ехала из Хабаровска на его похороны. Всякий раз, когда она вставала, чтобы выйти из купе, её сынишка, светловолосый, не по-детски сосредоточенно-молчаливый мальчик лет четырёх или пяти, в аккуратном матросском костюмчике с длинными брюками, пытался её остановить, удержать, брал за руку и, явно повторяя чьи-то слова, взволнованным, срывающимся полушёпотом не по возрасту серьёзно говорил:

— Мамочка, я тебя прошу... я тебя очень умоляю — не надо! Не вздумай делать глупости! У тебя есть я и есть бабушка!..

Нагибаясь, она целовала его в щёку или в висок и, закусив нижнюю губу, покидала купе, а он усаживался к окну.

Мы не раз пытались его угостить, предлагали консервированную колбасу и трофейные японские галеты, предлагали чай с сахаром и печенье из офицерского дополнительного пайка, однако он от всего без колебаний отказывался — «Спасибо, не надо!» — и часами сидел сосредоточенный на нижней полке в настороженном, печальном ожидании возвращения матери.

Когда я ночью проснулся на верхней багажной полке от жары и духоты и спустился попить воды, он спал, накрытый шерстяным платком, а матери в купе опять не было. Я увидел её в том же полутёмном тамбуре: мерно раскачиваясь, изгибаясь телом, как в забытьи, она странно, тихонько мычала или выла от горя, время от времени срываясь на стон, и не замечала меня, стоявшего в двух или трёх от неё метрах в растерянности и нерешимости — что я мог ей сказать и чем помочь?

В полдень, когда мы подъезжали, она сидела в купе по-деловому собранная, подтянутая, с царственным достоинством — необыкновенно прямо и чуть откинув назад небольшую пленительную головку на высокой красивой шее.

Потом, наклонясь, подолгу шёпотом разговаривала с сыном, пыталась с ним шутить и даже улыбаться, только запавшие, трагически

скорбные глаза и ещё более осунувшееся за сутки лицо выдавали её душевное состояние. Заметна была припудренная полоска синевы на покусанной нижней губе, и проглядывал из-под пудры немалый синяк у корней волос в верхней части лба — видимо ночью, в забытьи, она билась или же ударилась головой о стенку тамбура. Правой рукой она всё время обнимала сына, и на безымянном пальце обманно, как у замужней женщины, по-прежнему желтело тонкое обручальное золотое кольцо, хотя, как я знал, его полагалось снять и носить теперь на левой руке.

Во Владивостоке, когда поезд замедлил ход перед тем, как остановиться, она накрыла голову чёрным шерстяным платком, надвинув его по-монашески чуть ли не до бровей, очевидно, чтобы прикрыть синяк в верхней части лба, и тут я без колебаний предложил поднести, куда потребуется, её большой чемодан, хотя отчётливо сознавал, как я рискую: после августовского приказа Наркома Обороны о введении ординарцев офицерскому составу категорически запрещалось носить что-либо в руках, кроме маленьких аккуратных свёртков и чемоданчиков размером не более портфеля.

— Спасибо, — даже не глянув в мою сторону, сдержанно и отстранённо поблагодарила она и в следующую минуту, стоя у окна, приветственно подняла руку.

За мутным, покрытым серой пылью стеклом я увидел на перроне не менее десятка встречавших её морских офицеров и понял, как некстати прозвучало моё предложение.

Спустя десятилетия, когда я вспоминал послевоенную Россию, многострадальную великомученицу, донельзя изнурённую четырёхлетним напряжением всех сил и средств, опустошённую гибелью десятков миллионов и на последнем дыхании дотянувшуюся до Победы, когда я вспоминал необъятную тыловую Россию, которую летом и осенью сорок пятого года я видел урывками между Германией и Маньчжурией, Маньчжурией и Владивостоком, ещё бóлее восточной частью света, передо мной, как правило, возникал облик этой сильной, пленительной, убитой горем женщины...

64. В ОЖИДАНИИ НАЗНАЧЕНИЯ

Штаб недавно образованного Дальневосточного военного округа должен был дислоцироваться на Южном Сахалине, во Владивостоке же, метрах в ста пятидесяти от железнодорожного вокзала на запасных путях, в пассажирских вагонах помещалась так называемая оперативная группа отдела кадров. Рядом с составом, на сколоченных из горбыля столиках, офицеры заполняли краткие анкеты; возникавший то и дело в тамбуре сухощавый немолодой старшина, малословный, недоступный и полный сознания значительности своей роли и положения, слегка наклонясь, забирал листки и личные документы и спустя некоторое время, выкликая воинское звание и фамилию, приглашал в вагон.

Зачисленные по прибытии во Владивосток в батальон резерва офицерского состава, мы размещались на окраине города, за Луговой, в походных палатках-шестиклинках, расставленных рядами прямо на склонах Артиллерийской сопки. Рано утром мы уходили и днями бродили по этому необычному оживлённому портовому городу, с любопытством разглядывая тыловую гражданскую жизнь в различных её проявлениях, чуждую для нас и непривлекательно скудную.

Посидев однажды вчетвером в особторговском ресторане «Золотой рог», мы вывалились оттуда ошарашенные и травмированные душевно несусветными ценами, обилием красивых, шикарно одетых женщин и бессовестностью официантов, и в дальнейшем обедали на станции, в столовой военного продовольственного пункта, где кормили из привычных, припахивающих комбижиром алюминиевых мисок, впрочем, довольно сносно. Запомнилось, что там время от времени культивировались развлекательные моменты: молодых толстозадых подавальщиц желающие – те, кто понахальнее, – улучив минуту, хватали за ляжки и ягодицы.

После обеда мы часами толкались на путях около вагонов, в которых находились кадровики, прислушиваясь к разговорам, да и расспрашивая сами.

Сведения, сообщаемые офицерами, уже получившими назначения на должности, оказывались разными и преимущественно малоутешительными. Так стало известно, что вернуться назад для службы в европейской части страны, а тем более в одной из четырёх групп войск за рубежом, было практически невозможно, делалось это лишь в порядке редчайшего исключения, но что конкретно требовалось для такой исключительности, какие мотивы и документы, никто толком не знал и объяснить не мог.

В связи с близким окончанием навигации происходила поспешная переброска шести или семи стрелковых дивизий и горнострелкового корпуса на Чукотку, Камчатку, Курильские острова и Сахалин, причём в частях перед убытием всё время возникал значительный некомплект командного состава — многие офицеры загодя, до отправки пароходами в отдалённые местности, проходили во Владивостоке гарнизонную медкомиссию и добивались ограничений и справок о противопоказаниях для службы на Севере, что давало возможность остаться на материке.

Вакантные должности заполнялись за счёт переменного состава батальона резерва, и оттого в палатках на Артиллерийской сопке разговоры до ночи вертелись главным образом вокруг получения новых назначений и возможных повышений. Назывались при этом и лучшие по климату, бытовым условиям и близости к Владивостоку гарнизоны, куда правдами и неправдами следовало стараться попасть — Угольная, Раздольное, Уссурийск, Шкотово, Манзовка...

Настроение у большинства офицеров было однозначное. После четырёх лет тяжелейшей войны и круглосуточного пребывания в полевых условиях, после четырёх лет, проведённых в блиндажах, землянках, окопах, болотах, в лесах и на снегу, всем хотелось хорошей, негрязной, если и не полностью комфортной, то хотя бы с какими-то простейшими удобствами жизни в городах или обустроенных гарнизонах. Даже двойной оклад денежного содержания и двойная же выслуга лет, особый северный паёк повышенной калорийности и ежедневные сто граммов водки — небывалые льготы, установленные только что специально для Чукотки, Камчатки и Курильских островов приказом Наркома Обороны, доводимым в обязательном порядке до всего офицерского состава, — соблазняли на службу в отдалённые местности лишь немногих.

В бесконечных разговорах и на станции возле вагонов, где заседали кадровики, и вечерами в палатках более всего пугали Чукоткой и Курильскими островами, свирепыми пургами, нескончаемыми морозами и снегом — «двенадцать месяцев зима, а остальное — лето», —

пугали отсутствием какого-либо жилья, даже землянок, и полным отсутствием женщин, которых, как к моему недоумению и растерянности обнаружилось, там будто бы заменяли белые медведицы.

В частности, о Чукотке вслух сообщалось, что там «сто рублей не деньги, тысяча километров не расстояние, цветы без запаха, а белые медведицы — без огонька» или что там «жизнь без сласти, а медведицы без страсти...». Так, например, примелькавшийся за эти дни, всегда хорошо поддатый, худой горбоносый старший лейтенант-артиллерист, якобы служивший на Чукотке, стоя на путях в окружении десятков офицеров, живописал поистине кошмарное тамошнее житиё и в заключение взволнованно сообщил:

— А для любви там, братцы... и для семейной жизни... Дунька Кулакова[1]... белые медведицы и ездовые собаки... Если, конечно, поймаешь... и если не отгрызут... — для большей ясности он указал рукой на свою ширинку, зажмурив глаза, захлюпал носом и от отчаяния и безвыходности, прикрыв локтем лицо, жалобно, громко заплакал.

Перед тем я с ещё тремя офицерами побывал во Владивостокском краеведческом музее, где разительное щемящее впечатление на меня произвёл огромный стенд с дореволюционными фотографиями, озаглавленный «Сахалин — место каторги и ссылки». На бóльшей части снимков были изображены мрачного вида с заросшими недобрыми лицами полуголые мужчины с нательными крестами, прикованные цепями к тачкам, или долбящие в поте лица каменистый грунт киркомотыгами, или выворачивающие и перетаскивающие вдвоём-втроём валуны или обломки скал.

Экскурсовод, невысокая, с прокуренными жёлтыми зубами и хриплым голосом, женщина в старенькой, лоснящейся сзади юбке и разваливающихся кожимитовых полуботинках, сообщила, что Антон Павлович Чехов в начале века посетил Сахалин и, как она сказала, «лучом либерального гуманизма высветил беспросветное положение жертв самодержавия». С её слов следовало понимать, что эти люди на фотографиях были революционерами и ещё более сорока лет назад боролись против царя за светлое будущее человечества.

Я стоял рядом с экскурсоводом и, слушая её, рассматривал снимки на стенде с особым вниманием и волнением. В молодости дед провёл на каторге девять лет, в доме об этом старались не вспоминать и, во всяком случае при мне, никогда не говорили, но однажды, в возрасте лет семи, я проснулся к ночи на полатях и прослушал рассказ бабуш-

---

[1] «Дунька Кулакова» — жаргонное казарменное обозначение онанизма.

ки дяшке Афанасию. Тогда-то я и узнал, что дед, отпущенный после русско-японской войны на побывку, угодил домой в Крещенье на престольный праздник, напился и вместе со всеми пошёл на реку, на лёд драться с парнями из соседнего села и двух из них убил. Как говорила Афанасию бабушка, убил дед якобы только одного, а второго ему «навесили», чтобы вытащить сына сельского старосты, и грозило деду двадцать лет каторги, а дали двенадцать потому, что дед имел за войну два солдатских Георгиевских креста и к тому же убил он не ножом и не свинчаткой или дрекольем, а кулаком, и злого умысла будто бы не было — хотел «ошелоушить», но не рассчитал.

Я не имел реального понятия о том, что такое каторга, не представлял конкретно, в каких условиях находятся там люди и что они там терпят и переживают, и, хотя наказание дед отбывал не на Сахалине, а в Сибири, от жалости к нему при виде фотографий на стенде я ощутил душевную стеснённость, а погодя защемило и сердце.

То, что люди на снимках, как рассказывала экскурсовод, были революционерами и борцами за светлые идеалы человечества, вызвало у меня из-за ряда обстоятельств немалые сомнения. У нескольких из них на груди, на предплечьях и даже на животе отчётливо смотрелись не раз виданные мною типичные воровские татуировки, вроде вопроса: «Что нас губит?» и наколотого ниже ответа в виде карт, бутылки и женских ног. Можно было разобрать и другие характерные для уголовников татуировки: «Нет счастья в жизни», «Не забуду мать-старушку», у одного, бородатого, весьма злобного мужчины, над левым соском было выколото сердце и рядом короткое предупреждение: «Не тронь! Разбито!».

В ночном рассказе бабушки Афанасию мне врезалось в память, что дед, как убийца, был обязан с рассвета и до ночи носить кандалы и они до крови растирали ему ноги, так вот и большинство запечатлённых на фотографиях работало в кандалах, причём у многих из них были жутковатые, угрюмо-злобные лица бандитов или убийц.

Когда при выходе из музея мы посмотрели по карте, то обнаружили, что остров Сахалин, куда при царе ссылали опаснейших преступников, совсем недалеко от Владивостока, для чего же тогда предназначалась Чукотка, которая была раза в четыре дальше, а главное — севернее?.. Туда-то, на самый край света, кого и за какие провинности отправляли?.. Если Сахалин — «место каторги и ссылки», чем же была Чукотка, место наиболее отдалённое и, судя по слухам и рассказам, чудовищное, гиблое?..

Я не боялся ни пурги, ни морозов, был готов переносить любые лишения и опасности и в себе ничуть не сомневался, однако мысль

о том, что в офицерском сообществе вблизи меня могут оказаться слабодушные, безвольные людишки, способные унизиться до Дуньки Кулаковой, способные опуститься до физической близости с белой медведицей или ездовой собакой и тем самым омерзотить честь и достоинство офицера, совершенно ужасала.

Отрадным или утешительным оказалось то, что, как выяснилось достоверно, личных дел офицеров, прибывших с Запада, в частности из Германии, в оперативной группе отдела кадров не было. И потому, заполняя анкету, я, после нелёгких размышлений и колебаний, скрыл отравление метиловым спиртом со смертельным исходом у меня в роте и, естественно, не указал, что был за это отстранён от занимаемой должности и чуть не угодил «под Валентину».

Также пошёл я на подлог и в графе «Образование (общее)», написав «10 классов», хотя окончил всего восемь. Разумеется, я знал, что офицер не должен и, более того, не имеет права даже в мелочах обманывать командование и вышестоящие штабы, и решился на обман исключительно с чистой и высокой целью — попасть в Академию имени Фрунзе, слушателем которой я ощущал себя после сдачи предварительных экзаменов в казарменном городке на Эльбе, юго-восточнее Виттенберга, уже четыре с половиной месяца, причём с каждым днём всё бóлее и бóлее.

Отдав заполненный с обеих сторон листок и личные документы старшине — он положил их в одну из стареньких дешёвых папок, что были у него в руке, и унёс, — я в ожидании вызова принялся расхаживать взад и вперёд близ вагона, время от времени посматривая на тамбур.

Внезапно сильнейшее волнение охватило меня. Мне вдруг пришло на ум то, о чём я, будь пособразительнее, мог бы подумать загодя: раньше или позже эта анкета по логике вещей должна попасть в моё личное офицерское дело, и тогда я с позором буду уличён в подлоге. Время тянулось мучительно долго, старшина появлялся несколько раз, выкликая офицеров, однако моя фамилия почему-то не называлась, и овладевшая мною душевная, а точнее, нравственная ломка усугубилась гадким предчувствием, что мои «художества» в анкете уже обнаружены и в вагоне меня ожидают небывалые неприятности.

Старшина возник в дверном просвете тамбура, наклонясь, взял анкеты и личные документы у трёх офицеров, ожидавших его возле ступенек вагона, и, заглянув в бумажку, выкрикнул:

— Старший лейтенант Федотов!.. Капитан Дерюгин!..

65. В КРИГЕРЕ

В десятый, наверное, раз, одёрнув шинель и поправив пилотку — моя фуражка пропала на складе в госпитале, — не забывая морально поддерживать себя и мысленно повторяя: «Аллес нормалес!.. Где наше не пропадало, кто от нас не плакал!», я поднялся в тамбур, увидал широко, до упора, отведённый створный угол — для свободного проноса носилок, — сразу сообразил: «Кригер!», и настроение у меня если и не упало, то подломилось, хотя какое это могло иметь значение для сути дела, для определения моей дальнейшей судьбы?..

Да, это был кригер, четырёхосный со снятыми внутренними перегородками пассажирский вагон для перевозки тяжелораненых, оборудованный вдоль боковых стенок станками для трёхъярусного размещения носилок — в точно таком кригере[1] в сентябре прошлого года меня, пробитого пулями и осколками мин, умиравшего или, во всяком случае, отдававшего Богу душу и по суткам не приходившего в сознание, везли из Польши, с висленского плацдарма, в далёкий тыловой госпиталь. Вторая половина вагона была отделена сверху до пола плащ-палатками, и оттуда всё время слышались голоса — там получали назначения командиры взводов.

В той половине, куда я попал, за маленькими обшарпанными однотумбовыми столиками сидело четверо офицеров. Позднее, вспоминая и анализируя тот час, когда в кригере решалась моя дальнейшая судьба, я понял и уяснил, что всё там делалось не с кондачка, всё было продумано и предусмотрено, в частности, например, и такое немаловажное обстоятельство.

---

[1] Название соответствует существовавшему в те годы, хотя по сути неточно: в других странах с Первой мировой войны вагоны для тяжелораненых оборудовались станками Кригера с кронштейнами для двухъярусного расположения носилок или специальных коек, однако в Советском Союзе с 1942 года такие вагоны оснащались исключительно станками для трёхъярусного размещения тяжелораненых, чем достигалась большая эвакуационная вместимость — 30 и даже 36 человек вместо 20 в кригере.

В послевоенное время фронтовиками — с целью добиться своего — частенько и не всегда обоснованно предъявлялись претензии, упрёки или обвинения мужчинам, находившимся в тылу, в том числе и офицерам, для чего существовало вступление, исполняемое в порядке артиллерийской подготовки, с остервенением, на банально-популярный мотив: «Мы четыре года кровь мешками проливали, из братских могил не вылезали, а вы здесь, гады, баб скребли — днём и ночью пистонили! — и водку под сало жрали!..»

Никому из находившихся в кригере кадровиков вчинить подобное было просто невозможно. У старшего — подтянутого, представительного подполковника с приятным, добродушным лицом — из правого рукава гимнастёрки вместо кисти руки торчал обтянутый чёрной лайкой протез.

Вид сидевшего влево от него коренастого темноглазого гвардии майора с зычным громоподобным голосом был без преувеличения страшен: обгорелая, вся в багровых рубцах большая лобастая голова, изуродованная ожогом сверху до затылка и столь же жестоко сбоку, где полностью отсутствовало левое ухо — вместо него краснело маленькое бесформенное отверстие.

И, наконец, у сидевшего по другую сторону от подполковника загорелого, с пшеничными усами капитана глубокий шрам прорезал щеку от виска до подбородка и, видимо, из-за повреждённой челюсти рот со вставленными стальными зубами был неприглядно скошен набок, и говорил он заметно шепелявя.

На гимнастёрках у всех троих имелись орденские планки и нашивки за ранения, у гвардии майора целых семь, из них две — жёлтые.

Четвёртый офицер — старший лейтенант с бледным малоподвижным лицом, в гимнастёрке с орденом Отечественной войны, красной нашивкой за лёгкое ранение и артиллерийскими погонами — помещался особняком от остальных, за столиком, стоявшим вправо от входа, торцом к окну и прикрытым от вызываемых в кригер плащ-палаткой. Именно ему старшина приносил и передавал тонкие засаленные папочки с анкетами и личными документами получавших назначение. Увидев у него в руке большую в чёрной оправе лупу, которой он пользовался, просматривая документы, я предположил, что он из контрразведки, и эта догадка сохранилась у меня в памяти.

Нас, вызванных, стояло посредине отсека, в затылок один за другим, четверо, и это тоже, очевидно, было продумано, чтобы передний, с которым беседовали, спиной ощущал стоящих сзади

него, отвечал на вопросы коротко, по существу, не рассусоливал и не пускался в ненужные кадровикам сокровенные, вымогательные разговоры с выпрашиванием себе должности и места службы получше, да и делать это при свидетелях, братьях офицерах, было, разумеется, несподручно.

Капитан со шрамом на щеке и перекошенным ртом зачитывал анкетные данные стоящего впереди офицера; за плащ-палатками, в другой половине вагона, какой-то лейтенантик жалобно говорил о наследственной предрасположенности своей жены к туберкулёзу и повторял: «Север ей противопоказан — категорически! Понимаете, категорически!» В ответ послышалось недовольное: «Чем это подтверждается?» — и затем, чуть погодя, более энергичное и с раздражением: «Не задерживайте!.. Короче!..»

Через минуты, по сути, должна была решаться и моя судьба, и следовало предельно сосредоточиться для предстоящего ответственнейшего разговора и, прежде всего, для отстаивания своего права поехать в академию. А мне вдруг втемяшилась в голову какая-то бредовая муть, ну чистейшая мутяра, меня как зациклило: я напряжённо соображал и никак не мог вспомнить, на каком именно станке — на втором или третьем от входа в кригер — помещались носилки, на которых год назад по дороге из Польши в тыловой госпиталь я отдавал Богу душу, а он её не брал и так и не принял, хотя всё было подготовлено. В вагоне для тяжелораненых я, как и другие безнадёжные, был по инструкции предусмотрительно определён на нижний ярус, именуемый медперсоналом низовкой или могильником, откуда труп легче было снять для оставления этапной комендатуре на ближайшей узловой станции для безгробового и безымянного казённого захоронения...

— ...Да на вас пахать можно! — послышался в другой половине вагона возмущённый повелительный голос. — А вы на здоровье жалуетесь!.. Уберите вашу бумажку — это муде на сковороде!..

Если в том отсеке кригера, где я находился, кроме ротных получали назначения также командиры батальонов, их заместители и начальники штабов, преимущественно капитаны и даже майоры, люди бывалые, в большинстве своём воевавшие и в Европе, и в Маньчжурии, то в другой половине, за плащ-палатками, определялись судьбы, а точнее, места дальнейшей службы взводных командиров, в основном молоденьких офицеров, в том числе выпускников военных училищ, и, как я вскоре заметил, обращение и разговоры там были более напористыми и жёсткими, если даже не грубыми, и заметно более короткими, анкетные данные там не

зачитывались, всё делалось стремительно и с непрестанным категорическим нажимом.

Не знаю, сколько там было кадровиков, но громко и напористо звучали всё время два властных командных голоса: один басовитый, заметно окающий и другой — звучный, охриплый баритон, причём оба они в качестве безапелляционного довода для утверждения своей правоты или опровержения то и дело возмущённо выкрикивали запомнившееся мне на всю жизнь словосочетание: «Это муде на сковороде!..», а хриплый голос настороженно спрашивал кого-то, произнося «ы» вместо «и»: «Вы что — мымоза?!» Естественно, в разговорах там, точнее в репликах кадровиков, время от времени возникала и пятая мужская конечность в её самом коротком российском обозначении.

Хотя большинство взводных по возрасту были старше меня, я испытывал к ним, как к меньшим по должности, сочувствие и жалость, однако ничуть тогда не представлял, что и спустя тридцать и сорок пять лет я не смогу без щемящего волнения смотреть на молоденьких лейтенантов: и спустя десятилетия в каждом из них мне будет видеться не только моя неповторимая юность — и в мирные годы, даже на улицах Москвы, в каждом из них мне будет видеться Ванька-взводный времён войны, безответный бедолага — пыль окопов и минных предполий...

Словно сбрендивший или чокнутый, я переводил глаза со второго от входа станка к третьему и обратно, безуспешно напрягал память и никак не мог припомнить, и тут майор с обгорелой одноухой головой, заметив мой ищущий напряжённый взгляд, перегнувшись, посмотрел вниз, влево от своего столика и, нервно дёрнув щекой, громогласно спросил:

— Что там?.. Крыса?

— Никак нет! — покраснев, будто меня уличили в чём-то нехорошем, ответил я. — Виноват... товарищ майор...

В это как раз мгновение и прояснилось, будто осенило: я наконец определил, что носилки, на которых меня, тяжелораненого, везли с висленского плацдарма, помещались на нижних кронштейнах третьего, а не второго от входа станка, и очень захотелось посмотреть туда, вниз, однако опасаясь, что майор снова заметит, я уже не решился.

Оба офицера передо мной жаловались на болезни жён, на ранения и контузии, ссылались на медицинские справки, находившиеся в их папочках, правда, назначения в европейскую часть страны или «в умеренный климат», как они просили, им получить не удалось,

однако одного, более настойчивого, после ознакомления с его документами направили на гарнизонную медицинскую комиссию, второго же, которому предложили поначалу Камчатку, убедили согласиться на Южный Сахалин.

Но прежде, чем он дал согласие, в другой половине вагона случился конфликтный, на повышенных тонах разговор, который не мог ни улучшить мне настроение, ни прибавить боевого духа.

— Это муде на сковороде!.. Вы кому здесь мозги засераете?.. — раздался там, за плащ-палатками, возмущённый охриплый баритон. — Вы годны к строевой службе без ограничений! Вот заключение!.. Вашим лбом башню тяжёлого танка заклинить можно, а вы здесь хер-р-рувимой, прынцессой на горошине прикидываетесь!.. Климат не подходит!.. Вы что — стюдентка?.. — произнеся в последнем слове «ю» вместо «у», как это было принято среди офицерства в сороковые годы, настороженно и с явным презрением осведомился тот же властный, с хрипом баритон. — Может, вам со склада бузгальтер выписать, напиз..ник и полпакета ваты?.. Что, будем мэнструировать или честно выполнять свой долг перед Родиной?

— Виноват, товарищ капитан... — жалко проговорил за плащ-палатками сдавленный извиняющийся голос.

— Виноватыми дыры затыкают! А мы вас не в дыру посылаем, а в заслуженную ордена Ленина дивизию! Гордиться надо, а не базарить и склочничать!.. Курильские острова — наш боевой форпост в Тихом океане! Передовой рубеж! Это огромное доверие и честь для офицера! Гордиться надо! Гордиться и благодарить!.. Двойной оклад, двойная выслуга лет, паёк — слону не сожрать! — и сто грамм водки в глотку — ежедневно!.. И какого же тебе ещё хера надо?.. — переходя на «ты», доверительно и не без удивления спросил всё тот же охриплый, повелительный баритон и после короткой паузы приказал: — Явитесь за предписанием завтра к пятнадцати ноль-ноль! Идите!..

Наконец наступил и мой черёд. Из замызганной папочки с моими документами капитан взял заполненный мною анкетный листок и шепелявой скороговоркой зачастил:

— Старший лейтенант Федотов... рождения — двадцать шестого, уроженец Московской области, русский, комсомолец... Общее — десять классов, военное — воздушно-десантная школа... Стаж на командных должностях в действующей армии... Командир взвода автоматчиков — четыре месяца... Командир взвода пешей разведки — девять месяцев... Командир разведроты дивизии — четыре месяца... Командир стрелковой роты в Маньчжурии — один месяц...

В плену и окружении со слов не был, на оккупированной территории не проживал... Со слов не судим, дисциплинарных и комсомольских взысканий якобы не имеет... Награждён четырьмя орденами, медаль «За отвагу» и другие... Ранения: три лёгких и одно тяжёлое, контузии — две лёгких и одна тяжёлая... Семейное — холост... Заключение от двадцать пятого сентября: годен к строевой службе без ограничений...

— Холост и годен без ограничений! — с явным удовлетворением повторил подполковник, протянув левую руку и забирая у капитана мою анкету. — Вот кому служить и служить — как медному котелку!

— Разрешите обратиться...

— Надо надеяться, что выпадением памяти, матки и прямой кишки не страдает и жалоб на здоровье нет... — перебив меня и ни к кому, собственно, не обращаясь, как бы рассуждая вслух, неторопливо и не без оттенка шутливости проговорил подполковник, просматривая мои анкетные данные.

— Так точно! — подтвердил я. — Разрешите доложить...

— Хорошая биография... — снова перебивая меня, заметил подполковник и, подняв голову, уточнил: — Перспективная!.. Есть соображение назначить вас командиром роты автоматчиков в прославленное трижды орденоносное соединение, — приподнятым голосом значительно проговорил он. — Служить там — высокая честь для офицеров, и с таким боевым опытом, как у вас...

— Разрешите, товарищ подполковник... В мае месяце... в Германии я сдал предварительные экзамены в Академию имени Фрунзе, прошёл собеседование и...

— Не тормозите!.. — вскинув страшную обгорелую голову и глядя на меня мрачно и, более того, с неприязнью, вдруг недовольно воскликнул или даже вскричал майор. — Вы что — фордыбачничать?.. Кар-роче!

Я в то время ещё не знал значения глагола «фордыбачить» — майор почему-то произносил «фордыбачничать», — только сообразил, что это нечто недостойное офицера, однако не использовать казавшуюся мне столь реальной возможность поехать в академию в Москву я просто не мог.

— Прошёл собеседование и двадцать второго мая приказом командующего Семьдесят первой армией зачислен кандидатом в слушатели... — продолжал я, несколько сбитый недоброжелательным выкликом майора. — Я должен прибыть в академию!.. Меня там ждут...

— Вам сказано — кар-роче!!! — снова вскинув изуродованную голову, закричал майор возбуждённо, с таким раздражением и неприязнью, что я осёкся. — Вам объяснили, а вы опять?!!

— ...У меня мама инвалид первой группы... нуждается в постоянном уходе, — послышался за плащ-палатками в той половине кригера писклявый, совсем не офицерский, просительный голос очередного взводного. — Отец погиб, и она полностью одна... Понимаете — полностью! Прошу вас, товарищ капитан, душевно... по-человечески... Прошу оставить меня в Хабаровске или неподалёку от него, чтобы я мог...

— Вы здесь матерью не спекулируйте! — строго и недовольно зазвучал в той половине вагона окающий басовитый командный голос. — Вы не на базаре!.. О вашей мамочке райсобес позаботится — советская власть ещё не кончилась!.. А ваша обязанность — не канючить здесь как майская роза и не шантажировать старших по званию чужой инвалидностью, а честно выполнять свой воинский долг!.. Лично вы годны к строевой службе без ограничений!.. Явитесь за предписанием завтра к пятнадцати ноль-ноль! Идите!..

В этот момент старшина, положивший на стол старшему лейтенанту документы очередных офицеров, взял у подполковника какую-то бумагу и, просматривая её на ходу, поравнявшись со мной, вполголоса недовольно сказал, как в ухо дунул: «Не задерживайте!»

Позднее я сообразил, что в обеих половинах кригера это были отработанные в обращении уже с сотнями или тысячами офицеров безотказные конвейерные погонялки: резкое, отрывистое «Короче!», требовательное, приказное «Не задерживайте!» или «Не тормозите!», осаживающее, унизительное «Вы не на базаре!» и удивлённо-возмущённое, наповал уличающее любого в тупости или наглости «Вам объяснили, а вы опять?!!».

В нашей половине вагона подстёгивали таким образом офицеров обгорелый майор — он делал это неприязненно, раздражённо и зло; капитан — сдержанно и устало, как бы по обязанности; и сухощавый старшина — строго и осуждающе, хотя ему-то по званию торопить нас, а тем более делать замечания не полагалось. Ни подполковник, ни разглядывавший в лупу наши документы старший лейтенант в этом участия не принимали, последний, как я заметил, расписывался или что-то помечал на анкетных листах, но за время моего нахождения в кригере, помнится, и слова не проронил.

Когда я сообщил, что меня ждут в академии в Москве, подполковник и усатый капитан дружно заулыбались, а старший лейтенант, отведя край плащ-палатки, с весёлым интересом посмотрел на меня,

только майор глядел по-прежнему мрачно, с откровенной неприязнью или, как мне показалось, даже с ненавистью. Затем подполковник, подперев подбородок левой целой рукой и не проронив ни слова, уставился в мою анкету, остальные офицеры тоже молчали.

— А чем это подтверждается? — подчеркнуто вежливо и доброжелательно наконец осведомился он. — У вас есть какой-нибудь документ?

— Какой? — не понял я. — Я всё отдал старшине.

— Любой. Подтверждающий, что вы зачислены кандидатом в слушатели.

— Был... Справка была... — покраснев, проговорил я. — Честное офицерское...

Я и сам понимал, сколь неубедительно всё это выглядело. Я сказал о выданной мне справке, подтверждавшей моё абитуриентство — в ней действительно удостоверялось, что, сдав предварительные экзамены, я оформлен кандидатом в слушатели Военной академии имени Фрунзе, и указывалось, где находится моё личное офицерское дело и откуда его можно затребовать. Но справки этой у меня уже не было: хранившаяся в правом кармане гимнастёрки вместе с двумя или тремя красненькими тридцатирублёвками, она пропала в медсанбате при дезобработке моего обмундирования в сухожаровой вошебойке. Разумеется, вытащили её вместе с деньгами, а потом за ненадобностью уничтожили или выбросили. Волнуясь, я объяснил, как и при каких обстоятельствах она исчезла, однако чувствовал и понимал, что ни один из кадровиков мне не верит и что без этой бумажки я никому ничего доказать не смогу...

— Так что же там прожаривали: вшей или документы? — оскаливая стальные зубы и заметно пришепётывая, весело спросил капитан со шрамом на щеке и, довольный, посмотрел на подполковника. — Чудеса, да и только! Справочка ужарилась и сгинула без следа, а гимнастёрка цела...

— Так точно! — вдруг в тупом отчаянии убито подтвердил я, хотя следовало бы промолчать.

— Старшой, кончай придуриваться! — задышал мне в затылок водочным перегаром молодой мордатый капитан с густо присыпанным пудрой или мукой багровым кровоподтёком на левой скуле. — Нас ждут белые медведицы... Кончай придуриваться!

Свой брат, офицер, а туда же... Впрочем, каким он мог быть мне братом, недоумок, по пьянке схлопотавший фингал и тем самым позоривший офицерский корпус?.. В другой обстановке ему следовало бы вломить словами майора Елагина: «Вас не скребут, и не подмахи-

вайте!» – но тут, презирая его не только душой, но и спиной и даже ягодицами, я проигнорировал его реплики, будто и не слышал.

В эту минуту старшина принёс чай на чёрном расписном китайском подносе и поставил на столиках перед каждым из офицеров по полному стакану в металлическом подстаканнике и по блюдечку, на котором кроме двух крохотных кубиков американского сахара лежало по круглой маленькой булочке. Все четверо, опустив сахар в стаканы, принялись размешивать ложечками, лица у них смягчились и вроде даже потеплели, и я пожалел, что они занялись этим только сейчас, а не минут на десять раньше – может, тогда, подобрев после чаепития, они благосклоннее бы и без насмешливых улыбок начали и вели бы со мной не оконченный ещё разговор.

– ...Курильские острова – наш боевой форпост в Тихом океане! – громко звучал за плащ-палатками всё тот же властный хриплый баритон. – Передовой рубеж! Гордиться надо, а не базарить и склочничать!.. Двойной оклад, двойная выслуга лет, паёк – слону не сожрать! – и сто грамм водки в глотку – ежедневно!.. И какого же тебе ещё хера надо?!

...Мне бы, молодому недоумистому мудачишке, радоваться, что я прошёл такую войну и остался жив и годен к строевой службе без ограничений, мне бы радоваться, что я не убит где-нибудь на Брянщине – под Карачевом, Клинцами или Унечей, а может, где-нибудь на Украине – севернее Киева или под Житомиром, или намного южнее – под Малыми Висками или Лелековкой; или, может, где-нибудь в Белоруссии – под Оршей, Минском или Мостами, а может, где-нибудь в Польше – у Сувалок, под Белостоком или на Висле, а может, где-нибудь в Германии – под Цюллихау, на Одере, севернее Берлина или уже на подступах к Эльбе, или, наконец, в Маньчжурии – под Фуцзинем, Саньсинем или Харбином...

Мне бы, недоумку, радоваться, что я не убит в боях во всех этих местностях и ещё в десятках или сотнях известных и безвестных населённых пунктах и за их пределами – в полях, лесах и болотах.

Мне бы радоваться, что меня ещё не сожрали черви, что мои кости не гниют и не белеют где-нибудь в канавном провале наспех кое-как отрытой братухи – безымянной и бесхозной, никому не нужной братской могилы, – и что из меня ещё не вырос лопух или крапива.

Мне бы радоваться, что я жив, здоров и полон силы и ловкости в движениях, и все мышцы упруги и необычайно выносливы, а прекрасные гормоны уже начали положенное природой пульсирование и будоражили кровь: ещё весной наконец проклюнулось и время от

времени меня охватывало скромное стыдливое желание ощутить теплоту женского тела, причём не только снаружи, но и внутри, хотя волею судеб я находился в той стадии юношеского развития, когда это пушистое чудо... таинственный лонный ландшафт... самое сокровенное... неведомое пока тебе и потому особенно притягательное возникает только во сне — как сказочная фантасмагория — и пугает или поражает своей причудливой нереальной фактурой, фантастичной формой и размерами, отчего просыпаешься в жаркой испарине и в полном обвальном разочаровании...

Мне бы в этом кригере преданно есть глазами начальство, тянуться перед каждым из них до хруста в позвоночнике, выкрикивать лишь уставное: «Слушаюсь!.. Так точно!.. Слушаюсь!..» и при этом столь же преданно щёлкать каблуками, а я, нелепый мудачишка, словно был не боевым офицером, а жалким штатским, недоделанным штафиркой, или, как говорил Арнаутов, «фраером в кружевных кальсонах», забыв один из основных законов не только для армии, но и для гражданской жизни: «Главное — не вылезать и не залупаться!», а я пытался отстоять своё право учиться в академии и упорно, беззастенчиво залупался, рассусоливал и пусть без грубости, но фактически пререкался со старшими по званию и по должности, чего до сих пор никогда ещё не допускал...

Усатый со шрамом капитан, подув на горячий чай, с явным удовольствием сделал глоток, отпил ещё и после короткой паузы в задумчивости, будто припоминая что-то далёкое, огорчённо проговорил, поворачивая лицо к подполковнику:

— Удивительно узкий кругозор — полметра, не шире!.. Как он разведротой командовал — уму непостижимо?!

Подполковник посмотрел на него, как мне показалось, сочувственно, однако ничего не сказал, и тотчас свирепый мрачный майор, не поднимая от стакана одноухой, в багровых рубцах головы и ни к кому, собственно, не обращаясь, громогласно заметил:

— Нет ума — считай калека!!!

Хотя никто из них и не взглянул на меня, разумеется, я сообразил, что оба высказывания относились ко мне лично и для офицерского достоинства являлись оскорбительными, а второе к тому же явно необоснованным: в то время как военно-врачебной комиссией армейского эвакогоспиталя в Харбине я был признан годным к строевой службе без каких-либо ограничений, о чём имелось официальное заключение на форменном бланке с угловым штампом и гербовой печатью, майор облыжно причислил меня к калекам, вчинив при этом — на людях! — умственную неполноценность... За что?!

Я понимал, что меня дожимают и, очевидно, дожмут, но я был бессилен овладеть ситуацией и, как и в других случаях, когда жизнь жестоко и неумолимо ставила меня на четыре кости, иными словами – раком, ощущал болезненно-неприятную щемящую слабость и пустоту в области живота и чуть ниже.

Даже в эти напряжённые минуты я достаточно реально оценивал обстановку и самого себя. Как известно, по одёжке встречают, а выглядел я весьма непредставительно. Если в дивизионном медсанбате пропала только справка и немного денег, то при выписке из армейского госпиталя, куда нас перевели там же, в Харбине, обнаружилось исчезновение фуражки и сапог. Вскоре после того, как мы туда попали, в приступе белой горячки застрелился сержант, заведующий госпитальным вещевым складом, и на его самоубийство, очевидно, тут же списали как недостачу и растащили лучшее из офицерских вещей, что находились у него на хранении, — куда они девались, я догадывался, точнее, не сомневался...

В Маньчжурии в победном сентябре, как и в Германии, пили много, ненасытно и рискованно, словно стараясь доказать невозможное – «Мы рождены, чтоб выпить всё, что льётся!..» Пищевого алкоголя не хватало, и оттого потребляли суррогаты, при остром недостатке, за неимением лучшего, травились принимаемыми по запаху за спиртные напитки различными техническими ядовитыми жидкостями: от довольно редких, как радиаторный антикоррозин «Мекол» или благородно отдававший коньяком «Экстенсин», до имевшихся в каждом полку этиленгликоля (антифриз) и самого безжалостного убийцы — метанола, называемого иначе древесным или метиловым спиртом. Из всевозможных бутылок, банок, флаконов и пузырьков с непонятными иероглифами на красивых ярких наклейках жадно потреблялись и бытовые, в разной степени отравные препараты: мебельные, кожевенные и маникюрные лаки, прозрачный голубой крысид и мозольная жидкость, принимаемая по цвету и фактуре за фруктовый ликёр — пару глотков этой неописуемой гадости пришлось выпить и мне, чтобы не обидеть соседа по госпитальной палате, капитана-артиллериста, отмечавшего свой день рождения; о том, что это средство от мозолей, я узнал лишь спустя неделю, хотя боли в животе мучали меня несколько суток.

В Фудидзяне, грязном вонючем пригороде Харбина, где размещался медсанбат, спирт путём перегонки ухитрялись добывать даже из баночек чёрного шанхайского гуталина, в несметном количестве

обнаруженного в одном из складов, — пахнувшее по-родному деревенским дёгтем тёмное пойло именовалось «гутяк», очевидно, по созвучию с коньяком. Однако лучшим, самым дорогим, а главное, безопасным алкоголем в Харбине осенью сорок пятого года безусловно считался ханшин — семидесятиградусная китайская водка заводского изготовления; её выменивали у местных лавочников на советское военное обмундирование, особенно ценилось офицерское, и не было сомнений, что я оказался жертвой подобной коммерции.

Так исчезла моя, сшитая ещё в Германии, защитного цвета начальственная с матерчатым козырьком фуражка — самоделковая, полевая, какие носили в войну не только ротные и батальонные, но и полковые и даже дивизионные командиры, и пошитые там же стариком Фогелем из лучшего трофейного хрома великолепные сапоги с двухугольными тупыми носками и накатанными в рубчик рантами — такие сапоги в послевоенной армии выдавались генералам и полковникам.

Взамен при выписке из госпиталя мне пришлось получить даже не суконную, а хлопчатобумажную пилотку и стоптанные, когда-то, очевидно, яловые, третьей, если не четвёртой категории сапоги с короткими жёсткими голенищами. Я был счастлив, что вместо выданной солдатской шинели мне после скандала вернули мою серую фронтовую шинельку, столь дорогую мне шельму или шельмочку — я её иначе не называл и по-другому к ней не обращался, — старенькую, потёртую, с полевыми петличками и пуговицами защитного цвета, в нескольких местах пробитую пулями и двумя осколками и старательно заштопанную, побывавшую в Европе на Немане, на Висле, на Одере и на Эльбе, а в Азии — на Амуре и Сунгари и обманувшую всех: полтора года она не только верой и правдой служила мне, но и была поистине бесценным талисманом — полтора года я фанатично верил, что пока она на мне или со мной, меня не убьют, и меня ведь действительно не убили. При выписке я обрадовался её возвращению и, понятно, не пожелал бы никакой другой, однако представительного вида она опять же не имела и защитить меня в кригере от властной ведомственной воли кадровиков никак не могла. Естественно, внешне, по обмундированию я выглядел не ротным командиром, прошедшим Польшу, Германию и Маньчжурию, не благополучным трофейно-состоятельным офицером-победителем, а, скорее всего, захудалым Ванькой-взводным из тыловой, провинциальной или даже таёжной гарнизы.

Монетка вращалась на ребре всё медленнее и в любое мгновение могла улечься вверх решкой, а я был бессилен овладеть ситуацией, хотя говорил и делал всё возможное и насчёт академии ничуть не обманывал.

Я стоял, без преувеличения, насмерть, но меня вытесняли с занимаемой позиции, и надо было срочно от обороны переходить к наступлению, надо было атаковать – немедленно!

– Товарищ подполковник, разрешите... – сделав волевое решительное лицо, громко, пожалуй излишне громко, проговорил, а точнее, выкрикнул я. – Меня ждут в академии, в Москве!.. Я не могу!!! Я должен туда прибыть!!! Я ведь зачислен – честное офицерское!..

– Вы что здесь себе позволяете?!! – вдруг возмущённо и оглушительно закричал обгорелый майор. – Фордыбачничать?! Вы кому здесь рожи корчите?! Ка-кая академия?!! Вы что – ох..ели?!! Вам объяснили, а вы опять?!! – в сильнейшей ярости проорал он. – Вы что, на базаре?!! Чуфырло!!!

При этом у него дёргалось лицо и дико вытаращились глаза, он делал судорожные подсекающие движения нижней челюстью слева направо, и мне стало ясно, что он не только обгоревший, но и тяжело контуженный, или, как их называли в госпиталях и медсанбатах, «слабый на голову», «чокнутый», «хромой на голову», «стукнутый» или даже «свободный от головы», что означало уж полную свободу от здравого мышления и любой ответственности.

Я видел и знал таких сдвинутых, особенно меня впечатлил и запомнился Христинин в костромском госпитале, старшина-сапёр, подорвавшийся в бою на мине и потерявший зрение и рассудок. Незадолго до моей выписки, где-то в середине декабря, при раннем замере температуры перед побудкой, ещё в предрассветной полутьме, молоденькая медсестрёнка ставила ему градусник, нагнулась, а он, спросонок, возможно, приняв её за немца и дико заорав, обхватил намертво обеими руками за голову и напрочь откусил кончик носа.

Таких, как этот гвардии майор, я видел не раз и в медсанбатах – я сразу сообразил, с кем имею дело, и потому внутренне сгруппировался и был наготове увернуться, если бы он по невменяемости запустил бы в меня стакан с горячим чаем. Я знал, что для таких, как он, откусить кому-нибудь нос или проломить без всяких к тому причин и оснований голову – пустяшка... всё равно, что два пальца обоссать.

Он заорал на меня с такой ошеломительной яростью, что в кригере вмиг наступила тишина, затем плащ-палатки посредине раздви-

нулись и оттуда, с той половины на эту, шагнул саженного роста, амбального телосложения капитан с орденами Александра Невского и Красной Звезды и гвардейским значком над правым карманом кителя. Его властное, красивое, с тёмными густыми бровями лицо дышало решимостью и готовностью действовать, и посмотрел он на меня с неприязнью, угрожающе и с невыразимым презрением. Подполковник, уловив или услышав движение за спиной, повернул голову, увидел и лёгким жестом левой целой руки сделал отмашку — капитан, помедля секунды, исчез за плащ-палатками, не сказав и слова, но одарив меня напоследок испепеляющим, полным неистовой гадливости или отвращения взглядом.

На меня, награждённого четырьмя боевыми орденами, офицера армии-победительницы, поставившей на колени две сильнейшие мировые державы — Германию и Японию, — он посмотрел, без преувеличения, как на лобковую вошь...

Позднее, вспоминая, я предположил — и эта догадка сохранилась в моей памяти, — что именно этот офицер столь напористо разговаривал повелительным хриплым баритоном в другой половине кригера с командирами взводов, заявив одному, что на нём «пахать можно», а другого уличив, что тот якобы прикидывается «хер-р-рувимой, прынцессой на горошине» и настороженно осведомлялся: «Вы что — стюдентка?..» — а затем впрямую навязывал сугубо женскую физиологию...

Меж тем подполковник, допив чай, отодвинул стакан и с удовоенным, как мне показалось, видом посмотрел в лежавшую перед ним на столе мою анкету.

— Василий... Степанович... — негромко проговорил он, слегка улыбаясь стеснительно и вроде даже виновато, — тут возникли элементы некоторого взаимного недопонимания, и мне хотелось бы внести ясность... Академия, поверьте, никуда не уйдёт, и шансы попасть в неё у вас преимущественные! Набор будет и в следующем году, но сегодня... Давайте оценим обстановку объективно, учитывая не только личные интересы, но и государственные, как и положено офицеру... Армия сейчас переживает ответственнейший период перехода на штаты мирного времени. Ответственный и архисложный!.. К лицу ли нам оставить её, бросить фактически на произвол судьбы в такой труднейший момент?.. Сделать это даже мне, он приподнял от бумаг обтянутый чёрной лайкой протез на правой руке, напоминая о своей физической неполноценности, — не позволяют ни убеждения, ни совесть, ни честь! И вам, надеюсь, тоже!

Он говорил спокойно, мягко, благожелательно или даже дружелюбно, чем тут же снял, вернее, ослабил клешнившее меня внутреннее напряжение, хотя куда он клонит и что за этим может последовать, я ещё не сообразил. Между тем подполковник после недолгой паузы спросил:

— Скажите, старший лейтенант... Ваше понятие о чести офицера?

— Честь офицера — это готовность в любую минуту отдать жизнь за Отечество! — немедля ответил я.

...Сколько раз и в своей дальнейшей офицерской жизни я с великой благодарностью вспоминал старика Арнаутова, ещё осенью сорок третьего в полевой землянке на Брянщине просветившего меня... соплегона, семнадцатилетнего Ваньку-взводного, — с его слов я исписал тогда половину самодельного карманного блокнотика разными мудрыми мыслями и потом выучил всё наизусть. И позднее, в послевоенной службе я неоднократно убеждался, что не только младшие, но и старшие офицеры, в том числе и полковники, не знали и слыхом не слыхивали даже основных первостепенных положений нравственных устоев, правил и законов старой русской армии, хотя обычно любили поговорить о преемственности и «славных боевых традициях». Сколько раз знание истин, известных когда-то каждому поручику или даже прапорщикам, выделяло меня, возвышало в глазах начальников и офицеров-однополчан...

— Готовность в любую минуту отдать жизнь за Отечество... — с просветлённым значительным лицом повторил подполковник и снова приподнял над столом обтянутый чёрной лайкой протез. — Отлично сказано! Откуда это?

— Это первая из семи основных заповедей кодекса чести старого русского офицерства.

— От-лично!.. Первую вы знаете, ну а, к примеру, третью?

— Не угодничай, не заискивай: ты служишь Отечеству, делу, а не отдельным лицам! — также без промедления и без малейшей запинки отвечал я.

— По-ра-зительно!.. — не без удивления протянул подполковник и посмотрел на шепелявого капитана; как я осмыслил или предположил, его взгляд, наверное, должен был сказать: «А ведь он не пальцем деланный!..» — Извечная мудрость русского офицерства! — приподнятым голосом сообщил он капитану и повернул лицо ко мне. — Вы что, и пятую или, к примеру, шестую заповедь тоже помните?

— Так точно!.. Обманывая начальников или подчинённых, ты унижаешь себя и весь офицерский корпус и тем самым наносишь вред армии и государству!

— От-лично!.. — подполковник смотрел на меня с явным интересом, словно только теперь увидел и оценил, и я подумал, что он выделил меня среди других, и хотя выглядел я непредставительно, однако дела мои не так уж и плохи. — Отлично! — в задумчивости повторил он. — Весьма!.. По счастью, сегодня Родине требуется не ваша жизнь, а всего лишь честное выполнение вами воинского долга. Вы это понимаете?

— Так точно! — я тянулся перед ним до хруста в позвоночнике и преданно смотрел ему в глаза.

— Более всего армия сейчас нуждается в офицерах, прошедших войну, — продолжал он. — В первую очередь как воздух необходимы командиры рот и батальонов с хорошим боевым опытом. И потому ваше настойчивое стремление поехать в академию может быть расценено сегодня даже как дезертирство, пусть замаскированное, но — будем называть вещи своими именами — дезертирство!.. — сокрушённо проговорил он.

Лицо его выразило такое огорчение, что мне стало жаль его, вместе с тем я ощутил к нему чувство признательности за столь своевременное предостережение: ещё не хватало, чтобы меня заподозрили в дезертирстве...

— С другой стороны, — вкрадчиво убеждал меня подполковник, — и ваш бесценный боевой опыт необходимо осмыслить и закрепить хотя бы годом службы и командования в послевоенной армии. Прежде всего, для того, чтобы полностью раскрылись ваши офицерские способности и ваш, мне думается, незаурядный воинский потенциал! А весной подадите рапорт и с чувством выполненного долга отправитесь в академию...

— Быть может, с должности не ротного, а командира батальона, его заместителя или начальника штаба, что для дальнейшей службы весьма и весьма существенно! — с приветливо-радостным оживлением внезапно вступился шепелявый капитан со шрамом, всего лишь минуты назад удивлявшийся, как я командовал ротой, и в раздумье определивший, сколь узок мой кругозор — «полметра, не шире»...

— И это не исключено! — доверительно улыбаясь, подтвердил подполковник. — Василий... — он снова глянул в мою анкету, — Степанович... Вам предлагается должность командира роты авто-

матчиков в прославленном трижды орденоносном соединении... ГээСКа, – посмотрев на капитана, пояснил он.

«ГээСКа»! Я сразу определил, что речь идёт об известном гвардейском стрелковом корпусе, воевавшем на Западе и в Маньчжурии и дислоцированном теперь в Приморье, неподалёку от Владивостока, в старых, обустроенных, обжитых гарнизонах, где, как я слышал, даже младшие офицеры-холостяки жили в отменных условиях: всего по два-три человека в отдельной общежитской комнате. О таком назначении – если нельзя сейчас поехать в академию и требовалось ещё месяцев десять прослужить на Дальнем Востоке – можно было только мечтать.

– Вы согласны? – спросил подполковник.

– Так точно!!! – щёлкая каблуками и донельзя выпятив грудь, поспешно подтвердил я; при этом, сдерживая охватившую меня радость, я преданно смотрел в глаза подполковнику и тянулся перед ним на разрыв хребта.

– ГээСКа, – сказал он капитану, тотчас сделавшему какую-то пометку в лежавшем перед ним большом листе бумаги, и снова с явным дружелюбием посмотрел на меня. – Желаю дальнейших успехов в службе и личной жизни!.. Явитесь за предписанием завтра к семнадцати ноль-ноль! Идите!..

Козырнув и ловко «погасив» приветствие – мгновенно кинув правую ладонь по вертикали пальцами вниз, к ляжке, что выглядело весьма эффектно и считалось в молодом офицерстве особым шиком, – я чётко по уставу повернулся и даже умудрился «дать ножку» – отошёл если и не строевым, то полустроевым шагом.

От радости во мне всё пело и плясало, я был переполнен тёплыми чувствами и прежде всего безмерной благодарностью к однорукому подполковнику, этому замечательному боевому офицеру, истинному отцу-командиру, понявшему меня и оставившему перед академией на девять-десять месяцев в Приморье, вблизи Владивостока, города, сразу ставшего таким желанным.

Я уже поравнялся с висевшим влево от прохода на видном месте под стеклом портретом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса И.В. Сталина и приближался к двери – позади меня кадровик с искалеченной челюстью шепелявой скороговоркой зачитывал анкетные данные мордатого капитана с припудренным фингалом под левым глазом, когда в той половине, за плащ-палатками, снова послышалось громко и возмущенно:

– Это муде на сковороде!!! Вы кому здесь мозги е..те?! Вы что – мымоза?! Может, вам со склада бузгальтер выписать, напиз..ник

и полпакета ваты?.. Будем публично мэнструировать или честно выполнять свой долг перед Родиной?!

Взмокший пóтом от пережитых волнений, я вывалился из кригера с чувством величайшего облегчения — словно тяжеленную ношу наконец донёс и сбросил, — слетел из тамбура как на крыльях...

Офицеры, ожидавшие своей очереди внизу у ступенек, засыпали меня вопросами: «Ну что?», «Как там, старшой?..», «Куда запсярили?..»; от нетерпения один уже немолодой капитан даже ухватил меня за рукав. Мне очень хотелось этак небрежно, как бы между прочим, сообщить им всем, что лично меня не запсярили, а назначили, причём поблизости, в отличное место и к тому же — в гвардию, но я не стал рассусоливать и, лёгким движением высвободив локоть и уходя, сдержанно, с достоинством проговорил:

— Аллес нормалес!

Я испытывал сочувствие и ощущал некоторое превосходство: всем этим людям предстояло толковище с кадровиками, тягостно-мучительное отстаивание своих интересов, выслушивание неприятных и оскорбительных слов и выражений, а у меня всё было уже позади. Им светили Сахалин и Камчатка, Курилы и Чукотка, морозы и пурги, белые медведицы и ездовые собаки, а мне — Приморье неподалёку от Владивостока, большого культурного города, куда, в какой бы полк гвардейского стрелкового корпуса меня ни определили, я смогу приезжать по воскресеньям или в свободные дни — каждую неделю!.. Недаром же подполковник, наверняка со значением, а может и с прямым намёком, пожелал мне успехов не только в службе, но и в личной жизни, что меня особенно впечатлило, как, впрочем, и его слова о моём бесценном боевом опыте, о перспективности моей биографии и моём «незаурядном воинском потенциале»...

66. «ТВОЙ КОНЬЯК – МОИ ЛИМОНЫ»

По рассказам Арнаутова я знал, что удачное назначение, так же как награду или получение очередного воинского звания, необходимо обмыть или, как говорили в старой русской армии, «забутылить», это было делом чести, и чем щедрее оказывалось угощение, тем достойнее выглядел офицер.

Чтобы устроить небольшой праздник пребывавшим в хмельной тоске и сильнейшем душевном раздрызге соседям по палатке, я отправился в центр города и в особторговском гастрономе на Ленинской улице по диковинным коммерческим ценам купил четыре бутылки водки, по килограмму свежей розовой ветчины и нарезанной тонкими ровными ломтиками нежнейшей лососины – невиданный, истинно генеральский харч! – а также три длинных батона белого хлеба, на что ушла почти вся сумма полученного мною за сентябрь и октябрь денежного содержания, но это меня ничуть не заботило – в гвардии мне предстояло получать пятидесятипроцентную надбавку, почему бы её не пропить с товарищами авансом за несколько месяцев вперёд?..

С увесистым, красиво увязанным свёртком я, как новогодний Дед Мороз, и, во всяком случае, ощущая себя победителем, прибыл на Артиллерийскую сопку, где моё назначение до полуночи обмывалось соседями по палатке, дважды бегавшими вниз к питомнику служебных собак НКВД близ Луговой, чтобы достать у барыг и добавить спиртного. Солдат-дневальный, подтапливавший и нашу железную печурку, был сразу отпущен до утра, и в зимней, поставленной внапряг походной шестиклинке с внутренним пристяжным намётом из ткани родного защитного цвета с шерстяным начёсом царила атмосфера офицерского товарищества, непосредственности и откровения.

Все четверо сопалаточников, не скрывая, завидовали мне и спьяна кричали, что я «родился в рубашке» и что мне «бабушка ворожит», хотя, разумеется, мне никто не ворожил, я и сам не мог понять, почему всё так удачно сложилось?

Получив назначения, они, продавая, что возможно и, прежде всего, трофейные тряпки, в безысходной тоске пили уже вторую неделю в ожидании парохода: трём из них предстояло отправиться в дивизию на северный Курильский остров Парамушир, а четвёртому — в отдельный стрелковый батальон на мысе Лопатка, и я не мог им не сочувствовать.

Назначенный командиром роты на Лопатку старший лейтенант Венедикт Окаёмов, самый из нас образованный и культурный — до войны артист областного театра в Курске или в Орле, как он не раз повторял, «русский актёр в третьем поколении», — невысокий, но ладный и красивый, неуёмный бабник, прозванный за мохнатые усы и бакенбарды Денисом Давыдовым, подняв стакан, после каждого тоста строгим трагически-проникновенным голосом возглашал:

— За вас, друзья, за дружбу нашу мне всё равно, что жизнь отдать или портки пропить! — и при этом всякий раз на глазах у него от волнения выступали слёзы.

Под конец он свалился, но и лёжа на спальном мешке, время от времени продолжал выкрикивать эту фразу, рвал на себе нательную рубаху, ожесточённо сучил ногами, словно стараясь оторвать болтавшиеся у щиколоток матерчатые завязки кальсон, и горько, неутешно плакал.

Мне было его жаль, прежде всего, как жертву чудовищной несправедливости: выпив, он обычно, давясь слезами, чистосердечно рассказывал об открытых им темпоритмах, о системе перевоплощения актёра, которую в юношеские годы, ещё до войны, именно он придумал, разработал и по доверчивости показал известному режиссёру Станиславскому — тот пустил её в дело и «сорвал бешеные аплодисменты», прославился на весь мир, а о жившем в провинции Венедикте Окаёмове никто не вспомнил и словом даже не упомянули, хотя, разумеется, знали, кто начал перевоплощаться первым, а кто эту систему и темпоритмы попросту присвоил.

Откровенно предупредив о дурной наследственности, я выпил меньше всех, граммов двести пятьдесят за вечер, но тоже был растроган до слёз и счастлив своей принадлежностью к лучшей части человечества — офицерскому товариществу — и во всём мире, на всей земле самыми близкими людьми мне казались эти четверо офицеров, с которыми в одной палатке я провёл около двух недель.

В радостном обалдении я повторял про себя высказанное по поводу моего назначения старшим из нас, майором Карюкиным, замечательное в своей истинности и простоте суждение: «Владивосток — это вам не Чукотка, не Мухосранск и даже не Чухлома!» и от умиления всё во мне пело и приплясывало.

Помнится, я с кем-то обнимался, а Венедикт обслюнявил мне щёку и затылок, затем, ухватив сзади за плечо и, быть может, вообразив, что мы на сцене театра, или же находясь уже в полной невменухе, называл Любкой, жарко дышал мне в ухо: «Любаня... Солнышко моё!.. Юбку сними... И трусы! Живо!..», а затем уже в голос, с долгими выразительными паузами произносил руководительные, разные, в том числе и непонятные — заграничные или со скрытым смыслом — слова: «Ножки пошире... Па-аехали!.. Тэм-пера-мэнто выдай!.. Манжетку!.. Голос!.. Оттяни на ось!.. Ещё... Мазочек!.. Пэз-дуто модерато!!! Массажец!.. Тики-так!.. По рубцу!.. Шире мах!.. Темпоритм!.. Держи манжетку!.. Осаживай!.. Люксовка!.. Форсаж!.. Волчок!.. Тэмпера-менто, сучка, тэмпера-менто!.. Голос!.. Манжетка!.. Подсос!.. Пэз-дуто модерато!!! Оттягивай!.. Тики-так!.. Форсаж!.. Крещендо, сучка, крещендо!!!»[1] И при этом, не обращая ни на кого внимания, левой рукой больно сжимал мне то мышцу груди, то ягодицу и в паузах между словами громко стонал двумя — вперемежку — голосами: своим и тонким, несомненно женским, причём стоило ему подать команду, — «Голос!..» — как женщина заходилась сдавленными страстными стонами и рыданиями, бедняжка совершенно изнемогала, и получалось так пронзительно, так проникновенно, что в какое-то мгновение от жалости к ней мне стало не по себе.

Я понимал, что он — актёр и это игра, бутафория, догадывался, что он, должно быть, показывает свою систему в действии. Офицеры, спьяна плохо соображая, что происходит, оживились только при слове «сучка» и обрадованно закричали: «Сучка!.. Сучка, бля!..» — ничуть не представляя, что роль сучки в этом эпизоде волею судеб отводилась мне. Я пытался улыбаться, хотя чувствовал себя весьма неловко — Венедикт всё это выкрикивал, стонал, брызгал слюной и даже как бы от страсти скрипел зубами и рычал мне прямо в левое ухо, крепко ухватив меня правой рукой сзади за плечо, точнее, за основание шеи, а после возгласа «Мазочек!..» зачем-то провел указательным пальцем у меня под носом — будто сопли вытирал, — что мне особенно не понравилось и показалось оскорбительным.

Проявляя выдержку, я ждал, когда он угомонится, и, к моему облегчению, вскоре после выкрика: «Крещендо, сучка, крещендо!!!» он наконец отпустил меня и отполз в сторону, потянулся к чьей-то

[1] Судя по тексту, монолог В.Окаёмова не имеет никакого отношения к темпоритмам и системе перевоплощения актера. Это всего лишь весьма натуралистичный, сугубо инструктивный, односторонний речевой контакт в процессе взаимодействия опытного изощрённого бабника с очевидно любящей его и потому безропотно-старательной, явно тренированной половой партнёршей, — судя по тексту монолога, подразумевается умелое владение внутренними мышцами тазового дна.

кружке, но водки там не оказалось — опять выжрали всё до капельки. Явно огорчённый, он повалился на спальный мешок и, закрыв глаза, вроде задремал, однако творческая мысль в нём не спала, вдохновение бодрствовало, и спустя минуты, надумав, он начал бурно дышать и снова принялся издавать громкие натужные стоны.

Затем, неожиданно привстав на колени, потребовал тишины, выражаясь его же словами, «сделал высокое лицо», и строгим, торжественно-пьяным голосом объявил: «Уильям Шекспир!.. «Зов любви, или... Утоление печали»... Тр-р-рагический этюд... Испа-алняет... Вене-дикт Ака-ёмов!!!» Какое-то время важно, значительно помолчал, и, с нежностью взволнованно проговорив: «Любаня... Солнышко моё... Кысанька ненаглядная...», он ухватил сзади за плечи шестипудового могучего сибиряка гвардии капитана Коняхина, перевоплощаясь, снова выдержал некоторую паузу и, свирепо вытаращив глаза, что, видимо, должно было выражать крайнее половое возбуждение, с перекошенным лицом и рыданиями в голосе, в жалобной отчаянной обречённости закричал ему в ухо: «С-сучка, держи п...у! Ка-а-ан-чаю!» — и в следующее мгновение заверещал как резаный, вероятно изображая кульминацию, отчего даже на моих пьяных сопалаточников напала дрыгоножка, а Венедикт, помедля, повалился на бок будто в изнеможении, но ещё долго постанывал, пока не отключился и не захрапел.

Всю сермяжно-глобальную философию столь эмоционально выкрикнутых Венедиктом четырёх слов, выражающих для значительной части человечества основополагающую суть отношений мужчины и женщины — своего рода момент истины, — я тогда по молодости не понял и не оценил, впрочем, остался в убеждении, что Венедикт только актёр-исполнитель, и нисколько не усомнился в авторстве Шекспира — эту фамилию я слышал не раз или где-то читал, хотя кому она конкретно принадлежит, в то время не представлял.

Я был в меру поддатый, но не пьяный, свойственная молодости жажда познания заставила меня смотреть и слушать, ничего не упуская, и я намыслил и предположил, что темпоритм — это отдельный эпизод на сцене, а система перевоплощения — это правдивое откровенное воспроизведение жизни во всех её проявлениях, в том числе и сугубо интимных. При такой очевидной абсолютной достоверности меня, помнится, озадачила резкая контрастность, некая полярная противоположность разных стадий в отношениях мужчины и женщины — начиналось всё как бы за здравие, сугубо ласково и нежно: «Любаня... Солнышко моё!.. Кысанька ненаглядная...», а кончалось поистине за упокой — оскорбительной «сучкой» и другими грубыми и, более того, нецензурными выражениями.

Такое хамство в обращении с женщиной – за что?! – понять было невозможно.

Из рассказа сбитого над Вислой лётчика, соседа по госпитальной палате в Костроме, я запомнил, что форсажем называется усиленная работа мотора при взлёте, манжетка и подсос также относились к двигателям внутреннего сгорания, и я догадался или предположил, что эти сугубо технические термины в данном случае употреблялись с другим, скрытым смыслом. Значения же слов «крещендо», «тэмперамэнто» и «пэз-дуто модерато» я в те годы ещё не знал, но без особых раздумий посчитал, что это иностранные матерные ругательства, как были, например в Германии, «фике-фике», «шванц» или «фице», по-русски они звучали вполне пристойно и более того – интеллигентно (произнося такие заграничные слова, особенно в России, невольно ощущал себя человеком с высшим образованием), а по-немецки – отборная матерщина.

Венедикт Окаёмов впечатлил меня в юности своей необычностью и показался артистом незаурядного дарования, самородком сцены, и к тому же, безусловно – первопроходцем, великим преобразователем театра, ещё в молодости жестоко обездоленным одним из сильных мира сего, режиссёром Станиславским, судя по фамилии, поляком или евреем. Боевой офицер, начавший воевать на Волге, под Сталинградом, и закончивший войну в Австрии, получивший, кроме орденов, пять ранений и тяжёлую контузию, он давился слезами и плакал так искренне и так жалобно, что не жалеть его было невозможно. Разумеется, мы не могли не возмущаться, даже майор Карюкин, самый из нас степенный и немногословный, при упоминании фамилии Станиславского от негодования свирепо перекатывал желвак на загорелой мускулистой щеке и, помысля, тяжело выдавливал: «Ободрал, гад, парня!.. И систему, и ритмы спи..ил!.. Как липку ободрал!..»

Сострадая, наверное, более других, я болезненно ощущал своё бессилие, переживал, что не в состоянии помочь восстановить справедливость. После двухнедельного пребывания в одной с Венедиктом палатке я, весьма далёкий от мира искусства младший армейский офицер, командир роты автоматчиков, проникся пиететным, восторженным отношением к актёрам, к этим наделённым искрой божьей лицедействующим чудикам или чудесникам – хоть и штатские, но до чего же шухарные, занятные мужики, позволяющие себе и вытворяющие то, что нормальному и в голову вовек не придёт.

У меня возникло убеждение, что именуемая трагическим этюдом и разыгранная Венедиктом с таким успехом сценка, вызвавшая приступ дрыгоножки у моих сопалаточников, наверняка была извест-

ной и популярной в театральной среде. Когда позднее я слышал по радио или читал о правительственных приёмах в Москве, где среди других оказывались и деятели искусства, я сразу представлял себе, как там, при забутыливании на самом высоком кремлёвском уровне, кто-либо из великих и знаменитых — Качалов, а может, Москвин или Козловский, вот уж истинные небожители! — поддав до стадии непосредственности или полной алкогольной невменухи, бегает по дворцовой зале, перевоплощаясь для исполнения известного шекспировского этюда «Зов любви, или Утоление печали» и затем, неожиданно ухватив сзади за шею какого-нибудь академика, генерала армии или даже маршала, громогласно кричит ему при всех: «Сучка, держи п...у! Кончаю!»

И, представив себе такое, находясь в отдалённом гарнизоне, за тысячи километров от столицы, обмирал от неловкости и стыда, от того чудовищно озорного, что там, возможно, происходило или, по причине актёрской вседозволенности, могло происходить — в подобные минуты этот огромный миллионоликий мир, удивительный и с детства во многом непонятный, казался мне совершенно непостижимым.

Запомнилось, что, когда я представлял себе знаменитых артистов на правительственных приёмах в Кремле, они почему-то бегали там по роскошным дворцовым паркетам в одних подштанниках — в точно таких новеньких хлопчатобумажных кальсонах с матерчатыми завязками, какие выдавались офицерскому составу во время войны и в первые послевоенные годы.

...В памяти моей Венедикт Окаёмов остался обаятельным озорником и выпивохой, человеком затейливым, заводным, с большими неуёмными фантазиями не только по части Шекспира и системы Станиславского. Он тогда упорно высказывал намерение при первой возможности демобилизоваться, чтобы вернуться на сцену, и спустя годы и десятилетия, проглядывая в газетах статьи или заметки о театральных постановках, я всякий раз вспоминал и надеялся встретить его фамилию среди актёров или режиссёров, но не доводилось, и со временем склонился к мысли, что он, скорее всего, спился и сгинул, как в конце сороковых годов в России спились и тихо, без огласки, ушли из жизни два с половиной или три миллиона бывших фронтовиков, искалеченных физически или с повреждённой психикой...

* * *

На другой день с семнадцати ноль-ноль вместе с десятками офицеров я уже мок под дождём возле кригера, потом в крохотном купе

у входа в вагон всё тот же немолодой, отчуждённо-строгий старшина, ткнув пальцем в раскрытую большую канцелярскую книгу, предложил мне расписаться в получении командировочного предписания. В тамбуре я заглянул в него, не веря своим глазам, в растерянности перечёл ещё раз, осмыслил окончательно и был без преувеличения тяжело контужен, хотя сознание ни на секунду не потерял.

«Аллес нормалес!.. Не дрейфь!.. Прорвёмся!.. Одолели засуху и сифилис одолеем!..» — по привычке, скорей всего машинально, подбадривал я самого себя, медленно и разбито, поистине ватными ногами спускаясь по ступенькам кригера, — даже в эту тяжелейшую минуту я не забыл о моральном обеспечении, о необходимости непрестанного поддержания боевого духа.

Я не сломился, я держал удар и пытался держать лицо или физиономию, однако на душе у меня сделалась целая уборная — типовой табельный батальонный нужник по штату Наркомата Обороны ноль семь дробь пятьсот восемьдесят шесть, без крыши, без удобств и даже без сидений, на двадцать очковых отверстий уставного диаметра — четверть метра, — прорубленных над выгребной ямой в доске-сороковке...

Спустя минуты в полнейшей прострации я брёл по шпалам, удручённо повторяя про себя уже совсем иное: «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал...», что наверняка соответствовало моему душевному состоянию и свидетельствовало о начальном осознании понесённого поражения.

Я был как оглушённый, как после наркоза в медсанбате или в госпитале, когда всё вокруг будто в тумане, всё плывёт и слоится и ещё не можешь до конца осмыслить, что же произошло и что последует и будет с тобой дальше — вроде ты жив, а вот насколько невредим — это ещё бабушка надвое сказала и, как резонно рекомендовалось молоденьким взводным в известной офицерской рифмованной присказке: «Ты после боя, что живой — не верь! Проверь, на месте ли конечности, и голову, и ..й проверь!..»

Я очнулся от оглушающего гудка, стремительно прыгнул с путей под откос и, уже стоя внизу, разглядел в наступающих дождливых сумерках, как из кабины паровоза пожилой темнолицый машинист в чёрном замасленном ватнике что-то зло прокричал мне и погрозил кулаком. Мимо меня прогрохотал пассажирский поезд «Владивосток — Москва», на одном из вагонов я разглядел белый эмалированный трафарет «Для офицерского состава».

Именно там, в одном из залитых светом, за белоснежными занавесками купе мне бы следовало сейчас находиться, если бы сбылась моя мечта об академии.

Именно там, в мягком или купейном вагоне пребывали, направляясь в Москву, счастливчики, баловни судьбы, избранные офицеры и достойные их прекрасные нарядные женщины, обладавшие помимо безупречной анкеты внешней и внутренней благовоспитанностью, выраженной линией бедра, ладными стройными ногами... да и всё остальное у них было устроено, надо полагать, несравненно лучше, чем у женщин, предназначенных судьбой и природой для штатских... Как не раз говорил мне бывший штабс-ротмистр Сорок седьмого кавалергардского полка капитан Арнаутов: «Жена офицера должна быть красивей и грациозней самой красивой кавалерийской лошади!..» Старик многажды подчёркивал значение так называемого экстерьера в оценке женщины...

И пахло там, в купе, не махрой и нестираными портянками, как в палатках на Артиллерийской сопке, пахло не казарменной плотью — «там дух такой, что конь зачахнет!» — а хорошими папиросами и сигаретами и дорогой, наверняка заграничной, парфюмерией. Это был особый изысканный мир, элитарная часть офицерского сообщества, куда кадровики, а может, жизнь или Его Всемогущество Случай не захотели меня впустить.

В забытьи я прошёл от станции километра полтора, волею судеб или же движимый подсознательным инстинктом, а может, профессиональной офицерской целеустремлённостью, я брёл в направлении Москвы, однако до неё, судя по цифре на придорожном указателе, оставалось ещё девять тысяч триста один километр...

Я был ошарашен, раздавлен и оскорблён в своих лучших чувствах и, пожалуй, более всего тем, как чудовищно провёл или заморочил меня однорукий, по виду обаятельно-добродушный, благоречивый подполковник, к которому в этот день меня, естественно, уже не пригласили, а если бы по моему требованию и допустили, то что бы я мог ему сказать?.. Что он запудрил мне мозги и при его участии жизнь в очередной раз жестоко и несправедливо поставила меня на четыре кости?..

Я прошёл войну и был не фендриком, не желторотым Ванькой-взводным — осенью сорок пятого, в девятнадцатилетнем возрасте я, разумеется, уже знал, «сколько будет от Ростова и до Рождества Христова», — вопрос, на который два года назад я не смог ответить майору Тундутову, и знал, что жизнь непредсказуема и беспощадна, особенно к неудачникам. Как не раз напевал старик Арнаутов: «Сегодня ты, а завтра я!.. Пусть неудачник плачет...» Однако ни плакать, ни жаловаться я, как офицер в законе, или, как тогда ещё говорилось о лучших, прошедших войну боевых командирах, «офи-

цер во славу русского оружия», не мог и не имел права, это было бы унизительно для моего достоинства.

Осенью сорок пятого я ощущал себя тем, кем определил и поименовал меня в столь памятный субботний вечер двадцать шестого мая в посёлке Левендорф провинции Бранденбург, километрах в ста северо-западнее Берлина, командир второго отдельного штурмового батальона, стальной военачальник («Не выскочил сразу из окопа, замешкался, оступился — прими меж глаз девять грамм и не кашляй!»), легендарный подполковник Алексей Семёнович Бочков, сказавший обо мне безапелляционно: «Штык!!! Русский боевой штык, выше которого ничего нет и быть не может!»

Я, безусловно, понимал, что тогда Алексей Семёнович находился в состоянии алкогольной невменухи, и тем не менее ничуть не сомневался, что в сказанном обо мне его устами глаголила истина. В те годы я был настолько высокого мнения о себе как об офицере, что и в мыслях не допускал возможности проявления какой-либо слабости, и мне, в очередной раз жизнью или злым роком брошенному в кригере на ржавые гвозди, оставалось лишь одно — в молчании стойко выдерживать удар судьбы и стараться на людях держать лицо или хотя бы физиономию.

Позднее я не раз думал, почему с такой лёгкостью согласился и столь поспешно заявил, а вернее, закричал: «Так точно!!!», даже не поинтересовавшись, куда конкретно меня собираются назначить и где находится ГэЭСКа... Почему?..

Прежде всего потому, что однорукий подполковник разговаривал со мною по-хорошему, доброжелательно или даже дружелюбно. В отличие от других кадровиков в обеих половинах кригера он ни разу не повысил голос, не говорил ничего обидного, оскорбительного, не кричал: «Вы что — на базаре?!» или «Вам объяснили, а вы опять?!», не обзывал меня калекой, «мымозой» или «стюденткой» и не унижал предложением выписать со склада полпакета ваты и другие предметы женского туалета.

Более того, он разговаривал со мной сугубо уважительно, дважды обращался по имени-отчеству, как, судя по рассказам, независимо от званий было принято в старом русском офицерстве, и я не мог себе представить, что столь доброжелательный боевой подполковник, потерявший в боях за Отечество правую руку, воспользуется моей недостаточной осведомлённостью и кинет мне такую немыслимую подлянку.

ГэЭСКа, что я расшифровал как «гвардейский стрелковый корпус», подразумевая конкретный, дислоцированный тогда неподалёку

от Владивостока, оказался вовсе не гвардейским, как я предположил, а «горно-стрелковым корпусом», что сокращённо тоже обозначалось ГээСКа, так что тут меня вроде и не вводили в заблуждение, я сам чудовищно обманулся. Единственное такого рода на Дальнем Востоке соединение, прибывшее месяца за два до того из Южной Германии, как раз в это время, в октябре сорок пятого, в связи с окончанием навигации тринадцатью крупнотоннажными пароходами — по четыре на каждую горно-стрелковую бригаду — поспешно перебрасывалось на Чукотку, куда и мне командировочным предписанием предлагалось немедленно убыть.

Насчёт гвардейского корпуса я просчитался сам, однако подполковник, вопреки кодексу чести русского офицерства, намеренно обманывал меня. Своё согласие быть назначенным в злосчастный ГээСКа я высказал после того, как он заявил, что уже весной я могу написать рапорт и «с чувством выполненного долга» поехать в академию, хотя, согласно недавнему сентябрьскому приказу Наркома Обороны номер шестьдесят один, офицеру надлежало прослужить в отдалённой местности, в данном случае на Чукотке, и, таким образом, только там выполнять свой долг, не менее трёх лет, и до истечения этого срока, сколько бы рапортов ни писалось, ни в какую академию я убыть не мог, и подполковник, безусловно, это знал.

Этот подполковник, к кому я ощутил такую симпатию, уважение и признательность, как позднее выяснилось, обманывал меня, стыдно сказать, даже в деталях, по мелочёвке. Так, горно-стрелковая бригада, куда я попал, получив назначение на Чукотку, оказалась Краснознамённой орденов Александра Невского и Красной Звезды, и корпус, в состав которого она входила, тоже имел на знамени два боевых ордена, а он, чтобы приукрасить, не раз говорил мне о прославленном «трижды орденоносном» соединении, прибавляя тем самым ещё одну награду.

Собственно, как оказалось, назначение в гвардейский стрелковый корпус вблизи Владивостока я сам себе придумал или, точнее, вообразил после вежливых обманных слов подполковника.

Спустя десятилетия, в сотый, быть может, раз вспоминая и осмысливая происходившее в кригере при получении мною назначения, я вдруг осознал, что ведь и сам вёл себя не лучшим образом: вопреки кодексу чести русского офицерства обманывал старших по должности и по званию, в частности, при заполнении анкеты скрыл отравление метиловым спиртом у себя в роте и последовавшее затем отстранение от занимаемой должности, а также прибавил себе два класса средней школы.

Вообще-то получалось, что с одноруким подполковником мы как бы поквитались: он присочинил орден, а я — среднее образование, необходимое для поступления в академию. Только он соврал в разговоре, не оставив следов, да и свидетелей бы не нашлось, а я собственноручно нарисовал в анкете цифру «10», что было уже несомненным подлогом в официальном документе. Однако осознание собственной нечестности пришло ко мне уже в зрелом сорокалетнем возрасте и за давностью случившегося ни раскаяния, ни угрызений совести я не ощутил.

Какое-то время в неодолимом смятении я неприкаянно ходил под мелким дождём по тёмным мокрым улицам в окрестностях вокзала. Состояние душевного расстройства и подавленности перемежалось короткими приступами самобичевания, и в такие минуты, шагая по лужам, я обзывал себя всякими нехорошими словами, из них самыми мягкими были крайне для меня оскорбительные: соплегон... соплегонишка... Я винил себя за недоумство, за неопытность, за неумение или неспособность достичь поставленной цели. Удивительно, но в тот ненастный вечер и спустя несколько часов я ещё не осознавал, что вселенная не перевернулась и ничего страшного не произошло, а просто жизнь, подобно корыстной женщине, всего-навсего в очередной раз вчинила мне — как выплюнула! — свой основной незыблемый принцип: «Твой коньяк — мои лимоны!..»

О возвращении на Артиллерийскую сопку в батальон офицерского резерва я не мог и помыслить. После вчерашнего шумного праздничного забутыливания с генеральской без преувеличения закуской — что я мог сказать и как бы объяснил соседям по палатке произошедшее?.. В лучшем случае они посчитали бы меня обалдуем или, как тогда ещё говорилось, жертвой аборта.

Ночь я провёл на станции в зале ожидания офицерского состава на широченном облупленном подоконнике бок о бок с коренастым рыжеватым капитаном, лётчиком, одетым в новенькую защитно-зеленоватую шинельку тонкого английского сукна. Он уже спал или дремал и, когда я присел рядом с ним, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня хмуро и пробормотал: «Пихота...»

Мне отчётливо послышалось «и» вместо «е», а так как «пихать» и «пихаться» у нас в деревне, как и во многих местностях России, были глаголами определённого матерного значения, я, испытывая немалую обиду, довольно остро ощутил его недоброжелательность или пренебрежение и приготовился к дальнейшим проявлениям

его неприязни и к себе лично, и к роду войск, который я представлял, однако ни словом, ни полувзглядом он меня больше не удостоил.

Как и многие в те первые послевоенные месяцы, он ещё не мог во сне выйти из боя, война для него по ночам продолжалась – он то и дело невыносимо скрипел зубами, стонал, дважды кому-то кричал: «Уткин, прикрывай!» – а под утро в отчаянии заорал: «Уходи, Уткин, уходи!!!» – и, с силой выкинув перед собой руки, чуть не сбросил меня с подоконника, а затем снова захрапел.

Пребывая в тяжелейшем душевном расстройстве, я почти не спал и мучался всю ночь, однако нравственный или духовный стержень офицера в законе был во мне крепок и непоколебим, и к утру я полностью осознал, что всё делалось правильно: для усиления обороноспособности происходила массовая передислокация войск в северные отдалённые районы, и личные интересы следовало подчинять интересам государства.

Будучи офицером, я, безусловно, являлся государственной собственностью или, как ещё говорилось в старой русской армии, казённым человеком и, если честью офицера в России испокон века являлась готовность в любую минуту отдать жизнь за Отечество, то главным моим жизненным предназначением в мирное время было беспрекословное выполнение воинского долга и приказов командования.

Именно с этим убеждением туманным вечером одиннадцатого октября сорок пятого года в грязном и холодном грузовом трюме десятитысячника «Балхаш», полученного по ленд-лизу транспорта типа «либерти», на третьем верхнем ярусе жёстких, без какой-либо подстилки деревянных нар, с головой завернувшись в свою старенькую незабвенную шельму, ближе и роднее которой на всём необъятном пространстве от берегов Тихого океана и до самого Подмосковья у меня ничего и никого не было, и ощущая себя в этом огромном, недобром и непостижимом мире обманутым, безмерно одиноким и не нужным никому, кроме находившейся на моём иждивении бабушки и Отечества, я убыл из Владивостокской бухты Золотой Рог для прохождения дальнейшей службы на крайний северо-восток Чукотки да и всей России, в район селения Уэлен, откуда, если верить справочнику, до ближайшей железнодорожной станции было шесть тысяч четыреста двадцать пять километров, а до Америки или, точнее, до Аляски – менее ста...

Часть 6

ТАМ, НА ЧУКОТКЕ...

Землю, где воздух, как сладкий мёд,
Бросишь и мчишь колеся.
Но землю, с которой вместе мёрз,
Вовек разлюбить нельзя.

В.Маяковский

67. НА КРАЮ СВЕТА

Решением Ставки ВГК от 4 сентября 1945 года 2-й Дальневосточный фронт расформирован и на его базе создан Дальневосточный военный округ. Командующим ДВВО назначен генерал армии Пуркаев.

Директивой Военного Совета ДВВО на основании приказа И.В. Сталина и Постановления СНК СССР № 2358 от 14 сентября 1945 года 126-му лёгкому горно-стрелковому Краснознамённому орденов Богдана Хмельницкого и Красного Знамени корпусу определена задача: создать на крайнем северо-востоке страны — полуострове Чукотка — оборонительные форпосты, прикрыть основные морские базы на побережье Анадырского залива и бухты Провидения и обеспечить с суши их противодесантную оборону.

Личный состав частей и подразделений корпуса численностью 10 000 человек вместе с матчастью, транспортом, запасами продовольствия, топлива и стройматериалов на 14 крупнотоннажных судах убыли из Владивостокского порта на Чукотский полуостров и к концу навигации выгрузились в Анадырском порту и бухте Провидения.

С момента прибытия на Чукотку личный состав частей и соединений корпуса в тяжёлых климатических условиях рано начавшейся зимы с сильными морозами и пургами хорошо справился со всеми поставленными задачами: обустроился на зимовку, полностью обеспечив свою жизнедеятельность и функционирование всех видов материально-технических служб, создал в кратчайшие сроки оборонительные районы на побережье Анадырского залива и в бухте Провидения и приступил к несению службы.

Все части и соединения корпуса боеспособны и готовы выполнить любое задание Партии, Правительства и лично товарища Сталина.

...11 августа 1946 года на Чукотку с инспекцией прибыли командующий Дальневосточным округом генерал армии Пуркаев, член

Военного Совета округа генерал-лейтенант Леонов с группой генералов и офицеров штаба округа. Ознакомясь на месте с чрезвычайными условиями зимовки 1945–1946 годов в районе пос. Анадырь и бухты Провидения Чукотского полуострова, командующий округом участник трёх войн генерал армии Пуркаев не смог сдержаться и заплакал... Всему личному составу была объявлена благодарность.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 56-Й ОТДЕЛЬНОЙ ГОРНО-СТРЕЛКОВОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ ОРДЕНОВ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ БРИГАДЫ

3.09.45 г. – Личный состав бригады с матчастью, автотранспортом, сдав весь конский состав, за исключением 22 лошадей, погрузился на ст. Сысоевка в 4 железнодорожные эшелона и, совершив переезд, прибыл на ст. Владивосток.

7–12.09.45 г. – Бригада производила погрузку на пароходы «Вторая пятилетка», «Жан Жорес» и «Ломоносов».

...Вместо полковника Купцова командиром бригады назначен полковник Фомин.

13.09.45 г. – В 5.00 пароходы вышли в море.

19.09.45 г. – Прибыли в Петропавловск на Камчатке. Пройдена половина пути – 2 470 км. Запаслись пресной водой.

21.09.45 г. – Вышли из Авачинской бухты.

27.09.45 г. – По причине большого тумана весь день и ночь суда простояли на рейде без попытки пройти через песчаную косу в Анадырский пролив.

28.09.45 г. – Снялись с рейда и в 10.00 вошли в Анадырский пролив... Пароход «Ломоносов» таранил грунт 5 раз... В 13.00 началась разгрузка... Доставка личного состава на берег производилась при помощи десантных барж, в каждую из которых входило по 100 человек, затем началась разгрузка скота, машин и имущества... Бригада высадилась на голое, необжитое место.

29.9.45 г. – Перед личным составом поставлена задача ускоренными темпами закончить сосредоточение личного, конского составов и грузов в районе шахты Угольная... Весь личный состав частей бригады занят на разгрузке пароходов, строительстве, устройстве землянок. Работы ведутся беспрерывно, круглые сутки, чтобы успеть до снеговых заносов и по-

лярной пурги. За короткую навигацию доставлено на берег 60 657 тонн разных грузов.

1–5.10.45 г. – Штаб бригады разместился в районе пос. Угольные копи... Группу по разгрузке леса с кораблей и доставке его на берег возглавил капитан Миронов. Лес приходилось вытаскивать из лимана голыми руками... Высушить обмундирование и обувь было негде, обогревались у костра... До замерзания лимана весь лес был вытащен из воды... Из-за отсутствия дорог и недостатка транспорта лес и лесоматериалы доставляли на своих плечах и волоком к лесопилке на расстояние 4–5 км. Перенесено более 6 000 кубометров леса и строительных материалов.

7.10.45 г. – Личный состав полностью занят на строительстве жилых помещений... Подъём производится в 4.00 по местному времени; работы начинаются в 6.00; отбой – в 21.00.

10.10.45 г. – Ежедневно выделяется по 30 человек и по две автомашины для подвозки шлака и гравия для строительства дороги... Решено использовать узкоколейную железную дорогу, соединяющую причал с шахтой «Угольная».

13.10.45 г. – Команда в количестве 150 человек выбыла на косу Саламатова для разгрузки угля с парохода «Новосибирск», получившего пробоину и севшего на мель... Положение усугубляется отсутствием топлива. Для спасения жизни личного состава в связи с наступившими холодами начаты поиски в тундре залежей угля... Созданы поисковые бригады... Источники угля обнаружены на расстоянии 25 км... Доставка проводится ручным способом – в вещмешках по 35–40 кг.

15.10.45 г. – Связь с корпусом поддерживается только по рации «Водо-радио», плавающий лёд в Анадырском заливе не даёт возможности сообщаться с противоположным берегом ни на баржах, ни на катерах... Получена первая почта почти за два с лишним месяца.

16–20.10.45 г. – Бригада на 3 кораблях – «Совзаплес», «Джурма», «Таганрог» – передислоцирована из Анадыря в район бухты Провидения, пос. Урелик... Перед погрузкой на корабли в Анадыре произведена мобилизация военнослужащих с 1906 по 1915 гг. рождения на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 г. и заключения военно-врачебной комиссии. Получено пополнение в количестве 1300 человек, в основном 1925–27 гг. рождения, призыва 1945 года, не принимавшее участия в боях.

21–25.10.45 г. – Производили разгрузку кораблей на берег. За 15 дней октября выгружено 12 кораблей. Личный состав устроен в полотняные палатки, частично износившиеся и прогнившие... Бойцы и офицеры спят не раздеваясь... В палатках не намного теплее, чем вне их. Годных к жилью землянок 59 штук, которые обеспечивают укрытие до 50% личного состава...

...В батальоне автоматчиков умерли от переохлаждения 4 чел.; в сапёрном – двое, во 2-м батальоне – одно тяжёлое увечье, полученное при разгрузке; в разведроте – хулиганство, трое привлечены к дисциплинарной ответственности, осуждён судом ВТ – один: сержант Городецкий из 3-го батальона, член ВЛКСМ, будучи начальником караула, организовал растранжиривание этиленгликоля, организовал пьянку, в результате чего отравились 8 человек.

...Имели место пожары: в батальоне автоматчиков сгорел штаб, в артдивизионе – палатка-пищеблок. Жертв не было.

* * *

Если бы человек мог знать свою судьбу! Я не знал и не предполагал, мне даже в голову не могло прийти, что тогда, в июне сорок пятого, в самые славные недели моей жизни, наступит мой черёд, настанет день, вернее ночь и час, и судьба моя резко изменится – колесо истории пройдётся по мне всей своей тяжестью и я вместе с Володькой и Мишутой добровольно поеду из Южной Германии на Дальний Восток навстречу неведомому, всё ещё не ощущая того рокового, что ждало меня за крутым поворотом.

Там, на Дальнем Востоке, ценой жизни самых дорогих мне друзей – Володьки и Мишуты – мы поставили на колени империалистическую Японию, а моя судьба определилась в отделе кадров Дальневосточного округа.

Позднее, осмысливая случившееся, ругая себя и многажды возвращаясь к ключевому моменту – моменту принятия решения там, в кригере, – я пытался понять, почему жизнь в очередной раз так жестоко и несправедливо вмешалась в мою судьбу: вместо того, чтобы отправиться в Москву на учёбу в академию имени Фрунзе, я оказался на другом конце света – у чёрта на куличках.

Там, в кригере, мои убеждения, совесть и честь офицера не позволили мне отказаться от назначения, а однорукий подполковник,

воспользовавшись моей неосведомлённостью, обыграл, обманул меня, недоумка, и вместо Гвардейского стрелкового корпуса я с медицинским заключением «Годен к строевой службе без ограничений» загремел в горно-стрелковый корпус, а точнее, в 56-ю горнострелковую бригаду, в которой, как убеждал меня подполковник, «служить — высокая честь», и я должен «гордиться и благодарить судьбу за представленную возможность до конца с честью выполнить свой воинский долг в мирное время».

Самое худшее опасение свершилось: моим краем света оказалась Чукотка, которая, по рассказам бывалых офицеров, из всех мест — Сахалина, Камчатки и даже Курильских островов — была самым гибельным.

О Чукотке рассказывали легенду, что будто бы Господь Бог, сотворив белого медведя и моржа, увидел, что сделал что-то не то, испугался и поэтому ничего больше создавать не стал, оставив эту землю им в первозданной дикости; расписывали все ужасы дьявольского климата, пугали метелями и пургами, во время которых даже белые медведицы зарываются в снег, не позволяя медвежатам нос высунуть из укрытия, сильными морозами, которые убивают вернее пули.

Вообще-то я зиму любил, холода не боялся, хорошо ходил на лыжах и поэтому многие рассказы расценил как детские страшилки. Как всегда в критические моменты жизни я пытался овладеть ситуацией, повторяя про себя:

— Аллес нормалес!.. Прорвёмся!.. Не медведям же там служить, тем более обеспечивать и укреплять обороноспособность страны!

Как я потом убедился, реальность оказалась намного страшнее. Там, на Чукотке, я может впервые познал почём фунт лиха.

В середине октября пароход «Балхаш», последний из грузовых десятитысячников, отправившихся на Чукотку из Владивостока, изрядно потрёпанный штормами, бросил якорь в Анадырском лимане — кусочке моря в плену бесконечного ряда голых безжизненных сопок с крутыми вершинами, отточенными жёсткими морскими ветрами, и выветренных камней — кекуров.

Части бригады, транспорт, оборудование, топливо и грузы с расчётом до следующей навигации — сюда везли всё, кроме воды — высадились и разгрузились на пустынном берегу: клочке каменистой земли, где, казалось, со времени открытия её русскими землепроходцами за три века больше не ступала нога человека.

Над головой мглистое серое небо и на сотни километров до самого горизонта – ни деревца, ни кустика, ни даже пожухлой травинки!

Надо было привыкать к темноте, надо было привыкать к ежедневной изнурительной работе невзирая на погоду: в кирзовых рукавицах, натирая кровавые мозоли, кайлить под толстым слоем льда землю, вгрызаясь в грунт, вбивать сваи, ставить палатки, рыть ямы, котлованы, землянки, чтобы укрыться, заползти, залезть в любую щель до наступления метелей и морозов.

Надо было привыкать к здешнему климату. Зима в сорок пятом году пришла рано. Начались несусветные пурги: видимости никакой, кругом молочная беснующаяся мгла, острые струи снега бьют, хлещут по глазам, лицу, проникают во все щёлки одежды, карманы, обувь. Порывы колотуна-хиуса – самого злого ветра Северного полюса – сбивают с ног: барахтаешься в снегу и всё глубже увязаешь в обволакивающей массе, ветер захлёстывает дыхание, лепит в глаза. Пурги разыгрываются неожиданно: ещё час тому назад небо было безоблачным, лишь где-то у самого горизонта ворошилась одинокая серая тучка, да ветер несмело тянул лёгкую позёмку. И вот – полная кутерьма, не видно ни зги, исчезает грань между землёй и небом.

Во время пург теряется счёт времени, все уползают в свои норы, а каждый день начинается занятиями с личным составом: как вести себя во время пурги. На всю жизнь запомнил некоторые из наставлений и практических советов: «Тундра боится сильных, а пурга – не боится», «Не бойся пурги: если она тебя застала в тундре – вырой ямку, ложись и заройся в снег, экономь энергию, пережди и не паникуй», «Опасайся отстать от группы и остаться в тундре в одиночку», «Стал замерзать – иди быстрее».

Надо было привыкать к тесноте и отсутствию элементарных бытовых удобств. В эту первую зиму даже старшие офицеры жили в норах-землянках и палатках совместно с бойцами и в мороз и пургу отправляли естественные нужды не выходя из них.

Но к холоду привыкнуть было невозможно. В жестокие морозы пар от дыхания мгновенно замерзал, превращаясь в кристаллики льда, которые забивали нос, рот, затрудняя дыхание и образуя вокруг головы диковинный шуршащий шар: сталкиваясь друг с другом, они производили лёгкий шорох – бойцы прозвали его «шёпотом звезд».

Даже металл и тот не выдерживал сильных морозов, становясь хрупким и ломким, а наша славная боевая и транспортная техника

с надписями на бортах «Мы были в Варшаве, в Берлине, в Харбине», «Мы славяне и мы победим!», продрогшая, бесполезно покоилась, ржавела и гнила под трёхметровым слоем снега[1].

Из-за строжайшей экономии угля мы и в своих укрытиях страдали от холода: спали не раздеваясь, тесно прижавшись, согревая друг друга остатками тепла своих тел; железная печурка остывала через час после топки, и температура в землянках, и особенно в палатках, ночью не превышала пяти градусов. Мёрзли так, что просыпались от стука собственных зубов. Пар от дыхания в виде инея покрывал стены палатки, оседал на одежде, лице, и поутру, с трудом разлепив глаза, бойцы шутили:

– Если иней на подушке – значит, пора менять бельё!

В нашей монотонной жизни на Чукотке было всего два праздника: первый, когда появлялись робкие бледные лучики солнца, предвещая скорое окончание полярной ночи, и второй – начало навигации, приход первых кораблей.

Как выяснилось впоследствии, нас на Чукотке ждали не только бытовые и климатические трудности, нас подстерегали мучения и другого рода.

---

[1] Неверно. Консервация боевой техники и транспортных машин в бригаде была проведена в точном соответствии с директивой ДВВО № 273 от 19 сентября 1945 года с осуществлением всех антикоррозийных мер и постановкой машин на колодки и укрытием креплёными брезентами в снеговых аппарелях-капонирах. Так что «гнила и ржавела» – на совести Федотова.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Молния!

Из ШТАБА ДВВО *Подана 12.10.45 г.* *9 ч. 10 м.*

В связи с крушением углевоза «Новосибирск» надлежит обеспечить на Чукотке добычу угля открытым методом на угольной шахте силами личного состава. Заготовить и заложить на хранение в бухте Провидения 7 600 тонн угля.

Произвести подрыв угля, находящегося на складе шахты.

О заготовке и добыче угля доносить ежедневно. Ввести строжайший учёт и охрану заготовленного угля. Категорически запретить вынос угля из шахты одиночными бойцами и группами.

Организовать бригады и разведгруппы по поиску в тундре дополнительных источников топлива.

Командующий ДВВО
генерал армии *Пуркаев*

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДИРА БРИГАДЫ

16.10.45 г.

В соответствии с распоряжением Начальника Тыла ДВВО «О норме выдачи и потребления спирта в условиях Крайнего Севера» и в целях недопущения чрезвычайных происшествий и аморальных явлений под личную ответственность командиров частей и подразделений установить следующий порядок выдачи и приёма спирта:

1. Раздачу спирта производить лично старшинами рот и помощниками командиров отдельных взводов строго по ежедневной ведомости и персонально каждому сержанту и бойцу.

2. Выдачу и приём спирта осуществлять только во время обеда. Категорически запретить передачу положенной нормы спирта друг другу или оставление его для употребления в другое время.

3. Лиц, отказавшихся принимать спирт, учитывать отдельно, списки хранить в штабах и по указанию заместителя по тылу выдавать им взамен другие продукты.

4. Лиц, виновных в нарушении настоящего приказа, лишать водочного довольствия сроком на 30 дней.

Приказ довести до всего личного состава.

Полковник Фомин

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДИРА БРИГАДЫ ПО ТЫЛУ

20.10.45 г.

В соответствии с приказанием начальника тыла 126-го горнострелкового корпуса от 15.10.45 г. по экономии угля устанавливаются строгие нормы расхода угля, время и порядок топки печей и обязательные меры по соблюдению противопожарной безопасности:

1. Топку печей в жилых помещениях производить только в определённые часы: утром – с 5.00 до 7.00, вечером – с 18.00 до 20.00.

Временно разрешить подтопку печей с 22.00 до 24.00 только в наиболее холодные дни – при температуре ниже 40°.

2. Установить норму выдачи угля строго по весу: на печь любого размера – 10 кг, очаг – 60 кг.

3. Уголь отпускать со склада по утверждённому списку и под расписку ответственного лица один раз в неделю.

4. В целях противопожарной безопасности помощникам командиров частей по МТО взять на строгий учёт все печи в землянках и палатках. Назначить постоянных истопников – по одному на каждую печь.

Категорически запретить топку печей другими лицами и оставление топящихся печей без присмотра.

5. Персональную ответственность за экономию топлива, жёсткий контроль, охрану и порядок выдачи угля возложить на командиров частей и спецподразделений.

Подполковник Македон

ИЗ ПОДЁННОГО ЖУРНАЛА 56-Й ОГСБр

Октябрь 1945 г. – Ввиду передислокации бригады из Анадыря, где личный состав значительное время был занят на разгрузке пароходов, хозяйственных работах и обустройстве, не было возможности организовать с личным составом регулярную боевую подготовку. На новом месте для каждой части сразу же определены учебные поля и намечены стрельбы.

...Постоянные дожди со снегом, шквальный ветер... Весь личный состав не покладая рук трудится по созданию мест для жилья. Офицеры наряду с военнослужащими строят землянки, казармы, устанавливают палатки и на своих плечах переносят лесоматериалы и оборудование на расстояние 2 км.

...Для окончания работ недостаёт лесоматериалов... Баржи с лесом прибывают очень редко: в октябре прибыло всего 3 баржи.

Ноябрь 1945 г. – За месяц построено: 115 жилых землянок, размером 11х5 м, для их укрепления заготовлено 280 $м^3$ дёрна; жилых казарм размером 29х11,4 м – 10; установлены 23 больших гессеновских и 20 – малых палаток. Стены казарм и землянок засыпаны опилками и снаружи обвалованы снегом, крыши за недостатком пиломатериалов покрыты брезентом. В промёрзшем грунте отрыто 11 котлованов размером 11х5 метра...

...Электричество от движка подаётся в штаб бригады, медсанроту и госпиталь только на 3 часа в сутки, в остальное время – освещение керосиновыми коптилками... Идёт строительство электростанции из дикого камня.

...По побережью заканчивается строительство дороги вокруг бухты Эмма до посёлка Урелик шириной 6 м и общим протяжением 8 км.

...После подрыва шахты «Угольная» круглосуточно в 3 смены работают 70 человек, суточная добыча угля составляет 120–130 тонн. Положение с обеспечением топлива критическое...

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ КОМАНДИРА БРИГАДЫ

24.10.45 г.

По данным метеосводок в ближайшее время ожидаются обильные снегопады с пургой.

В целях предотвращения потерь личного состава во время пург и снегопадов командир бригады

ПРИКАЗАЛ:

1. Команды, посылаемые для выполнения служебных заданий на удаление от расположения части на один и более километров, снабжать ракетницами и ракетами, иметь при себе достаточный запас сухого спирта.

2. В случае обнаружения отсутствия во время пурги кого-нибудь из личного состава немедленно об этом сигнализировать: на территории расположения части – ручными сиренами и частыми ударами в гильзу; при удалении от расположения части – сериями зелёных ракет днём, белых ракет – ночью. Интервал подачи сигналов – каждые 30 минут. Установленные сигналы разъяснить и довести до сведения всему личному составу.

3. В период пурги и морозов, превышающих 40°, направлять на любые виды работ только по личному приказу командира бригады. Выходить из помещений на период пурги категорически запретить, кроме нарядов по несению караульной службы.

Нач. штаба
подполковник Сальников

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Из Штаба бригады, пос. Угольные копи *Подана 10.11.45 г.* *9 ч. 20 м.*

В связи с недостатком воды в колодцах в расположении частей личному составу приступить к заготовке льда. С 11.11 по 25.11 каждая часть должна иметь полную потребность льда на 2,5–3 месяца.

Лёд заготавливать в протоках ручьёв в конце бухты Эмма, складывать в штабеля не менее 15–20 кубометров с таким расчётом, чтобы на доставку его не затрачивать дополнительные усилия для расчистки дороги.

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА БРИГАДЫ

Военному Прокурору 126-го ГСК

Доношу о чрезвычайных происшествиях в 56-й отдельной горнострелковой бригаде.

Так, 1 ноября с.г. в 9.30 команда в 5 человек 2-го отдельного стрелкового батальона была послана за дровами на сопку. При спуске под углом 40° нагруженные дровами сани сильно разогнались и мл. сержант Першин (старший команды), не желая отпустить сани, при-

держивал их сзади и бежал за ними. С большого разгона сани врезались в траншею и мл. сержант Першин с такой же силой наткнулся на задние концы дров и разбил печень. Першин немедленно был доставлен в медсанбат, но от сильного кровоизлияния в брюшную полость, несмотря на оказанную экстренную помощь, умер.

10 ноября двое военнослужащих из 4-го отд. стр. батальона ст. сержант Молчанов и мл. сержант Пилипок были посланы на заготовку дёрна на расстояние 11–12 км от части. В 14.00 внезапно разыгралась буря с обильным снегопадом. Сильный ветер сбил их с дороги и разнёс в разные стороны. Ввиду сильного бурана поиск был организован только 12.11 после его стихания. Сила ветра была столь сильна, что ст. сержант Молчанов и мл. сержант Пилипок были обнаружены замёрзшими на расстоянии в 1,5 км друг от друга, гимнастёрки и нательное бельё на них были разорваны.

14.11 в 7.00 команда в составе 95 человек была послана на шахту Угольная за углём. Старший команды – зам. по строевой части командира 1-го стрелкового батальона майор Фролов, его помощник – комсорг батальона лейтенант Балуев. На обратном пути команду застигла пурга с облачностью в 10 баллов и со скоростью ветра 26 м/сек, с мокрым снегопадом, в результате чего от команды, двигавшейся в колонне по одному, отстало 10 человек, из которых 3 погибли от замерзания.

Мл. сержант Почурко найден 14.11 в 24.00 в районе 2-го контрольного поста связи в 2,5–3 км от расположения своей части. На следующий день 15.11 в 12.00 найден сержант Антоненко в 12–13 км от расположения своей части, и в 18.00 того же дня – красноармеец Петрук в районе 3-го горно-стрелкового батальона.

В ночь с 21 на 22 ноября с.г. в миномётном дивизионе бригады погибли 5 военнослужащих. Во время пурги занесло палатку-шестиклинку отделения боевого питания, в которой находились старшина Самигулин, мл. сержант Тулин, мл. сержант Морев, ефрейтор Сазонов и красноармеец Язвецов.

Расследованием установлено, что палатка была накрыта двухметровым слоем снега, который закупорил печную трубу. Дневальный и истопник ефрейтор Сазонов по-видимому заснул и о полном заносе палатки своему командиру старшине Самигулину не доложил, поэтому не заметил, как дым и угарный газ наполнили маленькую палатку.

Разводящий мл. сержант Дудин, делая обход, увидел, что палатку боепитания занесло и остался только конец трубы длиною 25–30 сантиметров, о чём доложил дежурному по дивизиону мл. лейтенанту

Тарасову. При повторном обходе в 2.00 мл. сержант Дудин палатки вовсе не обнаружил и вместо принятия с разводом энергичных мер вновь ограничился докладом об обнаруженном дежурному по дивизиону мл. лейтенанту Тарасову, который продолжал спать.

Раскапывать палатку начали после пурги — все пятеро военнослужащих уже были мертвы. Отравление произошло угарным газом в результате преступной беспечности несения службы дневальным ефрейтором Сазоновым и непринятия своевременных мер во время пурги дежурным по дивизиону мл. лейтенантом Тарасовым.

Решением ВТ бригады младший лейтенант Тарасов Фёдор Васильевич, 1925 г. рожд., русский, холостой, из рабочих, член ВКП(б), образование 7 классов, урож. дер. Останкино, Борского района, Горьковской обл., исключён из рядов ВКП(б), лишён воинского звания «младший лейтенант» и приговорён к лишению свободы на 8 лет с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях.

25 ноября с.г. на конюшне пала лошадь по кличке «Север», прижизненный и посмертный диагноз — «метеоризм кишечника». Причиной падежа явилось отсутствие сена и комбикорма, поэтому кормление лошадей производится овсом, а в качестве грубого корма используются мешки из-под рисовой муки.

27 ноября в 5 часов утра с конюшни убежала лошадь чалой масти по кличке «Ночка» и утонула в заливе, чем нанесён ущерб государству в сумме 1200 рублей. Приказом командира бригады за плохую организацию по уходу и охране лошадей удержано с командира взвода ст. лейтенанта Захарченко, командира автороты техника лейтенанта Опрятного и нач. ветеринарной службы капитана Католика по 400 рублей с каждого.

Капитан юстиции Пантелеев

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДИРА БРИГАДЫ

27.11.45 г.

Суровые условия климата крайнего северо-востока налагают на военнослужащих новые обязанности в несении службы.

В целях сохранения личного состава, недопущения чрезвычайных происшествий, приводящих к гибели от обморожения, дезориентации и замерзания во время снегопадов и пург, угара, пожаров и других несчастных случаев

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику химической службы бригады организовать бригадный пост метеонаблюдений и о прогнозе погоды сообщать во все части и подразделения с вечера на следующие сутки.

2. Установить следующие сигналы-сирены оповещения: при пожаре – частые гудки; во время пурги – редкие продолжительные гудки и дублировать их по радио и телефону.

Для ориентации на местности при передвижениях пользоваться существующими маяком и сигналами в бухте Эмма.

3. Во время пурги категорически запретить выход личного состава из помещений, особенно одиночные хождения. Отдалённые от расположения палатки, землянки и участки дороги провесить вехами.

4. В случае срочной необходимости высылать куда-нибудь военнослужащих, направлять последних группами не менее 5 человек, снабдив их верёвками. Направляющими и замыкающими при движении группой или колонной назначать наиболее физически выносливых.

5. Топку печей производить только истопниками при условии жёсткого контроля со стороны суточного наряда.

6. В период сильной пурги дежурным подразделениям быть в постоянной боевой готовности, смену наружного наряда производить через час, обеспечив все наружные посты тёплой одеждой и подшлёмниками.

7. Командирам частей в своём расположении построить из снега снегозадержатели высотой до двух метров со стороны наиболее частых ветров. Дымоходные трубы в жилых помещениях нарастить высотой до метра над крышами.

Полковник Фомин

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА БРИГАДЫ

24.12.45 г.

Партийно-политическая работа в частях бригады направлена на подготовку к выборам в Верховный Совет СССР, укрепление воинской дисциплины, предотвращение случаев чрезвычайных происшествий и аморальных явлений.

Проведены лекции и беседы:

1. Конституция СССР – самая демократическая Конституция в мире.

2. Могущество Советского Союза.

3. Суровые климатические условия Чукотки.

4. Быт и нравы чукчей (доклад прочитал секретарь РК ВКП(б) тов. Орехов).

День Сталинской Конституции личный состав бригады отметил соревнованием в 10-ти километровом кроссе: первенство завоевала команда 1-го горно-стрелкового батальона, показавшая время 1 час 4 минуты.

Вышел первый номер бригадной газеты «Знамя Победы».

Начался приём зачётов у офицерского состава по знанию Уставов Красной Армии и возобновляется боевая и политическая подготовка личного состава по утверждённому плану.

Политико-моральное состояние личного состава частей и подразделений бригады здоровое, большинство служащих, особенно пожилого возраста, среди которых много малограмотных, настроено на то, чтобы добросовестно служить на Чукотке. Об этом свидетельствуют выступления на собраниях партийного и комсомольского активов.

Красноармеец Попов, 3-й артдивизион, член ВКП(б), сказал:

«Нам приказала Родина служить на Чукотке и оберегать наши северо-восточные границы. Мы должны самоотверженно работать, укреплять и повседневно заботиться о нашей Родине. Эту задачу мы выполним с честью».

Сержант Прокофьев, член ВКП(б), отметил:

«Несмотря на послевоенные трудности в стране здесь, на Чукотке, нам созданы такие великолепные условия, каких не видел солдат ни одной армии мира».

Мл. лейтенант Хурсенко, командир взвода управления миномётного дивизиона, член ВЛКСМ, призвал:

«Долг каждого коммуниста, комсомольца и офицера – отдать всё для укрепления мощи Красной Армии и, когда придёт срок, с честью демобилизоваться».

Однако имеются и нездоровые высказывания, как правило от старослужащих, участвовавших в Великой Отечественной и японской войнах. Они вызваны плохими бытовыми условиями – скученностью в палатках и землянках, отсутствием света и воды, трудными климатическими условиями и неполучением почты.

Лейтенант Пасько, член ВЛКСМ, командир взвода пульроты, в присутствии своих подчинённых жаловался:

«Мы четыре года воевали, сейчас нас сюда, на край света, завезли, не спросив, хотим мы ехать или нет, заставили служить в таких

скотских условиях. Хочу демобилизоваться, но даже в отпуск не отпускают».

Ст. лейтенант Хасанов, член ВКП(б), командир взвода:

«Я четыре года не видел отца и матери, а через три года может быть вообще их не увижу. Условия созданы такие, что отсюда скоро не выедешь, если до того не околеешь в палатке или не замерзнёшь в пургу».

Сержант Потапов, б/п, миндивизион:

«Мы одержали победу на Западе и Востоке, но о нас никто не хочет побеспокоиться. Мы забыты всеми, гражданскому населению доставляют почту, а нам уже 3 месяца ничего нет».

Ефрейтор Буцев, б/п, рота автоматчиков:

«Людей набили в тёмные палатки, как селёдок в бочку, где не только лечь, но и стоять трудно. Как же в таких условиях выполнять свой долг?»

Красноармеец Мартыненко, б/п, во время обеда сказал:

«Обидно становится за то, что воевали на Западном фронте четыре года, там бойцы демобилизовываются, а нам ещё приходится служить».

Красноармеец Чернокульский, член ВКП(б), в присутствии бойцов своего взвода заявил:

«Если бы я знал, что нас повезут на Чукотку, я по дороге на Дальний Восток обязательно отстал бы от эшелона на какой-нибудь станции».

С личным составом, особенно с теми, кто высказывает недовольство, проводится разъяснительная работа.

Несмотря на тяжёлые бытовые и жилищные условия в крайне суровых условиях Чукотки и наступившей арктической зимы личный состав бригады полон решимости выполнить поставленную Верховным Главнокомандованием Красной Армии задачу по укреплению северо-восточных рубежей и охране морских коммуникаций Советского Союза вдоль побережья Берингова пролива.

Майор Попов

69. ХОТЬ МАТУШКУ-РЕПКУ ПОЙ

ИЗ ПОДЁННОГО ЖУРНАЛА
1-го ГОРНО-СТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА

В январе 1946 г. продолжительная сильная пурга в течение семи дней (4.01 – 11.01) сменилась морозами до –45 гр., с сильным ветром до 9–10 баллов. В период снегопадов видимость сокращалась до 0 метров... дороги занесены снегом... доставка угля и продовольствия из порта Провидения прекратились... запас некоторых продуктов близится к концу.

В результате продолжительных ветров каркасно-засыпные постройки подверглись выветриванию, у 30% – снесло крыши... опилки и дёрн между стен осели, обшивка из сырых досок дала большие щели... снег через щели, проёмы окон проник внутрь помещений. Автотранспорт встал.

Несмотря на усиленную топку печей в жилых помещениях очень холодно... расход угля чрезвычайно большой.

Плотный снег толщиной 40–70 см накрыл весь строительный материал. Личный состав целиком занят на хозяйственных работах: расчистке палаток, землянок, казарм, складов от снежных заносов, ремонтом кровли, укреплением построек, расчистке дорог... все строительные материалы – кирпич, доски, дранку, растворы – военнослужащие носили на себе, двигаясь через сугробы по пояс в снегу.

За месяц – 25 неблагоприятных дней с пургами и снегопадами. Пургу личный состав переносит без особых затруднений... значительно хуже – холод в помещениях.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДИРА 56-Й ОГСБр

20.01.46 г.

Несмотря на приказы командующего ДВВО от 12.10.45 г., командира 126-го горно-стелкового корпуса от 15.10.45 г. об экономии топлива и мой приказ по тылу от 25.11.45 г. о порядке и норме вы-

дачи угля, к его исполнению отнеслись халатно, не был организован жёсткий контроль за расходом топлива, вследствие чего только во 2-м батальоне бригады в декабре месяце произошёл пережог угля — 9,5 тонн, а за 19 дней января — 16,7 тонн, в результате в батальоне не оказалось топлива и пришлось уголь выдавать из резерва.

В связи с тем, что запасы угля на исходе, вынужденно сокращается вдвое количество отпускаемого угля.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20.1.46 г. установить норму выдачи — 5 кг угля на одну топящуюся печь во всех жилых помещениях.

2. За перерасходованный уголь в декабре прошлого и январе с.г. командиру 2-го горно-стрелкового батальона капитану Кузнецову объявить выговор и арестовать на 5 суток домашним арестом с удержанием 50% денежного содержания за каждые сутки ареста.

3. Удержать 75% стоимости перерасходованного угля с пом. командира батальона по МТО капитана Северюхина и 25% с интенданта батальона мл. лейтенанта Рындина.

4. Ещё раз предупреждаю командиров частей и подразделений о персональной ответственности за экономию топлива.

Полковник Фомин

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА
МЕДИКО-САНИТАРНОГО БАТАЛЬОНА

Доношу о тревожных фактах ухудшающегося психо-физического состояния военнослужащих.

В связи с резким сокращением отпуска угля и запрещением проведения отопления палаток и землянок в ночное время, они сильно промерзают. Поэтому после оттаивания во время протопки печей в палатках и землянках получается сырость, в результате чего в частях бригады среди личного состава начались массовые случаи заболеваний.

Так, с 15 по 27 января с.г. только в одном батальоне зарегистрировано 27 случаев заболевания гриппом, 16 случаев с острым заболеванием дыхательных органов, 12 — ангиной и 19 — фурункулёзом. 5 военнослужащих умерли в МСБ от пневмонии.

Многие жалуются на постоянные головные боли, апатию, расстройство сна. Депрессивное состояние (у двух с явными психическими расстройствами) отмечено у большинства военнослужащих, особенно в период пург, сильных снегопадов, когда они вы-

нуждены сутками находиться в тесном замкнутом ограниченном пространстве.

В артдивизионе, роте связи, разведроте, сапёрной роте и санроте землянки и палатки освещаются электричеством, а в остальных — керосиновыми коптилками круглыми сутками, отчего у личного состава начались глазные заболевания.

Весь личный состав полностью экипирован в зимнее обмундирование: ботинки, валенки, шинель; но лишь 70% имеют ватные фуфайки, а шубы выдаются только для нарядов.

В качестве постелей используется один спальный мешок на 2 человека или один японский матрасик для одного человека. Кроме того, каждый имеет две простыни, две наволочки и одно одеяло.

Особую остроту приобрела проблема пресной воды: весь личный состав (в быту, на пищеблоке) употребляет воду из перетопленного снега. Снеговая вода крайне недоброкачественна, изобилует разными нечистотами и в ней отсутствуют необходимые соли. Только 30% общего расхода воды используется для хозяйственных нужд. В связи с этим личный состав бригады не может регулярно мыться в бане, а ограничивается прожариванием одежды в дезпалатках. У отдельных лиц замечено появление вшей.

Питание личного состава хорошее по калорийности, но большинство продуктов — концентраты. Пища в горячем виде выдаётся личному составу 3 раза в день: она обильная, жирная и питательная, но многие военнослужащие мало и плохо едят. В бригаде по поводу питания некоторые из офицеров высказывали недовольство. Так, командир 2-го горно-стрелкового батальона ст. лейтенант Кузнецов в столовой громко заявил:

«Гвардии тушёнка... и борщ с тушёнкой... От этих витаминов никто, правда, ещё не умер... но я устал! Устал от этих витаминов! Хоть бы сообразили чего-нибудь...»

В бригаде совершенно нет свежего картофеля, квашеной капусты, овощей, чеснока. Мало свежего мяса и рыбы, которые бы улучшили качество пищи.

Хоть имеется разрешение на приобретение у чукчей оленьего мяса и рыбы, ассигнования не спущены и заготовки фактически не проводятся.

Для снижения заболеваемости личного состава помимо мер по закаливанию (разработана методика и спущена всем командирам рот и батальонов), необходимо улучшить питание за счёт включения мяса, рыбы, овощей, квашеной капусты и обязательного приёма рыбьего жира и витамина «С» поголовно всем, а также обеспечения

лекарственными средствами (стрептоцид, норсульфазол и др.) в достаточном количестве.

Майор м/с Куличков

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА
4-го ГОРНО-СТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА

Доношу об обстоятельствах происшедшего в 4-м горно-стрелковом батальоне чрезвычайного происшествия.

24–26 января с.г. был сильный буран с большим снегопадом, сила ветра достигала 21,8 м/сек. Стихией была разрушена телефонная связь и электроосветительная сеть, имелись сильные обвалы.

Личный состав не выходил из землянок, естественные нужды отправляли тут же, в землянках.

Было невозможно проконтролировать наличие и установить отсутствие людей в батальоне в указанные сутки.

После стихания бурана утром 27.1 выявлено отсутствие одного офицера – ст. лейтенанта Сухина А.Г.

Ст. лейтенант и/с Сухин Александр Григорьевич, начальник финансовой части, кандидат в члены ВКП(б), 1919 г. рожд., русский, образование 7 классов, в РККА с 1941 г., в 56-й отдельной горно-стрелковой бригаде с октября 1945 г., призван из резерва, женат, адрес жены – Приморский край, ст. Пограничная.

Как установлено расследованием и показаниям ординарца, Сухин 25.1 в 13.00 самовольно вышел из своей землянки с целью пойти в землянку хозчасти, которая находилась в 50 метрах. Идя по расположению части по страховочному канату, по-видимому заблудился, так как ни в одной из землянок не появился.

К концу дня 27.1 в 19.00 Сухин был обнаружен замёрзшим в трёх километрах от расположения батальона на берегу пролива. Он не дошёл до землянки хозчасти несколько метров: на страховочном канате осталась закреплённая рукавица.

Капитан Ерёмин

* * *

В жизни вокруг происходили непонятные истории: ну зачем, например, при отсутствии топлива в бригаде закладывать в государственный резерв низкокалорийный, открытой выработки чукотский уголь? В жизни было немало непонятного, необъяснимого,

но если это непонятное и необъяснимое исходило от государства, я всегда был убеждён, не сомневался: есть высшие соображения, недоступные пониманию простых смертных.

В жестокие чукотские пурги, когда жизнь в части фактически замирала, я, продрогший до кишок, целыми днями лежал в землянке под несколькими одеялами. Тускло светила коптилка. Угля для печурок выдавали нам в обрез, поскольку командованию на Чукотке стало известно неофициальное историческое высказывание товарища Сталина: «Экономия – основной закон послевоенного периода». Правильное, мудрое изречение, если бы оно ещё не задело нас самым неожиданным образом. Относительно чего он это сказал, при каких обстоятельствах, где и когда, никто толком не знал, однако началась ожесточённая кампания по экономии под девизом «Помни: советское государство не дойная корова! Экономь во всём ночью и днём!», и худо бы нам пришлось, если бы не случай обыкновенного местного подхалимного перегиба.

Начальник политотдела бригады майор Попов, заметив, что бойцы не съедают полностью котловое варево, в порядке личной инициативы, через голову корпусного начальства, дал шифровку Военному Совету округа с рационализаторским предложением: сократить суточные пайковые нормы для отдалённой местности примерно вдвое. Как сообщил нам по секрету лейтенант из шестой части, предложение было сделано от имени личного состава бригады, хотя никто из нас об этом не просил.

Мы было приуныли, однако в ответной шифротелеграмме член Военного Совета округа генерал-лейтенант Леонов разъяснил майору, что норма суточного пайка для отдалённой местности определена Постановлением, подписанным лично товарищем Сталиным, и любые иные толкования этого вопроса исключаются. Затем за обращение не по инстанции, минуя Военный Совет округа, последовал втык майору и от корпусного начальства; несколько дней после этого он ходил, как нашкодившая, побитая собачонка, осознавшая свою вину перед собратьями: от столь тяжкой политической промашки он даже осунулся и постарел.

Однако постановления высокого начальства насчёт угля не было, и его теперь стали давать строго в обрез – по пять килограммов на сутки; мы мёрзли жестоко, нещадно, и страдали от простудных заболеваний, особенно неприятно – от фурункулёза и карбункулов.

Помню отчётливо: с огромным, размером с кулак, карбункулом на виске и ангинозными нарывами в горле, с температурой выше

сорока и чудовищной болью под черепом, в полушубке поверх трофейных неопределённого цвета рубашки и кальсон, в валенках, с перебинтованной головой, обёрнутой поверх повязки трофейным одеялом, обливаясь по́том, я в полубессознательном состоянии сижу на топчане. Мой верный ординарец Вася Сургучёв и двое взводных держат меня под руки и пытаются поить тёплым, крепким и очень сладким чаем, но я не могу глотать, даже слова вымолвить — и то не могу.

Печка раскалена докрасна и жара непереносимая: узнав, что я погибаю, все землянки и палатки — великая армейская солидарность! — прислали по котелку угля, чтобы хоть перед смертью мне было тепло. С утра, чтобы поднять мне настроение, в палатку принесён ротный патефон, и с невероятным шипением крутится заезженная пластинка:

Спите, бойцы,
Спите спокойным сном,
Пусть вам приснятся нивы родные,
Отчий далёкий дом...

Вальс «На сопках Маньчжурии»[1] — нарочно не придумаешь! Маньчжурия — с сопками и без сопок, — стоившая жизни Володьке и Мишуте... И крутится, не кончается пластинка, и никто не догадается остановить, снять, заменить её... Мне поднимают настроение...

Ночь, тишина,
Лишь гаолян шумит.
Спите, герои, память о вас
Родина-мать хранит!

Как офицер, я не имею права выказывать слабость при подчинённых, но я не в состоянии удержаться — рыдания душат меня. Они стоят передо мной, беспомощные, растерянно-убитые, в глазах у одного из взводных и у Сургучёва — слёзы. Мне-то невдомёк, а они знают точно, достоверно, что я обречён, и убеждены, что рыдания мои — предсмертные, и я прощаюсь со всеми.

[1] Слова и музыка И.А.Шатрова, вальс написан в 1906 г., первоначальное название «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», в котором служил автор, с 1918 г. — «На сопках Маньчжурии».

Лейтенант медслужбы Пилюгин, военфельдшер, исполняющий обязанности врача и представляющий в батальоне мировую медицину, осмотрел меня ночью: сжав запястье, долго считал пульс, заговорщицки подмигивал всем, что-то для себя определил и доложил утром командованию, что мне уже не выкарабкаться – «гной прошёл в мозг и состояние агональное».

Коль так, всё делается по порядку. Согласно приказу НКО № 023 меня, как офицера, положено похоронить обязательно в гробу. Пока я был в забытьи, меня предусмотрительно обмерили и, дабы не тянуть потом время, солдаты из моей роты с помощью клея и сотен гвоздей изготовили из тонкой ящичной дощечки – в три слоя – домовину размером сто восемьдесят на пятьдесят пять сантиметров, чтобы, чуть подогнув ноги в коленях, меня можно было туда поместить. Спустя неделю мне покажут это сооружение на складе ОВС, покажут и выкрашенную красным фанерную пирамидку с пятиконечной звёздочкой – в скором времени они пригодились для другого.

...Я не умираю, мне суждена ещё довольно долгая жизнь, и плачу я не от боли или из-за своей незаладившейся судьбы – просто при упоминании о Маньчжурии я не могу не думать о Володьке и Мишуте.

70. РАСТАКАЯ СЕЛЯВИ

А для любви там, братцы... и для семейной жизни...Дунька Кулакова... белые медведицы и ездовые собаки!..Если, конечно, поймаешь... и если не отгрызут...

Из рассказа офицера-артиллериста на станции Владивосток в полдень 3 октября 1945 года.

Годы, проведённые на Чукотке, оказались для меня с одной стороны вроде бы потерянными, с другой — благополучными, хотя время было трудное, для страны полуголодное, а для многих подчас жестокое.

Некоторые офицеры, не выдержав и полугода из положенных по приказу трёх лет службы на Чукотке, писали рапорты, правдой и неправдой добивались демобилизации, но я о таком исходе не мог и помыслить, хотя и меня к этому время от времени склоняли.

Не прошло и года после окончания войны, как мои родные, будто сговорясь, стали в письмах дружно убеждать меня уволиться из армии, чтобы получить «высокое образование и стать научным человеком». Как писала мне мать: «...куда-нибудь поступишь, будешь служить, женишься, заведёшь детей, кое-что скопишь, купишь домик...» Я вдруг так живо представил и почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался...

Моя мать в свои сорок один год, обладая хорошим здоровьем и крепкими нервами, по-прежнему была в отличной форме: по утрам делала часовую гимнастику, работала с эспандером и скакалкой, после чего обтиралась холодной водой, а зимой — снегом, что и мне советовала делать «в зимний период» — я-то мог не только обтираться, но и купаться в снегу с октября по июнь месяцы.

Моя же родная сестрица, студентка, на материном поту и бабушкиной картошке повышавшая образовательный уровень в Московском университете, девица с весьма развитым критическим началом и склонная к язвительности, уговаривая меня демобилизоваться, в письме, полученном мною уже летом сорок шестого года на Чукотке, в конце толстым красным карандашом сделала хулиганскую, но весьма обидную, приписку, нечто вроде припевки-частушки: «Как одену портупею, всё тупею и тупею...»

С этой недоделанной интеллигенткой после оскорбительного выпада по поводу моей офицерской судьбы я на несколько лет вообще прекратил всякие отношения.

Демобилизации я страшился необычайно... Что ждало бы меня в непонятной, пугающей гражданской жизни?.. Несколько лет полуголодного студенчества, существование по карточкам с напряжённой одуряющей зубрёжкой, а потом?.. Жалкое штатское прозябание где-нибудь в Чухломе или Мухосранске[1] с бессмысленным высиживанием и отращиванием геморроя в каком-нибудь нелепом учреждении, неуклюжая, лишённая всякой выправки и строевого вида гражданская, толстая, постылая жена и немытые, всегда хныкающие, не признающие дисциплины и порядка сугубо штатские дети.

И семейная жизнь меня, неопытного в обращении с женщинами, пугала. Я со страхом думал: для чего люди сходятся, женятся и живут вместе? Однажды в Германии я оказался невольным свидетелем семейных отношений.

Незнакомый мне офицер, наверное поддатый, рычал своей жене:

– Обезьяна ты рыжая! Я тебе как закатаю сейчас по рогам! Я что, нанимался всю жизнь тебя хотеть?

Лёжа за тонкой перегородкой, я краснел и мучился от происходившего у соседей: поначалу были хныканье, всхлипывания, переходившие затем в крики, стоны, рыдания.

Что ждало бы меня в семейной жизни? Неужели подобное – собачиться по вечерам, как эта пара за стеной? Или неудачный семейный опыт моей матери, которая донашивала уже четвёртого мужа? Бабушка на очередное замужество своей дочери говаривала: «Если первым куском не наешься, то и вторым – подавишься».

Стать штрюком, шпаком, штафиркой – любая штатская жизнь казалась мне чуждой, унизительной и совершенно неприемлемой.

Страшно было даже представить: пройдёт год, два, три, пройдут пять и десять лет, а я так и не получу очередного воинского звания. Страшно было подумать: другие ротные, те же Дудин, Макиенко, Кушнарёв, тот же дуболом Круглов, чьё имя, как правило, склонялось командованием на совещаниях, все они в недалёком будущем получат звание «капитан», а я – никогда!... За что?!

И не будет у меня ординарца, в пургу и в мороз преданно притаскивающего в землянку котелки с варевом, и не будет двойного должностного оклада, и не будет у меня замечательного северного пайка по приказу НКО № 61... да и вообще ничего не будет... За что?!

Сама мысль о возможности такой перемены, о реальности подобного слома страшила меня невероятно.

---

[1] Неуважительного отношения старшего лейтенанта Федотова к этим городам автор не разделяет.

За что?.. Этот вопрос после войны возникал передо мною десятки раз и преследовал меня со времени демобилизации славного старика капитана Арнаутова, гусара до мозга костей, истинного русского офицера, которого даже представить на гражданке было невозможно.

За что?.. Меня, такого хорошего, славного офицера, само пребывание которого в части радовало окружающих (так, по крайней мере, я был тогда убеждён), не послали в академию?.. За что меня отправили на Чукотку?.. За что я, командовавший в конце войны в Германии отдельной разведывательной ротой, имевшей свою гербовую печать и угловой штамп, назначен здесь командиром линейной роты батальона автоматчиков?.. За что я вынужден мучиться и страдать здесь, в холодной земляной норе, не видя месяцами свежих газет и ползая в сортир по канату, в то время как равные мне по должности и званию офицеры на материке, в России, не говоря уже о далёкой Германии, живут в нормальных человеческих условиях, раздеваются на ночь, моются под душем, ходят в кино, в театры и музеи, гоняют на мотоциклах, танцуют на паркетных полах с девушками и красивыми женщинами, влюбляются и женятся?.. А я... за что?!

Там, на Чукотке, мы, победители двух сильнейших империалистических держав, буквально изнемогали от вполне заслуженного и по сути дела скромного желания, точнее, от естественной насущной потребности ощутить теплоту женского тела. Выполнение нелёгких обязанностей воинской службы в тяжёлых и суровых условиях Чукотки осложнялось нелепейшим и фактически антигосударственным обстоятельством — несмотря на таблетки, которыми нас усиленно кормил военфельдшер лейтенант Пилюгин, низменные побуждения... проклятые гормоны ни ночью, ни днём не давали нам покоя, а на складе бригады тем временем хранились десятки ящиков, набитых никому здесь не нужными и не пригодившимися японскими трофейными презервативами.

Многие офицеры, всю войну не помышлявшие о своих жёнах и невестах, не вспоминавшие о них и в первые послевоенные месяцы, теперь один за другим оформляли документы, чтобы с началом навигации «воссоединиться»; некоторые посылали вызов и проездные документы просто знакомым.

Где-то далеко, за тысячи километров была Россия, необъятная послевоенная страдалица, в которой недоставало многих миллионов мужчин, миллионов мужей, Россия, полная одиноких женщин, полная вдов и нетронутых невест, мечтавших о замужестве, о семейной жизни. Но в армию я попал неполных шестнадцати лет, и во

всём огромном Отечестве у меня не было знакомой девушки или женщины, которую я бы мог пригласить себе в жёны на Чукотку...

Очередную попытку с кем-нибудь познакомиться я предпринял во Владивостоке. Уже темнело, когда с тремя офицерами, так же как и я ожидавших парохода для отправки к местам дальнейшей службы, оказался у проходной Владивостокского морского порта. Из ворот выезжали грузовики с контейнерами и грузами, покрытыми брезентами, выходили и входили люди, проезжали телеги, влекомые тяжеловозами. По обе стороны проходной стояли порознь женщины весьма различного внешнего вида и возраста: были среди них молодые, лет двадцати, и тридцатилетние, и лет сорока, от бедно до шикарно одетых – историческая Дунька, которая и в двадцать первом веке будет легко и щедро дарить даже рядовым возможность размагнититься. Как говаривала о таких женщинах моя бабушка: «Были бы бумажки, будут и такие милашки».

Тогда, осенью сорок пятого года, во Владивостоке было великое множество одиноких женщин: после июльской – по случаю Победы – амнистии их тысячами привозили пароходами с Колымы. Решив подбить клинья к одной из стоявших на перекрёстке женщин, я выбрал среди них посимпатичнее и прилично одетую и вежливо и нерешительно её спросил:

– Вы не скажете, как пройти на Луговую?

Даже не взглянув в мою сторону, она живо и в рифму ответила:

– Я не такая, я жду трамвая!

Затем повернула голову и, увидев меня, с весёлым изумлением воскликнула:

– Голубь ты мой, да ты же мною подавишься!

Это была знающая себе цену, необычайно красивая женщина, предназначенная природой и так называемым экстерьером старшему авиационному или морскому офицеру – командиру лётного полка или даже авиадивизии, или командиру большого военного корабля – но никак не Ваньке-взводному, каким я выглядел.

...В медсанбате в Фудидзяне якобы был ограблен вещевой склад и вместо пошитых в Германии новых щегольских хромовых сапог мне при выписке выдали кирзовые, вместо новой суконной пилотки – стираную хлопчатобумажную пилотку второй категории, вместо моей, хоть и старенькой, офицерской шинели, которую я с любовью ласково называл «шельмочкой» – короткую, до колен, выгоревшую, подержанную солдатскую шинельку. Возмущённый, я подал рапорт начальнику АХЧ с требованием выдать мне новое обмундирование или хотя бы вернуть мне мою шинель. Вызвав к себе,

он демонстративно разорвал мой рапорт и зло (накануне в белой горячке застрелился его заместитель, заведующий этим вещевым складом), презрительно меня ошпетил:

— Живой?! И руки, ноги целы?! Ишь ты, теперь подавай ему всё новое! Шлёпай отсюда, суслик, и чтоб я тебя больше не видел! А свой утиль можешь забрать!

Меня называли «раздолбаем», но чаще употреблялся матерный синоним этого слова, но суслик?!

Устами этой поистине королевской женщины — она была прекрасней Аделины — глаголила истина: в жёваной короткой рыжей шинельке я действительно был похож на суслика или на сбежавшего с гауптвахты.

Я покатился от неё как добропорядочный, воспитанный, однако позорно, конфузно описавшийся пудель. В полной темноте, стараясь не греметь железными подковками на стоптанных каблуках, сгорая от стыда и радуясь единственно тому, что рядом при этом разговоре никого не было и никто его не слышал, я в растерянности и смятении зашагал, не оглядываясь. Спустя какое-то время в недоумении осмотрелся по сторонам: даже при моём отменном зрении ни на перекрёстке, где она только что стояла, ни на прилегающих улицах ни её, ни других женщин я не увидел, обнаружить я не смог и трамвайных рельсов, и проводов над мостовой, и даже проходную. Я понял, что заблудился. Добрался я к себе на Артиллерийскую сопку в батальон резервного офицерского состава только под утро. А на следующий день выяснилось, что все трое офицеров — они должны были отправиться на северные Курильские острова: Парамушир, Кунашир, Сюмусю — срочно оформили браки, как я подозревал, с женщинами с перекрёстка.

Я был настоящим офицером, как тогда ещё говорили «офицером в законе», и опуститься до того, чтобы пригласить на Чукотку или взять в жёны ранее судимую, выпущенную по амнистии уголовницу — такое я даже допустить себе помыслить не мог.

Я хорошо помнил рассказ старика Арнаутова о том, как должен был жениться офицер старой армии:

— Практически младшие офицеры в возрасте до тридцати лет вообще не могли жениться. Денег едва хватало на содержание лошади, не то что семьи. Только получив эскадрон или роту, в звании ротмистра или капитана, ты мог подумать о женитьбе. Но твоего желания было ещё недостаточно. Кроме официального разрешения начальника дивизии, требовалось согласие Общества офицеров... Допустим, ты влюбился в прекраснейшую девушку. В назначенный час ты приглашал её в офицерское собрание, где уже нахо-

дились твои товарищи, штаб-офицеры, и обязательно командир полка или его заместитель. Ты представлял кандидатку в невесты полковнику, он брал её под руку, вводил в собрание и представлял Обществу – офицерам, их жёнам и сёстрам, если таковые были допущены. Музыка, танцы, буфет – всё было невероятно культурно! Первым танцевал с твоей невестой полковник, затем танцевали с ней офицеры и ты сам... Лёгкие вина, лёгкие закуски – не жрать туда собирались между прочим – и милый, приятнейший разговор. Приглашали как бы для знакомства с офицерской кампанией, но был это по существу настоящий смотр. Оценивались не только благовоспитанность, нравственность и принадлежность к хорошему, приличному обществу, ну и физическая, разумеется, география, как говорили у нас в кавалерии – экстерьер! Будущая офицерская жена должна быть красивее самой красивой строевой лошади, должна иметь стройные красивые ноги, выраженную линию бедра, а небольшие груди должны торчать вперёд, как пулемёты.

В одна тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда я служил в Сорок седьмом кавалергардском полку в Чернигове, был у нас эскадронный, штабс-ротмистр Фридрихс. Отличный строевой офицер, правда, из немцев в далёком прошлом, и с небольшой странностью – держался от нас несколько особняком. Жены у него не было, и держал он в кухарках хохлушку, пудов на семь или восемь, настолько безобразную, что, скажу вам без хвастовства, мой волосатый зад по сравнению с её рожей – Снегурочка! И вот однажды поздней летней ночью, возвращаясь из собрания и хорошенько набравшись, мы проезжаем мимо домика, где он жил, и решаем сыграть ему подъём и выставить на пару бутылей – наливки и настойки у него были великолепные. Залезаем через окно в комнату, зажигаем свет и застаём его спящим в объятиях этой самой Горпыны. Мы были оскорблены смертельно. Все занятия в полку на другой день были отменены – с утра заседало офицерское собрание. Решение было единогласным: предложить штабс-ротмистру Фридрихсу немедленно покинуть полк. Прискакал командир дивизии. Не желая огласки, он попытался уговорить нас замять дело. Это был вопрос чести, и приказать нам он не мог, не имел права – он мог только просить. Большинством голосов мы отклонили его предложение. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но Фридрихс – он был настоящий офицер! – сам разрядил ситуацию и в тот же вечер пустил себе пулю в лоб...

Вот как раньше женились настоящие офицеры, и никакой генерал не мог тебе помочь, если офицерское собрание отклонило претендентку.

И ты должен был всё начинать сначала...

71. ПОЛИНА КУЗОВЛЕВА

У чужому у краю, хоть с рябою, но в раю.
Народная поговорка

В мечтах я полностью разделял представления старого кавалериста гусара Арнаутова о том, какой должна быть будущая жена офицера. Но в моей короткой личной жизни были слишком скудные познания и потому, наверное, всё в ней скособочилось.

В Германии, в сумасшедшие послепобедные месяцы перед ожидаемой скорой демобилизацией из армии, женщины стремились скоропалительно устроить свою личную жизнь. В ходу была частушка:

Вот и кончилась война,
Только б нам не прозевать,
По двадцатому талону
Будут женихов давать!

И мне страстно захотелось любви.

К таинствам любви я приобщился довольно поздно, и не медсестрёнкой в госпитале, о которой втайне мечтал и вздыхал, не заносчивыми, манерными подругами и сослуживицами Аделины, с которыми меня настойчиво, но безуспешно, знакомил Володька: в их глазах я не выглядел состоявшимся мужчиной, а только безусым юнцом, хотя уже в течение года регулярно, два раза в неделю, брился, на которого не стоило тратить время и удостаивать своим расположением, когда перспективные женихи идут нарасхват. Но было ощущение, что у меня ещё «всё впереди».

К таинствам любви меня приобщила неказистая, некрасивая, толстая прачка Полина Кузовлева, вольнонаёмная банно-прачечного батальона.

Меня к ней отрядил солдат моей роты Чирков, когда я попросил подыскать мне русскую женщину для стирки белья — она оказалась его землячкой. Помещение 77-го отдельного банно-прачечного отряда, куда я пришёл решать свои бытовые проблемы, было завалено

горами грязного белья, обмундирования, бинтов из госпиталей. Во влажно-удушливом аду с запахом вонючего мыла гнулись над корытами и кипящими баками полтора десятка женщин, никаких лиц было не разобрать: все одинаково мокрые, с красными, распаренными лицами, слипшимися волосами, босые или в резиновых сапогах. Меня сразу все обступили, узнав, к кому я пришёл, визжали, хохотали, отпускали шуточки. Радуясь, что к ним нежданно-негаданно свалился молоденький боевой офицер, кто-то принёс спирт...

Всё произошло как-то само собой вне моей воли и моего сознания, деталей не помню, кроме зацепившегося в памяти момента, когда на ширинке неожиданно отлетели пуговицы.

По сути, рассмотрел я её только под утро: она была крупная, разрумянившаяся женщина, лет тридцати, с простоватым широким, даже некрасивым бабьим лицом, с тёмно-серыми, будто пушистыми глазами, толстыми ногами с большими и широкими ступнями, крепкой млечной грудью и красными, распухшими и потрескавшимися от постоянной стирки, руками. Я в ужасе закрыл глаза, меня прошиб пот и, как всегда в минуты напряжения, возник холодок внизу живота. Я лихорадочно соображал и никак не мог понять: где я? и что со мной? Я задыхался от стеснения в груди и неприятного тошнотворного запаха прогорклого масла, как я потом установил — трофейного маргарина, которым она на ночь смазывала лицо и руки.

И тут я услышал окончательно добившее мой позор:

— С добреньким утречком! Ну вот и познакомились, а то вчера было некогда. Зовут меня Полиной, хотя все кличут Пашей.

Я не мог вымолвить ни слова. Поспешно оделся, предварительно осмотрев ширинку — пуговицы были восстановлены на месте, — и, схватив пилотку, кубарем скатился по лестнице, боясь на кого-нибудь натолкнуться. Возвратившись к себе, я первым делом пошёл в ванное помещение и тщательно с мылом вымыл руки и особенно те места, которые прикасались к её телу, а грудь и живот растёр так, что чуть не содрал кожу, и каждый час с ужасом прислушивался к своим ощущениям.

Несколько дней я ходил, как мешком ударенный, боясь попасться на глаза Володьке и Мишуте, в нервном ознобе ожидая, что подцепил какую-нибудь заразу.

Но прошло несколько дней, и непонятная неодолимая сила, несмотря на терзающий меня стыд и испытываемое гнетущее унижение и омерзение к себе, погнала меня к Полине.

Краснея и запинаясь, я бормотал какие-то извинения, объясняя своё поспешное бегство. Она усмехнулась и всё поняла. Полина оказалась первой женщиной, которая меня пожелала и, как я понял спустя годы, пожалела.

Моя плоть жила отдельно от моего сознания, наши тайные встречи стали регулярными. Каждый раз, уходя от Полины, я презирал и ненавидел себя и давал себе слово, что больше ноги моей у неё не будет, но проходило несколько дней, и я, как тать, крался ночью через сад, по дереву влезал в окно, где в полумраке комнаты она меня уже ждала.

Мы распивали с ней бутылку принесённого мной мозельского — она из стакана, я — из водочной рюмки, закусывали: я — компотом, она уминала банку тушёнки, смачно жевала, звучно облизывая во время еды жирные пальцы. Говорить нам было не о чем, разговор не клеился и погодя я просил:

— Ну, ты давай... Иди...

Убрав со стола, она закидывала на плечо роскошную трофейную махровую простыню и уходила. А я снимал одеяло, раздевшись, залезал под простыню на жаркую пуховую перину и лежал в томительном ожидании. Спустя некоторое время в двери щёлкал ключ и в полутьме появлялась она в немецком халатике с обмундированием под мышкой и простынёй в руках и радостно, бодро-весело докладывала:

— К употреблению готова!

Ах, боже ж ты мой! Конечно, я понимал, что это не её слова, не её выражение. Эту фразу, как я потом выяснил, она переняла от своей непосредственной начальницы, разбитной сорокалетней бабёнки, старой стервы Глаголевой. И ещё многоопытная старшина наставляла Полину и других своих подчинённых, что «женщина должна быть активной и в постели, и в жизни».

На практике выполняя указания по сексуальной активности, она сбрасывала халатик, нисколько не стыдясь своей наготы, и, покручивая бёдрами, медленно подходила к кровати, а я с жадностью и удивлением поглядывал на неё и замирал.

...Впоследствии, став опытнее и взрослее, мне всегда вспоминалась активность Полины только с улыбкой... Грех мой тяжкий, но Полинины ляжки я не забуду никогда.

Самым тяжёлым было расставание, наступала тягостная минута: в полутьме я одевался, начинал топтаться на месте и, взяв в руки пилотку, мялся, не зная что сказать. Я чувствовал себя весьма неловко, на душе было скверно, думая при этом:

«Гадко, как гадко! Зачем всё это? Ведь я её не люблю... Всё, что у меня с ней происходит, как-то нехорошо... Не по-советски...Как говорит Арнаутов, «без черёмухи»...

Мне было нестерпимо стыдно, я себя презирал, и даже к ней, доброй, искренней, пусть смешной, иногда нелепой, малокультурной, но работящей женщине появлялось отвращение, чего она никак не заслуживала.

Свои похождения к Полине я тщательно скрывал от всех, даже от Володьки, это стало моей страшной тайной. Уходил я от неё, словно натворил что-то постыдное, ещё затемно, до рассвета. Чтобы избежать случайной встречи с кем-нибудь из знакомых или ночью не натолкнуться на кого-нибудь из дивизии, я, вместо того, чтобы выйти в коридор и спуститься по лестнице, выпрыгивал из окна второго этажа и пробирался через тёмный сад задами. Однако не один я уходил таким образом через окно. Однажды, уже стоя на подоконнике, я услышал рядом насмешливое:

— Привет пехоте!

Слегка повернув голову влево, я увидел стоявшего на соседнем окне молоденького капитана лётчика в щегольских галифе с голубым кантом и даже разглядел за его спиной высунувшееся заспанное женское лицо.

Капитан давился от смеха.

— Привет! — мрачно сплюнул я, хотя видел его впервые.

— Прощай, Родина! Иду на таран, — трагическим шёпотом произнёс он.

Мы спрыгнули почти одновременно и, не обменявшись больше и словом, разошлись в разные стороны, я даже не обернулся.

Ночные встречи с Полиной затягивали, я не знал, что предпринять и как поступить: то, что для меня оказалось случайностью, ей же начинало казаться судьбой.

Всё вышло гораздо проще, чем я ожидал, разрешилось с неожиданной быстротой и лёгкостью, даже незначительностью.

Спустя месяц после нашего сближения, выпив больше обычного, Полина своим неторопливым, но неожиданно уверенным голосом, сказала мне:

— Хоть и ходишь ты ко мне, Вася, а стыдишься меня и не любишь, водка нас повенчала. Ну, чего ты ко мне ходишь? Чего? Тебе дурную кровь согнать хочется, а мне свою жизнь устраивать надо. По-сурьёзному! Всё равно ты на мне не женишься. Так что ты решай, Вася. Если по-сурьёзному, давай зарегистрируемся, а если нет — то больше не приходи! — и заплакала.

Грубо она сказала, не только некрасиво, но и оскорбительно для моего офицерского достоинства, и по её голосу я понял, что это не минутная блажь, а продуманное решение.

Я, помнится, не расстроился, я понимал, что она недостойна меня и что мне действительно не следует больше сюда приходить, не испытывая не то что любви, а даже нежности и человеческой привязанности. В конце концов, зачем она мне нужна?!

Не зная, что предпринять в эту минуту, я стоял посреди комнаты, топтался на месте, переступая с ноги на ногу как медведь, и нервно теребил пилотку. Не зная, как поступить, опустив голову, не глядя ей в лицо, неуверенно, примиряюще пробормотал:

— Ну зачем так, Полина, зачем?

Она молчала, и я от неожиданности происшедшего, забыв про окно, впервые вышел через коридор.

Отчего я тотчас и даже с каким-то облегчением ушёл от неё, даже не обняв на прощание? Может быть, от стыда и оттого, что... она сняла с меня груз ответственности за принятие решения. Я себя успокаивал, неужто эта толстая, нелепая и в общем-то чужая мне женщина, к тому же старше меня на семь лет — моя суженая, единственная? Неужто на свете нет для меня ничего получше? Неужели я не достоин?

Вскоре Володька, я и Мишута в спешном порядке отправились на Дальний Восток. Перед отбытием я трусливо не зашёл к Полине и не попрощался. Я думал, что навсегда избавился от своего личного позора, как я тогда определял мои с ней отношения.

...Чем я обогатил её, что дал — не знаю, от неё же я узнал и мне запомнилось навсегда, что вши бывают от тоски, а клопы — от соседей...

Там, на Чукотке, в долгие тягостные месяцы полярной зимы я многажды, как далёкий сон, как сказку — да было ли всё это?! — вспоминал те славные месяцы, то замечательное времечко, ту великолепную, сытую, обустроенную жизнь в далёкой, чужеземной Германии; Володьку и Мишуту, Арнаутова и Астапыча, малышку Габи, ящики с компотами, свой двухкомнатный «люкс» с приспособлением телесного цвета, да чего скрывать... и Полину Кузовлеву.

Там, на Чукотке, где на расстоянии ста километров не было ни одной женщины, кроме редких жён офицеров, мне стала постоянно сниться её лохматая рыжая подмышка, и я мучительно пересиливал ночные спазмы, вспоминая пережитые минуты восторга, её тело, толстые ляжки, и так хотелось отогреться на её горячей пылающей

груди. В землянке-норе, свернувшись в своём логове для сна клубочком, как эмбрион, дрожа от лютого, вселенского холода и накатившей до зубовного скрежета тоски, я ощущал себя абсолютно одиноким во всём мире. Закрыв глаза, я пытался представить, что сказали бы о Полине и моих с ней отношениях близкие мне офицеры.

Старик Арнаутов, как всегда, смотрел бы в корень:

– Щенок впервые в жизни понюхал живую самку и вообразил, что это единственная и неповторимая женщина. Нам не до горячего, лишь бы ноги раскорячила. Понюхает ещё десяток и поймёт, что это – всего-навсего физиология. А женщина в жизни может быть только одна!

– Знаешь, Компот, это даже не тёлка, а корова, – брезгливо бы заметил Мишута. – Рядовому или ефрейтору такое ещё простительно. Но ты-то, офицер!

– Не надо, братцы, усложнять, – наверняка примиряюще сказал бы Кока-Профурсет, известный сердцеед. – По чём ноет ретивое у молодцев? Ну и что, что с такой рожей ей бы сидеть под рогожей. С голодухи и такая сгодится: было бы нутро не овечье, а человечье. Что ему на ней, на параде ездить, что ли?

Володька меня любил и не стал бы меня унижать и оскорблять, увидев Полину, а постарался бы обосновать всё теоретически. Он наверняка сказал бы:

– Ты с этим кончай! Кругли! Не позорься! Представь своё будущее. Офицерскому корпусу суждена руководящая роль в культурной жизни общества. Ты полковник Генерального штаба или даже генерал. Проводится посещение консерватории или, допустим, Большого театра. Или, может, это большой дипломатический приём. Все офицеры и генералы с настоящими жёнами, достойными, которых не стыдно показать и представить любому послу или даже маршалу. С жёнами, на которых штатские смотрят с завистью и пускают слюну. И вдруг появляешься ты с этой деревенской коровой, извини за дружескую прямоту, с этой Матрёной со свинофермы.

– Она не Матрёна, а Полина! – мысленно протестовал я.

– Если быть точным, Пелагея! – вдруг свирепел в моём воображении Володька и, багровея, кричал: –И не смей врать – ты офицер или штафирка? Чухлома!! Тундра!! Презираю! Не её, а тебя! Потрудись сегодня же сделать выбор: или мы, твои товарищи, или она! Если хочешь знать, мужик скроен очень примитивно и однозначно: хочется или не хочется, а женщины делятся на два типа – которые сразу и которые не сразу. Ты же выдаёшь третий вариант – непонятный ни для себя, ни для друзей. Погубят тебя женщины...

...Володька был неправ, вопреки его предсказаниям меня бросила на ржавые гвозди не женщина, а жизнь — бросила нелепо, бессмысленно и жестоко. За что?! Я и сейчас, спустя десятилетия, не могу этого понять.

Там, на Чукотке, на расстоянии в пятнадцать тысяч километров образ Полины в моём сознании со временем значительно трансформировался.

Спустя полгода она стала казаться мне совсем иной и уже рисовалась несравненно более стройной, более интеллектуальной и образованной. Спустя же год после отъезда из Германии она уже представлялась мне просто грациозной, прекрасной, лёгкой, таинственной и... недоступной.

Да что, в конце концов?!. Даже медведей дрессируют и учат плясать! Неужели же я не смогу сделать из неё достойную офицерскую жену?..

В дикой феерической тоске, изнемогая длинными полярными ночами от гормональной пульсации, не находившей выхода, я решил написать ей в Германию.

Всю зиму и весну в ожидании начала навигации и первого парохода я писал и переписывал письмо, покаянное, молящее... Мол, так и так, был, увы, неправ, заблуждался, ошибался, в чём теперь жестоко раскаиваюсь, несомненно любил её и люблю, и женюсь обязательно, и ещё что-то скулил глупое, жалкое и просящее — что именно, сейчас уже не помню.

Содержалась в моём послании кроме лирики, эмоций и сугубо житейская практическая информация: что получаю я здесь, на Чукотке, северный обильный паёк, примерно вдвое больший, чем в Германии, двойной должностной оклад, не считая денег за звание и надбавку за выслугу лет, что год службы здесь засчитывается за два, отчего уже к осени я должен получить звание «капитан»; сообщал я также Полине, что, если она приедет ко мне, то как жена офицера тоже будет получать бесплатно этот замечательный северный паёк, а именно: хлеба из ржаной или обойной муки 900 гр., крупы разной — 140, мяса — 200, рыбы — 150, жиров — 50, сала — 40, яичного порошка — 11, сухого молока — 15, сахара — 50, соли — 30, рыбных консервов — 100, печенья — 40 граммов в сутки и так далее.

У писаря строевой части я достал несколько листов трофейной веленевой бумаги и уже в мае переписал письмо начисто, старательно и аккуратно.

В последний момент я обнаружил, что забыл кое-что дописать: помня, что Полина любила выпить, я ей клятвенно пообещал отдавать полностью получаемые ежедневно к обеду в качестве водочного пайка 42 грамма спирта.

Помню, что в постскриптуме после заключительных заверений в любви и крепких поцелуев — «ты меня лю, ты меня хо?», — я ещё решил добавить к перечню пайка 30 граммов макарон и 35 граммов подболточной муки[1]. Сообщал, что вслед за письмом постараюсь оформить вызов и проездные документы, чтобы она уже как «жена старшего лейтенанта Федотова В.С.» могла ко мне приехать на Чукотку.

Ещё перед Новым Годом я при случае командиру бригады расписал трогательнейшую историю: в Германии осталась моя невеста (то есть безусловно единственная), вольнонаёмная воинской части (что для него, приученного к бдительности, означало — проверенная), к тому же — участница Отечественной войны (что у него, бывалого фронтовика, воевавшего с Германией и Японией, не могло не вызывать уважения). Мол, уезжая спешно из Германии (что было истинной правдой), я не успел оформить с ней брак (и мысли такой не имел!)... Сейчас же страдаю безмерно и она там сохнет и мучается, самое же ужасное, что она... беременна и скоро должна родить...

Собственно начиная разговор с полковником, я и представить себе не мог, куда заведёт меня безответственное воображение и что буквально через минуту возникнет ребёнок, но уж как-то так получилось, что меня вдруг понесло... понесло, остановиться я уже не мог, не держали тормоза, причём, когда я упомянул о беременности, голос у меня от полноты чувств задрожал, комок встал в горле, на глазах проступили слёзы, и во мне вдруг пробудились огромные отцовские чувства. В детстве со мной такое случалось не раз: на меня будто что-то накатывало, я вдруг на ровном месте начинал сочинять, а потом, чтобы поверили, на ходу добавлял всякие подробности, в которые начинал верить сам, взрослые всё понимали и только улыбались на моё безобидное враньё.

В разговоре с полковником ложь была перемешана с правдой. Я, несомненно, спекулировал на добром, отеческом отношении ко

[1] Неверно и неточно. В примечании к приказу НКО СССР № 61 от 15 сентября 1945 года в пункте 1 специально оговаривалось, что «из 35 граммов подболточной муки 15 граммов выделяется на приготовление жидких питьевых дрожжей с целью предотвращения авитаминоза». Рыбные консервы и печенье выдавались по этому приказу только офицерам, а их жёнам не были положены.

мне полковника, но как офицер я был на хорошем счету, по службе до этого никогда и никого не обманывал и надеялся, что он мне поверит.

Меж тем, из Германии я убыл девятого июля прошлого года и, следовательно, беременность у моей «невесты» длилась по крайней мере... одиннадцать месяцев. Я сообразил, в какое дерьмо я чуть было не попал, но командир моим душераздирающим россказням поверил.

— Напиши рапорт, — приказал он.

Более того, он сказал мне, что летом в расположении полка для семейных офицеров будет построено несколько дощато-засыпных домиков и что в одном из этих домиков моей молодой семье, как имеющей грудного ребёнка, будет выделена комнатка.

И я написал, а он без свидетельства или справки о браке, игнорируя соответствующее приказание, на свой страх и риск, без каких-либо колебаний, начертал на рапорте резолюцию: «Нач. штаба. Оформить».

Только получив на руки подписанное должностными лицами, с печатями и штампами, разрешение, я незамедлительно оформил вызов и проездные документы «жене старшего лейтенанта Федотова В.С. — Кузовлевой Полине Кузьминичне с ребёнком» и отправил их вслед за письмом.

...Письмо моё вернулось месяцев через семь, когда уже заканчивалась навигация, с пометкой на конверте: «Выбыла по демобилизации».

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Военному Прокурору

Доношу о чрезвычайном происшествии, случившемся в 1-м горно-стрелковом батальоне 23 февраля 1946 года

После праздничного обеда в честь дня Советской армии военнослужащие 3-й стрелковой роты 1-го горно-стрелкового батальона рядовые Кутихин Павел Егорович и Соседов Сергей Антонович, оба беспартийные, 1926 г. рожд., в войне с Германией и Японией не участвовали, с октября 1941 г. по февраль 1943 г. проживали на оккупированной немцами территории, земляки, уроженцы села Мясоедово, Белгородского р-на, Курской обл., будучи в нетрезвом состоянии, порознь совершили самовольную отлучку в посё-

лок Урелик, где почти в одно время оказались в яранге у старухи-эскимоски Мани Тевлянто[1], 1897 г. рожд., страдающей открытой формой туберкулёза и, как теперь обнаружилось, венерическим заболеванием типа «хроническая гонорея», о чём Кутихин и Соседов если достоверно и не знали, то не слышать не могли.

Оба они пришли к Мане Тевлянто с целью удовлетворения своих низменных половых потребностей, для чего Кутихин принёс ей банку сгущённого молока, а Соседов кулёк с яичным порошком (примерно 300 грамм), украденным им во время дежурства на пищеблоке в составе суточного наряда 19 февраля с.г. Они стали договариваться, кто из них будет первым, заспорили, по предложению Мани Тевлянто бросили жребий, и он выпал Кутихину, однако Соседов с этим не согласился и затеял дебош. Сначала он нанёс несколько ударов ногами по печке, отчего повредил вытяжную трубу и большой медный чайник, а затем бросился на Кутихина и, сбив его с ног, пытался задушить. Последний в ответном ожесточении выдавил Соседову левый глаз, после чего, вытолкнув его из яранги, использовал заразную эскимосскую старуху в своих личных половых интересах.

Находившимся в посёлке дежурным патрулём Соседов, а затем и Кутихин, были задержаны и доставлены в батальон, где Соседову была оказана медицинская помощь. По заживлении раны он, как потерявший глаз, подлежит комиссованию и последующей демобилизации.

Кутихин по приказу командира батальона арестован и содержится в землянке батальонной гауптвахты. Предварительное расследование ведёт военный дознаватель, начфин батальона старший лейтенант Лупанов.

В тот же вечер я посетил Маню Тевлянто, беседовал с ней и обещал, что повреждённая во время драки дымовая труба, на что она пожаловалась, как и чайник, будут отремонтированы. Она настроена мирно, заявила, что никаких претензий к кому-либо из военнослужащих, посещавших её в этот день, как и в предыдущий период, она не имеет, всё происходило по взаимному согласию, о чём мною у неё была взята расписка, а сгущёнка и порошок не изъяты, а оставлены ей, чтобы она никуда больше не жаловалась.

С рядовым и сержантским составом проведена активная политико-воспитательная работа с разъяснением и категорическим

[1] Так в документе. Судя по фамилии, М.Тевлянто — чукчанка.

предупреждением о недопустимости половых связей с М.Тевлянто и остальными местными женщинами, среди которых имеются больные туберкулёзом, трахомой и другими венерическими болезнями.[1]

Одновременно мною предупреждён председатель поселкового совета, и перед ним поставлен вопрос о необходимости немедленного выселения Мани Тевлянто из погранзоны особого режима для предотвращения заражения военнослужащих батальона хронической гонореей и открытой формой туберкулёза, лечить которые в условиях отдалённой местности нет возможности из-за отсутствия лекарств.

Зам. командира 1-го горно-стрелкового батальона
капитан Утяшкин

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Доношу, что командир отделения миномётного взвода 3-й роты старший сержант Ремизов Александр Николаевич, 1918 г. рожд., русский, член ВКП/б/ с 1943 г., образование 5 классов, урож. Саткинского р-на Челябинской области, в Красной Армии с 1938 г., участник войны с Германией и Японией, ранен 4 раза, награждён орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина», не судим, в плену и окружении не был, на оккупированной немцами территории не находился, 29 марта с.г. из личного оружия системы «наган» покончил жизнь самоубийством.

За полчаса до самоубийства старший сержант Ремизов был застигнут в землянке-конюшне во время полового сношения при помощи табурета с кобылой-четырёхлеткой обозного сорта, второй категории по кличке «Резвая», которую он перед тем тщательно вычистил и обмыл под хвостом.

Проведённым дознанием по указанному факту установлено, что самоубийство совершено на почве личных переживаний и боязни, что случай полового сношения с кобылой получит огласку среди личного состава батальона.

Приняты срочные меры и проводится активная политико-воспитательная работа по предотвращению возможных случаев

---

[1] Так в документе.

скотоложества. С сего дня, чтобы был взаимный догляд, на конюшне, вместо одиночного, устанавливается парное дежурство из числа лучших, наиболее надёжных сержантов и рядовых, преимущественно членов партии и комсомольцев.

Одновременно со всем личным составом батальона проводятся разъяснительные беседы «Скотоложество – позорный пережиток пещерного прошлого!» Аналогичного содержания лозунги наглядной агитации уже изготавливаются и будут установлены на видных местах в землянке-конюшне и в палатках-столовых, как строгое предупреждение для морально неустойчивых.

Командир 2-го горно-стрелкового батальона
капитан Кузнецов

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА БРИГАДЫ

В соответствии с директивой Военного Совета ДВВО, несмотря на тяжёлые бытовые и жилищные условия, малую продолжительность светового дня (от трёх до пяти часов), большую занятость военнослужащих на хозяйственных работах, с личным составом систематически проводились занятия по боевой и политической подготовке.

С офицерским составом проведены лекции и практические занятия по усовершенствованию знаний на основе изучения опыта Отечественной войны и войны на Дальнем Востоке.

В учебных частях и подразделениях с декабря 1945 г. начаты занятия по подготовке сержантского состава.

С февраля 1946 г., когда установилась тихая морозная погода, обильные снегопады сменились позёмкой и день удлинился до 5–5,5 часов, в частях бригады впервые проведена пристрелка оружия. Итоги посредственные: холодный порывистый ветер и низкое давление отрицательно влияли на стрельбу.

Большое внимание уделено усовершенствованию одиночной подготовки бойцов.

Осуществлялись мероприятия по физической закалке всего личного состава и обучению мерам предупреждения несчастных случаев в период снежных бурь, заносов, низких температур.

На теоретических занятиях отрабатывались слаживание и взаимодействие подразделений (отделение, взвод, рота, батальон).

С 22 по 26 марта с.г. во всех батальонах бригады прошла поверка боевой подготовки на стрельбах из всех видов оружия.

31 марта с.г. проведены тактические батальонные учения с совершением марша.

Итоги инспекторской поверки стрельб и учений показали хорошую боеспособность личного состава частей и подразделений бригады.

Вся партийно-политическая работа была направлена на воспитание личного состава в духе преданности и беззаветного служения Родине, мужества в преодолении создавшихся трудностей службы, сбережение и сохранение матчасти, оружия, боевой техники и транспорта, экономию топлива.

Подполковник Сальников

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Из штаба 126 ГСК, пос. Анадырь *Подана 30.04.46 г.* *9 ч. 00 м.*

Всем командирам частей и подразделений

По данным разведбюллетеней ДВВО и постов ВНОС на участках расположения бригады действуют американские самолёты. Для сведения и руководства высылаю силуэты действующих американских самолётов. Обеспечьте тщательное их изучение всем личным составом.

Обратить особое внимание на обеспечение наблюдения в районе бухты Провидения.

О всех замеченных самолётах передавать вне всякой очереди по паролю «Воздух» по телеграфу и на волне оповещения 168 по радио и доносить в Штакор шифром, указав конструкцию самолёта, высоту полёта, время, место и курс полёта.

При вынужденных посадках американских самолётов экипажам оказывать всемерную помощь.

Нач. штаба

Воспрял я после перенесённой болезни только в марте сорок шестого, когда после известной фултонской речи Черчилля[1], в которой он призвал к войне с Советским Союзом, впервые появились слова «железный занавес» и вновь запахло войной, причём для нас, находившихся на границе с Америкой, запахло не только «холодной», но и горячей: вскоре после этой воинственной с угрозами речи на сопредельном материке, в северных районах Аляски, начались сосредоточение и нескончаемые манёвры американских войск.

---

[1] Уинстон Черчилль, экс-премьер-министр Великобритании, произнёс речь 5 марта 1946 года в американском городе Фултон, штат Миссури.

Разведывательные американские самолёты стали регулярно появляться над расположением нашей бригады, совершая облёты территории.

Если всего год назад я требовал от своих бойцов мгновенного распознавания в воздухе «мессершмитов» и «фокке-вульфов», то теперь я изучал с личным составом силуэты и опознавательные знаки «боингов», «либерейторов», «лайтингов» и «мустангов»: они базировались на аэродромах в городе Ном, полуострове Сьюард (Аляска) и острове Большой Диомид.

Это были лёгкие двухмоторные разведывательные самолёты, они нагло, на предельно низкой высоте в шестьсот метров – мы даже могли рассмотреть лицо пилота – кружили над нашими головами и проводили аэрофотосъёмку.

В проливе всё чаще стали появляться американские военные корабли и подводные лодки. В разведбюллетенях вместо трудно произносимых немецких наименований замелькали другие, благозвучные и красивые, иностранные слова: «Блэкфин», «Каск», «Бэкуна», «Диодин», «Кэйман», «Чаб», «Кэйбзон» – названия больших американских подводных лодок.

Они приплывали летом из Кодиака на Аляске, возникали со стороны островов Диомида в надводном положении, по четыре-пять в группе, сопровождаемые крейсером типа «Орлеан» или своей плавучей базой – транспортом «Нереус», – медленно проходили Берингов пролив, по-хозяйски крейсировали на траверсе расположения бригады и стопорили машины. Американские моряки, различимые даже с берега в полевые бинокли, появлялись на палубе; в оптические приборы они часами рассматривали нас, фотографировали; на крейсерах же игралось учение: броневые орудийные башни разворачивались в нашу сторону, одновременно на воду спускались катера, полные вооружённых американских матросов.

Всё это было явным вызовом – в бригаде каждый раз объявлялась боевая тревога.

Нас отделяли от Америки – в районе Аляски – какие-то шестьдесят километров; Берингов пролив, который к зиме замерзал, покрывался толстым льдом, способным выдержать тяжесть не только людей и автомашин, но и танков.

К концу лета, когда надводным кораблям уже трудно было проходить в Берингов пролив, в воздухе стали появляться четырёхмоторные бомбардировщики типа «Б-19», «Б-24» и «Б-34».

С весны сорок шестого мне снились кошмарные сны: вооружённые до зубов американские солдаты в меховых комбинезонах на

джипах, «доджах» и бронетранспортёрах катили по льду через пролив, двигались и пешим ходом, как саранча, как татаро-монголы, несметными полчищами, спешили, лезли, пёрли на нашу территорию.

Самым тяжёлым в этих снах было то, что мы не могли их остановить: моя рота погибала до последнего бойца, я же непременно оставался еле живым и весь израненный, с оторванными ногами или руками, с вывалившимися на лёд внутренностями, корчился в крови к презрительному торжеству шагавших мимо без числа рослых, сытых, наглых, весёлых американских солдат — я повидал их год назад в Германии и представлял себе вполне отчётливо.

Я кричал во сне от бессилия, но чаще — от отчаяния: американцы лезли через Чукотку на Колыму, расползались по всей Сибири, двигали через Урал к Москве, к родной Кирилловке, где мучили и всякий раз выгоняли на мороз и убивали мою старенькую бабушку, а избу, в которой я вырос, да и всю деревню сжигали дотла.

Снилось мне и такое: выбив американцев с советской земли, мы, в свою очередь, высаживались за океаном и мчались куда-то по гладким, широким шоссейным дорогам, в точности напоминавшим автостраду Берлин—Кёнигсберг. По сторонам мелькали чистенькие, аккуратные, ухоженные, точь-в-точь как в Германии, поля и леса, так же, как и весной сорок пятого, светило солнце и густо пахло сиренью, а похожие на немок молодые толстозадые женщины обрадованно, приветливо махали нам руками — трудящиеся Соединенных Штатов приветствовали нашу высадку.

Нет, нас не застигнешь врасплох! Сорок первый год больше не повторится!

После глубокого текстуального изучения интервью товарища Сталина корреспонденту «Правды» относительно речи Черчилля, в котором по всем швам был разделан Черчилль и ему подобные господа-мерзавцы, невозможно было допустить, что Верховный мог в чём-либо ошибиться. Очевидно, существовали высшие, недоступные нашему пониманию соображения, знать которые нам не полагалось. Однако лично мне с каждым днём становилось всё более ясным и очевидным: порох надо держать всегда сухим и этих так называемых союзников в мае сорок пятого надо было долбануть и шарахнуть до самого Ла-Манша.

После нескольких политинформаций «Черчилль бряцает оружием!» с призывами к повышению бдительности и боевой готовности волна энергии и личной инициативы захлестнула, подхватила

меня. Хотя я был всего лишь командиром роты, у меня зародился и принял довольно отчётливые формы план поистине стратегического значения: заманить американцев в глубь Сибири, поближе к полюсу холода, и заморозить там всех вместе с их первоклассной техникой.

Я спал по пять-шесть часов в сутки и гонял роту безжалостно, наверно даже не до седьмого, а до семнадцатого пота. Гонял так, что уже в июне начсанбриг майор медицинской службы Гельман сделал представление командиру бригады о переутомлении людей в моей роте. Я получил замечание, но нагрузки не сбавил, настолько был убеждён в своей правоте.

А после отбоя ежедневно при свете трофейных плошек-коптилок на основе обобщённого уже опыта уличных боёв в Сталинграде, Берлине и Бреслау я составлял уникальнейшую разработку «Уличные бои в условиях небоскрёбов».

Я старался не зря. На учебном смотре в мае моя рота — одна из полусотни стрелковых рот — заняла первое место и была признана лучшей не только в бригаде, но и в корпусе.

По итогам смотра я был награждён именными серебряными часами (персональные благодарности получили полковой и батальонный командиры).

Однако сны мои не сбылись, американцы напасть на нас не решились и побывать за океаном, в Соединенных Штатах, мне в своей достаточно долгой жизни так и не пришлось...

К американцам у меня было личное, особое, неприязненное отношение (я относился к ним, наверное, хуже всех в бригаде): если бы тогда, в июне сорок пятого, они не вывезли документы, то Астапыча не сняли бы с дивизии, мы бы тоже остались в ней, и поехали бы не на Дальний Восток, а в академию, и тогда бы Володька и Мишута остались бы в живых и я бы не мучался на Чукотке.

Если бы да кабы...

73. «ГОВОРИТ СТАРУХА ДЕДУ...»

Девятого мая сорок шестого года, в годовщину Победы над Германией, мы — девять офицеров — собрались после ужина в большой палатке-столовой. Для этого праздничного вечера заранее было припасено несколько фляжек спирта, лососёвый местный балык, сало, рыбные консервы и печенье из дополнительного офицерского пайка. Командир батальона болел — лежал в своей палатке простуженный с высокой температурой; замполит, видимо опасаясь возможных разговоров о коллективной пьянке, по каким-то мотивам уклонился; парторга, младшего лейтенанта, не пригласили, как не позвали и командиров взводов, но были командиры шести рот — трёх стрелковых, миномётной, пулемётной, и автоматчиков, зампострой[1], начальник штаба и его помощник — кроме двух последних все воевали на Западе, нам было что вспомнить и о чём поговорить.

Застолье двигалось без задоринки и происшествий, я, по обыкновению, выпил немного, но некоторые приняли хорошо и, подзаложив, разошлись, раздухарились, впрочем в меру, и настроение у всех было прекрасное. Командир миномётной роты капитан Алёха Щербинин играл на тульской трёхрядке, и мы пели фронтовые песни и частушки, находясь в стадии непосредственности, от избытка чувств стучали алюминиевыми мисками и ложками по накрытой клеёнкой столешнице и даже, несмотря на ограниченность места в палатке, плясали — я на Чукотке это делал впервые и своим умением, особенно же различными присядками, впечатлил всех, меня не отпускали, просили ещё и ещё.

Повар и дневальный, прибравшись за лёгкой перегородкой, где размещалась кухня, ушли, и, кроме офицеров, в палатке находился и обслуживал нас — прибирал на столе, приносил посуду и под конец разогревал на плите чай — ординарец начальни-

[1] Зампострой — заместитель командира по строевой подготовке.

ка штаба батальона, молоденький солдат с Украины по фамилии Хмельницкий, темноволосый, с ярким девичьим румянцем, улыбчивый, предупредительно-услужливый паренёк.

Все собравшиеся офицеры, кто раньше, а большинство в настоящее время, командовали ротами и, может, потому раза четыре в палатке под аккомпанемент тех же мисок и ложек — их намеренно не убирали со стола — оглушительно звучало:

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград прорывался болотами,
Горло ломая врагу!
Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Дрался на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг!..[1]

Выпил я меньше других и чувствовал себя отлично, хотя в конце вечера, когда спирт кончился и вынужденно перешли на чай, неожиданно случился разговор, на какое-то время испортивший мне настроение: вспоминали Германию, прекрасные послепобедные месяцы жизни.

Моё настроение было замечено, и Алёшка Щербинин, чтобы развеять наступившую грусть, начал духариться, напевая весёлые и озорные частушки, среди которых была и с такими словами:

Говорит старуха деду,
Я в Америку поеду,
Только жаль, туда дороги нет.

Эта смешная песенка понравилась не только мне, и по нашей просьбе Лёхе пришлось её повторить, и я ещё подумал о её справедливости и достоверности: до Америки, точнее до Аляски, было менее ста километров, а дороги туда действительно не было.

Расходились мы после полуночи. Я и командир второй стрелковой роты Матюшин, проваливаясь в глубоком талом снегу, вели начальника штаба под руки и крепко держали, а он, не воевавший

---

[1] Песня «Волховская застольная» впервые была исполнена по радио в сентябре 1945 г.

и дня, как мы его ни уговаривали не шуметь в ночи, всё время выкрикивал «а я умирал на снегу» и при этом повисал или валился в стороны, норовя улечься в грязный тающий снег.

А на другой день к вечеру меня вызвал прибывший из бригады следователь. Поместился он в землянке, именуемой в то время «кабинетом по изучению передовых армий мира», то есть американской и английской. Позднее на это определение обратили внимание бдительные поверяющие из штаба округа, усмотрев в слове «передовые» низкопоклонство и восхваление, командованию бригады и батальона влетело за политическую близорукость, после чего землянка стала называться «кабинетом по изучению армий вероятных противников».

Малорослый, худенький старший лейтенант с высоким выпуклым лбом над узким скуластым лицом, в меховой безрукавке и трофейных финских егерских унтах сидел за маленьким столом между двух коптилок и внимательно рассматривал меня.

Я ожидал, что он станет угрожать, будет кричать, как орал на меня, командира взвода автоматчиков, под Житомиром в ноябре сорок третьего года другой допрашивавший меня старший лейтенант, наглый подвыпивший малый: «Так вот ты какая проблядь!.. Я тебя, вражий сучонок, расколю до жопы, а дальше сам развалишься!.. Выкладывай сразу – с какой целью! – Быстро!!!». Я попал как кур в ощип, именно этого – с какой целью? – я не знал и представить не мог, и не понимал, потому что случилось несуразное, совершенно невообразимое.

При переброске дивизии после взятия Киева в рокадном направлении на юг под Житомир двое автоматчиков из моего взвода втихаря запаслись американским телефонным проводом. Нашими соседями на марше оказались военнослужащие корпусной кабельно-шестовой роты, они и заметили тянувшийся вдоль шоссе этот отличный, оранжевого цвета особо прочный провод, и, располагая кошками для лазанья по столбам, вырезали свыше двадцати пролётов – он был им нужен про запас, для дела, ну а моим-то двум дуракам зачем он понадобился?.. Однако, поддавшись стадному чувству, они выпросили себе по несколько метров. Как выяснилось, это была нитка высокочастотной, так называемой правительственной линии, и несколько часов штаб соседней армии не имел связи ни со штабом фронта, ни с Генеральным штабом; предположили, что совершена диверсия и шум поднялся страшенный.

Когда на ночном привале в хату, где разместились остатки взвода, ввалился командир роты с двумя незнакомыми мрачноватого вида офицерами, вооружёнными новенькими автоматами, и, присвечивая фонариками, стали шмонать вещевые мешки, я, естественно, не мог ничего понять. А когда обнаружили и вытащили мотки ярко-оранжевого заграничного провода, я только растерянно-оторопело спросил бойцов, зачем они его взяли. Один из них, убито глядя себе под ноги, проговорил: «Уж больно красивый...» Наверно, я сгорел бы там под Житомиром как капля бензина, но меня и обоих солдат не отдал Астапыч, заявивший, что накажет нас своей властью, а двое офицеров из корпусной кабельно-шестовой роты и четверо рядовых и сержантов попали «под Валентину»...

Был я тогда начинающим командиром взвода, робким желторотым фендриком, и потому принял и ругань, и угрозы как должное, как положенное. Однако с той поры я прошёл войну и уже более года командовал ротами — разведывательной, стрелковой и автоматчиков, — я был теперь не тот, совсем другой, и заранее решил, что в самой резкой форме поставлю следователя на место и дам ему понятие о чести и достоинстве русского офицера, как только он начнёт драть глотку. Но этого не произошло: он говорил тихо и вежливо, обращался ко мне исключительно на «вы» и ни разу не повысил голос.

С полчаса, как бы доверительно беседуя, он расспрашивал меня о моей службе и жизни, о родственниках, интересовался, с кем я переписываюсь, кому и на какую сумму высылаю денежный аттестат. Я говорил, а он всё время делал заметки на листе бумаги.

Поначалу я решил, что он из контрразведки, но когда расписывался, что предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний, прочёл, что он — следователь военной прокуратуры бригады старший лейтенант юстиции Здоровяков; ни его щуплое телосложение — соплёй перешибёшь, смотреть не на что, — ни его болезненно-бледное лицо никак не соответствовали этой фамилии.

Он неторопливо задавал мне вопросы и записывал мои показания в протокол, разговаривали мы в полном согласии и взаимопонимании, пока не добрались до главного — до текста злосчастного частушечного припева. Когда я, глядя в некую точку на его лбу — пальца на два выше переносицы, — сообщил, что Щербинин пел «в Андреевку», он, отложив ручку, с интересом посмотрел на меня, а затем спросил:

— Вы что, были в состоянии алкогольного опьянения?

— Никак нет! — доложил я и для убедительности добавил: — Чтобы опьянеть, мне надо выпить литра полтора-два!..

Я крепенько приврал и тут же испугался своей наглости и того, что он уличит меня во лжи.

— Может, у вас плохо со слухом? — продолжал он. — Вы не ослышались?

— Никак нет! Ослышаться я не мог.

— И вы утверждаете, что Щербинин пел «в Андреевку», а не «в Америку»?

— Так точно! «В Андреевку»! — подтвердил я, фиксируя взглядом всё ту же точку над его переносицей.

Он некоторое время в молчании, озадаченно или настороженно рассматривал меня — я ни на секунду не отвёл глаз от его лба, — а затем спросил:

— Вы, Федотов, ответственность за дачу ложных показаний осознаёте?

— Так точно!

— Не уверен, — усомнился он и раздумчиво повторил: — Не уверен... Мне доподлинно известно, что Щербинин пел «в Америку» и свидетели это подтверждают, а вы заявляете «в Андреевку». С какой целью?

Насчёт «свидетели подтверждают» я не сомневался, что он берёт меня на пушку, я знал, что все восемь офицеров должны показать одинаково — «в Андреевку», — но следователь об этом не подозревал, и в душе у меня появилось чувство превосходства над ним.

— Вы последствия для себя такого лжесвидетельства представляете?.. — продолжал он. — В лучшем случае вас сразу же уволят, выкинут из армии. Подумайте, Федотов, хорошенько — вам жить... О себе подумайте, о своей старенькой бабушке, о том, кто ей будет помогать... Образование у вас... — он посмотрел в лежавшие перед ним бумаги, — восемь классов, специальностью, профессией до войны не обзавелись, вы же на гражданке девятый хрен без соли доедать будете, а уж о бабушке и говорить нечего... Подумайте хорошенько, Федотов, трижды подумайте...

Он понял, что бабушка самый близкий и самый родной мне человек, уловил, сколь она мне дорога, и бил меня, что называется, ниже пояса, а сказать точнее — ногами по яйцам. Но я этого не ощущал, я не боялся ни его самого, ни последствий, о которых он меня предупреждал — я не сомневался, что их и быть не может, по-

скольку им, как и следователю, противостояло неодолимое единство офицерского товарищества.

Когда он предложил мне хорошенько подумать, я опустил глаза и, глядя на его коричневые трофейные унты, изобразил на своём лице напряжённую работу мысли; с каждой минутой я всё более презирал этого «чернильного хмыря», как называл следователей и военных дознавателей старик Арнаутов, и желание у меня было одно – скорее бы всё это окончилось! Но допрос продолжался, он разговаривал со мной ещё не менее часа, и походило всё это на сказку про белого бычка.

После некоторого молчания он снова спрашивал, как пел Щербинин: «в Америку» или «в Андреевку?» и я убеждённо повторял – «в Андреевку» и при этом преданно смотрел ему в центр лба, пальца на два выше переносицы, и тогда он опять осведомлялся, сознаю ли я ответственность за дачу ложных показаний, и я вновь заверял, что сознаю, а он снова спрашивал, представляю ли я себе последствия лжесвидетельства, а я твёрдо заявлял, что представляю, и тогда он в который раз предлагал мне хорошенько подумать. Опустив глаза, я демонстративно и упорно рассматривал его новенькие меховые унты и изображал на своём лице сосредоточенное мышление – так повторялось три или четыре раза, после чего он огорчённо заметил:

– По кругу мы идём, Федотов, по кругу!

– А как же ещё идти?.. – изображая непонимание, вроде бы удивился я. – Вы же сами сказали, что я должен говорить правду и только правду... Зачем же я буду говорить то, чего не было?..

– Было, Федотов, было! – вздохнул он, сдерживая приступ зевоты, отчего у него задрожали сжатые челюсти. – Только, к сожалению, вы, советский офицер и к тому же комсомолец, не желаете помочь советскому государству в установлении истины! Тем хуже для вас... Но я не теряю надежды, что на суде вы скажете правду... У вас есть время подумать! Я надеюсь, что вы наш, советский человек, и делом докажете это...

А через три дня я был вызван в большую утеплённую палатку, где заседал прибывший из штаба управления бригады Военный трибунал. Когда я вошёл, то сразу почувствовал разлитое напряжение в воздухе и физически ощутил неприкрытую угрозу, исходившую от сидевшего за столом капитана с каменным лицом и неприятным резким голосом, что-то выговаривавшего зампострою подполковнику Степугину по прозвищу «Кувалда».

— Подождите, капитан юстиции, — недовольно ответил подполковник прокурору бригады Пантелееву.

«Капитан юстиции» он произнёс с величайшим презрением, словно по смыслу это означало: «капитан ассенизации» или «капитан спекуляции».

— Попрошу меня не перебивать! Я боевой офицер, гвардии подполковник, а не попка, туё-моё с намычкой, и не хер собачий! Сейчас свидетель доложит мне не меньше, чем вам!.. — и, повернувшись ко мне, спросил: — Скажи, Федотов, как на духу, что пел Щербинин? Припомни точно: куда намылилась старуха — в Андреевку или в Америку? Как на духу! Что она говорила деду?

— «Я в Андреевку поеду»! — доложил я, глядя на звёздочку над козырьком фуражки подполковника и радуясь в душе тому, как он отбрил прокурора бригады.

— Это точно? Как на духу?

— Так точно! — вытянув руки по швам, выкрикнул я и повторил по слогам: — В Анд-ре-ев-ку!

— Это сговор! — негромко, но убеждённо сказал прокурор председателю трибунала. — Явный сговор!

Он посмотрел в бумаги, лежавшие перед ним на тумбочке, и, усмехаясь, спросил:

— У меня вопрос к свидетелю и трибуналу: как это так, что в нашу советскую деревню Андреевку — и нет дороги?

— Обычное бездорожье, — напористо продолжал Степугин.

— Товарищ подполковник, — обратился к нему председатель трибунала.

— Я уже четвёртый год подполковник! — перебил его Степугин. — И хочу сказать прокурору, что он всю войну просидел в тылу, во Владивостоке, ходил по тротуарам и мостовой, а мы в это время всласть, досыта на... с бездорожьем (он употребил крепкий глагол) на Западном и на Калининском фронтах, да и на Украине в сорок четвёртом! Грязи по колено! И вся техника засела! И не только в Андреевку — в тысячи наших деревень не было и нет дорог! К тому же, может, она намылилась в самую распутицу? Может, у неё там были внуки? — предположил он.

— Товарищ подполковник, — опять вступился председатель. — На вопрос прокурора относительно дороги всё-таки пусть ответит свидетель.

Он посмотрел на меня:

— Давайте, Федотов!

— Старуха намылилась в Андреевку, — твёрдо произнёс я. — Возможно, у неё там остались внуки. Почему действительно там не было дороги, я точно не знаю, об этом и в частушке ничего не сказано. Может, действительно это было в самую распутицу. Но ни в какую Америку малограмотная старуха и не собиралась, она даже и не знает, где она находится, — повторил я за подполковником.

— Это сговор! — убеждённо сказал прокурор. — И котёнку слепому ясно, что это сговор и всё шито белыми нитками!

— Прошу занести показания свидетеля в протокол, — продолжал подполковник. — В Андреевку! Никаких Америк там не было! Записывай! — приказал он лейтенанту-секретарю.

— Ещё вопросы к свидетелю Федотову есть? — спросил председатель трибунала.

— Павел Семёнович, это сговор! — не повышая голоса, упрямо повторил прокурор председателю трибунала, но тот снова промолчал.

— Перед нами не только расследование поступка старшего лейтенанта Щербинина, перед нами — организованная антисоветская группа, которую так рьяно защищает и покрывает подполковник, и потому я настаиваю на необходимости дополнительного и более тщательного дознания.

— Идите, Федотов, — не глядя в мою сторону и тяжело вздохнув, разрешил мне майор, председатель трибунала.

Уже выходя из тамбура палатки, я услышал твёрдый голос подполковника:

— Если в его показаниях будет записано «в Америку», я напишу особое мнение! Я вам всем мозги раскручу! Я гвардии подполковник, а не попка и не хер собачий!

Я пробыл на заседании трибунала минут двадцать, а может, и полчаса, и всё, естественно, я не запомнил, но самое существенное осталось в памяти. Спустя многие годы я вспоминал эту историю как нелепый бред, как фантасмагорию. В самом деле, мало ли что говорила какая-то старуха и почему за её высказывания я должен был отвечать?..

В расположении меня окликнул и подозвал майор Попов, начальник политотдела.

— Ну что там, Федотов? — спросил он. — Ты мне не козыряй и не тянись! Вольно! Я к тебе не по службе, а по-товарищески, — вполголоса сказал он и быстро оглянулся.

Я чувствовал и был уверен, что всё это дознание, расследование с угрозами было затеяно не без его прямого участия. Майора

Попова в бригаде не любили, даже побаивались, а жёсткие и даже жестокие методы его работы офицеры-дальневосточники в разговорах сравнивали с майором госбезопасности Дрековым, основоположником знаменитой «дрековщины», о которой и после войны на Дальнем Востоке ходили страшные легенды.

Во второй половине тридцатых годов Дреков был на Сахалине начальником областного управления НКВД и одновременно командиром погранотряда. В тридцать седьмом году, чтобы не отстать от других краёв и областей и в стремлении превзойти в бдительности всех своих коллег, он по подозрению в шпионаже арестовал и расстрелял весь штат обкома партии и облисполкома – от руководства до уборщиц, всех без исключения, уничтожил и остальных больших и маленьких начальников и большинство коммунистов, – за такое рвение он был награждён орденом Ленина. Он установил на острове неограниченную абсолютную власть своего ведомства, при которой он, его заместители и их подчинённые безнаказанно присваивали ценные вещи арестованных и расстрелянных, забирали без денег в магазинах, в том числе в ювелирном и в меховом, всё, что хотели, принуждали к сожительству молодых женщин и совсем юных, даже несовершеннолетних девушек. Если бы о «дрековщине», продолжавшейся несколько лет, с ошеломительными подробностями и деталями не рассказывали очевидцы – офицеры, служившие в те годы взводными или ротными на Сахалине, – поверить во всё это было бы просто невозможно.

Конец «дрековщины» был внезапным, удивительным и позорным: узнав, что в Хабаровск из Москвы прибыла комиссия, заподозрившая в показателях его работы очковтирательство или подлог, и на другой день прилетает к нему на остров, Дреков с портфелем, набитым золотом, бриллиантами и какими-то секретными документами, пытался бежать к японцам на Южный Сахалин, сумел миновать контрольно-следовую полосу, однако в последний момент был застрелен рядовым пограничником, сообразившим побежать и перетащить труп и портфель обратно на советскую территорию, за что был награждён медалью.

– Аллес нормалес! – бодро ответил я майору.

Как выяснилось впоследствии, стукачом и осведомителем майора оказался весёлый, румяный и такой услужливый рядовой Хмельницкий. Спустя двое суток командир роты старший лейтенант Щербинин под каким-то предлогом был вызван в штаб бригады и там арестован. Спетую им по пьяной лавочке на день Победы

частушку: «Говорит старуха деду, я в Америку поеду, только жаль, туда дороги нет...» расценили как изменческое намерение – прокурор не поленился и подсуетился, и Лёша попал «под Валентину»: ему отмерили 8 лет с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях, лишением воинского звания «старший лейтенант» и трёх боевых орденов. Единственно, чего его не лишили – нескольких ранений, полученных в боях: он воевал с первого дня войны, с июня сорок первого года...

Мне же, благодаря подполковнику, его твёрдости и настойчивости, а, возможно, и председателю трибунала, не увидевших в моём поведении ничего антисоветского, а только демонстрацию хмельного офицерского острословия, что и было на самом деле, вчинить ничего не смогли...

74. ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДИРА 56-Й ОГСБр

20.06.46 г.

Инспекторская проверка и учебный смотр, проведённые штабом корпуса в соответствии с директивой Военного Совета Дальневосточного округа в мае с.г., показали, что в бригаде офицерский состав всех категорий плохо знает тактику и организацию иностранных армий, в частности Америки. Для подготовки частей и подразделений к штабным учениям и смотру Военным Советом ДВВО в июле с.г.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. До 28 июня 1946 г. всему офицерскому составу досконально изучить тактику и организацию американской армии, для чего провести ряд занятий и лекций с обязательным охватом всего офицерского состава.

2. До 1 июля от всего офицерского состава принять зачёты по знанию организации пехотной дивизии, дивизии морской пехоты американской армии.

3. 13 июля командирам частей лично провести тренировку по строевой, боевой и тактической подготовке поротно и побатальонно перед предстоящими штабными учениями.

4. Начальнику РО бригады на период прохождения учений в районе прекратить всякое передвижение не задействованного транспорта, выставить маяки.

* * *

Со времени учебного смотра мы находились в состоянии повседневной боевой готовности. В соответствии с директивой Военного Совета ДВВО все части и соединения корпуса усиленно готовились к проведению в районе Анадыря и бухты Провидения двусторонних

больших тактических учений. Тема для одной стороны — «Высадка десанта на самоходных баржах через пролив на морское побережье с целью захвата плацдарма». Задача, которая стояла перед нашей бригадой — «Организация обороны морского побережья, отражение и уничтожение десанта противника». Этим учениям придавалось большое значение: надо было определить степень и уровень готовности передовых сухопутных отрядов на случай внезапного нападения на нас американцев — высадки морского, а, возможно, одновременно и воздушного десанта.

Для наблюдения за учениями должны были прибыть сам командующий Дальневосточным военным округом генерал армии Пуркаев, член Военного Совета округа генерал-лейтенант Леонов с группой генералов и офицеров штаба округа.

Люди были подняты в пять утра и уже более двух часов томились в траншеях, дрожа в ватниках под холодным дождём.

Взводом, а затем и ротой я уже командовал четвёртый год и знал, как плохо, вредно перед боем, перед смотром или учением передерживать людей, особенно в непогоду — они перегорают и действуют потом значительно хуже.

Я обратился к командиру батальона майору Гущину по уставу и, отдав честь, попросил разрешения до прибытия поверяющих укрыть в палатках от дождя не только штаб, но и людей. Он посмотрел на меня как на чокнутого и с возмущением закричал:

— Ты что, о..ел?! Ты что, ханура интендантская или боевой офицер? Иди отсюда!..

Я вышел из палатки, остановился снаружи и позвал старшину:

— Оттяжки отпусти. Могут лопнуть. Палатка завалится. Начальство останется в стороне, а тебе отвечать!

Майор выскочил ко мне с багровым лицом и опять сорвался на крик.

— Раскомандовался тут! Шлёпай отсюда, щенок бесхвостый! И чтобы я тебя больше не видел!

Я посмотрел на него спокойно и с внутренним презрением, повернулся и пошёл к роте.

...Оскорбляли меня и раньше. Так, замполит второго батальона в Пятнадцатом Краснознамённом стрелковом полку в сорок третьем году, вызвав к себе в землянку в связи с представлением меня к награде — медали «За отвагу» — и беседуя со мной мирно и доброжелательно, правда, будучи выпивши, вдруг доверительно, с радостным озарением сообщил:

— Знаешь, Федотов, твоя рожа и моя жопа — два бандита! Выставить в окошки — никакой разницы!

Погибший спустя месяц в бою на Правобережье, был он человек незлой и не дурак, и настроение у него в тот вечер было приподнятое — одновременно со мной он был представлен к ордену Отечественной войны, — и зачем, почему он на ровном месте и с явным удовольствием оскорбил и унизил меня (быть может, чтобы продемонстрировать своё остроумие?), я, сколько ни размышлял, понять так и не смог.

Грубость людей, ничем не оправданная и ничем не вызванная, и в последующей армейской жизни нередко меня удивляла. Щенком меня считали или называли тоже не в первый раз, невероятно обидело другое: как известно, люди не имеют хвостов, почему же это вчинили только мне? А главное, за что так несправедливо майор облаял меня в присутствии младших по званию?

Я увидел подъехавших на двух «доджах» и приближавшихся к берегу, где был оборудован ротный участок обороны, людей в офицерских плащ-накидках, достававших им до пят. Они медленно преодолевали разделявшую нас полосу болота.

Выпрыгнув из траншеи, я побежал им навстречу, высматривая и определяя, кто из них старший по званию или должности.

Внимание моё привлёк — я его выделил интуитивно — шагавший ближе к середине высокий плечистый человек с большим носом на широком, властном, начальственном лице. И я решил, что это — командующий Дальневосточным военным округом генерал армии Пуркаев. Не добежав до него уставных восьми метров, я вкопанно остановился, кинул ладонь к уже набухшей водой пилотке, щёлкнул каблуками набрякших сапог и громко, чётко доложил:

— Товарищ генерал армии, рота автоматчиков второго горнострелкового батальона к проведению учения на тему «Оборона ротного участка побережья по урезу воды» готова. — Докладывает командир роты старший лейтенант Федотов.

В этих тщательно заученных фразах я пропустил одно слово. И, чётко оторвав ладонь от пилотки, кинул её вниз, к ляжке. Получилось это у меня весьма эффектно — в строевой подготовке офицерского состава меня, как правило, выделяли среди лучших. Этому шику я был обязан Арнаутову, который меня наставлял:

— Во время доклада, Василий, не мямли, как брюхатая баба... Руби дружно, в такт, с расстановкой... Головой не верти и к пустой голове руку не прикладывай... Гляди весело и прямо в глаза... Ноги прямые

и плотно сдвинуты: носок к носку, каблук к каблуку, колено к колену. Перед начальством не переступай с ноги на ногу и не выделывай антраша – что такое «выделывать антраша» я не представлял, только ощущал, что для офицера оно означает что-то неприличное. – К начальству подходи на прямых ногах, чётко печатая шаг, а не как корова на корде...

Я ещё не закончил, только начал докладывать, как почувствовал, что командующий чем-то возмущён. Лицо его исказилось негодованием, он буквально задохнулся и спустя мгновение в ярости закричал:

– Отставить!!! Ты что – жертва аборта?!! На пятом месяце из мамочки вывалился?!!

Это было оскорбительно и несправедливо. Я не был недоноском, а даже наоборот – весил при рождении двенадцать фунтов, – и волос, как рассказывала мать, на голове у меня было не меньше, чем у годовалого ребёнка. Уже в зрелом возрасте я пришёл к выводу, что, очевидно ещё в утробе матери, интуитивно чувствовал, что меня ничего хорошего в жизни не ждёт, и не спешил, не торопился на свет божий.

Как и в других случаях, когда жизнь внезапно и неожиданно, незаслуженно и необоснованно ставила меня на четыре кости или когда меня несправедливо, но грубо и злобно ругало начальство, у меня сразу возникало неприятное ощущение в животе и чуть ниже, и, хотя я не мог сообразить, в чём дело, за что, я собрался с силами и пробормотал:

– Виноват, товарищ генерал армии...

– Ма-а-ал-чать!!! – закричал он так оглушительно, что я вздрогнул. – Ты что, дубина, ослеп? – бешенство душило его, выкатив ставшие страшными глаза, властнолицый добавил: – Долбо..!!! – И, вытягиваясь перед стоящим справа от него невысоким человеком с чёрными усиками на невыразительном бесстрастном лице, уже без крика, но громким, возбуждённым голосом доложил:

– Товарищ генерал, это провокация!

Я уже сообразил, что произошло: принял за командующего кого-то другого, а он, поворотясь к стоявшему сзади командиру бригады полковнику Фомину, жёстким тоном спросил:

– Полковник, он что у вас пьян или больной на голову? Объясните! Какой дурак доверил ему роту?

Как оказалось, генерала армии Пуркаева среди приехавших сюда на берег к ротному участку в этот час не было, хотя двое генералов

находились. А принял я за командующего округом начальника отдела боевой подготовки, по званию – полковника. Но вины моей в том не было: они прибыли на Чукотку с Южного Сахалина в добротных генеральских и полковничьих фуражках и, чтобы не попортить их под мокрыми капюшонами, им вместе с плащ-накидками выдали со склада одинаковые офицерские шапки-ушанки – температура в этот дождливый день была около нуля, – так что никаких знаков или признаков различия на виду не было.

Почему полковник на моё к нему обращение как к генералу армии – не за капитана же или за майора я его принял – отреагировал с такой яростью и почему расценил мою ошибку как провокацию, я не понял и так и не узнал...

Наутро выяснилось, что, когда генерал Пуркаев и ещё десяток прибывших с ним из штаба округа генералов и полковников осматривали расположение бригады, случился неприятный инцидент.

Поскольку командир бригады полковник Фомин после контузии заикался и недостаток этот в присутствии начальства усиливался, начальник политотдела был человек новый, а зампострой – косноязычен, вышло так, что пояснения Военному Совету в основном давал заместитель командира бригады по тылу подполковник Македон, красивый и представительный офицер с быстрой и бойкой речью, как поговаривали, в молодости служил конферансье в Ростове, откуда был родом.

Показывая высокому начальству жилые и служебные землянки, утеплённые на дощатых каркасах палатки, капониры-аппарели с боевой и транспортной техникой, укрытые двойными брезентами штабеля с продовольствием, склады, неприкосновенный запас угля и другое бригадное хозяйство, он говорил: «Мы построили... Нами отрыто... Мы соорудили... Нами запасено... Мы заложили... Нами заготовлено...»

– Кто вы такой? – поворачиваясь к нему, вдруг резко и настороженно спросил командующий.

– Заместитель командира бригады по тылу подполковник Македон!

Как рассказывали потом очевидцы, Пуркаев с ненавистью посмотрел на Македона, и, указывая на него генералам и полковникам, зло вскричал:

– Вот из-за таких мерзавцев-златоустов в сорок третьем году товарищ Сталин отстранил меня от командования фронтом!

Он резко повернулся и, не оглядываясь на сопровождавших его лиц, быстро пошёл к машине.

Позднее со слов одного майора, воевавшего под Великими Луками, стало известно, что генерал Пуркаев в апреле сорок третьего года за перебои в снабжении войск продовольствием и фуражом во время весенней распутицы действительно был отстранён от командования Калининским фронтом, а несколько непосредственно повинных в том офицеров и генералов попали под суд трибунала. Так, фактически из-за интендантов, он угодил под колесо истории и был отправлен на Дальний Восток, что для боевого генерала во время войны было равнозначно ссылке. И если его однокашники и генералы его поколения за два последующих года победного наступления на западе многажды награждались, стали знаменитыми полководцами, маршалами, Героями и дважды Героями Советского Союза, он всё это время провёл в глубоком тылу в Хабаровске в роли безвестного военачальника и очередное воинское звание — «генерал армии» — получил с отсрочкой более чем на год.

Разговоров об эпизоде с подполковником Македоном среди офицеров батальона было немало и, сопоставив, я сообразил, что именно тогда вместе с Пуркаевым весной сорок третьего оказался под колесом истории и генерал-лейтенант Лыков, назначенный затем командиром 136-го стрелкового корпуса, в состав которого входила наша 425-я дивизия. Только, в отличие от Пуркаева, он, пониженный в должности до командира корпуса, был оставлен в Действующей армии и воевал последующие два года весьма успешно, хорошо и со славой.

Естественно полагать, что, как и Лыков, а может в ещё бóльшей степени, генерал Пуркаев не любил интендантов, возможно, тыловик-подполковник Македон остро напомнил ему о несостоявшейся полководческой судьбе, чем крайне его раздражил. Испортило настроение командующему и то обстоятельство, что усиливающийся с каждым часом сильный ветер с дождём разогнал шторм, из-за чего часть боевых кораблей была выведена из бухты Провидения, а выявившийся недостаток надёжных плавсредств не позволил в полной мере провести посадку и высадку подразделений на корабль и на берег с него и продемонстрировать взаимодействие с военно-морскими силами, поэтому основной упор был сделан на проведение сухопутной части оперативно-тактического учения.

75. «ВСЁ ПРОЙДЁТ, И МЫ ПРОЙДЁМ, А РОССИЯ ОСТАНЕТСЯ!..»

Генерал Пуркаев оказался человеком среднего роста, поджарым, плечистым, на смугловато-бледном, широком, тщательно выбритом лице выделялся крупный, правильной формы нос с горбинкой, карие умные глаза и очки в металлической оправе придавали его облику суровый вид. Во всей его наружности, в жестах и голосе чувствовалось сознание своей силы и власти над людьми.

Подведение итогов учения и «разбор полётов» состоялся на берегу, где выстроился весь батальон. В меховой куртке, в сапогах, в которые были заправлены бриджи с широкими, защитного цвета лампасами, генерал с мрачным видом и в полном молчании быстро шёл вдоль строя, вглядываясь в лица. Я об инциденте с Македоном в то время ещё не знал, и мрачность командующего и неулыбчивость остальных генералов и полковников расценил как недовольство подготовкой и действиями батальона и командиров рот, приняв их молчание за неудовлетворительную оценку проведённых учений.

Он резко остановился и следовавший за его правым плечом на расстоянии положенных двух шагов командир бригады полковник Фомин чуть с ним не столкнулся.

– Зачем вы здесь, на Чукотке, находитесь? С какой целью? – глядя вдаль, в подёрнутую сырой холодной дымкой тундру, спросил меня командующий и уточнил: – Какая задача поставлена перед бригадой?

Вопрос этот был не для ротного, а тем более не для взводных командиров, но ответ я знал наизусть: на прошлой неделе начальник штаба бригады полдня специально наставлял нас, и теперь, опережая взводных, я вытянулся перед командующим Пуркаевым, как говорится, «до разрыва хруста позвоночника», преданно, не мигая фиксировал точку у него на лбу и уверенно заговорил:

– Товарищ генерал армии, докладываю... Перед бригадой поставлены следующие задачи: прикрытие, оборона полуострова со стороны Аляски, обеспечение морских коммуникаций вдоль побережья Берингова пролива, изучение и освоение Чукотского

полуострова в военном отношении, как сухопутного тэвэдэ[1], а также... выявление, изучение и освоение важнейших операционных направлений, — с облегчением закончил я.

Генерал Пуркаев еле заметно кивнул в знак согласия или просто нагнул голову и, не оборачиваясь, спросил командира бригады:

— Это кто?

— Т-товарищ генерал, это же с-старший лейтенант Федотов, ко-ко-командир роты автоматчиков, лучшей в бригаде и корпусе по итогам стрельб и летнего корпусного смотра. Боевой офицер! Как вы могли убедиться, т-товарищ генерал армии, Федотову с его орлами не то что п-провести показательные учения, но даже форсировать Берингов пролив, если придётся, не составит труда. Он д-давно заслуживает присвоения звания «ка-ка-капитан».

— Посмотрим, — слегка улыбнулся Пуркаев на смешное заикание полковника, прозвучавшее как кваканье, и стал задавать мне вопросы, проверяя мою сообразительность:

— Ваши конкретные действия: танки сзади, вы окружены, два командира взводов убиты, левый фланг смят, боеприпасы на исходе, роту атакуют с ранцевыми огнемётами? Каким будет ваше решение: прорываться на север или отходить в тундру?

Я погибал не от условных танков и огнемётов, а от устремлённых на меня глаз худощавого, сутуловатого члена Военного Совета генерал-лейтенанта Леонова, напряжённых взглядов ещё пяти генералов и командира бригады. Я отвечал чётко и, как мне показалось, с каждым моим ответом суровость на лице командующего исчезала, уменьшилось и напряжение в стане генералов. Командир бригады, выпятив грудь и с гордостью поглядывая на всю свиту, как бы говорил: «Вот какой у меня орёл!»

И в эту минуту где-то сзади на некотором расстоянии послышались странные непонятные возгласы, командующий невольно обернулся, посмотрели в ту сторону и другие генералы и офицеры, оглянулся и я и, к великому удивлению и растерянности, увидел метрах в тридцати торопливо спешившего к нам от лимана низкорослого, явно пьяного эскимоса или чукчу, лет сорока, а может и старше, с чёрными волосами над тёмным обветренным лицом, он широко улыбался, на нём была длинная старая кухлянка с откинутым назад капюшоном, а на ногах высокие резиновые сапоги. При виде его меня охватила оторопь: как он сюда попал? Как он мог здесь оказаться?!. Уму непостижимо!..

[1] Тэвэдэ (ТВД) — театр военных действий.

Когда генерал и офицеры повернулись к нему, он выхватил из кармана грязной рваной кухлянки фляжку и, победно подняв её, потряс над головой и с сильнейшим акцентом, перевирая слова, хриплым голосом закричал:

– Ией, гинирала!.. Мая ифрейтор! – он ткнул себя в грудь. – Мая вайна... пронт хадила! Мая брала Растов, брала Киив и Выршава! Аднапалчана!.. Давай!

И он снова радостно потряс поднятой высоко фляжкой, таким образом, очевидно, предлагая командующему и члену Военного Совета округа, в которых по обмундированию и, надо думать прежде всего, по папахам определил генералов, распить с ним содержимое фляжки, должно быть прямо из горлышка.

В ту же секунду у меня за спиной кто-то властно крикнул: «Убрать!!!», и сразу четверо офицеров – командир нашего батальона майор Гущин, два его заместителя и недавно прибывший с материка подполковник, назначенный начальником политотдела бригады (вместо майора Попова), – словно ожидавшие этой команды, прозвучавшей отрывисто, как удар кнута, стремглав бросились к пьяному эскимосу или чукче, и он, остановясь, громко испуганно закричал: «Таваричи!.. Аднапалчана!..» Но они набросились на него, при этом выбили, или он сам выронил фляжку.

Вдруг он начал яростно сопротивляться и что-то выкрикивать по-эскимосски или по-чукотски вперемешку с русскими матерными словами, однако офицеры уже крепко ухватили его за верхние и нижние конечности, подняли и быстро, чуть ли не бегом, потащили прочь, ногами вперёд, а он, видимо не в силах стерпеть обиду или утрату фляжки, рвался у них из рук, бился как пойманный зверь, выгибался всем телом, верещал как резаный и, дёргаясь головой, пытался их укусить, что ему и удалось. Как выяснилось позднее, он до кости прокусил запястье начальнику политотдела Краснознамённой орденов Александра Невского и Красной Звезды бригады гвардии подполковнику Васильченко.

За девять месяцев офицерской службы на Чукотке я неоднократно бывал в расположенном поблизости посёлке, заходил в яранги или в чумы, я не знал точно, как они называются, как не знал, кто их хозяева – эскимосы или чукчи, – хотя народности эти разные, как говорили, с противоречиями, раздорами и даже враждой, но я не интересовался, кто есть кто: в батальоне и в отстоящем от нас на тридцать километров штабе бригады всех нерусских местных жителей называли одинаково – чучмеками. Общались мы с ними редко и в их жизнь не вникали, как справедливо говорил майор Гущин:

«А нам что чукчи, что эскимосы – одна манда!» Весьма неприятное впечатление на меня произвели грязь и вонь в их жилищах: пахло затухлой рыбой или ворванью, и не только... Рассказывали, что все они, якобы для здоровья, умываются мочой, и брезгливость была основным чувством, которое я к ним испытывал.

Проживавшие на Чукотке эскимосы имели соплеменников на Аляске и по какой-то конвенции, подписанной с Америкой ещё при царском правительстве и действовавшей до сорок восьмого года, в отличие от чукчей, имели право беспрепятственного пересечения границы, что и делали после досмотра пограничниками: летом на баркасах и даже лодках, а зимой, когда пролив замерзал, по льду на собаках. На политзанятиях нас неоднократно предупреждали, настоятельно призывая к бдительности, что среди них полно агентов, завербованных американской разведкой на Аляске, и потому в каждом эскимосе следовало предполагать вероятного шпиона, а так как от чукчей мы их не отличали, ко всем нерусским местным жителям мы относились с неослабным, напряжённым подозрением.

При появлении здесь, в районе учения, этого пьяного оборванца на какое-то время я буквально оцепенел. Хотя он безбожно перевирал слова, я разобрал и понял, что он – демобилизованный ефрейтор, воевал на Западе, освобождал Ростов, Киев, Варшаву и, наверное, ощущая свою причастность к войне и армии, полагал всех военных своими однополчанами и теперь, будучи хорошо поддатым, он при виде живых генералов в радостном возбуждении захотел угостить их и выпить с ними. Конечно, это было диким, недопустимым панибратством, объяснимым только сильным опьянением, и его надо было немедленно увести отсюда, но когда четыре здоровенных офицера – а они были как на подбор рослые и дюжие – набросились и сгребли этого маленького нелепого человека, не вызвавшего у меня поначалу, естественно, никаких симпатий, а наоборот – брезгливость и неприязнь, я испытал потрясение, чувство стыда и даже некоторую жалость к нему, хотя, безусловно, понимал, что ему здесь не место.

Однако не только мне картина эта показалась невыносимо неприглядной. Когда, опомнясь, я обернулся, то увидел, как командующий и член Военного Совета, а малость поотстав от них, и все другие прибывшие из штаба округа генералы и офицеры стремительно уходили к ожидавшим их по ту сторону болота автомашинам «додж». За ними, отстав ещё метров на десять, с убитым, как мне показалось, видом спешили командир бригады, его зампострой и начальник штаба. На месте, где какую-то минуту назад находились ге-

нерал армии Пуркаев, генерал-лейтенант Леонов и полтора десятка сопровождавших их начальников, теперь, кроме меня, стояли с растерянными и виноватыми лицами трое взводных командиров.

Я понимал, сколь всё это нелепо и чрезвычайно получилось: прибытие Военного Совета округа на Чукотку держалось в строжайшей тайне, местность в радиусе полутора километров от участка обороны, где проводились учения, была оцеплена двумя стрелковыми ротами, знал я и о договорённости с пограничниками о том, что их сторожевой катер с ночи патрулирует в проливе, чтобы не допустить сюда и к прилегающим участкам побережья ни одно плавсредство. И вот, несмотря на все предосторожности, пьяный эскимос или чукча, быть может и скорее всего агент американской разведки, оказался рядом с командующим, рядом с генералами и старшими офицерами, видеть которых ему здесь, вблизи границы с Аляской, никак не полагалось и, более того, своим разнузданным панибратством – приглашением в собутыльники, приглашением распить с ним содержимое фляжки, очевидно прямо из горлышка, – чудовищно их оскорбил. Я понимал, сколь всё это невероятно и чрезвычайно, но как же они могли уйти, не сказав ни слова?.. Не последовало от них даже чётко предусмотренного Уставом в тех случаях, когда начальник покидает воинскую часть или подразделение: «До свидания, товарищи!»

Взводные стояли в растерянности, подавленные, ничего не понимая и не скрывая этого. В отличие от них, даже в эти минуты душевного отчаяния я не забыл, что и на службе, как и в бою, офицер не имеет права на эмоции и не смеет поддаваться настроению. Я был воспитанником незабываемой Четыреста двадцать пятой стрелковой дивизии, был воспитанником Астапыча, то и дело напоминавшего подчинённым командирам: «Хорошее слово и кошке приятно!» И как бы со мной ни обошлись вышестоящие начальники, что бы ни произошло, я должен был следовать не их внезапному поведению, а полуторавековой, ещё со времён Суворова, традиции русского офицерства и, прежде всего, принципу армейской или воинской справедливости. Я велел построить роту и, став перед людьми в центре, стараясь держаться «бодро-весело» и пытаясь через силу улыбнуться, поблагодарил всех за службу и самоотверженные, как я выразился, действия во время учения, что вообще-то соответствовало истине, а затем приказал командиру первого взвода вести людей в расположение, кормить обедом и отдыхать.

Я не мог это сделать сам: после шести часов нервного перенапряжения я был совершенно измучен, разбит и, при всей своей физиче-

ской крепости и выносливости, ощущал слабость в ногах и полную опустошённость. Мне хотелось остаться одному и всё осмыслить, ну а главное — я чувствовал, что не смогу идти целый час по тундре на виду у сотни подчинённых, посматривавших на меня с интересом и сочувствием или сожалением. Что я мог сказать или объяснить этой сотне человек, считавших меня строгим, требовательным, но справедливым командиром роты?..

Рота ушла, а я в тяжком раздумье стоял возле траншей и смотрел, как равномерно, одна за другой обрушивались на прибрежную гальку морские волны. Слева, примерно в полукилометре, на воде был виден пограничный катер — он по-прежнему патрулировал в проливе.

Услышав в отдалении голоса, я обернулся и увидел Уфимцева с тремя подчинёнными: из палатки для высокого начальства, где на двух столах — и для генералов, и для полковников — были растянуты белоснежные, ни разу не стиранные простыни, они уносили к машине, стоявшей у края болота, коробки со съестным, две канистры, большой эмалированный чайник, стулья и другое армейское имущество. Командующий в течение всего учения ни разу и ни на минуту не заглянул в эту палатку согреться и перекусить, отчего сделать это не могли или не решились остальные генералы и полковники. Как я узнал позднее, он, возвратясь с берега в батальон, будучи в дурном расположении духа, отказался и от с великими хлопотами специально приготовленного обеда и тотчас вместе с сопровождавшими его лицами убыл на трёх «доджах» в штаб бригады в посёлок Угольные копи. Никто из прибывших в батальоне не ел и даже чая не пил, а уж алкоголя тем более и капли в рот не взял, что, однако, не помешало интендантам, как впоследствии выяснилось, списать на Военный Совет округа только в нашем батальоне одного спирта сорок девять с половиной килограммов... «Россия-матушка!..» — как, вздохнув, сказал бы старик Арнаутов.

Я видел, как Уфимцев вместе со старшиной и двумя сержантами уложили всё в «додж», сели сами и уехали, а я, подумав, пошёл в палатку, где, кроме голого стола и смятой картонной коробки, уже ничего не было.

Чтобы не тянуло холодом понизу, я опрокинул стол на бок, ближе к входу и лёг вплотную к столешнице с подветренной стороны, подложив под голову оставленную старшиной роты сухую плащ-накидку. Метрах в трёх от меня спускался полог палатки, невдалеке от него на земле белел раздавленный окурок папиросы.

Отринутый и забытый, казалось, всем человечеством, я, офицер великой армии-победительницы, поставившей на колени две сильнейшие мировые державы, подобно этому окурку никому не нужный, лежал на краю света, на берегу Берингова пролива и не мог понять и осмыслить того, что произошло. Ради этого дня, ради успешного проведения показательного учения я четыре месяца, без преувеличения, выворачивался наизнанку, я сделал всё, что мог, и люди выкладывались в отделку, без остатка, но не последовало ни разбора действий роты, ни какой-либо оценки, не последовало даже положенного «До свидания».

Что могло меня утешить, кроме слов из старинной офицерской молитвы и мольбы, произносимой когда-то перед боем: «Нас много, а Россия одна!.. Смерти нет! Всё пройдёт, и мы пройдём, а Россия останется!..» Донельзя удручённый, буквально убитый произошедшим, я повторял её как магическое заклинание, но легче не становилось, и единственное, что мне хотелось, — забыться...

...И снова мне снился Ибрагимбеков из костромского госпиталя. Я бежал за ним по уходящему вдаль светлому бесконечному коридору, где, кроме нас, никого не было, и спрашивал, умолял сказать: как мне быть? как жить дальше? — а он, как и всегда, даже не оборачиваясь, уходил от меня. Наконец, догнав, я ухватил его за рукав бязевого госпитального халата, и в то же мгновение послышалось неизменное, правда произнесённое совсем другим, жёстким начальственным голосом и вроде без кавказского акцента: «Два раза джопам хлопам — пыздусят рублей даём!» На сей раз эта фраза прозвучала властно, грубо и, пожалуй, угрожающе.

И тут вдруг, к моему ужасу и отчаянию, обнаружилось, что ухваченный мною за рукав отнюдь не рядовой Ибрагимбеков, симулянт и дезертир, откупленный родственниками от фронта и от армии, а принятый мною за командующего, скорый на расправу и беспощадно свирепый начальник отдела боевой подготовки штаба округа полковник Хохлачёв, и был на нём вовсе не госпитальный халат, а новенький китель с золотистыми погонами и орденскими планками на груди, а на голове — не замеченная мною сзади великолепная, прямо как у генерала, папаха из серого каракуля. Взбешённый моей наглостью и неуставным обращением (более всего, очевидно, тем, что я ухватил его за руку), он выкатил ставшие от гнева страшными тёмные глаза и закричал, а, точнее, оглушительно заревел: «Как жить?!. Ты что — службы не знаешь?!! Долбоёб!!! Я тебя живо унасекомлю!!!»

— За что?!! — в голос застонал я.

От волнения, от ощущения чего-то горячего на лице и какого-то тормошения, от странных непривычных звуков я очнулся и открыл глаза. Гессеновская палатка была полна эскимосских лаек: невысокие, приземистые, с длинной грязной шерстью и стоячими ушами, провонявшие рыбой или ворванью, они, повизгивая, возились и прыгали около меня, лизали моё лицо, хватали зубами полы куртки и рукава. Другие в стороне с охотничьим азартом выискивали у себя в шерсти и щёлкали блох. Там же, около смятой картонной коробки, две псины отнимали, рвали друг у друга из пасти мою суконную офицерскую пилотку: выдернутая красная звёздочка валялась возле них на земле. Более других мне запомнилась с оторванным левым ухом собака, радостно лизавшая моё лицо и после того, как я открыл глаза.

Это были ездовые лайки из эскимосского поселка. Зимой они ценились как тягловая сила, их кормили и обихаживали, а три бесснежных месяца — ненужные людям и потому предоставленные самим себе — они стаями бегали по округе в поисках пропитания, часами с лаем клубились близ расположения батальона, на огороженной помойной площадке, куда бочками оттаскивали отходы пищеблока.

Здесь, на Чукотке, я уже слышал, что если где-нибудь в тундре в пургу, заблудившись, человек засыпает и может замерзнуть, ездовые собаки начинают хватать его зубами за кухлянку и меховые торбаза, лают, визжат, покусывают и горячими языками лижут ему лицо.

Всё это они проделывали сейчас со мной, видимо решив, что я погибаю, впрочем, в тот час и мне так казалось. Поняв их побуждение и действия, я, растроганный, обхватил двух или трёх псин руками, прижал к себе и, не удержавшись, заплакал... Возможно, не только от их соучастия и стремления спасти меня, но и от очередного осознания своего несовершенства и слабоволия или мыслительной неполноценности уже в который раз за последние полтора года, пусть во сне, я, офицер-фронтовик, бывалый окопник, имевший ранения, контузии, боевые ордена и медали, унижался, обращаясь за помощью, за советом, как мне жить дальше, к симулянту и дезертиру рядовому Ибрагимбекову, хотя не мог не понимать, что кроме неизменного «Два раза джопам хлопам — пыздусят рублей даём» я от него ничего не услышу.

...Оцепление местности и обеспечение секретности присутствия здесь Военного Совета округа было за пределами моих обязанно-

стей и никакой моей вины в произошедшем не было — отвечало за это командование бригады и батальона.

По молодости я не знал, что не следует представлять себе неприятности, которые ещё не произошли. И словно позабыл, что жизнь как погода: сегодня холодно — и ты дрожишь, а завтра тепло — и ты снова согрет, и судьба улыбается тебе лично, и как — в тридцать два зуба!

...Чукотка запомнилась мне не только снежными бурями, пургами, холодом, трудностями службы, но и обмороженными пальцами рук и ног. Удивляло, как удалось выжить в таких условиях?

На Чукотке, когда тебя окружали ледяная неподвижность и безмолвие, сохранить оптимизм было в десятки раз сложнее, и впервые там в моё железобетонное, ортодоксальное мышление проникли бациллы сомнения и нигилизма.

ЭПИЛОГ. И ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА...

Надо жить, не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять,
Чтобы сердцу больше не кричать...
Р. Блох

Из-за войны и других обстоятельств, случайных и закономерных, доставшихся мне в жизни, я так и не попал в академию, стал глубоко гражданским «штафиркой», Василием Степановичем Федотовым.

На пороге семидесятилетия я *вдруг* пронзительно осознал и понял, что у каждого человека, какую бы долгую и насыщенную жизнь он ни прожил, есть та своя особая пора, в которой он полнее всего себя проявил, глубже всего чувствовал и сказался весь себе и другим. И что бы потом ни случилось с ним, даже внешне значительного, всё это уже спад.

Мы вспоминаем, упиваемся, на много ладов проигрываем, перепеваем то, что лишь единожды прозвучало в нашей душе.

Такой порой у иных бывает детство, и тогда люди на всю жизнь остаются детьми.

У других – первая любовь.

Кому достались в такую пору наибольшее богатство, власть, почёт, те до беззубых дёсен шамкают о своём отошедшем величии.

У некоторых такой порой стали тюрьма и лагеря и выпавшие на их долю испытания.

У мальчишек моего поколения – война. Годы войны для них не только «незабываемые страницы», но и период высшего осуществления жизни, осознания её ценности как таковой.

С той поры не годы прошли, минула целая вечность, а пролетела как минуты.

Я ощущаю себя дряхлым тысячелетним стариком и ловлю себя на том, что по утрам не хочу просыпаться. Долгими бессонными ночами меня не покидает мысль, что мимо бежит, торопится новая незнакомая мне жизнь, и всё мимо, мимо...

Мимо таких старых и никому не нужных людей, мимо тех, кто не только защищал своё Отечество в годы войны, но и безропотно вынес на своих плечах послевоенную разруху и голод, а теперь доживают, униженные и оскорблённые, оказавшись в своей стране на обочине жизни, опустошённые равнодушием к их судьбам, с болью

наблюдая, как с одобрения и немого согласия властей предержащих алчные пираньи – нечистые на руку, бессовестные, беспринципные люди – рвут, раздирают Россию на мелкие княжества и личные царства, в которых правит установленный ими один закон – деньги и власть.

На территории когда-то необъятной России с космической скоростью расплодились как метастазы раковой опухоли сотни тысяч организаций, контор, трестов, открытых и закрытых акционерных обществ, банков, которые оптом и в розницу торгуют земными недрами, природными богатствами, культурой, многовековой историей, с лёгкостью обобрав свой народ до нитки ваучеризацией, предавая забвению всех и вся, с лёгкостью, не задумываясь, отбрасывая в сторону как атавизм такие нравственные понятия, как честь и совесть. У этих новоявленных господ, ощущающих себя победителями и истинными хозяевами жизни, холодные равнодушные лица, им совершенно чужды людские радости и беды, для них Россия – страна нефте-газа-банков, финансовых пирамид, для нас – родное многострадальное Отечество, и мы для них чужие навсегда.

Бередят сердце и не дают покоя вопросы, почему люди, победившие в войне, поднявшие страну из послевоенной разрухи, оказались лишними и обременительными для потомков?

Почему ходят с протянутой рукой, прося подаяние?

За что немощные и больные инвалиды войны вызывают такое раздражение и озлобление, когда, выстаивая в душных очередях за насущным, робко и стеснительно показывают свои *ветеранские* удостоверения, а в ответ нередко слышат: «Как вы все надоели!»

Хочется им крикнуть, почему же вы плачете, когда смотрите фильмы и спектакли о таких, как я – Ваньке-взводном, на ветру одуванчике, пыли окопов и минных предполий, – и так жестоки и равнодушны, когда оказываетесь рядом с ними?

Почему не позвоните в дверь одинокому ветерану, живущему с вами на одной площадке?

Почему равнодушно проходите мимо, стыдливо опустив глаза, когда видите, что они роются в мусорных баках?

Люди изношенного прошлого... многократно обманутые лишние люди...

Миллионы моих собратьев и соотечественников в результате чудовищных экспериментов, спиваясь, медленно умирают в нищете, безвестности и бесправии в вымороченных сёлах и деревнях, брошенных и забытых городах, где некогда бурлила жизнь. Они так до последнего не избавились от привитого им ложного патриотиз-

ма, не стонали, не проклинали страну и судьбу, молча, терпеливо, из последних сил, доживая с убеждением: «Одолели голод, холод, разруху, и это переживём, лишь бы не было войны...»

Неужели эти люди не выстрадали и не заслужили лучшей жизни? И в душу холодной змеёй невольно вползает сомнение: «Не зря ли тогда были принесённые ими жертвы?»

Анализируя жизнь, которая мне досталась, мысли уносят от современной всепроникающей пошлости в столь милое прошлое, ясное, далёкое и невозвратимое, я ужасаюсь и порой подсознательно возникает и ворошится неуверенность, что подчас даже спрашиваю себя: «Не преувеличиваю ли я? Да было ли именно так? Уж не приснилось ли мне всё это?»

И отвечаю: «Да, было... было... и прошло», оттого так тихо и светло в душе, когда былое возвращается в снах повторяющихся, отчётливых, последовательных, мучительных...

...Мы летим, мы несёмся как дьяволы, как смертники-самоубийцы, мы летим в бесконечность...

Мы с бешеной скоростью на мотоциклах мчимся по Берлинской автостраде, убегают назад бетонные плиты, трассы, разделённые желобками температурных швов.

Мы мчимся, упоённые быстрой ездой. Тугой упругий ветер жмёт на лицо, шуршит в ушах. Солнце тусклым огненным шаром низко катится над самым горизонтом, озаряя слабым мертвенным жёлтым светом зыбкую окрестность.

Мы несёмся почти впритирку. Володька с прямой высокой горделивой посадкой летит впереди всех, Мишута – на полколеса сзади и справа от Володьки – мчится свободно, развалисто держа своё стройное тело на мотоцикле, я на своём «мустанге» – чуть поотстав от Володьки и Мишуты.

Я вижу невозмутимую широкую добрую улыбку Мишуты, означающую: «Мы вместе! Аллес нормалес!» У него сзади на багажнике неясно вырисовывается чьё-то очертание, и я с удивлением узнаю *в нём* Полину, она машет мне платочком. Но как она здесь оказалась, если ни Мишута, ни Володька о ней ничего не знали?

А за спиной у Володьки на заднем сиденье, обняв его за талию, я отчётливо вижу красивую с великолепной фигурой женщину, которой Володька улыбается своей необыкновенной улыбкой и что-то говорит. Она оборачивает ко мне лицо в тёмных очках, и я с ужасом узнаю в ней Аделину.

При виде её я дико кричу: «Атанда!!! Берегись, Володька!!! Атанда!!!», чтобы предупредить его, что Аделина вовсе не королевская женщина, а обыкновенная заурядная дрянь, сучка, профура,

способная в любую минуту предать его, как вероломно предала тогда в последние дни июня сорок пятого, уехав, сбежав воровски в Вену, в Южную Группу войск с молодым тридцатилетним подполковником, командиром авиационного полка.

Я врубаю четвёртую скорость, весь подаюсь вперёд, но догнать их не могу. «Мустанг» трясётся в какой-то нервной горячке, руль пропал, мотоцикл кренится на сторону, я догадываюсь – отвалилось колесо, если я не смогу подрулить к обочине, меня перевернёт и бросит в кювет.

Я неистово кричу, но они, ни разу не обернувшись, будто не слыша, постепенно ускользают от меня за линию горизонта. И ни шума мотора, ни одного звука...

Они уходят от меня, молоденькие, как молоденькие лейтенанты, у которых всё ещё впереди. Мальчишки! Щенки желторотые!

Я остаюсь один, совершенно один на обочине... От отчаяния и досады я вновь и вновь кричу им вслед и просыпаюсь от собственного крика...

Этот сон с некоторыми незначительными вариациями я вижу уже пятое десятилетие. Постепенно отхожу ото сна и возвращаюсь в действительность с горечью и болью сознавая, что я страшно одинок в этом огромном, странном и непостижимом мире, где все мы временные, преходящие, бессмысленно суетные люди...

И я снова в бою, и как тогда, в далёкой юности, монетка вращается на ребре и до последней секунды неизвестно, как она ляжет и что тебе выпадет: орёл или решка?..

Время моё прошло... Годы мои на исходе... Жизнь моя на исходе...

Я устал от мучительных, томительных, изнуряющих ночных встреч с войной и юностью. Я устал от действительности, от нескончаемой суеты существования, беспросветной пошлости и демагогии, унижающего бытия, от одиночества и различных нарастающих недомоганий, чертовски устал от самого себя, устарело-нелепого и никому в этом мире не нужного.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я с грустью понимаю, что самыми светлыми в моей жизни оказались те далёкие весенние дни сорок пятого года.

Может, потому, что годы войны пришлись на юность, лучшую пору в жизни мальчишек моего поколения, когда мы были молоды, девственно чисты, здоровы и верили, что так будет вечно, и цветы ещё одуряюще пахли цветами, а не химическими удобрениями всепроникающей современной цивилизации?

Может, потому, что война с её ежеминутным дразнящим ощущением опасности, со скупыми радостями фронтовой дружбы, с жиз-

нью, полной физического действия, более всего сблизила людей, и каждый не только ощущал, но и был частицей своего Отечества?

Может, потому, что на войне, теряя друзей, близких, мы впервые ощутили боль невозвратимости и осознали в полной мере ценность каждой человеческой жизни?

Может, потому, что это был поистине звёздный час, когда с таким трудом завоёванный мир лежал у наших ног, суля впереди долгую жизнь, любовь к женщине и счастье бытия?

Может, потому, что в то короткое время, как ни в какое последующее, ценились честь, отвага, мужество, совесть, человеческое достоинство и дружба?

Может, потому, что каждый из нас, фаворитов судьбы, казалось, персонально держал Бога за бороду и хотя на маршальские звёзды мы из деликатности не замахивались, однако полковничьи и генеральские нам в недалёком будущем представлялись разумеющейся реальностью, поэтому в снах оба – Володька и Мишута, молоденькие лейтенанты, без единой морщинки, ибо время не властно над ушедшими за горизонт – навсегда стоят рядом со мной и ничего с этим не поделаешь!

Но в памяти эти события возникают совместно: рядом с пьянящим весёлым, безумным маем следует июнь и я вижу, как все мы, сильные, безупречные не только в анкетах, но и в жизни, благополучные, без каких-либо угрызений совести, не преступив закона, не раздумывая загнали в петлю своего обездоленного соотечественника и собрата – Павлика Зайкова.

С годами, казалось, вроде должно было бы забыться, ан нет! С годами ничего не забылось. В мучительных снах я вижу лагерь двести семь, капитана Малышева, подполковников Полозова и Бутенко, Астапыча и мерзавца майора Гаврилова; мелькают лица кубанской казачки, лейтенанта Страшнова и генерала Копылова; терзают душу встречи с Павликом Зайковым – я отчетливо вижу его веснушчатое лицо, слышу гнусавый голос и пытаюсь ему что-то объяснить, – и Эльзой Треншель, как она в нелепом тюрбане и большим из-за беременности животом гордо идёт перед парадным строем дивизии, затем провал... и я снова вижу её маленькую фигурку, неподвижно лежащую в пыли на обочине дороги. Я просыпаюсь в испарине и ужасе от сознания: «Это я! Я это сделал!» и запоздалого раскаяния: «Какой же правильной обезьяной я был тогда, какой жестокой и бездушной скотиной оказался!»

И до последнего часа будет стучать в моём сердце; «Моя вина! Моя вина!! Моя огромная вина!!!»

СОКРАЩЕНИЯ

ад – артиллерийский дивизион (артдивизион)
АЗСП – армейский запасной стрелковый полк
амп – артиллерийский миномётный полк
ап – артиллерийский полк
а/с – административная служба
АХО – административно-хозяйственный отдел
АХЧ – административно-хозяйственная часть
БК – боекомплект
БМП – батальонный медицинский пункт
б/п – беспартийный
БУ – бывший в употреблении
БФ – Белорусский фронт
ВАД – дорожная служба по обслуживанию военно-автомобильных дорог
в/вр. – военврач
ВВК – Военно-врачебная комиссия
ВГК – Верховное Главное Командование
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков
ВНОС – служба воздушного наблюдения, оповещения и связи
ВП – Военный Прокурор
ВРИО – Временно исполняющий обязанности
ВРИД – Временно исполняющий делами
в/с – ветеринарная служба
ВСУ – Врачебно-Санитарное Управление
ВТ – Военный трибунал
ВТС – военно-техническая служба
в/ч – воинская часть
ГА – гвардейская артиллерия
ГАП – гвардейский артиллерийский полк
ГАУ КА – Главное Артиллерийское Управление Красной Армии
гв. – гвардейский (ая)
ГВА – гвардейская артиллерия
ГВАД – гвардейский артиллерийский дивизион

ГВСД – гвардейская стрелковая дивизия
ГВСК – гвардейский стрелковый корпус
ГВСП – гвардейский стрелковый полк
ГВСУ – Главное Врачебно-Санитарное Управление
ГИУ КА – Главное Интендантское Управление Красной Армии
ГлавПУРККА – Главное Политическое Управление Красной Армии
г – н (а) – господин (а)
ГПУ КА – Главное Политическое Управление Красной Армии
гр-ка – гражданка
ГРУ – Главное Разведывательное Управление
ГСК – горно-стрелковый корпус
ГСМ – горюче-смазочный материал
ГСОВГ – Группа Советских Оккупационных Войск в Германии
ГУК – Главное Управление Кадров
ГШКА – Генеральный штаб Красной Армии
ДВВО – Дальневосточный военный округ
ЖБД – журнал боевых действий
и/с – интендантская служба
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КА – Красная Армия
Кавполк – кавалерийский полк
КП – командный пункт
КПП – контрольно-пропускной пункт
кр-ец – красноармеец
л-т – лейтенант
мл. – младший (в звании мл. лейтенант, младший сержант)
м/с – медицинская служба, медицинская сестра
МСБ – медсанбат
МТО – материально-техническое обеспечение
НКВД – Народный Комиссариат Внутренних дел
НКГБ – Народный Комиссариат Государственной безопасности
НКО – Народный Комиссариат Обороны
НП – наблюдательный пункт
НСДАП – национал-социалистическая немецкая рабочая партия Германии
НСНРП – то же, что и НСДАП
ОВС – отдел вещевого снабжения
ОГСБр – отдельная горно-стрелковая бригада
ОИПТД – отдельный истребительный противотанковый дивизион
ОК – отдел кадров
ОКВ – Верховное главнокомандование вооружённых сил вермахта (главный штаб вооружённых сил)
ОКР – отдел контрразведки
ОКХ – Главное командование сухопутных сил фашистской Германии
ОМСБ – отдельный медико-санитарный батальон

ОО – Особый Отдел
ОПРОС – отдельный полк резерва офицерского состава
ОШБ – отдельный штурмовой батальон
ПВО – противовоздушная оборона войск
ПНШ – помощник начальника штаба
ПО – политотдел
ПОарм – политотдел армии
ПОкор – политотдел корпуса
п/п – полевая почта
ПУ – Политуправление
ПФ – Прибалтийский фронт
ПФЛ – пересыльно-фильтрационный лагерь
ПФО – продовольственно-фуражный отдел
ПФП – проверочно-фильтрационный пункт
ПФС – продовольственно-фуражное снабжение
ПЭП – противоэпидемический полк
РО – разведотдел
РТО – резервный тыловой окоп
СА – штурмовые отряды фашистской Германии
сб – стрелковый батальон
сд – стрелковая дивизия
СД – служба безопасности фашистской Германии
ск – стрелковый корпус
Смерш – «смерть шпионам», военная контрразведка
СНК СССР – Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
сп – стрелковый полк
ср – стрелковая рота
СПП – сортировочно-пересыльный пункт
СС – войска особого назначения фашистской Германии
ст. – старший (в звании ст. лейтенант, ст. сержант)
СЭО – санитарно-эпидемиологический отдел
ТВД – театр военных действий
УА – Ударная армия
УК – Уголовный кодекс
УТ – Управление тыла
УФ – Украинский фронт
ЦГСОВГ – Центральная Группа Советских Оккупационных Войск в Германии
ШТ – шифротелеграмма
Штадив – штаб дивизии
Штакор – штаб корпуса
Штарм – штаб армии
ЭГ – эвакуационный госпиталь

Содержание

Литературно-художественное издание

БОГОМОЛОВ
Владимир Осипович
«ЖИЗНЬ МОЯ,
ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ
МНЕ...»
Роман в документах

Редактор
Н.Б.Мордвинцева
Художественный редактор
Т.Н. Костерина
Технолог
С.С. Басипова
Оператор компьютерной верстки
А.Ю. Бирюков
Корректоры
О.Н. Архипова, Т.В. Малышева

Подписано в печать 20.03.2012
Формат 60x90/16
Тираж 5000 экз.
Заказ № 2286.

Книжный Клуб 36.6
105082, Москва, Бакунинская ул., д. 71, стр. 10
Тел.: +7 (495) 926-45-44
email: club366@club366.ru

Информация в Интернете: www.club366.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14